Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

+ *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.

+ *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.

+ *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.

+ *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter `http://books.google.com` durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

161'
1865

Digitized by Google

Digitized by Google

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. КРАЕВСКИМЪ и С. ДУДЫШКИНЫМЪ.

XVII

ТОМЪ CLXI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).

1865.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
1916

Дозволено цензурою. Санктпетербургъ. 28 іюня 1865 года.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТО-ШЕСТЬДЕСЯТЪ-ПЕРВАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

Стр.

СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛЛІЯ. Повѣсть. (*Окончаніе*). **В. П. Авенаріуса**. 1

ВОПРОСЪ ОБЪ ИСКУСТВѢ. *Статьи третья, четвертая и пятая, послѣдняя.* **Н. И. Соловьева**. . . 58, 416 и 626

ГРАФЪ КАНКРИНЪ И ЕГО ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА ПО ОТНОШЕНІЮ КЪ НАШЕМУ ВРЕМЕНИ. **С. С. Муравьева**. 87

ПЕРЕДЪ ГРОЗОЙ. Романъ изъ американской жизни и нравовъ. Главы III—XIX. . . . . 113, 320, 475 и 656

VERBA NOVISSIMA. Статья **Incognito**. 145

РАЗСКАЗЪ ДВОРЯНКИ. Очеркъ. **С. Зимаровой**. . . . 175

НАША СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ. Замѣтки **Литератора-обывателя**. Главы X—XV. 246

НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ. Романъ **Чарльза Диккенса**. *Книга третья.* Главы VII—X. . . . . 282 и 445

МЫСЛИ ДЖОНА-СТЮАРТА МИЛЛЯ О ПОЗИТИВНОЙ ФИЛОСОФІИ ОГЮСТА КОНТА. **Н. И—ва**. 304

ПРОИСШЕСТВІЯ, КОТОРЫМЪ МОЖНО И НЕ ВѢРИТЬ. Разсказъ. **В. Я. Корнева**. . . . . 349 и 513

ШЕКСПИРЪ ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ. Статья **Incognito**. . . . . 500 . 526

Digitized by Google

Стр.

ПРОРОЧИЦА РАСКОЛЬНИЧЬЯ, Устинья Никифоровна. Изъ острожныхъ. Очеркъ. Главы I—V. **Ѳ. Ливанова**. . . 556

О ПРОСТЫХЪ ТѢЛАХЪ. *Статья первая.* **В. Н. Страхова**. 605

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ. 1 и 243

ОБОЗРѢНІЕ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ. 12, 91, 176 и 256

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. . . . . 30, 75, 147 и 227

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. . . . . 45, 116, 185 и 263

НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ. . . . . 73, 130 и 224

КУРЬОЗЫ. 133

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. **М. И. С.** 285

ДОСТОВѢРНЫЯ СВѢДѢНІЯ О ГОДѢ РОЖДЕНІЯ КАРАМЗИНА. 299

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. **В. В. Крестовскаго**.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛІЯ.

XVII.

И грянулъ бой!

На слѣдующее утро, ясное, солнечное, еще до половины пятаго, всѣ прикосновенные къ предстоящему поединку собрались уже въ столовой пансіона. На вопросъ прислуживавшей имъ служанки: куда господа поднялись такъ рано? былъ согласный отвѣтъ:—In's Grüne.

Передъ окнами дожидались четырехмѣстныя дрожки. Броннъ вынесъ и уложилъ въ нихъ съ осторожностью какую-то длинную вещь, завернутую въ пледъ; затѣмъ не менѣе заботливо помѣстилъ на днѣ экипажа объемистую корзину, изъ которой лукаво выглядывала группа бутылочныхъ горлышекъ.

Укрѣпившись на скорую руку кофеемъ, поднялись въ путь. Въ экипажъ сѣлъ одинъ Броннъ, для охраненія уложенныхъ въ немъ сокровищъ. Остальные слѣдовали пѣшкомъ. Куницынъ не выспался, и потому былъ мраченъ и молчаливъ; впрочемъ, не съ кѣмъ было и говорить ему. Лиза и натуралисты болтали какъ ни въ чемъ ни бывало, такъ что никто изъ встрѣчавшихся имъ экскурсіантовъ не могъ въ нихъ заподозрить траурную процесію къ лобному мѣсту.

За малымъ Ругеномъ, на краю опушки, дрожки остановились. Выскочивъ изъ нихъ, Броннъ велѣлъ кучеру обождать, передалъ Александру плэдъ съ завернутыми въ него таинственными вещами, самъ завладѣлъ завѣтною корзиною и, ставъ во главѣ собранія, углубился въ чащу. Вскорѣ открылась передъ ними небольшая лужайка, замкнутая кругомъ высокими деревьями. Солнце обливало свѣжую мураву своимъ полнымъ свѣтомъ и играло тамъ и

Digitized by Google

самъ въ невысохшихъ брызгахъ утренней росы. Изъ чащи вѣяло прохладой и сыростью.

Секунданты развернули пледы, и обнаружились четыре блестящихъ лезвія.

— Сюртуки долой! скомандовалъ Броннъ.

— Да вы развѣ не видите, что съ нами дѣвица? возразилъ Куницынъ.

— Пожалуйста, не женируйтесь, вмѣшалась Лиза:—я не такъ мелочна, чтобы показывать наивный видъ, будто не знаю, что мужчины являются на свѣтъ не въ платьяхъ, и боюсь, что скинувъ ихъ, они сдерутъ съ себя живьемъ кожу.

— А въ такомъ случаѣ я съ моимъ удовольствіемъ, сказалъ правовѣдъ, слѣдуя примѣру противника, который уже сбросилъ съ себя верхнее платье.— J'ai oublié, que vous êtes materialiste.

Секунданты вымѣривали между тѣмъ длину оружій.

— Приблизительно одного калибра, сказалъ корпорентъ.—Выбирайте, господа.

Противники взяли по эспадрону, секунданты также.

— Брррр, какой морозъ, замѣтилъ Левъ, становясь въ позицію.—Хорошо еще, что я въ однихъ рукавахъ, а то можно было бы подумать, что я трушу.

Презрительная улыбка пробѣжала по лицу Куницына; но, воздерживаясь отъ всякаго замѣчанія, онъ поправилъ лишь въ глазу стеклышко.

— Что же, господа, спросила Лиза: — такъ въ шляпахъ вы и деретесь?

— Оно практичнѣе, отвѣчалъ Левъ: — солнце не мѣшаетъ, и тумаки по головѣ не будутъ такъ ощутительны. Одно условіе, милый мой, обратился онъ къ противнику:—тебѣ, конечно, тоже не особенно желательно остаться безъ носа, безъ уха — некрасиво, знаешь; такъ я предлагаю, не бить въ лицо. Хочешь?

Куницынъ опять усмѣхнулся:—жаль вамъ своей смазливой рожицы? Пожалуй, такъ и быть, не трону.

— Я не нуждаюсь вовсе въ твоемъ великодушіи, отвѣчалъ холодно Левъ. — Кому изъ насъ двоихъ, тебѣ или мнѣ, дороже его смазливая рожа—подлежитъ еще сомнѣнію; разница между нами только та, что я откровеннѣе и высказалъ обоюдную задушевную мысль. Впрочемъ, если хочешь, я отсѣку тебѣ носъ; что я дерусь недурно, подтвердитъ тебѣ Александръ.

— Да вѣдь я же говорю вамъ, что не имѣю ничего противъ

Digitized by Google

вашего предложенія. Вы хотите только выиграть время; начинайте.

Оружія враговъ скрестились. Секунданты стали каждый за своимъ дуэлянтомъ, готовые предупредить вооруженною рукою всякій «незаконный» ударъ противной стороны. Лиза, въ ожиданіи предстоящаго зрѣлища, расположилась на ближнемъ древесномъ пнѣ.

— Los! скомандовалъ корпорентъ.

Куницынъ быстро отдѣлилъ эспадронъ отъ непріятельскаго лезвія и ударилъ приму. Левъ спокойно и ловко отвелъ ударъ. Правовѣдъ замахнулся квартой — и та была отбита. Посыпался еще рядъ меткихъ ударовъ, отпарированныхъ съ тѣмъ же искусствомъ. Куницынъ заносится опять квартой; Левъ парируетъ намѣренно слабо, вражеское лезвіе соскальзываетъ къ нему на грудь—и на бѣлоснѣжной рубашкѣ его, ровно посрединѣ груди, выступаетъ явственная красная полоска. Раненый отскакиваетъ два шага назадъ и опускаетъ оружіе: — Es sitzt!

— Это вы, какъ секундантъ побѣдителя, должны были закричать: «Es sitzt», замѣчаетъ Александру наставительно корпорентъ.

— На слѣдующій разъ не премину. Но теперь не до того: гдѣ у насъ пластырь?

Правовѣдъ, подобно другимъ, хлопоталъ около своего побѣжденнаго противника.

— Я надѣюсь, что ты раненъ не опасно? спрашивалъ онъ заботливо, съ великодушіемъ побѣдителя.

— По крайней мѣрѣ не смертельно, отвѣчалъ съ улыбкою поэтъ, пожимая ему съ теплотою руку.— Однако, чортъ возьми, кусается! прибавилъ онъ, растегивая запонку рубашки и распахивая грудь. Лиза даже ахнула: поперегъ груди зіяла довольно широкая рана длиною вершка въ два; кровь ручьемъ бѣжала изъ нея. Броннъ выхватилъ свертокъ пластыря и ножницы изъ рукъ Александра и началъ вымѣривать рану.

— Господа, отойдите, дѣло мастера боится. Вотъ еслибъ вы, сударыня, достали воды, чтобъ обмыть рану; тамъ, въ корзинѣ, между пивными бутылками, припасена одна и съ водой...

Лиза поспѣшила исполнить порученіе.

Александръ между тѣмъ отвелъ своего дуэлянта въ сторону.

— Не покончить ли намъ? Дѣло, какъ оказывается, не совсѣмъ безопасное. Кровожадность ваша утолена, цѣль достигнута — was willst du, mein Liebchen, noch mehr?

Digitized by Google

Правовѣдъ прищурился.

— А это Ластовъ проситъ черезъ васъ прекратить дуэль?

— Нѣтъ, я отъ себя. Но я не вижу, къ чему проливать лишнюю кровь? Она еще пригодится. Вѣдь можетъ же случиться на бѣду, что на слѣдующій разъ ранятъ васъ?

Куницынъ призадумался.—Такъ и быть!

Онъ направился къ перевязочному пункту. Тамъ молодой операторъ, наклеивая пластырь на рану поэта, задавалъ сему послѣднему серьёзную распеканцію.

— Экая рана, подумаешь! Баснословно! Признайтесь-ка откровенно, что послѣдняя ваша парада была скандалёзна, изъ рукъ вонъ плоха?

— Чистосердечно каюсь! отвѣчалъ весело пацiентъ.—Лизавета Николавна, сдѣлайте одолженіе, налейте мнѣ vom edlen Gerstensaft; потеря крови ослабила меня.

— Вы дѣйствительно блѣднѣе обыкновеннаго, сказала посредница, наклоняясь къ завѣтной корзинѣ, исполнить желаніе поэта.

— Что вы? не давайте! остановилъ ее Броннъ:—недостоинъ. Вы, господинъ Ластовъ, кажется, забываете, что обѣщались посвятить одну стычку и мнѣ.

— Вотъ слѣдующую деруcь за васъ. Только сами посудите, какъ же драться хорошенько, когда вы отказываете даже въ крѣпительномъ напиткѣ Гамбринуса?

— Ну, Господь съ вами. Сударыня, налейте ему Шопёна. Такъ смотрите жь, не ударьте лицомъ въ грязь.

— Если тебѣ очень хочется, Ластовъ, сказалъ подошедшій въ это время Куницынъ:—то пожалуй перестанемъ; я не настаиваю непремѣнно на продолженіи rencontre'a.

Левъ взглянулъ на своего секунданта и покачалъ отрицательно головой.

— Нѣтъ, не могу. Долгъ платежомъ красенъ.

— Что я вамъ говорилъ? отнесся къ правовѣду Александръ:—еще рьянѣе васъ. Но я все-таки не понимаю тебя, Левъ? Самъ же ты говорилъ вчера...

— То вчера; сегодня обстоятельства измѣнились. Повремените, господа: расклеился, такъ не сейчасъ и склеить. Wird's bald, Herr Leib-und Magenflicker?

— 's ist schon, отвѣчалъ хирургъ, окончательно нажимая платкомъ края пластыря.

Digitized by Google

Лива подала обоимъ по кружкѣ пѣнистаго пива.

— Александръ Александрычъ, желаете?

— Позвольте.

Куницынъ отказался. Трое университетскихъ чокнулись кружками и потомъ опорожнили ихъ разомъ.

— А! силы возвращаются, сказалъ Левъ: — aux armes, citoyens!

Враги и сподвижники ихъ стали опять въ позицію. Стиснувъ съ рѣшительностью зубы, Куницынъ, не дожидаясь условнаго «Los!», выпалъ убійственной секундой. Левъ предвидѣлъ ударъ и, отпарировавъ его съ силой, отвѣтилъ въ свою очередь легкой квартой. Правовѣдъ дрался недурно и отбилъ ее по всѣмъ правиламъ фехтовальной школы. Упало съ той и съ другой стороны еще нѣсколько ударовъ. Но тогда какъ правовѣдъ приходилъ все въ большій азартъ, и каждый ударъ его имѣлъ явною цѣлію чувствительно поразить противника, этотъ послѣдній отбивался играючи, словно тросточкой отъ стаи мухъ, и если самъ наносилъ иногда ударъ, то такъ легко, что Куницынъ, при всей своей горячности, могъ отпарировать его. Около пяти минутъ уже длилась битва — ни съ той, ни съ другой стороны не было ни царапины.

— Что жь вы наконецъ? шепнулъ за спиною Льва нетерпѣливый голосъ. — Вы забываете, что деретесь за меня.

— Смотрите жь, отвѣчалъ Левъ. — Это за моего секунданта!

И, привскочивъ на аршинъ отъ земли, онъ ударилъ сильнѣйшую приму черезъ голову и затылокъ противника. Шляпа упала съ головы правовѣда, и гибкое непріятельское лезвіе со свистомъ проѣхалось по его спинѣ.

— Ай! невольно вскрикнулъ онъ, поднося къ губамъ лѣвую руку. Онъ держалъ ее, впродолженіе всего боя, какъ слѣдуетъ, за спиною, и эспадронъ Льва, хлыснувъ его по спинѣ, избороздилъ и ладонь этой руки его.

— Das sitzt! поспѣшилъ возгласить Александръ, чтобы загладить прежнюю оплошность.

— Опять невпопадъ! замѣтилъ съ укоризной Броннъ: — теперь вашъ же дуэлантъ раненъ, а вы, вмѣсто того, чтобы отстаивать его, говорить, что это пустяки, что нѣтъ никакой раны, первые же кричите: «Es sitzt»!

Закусивъ отъ боли и негодованія губу, правовѣдъ обвертывалъ платкомъ пораженную руку.

Digitized by Google

— Да покажите же, баснословный вы господинъ, сказалъ Броннъ: — можетъ быть, лучше наложить кусочекъ пластыря.

Правовѣдъ распуталъ повязку и показалъ ладонь. Поперекъ ея, отъ одного конца до другаго, тянулся легкій шрамъ, изъ котораго въ нѣсколькихъ мѣстахъ выступали крупныя капли крови.

— Вишь, тоже красная, замѣтилъ иронически Броннъ: — я всегда слышалъ, что у аристократовъ она синяя. Господинъ Змѣинъ, потрудитесь залѣпить эту бездѣлицу. Вы секундантъ, а не заботитесь о благосостояніи своего дуэлянта.

— Не забочусь? отвѣчалъ съ важностію Александръ.—Вы думаете, это у него единственная рана? Нетъ Куницынъ, извольте показать спину. — Онъ повернулъ правовѣда около оси. — Нѣтъ, что-то не видать; должно быть, одни синяки, рубашка цѣла. А я такъ и думалъ, что распадетесь пополамъ—такъ звонко свистнуло.

— Пожалуйста, приберегите ваши остроты для другихъ, отвѣчалъ раздраженнымъ голосомъ Куницынъ.

— Ну, батенька, удружили! говорилъ корпорентъ, ударяя по плечу поэта. — Никогда, ей-ей, ничего подобнаго не видывалъ. Это вѣдь вы за меня? ха, ха! молодчина! Теперь выпивайте хоть весь запасъ пива — не осерчаю. Знаете, мнѣ хотѣлось бы выпить съ вами брудершафтъ? давайте, а?

— Съ удовольствіемъ. Лизавета Николавна, позвольте-ка намъ еще по шопену.

Лиза подала имъ по бутылкѣ.

— Можете и такъ. Не думала я, что низойду на степень маркитантки.

Продѣвъ руки, какъ должно, одну подъ другую, молодые люди выпили каждый свою бутылку и поцаловались потомъ три раза.

— Вотъ такъ! сказалъ Броннъ. — Теперь, значитъ, на *ты*? Какъ-то баснословно-отрадно, знаешь: есть около тебя братская душа.

— До свадьбы заживетъ, говорилъ Александръ, окончивъ операцію бинтованія руки правовѣда.—Теперь, я надѣюсь, вы удовлетворены? Можно, наконецъ, домой.

— Менѣе, чѣмъ когда-либо... отвѣчалъ мрачно и отрывисто Куницынъ, котораго видимо подмывала мысль о понесенномъ имъ унизительномъ пораженіи.

— Не перестать ли намъ? предложилъ и подошедшій въ это время Левъ. — Я съ своей стороны не имѣю уже большой охоты драться.

Digitized by Google

— А! струсили; теперь поздно. Была предложена честь — отказались; узнайте же, что̀ значитъ шутить со мной! Назначено четыре coups, было всего два, слѣдовательно, я имѣю полное право требовать отъ васъ продолженія дуэли. Берите же шпагу и не тратьте лишнихъ словъ.

— А какъ знаете, отвѣчалъ Левъ, поднимая съ земли эспадронъ.

И бой возобновился. Но эта стычка прекратилась еще скорѣе предъидущихъ.

— Вамъ жаль своей физіономіи, такъ вотъ же вамъ! вскричалъ разгоряченный правовѣдъ и, замахнувшись квартой, тутъ же перемѣнилъ направленіе оружія въ секунду, чтобы, обманувъ такимъ образомъ противника, нанести ему полный ударъ въ щеку. Левъ вспылилъ и отбилъ злонамѣренный ударъ со всей энергіей. Но парада эта была такъ сильна, что эспадронъ Куницына отлетѣлъ далеко въ сторону, а лезвіе вражескаго оружія, неудержимаго въ своемъ стремленіи, вонзилось въ его распростертую руку, нѣсколько выше кисти. Кровь бойкимъ фонтаномъ забила изъ свѣжей раны.

— Das sitzt! рѣшилъ Броннъ и бросился за водой и пластыремъ.

Всѣ столпились вкругъ пораженнаго, и Лиза поспѣшила обвернуть ему руку собственной косынкой.

— Кажется, артерію захватило, замѣтила она съ видомъ знатока.

— Извини, голубчикъ Куницынъ, пожалуйста не сердись, умолялъ перепуганный Левъ: — право, невзначай.

Раненый хотѣлъ что-то отвѣтить, но вдругъ закрылъ глаза, опустилъ голову и пошатнулся: съ нимъ сдѣлалось дурно. Его схватили подъ руки. Возвратившійся съ необходимыми врачебными средствами корпорантъ вылилъ ему на голову полбутылки воды, и когда больной очнулся, то принялся за необходимыя омовенія и заклеиванія, перевязалъ ему руку нѣсколькими платками и, накинувъ ему на плеча плэдъ (по случаю забинтованныхъ рукъ нельзя было надѣть на него верхнее платье), рѣшилъ: — Домой.

Никто не думалъ возражать.

Левъ хотѣлъ-было повесть своего врага-инвалида подъ руку, но тотъ высвободился и отвернулся.

— Оставьте... Мы съ вами еще раздѣлаемся...

— Оставь его на мое попеченіе, другъ Leo Leonis, сказалъ

Digitized by Google

Броннъ: — помоги лучше господину Змѣину подобрать воинскія принадлежности съ поля битвы. Вотъ если г-жа студентка не откажется отвесть его со мною въ дрожкамъ...

— Ахъ, нѣтъ, зачѣмъ же, я и самъ... проговорилъ правовѣдъ, оправляясь, но тутъ же опять пошатнулся, такъ-что спутники должны были поддержать его. Онъ съ горечью улыбнулся. — Нѣтъ, что-то не того... нейдетъ... Я чувствую, что дѣло плохо... У меня, Лизавета Николавна, есть къ вамъ просьба: еслибы я не пережилъ своей раны, то скажите вашей сестрицѣ, чтобы она принесла цвѣтовъ на мою могилу.

Лиза расхохоталась. — Ну, вы еще не совсѣмъ безнадежны; потеря крови настроила васъ элегично.

— Напрасно вы его утѣшаете, вздохнулъ Броннъ: — дѣла уже не поправить: дома ждетъ насъ баснословный завтракъ въ честь примиренія, а господину Куницыну въ настоящемъ его положеніи едва-ли можно выпить основательно. Нѣтъ, сударь, я отъ души соболѣзную о васъ.

Пока Левъ одѣвался, Александръ завернулъ въ плэдъ эспадроны и подобралъ пустыя бутылки и кружки, разбросанныя по лужайкѣ; Левъ перебросилъ черезъ плечо платья Куницына, и они отправились за другими.

— Ты напоминаешь мнѣ лошадь въ баснѣ, усмѣхнулся Александръ. — Помнишь: гордый, статный конь потѣшался надъ уродомъ осломъ. Когда же съ осла содрали шкуру, то надменнаго же коня покрыли ею.

Левъ, занятый серьёзными мыслями, не отвѣчалъ.

— Что если я его ранилъ опасно? проговорилъ онъ.

— Едвали. Обморокъ сдѣлался съ нимъ по слабой натурѣ. Но я очень радъ, что онъ наказанъ: не рой другимъ ямы; зачѣмъ не удовольствовался первымъ дебютомъ.

XVIII.

Судьба улыбается Моничкѣ.

Случай съ Куницынымъ не произвелъ въ пансіонѣ R. никакого шума. Лица, участвовавшія въ вышеописанной маленькой драмѣ, понятнымъ образомъ, умолчали объ ней; по отрывочнымъ же даннымъ, никто не хотѣлъ, да и не думалъ доискиваться до истины.

Digitized by Google

Когда около 8-го часу пансіонеры, сидѣвшіе въ столовой за утреннимъ кофеемъ, завидѣли въ окошко медленно подъѣзжающія дрожки, и съ трудомъ вылѣзающаго оттуда, завернутаго въ плэдъ правовѣда, кто-то изъ нихъ обратился къ входящему въ это время Александру, съ вопросомъ:

— Что, скажите, съ вашимъ соотечественникомъ?

— Да такъ, ушибся маленько, объяснилъ Александръ.

— Гдѣ жь это? упалъ, что ли?

— Н-да. Собрались мы, видите, спозаранку на Ругенъ, со всякимъ провіантомъ, чтобы позавтракать на вольномъ воздухѣ, въ зелени. Были съ нами барышни, а барышни, сами знаете, какой народъ: какъ забьютъ себѣ что въ голову, никакой палкой не выбьешь. Вздумалось же одной изъ нихъ владѣть цвѣткомъ, который росъ надъ обрывомъ: достань ей, да достань, чудно, должно быть, пахнетъ. Ну-съ, соотечественникъ нашъ, воплощенная рыцарская натура, и пошелъ доставать. Какъ сталъ онъ нагибаться, земля подъ нимъ трахъ, и совершилъ онъ кувырколѣніе.

— Скажите! И больно разшибся?

— Да, кажется, есть-таки. Въ особенности пострадали руки, потому что онъ брякнулся на четвереньки.

— А цвѣтокъ-то что жь? вмѣшалась наивная нѣмочка.

— На счетъ него можете быть-спокойны: хотя онъ и слетѣлъ также внизъ, но остался невредимъ и доставленъ по принадлежности.

— Doch die Katze, die Katz ist gerettet!

подхватилъ весело входящій въ это время Броннъ.

— Вотъ молодость! замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ, сухой старичокъ.—Впередъ поостережется. И со мною, признаться, случился въ юности подобный же пассажъ...

И обществу пришлось nolens-volens выслушать «подобный же пассажъ». Тѣмъ и кончились толки о Куницынѣ.

Врачъ, призванный къ больному, осмотрѣлъ его руку, успѣвшую уже порядкомъ опухнуть, чуть замѣтно улыбнулся на объясненіе: что «занозился, молъ, объ острій камень», и прописалъ ледяныя примочки.

— На молчаливость мою вы можете положиться, отозвался онъ, лукаво прищурясь на просьбу больнаго говорить о его случаѣ какъ можно менѣе:—кому какое дѣло, къ какому разряду минеральнаго царства принадлежитъ злополучный камень, о ко-

Digitized by Google

торый вы занозились: у всякаго смертнаго свои камни преткновенія.

И надо отдать честь прозорливому сыну Эскулапа: онъ свято сдержалъ свое обѣщаніе, хотя, быть можетъ, тому содѣйствовало и немаловажное повышеніе завизитной платы.

Если мы сказали, что никто изъ постороннихъ въ пансіонѣ R. лицъ не извѣстился объ истинномъ ходѣ дѣла, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что вообще никто, кромѣ дѣйствующихъ лицъ, не узналъ о поединкѣ: было еще два не совсѣмъ постороннихъ лица: Моничка и Наденька, которыя вскорѣ также сдѣлались соучастницами въ тайнѣ. Чутье влюбленныхъ, какъ извѣстно, почти такъ же тонко, какъ у лягавыхъ собакъ, и потому какъ только передали Моничкѣ эпизодъ о паденіи правовѣда со скалы, она мигомъ смекнула, что тутъ что-то неладно, есть какая-то несообразность. Она обратилась сначала къ Лизѣ, не скрывать отъ нея ничего; когда же та повторила ей сказку Александра, земля загорѣлась подъ ногами бѣдной влюбленной, и, съ рѣшимостью «d'une fille complétement émancipée», она кинулась въ комнату возлюбленнаго. На стукъ ея въ дверь послышалось обычное «Herein!», и, съ самосознаніемъ поднявъ голову, она послѣдовала призыву.

Больной полулежалъ на диванѣ, подпертый съ боковъ подушками. На полу передъ нимъ сидѣла горничная и прикладывала ледъ къ рукѣ его, распростертой на стулѣ.

— Pardon, если я вхожу къ вамъ такъ, sans façons, начала скороговоркой Моничка:—но я слышала о вашемъ malheur'ѣ...

— Не знаю, какъ выразить вамъ мою признательность, отвѣчалъ, приподнимаясь съ подушекъ, правовѣдъ:—вы—первая, навѣщающая меня въ моемъ isolement. Я бы подалъ вамъ стулъ, да видите — не въ состояніи, Прометей прикованный къ скалѣ. Anna, bringen Sie doch dem Fräulein einen Stuhl.

— Nein, nein, lassen Sie sich nicht stören, предупредила барышня служанку, собиравшуюся уже исполнить приказаніе молодого человѣка.—Прислуга здѣшняя понимаетъ пофранцузски, такъ поневолѣ приходится говорить порусски, продолжала она, усаживаясь противъ изголовья правовѣда.—Васъ ранили, m-r Куницынъ, ранили въ дуэли, пожалуйста не отпирайтесь, не повторяйте этой невѣроятной исторіи о паденіи d'un rocher.

— Гм, чѣмъ же она невѣроятна?

Digitized by Google

— Да всѣмъ. Вопервыхъ, съ какой стати вставать вамъ въ пять часовъ, когда ни Наденька, ни я не были de cette partie de plaisir?...

— Et puis?

— Puis—вѣдь съ вами не было другихъ дамъ, какъ Лиза?

— Нѣтъ.

— Такъ вообразимо ли, что Лиза, эта отъявленная флегматка и прозаистка, захотѣла такъ понюхать какой нибудь цвѣтокъ? Нѣтъ, не скрытничайте, у васъ былъ rencontre, и я знаю даже, съ кѣмъ.

— Съ кѣмъ же?

— Да съ этимъ противнымъ Ластовымъ.

— Напрасно было бы, m-lle, скрывать отъ васъ истину; вы такъ проницательны...

— Ага, сознались... Анна, вы, я вижу, устали, обратилась она къ горничной понѣмецки:—дайте-ка, я замѣню васъ; послѣ можете воротиться.

Куницынъ съ благодарностью преклонилъ голову.

— Вы слишкомъ любезны, m-lle. Съ моей стороны было бы верхомъ безумства отказаться отъ такой чести. Anna, thun Sie, wie das Fräulein sagt.

Служанка посмотрѣла съ недоумѣніемъ на каждаго изъ нихъ, потомъ встала и, проговоривъ:—Wie Sie befehlen, сдѣлала книксъ и вышла.

Моничка присѣла на ея мѣсто и взяла въ руку кусокъ льду.—Ah, c'est bien froid.

— Видите; откажитесь-ка лучше отъ роли сестры милосердія, которую взяли на себя въ порывѣ великодушія, возразилъ по-французски же правовѣдъ.

— Ахъ, нѣтъ, какъ же можно. Вамъ, я думаю, еще холоднѣе, на пылающую-то рану. Еслибъ вы знали, какъ я зла теперь на этого гадкаго университанта...

— Вы не думайте, m-lle, что раненъ одинъ я, о нѣтъ! Какъ я изрѣзалъ ему грудь!

— Да? Это приятно съ вашей стороны! Вѣдь онъ, я думаю, страшный трусъ; вѣрно, отказывался сначала драться.

— Да, то-есть онъ ни за что не соглашался на пистолеты: на шпагахъ, говоритъ, не такъ опасно. Хе, хе!

— Ахъ, какой стыдъ! И вы же поплатились? Послѣ этого я его нетолько ненавижу—я его презираю! Попадается мнѣ сейчасъ на лѣстницѣ и свищетъ себѣ во всеуслышанье, какъ ни въ чемъ не бывало—точно извощикъ! мужикъ этакій... Вѣрно пойдетъ еще

Digitized by Google

хвастаться передъ Наденькой, что побѣдилъ васъ; а она, дурочка, влюбленная въ него какъ курица, какъ разъ и повѣритъ! Она не въ состояніи постичь все благородство вашего поступка... вѣдь вы за тотъ поцалуй...?

— Ьхм!

— Ну, вотъ; а она, я увѣрена, не рѣшится даже заглянуть къ вамъ, хоть бы изъ признательности: маленькія дѣвочки считаютъ это неприличнымъ!

Больной посмотрѣлъ на свою самаритянку благодарными глазами.

— А вы не сочли этого неприличнымъ? Знаете ли, m-lle, что вы въ нѣкоторомъ родѣ ангелъ? Позвольте поцаловать вамъ ручку, ей-богу отъ чистаго сердца.

Моничка просіяла.

— Слѣдовало бы отказать; но какъ вы больны, а больнымъ не велятъ отказывать въ ихъ желаніяхъ...

И маленькая, изящная ручка была поднесена къ губамъ правовѣда; тѣ крѣпко прильнули къ ней.

— Ну, довольно, m-r Куницынъ, довольно...

А сама не отнимала ея.

— Вотъ такъ, благодарю васъ, сказалъ онъ. — Мы говорили о вашей кузинѣ. Повѣрите ли, когда я восхвалялъ ей Парижъ, она—что бы вы думали? пожала плечами.

— Ну, да, ребёнокъ, я вѣдь говорила—ребёнокъ; гдѣ же ей! Ахъ, m-r Куницынъ, вѣдь дивно должно быть въ Парижѣ? Какъ я завидую вамъ и всѣмъ, побывавшимъ тамъ.

— Да, недурная мѣстность, весьма и весьма изрядная; имѣете полное право завидовать. Вся атмосфера Парижа пропитана какимъ-то живительнымъ элексиромъ; вдыхая ее, замѣтно перерождаешься, дѣлаешься чѣмъ-то лучшимъ, высшимъ. Каждая малость, каждое такъ сказать дрянцо носитъ на себѣ отпечатокъ цивилизованности. Хоть бы гарсоны въ отели. Я останавливался послѣдній разъ въ Hôtel de Louvre; такъ моего гарсона звали не Захаромъ или Никифоромъ, а Альфонсомъ! Вотъ имячко, такъ имячко!

— Ахъ, да, какое музыкальное. Такъ и напоминаетъ: Alphonse Karr!

— Именно. Въ своемъ франтовскомъ фракѣ, снѣжно-бѣломъ галстухѣ онъ не уступалъ въ граціи любому comme-il-faut, а чисто-французскій выговоръ, а выраженья... Не «papillon», а «papiyon»! прелесть! Я даже боялся заговаривать съ нимъ, долженъ былъ обдумывать каждое слово, чтобы не срѣзаться. Меж-

Digitized by Google

ду тѣмъ я, какъ вы вѣроятно замѣчаете, изъясняюсь по-французски не очень-то дурно?

— Вы говорите упоительно, безподобно, m-r Куницынъ.

— А то возьмите прачку, продолжалъ онъ: — простую прачку. Ну, что такое въ сравненьи съ нею наша доморощенная Матрена, Марья? толстая, неповоротливая! Ее и назвать-то нельзя иначе, какъ Матреной. А тутъ — стучатся къ вамъ въ дверь (уже по одному стуку вы угадываете благовоспитанную ручку), вы приглашаете: «Entrez», и влетаетъ къ вамъ легкая, какъ зефиръ, граціозная вторая Тальони. Вы недоумѣваете: кто это? въ самомъ ли дѣлѣ не болѣе какъ прачка, или одна изъ гордыхъ фей окрестностей Лувра?

— И вѣрно кокетничали съ нею? перебила Моничка. — Фи, съ прачкой! Какъ она тамъ ни будь граціозна—все прачка.

— А, нѣтъ. Вы узнайте сначала, что значитъ такая француженка-прачка, а потомъ и судите. Вамъ не приходилось до настоящаго времени видѣть другихъ прачекъ, какъ русскихъ или чухоновъ, а это не то, я вамъ говорю, совсѣмъ не то. Правда, хорошенькихъ въ полномъ смыслѣ слова между француженками и не ищи; напримѣръ такихъ, какъ вы, положительно — нѣтъ...

— Вы льстите!

— Нѣтъ, серьёзно. Но лица у нихъ всегда необыкновенно выразительны, и какой вкусъ въ нарядахъ, какія манеры...

— Ну, хорошо, оставьте въ покоѣ своихъ прачекъ, и разскажите что нибудь про самую жизнь въ Парижѣ.

— Н-да, что до жизни, то можно безъ преувеличенія сказать, что только французы раскусили эту замысловатую дилемму. Прохаживаетесь вы по итальянскому бульвару, а народъ вамъ на встрѣчу—не идетъ, нѣтъ—прыгаетъ, порхаетъ, поетъ, хохочетъ. «Мы живемъ для наслажденія», читаете вы на этихъ беззаботныхъ, довольныхъ лицахъ: «бери примѣръ съ насъ, о странникъ, и будешь счастливъ». И какъ умно они умѣли воспользоваться всѣми усовершенствованіями по части жизненнаго комфорта, чтобы превратить свой прелестный Парижъ въ восьмое чудо міра, въ настоящій сказочный замокъ Шехеразады. Это я называю цивилизаціей. Недаромъ величаютъ они себя «la grande nation». Вокругъ васъ только роскошь и блескъ, жизнь и наслажденіе. Чего стоитъ одинъ обѣдъ у *Trois Frères-Provençaux!* Насладись и умри! какъ сказалъ Прудонъ. Я всегда съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю одинъ случай... было оно тамъ же, у *Frères-*

Digitized by Google

Provençaux. Подаютъ мнѣ бутылку вина. Не глядя на ярлыкъ, наливаю стаканъ, пробую. «Lacrymae Christi», говорю гарсону. «Точно такъ», подтверждаетъ онъ, кланяясь съ знаками уваженія. Пью еще: «48-го года», рѣшаю опять. Человѣкъ даже ахнулъ отъ удивленія: вино было дѣйствительно 48-го года.

— Скажите! изумилась Моничка.

— Можете представить, какъ я самъ-то обрадовался. Но, само собою, узнавать вино можно только въ неиспорченномъ видѣ... Когда-то наша бѣдная Россія достигнетъ хоть тѣни всего этого!

— Ахъ, m-r Куницынъ, и не упоминайте объ ней!

— А театры? a Mabile, Closerie de Lilas, Château de fleurs?

Tant qu'on le pourra, larirette,
On se damnera, larira.
Tant qu'on le pourra,
L'on trinquera,
Chantera,
Aimera
La fillette.
Tant qu'on le pourra, larirette,
On se damnera, larira.

— Ventre-saint-gris, вотъ такъ жизнь.

— Вы, милый мой, разсказываете такъ увлекательно, что взяла бы да полетѣла туда. Что жь это наши сидятъ въ этой скучной Швейцаріи!

— И все это у нихъ въ колосальныхъ размѣрахъ, продолжалъ повѣствователь, довольный уже тѣмъ, что нашелъ внимательную слушательницу: — всякая бездѣлушка бьетъ въ глаза. Идете вы примѣрно по Пале-Роялю—въ окнахъ магазиновъ только бархатъ да золото, золото да бархатъ. Все, что̀ есть у нихъ лучшаго, все у нихъ на показъ. Если бы можно было, то хорошенькія продавицы и свои очаровательныя личики выкладывали бы на окна. И такъ, я говорю, все въ колосальныхъ размѣрахъ: лежитъ, напримѣръ, груда-не-груда—цѣлая гора брелоковъ для часовъ, микроскопическихъ какихъ нибудь биноклей, а посмотрите въ такой бинокль, увидите прелюбопытную фотографію. Вотъ и у моихъ часовъ, какъ видите, привѣшана такая штучка.

— Можно взглянуть?

— Да вы, пожалуй, разсердитесь.

— Такъ что-нибудь нехорошее?

— Напротивъ, очень хорошее; а впрочемъ—какъ знаете.

Моничка отцѣпила часы отъ жилетки молодаго денди и под-

Digitized by Google

несла привѣшанную къ цѣпочкѣ крошечную зрительную трубку къ глазу.

— Ахъ, какой вы! пролепетала она, вспыхнувъ и быстро опуская часы съ завѣтнымъ брелокомъ.

— Ха, ха, ха! смѣялся правовѣдъ:—что жь въ этомъ дурнаго? вѣдь и себя же вы видите иногда въ подобномъ туалетѣ. Никто не родится въ платьяхъ.

Опустивъ личико, чтобы не разсмѣяться, Моничка вложила часы обратно въ жилетку ихъ владѣльца и, закусивъ губу, принялась вновь съ усердіемъ прикладывать ледъ къ рукѣ его.

— Есть, правда, одна слабость у французовъ, заговорилъ опять Куницынъ: — они не очень опрятны тамъ, гдѣ этой опрятности нельзя сразу замѣтить. Встрѣчается вамъ, напримѣръ, барыня, разодѣтая въ пухъ и въ прахъ. Вы опять недоумѣваете: прачка или герцогиня? Но тутъ порывомъ вѣтра поднимается рукавъ ея — нѣтъ, видно не прачка, а герцогиня: вашему взору открывается рукавчикъ, давно жаждущій капитальной стирки. Но эту слабость, по моему, надо вмѣнять имъ еще въ достоинство, потому что, пренебрегая невидимыми частями своего туалета, они тѣмъ тщательнѣе могутъ заниматься своей внѣшностью, для достиженія въ ней того совершенства, которымъ мы, русскіе, можемъ только любоваться, но до котораго намъ далеко, какъ до неба.

Такъ ораторствовалъ правовѣдъ, а Моничка благоговѣйно внимала ему, прикладывая ему съ самоотверженіемъ истинной сестры милосердія ледъ къ больной рукѣ, хотя пальчики ея, сперва покраснѣвъ, потомъ посинѣвъ, и окостенѣли уже отъ холода.

XIX.

Три примиренія.

Утро. Поэтъ сидитъ въ своей комнатѣ за столомъ, передъ открытымъ окномъ. Склонившись головою на лѣвую руку, заглядывается онъ мечтательно на снѣжную, облитую солнечными лучами Юнгфрау. Въ правой рукѣ у него перо, подъ рукою—бумага, испещренная гіероглифами, зачеркнутыми, перечеркнутыми и иногда опять возобновленными рядомъ точекъ снизу. Тутъ выведена особенно старательно, съ замысловатыми завитушками, одна какая нибудь буква, тамъ набросанъ очеркъ человѣческой или лошадиной головы. Поэтъ бесѣдуетъ съ Музой.

Digitized by Google

— Herr Lastow... раздался за спиною его робкій голосъ.

Поэтъ не слышитъ: онъ нашелъ требуемую риѳму, склоняется надъ бумагой и, какъ-бы опасаясь, чтобы стихъ не выскользнулъ у него угремъ изъ рукъ, торопливо набрасываетъ четыре строчки. Затѣмъ, съ самодовольнымъ спокойствіемъ, перечитываетъ вполголоса написанное.

— Herr Lastow! повторилъ громче голосъ.

Левъ оглянулся. Въ дверяхъ стояла Мари, блѣдная, убитая. Онъ подошелъ къ ней и поднялъ ея подбородокъ.

— Что̀ съ тобою, милая?

Дѣвушка раскрыла дрожащія губы, хотѣла что-то отвѣтить и, не произнеся ни слова, отвернулась. Поэтъ находился въ самомъ пріятномъ расположеніи духа: удачно найденный стихъ развеселилъ его; ему стало жаль дѣвушки.

— Обидѣлъ тебя кто? Скажи—я накажу его.

Мари взглянула на него: въ темно-бархатныхъ глазахъ ея плавали слезы. Она силилась улыбнуться.

— Такъ накажите себя самаго! Удивляетъ меня только, какъ вы и теперь не вздыхаете у ногъ своей обожаемой.

— Такъ ты знаешь...?

— Что вы цаловались съ ней? какъ не знать! Она сама же разсказала мнѣ...

— Сама?

— Не знала кому повѣдать свое горе, и выбрала меня... Нашла кого!

Мари заплакала и закрылась руками.

— Перестань, душа моя. Я ее люблю, точно; но и тебя я не менѣе люблю. Сердце мое такъ обширно, что вмѣщаетъ въ себѣ обѣихъ васъ.

Du liebes, kleines Mädchen,
Komm an mein grosses Herz...

И онъ хотѣлъ обнять ее. Дѣвушка высвободилась.

— Оставьте... Вамъ бы все надсмѣхаться...

— Ни чуть, дорогая моя, я серьёзнѣе, чѣмъ когда либо. Дѣло очень простое: я жаждалъ любви; боги послали мнѣ разомъ и тебя, и ее; развѣ я виноватъ въ такой благодати? И къ тебѣ, и къ ней мое сердце возгорѣлось чистою страстью, и въ об[illegible] твѣ которой я нахожусь, та въ тотъ мигъ мнѣ и дороже[illegible] перь я, напримѣръ, весь твой...

Digitized by Google

И онъ снова обнялъ ее. Она уже не противилась.

— Да развѣ можно любить двухъ разомъ? прошептала она только.

— Какъ видишь. Собственно говоря, люблю я всегда только одну: теперь, когда я съ тобой, я и думаю только о тебѣ.

Du-Du-Du liegst mir am Herzen,
Du-Du-Du liegst mir im Sinn,
Du-Du-Du machst mir viel Schmerzen,
Weisst nicht, wie gut ich Dir bin.

— Ну, засмѣйся!

Мари сквозь слезы улыбнулась.

— Ну, еще на грошъ!

Мари засмѣялась.

— Вотъ такъ. Теперь, для полнаго мира, поцалуемся.

Она дала поцаловать себя. Называя ее всевозможными нѣжными именами, молодой человѣкъ усадилъ ее на диванъ; потомъ сталъ передъ нею на колѣни. Лучъ радости освѣтилъ блѣдныя черты дѣвушки.

— Такъ вы меня еще немножко любите? Вы теперь не думаете объ ней? Вы... ты теперь мой, весь мой?

— Твой, милая...

— Ты мой, мой?...

Обѣими руками обхватила она его голову и сжала ее такъ крѣпко, что Левъ даже вскрикнулъ.

— А! то-то же! Видишь, какъ я люблю тебя. Знаешь, съ какого времени ты полюбился мнѣ?

— Съ какого?

— А съ перваго же дня. Помнишь, ты расписался въ книгѣ: «Naturfuscher», и когда я спросила, что жь это такое? ты объяснилъ мнѣ, что срываешь всѣ хорошенькіе цвѣты... «Ужь не сорветъ ли и меня?» мелькнуло у меня въ умѣ.

— Ишь, какая! засмѣялся Левъ. — Такъ ты знаешь, что ты хорошенькая?

— Да вѣдь самъ же ты, милый мой, увѣрялъ меня въ томъ, отвѣчала наивно швейцарка.—И могъ ли ты, такой умный, такой красавецъ, полюбить некрасивую?

— Аргументъ неопровержимый!

— Вотъ ты и говоришь мнѣ: «Берегитесь, моя милая, чтобъ и васъ не постигла та же участь». Я и покраснѣла; а ты нагнулся надъ чемоданомъ и говоришь: «Не краснѣйте: я не буду

Digitized by Google

больше смотрѣть». Такой шутникъ! Тутъ у меня и дрогнуло сердечко, точно что кольнуло, такъ и хотѣлось броситься къ тебѣ. «Какой онъ интересный! подумала я и взглянула на тебя: и какой милашка»! Душка ты мой, душонокъ!

Она наклонилась къ нему и, какъ дитя, обвила его шею руками.

— А помнишь, какъ ты спрашивалъ меня, нравится ли мнѣ Вертеръ? Я очень разсердилась, когда ты назвалъ его плаксой; вѣдь въ тебѣ я видѣла своего Вертера; ты былъ такой блѣдный, красивый, да такой милый... Какъ же мнѣ было не сердиться, когда ты бранилъ самого себя?

— Бѣдная моя! вздохнулъ поэтъ.

— Я бѣдная? нѣтъ, сударь, я богатѣйшая, ухъ, какая богатая: ты вѣдь мой!

Она принялась цаловать его со всѣмъ жаромъ молодой, несдержанной страсти.

— Ахъ, я и забыла, зачѣмъ пришла къ тебѣ! спохватилась она вдругъ и залилась веселымъ смѣхомъ: — Этотъ Advocat aus St.-Petersburg хочетъ видѣть тебя.

— Куницынъ?

— Кажется, такъ его зовутъ. Онъ послалъ меня за тобой. Экая безпамятная! А все ты, голубчикъ мой! Ну, прощай, до свиданья.

Она порхнула къ двери.

— Развѣ такъ прощаются? спросилъ съ шутливымъ укоромъ Левъ.

Дѣвушка вернулась къ нему:

— Ишь, ненасытный! — и, звонко поцаловавъ его, скрылась изъ комнаты.

Какъ бы удивилась она, еслибы увидѣла облако, осѣнившее тотчасъ по ея уходѣ чело поэта; но удивленіе это перешло бы въ ужасъ, еслибы она заглянула въ его душу: тамъ прочла бы она неумолимое рѣшеніе: «Полно шалить-то! Покончить поскорѣе: помириться съ Куницынымъ, съ Наденькой — и куда глаза глядятъ».

Правовѣдъ принялъ своего недавняго врага дружелюбно.

— Спасибо, что зашелъ, началъ онъ: — я бы подалъ тебѣ руку, да видишь — не могимъ.

Обѣ руки у него были еще забинтованы.

— Ничего, мы и такъ, отвѣчалъ Левъ, пожимая съ осторож-

Digitized by Google

ностью кончики пальцевъ правой руки больного, выглядывавшіе изъ-подъ перевязи.

— Я, Ластовъ, разсудилъ, что намъ собственно не изъ-за чего враждовать, и потому полагалъ бы дуэль нашу считать оконченною, хотя и остается еще одинъ coup. Какъ ты думаешь?

— Совершенно съ тобою согласенъ. Но что возвысило такъ барометръ? Не заходила ли къ тебѣ Наденька съ увѣреніями въ вѣчной любви?

Куницынъ безпокойно повернулся на диванѣ.

— Нѣтъ, Наденьки-то не было... Хотя, правду сказать, ей бы и ничего не значило заглянуть разокъ: рискуютъ изъ-за нея жизнью, нѣкоторымъ образомъ кровь проливаютъ, какъ выразился капитанъ Копейкинъ, а она себѣ и въ усъ не дуетъ.

— Не дуетъ, потому что...

— Не имѣетъ усовъ? сострилъ правовѣдъ.

— Нѣтъ; можетъ быть, она ничего не знаетъ...

— О дуэли-то? Сказалъ, братъ! Что бы изъ-за дѣвушки дрались, и она объ этомъ не знала? Моничка же догадалась; а если Наденька не такъ сметлива, то кузина не утерпитъ передать ей... Да что мнѣ въ Наденькѣ? Она, какъ я тебѣ когда-то говорилъ, незрѣлый крыжовникъ; но теперь я убѣдился, что она крыжовникъ до того незрѣлый, что очень легко схватить холеру. Нѣтъ, покорно благодаримъ-съ!

— Слава-богу, вздохнулъ Левъ: — разошлись наконецъ во вкусахъ. Кто же произвелъ эту благопріятную перемѣну? Не Соломонида ли?

— Да еслибы и Соломонида? Тебя, кажется, очень забавляетъ это имя? Оно въ самомъ дѣлѣ некрасиво. Но Моничка, по моей просьбѣ, рѣшилась измѣнить его и называться впередъ Семирамидой.

— Гм...

— Что гм? Да, милый мой, сдѣлали мы съ тобою промахъ, не понимаю, гдѣ у насъ были глаза! Вѣдь это такой кладъ...

— Кто? Моничка, то-есть Мирочка?

— Да, Мирочка, да. Еслибы ты видѣлъ, какъ она печется обо мнѣ: прочитываетъ мнѣ вслухъ, прикладываетъ ледъ къ моей ранѣ, даже отморозила себѣ одинъ палецъ... Ластовъ, Ластовъ, что у нея за руки! бѣлыя, пухлыя, съ ямочками... sapristi! только бы гладить да цаловать...

— А ты пробовалъ ихъ гладить и цаловать?

Digitized by Google

— Н-нѣтъ, то-есть видишь ли, я обѣщался не болтать, ну, да тебѣ можно... Да, братецъ ты мой, далъ же ты маху! Не умѣлъ воспользоваться такимъ сокровищемъ! Она предоставлялась тебѣ въ силу гисбахскаго договора — ты не хотѣлъ, не съумѣлъ схватить счастіе за живоротъ; теперь плачь-не-плачь — не воротишь.

— Покуда я не имѣю, по крайней мѣрѣ, ни малѣйшаго поползновенія плакать. Вѣдь Наденьку ты оставляешь мнѣ?

— Всю какъ есть, mit Haut und Haar. Какъ представлю я ее себѣ, какая она будетъ черезъ лѣтъ десятокъ — такъ дрожь и проберетъ! Непремѣнно пойдетъ въ матушку, расплывется во всѣ концы, comme une vache Holmogorienne! Вррр! ненавижу толстыхъ! Но — de gustibus non disputandibus.

— Именно. Поэтому, я думаю, лучше не хулить чужаго предмета. Я не трону Мирочки, ты оставь въ покоѣ Наденьку. De gustibus non disputandum.

Въ это время Левъ увидѣлъ въ окошко Наденьку, проходящую только-что черезъ садикъ. Не распростившись съ правовѣдомъ, онъ кинулся изъ комнаты, чтобы не пропустить этого случая переговорить съ гимназисткой.

Дѣвушка сидѣла въ печальномъ раздумьи въ одной изъ бесѣдокъ сада. Завидѣвъ приближающагося Льва, она вспыхнула и хотѣла выдти. Онъ вынулъ изъ кармана многорѣченный платокъ ея:

— Считаю долгомъ возвратить вамъ.

Вырвавъ его у него изъ рукъ, гимназистка хотѣла удалиться. Молодой человѣкъ загородилъ ей дорогу.

— Не уходите, сказалъ онъ тихо и рѣшительно: — намъ надо объясниться.

Наденька колебалась: оставаться, или нѣтъ?

— Умоляю васъ, Надежда Николавна; на пару словъ, не болѣе.

Она повернула назадъ и сѣла на скамейку.

— Ну-съ?

— Скажите, вы ненавидите меня?

Гимназистка перебирала складки платья.

— Не ненавижу, но...

— Но презираете, но знать не хотите?

— Да какъ же знаться съ вами, когда вы позволяете себѣ подобныя вещи? Развѣ я дала вамъ къ тому поводъ? За что вы потеряли ко мнѣ всякое уваженіе? Я держалась въ отношеніи къ

Digitized by Google

вамъ всегда просто, но и какъ нельзя болѣе прилично... А вы обошлись со мной, какъ съ какой-нибудь...

Голосъ ея оборвался и она отвернулась въ сторону, чтобы скрыть двѣ слезинки, выступившія на длинныхъ рѣсницахъ ея.

— Простите, Надежда Николавна, вы дѣйствительно ничѣмъ невиноваты, во всемъ виноватъ я; но вѣдь и величайшему грѣшнику отпускаются его прегрѣшенья, если раскаянье его чистосердечно. А развѣ моя вина уже такъ велика? ну, что̀ такое поцалуй?

— Прикосновеніе губъ, говоритъ Лиза... прошептала Наденька, противъ воли улыбнувшись при этомъ. — Но если я не хотѣла, то вы и не имѣли...

— Совершенно справедливо. Но примите въ соображеніе слѣдующія обстоятельства: нѣсколько минутъ до рокового прикосновенія губъ, вы посвятили меня въ свои паладины; какъ же не простить паладину небольшаго, перваго поцалуя, который только закрѣпилъ наши отношенія, какъ дамы и ея вѣрнаго паладина?

— Небольшаго! Онъ былъ пребольшущій!

— Могъ бы быть и больше, засмѣялся Левъ. — Да вѣдь я и поплатился за свою дерзость: потералъ нѣсколько унцій крови.

— И кстати пустили нѣсколько фунтовъ ея другому, совершенно постороннему лицу? Хорошо раскаяніе!

— Что жь, самъ навязался. Ахъ, Надежда Николавна! Сами знаете: надежда — кроткая посланница небесъ. Перестаньте же хмуриться, посланницѣ небесъ это вовсе не къ лицу; на душѣ у васъ, я знаю, гораздо свѣтлѣе. Не сердитесь!

— Я и не сержусь...

— Серьёзно?

— Ѣхм! Только мы впередъ не будемъ съ вами знакомы.

— И говорите, что не сердитесь? Еслибы вы точно простили, то были бы со мною попрежнему. Вы молчите? Хотите, я стану на колѣни?

— Какія глупости!

— Нѣтъ, безъ шутокъ. Вотъ я и на колѣняхъ. Довольны вы, о, дама моего сердца?

— Ахъ, что̀ вы, что̀ вы, встаньте... Ну, кто увидитъ...

— Auch das noch! раздался передъ бесѣдкой раздирающій голосъ, и послышались быстро-удаляющіеся по песку шаги. Молодые люди, какъ ужаленные, вскочили — одинъ съ земли, другая

Digitized by Google

со скамейки — и выглянули въ садъ: по дорожкѣ, за угломъ дома скрывалась Мари.

Левъ, блѣдный, печальный, поникъ головой.

— Auch das noch! повторилъ онъ про себя слова швейцарки. — Глупость за глупостью!

— Она не разскажетъ, она моя повѣренная... поспѣшила успокоить Наденька.

— Мало ли что...

Съ полминуты длилось молчаніе. Гимназисткѣ сдѣлалось неловко.

— Вамъ болѣе нечего сказать мнѣ? прошептала она, не глядя на собесѣдника.

— Нечего. Пожалуй, могу еще прибавить, что сегодня же, съ первымъ послѣобѣденнымъ пароходомъ, исчезаю отсюда.

— То-есть какъ? вы хотите совсѣмъ уѣхать?

— Да.

— Но зачѣмъ? причину скажите.

— Пора, Надежда Николавна; не вѣчно же блаженствовать, надо и честь знать.

— Ну, и съ Богомъ...

Не поднимая глазъ, Наденька быстро вышла изъ бесѣдки и, не оглядываясь, скрылась въ дверяхъ дома.

Левъ гордо приподнялъ голову, и рѣшимость блеснула въ глазахъ его. «Пора, пора, рога трубятъ... Милыя вы мои, добрыя, хорошенькія! Обѣ вы мнѣ дороги, обѣихъ мнѣ жаль покинуть, но потому-то и слѣдуетъ покинуть... Прочь, прочь; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!»

XX.

Гриндильвальдскій глетчеръ.

Скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается. Рѣшиться-то поэтъ нашъ твердо рѣшился ѣхать сегодня же, и Александръ, которому онъ привелъ свои доводы, нашелъ ихъ вполнѣ основательными, и самъ согласился отправиться съ пріятелемъ, но судьбѣ, или, вѣрнѣе, прачкѣ, неблагоугодно было очистить ихъ путь отъ нѣкоторыхъ терній: значительная часть бѣлья ихъ была въ стиркѣ и, несмотря ни на какія увѣщеванія, не могла быть готова ранѣе слѣдующаго полудня. Надо было покориться.

Но имъ было суждено остаться еще одинъ лишній день.

Digitized by Google

— Какъ? спросила Лиза за вечернимъ чаемъ: — вы хотите уже улизнуть, не предваривъ насъ о томъ заранѣе? Я не дочла еще вашего Фохта, Александръ Александровичъ, а недочитаннымъ не отдамъ. Вы должны остаться.

— Такъ оставьте его себѣ, я съ своей стороны прочелъ его и не нуждаюсь въ немъ болѣе.

— Нѣтъ, я не принимаю подарковъ.

— Да бывали ли вы, господа, въ Гриндельвальдѣ? вмѣшалась Наденька.

— Нѣтъ, не привелось.

— И хотите уже ѣхать? не стыдно ли вамъ? Гриндельвальдъ — самая романтическая мѣстность въ цѣломъ Oberland.

— Что́ правда, то́ правда, подхватила Лиза.

— На завтра вы по крайней мѣрѣ должны остаться; сообща и съѣздимъ туда.

Александръ и Левъ переглянулись.

— Не хотѣлось бы... проговорилъ послѣдній.

— Да вѣдь Мари не бросится еще въ Ааръ? замѣтилъ ему шопотомъ пріятель: — останемся еще денекъ.

— Кто ее знаетъ; можетъ быть, и бросится...

— Что́ вы перешептываетесь, сказала Лиза: — не знаете, что это неприлично. Проще всего: соберемте голоса.

Понятнымъ образомъ, большинство голосовъ было въ пользу гриндельвальдской поѣздки.

На другое утро, часу въ шестомъ, по направленію къ Юнгфрау катились съ умѣренною скоростью, влекомыя двумя хорошо откормленными конями, четырехмѣстныя дрожки. Назади сидѣли двѣ сестры Липецкія, противъ нихъ два друга-натуралиста.

Поѣздка въ Гриндельвальдъ, если не принимать въ разсчетъ общества, въ которомъ совершаешь ее, сама по себѣ мало привлекательна. Гладкое шосе вдоль берега пѣнистой Цвейлютчиненъ, однѣ и тѣ же лѣсистыя стѣны горъ, по правую и лѣвую руку — все это довольно однообразно. Немного разнообразятъ этотъ путь и лохматыя ребятишки, подбѣгающіе то здѣсь, то тамъ къ вашему экипажу, и предлагающіе вамъ корзиночку съ земляникой, игрушечный домикъ или просто букетъ полевыхъ цвѣтовъ, разумѣется за безстыдныя цѣны, что́ не мѣшаетъ имъ однако удовольствоваться и какимъ-нибудь су, если вы не захотите дать болѣе. Возница вашъ тоже нимало не заботится объ увеличеніи пріятности поѣздки ускоренной ѣздой: при малѣйшей, едва за-

Digitized by Google

мѣтной отлогости тормазитъ онъ колеса и, исполненный весьма похвальнаго чувства состраданія къ животнымъ, но забывая о необходимости такого же состраданія къ высшему класу животныхъ — къ людямъ, заставляетъ васъ передъ всякимъ пригоркомъ вылѣзать изъ экипажа, и тащиться до вершины пѣшкомъ подъ жгучими лучами солнца; а не предупредите его во-время — онъ укатитъ безъ васъ и далѣе, руководствуясь вѣроятно подобными соображеніями: «Пріѣхали въ Швейцарію, чтобъ полазить по горамъ, ну и пусть лазаютъ».

Но монотонность поѣздки въ Гриндельвальдъ съ лихвою выкупается самимъ Гриндельвальдомъ. Съ балкона гриндельвальдской гостиницы *Adler*, куда молодёжь наша сейчасъ по пріѣздѣ велѣла принести себѣ кофе, открывается одинъ изъ живописнѣйшихъ швейцарскихъ видовъ. Подъ ногами разстилается волнообразная, цвѣтущая долина, заваленная зеленью и цвѣтами, изъза которыхъ тамъ и сямъ выглядываетъ привѣтливая хижинка. Кругомъ воздымается неприступный строй въ небеса уходящихъ бернскихъ альповъ, осыпанныхъ сверху до низу, какъ рафинадомъ, чистѣйшимъ снѣгомъ. Въ горныхъ ущельяхъ синѣютъ громадные ледники; надъ однимъ изъ нихъ сверкаетъ и искрится бѣлая, ледяная равнина — mer de glace. Солнце съ своей лазурной высоты, обливаетъ всю картину полнымъ свѣтомъ.

— Чудно! проговорила Наденька. — Еслибы можно было туда, на глетчеръ...

— А развѣ нельзя? сказалъ Левъ, и обратился къ стоящему въ дверяхъ слугѣ: — вѣдь на глетчеръ ходятъ?

— На mer de glace? да; только мало — человѣкъ шестдесятъ-семдесятъ въ годъ, не больше.

— Значитъ, опасно?

— Какъ бы вамъ сказать? если не оступиться, такъ ничего; разумѣется, если оступишься, то неминучая смерть. А господа желаютъ подняться туда?

— Вотъ не знаю еще...

— Тутъ есть компанія англичанъ, которые сейчасъ сбираются на глетчеръ.

— Что жь, сказала Лиза: — если ты, Наденька, и вы, Левъ Ильичъ, желаете идти съ ними, то пожалуйста не стѣснайтесь; мы съ Александромъ Александрычемъ соединимъ utile cum dulce: сыграемъ въ шахматы.

Ей почему-то хотѣлось остаться съ Александромъ вдвоемъ.

Digitized by Google

Наденька посмотрѣла на сестру: не шутитъ ли она; но увѣрившись въ противномъ, вскочила радостно со стула.

— Переговорю съ англичанами, вѣдь они буки, и — vorwärts.

Англичане, дѣйствительно, оказались буками: они стали совѣщаться, принять русскихъ въ свое общество, или нѣтъ? Благопріятному исходу совѣщанія способствовалъ одинъ молодой альбіонецъ, съ льняными волосами, безцвѣтно-водянистыми глазами, и рыжими, жидкими баками, которому замѣтно приглянулась хорошенькая гимназистка.

— Если позволите, замѣтилъ онъ съ приторно-сладкой улыбкой: — я буду вашимъ защитникомъ отъ горныхъ чудовищъ?

— То-есть отъ вашихъ спутниковъ? засмѣялась Наденька. — Нѣтъ, благодарю васъ, я уже запаслась паладиномъ.

Отзавтракавъ, общество двинулось въ путь. Еще до глетчера приходилось имъ останавливаться не разъ. Сперва подбѣжалъ къ нимъ мальчикъ съ пастушьимъ рогомъ и, извлекши изъ инструмента нѣсколько нескладныхъ звуковъ, потребовалъ должнаго вознагражденія. Узнавъ, что рогъ этотъ—пресловутый альпійскій, англичане съ готовностью вознаградили артиста. Затѣмъ попалась путникамъ старушка съ арфой; и ее нельзя было пропустить безъ подаянія. Далѣе, дожидались ихъ двое ребятишекъ съ суркомъ въ корзинѣ, котораго они тщетно понукали перескочить черезъ палку. Англичане возроптали:

— Что жь это у васъ за нищенство? отнесся одинъ изъ нихъ къ проводнику.

Тотъ только усмѣхнулся.

— А кто виноватъ? Вы же, путешественники, ихъ балуете. Они вѣдь только знай выглядываютъ изъ хижинъ—не прошелъ бы кто; да сейчасъ и выбѣгаютъ на дорожку добывать денежку, кто чѣмъ гораздъ. Ты, Петерль, опять цыганствуешь? обратился онъ къ одному изъ мальчугановъ и наградилъ его щелчкомъ въ лобъ: — вотъ тебѣ! вѣдь отецъ не велѣлъ тебѣ; сказалъ: выпоретъ.

Мальчуганъ, не обращая вниманія на нравоучительную рѣчь фюрера, скорчивъ жалобную мину, протягивалъ только руку къ путникамъ:

— Добрые господа, дайте сиротинкѣ!

Англичане не устояли, и заплатили должную пошлину.

Перешагнули ручей, образующійся отъ сліянія множества ручейковъ, вытекающихъ изъ глетчера.

Digitized by Google

— Лютчина, черная, объяснилъ фюреръ.

— «Лучина, лучинушка!» затянулъ Левъ.

Англичане недоброжелательно оглянулись на него.

Когда общество перебралось черезъ каменистую морену, нагроможденную у подошвы ледника, ихъ обдало леденящимъ дыханіемъ зимы. Изъ цвѣтущаго міра долины вступили они внезапно въ царство смерти. Внутрь ледника выкопанъ тунелеобразный гротъ. Около входа красуется пушка, которая за полфранка, въ пользу ея хозяина, безногаго инвалида, пробуждаетъ въ горахъ многократное эхо. По деревяннымъ, качающимся мосткамъ, вошли въ тунель. Сначала ледяныя стѣны грота были прозрачны и чисто-голубаго цвѣта; далѣе, сдѣлались синими, темно-синими, темно-зелеными, пока совершенно не почернѣли; крутой поворотъ налѣво — и открывается мрачный рукавъ грота, освѣщаемый только двумя рядами тускло-мерцающихъ свѣчъ. Отъ тепла, распространяемаго свѣчами и человѣческимъ дыханіемъ, своды исподоволь таютъ и холодныя капли брызжутъ на головы посѣтителей. Гдѣ-то, въ глубинѣ ледника, слышится затаенная жизнь — глухо журчащая вода. Откуда-то проносится сухой трескъ лопающагося льда—вода бѣжитъ порывистѣе и звонче. Вдругъ — оглушительный грохотъ, отовсюду отвѣтствуютъ гулливые раскаты, сейчасъ, кажется, обрушатся своды...

— Упала лавина, объясняетъ проводникъ.

Но визитаторамъ дѣлается страшно: а ну, если и взаправду похоронитъ подъ собою? Всѣ спѣшатъ выдти. На встрѣчу имъ льются розовые потоки свѣта. А! какъ славно, какъ широко дышится на вольномъ воздухѣ! какъ привѣтливо улыбается природа, какъ горячо и отрадно грѣетъ солнышко!

Послѣднимъ вышелъ молодой англичанинъ; онъ вымѣрилъ шагами длину грота, справился въ Мурреѣ (котораго, конечно, всякій сынъ Альбіона считаетъ долгомъ имѣть всегда при себѣ), и остался видимо недоволенъ результатомъ справки.

— Что за нерадѣніе? замѣтилъ онъ съ упрекомъ проводнику:—тутъ ихъ показано восемьдесять, а у васъ ихъ—сто-четырнадцать.

Проводникъ опять усмѣхнулся.

— Муррей — человѣкъ весьма почтенный, но все-таки не пророкъ, чтобы знать напередъ, какой глубины гротъ выроется нами въ слѣдующемъ году.

Digitized by Google

— Такъ зачѣмъ же вы вырываете новые гроты?

— Да вѣдь глетчеръ, сударь, не то, что̀ земля: трескается и подтачивается водою.

— Понятно; и скользитъ вѣдь постоянно внизъ? на сколько это? Кажется, на три фута въ сутки...

— Ужь это намъ неизвѣстно.

Но довольный тѣмъ, что выказалъ свои знанія по физической географіи, англичанинъ наградилъ фюрера франкомъ.

Пушка, по обыкновенію, въ совершенствѣ исполнила свое шумное дѣло. Затѣмъ началось самое поднятіе на глетчеръ.

Въ числѣ прочихъ поднималась одна англичанка; она носила огромные, синіе очки, для защиты отъ сверкающаго снѣга; теперь она подобрала платье въ видѣ шароваръ и подпоясалась платкомъ. Наденька, не раздумывая долго, послѣдовала ея примѣру, при чемъ обнаружила ножку и голень самыхъ изящныхъ формъ. Молодой англичанинъ такъ и впился въ нихъ своими бычачьими глазами и сдѣлался съ этой минуты, если возможно, еще любезнѣе.

Узкая тропинка, по которой подвигался небольшой караванъ, обогнувъ подошву ледника, проскользнула въ сѣнь сосноваго лѣска и взяла круто въ гору, по правому склону Меттенберга. Слѣва возвышалась неприступная гранитная стѣна, справа зіяла глубокая пропасть, на днѣ которой громоздились одна надъ другою исполинскія ледяныя глыбы.

— Тише, господа, тише, предостерегалъ фюреръ: — и не заглядывайтесь внизъ.

— А что̀?

— Голова закружится, и тогда конецъ. Еще въ прошломъ году покончила тутъ одна француженка.

— Какъ такъ, разскажите.

— Она поднималась верхомъ. До этого мѣста доѣхала счастливо; но тутъ—Богъ ее знаетъ! голова ли у нея закружилась, или такъ со страху—только возьми и дерни за поводъ, лошадь съ дуру и тяпъ въ пропасть. Вскрикнула дама, взревѣла лошадь, взвилась пыль столбомъ—и поминай, какъ звали! А добрый конь былъ, франковъ въ восемьсотъ. Индо за живое схватило.

Наденька слушала съ притаеннымъ дыханіемъ.

— И хороша была она? спросилъ Левъ.

— Я вамъ говорю: въ восемьсотъ франковъ...

— Да не лошадь! Француженка.

Digitized by Google

— Да, красивая, и совсѣмъ молодая, вотъ какъ барышня...

Невольная дрожь пробѣжала по Наденькѣ.

— Ахъ, Левъ Ильичъ, охота вамъ слушать такія страсти.

— И такая веселая, продолжалъ фюреръ: — шутила все съ своимъ мужемъ—я не сказалъ еще, что она была съ мужемъ—сидѣла такъ ловко избоченясь... А потомъ, какъ стали доставать ее съ глетчера, такъ и человѣка-то распознать нельзя было: ни головы, ни рукъ, ни ногъ—только комъ сбитаго мяса.

— Ахъ, Боже! воскликнула Наденька. — Замолчите, пожалуйста. Левъ Ильичъ, догоните меня.

И легкой серной побѣжала она по тропинкѣ, не шире аршина и неогороженной къ пропасти никакими перилами. Она, казалось, уже забыла, что ее можетъ постигнуть одна участь съ несчастной француженкой, что каждый невѣрный шагъ ея связанъ съ опасностью жизни. Какая-то лихорадочная веселость овладѣла всѣмъ ея существомъ.

И паладина ея подмывало. Онъ нѣсколько разъ собирался о чемъ-то заговорить съ ней, и не рѣшался.

— Надежда Николавна, началъ онъ разъ.

— Что-съ?

Онъ не отвѣчалъ.

— Что жь вы?

— Я ничего... я такъ...

— Ха, ха! зачѣмъ же вы звали меня?

Нѣсколько минутъ спустя, онъ опять назвалъ ее по имени.

Она весело обернулась.

— Вы это опять «ничего, такъ»?

— Не правда ли, Надежда Николавна, только въ холостой жизни есть поэзія?

— Очень можетъ быть. А что?

— Да дѣвицы, еще до длинныхъ платьевъ, начинаютъ мечтать о замужствѣ, а такъ-какъ вы уже въ длинномъ платьѣ...

— То вы опасаетесь, что я въ каждомъ неженатомъ мужчинѣ вижу жениха?

— Да, почти что такъ. Но я хочу доказать вамъ, что какъ я, такъ и вы должны считать себя счастливыми, что не вкусили семейной прозы.

Наденька принужденно захохотала.

— Master, подозвала она къ себѣ молодаго англичанина. Тотъ обернулся.—Знаете, что говоритъ мнѣ этотъ баринъ?

Digitized by Google

— Ну-съ?

— Онъ проситъ извиненія, что не сватается за мной.

Едва произнесла она эти слова, какъ уже раскаялась въ нихъ; Левъ видѣлъ сзади, какъ шея и уши ея загорѣлись огненнымъ румянцемъ. Но, не желая показать своего смущенья, она развязно обратилась къ поэту:

— Замѣтили вы, какъ бездонно-глубокомысленно взглянулъ на меня этотъ мистеръ Плумпудингъ? Глаза у него такъ безцвѣтны, какъ-будто онъ ихъ все время закатываетъ.

— Знаете, что̀ говорятъ про васъ? отнесся теперь Левъ къ англичанину.

— Что̀, что̀? Я понялъ только: «мистеръ Плумпудингъ»; такъ это вы меня, сударыня, изволите величать этимъ именемъ?

Наденька сконфузилась пуще прежняго.

— Какой вы злой, Левъ Ильичъ! Смотрите, не смѣйте говорить.

Левъ, не обращая уже вниманія на англичанина, затянулъ на знакомый голосъ:

—Lebet wohl, Ihr glatten Säle,
Glatte Herren, glatte Frauen!
Auf die Berge will ich steigen,
Lachend auf Euch niederschauen.

Проводникъ, казалось, этого только и ждалъ: звонкимъ голосомъ залился онъ тутъ же:

— Bin i nit ä lustge Schwizerbue,

заканчивая каждый куплетъ національнымъ гортаннымъ припѣвомъ, извѣстнымъ у туземцевъ подъ названіемъ «Jodeln». Молодые люди пытались подражать ему, но съ весьма сомнительнымъ успѣхомъ: у нихъ выходило только какое-то дикое рычанье.

Скалистая, узкая тропинка поднималась все выше и выше. Жаръ солнца умѣрялся порывами свѣжаго горнаго вѣтра. Путники начинали уже находить удовольствіе въ утомительномъ подняти, входили такъ-сказать во вкусъ его. Лицо и уши горятъ, грудь дышетъ порывисто и скоро, все тѣло пышетъ отраднымъ зноемъ. Чувствуешь, какъ уходишь все далѣе отъ земли, все ближе къ этой чистой, глубокой лазури, которая, чѣмъ ближе, тѣмъ чище и глубже... Запестрѣли первые рододендроны. Наденька съ жадностью принялась набирать ихъ.

Digitized by Google

— Левъ Ильичъ, помогите мнѣ... А тамъ-то, ахъ, благодать! Достаньте, пожалуйста!

Левъ смотритъ по указанному направленію: нѣсколько саженей надъ ихъ головами, на почти отвѣсномъ скатѣ, расцвѣтаетъ цѣлый лѣсъ альпійскихъ розъ. Онъ качаетъ головой:

— Опасно; какъ разъ еще шею сломишь.

— Какой же вы послѣ этого паладинъ? Смотрите...

И въ два прыжка она уже у цвѣтовъ и срываетъ ихъ охапками.

— Наденька! успѣлъ только вскрикнуть испуганный юноша.

Въ то же мгновеніе полновѣсный камень, на который упиралась нога Наденьки, оторвался отъ скалы; каменные обломки, песокъ, альпійская палка гимназистки — съ шумомъ и трескомъ проскакали черезъ голову молодого человѣка; не успѣлъ онъ опомниться, какъ скатилась къ нему и сама дѣвушка. Онъ раскрылъ объятья, пошатнулся, но удержался на ногахъ.

— Вотъ видите! чуть не поплатились.

Наденька, еще блѣдная отъ внезапнаго испуга, принужденно расхохоталась.

— Все изъ-за васъ. Теперь, въ наказанье, дайте мнѣ свою палку; сами же понесите букетъ.

И въ минуту смертельной опасности она не выпустила изъ рукъ собранныхъ ею цвѣтовъ.

Левъ принялъ букетъ; но сообразивъ, что до возвращенія домой, розы все-таки завянутъ и на обратномъ пути будутъ собраны новыя, выбралъ лучшую изъ нихъ, воткнулъ ее себѣ въ петличку, а остальныя незамѣтно бросилъ въ пропасть. Вскорѣ однако Наденька замѣтила его недобросовѣстность.

— Гдѣ же мой букетъ? спросила она.

— Вотъ, отвѣчалъ онъ, указывая на розу въ петличкѣ: — на пылающемъ сердцѣ сплавился.

— Не умѣете вы хранить ввѣреннаго вамъ добра, сказала она серьёзно и подозвала къ себѣ молодого альбіонца:— вотъ вамъ.

Тотъ никакъ не могъ понять, откуда такое великодушіе, такъ-какъ впродолженіе послѣдняго часа гимназистка не сказала съ нимъ ни слова.

Наконецъ, послѣ трехчасоваго поднятія, была достигнута цѣль странствія—небольшая хижина надъ обрывомъ, отъ которой непосредственно уже спускаются на глетчеръ. Здѣсь былъ сдѣланъ привалъ; изъ хижины имъ вынесли хлѣба, молока, масла, сыру и

Digitized by Google

дешеваго туземнаго вина, «Landwein» (другого, несмотря на всѣ требованія англичанъ, не оказалось). Послѣ часоваго отдыха, туристы, подъ начальствомъ хозяина хижины, опытнаго горца, собрались на самый глетчеръ. Пришлось, не безъ нѣкоторой опасности, слѣзать по вертикальной, качающейся лѣстницѣ. Но всѣ слѣзли благополучно. Вотъ они и на ледникѣ! Съ силою вонзая въ ледяную почву желѣзныя острія своихъ коренастыхъ альпійскихъ палокъ, они перескакиваютъ съ глыбы на глыбу, черезъ трещины, черезъ груды льда и каменьевъ. При очень крутыхъ спускахъ главный проводникъ взятымъ съ собою топоромъ вырубаетъ во льду ступени. Холодомъ и смертью вѣетъ отовсюду: во всѣ стороны разстилается блестящая ледяная равнина, окруженная неприступною стѣною снѣжныхъ горъ.

— Давайте въ снѣжки? предложила Наденька.

Но снѣгу не оказалось; хотя въ послѣднюю ночь и выпалъ небольшой снѣжокъ, но съ поверхности онъ уже успѣлъ растаять и покрылся ледяной корой.

— Въ снѣжки не приходится, отвѣчалъ Левъ: — но можно въ леденцы... и отколовъ остріемъ своей палки нѣсколько ледяныхъ осколковъ отъ снѣжно-ледяной глыбы, онъ сгребъ ихъ въ охапку и бросилъ въ Наденьку. Та сдѣлала то же, и между ними завязалась оживленная игра «въ леденцы».

Одинъ изъ проводниковъ пригласилъ ихъ осмотрѣть одну достопримѣчательность глетчера. Онъ подвелъ ихъ къ широкой разсѣлинѣ и попросилъ взглянуть туда: изъ боковой трещины вырывался съ неудержимой силой синій столбъ воды, аршина два въ поперечникѣ, который, разбрасывая тысячу брызговъ и глухо бурля, устремлялся потомъ въ котлообразное жерло. Ледяныя стѣнки жерла, выполированныя водою какъ зеркало, просвѣчивали чистѣйшею берлинскою лазурью. Фюреръ далъ имъ отвѣдать этой воды, зачерпнувъ ея во взятую съ собою деревянную чарку, присовокупивъ къ этому: — Echtes Gletscherwasser. — Молодые люди однако не нашли никакого различія между «echtes Gletscherwasser» и обыкновенной ключевой водой.

Молодой англичанинъ, охлажденный небреженіемъ къ нему Наденьки, занялся между тѣмъ Мурреемъ и, найдя въ немъ замѣтку, что по ту сторону ледянаго моря, съ такъ называемаго Цезенберга весьма недурной видъ на весь глетчеръ, склонилъ своихъ соотечественниковъ отправиться туда. Наши русскіе положительно отказались отъ этой прогулки, на которую (туда и обрат-

Digitized by Google

но) потребовалось бы по крайней мѣрѣ часа три, и выпросивъ себѣ одного изъ проводниковъ, обратились вспять. Изъ валявшихся на ледникѣ грудъ мрамора, талька, исландскаго, полеваго шпата, слюды, они выбрали себѣ на память нѣсколько кусковъ, изъ которыхъ, впрочемъ, какъ само-собою разумѣется, лишь немногіе избранные достигли Интерлакена, такъ-какъ по мѣрѣ приближенія къ Гриндельвальду, одинъ за другимъ прогуливался въ пропасть.

Весело подниматься на гору; веселѣе спускаться съ нея, по крайней мѣрѣ какъ спускались Наденька съ ея паладиномъ. Опираясь съ силою на палку, ногами едва касаясь земли, они совершали чудовищные прыжки, какихъ не увидишь въ иномъ циркѣ. Этотъ способъ нисхожденія, конечно, очень опасенъ, въ сравненіи съ тѣмъ, гдѣ альпійскую палку, какъ тормазъ, волочутъ сзади; но молодые люди наши не думали объ опасности, кровь въ нихъ лихорадочно волновалась, такъ и подталкивала на эксцентричности. Левъ смѣялся, острилъ, но веселость его была неестественна, остроты выходили черезчуръ рѣзки. Наденька дѣлалась, напротивъ, все молчаливѣе, сосредоточеннѣе; можетъ быть, и отъ утомленія, головка ея склонялась то на правое, то на лѣвое плечо.

— Итакъ, мы болѣе не увидимся? проговорила она, не обращая вниманія на остроту, сказанную только что ея спутникомъ.— Вы вѣдь остаетесь въ Петербургѣ? приходите къ намъ...

— Но маменька ваша ничего не говорила мнѣ.

— Ничего не значитъ; скажите, что мы съ Лизой пригласили васъ. У насъ собираются ваша братья-студенты, бываютъ литературные вечера...

— Надежда Николавна, я хотѣлъ попросить васъ...

— О чемъ?

— Дайте мнѣ вашу фотографію.

— У меня нѣтъ; да и на что́ вамъ? мы такъ недавно, такъ мало знаемъ другъ друга...

— Мало? Я, по крайней мѣрѣ, узналъ васъ очень хорошо, и потому-то и желалъ бы имѣть вашу карточку.

— Но я вамъ говорю, что у меня нѣтъ...

— Есть, неправда. Прошу васъ...

— Право, нѣтъ. У maman есть одна и я могла бы утащить ее...

— Такъ утащите!

— Хорошо, утащу. Но такъ-какъ я для васъ преступлю восьмую заповѣдь, то вы тоже должны сдѣлать мнѣ одолженіе.

Digitized by Google

— А именно?

— Напишите мнѣ что нибудь въ альбомъ.

— Извольте. Мнѣ уже мерещится конспектъ стихотворенья. Но вы достанете мнѣ вашу карточку?

— Постараюсь.

Левъ подпрыгнулъ съ помощью альпійской палки на сажень отъ земли и испустилъ веселое рычаніе, испугавшее даже фюрера, шедшаго за нами.

— Was haben Sie, mein Herr? спросилъ онъ, очнувшись.

— Ich jodle.

XXI.

Какъ сватаются нынѣче.

По уходѣ экскурсіантовъ, на балконѣ гриндельвальдской гостиницы остались лишь шахматисты. Но о шахматахъ ни одинъ изъ нихъ и не думалъ; тѣ такъ и остались въ экипажѣ. Александръ, налегшись на перила, глядѣлъ разсѣянно въ солнечный ландшафтъ; его, казалось, занимало одинокое облако, парившее около вершины Мёнха, суроваго отшельника горъ, почти никогда неснимающаго съ головы своей сѣрой капуцы. Лиза также безмолвствовала, но черты ея не показывали обычнаго спокойствія; взоръ ея поднимался нѣсколько разъ на собесѣдника, нижняя губа страдала отъ зубовъ, которые немилосердно теребили ее. Но вотъ она оправилась, сжала съ рѣшимостью губы, прищурила глаза и сдѣлалась еще блѣднѣе обыкновеннаго.

— Александръ Александрычъ, произнесла она сдержаннымъ голосомъ, въ которомъ однако тщетно старалась подавить признаки внутренняго волненія: — я хотѣла бы поговорить съ вами серьёзно.

Александръ съ любопытствомъ взглянулъ на нее.

— Да? развѣ мы и такъ не говоримъ всегда о серьёзныхъ предметахъ?

— Только не о такихъ. Скажите, напередъ, вы навѣрно уѣзжаете завтра?

— Да, я думаю.

— Такъ можно, значитъ, говорить безъ обиняковъ; все-таки не увидимся болѣе.

Вниманіе Александра удвоилось.

— И такъ?

Digitized by Google

— Отецъ мой, Александръ Александрычъ, даетъ за мной, въ случаѣ выхода моего замужъ, пятьнадцать тысячъ; это, если хотите, и немного; но, считая по пяти процентовъ—дастъ это въ годъ все-таки семьсотъ-пятьдесятъ рублей—сумму, вполнѣ достаточную для одного человѣка. Я не идеалъ женщины, еще менѣе вашъ идеалъ; но идеалы существуютъ только въ воображеніи; мы, смертные, всѣ съ недостатками и слабостями. Между тѣмъ, я не могла не замѣтить, что вы отдаете мнѣ предпочтеніе предъ всѣми здѣшними дамами, что вы ищете даже моего общества — явный признакъ, что я вамъ нѣсколько нравлюсь; а такъ-какъ и вы мнѣ не то, чтобы не нравились, то я предлагаю вамъ свою руку—хотите? Я заговорила сначала о приданомъ, чтобъ показать вамъ, что тутъ нѣтъ корыстныхъ видовъ, что я могу просуществовать и безъ васъ.

Стараясь говорить какъ можно спокойнѣе, практичнѣе, экс-студентка все-таки вздохнула изъ глубины души, когда облегчила себя признаніемъ; на щекахъ ея появились розовыя пятна.

Александръ уставился въ полъ, насупилъ брови и промычалъ только:

— Гм...

Дѣвушка не вытерпѣла.

— И такъ?

Онъ съ усмѣшкою поднялъ голову.

— А что жь ваша рѣшимость никогда не выходить замужъ? что професура?

Лиза нетерпѣливо топнула ногой.

— Я полагаюсь на вашу деликатность, а вы рады поточить зубокъ. Изъ моего предложенія вы можете, кажется, ясно видѣть, что ваши лекціи не пропали даромъ.

Александръ сдѣлался серьёзнымъ.

— Откровенность за откровенность, вы мнѣ дѣйствительно нравитесь: вы прямодушны, безъ всякой фальши, вы начитаны, вы играете изрядно въ шахматы; но для жены, для матери, для хозяйки требуется нѣчто болѣе...

— Но вѣдь я еще молода? перебила Лиза:—мнѣ всего восемьнадцать, въ будущемъ маѣ минетъ девятьнадцать. Подъ вашимъ руководствомъ я могу исправиться, я переломлю себя...

Александръ усмѣхнулся.

— Подъ моимъ руководствомъ? Мнѣ васъ учить бульонъ ва-

Digitized by Google

рить, дѣтей качать? На одно—требуется навыкъ, на другое—чувство... Чувство, конечно, я могъ бы еще вдохнуть въ васъ...

— И уже вдохнули!

— Можетъ быть, это только такъ, фантазія, минутная вспышка. Я молодъ, недуренъ собой, неглупъ — нетрудно было произвесть на васъ нѣкоторое впечатлѣніе. Но я-то, я за что привязался къ вамъ? вѣдь есть же на свѣтѣ и другія женщины начитанныя и играющія въ шахматы, но и съ чувствомъ, съ знаніями въ хозяйствѣ?

Лиза даже не обидѣлась отъ этихъ рѣзкихъ словъ.

— Я также молода, недурна собой и неглупа — вы полюбили меня за то же, за что я васъ. Ангеловъ, какъ сказано, нѣтъ на свѣтѣ, и если вы не хотите, то какъ знаете; никто васъ не принуждаетъ.

Александръ схватилъ себя за голову.

— Еслибъ вы знали, какой у меня сумбуръ въ головѣ! Я вижу всѣ ваши недостатки, а между тѣмъ такъ привязался къ вамъ, что трудно отказаться. Вѣдь и я думалъ сдѣлать вамъ предложеніе... боялся отказа, боялся будущности... а теперь что-то страшно. Дайте мнѣ обдумать...

— Обдумайте. Я уйду...

— Нѣтъ, оставайтесь. Дайте мнѣ самому пройтись на вольномъ воздухѣ; можетъ быть, прояснятся мысли. Какъ только рѣшусь на что—тутъ же вернусь къ вамъ.

— Идите.

Съ часъ уже дожидается Лиза возвращенія Александра. Она вошла съ балкона въ домъ, прохаживается взадъ и впередъ по обширной столовой гостиницы, то присядетъ, то опять примется ходить. Приближаясь къ стеклянной двери на балконъ, она всякій разъ окидываетъ быстрымъ взглядомъ долину. Снова подходитъ она къ двери — въ глазахъ ея блеснуло безпокойство: по дорожкѣ, между изгородями, приближался Александръ. Она осмотрѣлась въ комнатѣ и присѣла на диванъ; потомъ, одумавшись, вскочила и, какъ-бы желая отдалить роковую минуту, поспѣшила на балконъ и захлопнула за собою дверь. Не успѣла она принять непринужденную позу на своемъ стулѣ, какъ зазвенѣла дверь и грянулъ къ ней Александръ.

Тяжело дыша, опустился онъ на стулъ противъ дѣвушки.

— Я рѣшился.

Лиза ожидала молча, въ чемъ заключается это рѣшеніе.

Digitized by Google

— Видите ли... Уфъ, умаялся... Послѣ основательнаго обсужденія pro и contra, я нашелъ, что на васъ можно подъ извѣстнымъ условіемъ жениться... Вы хотя и вовсе непрактичны, нѣсколько взбалмошны и слишкомъ заняты своей ученостью, но все-таки феноменъ между нынѣшними дѣвицами...

— То-есть на безрыбьи и ракъ рыба? Неутѣшительно! А я всегда считала себя настоящей рыбой.

— Вы рыба, но только въ отношеніи чувства. А чтобы быть нѣжной женою, добросовѣстной матерью, необходимо неподдѣльное, теплое чувство.

— Да вѣдь я же полюбила васъ? значитъ—чувство есть...

— Да какое! можетъ быть, мимоходное, такъ себѣ, «жажда любви», какъ выражается Левъ. Чтобы увѣриться въ подлинности, незеемерности вашей любви, надо назначить срокъ. Если, по истеченіи, напр., года, вы еще будете ощущать то же самое желаніе выдти за меня, то тогда... Сегодня которое число?

— Кажется, пятое.

— Завтра, значитъ, шестое. Положимъ же не видѣться до 6-го іюля будущаго года.

— Согласна. И мнѣ необходимъ годичный срокъ, чтобы увѣриться въ васъ. Но до тѣхъ поръ, мы, разумѣется, никого не посвящаемъ въ нашу сдѣлку?

— Къ чему? Можетъ быть, и разойдемся.

— А какъ быть намъ сегодня, Александръ Александрычъ? Мы же обручены, такъ сказать...

— Да, пока другіе не воротились съ глетчера, мы можемъ обходиться другъ съ другомъ, какъ женихъ и невѣста.

— Да какъ же обходятся женихъ и невѣста? Я всегда отворачивалась отъ обрученныхъ—тошно видѣть: цалуются, жмутъ другъ другу руки...

— Значитъ, и намъ надо цаловаться, жать руки...

Лиза покраснѣла; на лицѣ ея обнаружилась внутренняя борьба, борьба дѣвственной стыдливости и молодечества.

— На-те, сказала она, протягивая къ нему руки: — жмите.

Онъ крѣпко сжалъ ихъ въ своихъ.

— Но это еще не все — надо цаловаться.

— Да я жду, что вы начнете...

— Невѣста должна выказывать всегда болѣе чувства, и потому цаловать первая должны вы.

— Такъ и быть! Смотрите же, какъ васъ любятъ...

Digitized by Google

Бросившись къ нему, она обвила его шею руками, присѣла къ нему на колѣни и съ жаромъ поцаловала его нѣсколько разъ.

— Фу, какой бородатый! Вы непремѣнно сбрейте ваши усы.

И новые поцалуи. Александръ едва могъ придти въ себя.

— Полноте, Лизавета Николавна, довольно... вы точно давно научились «цаловальному» ремеслу...

— Ага, то-то же! А говорите еще, что я безчувственна. Однако, что жь это мы на *вы*; обрученные, кажется, всегда на *ты*? Значитъ, *ты*, Сашенька, Сашурочка, *ты*?

Она опять звонко поцаловала его.

— *Ты*-то *ты*; но знаешь, милая моя, ты отдавила мнѣ колѣна, привстань пожалуйста. Вотъ и кучеръ нашъ смотритъ сюда— нехорошо.

— Чѣмъ же нехорошо? пусть смотритъ, пусть весь міръ смотритъ во всѣ мильоны глазъ — что мнѣ до нихъ? Общественное мнѣніе — самъ знаешь — вздоръ. Хочу любить — и люблю! Пусть смотрятъ и учатся.

— Но подобныя живыя картины не нуждаются въ посторонникъ зрителяхъ... развѣ тебѣ не неловко?

— Напротивъ, очень ловко: колѣни у тебя премягкія.

Александръ нахмурился.

— Но мнѣ тяжело держать тебя, ты изъ полновѣсныхъ.

— Если тебѣ точно тяжело, то можно и привстать... Но что съ тобой? прибавила она, замѣтивъ, что онъ печально поникъ головой.—Ты никакъ дуешься? Развѣять тебѣ думы съ чела поцалуемъ, какъ ты самъ выразилъ разъ?

— Нѣтъ, не нужно... Я придумываю, чего тебѣ недостаетъ; чего-то важнаго...

— Ты говорилъ: чувства. Но я, кажется, доказала тебѣ, что не совсѣмъ безчувственна.

— Нѣтъ, не чувства, чего-то другаго...

Александръ опять призадумался.

XXII.

Откровенія и разладъ.

Послѣ сытнаго обѣда, за которымъ въ честь обрученія была опорожнена бутылка Іоганнисбергера, облако на лицѣ Александра снова разсѣялось. Рука объ руку вышли они съ Лизой на улицу, и побрели между цвѣтущихъ палисадниковъ, съ пригорка на при-

Digitized by Google

горокъ. Солнце садилось; воздухъ, наполненный запахомъ свѣже-скошенной травы, дѣлался сноснѣе, прохладнѣе.

— Не знаю, какъ тебѣ, другъ Саша, говорила юная невѣста, прижимаясь съ любовью къ нареченному:—мнѣ такъ кажется, что цѣлый міръ нарядился нарочно для насъ въ свое лучшее платье: и деревья, и шиповникъ, и изгородь... Солнце свѣтитъ какъ-то особенно мягко, ласково, птицы щебечутъ наперерывъ, точно ликуютъ... Онѣ знаютъ, что сегодня великій праздникъ, сошлись двѣ порядочныя личности, чтобы не разставаться въ вѣкъ... Я и представить себѣ не могу, какъ быть безъ тебя, какъ я столько длинныхъ лѣтъ могла прожить безъ тебя.

Александръ слушалъ ее съ видимымъ удовольствіемъ.

— Дѣйствительно у тебя, кажется, начинаетъ обнаруживаться чувство. Я вѣдь говорилъ тебѣ, что высшее для женщины въ жизни—любовь.

— Любовь? Вы, кажется, воображаете, сударь, что влюбили насъ въ себя? Скажите! Мы только жалѣемъ васъ, видимъ: человѣкъ изнываетъ, убивается по насъ, ну, нельзя же не подать руку. Гуманность...

— Вотъ какъ! и вслѣдствіе той же гуманности вы сами не можете жить безъ насъ? Вы довели гуманность до высшей утонченности.

Лиза схватила его руку и прижала ее къ губамъ.

— Милый ты мой, милый! Ни на кого не промѣняю тебя.

Онъ отнялъ руку и поцаловалъ дѣвушку въ лобъ.

— Ты забываешь, Лизочка, что ты уже не мужчина: женщины никогда не цалуютъ рукъ у нашего брата.

— А я цалую, мнѣ такъ нравится. Кто можетъ мнѣ запретить?

— Да можетъ быть, такъ понравится, что потомъ трудно будетъ отстать: а завтра же надо будетъ отказаться отъ этого удовольствія.

— Такъ ты не раздумалъ? безсердечный!

— Раздумывать-то раздумывалъ, да не раздумалъ. Теперь мнѣ и самому жаль своего перваго рѣшенія. Цѣлый годъ еще ждать!

— Такъ что жь тебя удерживаетъ?

— Я знаю, что когда принялъ то рѣшеніе, то разсуждалъ холоднѣе, значитъ и раціональнѣе; хмѣль любви дѣлаетъ меня пристрастнымъ.

— Будь по твоему, разсудокъ мой; вѣдь ты разсудокъ, а—чувство? Только мы вмѣстѣ составляемъ цѣлаго человѣка? Видишь, какъ я хорошо запомнила твое ученье.

Digitized by Google

Пускай же! жокнешь меня завтра!
Зато я сегодня твоя,
Зато въ твоихъ милыхъ объятьяхъ
Сегодня блаженствую я!

Откуда, бишь, эти стихи? Какъ видишь, и я дѣлаюсь поэтичной. Ну, поцалуй же меня за то. Какой ты большой, наклонись— мнѣ недостать.

— Еслибы ты зналъ, Саша, начала она опять послѣ основательнаго поцалуя: — какъ мнѣ было совѣстно признаться тебѣ! Вдругъ измѣнить такъ свои убѣжденія. Я сама не знала, что со мной: такъ и хотѣлось обнять тебя. А ты такой медвѣдь—и ухомъ не ведешь, точно и не нравлюсь вовсе! Ждала-ждала, не признается-ли — нѣтъ! пришлось самой начинать; а знаетъ Богъ, какъ было тяжело. Я даже забыла планъ, который составила на этотъ случай: какъ станешь ты изъясняться, думала я, я приведу, что мы еще слишкомъ мало знаемъ другъ друга, что каждый изъ насъ долженъ чистосердечно покаяться въ своихъ слабостяхъ, недостаткахъ и прегрѣшеніяхъ...

— Отличная мысль, подхватилъ Александръ.—Дѣйствительно, важно знать слабыя стороны своей законной половины до свадьбы, чтобы не было потомъ раскаянья. Теперь еще время; будемъ же признаваться, кто въ чемъ повиненъ.

— Будемъ. У меня столько несовершенствъ, что не знаю, съ чего начать.

— Хочешь, я тебѣ помогу?

— Ну!

— Ты, какъ я замѣтилъ, любишь пѣть: какъ углубишься въ шахматную партію, сейчасъ запѣваешь, да и тянешь, впродолженіе всей игры, одно и то же.

— Да, справедливо, а что?

— Да у тебя голоса нѣтъ!

— Какъ нѣтъ, не слышишь? еще какой!

— Только не музыкальный.

— Ну, это можетъ быть. Но говорятъ, что у меня нѣтъ слуха...

— Это еще хуже. Слушать пѣніе человѣка, неимѣющаго ни слуха, ни голоса—величайшее мученіе. Какъ только ты, бывало, запоешь — такъ сердце у меня и заноетъ. Оттого-то я столько партій и проигрывалъ тебѣ.

— Ну, да, хорошъ гусь! Нѣтъ, я играла не хуже тебя, оттого.

Digitized by Google

— Положимъ; что спорить. Но что у тебя нѣтъ ни голоса, ни слуха—также вопросъ рѣшенный; потому первымъ условіемъ нашего будущаго союза, я полагалъ бы назначить твой отказъ отъ пѣнія.

— А если я не соглашусь на это условіе? Что за деспотизмъ! Хочешь пѣть—а тебѣ запрещаютъ; а вѣдь чего нельзя, того-то именно и хочется. Запретный плодъ всего вкуснѣе.

— Такъ ты не соглашаешься на этотъ пунктъ?

— Ну, еслибы не согласилась?

— Тогда... тогда я все-таки взялъ бы тебя! Богъ съ тобой, пой на здоровье, такъ-какъ ты ужь такая записная пѣвица; но не серчай также, если я при первыхъ звукахъ твоей пѣсни буду обращаться въ бѣгство.

— Такъ и быть, сказала Лиза:—хотя я и люблю пѣть, но такъ-какъ оно тебѣ непріятно, то обѣщаюсь никогда не пѣть въ твоемъ присутствіи.

— И за то спасибо. Этотъ пунктъ улаженъ. Теперь очередь за мной. Есть у меня недостатокъ, равносильный съ твоимъ: я лѣвша.

— Будто? Я до сихъ поръ не замѣтила.

— Потому не замѣтила, что я въ большей части случаевъ уже превозмогъ себя. Но сколькихъ усилій стоило мнѣ это! Шутка сказать: рѣзать правой рукой, ѣсть супъ правой! А попробуй-ка, если одна рука отъ природы слабѣе другой! За что ни возьмешься, вездѣ суется лѣвая. Взялъ ножъ въ правую—глядишь, а ужь онъ въ лѣвой. Сколько партій въ биліардъ продулъ я, пока не научился держать кій въ правой; сколько разъ заздавался въ карты, пока не навострился сдавать какъ слѣдуетъ... Да ну, на каждомъ почти шагу приходилось мнѣ бороться противъ своей природы, и вотъ, добился того, что никто не подозрѣваетъ во мнѣ лѣвши. Только бить не могу правой: лѣвая все-таки сильнѣе.

— Боюсь, что тебѣ не придется упражнять ее на мнѣ, улыбнулась Лиза.—Ну, да это еще ничего, вотъ у меня есть недостатокъ... Ты вѣдь знаешь, что я пью здѣсь сыворотки?

— Знаю.

— Но знаешь ли, противъ чего?

Она начала разсказывать о своей болѣзни не хуже медика. Александра передернуло; онъ, казалось, не ожидалъ отъ нея такой наивной откровенности.

Digitized by Google

Александръ не вытерпѣлъ и оттолкнулъ отъ себя руку Лизы, упиравшуюся на его собственную руку.

— Какія рѣчи!... Вотъ плоды вашей прославленной эмансипаціи! Догадался я, чего тебѣ недостаетъ: женственности, женственности нѣтъ въ тебѣ! Дуракъ я, болванисимусъ!

Лиза также взволновалась.

— Позвольте узнать, Александръ Александрычъ, за что вы назвали себя дуракомъ? Не за то-ли, что приняли мою руку?

— За то, душа моя, за то!

Лицо Лизы страшно поблѣднѣло.

— Не хочу я никакихъ жертвъ, я отдаю вамъ ваше слово назадъ. Благо, высказались еще во время. Вы не хотите меня—и мнѣ васъ ненужно; какъ-нибудь доживемъ и безъ васъ. Но само собою, о томъ, что было между нами, никто не узнаетъ?

Александръ, разстроганный, подалъ ей руку.

— Отъ меня покрайней-мѣрѣ нѣтъ, если не проболтается нашъ кучеръ, видѣвшій одну живую картину между нами. Пожалуйста, не осуждайте меня, Лизавета Николаевна! Еслибы вы знали, какъ тяжело мнѣ отказаться отъ васъ; но такъ, видно, лучше. Я теперь почти увѣренъ, что изъ насъ бы не вышло хорошихъ супруговъ. Вы не сердитесь?

— Прошу покорно! захохотала сардоническимъ смѣхомъ Лиза:— разрушаетъ всю твою будущность — и не сердись! Сердиться-то я хоть имѣю право!

— Разумѣется, можете, отвѣчалъ печально Александръ:—но послѣ всѣхъ интимностей между нами, я чувствую себя какъ-бы въ долгу у васъ; вы расточали мнѣ свои ласки...

— Ха, ха, не хотите ли вы мнѣ заплатить за мои ласки? Интересно бы знать, во сколько вы оцѣните ихъ? Нѣтъ, Александръ Александрычъ, на этотъ счетъ ваша совѣсть можетъ быть совершенно спокойна: вы цаловали, миловали меня, я васъ—мы квиты. Да не послужатъ вамъ мои ласки во зло, я расточила ихъ вамъ отъ чистаго, безкорыстнаго сердца...

Лиза замолкла и отвернулась; Александръ замѣтилъ, какъ по щекамъ ея скатились двѣ крупныя слезы.

— Не вернуться ли намъ? прошептала она, утирая тайкомъ слезы.—У меня болятъ зубы, слышите?

И снявъ косынку, она обвязала себѣ ею щеку. Такъ кончилась желанная поѣздка въ Гриндельвальдъ...

Digitized by Google

XXIII.

Какъ прощались сестры Липецкія.

Настало послѣднее утро. Въ «садовой комнатѣ», про которую мы уже упомянули въ началѣ нашего разсказа, сидѣла на подоконникѣ Наденька, перелистывая *Трехъ Мушкатеровъ*, которыхъ взяла съ полки, украшающей одну стѣну комнаты. Но ни картинки, коментирующія романтическія похожденія дюмасовскихъ героевъ, ни самый текстъ, повидимому, не могли достаточно приковать вниманіе молодой гимназистки: поминутно прикладывалась она лбомъ къ стеклу, чтобы окинуть бѣглымъ взоромъ дорожку, ведущую отъ главнаго зданія. Вдругъ легкій трепетъ пробѣжалъ по членамъ дѣвушки; она отдѣлилась отъ окна и низко наклонилась надъ фоліантомъ. По дорожкѣ послышались шаги и въ комнату вошли наши два друга.

— Здравствуйте, Надежда Николавна.

— А, Левъ Ильичъ, здравствуйте. Я васъ и не замѣтила. Упаковали свои пожитки?

— Все шито и крыто. Пришли проститься.

— А стихи написали?

— Написалъ. А карточка?

— Припасена. Когда же вы успѣли написать стихи?

— Ночью. Во второмъ часу окончилъ.

— Бѣдный! И не выспались хорошенько. Я спала отлично. Дайте-ка ихъ сюда.

Левъ вынулъ листъ почтовой бумаги, вчетверо сложенный.

— Но вы не должны никому показывать, замѣтилъ онъ.

— Отчего? Я, напротивъ, буду хвастаться передъ всѣми: навѣрно прехорошенькіе.

— Нѣтъ, я написалъ ихъ исключительно для васъ, и не хочу, чтобы кто нибудь другой читалъ ихъ.

— Да нашимъ же, maman и Лизѣ, можно показать?

— Имъ всего менѣе.

Въ это самое время откуда ни возьмись maman Наденьки. Ея появленіе удивило всѣхъ тѣмъ болѣе, что въ другіе дни она никогда не вставала ранѣе полудня. Но уже наканунѣ распушила она своихъ строптивыхъ чадъ за самовольную отлучку въ Гриндельвальдъ; теперь вѣроятно возникли въ ней небезъосновательныя опасенія, что внезапный отъѣздъ двухъ друзей можетъ дать

Digitized by Google

поводъ къ еще болѣе эксцентрическимъ выходкамъ съ ихъ стороны.

— Ахъ, maman, обратилась къ ней Наденька: — вотъ Левъ Ильичъ написалъ мнѣ стихотвореніе, и не даетъ мнѣ его иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы я никому не показывала. Вѣдь нельзя же мнѣ брать?

— Certainement нельзя, отвѣчала съ достоинствомъ аристократка:—дѣвицы, m—r Ластовъ, никогда не должны имѣть секретовъ отъ матерей; примите это къ свѣдѣнію.

— Вотъ видите, Левъ Ильичъ, отдайте жь стихи maman; она уже передастъ мнѣ.

Льву сдѣлалось довольно неловко: онъ никакъ не подозрѣвалъ въ Наденькѣ такой дѣтской наивности, какую она выказала въ этомъ случаѣ.

— Но я не хочу, чтобы другіе читали ихъ, проговорилъ онъ, пряча свое посланіе въ карманъ.

— Ну, и не нужно, сказала примѣрная мать, повертываясь къ двери:—Allons prendre du café, ma chère.

— А l'instant, отвѣчала Наденька, и, когда та вышла, обратилась къ поэту:—что же, Левъ Ильичъ?

— А Лиза гдѣ, то-есть Лизавета Николавна? спросилъ тутъ Александръ, стоявшій до этого безучастно у ближняго окна.

— Лиза? Она, по обыкновенію, встала въ 6 часовъ и теперь, послѣ сыворотокъ, прохаживается для моціона. А propos: не знаете ли вы, Александръ Александрычъ, какъ натуралистъ, какого-нибудь средства противъ зубной боли?

Александръ усмѣхнулся.

— А у сестрицы вашей все еще болятъ зубы, со вчерашняго?

— Ѣхи! Просыпаюсь, знаете, ночью и слышу — рыдаютъ. Неужто, думаю, Лиза? Вслушиваюсь—такъ, она. Что, говорю, съ тобой? «Зубы»! шепчетъ она, и опять въ слезы. Я просто удивилась: не запомню, когда она прежде плакала. Должно быть, невыносимо было.

— Средство-то у меня есть, произнесъ Александръ: — да не знаю, поможетъ ли.

— Какое жь это?

— Симпатическое: я умѣю заговаривать зубы.

— Какъ, вы, натуралистъ, вѣрите въ заговариванье?

— Всяко бываетъ. У меня такія завѣтныя слова...

— Такъ что жь вы не испробуете ихъ силы надъ Лизой, если такъ увѣрены въ нихъ?

Digitized by Google

— Заговариванье, видите-ли, своего рода магнетизированіе, а магнетизеръ всегда теряетъ нѣкоторую часть своихъ силъ, когда магнетизируетъ...

— И вамъ жаль частицы вашихъ геркулесовыхъ силъ, хотя можете принесть этимъ облегченье ближнему? Стыдитесь!

— Надо будетъ попытаться, рѣшился Александръ и отправился отыскивать страждущую.

— Такъ вы мнѣ, значитъ, стиховъ и не дадите? обратилась опять Наденька къ поэту.

— Такъ и не дамъ.

— Ну, и вамъ не будетъ карточки. Довольно однакожъ объ этомъ. Вы не прощались еще съ Интерлакеномъ?

— Какъ не прощался? развѣ надо особеннымъ образомъ прощаться?

— Да. Хотите, я научу васъ?

— Сдѣлайте милость.

— Такъ идите за мной.

Наденька вышла въ садикъ, Левъ послѣдовалъ за ней. По раннему часу утра тамъ не было еще ни души. Благоуханія сотенъ розъ носились въ тепломъ, тихомъ воздухѣ. На горизонтѣ сверкала во всей своей прелести снѣжная Юнгфрау, лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обвѣянная воздушными утренними облачками.

— Прежде всего проститесь съ дѣвой горъ, она столько времени услаждала ваши взоры.

Левъ упалъ на оба колѣна и воздѣлъ руки къ небу.

— О, дивная дѣва, прости великодушно, что я, какъ отъ огня, бѣгу отъ тебя. Но уже вчера имѣлъ я случай докладывать тебѣ, почему считаю супружество въ мои лѣта глупостью, а останься я еще здѣсь—чего добраго, не устоялъ бы, предложилъ бы тебѣ руку и сердце.

— Ну, довольно, довольно... перебила съ замѣшательствомъ Наденька:—теперь проститесь съ интерлакенской почвой, которую бременили впродолженіе стольких счастливыхъ дней. Не женируйтесь, почеломкайтесь.

Левъ наклонился къ землѣ и приложился къ ней губами, потомъ отплюнулъ и вытеръ ротъ.

— Бррр, какой сухой поцалуй, даже зубы скрипятъ.

Наденька разсмѣялась.

— Ну, встаньте; теперь надо проститься съ садомъ, съ розами...

Digitized by Google

Она подвала его къ первому розовому кусту и наклонила къ нему поочередно каждый цвѣтокъ; онъ послушно цаловалъ ихъ.

— Ахъ, какая великолѣпная! воскликнула вдругъ Наденька и сорвала пышную, пунцовую розу.— Вы оказались довольно вѣрнымъ паладиномъ; надо сдержать слово; давайте сюда шляпу.

Левъ подалъ ее и замѣтилъ тихимъ голосомъ:

— А вы знаете, что̀ значитъ пунцовый цвѣтъ на языкѣ цвѣтовъ?

Наденька не отвѣчала и продолжала пришпиливать розу, но на щекахъ ея выступилъ высокій румянецъ. Окончивъ свою работу, она покрыла украшенною шляпою голову молодаго человѣка и отступила на шагъ назадъ полюбоваться ею.

— Вамъ это очень идетъ.

— Да? А вѣдь съ лучшей-то розой, Надежда Николавна, я еще не простился.

Наденька оглянулась по сторонамъ; по близости никого не было.

— Такъ проститесь съ ней, прошептала она чуть слышно, съ опущенными глазами:—что жь вы? я не кусаюсь...

Левъ, неповѣрившій въ первый моментъ своимъ ушамъ, не далъ сказать себѣ это два раза, быстро обнялъ дѣвушку и припалъ къ ея полураскрытымъ, свѣжимъ губкамъ.

— Довольно... оставьте... лепетала гимназистка, вырываясь изъ его страстныхъ объятій.—Это было за всѣхъ...

И, высвободившись наконецъ, она, какъ испуганая лань, умчалась въ отворенную дверь дома.

Не таково было прощанье Александра съ Лизой. Онъ засталъ ее у кургауза, прохаживавшеюся, съ обвязанною по вчерашнему щекой, взадъ и впередъ подъ густолиственнымъ шатромъ алейныхъ деревъ; глаза ея были замѣтно красны, на лицѣ высказывалось глубочайшее уныніе.

— Здравствуйте, началъ Александръ: — я хотѣлъ до отъѣзда сказать вамъ еще пару словъ.

Лиза холодно взглянула на него, и отвернулась въ сторону:

— Вы спросите напередъ, хочу ли я слушать васъ?

— Вы должны выслушать меня...

— Къ чему? Мы уже чужды другъ другу.

— Не говорите этого; все еще можетъ устроиться къ лучшему. Я обдумалъ нашъ вчерашній разговоръ и нашелъ, что выходки ваши хотя и были неженственны, но могли быть слѣдствіемъ крайней экзальтаціи, желанія, во что бы то ни стало, показать себя женщиной современной; сверхъ того вы занимаетесь есте-

Digitized by Google

ственными науками, а слѣдовательно и на жизнь, на отношенія двухъ половъ смотрите совершенно просто, съ точки зрѣнія дикарей и—натуралистовъ. Поэтому я пришелъ къ заключенію, что вы еще можете исправиться...

— Не исправлюсь, никогда и никогда! перебила съ сердцемъ Лиза. — Я безчувственная, безжизненная статуя, чего жъ вамъ отъ меня?

— Что вы не безчувственны, видно уже изъ того обстоятельства, что вы такъ горько плакали обо мнѣ.

— Ну, да!

Она хотѣла удалиться и сдѣлала нѣсколько шаговъ. Онъ догналъ ее.

— Что за ребячество! Я же сознаюсь, что поступилъ опрометчиво, отказавшись отъ васъ наотрѣзъ; положимъ онять годичный срокъ...

— И для этого вы искали меня?

— Да.

— Могли бы и не дѣлать себѣ труда! Вы въ самомъ дѣлѣ вообразили, что я влюбилась въ васъ, что я повѣрила вашимъ софизмамъ о назначеніи женщины къ семейной жизни? Ха, ха! какой же вы наивный! Я потѣшалась надъ вами, я хотѣла только знать, могу ли я влюбить въ себя такого медвѣдя, какъ вы; ну, и убѣдилась; довольно съ меня. Ха, ха, ха! а вы и обрадовались? думали: вотъ заставилъ страдать женщину? Неопытны вы еще, мальчикъ вы, вотъ что. Имѣю честь кланяться.

Александръ не зналъ, что и подумать.

— Нѣтъ, не можетъ быть, Лиза, вы представляетесь, вы хотите только отмстить.

— А вы думаете, въ насъ нѣтъ гордости?

— Не гордость это—упрямство.

— Гордость или упрямство—не въ томъ дѣло; вѣдь мы, люди, ни въ чемъ невиноваты, во всемъ виноваты обстоятельства? вы же сами говорили. Значитъ, и мое упрямство отъ меня не зависитъ? Но довольно воду въ ступѣ толочь. Кланяйтесь и благодарите.

Александръ уже не удерживалъ ея.

— Патъ! пробормоталъ онъ и уныло поплелся своей дорогой.

Digitized by Google

XXIV

Какъ прощалась Мари.

Минуты двѣ простоялъ еще Левъ на одномъ мѣстѣ по исчезновеніи Наденьки; виски у него бились, лицо пылало. Но онъ вспомнилъ о скоромъ отъѣздѣ, провелъ по лицу рукою, тряхнулъ кудрями и взглянулъ на часы: до отхода дилижанса оставалось не болѣе десяти минутъ. Левъ поспѣшилъ наверхъ, въ свою комнату, за вещами.

Первое, что представилось тутъ его глазамъ, была Мари, грустная, смертельно-блѣдная, на стулѣ около двери. Левъ предвидѣлъ эту минуту, минуту разлуки съ сентиментальной швейкаркой, но все-таки, при наступленіи ея, былъ сильно озадаченъ.

— Мари... могъ только пробормотать онъ; въ нерѣшимости остановился онъ передъ дѣвушкой.

— Да, я, отвѣчала она беззвучнымъ голосомъ, уставясь съ тупою сосредоточенностью въ лицо возлюбленнаго; двѣ крупныя слезы скатились изъ глазъ ея.—Да, я, повторила она и съ укоризной покачала головой. — Цалуйтесь, цалуйтесь съ ней... Кто вамъ можетъ запретить?

— Такъ ты видѣла?

— Цалуются при свѣтѣ дня, въ саду, въ который выходятъ двадцать оконъ—и не видѣть!

Левъ поникъ головой, не зная, что сказать на это.

— Что вамъ въ простой дѣвушкѣ, въ горничной? продолжала Мари.—Что вамъ въ простомъ полевомъ цвѣткѣ? взяли-понюхали, да и бросили.

— Но, Мари, я, право...

— Что «право»? Не представляйтесь по крайней мѣрѣ, не лгите! Ну, похитили сердце, ну, хотите скрыться съ нимъ... хоть бы дали взамѣнъ частицу собственнаго сердца! Что жь вы не смѣетесь? вѣдь смѣшно сказано: вы, баринъ, тоже воръ—но воръ, до котораго нѣтъ дѣла полиціи. Ужасно забавно! Ха, ха, ха! ну, смѣйтесь?

— Милая Мари, я кругомъ виноватъ, тутъ и рѣчи не можетъ быть. Но послушай: если я такой негодяй, то стоитъ ли крушиниться обо мнѣ? что тебѣ въ такомъ обманщикѣ? Брось меня, отвернись, забудь!

— Забыть?! Это все равно, что сказать умирающему съ го-

Digitized by Google

лоду: «перестань, не голодай». Забыть! Да ты вся моя страсть, вся моя жизнь—и забыть тебя?...

— Ну, если не забыть, то можно по крайней мѣрѣ перестать любить.

— Или дышать? или жить? потому что не любить тебя — для меня то же, что̀ не дышать, не жить.

— Ты, милая, взволнована и не можешь разсуждать спокойно и вѣрно. Если человѣкъ — дрянь, то не за что̀ и любить его.

— Ахъ, не говори этого! Ты всѣмъ хорошъ; только одно, что обманулъ меня... Но чѣмъ болѣе вы насъ обманываете, тѣмъ болѣе мы привязываемся къ вамъ...

И, закрывъ лицо руками, она залилась горючими слезами.

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся мы ей,

вспомнилось невольно Льву.

«Что же дѣлать?» разсуждалъ онъ самъ съ собою: «утѣшать, увѣрять, что люблю ее по-прежнему? да я и не люблю ее... и къ чему это поведетъ? только продлитъ страданія бѣдняжки. Нѣтъ, надо оборвать всѣ нити разомъ! Пусть презираетъ, но не мучится изъ-за меня».

Онъ съ рѣшимостью подошелъ ко столу, перебросилъ черезъ плечо сумку и раскрылъ ее.

— Я долженъ идти, любезная Мари. Ты была всегда такъ мила, такъ предупредительна со мной, что я, право, не знаю хорошенько, чѣмъ отблагодарить тебя. Я бы купилъ тебѣ на память какую-нибудь вещицу, но какъ ты сама лучше моего знаешь, что̀ тебѣ именно нужно, то вотъ возьми...

Онъ подалъ ей нѣсколько червонцевъ. Разсчетъ его былъ вѣренъ: дѣвушка вскрикнула, вскочила, какъ ужаленная, со стула и схватилась за ручку двери, но тутъ силы измѣнили ей: она зашаталась и прислонилась къ косяку. Въ глазахъ ея, устремленныхъ въ пространство, блеснуло отчаяніе до безумія. Сухія, воспаленныя губы смыкались и размыкались, но ни одного звука не проходило черезъ нихъ.

Левъ перепугался не на шутку. Поспѣшно припряталъ онъ деньги и во̀-время еще поддержалъ несчастную, не рѣшаясь однако сказать что-либо въ утѣшеніе ей, чтобы какъ-нибудь не раздражить ее еще болѣе. Вдругъ слезы, какъ долго сдержанный плотиною потокъ, брызнули изъ глазъ ея, и, повиснувъ на шеѣ молодаго человѣка, она истерически зарыдала.

Digitized by Google

— Вотъ до чего я дожила! слышалось сквозь рыданья:—человѣкъ, которому я рада жизнь отдать, думаетъ отвязаться отъ меня золотомъ! Бѣдная я, бѣдненькая!

Онъ поцаловалъ ее осторожно въ лобъ.

— Милая, успокойся! вѣдь я же люблю тебя...

— Да не лги, безсовѣстный! почти взвизгнула она и оттолкнула его сурово. — Если любятъ, развѣ цалуютъ въ лобъ? О, бѣдная я!...

Колѣна у нея подкосились и она грохнулась навзничь на полъ.

— Ахъ, ты Боже мой... бормоталъ растерянный юноша, наклоняясь въ испугѣ къ безутѣшной. Немного онъ успокоился, когда увѣрился, что она не расшиблась опасно при паденіи: рыданія ея продолжались довольно равномѣрно. Мало по малу шумный ливень превратился въ благотворный мелкій дождикъ. Плачущая приподняла голову, присѣла на полу и устремила свои глубокія, томныя очи на возлюбленнаго измѣнника.

— Да любилъ ли ты меня хоть когда, злой человѣкъ? Теперь ты меня не любишь, это вѣрно; но любилъ ли ты меня хоть прежде?

— Любилъ, милая, право, любилъ...

— Но за что ты могъ любить меня? скажи, за что? Дурочка я, глупенькая! и повѣрила ему...

— Какъ за что? Развѣ ты не была всегда ко мнѣ привѣтлива, развѣ твое хорошенькое личико можетъ не нравиться?...

— А! вотъ что! такъ тебя плѣняла не я, а моя красивая маска? Будь я немножко дурнѣе, ты бы и не взглянулъ на меня? Охъ, горе ты мое, горе! о-охъ!

— Да полно же, дитятко мое, ребёночекъ, полно, вразумлялъ ее Левъ:—что тутъ убиваться? Развѣ женщина можетъ плѣнить чѣмъ другимъ? Главное въ ней—наружность, тѣлесная красота. Еслибы мы влюблялись только въ умъ, то конечно не плѣнялись бы женщинами, а мужчинами.

Слова молодаго натуралиста нетолько не успокоили швейцарки, они привели ее въ полное отчаяніе: она приложилась головою къ стулу и, дрожа всѣмъ тѣломъ, опять зарыдала:

— Охъ, тошно мнѣ, тошнехонько!

— Дорогая моя, ангелъ мой, перестань, мнѣ надо ѣхать, нельзя же такъ разстаться, говорилъ Левъ, обнимая ее и стараясь голосу своему придать какъ можно болѣе нѣжности.

Мари, задыхаясь отъ слезъ, повторяла только свое:

Digitized by Google

— Охъ, тошно мнѣ! матушки мои, какъ тошно!

Нечего, кажется, говорить, что положеніе Льва было самое незавидное: слезы почти такъ же заразительны, какъ зѣвота, въ особенности если знаешь, что самъ ты причина ихъ. Поэту нашему сильно щемило сердце и что-то начало уже подступать къ горлу, къ глазамъ. Онъ ощутилъ вдругъ неодолимое желаніе почесать у себя за ухомъ; но — обѣими руками поддерживалъ онъ плачущую и нечѣмъ было привести въ исполненіе свою задушевную мысль. Тутъ вспомнилось ему, что подравшихся собакъ разливаютъ холодною водою; онъ поднялъ голову: на столѣ стоялъ, по обыкновенію, полный графинъ. Тихонько вытащилъ Левъ свои руки изъ-подъ мышекъ дѣвушки и хотѣлъ подойти къ столу; та схватила его за руку:

— Ахъ, не уходи, не оставляй меня!

— Да я не уйду, я только за водой.

И, почесавъ теперь за ухомъ, онъ торопливо налилъ въ стаканъ воды и воротился съ нимъ къ дѣвушкѣ. И въ этотъ разъ онъ разсчиталъ вѣрно: едва сдѣлала она два-три глотка, какъ утихла; нѣсколько погодя приподнялась съ полу, присѣла на стулъ и отерла широкимъ рукавомъ слезы; затѣмъ, глубоко вздохнувъ, выпила съ жадностью остатокъ воды и отдала стаканъ молодому человѣку, который поспѣшилъ отнесть его на столъ и сейчасъ воротился опять къ ней.

— Ну, наплакалась, произнесла она, силясь улыбнуться.—Ты не взыскивай, милый мой, вѣдь я не Лотте... Да и за что мнѣ сердиться на тебя? развѣ ты виноватъ, что нашлась дѣвушка лучше меня? Ты и не такой еще достоинъ.

— Добрая моя...

— Полно, не представляйся, я знаю, что я теперь тебѣ бѣльмо на глазу, что у тебя въ эту минуту только и есть на умѣ: какъ бы скорѣе отвязаться отъ меня.

— О, нѣтъ, Мари, ты ошибаешься.

— Не хитри хоть предъ концомъ, развѣ я не вижу? Глаза влюбленной зорки. Но ты былъ правъ, сказавъ, что такъ намъ не годится разстаться; разойдемся друзьями. Если я тебя чѣмъ обидѣла, надоѣдала—прости великодушно, не поминай лихомъ.

— Милая, какъ же ты можешь думать... Я готовъ въ эту минуту все сдѣлать для тебя.

— Истинная правда?

— Сущая.

Digitized by Google

— Такъ я имѣла бы къ тебѣ просьбу...

Левъ невольно нахмурился: «Ахъ, чортъ возьми, ну, попроситъ отказаться отъ Наденьки?»

— Подари мнѣ на память эту булавку.

Галстухъ Льва былъ зашпиленъ золотою, съ эмалью, булавкой. Лицо его прояснилось, и съ необыкновенной готовностью отцѣпилъ онъ булавку, такъ что повредилъ даже галстухъ.

— На, любезная Мари.

Въ это время за окнами послышался стукъ колесъ. Левъ встрепенулся:

— Дилижансъ! мнѣ пора. Прощай, дорогая моя...

Она бросилась къ нему на шею и осыпала его жгучими поцалуями. Потомъ тихо оттолкнула отъ себя.

— Ступай, тебя дожидаются. Да хранитъ тебя Господь.

Она упала въ безсиліи на стулъ.

Поцаловавъ ее еще на скорую руку, Левъ схватилъ въ одну руку чемоданъ, въ другую альпійскую палку, трость и плэдъ, и выбѣжалъ изъ двери.

Дилижансъ дѣйствительно уже дожидался внизу, передъ площадкой отели; около него толпилось нѣсколько К'ских пансіонеровъ, въ томъ числѣ Александръ, Броннъ, Наденька и мать послѣдней. Бросивъ чемоданъ къ остальной поклажѣ на имперіалъ дилижанса, Левъ взялъ подъ руку Бронна и отвелъ его въ сторону:

— У меня, другъ мой, есть къ тебѣ небольшое порученіе; исполнишь?

— Вопросъ! Само-собою. Въ чемъ дѣло?

Левъ досталъ свое посланіе къ Наденькѣ.

— Вотъ возьми: не разсматривай—увидятъ; спрячь. Когда мы отъѣдемъ, ты передай Наденькѣ, какъ сказано: чтобы никто не видѣлъ.

— Будетъ исполнено въ точности. Но скажи на милость, что тебя приспичило непремѣнно ѣхать?

— Надо побывать еще въ южной Швейцаріи, на женевскомъ озерѣ, надо заглянуть и въ «das Land wo die Citronen blühn». Если вздумаешь писать, то можешь адресовать въ Неаполь.

— Все это очень мило; но развѣ тебѣ и здѣсь нехорошо? Охота искать счастья за горами, когда оно у тебя подъ рукой.

— У меня свои причины.

— А! понимаю:

Digitized by Google

Vor der Liebe ein Jüngling lief,
Glaubte, sie wäre hinter ihm,
Doch sie sass ihm im Herzen tief.

Напрасныя старанья: не убѣжишь отъ нея.

— Увидимъ! Ну, прощай.

Они поцаловались по-братски. Затѣмъ Левъ подошелъ къ дамамъ. Наденька держалась конвульсивно за руку матери, какъ-бы ища опоры. Послѣдняя кровинка исчезла изъ цвѣтущаго лица ея. Когда Левъ подалъ ей на прощанье руку, то почувствовалъ, какъ пальцы ея, горячіе и влажные, дрожали въ его рукѣ.

— Прощайте, Надежда Николавна.

— Прощайте...

Болѣе не сказалъ ни одинъ изъ нихъ. Но въ глазахъ ея, устремленныхъ на него какъ-то грустно вопросительно, онъ прочелъ нѣмой вопросъ:

— Что же стихи? вѣдь это нехорошо...

— А что карточка? спросилъ онъ вслухъ.

Наденька покачала отрицательно головой. Хотѣлъ онъ справиться, что̀ значитъ это отрицаніе: неудачу въ похищеніи карточки, или нежеланіе дать ее? Но тутъ подъ дверьми дома появилась Мари. Левъ покраснѣлъ, и коротко раскланявшись съ дамами, прыгнулъ въ дилижансъ.

— Adieux!

— Ade!

— Прощайте-съ!

Лошади тронули, громоздкій экипажъ загремѣлъ по мостовой.

При поворотѣ на мостикъ черезъ Ааръ, Левъ еще разъ выглянулъ изъ задняго окошка. Сквозь желтые столбы пыли, поднятые колесами, различилъ онъ въ отдаленіи живую картину: группа пансіонеровъ глядѣла съ площадки передъ отелью въ слѣдъ отъѣзжающимъ; впереди стояли мать и дочь Липецкія и Мари. Вдругъ Наденька бросилась на шею къ молодой швейцаркѣ, толпа обступила ихъ... Экипажъ повернулъ за уголъ.

Левъ откинулся назадъ, и пожалъ съ чувствомъ руку сидѣвшему возлѣ него другу.

Тотъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Что̀ съ тобою?

— Заварилъ я кашу...

Кому жь-то придется ее расхлебать!

Какая сладость иногда въ грусти! Просто, хоть сахаръ вари.

Digitized by Google

— А по мнѣ такъ это чистая полынная настойка: и горька, и шеломитъ.

— Такъ и ты того?...

Александръ молча отвернулся, но Левъ очень вѣрно понялъ, что̀ это значитъ:

— Да, и я того—дуракъ набитый!

Утро, какъ мы уже замѣтили, было высшаго достоинства: съ голубымъ небомъ и солнечнымъ блескомъ. Но доброкачественность погоды въ минуту разлуки едва-ли еще не усиливаетъ тоски. Все милое, покидаемое нами, представляется въ выгоднѣйшемъ свѣтѣ, и тѣмъ больнѣе намъ бросить его. Неподвижно, безмолвно стояли наши два пріятеля на кормѣ парохода, уносившаго ихъ отъ унтерзеенской пристани къ Туну. Все далѣе уходили знакомые берега, изъ-за темныхъ гребней которыхъ посылали путникамъ послѣдній привѣтъ свой бѣлоснѣжныя главы Юнгфрау, Мёнха, Эйгера... Одна за другой исчезали свѣтлыя вершины. Такъ гаснутъ яркія звѣзды волшебной лѣтней ночи, такъ потухаютъ безвозвратно звѣзды счастія...

— Прости, прости, мой край родной!
Ужь скрылся ты въ волнахъ...

пѣлъ тихій голосъ на кормѣ судна.

— Kellner! раздался тамъ же другой, громкій голосъ: — Zwei Flaschen Liebfrauenmilch!

XXV.

Заключеніе.

Недѣли двѣ спустя, Левъ, прибывъ съ Александромъ въ Неаполь, нашелъ тамъ слѣдующее письмо на свое имя.

«*Интерлакенъ, 24 іюля.*

«Amice carissime!

«Я извѣстился отъ Бронна (подлецъ онъ, отъявленный... но объ немъ рѣчь впереди), что ты намѣренъ пробыть нѣкоторое время въ Неаполѣ, поэтому письмо мое должно застать тебя.

«Прежде всего спѣшу увѣдомить тебя, что я женихъ... Вижу, какъ ты блѣднѣешь, какъ письмо дрожитъ въ твоихъ рукахъ; но не пугайся, другъ мой: я женихъ не Наденьки, а Мирочки. Самъ не знаю, какъ это сдѣлалось! Не думалъ, не гадалъ, а вдругъ оказался женихомъ. Et d'une manière si commune! Сна-

Digitized by Google

чала даже досадно было. Но теперь свыкся съ своей долей, въ особенности, когда узналъ, что беру приданаго до 20 тысячъ.

«Случилось оно такъ. Послѣдніе дни мы съ Мирочкой были все больше одни: то я отыскивалъ ее, то она меня. Entre quatre yeux она позволяла мнѣ даже цаловать ей ручку, а ручка у нея— sapristi! маленькая, полненькая, съ ямочками; и—что очень важно—sans deuil; такъ вотъ и просится на поцалуи! Да что ручка! еслибы ты видѣлъ ея ножку: coude-pied... Но это—статья, до тебя некасающаяся.

«И такъ, сидимъ мы съ нею въ бесѣдкѣ и прочитываемъ tour à tour *La Gaillarde* Поль-де-Кока (премиленькій романчикъ!), одинъ читаетъ—другая слушаетъ, другая читаетъ — одинъ слушаетъ, и наоборотъ, въ обратномъ отношеніи квадратовъ разстояній. Тутъ замѣчаетъ она на рукѣ моей перстень.

«— Ахъ, говоритъ, какой хорошенькій!

«И давай снимать его. А ручонки у нея, какъ выше объяснено, nec plus ultra, и какъ взялась она ими, мягкими, теплыми, за мою, такъ просто не знаю, что со мною сдѣлалось! Романъ ли Поль-де-Кока растрогалъ, или что другое — только словно электрическій токъ (а можетъ быть, и гальваническій? кто его знаетъ) пробѣжалъ по всѣмъ моимъ суставамъ; я не выдержалъ, обнялъ милашку и влѣпилъ ей наисмачнѣйшую безешку. Она не протестовала; но, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ, продолжала снимать у меня перстень и, снявъ его, стала примѣрять его на всѣ пальцы. Понятно, что онъ былъ ей великъ. Тогда она продѣла въ него два пальца, и смѣется:

«— Вотъ видите ли, и мнѣ въ пору!

«А меня точно бѣсъ какой толкнулъ:

«— А что, говорю, еслибы я попросилъ васъ оставить его себѣ?

«Она опустила глазки.

«— Переговорите съ тётенькой; она моя опекунша...

«Я чуть не провалился сквозь землю, въ Америку. Imbécile! самъ того не зная, сдѣлалъ предложеніе. Но que faire? благородному человѣку нельзя отступиться отъ даннаго разъ слова, сконфузить ее тоже не хотѣлось — скрѣпя сердце, отправился я къ опекуншѣ, ну и, само собою, получилъ ея полное согласіе...

«Но обратимся къ другой статьѣ, тебя, безъ сомнѣнія, болѣе интересующей. Я не присутствовалъ при вашемъ отъѣздѣ (вольно же ѣхать въ такую неслыханную рань!), но слухомъ земля

Digitized by Google

волнится: разсказывали мнѣ съ разныхъ сторонъ о трогательной прощальной сценѣ, какъ вы съ Наденькой, пожимая другъ другу въ послѣдній разъ руку, чуть не расплакались, какъ потомъ ты пересилилъ себя, оторвался отъ нея и бросился въ дилижансъ, какъ съ нею сдѣлалось дурно, и она чуть не растянулась передъ всей честно́й компаніей, какъ, наконецъ, мать потащила ее, рабу божію, въ свои внутренніе апартаменты, и задала ей тамъ капитальную головомойку. Все бы кончилось еще благополучно, еслибы не твоя стихоманія; накуралесила твоя Муза! нѣчего сказать. Ты обѣщался, говорятъ, написать Наденькѣ стишки и отдалъ ихъ при отъѣздѣ твоему другу-корпоренту, а тотъ, испугавшись эфекта, произведеннаго уже твоимъ отъѣздомъ, передалъ ихъ матери. Mon Dieu! что̀ за драма разыгралась изъ этого! Мы съ Мирочкой подслушали все изъ сосѣдней комнаты.

«— Ты, говоритъ, такая-сякая, связываешься со всякой швалью, у которой и гроша въ карманѣ нѣтъ; другое дѣло, еслибы то былъ Куницынъ...

«Ея собственныя слова, милый мой, не обижайся.

«Но и Наденька твоя не промахъ; разгорячилась не хуже матери.—Вы, говоритъ, не смѣете не отдать мнѣ стиховъ: они для меня написаны, они мои...

«И пошла, пошла. Но, понятно, солома силы не ломитъ: мать торжественно разорвала ихъ, такъ что ты собственно для нея одной и писалъ ихъ—никто другой не читалъ ихъ. Hélas! и смѣшно, и грустно; du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas, сказалъ Наполеонъ. Ты, однако, когда-нибудь дай мнѣ прочесть свое посланьице—должно быть, препикантное.

«Три дня Наденька не показывала глазъ, а какъ показалась—Господи ты Боже мой! что̀ сталось съ этой розовой, цвѣтущей дѣвушкой! Похудѣла, точно всѣ эти три дня ничего не ѣла, и такая блѣдная, желтая... То ли дѣло моя Мирочка! Но не сердись, извини пожалуйста; лучше не сравнивать ихъ; послѣ самъ отдашь честь моему вкусу. A propos de bottes: твой дерптецъ, какъ выше сказано, подлецъ изъ подлецовъ: чуть ты уѣхалъ, чуть Наденька вышла опять изъ затворничества (ужъ не мать ли посадила ее на хлѣбъ и на воду?), какъ онъ пріударилъ за ней, и хотя нельзя сказать, чтобы она замѣтно благоволила къ нему, однако онъ рѣсировалъ уже на столько, что она улыбается надъ его плоскими остротами. Доказательствомъ же тому, что она еще

Digitized by Google

не совсѣмъ утратила о тебѣ память, можетъ служить прилагаемая карточка ея:

«— Сдержалъ, молъ, слово.

«— Какое? спросилъ я: — написалъ стихи?

«Она замялась, покраснѣла. Я очень тонко при этомъ подтрунилъ надъ ней; она какъ-то прежде отозвалась, что любовь— нелѣпость, что законна только разумная привязанность, вслѣдствіе многолѣтняго знакомства.

«— Такъ-то-съ, сказалъ я ей:—вы питаете къ Ластову разумную, многолѣтнюю привязанность?

«Она сильно обидѣлась; но это показываетъ только, что я попалъ не въ бровь, а въ глазъ, съ чѣмъ тебя и поздравляю.

«Могу разсказать тебѣ еще одну новость, хотя уже болѣе грустнаго свойства. Ты, конечно, замѣтилъ тутъ смазливую, черномазую горничную, Мари? До Липецкихъ я, faute de mieux, вздумалъ приволокнуться за ней, и хотя она играла сначала неприступную, но я увѣренъ, что достигъ бы желанной пристани, еслибы не Наденька, а за ней Мирочка. Вдругъ вчера дѣлается съ нею нервная лихорадка; бредитъ, опасаются даже за ея жизнь... А вѣдь, чего добраго, во всемъ виноватъ я? Нѣмки эти вѣдь сентиментальны до-нельзя, я ее поцаловалъ какъ-то въ коридорѣ, увѣрялъ въ страстной любви; она вѣроятно и возмечтала; а какъ узнала, что я присватался къ Мирочкѣ, такъ съ отчаянья... Очень можетъ быть! меня даже грызетъ немножко совѣсть; но кто жь виноватъ въ томъ? неужели мужчина, который умѣлъ плѣнить глупенькую? На то силачу и сила, чтобы упражнять ее; и могу тебѣ сказать по секрету, что мнѣ даже ни мало непріятно, что и здѣсь, при такихъ небольшихъ стараніяхъ съ моей стороны, успѣлъ вскружить дѣвушкѣ голову не на животъ, а на смерть: видишь—весь прекрасный полъ отдаетъ тебѣ должный трибутъ.

«Но пора и кончить. Отвѣтъ ты можешь адресовать мнѣ въ Парижъ, poste restante; я увѣрилъ Липецкихъ, что и тамъ можно получить сыворотки, да еще лучше здѣшнихъ; ха, ха, ха! вѣроятно же можно? На дняхъ мы отправляемся въ дорогу. Радуюсь напередъ удовольствіямъ, которыя доставлю тамъ своей душкѣ-невѣстѣ. Цалую тебя заочно.

«Твой С. Куницынъ».

«P. S. Когда я за обѣдомъ упомянулъ, что пишу къ тебѣ, Лиза велѣла передать твоему пріятелю Змѣину, что симпатическое средство его противъ зубной боли наконецъ помогло ей, и что

Digitized by Google

она проситъ его не забывать 6-го іюля будущаго года. Подлинныя ея слова. — Змѣинъ, сказала она, — пойметъ ихъ. — Ну, а коли пойметъ, такъ и хорошо. Addio, carissime».

Идилія наша кончена. Встрѣтились ли наши герои и героини впослѣдствіи, соединились ли, какъ подобаетъ, законными узами—по нашему мнѣнію, вопросъ сюда неидущій. Еслибы живописецъ, написавъ солнечный, лѣтній ландшафтъ, вздумалъ, для большей полноты впечатлѣнія, дать вамъ понятіе и о зимнемъ состояніи изображаемой имъ мѣстности, и набросалъ бы для этого, сверхъ лѣтняго ландшафта, очерки атрибутовъ зимы: пасмурнаго неба, сугробовъ снѣга, обнаженныхъ, помертвѣлыхъ деревъ — то отъ этого бы только пострадала основная, солнечная картина. Идилія — та же картина, картина солнечной, аркадской жизни, и всякіе коментаріи къ ней, о томъ, что было впослѣдствіи, въ неидилическое время, послужили бы лишь въ ущербъ основному впечатлѣнію, производимому нашимъ разсказомъ.

В. Авенаріусъ.

Digitized by Google

ВОПРОСЪ ОБЪ ИСКУСТВѢ.

Статья третья.

Сочиненія Н. А. Добролюбова.

Значеніе Добролюбова. — Что̀ такое критика реальная или реалистическая? — Служба бельетристическихъ талантовъ наукѣ.—Отношеніе Добролюбова къ таланту г. Островскаго и наше мнѣніе по этому предмету. — Объ участи нашей сатиры и нашего прогреса.

Мы не безъ причины выбрали Добролюбова исходною тэмою для продолженія нашихъ статей: не объяснивши его значенія, нельзя вполнѣ разобрать и той путаницы понятій объ искуствѣ, о писателяхъ, о нравственныхъ и эстетическихъ началахъ, которая произведена нашими критиками-публицистами. Нѣтъ сомнѣнія, что Добролюбовъ еще непонятъ и неопредѣленъ ими; одни изъ нихъ считаютъ его исполнителемъ идей автора «Эстетическихъ отношеній», другіе же называютъ отступникомъ отъ этихъ идей въ сторону Бѣлинскаго и осуждаютъ даже за это отступничество. И тѣ и другіе правы съ своей точки зрѣнія и неправы противъ его самого. Нѣтъ писателя, который бы могъ служить такимъ живымъ упрекомъ нашему модному направленію, какъ Добролюбовъ; имъ такъ же легко побить и то, что̀ ему предшествовало въ этомъ движеніи, и то, что̀ за нимъ послѣдовало; въ своихъ критическихъ статьяхъ Добролюбовъ мѣстами какъ-бы выскакиваетъ изъ сторожевой цѣпи новѣйшихъ прогресистовъ и протягиваетъ руку примиренія и прошедшему, и вражеской сторонѣ. Правда, что это отстраненіе отъ своего лагеря съ нимъ случалось только урывками, временами: жизненный талантъ Добролюбова встрѣтился съ абстрактнымъ умомъ автора «Эстетическихъ отношеній», первый покорился второму, и въ этомъ причина неполноты его дѣятельности.

Всѣхъ статей Добролюбова мы разбирать не будемъ: онъ писалъ слишкомъ неразсчетливо и размашисто, чтобы изъ всего можно было выжать сокъ истины; порицать же за всякую ме-

Digitized by Google

лочь сошедшаго со сцены дѣятеля не стоитъ. И, наконецъ, чего мы будемъ топтаться и толочься на одномъ мѣстѣ? Заберемъ изъ Добролюбова что́ слѣдуетъ, да и впередъ... Болѣе всего мы обратимъ вниманіе на взгляды его на критику и искуство вообще и на его отношенія къ первостепеннымъ литературнымъ талантамъ; это скорѣе всего дастъ намъ возможность анализировать его дѣятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и примѣнить свои возрѣнія на искуство, высказанныя въ предшествующей статьѣ.

Добролюбовъ, безъ сомнѣнія, былъ одаренъ замѣчательнымъ критическимъ дарованіемъ, но дарованіе это еще не доросло въ немъ до того, чтобы выскочить изъ той рамки, въ которую вставлена была его дѣятельность. На немъ болѣе чѣмъ на комъ отпечатлѣлся слѣдъ литературныхъ тисковъ, о которыхъ мы уже говорили; онъ болѣе, быть можетъ, чѣмъ кто пострадалъ отъ надзора за дарованіями, такъ тщательно производимаго прежде. Тогда еще никто не хотѣлъ знать, что направленіе должно происходить не изъ умышленнаго преобладанія одной личности надъ другими, а изъ свободнаго и невольнаго сліянія нѣсколькихъ умовъ въ одинъ порывъ, въ одно движеніе; атмосфера деспотизма партіи еще такъ была густа, что легкіе, надышавшись ею, не могли не портить крови, не дѣйствовать на мозгъ и не отражаться на высшихъ и благороднѣйшихъ инстинктахъ.

Закраины главныхъ статей Добролюбова, то-есть начало и конецъ, и представляютъ именно слѣдъ того тѣсненія, которое производилось въ видахъ направленія. Въ срединѣ статей, а иногда и въ цѣлой отдѣльной, съ малыми только отступленіями въ пользу редакціи, Добролюбовъ иногда освобождался отъ преднамѣреннаго писательства, говорилъ отъ себя, отдавался на волю своего собственнаго дарованія, и тогда онъ былъ дѣйствительно хорошъ. Но, между тѣмъ, что онъ говорилъ по внушенію чужаго ума и по вдохновенію своего таланта столько противорѣчій, что видно сейчасъ, какъ мало онъ утвердился въ своихъ убѣжденіяхъ и какъ несовершенно усвоилъ или подогнулъ себя подъ чужія мысли. Онъ столько же принадлежитъ своему направленію, сколько и чужому; въ этомъ смыслѣ можно сказать, что Добролюбовъ не вашъ!

Особенность взгляда на критику яснѣе всего проглядываетъ у Добролюбова въ терминахъ: отказываясь отъ званія эстетическаго критика, онъ довольно пространно говоритъ о критикѣ реальной, то-есть той самой, которая теперь переименовалась въ реа-

Digitized by Google

листическую — перемѣна важная, особенно подъ перомъ людей, объявившихъ, что они ни въ чемъ несогласны съ Добролюбовымъ. И такъ поговоримъ же о критикѣ реальной или реалистической.

«Реальная критика относится къ произведенію художника точно такъ же, какъ къ явленіямъ дѣйствительной жизни» (14 стр. III т.)—говоритъ Добролюбовъ, впадая въ тонъ журнала. Нѣтъ, такъ не можетъ и не должна относиться настоящая критика къ произведеніямъ искуства; искуство и дѣйствительность не одно и то же — искуство должно стоять не въ уровень и не позади дѣйствительности, какъ мы уже доказали; а если оно должно стоять впереди жизни, то къ нему и критика должна быть взыскательнѣе, и руководящій элементъ при оцѣнкѣ жизни долженъ быть болѣе тонкій и болѣе подвижной. Оцѣнка жизни въ практическомъ смыслѣ должна собственно производиться публицистикой, которая строится на основаніи наукъ; оцѣнка же произведенія искуства дѣлается нравственно эстетическимъ началомъ, которымъ условливается стремленіе наше къ совершенству. Критики-реалисты смѣшали критику съ публицистикой и на этомъ основаніи стали называть ее реальной и полезной. Между терминами—критика реальная и эстетическая нѣтъ даже паралели; о критикѣ нельзя сказать — эстетическая ли она или неэстетическая, реальная или идеальная: неэстетической ее потому нельзя назвать, почему нельзя назвать и безобразной, а идеальной или реальной критика потому не можетъ быть, что назначеніе ея—примирять идеальное съ реальнымъ.

Есть три рода критиковъ—критики-мыслители, критики-оцѣнщики и критики-крикуны; Добролюбовъ, можно сказать, былъ и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ, хотя болѣе-то всего онъ хотѣлъ быть первымъ. Но настоящимъ критикомъ-мыслителемъ онъ уже потому не могъ быть, что умышленно или неумышленно не хотѣлъ быть критикомъ-цѣнителемъ: на словахъ онъ вездѣ отказывался отъ художественной оцѣнки литературныхъ талантовъ. Все это, впрочемъ, было въ немъ довольно неискренно. Съ одной стороны онъ говорилъ, «что онъ не чувствуетъ въ себѣ призванія воспитывать эстетическій вкусъ публики» и не желаетъ стяжать названіе тонкаго цѣнителя художественныхъ красотъ; а съ другой—распространяется о силѣ непосредственнаго чувства, о чувствѣ художественной правды (21—22 стр. т. III), о высшихъ нравственныхъ началахъ (44 стр.) и, наконецъ, забывшись, принимается за чисто-эстетическую оцѣнку Обломова. Откуда же бралось въ немъ это противорѣчіе, это пренебреженіе къ началу эстетическому и уваженіе къ началу нравствен-

Digitized by Google

ному? Не отъ того ли, что его дѣятельность, будучи несвободной, не дошла до пониманія тождественности этихъ двухъ началъ? Добролюбовъ не понялъ еще, что необходимо, напримѣръ, смотрѣть на жизнь нетолько съ точки зрѣнія истины, но и красоты; что мыслить, положимъ, необходимо надъ жизнью, исходя изъ опыта и знанія, но нужно также мыслить и чувствуя жизнь, осязая ея формы — иначе мысль никогда не перейдетъ въ дѣло.

Сфера дѣятельности публициста и критика различна. Публицистъ смотритъ на все съ точки зрѣнія болѣе широкой: онъ говоритъ о жизни, начиная съ области народа или государства, критикъ же начинаетъ рѣчь съ характеровъ, съ происшествій, съ семейныхъ отношеній и различныхъ связей, посредствомъ которыхъ ткется жизнь общественная; это точка зрѣнія не столь широко захватывающая жизнь, но зато болѣе глубоко проникающая въ нее. Двѣ дѣятельности эти, положимъ, могутъ сталкиваться, но никогда не должны сливаться въ одно, иначе онѣ взаимно другъ друга уничтожаютъ и критика переходитъ въ крикъ. Такъ случилось и съ самимъ Добролюбовымъ, который, за недостаткомъ сатиры, принялся свистать и шумѣть (*).

(*) Область публициста и область критика художественныхъ произведеній — двѣ разныя области; дѣйствительно, потому что одинъ имѣетъ дѣло съ фактами жизни общественной и государственной, другой —съ произведеніями искуства. Но если въ произведеніи искуства затронутъ политическій или общественный интересъ, кто же мѣшаетъ критику относиться къ этимъ вопросамъ, какъ относятся публицисты — и быть настоящимъ публицистомъ? Бѣлинскій былъ и критикъ и публицистъ въ одно время, а это не мѣшало ему нисколько быть хорошимъ эстетикомъ. Поэтому мы думаемъ, что такое подраздѣленіе критиковъ, какое придумалъ авторъ (критики-мыслители, критики-оцѣнщики и критики-крикуны) есть не болѣе, какъ уродливость факта, существовавшаго въ нашей литературѣ.

Вообще мы не признаемъ той отчужденности науки отъ искуства, искуства отъ исторической жизни народа, слѣдовательно, и политики, на которой такъ сильно настаиваетъ авторъ, и потому не считаемъ безполезнымъ еще разъ напомнить читателю нашъ собственный взглядъ на этотъ предметъ.

Художникъ долженъ стоять въ уровень съ идеями вѣка и съ государственными требованіями. Чѣмъ больше онъ забралъ содержанія эпохи въ свои произведенія, и чѣмъ больше таланта онъ выказалъ въ изобрѣтеніи формъ, которыми одѣлъ богатое содержаніе, тѣмъ онъ выше. Но...

Это очень важное *но*. Мы просимъ незабывать слѣдующихъ словъ Бѣлинскаго, написанныхъ имъ въ 1848 г., то-есть въ такой періодъ его развитія, когда онъ самъ служилъ уже идеѣ *пользы* искуства. Какъ ни находился онъ подъ вліяніемъ этой идеи, однакожь счелъ долгомъ написать слѣдующее:

«Теперь многихъ увлекаетъ волшебное словцо: «направленіе»; думаютъ, что все дѣло въ немъ, и не понимаютъ, что въ сферѣ искуства, вопервыхъ, *никакое направленіе грѣха не стдитъ* безъ таланта, а вовторыхъ, самое направленіе должно быть не въ головѣ только, а прежде всего въ сердцѣ, въ крови пишущаго, прежде всего должно быть чувствомъ, инстинктомъ, а потомъ

Digitized by Google

Но у Добролюбова дѣятельность эта являлась еще въ видѣ исключенія, у другихъ же она обратилась въ норму; образовались мало по малу рядомъ съ критиками-публицистами критики-ругатели или крикуны, которые взяли себѣ задачею не оцѣнивать таланты, не высказывать идеи, а, привязываясь къ какому нибудь незначительному факту въ сочиненіи, наругаться и нашумѣть надъ ними на сколько хватитъ силы: это такъ-называемое литературное наѣздничество. Въ этомъ родѣ произведенъ былъ набѣгъ на г. Тургенева со стороны нигилистовъ и на г. Островскаго со стороны реалистовъ. Въ послѣднее время эта критическая гимнастика отъ сильныхъ тѣлодвиженій совсѣмъ соскочила съ рельсовъ, и читателю пришлось прочесть въ видѣ сюрприза то, о чемъ не было даже и намёка въ заглавіи.

Это смѣшеніе критики съ публицистикой шло какъ разъ въ паралель съ помѣсью искуства и науки, о которой мы говорили прежде; у Добролюбова мы опять столкнулись съ этимъ послѣднимъ явленіемъ, съ тою только разницею, что у насъ оно выставлено было въ видѣ порицанія, у него же въ видѣ похвалы. Мы такимъ образомъ можемъ указать на процесъ, которымъ зачиналась и оправдывалась эта помѣсь. «Свободное претвореніе высшихъ умозрѣній въ высшіе образы — говоритъ Добролюбовъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ полное созданіе высшаго общаго смысла во всякомъ частномъ и случайномъ фактѣ жизни—это идеалъ, представляющій полное сліяніе науки и поэзіи, доселѣ никѣмъ еще недостигнутый» (18 стр. III т.). Удивляюсь, какъ Добролюбовъ при своемъ умѣ не понималъ, что сліяніе науки съ поэзіей влечетъ людей либо къ мистицизму, либо къ шарлатанству, и что какъ отъ того, такъ и отъ другаго люди стали избавляться по мѣрѣ того, какъ истины науки перестали сливаться съ грезами поэзіи въ одну хаотическую, полную мрака и безъисходной тоски путаницу.

Воображеніе—плохой помощникъ въ наукѣ; какъ на живой примѣръ этому, мы можемъ указать на дѣятельность Месмера, кото-

---

уже, пожалуй, и сознательною мыслію—что для него, этого направленія, такъ же надобно родиться, какъ и для самого искуства. Идея вычитанная или услышанная и, пожалуй, понятая, какъ должно, но не проведенная черезъ собственную натуру, не получившая отпечатка вашей личности, есть мертвый капиталъ нетолько для поэтической, но и всякой литературной дѣятельности. Какъ ни списывайте съ натуры, какъ ни сдобривайте вашихъ списковъ готовыми идеями и благонамѣренными «тенденціями», но если у васъ нѣтъ поэтическаго таланта — списки ваши никому не напомнятъ своихъ оригиналовъ, а идеи и направленія останутся общими риторическими мѣстами». — *Ред.*

Digitized by Google

рый, благодаря своей мечтательной пылкости, окомпрометировалъ только въ глазахъ ученыхъ тѣ явленія, которыя послѣ точный изслѣдователь Бредъ опредѣлилъ и назвалъ гипнотизмомъ. На Месмерѣ мы видимъ самый свѣжій примѣръ нетолько шарлатанства, но и мистицизма; и то, и другое въ немъ сливается, да и эти элементы между собой почти однородны. Ученые смотрѣли на Месмера какъ на обманщика, публика—какъ на чудодѣя; теперь же, съ открытіемъ гипнотизма, онъ оказывается не болѣе, какъ поэтъ-ученый.

Поэтами же учеными хотятъ быть и наши самоучки-натуралисты, популяризирующіе науку, которой не учились; до нелѣпостей Месмера они, пожалуй, не дойдутъ, но уважать науку тоже не заставятъ. Сколько, напримѣръ, шумѣли они о пользѣ изученія физіологіи; нетолько въ критическихъ статьяхъ, но даже и въ повѣстяхъ объ этомъ говорили. И что же мы видимъ: професоры терапіи и акушерства до сихъ поръ имѣютъ несравненно болѣе слушателей-спеціалистовъ, чѣмъ професоры физіологіи; сколько клиники полны, столько лабораторіи пусты. И если, сравнивая науку медицины съ живымъ организмомъ, можно сказать, что терапія есть вершина, голова медицины, анатомія же и физіологія — фундаментъ или ноги, то о нашей русской медицинѣ можно сказать, что она стояла до сихъ поръ вверхъ ногами: приливъ соковъ такимъ образомъ былъ къ головѣ, къ терапіи; ноги же ея, анатомія и физіологія, болтались вверху на воздухѣ. Чтобъ поставить ее на ноги, мало фразъ о распластанныхъ лягушкахъ и пользы ихъ разсматриванія черезъ микроскопъ(*): заниматься физіологіей, фундаментомъ медицины, можно только изъ любви къ истинѣ; практическая же медицина ведетъ, какъ извѣстно, къ пользѣ и выгодѣ. Мы нарочно останавливаемся и будемъ останавливаться на научной сторонѣ нашего вопроса: защищая самостоятельность искуства, мы этимъ самымъ защищаемъ и самостоятельность науки.

«Литература по своему существу — говоритъ Добролюбовъ — не имѣетъ дѣятельнаго (то-есть самостоятельнаго) значенія: она только или предполагаетъ то, что нужно сдѣлать, или изображаетъ то, что дѣлается или что уже сдѣлано; въ первомъ случаѣ, то-есть въ предположеніи будущей дѣятельности, она беретъ свои матеріалы и основанія изъ чистой науки, во второмъ—изъ самихъ

(*) Господинъ Г. Б., то-есть попросту Григорій Благосвѣтловъ, объявилъ, что онъ въ слѣдующей книжкѣ «Русскаго Слова» представитъ разборъ спеціальнаго и подробнаго трактата «О дѣтскихъ болѣзняхъ» Фогеля (!). Въ настоящее же время совѣтуетъ всѣмъ матерямъ запастись этимъ чисто-спеціальнымъ руководствомъ.

Digitized by Google

фактовъ жизни. Такимъ образомъ, вообще говоря, литература представляетъ собою силу служебную, которой значеніе состоитъ въ пропагандѣ, а достоинства опредѣляются тѣмъ, что и какъ она пропагандируетъ» (462 стр. III т.). — Не то же ли заключаютъ въ себѣ эти строки, что выражено авторомъ «Эстетическихъ отношеній», когда онъ говоритъ о содержаніи искуства и опредѣляетъ сферу его дѣятельности общеинтереснымъ или полезнымъ и придаетъ дѣятельности поэтической значеніе научное. Но не совсѣмъ-то, какъ видно, подогнулась у Добролюбова мысль въ этомъ отношеніи, и потому онъ сейчасъ же прибавляетъ: «въ литературѣ, впрочемъ, являлось до сихъ поръ нѣсколько дѣятелей, которые въ своей пропагандѣ стоятъ такъ высоко, что ихъ не превзойдутъ ни практическіе дѣятели, ни люди чистой науки; эти писатели были одарены такъ богато природою, что умѣли какъ-бы по инстинкту приблизиться къ естественнымъ понятіямъ и стремленіямъ, которыхъ еще только искали современные имъ философы съ помощію строгой науки. Мало того, что философы только предугадывали въ теоріи, геніальные писатели умѣли это схватить въ жизни и изображать въ дѣйствіи. Такимъ образомъ, служа полнѣйшими представителями человѣческаго сознанія въ извѣстную эпоху, обозрѣвая съ этой высоты жизнь, людей и природу и рисуя ее передъ ними, они возвышались надъ служебною ролью литературы и становились въ рядъ историческихъ дѣятелей... Таковъ былъ Шекспиръ; многія изъ его пьесъ могутъ быть названы открытіемъ въ области человѣческаго сердца; его литературная дѣятельность подвинула общее сознаніе людей на нѣсколько ступеней, на которыя до него никто не подымался, и которыя только издали были указаны нѣкоторыми философами».

Далѣе причисляется къ этому же роду писателей, неразыгрывавшихъ роли служебной передъ наукой, Данте, Гёте и Байронъ; туда же, конечно, согласился бы Добролюбовъ ввести Гейне и многихъ другихъ. Такимъ образомъ, составляется цѣлый циклъ писателей, подъ перомъ которыхъ искуство для Добролюбова уже не является слугою науки; съ какой же стати послѣ того относить второстепенные таланты къ числу служителей, подвѣдомственныхъ ученымъ? Почему непремѣнно нужно быть геніальнымъ писателемъ и хватить дальше, чѣмъ хватили ученые и философы, чтобы быть самостоятельнымъ дѣятелемъ въ сферѣ искуства и поэзіи? И какъ наконецъ второстепенные литературные таланты могутъ служить наукѣ, когда способности ихъ не на столько громадны, чтобы между своими дѣлами заниматься еще и посторонними? Надо имѣть слишкомъ мало уваженія къ наукѣ и слишкомъ малое пониманіе ея трудности, чтобы съ чисто-лите-

Digitized by Google

ратурными или бельетристическими способностями браться за ея пропагандированіе. Это-то у насъ и дѣлается въ силу обычая, заведеннаго Добролюбовымъ; у многихъ, напримѣръ, изъ нашихъ пропагандистовъ есть несомнѣнные бельетристическіе таланты, но тѣмъ хуже для науки: она подъ ихъ перомъ является орудіемъ забавы, игрушки, а не серьёзныхъ работъ и мысли. Человѣку, хоть немного понюхавшему истинъ науки, нельзя равнодушно читать этихъ литературно-бельетристическихъ упражненій; они удовлетворяютъ только желанію баловаться наукой, а не изучать ее, подталкиваютъ къ узкому, одностороннему, а не къ универсальному развитію.

Популяризированіе—дѣло великое, но только тогда, когда оно производится людьми, спеціально знающими предметъ. Можетъ ли, напримѣръ, довѣриться читатель г. Шелгунову въ его статьѣ о психіатріи, когда онъ до сихъ поръ писалъ о томъ, что подвернется подъ руку? Можно ли не удивляться смѣлости г. Писарева, рекомендующаго, подобно професору зоологіи, сочиненіе по мало ему извѣстному предмету? Лучшіе популяризаторы въ родѣ Араго, Бабине, Росмеслера, Фохта и другихъ были въ то же время и замѣчательными спеціалистами, что вполнѣ естественно: кому извѣстенъ предметъ въ совершенствѣ, тому его легче изложить ясно. Популяризированіе равняется по своему значенію професурѣ; но на сколько ниже, поверхностнѣе теперешнее популяризированіе въ сравненіи даже съ нашею професурой—и сказать нельзя. Странное въ самомъ дѣлѣ положеніе нашей науки. Въ журналахъ показываютъ изъ нея только блестки и обертку, въ университетахъ—сухіе кости, скелетъ науки; въ журналахъ науку, профанируя, пропагандируютъ, въ университетахъ же, завертывая въ фоліанты — прячутъ. Удивительно ли послѣ того, что многіе затыкаютъ уши и бѣгутъ вонъ...

Признавая за литературой главное значеніе пропаганды, Добролюбовъ, впрочемъ, требуетъ отъ нея одного качества, безъ котораго въ ней не можетъ быть никакихъ достоинствъ, именно—правды; «надо, чтобы факты, изъ которыхъ исходитъ авторъ и которые онъ представляетъ намъ, были переданы вѣрно; какъ скоро этого нѣтъ, литературное произведеніе теряетъ всякое значеніе, оно становится даже вреднымъ, потому что служитъ не къ просвѣщенію человѣческаго сознанія, а напротивъ еще къ большему помраченію. И тутъ уже напрасно стали бы мы отыскивать въ авторѣ какой-нибудь талантъ, кромѣ развѣ таланта врать. Въ произведеніяхъ историческаго характера правда должна быть фактическая; въ бельетристикѣ, гдѣ происшествія вымышлены, она замѣняется логическою правдою, то-есть разумной вѣ-

Digitized by Google

роятностію и сообразностію съ существующимъ ходомъ дѣлъ».— Но явно ли Добролюбовъ тутъ говоритъ противъ своего направленія и теперешней бельлетристики, которой именно недостаетъ художественной правды и въ которой все такъ невѣроятно, неправдоподобно, что одно только явное пристрастіе и незнакомство съ жизнію журналистовъ даетъ право на напечатаніе? Мы принуждены сказать, что романъ «Что дѣлать»—образецъ въ этомъ родѣ; съ появленіемъ его усилилось, если не ошибаемся, и поступленіе въ печать повѣстей писателей, лишенныхъ всякаго пониманія жизни. Всѣ нападки на искуство, эстетическое начало, талантъ тоже дѣйствуютъ въ этомъ направленіи и распложаютъ число повѣстей, гдѣ изображается не жизненная правда, а якобы научная и полезная истина. Добролюбовъ, впрочемъ, и самъ себѣ противорѣчитъ, придавая такое значеніе и требуя въ то же время, чтобы искуство служило наукѣ, пропагандируя ее. Послѣдняя роль есть только низшій родъ искуства, называемый научной литературой, которая проявляется какъ въ строго-серьёзныхъ, такъ и въ популярныхъ статьяхъ. Ее-то, эту научную литературу, у насъ и стараются смѣшать съ изящной, роняя этимъ и науку и искуство. Изъ этого видно, какъ даже въ интересахъ науки и съ точки зрѣнія ея важно, чтобы вопросъ объ искуствѣ рѣшенъ былъ какъ можно яснѣе.

Но Добролюбовъ нетолько защищаетъ художественную правду наперекоръ своему направленію, но еще въ одномъ мѣстѣ (465 стр. III т.) высказываетъ опасеніе, «чтобы поборники искуства не обвинили его въ навязываніи художнику утилитарныхъ тэмъ». Но какъ же было его и не обвинить въ этомъ, когда онъ, требуя, чтобы искуство было служанкою науки, говоритъ, «что между истиннымъ знаніемъ и истинной поэзіей нѣтъ существенной разницы», и въ то же время утверждаетъ, что повѣсть безъ правдоподобія, безъ таланта имѣетъ только значеніе вранья. Добролюбовъ только ставилъ этимъ себя, а еще болѣе людей, обучавшихся по его критикамъ, въ вѣчное противорѣчіе. Школа критиковъ-крикуновъ была, пожалуй, въ этомъ отношеніи послѣдовательнѣе его: она совсѣмъ отвернулась отъ художественной правды и въ этомъ отношеніи ее можно только считать проводникомъ идей сочиненія «Эстетическія отношенія къ дѣйствительности». Добролюбовъ же худо переварилъ эту книжку.

Добролюбовъ много говоритъ о необходимости расширенія взгляда бельлетриста или художника посредствомъ общихъ понятій и свѣдѣній науки. Это такъ, вѣрно, но все-таки въ художникѣ это не первое; если онъ черезчуръ будетъ заниматься этимъ расширеніемъ свѣдѣній въ наукѣ, то онъ убьетъ въ себѣ на-

Digitized by Google

конецъ талантъ. Только всеобъемлющіе геніи, подобные Гёте, не вредили себѣ такою энциклопедичностію. Знаніе поэта есть преимущественно знаніе жизни въ самыхъ сырыхъ и неподдѣльныхъ ея матеріалахъ.

Вслѣдствіе двойственности воззрѣній Добролюбова на критику и искуство, а можетъ быть и невозможности повиноваться только внушеніямъ своего таланта, взглядъ Добролюбова на нашихъ современныхъ писателей и художниковъ тоже имѣетъ въ себѣ что-то несвободное; особенно это можно сказать въ отношеніяхъ его къ г. Островскому. На г. Островскаго онъ смотритъ какъ-бы съ одной стороны и разбираетъ одну половину его литературной дѣятельности — изображеніе темной стороны жизни. Положимъ, что эту сторону таланта Добролюбовъ разобралъ хорошо, но этого все-таки недостаточно. Въ талантѣ г. Островскаго есть много свѣта и истинной поэзіи, которые въ Темномъ царствѣ не оцѣнены. Г. Островскій черезъ эту темень критическую является какимъ-то обличителемъ и уличителемъ купцовъ; а Добролюбовъ могъ бы оцѣнить и свѣтлое въ дѣятельности г. Островскаго.

И все это выходитъ у Добролюбова какъ-то мелко. Въ Большовѣ, напримѣръ, онъ видитъ только дрянную натуру, подвергнувшуюся вліянію окружающаго быта; онъ одинаково для него ничтоженъ, какъ въ довольствѣ, когда онъ неистовствуетъ, такъ и въ бѣдѣ, когда онъ потерялъ все и съ этой потерею явился передъ зрителями въ другомъ видѣ. Онъ смѣется надъ сравненіемъ судьбы Большова съ судьбою Лира. Какъ ни странно повидимому это сравненіе, оно отчасти вѣрно; комедія этимъ сравненіемъ не возвышается, а только объясняется. Подобно тому, какъ король Лиръ забылся въ своемъ положеніи и, въ этомъ забвеніи сумасбродства, нечаянно высказалъ великодушіе и отдалъ все дѣтямъ—такъ и купецъ Большовъ, близкій къ овладѣнію имущества болѣе чѣмъ слѣдуетъ, лишилъ себя всего въ пользу дѣтей. Семейное начало является въ необразованномъ человѣкѣ единственнымъ противовѣсомъ эгоизму; далѣе семьи взоръ его рѣдко проникаетъ. Только образованіе дѣлаетъ изъ цѣлаго общества настоящую семью, въ которой общественность и гуманность являются противовѣсомъ и семьянизму и эгоизму. Поэтому отдача имущества дѣтямъ въ Большовѣ очень цѣнна. Большовъ все время до своего несчастія является какимъ-то раздраженнымъ, недовольнымъ и бѣшенымъ безъ причины: нажи-

Digitized by Google

той и награбленный имъ капиталъ какъ будто не даетъ ему покоя. Не понимая самъ себя, онъ наконецъ рѣшается хапнуть еще болѣе, и за этимъ все вдругъ отдаетъ; видно, что деньги ему не такъ дороги, какъ сильна его невѣжественная натура. Онъ какъ-бы жертва избытка, который его увѣчитъ. Положеніе богача дѣйствительно не такъ хорошо, какъ обыкновенно думаютъ, для нравственнаго состоянія личности. Невѣжество, конечно, условливало самодурство Большова, но не на столько, на сколько богатство. Въ Лирѣ невыгодность положенія въ нравственномъ отношеніи чуть только затронута: тамъ геній писателя преимущественно остановился на драматизмѣ величайшаго несчастія, какое только можетъ создать жизнь. «Свои люди сочтемся»—даже не комедія и не драма, а глубоко-вѣрное изображеніе народнаго быта и положительно лучшій анализъ одного изъ человѣческихъ недостатковъ — способности забываться, въ довольствѣ и богатствѣ.

Что Большовъ не дрянная натура, что всѣ его взбалмошные и нелѣпые поступки и безобразія условливались избыткомъ—показываетъ то, что когда надъ нимъ разразилось несчастіе, когда онъ упалъ съ неба на землю, онъ сталъ человѣкомъ. Чѣмъ грязнѣе, чѣмъ отвратительнѣе были его дикости, тѣмъ рельефнѣе и свѣтлѣе выглядываютъ подъ конецъ блеснувшія въ немъ достоинства. Показать въ такомъ испорченномъ самодурѣ никому невидныя достоинства — заслуга немалая: это можетъ сдѣлать только талантъ и тончайшая способность воспринимать красоту жизни. Смотрите, какъ онъ твердо переноситъ свое несчастіе, какъ сдержанно негодуетъ на Подхалюзина и на свою дочь, которымъ все отдалъ и которые его гонятъ. Онъ какъ будто во сто разъ поумнѣлъ, сдѣлавшись несчастнымъ; мало даже говоритъ, понявши, что словами противъ нихъ ничего не сдѣлаешь. Нѣкоторыя выраженія его отзываются неподдѣльнымъ трагизмомъ. Когда Подхалюзинъ, стараясь замять его просьбу—выручить изъ бѣды, начинаетъ угощать, и мать съ дочерью тоже около него суетятся, Большовъ восклицаетъ: «выручайте, дѣтушки, выручайте!» Когда въ отвѣтъ на его упреки и просьбы къ дѣтямъ онъ получаетъ самый наглый отказъ, онъ ограничивается только восклицаніемъ: «змѣи вы подколодныя» и опускаетъ голову на столъ. Жена его начинаетъ бранить и проклинать дѣтей, Подхалюзинъ ядовито замѣчаетъ, что тятенька захмѣлѣлъ маленько, дочь поддакиваетъ ему противъ отца; Большовъ въ отвѣтъ встаетъ и говоритъ только: «ну, прощайте дѣти». Подхалюзинъ проситъ его остаться; Большовъ не слушаетъ — «сама себя раба бьетъ, коли нечисто живетъ! Ты ужь не плати за меня ничего, пусть что

Digitized by Google

хотятъ, то и дѣлаютъ. Прощайте, пора мнѣ». Куда дѣвалась его ярость? Лишенія укротили въ немъ звѣрскіе инстинкты, хоть и не произвели въ немъ того упадка духа, который обыкновенно производитъ бѣдность на слабыя натуры.

Правда, что вліяніе несчастія въ Большовѣ выражено авторомъ невполнѣ. Г. Островскій вообще всегда отступалъ передъ тѣми мѣстами, гдѣ нужна была драматическая сила; всѣ его сочиненія вообще нельзя назвать ни комедіями, ни драмами, а только необыкновенно вѣрными и художественными изображеніями въ драматической формѣ. Въ его драмахъ и комедіяхъ болѣе эпическаго чѣмъ драматическаго движущагося элемента, болѣе юмора и сатиры, чѣмъ комическихъ положеній. Самая растянутость его сочиненій способствовала болѣе къ вѣрности изображенія народнаго быта, чѣмъ къ проявленію на сценѣ глубокихъ внутреннихъ движеній. Внутреннія, сердечныя, общечеловѣческія движенія можно изобразить только въ сжатой, движущейся формѣ настоящихъ драмъ. Чтобы глубокія душевныя движенія обнаружились, нужно чтобъ и самая форма была подвижная. Кромѣ этого, тутъ нужна еще болѣе сильная вѣра въ несовсѣмъ легко подмѣчаемыя движенія благородства и достоинства человѣческой природы. Въ «Грозѣ» г. Островскій обнаружилъ болѣе всего вѣры въ свѣжую сторону нашей жизни, и потому «Гроза» вышла у него самой удачной изъ всѣхъ драмъ. Драма не можетъ быть построена на отрицательномъ движеніи, на толчкѣ, такъ сказать, сзади, какъ въ сатирѣ и комедіи. Драма есть порывъ таланта впередъ отъ лица всего лучшаго и совершеннѣйшаго въ жизни.

Добролюбовъ ставитъ въ заслугу г. Островскому, что онъ будто рисуетъ изъ нашего купеческаго быта не злодѣевъ или мошенниковъ съ сильной натурой, а русскихъ доморощенныхъ плутовъ, неспособныхъ на рискъ и лишенныхъ разбойнической рѣшимости (его выраженіе). Нѣтъ, Подхалюзинъ не мелкій плутъ, а злодѣй, поступающій систематически и нетеряющій присутствія духа въ самыя критическія минуты. Въ послѣдней сценѣ комедіи «Свои люди»—сценѣ, которая кажется Добролюбову лишней, высказывается вся сила натуры этого плута. Когда по уходѣ Большова является полиція и онъ разомъ узнаетъ о страшной бѣдѣ, онъ не теряется, а говоритъ хладнокровно квартальному: «Покорнѣйше прошу садиться! Водочки не угодно ли?» Но вотъ и послѣдній маневръ его плутовства не удается: квартальный отнѣкивается; Подхалюзинъ видитъ, что Сибири ему не миновать и все-таки не унываетъ, задумывается только и говоритъ: «а въ Сибирь такъ и въ Сибирь! Что же такое? И въ Сибири люди живутъ». За этимъ беретъ шляпу и прибавляетъ: — «я готовъ-съ».

Digitized by Google

Мы нарочно обратили вниманіе на силу этого характера и на замѣчаніе Добролюбова объ измельчаніи русской жизни. Нѣтъ, жизнь наша не такъ еще измельчала, какъ думаютъ многіе. Народъ нашъ еще одинаково способенъ какъ на большое зло, такъ и на большое добро. Обвинять въ мелкости движеній душевныхъ какъ низкихъ такъ и благородныхъ — значитъ не вѣрить въ запасъ нашихъ силъ. Ничто не въ состояніи истощить этого запаса: русская натура попрежнему размашиста и непосѣдна. Никакія историческія несчастія и географическія неудобства не могутъ сломить этой силы. Въ насъ еще только нѣтъ вѣры въ себя и въ свое собственное добро; мы еще научились только смѣяться надъ своими недостатками, но не умѣемъ радоваться, цѣнить въ себѣ достоинствъ, небольшихъ, но сильныхъ и давно уже просящихся наружу и нерѣдко неимѣющихъ исхода.

Столь же одностороненъ взглядъ Добролюбова и на драму г. Островскаго «Не такъ живи, какъ хочется». Сочиненіе это имѣетъ глубокій смыслъ; при болѣе сильномъ развитіи драматизма, изъ него вышла бы вещь великая. Жить дѣйствительно нельзя всегда такъ, какъ хочется, какъ желалъ бы; а не желать нельзя: на то есть страсти и окружающая жизнь. Борьба между долгомъ и неограниченностію желаній есть одна изъ тѣхъ нравственныхъ тревогъ, которымъ человѣкъ чаще всего подвергается; она-то и изображена отчасти въ народной драмѣ г. Островскаго.

Молодой, необразованный и удалой дѣтина Петръ Ильичъ, имѣющій жену и занятый вѣроятно дѣломъ, полюбилъ дѣвушку, которая и по характеру и по всему приходилась ему точно подъ пару. Что̀ дѣлать? Оставить жену нельзя, соблазнить Грушу тоже невозможно безъ женитьбы: и вотъ онъ рѣшается притвориться неженатымъ; и смутно сознавая въ то же время безъисходность положенія своего, пьетъ горькую. Добролюбовъ видитъ въ Петрѣ только дрянного кутилу и бранитъ его за это на чемъ свѣтъ стоитъ. Но зачѣмъ же, скажите, у автора сказано въ началѣ пьесы: «Пока любилъ меня Петръ Ильичъ, такъ и жилъ хорошо; а разлюбилъ, богъ его знаетъ что̀ съ нимъ сталось, и сталъ гулять». — И потомъ, послѣ грубаго разговора съ женой, который произвелъ видно и на него тяжелое впечатлѣніе, Петръ говоритъ: «Горе! Вотъ гдѣ горе... Не зальешь его, не затушишь... Дайте мнѣ вина, скорѣй вина».—Кажется ясно, что Петръ пьетъ съ горя. Характеръ его непонятъ такимъ образомъ Добролюбовымъ въ самой основѣ. Правда, что душевная борьба выражена въ Петрѣ неполно, но до этого мало дѣла было Добролюбову, видѣвшему въ немъ только героя темнаго царства. Въ монологахъ, напримѣръ, Петръ положительно слабѣе, а тамъ-то именно

Digitized by Google

и выражаются самыя глубокія движенія души. Не слишкомъ сознательное выраженіе борьбы въ простомъ человѣкѣ, быть можетъ, не допускаетъ и естественность. Петръ мучится, страдаетъ, неистовствуетъ, самъ не понимая что съ нимъ и что ему дѣлать; въ этомъ-то и трагизмъ невѣжественной, но сильной натуры.

Разсужденія Добролюбова о самодурствѣ къ Петру совсѣмъ неприложимы; стараясь натянуть все на свою идею, онъ Петра считаетъ тоже за самодура, и на какомъ же основаніи? На томъ, что на него не подѣйствовали ни уговариванія отца, ни упрашиванья тетки, ни мольбы жены и совѣты товарища; Петръ, несмотря на это, пилъ и кутилъ. Добролюбовъ не догадывается, что на взрослаго человѣка съ сильнымъ характеромъ трудно дѣйствовать уговариваньемъ, упрашиваньемъ и мольбами—все это часто проходитъ мимо ушей; и если онъ принимаетъ другое рѣшеніе, то это большей частію въ силу процеса, въ немъ совершившагося.

Добролюбовъ ставитъ въ укоръ Петру Ильичу, что онъ ходилъ къ колдуну и спрашивалъ послѣдняго, можетъ ли онъ приворожить дѣвку, чтобы любила, чтобы не она надо мной, а я надъ ней куражился, какъ душѣ угодно. Добролюбову становится страшно отъ этой фразы; онъ не понимаетъ, что грубое выраженіе это въ сущности невинно. Любовь его къ Грушѣ была слишкомъ сильна, чтобы думать тогда о деспотизмѣ надъ ней, какъ понялъ Добролюбовъ. Петръ все-таки мужикъ необразованный; ему нельзя ставить въ вину ни вѣру въ колдуновъ, ни грубость въ выраженіяхъ. На мужика нельзя роптать за то, что онъ мужикъ, личности нельзя приписывать того, что зависитъ отъ обстоятельствъ.

Ничего нѣтъ также страннаго и слишкомъ неутѣшительнаго, какъ кажется Добролюбову, и въ томъ, что Петръ и послѣ встрѣчи жены его съ Грушей и разрыва его съ послѣдней начинаетъ сильнѣе пить, впадаетъ въ неистовство и наконецъ, какъ дикій звѣрь, бросается изъ дому, боясь совершить преступленіе! Но ни мятель, ни темнота, ни холодъ не уменьшаютъ его ярости; въ его душѣ созрѣвало и готовилось преступленіе; съ нимъ происходилъ нравственный кризисъ и все повидимому тянуло его въ бездну. Вдругъ раздается звонъ колокола, онъ останавливается, видитъ передъ собой прорубь; и впечатлѣніе мѣднаго голоса и темной проруби такъ сильно подѣйствовало на его нервы, какъ не дѣйствовали мольбы и увѣщанія. Внезапное сотрясеніе иногда бываетъ причиной выздоравливанія сумасшедшихъ, а онъ былъ близокъ къ безумію. Какъ же могъ сомнѣваться Добролюбовъ въ полномъ перерожденіи Петра, когда гнѣвъ, страданіе и любовь дошли въ немъ до такой высоты, откуда можетъ

Digitized by Google

быть только полный поворотъ къ лучшему, или гибели? Авторъ, правда, не рѣшился, да и не желалъ, быть можетъ, изобразить подробнѣе этотъ душевный поворотъ и поставить на сцену Петра въ то время время, когда онъ былъ надъ Москвою-рѣкой. И обстановка, и положеніе, и внутреннее состояніе Петра—все дѣлаетъ это мѣсто въ высшей степени драматичнымъ. Не развилъ такое г. Островскій въ своей драмѣ, какъ намъ кажется, другое, не менѣе сильное положеніе—это встрѣчу Даши съ Грушей. Онѣ даже и не узнаютъ другъ друга; а изъ этого столкновенія могло бы выдти одно изъ сильнѣйшихъ мѣстъ въ драмѣ, въ которомъ характеръ Даши выразился бы вполнѣ.

Но за то какъ хороша у него Груша. Нельзя лучше, рельефнѣе нарисовать характера граціозно-веселой, сдержанно-страстной и удалой, умной русской дѣвушки. Смотря на эту свѣтлую фигуру, нельзя не подивиться, какъ могло Добролюбову казаться все темнымъ въ сочиненіяхъ г. Островскаго. Не можемъ удержаться, чтобы не выписать слѣдующаго мѣста.

«Груша.—Что ты такой сердитый? На меня что ли сердитъ?

Петръ. — Я нынче не въ себѣ, скучно, дѣла такія есть.

Груша. — А ты не скучай! Что за скука... Такъ-то голубчикъ мой бѣленькій. (Поетъ).

Петръ. — Ужь очень я тебя люблю! Надоть такъ думать, что ты меня приворожила чѣмъ ни на есть.

Груша. — Что ты! Господь съ тобой!

Петръ. — Возьми ты вострый ножъ, зарѣжь меня, легче мнѣ будетъ.

Груша. — Да что съ тобой сдѣлалось?

Петръ. — Несчастный я человѣкъ! Ничего я не пойму, ничего не соображу. Голова моя вся кругомъ пошла. Ровно туману кто напустилъ на меня.

Груша. — Да отчего такъ? Скажи.

Петръ. — Говори ты мнѣ прямо, чтобы я зналъ, любишь ли ты меня?

Груша. — А то скажешь нѣтъ? Извѣстно, люблю.

Петръ. — Ой-ли? Вѣрно твое слово?

Груша (обнимая). — Вотъ какъ люблю, вотъ!

Петръ. — Груша, такъ ты меня такъ любишь? Ну, пропадай все на свѣтѣ! Скажи ты мнѣ теперь: загуби свою душу за меня!— Загублю, глазомъ не сморгну.

Груша.—Что ты, что ты? Нехорошо. Нешто такія слова говорятъ? Въ какой часъ скажется. Вотъ у насъ кузнецъ Еремка, все здакъ душой-то своей клялся, въ преисподнюю себя проклиналъ... Ну, чтожъ, сударь ты мой, такая-то страсть... И завелъ

Digitized by Google

его на сѣновалъ, подъ крышу—насилу стащили, всего скорчило. Ужь такой-то этотъ Еремка распостылый! Какихъ бѣдъ съ нимъ не бывало! Два раза изъ проруби вытаскивали, а ему все какъ съ гуся вода.

Петръ.—Что мнѣ себя жалѣть? Ужь и такъ пропащая моя голова, за одно пропадать-то! Говори, мое солнышко, чего тебѣ нужно: золота, серебра, каменьевъ самоцвѣтныхъ—себя заложу, а тебѣ подарю.

Груша.—Ничего мнѣ, голубчикъ мой бѣленькій, не надо, всего у меня довольно. А ты вотъ что-парень, люби меня какъ я тебя люблю.

Петръ.—Эхъ дѣвка! Что балясы-то точить! Видишь, я въ какомъ разѣ. Проси, чего хочешь. Дорогого проси.

Груша.—Чего у тебя просить-то! А вотъ что: ходи ночаще, носи пряничковъ послаще, да еще ленту поалѣе, да гляди на меня помилѣе, да цалуй покрѣче... ха, ха, ха! Да вотъ еще я у тебя хотѣла давно попросить, купи ты мнѣ перстенечекъ.

Петръ.—Ужо два принесу (*Груша поетъ*).»

Мы нарочно указываемъ на эту свѣтлую страницу изъ автора, въ которомъ Добролюбовъ видѣлъ такъ много темныхъ страницъ. Такъ же односторонне смотритъ Добролюбовъ и на комедію «Не въ свои сани не садись». Русакова онъ тоже называетъ самодуромъ; не думаемъ, чтобы самъ авторъ думалъ такъ же о немъ, когда писалъ. Славянофилы, положимъ, были смѣшны, считая Русакова за представителя лучшихъ людей допетровской эпохи: Русаковъ вовсе не историческая личность, а самая обыкновенная купеческая, которая впрочемъ такъ хороша, что образованіе только немного можетъ ее улучшить. Добролюбовъ считаетъ за выраженіе самодурства слова Русакова: «статочное ли дѣло, чтобы повѣрить дѣвкѣ, кто ей понравится. Пусть мнѣ человѣкъ понравится.» Да вѣдь это онъ только ворчитъ, высказываетъ недовѣріе къ ея выбору. Онъ, пожалуй, говоритъ про себя: «Я не за того отдамъ, кого она полюбитъ, а за того, кого я полюблю.» А когда дѣло доходитъ до рѣшительнаго шага, смягчается и прибавляетъ: «Говорю тебѣ Авдотья, иди за Бородкина. Не пойдешь, не будетъ тебѣ моего благословенія, а чтобы я и не слыхалъ про проходимца.» Послѣ, когда дочь падаетъ въ обморокъ, Русаковъ совсѣмъ уступаетъ и соглашается на замужество съ Вихоревымъ. «Кабы я зналъ, что онъ степенный человѣкъ, да что онъ тебя любитъ, я бы и разговаривать не сталъ.» Вообще въ отношеніяхъ этого старика-вдовца къ дочери есть что-то материнское. Какъ мужчина, онъ, разумѣется, не могъ имѣть той деликатности чувства, которую можетъ высказать женщина въ такихъ случаяхъ.

Digitized by Google

Добролюбовъ это не понялъ; потому что у него на все былъ какой-то неестественно, неискренно-суровый взглядъ.

Дочь его была дѣйствительно одно изъ тѣхъ существъ, на сужденія которыхъ о привязанности мужчины нельзя положиться. Это была одна изъ тѣхъ граціозно-женственныхъ и сильныхъ самою своею уступчивостію натуръ, обрисовка которыхъ такъ удалась г. Островскому. «Пусти ее къ лютымъ звѣрямъ, и тѣ ее не тронутъ—говоритъ о ней отецъ.—Ты посмотри на нее: у нея въ глазахъ-то только любовь да кротость. Она будетъ любить всякого мужа, надо найти такого, который ее чтобы полюбилъ, да могъ понять, что̀ эта за душа.» Добролюбовъ говоритъ, что сердце такой дѣвушки—расплывающееся тѣсто, что оно кисель, тряпка, и что такія натуры производятся только самодурствомъ, деспотизмомъ. Это положительно невѣрно: женственность, хотя бы доведенную до крайности, нельзя ставить въ упрекъ женщинѣ; она дика и неумѣстна только въ мужчинѣ, а между женщинами она есть и не можетъ не быть. Сила женщины иногда въ самой ея слабости. Грація и мягкость характера берутъ часто верхъ надъ самою даже звѣрообразностію, особенно когда эта мягкость соединена съ умомъ; упорство же безпричинное только озлобляетъ. Мы не совѣтуемъ всѣмъ женщинамъ голубиную кротость; но думаемъ, что многія изъ нихъ не могутъ ее не имѣть по своей природѣ. Даже въ этой готовности любить всякого, которую такъ порицаетъ Добролюбовъ, мы не видимъ ничего фальшиваго. Есть дѣйствительно такіе невзыскательные женскіе характеры, которые не могутъ не любить человѣка, когда съ нимъ сближаются. Въ этой неразборчивости есть какъ-бы инстинктъ матери. Изъ такихъ дѣвушекъ, которыя способны привязаться къ своему суженому и ряженому, каковъ бы онъ ни былъ, не выходятъ, правда, пылкія жены, за то выходятъ настоящія матери. Но опять мы скажемъ, что этотъ свѣтлый взглядъ на окружающее, эта дѣтски-материнская привязанность и глаза, смотрящіе на все съ любовью, не могутъ быть достоинствомъ всякой женщины; но онѣ есть, существуютъ въ дѣйствительности; надъ этими качествами нельзя смѣяться какъ надъ фальшивыми.

Добролюбовъ видитъ въ Авдотьѣ Максимовнѣ только несчастное, угнетенное и обиженное существо; но ужели всякую кротость мы должны считать за признакъ угнетенія? Ужели отсутствіе давленія производитъ только бойкость, рѣзкость и задоръ? Что-то невѣроятно. Дуня любитъ отца, но ей нравится и Вихоревъ. «Я не пойду за Бородкина, Викторъ Аркадьевичъ. Вы не безпокойтесь пожалуйста, говоритъ она», думая утѣшить вертопраха.—«Вамъ тятенька прикажетъ идти».—«Ахъ нѣтъ, тятенька

Digitized by Google

меня любитъ. Я ему скажу, что не люблю Бородкина, онъ насильно не заставитъ»—«А какъ онъ этого не послушаетъ, что тогда?»—«Я ужь право не знаю, что мнѣ и дѣлать—такая напасть на меня!»—И въ этихъ словахъ Добролюбовъ видитъ идіотизмъ, тогда какъ въ нихъ только выражается крайнее смущеніе. Отчего же такой ужасъ—замѣчаетъ Добролюбовъ—когда та съ испугомъ отказывается убѣжать съ Вихоревымъ? Да просто оттого, видите—продолжаетъ онъ словами Дуни—что отецъ проклянетъ меня и тогда каково мнѣ будетъ жить на бѣломъ свѣтѣ. Что же тутъ смѣшнаго, что дѣвушка неразвитая и неэмансипированная конечно боится сильно огорчить отца, которого любитъ? Много ли найдется такихъ особъ ея лѣтъ и положенія, которыя безъ дальнѣйшихъ церемоній согласятся убѣжать очерти голову? Добролюбовъ увѣряетъ, что Дуня нетолько лишена самомалѣйшей степени рѣшимости, но даже неспособна совсѣмъ возмущаться зломъ. Однако, когда Вихоревъ, очутившись съ ней на постояломъ дворѣ и узнавши, что отецъ оставилъ ее безъ приданаго, начинаетъ требовать, чтобы она просила денегъ и тогда онъ женится—Авдотья Максимовна встаетъ и говоритъ: «Да отсохни у меня языкъ, если я у него попрошу хоть копейку!» Можно ли требовать чего нибудь болѣе сильнаго отъ дѣвушки ея характера? Желаніе видѣть во всемъ свою идею у Добролюбова доходитъ до того, что онъ даже поступокъ Русанова—заплатить за Вихорева мелкіе долги, лишь бы только онъ скорѣе убрался изъ города—считаетъ за выходку самодурства, какъ-будто самодуры одни поступаютъ всегда безъ разсчета!

Вообще Добролюбовъ не поскупился на разныя натяжки и выводы, чтобы объектировать свою критику въ формѣ темнаго царства. И вышло дѣйствительно изъ его критики что-то темное, мрачное, хоть на половину и невѣрное. «Это—говоритъ онъ—міръ затаенной, тихо вздыхающей скорби, міръ тупой, ноющей боли, міръ тюремнаго гробоваго безмолвія, лишь изрѣдка оживляемый глухимъ, безсознательнымъ ропотомъ, робко замирающимъ при самомъ захожденіи. Нѣтъ ни свѣта, ни тепла, ни простора; гнилью и сыростью вѣетъ темная и тѣсная тюрьма. Ни одинъ звукъ съ вольнаго воздуха, ни одинъ лучъ свѣтлаго дня не проникаетъ въ нее... Они молчатъ, эти несчастные узники, они сидятъ въ летаргическомъ оцѣпенѣніи и даже не потрясаютъ своими цѣпями; они почти лишились даже способности сознавать свое страдальческое положеніе; но тѣмъ не менѣе они чувствуютъ тяжесть, лежащую на нихъ, они не потеряли способности ощущать свою боль. Если они безмолвно и неподвижно переносятъ ее, такъ это потому, что каждый крикъ, каждый вздохъ, среди это-

Digitized by Google

го сладкаго омута, захватываетъ имъ горло, отдается колючею болью въ груди, каждое движеніе тѣла, обремененнаго цѣпями, грозитъ имъ увеличеніемъ тяжести и мучительнаго неудобства ихъ положенія.»

Все это, пожалуй, хорошо, талантливо, поэтично, но невѣрно. Жизнь при такихъ условіяхъ продолжаться не можетъ. Это не тѣло общественное, что̀ изобразилъ Добролюбовъ, а трупъ бездыханный или больной въ агоніи, на лицѣ котораго смерть уже положила свою страшную, еще Гипократомъ подмѣченную, печать. Такому больному врачъ ненуженъ; у такого застывающаго тѣла остается только сидѣлка или какая нибудь родственная душа, которая послѣ съ плачемъ и воплемъ хоронитъ покойника. Если выздоравливаніе такъ безнадежно и въ душѣ вашей одно только отчаяніе, то нечего, значитъ, вамъ и говорить—лучше оставить въ покоѣ.

Но видитъ-ли, по крайней мѣрѣ, Добролюбовъ какой-нибудь исходъ изъ темнаго царства? Нѣтъ, или только два самыхъ узкихъ, о которыхъ онъ упоминаетъ въ концѣ своего сочиненія. Только два характера кажутся ему свѣтлыми и отличаются большою нравственною силой: это характеръ Паши, дѣвушки падшей, если помнитъ читатель, отъ Беневоленскаго, и характеръ Любима Торцова, который губитъ себя пьянствомъ. Характеры эти, положимъ, свѣтлы, хотя Пашу собственно и сравнивать нельзя съ Любимомъ Торцовымъ: она тѣнь характера. Но тѣмъ хуже, если натяжка такая произведена съ цѣлью доказать, что только развращеніе женщины и паденіе мужчины, и могутъ служить выраженіемъ нравственной чистоты въ нашемъ обществѣ. Добролюбовъ говоритъ, что Паша, придя въ домъ невѣсты Беневоленскаго, могла бы сдѣлать ему дебошъ и сорвать сердце, но она этого не хотѣла. Ужь одно предположеніе дебоша — худо рекомендуетъ Пашу. Мало также прибавляетъ къ ней Добролюбовъ своими замѣчаніями о ея горѣ, завитомъ веревочкой. Кто не знаетъ, сколько болѣзненно-грустнаго въ этомъ завиваніи горя!

Но разборъ этого послѣдняго характера въ драмѣ «Гроза» поставилъ Добролюбова еще въ большее противорѣчіе. Онъ, какъ человѣкъ чуткій къ эстетическимъ впечатлѣніямъ, сразу понялъ, при появленіи «Грозы», что темное царство его не такъ темно, какъ казалось ему. Прежде онъ говорилъ, что ни одинъ лучъ свѣтлаго дня въ него не проникаетъ, и тутъ вдругъ посыпались на него самыя яркіе лучи свѣта. Что̀ дѣлать? Какъ справиться? И вотъ онъ рѣшаетъ, что Катерина есть лучъ свѣта, проникшій въ темное царство; что явленіе такого характера составляетъ поворотъ въ нашей народной жизни (488 стр. Т. III). О какомъ

Digitized by Google

поворотѣ тутъ говоритъ Добролюбовъ? Зачѣмъ видитъ онъ во всемъ изображеніе новыхъ, нарождающихся явленій жизни? это задача таланта г. Тургенева, а не г. Островскаго. Катерина — не новость въ нашемъ народѣ: она всегда была въ немъ — это доказываютъ русскія народныя пѣсни; многія изъ нихъ прямо вырвались изъ женской груди, и по тону и складу даже подходятъ къ тому страстному, граціозному говору, которымъ дышетъ рѣчь Катерины. Добролюбовъ жестоко ошибается, говоря, что появленіемъ характера Катерины, у насъ разрѣшается задача, требуемая поворотомъ общественной жизни.

Разборъ «Грозы» есть одна изъ тѣхъ статей, гдѣ авторъ много тоже говоритъ противъ художественной и эстетической критики и обнаруживаетъ несомнѣнныя способности къ ней. Въ заключеніяхъ статьи — распространяется о служеніи искуства наукѣ, объ обращеніи его въ орудіе посторонней идеи; въ срединѣ же пишетъ чисто-эстетическій дифирамбъ Катеринѣ, называетъ ее характеромъ созидающимъ, любящимъ, идеальнымъ. Трудно найти что-нибудь болѣе свѣжее, какъ его восхищеніе Катериной. Но какъ человѣкъ надломанный въ своихъ пониманіяхъ красоты, онъ тутъ же высказываетъ самыя фальшивыя воззрѣнія на сущность движеній душевныхъ. Такъ, напримѣръ, любуясь Катериной, онъ припоминаетъ слѣдующее мѣсто изъ Островскаго: «Иной разъ, бывало, рано утромъ въ садъ уйду, еще только солнышко входитъ, упаду на колѣни, молюсь и плачу, и сама не знаю о чемъ молюсь и о чемъ плачу; такъ меня и найдутъ. И объ чемъ я молилась тогда, чего просила — не знаю; ничего мнѣ не надобно, всего у меня было довольно.» — «Бѣдная дѣвочка — замѣчаетъ Добролюбовъ — неполучившая *широкаго теоретическаго образованія*, незнающая всего, что на свѣтѣ дѣлается, непонимающая даже хорошенько своихъ собственныхъ потребностей, не можетъ, разумѣется, дать себѣ отчета въ томъ, что ей нужно.» — Изъ этого выходитъ, что Катерина въ своихъ слезахъ, какъ-будто жаждала теоретическаго образованія; тогда какъ воображеніе рисовало ей фантастическія картины, а въ ушахъ звучалъ страстный шопотъ. Выраженіе Добролюбова тѣмъ болѣе неожиданно, что самъ онъ въ этой же статьѣ говоритъ, что ни образъ, ни принципы, а натура нужна для проявленія крѣпкаго характера (506 стр.). «Натура замѣняетъ здѣсь и соображеніе разсудка, и требованіе чувства и воображенія: все это сливается въ общемъ чувствѣ организма, требующаго себѣ воздуха, пищи, свободы» (496 стр.). Смотрите, сколько натурально эстетическаго чутья выражается въ этомъ. Подумаешь, что объясненіе слезъ Катерины писалъ не Добролюбовъ, а кто-нибудь въ родѣ г. Рѣшетникова, который

Digitized by Google

недавно началъ повѣсть слѣдующими замѣчательными строками: «Воспитаніе мое было очень плохое. Еслибы мнѣ пришлось родиться отъ образованныхъ родителей, съ которыми бы я прожилъ лѣтъ пятнадцать, еслибы при этомъ я имѣлъ хорошихъ товарищей, и получилъ реальное образованіе, то изъ меня, можетъ быть, вышелъ бы человѣкъ порядочный, и на столько развитый, на сколько можно при реальномъ образованіи развиться въ эти годы. Но родитель мой, при бѣдности своей, былъ пьяница, человѣкъ грубый... Воспитатели мои, тётка и дядя, были люди неразвитые, непонимавшіе, что̀ такое книга.» Точно курица съ яйцомъ, носятся съ своимъ теоретическимъ и реальнымъ образованіемъ.

Что Добролюбовъ въ статьѣ этой отступилъ отъ опредѣленныхъ ему принциповъ — лучше всего доказываетъ поправка, которую дѣлаетъ г. Писаревъ своею статьею о «Грозѣ», гдѣ онъ осуждаетъ Добролюбова за открытіе свѣтлыхъ лучей и свѣтлыхъ явленій въ такомъ темномъ мѣстѣ, какъ русская жизнь. Изъ этого видно, что субъективныя явленія у г. Писарева еще болѣе смѣшиваются съ объективными, чѣмъ у Добролюбова; и самъ онъ является несравненно послушнѣе Добролюбова, въ отношеніи къ теоріи воспроизведенія или безобразія. Его только и можно считать теперь чистымъ послѣдователемъ этого устарѣлаго ученія; онъ же, а не кто другой, оказалъ ей медвѣжью услугу, довелъ до абсурдовъ, благодаря редакторскимъ наставленіямъ г. Благосвѣтлова.

Читатель пусть не удивляется, что мы такъ часто дѣлаемъ выписки изъ статей нашихъ quasi-прогресистовъ. Мы предаемъ такъ-сказать гласности вещи, которыя они высказываютъ подъ видомъ пользы, и которыя незамѣтно теряются въ огромномъ количествѣ страницъ. Посмотрите, напримѣръ, что̀ это такое говорится по поводу Катерины г. Островскаго: «Придетъ время, и оно ужь вовсе недалеко, когда вся умная часть молодёжи, безъ различія состояній, будетъ жить полною умственной жизнью и смотрѣть на вещи разсудительно и серьёзно. Тогда молодой землевладѣлецъ поставитъ свое хозяйство на европейскую ногу; тогда молодой капиталистъ заведетъ тѣ фабрики, которыя намъ необходимы, и устроитъ ихъ такъ, какъ требуютъ общіе интересы работниковъ и хозяина. И этого довольно: хорошія фермы и хорошая фабрика, при раціональной организаціи труда, составляютъ лучшую и единственно возможную школу для народа, вопервыхъ потому, что эта школа кормитъ своихъ учениковъ и учителей, а вовторыхъ, потому, что она сообщаетъ знанія не по книгѣ, а по явленіямъ живой дѣятельности. Книга придетъ въ свое время...» Фабрики — школы для народа. Г. Григоровичъ показалъ, какова эта школа. Неудивительно, что г. Писаревъ осудилъ за этимъ

Digitized by Google

воспросныя школы. И вашимъ, замѣтьте, новымъ тономъ сказаны эти фразы. Мы очень рады, что многіе, наконецъ, теперь поняли, послѣ нашихъ статей, сущность этого вреднаго и звоннаго фразерства и бѣганья взапуски за прогрессомъ.

Мы, впрочемъ, обращаемся теперь къ г. Писареву по другому поводу. Касаясь разбора Добролюбова «Грозы», г. Писаревъ въ особенности старается объяснить читателю недостаточность повода къ драмѣ. Всѣ поступки Катерины, по его мнѣнію, условливались самыми ничтожными событіями, самыми пустыми разговорами; не было никакой соразмѣрности между причинами и послѣдствіями. Кабаниха ворчитъ, Катерина отъ этого изнываетъ; Борисъ бросаетъ нѣжные взгляды, Катерина влюбляется, Варвара говоритъ мимоходомъ нѣсколько словъ Борису и т. д. Далѣе за этимъ перечнемъ и игрою словъ, г. Писаревъ не можетъ не дивиться — чему такъ испугалась Катерина, когда пріѣхалъ мужъ; затѣмъ ей было мучиться угрызеніями совѣсти и приходить въ отчаяніе отъ мысли, что она измѣнила: — Борисъ живетъ въ томъ же городѣ, все идетъ по старому и, прибѣгая къ *маленькимъ хитростямъ и предосторожностямъ*, можно бы ной-когда видѣться и наслаждаться жизнью» (стр. 5. Мотивы русской драмы).

Недавно г. Писаревъ отъ насъ требовалъ объясненія, кого я подразумѣваю, говоря объ авторахъ, одаренныхъ сильнымъ половымъ влеченіемъ, допускающихъ въ любви обманъ и уговаривающихъ женщинъ бросаться такъ же смѣло на подвигъ наслажденія, какъ и мужчина; спрашивалъ, гдѣ такія критическія статьи и т. д. Разсуждая объ этомъ, мы не имѣли въ виду г. Писарева, который, однако, принялъ это на свой счетъ, иначе, чего бы было и сердиться. Изъ послѣднихъ подчеркнутыхъ нами словъ видно, что онъ самъ не прочь смотрѣть легко на переходъ женщины изъ однѣхъ объятій въ другія. У г. Островскаго изъ этого вышла цѣлая драма, г. Писаревъ же говоритъ только о маленькихъ хитростяхъ и предосторожностяхъ, необходимыхъ для наслажденія любовью. Говоря объ авторахъ, за которыхъ заступается г. Писаревъ, мы имѣли въ виду не его, а одного критика «Подводнаго Камня», который тоже возставалъ противъ открытой измѣны, изображенной г. Авдѣевымъ. Романъ этотъ вообще мы считаемъ замѣчательнымъ произведеніемъ, за исключеніемъ только конца, который положительно фальшивъ. Романъ «Что дѣлать», не болѣе какъ подражаніе этому роману, съ тою только разницею, что развязка романа Авдѣева сдѣлалась основою — «Что дѣлать»; и подводные камни обратились такимъ образомъ въ булыжники, которые миновать легко. Г. Писаревъ, подшучивая надъ тѣмъ, что Катерина, измѣнивши и не разойдясь съ мужемъ, ходитъ какъ

Digitized by Google

потерянная, дивится, что громъ вмѣстѣ съ зловѣщей барыней и картиной ада, заставили ее сознаться передъ всѣми. Громъ и адская картина были только поводомъ къ сознанію, а самое сознаніе произошло отъ другой, болѣе глубокой причины, которую просмотрѣлъ г. реалистъ: нравственное чувство Катерины не вынесло двумужничества. Вѣдь Тихонъ не терялъ на нее право послѣ того, какъ ее обнималъ Борисъ; не даромъ же она говорила тогда Борису о мужѣ: «и ласка-то его теперь мнѣ хуже побоевъ». Г. Островскій, сознательно или несознательно, представилъ въ своей драмѣ одно изъ глубочайшихъ достоинствъ женской натуры. Женщина, въ отношеніи любви, имѣетъ великое преимущество передъ мужчиной: она, если отдается — то отдается вся, или уже падаетъ такъ низко, какъ не падаетъ мужчина. Изъ перваго положенія выходитъ мать, изъ второго — потерянная женщина. Наши реалисты не въ состояніи понять, что женщина — жить съ Тихономъ и съ Борисомъ, съ Кирсановымъ и съ Лопуховымъ, спокойно не можетъ. Г. Писаревъ въ этомъ отношеніи такъ же ошибся, какъ и Рахметовъ, который, успокоивая Вѣру въ ея сомнѣніяхъ на счетъ ея отношеній къ новому мужу, говорилъ: «Изъ-за чего было поднимать тревогу? жили бы всѣ трое на одной квартирѣ, и пили бы вмѣстѣ чай» (!). Спокойно занимать средину въ любви, равнодушно прибѣгать къ маленькимъ хитростямъ и предосторожностямъ — есть безнравственность, съ которой трудно мириться женской натурѣ.

Изъ недостатковъ, просмотрѣнныхъ Добролюбовымъ въ «Грозѣ», мы находимъ у г. Островскаго отсутствіе достоинства въ нѣкоторыхъ характерахъ. Кабанова, надъ чернотою которой такъ разсуждаетъ Добролюбовъ, неестественна. Какъ Катерина, такъ-сказать, свѣтла, такъ Кабанова — черезчуръ темна, нечеловѣчна. Но въ Катеринѣ все-таки есть темные штрихи, оттѣняющіе ея идеальную, по выраженію Добролюбова, красоту — это избытокъ страстности: она, напримѣръ, очутилась въ объятіяхъ Бориса, когда тотъ еще могъ говорить ей: «А я и не зналъ, что ты меня любишь». Страстность ея болѣзненна, это — слѣдъ долгаго раздраженія, производимаго гнетомъ. Этимъ мы хотимъ сказать, что безъ штриховъ характеръ Катерины не былъ бы такъ жизненъ. Недостатки есть фонъ картины, границы тѣхъ достоинствъ, которыя расплылись бы во что-то неопредѣленное, при отсутствіи слабости. Не можетъ быть картина безъ тѣней; но не можетъ быть также картина съ однимъ темнымъ цвѣтомъ. Характеръ безъ недостатковъ не бываетъ никогда рельефенъ, безъ достоинства же, человѣкъ просто невидѣнъ: человѣка тогда нѣтъ въ характерѣ. Кабановой именно данъ такой отпечатокъ. Ея злая

Digitized by Google

бессердечность, которую Добролюбовъ принимаетъ за самодурство, рѣшительно ничѣмъ не ограничивается, и оттого она такъ неестественна. Въ злобѣ ея есть какая-то торжественность, несвойственная бабѣ-купчихѣ. И пусть бы она была такою впродолженіе всей драмы, но подъ конецъ, когда Катерина бросилась въ Волгу, должно же въ ней что-нибудь шелохнуться, или она не человѣкъ, а истуканъ. Естественно-ли, что въ отвѣтъ на восклицаніе сына: «Хоть бы взглянуть-то мнѣ на нее!» она говоритъ только.—«Вытащутъ, взглянешь»? Потомъ, когда принесли Катерину мертвую, и Кабановъ, падая на трупъ, говоритъ: «Маменька, вы ее погубили». — Кабанова, какъ-бы сохраняя свое достоинство, отвѣчаетъ: «Что ты, или себя не помнишь! Забылъ, съ кѣмъ говоришь. Но, я съ тобой дома поговорю». — Это хладнокровіе преувеличено. Кабанова тутъ должна была измѣнить своему характеру: только въ мономаніи человѣкъ всегда одинъ и тотъ же, и никакія несчастія не имѣютъ на нихъ вліянія. Потрясающія происшествія дѣйствуютъ даже и на злодѣевъ.

Но какимъ же образомъ, возразятъ намъ, характеры Гоголя, нарисованные однимъ чернымъ карандашомъ, такъ рельефны, что его Чичиковъ, Хлестаковъ, Акакій Акакіевичъ выходятъ объективнѣе другихъ героевъ. Секретъ этого заключается въ томъ, что хоть карандашъ его и черенъ, бумага за то бѣла — онъ вѣрилъ въ достоинство природы человѣка, и былъ юмористомъ въ лучшемъ значеніи этого слова, смѣялся сквозь слезы, по его выраженію. Гоголь изображалъ не положительное отсутствіе достоинствъ, а опошленіе, измѣльченіе ихъ. У Чичикова есть, напримѣръ, умъ, твердость, настойчивость, самообладаніе; но все это до такой степени въ немъ измельчало, опошлилось, что становится и грустно и смѣшно, глядя на эту фигуру. Хлестаковъ тоже вретъ какъ-то безсознательно, неумышленно, безвинно. Акакій же Акакіевичъ есть существо, положительно возбуждающее симпатію, несмотря на свою ничтожность. Подъ всякимъ характеромъ Гоголя теплится искра добра; даже на Плюшкинѣ, хоть и въ его прошломъ только, есть слѣдъ чего-то человѣческаго. Гоголя положительно напрасно причисляютъ къ сатирическимъ писателямъ: онъ былъ юмористъ-поэтъ, но не сатирикъ. Юморъ его былъ такъ тонокъ, что онъ имъ могъ бы обрисовать и болѣе свѣтлые характеры, какъ это сдѣлали англійскіе юмористы. Но Гоголь, принявшись за изображеніе положительныхъ достоинствъ, сталъ класть характеры безъ тѣней, и оттого они у него расплылись, и вышли такъ идеально-мистичны.

Digitized by Google

Между юморомъ и сатирой такая же почти разница, какъ между сатирой и обличеніемъ. У Добролюбова всѣ эти три понятія смѣшиваются. Смѣшеніе понятій есть одинъ изъ общепринятыхъ пріемовъ отрицательной литературы, съ этого даже начинается и всякое вообще эстетическое отрицаніе въ головахъ нашихъ, не столько думающихъ, сколько пишущихъ прогрессистовъ. Но есть, впрочемъ, писатели съ положительно зрѣлою мыслью, которые смѣшиваютъ понятіе юмора и сатиры. Мы говоримъ о г. Милюковѣ, до котораго тоже касается Добролюбовъ въ своихъ критическихъ статьяхъ. Несмотря на все наше уваженіе къ его критическому таланту, мы принуждены сказать, что его «Очеркъ русской поэзіи» нѣсколько одностороненъ; это нестолько очеркъ нашей поэзіи, сколько обзоръ нашей сатиры, въ чемъ проговаривается въ концѣ своей книжкѣ самъ авторъ. Его чрезвычайно вѣрное замѣчаніе о двухъ направленіяхъ нашей литературы: подражательно-риторическомъ и самостоятельно-сатирическомъ, начинающемся съ Кантемира, однакоже, неполно. О художественно-творческомъ движеніи, начинающемся съ Пушкина, а можетъ быть и раньше, онъ говоритъ мало, и не называя даже по имени, становитъ, такимъ образомъ, на задній планъ. Правда, что элементъ этотъ нашей поэзіи обнаружился вполнѣ только въ позднѣйшіе годы, до которыхъ г. Милюковъ не касался; тѣмъ не менѣе онъ существовалъ и прежде. Самаго Гоголя нельзя причислять къ сатирическому направленію; онъ былъ концомъ его, потому что былъ юмористомъ-художникомъ. Послѣ Гоголя не появилось ни однаго замѣчательнаго сатирика, но за то показалось много художественныхъ талантовъ. Самая зависимость, преемственность нашихъ главныхъ художниковъ отъ Гоголя показываетъ, что въ немъ художественный элементъ былъ сильнѣе и плодотворнѣе. Только г. Щедринъ является нѣкоторымъ исключеніемъ и создаетъ сатирическо-обличительную литературу, которую послѣдователи и враги его опошлили до-нельзя.

Мы совершенно согласны съ Добролюбовымъ, что г. Милюковъ нѣсколько преувеличилъ вліяніе сатиры нашей на общество, съ тою только разницею, что Добролюбовъ слабость вліянія сатиры приписываетъ ограниченности ея дѣятельности; мы же думаемъ, что слабость эта лежитъ въ сущности всякой вообще сатиры. «Сатирическое направленіе хорошо — говоритъ Добролюбовъ, по поводу книги г. Милюкова:—кто объ этомъ споритъ? Но зачѣмъ приходить отъ него въ такой восторгъ, зачѣмъ приписывать ему исправленіе нравовъ общества, зачѣмъ считать его какимъ-то двигателемъ? Стоитъ всмотрѣться пристальнѣе въ нашу сатиру, чтобы убѣдиться, что она проповѣдывала зады... Мѣ-

Digitized by Google

ствичество при Петрѣ уже окончательно пало, а Кантемиръ потѣшается надъ нимъ, то-есть надъ боярской спѣсью, въ цѣлой длиннѣйшей статьѣ». Но назначеніе сатиры въ томъ-то и состоитъ, чтобы доканчивать то, что́ начато другаго рода дѣятельностію. Спѣси закономъ не истребишь, но сатирой тоже не научишь гуманнымъ поступкамъ.

Добролюбовъ укоряетъ нашу старую сатиру, между прочимъ, въ томъ, что она не нападала на поступки въ родѣ грабежей при царскомъ погребеніи, или блудныхъ дѣлъ дворянъ надъ крестьянскими женками, или выбитія дѣтей у беременныхъ... Сатирой бы ихъ хорошенько этихъ злочинцевъ. Но сатира Кантемира молчала объ этомъ (545 стр. I т.). Не явно-ли Добролюбовъ придаетъ сатирѣ чутъ ли не значеніе доноса по уголовнымъ преступленіямъ, и думаетъ этимъ объяснить слабость вліянія ея на общество? «Кого преслѣдовала сатира?—говорится далѣе у Добролюбова.—Городничаго, исправника, становаго, квартальнаго, предсѣдателя, судью». Но вѣдь это же самые многочисленные члены, на которые чаще всего натыкается общество. «Думаете-ли вы — говоритъ Добролюбовъ — что исправленіе мелкихъ чиновниковъ было бы довольно для прекращенія взяточничества?» Никто этого не думаетъ, но всякій также знаетъ, что закономъ однимъ, какъ и вліяніемъ сатиры на высшихъ чиновниковъ, взятокъ не искоренишь. Какое бы обезпеченіе ни давали служащимъ, плутовство все будетъ существовать, если не положена будетъ преграда въ душѣ самихъ служащихъ, если они, такъ сказать, не потеряютъ способности брать взятки. Тутъ же вотъ и оказывается безсильнымъ сатирическое поддразниваніе: оно служитъ только нравственнымъ наказаніемъ за безчестіе, но само не развиваетъ чувство чести.

Чтобы развить достоинства, нельзя ограничиваться только наказаніемъ за недостатки—тутъ нужно затронуть самый источникъ достоинствъ; а это можетъ сдѣлать только положительная вѣра талантовъ и дарованій въ даровитость окружающей ихъ среды и подмѣченныхъ ими лучшихъ сторонъ жизни. Сатира основана на отрицательномъ движеніи: осмѣивающій, толкающій, подзадоривающій жизнь писатель приводитъ, положимъ, въ движеніе, но дороги не указываетъ, направленія дать не можетъ, точно такъ же, напримѣръ, какъ мы не можемъ дать направленія какой-нибудь вещи, которую будемъ подталкивать сзади, а не вести за собою, или нести на своихъ плечахъ. Если предметовъ и людей такихъ много и силы подталкивающія противоположны, то люди, повинующіеся движеніямъ, суетятся, сталкиваются и падаютъ.

Г. Милюковъ видитъ въ сатирѣ двигателя, который продолжаетъ

Digitized by Google

вести общество по пути къ совершенству; со стороны его, какъ составителя лучшаго учебника—это положеніе въ высшей степени важно: и оно въ свое время сильно радовало Добролюбова. Но г. Милюковъ говоритъ, въ то же время, что сатира у другихъ народовъ являлась въ періодъ упадка и развращенія нравовъ; у насъ же явилась она въ періодѣ разцвѣтанія. Положимъ, это такъ; исторія дѣйствительно такъ повернула, что мы какъ-бы постарѣли и преждевременно разсмѣялись старчески, недобрымъ смѣхомъ. Но это направленіе когда-нибудь должно же отойдти и стать на второе мѣсто передъ другимъ направленіемъ. Характеръ нашей русской поэзіи не можетъ выражаться только столкновеніемъ сатирическо-отрицательнаго движенія съ риторическо-подражательнымъ, или борьбою началъ европейской жизни съ остатками стараго общества. Россія вся въ будущемъ, говоритъ г. Милюковъ, какъ-бы сознавая недостаточность сатирическаго направленія. Будущее это уже наступило: у насъ давно уже существуетъ и развивается третье направленіе — художественно-творческое, самобытно-дѣятельное, представителями котораго являются всѣ крупные таланты, а врагами — всѣ люди, соединившіе сатиру съ риторикой, умничанье съ фразой.

Сатириковъ-философовъ взялъ подъ свое покровительство «Современникъ», риторовъ-фразеровъ—«Русское Слово»; у «Искры» же съ «Будильникомъ» остались только объѣдки. И оттого они смѣются, какъ-бы по заказу и по необходимости; и смѣхъ ихъ какой-то жалобный. Падая все ниже и ниже, они, можно сказать, пріобрѣтаютъ и публику все хуже и хуже; только еще картинки пестрятъ, а то бы и въ руки никто не взялъ. Не своимъ содержаніемъ возбуждаютъ они смѣхъ, а своей фигурой; не надъ тѣмъ, о чемъ говорятъ, заставляютъ смѣяться, а надъ собою. Они сами—живой предметъ сатиры. И эти господа, рисующіе невообразимыя глупости, придѣлывающіе головы и ноги къ бочонкамъ, сосудамъ, и т. д., причисляютъ себя къ прогресистамъ! И не жалкая ли это насмѣшка на прогресъ?

Къ черниламъ нашей обыденной литературы вообще подбавлено слишкомъ много смѣха, и смѣха самаго поверхностнаго, не серьёзнаго, а чаще болѣзненнаго, притворно-истерическаго. Горе рѣдко кладетъ оттѣнокъ на думы нашихъ сатириковъ. А скажите, какъ вы думаете о тѣхъ людяхъ, которые какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ, способны воспринимать болѣе смѣшную, веселую сторону вещей, чѣмъ серьёзно-грустную и невеселую, болѣе смѣяться, чѣмъ горевать? Такихъ людей называютъ или слишкомъ молодыми, въ которыхъ играетъ кровь, щекочащая ихъ нервы, или просто людьми поверхностными, совершенно неспо-

Digitized by Google

собными оцѣнивать жизнь. Наша литература слишкомъ смѣшлива...

Что теперь дѣлается у насъ во имя сатирическаго направленія? Все кроткое, граціозное въ женщинѣ, все свѣтлое, поэтичное въ жизни и все сколько-нибудь пожившее на бѣломъ свѣтѣ, они выбрасываютъ за бортъ. Старики хоть ложись въ гробъ; хоть бы даже нашлись между ними люди съ самой свѣжей душой—имъ нѣтъ мѣста въ общемъ движеніи. «У насъ нѣтъ отцовъ и матерей!...» Но вѣдь это несчастіе. Связь поколѣній—вещь великая; если мы розойдемся съ прошлымъ, то и будущее уйдетъ изъ нашихъ рукъ, и всякая *преемственность въ прогресѣ* прекратится. Да и теперь ея нѣтъ у васъ. Едва сошелъ со сцены предшествующій и породившій васъ дѣятель, вы уже кричите: мы не онъ, мы его не признаемъ, мы съ нимъ ни въ чемъ несогласны, не съ него, а съ насъ ведите свое лѣтосчисленіе.

Такимъ взглядомъ на сатирическое мы не хотимъ сказать, что сатира не должна существовать. Нѣтъ, сохрани Боже! Сатира только должна имѣть свое мѣсто. Сатира есть бичъ, которымъ погоняютъ, а не возжи, которыми правятъ; однимъ бичомъ ничего не сдѣлаешь. И самый этотъ бичъ, наконецъ, вырвется изъ рукъ, если имъ слишкомъ часто хлыстать; такъ и случилось съ нашими сатириками. Они обезоружены, у нихъ совсѣмъ нѣтъ сатиры, она перешла въ крикъ. Да, отсутствіемъ только сатиры и неумѣньемъ владѣть ею можно объяснить свистъ, шумъ, гамъ и гвалтъ, происходящій въ литературѣ!

Но храбростію и города берутъ. И вотъ крикуны наши покорили своему вліянію нетолько героевъ Невскаго проспекта, но и дамскія сердца, ловко щеголяющія ношеніемъ по улицѣ модныхъ журналовъ, и перелистываніемъ ихъ въ видахъ успѣха въ библіотекѣ. Идетъ по городу нѣкая дѣва и несетъ на груди «Современникъ», на сердцѣ у нея «Русское Слово», а въ глубинѣ души молодой брюнетъ, котораго она думаетъ прельстить своими очами, своими нарядами и своимъ знакомствомъ съ вошедшими въ моду и враждующими на смерть журналами. И въ головѣ ея вражда и самая революціонная любовь. Крови, крови хочу! воскликаетъ ей при встрѣчи брюнетъ. Бѣгите отъ родителей, вы—взрослая дѣвушка, вы вполнѣ созрѣли для идей; и за этимъ мало по малу начинается самая революція.

Но шутки въ сторону. Заговоривши объ отношеніяхъ отходящаго поколѣнія къ выступающему, мы коснулись въ высшей степени важнаго, до способа, какимъ образомъ выступающее поколѣніе должно выиграть и занять свое мѣсто. Находя самодуровъ совершенно справедливо не въ одномъ купеческомъ сословіи,

Digitized by Google

Добролюбовъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «если вы хотите служить и вести дѣло честно, не бойтесь вступать въ серьёзный, рѣшительный споръ съ самодурами. Изо ста случаевъ въ девяносто-девяти вы возьмете верхъ. Только рѣшитесь заранѣе: что вы на полусловѣ не остановитесь и пойдете до конца, хотя бы оттого угрожала вамъ дѣйствительная опасность потерять мѣсто или лишиться какихъ-нибудь милостей; первая ваша попытка заикнуться о вашемъ мнѣніи будетъ предупреждена возвышеніемъ голоса самодура, но вы все-таки возражайте. Возраженіе ваше будетъ встрѣчено бранью или выговоромъ, болѣе или менѣе неприличными, смотря по важности и по привычкамъ лицъ, къ которому вы обращаетесь—но вы не смущайтесь: возвышайте вашъ голосъ наравнѣ съ голосомъ самодура, усиливайте ваши возраженія соразмѣрно съ его рѣчью, принимайте болѣе и болѣе рѣшительный тонъ, смотря по степени его раздраженія. Если разговоръ прекратился, возобновляйте его на другой и на третій день, не возвращаясь назадъ, а начиная съ того, на чемъ остановились вчера, и будьте увѣрены, что ваше дѣло будетъ выиграно» (90 стр. III т.).

Здѣсь вопросъ въ томъ, можетъ ли самодурство быть побѣждено самодурствомъ. Можетъ, конечно, но не такъ часто, какъ полагаетъ Добролюбовъ: изъ ста случаевъ вы въ девяносто-девяти возьмете верхъ, говоритъ онъ. Едва-ли счетъ этотъ вѣренъ. Не на оборотъ-ли? Не въ одномъ-ли только случаѣ изо ста молодое самодурство одержитъ верхъ надъ старымъ, а въ девяносто-девяти проиграетъ? А считать и соображать тутъ нужно хорошо; потому что малѣйшая ошибка и промахъ ведетъ къ печальнымъ послѣдствіямъ... Да и если самодурство побѣдится самодурствомъ, насиліе возьметъ верхъ надъ другимъ насиліемъ, то малый оттого выигрышъ для человѣчества. Сила, столкнувшая съ мѣста другую силу, сама скоро сдѣлается причиной давленія; такъ-какъ во время борьбы она невольно огрубѣла, невольно оживилась разными позывами. Исторія представляетъ намъ многочисленные примѣры, какъ люди съ самыми благороднѣйшими стремленіями, вооружившись во время давленія, огрубѣли и, столкнувши деспотовъ, стали разыгрывать ихъ роль. Самодурство, деспотизмъ могутъ быть побѣждены только талантомъ и искуствомъ. И слово искуство въ этомъ смыслѣ имѣетъ значеніе глубокое, и въ высшей степени прогресивное, почти священное. Будьте мудры, какъ змѣи, сказалъ Спаситель.

Николай Соловьевъ.

Digitized by Google

ГРАФЪ КАНКРИНЪ И ЕГО ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА ПО ОТНОШЕНІЮ КЪ НАШЕМУ ВРЕМЕНИ.

(«Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству [министерства финансовъ». Книжка вторая. Февраль 1865 г.)

До сихъ поръ не исчезло у насъ то обаяніе, которое было произведено финансовою системою графа Канкрина; до сихъ поръ на нее указываютъ многіе какъ на образцовую, достойную подражанія; самого графа Канкрина часто сравниваютъ съ замѣчательнѣйшими министрами въ другихъ европейскихъ государствахъ, составившими себѣ всемірную извѣстность (*). Мы, конечно, не желаемъ умалить того значенія, которое придаютъ системѣ графа Канкрина у насъ; но думаемъ, что теперь настало время, когда мы къ ней можемъ относиться нетолько лирически, восхваляя ея хорошія стороны и удивляясь ея успѣху, но и критически, разбирая ея настоящее значеніе и слабыя стороны. По нашему мнѣнію, это тѣмъ болѣе необходимо, что у насъ снова настали почти тѣ же самыя обстоятельства, при которыхъ дѣйствовалъ графъ Канкринъ, и намъ предстоитъ рѣшить тѣ же самые вопросы, которые были рѣшены въ его время, но стало-быть не вполнѣ удовлетворительно, когда намъ пришлось снова *обращаться* къ нимъ.

Время управленія министерствомъ финансовъ графа Канкрина (1823—43 г.) можетъ интересовать насъ нетолько, какъ обыкновенная историческая дѣйствительность, всегда поучительная для потомства, но и какъ эпоха, имѣющая очень важное значеніе въ судьбахъ нашего народа и государственнаго хозяйства. Время его управленія можно считать періодомъ, когда наше государственное хозяйство, бывшее до тѣхъ поръ, по неопредѣленности началъ, лежавшихъ въ управленіи имъ, въ недостаточно-устроенномъ со-

---

(*) Journal de S.-Petersbourg (1860 г. № 189) сравниваетъ его съ Кольберомъ въ своихъ статьяхъ.

Digitized by Google

стоянiи, окончательно организовалось: было приведено въ систему, получило прочную основу и единство направленiя. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить тѣ государственные и хозяйственные вопросы, которые были рѣшены въ его время. Онъ организовалъ у насъ бюджетъ, приведя его въ нормальное состоянiе, упрочивъ и развивъ у насъ прежде существовавшую сисмему налоговъ и податей, указавъ источники пополненiя и поддержанiя бюджета; установилъ прочную монетную единицу и денежную систему, которая существуетъ и понынѣ; наконецъ, введенiемъ и окончательнымъ устройствомъ охранительнаго тарифа, опредѣлилъ направленiе нашей мануфактурной промышленности и наши международныя торговыя отношенiя. А въ этихъ вопросахъ и заключается сущность государственнаго хозяйства. Конечно, нельзя сказать, чтобы графъ Канкринъ первый поднялъ и рѣшилъ эти вопросы; во многомъ онъ довершилъ начинанiя своихъ предшественниковъ, въ другомъ является нововводителемъ и организаторомъ. Систему податей и налоговъ онъ засталъ уже сформировавшеюся, потому мало измѣнилъ ее и не сдѣлалъ въ ней никакихъ нововведенiй; государственный же бюджетъ устроилъ онъ и далъ ему направленiе, которого долго потомъ держались и послѣ него; монетную единицу упрочилъ также онъ и положилъ основанiе нашей денежной системѣ, которая, впрочемъ, была окончательно устроена уже послѣ него, но по его плану. Многое въ настоящее время измѣняется и передѣлывается изъ того, что было введено и упрочено при графѣ Канкринѣ; но тѣмъ не менѣе время его управленiя имѣетъ особенно важное значенiе для насъ по многимъ причинамъ. Вопервыхъ, потому, что оно должно было имѣть сильное вліянiе на современный экономическiй порядокъ, такъ-какъ извѣстный порядокъ вещей не создается непосредственно нѣсколькими новыми мѣрами, какъ бы благодѣтельны онѣ ни были и какое бы важное значенiе онѣ ни имѣли; вслѣдствiе этого настоящее состоянiе дѣлъ въ нашемъ народномъ хозяйствѣ можетъ быть понято только въ связи со временемъ, непосредственно ему предшествовавшимъ. Вовторыхъ, время управленiя министерствомъ графа Канкрина поучительно для насъ и потому, что обстоятельства, при которыхъ онъ началъ свою дѣятельность, близко подходятъ къ обстоятельствамъ настоящаго времени. И тогда министру финансовъ предстояла такая же трудная задача, какая предстоитъ нынѣшнему: поддержать падающiй курсъ бумажныхъ денегъ, установить прочную монетную единицу, уравновѣсить бюджетъ и избавить народъ отъ неудобствъ, которыя бываютъ неразлучны со всякимъ финансовымъ кризисомъ. Графъ Канкринъ для своего времени выполнилъ эту задачу съ успѣхомъ.

Digitized by Google

Время, въ которое онъ вступилъ въ управленіе министерствомъ, представляетъ намъ очень печальную картину въ экономическомъ отношеніи: финансы были разстроены; дефицитъ равнялся $^1/_{14}$ всѣхъ доходовъ. Россія еще не совсѣмъ оправилась отъ потрясеній 1812 г.: мануфактурная промышленость находилась въ жалкомъ состояніи; торговля была въ застоѣ; обороты денегъ были медленны; хлѣбъ сдѣлался очень дешевъ; поступленіе податей было слабо; казенныя мѣста утратили въ публикѣ довѣріе, по неаккуратности платежей; государственный кредитъ былъ потрясенъ. Надъ нимъ тяготѣлъ огромный безпроцентный долгъ въ видѣ ассигнацій, которыя сильно упали въ цѣнѣ. Звонкая монета исчезла изъ государства, не было прочной денежной единицы; бумажныя деньги и мѣдная монета постоянно колебались въ своей цѣнѣ. При этихъ-то обстоятельствахъ графъ Канкринъ сдѣлалъ для нашего хозяйства вотъ что: онъ привелъ въ равновѣсіе государственные расходы съ доходами и значительно увеличилъ ихъ; создалъ разменный фондъ для выпуска кредитныхъ билетовъ; положилъ основаніе для уравненія бумажнаго рубля съ серебранымъ; установилъ у насъ въ свое время прочную денежную систему; пробудилъ у насъ промышленную дѣятельность введеніемъ охранительнаго тарифа; создалъ казенные капиталы и на излишки отъ нихъ завелъ очень полезныя практическія учрежденія, какъ, напримѣръ: технологическій институтъ, учебное лѣсничество и др. У графа Канкрина была строгая, своеобразная, очень послѣдовательная финансовая система. Въ свое время и въ своемъ мѣстѣ мы разберемъ и его систему и его дѣятельность; здѣсь замѣтимъ только, что несмотря на блестящіе результаты, достигнутые этою системою, она не можетъ считатся непогрѣшимою или совершенно вѣрною. Разсматриваемая безотносительно къ условіямъ будущаго времени (то-есть нашего) и къ политической задачѣ государства, она, повидимому, имѣетъ много практическаго, удобоприменимаго къ дѣйствительности, и отличается совершеннымъ отсутствіемъ всего рискованнаго и невѣрнаго; но если мы обратимъ вниманіе на ея послѣдствія, то мы въ ней найдемъ много ложнаго и невѣрнаго, то-есть она разсчитана была исключительно для поправленія обстоятельствъ того времени, безъ особеннаго вниманія къ близкому будущему. Главный недостатокъ ея въ томъ, что въ ней нисколько необращено вниманія на условія прогреса, и мало сдѣлано для развитія производительныхъ силъ народа; графъ Канкринъ совершенно не признавалъ великаго значенія для народнаго развитія новыхъ условій жизни: общественнаго кредита и желѣзныхъ дорогъ, этихъ главныхъ рычаговъ современнаго прогреса. Кромѣ того, для достиженія своихъ цѣлей, онъ употреблялъ

Digitized by Google

иногда такія средства, которыя, рано или поздно, должны были имѣть дурныя послѣдствія. Такъ, для увеличенія доходовъ, вмѣсто казеннаго управленія питейными сборами, онъ возобновилъ откупа, которые оставили въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ такіе неутѣшительные слѣды, и думалъ даже ввести этотъ способъ собиранія налоговъ въ нѣкоторыхъ другихъ отрасляхъ податей, какъ-то въ налогѣ на табакъ; въ чрезвычайныхъ случаяхъ, для избѣжанія излишняго выпуска бумажныхъ денегъ, онъ сильно пользовался частными вкладами въ государственные банки, которые и считалъ единственно для этого пригодными. Однимъ словомъ, систему его можно назвать системою консервативною по преимуществу, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, или лучше, системою застоя. Это обстоятельство легко объяснимо: графъ Канкринъ считалъ Россію страною, очень отсталою въ экономическомъ отношеніи, и не предполагалъ, чтобы для нея могла настать скоро возможность болѣе широкого развитія, потому что она, по его мнѣнію, страна изолированная, удаленная отъ возможнаго на нее вліянія иностранцевъ. Однако, какъ бы то ни было, эта система принесла въ свое время желаемые плоды; но когда послѣ смерти графа Канкрина, его послѣдователи стали ею пользоваться очень неумѣренно и довели ее до крайности, неутѣшительные результаты не замедлили обнаружиться. Разсмотрѣніе финансовой системы графа Канкрина можетъ привести насъ даже ко многимъ практическимъ результатамъ: находясь точно въ такомъ же положеніи и при тѣхъ же обстоятельствахъ, при которыхъ находился онъ, мы можемъ избѣжать тѣхъ ошибокъ, которыя были сдѣланы при немъ и которыя для насъ могутъ быть ясны въ настоящее время по ихъ послѣдствіямъ; вовторыхъ, его опытъ можетъ навести насъ на такія практическія заключенія, которыя могли бы быть примѣнимы при современномъ кризисѣ.

Для оцѣнки его дѣятельности въ настоящее время, мы имѣемъ достаточно матеріаловъ. Графъ Канкринъ оставилъ два сочиненія, въ которыхъ изложилъ свой взглядъ на народное хозяйство и финансы: 1) «Weltreichthum, Nationalreichthum und Staatswirthschaft» (1821 г.), и 2) «Oeconomie der menschlichen Gesellschaft» (1845 г.). Первое изъ нихъ было написано имъ еще до вступленія въ управленіе министерствомъ; второе напечатано послѣ его смерти; въ томъ и другомъ онъ держится однихъ и тѣхъ же основныхъ началъ. Отчеты о состояніи кредитныхъ учрежденій въ его время извѣстны такъ же довольно давно; а въ настоящее время, во второй книжкѣ «Сборника свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству министерства финансовъ», напечатанъ его отчетъ за двадцать лѣтъ его управленія министерствомъ.

Digitized by Google

Сочиненія графа Канкрина не имѣютъ большаго ученаго достоинства; въ нихъ не сказалъ онъ ничего новаго; изъ нихъ не видно даже, чтобы онъ усвоилъ себѣ все выработанное наукою въ то время; но тѣмъ не менѣе они очень интересны для насъ, во-первыхъ потому, что объясняютъ намъ его образъ дѣйствій, во-вторыхъ потому, что содержатъ много практическихъ замѣтокъ, почерпнутыхъ имъ изъ наблюденій и опыта во время его управленія министерствомъ. Особенно важно для насъ первое изъ его экономическихъ сочиненій, хотя оно и отличается меньшею обработкою и научною систематичностью, чѣмъ второе; потому что оно, во-первыхъ, предшествовало вступленію графа Канкрина въ управленіе министерствомъ, стало быть можетъ дать намъ понятіе о степени его подготовленности къ этой дѣятельности, а во-вторыхъ, оно какъ будто нарочно касается тѣхъ преимущественно практическихъ вопросовъ, которые ему предстояло разрѣшить; и кромѣ того все сказанное имъ о бумажныхъ деньгахъ въ этомъ сочиненіи, какъ будто нарочно относится къ Россіи и къ будущей его дѣятельности; явленія же, обнаруживающіяся при излишкѣ бумажныхъ денегъ, какъ будто списаны съ явленій, бывшихъ въ нашемъ отечествѣ. Мы начнемъ съ разбора этого именно сочиненія.

Графъ Канкринъ въ теоріи и практикѣ постоянно остается вѣренъ одному и тому же направленію. Многимъ это покажется не совсѣмъ хорошимъ. У насъ часто именемъ «теоретика» клеймятъ людей, предлагающихъ не совсѣмъ удобныя, практическія мѣры. Такимъ образомъ слова: «теорія» и «практика» употребляются у насъ по большей части безсознательно; люди, употребляющіе ихъ не отдаютъ себѣ отчета въ ихъ настоящемъ значеніи: имъ теорія представляется чѣмъ-то отдѣльнымъ, особымъ отъ практики; другими словами, для нихъ мысль существуетъ сама по себѣ, а дѣйствительность или жизнь сама по себѣ. Они, какъ видно, предполагаютъ, что дѣло можетъ быть совершаемо безъ всякой мысли, а мысль можетъ, пожалуй, даже должна существовать безъ дѣла.

Мы же съ своей стороны не привыкли дѣлать подобнаго различія и раздѣленія. Для насъ теорія есть не что другое, какъ осмысленная, приведенная въ сознаніе дѣйствительность. Жизнь неосмысленная, неприведенная въ сознаніе, не заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, этого названія; это будетъ просто прозябаніе, а не существованіе. Правда, бываютъ теоріи неосновательныя, выведенныя a priori, безъ достаточнаго знакомства съ фактами; но тогда онѣ вовсе не заслуживаютъ своего названія, и ихъ называютъ ложными или утопіями. Равнымъ образомъ и въ дѣйствительной

Digitized by Google

жизни часто принимаются такія мѣры, которыя не вполнѣ соотвѣтствуютъ составившемуся о дѣлѣ понятію; но такія мѣры, по нашему мнѣнію, не заслуживаютъ названія практическихъ; ихъ слѣдуетъ называть паліативными, полумѣрами. Все это мы сочли за нужное сказать потому, что приступаемъ къ разбору дѣятельности человѣка, который съ одной стороны является теоретикомъ, мыслителемъ, съ другой—человѣкомъ дѣла. Названіе теоретика, по мнѣнію многихъ, пожалуй, могло бы быть понято совершенно въ превратномъ смыслѣ и послужить не къ чести этого замѣчательнаго дѣятеля. Между тѣмъ, какъ это-то особенно мы и ставимъ ему въ заслугу.

Если мы сравнимъ финансовую систему графа Канкрина съ тѣми блестящими системами по части финансовъ, которыя были въ ходу до него и послѣ него, которыя надѣлали такъ много шума во всемірной исторіи, которыя часто возбуждали блестящія надежды и ожиданія—то она покажется очень скромною. Все то, что́ въ настоящее время служитъ способомъ для увеличенія бюджета, для расширенія средствъ государства и правительства, а отчасти считалось таковымъ уже въ то время—все то, что́ считается орудіемъ для развитія народной дѣятельности и благосостоянія—общественный кредитъ, желѣзныя дороги—было отвергаемо графомъ Канкринымъ въ теоріи и практикѣ. Онъ смотрѣлъ на государственное хозяйство и финансы очень просто, точно такъ, какъ смотритъ на свое богатый негоціантъ, ведущій обширныя дѣла. Главною задачею управленія считаетъ онъ порядокъ, частное прилежаніе въ общественной дѣятельности; вотъ средства, которыми онъ думаетъ увеличить государственные доходы, расширить народную дѣятельность и поднять общій уровень благосостоянія. Замѣчательно въ этомъ отношеніи одно мѣсто въ его первомъ сочиненіи; въ немъ онъ опредѣляетъ самъ свой взглядъ на народное хозяйство. Вотъ оно:

«При разсмотрѣніи податей (съ цѣлію ихъ улучшенія), нашли мы тысячу препятствій; очень ограничили источники государственнаго дохода; бумажныя деньги, какъ и слѣдуетъ, совершенно отвергли. Высокое изобрѣтеніе нашего времени, кредитную систему, попрали ногами, и такъ же безцеремонно обошлись съ лучшими учрежденіями, введеніемъ которыхъ не одинъ себя прославилъ—съ банками. Какъ же послѣ этого государство должно обходиться въ затруднительныхъ обстоятельствахъ?

«Такъ же, какъ всякій благоразумный частный человѣкъ, воздерживаясь отъ четырехъ апокалипсическихъ животныхъ въ денежномъ дѣлѣ: отъ порчи монеты, отъ бумажныхъ денегъ, системы займовъ, а также отъ чрезмѣрнаго искуственнаго торго-

Digitized by Google

ваго капитала (это значитъ — отъ общественныхъ банковъ вообще на пользу торговли и промышленности), пусть приведетъ въ равновѣсіе свои расходы съ доходами и старается увеличить ихъ посредствомъ частнаго прилежанія, въ государствѣ посредствомъ порядка и хорошаго управленія; въ случаѣ же нужды, пусть заключаетъ займы, съ тѣмъ однако, чтобы уплачивать ихъ въ благопріятное время.»

Конечно, порядокъ въ управленіи и частное прилежаніе или усиленный трудъ, служатъ важными условіями общественнаго развитія въ матеріальномъ отношеніи: но ими не ограничиваются эти условія: нужно дать народному труду болѣе простора, расширить кругъ его дѣятельности; ничего этого не входило въ систему графа Канкрина. Для поощренія народной промышленности онъ считалъ важнымъ средствомъ охранительный тарифъ и спеціальное образованіе въ техническихъ школахъ, и только. Въ этомъ-то и состоитъ существенный недостатокъ его системы съ точки зрѣнія политической задачи государства. Всякій народъ постоянно развивается; нужды его растутъ прогресивно; нужно постоянно открывать новые источники и средства для новыхъ потребностей. Для Россіи потребность эта еще ощутительнѣе, нежели для какого-нибудь другаго государства: еще не совсѣмъ развитая въ экономическомъ отношеніи, занимая первостепенное мѣсто въ ряду всемірныхъ государствъ, она часто бываетъ вызываема силою внѣшнихъ обстоятельствъ на чрезвычайное напряженіе своихъ силъ, на необыкновенную дѣятельность. Сейчасъ мы увидимъ, что бюджетъ во время управленія министерствомъ графа Канкрина увеличился сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ почти въ полтора раза; въ настоящее время онъ возросъ противъ послѣдней его цифры въ то время почти вдвое. А много ли было сдѣлано у насъ, въ теченіе этого періода, не считая послѣдняго времени, для развитія производительныхъ силъ народа, чтобы имѣть возможность для пріисканія средствъ на удовлетвореніе новымъ потребностямъ?

Первымъ дѣломъ графа Канкрина по вступленіи въ министерство было приведеніе въ порядокъ бюджета, установленіе равновѣсія между доходами и расходами. Это очень практическая и дѣйствительная мѣра; безъ нея нельзя было приступить ни къ какимъ другимъ начинаніямъ; потому что ненормальное состояніе финансовъ и было главною причиною всего нашего финансоваго, денежнаго и экономическаго разстройства. Его произвели тѣ нераціональныя и искуственныя мѣры, къ которымъ должны были прибѣгать правительственныя лица для покрытія дефицита. Средства, которыя употребилъ графъ Канкринъ для достиженія, очень

Digitized by Google

просты и естественны и всегда употребляются въ подобныхъ случаяхъ—водвореніе порядка въ управленіи, сокращеніе расходовъ и уничтоженіе нѣкоторыхъ статей по расходу въ бюджетѣ.

Въ первый годъ его управленія (1823), дефицитъ равнялся 9,714,285 р., сумма же всѣхъ расходовъ простиралась въ этомъ году до 114½ мильоновъ слишкомъ. Графъ Канкринъ поставилъ себѣ задачею устранить это неудобство въ слѣдующемъ же году. Роспись на 1824 г. была значительно сокращена; особенно большія сокращенія сдѣланы были по министерству финансовъ и военному; войдя во всѣ подробности по провіантской и комисаріатской частямъ, онъ нашелъ возможнымъ значительно уменьшить сметныя суммы этихъ вѣдомствъ. Несмотря однако на эти сокращенія, для приведенія въ порядокъ финансовъ потребовались чрезвычайныя мѣры. На 1824 годъ и слѣдующій назначенъ былъ выпускъ до 5000 рекрутскихъ квитанцій, по 2,000 рублей асигнаціями каждая. Эта мѣра, говоритъ самъ Канкринъ, сильно неодобрялась его современниками; да, по правдѣ, ее нельзя одобрить ни съ точки зрѣнія нравственной, ни съ точки зрѣнія народнаго хозяйства; развѣ правительству прилично и можно торговать и спекулировать натуральными повинностями? Но тѣмъ не менѣе Канкринъ стоялъ за нее. Министръ финансовъ, говоритъ онъ въ своемъ отчетѣ, не перестаетъ думать, что выпускъ нѣкотораго количества квитанцій при каждомъ наборѣ, по многимъ видамъ, былъ бы полезенъ. Съ вышеупомянутаго года росписи постоянно убавлялись вплоть до 1827 года.

Графъ Канкринъ считалъ это нужнымъ нетолько для приведенія въ равновѣсіе расходовъ съ доходами, но и для облегченія народа, что, конечно, дѣлаетъ ему честь. Напротивъ, съ 1828 г., съ увеличеніемъ народнаго достоянія, по его мнѣнію, они постепенно и сильно возрастали; такъ-что роспись 1843 г. почти въ 1½ раза болѣе росписи 1827 г., или, другими словами, превышаетъ ее на 59½ мил. слишкомъ. Роспись 1823 года равнялась 114,614,147 руб. 24½ коп.; роспись 1827 г. простиралась уже только до 100,829,013 р. 50¼ коп.; въ 1843 г. возрасла она до 163,669,736 руб. 87 коп. Въ нихъ не входили, впрочемъ, оборотные расходы, возвращенные изъ разныхъ источниковъ. На 1827 г. простирались они до 6,407,385 р. 14 к., а въ 1843 г. равнялись 18,134,652 р. 83 к. Послѣднее увеличеніе произошло по случаю заготовленія всего вина для откуповъ отъ казны. Расходы на металы увеличились въ это время отъ 980,860 руб. до 1,727,010

Главнѣйшее увеличеніе доходовъ въ министерство графа Канкрина произошло по слѣдующимъ отраслямъ: по прямымъ нало-

Digitized by Google

гамъ (на 10 мил. — особенно послѣ ревизіи), по таможенной части (почти на 13 мил.), по откупной части (на 23¼ мил.), по табаку (на 800 т.), по всѣмъ прочимъ статьямъ (на 12½ мил.). Такимъ образомъ, самое сильное увеличеніе доходовъ произошло по откупной части. Что бы ни говорили рьяные поклонники графа Канкрина въ его защиту, по случаю введенія откупной системы, вполнѣ оправдать его съ этой стороны невозможно. Обыкновенно говорятъ, что откупа принесли менѣе зла, нежели сколько его приносила прежняя система казеннаго управленія, когда сборъ за вино уменьшался ежегодно; такъ-что въ 1819 г. онъ равнялся 19 мил., а въ 1823 г. понизился до 11 мил.; что кромѣ того тогда значительно усилилось продажничество и взяточничество чиновниковъ. Къ этому нѣкоторые еще прибавляютъ, что откупа по ихъ мнѣнію, имѣли и то значеніе, что соперничество откупщиковъ показало намъ, до какого размѣра налогъ на вино можетъ достигнуть. На все это ссылается и самъ графъ Канкринъ въ своемъ отчетѣ. На это можно отвѣчать, что ничто не мѣшало графу Канкрину тогда же перейдти къ акцизному сбору налога на вино; а мѣру причиненнаго откупами вреда трудно и опредѣлить въ настоящее время; потому что нельзя вычислить, сколько именно высосано ими изъ народа его кровныхъ денегъ, которыя отчасти были растрачены совершенно непроизводительно, а отчасти сосредоточились въ рукахъ очень немногихъ искусныхъ спекулянтовъ. Кромѣ того удивительно, какъ графъ Канкринъ, понимавшій очень хорошо значеніе капиталовъ для народной промышлености и заботившійся о развитіи у насъ промышлености и земледѣлія, не разсчиталъ, что посредствомъ нихъ будутъ отвлечены значительныя масы отъ производительнаго употребленія. Отъ этого употребленія были отвлекаемы капиталы нетолько посредствомъ откуповъ, но и посредствомъ чрезвычайныхъ мѣръ, къ которымъ прибѣгалъ графъ Канкринъ для покрытія дефицитовъ въ бюджетѣ. Дефицитъ въ его управленіе обнаруживался пять разъ, именно въ годы: 1823 — 1834 — 35 — 1841 и 42. Дефициты этихъ годовъ были покрыты на слѣдующемъ основаніи: въ 1823 г.—наиболѣе изъ займа у Ротшильда; недостатокъ 1834 года (около 9 мил.) покрытъ выпускомъ билетовъ казначейства и займами отъ банковъ; сверхъ того на чрезвычайныя потребности по неурожаю у нихъ же занято 63 мил.; въ 1835 г. послѣдствія неурожая (около 2 мил.) — покрыты займами изъ банковъ; дефицитъ 1841 года (болѣе 20 мил., тоже по неурожаю) покрытъ одною серіею билетовъ государственнаго казначейства (на 3 мил. руб. сер.), болѣе чѣмъ на 15¼ мил. руб. сер. изъ 1-го четырехпроцентнаго займа и 1,654,484

Digitized by Google

руб. позаимствованіемъ изъ банка; недостатки 1842 года (тоже по неурожаю въ $11^1/_2$ мил.) покрыты отъ убавленія войскъ и заимствованіями изъ того же источника. Эти позаимствованія отъ банковъ тоже должны были имѣть не совсѣмъ благотворное вліяніе на наше народное и государственное хозяйство. Они пріучили нашихъ капиталистовъ къ недѣятельности, къ легкому и вовсе непроизводительному помѣщенію денегъ въ государственныхъ банкахъ и кромѣ того рано или поздно должны были привести къ выпуску излишняго количества бумажныхъ денегъ. Въ случаѣ значительнаго востребованія капиталовъ изъ банка, нечѣмъ было уплатить долга, и поневолѣ нужно было фабриковать новые кредитные знаки, чтобы неподорвать довѣрія къ этимъ учрежденіямъ. Это замѣчается еще въ самое министерство графа Канкрина; въ 1841 году по этой причинѣ должны были выпустить спеціально для названной цѣли, а не для изъятія асигнацій изъ обращенія, какъ это предполагалось первоначально, 30 мил. руб. кредитными билетами. Кромѣ того посредствомъ нихъ были отвлекаемы всѣ свободные капиталы или, по крайней мѣрѣ, значительная доля ихъ отъ промышлености. Но довольно пока объ этомъ; мы возвратимся къ этому вопросу опять, когда будемъ говорить спеціально о банкахъ.

Главною заслугою графа Канкрина было исправленіе у насъ денежной системы; установленіе твердой монетной единицы, извлеченіе изъ обращенія асигнацій, сильно упавшихъ и колебавшихся въ курсѣ, и замѣненіе ихъ кредитными билетами, выпускъ которыхъ былъ обезпеченъ металическимъ фондомъ.

Наша денежная система, точно такъ же какъ и теперь, всегда страдала различнаго рода недостатками, и особенно въ то время, когда графъ Канкринъ вступилъ въ управленіе министерствомъ. У насъ были различныя монеты и деньги: золото, серебро, мѣдь и наконецъ асигнаціи; но золото и серебро только номинально, а въ дѣйствительности же только мѣдь и асигнаціи, сильно колебавшіяся въ курсѣ; на нихъ-то поневолѣ нужно было производить всѣ разсчеты и обороты; а это влекло за собою различныя затрудненія и неудобства. До начала царствованія Екатерины II, выпускъ мѣдной монеты съ принудительнымъ и номинальнымъ курсомъ, а потомъ до Канкрина и послѣ него до нашего времени выпускъ асигнацій и кредитныхъ билетовъ принадлежали къ однимъ изъ важнѣйшихъ отраслей государственнаго дохода и средствъ для покрытія издержекъ правительства. Мѣдь въ 1768 году и въ началѣ нынѣшняго столѣтія стоила въ продажѣ не болѣе 16 руб. сер. за пудъ; для увеличенія доходовъ правительства, чеканили изъ пуда 32 рубля; конечно, въ этомъ

Digitized by Google

не было бы никакой бѣды, еслибы мѣдныя деньги были у насъ только разменною монетою, номинальный курсъ которой можетъ быть выше настоящей ея цѣны; но дѣло въ томъ, что эта монета была у насъ единственною почти въ обращеніи; на нее-то собственно и производились всѣ разсчеты; не имѣя никакой внутренней цѣнности, она была кромѣ того тяжела, неудобна для пересылки и обращенія — однимъ словомъ, вовсе не удовлетворяла тѣмъ условіямъ, которыя требуются отъ всякаго рода денежныхъ знаковъ. Въ 1768 году, правительство пришло къ мысли замѣнить ее другимъ, болѣе удобнымъ и раціональнымъ средствомъ, асигнаціями, и въ то же время очень осторожно, довольно удачно и искусно приступило къ этой операціи, устроивъ для этой цѣли два асигнаціонныхъ банка: одинъ въ Петербургѣ, а другой въ Москвѣ. Сначала асигнацій выпущено было только на 1 милліонъ рублей, по 500 тысячъ изъ каждаго банка; размѣнъ ихъ былъ обезпеченъ такимъ же количествомъ мѣдной монеты. Асигнаціи скоро получили значительную обращаемость въ народѣ, такъ-какъ онѣ были гораздо удобнѣе мѣдной монеты и ходили даже съ лажемъ противъ нея. Указомъ 1774 года, количество ихъ было ограничено 20 мил. руб. сер. Но дѣло на этомъ не остановилось; въ началѣ нынѣшняго столѣтія (въ 1801 г.) всѣхъ асигнацій обращалось безъ малаго на 221½ милліонъ. По мѣрѣ увеличенія ихъ количества, сталъ падать и ихъ курсъ; сначала онѣ ходили рубль за рубль мѣдный, даже нѣсколько выше; потомъ постепенно 97, 80, 71 коп. Въ 1801 г. асигнаціонный рубль равнялся уже только 65 и даже 60 к. мѣдью. Императоръ Павелъ I задумалъ-было преобразованіе нашей денежной системы и извлеченіе изъ обращенія части бумажныхъ денегъ; но это намѣреніе не было приведено въ исполненіе. Такое же намѣреніе имѣлъ и Александръ I еще въ 1810 году; но постоянныя войны и недостатокъ денежныхъ средствъ заставили вмѣсто этого прибѣгнуть еще къ болѣе усиленному выпуску ихъ; такъ-что послѣ окончанія войнъ за независимость Европы, асигнацій обращалось на 830 мил. рублей, а курсъ ихъ равнялся 25 к. мѣди. Тогда нужно было уже серьёзно подумать объ улучшеніи у насъ денежной системы. Для этого составленъ былъ особый планъ Сперанскимъ и тогдашнимъ министромъ финансовъ графомъ Гурьевымъ; стали наконецъ извлекать изъ обращенія асигнаціи и замѣнять ихъ звонкою монетою. Съ этою цѣлію заключенъ былъ въ 1819 году внѣшній заемъ въ 40 мил. руб. серебромъ; бумажныхъ денегъ извлечено на 118 милліоновъ, а монеты вычеканено на 26 мил. рублей. Потомъ заключенъ былъ и второй заемъ въ 43 мил. руб. сер.; асигнацій сожжено

Digitized by Google

на 181 мил. Курсъ ихъ сначала-было повысился: серебряный рубль стоилъ уже не 400 коп. ас., а 373, потомъ опять понизился: за цѣлковый давали уже 380 коп. ас. Въ такомъ положеніи находились наши финансы и наша денежная система, когда въ управленіе министерствомъ вступилъ графъ Канкринъ. Государство было обременено новыми долгами, расходы его по уплатѣ процентовъ увеличились вслѣдствіе этого на 5 мил. руб. сер., а дѣло не подвигалось впередъ.

Графъ Канкринъ довольно строго осуждаетъ мѣры своихъ предшественниковъ; въ первомъ своемъ сочиненіи, онъ говоритъ объ этомъ слѣдующее (*): «Долго результаты (этихъ мѣръ) были колеблющимися и сами собою разрушались. Причины продолжительныхъ неудачъ заключаются въ слѣдующемъ: въ невѣрно разсчитанныхъ средствахъ; въ недостаточномъ вниманіи къ нравственнымъ и вспомогательнымъ условіямъ для этого, и наконецъ къ голосу народа; потомъ въ ложномъ основаніи—стараться объ уничтоженіи бумажныхъ денегъ, вмѣсто того, чтобы упрочить ихъ курсъ». Графу Канкрину удалось, наконецъ, исправить нашу денежную систему и достигнуть цѣли, къ которой тщетно стремились до него, и къ которой стремятся въ наше время; но однако не на столько, чтобы и въ этомъ отношеніи не оставалось намъ ничего болѣе желать и требовать отъ него.

Начала, которыми онъ руководствовался при совершеніи этой операціи, очень раціональны и могли бы служить для этой цѣли даже въ наше время; но только не при такомъ примѣненіи, какое сдѣлано было изъ нихъ при графѣ Канкринѣ. Объ нихъ онъ говоритъ, въ томъ же сочиненіи, слѣдующее: «При окончательномъ приведеніи въ порядокъ бумажной системы, нужно бы было имѣть въ виду три главныхъ предмета: преобразовать самую бумагу; привести въ порядокъ прежніе долги, чтобы быть сколько нибудь справедливымъ, и найдти новые вспомогательные источники для государственныхъ потребностей».

Но прежде, чѣмъ обратиться къ указанію мѣръ графа Канкрина по этому дѣлу, намъ необходимо познакомиться съ его теоретическимъ взглядомъ на народное хозяйство; знакомство это не будетъ лишено для насъ интереса. Правда, наука о народномъ хозяйствѣ занимается въ настоящее время преимущественно вопросами общественными, а не государственными, т.-е. такими, которые касаются дѣятельности собственно частныхъ лицъ, а не правительства. Ее въ настоящее время занимаетъ болѣе вопросъ о благосостояніи народа, чѣмъ о богатствѣ государства, то-есть

(*) Weltreichthum, Nationalreichthum und Staatswirthschaft, стр. 184 и 185.

Digitized by Google

о распредѣленіи между отдѣльными людьми средствъ для жизни и количествѣ ихъ, приходящемся на долю каждаго, чѣмъ о массѣ производимыхъ цѣлымъ обществомъ вещей. Ничего въ этомъ родѣ мы не найдемъ въ сочиненіяхъ графа Канкрина; но за то въ своемъ родѣ они не лишены интереса: онъ анализировалъ нѣкоторыя явленія, свидѣтелемъ которыхъ былъ самъ, очень вѣрно, послѣдовательно и метко. Таковъ именно отдѣлъ о бумажныхъ деньгахъ.

Разсматривая вопросъ съ чисто-государственной точки зрѣнія, онъ показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніе нераціональныхъ государственныхъ мѣръ и на самое общество и его жизнь. Это особенно интересно для насъ потому, что во многихъ его изображеніяхъ мы видимъ тогдашнюю картину состоянія нашего общества.

Авторъ разбираемаго нами сочиненія плохо понималъ назначеніе кредита и не подозрѣвалъ цѣлей, для которыхъ онъ можетъ служить: всѣ виды кредитныхъ знаковъ онъ относитъ къ бумажнымъ деньгамъ, которыя вовсе не могутъ считаться кредитными обязательствами; потому что кредитъ не терпитъ никакого насилія, а при бумажныхъ деньгахъ предполагается именно обязательный ихъ курсъ.

«Съ высокою культурою—говоритъ графъ Канкринъ—появляются кредитныя деньги: тогда вмѣсто дѣйствительныхъ знаковъ цѣнности, довольствуются документнымъ заявленіемъ, что эти знаки можно получить во всякое время, или въ опредѣленный, болѣе или менѣе удобный срокъ. Эти кредитныя деньги получили свое начало частію вслѣдствіе недостатка денегъ, частію вслѣдствіе дороговизны и опасности при ихъ перевозѣ, которая обнаруживается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ обширнѣе міровыя связи государства».

Такъ называемыя кредитныя деньги графъ Канкринъ раздѣляетъ и характеризуетъ совершенно по своему. Этотъ отдѣлъ въ его теоріи почти не имѣетъ для насъ значенія; мы упоминаемъ объ немъ кратко только для того, чтобы быть послѣдовательными и вмѣстѣ съ тѣмъ для того, чтобы дать возможность читателю самому судить о его научной и теоретической подготовкѣ. Кредитныя деньги дѣлитъ онъ на цессіонныя (Cessionsgeld) или облигаціонныя, кредитныя деньги и бумажныя.

Цессіонными или облигаціонными деньгами называетъ онъ долговыя обязательства, заемныя письма, ипотечные документы (закладныя на недвижимыя имущества), арендные контракты, банковыя облигаціи на долгіе сроки, билеты казначейства, различные роды акцій и т. п.—однимъ словомъ, частныя и государственныя, привилегированныя и непривилегированныя обязательства.

810922

Digitized by Google

Они замѣняютъ деньги для тѣхъ, которые собираютъ ихъ для составленія капитала; и кромѣ того они уменьшаютъ во всякомъ случаѣ потребность въ деньгахъ, потому что они могутъ быть употребляемы при куплѣ и продажѣ. Собственно кредитныя деньги состоятъ изъ векселей, тратъ, банковыхъ облигацій на предъявителя, асигнованій на ипотеку, а также билетовъ, обращающихся по довѣрію къ нарочно для того устроенному размѣнному фонду или даже и безъ него; они современемъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ свойство денегъ. Настоящія бумажныя деньги непосредственно замѣняютъ звонкую монету, и умственно (мысленно) совершенно уподобляются ей.

Теперь-то только приступаемъ мы къ болѣе практическому, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе интересному для насъ разсмотрѣнію вопроса о бумажныхъ деньгахъ. «Настоящія бумажныя деньги—говоритъ графъ Канкринъ—опираются ли они на обѣщанный размѣнъ изъ запаснаго для этой цѣли фонда, немедленно по предъявленіи ихъ, или даже и въ томъ случаѣ, если за ними остался одинъ только кредитъ, требуютъ по своему существу удобнаго формата и значительной дробности.»

Но для дробности банковскихъ билетовъ долженъ быть положенъ предѣлъ, для того, чтобы вовсе не изгнать изъ страны звонкой или размѣнной монеты. За норму дробности можно принять то, чтобы они не были менѣе обыкновенной монетной единицы (рубля, напримѣръ).

Бумажныя деньги, не говоря о ихъ количествѣ, предполагаютъ слѣдующія существенныя условія:

a) какъ прежде сказано, удобную дробность;

b) фундаментъ, который поддерживалъ бы ихъ кредитъ;

c) возможность промѣна; безъ этого они начинаютъ падать въ курсѣ;

d) возможность и легкость возобновленія въ случаѣ порчи, то-есть обмѣнъ обветшалыхъ билетовъ на новые;

e) гарантіи противъ поддѣлки; она заключается въ очень искусномъ приготовленіи самыхъ асигнацій, отчасти же въ немедленномъ замѣненіи фальшивыхъ настоящими. Это, однако, очень щекотливый пунктъ; потому что нѣкоторые очень замѣтные признаки фальшивости все таки же съ самаго начала могутъ приводить въ заблужденіе, прежде чѣмъ сдѣлаются общензвѣстными, потому что многіе не умѣютъ читать.

Что же касается до фонда бумажныхъ денегъ, то онъ только отчасти можетъ состоять изъ ипотеки государственныхъ имуществъ; въ самомъ же дѣлѣ они, какъ деньги, могутъ быть поддерживаемы только деньгами или кредитомъ, то-есть вѣрнымъ обѣ-

Digitized by Google

щаніемъ уплаты. Одинъ кредитъ государства, даже самаго благоустроеннаго, не можетъ считаться достаточнымъ для этого, потому что бумага предполагаетъ необходимость реализаціи (уплаты). Запасъ звонкой монеты долженъ быть постоянно пополняемъ по мѣрѣ размѣна; нѣтъ надобности, однако, чтобы фондъ равнялся всей массѣ асигнацій; онъ долженъ быть достаточнымъ только для непосредственной реализаціи, которая при хорошемъ устройствѣ бумажныхъ денегъ не можетъ быть значительна. Нѣкоторыя ограниченія въ размѣнѣ, какъ это замѣтно по Англіи, не такъ вредны, какъ это можно было предполагать прежде. Совершенно другое дѣло, если бумага выпущена въ чрезмѣрномъ количествѣ; тогда всѣ начинаютъ торопиться размѣномъ. Въ послѣднемъ случаѣ его нужно сначала затруднить, потомъ совершенно прекратить или производить его по биржевому курсу; но такія мѣры вредны, потому что вслѣдствіе нихъ курсъ бумажныхъ денегъ будетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе падать. Бумага не можетъ подкрѣплять фонда, потому что она и безъ того становится ненужною.

Фондъ долженъ состоять изъ ходячей звонкой монеты; даже серебряная низкопробная негодится для этого; потому что она приспособлена для мелкой, но даже вовсе не средней расплаты. Еще менѣе для этого можетъ служить плохая мѣдная монета. Замѣчательно однако, что русскія асигнаціи первоначально опирались только на одну мѣдную монету.

Эти мысли графа Канкрина о бумажныхъ деньгахъ совершенно вѣрны и, какъ видно, давно уже признаны въ администраціи; но тѣмъ не менѣе сколько разъ грѣшили противъ этихъ правилъ даже въ очень недавнее время. Графъ Канкринъ собственно противъ всякаго рода кредитныхъ знаковъ, потому что видѣлъ въ свое время очень много причиненнаго ими зла; пользу и значеніе ихъ признаетъ онъ только въ отдаленномъ будущемъ; въ настоящее время сколько нибудь полезными считаетъ онъ одни векселя, и то въ международныхъ торговыхъ сношеніяхъ. «Рекомендовать государству употребленіе кредитныхъ знаковъ—говоритъ онъ, въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія—все равно, что совѣтывать юношѣ посѣщеніе игорныхъ домовъ». Но несмотря на это, онъ признаетъ нѣкоторыя выгоды отъ нихъ даже въ настоящее время при ихъ употребленіи:

1) они искуственно увеличиваютъ свободный капиталъ. Такъ какъ на вновь созданные, повсюду признаваемые цѣнными знаки (бумажныя деньги) можно покупать всѣ продукты и силы — то значительная часть прежняго наличнаго капитала можетъ быть употребляема на новыя предпріятія: для улучшенія пахатныхъ

Digitized by Google

полей, для новыхъ горныхъ заводовъ, рыбныхъ ловль, фабрикъ, торговыхъ спекуляцій и т. д.

2) Посредствомъ нихъ нація сберегаетъ издержки, требующіяся на ремонтъ металическаго капитала, который значительно уменьшается вслѣдствіе тренія и потерь въ большомъ видѣ; постоянное пополненіе бумажныхъ денегъ какъ правительству, такъ и народу стоитъ гораздо меньше. Нація даже можетъ весь свой наличный денежный капиталъ замѣнить бумагами и помѣстить его очень выгодно.

3) Денежныя сношенія значительно облегчаются посредствомъ нихъ внутри государства и даже болѣе, нежели на сколько это могло бы быть достигнуто посредствомъ векселей.

Эти мысли довольно вѣрны, но требуютъ болѣе точнаго опредѣленія. Раціонально устроенная кредитная система, но только не бумажныя деньги, даетъ народу возможность довольствоваться очень незначительнымъ количествомъ металическихъ денегъ, пріобрѣтеніе которыхъ обходится очень дорого и совершается насчетъ такихъ предметовъ, которые гораздо полезнѣе людямъ, чѣмъ благородные металы. Напримѣръ, по вычисленію нѣкоторыхъ извѣстныхъ экономистовъ, Англія, до открытія новыхъ золотоносныхъ розсыпей въ Новомъ свѣтѣ, довольствовалась въ четверо меньшимъ количествомъ звонкой монеты, нежели Франція, несмотря на то, что ея торговые и промышленные обороты нетолько не были нисколько меньше, но даже, можетъ быть, больше, чѣмъ таковые во Франціи.

Далѣе Канкринъ разсматриваетъ опасности, неразлучныя съ употребленіемъ бумажныхъ денегъ въ государствѣ. Эта сторона вопроса была для него очень знакома, потому что онъ ее могъ наблюдать въ свое время въ нашемъ отечествѣ, которое, можетъ быть, болѣе, чѣмъ какая нибудь другая страна, потерпѣло неудобствъ.

Неудобства бумажныхъ денегъ Канкринъ опредѣляетъ очень точно. Они заключаются въ слѣдующемъ:

1) нельзя практически опредѣлить, сколько ихъ можно выпустить въ извѣстное время. Теоретически же можно принять, что они безвредны, когда ихъ выпускаютъ въ количествѣ:

а) соотвѣтствующемъ числу ежегодно вновь прибывающихъ свободныхъ капиталовъ. Этого количества, впрочемъ, никакъ нельзя выразить въ цифрахъ;

в) въ количествѣ, равномъ той суммѣ звонкой монеты, которая безъ ущерба можетъ быть изъята изъ обращенія. Это тоже, по мнѣнію Канкрина, очень неопредѣленное отношеніе. Впрочемъ,

Digitized by Google

онъ полагаетъ, что количество ихъ можетъ быть доведено до полноты всей суммы денегъ, обращающихся звонкою монетою.

На второе неудобство бумажныхъ денегъ, по мнѣнію Канкрина, мы обращаемъ вниманіе читателя потому особенно, что здѣсь, исключительно, онъ говоритъ о Россіи. Сколько мы замѣтили, по нашему наблюденію, онъ постоянно говоритъ объ ней: *въ одномъ большомъ государствѣ* и т. п.

Второе неудобство заключается въ томъ, что 2) трудно поддержать кредитъ бумажныхъ денегъ. Сначала онъ основывается на а) предположеніи, что государство всегда въ состояніи размѣнять на звонкую монету столько бумаги, сколько потребуется; б) что вся сумма выпущенныхъ бумажныхъ денегъ не превышаетъ потребнаго количества. Но первое сомнѣніе относительно этихъ условій производитъ паденіе ихъ въ курсѣ.

Третье неудобство бумажныхъ денегъ состоитъ въ томъ: 3) что въ самой ихъ натурѣ заключается стремленіе къ чрезвычайному умноженію ихъ. При легкости дѣлать бумажныя деньги являются великолѣпные проекты, развиваются потребности; создаются небывалыя затрудненія въ управленіи; составляются блестящіе планы для увеличенія власти. Все это бываетъ даже при лучшихъ правительствахъ; 4) при излишнемъ выпускѣ бумажныхъ денегъ быстро наростаютъ мнимые капиталы; роскошь увеличивается неимовѣрно и нравственность націи портится. Такъ, въ самомъ дѣлѣ, было у насъ еще очень недавно, во время восточной войны. Сколько образовалось у насъ совершенно мнимыхъ капиталовъ, которые дали возможность этому класу людей значительно расширить свои потребности и увеличить запросъ на предметы роскоши; производство предметовъ, необходимыхъ для жизни, должно было уменьшиться или, по крайней мѣрѣ, остановилось на точкѣ замерзанія, потому что отъ него отвлечены были многіе капиталы и руки; 5) является потребность сбывать наличныя деньги иностранцамъ, потому что звонкая монета становится излишнею. Это явленіе замѣчаемъ мы и въ настоящее время: еще недавно звонкая монета, пріобрѣтенная послѣднимъ нашимъ иностраннымъ займомъ, опять уходила отъ насъ туда же для пріобрѣтенія облигацій этого займа.

6) Когда начинаютъ принимать искуственныя и неудачныя административныя мѣры для поддержанія курса бумажныхъ денегъ, тогда является еще новое зло: цѣнность ихъ начинаетъ колебаться; тогда и цѣны вещей становятся колеблющимися къ ущербу торговли и нравственности, и часто дѣлаются ни съ чѣмъ несообразными. Такъ-какъ паденіе бумажныхъ денегъ зависитъ отъ такихъ причинъ, свѣдѣніе о которыхъ до низшихъ класовъ и отда-

Digitized by Google

ленныхъ мѣстностей доходитъ очень поздно, то цѣны вещей становятся несоразмѣрными и несообразными другъ съ другомъ. Въ самомъ дѣлѣ, явленіе это во время нашего послѣдняго кризиса, трудно было замѣтить въ столицахъ, въ центрахъ нашей общественной и промышленной дѣятельности, но мы его сами замѣчали въ отдаленныхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества. Послѣдствія такого состоянія вещей, *говоритъ Канкринъ*, бываютъ слѣдующія: нѣкоторые класы общества бѣднѣютъ; торговля коснѣетъ, цѣнность недвижимыхъ имуществъ уменьшается, а правительство находится съ сильномъ затрудненіи, потому что не можетъ себя значительно ограничить въ расходахъ, подобно частнымъ людямъ, которымъ, въ такихъ случаяхъ, это остается единственнымъ средствомъ. Съ справедливостью этихъ замѣчаній графа Канкрина нельзя несогласиться; эти явленія мы также могли наблюдать въ наше время.

7) Ремесло ростовщиковъ въ эти времена обыкновенно процвѣтаетъ и становится бичомъ націи; оно отвлекаетъ капиталы отъ лучшихъ занятій, а колебаніе лажа и вексельнаго курса облегчаетъ спекуляціи. Послѣдняя звонкая монета, какъ она ни необходима, извлекается изъ страны и становится простымъ товаромъ. И это явленіе замѣчаемъ мы въ наше время. Звонкая монета дѣйствительно сдѣлалась у насъ товаромъ, и потому организовалась новая отрасль торговли съ значительнымъ класомъ лицъ, занимающихся ею: продажа и покупка монеты. Ею занимаются у насъ многіе дома и ведутъ обороты на значительныя суммы; по Россіи разъѣзжаютъ мелкіе промышленники, по ярмаркамъ и темнымъ угламъ, для закупки требующагося для нихъ товара (*).

Послѣ того, какъ графъ Канкринъ опредѣлилъ выгоды и невыгоды бумажныхъ денегъ, онъ выводитъ слѣдующія заключенія:

1) государству такъ же мало можно совѣтовать обращаться къ употребленію бумажныхъ денегъ, какъ юношѣ къ игорнымъ домамъ;

2) чѣмъ эфемернѣе бумажныя деньги, чѣмъ безпощаднѣе употребляютъ ихъ, тѣмъ меньше будетъ отъ нихъ зла; потому что разочарованіе въ нихъ легче и скорѣе можетъ настать.

Главною заслугою графа Канкрина было установленіе у насъ болѣе прочной и раціональной денежной системы, чѣмъ та, которая существовала до него, и о которой уже мы говорили прежде, и кромѣ того, изъятіе изъ обращенія асигнацій, сильно упавшихъ въ курсѣ. Онъ очень хорошо понималъ послѣднюю опе-

(*) См. Денежное обращеніе въ Россіи — Безобразова; сначала было напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ», потомъ отдѣльною брошюрою.

Digitized by Google

рацію, и яснѣе сознавалъ ея условія, чѣмъ многіе въ наше время, когда для обсужденія ея имѣется болѣе данныхъ, и когда недавній опытъ долженъ былъ объяснить намъ многое. Такъ онъ совершенно отвергаетъ многія мѣры, на которыя указываютъ теперь нѣкоторые изъ органовъ нашей публицистики, какъ на лучшее для этого средство. Сколько разъ указывали у насъ, напримѣръ, на извлеченіе бумажныхъ денегъ внутренними займами, какъ на болѣе вѣрный путь къ поднятію курса нашихъ кредитныхъ билетовъ. «Московскія Вѣдомости» рекомендовали ее постоянно, какъ самую радикальную. Извлеченіе изъ обращенія бумажныхъ денегъ, безъ какой либо другой соединенной съ ними операціи, могло бы произвести еще большее замѣшательство въ народномъ хозяйствѣ. Бумажныя деньги остаются у насъ общеупотребительною, почти единственною монетою въ обращеніи; серебряная же низкопробная и мѣдная составляютъ только добавочное при этомъ средство; извлекая изъ обращенія единственное орудіе мѣны, нужно его чѣмъ нибудь замѣнить. Объ этомъ никто и не думаетъ. Однимъ словомъ, мы полагаемъ, чтобы прекратить настоящее колебаніе въ курсѣ нашего кредитнаго рубля, мало одной какой-нибудь частной мѣры, въ родѣ изъятія изъ обращенія части бумажныхъ денегъ, или открытія нхъ размѣна, какъ это и было сдѣлано еще очень недавно: необходимо преобразованіе всей нашей денежной системы. Денежная система наша въ томъ видѣ, какъ ее устроилъ графъ Канкринъ, и какъ она продолжаетъ существовать до сихъ поръ, представляетъ много несовершенствъ. Но объ этомъ послѣ; посмотримъ прежде, какъ устроилъ ее графъ Канкринъ. Мы говорили уже, что до него единственною монетою, какъ и нынѣ, были бумажныя деньги и мѣдь; золотая и серебряная существовали только номинально или, лучше сказать, были товаромъ; мы указали также и на тѣ мѣры, которыя были принимаемы до него. Мѣры эти были чисто паліативными, и потому постоянно неудавались; хотя и мѣръ Канкрина нельзя считать совершенно радикальными—онѣ временно только излечили насъ отъ зла, господствовавшаго до него—но тѣмъ не менѣе, для своего времени онѣ были дѣйствительными, и достигли желанной цѣли. Графъ Канкринъ очень рѣзко отзывается о мѣрахъ, которыя были принимаемы до него; приведемъ его собственныя слова; во многомъ онъ правъ, въ другомъ сильно ошибается:

«Особенно вредными оказались въ новѣйшее время несвоевременная откровенность и преждевременныя мѣры. Въ одномъ большомъ государствѣ (то-есть Россіи) назвали бумажныя деньги государственнымъ долгомъ — чѣмъ они на самомъ дѣлѣ не

Digitized by Google

бываютъ; это долгъ націи относительно самой себя — и съ этого времени начинается ихъ быстрое паденіе. Въ народѣ до этихъ поръ не появлялось никакого сомнѣнія относительно кредита государственныхъ денегъ; до сихъ поръ они оказывали вліяніе на цѣну вещей, не вслѣдствіе уменьшенія ихъ цѣнности отъ недовѣрія, но просто вслѣдствіе увеличенія массы денегъ; только вслѣдствіе этого несправедливаго и неосторожнаго слова проявилось сомнѣніе: стали обсуждать предметъ, и наконецъ, оказались еще болѣе невыгодныя послѣдствія. Теперь въ этой изолированной странѣ занимается аліотажемъ даже крестьянинъ; до этихъ поръ вліяніе иностранцевъ (относительно кредита къ бумажнымъ деньгамъ) останавливалось на границахъ».

Конечно, это мнѣніе графа Канкрина совершенно ложно: отчего же въ то время, когда падали въ цѣнѣ бумажки, поднималась въ ней даже мѣдная монета, которая тоже увеличивала массу денегъ. Мы это мѣсто нарочно привели, чтобы показать, какъ у него часто здравыя понятія перемѣшиваются съ совершенно ложными. Канкринъ противъ гласности въ дѣлѣ кредита, ложность чего очевидна въ настоящее время для каждаго. «Какъ скоро начинаютъ говорить о кредитѣ — продолжаетъ онъ — онъ падаетъ; это одинаково, какъ для частныхъ лицъ, такъ и для государства. Государство не должно говорить лжи — повторяетъ онъ — но есть кое-что, чего оно не должно касаться; откровенность тогда только необходима, когда народъ и дѣло созрѣли».

Но нѣкоторыя мѣры характеризуетъ онъ очень точно. «Сюда принадлежатъ также — продолжаетъ онъ — жалкія финансовыя мѣры, посредствомъ которыхъ хотѣли дѣйствовать на вексельный и денежный курсъ. Покупка и продажа векселей, разсылка звонкой монеты во внутренность страны, мѣры для ограниченія аліотажа и т. д.» Однако, сколько разъ эти мѣры были употребляемы и послѣ графа Канкрина, послѣдователями и подражателями его системы. «Онѣ (вышеупомянутыя мѣры) — продолжаетъ онъ въ томъ же мѣстѣ—ничего не могутъ сдѣлать до тѣхъ поръ, пока не измѣнено самое основаніе (прежней системы), и возбуждаютъ только еще болѣе сомнѣнія, и причиняютъ лишнія и значительныя издержки, и составляютъ ненужные окольные пути, по которымъ проходятъ туда, откуда вышли. Купецъ рѣдко можетъ быть полезнымъ совѣтникомъ относительно бумажныхъ денегъ, потому что онъ придаетъ много значенія числамъ и считаетъ дѣйствительными мелкія купеческія хитрости даже въ большихъ дѣлахъ».

Не лишено основанія и слѣдующее замѣчаніе его о мѣрахъ, которыя были употреблены для поддержанія курса бумажныхъ денегъ: «Нѣсколько прежде думали поддержать бумажныя деньги

Digitized by Google

или довести ихъ до al pari посредствомъ промѣна бумагъ на серебро, или посредствомъ займовъ бумажными деньгами на выгодныхъ условіяхъ, съ обязательствомъ уплаты на серебро; но послѣдствія этихъ мѣръ извѣстны. Средства, которыми располагало государство, были недостаточны для этой цѣли, и скоро истощались; посредствомъ одной капли вина, нельзя воду уподобить винѣ». Мы считаемъ за нужное привести всѣ эти мнѣнія графа Канкрина нетолько для того, чтобы характеризовать ими систему его; но и потому, что у насъ неоднократно указывали на подобныя мѣры, какъ очень дѣйствительныя для поправленія нашихъ денежныхъ обстоятельствъ; предшествовавшій опытъ, однако, давно, какъ мы видимъ, показалъ всю ихъ несостоятельность.

Съ своей стороны, графъ Канкринъ предлагаетъ слѣдующія мѣры для вышеупомянутой цѣли; объ нихъ говоритъ онъ въ своемъ первомъ сочиненіи на стр. 184-й слѣдующее: «При окончательномъ приведеніи въ порядокъ бумажной системы, нужно бы было имѣть въ виду три главныхъ предмета: преобразовать самую бумагу; привести въ порядокъ остатки старыхъ долговъ, чтобы быть сколько нибудь справедливымъ, и найдти новые вспомогательные источники для государственныхъ потребностей».

Въ самомъ дѣлѣ, первая мѣра, то-есть преобразованіе бумаги должна бы была всегда предшествовать всякой другой; трудно возстановить довѣріе къ системѣ, оказавшейся несостоятельною однажды, какими бы то ни было энергическими мѣрами. Эта мѣра съ удобствомъ могла бы быть примѣнена и въ наше время; необходимо было бы кредитные билеты, утратившіе свой курсъ, замѣнить банковыми билетами; впослѣдствіи мы скажемъ о возможности этой мѣры гораздо больше. Второе изъ указанныхъ графомъ Канкринымъ условій необходимо для поддержанія кредита, а третье — для пріобрѣтенія средствъ на извѣстныя, предположенныя операціи.

Понимая очень хорошо условія, при которыхъ могла быть совершена операція извлеченія бумажныхъ денегъ изъ обращенія и замѣненія ихъ новымъ, болѣе раціональнымъ видомъ кредитныхъ знаковъ, графъ Канкринъ не могъ, однако, вѣрно разсчитать средства для этого; въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ двѣ ошибки: 1) онъ избралъ, для замѣненія асигнацій, еще очень несовершенный видъ кредитныхъ знаковъ — *кредитные билеты*, которые при неумѣренномъ выпускѣ, опять могли бы обратиться въ прежнія асигнаціи; 2) соединилъ эту операцію съ другими финансовыми мѣрами, чисто-временными, и опирался на такія непрочныя опоры, которыя рано или поздно должны были пошат-

Digitized by Google

нуться, именно на *государственныя кредитныя учрежденія*. Онъ признавалъ полезными только такого рода банки, и то чисто для финансовыхъ цѣлей; вкладами въ нихъ онъ пользовался, въ случаѣ временнаго или постояннаго недостатка доходовъ, на покрытіе текущихъ государственныхъ издержекъ, а это пользованіе, рано или поздно, должно было привести къ излишнему выпуску кредитныхъ билетовъ. При первомъ значительномъ востребованіи вкладовъ изъ банковъ, нечѣмъ было производить выдачу суммъ, необходимо было прибѣгать къ постоянному выпуску кредитныхъ билетовъ; а эти кредитные билеты и безъ того должны были опираться не на очень значительный фондъ: $^1/_6$ часть всей массы ихъ.

Средствами для установленія у насъ прочной монетной единицы, графъ Канкринъ употребилъ слѣдующія мѣры: 1) первоначальное отвержденіе или упроченіе курса бумажныхъ денегъ; 2) постепенное замѣненіе ихъ другимъ видомъ кредитныхъ знаковъ, и 3) постепенное образованіе денежнаго фонда. Основанія, по которымъ графъ Канкринъ считалъ нужнымъ дѣйствовать именно такъ, мы привели въ другой нашей статьѣ(*), а потому считаемъ лишнимъ говорить объ нихъ.

Обратимся теперь собственно къ практической дѣятельности графа Канкрина, и послѣдствіямъ его системы.

Вступивъ въ управленіе министерствомъ, графъ Канкринъ счелъ нужнымъ отмѣнить всѣ сдѣланныя прежде него распоряженія для изъятія асигнацій изъ обращенія. Въ 1824 г. отмѣнена предполагавшаяся система обращенія всей массы асигнацій въ процентный долгъ. Къ рѣшительнымъ же мѣрамъ по новой операціи, приступлено была не ранѣе 1839 г. Указомъ отъ 1-го іюня этого года, было постановлено: 1) серебряная монета будетъ считаться главною монетою; 2) асигнаціи должны быть второстепеннымъ знакомъ цѣнности, и приниматься по курсу 350 к. за 1 рубль сер.; 3) подати предоставлялось вносить каждому по желанію — звонкою монетою или асигнаціями; 4) такимъ же точно образомъ должны были производиться и платежи изъ государственнаго казначейства, то-есть на серебро или асигнаціи; 5) всѣ денежныя сдѣлки предписывалось заключать на серебро. Наконецъ, запрещены прибавки къ курсу асигнацій, и взиманіе процентовъ за промѣнъ одной монеты на другую. Но графъ Канкринъ не прямо приступилъ къ осуществленію своей системы: онъ попробовалъ нѣкоторыя переходныя мѣры; сначала, для удобства обращенія, асигнаціи замѣнены временными кредитными зна-

(*) «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1865 г. № 89 и 96.

Digitized by Google

ками; въ 1840 г. открыта при комерческомъ банкѣ депозитная каса; изъ нея выдавались депозитные билеты 3, 5, 10, 25, 50 и 100 рублеваго достоинства тѣмъ, которые вносили въ нее на такую же сумму звонкой монеты; эта монета должна была оставаться неприкосновенною, и потому билеты во всякое время могли быть промѣниваемы на нее. Въ томъ же году, въ эту касу звонкой монеты принято на 25,623,037 рублей; выдано всего на 1,453,637 руб. Въ слѣдующемъ году, разрѣшено принимать золото и въ слиткахъ, потому приливъ металовъ увеличился еще на 12,780,144 рубля. Только 1-го іюня 1843 года, вышелъ манифестъ объ уничтоженіи прежнихъ асигнацій, и замѣненіи ихъ кредитными билетами. Для этой цѣли, въ государственный банкъ, которому предоставлено было право выпуска этихъ билетовъ, положено $28^1/_2$ мил. руб. сер., въ видѣ размѣннаго фонда; остальная звонкая монета была перевезена въ Петропавловскую крѣпость, и сложена въ особыхъ подвалахъ; весь металическій фондъ равнялся въ это время 65,750,000 руб. или 263 мил. франковъ.

Итакъ мы видимъ, что первоначально операція изъятія и обращенія звонкой монеты шла очень быстро и удачно: она была совершена въ очень непродолжительное время, въ которое успѣлъ составиться значительный металическій фондъ. Но успѣхъ системы графа Канкрина былъ эфемерный, выражаясь его же словами; она продержалась не болѣе двадцати-пяти лѣтъ: съ 1859 г. начинается паденіе цѣнности кредитнаго рубля, которое продолжается до настоящаго времени.

Спрашивается, слѣдуетъ ли винить графа Канкрина въ непрочности его системы, и въ послѣдовавшемъ послѣ него кризисѣ. Конечно, не вся отвѣтственность въ этомъ, но часть по крайней мѣрѣ вины падаетъ на него: онъ виноватъ въ томъ, что основалъ свою систему на ложныхъ началахъ; до окончательнаго же разстройства дошла она послѣ него, когда была доведена до крайности. Непрочность системы начала уже оказываться при графѣ Канкринѣ. Выпускъ новыхъ кредитныхъ билетовъ не могъ быть нормальнымъ; мы говорили уже, что заимствованіе изъ банковыхъ вкладовъ въ видѣ займовъ, должно было привести къ усиленію ихъ выпуска. Такъ, именно въ 1841 г., для этой собственно цѣли, предположенъ былъ выпускъ 30 мил. руб. кредитными билетами. Объ отношеніи государственной казны къ банкамъ, Канкринъ говоритъ слѣдующее въ своемъ двадцатилѣтнемъ отчетѣ по управленію министерствомъ: «Къ случаѣ умноженія истребованій изъ банковъ, а особенно въ затруднительномъ 1840 году, когда по неурожаю истребованы

Digitized by Google

изъ онныхъ огромные вклады, наиболѣе по-капиталу продовольствія, банки и сохранныя казны были подкрѣпляемы, такъ что могли выполнить свои обязательства, впослѣдствіи же вклады еще болѣе усилились». Но чѣмъ болѣе возрастали потребности государства, тѣмъ болѣе и болѣе требовался выпускъ кредитныхъ билетовъ, и сдѣлался наконецъ совершенно ненормальнымъ, превзойдя потребности обращенія и народа.

Теперь систему графа Канкрина нужно снова передѣлывать и начать съ того же, съ чего начиналъ и онъ: нужно теперешніе кредитные билеты замѣнять новымъ видомъ кредитныхъ знаковъ, болѣе раціональнымъ и прочнымъ по своей натурѣ, и образовать размѣнный фондъ изъ металическихъ денегъ, что̀ оказалось пока не совсѣмъ легкимъ дѣломъ при нынѣшнемъ положеніи вещей.

Главнымъ основаніемъ для финансовыхъ операцій, послужили графу Канкрину государственные банки; нынѣ они отжили свой вѣкъ, и по большей части уничтожены, за исключеніемъ одного государственнаго. Для преобразованія нашей настоящей денежной системы, основаніемъ могло бы послужить обращеніе этого банка въ частный. Обращеніе это могло быть совершено постепенно. Нынѣшній государственный банкъ могъ бы остаться на время въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ нынѣ, для окончанія тѣхъ операцій, которыя возложены на него по государственному казначейству; но при немъ могло бы образоваться особое отдѣленіе для занятія чисто-комерческими операціями, которое слѣдовало бы основать на акціяхъ. Банкъ, основанный на акціяхъ и на нихъ опирающійся въ своихъ операціяхъ, имѣетъ гораздо болѣе прочное основаніе, чѣмъ всякій другой, даже располагающій извѣстною долею своего собственнаго капитала. Выпускъ акцій для образованія частнаго комерческаго отдѣленія при государственномъ банкѣ, могъ бы послужить средствомъ для извлеченія части кредитныхъ билетовъ изъ обращенія, образованія металическаго фонда и выпуска банковыхъ билетовъ. Выпускъ банковыхъ билетовъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, имѣлъ бы то важное значеніе, что мы получили бы, наконецъ, прочную монетную единицу, съ которою могли бы соразмѣряться цѣнности вещей, и на основаніи которой могли бы быть заключаемы всѣ комерческія и кредитныя сдѣлки; затѣмъ, цѣнность кредитныхъ рублей должна бы быть предоставлена биржевому курсу. По мѣрѣ же накопленія средствъ въ государственномъ банкѣ, и по мѣрѣ возможнаго по обстоятельствамъ выпуска банковыхъ билетовъ, они могли бы быть постепенно извлекаемы изъ обращенія. На это намъ могутъ возражать: можетъ-ли существо-

Digitized by Google

вать въ государствѣ смѣшеніе различныхъ кредитныхъ знаковъ? Опытъ показалъ, что одно время, при графѣ Канкринѣ, совмѣстно обращались три рода кредитныхъ знаковъ: асигнаціи, депозитные билеты и кредитные, и курсъ всѣхъ ихъ стоялъ твердо.

Послѣднимъ важнымъ дѣломъ графа Канкрина было опредѣленіе и установленіе нашихъ отношеній въ международныхъ торговыхъ сношеніяхъ. За эту мѣру графа Канкрина особенно уважаетъ нашъ торговый и промышленный классъ; вообще полагаютъ, что имъ положено начало нашей мануфактурной промышленности. Впрочемъ, запретительный и охранительный тарифъ введенъ былъ въ дѣйствіе еще за годъ до вступленія графа Канкрина въ управленіе министерствомъ; но и онъ принималъ участіе въ дѣлахъ комисіи, составлявшей этотъ тарифъ, стало быть, содѣйствовалъ и этой мѣрѣ, хотя не прямымъ образомъ. Мы ограничимся указаніемъ того, что̀ сдѣлано было графомъ Канкринымъ для нашей мануфактурной промышленности въ его министерство. Во второмъ своемъ сочиненіи: «Экономія человѣческихъ обществъ», изданномъ послѣ его смерти въ 1845 г., онъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: «издатель этого сочиненія мало по малу исправлялъ и усовершенствовалъ тарифъ. Онъ уничтожилъ нѣсколько запрещеній, уменьшилъ нѣкоторыя пошлины, повысилъ другія для увеличенія доходовъ и покровительства фабрикамъ; однимъ словомъ, измѣнилъ таможенный уставъ во многихъ пунктахъ». Въ другомъ мѣстѣ того же самаго сочиненія, собственно о мануфактурной промышленности онъ выражается слѣдующимъ образомъ: «Въ заблужденіи тотъ, кто воображаетъ, что русская фабричная промышленость существуетъ только помощью правительства. Промышленость эта сильна сама собою, и вотъ уже 25 лѣтъ, какъ не сдѣлано ни одной важной жертвы для поддержанія отечественныхъ фабрикъ. Этой цѣли достигли совсѣмъ другимъ образомъ. Съ 1823 г. приняты всевозможныя мѣры для усовершенствованія промышленности. Издаются: Коммерческая газета, Мануфактурный журналъ; заграницею держали агентовъ, чтобы узнавать всѣ новѣйшія открытія и усовершенствованія; заведена правильная выписка узоровъ изъ-заграницы; привлечены въ Россію искусные мастера; учрежденъ мануфакутрный совѣтъ съ отдѣленіями и кореспондентами. Основанъ большой технологическій институтъ и промышленныя школы; установлены посылка молодыхъ людей заграницу, выставки промышлености, въ Москвѣ и Петербургѣ, съ назначеніемъ наградъ за отличіе, безплатныя школы рисованія; изданъ уставъ, улучшающій полицейскій надзоръ за работами, и много другихъ мѣръ, о которыхъ я умалчиваю».

Digitized by Google

Эти мѣры совершенно раціональны и противъ нихъ нельзя сказать ничего ни съ какой точки зрѣнія. Мы оттого и не беремся говорить въ настоящей статьѣ о мануфактурной промышлености и о томъ, что̀ сдѣлано для нея при графѣ Канкринѣ, что этотъ вопросъ снова поднятъ въ наше время и требуетъ основательнаго пересмотра. Но для этого необходимо собрать множество статистическихъ данныхъ, на основаніи которыхъ онъ только и можетъ быть рѣшаемъ, а не à priori и на основаніи одинхъ теорій и эгоистическихъ интересовъ, какъ это дѣлается въ настоящее время при обсужденіи вопроса о заключеніи торговаго трактата съ Германіей.

Обращаясь ко всему сказанному нами въ статьѣ, мы должны повторить то, что̀ уже высказали въ самомъ началѣ ея: система графа Канкрина была разсчитана исключительно для поправленія обстоятельствъ того времени; въ настоящее время она отжила свой вѣкъ и требуетъ передѣлки. Въ свое же время она установила прочный экономическій порядокъ и дала возможность, хотя не очень широкую, для развитія народной промышлености.

С. Муравьевъ.

Digitized by Google

ПЕРЕДЪ ГРОЗОЙ.

РОМАНЪ ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ И НРАВОВЪ.

III.

Мистеръ Госсамеръ Ван-Донкъ вполнѣ олицетворялъ истинный типъ столь многочисленнаго и постоянно увеличивающагося въ Нью-Йоркѣ класа *новыхъ богачей*. По наружности онъ былъ сухощавый, костлявый молодой человѣкъ съ узкими плечами и безобразными ногами. Довольно пріятныя черты лица его, въ естественномъ состояніи выражавшія добродушную простоту, принимали странное выраженіе отъ постоянныхъ его усилій принять на себя видъ грознаго мизантропа. Каріе глаза его были окаймлены почти розовой оболочкой, а большіе усы, a la Calmuck, безжалостно нафабрены; коротко же остриженные волосы торчали словно перья, что, по его мнѣнію, было ему особенно къ лицу. Онъ постоянно носилъ платья самаго страннаго, эксцентричнаго покроя и множество брелокъ, запоновъ, цѣпочекъ, колецъ и т. д. Теперь же, побывавъ въ Англіи, онъ сдѣлалъ себѣ огромный запасъ *сьютовъ* изъ самыхъ разнообразныхъ толстыхъ ковровыхъ матерій, которые онъ тщательно перемѣнялъ разъ по пяти или шести въ день. Такимъ образомъ онъ производилъ всегда блестящій эфектъ и въ то же время доставлялъ себѣ занятіе. Къ утреннему чаю онъ являлся въ клѣтчатой матеріи, самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ цвѣтовъ, которые онъ затѣмъ къ завтраку замѣнялъ болѣе гармонирующими и мягкими цвѣтами. Передъ обѣдомъ эти цвѣта опять приходили въ столкновеніе, разражалась самая ужасная, но живописная гроза, послѣ чего погода снова прояснялась и на сцену появлялись радужные, свѣтлые цвѣта. Результатомъ всѣхъ этихъ искусныхъ операцій было то, что посторонніе сначала всегда воображали, что есть нѣсколько мистеровъ Госсамеръ Ван-Донковъ, или что если онъ одинъ, то одаренъ какой-то сверхестественной способностью размножаться до

Digitized by Google

безконечности, и только послѣ самого тщательнаго изслѣдованія убѣждались въ ошибочности своихъ предположеній.

Мистеръ Ван-Донкъ былъ очень извѣстенъ въ Нью-Йоркѣ, и еслибы кругъ его знакомства былъ столь же избранный, какъ обширный, то намъ оставалось бы только поздравить его; но къ несчастію, это было не такъ. Почти всякій оборванецъ, выходящій утромъ изъ своей трущобы, привѣтливо кивалъ головой Госсамеру, катившему на рысакахъ по Бродвею. Подозрительные кринолины, движущіеся въ толпѣ, по вечерамъ встрѣчали съ улыбкой Госсамера. Замасленныя восточныя лица, посѣщающія фойе оперы, очень хорошо были знакомы съ нашимъ молодымъ другомъ, и нѣкоторыя изъ нихъ даже успѣли измѣрить его карманы. Посредственные актеры, постоянные посѣтители портерныхъ по близости театровъ, знали его и восторгались его критическими сужденіями. Широкоплечіе молодцы съ хитрымъ и лукавымъ взглядомъ, которые занимаются таинственными экспедиціями на Нью-Джерсей и Статенскій островъ, также были съ нимъ знакомы и говорили, что онъ истинный покровитель «нашего почтеннаго искусства, сэръ!» Онъ также имѣлъ многихъ друзей между мелкими журнальными борзописцами, которые не разъ близко видали его деньги во время его ухаживаній за актрисами и танцовщицами. Мистеръ Тодитеръ Сумпъ очень уважалъ своего *милаго Госси*, писалъ для него любовныя посланія и втерся въ домъ генерала Ван-Донка, котораго вмѣстѣ со всѣми его знакомыми записалъ впередъ подписчиками на будущее его сочиненіе—*Приключенія Идіота*. Стикумъ, издатель, и Лайбель, редакторъ *Воскреснаго комка грязи*, также очень жалуютъ Госсамера: они *также* имѣли случай, по ихъ словамъ, «узнать его благородныя и высокія качества».

Однако, несмотря на этотъ обширный и высокій кругъ знакомства, который еще обнималъ безчисленное множество буфетчиковъ, биліардныхъ маркёровъ, барышниковъ и т. д., несмотря на громадное количество и блескъ его разнообразныхъ сюртуковъ, визитокъ, брюкъ и жилетовъ, мистеръ Госсамеръ Ван-Донкъ далеко не былъ счастливъ. Въ прошлое лѣто, въ бытность его въ Ньюпортѣ, онъ попался въ сѣти, которыя, какъ онъ съ горечью объяснялъ, грозятъ уничтожить всѣ его будущія надежды. Словомъ, онъ былъ помолвленъ съ миссъ Джоанной Гейденсокеръ, благодаря ловкой политикѣ генеральши Ван-Донкъ, а также отчасти и достопочтеннаго Джоба Гейденсокера, отца молодой дѣвушки.

Гейденсокеры происходили отъ старинной знаменитой фамиліи, родоначальникъ которой три поколѣнія тому назадъ содержалъ го-

Digitized by Google

ландскую портерную на Батторен. Отецъ достопочтеннаго Джоба, замѣчательно хитрый человѣкъ, достигъ интригами высоко политическаго значенія, что составило счастіе всего его семейства и въ особенности достопочтеннаго Джоба, который умѣлъ извлечь большую пользу изъ этого обстоятельства. Онъ, повидимому, принадлежалъ къ юридическому сословію, но будучи очень плохимъ адвокатомъ, а въ особенности очень лѣнивымъ, не могъ пріобрѣсти себѣ извѣстности по этой части и потому обратилъ все свое вниманіе на политическія продѣлки, въ которыхъ онъ имѣлъ довольно успѣха и имѣлъ бы еще гораздо болѣе, еслибы его недобросовѣстность не была всѣмъ извѣстна. Онъ безпрестанно переходилъ отъ одной стороны къ другой, избирая всегда ту, отъ которой надѣялся получить бо́льшую выгоду. Къ тому же, онъ велъ разгульную жизнь, питалъ неудержимую страсть къ игрѣ и къ крѣпкимъ напиткамъ, и потому вѣчно нуждался въ деньгахъ. Это послѣднее обстоятельство побудило его жениться на молодой дѣвушкѣ изъ почтеннаго богатаго семейства, которое, сколько извѣстно, никогда не дѣлало ошибокъ до той минуты, когда вступило въ родство съ достопочтеннымъ Джобомъ. Эта молодая дѣвушка сдѣлалась матерью вышеупомянутой миссъ Джоанны, которая по своей красотѣ и важному имени была вполнѣ блестящей партіей, по мнѣнію Джоба, для богача Ван-Донка.

Итакъ, съ одной стороны генеральша Ван-Донкъ желала доставить женитьбой своему Госсамеру извѣстное положеніе въ свѣтѣ, а съ другой—достопочтенный Джобъ искалъ для своей Джоанны тяжелые мѣшки доларовъ. Оба надѣялись достигнуть своей цѣли посредствомъ этого брака. Оставалось разрѣшить еще одно трудное обстоятельство — получить согласіе непосредственно заинтересованныхъ особъ, и потому хитрые интриганты условились между собою, что генеральша постарается завладѣть молодой дѣвушкой, а достопочтенный Джобъ—молодымъ человѣкомъ. Генеральша избрала прямой путь: она привозила подарки за подарками, брильянты, кружева, шали, а въ пріятной перспективѣ показывала чудные экипажи и абонементную ложу въ оперѣ. Тактика достопочтеннаго Джоба была хитрѣе, и между прочимъ состояла главнымъ образомъ въ обыгриваньѣ и опаиваньѣ мистера Госсамера Ван-Донка. Такимъ образомъ, когда посредствомъ ласкъ, совѣтовъ и угрозъ удалось наконецъ достаточно сблизить молодыхъ людей, вовсе нелюбившихъ другъ друга, достопочтенный Джобъ разомъ покончилъ дѣло, выставивъ на видъ бѣдному Госсамеру, что онъ отдастъ его векселя на сумму нѣсколькихъ тысячъ доларовъ, въ приданое чудной Джоаннѣ, вмѣсто того, чтобъ предоставить ихъ сердитому и скупому генералу Ван-Донку.

Digitized by Google

Счастливый бракъ этотъ, по обоюдному согласію, былъ отложенъ на годъ, и теперь долженъ былъ совершиться въ предстоящемъ сентябрѣ мѣсяцѣ. Это-то обстоятельство и тревожило нашего юнаго друга, ибо двѣ непреодолимыя причины побуждали его нарушить свое слово: вопервыхъ, онъ все болѣе и болѣе начиналъ ненавидѣть свою невѣсту и ея отца; вовторыхъ, онъ по уши влюбился въ мисъ Грэсъ Верионъ.

Вотъ въ какомъ жалкомъ положеніи онъ находился, судя по его же собственнымъ словамъ мистеру Элайасу П. Стаггерсу, которому онъ на другой день послѣ спасенія негритянки съ ребёнкомъ, повѣдалъ свою грустную повѣсть. Мистеръ Стаггерсъ, или какъ друзья его обыкновенно называли, *Элайасъ П.*, занимался банкирскими и маклерскими дѣлами въ Валь-Стритѣ. Это былъ здоровый мужчина, очень хлопотливый и, подобно многимъ нашимъ негоціантамъ, чрезвычайно озабоченный своимъ соціальнымъ положеніемъ. Онъ былъ богатъ или, вѣрнѣе, его жена была богата, такъ-какъ многолѣтній опытъ убѣдилъ его въ необходимости передать главную часть своего состоянія въ другія руки. Элайасъ П. всегда носилъ черный сюртукъ и панталоны изъ самой дорогой матеріи и одѣвался, какъ онъ съ самодовольствіемъ говорилъ, «просто и богато». Голова его сіяла большой плѣшью, бровей вовсе не было и лицо носило то неизъяснимое выраженіе, которое всегда является, когда мужчина съ длинной бородой и бакенбардами брѣетъ усы. Онъ выдавалъ себя за любителя изящныхъ искуствъ и покровителя артистовъ, въ особенности итальянскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ; но въ сущности, душа его была поглощена однимъ наживаніемъ денегъ, и артистическія его претензіи происходили только отъ желанія пріобрѣсти популярность и соціальное значеніе. Онъ, впродолженіе многихъ лѣтъ, занимался дѣлами стараго генерала Ван-Донка, и семейства ихъ были въ довольно близкихъ отношеніяхъ. Кромѣ того Госсамеръ проводилъ большинство ночей на *Ассиріи*, въ каютѣ мистера Стаггерса за пуншемъ и шампанскимъ, что еще болѣе сблизило ихъ и побудило молодаго человѣка искать въ настоящее время сочувствія и совѣта почтеннаго маклера. Независимо отъ другихъ окружающихъ его затрудненій, молодой человѣкъ начиналъ ревновать мисъ Грэсъ Верионъ къ Роберту Эліоту и Стивену Дангерфильду, хотя, несмотря на всѣ его стараніа, онъ не могъ еще рѣшить, кого изъ нихъ ему слѣдовало болѣе опасаться.

— Не люблю я ихъ обоихъ, замѣтилъ мистеръ Стаггерсъ въ видѣ утѣшенія.—Что касается Стивена Дангерфильда, то его положеніе вовсе не такъ блестяще, какъ онъ воображаетъ. Я это хорошо знаю; онъ гордится тѣмъ, что живетъ въ своемъ по-

Digitized by Google

мѣстьѣ и что его родители никогда не занимались торговлею; но подобное тщеславіе ни къ чему не ведетъ и крайне неприлично въ свободной странѣ.

— Ваша правда, сэръ, отвѣчалъ мистеръ Ван-Донкъ.

— Другой не лучше его, продолжалъ мистеръ Стаггерсъ:—но я бы желалъ знать, есть ли у него состояніе?

Госсамеръ также ничего не зналъ о состояніи мистера Эліота, но замѣтилъ, что у него повидимому не было много платья.

— О! по этому вы не можете судить, выразительно произнесъ Стаггерсъ: — эти англичане, если они настоящіе великосвѣтскіе щеголи, то ихъ всякій знаетъ, и имъ не нужно часто мѣнять свой туалетъ, чтобы показать, кто они такіе. Наши щеголи — дѣло другое, должны поневолѣ выказываться. Вѣдь, напримѣръ, кто бы зналъ, кто вы такой, еслибъ вы не одѣвались пестро и богато.

Бѣдный Госсамеръ нѣсколько былъ озадаченъ этимъ замѣчаніемъ, но собравшись съ духомъ, спросилъ:

— Что намъ за дѣло до того, что Эліотъ великосвѣтскій щеголь или нѣтъ?

— Вотъ какое дѣло. Старикъ Вернонъ, несмотря на его либеральныя идеи, обращаетъ большое вниманіе на происхожденіе и манеры, и слишкомъ дорожитъ деньгами, чтобы ихъ выпустить изъ виду; потому, если Эліотъ не удовлетворитъ этимъ тремъ требованіямъ, то ясно, что онъ ничего не возьметъ.

— Мнѣ кажется, что старый джентльменъ нимало не думаетъ о деньгахъ, а мисъ Грэсъ и того менѣе. Потому, если Стивенъ Дангерфильдъ...

— За этого я ручаюсь, сказалъ маклеръ: — ему нечего надѣяться на успѣхъ. Онъ совершенно разорится послѣ смерти старика, который, говорятъ, очень плохъ. Имѣнье-то все перезаложено, хотя Стивенъ, можетъ быть, этого и не знаетъ. Я намекну объ этомъ Вернону. Потомъ я переговорю со Спригтомъ, чтобы онъ написалъ своему лондонскому кореспонденту объ Эліотѣ. Пожалуй, онъ тамъ что-нибудь надѣлалъ и долженъ былъ бѣжать, а впрочемъ, можетъ быть, онъ вовсе и не интересуется молодой дѣвушкой.

— Но если все это устроится по моему желанію, то все еще останется Джобъ Гейденсокеръ, замѣтилъ Госсамеръ.

— Не бойтесь его, замѣтилъ Элайасъ П.: — я непремѣнно обдѣлаю это дѣльце. Если ваши векселя у него, то онъ ихъ передастъ мнѣ, или я ему дамъ знать себя. Мы же съ вами когда нибудь послѣ расквитаемся. Я всегда готовъ ждать.

— Вы очень-очень добры. Маменька, конечно, подыметъ исторію, но я съ нею слажу. Я долженъ вамъ сознаться, какъ старому другу, что все это дѣло сдѣлало меня совершенно не-

Digitized by Google

счастнымъ. Я никогда никого не любилъ до сихъ поръ, и если только эти препятствія будутъ отстранены, то мнѣ нечего будетъ опасаться отказа.

— Не ручайтесь такъ за успѣхъ, возразилъ осторожный Стаггерсъ: — красавица, да еще съ большимъ состояніемъ, самая невѣрная вещь въ свѣтѣ. Вотъ, напримѣръ, Кутбертъ Бойнтонъ — я бы обратилъ на него вниманіе. Посмотрите, вонъ онъ гладитъ головку маленькой дѣвочки.

Госсамеръ улыбнулся. Онъ ни мало не боялся Кутберта Бойнтона, у котораго платье было такого дикаго покроя, что Госсамеръ не находилъ словъ, чтобъ выразить все свое презрѣніе. Притомъ онъ впалъ въ ошибку, свойственную людямъ его класса: онъ полагалъ, что беззаботная непринужденность, характеризующая южанъ, доказываетъ недостатокъ приличія и воспитанія. Онъ считалъ себя совершенно безопаснымъ въ отношеніи Кутберта Бойнтона, и выразилъ это очень рѣзко, подходя съ своимъ ментеромъ въ групѣ, собравшейся, по обыкновенію, вокругъ Вернона и его дочери.

— Тсс! шопотомъ произнесъ маклеръ: — тсс! у него болѣе трехсотъ негровъ.

Ребёнокъ, спасенный наканунѣ отъ голодной смерти, сидѣлъ на колѣнахъ у Оливера Вернона, граціозно припавъ головой къ его плечу; это была маленькая дѣвочка, не болѣе пяти лѣтъ отроду, хотя, смотря на ея серьёзное личико и удивительно умные глазки, вы бы ей дали гораздо болѣе. Глаза ея были особенно красивы, большіе, черные съ длинными, блестящими рѣсницами и чудными нѣжными бровями. Каштановые волосы падали раскошными волнами вокругъ лица, блѣднаго отъ усталости и волненія, но нѣжно-оливковаго оттѣнка, гармонирующаго съ цвѣтомъ глазъ и волосъ. Одежда дѣвочки доказывала, что она принадлежала къ богатому семейству; но всѣ ея вещи такъ сильно пострадали отъ воды, что Грэсъ и Элинора должны были удѣлить ей кой-что изъ своего туалета. Она теперь была закутана въ большой индійской шали, яркаго цвѣта, которая еще болѣе выказывала красоту ея глазъ и лица.

Бѣдный ребёнокъ ничего не зналъ объ участи другихъ пасажировъ и команды погибшей шкуны. По ея словамъ, была ужасная буря, и Джерти держала ее въ своихъ рукахъ. Когда буря стихла, на суднѣ никого уже не было, кромѣ Джерти и ея. Негритянка нашла немного сухарей и воды, которые онѣ съѣли еще до прибытія помощи. Ясно было, что негритянка отказывала себѣ въ пищи, чтобы продлить жизнь ребёнка, который мало пострадалъ отъ голода, тогда какъ она умирала отъ истощенія и съ самаго

Digitized by Google

прибытія на *Ассирію* лежала въ бреду. Что же касается до того, кто онѣ были и куда онѣ ѣхали, ребёнокъ не могъ ничего объяснить; изъ ея словъ, однако, выходило, что они выѣхали изъ одного порта въ Георгіи, и отправлялись въ Нью-Йоркъ къ *папѣ*—а также, что ее зовутъ Али, фамиліи же своей она не знала.

Появленіе маленькой незнакомки, разумѣется, произвело большое волненіе на пароходѣ. Спригъ уже приготовилъ эфектную статью для *Нью-Йоркскаго Глашатая*, а Слаймеръ обдумывалъ, какимъ бы образомъ ему связать свое имя съ романтическимъ происшествіемъ. Генеральша Ван-Донкъ и ея дочери были въ отчаяніи, что привычка поздно вставать помѣшала имъ предъявить свои права на интересную protegée. Максвиндль особенно заинтересовался негритянкою, которая, по его мнѣнію, вѣроятно бѣжала отъ господъ, и потому онъ уже представлялъ себѣ, какое пріобрѣтетъ важное политическое значеніе, заставивъ арестовать ее въ Нью-Йоркѣ и возвратить обратно хозяину. Элинора и Грэсъ особенно радовались счастливому случаю, доставившему имъ такую хорошенькую игрушку, а болѣе глубокія женскія чувства, затаенныя въ глубинѣ сердца, побудили ихъ окружить малютку нѣжнымъ сочувствіемъ и любовью. Стивенъ Данжерфильдъ съ восторгомъ смотрѣлъ, какъ хорошенькія дѣвушки лелѣяли беззащитное существо, которое онъ принесъ къ нимъ, а Роберъ Эліотъ глубокомысленно обдумывалъ странное сходство маленькаго ребёнка съ Элинорой Грезбрукъ. Одного только Оливера Вернона, казалось, опечалило появленіе ребёнка, хотя проникнутый самой теплой любовью къ ближнему, всегда готовый оказать услугу, въ особенности безащитной сиротѣ, онъ, напротивъ, долженъ былъ бы обрадоваться этому случаю сдѣлать доброе дѣло. Оно въ сущности такъ и было; грустная тѣнь, омрачившая его лицо, происходила отъ причины, неимѣвшей ничего общаго съ настоящимъ происшествіемъ. Это было или предчувствіе будущаго несчастья, или воспоминаніе о прошедшемъ горѣ. Изъ-за пазухи негритянки вынули письмо, которое теперь хранилось у Оливера Вернона; онъ не вскрывалъ его, а только взглянулъ на надпись. Кромѣ того, молодыя дѣвушки сдѣлали два повиднмому незначущія открытія: на носовомъ платкѣ ребёнка была вышита готическимъ шрифтомъ буква *К*, а на рубашкѣ, такими же буквами, краснымъ шелкомъ, слово *Алабама*.

IV.

Ассирія величественно входила въ Гудсонъ, и пасажиры ея ожидали конца своего путешествія съ самыми различными, противо-

Digitized by Google

положными чувствами. Элинора и Грэсъ съ радостью привѣтствовали свое возвращеніе въ счастливый домъ, покинутый ими за годъ передъ тѣмъ, но вмѣстѣ съ этимъ обсуждали съ большимъ жаромъ и нѣкоторымъ безпокойствомъ, удастся ли имъ удержать у себя прекраснаго ребёнка. Обстоятельство это имѣло для Элиноры особенное значеніе. Очень естественно, что привязанность къ такому хорошенькому существу могла въ короткое время возникнуть въ груди молодой дѣвушки; но къ этому чувству примѣшивалось еще какое-то сознаніе отвѣтственности и необъяснимое предчувствіе несчастія. Это послѣднее еще болѣе укрѣпилось въ ней отъ пристальнаго наблюденія за выраженіемъ лица Оливера Вернона. Дѣвушка эта такъ была одарена женственною проницательностью, что почти мгновенно угадывала мысли людей, съ которыми ей приходилось часто имѣть дѣло. Она прочла на добромъ лицѣ Вернона, обращенномъ къ ребёнку сожалѣніе и опасенія— и ея быстрый умъ спѣшилъ раздѣлить его чувства.

Грэсъ, болѣе легкомысленная и потому не столь проницательная, обращала почти все свое вниманіе на другое обстоятельство, доставлявшее ей постоянную забаву. Госсамеръ Ван-Донкъ продолжалъ ухаживать за нею, и такъ открыто, что не могло быть никакихъ сомнѣній въ его намѣреніяхъ. Ревность его обращалась то на Эліота, то на Кутберта Бойнтона, то на Стивена Дангерфильда, и онъ употреблялъ всѣ свои усилія, чтобы превзойти ихъ своими частыми переодѣваніями и болтовнею. Самыя сильныя подозрѣнія его, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, были ошибочно направлены; однако, пользуясь содѣйствіемъ своего союзника, ловкаго Стаггерса, и опытными совѣтами своей матери, Госсамеръ удачно завлекъ Эліота въ общество мисъ Церлины и Віолеты и даже взялъ съ него слово побывать у нихъ въ Нью-Портѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Стивенъ Дангерфильдъ слѣдилъ съ любопытствомъ за этой комедіей, вовсе не подозрѣвая, что хорошенькая Грэсъ начинала овладѣвать его честнымъ сердцемъ. Правда, онъ иногда очень радовался, когда ему удавалось разстроить планы Госсамера, добивавшагося всегда чести гулять рядомъ съ Грэсъ по палубѣ или сидѣть подлѣ нея за обѣдомъ; но онъ приписывалъ это чувство удовольствія скорѣе къ непріязни, питаемой имъ къ Госсамеру, котораго онъ презиралъ, какъ глупаго франта и выскочку.

Робертъ Эліотъ съ удовольствіемъ и любопытствомъ помышлялъ о предстоящемъ ему путешествіи по Америкѣ. Семейство его происходило отъ длинаго ряда виговъ, и его отецъ теперь засѣдалъ въ парламентѣ. Нѣкоторые изъ его предковъ были министрами, но они не принадлежали къ современному оттѣнку ихъ партіи,

Digitized by Google

члены которой почти всегда, ставъ во главѣ правительства, дѣлаются тиріями. Они были искренніе прогресивные либералы, и считали долгомъ дѣлать уступки народу по мѣрѣ того, какъ онъ достигалъ необходимой степени развитія и образованія для благоразумнаго пользованія ими; они ненавидѣли притѣсненія какого бы ни было рода, и считали, что никакое правительство, гнетущее какую нибудь національность, секту или класъ, не могло быть хорошимъ и долговѣчнымъ. Воспитанный въ подобныхъ идеяхъ, Робертъ Эліотъ могъ безъ предубѣжденія изучить устройство страны, болѣе свободной, хоть номинально, чѣмъ его родина. Вполнѣ убѣжденный, что при настоящихъ обстоятельствахъ, существующая форма правленія въ Великобританіи была благодѣтельна для англичанъ, онъ никогда не дозволялъ себѣ утверждать, что республиканское правленіе было пагубно для американцевъ. Напротивъ, онъ признавалъ особеннымъ благодѣяніемъ провидѣнія для стараго свѣта, что республиканская свобода существовала, не потому, чтобы было необходимо все отъ нея заимствовать слѣпо, что, конечно, не принесло бы пользы, но подобный примѣръ непремѣнно побуждаетъ къ постепенному измѣненію въ нравахъ, воспитаніи и умственномъ развитіи народовъ. Слѣдовать подобному примѣру—значитъ идти къ свѣту, къ счастью; отвергать его—значитъ возвращаться къ мраку и бѣдствіямъ феодальныхъ временъ.

Казалось бы страннымъ, чтобы Робертъ Эліотъ съ его воспитаніемъ и идеями, могъ сойтись съ рабовладѣльцемъ; однако, дѣйствительно, за исключеніемъ Вернона и Дангерфильда, къ которымъ онъ питалъ особенное уваженіе, Эліотъ изъ числа всѣхъ пасажировъ на *Ассиріи* болѣе всѣхъ полюбилъ южнаго плантатора Кутберта Бойнтона. Это происходило, конечно, скорѣе отъ соціальной, чѣмъ отъ моральной симпатіи. Эліотъ былъ сынъ англійскаго помѣщика и привыкъ жить въ кругу людей, положеніе которыхъ въ свѣтѣ было обезпечено и которые, слѣдовательно, не были принуждены, подобно многимъ сѣверянамъ, стараться постоянно и иногда самымъ смѣшнымъ образомъ выказывать себя. Генеральша Ван-Донкъ казалась ему разодѣтой кухаркой, мистеръ Госсамеръ Ван-Донкъ—франтомъ-прикащикомъ, а мистеръ Максвиндль, занимавшій такое высокое положеніе въ своемъ городѣ—просто пьянымъ матросомъ. Спригъ и Слаймеръ были, по его мнѣнію, изъ рукъ вонъ грубы и непріличны, и издаваемый имъ «Нью-Йоркскій Глашатай» не могъ сравниться даже съ самыми послѣдними провинціальными газетами стараго свѣта. Кромѣ того и лица всѣхъ этихъ людей были очень несимпатичны: жосткіе рты, жадные, хитрые глаза и отвратительно обстриженныя боро-

Digitized by Google

ды. Они говорили очень въ носъ, черезъ каждые два-три слова произносили *сэръ*, съ особеннымъ удареніемъ называли панталоны—*штанами*, и многіе изъ нихъ жевали табакъ.

Вотъ нѣкоторыя непріятныя черты, очень поразившія Эліота въ окружающихъ его американцахъ. У Кутберта Бойнтона не было этихъ недостатковъ; онъ былъ одаренъ всѣми привлекательными и очень немногими отталкивающими качествами, присущими тѣмъ соціальнымъ условіямъ, при которыхъ онъ родился. Хотя онъ и провелъ бо́льшую часть своей жизни на родинѣ, на хлопчатобумажной плантаціи, на которой работало отъ двухъ до трехсотъ негровъ, но обстоятельства сильно измѣнили то моральное развитіе, которое человѣкъ обыкновенно получаетъ выросши посреди рабовъ. Отецъ его былъ литераторъ и чрезвычайно гуманный человѣкъ; самъ же Кутбертъ много путешествовалъ въ Европѣ, провелъ нѣсколько лѣтъ въ германскихъ университетахъ и пообтерся въ высшемъ обществѣ главнѣйшихъ западныхъ столицъ. Поэтому онъ отличался большой начитанностью, удивительнымъ свѣтскимъ лоскомъ и изящными манерами. Онъ былъ нѣженъ какъ женщина и храбръ какъ левъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ независимъ, рѣшителенъ въ обращеніи, какъ человѣкъ, увѣренный въ своемъ положеніи, что̀ вы чаще найдете въ людяхъ, живущихъ на доходы со своихъ имѣній, чѣмъ въ негоціантахъ и торговцахъ; это послѣднее качество и было главной точкой симпатіи между нимъ и Эліотомъ; оно всего болѣе содѣйствовало ихъ сближенію, несмотря на разность ихъ характеровъ, и кончилось тѣмъ, что англичанинъ съ признательностью принялъ дружеское приглашеніе рабовладѣльца посѣтить зимой его плантацію въ Сѣверной Алабамѣ.

Оливеръ Вернонъ видѣлъ и понималъ, что̀ происходило въ мысляхъ Эліота, какъ человѣкъ, испытавшій на себѣ то же самое.

— На сѣверѣ общество находится въ неопредѣленномъ, непереходномъ положеніи, сказалъ онъ однажды:—тогда какъ на югѣ оно достигло самой опредѣленной и совершенной формы, возможной при существованіи рабства. Югъ имѣетъ сильную организацію, какова бы она тамъ ни была, тогда какъ сѣверъ не имѣетъ никакой. Самое возвышенное, идеальное общество должно существовать въ странѣ земледѣльческой, а не торговой. Все равно, хорошо ли или дурно рабство, но территоріи, въ которыхъ оно существуетъ, имѣютъ въ этомъ случаѣ большое преимущество.

— Такъ это сильный аргументъ въ пользу существующей тамъ системы, возразилъ Эліотъ.

— Нимало, отвѣчалъ Вернонъ: — существующая система не имѣетъ рѣшительно съ этимъ ничего общаго; хорошее воспита-

Digitized by Google

ніе и умственное развитіе такъ же мало происходятъ отъ невольничества, какъ черноземъ въ долинѣ Миссисипи отъ демократіи. Произведенія юга обработываются на большихъ плантаціяхъ и помѣщики при свободномъ трудѣ имѣли бы неменьше доходу и свободнаго времени, чѣмъ теперь, чтобы заниматься умственнымъ развитіемъ и соціальными улучшеніями.

— Но вѣдь конечно и сѣверъ также земледѣльческая страна? продолжалъ Эліотъ.

— Не въ такой исключительной степени, отвѣчалъ Вернонъ:— на сѣверѣ раздѣленіе поземельнаго имущества гораздо значительнѣе и комерческій интересъ преобладаетъ надъ всѣмъ другимъ; притомъ существуютъ еще другія важныя причины, препятствующія развитію его общества. Главнѣйшая заключается въ догматѣ всеобщаго соціальнаго равенства, какъ его понимаетъ громадная толпа необразованныхъ заграничныхъ выходцевъ. Всѣ они пользуются правомъ подачи голоса и, благодаря своей многочисленности, замѣщаютъ важнѣйшія должности въ государствѣ себѣ подобными людьми, такъ что всѣ общественныя должности унижены до такой степени, что образованный и порядочный человѣкъ не рѣшится занять ихъ. Взгляните на Максвиндля и судите сами. У насъ тысячи подобныхъ ему, которые, несмотря на унизительную политику, возвысившую ихъ, требуютъ и пользуются извѣстнымъ почетомъ, что съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе понижаетъ уровень общественныхъ дѣятелей.

— Я это понимаю, сказалъ Эліотъ: — но никакъ не могу постигнуть, какимъ образомъ въ странѣ, гдѣ столько такихъ возвышенныхъ умовъ, какъ вашъ, не замѣтятъ этого зла и не исправятъ его.

— Его замѣчаютъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, отвѣчалъ Вернонъ: — но разныя причины препятствуютъ его исправленію. Такимъ образомъ, пока голоса иностранцевъ будутъ поддерживать невольничество, до тѣхъ поръ всякое законное ограниченіе зла окажется труднымъ и даже неисполнимымъ. Потомъ многіе изъ насъ, сознающіе въ душѣ, что всеобщая подача голосовъ преждевременна, не рѣшаются высказать своего мнѣнія, чтобы не лишиться популярности. Другіе же, хотя и недовольны результатами, все еще убѣждены въ своей любимой теоріи, что наибольшее счастіе большинства зависитъ отъ всеобщей подачи голосовъ. Они не видятъ оборотную сторону медали и не хотятъ допустить, что наибольшее несчастіе большинства именно происходитъ отъ предоставленія имъ правъ и преимуществъ, которыми они не умѣютъ пользоваться.

— Но какимъ же образомъ разрѣшить этотъ вопросъ? Вѣдь

Digitized by Google

если нельзя пресѣчь болѣзнь, то она неминуемо должна увлечь больнаго въ могилу?

— Я боюсь, что этотъ недугъ долженъ идти своимъ чередомъ, отвѣчалъ Вернонъ:—пока наконецъ настанетъ минута излеченія или смерти. Впродолженіе послѣднихъ лѣтъ замѣтны признаки страшнаго политическаго броженія. Неестественный союзъ рабовладѣльцевъ съ ложной демократіей сѣвера сгнилъ до основанія и вскорѣ долженъ распасться. Тогда разразится ужасная гроза, которая уничтожитъ тѣхъ, которые ее вызвали, но никто не въ состояніи предвидѣть, что она оставитъ.

— Не обыкновенное ли историческое наслѣдство, замѣтилъ Эліотъ:—военный деспотизмъ?

— Избави Богъ, торжественно отвѣчалъ старикъ:—я слишкомъ вѣрю въ разумъ американцевъ. Народныя школы сильнѣе штыковъ, и онѣ принесли болѣе плодовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, чѣмъ въ какой другой націи. Военный деспотизмъ находитъ себѣ поддержку въ невѣжествѣ масъ, и потому онъ пожалуй возможенъ между нищенскимъ бѣлымъ населеніемъ рабовладѣльческихъ штатовъ, но едва-ли въ новой Англіи или на берегахъ Огіо.

На кормѣ парохода сидѣли Элинора Грэзбрукъ и Кутбертъ Войнтонъ, восхищаясь чудной панорамой, быстро раскрывавшейся передъ ними. Маленькая Али стояла подлѣ, и молодой человѣкъ игралъ ея прекрасными кудрями. Грэсъ и Стивенъ тутъ же разговаривали, совершенно на свободѣ, такъ-какъ Госсамеръ, неособенно любившій красоты природы, сводилъ разсчеты съ буфетчикомъ и облачался въ совершенно новый *костюмъ*, чтобы поразить таможенныхъ чиновниковъ.

Санди-Гукъ съ своими грозными бастіонами, красивые Навесинскіе голубые холмы, отражающіеся въ чудныхъ водахъ залива, веселый Шрюсбери, таинственно скрывающійся въ глубинѣ джерсейскаго берега, лабиринтъ островковъ, разбросанныхъ вокругъ Огненнаго Острова и Ямайки, даже классическій Конэ—миновали одно за другимъ передъ глазами восхищенныхъ зрителей, и наконецъ они поровнялись съ тѣмъ чуднымъ островкомъ, который англичане прозвали *американскимъ Вайтомъ*.

— Жители Статена ужасно гордятся своимъ островкомъ, замѣтила Элинора:—виды съ него дѣйствительно чудно хороши и внутренность также очень живописна. Да и самые домики отличаются вкусомъ, роскошью и какою-то законченностью, столь несвойственными американскимъ дачамъ.

— Мнѣ кажется, что эти дома слишкомъ тѣсно построены, сказалъ Кутбертъ, указывая на дачи, возвышавшіяся на противоположныхъ высотахъ: — нѣкоторая изолированность необходима

Digitized by Google

для порядочнаго жилища, это придаетъ ему достойный, приличный видъ.

— Чрезвычайно трудно достигнуть этого по близости многолюднаго города, отвѣчала молодая дѣвушка:—и это зло, если оно дѣйствительно зло, еще болѣе увеличится, такъ-какъ Нью-Йоркъ, говорятъ, до того быстро разрастается, что въ скоромъ времени каждый клочокъ земли на берегу будетъ густо населенъ.

— Очень жаль, сказалъ плантаторъ:—ничто не портитъ такъ красоту городскихъ окрестностей, какъ быстрое возрастаніе народонаселенія, которое у насъ происходитъ отъ ежегодно увеличивающейся иностранной эмиграціи. Посмотрите! даже эти хорошенькія деревни на берегу поражаютъ грязью, которую мы прежде встрѣчали только въ Старомъ свѣтѣ, и которая не должна бы быть терпима въ свободной, счастливой Америкѣ.

— Не вамъ бы жаловаться на это, возразила Элинора: — дядя Ноль всегда говоритъ, что главная причина скопленія этого класса народа въ большихъ городахъ происходитъ оттого, что ихъ поощряютъ оставаться тамъ съ цѣлью пріобрѣсти ихъ голоса въ пользу юга, и пересилить такимъ образомъ вліяніе нашихъ земледѣльческихъ округовъ.

Молодой человѣкъ улыбнулся.

— Сказать правду, мы неособенно гордимся нашими союзниками, но они приносятъ намъ существенную пользу, несмотря на свое безобразіе. Мы нуждаемся не въ трудѣ ихъ, а въ голосахъ—поэтому они первое доставляютъ сѣверу, а намъ второе. Обѣ стороны получаютъ то, въ чемъ всего болѣе нуждаются; и мнѣ кажется, нечего жаловаться на эту сдѣлку.

— Но, воскликнула Элинора: — развѣ справедливо, или даже политично пользоваться вліяніемъ, основаннымъ на одномъ невѣжествѣ? Можетъ ли истинная республика существовать на подобныхъ основаніяхъ?

— Мы полагаемъ, что если голоса даютъ перевѣсъ правой сторонѣ, то все равно, поданы ли они по незнанію, или нѣтъ. Республика можетъ только существовать, пока югъ будетъ пользоваться голосами заграничныхъ переселенцевъ; но когда переселеніе уменьшится, или аболюціонистская партія до того усилится, что пересилитъ его, югъ непремѣнно оставитъ союзъ. Южане никогда не позволятъ, чтобы ими управляли приказные и торгаши сѣвера.

— Развѣ они не любятъ союза, не любятъ свою родину?

— Они считаютъ союзъ лишь узами взаимнаго интереса, которыя можно расторгнуть всегда, какъ только потребуетъ этого тотъ же интересъ. Ихъ патріотизмъ большею частію заключается

Digitized by Google

въ привязанности къ родному штату, а не къ союзу. Первое они считаютъ конкретной, живой дѣйствительностью, а второе—абстрактомъ, временной мѣрой необходимости.

— Но мы, сѣверяне, думаемъ совершенно иначе. Меня учили съ ранней молодости, что мое отечество простирается отъ Оверъ до Антильскаго моря; что Миссисипи—то же для насъ, что̀ Гудсонъ; что Мэнъ и Алабама—одно и то же, что Луизіана, Флорида, Техасъ, Калифорнія, куплены ли они, завоеваны или присоединены Соединенными Штатами — составляютъ нераздѣльную часть нашего отечества, точно такъ же, какъ и первоначальныя тринадцать колоній. Меня учили, что кровь и богатства послѣдующихъ поколѣній присоединились къ крови и богатствамъ предъидущихъ, чтобы создать единое, великое, богатое государство, цѣлесообразное, какъ Франція или Англія, но только гораздо пространнѣе и могущественнѣе ихъ. Я твердо вѣрила съ младенчества, что эта цѣль указана въ нашей конституціи, выражена нашими государственными людьми, принята и утверждена волею народа; и что, несмотря на могущія потребоваться въ будущемъ преобразованія, отъ увеличивающагося народонаселенія, новыхъ условій и дальнѣйшаго развитія, мы все же останемся всегда и вѣчно одной націей.

— Конечно, это возвышенный идеалъ, грустно замѣтилъ Кутбертъ: — но если, милая мисъ Грэзбрукъ, подобное положеніе благодѣтельно для однихъ, и пагубно другимъ?

— Эти несообразности можно согласовать, сказала Элинора: — конечно, въ наше просвѣщенное время, подобныя несогласія можно примирить, то-есть, разумѣется, если люди, находящіеся въ главѣ правленія, искренно хотятъ поступать справедливо; но если нѣкоторые изъ нихъ, напротивъ, будутъ употреблять всѣ свои старанія, чтобы сохранить и распространить ужасное зло, считая, или по крайней мѣрѣ проповѣдуя, что нравственное, равно какъ и матеріальное благосостояніе народа зависитъ отъ подобной политики — тогда, я полагаю...

Она остановилась изъ деликатности, сознавая, что слишкомъ далеко увлеклась серьёзнымъ разговоромъ, и не желая обидѣть человѣка, который изъ приличія не можетъ отвѣтить такъ же рѣзко.

Кутбертъ замѣтилъ ея неловкое положеніе, и тотчасъ поспѣшилъ къ ней на помощь.

— Пожалуйста, продолжайте, миссъ Грэзбрукъ, добродушно сказалъ онъ:—пожалуйста, продолжайте. Хотя я не могу согласиться со словами оракула, но его жрица, конечно, даетъ ему право на почтительное вниманіе. Въ случаѣ окончательнаго роковаго столкновенія враждебныхъ интересовъ, вы полагаете...

Digitized by Google

— Я полагаю, и твердо вѣрю, рѣшительно произнесла Элинора: — что въ такомъ случаѣ, та сторона непремѣнно возьметъ верхъ, которая стоитъ за право и справедливость.

— Я не буду оспаривать вашего предсказанія! воскликнулъ смѣясь молодой человѣкъ: — но еслибъ мы только были увѣрены въ его исполненіи, то смотрѣли бы совершенно спокойно на будущее.

Элинора поняла его намекъ, но не продолжала разговора; и Кутбертъ Бойнтонъ также замолчалъ. Онъ уже начиналъ чувствовать къ этой блѣдной, задумчивой дѣвушкѣ какое-то особенное влеченіе, котораго лѣнивыя, апатичныя красавицы юга не могли до сихъ поръ возбудить въ немъ. Хотя онъ, конечно, со свѣтской точки зрѣнія былъ бы блестящей партіею и для болѣе богатой и знатной невѣсты, чѣмъ Элинора Грэзбрукъ, но онъ вполнѣ сознавалъ, что подобные разсчеты имѣли весьма мало вліянія, какъ на самую Элинору, такъ и на Оливера Вернона — ея опекуна. Сила ея убѣжденій по вопросу о рабствѣ выразилась достаточно ясно во многихъ разговорахъ, подобныхъ предъидущему, но Кутбертъ не считалъ это особеннымъ препятствіемъ къ достиженію той мечты, которая мало-по-малу сдѣлалась цѣлью его жизни. Конечно, женщина, чувствовавшая и говорившая подобнымъ образомъ, не могла быть хозяйкою на южной плантаціи; но онъ зналъ многихъ хорошо-воспитанныхъ дѣвицъ сѣвера, которыя, покинувъ свою среду, вскорѣ совершенно мирились съ «домашнимъ учрежденіемъ», а можетъ быть и нѣтъ—прибавлялъ онъ черезъ минуту, и погружался въ мрачную дебрю сомнѣній и опасеній. «Быть можетъ, Элинора послѣдуетъ ихъ примѣру», думалъ Кутбертъ.

Мистрисъ Ван-Донкъ съ подозрѣніемъ и негодованіемъ слѣдила за Кутбертомъ и мисъ Грэзбрукъ. Особенный инстинктъ заставлялъ ее всегда чуять, когда въ воздухѣ пахло сватьбой. Она жестоко и неуклонно преслѣдовала каждаго мужчину, котораго, быть можетъ, не иначе оставила бы въ покоѣ, какъ развѣ замѣтила бы наклонность къ браку не съ кѣмъ нибудь другимъ, а съ ея дочерью. Славная штука, нечего сказать, произносила она шопотомъ на ухо Стаггерсу: такая дѣвчонка какъ Нели Грэзбрукъ; отецъ —умеръ отъ пьянства, мать—да ужь лучше и не говорить о ней — и вдругъ вздумала поймать въ свои сѣти молодого Бойнтона, родственники котораго засѣдали въ конгресѣ, и котораго семейство почти можетъ равняться съ Ван-Донками. Айда Нели Грэзбрукъ.

— А сколько у ней можетъ быть капитальца? спросилъ Стаггерсъ, задумываясь.

Digitized by Google

Мистрисъ Ван-Донкъ не знала навѣрное, но полагала, что тысячъ десять или около того, и потому она совѣтовала Госсамеру держаться отъ нея подальше. Вотъ Грэсъ Верноиъ — дѣло другое; она должна наслѣдовать все состояніе старика Вернона. Ихъ семейство славное, старинное, иу какъ разъ невѣста милому Госси. Кутбертъ Бойнтонъ, однако, намѣревался ѣхать на югъ не раньше зимы, и потому Стаггерсу слѣдовало бы заманить его къ нимъ въ домъ, или еще лучше въ Ньюпортъ. Потомъ тутъ еще былъ Стивенъ Дангерфильдъ — но въ немъ было что-то странное. Посмотрите, какъ онъ играетъ платкомъ Грэсъ Верноиъ, которую она считала почти своею дочерью. Вообще во всѣхъ отношеніяхъ, генеральша Ван-Донкъ была очень довольна, что ея путешествія вскорѣ должны кончиться.

Стивенъ Дангерфильдъ, по замѣчанію мистера Стаггерса, дѣйствительно очень сильно пріударилъ за хорошенькой Грэсъ. Его умъ терзало нѣчто, заставлявшее его желать какъ можно скорѣе доѣхать до дому, но по мѣрѣ приближенія къ желанному концу, онъ начиналъ находить утѣшеніе своимъ грустнымъ мыслямъ, и часто думалъ, какъ близко и удобно ему будетъ ѣздить изъ дангерфильдскаго пріюта въ помѣстье Вернона. Къ счастью, эти планы не дошли до свѣдѣнія мистрисъ Ван-Донкъ, и были извѣстны только Грэсъ. Оливеръ Верноиъ съ нетерпѣніемъ жаждалъ быть снова у себя дома. Онъ имѣлъ множество друзей въ окрестностяхъ, и огромное число бѣдныхъ, которымъ постоянно помогалъ, и его доброе сердце жаждало узнать, хотя онъ и вполнѣ довѣрялъ своему повѣренному Давиду Гринвуду, окружены ли они и безъ него тѣми же удобствами и счастьемъ, какъ при немъ. Кромѣ этого, его мучило одно страшное подозрѣніе, которое онъ желалъ какъ можно скорѣе разъяснить, хотя бы это и причинило ужасное горе и ему и другимъ; но не будемъ забѣгать впередъ въ нашемъ разсказѣ.

Черезъ часъ съ небольшимъ, насталъ конецъ всѣмъ опасеніямъ и сомнѣніямъ, терзавшимъ маленькій міръ *Ассиріи*; величественный пароходъ спокойно выпускалъ пары у пристани, а разнородные, разноплеменные пасажиры его разбрелись по всѣмъ направленіямъ въ многолюдной комерческой столицѣ Новаго-Свѣта.

V.

Былъ пасмурный, сентябрскій вечеръ; мрачныя, дождевыя тучи застилали все небо и только изрѣдка мерцающій лучъ заходящаго солнца пробивался сквозь темную массу и на мгновеніе уныло освѣщалъ величественное, старинное зданіе, возвышавшее-

Digitized by Google

ся на одномъ изъ тѣхъ живописныхъ холмовъ на берегу Гудсона, которые первыми поселенцами были названы Палисадами. Древнее жилище это было колыбелью американской вѣтви рода Дангерфильдовъ, родоначальникъ которой, пламенный приверженецъ Стюартовъ, бѣжалъ изъ Англіи по воцареніи Вильгельма, и поселился въ этомъ живописномъ мирномъ уголкѣ, гдѣ нашелъ счастье и спокойствіе подъ конецъ своей бурной, тревожной жизни. Давъ ему нѣжное названіе «Пріюта» и пристрастившись къ нему всею душою, старикъ внушилъ эту любовь и своимъ дѣтямъ, которые въ свою очередь передали ее отдаленнымъ потомкамъ. Дѣйствительно, живописность мѣста вполнѣ заслуживала такую привязанность. Съ одной стороны великолѣпный видъ простирается по теченію Гудсона, столь славящагося красотою своихъ береговъ, до самого океана, съ другой—до красивыхъ высотъ конечныхъ горъ. Безчисленныя суда, пароходы, лодки, снующіе по всѣмъ направленіямъ, почти непрерывный рядъ деревень и пристаней по берегамъ, придаютъ жизнь и разнообразіе ландшафту, а поразительный контрастъ между шумнымъ, дѣятельнымъ Нью-Іоркомъ, виднѣющимся вдали на востокѣ, и мирными нивами и зелеными лугами, разстилающимися на западѣ, какъ-бы увеличиваетъ прелесть уединеннаго уголка, гдѣ возвышается *Дангерфильдскій Пріютъ*.

Самое зданіе, несмотря на свою ветхость, было еще очень крѣпко и представляло странное, но живописное смѣшеніе различныхъ построекъ и архитектурныхъ стилей: такъ первоначальное строеніе было каменное, двухъэтажное, въ видѣ параллелограма съ башней на одномъ концѣ, а одинъ изъ флигелей, также каменный, но гораздо выше, другой же кирпичный. Тѣ же самыя несообразности замѣтны были и въ украшеніяхъ, въ которыхъ стиль Тюдоровъ встрѣчался рядомъ со стилемъ Елисаветы. Передъ домомъ простирался зеленый лужокъ, окаймленный красивыми клумбами цвѣтовъ. Въ этотъ садъ, между прочими комнатами, выходили окна и библіотеки, любимѣйшаго уголка всѣхъ Дангерфильдовъ. Это была большая старомодная, но очень красивая комната съ овальными, глубокими окнами и деревянными стѣнами изъ неполированнаго дуба. Шкафы, столы и стулья были изъ того же дерева; переплеты книгъ также отличались темными цвѣтами, такъ что комната имѣла бы очень грустный видъ, еслибъ глазъ не развлекался зеленымъ сафьяномъ, покрывавшимъ конторки и всю остальную мебель.

Въ этой-то комнатѣ Мартинъ Дангерфильдъ проводилъ большую часть своей жизни въ послѣдніе пятьнадцать лѣтъ. Въ молодости онъ жилъ очень весело, игралъ въ карты, пьянствовалъ, и его имя было связано со многими непріличными похожденіями,

Digitized by Google

но все же онъ никогда не былъ замѣченъ въ тѣхъ проступкахъ, которые въ свѣтѣ считаются безчестными. Онъ всегда платилъ долги, несмотря на трудность своего положенія, щедро подписывался на благотворительныя предпріятія и часто ходилъ въ церковь. Онъ былъ очень строгихъ правилъ о чести и считалъ свою фамилію и родовое имѣніе священнымъ залогомъ, которое обязанъ передать своему сыну такимъ же незапятнаннымъ и въ такой же цѣлости, какимъ онъ его получилъ отъ своихъ праотцевъ. До сорока-пяти лѣтъ онъ жилъ широко, въ полномъ смыслѣ этого слова, но съ того времени вдругъ измѣнилъ свой образъ жизни и сосѣди начали говорить, что мистеръ Дангерфильдъ исправился. Никто, разумѣется, не могъ сказать, что онъ въ тайнѣ отъ всѣхъ дѣлалъ, но только въ пріютѣ уже не было болѣе картежныхъ вечеровъ, пьянства и кутежей.

Общее мнѣніе полагало, что перемѣна эта произошла отъ рѣзкой выходки его единственнаго сына, Стивена. Легкомысленный, горячій юноша дѣйствительно не разъ долженъ былъ переносить капризы и несправедливости своего вспыльчиваго, властолюбиваго и часто пьянаго отца; мать же у него, къ несчастью, умерла, когда ему было всего десять лѣтъ. Однажды послѣ подобной сцены, пятнадцатилѣтній мальчикъ бѣжалъ изъ родительскаго дома. Увлеченный своимъ вспыльчивымъ характеромъ, мальчикъ дошелъ до Нью-Йорка, гдѣ, благодаря своему здоровому и крѣпкому тѣлосложенію, ему нетрудно было наняться матросомъ на судно, отходившее въ Китай. Корабль уже былъ далеко въ морѣ, когда отцу удалось узнать, куда бѣжалъ его сынъ, который, впрочемъ, оставилъ письмо, извѣщающее объ его поступкѣ. Стивенъ, по возвращеніи домой, засталъ отца совершенно измѣнившимся. Встрѣча ихъ была какъ нельзя дружелюбнѣе и эти отношенія съ тѣхъ поръ не измѣнялись. Изъ грубаго, дикаго кутилы, Мартинъ Дангерфильдъ превратился въ тихаго, смиреннаго отшельника. Послѣ той ночи, въ которую Стивенъ бѣжалъ изъ-подъ родительской кровли, онъ никогда не слышалъ, чтобы его отецъ когда нибудь сердился или возвышалъ голосъ; напротивъ, онъ обращался съ молодымъ человѣкомъ со всею возможною нѣжностью, какъ-будто желая заставить его забыть прежнее свое грубое обращеніе.

Мартину Дангерфильду теперь было около шестидесяти лѣтъ отроду, но на видъ онъ казался гораздо старше, ибо совершенно сгорбился, посѣдѣлъ и глубокія морщины покрывали его чело. Несмотря на природную крѣпость тѣлосложенія, слишкомъ продолжительные кутежи разстроили его здровье. Лицо его обыкновенно выражало какое-то боязливое смиреніе. Странно было видѣть, какъ тѣ же самыя черты лица у сына выражали откровенность

Digitized by Google

и неустрашимое мужество. Стивенъ проводилъ время большею частію вдали отъ дома, гдѣ онъ не могъ пользоваться ни обществомъ, ни удовольствіями, до которыхъ былъ большой охотникъ. Онъ прошелъ весь курсъ юридическихъ наукъ, но, повидимому, не питалъ ни малѣйшаго желанія поступить въ адвокаты. Любовь къ путешествію все еще преобладала въ немъ, и такъ-какъ отецъ давалъ ему на это достаточно денегъ, и онъ считалъ себя обезпеченнымъ въ будущемъ, то вполнѣ и предавался своей страсти. Однако, хотя между ними никогда не было денежныхъ непріятностей и Мартинъ Дангерфильдъ вообще оказывалъ сыну большое довѣріе въ другихъ предметахъ, старикъ никогда не говорилъ съ нимъ о финансовомъ своемъ положеніи. Стивенъ, разумѣется, зналъ, что у его отца были фермы, дома и поля, съ которыхъ онъ получалъ постоянный доходъ, отдавая ихъ въ аренду, но онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о суммѣ всѣхъ доходовъ и о томъ, не было ли у отца долговъ. Незадолго только до начала настоящаго разсказа онъ узналъ, что его отецъ впродолженіе послѣднихъ лѣтъ употребилъ большія суммы для неизвѣстныхъ цѣлей; одно было достовѣрно, что эти деньги не пошли на хозяйство и не принесли никакого дохода.

Въ тотъ вечеръ, о которомъ мы говоримъ, Мартинъ Дангерфильдъ сидѣлъ въ своей библіотекѣ и принималъ гостя, что̀ съ нимъ въ послѣдніе годы случалось очень рѣдко. Этотъ гость былъ высокій, красивый мужчина лѣтъ около сорока-пяти, очень изящно одѣтый, но въ манерахъ котораго проглядывало какое-то нахальство, а на лицѣ играла безпокойная, саркастическая улыбка.

— Уймите своего щенка, Мартинъ Дангерфильдъ, грубо воскликнулъ онъ послѣ довольно горячаго разговора со старикомъ:—я теперь уже не такой добрый, какъ бывало, и могу больно отгрызнуться. Въ настоящую минуту онъ внѣ всякой опасности, благодаря его же собственному безумію, но онъ скоро воротится и снова станетъ меня преслѣдовать. Совѣтую вамъ его привязать, ибо я остаюсь у васъ здѣсь, понимаете? и не хочу, чтобы какой нибудь щенокъ смѣлъ меня безпокоить послѣ всего, что̀ я уже перенесъ.

— Онъ дѣйствовалъ по своему собственному разумѣнію, а не по моему совѣту, отвѣчалъ старикъ, и морщинистыя щоки его покрылись багровымъ румянцемъ:—скажите, ради-Бога, зачѣмъ мнѣ мѣшать его въ эту исторію? Онъ открылъ безъ моей помощи, что кто-то мнѣ вредитъ, дѣлаетъ меня несчастнымъ, и разоряетъ его будущее состояніе. Онъ просилъ у меня объясненія—я отказалъ ему. Тогда онъ сталъ подозрѣвать, и на сколько вы справедливо сами можете судить, что какой нибудь хитрый интригантъ эксплуа-

Digitized by Google

тируетъ слабого, довѣрчиваго старика, и какъ истинно хорошій сынъ, принялся разыскивать тайну, чтобы помочь своему отцу.

— Эти поиски не приведутъ его къ добру. Я не хочу, чтобы мнѣ надоѣдали и не позволю этого никому. Я вернулся сюда, чтобы жить покойно, счастливо—однимъ словомъ, хочу наслаждаться жизнью, и вы должны позаботиться, чтобы по крайней мѣрѣ никто изъ вашего семейства не становился мнѣ поперегъ дороги.

— Но зачѣмъ вамъ было возвращаться—вѣдь свѣтъ довольно великъ для насъ обоихъ. Я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы обезпечить вашу будущность, и вы обѣщали остаться тамъ навсегда.

— О! отвѣчалъ незнакомецъ съ лукавой улыбкой: — это было такъ давно. У меня тогда были хорошія причины не оставаться здѣсь и ѣхать туда, а теперь совсѣмъ другое: теперь мнѣ лучше не оставаться тамъ, а воротиться сюда.

— Я полагалъ, что вы разбогатѣли и что тамошнее общество пришлось вамъ по вкусу.

— О, золота тамъ было довольно, то-есть сначала, но наживать не значитъ беречь.

— Мнѣ сказали, что вы поселились въ Сонорѣ, купили себѣ помѣстье и обзавелись испанкою-женою; такъ что я никакъ не могъ подумать, что вы вернетесь сюда, печально произнесъ Мартинъ Дангерфильдъ.

— Вы слишкомъ мало цѣнили мою привязанность къ вамъ. Я всегда надѣялся возвратиться и провести мои послѣдніе дни у васъ, возразилъ гость веселымъ тономъ:—мнѣ надоѣло въ Сан-Франциско, тамъ слишкомъ много развелось нашего брата. Въ Сонорѣ сначала было превосходно. Мы могли бы вывезти оттуда нѣсколько сотенъ тысячъ, но мой товарищъ, къ несчастью, сдѣлалъ ужасную неосторожность. Однажды ночью онъ металъ банкъ, и по легкомыслію передернулъ раза два карты, полагая, что играетъ съ грубыми мужиками. Одинъ изъ проигравшихъ замѣтилъ продѣлку, и схвативъ кассу, требовалъ свои деньги назадъ. Послѣдовала ужасная драка, и мой глупый товарищъ застрѣлилъ двухъ человѣкъ, за что дорого поплатился, хотя не отдалъ денегъ. Друзья убитыхъ подняли ужасный шумъ, схватили моего бѣднаго голубчика, и когда я утромъ пріѣхалъ въ городъ, онъ уже былъ повѣшанъ. Тутъ я вдругъ вспомнилъ, что у меня были очень важныя дѣла въ Стоктонѣ, повернулъ лошадь и поскакалъ на западъ.

— Но зачѣмъ имъ было преслѣдовать васъ: вѣдь вы не участвовали въ несчастномъ дѣлѣ вашего товарища?

— Э, тамъ не очень-то строго разбираютъ дѣло. Ваши судьи требуютъ доказательства дѣйствительнаго участія въ преступле-

Digitized by Google

ніи, а тамъ обходятся и безъ этого—разница громадная, мистеръ Дангерфильдъ.

— Понимаю, задумчиво произнесъ старикъ:—но развѣ вы при этомъ потеряли все нажитое?

— Отчасти. Не желая возвращаться въ Сонору, я поручилъ вѣрному человѣку устроить мои дѣла; онъ дѣйствительно устроилъ ихъ, но съ вырученными деньгами бѣжалъ въ Европу. Впрочемъ, у меня были еще земли и дома, которые я выгодно продалъ заочно и вернулся въ Сан-Франциско.

— Я послалъ вамъ два векселя по 5,000 фунтовъ каждый и обѣщалъ еще денегъ, если вы тамъ останетесь.

— Я не могъ тамъ долѣе оставаться, какъ бы я ни желалъ этого. Вы видите, мои дѣла были разстроены, а вскорѣ они приняли еще худшій оборотъ. Я устроилъ очень хорошее и цвѣтущее маленькое заведеніе и началъ-было поправляться, какъ вдругъ мошенники полицейскіе открыли мою тайну и содрали съ меня все, что было, согласившись только подъ такимъ условіемъ не предать меня суду.

— Но вѣдь они долѣе не преслѣдовали васъ, и заплативъ имъ деньги, вы могли остаться тамъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что не могъ. Тамъ возникло особеннаго рода общество, которое изъ филантропическихъ цѣлей вздумало позаботиться о моей участи. Двое изъ членовъ этого *комитета благочинія* однажды посѣтили меня, и выразивъ мнѣ, что общество вполнѣ меня уважаетъ и печется о моей будущности, вѣжливо пригласили меня уѣхать на кораблѣ, отправлявшемся въ тотъ же вечеръ изъ города.

— И вы рѣшились тогда вернуться сюда, гдѣ ваше присутствіе уже надѣлало столько горя.

— Я подумалъ, что былъ большой дуракъ, согласившись уѣхать отсюда. Оставляя въ сторонѣ мою привязанность къ вамъ, я тогда впервые сознался, что долгъ повелѣваетъ мнѣ печься о васъ. Но хотя невозможно возвратить прошлаго, я рѣшился употребить всѣ свои старанія, чтобы исправить мою ошибку и посвятать вамъ остальную мою жизнь. Поэтому я и отправился въ Новый Орлеанъ, оттуда вверхъ по Миссисипи, и вотъ я здѣсь.

— Я не могу ничего для васъ сдѣлать болѣе того, что дѣлалъ до сихъ поръ.

— Положимъ; но здѣсь я болѣе увѣренъ въ васъ; притомъ, я скорѣе получу что мнѣ нужно, и при мнѣ вы будете дѣйствовать рѣшительнѣе. Дѣло, о которомъ вашъ сынъ узналъ, не могло бы дойти до его свѣдѣнія, еслибы вы не такъ страшно

Digitized by Google

колебались и медлили. Если вы и впредь будете такъ же вилять, онъ еще болѣе узнаетъ, а это вамъ будетъ не очень пріятно.

Старикъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ.

— Однимъ словомъ, Джемсъ Кэрквудъ, воскликнулъ онъ сердито:—однимъ словомъ, чего же вы наконецъ отъ меня хотите?

— Однимъ словомъ, отвѣчалъ рѣшительнымъ тономъ Кэрквудъ:—денегъ и много денегъ. Не какія нибудь мизерныя сотни, а тысячи, однимъ словомъ—сколько мнѣ понадобится. Потомъ я хочу добиться положенія въ обществѣ, остепениться и вступить въ законный бракъ съ дочерью одного изъ вашихъ сосѣдей; тутъ, говорятъ, много почтенныхъ семействъ. У васъ въ домѣ должны быть всегда готовы комнаты для меня, когда я ни пріѣду. Мнѣ здѣсь очень нравится, и мнѣ пора отдохнуть.

— Что касается до денегъ, отвѣчалъ Мартинъ Дангерфильдъ:—то никакое состояніе не могло бы удовлетворить вашихъ требованій. Развѣ могу я разорить въ конецъ моего сына? Вы хотите меня довести до крайности. Дѣйствуйте такъ, и вы ничего не получите. Я не могу вамъ доставить столько денегъ. У меня нѣтъ средствъ на это.

— Вы можете достать деньги. Вотъ это имѣніе...

— Никогда! сердито воскликнулъ старикъ: — я не заложу ни одной пяди земли. Вы можете отобрать у меня послѣдній грошъ, но я не разорю состоянія моего сына.

— Постойте, сказалъ Кэрквудъ, задумываясь и вынимая бумажникъ: — онъ отплылъ семьнадцатаго и, конечно, вернется назадъ, едва пріѣдетъ въ Англію. Поэтому мы можемъ ожидать его недѣли черезъ три.

— Я знаю, на что вы намекаете, воскликнулъ Дангерфильдъ:— но я могу помѣшать этому, я могу передать имѣніе опекунамъ, и тогда вы ничего не сдѣлаете, даже если откроете все сыну.

— Вы не разъ это и прежде говорили, но никогда не исполните вашихъ угрозъ. Сынъ вашъ захочетъ когда нибудь жениться. Пора бы вамъ подумать объ этомъ. Думали ли вы о такомъ важномъ вопросѣ? Вы гордитесь этимъ имѣніемъ, жилищемъ и наслѣдствомъ вашего рода; кто же наслѣдуетъ его послѣ вашего сына? Гдѣ наслѣдникъ, который продолжитъ этотъ безукоризненный, незапятнанный родъ?

Старикъ слегка вздрогнулъ, голосъ его немного дрожалъ, но онъ рѣшительнымъ тономъ произнесъ:

— Смѣйтесь сколько хотите, Кэрквудъ. Всему есть предѣлъ, и даже моей слабости. Что бы ни случилось, но имѣніе никогда не будетъ ни заложено, ни продано.

— Увидимъ. Очень можетъ быть, что я не потребую этой

Digitized by Google

жертвы на алтарь дружбы. Но берегитесь, Мартинъ Дангерфильдъ, продолжалъ онъ, вдругъ перемѣняя тонъ: — съ этого времени я уже не буду попусту терять словъ. Я пріѣхалъ сюда не просить и разсуждать, а приказывать. Помните, и его лицо приняло угрожающее выраженіе: — помните, что̀ можетъ сдѣлать одно мое слово, и какъ долго я молчалъ. Помните, что въ этомъ дѣлѣ замѣшаны также и другіе люди. Помните, что съ тѣхъ поръ, какъ вы меня знаете, вы никогда не видали, чтобы я колебался и не исполнилъ своей угрозы. Помните, что пока мы имѣемъ дѣло другъ съ другомъ, вамъ необходимо повиноваться, и клянусь, что я васъ заставлю повиноваться.

— Смѣлыя слова! воскликнулъ вдругъ голосъ у окошка: — смѣлыя слова, и еще кому, Дангерфильду въ Дангерфильдскомъ пріютѣ! прибавилъ Стивенъ Дангерфильдъ, входя въ комнату.

VI.

Намъ не надо прибѣгать къ избитому сравненію съ бомбой, чтобъ представить изумленіе старика Дангерфильда и его страннаго гостя при неожиданномъ появленіи Стивена. Этотъ послѣдній, съ своей обычной безпечностью поклонившись отцу, бросился въ кресло и началъ очень хладнокровно осматривать съ ногъ до головы Кэрквуда. Всѣ трое молчали, и хотя это продолжалось не болѣе полуминуты, однако Стивенъ успѣлъ понять, что имѣетъ дѣло съ страшнымъ, изворотливымъ врагомъ, а Кэрквудъ съ одинаковой скоростью созналъ, что энергія и рѣшительность, блестѣвшія въ глазахъ молодаго человѣка, сильно помѣшаютъ ему въ достиженіи его плановъ. Старикъ же Дангерфильдъ, казалось, предчувствовалъ опасность болѣе другихъ, ибо онъ весь дрожалъ отъ страха и тревоги.

— Стивенъ, Стивенъ! воскликнулъ онъ, рѣзкимъ но дрожащимъ голосомъ: — говори, что̀ ты слышалъ?

— Ничего, пàпа, ничего, отвѣчалъ Стивенъ, успокоительнымъ тономъ.—Я зналъ, что вы въ библіотекѣ, и прямо прошелъ сюда.

— Ни одного слова? продолжалъ спрашивать старикъ.

— Развѣ вы меня учили подслушивать? Я сію минуту возвратился изъ Нью-Йорка и только слышалъ рѣзкое выраженіе этого джентльмена, когда входилъ на террасу.

— Выраженіе, по меньшей мѣрѣ грубое и неприличное, за которое я отъ всей души прошу извиненія, сказалъ поспѣшно Кэрквудъ.—Вы, вѣроятно, мистеръ Стивенъ Дангерфильдъ, позвольте мнѣ рекомендоваться — я Кэрквудъ, давнишній другъ вашего отца, который, я увѣренъ, точно такъ же какъ вы, проститъ

Digitized by Google

мнѣ за неосторожное выраженіе, вырвавшееся у меня по поводу давно забытаго дѣла.

Манеры и обхожденіе Кэрквуда мгновенно измѣнились, изъ дерзкаго грубіяна онъ сталъ льстивымъ и преданнымъ. Онъ теперь обходился со Стивеномъ съ дружеской, почти родительской нѣжностью, а со старикомъ—съ почтительнымъ вниманіемъ. Стивенъ въ первую минуту чуть было не расхохотался ему въ лицо, но Мартинъ поспѣшилъ замѣтить:

— Да, да, мы очень старые друзья, очень старые друзья, я былъ виноватъ; ты долженъ знать, Стивенъ, что я нѣкоторымъ образомъ вызвалъ мистера Кэрквуда на непріятное объясненіе, и потому ты долженъ забыть его слова, особенно послѣ того, что онъ такъ любезно извинился.

— Я помню васъ еще мальчикомъ, очень любезно продолжалъ Кэрквудъ: — вы уже тогда отличались своевольнымъ характеромъ; не знаю, на сколько измѣнилъ васъ тяжелый опытъ жизни: но все же я надѣюсь, что вы не подумаете обо мнѣ ничего худаго за эту ребяческую вспышку, въ которой я истинно раскаяваюсь.

Слова эти и обращеніе Кэрквуда, повергли Стивена въ странное сомнѣніе; онъ инстинктивно съ первой минуты увидѣлъ въ этомъ человѣкѣ воплощенное зло, ибо разныя обстоятельства побуждали его считать Кэрквуда злымъ геніемъ своего отца. Его предувѣдомили тайнымъ образомъ о появленіи Кэрквуда, бывшаго нѣсколько лѣтъ въ отсутствіи. Онъ не сомнѣвался, что этотъ гость явился только для того, чтобъ продолжать эксплуатацію бѣднаго старика. Въ послѣднее время молодой человѣкъ началъ сильно подозрѣвать, не ослабли ли умственныя способности отца, и очевидно, если эти предположенія были справедливы, то старикъ еще болѣе долженъ былъ подпасть подъ вліяніе своего ужаснаго преслѣдователя. Стивенъ рѣшился потому отыскать Кэрквуда, старательно избѣгавшаго встрѣчи съ нимъ, и покончить разомъ это дѣло, приведя его въ извѣстность. Увѣренность въ грозящей опасности и таинственность источника, изъ котораго онъ получалъ постоянно свѣдѣнія о Кэрквудѣ, заставили его пренебречь всякими препятствіями и энергично стремиться къ своей цѣли. Когда онъ открылъ, что Кэрквудъ отправился въ Англію на кораблѣ А.— онъ немедленно рѣшился послѣдовать за нимъ на пароходѣ, отходившемъ сутками позднѣе. Стивена увѣдомили во время, что Кэрквудъ обманулъ его и не поѣхалъ, но письмо это по ошибкѣ дошло до него только когда онъ уже былъ въ открытомъ морѣ. Послѣдующія его приключенія мы уже знаемъ.

Digitized by Google

Такимъ образомъ Стивенъ имѣлъ, или полагалъ что имѣетъ, достаточную причину питать недовѣріе къ Джемсу Кэрквуду, но удивительная искренность и простота обращенія этого джентльмена чуть не заставили его усомниться на минуту въ своихъ подозрѣніяхъ.

— Но какимъ чудомъ ты возвратился въ пріютъ, сынъ мой? спросилъ старикъ: — ты писалъ, что ѣдешь на *Стромболи*, и я даже читалъ твое имя въ спискѣ пасажировъ. Мы полагали, что ты уже въ Англіи.

— Я только что хотѣлъ предложить подобный же вопросъ этому джентльмену. Я ожидалъ, что онъ, такъ же какъ и я, въ это время уже будетъ въ Англіи. Онъ взялъ мѣсто на А, и мнѣ извѣстно, что его фамилія также была въ спискѣ пасажировъ!

— Это удивительно, простодушно замѣтилъ Кэрквудъ: — моя фамилія очень необыкновенна; но во всякомъ случаѣ, ваша ошибка произошла оттого, что вѣроятно у меня есть однофамилецъ, который, можетъ быть, даже не имѣетъ права носить это имя.

— Вы утверждаете, воскликнулъ Стивенъ: — что вы не брали билета на А?

— Какъ могъ я это сдѣлать, если вы меня здѣсь видите? отвѣчалъ Кэрквудъ съ прежнимъ простодушіемъ.

— Конечно ясно, что вы не поѣхали на этомъ пароходѣ, но могли все же взять билетъ.

— Любезный другъ, увѣряю васъ, что я не сдѣлалъ ни того, ни другого.

— Хотите вы меня также увѣрить, настаивалъ Стивенъ: — что вы ничего не знали о томъ, что я васъ всѣми силами отыскивалъ?

— Напротивъ, отвѣчалъ Кэрквудъ: — именно этотъ фактъ побудилъ меня сюда пріѣхать.

Стивенъ вопросительно взглянулъ на своего отца.

— Мистеръ Кэрквудъ говорилъ мнѣ, сказалъ Мартинъ Дангерфильдъ нерѣшительнымъ голосомъ: — что ему передали твое желаніе видѣться съ нимъ, и онъ даже сожалѣлъ, что не засталъ тебя здѣсь.

— Что же касается до меня, продолжалъ изумленный Стивенъ: — то я обязанъ своимъ возвращеніемъ встрѣчѣ парохода въ морѣ, шедшаго въ Нью-Йоркъ; но подобный случай не можетъ же случиться два раза въ такое короткое время.

— Конечно, сухо замѣтилъ отецъ: — но тебѣ теперь нечего искать такихъ хитрыхъ объясненій, такъ-какъ все дѣло уже ясно само собою.

— Я не люблю казаться настойчивымъ, сэръ. Но по получен-

Digitized by Google

нымъ мною свѣдѣніямъ, я полагаю, что еслибъ я остался здѣсь, то этотъ джентльменъ никогда бы насъ не посѣтилъ.

— Ваши свѣдѣнія обманули васъ; это часто бываетъ со всѣми нами. Во всякомъ случаѣ, такъ-какъ я здѣсь, и совершенно готовъ дать вамъ самыя вѣрныя свѣдѣнія о всемъ, что знаю, то кажется, нѣтъ причины, чтобы между нами были какія нибудь недоразумѣнія.

Кэрквудъ при этихъ словахъ всталъ и съ дружеской улыбкой протянулъ руку Стивену.

Молодой человѣкъ нехотя пожалъ его руку и настойчиво прибавилъ:

— Надѣюсь, что поговоривъ съ вами, я дѣйствительно уничтожу всѣ недоразумѣнія.

— Нѣтъ, не сегодня — не сегодня, Стивенъ, воскликнулъ отецъ взволнованнымъ голосомъ: — ты усталъ съ дороги — мы сейчасъ будемъ обѣдать, уже шесть часовъ — и мы сегодня вечеромъ хотимъ переговорить съ мистеромъ Кэрквудомъ объ одномъ очень нужномъ дѣлѣ.

— Какъ вамъ угодно, сэръ. Но чѣмъ скорѣе мистеръ Кэрквудъ дастъ мнѣ обѣщанныя объясненія, тѣмъ болѣе я ему буду благодаренъ.

— Мы завтра утромъ передъ завтракомъ могли бы съ вами пойти погулять, и тогда я съ величайшимъ удовольствіемъ постараюсь удовлетворить васъ, сказалъ Кэрквудъ.

— Такъ и быть, сэръ, отвѣчалъ Стивенъ, и замѣтивъ, что ему надо переодѣться, удалился изъ комнаты.

Когда дверь затворилась за нимъ, старикъ тяжело вздохнулъ.

— Не правда ли, сказалъ Кэрквудъ: — вашъ сынъ — умный и ловкій молодой человѣкъ. Я никакъ не полагалъ, что изъ него выйдетъ такой молодецъ.

— Вы его слишкомъ мало знаете, чтобы судить, отвѣчалъ старикъ съ гордостью отца.

— Нѣтъ, я сужу не по его словамъ, а по дѣйствіямъ. Какъ бы то ни было, его нельзя кормить дѣтскими сказками. Мы должны ему сказать всю правду, Мартинъ Дангерфильдъ!

— Правду?

— Правду. Чего вы пугаетесь? Это будетъ мое дѣло разсказать ему, а не ваше. Повторяю, онъ уже слишкомъ много знаетъ изъ того, что между нами было, чтобы мы могли его кормить баснями. Онъ долженъ все знать.

— Вы съ ума сошли!

— Экой вы тупой человѣкъ, ничего не смыслите. Развѣ у насъ съ вами не одни интересы. Если мы не усыпимъ навсегда

Digitized by Google

его подозрѣніе, онъ можетъ намъ надѣлать страшныхъ хлопотъ. Предоставьте все мнѣ, я ужь устрою.

— Пусть будетъ по вашему. Но я никогда не переживу откр.....

— Тсс! Вы можете недовѣрять моей добротѣ, но вѣдь ваша погибель не можетъ принести мнѣ никакой пользы, а напротивъ уничтожитъ всѣ мои планы. Уже по этой одной причинѣ вы можете довѣриться мнѣ слѣпо.

Долго въ эту ночь мерцалъ свѣтъ въ библіотекѣ и неясныя тѣни мелькали взадъ и впередъ передъ окнами, приходившимися прямо напротивъ комнаты Стивена, который такимъ образомъ могъ слѣдить за всѣми движеніями своего отца и страннаго его гостя.

VII.

Свѣжее, веселое утро привѣтствовало Стивена на другой день послѣ его пріѣзда въ пріютъ. Завтракъ прошелъ довольно молчаливо, ибо отношенія между трема собесѣдниками были крайне натянуты, какъ всегда передъ давноожидаемымъ объясненіемъ. Старикъ Мартинъ избѣгалъ взглядовъ своего сына, и лицо его, вѣчно печальное, обнаруживало слѣды безсонной ночи. Самъ Стивенъ былъ очень задумчивъ и озабоченъ, ибо зналъ, что Кэрквудъ будетъ стараться всѣми силами обмануть его, и въ то же время не имѣлъ возможности грубо обойтись съ нимъ, пока онъ былъ гостемъ его отца. Такимъ образомъ, ему оставалось только зорко наблюдать за хитрымъ, искуснымъ врагомъ, и держать ухо востро. Что же касается Кэрквуда, то онъ очень хорошо понималъ, что происходило въ головѣ молодаго человѣка, и велъ себя согласно этому. Въ послѣднее время жизнь его была чрезвычайно тревожная и безпокойная, потому онъ очень былъ доволенъ снова очутиться посреди роскоши и комфорта, къ которымъ онъ привыкъ. Мягкая постель, покойная мебель, отличный столъ, великолѣпное вино, услужливая прислуга — все утѣшало его несказанно, и вообще будущее казалось ему въ самомъ розовомъ цвѣтѣ. Къ тому же онъ умѣлъ быть совершенно добродушнымъ человѣкомъ, когда никто ему не перечилъ и не становился поперегъ его дороги, въ послѣднихъ же случаяхъ его истинная натура брала верхъ, и выказывалась въ самомъ непріятномъ свѣтѣ. Опытный наблюдатель могъ бы тогда замѣтить лучше всего, какъ сильно дѣйствуютъ окружающая среда и воспитаніе на развитіе подобной натуры. Кэрквудъ родился и взросъ на большой плантаціи въ Алабамѣ; онъ жилъ, такимъ образомъ, до двадцати-пятилѣтняго возраста въ атмосферѣ рабства, и къ его несчастью—рабства самаго дикаго, отвратительнаго. Онъ былъ

Digitized by Google

побочнымъ сыномъ одного богатаго плантатора, извѣстнаго своей развратной жизнью, и молоденькой квартеронки. Отецъ его, обходившійся самымъ жестокимъ образомъ съ неграми, имѣлъ, однако, довольно человѣческаго чувства, чтобъ не закабалить своего собственнаго сына — фактъ чрезвычайно рѣдкій и который, быть можетъ, обратилъ бы на себя болѣе вниманія, еслибъ ребёнокъ походилъ хоть сколько-нибудь на негра. Но въ ребёнкѣ не было ни малѣйшаго слѣда негритянской крови; хотя цвѣтъ лица его съ годами и потемнѣлъ, но и тогда даже онъ былъ бѣлѣе многихъ кастильцевъ, такъ что благодаря ранней смерти матери и нѣкоторыхъ усилій отца скрыть его происхожденіе, Джемсъ Кэрквудъ никогда не былъ заподозрѣнъ въ томъ, что онъ не принадлежитъ къ кавказскому племени. Онъ получилъ очень недостаточное и несистематичное воспитаніе, занимался юридическими науками у одного провинціальнаго судьи, и послѣ смерти отца, оставившаго ему небольшое состояніе, перебрался въ Нью-Йоркъ. Объ его послѣдующей карьерѣ мы уже имѣемъ кое-какое понятіе.

Кэрквудъ явился къ завтраку очень веселый, и только послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ развеселить своихъ собесѣдниковъ, замолчалъ и принялся за ѣду. Онъ очень желалъ войти въ дружескія, фамильярныя сношенія съ Стивеномъ, но тотъ нимало на это не поддавался, что̀ только усиливало къ нему уваженіе Кэрквуда, который все болѣе и болѣе убѣждался, что всего лучше быть совершенно откровеннымъ съ такимъ искуснымъ противникомъ.

Послѣ завтрака Мартинъ Дангерфильдъ ушелъ къ себѣ въ библіотеку, а Кэрквудъ предложилъ тотчасъ приступить къ объясненіямъ.

— Ну, мой юный другъ, сказалъ онъ весело: — я къ вашимъ услугамъ. Гдѣ вы желаете переговорить со мною—на чистомъ воздухѣ во время прогулки, или вонъ въ той бесѣдкѣ?

— Гдѣ вамъ угодно, сэръ, отвѣчалъ рѣзко Стивенъ: — гдѣ вамъ удобнѣе будетъ говорить ясно и коротко.

Кэрквудъ взглянулъ на него съ сожалѣніемъ.

— Молодежь всегда торопится, сказалъ онъ глубокомысленно:— хотя бы плоды, которые мы хотимъ схватить, превратились въ песокъ въ нашихъ рукахъ. Поживите съ мое, такъ и узнаете всю справедливость пословицы: тише ѣдешь—дальше будешь.

— Я не думаю, чтобы можно было довольно торопиться, когда плодъ въ виду и путь къ нему открытъ, отвѣчалъ Стивенъ: — я, по крайней мѣрѣ, въ такихъ случаяхъ никогда не теряю времени.

Digitized by Google

— Ваше послѣднее путешествіе, однако, можетъ служить примѣромъ противнаго, замѣтилъ съ хитрой улыбкой Кэрквудъ.

— Всякій можетъ ошибаться, когда его нарочно обманываютъ, возразилъ Стивенъ, вспыхнувъ:—но я постараюсь извлечь пользу и изъ этого.

Впродолженіе нѣсколькихъ минутъ они шли молча: Керквудъ не хотѣлъ продолжать разговора, боясь, что воспоминаніе о глупой ошибкѣ очень разсердило юношу; Стивенъ же, напротивъ, готовъ былъ простить своему врагу это путешествіе, которое дало ему случай познакомиться съ прелестной Грэсъ Вернонъ. Наконецъ, они подошли къ бесѣдкѣ. Кэрквудъ пригласилъ Стивена сѣсть съ нимъ рядомъ, и указывая на живописный видъ, замѣтилъ очень сочувственнымъ тономъ:

— Какое у васъ прелестное имѣнье, мистеръ Дангерфильдъ! жаль, если оно не останется въ вашемъ семействѣ.

Стивенъ, унесенный въ седьмое небо воспоминаніемъ о хорошенькой Грэсъ, вдругъ упалъ на землю.

— Имѣете ли вы, сэръ, какое-нибудь основаніе говорить такъ? воскликнулъ онъ съ гнѣвомъ.

— Никакого, отвѣчалъ Кэрквудъ, закуривая сигару: — то-есть если вы будете поступать съ должной осторожностью. Я думалъ только, прибавилъ онъ поспѣшно, видя что Стивенъ хочетъ его перебить: — что вы теперь въ тѣхъ годахъ, когда молодые люди съ вашимъ положеніемъ въ свѣтѣ думаютъ о женитьбѣ.

— Вы забываете пословицу, которую вы только-что привели, а въ этомъ случаѣ я слѣдую ей. Впрочемъ, это—предметъ, который не можетъ имѣть для васъ большаго интереса; съ вашего позволенія мы поговоримъ о томъ, для чего пришли сюда.

— Съ большимъ удовольствіемъ, хотя, повѣрьте, все, что́ касается Дангерфильдскаго семейства, меня очень интересуетъ, и это не можетъ вамъ показаться дерзостью, ибо мы съ вашимъ отцомъ самые старинные друзья.

— Если я не ошибаюсь, вы вчера изъявили готовность объяснить мнѣ нѣкоторыя обстоятельства, которыя кажутся мнѣ очень сомнительными, и изслѣдовать которыя я имѣю полное право.

— Точно такъ, и повѣрьте, я очень сожалѣю, что эти объясненія такъ долго были откладываемы по желанію и требованію вашего отца; теперь я получилъ его согласіе, и готовъ отвѣчать на всѣ ваши вопросы.

— Онъ далъ это согласіе вчера ночью?

— Да.

— Хорошо, слѣдовательно отецъ мой подтвердитъ все, что́ вы мнѣ скажете.

Digitized by Google

— Вы властны, конечно, подвергнуть истинность моихъ словъ этому испытанію.

— Я вамъ предложу одинъ только вопросъ, и увѣренъ, что если вы на него отвѣтите удовлетворительно, то для меня все уяснится. До меня дошло, все равно какими путями, что мой отецъ дѣлалъ въ послѣдніе годы большія выдачи денегъ, помимо обыкновенныхъ расходовъ, и что всѣ деньги шли въ однѣ руки.

— Продолжайте.

— Мой отецъ очень постарѣлъ, и быть можетъ болѣе умственно, чѣмъ физически, потому я рѣшился не говорить съ нимъ о такомъ непріятномъ для него предметѣ, тѣмъ болѣе, что я, строго говоря, не имѣю права вмѣшиваться въ его дѣла. Но постоянное безпокойство и тревожное состояніе, въ которомъ онъ находится, благодаря именно этому обстоятельству, побуждаетъ меня, какъ сына, употребить всѣ старанія, чтобъ успокоить его. Вотъ причина, побудившая меня искать человѣка, о которомъ я упомянулъ. Впродолженіе многихъ лѣтъ, мои поиски неудавались, но теперь онъ самъ предалъ себя въ мои руки, и отъ него-то я рѣшился потребовать необходимыя объясненія.

— Совершенно справедливо.

— Вы со мной согласны?

— Во всѣхъ отношеніяхъ.

— Это меня тѣмъ болѣе радуетъ, что мнѣ остается только прибавить, что этотъ человѣкъ — *вы*.

— И въ этомъ вы совершенно правы. Чего же вы отъ меня теперь желаете?

— Какъ, чего я желаю! воскликнулъ Стивенъ съ изумленіемъ:— вы согласны, что все сказанное мною — правда?

— Совершенная истина, отъ перваго слова до послѣдняго, и потому-то я васъ и спрашиваю, чего вы отъ меня желаете?

— Чего? повторилъ молодой человѣкъ, взбѣшенный хладнокровіемъ своего собесѣдника:—Чего? Да потрудитесь, если уже вы такъ любезны, объяснить мнѣ: почему вы получили отъ моего отца столько денегъ, и что̀ съ ними сдѣлали?

— На вашъ первый вопросъ мнѣ очень легко отвѣтить, сказалъ Кэрквудъ, очень спокойно стряхивая золу съ сигары: — но второй, несмотря на все мое желаніе удовлетворить васъ, завлекъ бы меня въ слишкомъ запутанныя и мелочныя объясненія.

— Ну, положимъ, что вы прежде отвѣтите на первый вопросъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ; но позвольте вамъ напомнить, что я васъ предупреждалъ насчетъ яблока и песку. Чтобъ вамъ обстоятельно отвѣтить, я долженъ углубиться въ прошедшую исторію вашего отца; какъ мнѣ ни больно говорить о такихъ

Digitized by Google

вещахъ, касающихся моего друга, и еще его сыну, но дѣлать нечего, я долженъ быть откровеннымъ. Вы, можетъ быть, не знаете, что вашъ отецъ въ молодости велъ крупную игру?

Стивенъ молча поклонился.

— Онъ по несчастію до того увлекся, что наконецъ очутился на краю совершеннаго разоренія. Конечно, онъ могъ бы отказаться отъ большей части своихъ картежныхъ долговъ, и по законамъ онъ былъ бы правъ, но гордость и глубокое уваженіе къ имени, которое онъ носилъ, не позволили ему прибѣгнуть къ этому способу выпутаться изъ затрудненія. Я въ то время былъ стряпчимъ въ Нью-Йоркѣ, и хотя находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ вашимъ отцомъ, но ничего не зналъ о его несчастной страсти и грозившей ему гибели. Въ горѣ и отчаяніи, онъ прибѣгнулъ къ моей помощи, и я взялся вывести его изъ бѣды, и сохранить въ вашемъ родѣ это великолѣпное помѣстье. Конечно, это потребовало отъ меня огромныхъ пожертвованій; я продалъ все что имѣлъ, и вошелъ самъ въ большіе долги, но досталъ деньги — около ста тысячъ долеровъ. Заемъ этотъ былъ сдѣланъ подъ закладъ дангерфильдскаго пріюта, который, однако, въ то время далеко не стоилъ такой громадной суммы. Съ тѣхъ поръ вашъ отецъ акуратно платилъ проценты, и даже выплатилъ пятую часть капитала. У меня въ рукахъ закладная, обезпечивающая уплату остальныхъ денегъ.

Стивенъ Дангерфильдъ сидѣлъ въ какомъ-то безчувственномъ оцѣпененіи, во все продолженіе разсказа Кэрквуда. Онъ жаждалъ заткнуть уши, или бѣжать стремглавъ, чтобъ не слышать открытія тайны, уничтожившей всѣ его свѣтлыя надежды на счастье въ жизни, но какая-то магическая сила приковывала его къ мѣсту. Кэрквудъ остановился на минуту, какъ-бы ожидая, не скажетъ ли онъ что-нибудь, и потомъ продолжалъ:

— Я съ радостью бы скрылъ отъ васъ эту непріятную исторію, тѣмъ болѣе, что вашъ отецъ, вѣроятно, проживетъ еще долго, и сдѣлаетъ все, что можетъ, для совершенной очистки вашего помѣстья. Фермы ваши очень выгодно отданы въ аренду, и вообще можно извлечь много доходовъ въ самое короткое время. Я вамъ разсказалъ все дѣло только въ общихъ чертахъ, но готовъ, когда пожелаете, сообщить и всѣ подробности. Вы должны теперь понять, почему я такъ долго избѣгалъ васъ, зная очень хорошо, какого рода тѣ объясненія, которыя вы, наконецъ, теперь насильно отъ меня вытребовали.

Кэрквудъ всталъ, и понявъ по поспѣшному движенію Стивена, что онъ желаетъ остаться одинъ, закурилъ новую сигару и удалился изъ бесѣдки.

Digitized by Google

На бѣднаго молодаго человѣка нашелъ какъ-бы столбнякъ. Онъ старался-было увѣрить себя, что все слышанное только сонъ, но, увы! жестокая дѣйствительность слишкомъ колола ему глаза; чтобы усомниться въ ней, онъ пробовалъ-было не вѣрить словамъ Кэрквуда, считать ихъ ложью, но всѣ обстоятельства послѣднихъ лѣтъ служили самыми ясными доказательствами истинности его разсказа, и онъ даже думалъ, что дѣла его отца могли быть гораздо хуже, чѣмъ ихъ представлялъ Кэрквудъ.

Ему оставалось теперь одно: требовать отъ отца, чтобы онъ подтвердилъ, или совершенно отвергнулъ показанія Кэрквуда. Онъ вскочилъ и побѣжалъ къ дому, но одного взгляда на открытое окно библіотеки было для него достаточно, чтобъ вполнѣ убѣдиться въ грустной истинѣ. Мартинъ Дангерфильдъ сидѣлъ облокотясь на подоконникъ, грустно понуривъ свою сѣдую голову, и какъ-бы отъ стыда скрывая лицо руками. Стивенъ отвернулся съ отчаяніемъ въ сердцѣ. Гдѣ были теперь всѣ его свѣтлыя надежды, всѣ розовыя мечты о Грэсъ Верноиъ? Онъ не былъ ни героемъ, ни святымъ, и потому естественно, что провелъ остальную часть этого рокового дня, запершись одинъ въ своей комнатѣ, посреди самыхъ мрачныхъ и тяжелыхъ думъ.

Digitized by Google

VERBA NOVISSIMA.

(Посвящается всему журнальному міру).

Они въ ручной вступили бой.
Дмитріевъ.

Да, теперь дошло уже до того, что «они въ ручной вступили бой». Мы предвидѣли это съ возмущеніемъ, мы увидѣли это съ отвращеніемъ. Но, по крайней мѣрѣ, враждующія стороны не могутъ сказать, чтобы мы потворствовали ихъ гнѣвнымъ увлеченіямъ. Мы говорили имъ о терпимости, о необходимости воздержанія еще въ то время, когда со всѣхъ другихъ сторонъ они слышали одни только поощренія. Съ самихъ первыхъ попытокъ «Русскаго Слова» — освободиться изъ-подъ родительской опеки «Современника», мы постоянно высказывались въ томъ смыслѣ, что «Современникъ» обязанъ перенести эту кровную потерю, какъ стоикъ; пускай для всѣхъ было ясно, что дѣтище его вступало на путь самыхъ опасныхъ обольщеній; но что̀ касается до него — онъ долженъ былъ смотрѣть на это, закрывши глаза: вѣдь когда вопросъ объ «Отцахъ и Дѣтяхъ» вращался въ области чистой теоріи, не «Современникъ» ли первый явился самымъ ярымъ противникомъ всякой семейственной субординаціи? Слѣдственно, возмущаться конкретнымъ случаемъ неповиновенія собственнаго дѣтища, со стороны «Современника», по меньшей мѣрѣ, означало — идти противъ собственной утробы, разрушать свою собственную доктрину, и во всякомъ случаѣ, теоретическій интересъ приносить въ жертву практическому. «Современникъ», какъ мы говорили въ свое время, не долженъ былъ поступать такимъ образомъ тѣмъ болѣе, что его поведеніе, по его же теоріи, могло быть объясняемо, пожалуй, завистію, а пожалуй, и старческою ворчливостію противъ игриваго удальства «Русскаго Слова». Это такъ именно и случилось: говорить о старческихъ наклонностяхъ «Современника» сдѣлалось теперь самой популярной темой въ «Русскомъ Словѣ».

Digitized by Google

Въ свою очередь, мы съ неменьшею настойчивостью представляли и «Русскому Слову», что его строптивость не могла быть оправдана ни однимъ разумнымъ основаніемъ. Правда, оно постоянно имѣло въ виду тотъ фактъ, что «Современникъ» самъ же, и самымъ радикальнымъ образомъ, не признаетъ ни семейственнаго, ни всякаго другаго авторитета; но если оно и само, по слѣдамъ «Современника», не признавало ни того ни другаго, въ той же самой мѣрѣ и, приблизительно, въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, то, очевидно, фактъ этотъ могъ только закрѣплять субординацію «Русскаго Слова», а не расширять его вольности, какъ оно мечтало. Съ другой стороны, если «Русскому Слову» хотѣлось понимать слова «Современника», направленныя противъ субординаціи, во всей ихъ теоретической чистотѣ, и въ томъ обширномъ смыслѣ, что слушать никто никого не долженъ, ни даже «Русское Слово» «Современника», тогда опять-таки, могло ли оно, въ противность такому своему пониманію, послушать «Современника» на столько, чтобы перестать его слушаться? Случай «Русскаго Слова» былъ такой, что проявить свое непослушаніе оно могло именно только тѣмъ, чтобы быть послушнымъ «Современнику» при всѣхъ удобныхъ случаяхъ, наперекоръ и въ пику его ученію о непослушаніи. Тогда, и только тогда, можно было бы сказать о «Русскомъ Словѣ», что оно не хочетъ знать «Современника». Конечно, при этомъ «Русскому Слову» не избѣжать было нѣкоторыхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ: если «Современникъ» говоритъ искренно, разумѣя въ томъ числѣ, что и его самого никому не слѣдуетъ слушать, тогда — для чего же и говоритъ «Современникъ»? Если же онъ говоритъ неискренно и всегда подразумѣваетъ, что слушать слѣдуетъ только его одного, тогда подобное ученіе можно ли назвать вполнѣ либеральнымъ? Наконецъ, если онъ говоритъ искренно относительно всѣхъ, и желаетъ держать въ субординаціи только «Русское Слово», тогда... какъ понимать это «Русскому Слову»? Согласимся, что отъ такого хитраго сплетенія вопросовъ и обстоятельствъ у «Русскаго Слова» могла голова закружиться. Но для того-то ему и были предложены самые обстоятельные и всесторонніе совѣты. Увы! они мало пошли въ прокъ «Русскому Слову». Дѣйствуя хотя исподволь, но рѣшительно и запальчиво, оно вовлекло «Современникъ» въ самыя невообразимыя излишества, и если не превзошло его, что̀ однако сомнительно, то все же перешло послѣдніе предѣлы невоздержности и очутилось тамъ, гдѣ начинается фантастическое царство вещей безъ названія.

Но теперь, когда прошлое невозвратимо, а настоящее немо-

Digitized by Google

правило (по крайней мѣрѣ, непоправимо для «Современника», потому что дважды молодъ никто не бываетъ), полезно обозрѣть всю карьеру, пройденную противниками, чтобы запастись хоть уроками для будущаго. Мы, разумѣется, уже обозрѣли ее, и чему слѣдуетъ научиться — научились. Оказалось, что мы слишкомъ хорошо знали это и прежде. Всѣ невоздержности, проявленныя публицистами двухъ журналовъ, всѣ ихъ чрезмѣрности, которыя, вѣроятно, не были превзойдены добродѣтельными газетчиками Содома и Гоморры, всѣ онѣ объясняются тою несчастною манерою діалектики, которая такъ часто была осуждаема на страницахъ этого журнала. Мы разумѣемъ привычку означенныхъ публицистовъ, состоящую въ томъ, чтобы въ одной журнальной статьѣ, несмотря на тѣсные ея предѣлы, касаться всѣхъ предметовъ, задѣвать всѣ вопросы, придираться ко всѣмъ физіономіямъ, исчерпывать всѣ истины и разрѣшать всѣ задачи, такъ что, наконецъ, нѣтъ никакой возможности разобрать — что относится къ «разнзинѣ», что къ философіи Шопенгауэра, и что къ «буттерброду». Нельзя сказать, чтобы манера эта была лишена всякихъ достоинствъ, къ числу которыхъ можно отнести, напримѣръ, всесторонность взгляда и неразлучную съ этимъ качествомъ забубенность; но ея недостатки такъ велики, что о достоинствахъ не стоитъ помнить. Первый и величайшій изъ нихъ состоитъ въ томъ, что манера эта предполагаетъ безпрестанныя и безчисленныя отступленія отъ главнаго предмета. Но, вопервыхъ, отступленія уже сами по себѣ не составляютъ ничего благороднаго; вовторыхъ, при подобномъ способѣ доказывать что-нибудь, можно, пожалуй, обнаружить до извѣстной степени либеральность мыслей, но доказать рѣшительно ничего невозможно, какъ это и доказано относительно всего, что когда либо доказывалось въ «Русскомъ Словѣ»; а втретьихъ, и это самое главное, подобныя-то именно отступленія, безъ разсчета и оглядки, и завели «Русское Слово», предшествуемое «Современникомъ», въ тѣ печальныя дебри, отнуда трудно выдти, а если и выйдешь, то совѣстно на людей смотрѣть.

Дѣйствительно, теперь уже вполнѣ ясно, что первымъ, главнѣйшимъ и единственно интереснымъ предметомъ спора между противниками былъ вопросъ о томъ, кому главенствовать надъ молодымъ поколѣніемъ? Старому волку или молодому голубю? Вопросъ этотъ, въ началѣ, былъ поставленъ совершенно ясно; онъ не преминулъ обнаружиться со всею очевидностію и въ концѣ; такъ что не будь между этими двумя крайностями середины, наполненной отступленіями, или не будь молодаго поколѣнія, враждующія стороны рѣшительно могли бы обойтись сред-

Digitized by Google

ставами одной только словесной полемики. Вѣдь пришло же теперь къ тому, что они составили себѣ болѣе правильную программу и условились: отдать молодое поколѣніе тому, кто лучше истолковалъ «Отцовъ и Дѣтей» г. Тургенева, или написалъ больше статей объ этомъ предметѣ; кто же именно исполнилъ превосходнѣе эту задачу — о томъ спорить. Если окажется, что авторъ «Асмодея», тогда Али-пашою молодаго поколѣнія быть «Современнику», если же авторъ «Нерѣшеннаго вопроса», то, какъ это ни странно, права Яицкаго Волка переходятъ къ молодому голубю. Слѣды этой программы (страдающей только тѣмъ, что въ ней недостаетъ самаго главнаго, именно — условія на счетъ дистанціи) можно было замѣтить еще при самой первой постановкѣ вопроса. Одно время мы разсчитывали даже, что споръ такъ и будетъ производиться по этому предначертанію. Но противники вскорѣ до того одушевились, что, по сильному выраженію одного изъ нашихъ литераторовъ, въ небесахъ небесъ заря загорѣлась, и съ нашими разсчетами, поэтому, случилось то, что вообще должно случаться со всѣми разсчетами — на постоянство взглядовъ «Русскаго Слова» или на благонравіе «Современника».

Такимъ образомъ, отступленія всегда и вездѣ, а въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе, имѣютъ въ нашихъ глазахъ почти верховную важность. Быть можетъ, придетъ время, когда вся наша эпоха, или по крайней мѣрѣ вся наиболѣе прогресивная сторона ея — будетъ объясняема именно изъ этого принципа. Что же касается собственно до занимающаго насъ предмета, то будущему историку тутъ прямо придется говорить съ нашихъ словъ. По крайней мѣрѣ на такомъ нашемъ понятіи объ отступленіяхъ построенъ весь планъ, по которому расположены нижеслѣдующія строчки. Изъ нихъ будетъ ясно до послѣдней возможности, что всякій разъ, когда мы застаемъ противниковъ на прямой дорогѣ и у самаго корня ихъ «главнаго предмета», они постоянно могутъ служить образцами не то — что умѣренности, а даже не совсѣмъ похвальной консервативности въ образѣ мыслей: толкутся по пяти лѣтъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, разрѣшая тѣже недоумѣнія, приблизительно тѣми же оборотами рѣчи; но какъ только ударяются въ отступленія, и особенно въ сторону естествовѣденія, тотчасъ наступаетъ азартъ, приводятся въ движеніе совершенно ненужныя пружины, смѣшиваются всѣ элементы бытія и полемики, битья и логическихъ аргументовъ.

Само по себѣ разумѣется, что мы ничего не хотимъ сказать этимъ противъ той роли естественныхъ наукъ, которую они должны занимать теперь во всякой журнальной статьѣ. Съ другой стороны, мы нисколько не думаемъ безусловно осуждать отступ-

Digitized by Google

ленія, какого бы рода они ни были и въ какой бы полемикѣ ни относились. Совершенно напротивъ, полемика, по поводу которой мы говоримъ, какъ разъ представляетъ случай, гдѣ разумныя отступленія, сдѣланныя во-время, могли бы покрыться бо̀льшей славой, чѣмъ знаменитое отступленіе десяти тысячъ Ксенофонта: Ксенофонтъ отступалъ только храбро, а здѣсь противники, кромѣ того, отступали бы великодушно. Но наша мысль объ отступленіяхъ какъ того такъ и другаго рода, а равно и о всей сущности нашего предмета, будетъ гораздо яснѣй и полнѣе, если мы и сами обратимся на минуту къ естествовѣденію, безъ котораго теперь, дѣйствительно, невозможно ни одно путное начинаніе. Понятно, что во всѣхъ царствахъ природы, сколько бы они ни полемизировали между собою, насъ могутъ занимать въ этотъ моментъ исключительно нравы и обычаи только одной весьма интересной твари: это американскаго харька. Водится въ «великой американской пустынѣ»; былъ извѣстенъ еще Франклину, который назвалъ его *mephitis chinga;* въ торговлѣ извѣстенъ подъ именемъ *скунса;* но особенную популярность получилъ съ опубликованія г. Вольфомъ приключеній одного заблудившагося семейства янки. Слѣдующія строчки, едва ли уступающія какимъ-либо другимъ въ общепонятности изложенія, заимствованы нами изъ этого источника:

«Мы переходили черезъ небольшую поляну, разговаривая и смѣясь отъ чистаго сердца, какъ изъ одного кустарника выскочило животное и тихонько пошло рядомъ съ нами. Это былъ красивый маленькій звѣрекъ, величиною съ кошку, съ темной лоснящейся шерстью, нѣсколько торчащей на головѣ и на шеѣ... Генрихъ не могъ выдержать и погнался за маленькимъ четвероногимъ. Напрасно я кричалъ, чтобъ остановить его. Не слыхалъ ли онъ меня за лаемъ собакъ, бросившихся тоже за животнымъ, интересовала ли его добыча, только онъ продолжалъ преслѣдованіе... Но охота была не продолжительна. Звѣрекъ, испуганный при видѣ страшныхъ враговъ, гнавшихся за нимъ, остановился на опушкѣ лѣса, словно ожидая своихъ преслѣдователей. Хотя Генрихъ бѣжалъ быстро, однако онъ старался удержать собакъ, потому что ему хотѣлось взять звѣрка живымъ, котораго собаки могли задушить до его прибытія... Въ эту самую минуту, маленькое животное стало на заднія лапы, подняло хвостъ вверхъ и обратилось задомъ къ преслѣдователямъ, словно желая нанести имъ оскорбленіе. Не долго заставилъ ждать себя эфектъ этого страннаго движенія. Въ тотъ же моментъ собаки поворотили назадъ; побѣдный лай ихъ смѣнился воемъ ужаса и онѣ начали бѣгать, отирая морды о траву и подпрыгивая будто въ судорогахъ. Генрихъ остановился въ изумленіи; но и онъ не долго оставался безъ движенія; черезъ секунду онъ закрылъ лицо ру-

Digitized by Google

вами и, закричавъ, бросился бѣжать къ намъ... Это былъ *mephitis chinga* или *вонючій американскій харекъ*. Животное это бѣгаетъ не шибко и спасеніе его заключается не въ быстротѣ ногъ, но въ этомъ зловонномъ веществѣ, которое посредствомъ мускуловъ оно бросаетъ на своего противника. Харекъ можетъ бросить его шаговъ на пять, и рѣдко случается, чтобы оно не обратило въ бѣгство его непріателей — волковъ, собакъ и даже самого человѣка. Зловонное вещество это причиняетъ иногда болѣзни, рвоту; разсказываютъ, что индійцы, которымъ оно попадало въ глаза, лишались зрѣнія. На мѣстѣ, гдѣ убитъ харекъ, зловоніе остается нѣсколько мѣсяцовъ, хотя бы густой снѣгъ покрывалъ землю.» (Охотничьи Разсказы — Майнъ-Рида. Ч. II, стр. 11).

Теперь вообразите, что вашъ противникъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать противъ васъ аргументами, вдругъ, ни съ того ни съ сего, подбѣгаетъ къ вашей личности, останавливается у самой ея опушки, и все такое какъ въ приведенномъ описаніи. Неужели кто-нибудь можетъ находить, что вы обязаны дожидаться, пока послѣдуетъ «эфектъ этого страннаго движенія?» А еслибы кто и находилъ, что отступленія даже и отъ такого рода полемики показываютъ недостатокъ мужества, тотъ доказалъ бы только, что онъ недостаточно возмужалъ для жизни въ цивилизованномъ обществѣ; доказалъ бы, кромѣ того, что онъ невполнѣ понимаетъ все величіе обязанностей, возлагаемыхъ на насъ уваженіемъ къ человѣческому достоинству, а такъ же и полицейскимъ уставомъ, гдѣ эта тэма развита въ подробности; наконецъ, такой человѣкъ доказалъ бы, что онъ не умѣетъ понимать самыхъ простыхъ уроковъ, преподаваемыхъ намъ какъ природою, такъ и нашею общественною жизнью, на каждомъ шагу и, между прочимъ, даже въ приведенномъ примѣрѣ вонючаго хорька. Ибо, если во всѣхъ общественныхъ сферахъ, гдѣ не требуется особенная точность языка, даже этого хорька, изъ вѣжливости, принято называть *скунсомъ*, то во сколько разъ должны быть утонченнѣе названія, усвоемыя сотрудниками двухъ либеральныхъ журналовъ другъ другу? И съ другой стороны, если даже *этотъ скунсъ*, который все-таки есть только животное, хотя бы и американское, если даже онъ болѣе или менѣе сознаетъ, что съ его способомъ самозащиты можно обитать только въ «великой пустынѣ», и въ самой этой пустынѣ позволительно обращаться къ этому способу только въ случаѣ опасности жизни, то во сколько разъ должна быть деликатнѣе полемика того или другаго журнала, основавшаго свою резиденцію въ нашей прекрасной и многолюдной столицѣ, когда притомъ жизнь его состоитъ подъ охраною законныхъ властей?

Digitized by Google

Понятно, впрочемъ, что собственно въ этотъ моментъ мы не примѣняемъ, и не имѣемъ основанія примѣнять наше сравненіе рѣшительно ни къ одному изъ всѣхъ живыхъ и пишущихъ существъ. Но мы боимся, что неотразимая сила фактовъ можетъ поставить насъ въ такую необходимость, боимся, что обороты нашей рѣчи могутъ получить совершенно прикладное значеніе. Въ такомъ случаѣ оговариваемся заранѣе: вопервыхъ, то̀ будетъ, дѣйствительно, неотразимая сила фактовъ; а вовторыхъ, мы имѣемъ дѣло съ великимъ и закоренѣлымъ зломъ. Противъ него были испробованы и ножъ и адскій камень. Ничто не помогло. Отчего же не попробовать *скунсомъ?*

Какъ бы то ни было, но вопросъ, какъ мы сказали, былъ поставленъ въ началѣ совершенно ясно. Борцами отъ «Современника» выступали въ иныхъ случаяхъ *Посторонній Сатирикъ*, въ другихъ г. Антоновичъ, иногда порознь, иногда оба вдругъ. Слѣдственно, легко понять, что дѣло началось не прямо съ начала, а съ длинныхъ прелиминаріевъ къ началу. Извѣстно, что какъ тотъ, такъ и другой изъ названныхъ сейчасъ писателей, прежде чѣмъ начать, безконечно любятъ разводить воду на киселѣ, распространяться длинно-предлинно о томъ, что̀ болѣе или менѣе совсѣмъ не относится ни къ началу предмета, ни къ какой-либо другой его части. Иногда этотъ пріемъ ихъ бываетъ такъ обманчивъ, что вы слѣдите, съ нѣкоторымъ любопытствомъ, за всѣми его видоизмѣненіями, цѣлые мѣсяцы. Ждете: — къ чему-то, наконецъ, будетъ приступлено? Но когда приходитъ этотъ конецъ, дѣло разрѣшается неожиданностію: авторы вовсе не имѣли намѣренія приступить къ какому-нибудь началу. И это великое счастье; потому что, когда имъ удается достигнуть начала чего-нибудь, тогда протяженность ихъ рѣчи, и особенно способъ ихъ аргументаціи... но мы затрудняемся даже, съ чѣмъ можно сравнить ихъ. Развѣ съ сказкою про бѣлаго быка. Вся сказка, которую они хотятъ разсказать вамъ, не длиннѣе комарінаго носа. Но они разскажутъ ее такъ, и разскажутъ этакъ; потомъ опять такъ, и опять этакъ; и такъ далѣе, до совершеннаго изнеможенія. Въ случаѣ, который насъ занимаетъ, манера обоихъ писателей проявилась въ обоихъ родахъ сочиненій, и едва ли не въ самомъ лучшемъ свѣтѣ. Послѣ безконечныхъ прелиминаріевъ, которымъ, конечно, ничто не мѣшало быть еще безконечнѣй, Посторонній Сатирикъ, въ прошлогодней декабрьской книжкѣ «Современника», шагнулъ, однако, вдругъ... къ «предварительнымъ объясненіямъ» съ «Русскимъ Словомъ». Такъ именно и озаглавилъ: «Предварительныя объясненія». Даже самъ г. Писаревъ догадался, что̀ это означаетъ, и охарактеризовалъ,

Digitized by Google

по поводу этой статьи, къ которой привлекъ и г. Антоновича, манеру обоихъ писателей извѣстной пословицей, сказавъ ее такъ: «свищу, свищу и не ѣду». Но отдадимъ еще разъ справедливость этой статьѣ. Посторонній Сатирикъ, по крайней мѣрѣ, съ первыхъ же ея строчекъ, говоритъ совершенное дѣло. Онъ говоритъ:

«*Въ прошлой* книжкѣ «Современника» (то-есть въ одномъ изъ прелиминаріевъ) я обратился къ редакціи «Русскаго Слова», затѣмъ къ гг. Благословѣтлову и Минаеву съ вопросомъ: согласны ли они съ статьею — «Нерѣшенный вопросъ», раздѣляютъ ли они вполнѣ всѣ сужденія автора этой статьи, какъ о романѣ «Отцы и Дѣти», такъ и о критикѣ на этотъ романъ, помѣщенной въ «Современникѣ»? (*«Совр.» №№ XI и XII, 1864, отд. II, стр. 156).

Начало сдѣлано отлично. Слѣдовало только продолжать неуклонно, и можно было надѣяться, что отъ начала предварительныхъ объясненій, перейдетъ къ началу самаго начала. Но Посторонній Сатирикъ, вслѣдъ за приведенными строчками, къ своему бѣлому быку припрягаетъ еще чужаго: онъ цѣликомъ перепечатываетъ отвѣтъ «Русскаго Слова», данный, какъ разумѣется — тоже *въ прошлой* книжкѣ. Это такъ же относится къ манерѣ Посторонняго Сатирика. Имѣя постоянною задачею — изъ краткаго предложенія сдѣлать многообширную статью, онъ обыкновенно подбираетъ на своемъ пути всѣ плохо-лежащія строчки. Онъ находитъ ихъ, гдѣ бы онѣ ни лежали; и тогда пользуется своимъ правомъ съ искреннею любовію, особенно съ изобиліемъ. Если бы вамъ случилось, говоря съ кѣмъ нибудь, сослаться на книгу, онъ, кажется, перепечаталъ бы и книгу. Любопытно знать, платится ли въ «Современникѣ» за все это изобиліе позаимствованныхъ строчекъ? Говоря строго, вопросъ этотъ щекотливый, потому что чисто-семейственный; но такъ-какъ журналы, въ нѣкоторомъ родѣ, всѣ составляютъ одну семью, хотя и не очень согласную, то мы коснулись этого вопроса собственно для проведенія мысли о единообразіи гонорарія. Но говоря еще строже, самый отвѣтъ «Русскаго Слова» не подавалъ Посторонему Сатирику никакого повода къ тому, что бы онъ, только-что приступивъ къ предварительнымъ объясненіямъ, снова возвратился къ прелиминаріямъ. «Русское Слово» въ томъ своемъ отвѣтѣ, насколько его понимать возможно, никакъ не вышло изъ тѣсныхъ предѣловъ вышепоставленной темы. Намъ кажется, что въ своемъ отвѣтѣ оно даже предумышленно старалось быть сжатымъ, чтобы тѣмъ яснѣе обозначить, какъ всю важность пред-

Digitized by Google

мета, такъ и серьёзность своего отношенія къ нему. Печать такого рода, лежитъ на всѣхъ словахъ его отвѣта. Оно говорило:

«Начало статьи: «Нерѣшонный вопросъ», помѣщенное *въ прошлой* книжкѣ нашего журнала, «Современникъ» принялъ за полемическій вызовъ, обращенный къ нему, тогда какъ эта статья вовсе не имѣетъ цѣлью вызывать на полемику кого бы то ни было, тѣмъ менѣе «Современникъ». Для поясненія этого, довольно припомнить слѣдующіе факты». («Р. Сл.», октябрь 1864, отд. II, стр. 103).

Слѣдуютъ обстоятельно изложенные факты, что̀ съ чего началось, какъ продолжалось, и что̀ изъ того произошло. Къ этому «Русское Слово» прибавляло:

«Еще въ началѣ 1862 года, при появленіи романа г. Тургенева «Отцы и Дѣти», когда наша журналистика съ азартомъ принялась глумиться надъ Базаровымъ, съ цѣлью опошлить этотъ типъ въ глазахъ читающей публики, еще тогда» и проч.

Разсказывается подробно, какъ «еще тогда» критики «Современника» и «Русскаго Слова» рѣзко разошлись во всѣхъ подробностяхъ, постоянно оставаясь сходными во всѣхъ главныхъ взглядахъ на этотъ романъ. Послѣ этого «Русское Слово», съ тою же серьёзностію вида, заключало:

«Для критика «Русскаго Слова», прежде всего важенъ фактъ, затронутый романомъ «Отцы и Дѣти», и по поводу котораго, можно поговорить вообще о значеніи реализма, *насколько это возможно въ настоящее время*. Онъ хочетъ защитить *этотъ типъ* (sic) отъ той клеветы, которую взвела на него наша остальная журналистика, и показать важное значеніе базаровскаго элемента въ жизни общественной и семейной, въ наукѣ и искусствѣ, словомъ — указать, *по возможности*, на тѣ реальныя основы, которыя составляютъ главную силу этого элемента, и который безспорно уважаетъ и самъ «Современникъ».

Чортъ знаетъ что̀ такое, ничего не разберешь... «Базаровскій элементъ въ наукѣ и искусствѣ» и «реальныя основы» этого элемента... Неужели это, въ самомъ дѣлѣ, напечатано?... А если такъ, то что же тутъ могли бы означать еще такія фразы, какъ «по возможности», или «насколько возможно въ настоящее время», и проч.? По нашему, всѣ эти элементы, со всѣми ихъ основами — совершенная невозможность. Но если вы, «Русское Слово», считаете ихъ и это возможнымъ, то позвольте, по крайней мѣрѣ, узнать: что̀ вы разумѣете подъ именемъ невозможнаго? Для насъ, впрочемъ, отвѣтъ на этотъ вопросъ, во всякомъ случаѣ не очень важенъ; мы интересовались главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы

Digitized by Google

уяснить здѣсь, вопервыхъ, то, что «Русское Слово» стремилось идти въ своемъ отвѣтѣ прямо, куда глаза глядятъ, и отнюдь не сбилось съ своей дороги, а вовторыхъ, то, что предложенный нами вопросъ обязанъ былъ сдѣлать «Русскому Слову» собственно Посторонній Сатирикъ. Въ самомъ дѣлѣ, то, на что мы указали, составляло слона во всемъ отвѣтѣ «Русскаго Слова». Оно, желая превзойти самого себя на нѣсколько ступеней, затмѣваетъ наконецъ всякое *мартобря*, возвышается до базаровскаго элемента въ скульптурѣ и ариѳметикѣ, и какъ бы и само сознавая, до чего оно возвысилось, въ той же самой фразѣ заявляетъ о своей безспорной солидарности съ «Современникомъ», относительно основныхъ взглядовъ на этотъ элементъ: кажется, это должно бы тронуть всякаго мыслящаго сотрудника въ «Современникѣ». Но Постосторонній Сатирикъ, потому ли, что въ основныхъ взглядахъ онъ, дѣйствительно, не расходится съ «Русскимъ Словомъ», или потому, что главною его заботою было распространеніе своего краткаго предложенія, только онъ первый (если не считать всѣхъ предыдущихъ и по истинѣ дурныхъ примѣровъ), пренебрегъ обязанностію быть вѣрнымъ корпоративной чести журнала, и первый же показалъ примѣръ опасныхъ отступленій. Какъ ни строго «Русское Слово» очертило для него объемъ мышленія, какъ ни отчотливо уяснило свою точку зрѣнія, а равно и совершенную безотносительность спорнаго предмета, какъ вообще къ человѣческому смыслу, такъ и въ частности ко всему на свѣтѣ, онъ всѣ слова «Русскаго Слова» понялъ отчасти совершенно лично, отчасти произвольно и двусмысленно. Понимая эти слова лично, онъ часть своихъ предварительныхъ объясненій приближаетъ... увы! мы должны сказать это роковое слово... приближаетъ къ опушкѣ г. Зайцева, едва-ли не безобиднѣйшаго изъ всѣхъ людей, а разсматривая тѣ слова двусмысленно, онъ въ остальной части останавливается передъ г. Писаревымъ. И замѣтьте: г. Зайцева, когда онъ былъ безупречно консервативенъ и вѣровалъ во всѣ авторитеты «Современника» не хуже самого г. Антоновича, Посторонній Сатирикъ самъ же обыкновенно считалъ нужнымъ поощрять при случаѣ за какую-то либеральность мыслей. Но этому г. Зайцеву удалось разъ въ жизни возвыситься до проявленія истинной либеральности: онъ гдѣ-то, когда-то, по какому-то случаю выразилъ то мнѣніе, (взятое потомъ, очень скоро, назадъ) что-де сколько бы оживленная полемика ни обусловливалась важностію предметовъ, задѣваемыхъ разными повременными изданіями, но что «ракалія», до которой снизошелъ «Современникъ», въ лицѣ Посторонняго Сатирика, полемизируя съ бывшимъ журналомъ «Эпохой», не можетъ быть одо-

Digitized by Google

брена ни съ какой точки зрѣнія; да и мнѣніе-то это г. Зайцевъ выразилъ, противъ обыкновенія, довольно пристойно, съ оговоркою, что дескать видѣть такой уважаемый журналъ, какъ «Современникъ», унизившимся до «ракалій», особенно прискорбно. И теперь тотъ же самый Посторонній Сатирикъ, по этому самому весьма давно-прошедшему случаю приближается къ опушкѣ этого самаго г. Зайцева за единственную проявленную имъ либеральность. Онъ подходитъ къ нему на цѣломъ полулистѣ, какъ-будто съ вопросами:—неужели дескать, г. Зайцевъ, вы серьёзно думаете, что какая нибудь «ракалія» «Современника» разрѣшаетъ и васъ, наровнѣ съ другими, отъ всякой аттенціи къ Современнику? а съ чего вы это взяли? Увлекись примѣромъ Отечественныхъ Записокъ? Такъ я вамъ скажу, что «самыя *неприличныя ругательства* (sic) *и выходки* во всякомъ случаѣ менѣе вредны (sic), чѣмъ какія нибудь приличныя хроники въ Отечественныхъ Запискахъ, или изуродованная исторія по Мортимеру Терно» (sic, стр. 163).—Достойно всякаго примѣчанія, что всѣ эти подходы, безконечно нами сокращенные, какъ къ рѣшенію вопроса, поставленнаго противниками, не относящіяся, были, въ свою очередь, замѣнены, въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи вопроса, другими, и остались безъ всякаго возраженія. Но г. Посторонній Сатирикъ! (могъ бы сказать этому сатирику г. Зайцевъ)—такъ опровергать исторію, какъ вы это дѣлаете, значитъ вносить базаровскій элементъ въ науку, значитъ доказывать, что вы точно солидарны съ «Русскимъ Словомъ» относительно основнаго взгляда на этотъ элементъ. Или, быть можетъ, вы сошлетесь на тѣсноту предѣловъ журнальной статьи, гдѣ трудно опровергнуть фальшивость обширной исторіи? Но это будетъ значить, что вы, кромѣ того, вносите означенный элементъ еще въ искуство; потому что ваши статьи никогда не бываютъ кратки: изъ нихъ почти въ любой (при томъ неотказываясь даже отъ посторонннихъ предметовъ, а только посокративъ нѣсколько сказку о бѣломъ быкѣ), можно опровергнуть документально самую длинную исторію во всемъ свѣтѣ. Съ другой стороны (могъ бы сказать тотъ же г. Зайцевъ), вы, г. Посторонній Сатирикъ, говорите—и говорите съ неподдѣльнымъ комизмомъ, потому что стараетесь придать вашему голосу какое-то издѣльное дрожаніе гражданской грусти —вы, говорите, что самыя «неприличныя ругательства (sic) менѣе *вредны*, чѣмъ какія нибудь приличныя хроники» и проч. Но вы не объясняете для кого *вредны*? Положимъ, что для общества, а не для «Современника». Но вы не указываете, даже «по возможности»: въ какомъ отношеніи? Допустимъ, что во всѣхъ. Но тогда опять: проповѣдуете ли вы это (то-есть «самыя не-

Digitized by Google

приличныя ругательства»), какъ принципъ, или извините, какъ несчастную (постигшую васъ) случайность? Однако, нельзя не согласиться, что хроники «Отечественныхъ Записокъ» пишутся не принципу, иначе вамъ нечего было бы и сокрушаться; слѣдственно, нельзя не допустить, что и ваше нисхожденіе до «ракалій» для васъ тоже принципъ. Но если это такъ, то какое же ваше конечное стремленіе: желаете ли вы размноженія «самыхъ приличныхъ хроникъ», чтобы тѣмъ болѣе имѣть случаевъ истощаться въ «самыхъ неприличныхъ ругательствахъ», или напротивъ, вы вовсе не хотите никакихъ хроникъ, а чтобы повсюду царствовали только «самыя неприличныя ругательства»? Если вы примите первое, вы, очевидно, разрушите вашъ принципъ; если возьмете второе, вашъ принципъ, неминуемо, разрушитъ васъ, какъ ужь отчасти и разрушаетъ. Одно горше другого и другое горше одного. Скажите же, пожалуста, можетъ ли быть кому-нибудь пріятно, увлекшись вашимъ принципомъ, подпасть подъ такую дилему? Вы говорите, что ничего. Но Богъ знаетъ еще почему вы это говорите. Можетъ быть—потому, что вамъ однимъ-то скучно. Но вглянемъ собственно на вашу издѣльную грусть еще съ новой стороны. Вы этою грустію какъ будто хотите выразить, что направленіе приличныхъ хроникъ «От. Записокъ» съ ихъ безспорнымъ успѣхомъ вредитъ направленію «Современника», хотя тоже кое въ чемъ преуспѣвающаго. Но тутъ прежде всего нужна оговорка. Именно, за свои направленія ни «Современникъ», ни «От. Записки» съ ихъ приличными хрониками не получаютъ рѣшительно никакого жалованья. Это надо признать рѣшительно и уже въ этомъ смыслѣ не подбѣгать ни къ чьей опушкѣ, ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, особенно же въ Петербургѣ противъ Москвы, что̀ однако при нашихъ распущенныхъ міросозерцаніяхъ иногда случается. А если такъ, то ваша издѣльная грусть, г. Посторонній Сатирикъ, о направленіи приличныхъ хроникъ «От. Записокъ» въ сущности означаетъ (то-есть, у нея нѣтъ никакой сущности, и даже быть не можетъ, но мы, изъ вѣжливости, допускаемъ, что она есть) ваша издѣльная грусть означаетъ, то-есть вы какъ бы желаете выразить ею: «ахъ, какъ жаль, что издаются «От. Записки»; еслибы не этотъ журналъ, и въ особенности не его приличныя хроники, тогда весь «Современникъ» могъ бы быть сочинителемъ однимъ Посторонняго Сатирикомъ». Но согласитесь, г. Посторонній Сатирикъ, что у этого аргумента, какъ онъ притомъ ни остроуменъ, два лезвія, и острѣйшее изъ нихъ противъ васъ. «От. Запискамъ» стоитъ только преднамѣренно отказаться на секунду отъ своей разсудительности и вы отъ нихъ услышите: «ахъ, какъ жаль, что не-

дается «Современникъ»; еслибы не этотъ журналъ, и особенно еслибы въ немъ не было Посторонняго Сатирика, тогда «От. Записки» вмѣсто двухъ разъ выходили бы три раза въ мѣсяцъ: два раза сами собою и одинъ разъ «Современникомъ», перемѣнивъ только, изъ приличія, его заглавіе». Но если принять даже невозможное и согласиться, что можетъ найтись такой неприличный журналъ, который сожалѣлъ бы о томъ, что издается другой—приличный; вашъ образъ мыслей, г. Посторонній Сатирикъ, все-таки не можетъ быть оправданъ, а ваши дѣйствія должны оказаться несоотвѣтствующими вашему образу мыслей: вамъ слѣдовало бы дѣйствовать на читателей «От. Записокъ» и именно приличіемъ и глубиною сожалѣній о томъ, что они читаютъ этотъ журналъ; вы же, напротивъ, дѣйствуете на читателей «Современника» и именно безнардонностію «самыхъ неприличныхъ ругательствъ», за которыя, рано ли, поздно ли, они могутъ отослать васъ обратно. Наконецъ—и это самое серьёзное, на что можно указать вамъ: что́ можетъ означать вся эта многолѣтняя похвальба направленіемъ? Вы, г. Посторонній Сатирикъ, только тѣмъ и занимаетесь, что дѣлаете направленіе, а не что-нибудь въ направленіи; и вамъ, конечно, трудно отнестись сколько-нибудь объективно къ предмету вашихъ занятій. Но еслибы вы могли понять хоть приблизительно, хоть «по возможности», сколько въ этомъ заключается самой одичалой рутины, самой гасконской хвастливости, самой уничтожительной мелочности, вы... я не знаю, что́бы вы тогда надъ собой сдѣлали. Короче: знаете вы дѣйствіе натяжного пластыря? Можно сказать, адское дѣйствіе; секунды кажутся годами. Вообразите же, что вы нескончаемые года̀, года̀, все какъ будто нарываете, нарываете, и наконецъ — нѣтъ никакого терпѣнія, какъ вы долго нарываете».

Однако все это г. Зайцевъ только могъ возразить Постороннему Сатирику, но не возразилъ; у него были на это свои причины и, какъ мы скоро увидимъ, довольно странныя.—Приближенію Посторонняго Сатирика къ г. Писареву мы удивимся лишь вкратцѣ. «Русское Слово», какъ было замѣчено, дѣйствуя хотя политически, но нисколько не двусмысленно, отвѣчало Постороннему Сатирику въ томъ смыслѣ, что оно признаетъ себя солидарнымъ и съ авторомъ «Нерѣшеннаго вопроса», и съ «Современникомъ». Кажется ясно: «Русское Слово» хочетъ отвязаться отъ одного изъ двухъ, и конечно, не отъ своего даровитѣйшаго сотрудника, сочиняющаго ему реальныя основы изъ базаровскаго элемента. Но Посторонній Сатирикъ не хочетъ допустить, чтобы «Русское Слово» могло дѣйствовать политически, и полагаетъ, что оно дѣйствуетъ лишь двусмысленно. Потому, нисколько не думая дѣй-

Digitized by Google

ствовать рѣшительно, гримувъ прямо на «Нерѣшенный вопросъ», а такъ же имѣя въ виду и свое краткое предложеніе, онъ только забѣгаетъ, забѣгаетъ... Если такъ—говоритъ онъ—то зачѣмъ же авторъ «Нерѣшеннаго вопроса», говоря про критику автора «Асмодея», восклицаетъ: *ахъ ты коробочка доброжелательная! ахъ ты обличительница копеечная!* (*) и обращаясь къ самому г. Антоновичу: *ахъ ты лукошко глубокомыслія!*—или еще: *глядитъ въ книгу, а видитъ фигу?* Если такъ, продолжаетъ Постороннiй Сатирикъ... но продолженіе это не довольно сжато, а сущность его та, что онъ называетъ критику «Русскаго Слова» *бутербродомъ глубокомыслія!* (**) Но удивиться мы предпамѣрились не этимъ взаимнымъ, хотя довольно удачнымъ, остротамъ противниковъ, а остроумному примѣненію одной изъ этихъ остротъ, сдѣланному однимъ изъ противниковъ. Невинное «лукошко глубокомысленія», какъ видно, глубоко затронуло Постояннаго Сатирика, какъ тѣмъ, что оно надѣто на г. Антоновича, такъ особенно тѣмъ, что оно надѣто на этого остроумнаго писателя за его критику «Отцовъ и Дѣтей». Желая поразить однимъ камнемъ обоихъ этихъ зайцевъ, онъ прибѣгаетъ къ аргументаціи такого рода: что дескать въ 1862 г. редакціею «Современника» «завѣдывало исключительно и безраздѣльно *одно лицо*» (***), которое и принало и напечатало означенную критику; если же эта критика не вѣрна или не остроумна, то *лукошко*, (****) «Русское Слово», по всей справедливости принадлежитъ и этому лицу.»

«Такое *замѣчаніе*—прибавляетъ онъ—я дѣлаю единственно и исключительно для бутерброда съ глубокомысліемъ г. Благосвѣтлова (sic) и вообще только для критиковъ дѣтей». («Современникъ», декабрь. 1864, отд. II, стр. 169).

Мы хотимъ сказать, что эта аргументацiй, опирающаяся на *одно лицо*, если бы она была обращена, напримѣръ, къ намъ, была бы только смѣшна, потому что мы давно привыкли не уважать чьи бы то ни было мнѣнiя, если не находимъ ихъ вѣрными. Но эта аргументацiя приводится противъ «Русскаго Слова». Она приводится въ «Современникѣ». Мнѣніе же какъ всего «Современника», такъ и всего «Русскаго Слова», таково, что не соглашаться даже съ послѣднею нелѣпостью *одного лица* значитъ быть хуже, чѣмъ поджигателемъ, хуже, чѣмъ доносчикомъ, ху-

(*) Курсивъ въ «Современникѣ».
(**) Курсивъ тоже въ самомъ «Современникѣ».
(***) Курсивъ нашъ.
(****) Курсивъ Постояннаго Сатирика.

Digitized by Google

же, чѣмъ писателемъ «приличныхъ хроникъ», можетъ быть даже хуже, чѣмъ раздѣлять мнѣнія г. Дудышкина или быть сотрудникомъ г. Краевскаго, хотя хуже этого они ничего еще не придумали. Предполагается притомъ, что свой взглядъ относительно совершеннаго преклоненія передъ *однимъ лицомъ*, какъ «Современникъ» и такъ и «Русское Слово» считаютъ окончательно усвоеннымъ во всемъ кругѣ ихъ читателей. Для Посторонняго Сатирика это такъ несомнѣнно, что свое *замѣчаніе* онъ считаетъ нужнымъ только для такихъ бутербродовъ и такихъ дѣтей, какъ критики «Русскаго Слова». Но если всего этого нельзя не принять въ разчетъ, тогда аргументація Посторонняго Сатирика едвали могла представляться безопасною для тѣхъ, противъ кого она направлена. И дѣйствительно, «Русское Слово» до того переполошилось этою, по его мнѣнію (а такъ же и по нашему, только съ нѣкоторой разницей) «гнусностію», что намъ было и смѣшно и жалко смотрѣть на него: оно считало ограбленной—всю свою репутацію, загубленнымъ — все свое существованіе; оно цѣлыхъ два мѣсяца клялось и божилось, что противъ *одного лица* у него ничего подобнаго въ умѣ не было, и не могши придумать ничего лучшаго, кажется — рѣшилось удвоить свой либерализмъ, что̀ должно его погубить окончательно. Чтожь это, г. Посторонній Сатирикъ, вы такъ оплошали. Можно подумать, что ваша нравственная высота, какъ удачно выразилось «Русское Слово», и вправду «понизилась въ то время до нуля и менцелизма». Вѣдь доносы, поджигательства и всякаго рода инсинуаціи имѣютъ совершенно одинаковое значеніе къ какому бы предмету они ни относились и кому бы ни дѣлались: грозному ли судилищу венеціанскихъ Десяти, или совершенно либеральному трибуналу, который описывается въ исторіи Мортимера Терно, или еще болѣе либеральной уличной сволочи, о которой повѣствуется въ той же исторіи... А еще находите не довольно либеральной эту исторію. Туда же!...

Безспорно, что «Русское Слово» не могло этого ни отвратить ни предузнать: съ одной стороны, его пасторальный, аркадскій либерализмъ, съ другой, его голубиное воззрѣніе на «Современникъ», потомъ самое отсутствіе въ «Современникѣ» г. Щедрина, наконецъ все, рѣшительно все способствовало къ тому, чтобъ оно не было предусмотрительнымъ. Потому, какъ только дошло до этого, какъ только Посторонній Сатирикъ не только подбѣжалъ къ «Русскому Слову», но и «не долго заставилъ ожидать эфекта», можно было ручаться, что «Русское Слово» смѣшается. Такъ и случилось. Относительно «главнаго предмета», оно, пожалуй, показало, какъ и прежде, все еще значительную непреклон-

Digitized by Google

ность взгляда. Въ своемъ отвѣтѣ на предварительныя объясненія Посторонняго Сатирика оно прописало свою первую декларацію, то-есть, что признаетъ себя солидарнымъ и съ тѣмъ и съ другимъ: съ авторомъ «Нерѣшоннаго вопроса» — во всемъ, съ авторомъ «Асмодея»—во многомъ, по крайней мѣрѣ, въ самомъ главномъ. Но желая, на этотъ разъ, быть вполнѣ понятнымъ, то-есть, желая дать знать Постороннему Сатирику, что съ нимъ отнынѣ нисколько не солидарны, оно позволило себѣ нѣкоторыя не довольно двусмысленныя рѣзкости. Такъ оно *бутерброды* Посторонняго Сатирика назвало остротою, найденною имъ, будто бы, на улицѣ и оброненною, будто бы, «*однимъ обличителемъ вмѣстѣ съ очками*». Это важный промахъ. «Русскому Слову» слѣдовало выражаться именно какъ можно двусмысленнѣй, заключить Предварительнаго Сатирика въ предѣлы постороннихъ объясненій лѣтъ на пять, и потомъ осмѣять его. Но главная ошибка «Русскаго Слова» не въ этомъ. Вмѣсто того, чтобы возведя всѣ разнообразныя предложенія статьи Посторонняго Сатирика къ высшему единству, дѣйствовать противъ нихъ совокупными силами, «Русское Слово» пошло въ раздробь. По скольку статья эта затрогивала убѣжденія г. Зайцева, этотъ послѣдній отвѣчалъ Посторонему Сатирику особою контр-статьею по такъ называемому вопросу «объ отношеніяхъ бѣлой и чорной расъ». Невѣроятно, но вѣрно. И для этой-то именно контр-статьи онъ отказался отъ приведенной выше защиты «приличныхъ хроникъ», которую обязанъ былъ сдѣлать. Дѣло въ томъ, что въ прошломъ году, въ самой серединѣ каникулъ, кажется, еще въ одинъ мѣсяцъ съ статьею г. Антоновича «Лѣтній литературный сезонъ», г. Зайцеву пришло въ голову утверждать, что «рабство негровъ есть явленіе совершенно естественное и нормальное». И въ другомъ мѣстѣ, «что невольничество есть *самый лучшій исходъ, котораго можетъ желать*» (sic) всякій человѣкъ, какъ скоро онъ уродился ужь черезчуръ брюнетомъ. И еще въ третьемъ мѣстѣ, «что объ этомъ могутъ скорбѣть только нюни, болѣе симпатизирующіе вздохамъ madame Бичеръ-Стоу, чѣмъ мнѣніямъ Фогта». Замѣтьте, что это было высказано именно въ прошлогодніе каникулы, можно сказать—самые жаркіе каникулы, какія только запомнятъ въ Петербургѣ. Но Посторонній Сатирикъ, какъ обыкновенно, самаго-то главнаго не замѣтилъ; онъ былъ пораженъ только странностію самаго мнѣнія, и г. Зайцевъ былъ поставленъ въ неловкое положеніе защищать свое мнѣніе въ самой серединѣ прошлой зимы. Впрочемъ оказалось, что «Русскому Слову» рѣшительно все равно, что зима, что лѣто. Намъ, поэтому, совершенно необходимо привести здѣсь нѣкоторые изъ аргументовъ г. Зайцева, такъ-какъ

Digitized by Google

они лучше всего показываютъ, что наше замѣчаніе о каникулахъ болѣе чѣмъ неумѣстно. Вопервыхъ:

«Этому взгляду—говоритъ г. Зайцевъ—слѣдуютъ всѣ ученые, (то-есть изъ бѣлокурыхъ), въ томъ числѣ люди, которыхъ еще никому въ голову не приходило называть обскурантами, какъ напримѣръ, Фогтъ, Гексли и другіе (вотъ обскуранты-то, батюшки-свѣты!). Весь I-й томъ «Лекцій» Фогта о положеніи человѣка въ ряду организмовъ...» и проч.

Но этотъ аргументъ болѣе или менѣе извѣстенъ. Вовторыхъ:

«Никому еще даже не снилось говорить объ эманципаціи лошадей... Слѣдовательно, во взглядѣ моемъ на невольничество нѣтъ ничего, что̀ бы стояло въ разрѣзъ съ мнѣніями, выражаемыми въ политическомъ отдѣлѣ «Русскаго Слова».

Это довольно пріятно узнать, но это все-таки не то. Въ третьихъ:

«Эти слова Посторонняго Сатирика о долгѣ гуманныхъ реалистовъ защищать свободу животныхъ напоминаютъ мнѣ московскаго поэта г. Алмазова, который сказалъ въ какихъ-то стихахъ, что нигилистъ обязанъ уважать корову, какъ свою родственницу, но находящуюся пока въ дикомъ состояніи.»

Противъ этого аргумента Посторонній Сатирикъ впослѣдствіи нашелся только сказать, что онъ «корову (цвѣтъ шерсти не обозначенъ) уважаетъ (sic) болѣе чѣмъ многихъ изъ людей». Опроверженіе по истинѣ жалкое. Покрайней-мѣрѣ хоть шерсть или породу обозначилъ бы. Въ четвертыхъ:

«Развѣ необходимо, чтобы не быть обскурантомъ, закрывать на это (то-есть на естественность рабства) глаза, хотя наука говоритъ другое? Для многихъ это дѣйствительно необходимо. Но такая необходимость существуетъ лишь для изданій подобныхъ «Голосу» (sic). Въ «Очеркахъ» же, напримѣръ, въ одномъ изъ первыхъ №№ была статья, доказывавшая, что дѣйствія Гарибальди въ 1860 году были далеко не безукоризненны и что во многомъ онъ выказалъ ограниченность. «Очерки» могли высказывать это свободно (потому что тамъ былъ г. Антоновичъ). Такимъ же образомъ я полагаю, что «Русское Слово» также мало нуждается въ либеральныхъ украшеніяхъ, столь необходимыхъ «Голосу» и «Сыну Отечества». (Декабрь 1864, отд. II, стр. 20—85).

Этотъ послѣдній аргументъ мы считаемъ образцовымъ, какъ относительно его внутренней силы, такъ и внѣшняго блеска. Г. Зайцевъ желаетъ выразить ту мысль—хотя давно извѣстную,

Digitized by Google

но никогда еще не получавшую, даже подъ перомъ г. Антоновича, такой выразительности—мысль, что если кто либералъ только слегка, или не совсѣмъ отчаянно (какъ, напримѣръ, «Голосъ» или «Сынъ Отечества»), тотъ обязанъ быть—неуклонно либеральнымъ, постоянно либеральнымъ, весьма либеральнымъ, даже отчаянно либеральнымъ, и вмѣстѣ разсудительнымъ; ибо на него, какъ только слегка либеральнаго, при малѣйшей его оплошности всѣ будутъ показывать пальцами. И, напротивъ, кто либералъ до совершенной отчаянности (какъ, напримѣръ, «Русское Слово» или «Очерки», гдѣ былъ г. Антоновичъ), тотъ можетъ быть и не весьма либералъ, не всегда либералъ, даже совсѣмъ не либералъ, можетъ быть даже безсмысленъ до печатнаго заявленія своего уваженія къ коровамъ, можетъ быть даже очарователь до упорнаго признаванія законности рабства; ибо ему, какъ либеральному до послѣдней отчаянности, нечего бояться, что на него будутъ указывать пальцами. Вѣрно. Противъ этого аргумента нечего возразить. Но нельзя не пожалѣть, что два такихъ аргументатора дошли до ожесточенныхъ словъ другъ другу. Намъ кажется, что они могли бы вступить въ нѣкоторую сдѣлку, нисколько не избѣгая полемики, и не отказываясь при томъ отъ взаимной солидарности. Напримѣръ, одинъ бы озаглавилъ: «Каникулы, или лѣтній литературный сезонъ». И подъ этимъ написалъ бы: «Я не люблю картофеля; и очень радъ, что не люблю его; ибо еслибы я его любилъ, я бы его ѣлъ; а это было бы мнѣ весьма непріятно; потому что, какъ сказано, я его терпѣть не могу». А другой бы ему въ отвѣтъ: «Совѣтъ г-ну Зайцеву». И потомъ: «Либеральный другъ мой, г. Зайцевъ; не спѣшите превосходить самого себя; ибо если вы въ этомъ успѣете, то кого же вамъ останется превосходить тогда?»

Но либеральные противники не вступили въ подобную сдѣлку.

Въ слѣдующихъ за тѣмъ книжкахъ очередь зачинать—была опять за Постороннимъ Сатирикомъ. По всегдашнему обыкновенію, онъ зачинаетъ прямо съ дѣла. Онъ зачинаетъ:

«Русское Слово» *отлынивает* отъ моихъ вопросовъ. *Нѣтъ, друзья мои, не на того напали; я не позволю* себя отвлечь отъ *главнаго предмета* нашего спора (то-есть поскольку кто съ кѣмъ солидаренъ въ воззрѣніяхъ на «Отцовъ и Дѣтей»); *я васъ заставлю* объясниться со мною прямо. Для этого всѣ мысли свои (мысли?) въ полемикѣ съ вами я буду формулировать въ видѣ тезисовъ и вопросовъ, а главное, каждый тезисъ или вопросъ у меня будетъ стоять подъ нумеромъ, такъ что если вы увлечетесь отъ какого нибудь изъ нихъ, то я вамъ укажу на него пальцемъ,

Digitized by Google

прямо носомъ тяну васъ на нумеръ, не получившій отъ васъ отвѣта» и проч.

Всѣ эти разудалыя рѣчи прежде всего обращаютъ на себя вниманіе тѣмъ, что онѣ предшествуютъ еще болѣе залихватскимъ, изъ которыхъ составлены обѣщанные *вопросы* или *тезисы*, числомъ ТРИНАДЦАТЬ. Въ одномъ изъ этихъ благородныхъ тезисовъ авторъ — (называемъ его такъ ради приличія) — еще разъ возвращается къ вопросу о примѣняемости своего «*лукошка*» къ *одному лицу*.

«Я и теперь (т. е. снова) — говоритъ онъ — утверждаю, что *лукошко*, *фига* и *обличительница конъечная*—все это относилось къ *тому лицу*, какъ къ редактору... Итакъ, вопросъ 8-й: относится ли *лукошко*, *фига* и т. д. къ вышеупомянутому лицу...?

Въ единственномъ, относящемся къ такъ называемому *главному предмету*, тезисѣ, по счоту въ 12-мъ, Посторонній Сатирикъ обѣщается *заставить отказаться* «Русское Слово» отъ «Нерѣшоннаго вопроса» и *расхлебать кашу*, которую» и проч.

Оканчиваются эти залихватскія рѣчи еще забубеннѣе, чѣмъ начались:

«Въ заключеніе—говоритъ Посторонній Сатирикъ—имѣю честь поздравить г. Зайцева «*съ свѣжей закуской*» и такъ же предлагаю ему вопросъ... Итого предлагается отъ меня «Русскому Слову» всего 13 вопросовъ. *Напоминаю ему*, что всякое *отлынваніе* отъ отвѣтовъ на вопросы обрушится на его собственную голову и *шею*». («Современникъ», январь 1865, отд. II).

Ну—какъ же не подосадовать на «Русское Слово». Столько имѣть шансовъ для выигрыша дѣла и до сихъ поръ его не выиграть. Вѣдь дѣло идетъ о томъ, чья критика на «Отцовъ и Дѣтей» лучше: автора ли «Нерѣшоннаго вопроса» или г. Антоновича. Ну и сказать бы кратко: критика г. Антоновича не можетъ быть лучше ни чьей критики; потому что г. Антоновичъ пишетъ точь-въ-точь какъ Посторонній Сатирикъ; одно уже то, что Посторонній Сатирикъ такъ безконечно распинается за критику г. Антоновича должно доказывать, безъ возможности возраженія, что это должна быть недостойная критика. — Почему? — Потому, что критика произведеній такихъ писателей, какъ г Тургеневъ, требуетъ довольно тонкихъ способностей. Но не говоря уже ни о чомъ другомъ, она требуетъ, чтобъ у критика былъ, по крайней мѣрѣ, ВКУСЪ КЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ РѢЧИ. Но посмотрите, что за языкъ у этого Посторонняго Сатирика, пишущаго точь-въ-точь какъ г. Антоновичъ. Что за манера пи-

Digitized by Google

сать, что за обороты, что за вольно-ямщицкій тонъ! — «Ткну прямо носомъ въ номеръ», или: «имѣю честь поздравить съ свиной закутой», или: «обрушится на его собственную голову и *шею*», или: «я заставлю его расхлебать кашу, которую» и пр. Возможно ли, чтобы подобный критикъ могъ сочинить что-нибудь дѣльное по поводу такого деликатнаго предмета, какъ любое изъ сочиненій г. Тургенева, гдѣ всегда одинъ слогъ чего уже стоитъ. Анекдоты Балакирѣва критиковать въ лубочныхъ изданіяхъ—вотъ гдѣ мѣсто такому критику. Но «Русское Слово», легко раздѣлавшись съ критикой г. Антоновича, могло бы спросить самого Посторонняго Сатирика: почему онъ-то сатирикъ? Вѣдь даже для того, чтобы, радѣя «Современнику», прославлять его, оказывая посильныя услуги другимъ журналамъ, къ чему онъ, повидимому, обязался контрактомъ, даже для этого нужно быть довольно тонкимъ наблюдателемъ, природу имѣть сдержанную и деликатную, обладать способностію выжиданія, въ характеры противныхъ журналовъ и журналистовъ умѣть смотрѣть, какъ въ зеркало, понимая ихъ во всей ихъ цѣльности, а не по отдѣльнымъ статейкамъ, бить на то, чтобы сила изображеній заключалась въ совершенной правдивости, а не то-что «въ самыхъ непристойныхъ ругательствахъ», быть не столько длиннымъ, сколько поспѣшнымъ, дѣйствовать не столько скунсомъ, сколько обжигать молніей, а главное нужно умѣть говорить и писать.—Но Посторонній Сатирикъ, можетъ быть, скажетъ, что при спѣшности журнальной работы трудно и почти не возможно быть ни остроумнымъ, ни краткимъ.—Я скажу (за «Русское Слово»): можно. Бросайте только подъ столъ все, рѣшительно все, что вы ни напишите, и будете и тѣмъ и другимъ.—Но Посторонній Сатирикъ, а такъ же и г. Антоновичъ, можетъ быть, опять возразятъ, что пельзя же оставить «Современникъ» безъ сотрудниковъ.—Я опять скажу (опять за «Русское Слово»): можно. Все, что вы тамъ дѣлаете, могутъ дѣлать за васъ наемщики, тѣ самые наемщики, которыхъ нанимаютъ въ рекруты. Что тутъ такого мудренаго: ваша «фига»-то, чтоль? или ваша «свиная закута»? или «бутербродъ съ глубокомысліемъ»? или очень мудрено «ткнуть носомъ въ номеръ»? или «обрушить на голову и *шею*»? Вздоръ! все это можетъ сдѣлать любой наемщикъ.

Какъ бы понимая необходимость того или другаго подкрѣпленія, въ столь важномъ случаѣ, «Современникъ», дѣйствительно, пріобрѣлъ печатное заявленіе мнѣнія о «Нерѣшономъ вопросѣ» отъ одного изъ бывшихъ и только-что отошедшихъ сотрудниковъ «Русскаго Слова», г. Минаева: черта литературныхъ нравовъ, достойная перейти въ потомство—конечно, не для подраженія. Это заявленіе «Современникъ» такъ-таки и поставилъ рядомъ

Digitized by Google

съ тезисами Посторонняго Сатирика. Подобно тому и г. Минаевъ выразилъ совершенно прямо: несогласенъ, говоритъ, я съ авторомъ «Нерѣшоннаго вопроса», и никогда не былъ согласенъ. Но что онъ думаетъ о своемъ переводѣ «Чайльд-Гарольда», о томъ умолчалъ.

«Русское Слово», какъ отчасти объяснено уже, не захотѣло воспользоваться легкой побѣдой надъ Постороннимъ Сатирикомъ; можетъ быть потому, что подъ статьею подписался г. Благосвѣтловъ. Литературное имя этого писателя, хотя весьма почтеннаго, въ публикѣ едва-ли пользуется, независимо отъ изданія журнала, хоть какою-нибудь популярностью. Это, безспорно, одинъ изъ честныхъ и добросовѣстныхъ тружениковъ; но, какъ нерѣдко бываетъ съ подобными талантами, мы ни въ складѣ его ума, ни въ выборѣ сюжетовъ, ни въ писательской его манерѣ, не встрѣчаемъ ничего такого, что могло бы заставить помнить о какой либо его статьѣ (кромѣ относящихся къ настоящему случаю) до другаго дня, или даже хоть прочитать ее. Потому, намъ кажется, мы не имѣемъ особой надобности представлять сколько-нибудь точную характеристику этого писателя. Развѣ нужно замѣтить, что его слогъ можно назвать «простымъ и естественнымъ», какъ онъ и называется въ «Русскомъ Словѣ». Можно, впрочемъ, еще прибавить, что «простота и естественность» понимаются этимъ писателемъ иногда уже черезчуръ «просто и естественно». Сущность отвѣта г. Благосвѣтлова состоитъ въ томъ, что онъ, съ своей стороны, не признаетъ себя виновнымъ въ какомъ бы ни было разномысліи съ однимъ лицомъ; лично отнесенный къ нему — г. Благосвѣтлову — упрекъ, будто онъ когда-то, при царѣ Горохѣ, выражалъ въ «От. Запискахъ» критическіе взгляды, не согласные съ таковыми же *одного лица*, и особенно, будто онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ «изъ-за спины г. Дудышкина», онъ г. Благосвѣтловъ считаетъ гнуснѣйшею клеветою, хотя и рѣшается допустить, что *одно лицо* было — человѣкъ, и, понимаемое въ этомъ смыслѣ, могло погрѣшать. По тому самому, *кашу* Посторонняго Сатирика г. Благосвѣтловъ называетъ *размазнею*, самого его *безсовѣстнымъ лгуномъ* и *клеветникомъ*, который «на полторы мысли ставитъ по пятисотъ вопросительныхъ знаковъ». И въ заключеніе прибавляетъ, что если спорить, то спорить, и пора *начинать*.—(*Всѣ изумляются. Январскія книжки «Современника» и «Русскаго Слова» удаляются въ корзинку для бумагъ. Пишущій эти строки постепенно приходитъ въ себя и потомъ продолжаетъ*).

И вотъ такимъ-то образомъ, сколько тутъ ни поспѣшай, все еще находишься у самаго начала. Но начитавшись столькихъ образцовъ оригинальной полемики, неужели мы не можемъ воз-

Digitized by Google

выситься до какого-нибудь отчаянно-оригинальнаго конца этому началу? Можемъ и возвышаемся:

«Современникъ» въ февралѣ. (*Дѣйствіе у опушки Русскаго Слова. Вмѣсто «главнаго предмета», котораго совсѣмъ невидно, передъ читающей публикой: «Глуповцы въ Русскомъ Словѣ—статья Предварительнаго Сатирика. «Эффектъ» бьетъ фонтаномъ*).

№ 1. «До сихъ поръ вамъ, г. Благосвѣтловъ, было не житье, а масляница... Все бы это такъ и осталось, всегда бы нашему коту была масляница, но лукавый его попуталъ. Вмѣсто того, чтобы сидѣть за кулисами, онъ выбѣжалъ на сцену, и весь *о натюрель* (*)...» и проч. (**) (Соврем. обозр. стр. 368).

№ 2. «Вслѣдствіе этого, я приглашаю г. Благосвѣтлова, чтобы, онъ всего себя смазалъ той *размазней* (***), о которой онъ говоритъ; такъ чтобы изъ него вышелъ настоящій бутебродъ съ размазней». (Стр. 372).

№ 3. «Печатая этотъ фельѣтонъ (г. Щедрина, въ мартѣ прошлаго года), «Современникъ» проникнутъ былъ негодованіемъ на такихъ литературныхъ шалопаевъ, какъ г. Благосвѣтловъ, и по своей гуманности хотѣлъ очищать литературу отъ гнилыхъ и заразительныхъ бутербродовъ». (Стр. 373).

№ 4. «Умилительны эти шалопайское самодовольство и близорукость, невидящая ничего дальше своего носа. Размазня, по всей справедливости, должна быть съѣдена вами, г. Благосвѣтловъ». (Стр. та же).

№ 5. «Ахъ какъ онъ безсовѣстно запирается и лжетъ, этотъ г. Благосвѣтловъ! Ну погодите же, я печатными фактами зажму вашъ лживый и болтливый ротъ». (Стр. та же).

№ 6. «Я знаю, что прежде находясь на службѣ у г. Краевскаго и графа Кушелева Безбородко, вы смѣло говорили объ этихъ погрѣшностяхъ (то-есть *одного лица*)». (Стр. 375).

№ 7. «Да, г. Благосвѣтловъ, я могу гордиться милостями «одного лица»; эти милости безконечно честнѣе и выше, чѣмъ всѣ барскія и графскія милости, которыя пріобрѣтаются усерднои стойкою въ графской передней, и искуснымъ хожденіемъ на заднихъ лапкахъ передъ господами». (Стр. та же).

№ 8. «Повѣрьте, еслибы я былъ богатымъ бариномъ, и еслибы вы мнѣ хорошенько угождали, я бы тоже озолотилъ васъ: я бы подарилъ вамъ журналъ, я бы далъ вамъ типографію, я бы даже

(*) Курсивъ «Современника».

(**) Продолжить эту выписку *решительно* невозможно.

(***) Курсивъ въ «Современникѣ».

Digitized by Google

далъ вамъ на первоначальное обзаведеніе, на-молъ, тебѣ за вѣрную службу, и помни своего барина». (Стр. 376).

№ 9. «Первый изъ насъ сталъ сплетничать г. Благосвѣтловъ». (Стр. 377).

№ 10. «Вотъ и выходитъ, что вы шалопай и бутербродъ». (Стр. та же).

№ 11. «Замаранный хвостъ г. Благосвѣтлова». (Стр. 378).

№ 12. «Онъ (г. Благосвѣтловъ) изъ-за спины г. Дудышкина сталъ лаять на одно лицо». (Стр. 382).

№ 13. «Вотъ ужь подлинно хавронья!» и проч. и проч.

Передъ началомъ этихъ монологовъ, мы забыли сдѣлать предупрежденіе, что рѣшаемся цитировать избранныя мѣста изъ сатирическаго сочиненія «Современника». Эта оплошность наша, вѣроятно, была причиною не одного случая, гдѣ эти монологи были прочитаны лицами, которымъ, вслѣдствіе ихъ пола или возраста, быть можетъ, не совсѣмъ пристойно читать подобныя вещи. Въ нашей оплошности мы глубоко извиняемся. Но совсѣмъ не цитировать мы никоимъ образомъ не могли. Въ этомъ случаѣ, мы исполняемъ высшій долгъ, отъ котораго не считаемъ въ правѣ освободить себя. Тотъ, кто сочинилъ тѣ монологи, былъ рѣшительно на то, чтобы съ нимъ гадко было связываться и чтобы самому ему было, оттого, вольно и безопасно подбѣгать къ кому онъ хочетъ и къ чему пожелаетъ. Съ нимъ никто и не связывается, но можно ли позволить столько безобразія? Чувства чести, красоты и истины въ нашемъ обществѣ—и мы говоримъ это съ глубочайшимъ вниманіемъ къ этому обществу — и безъ того не сильны. Званіе писателя и безъ того не очень уважаемо. Кто остается только равнодушенъ къ тому, чтобы пробуждать первыя и поднять второе, а между тѣмъ носитъ званіе писателя, и тотъ уже носитъ его незаслуженно, и недостоинъ его. Но кто по невѣжеству или нравственной тупости, по отсутствію тѣни эстетическаго развитія, спеціально принимается за перо, чтобы не быть превзойденнымъ въ цинизмѣ необдѣланной рѣчи и откровенно-гадкихъ поползновеній—въ наемщикахъ, въ наемщикахъ мѣсто такому писателю. Потому, намъ и еще разъ придется обратиться къ цитатамъ изъ «Современника». Но теперь на очереди его аркадскій соперникъ.

«Русское Слово» въ февралѣ. (*Дѣйствіе у опушки Посторонняго Сатирика. На сцену, за отсутствіемъ «главнаго предмета эстетическія мнѣнія г. Благосвѣтлова времена царя Гороха...*) Впрочемъ, какъ только коснется «Русскаго Слова», сейчасъ же и достопримѣчательность. Какимъ образомъ февральское «Русское Слово» могло отвѣтить февральскому «Современнику»?

Digitized by Google

Вопросъ довольно естественный, и все-таки неумѣстный. «Русское Слово» во все время продолжало свою дипломацію на этихъ кондиціяхъ. «Современникъ» произведетъ свой «эфектъ» въ декабрѣ, и оно ему отвѣтитъ контр-эфектомъ тоже въ декабрѣ. Тотъ въ январѣ и это въ январѣ, и такъ до нашихъ дней. Желая разрѣшать всѣ вопросы своевременно, оно кончило тѣмъ, что рѣшительно не обращаетъ вниманія на время, былъ бы ему только «Современникъ». Мы-то разсчитываемъ, что оно между тѣмъ и другимъ срокомъ умащаетъ себя ароматами, чтобы отбить произведенный «эфектъ», а оно тоже себѣ, «по возможности», или «насколько возможно въ настоящее время», собирается съ силами для «эфекта»... Но обратимся къ эстетическимъ мнѣніямъ г. Благосвѣтлова:

1) «Можно было предвидѣть, что послѣ *черной* грязи, нанесенной въ послѣднее время гг. Ключниковыми въ литературѣ, не замедлитъ явиться и *бѣлая грязь*... Открытіе бѣлой грязи неотъемлемо принадлежитъ г. Постороннему Сатирику «Современника». Эту честь онъ можетъ поровну раздѣлить нетолько съ такими изъ своихъ прихвостниковъ, какъ г. Ив. Дмитріевъ и литературный Домино, но»... и проч. (Отд. II, стр. 66).

2) «Въ тоже время г. Посторонній Сатирикъ не пренебрегъ и другими вспомогательными средствами; онъ воспользовался услугами такой дряни, какъ его прихвостники.» (Стр. 67).

3) «Ахъ, вы, лгунишка! Ахъ вы, сплетникъ литературный! И послѣ этого вы собираетесь посадить меня на ладонь и показать публикѣ? Но я не совѣтовалъ бы вамъ садиться ни на чью ладонь, а спрятаться куда-нибудь въ сапогъ и не показывать вашихъ безстыжихъ глазъ» и проч. (Стр. 72).

4) «И знаетъ онъ очень хорошо, что лжетъ, но если бы онъ не лгалъ, то ему не было бы повода и писать... А что онъ лжетъ» и проч. (Стр. 73).

5) «Зачѣмъ же мнѣ было лаять на него (то-есть на одно лицо)? посудите вы сами, умная голова. Но вы и тутъ лжете, то-есть вы рѣшительно ни одного слова не можете сказать, чтобы не соврать и не напечатать вашего вранья на 20 или 70 страницахъ». (Стр. 74).

6) «Я возьму назадъ тотъ грязный хвостъ, который по праву возвращаю вамъ.» (Стр. 76).

7) «Я жестоко уличу васъ, и вмѣстѣ съ грязнымъ хвостикомъ, подарю вамъ и колпакъ съ ослиными ушами». (Стр. та же).

8) «Хлестаковъ мой утверждаетъ, что я спалъ въ графской передней на ливреяхъ. Дѣйствительно спалъ, и тогда же убѣдился, что гораздо приличнѣе находиться въ обществѣ ливрейныхъ лакеевъ, чѣмъ въ такой компаніи, какъ литературный лгунишка «Современника». (Стр. 77).

Digitized by Google

9) «Но если вы рѣшаетесь разоблачать чужіе инкогнито... я долженъ объявить, что подъ маской Посторонняго Сатирика дебютируетъ г. Антоновичъ». (Стр. 78).

Этого одобрить невозможно, хотя тутъ дѣло взаимное. Но они то же самое выдѣлывали и не съ своими инкогнито. Рѣшительно тамъ только имъ и мѣсто, гдѣ сказано выше. Отдайте имъ ваше доброе имя, какъ имѣлъ неосторожность г. Ключниковъ, который виноватъ только въ томъ, что напечаталъ романъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», они и будутъ пропагандировать, будто гг. Ключниковы, а не кто другой, *черную грязь* нанесли въ литературу. А пожелай оставаться инкогнито — инкогнито открываютъ — и на бѣду по этому предмету и статьи нѣтъ въ сводѣ законовъ. Что же тутъ остается дѣлать, при несомнѣнномъ несочувствіи новѣйшаго общества (но не г. Зайцева) къ гладіаторству? Инкогнито могло быть единственнымъ прибѣжищемъ для нѣкоторыхъ уважающихъ себя личностей. Но вотъ его открываютъ, а иные это искуство — не то-что меценелизма, какъ деликатно выражается «Русское Слово», не то-что шпіонства, не то-что подслушиванія у дверной скважины, а чего-то несравненно худшаго — возводятъ даже въ принципъ. Съ пишущимъ эти строки и подписывающимъ ихъ Incognito, случилось съ самимъ, что въ недавнее время одинъ изъ наиболѣе геніальныхъ и благородныхъ сотрудниковъ «Русскаго Слова» — мнѣ пріятно назвать его при этомъ случаѣ, это былъ г. Зайцевъ — обратился съ прямыми представленіями оставить свое Incognito. Оно, говоритъ, не имѣетъ у васъ другаго основанія, кромѣ того, что вы глупы. Но это, говоритъ, не причина, что за бѣда, что глупы. И затѣмъ приводитъ свою причину, въ видѣ цитаты, изъ Шопенгауэра — (не запить, не заспать теперь вамъ, г. Зайцевъ, во вѣки вѣковъ этого Шопенгауэра!), — причину, почему я съ нимъ долженъ согласиться.

«Иначе — говоритъ онъ — *къ вамъ бы* слѣдовало отнести то, что говоритъ о неумѣстныхъ инкогнито Шопенгауэръ (то-есть, «послѣдній идеалистъ-философъ»). А знаете ли что онъ говоритъ? Вотъ что: «анонимное рецензенство недостойно и безчестно. Рецензентъ называетъ себя m-r Nobody (г. Никто), но каждый въ правѣ сказать, что m-r Nobody мошенникъ. Поэтому, такого анонима слѣдуетъ всегда подчивать названіями мошенника и негодяя, вмѣсто того, чтобы говорить ему, какъ нѣкоторые, замаранные этою сволочью авторы: «уважаемый критикъ». «Негодяй, скрывающій свое имя» — вотъ что должны сказать ему всѣ честные люди. Кто стащитъ маску съ такого проходимца, пробѣгающаго подъ шпицрутенами и вытащитъ его за ухо на свѣтъ, тотъ окажетъ большую заслугу, а сова при дне-

Digitized by Google

номъ свѣтѣ возбудить всеобщій хохотъ» («Русское Слово», февраль, 1865, отд. II, стр. 45).

Пожалуйте же на свѣтъ, г. Зайцевъ. Вы тотъ самый г. Зайцевъ, который, какъ будто для того только и приставлены къ «Русскому Слову», что бы исправлять обязанности его спины, пробѣгая подъ шпицрутинами анонимныхъ и подписывающихся критиковъ; вы тотъ самый г. Зайцевъ, у котораго не должны еще зажиться рубцы, нанесенные вамъ за невѣроятно-невѣжественныя сужденія ваши какъ нарочно объ этомъ «послѣднемъ идеалистѣ-философѣ» Шопенгауэрѣ, котораго, какъ потомъ оказалось, вы изучили по какой-то анонимной и на-смѣхъ написанной рецензіи; вы тотъ самый г. Зайцевъ, у котораго не успѣли еще обсохнуть слезы публичнаго покаянія въ томъ, что въ физіологическомъ трактатѣ г. професора Сѣченова вы рѣшились сдѣлать вашу архи-невозможную поправку—не потому, чтобы смыслили что-нибудь въ физіологіи, а потому, что плохо играете въ шахматы; вы тотъ самый г. Зайцевъ, надъ которымъ вся масса образованныхъ людей въ Россіи, въ это самое время помираетъ со смѣху, читая курьозы въ «Отеч. Запискахъ» «о методахъ изложенія исторіи»; вы тотъ самый г. Зайцевъ, который никогда, ни о чомъ иначе разсуждать не умѣете, какъ по образцу, приведенному выше, то-есть, что «я не люблю картофеля» и проч.; наконецъ, вы тотъ самый г. Зайцевъ, надъ которымъ смѣяться отчасти уже оказывается смѣшнымъ, а отчасти недостаточнымъ: но не смотря и на все это, какъ же вы, г. Зайцевъ, не понимаете—вѣдь это такъ ясно — такъ ясно, что слова вышеприведенной цитаты вашей составляютъ величайшее побужденіе не къ тому, чтобы открывать свое инкогнито, а къ тому, чтобы постараться, «насколько это возможно въ настоящее время», скрывать его отъ такихъ гг. Зайцевыхъ, какъ вы, г. Зайцевъ. Или причина вашего непониманія «дневной свѣтъ»? Вѣдь теперь, г. Зайцевъ, пока пишущій эти строки, «по возможности» сохраняетъ свое инкогнито, онъ можетъ вполнѣ удовлетвориться (и удовлетворяется) однимъ тѣмъ, что сдаетъ съ рукъ на руки вашъ зоркій умъ—для всеобщаго удивленія, а вашъ благородный характеръ—для такого же прославленія. Но еслибы онъ подписывалъ свое имя, какъ много есть такихъ неосторожныхъ людей, и особенно изъ тѣхъ, которые начали свою дѣятельность въ другое лучшее время, или даже изъ тѣхъ, которые жили прежде и никакихъ гг. Зайцевъ не могли ни предвидѣть, ни предчувствовать (вѣдь вы Пушкина обратили бы въ анонима! кто устоитъ противъ вашихъ фонтановъ?) еслибы, повторяю, онъ подписывалъ свое имя, и вы обратились бы къ нему съ вашимъ

Digitized by Google

фонтаномъ, что̀ ему оставалось бы дѣлать? Предполагается, конечно, что къ наемнымъ гладіаторамъ, какъ вы г. Зайцевъ, онъ не могъ бы обратиться...

«О Немезида! чьи скрижали
Хранятъ (*) и проч.

«Современникъ» въ мартѣ. (*На сценѣ статья Посторонняго Сатирика: «Барскіе лакеи въ Русскомъ Словѣ»* (sic). «*Эффектъ*» *пуще прежняго*).

1. «Любо мнѣ, читатели, смотрѣть, какъ вслѣдствіе моихъ поддразниваній г. Благосвѣтловъ самъ себя разоблачаетъ... и вотъ вы видите теперь уже не прежняго г. Благосвѣтлова въ маскѣ радикализма, а настоящаго г. Благосвѣтлова, то-есть барскаго лакея, щедро награжденнаго бариномъ за его лакейскую службу и тоже стремящагося сдѣлаться бариномъ въ свою очередь». (Совр. обозр. стр. 203).

2. «Хлестаковъ мой»—такъ называетъ меня г. Благосвѣтловъ, вѣроятно, потому, что относительно меня онъ долженъ называться мой Осипъ». (Стр. 204).

3. «Когда пожива подлѣ г. Краевскаго оказалась плохою, мой Осипъ сталъ искать болѣе подходящаго барина, и дѣйствительно нашелъ... и погрѣлся изрядно, получилъ подачку въ видѣ журнала... но за то вѣдь и служилъ усердно, исправно дежурилъ въ передней, даже спалъ въ ней, просто свернувшись на ливреяхъ... (Стр. 205).

Но вѣдь это безъ конца; сказка о бѣломъ быкѣ на 15-ти страницахъ. Потому переходимъ прямо къ заключительному пункту:

«Въ заключеніе — говоритъ Посторонній Сатирикъ—я считаю себя въ необходимости избѣгать полемики съ г. Зайцевымъ до тѣхъ поръ, пока его защитники будутъ ДВА ГАЙДУКА (**), которыхъ я особенно боюсь, такъ-какъ въ моемъ арсеналѣ нѣтъ оружія, съ которымъ бы» и проч. (Стр. 217).

Мы думали, что они обойдутся посредствомъ *скунса*, однако вотъ передъ нами засучиваютъ рукава гладіаторы и тоже хотятъ себѣ, «по возможности,» сдѣлаться узаконеннымъ орудіемъ полемики. Честь вашему изобрѣтенію зоркій, и еще болѣе благородный, чѣмъ зоркій—публицистъ, г. Зайцевъ. Что за блескъ отъ васъ, если посмотрѣть при солнцѣ!... конечно—издали.

(*) Козлова. Изъ Чайльд-Гарольда.

(**) Позволяемъ себѣ цитировать это мѣсто потому, что оно напечатано давно и г. Зайцевымъ оставлено безъ возраженій.

Digitized by Google

Послѣдующіе нумера уважаемыхъ журналовъ у насъ въ рукахъ не были. Но мы положительно слышали (бывши на дняхъ въ редакціи), что противники, послѣ всѣхъ описанныхъ объясненій (конечно, предварительныхъ), сошлись, наконецъ, по крайней мѣрѣ, на счотъ главныхъ условій о томъ, какъ продолжать споръ о «главномъ предметѣ»: то-есть скунсомъ или гладіаторствовать? (Къ счастію, этого не будетъ, и мы сей-часъ разскажемъ, почему этого не будетъ). Мы слышали, что въ апрѣльской книжкѣ «Современника» появилась уже и статья г. Антоновича, болѣе или менѣе относящаяся, будто бы, ни болѣе ни менѣе, какъ къ «главному предмету». (Какъ мы рады, что она должна оказаться излишнею!) Такъ будто и называется: *Промахи.—Нерѣшонный вопросъ* (*). Какъ бы было печально, еслибы это могло продолжиться... Но передъ лицомъ земли и неба!.. у этого начала не будетъ продолженія, потому что не должно быть, и теперь безполезно. То, что̀ мы разскажемъ, мы были бы обязаны давно разсказать, но, вопервыхъ, насъ удерживала мысль, авось противники сами догадаются, перейдя послѣдніе предѣлы ожесточенія, повернуть къ болѣе миролюбивымъ отношеніямъ; а вовторыхъ, то̀, что̀ мы разскажемъ, до того невѣроятно, что до появленія названной статьи г. Антоновича, намъ могли бы не повѣрить. Но теперь, когда фактомъ этой статьи исчерпывается вся область невѣроятнаго... Ахъ, виноваты!... Незнающіе, могутъ указать намъ, какъ на нѣчто еще болѣе невѣроятное, предположивъ, напримѣръ, чтобы Посторонній Сатирикъ, съ видомъ человѣка знающаго себѣ цѣну, когда-нибудь сталъ говорить о заслугахъ своей полемики, чтобы онъ съ гражданской грустію сталъ жаловаться на непризнаніе этой полемики, и что бы урною для своихъ добродѣтельныхъ слезъ, онъ избралъ открытое сердце г. Зайцева?—Но вѣдь это же было; это общій тонъ почти всей статьи его, помѣщенной въ декабрѣ, и это же самое выражается почти въ половинѣ его *тринадцати* тезисовъ. Или еще. Незнающимъ, и того невѣроятнѣй могло бы показаться, чтобы г. Зайцевъ подъ всею свѣжестью впечатлѣній, только-что испытанныхъ имъ, пробѣжавши подъ шпицрутенами подписавшагося критика, за своего Шопенгауэра и упомянутую поправку у г. професор-Сѣченова, чтобы онъ при такихъ обстоятельствахъ, могъ апелировать къ читающей публикѣ, опираясь при этомъ на «свою предыдущую дѣятельность?» Но вѣдь и это же было и послужило для г. Зайцева остроумнымъ сюжетомъ для цѣлой статьи въ февралѣ... И теперь, когда область невѣроятнаго такъ же вѣрно относится къ числу порѣшонныхъ вопросовъ, какъ вѣрно

(*) Это вѣрно. *Ред.*

Digitized by Google

то, что нѣтъ болѣе Авраама Линкольна, теперь вы обязаны повѣрить всему, что бы я ни сказалъ.

Разсказъ будетъ кратокъ. Дѣло въ томъ, что глубоко опечаленный наканунѣ одного выхода «Русскаго Слова» (оно иногда выходитъ), пишущій эти строки провелъ въ непритворныхъ размышленіяхъ цѣлую безсонную ночь, вплоть до ясной зари. Но въ то время, когда по тому направленію, гдѣ стоитъ святой градъ Іерусалимъ, почти совсѣмъ побагровѣло, онъ услышалъ надъ самою крышей (онъ живетъ на чердакѣ) какъ бы нѣкій гоготъ и тяжелое маханіе крылъ, на подобіе тѣхъ, которые издаются стаями низко летящихъ дикихъ гусей. Онъ поспѣшилъ открыть окно: то были дѣйствительно стаи, но не гусей... Онѣ летѣли съ противоположныхъ сторонъ—одна отъ сѣвера, другая отъ юга—но направлялись какъ-будто къ одному пункту. Онъ посмотрѣлъ еще и ему показалось, что онѣ были исхудалы и голодны. Очутившись одна отъ другой на полетъ стрѣлы, онѣ перекликнулись: «товарищи! откуда?» И одни другимъ: «изъ Современника!» А другіе однимъ: «изъ Русскаго Слова!». То были стаи молодого поколѣнія, улетавшія изъ уважаемыхъ журналовъ.

Вотъ до чего доводитъ неправильная полемика.

Incognito.

P. S. Какъ бы то ни было, но заглавіе этой статьи, прежде появленія ея въ свѣтъ, успѣло уже быть перетолкованнымъ. Verba Novissima—означаетъ просто—«новѣйшія слова», въ смыслѣ послѣдней моды. Несмотря на то, въ «Русскомъ Словѣ» стали придавать имъ какой-то апокалипсическій смыслъ; стали утверждать, будто авторъ измѣнилъ своему прошлогоднему знамени, и, въ противоположность своему прежнему мнѣнію, явно перестаетъ признавать взаимную солидарность между «Современникомъ» и «Русскимъ Словомъ»; съ другой стороны, «Русскому Слову» хочется понимать, будто послѣ «Начала Конца», опубликованнаго въ минувшемъ году (*), авторъ проводитъ теперь еретическую мысль о финальномъ дряганіи *Самаго Конца*. Ничего такого не было на умѣ у автора; его слова нужно понимать просто, какъ они есть. Во всякомъ случаѣ, если «Отечественныя Записки» будутъ находить нужнымъ время отъ времени возвращаться къ предмету настоящей статьи, то все, относящееся до него, въ избѣжаніе несправедливыхъ толковъ, впредь будетъ получать слѣдующее общее загла-

(*) «Отеч. Записки», іюнь 1864.

Digitized by Google

віе: «О новѣйшемъ движеніи и проч.». Именно только эти слова и буквы, и ни одной буквою ни больше, ни меньше. Причина та, что напечатанное вполнѣ, заглавіе это было бы однимъ изъ постоянно встрѣчаемыхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и читалось бы такъ: «о новѣйшемъ движеніи въ расколѣ». Но позаимствовавъ его вполнѣ, значило бы поступить съ чужимъ заглавіемъ такъ, какъ поступаетъ г. Антоневичъ съ чужими книгами, или Посторонній Сатирикъ съ статьями г. Благосвѣтлова. Труды этого послѣдняго, по крайней мѣрѣ самые послѣдніе, и безъ того, кажется, мало принесли ему выгоды, а тутъ еще примѣняютъ къ нему такъ называемый плэжіатъ (*).

(*) Plagiat—литерныя присвоенія, «по возможности», незаконнымъ образомъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ.

Состояніе англійскаго законодательства. — Европейскія эпидеміи. — Прогресъ метеорологіи.—Образцовое произведеніе топографическаго искуства.

Состояніе англійскаго законодательства. Рѣдкому изъ порядочно-образованныхъ жителей континентальной Европы не удавалось читать или слышать о хаотическомъ состояніи англійскихъ законовъ. Но вообще большинство не-англичанъ имѣетъ объ этомъ предметѣ слишкомъ поверхностныя понятія. Очень немногіе знаютъ основательно, какимъ образомъ могъ произойдти такой странный фактъ, и что до сихъ поръ препятствуетъ англійскому правительству приступить къ коренному преобразованію законодательной части, нисколько несоотвѣтствующей тому стройному движенію, которымъ въ другихъ частяхъ своего механизма отличается общественная и государственная жизнь высоко-цивилизованной Британіи. Въ апрѣльской книжкѣ «Westminster Review» объяснены эти, вообще мало извѣстныя причины. Помѣщенная тамъ статья объ англійскомъ законодательствѣ заслуживаетъ полной довѣренности, потому что высказанныя въ ней мысли подкрѣплены ссылками на извѣстнѣйшихъ юристовъ, авторитетъ которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Вопросъ о необходимости для Англіи свода законовъ былъ поднятъ Бентамомъ около 50-ти лѣтъ назадъ тому. Впослѣдствіи развили его съ большей полнотой и точностью сэръ Ромилли, знаменитый Аустинъ и Мэнъ. Наконецъ въ 1863 году лордъ-канцлеръ произнесъ въ верхней палатѣ рѣчь о необходимости пересмотра законовъ, и прошлой осенью былъ напечатанъ въ «Times» адресъ сэра Уильда о томъ же предметѣ. Такимъ образомъ постепенно составилось въ Англіи общее убѣжденіе въ неудовлетворительномъ состояніи отечественныхъ законовъ, изъ котораго необходимо вывести ихъ и установить строгій контроль надъ ихъ дальнѣйшимъ развитіемъ.

Англійское законодательство можно раздѣлить на двѣ категоріи: на законъ неписанный, lex non scripta, или обычный (Common

Digitized by Google

Law), и законъ писанный, lex scripta, или канцелярскій, уставный, извѣстный также подъ общимъ названіемъ «правосудія» (Chancery Law, Statute Law, Equity). Первый вошелъ въ силу безъ всякой законодательной санкціи. Еще въ царствованіе Эдуарда I, общинные судьи начали представлять правительству отчеты о рѣшенныхъ ими дѣлахъ. Вслѣдъ затѣмъ установился обычай ссылаться на эти отчеты, какъ на достаточную причину рѣшенія такимъ же образомъ подобныхъ дѣлъ, и наконецъ ссылка на образцы вошла въ правило, не всегда, конечно, согласное съ правосудіемъ. Обычное право до сихъ поръ дѣйствуетъ въ Англіи, несмотря на все его разногласіе съ уставнымъ закономъ. «Безъ сомнѣнія—говоритъ лордъ-канцлеръ—многое заимствовано въ немъ изъ обычаевъ, сохранившихся только въ памяти народа. Происхожденіе нѣкоторыхъ правилъ, вошедшихъ въ акты Великаго Совѣта, совершенно неизвѣстно. Уцѣлѣло многое отъ римскаго права, долго существовавшаго въ Англіи; немало также удержалось общихъ началъ, переходившихъ отъ одного поколѣнія юристовъ къ другому. Вслѣдствіе всего этого источники обычнаго права имѣли въ древности самый неопредѣленный характеръ, и произволъ судейскаго рѣшенія былъ вполнѣ неограниченъ». Когда Англія, такъ-сказать, переросла древнюю форму законодательства, и «суды по обычному праву» (Courts of Common Law) поколебались принять на себя отвѣтственность законодательной власти, въ то время канцлеры, при помощи учрежденныхъ подъ ихъ вѣдѣніемъ канцелярскихъ судовъ (Courts of Chancery), начали извлекать общія правила изъ массы рѣшенныхъ дѣлъ и составлять уставы. Отсюда въ царствованіе Генриха III явился писанный или уставный законъ въ видѣ парламентарнаго законодательства, состоящаго изъ 45 большихъ печатныхъ томовъ. Но дѣло въ томъ, что эти статуты составлялись рѣшительно безъ всякой системы; въ нихъ соблюдался только хронологическій порядокъ. Совершенно разнородные предметы вошли въ одну книгу, и тождественные разсѣялись по всѣмъ томамъ. Нѣкоторые законы были изданы на время, другіе отчасти или вполнѣ отмѣнены — такъ, что теперь очень трудно не сбиться съ толку и вѣрно отдѣлить статьи, вышедшія изъ употребленія, отъ тѣхъ, которыя находятся еще въ силѣ. А такъ-какъ послѣднія объясняются рѣшеніями обычнаго и канцелярскаго судовъ, которые загромождены коментаріями и противорѣчіями, то даже весьма опытному юристу стоитъ большаго труда добраться до точнаго смысла закона. Потому-то, когда къ англійскимъ адвокатамъ прибѣгаютъ за совѣтомъ, ни одинъ изъ нихъ не укажетъ на законъ, прямо примѣнимый къ дѣлу. Имъ необходимо сдѣлать справку, то-есть свѣриться съ рѣшенными прежде дѣлами такого же рода, сравнить многія изъ нихъ, отбросить неважныя случайности, объяснить черты, подходящія къ предмету новой тяжбы, и т. д. Это необходимо потому, что писанный законъ не имѣетъ тамъ силы общихъ принциповъ, и безпорядочно разбросанныя статьи его безпрестанно противорѣчатъ другъ другу. Надобно замѣтить, что основанные на

Digitized by Google

примѣрахъ судебныхъ рѣшеній законы (Case Law), напечатанные вмѣстѣ съ сокращеннымъ текстомъ дѣлъ, занимаютъ уже 1,200 томовъ, и «сверхъ того, говоритъ лордъ-канцлеръ, въ послѣднее время представлено до 50 кипъ отчетовъ или донесеній, которые должны также влиться въ необъятный резервуаръ закона и составить такую невообразимую путаницу, которую должно назвать величайшимъ хаосомъ законодательства». Сэръ Уильдъ также пишетъ: «Въ текущее столѣтіе законъ дополнился бо̀льшимъ количествомъ рѣшенныхъ дѣлъ, нежели въ пять прошлыхъ вѣковъ, взятыхъ вмѣстѣ. Это громадное приращеніе должно нетолько затруднить юристовъ, но также обнаружить несостоятельность министерства юстиціи. Нѣтъ возможности сравнивать и приводить въ систематическій порядокъ такія страшныя масы дѣлъ одновременно съ притокомъ ихъ; къ тому же канцелярскіе суды, заваленные текущими дѣлами, не имѣютъ времени заниматься строгой повѣркою этихъ рѣшеній». Въ добавокъ ко всему должно прибавить, что обычные суды не уважаютъ канцелярскихъ доктринъ, и у канцлера одно средство заставить повиноваться своимъ предписаніямъ, именно — онъ можетъ посадить въ тюрьму ослушника. Такимъ-то образомъ возникла въ Англіи страшная аномалія: рядомъ другъ съ другомъ существуютъ тамъ двѣ законныя системы, постоянно враждующія между собою. До сихъ поръ одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ одно и то же дѣло выиграть въ Вестминстерѣ и проиграть въ Линкольс-Иннѣ. До сихъ поръ англичанинъ, получившій законное право на что-либо, не можетъ считать себя безопаснымъ отъ происковъ противной стороны, если не попроситъ канцелярскій судъ запретить другимъ истцамъ хлопотать въ обычномъ судѣ о присвоеніи того, что̀ по закону принадлежитъ ему. Каково же это! Канцлеръ долженъ грозить тюрьмою за прошеніе, поданное въ присутственное мѣсто, или же, въ противномъ случаѣ, вамъ предстоитъ опасность, если и не потерять собственности, то по крайней мѣрѣ подвергнуться непріятностямъ безконечнаго процеса, потому что въ 1,200 томахъ рѣшенныхъ дѣлъ могутъ найдтись всякіе образцы и за васъ, и противъ васъ. Эту-то страшную путаницу противорѣчій и называетъ лордъ Вестбёри хаосомъ англійскаго законодательства. Еще за 250 лѣтъ до нашего времени, г. Селденъ говорилъ о писанныхъ законахъ Англіи, что справедливость ихъ измѣряется совѣстью канцлеровъ. «Это все равно—прибавляетъ онъ—еслибы за норму фута приняли канцлерскую ногу. Какъ невѣрна была бы эта мѣра! У одного канцлера длинная ступня, у другаго короткая, у третьяго средняя. Такъ же и совѣсть ихъ». Надобно припомнить, что уставные или писанные законы, извлеченные изъ рѣшенныхъ дѣлъ, составлялись въ Англіи впродолженіе вѣковъ безъ всякой, какъ мы сказали уже, однообразной системы. Притомъ же тамъ не было постоянной законодательной комисіи, или другаго подобнаго учрежденія, которое контролировало бы экстракты, дѣлаемые канцеляріями изъ рапортовъ провинціальныхъ судей, и слѣдило бы за единствомъ ихъ

Digitized by Google

характера, недопускающимъ противорѣчій. Въ 1863 г. парламентъ отмѣнилъ очень многіе изъ уставныхъ законовъ; въ нынѣшнюю сесію было сдѣлано такое же обѣщаніе. Но все это не болѣе, какъ слабыя, паліативныя средства.

И такъ, если, по словамъ самого лорда-канцлера, какъ мы увидимъ ниже, англійскія судебныя мѣста могутъ по одному дѣлу постановлять два совершенно-противоположныя рѣшенія, не уклоняясь отъ законнаго основанія; если, въ видахъ устраненія ихъ отъ несправедливости, канцлеръ долженъ грозить не имъ, но просителю; если, наконецъ, сами канцлеры не всѣ и не всегда отличались особеннымъ стремленіемъ къ правосудію—то слѣдовало бы, кажется, заключить, что въ Англіи совершаются такія неправды, которымъ могло бы позавидовать турецкое своеволіе. Однако же, этого положительно нѣтъ тамъ, и Англія, несмотря на хаотическое состояніе своихъ законовъ, все-таки признается повсюду класической страною справедливости. Чѣмъ же объяснить эту незначительность зла, когда существуютъ такія богатѣйшія для него средства? Мы убѣждены, что сильнѣйшее противодѣйствіе злу заключается въ гласности и общественномъ мнѣніи, которыя успѣли совершенно выработаться въ этой высоко-цивилизованной странѣ, и стали надежнѣйшимъ ея оплотомъ противъ злоупотребленій власти. Бываютъ, конечно, и тамъ возмутительные факты, но за то ихъ скоро узнаетъ нетолько Англія, но даже весь цивилизованный міръ. Перспектива такой громкой извѣстности и тѣ результаты, которые неизбѣжно сопутствуютъ ей, должны необходимо сдерживать дурныя склонности общественныхъ дѣятелей.

Обратимся теперь къ возраженіямъ англійскихъ юристовъ противъ кодекса. Они думаютъ, что сводъ законовъ скорѣе можетъ способствовать злу, нежели искоренить его, потому что даровитѣйшій законодатель въ состояніи предвидѣть только небольшую часть комбинацій, сопровождающихъ людскія дѣла, а несовершенство языка не позволяетъ ему обнять словомъ даже и тѣхъ обстоятельствъ, которыя предвидитъ онъ. Далѣе, дѣлаются ссылки на существующіе кодексы, дополняемые обыкновенно прибавленіями, коментаріями и традиціонными объясненіями, что въ сложности составляетъ масу книгъ, значительно превышающую своимъ объемомъ самый сводъ законовъ. «Мы утверждаемъ—говорятъ они—что самый способный къ извлеченію началъ юристъ не обработаетъ для кодекса ни одной отрасли закона хотя бы съ десятой долею той полноты и точности, какія представляютъ рѣшенныя прежде дѣла для рѣшенія дѣлъ будущихъ». Причина этой общей несостоятельности сводовъ заключается въ томъ, по ихъ мнѣнію, что они состоятъ изъ мыслей, закованныхъ въ краткія фразы, тогда какъ полное примѣненіе образцовъ, неимѣющихъ этого недостатка, неистощимо и даже неизвѣстно судьямъ, постановившимъ приговоры по рѣшеннымъ дѣламъ, значеніе которыхъ обнаруживается исподволь, вмѣстѣ съ явленіемъ новыхъ процесовъ.

Digitized by Google

Сторонники преобразованія англійской законодательной системы, соглашаясь, что краткія статьи не могутъ обнимать всѣхъ подробностей, сопровождающихъ дѣйствія и обстоятельства, подвергаемыя судебному разсмотрѣнію, не желаютъ, однакоже, оставить неприкосновеннымъ тотъ хаосъ, въ какомъ находятся законы ихъ страны. Впрочемъ, мнѣнія относительно реформы неодинаковы. Одни признаютъ возможнымъ для Англіи сводъ законовъ; другіе, напротивъ, думаютъ, что она неготова еще къ нему. Лордъ-канцлеръ, напримѣръ, предлагаетъ ревизію уставовъ, для того, чтобы очистить ихъ отъ совершенно-негодной примѣси и привесть въ систематическій порядокъ то, что̀ будетъ признано достойнымъ уваженія. Оставшіяся въ силѣ узаконенія, совѣтуетъ онъ дополнить соотвѣтствующими приложеніями обычнаго закона, извлеченными изъ судейскихъ отчетовъ. «Я нисколько не намѣренъ—сказалъ онъ въ палатѣ лордовъ—скрывать свое личное убѣжденіе. Сводъ, по моему мнѣнію, есть послѣдняя форма закона, до которой можетъ достигнуть цивилизованная нація. Англія неготова къ нему. Законъ находится у насъ въ переходномъ состояніи, онъ не созрѣлъ еще. Вы найдете въ немъ остатки варварскихъ временъ. Въ Англіи до сихъ поръ существуетъ безумное раздѣленіе законовъ на обычные и уставные, какъ на двѣ взаимно-враждующія системы. У васъ, милорды, есть въ настоящую минуту дѣла, которыя могутъ быть рѣшены совершенно различно по ту и по сю сторону Вестминстер-Голля. Но пока не очищенъ и не приведенъ въ систематическій порядокъ, имѣющійся у насъ законодательный матеріалъ, вы не въ состояніи приступить къ составленію свода законовъ». Г. Уильдъ, принадлежащій къ той же категоріи прогрессистовъ, пишетъ, однакоже: «Я увѣренъ, что при разумномъ и неспѣшномъ трудѣ могутъ быть открыты, сравнены и сгруппированы тѣ общія начала и широкія основанія, на которыхъ покоится наше обычное право, и которыя безмолвно руководствуютъ приговорами англійскихъ судовъ». Г. Смитъ, въ своихъ «Руководящихъ Дѣлахъ», представилъ очень хорошій опытъ такого труда. Юристы, обратившіе серьёзное вниманіе на приложенія, находящіяся въ этой книгѣ, не могли не замѣтить, конечно, какъ легко и удобно изъ соединенныхъ вмѣстѣ большихъ группъ дѣлъ извлекаются краткія и сжатыя предложенія закона». Впрочемъ, едва-ли вѣрно это мнѣніе, если только не ошибается знаменитѣйшій юристъ Англіи, Аустинъ. Вотъ что̀ говоритъ онъ въ своей «Юриспруденціи»: «Тотъ, кто знаетъ, какъ нелегко написать хорошій уставъ, не усомнится въ трудности составленія свода законовъ. Уразумѣть ясно общую цѣль устава, понять вполнѣ смыслъ постановленій, которыя ведутъ къ ней, и умѣть найдти для нихъ краткое и точное выраженіе—это чрезвычайно деликатная и трудная работа, хотя законодатели часто довѣряютъ ее низшимъ, неопытнымъ чиновникамъ. Я утверждаю, что несравненно легче понять правильно пользу закона, нежели такъ составить этотъ законъ, чтобы онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ намѣренію законодателя». О возм-

Digitized by Google

сти для Англіи свода законовъ при современномъ положеніи ея законодательства, г. Аустинъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «Правила судебнаго закона заключаются не въ рѣшенныхъ дѣлахъ, но въ общихъ началахъ, на основаніи которыхъ рѣшены они. Люди, прилагающіе къ практикѣ эти начала, могутъ, конечно, собрать ихъ въ кодексъ, или обратить въ уставные законы. Для чего же этотъ процесъ индукціи, посредствомъ котораго начало находится прежде, нежели будетъ оно приложено къ дѣлу, производится только въ частныхъ случаяхъ, или въ небольшомъ размѣрѣ? Если можно изъ одного или изъ нѣсколькихъ дѣлъ извлечь общее начало рѣшенія, то, значитъ, можно и наоборотъ изъ всѣхъ рѣшенныхъ дѣлъ извлечь тѣ основанія, на которыхъ рѣшены они, и обратить ихъ въ законъ, отвлеченный по своей формѣ, и потому сжатый, доступный. Если же судебные законы суть законы дѣйствительные, то, слѣдовательно, изъ нихъ можно составить сводъ». Наконецъ, скажемъ нѣсколько словъ о собственномъ мнѣніи «Westminster Review». Журналъ этотъ, ужасаясь при видѣ безпорядка, царствующаго въ англійскомъ законодательствѣ, признаетъ его совершенно ненормальнымъ явленіемъ. Однакоже, соглашаясь съ Аустиномъ относительно возможности свода законовъ для современной Англіи, онъ предвидитъ тѣ затрудненія, которыя могло бы встрѣтить привыкшее къ вѣковой рутинѣ судопроизводство при переходѣ къ новому порядку, а потому, принимая во вниманіе мнѣніе Уильда, рѣчь лорда-канцлера и возраженія противной стороны, предлагаетъ дополнить будущій сводъ законовъ дигестомъ или извлеченіемъ изъ рѣшенныхъ дѣлъ.

Европейскія эпидеміи.—Въ майской книжкѣ «Cornhill Magazine» помѣщена любопытная статья о повальныхъ болѣзняхъ, которыя опустошали Европу въ былое время и возбудили общія опасенія въ текущемъ году. Самыя опасныя изъ этихъ эпидемій шли обыкновенно съ Востока. Огромныя массы жителей, скученныя въ большихъ городахъ Египта, Индіи и Китая, многолюдныя полчища Ксеркса, Кира, Чингис-хана и т. д. всегда были фокусомъ, гдѣ сосредоточивался животный ядъ. Полнѣйшее незнакомство этихъ полу-варварскихъ народовъ съ правилами, соблюденіе которыхъ необходимо для общественнаго здравія, ихъ непривычка къ чистотѣ и опрятности, наконецъ, жаркій климатъ, способствующій быстрому разложенію органическихъ веществъ—все это было и остается причиною мора, чумы и вообще эпидеміи. Геродотъ упоминаетъ о моровой язвѣ, которая за 767 лѣтъ до Р. Х. прошла по всему извѣстному тогда міру. Черезъ 337 лѣтъ послѣ того, передъ началомъ пелопонезской войны, Аѳины были опустошены эпидеміею, которая съ незапамятныхъ временъ посѣщаетъ періодически берега Малой Азіи. Но мы не будемъ перечислять тѣхъ эпидемій, о которыхъ историки и лѣтописцы не сообщаютъ точныхъ свѣдѣній. Другое дѣло «черная смерть», прошедшая въ половинѣ XIV вѣка два раза изъ конца въ конецъ всю Азію и Европу. Ея исторія и

Digitized by Google

отличительные признаки описаны нѣмецкимъ врачомъ Гекеромъ. Въ 1333 году, за пятнадцать лѣтъ до появленія своего въ Европѣ, она произвела страшное опустошеніе въ Китаѣ. Ея предтечами были тамъ разлитіе рѣкъ, голодъ и землетрясеніе, отъ которыхъ погибло не менѣе 400,000 человѣкъ. Въ слѣдовавшій затѣмъ годъ явилась «черная смерть» и сгубила около 5 мильоновъ китайцевъ. Заразительныя болѣзни распространяются иногда очень медленно. Онѣ кроются долгое время въ платьѣ путника и въ товарахъ, перевозимыхъ изъ одной страны въ другую. «Изъ Китая—говоритъ Гекеръ—караванная дорога тянется черезъ Среднюю Азію къ берегамъ Чернаго моря. Здѣсь товары грузятся на корабли и достигаютъ Константинополя, гдѣ находится главный пунктъ сообщеній между Азіей, Европой и Африкою». Отсюда проникла «черная смерть» въ Италію, которая вела въ то время большую торговлю съ Востокомъ. Здѣсь, особенно во Флоренціи, развилась она съ тѣми послѣдствіями быстрой, непредвидимой и почти неизбѣжной смерти, которыя такъ искусно описалъ Бокаччіо. По берегу Средиземнаго моря прокралась она черезъ Авиньонъ во Францію и отсюда пошла двумя путями: на сѣверъ въ Англію и, подобно холерѣ, снова потянулась въ обратный путь, на дальній Востокъ, черезъ Германію и Россію. Болѣзнь эта, названная «черной смертью» вслѣдствіе быстраго разложенія труповъ, сопровождаясь нарывами, имѣла характеръ чумы или гнилой тифозной горячки, и была въ высшей степени злокачественна. Въ Европѣ находилось тогда не болѣе 105 мильоновъ жителей, и цѣлая четверть ихъ погибла «черной смертью». Въ Англіи дѣйствовала она едвали не съ большей силою, чѣмъ въ другихъ государствахъ, потому что вымираніе одного года вымерло тамъ три четверти всего народонаселенія. Лѣтописцы утверждаютъ даже, что отъ нея спаслась только одна десятая англичанъ. Болѣзнь не продолжалась болѣе трехъ дней; многіе умирали черезъ нѣсколько часовъ послѣ появленія первыхъ ея признаковъ. Во Франціи поражала она совершенно здоровыхъ людей съ быстротою молніи. Въ Авиньонѣ не успѣвали хоронить умершихъ, и потому папа долженъ быть освятить Рону, обращенную въ кладбище. Ни пола, ни возраста, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ не щадила эта страшная болѣзнь. Въ Венеціи погибло отъ нея 100,000 аристократовъ, а въ Лондонѣ столько же богатыхъ людей. Впрочемъ, предположенію о переходѣ «черной смерти» съ Востока въ видѣ заразы, занесенной товарами, противорѣчитъ самъ г. Гекеръ, говоря заодно съ современными ему лѣтописцами, что и въ Европѣ предшествовали этой болѣзни изверженія огнедышащихъ горъ, землетрясенія, голодъ и особенное состояніе воздуха, наполненнаго «густымъ, смраднымъ туманомъ, который, надвигаясь съ востока, покрылъ всю Италію». Атмосфера дѣйствительно была заражена. Даже на морѣ носились ядовитыя испаренія, отъ которыхъ гибли моряки, и никѣмъ неуправляемые корабли плавали съ ихъ трупами по волѣ вѣтра. Давно замѣчено, что великія общественныя бѣдствія произ-

Digitized by Google

водятъ вредное вліяніе на нравственную сторону человѣчества. «Черная смерть», грозившая всѣмъ неожиданной гибелью, разорвала почти всѣ связи семейной и соціальной жизни европейскихъ націй. Религія, къ помощи которой должны бы, кажется, особенно прибѣгать люди въ подобныхъ случаяхъ, была совершенно забыта. Впрочемъ, если и оставались колебавшіеся въ выборѣ между молитвою и общимъ стремленіемъ къ разгулу, то некому было поддержать ихъ. Священники отчасти померли, отчасти разошлись по деревнямъ, и храмы оставались безмолвны и пусты. Всякому хотѣлось насладиться жизнью наканунѣ смерти, которая, можетъ быть, стояла уже подлѣ него. Но какъ скоро миновала эта гроза, религіозное чувство возникло въ Европѣ съ невѣдомой дотолѣ силою, получивъ фанатическій характеръ, вслѣдствіе котораго образовалось очень много до крайности безумныхъ сектъ. «Бичующіеся», ходя по городамъ и селамъ, немилосердно сѣкли себя веревками, приглашая другихъ послѣдовать ихъ примѣру. Къ числу заразительныхъ болѣзней должно отнесть также средневѣковыя эпидеміи, извѣстныя подъ именемъ плясокъ св. Іоанна и св. Вита. Онѣ отличались отъ другихъ повальныхъ болѣзней тѣмъ особенно, что проводниками заразы были тутъ не легкія и не кожа, но слухъ и зрѣніе. При видѣ безумно-пляшущей толпы, здоровый человѣкъ начиналъ невольно поддаваться общему увлеченію, которое какъ-то особенно дѣйствовало на его нервную систему. Наконецъ, потерявъ сознаніе, онъ бросался въ среду обезумѣвшихъ плясуновъ и начиналъ скакать и ломаться, пока, выбившись изъ силъ, не упадалъ въ изнеможеніи. Умалчивая о другихъ эпидеміяхъ, имѣвшихъ преимущественно мѣстный характеръ, остановимся на общеизвѣстной у насъ холерѣ. Родина и постоянное гнѣздо этой болѣзни— Ост-Индія. Тамъ, между народомъ, живущимъ на топкихъ берегахъ большихъ рѣкъ, появилась она еще въ глубокой древности и продолжаетъ гнѣздиться въ настоящее время. Какъ ни ужасна была холера въ Европѣ, но все же по этимъ образцамъ нельзя составить совершенно вѣрнаго понятія о томъ могуществѣ, какое пріобрѣла она на своей родинѣ. Индійцы рѣдко страдаютъ ею болѣе получаса. Внезапно, въ одну ночь, истребляетъ она тамъ цѣлую половину жителей какого-нибудь города, или селенія. Какъ скоро англійская армія бываетъ принуждена идти по берегамъ индійскихъ рѣкъ, она всегда почти подвергается ударамъ этого незримаго бича, и терпитъ значительныя потери. Вѣрнѣйшимъ средствомъ избѣжать распространенія въ войскѣ холеры, признается немедленная перемѣна мѣста, но къ этому средству все-таки прибѣгаютъ въ то время, когда болѣзнь успѣетъ уже выхватить изъ строя значительное число жертвъ.

Въ началѣ нынѣшняго года Европа была напугана слухами о заразительной болѣзни, обнаружившейся въ Петербургѣ. Теперь опасенія разсѣялись. Всѣ убѣждены, что это—возвратная горячка, новость для насъ, но не для Англіи. Она являлась уже въ Шотландіи и свирѣпствовала во время голоднаго 1847 года въ Ирландіи.

Digitized by Google

Но теперь развивается другая, болѣе опасная эпидемія въ сѣверной Германіи, на границахъ Польши и въ долинѣ, омываемой Вислою. Она заключается въ воспаленіи оболочекъ головнаго и спиннаго мозга, и распространяется преимущество между молодыми людьми, не исключая дѣтей. «Cornhill Magazine» говоритъ, что причинъ этой болѣзни нельзя уже объяснить дурной пищею и неудобствомъ помѣщеній рабочаго класса, а потому и опасается перехода ея въ Англію. Впрочемъ, прилипчивыя, заразительныя болѣзни гнѣздятся постоянно въ средѣ народонаселеній. Онѣ подъ видомъ тифа, оспы, скарлатины дѣйствуютъ не такъ быстро, какъ чума или моровая язва, но, прокрадываясь тихо по городамъ и селамъ, едва-ли меньше ихъ истребляютъ людей. Напримѣръ, впродолженіе восьми лѣтъ, отъ 1848 до 1855 включительно, холера была въ Англіи два раза, и отъ нея умерло тамъ 83, 934 человѣка. Но въ тотъ же періодъ жертвами скарлатины (scarlet fever, scarlatina), неимѣвшей слишкомъ эпидемическаго характера, стало 131,057 человѣкъ. Если же включить сюда прошлый 1863—4 годъ, во время котораго послѣдняя болѣзнь была особенно сильна тамъ, то число всѣхъ умершихъ ею превзойдетъ 200,000 человѣкъ, то-есть окажется, что скарлатина дѣйствовала въ Англіи въ два съ половиною раза опустошительнѣе грозной холеры. За изложеніемъ фактовъ слѣдуютъ мысли автора о средствахъ противъ гибельнаго распространенія эпидемій. Если, говоритъ онъ, эпидемическія болѣзни происходятъ дѣйствительно отъ вліянія атмосферы, зараженной вредными, исходящими изъ земли испареніями, или гніеніемъ животныхъ и растительныхъ продуктовъ, то, конечно, люди не въ силахъ заставить воздухъ обходить тѣ мѣста, гдѣ онъ насыщается ядомъ. Но въ такомъ случаѣ, мы должны обратить вниманіе на самихъ себя и позаботиться объ уничтоженіи того, что съ нашей стороны способствуетъ развитію эпидемій. Неоспоримо, что эти болѣзни зарождаются въ многолюдныхъ городахъ, и преимущественно въ тѣхъ частяхъ ихъ, гдѣ бѣдный и полуголодный народъ жмется въ тѣсныхъ, сырыхъ и неопрятныхъ квартирахъ. Похитивъ здѣсь нѣсколько жертвъ, онѣ получаютъ ту силу, которая ростетъ вмѣстѣ съ расширеніемъ круга ихъ дѣйствія. Потому-то говорятъ: «Нечистота порождаетъ болѣзнь, а недостатокъ и неумѣренность развиваютъ ее. Удалите грязь, дайте возможность пить всѣмъ свѣжую воду и дышать чистымъ воздухомъ—тогда, уничтоживъ причины, которыя производятъ и поддерживаютъ эпидеміи, вы уничтожите ихъ самихъ». Нельзя отвергать, чтобы въ этихъ словахъ не было правды, но дѣло въ томъ, что заразительныя болѣзни производятъ опустошенія нетолько въ грязныхъ, тѣсныхъ жилищахъ бѣдныхъ людей, но также, а иногда и *преимущественно*, въ роскошныхъ домахъ богачей. Этотъ фактъ былъ замѣченъ еще въ XV и XVI вѣкахъ, когда свирѣпствовала въ Англіи потовая горячка (Sweating Sickness) (*), и въ недавній періодъ скар-

(*) Этотъ недугъ называется также «англійскимъ потомъ», или вообще «ан-

Digitized by Google

латина. Причины его объясняются столкновеніемъ больныхъ, или—что̀ еще хуже—только лишь оправившихся отъ болѣзни съ здоровыми людьми всѣхъ сословій въ общественныхъ экипажахъ: кэбахъ, омнибусахъ и вагонахъ, также сообщеніемъ заразы въ приморскихъ городахъ, гдѣ собираются для купанья, и гдѣ церкви, ванны и нанимаемыя квартиры способствуютъ широкому развитію прилипчивыхъ болѣзней. Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ противъ этого развитія авторъ признаетъ отдѣленіе больныхъ отъ здоровыхъ, и заключеніе первыхъ въ больницы, открываемыя при появленіи эпидемій. Къ сожалѣнію, въ Лондонѣ на 3,000,000 жителей, устроено по одному только госпиталю для больныхъ оспой и горячкою. Очень немногія изъ провинціальныхъ больницъ имѣютъ особыя горячешныя палаты, а нѣкоторыя и совсѣмъ не принимаютъ страдающихъ прилипчивыми болѣзнями. Притомъ же, эти-то именно госпитали и палаты, гдѣ лечатся зараженные прилипчивыми недугами, лишены, сравнительно съ другими, чистаго воздуха, наиболѣе опрятнаго помѣщенія, питательной пищи и тщательнаго ухода за паціентами, тогда-какъ все это особенно необходимо для нихъ. Авторъ заключаетъ изложеніе своихъ мыслей воззваніемъ къ здравомыслію и человѣколюбію англійскаго общества.

Прогрессъ метеорологіи. — «Reader» отъ 6-го мая сообщаетъ своимъ читателямъ, что теперь, согласно съ проектомъ академика Купфера, организована полная система метеорологическихъ наблюденій по всей Россіи. Существовавшія до этого времени станціи въ Архангельскѣ, Ревелѣ, Николаевѣ, Астрахани и Николаевскѣ на Амурѣ снабжены всѣми физическими инструментами и сдѣланы центральными пунктами, къ каждому изъ которыхъ присоединено по нѣскольку второстепенныхъ станцій. Ревелю подчинены Нарва, Балтійскій Портъ, Перновъ, Рига и Либава; Гельсингфорсу — Выборгъ, Або, Улеоборгъ и Торнео; Николаеву — Одесса, Севастополь, Бердянскъ, Таганрогъ и Поти; Архангельску — Кола. Второстепенныя станціи обязаны посылать по телеграфу ежедневно свои донесенія въ центральныя обсерваторіи, которыя должны препровождать ихъ немедленно, вмѣстѣ съ своими наблюденіями, въ Петербургъ, гдѣ и будутъ печатать все это для всеобщаго свѣдѣнія. «Athenaeum» со своей стороны говоритъ, что эти извѣстія стали такой же насущной потребностью для англичанъ, какъ политическія новости. Для удовлетворенія общаго любопытства печатаются

глійской болѣзнью», потому что изъ пяти появленій своихъ отъ 1485 до 1529 г., онъ четыре раза не выходилъ заграницы Англіи и—что̀ особенно замѣчательно—болѣзнь эта поражала даже англичанъ, жившихъ во Франціи, не распространяясь на французовъ. Только во время пятаго появленія проникла она на европейскій материкъ и прошла по Германіи и Австріи вплоть до Турціи. Это—жестокая горячка, чрезвычайно быстро и разрушительно дѣйствующая на силы человѣка. Ни пятенъ, ни нарывовъ не производитъ она; ей подвергаются преимущественно сильные, крѣпкіе люди; ни одинъ періодъ ея не продолжался въ Англіи болѣе пяти недѣль.

Digitized by Google

тамъ шесть разъ въ недѣлю таблички, гдѣ означены высота барометра, температура, направленіе и сила вѣтра, количество и качество облаковъ и состояніе погоды въ прошлый день во всѣхъ главныхъ и портовыхъ городахъ Европы. Почти то же самое, только съ меньшими подробностями, можно видѣть въ каждомъ нумерѣ ежедневныхъ русскихъ газетъ. Парижская обсерваторія издаетъ каждый день метеорологическіе бюлетени, и разсылаетъ ихъ по почтѣ въ академіи и къ частнымъ лицамъ. Въ другихъ странахъ изученіе атмосферныхъ явленій также идетъ быстро впередъ. На островахъ св. Елены, Вознесенія, Цейлонѣ, Ванкувера, въ Канадѣ, Соединенныхъ Штатахъ, Индіи, Австраліи производятся постоянныя наблюденія надъ погодою. Въ южной Африкѣ хотятъ устроить десять станцій по предложенію «Метеорологическаго Общества», которое сдѣлало уже много хорошаго для объясненія бурь Индійскаго океана, и теперь, при небольшомъ пособіи со стороны метрополіи, намѣрено учредить центральную обсерваторію на св. Маврикіѣ. «Этотъ островъ—сказано въ отчетѣ помянутаго общества за прошлый годъ—лежитъ въ самой срединѣ Индійскаго океана, на пути возвратныхъ штормовъ (in the track of revolving storms), въ такомъ разстояніи отъ экваторіальныхъ и полярныхъ пасатныхъ вѣтровъ, что атмосферныя волненія, происходящія по краямъ ихъ, всегда болѣе или менѣе чувствительны здѣсь. Въ портъ св. Маврикія заходитъ ежегодно около 1,200 кораблей. Столь выгодное положеніе острова давно уже обратило на себя вниманіе ученыхъ авторитетовъ, которые признаютъ это мѣсто самымъ выгоднымъ пунктомъ для магнитныхъ и метеорологическихъ изысканій». Въ дополненіе къ учреждаемой здѣсь центральной обсерваторіи, будетъ устроено нѣсколько второстепенныхъ станцій на островахъ Южнаго океана. Прямымъ слѣдствіемъ совокупныхъ наблюденій должна быть огромная масса данныхъ, изъ которыхъ даровитый метеорологъ съумѣетъ вывесть періодическіе законы, и объяснить сомнительные и темные до сихъ поръ вопросы относительно вѣтровъ, бурь и вообще состоянія погоды.

Образцовое произведеніе топографическаго искусства.—Въ англійскихъ журналахъ пишутъ, что женевское географическое общество выставило для публики выпуклую карту генерала Дюфура. Она утверждена на станкѣ съ колесами, для того чтобы можно было повертывать ее, и занимаетъ половину стѣны большой залы. Зрители, въ которыхъ нѣтъ недостатка, удивляются искуству, съ какимъ представлены здѣсь неровности этой гористой страны. Пристальный взглядъ на нихъ оставляетъ неизгладимое воспоминаніе о положеніи долинъ, скатовъ и возвышенностей между двумя параллельными линіями Альпъ и Юры. Вторую линію, замѣчаетъ «Athenaeum», слѣдовало бы означить не Альпами, но долиною, которая начинается отъ Констанцскаго озера, слѣдуетъ по теченію Рейна до Сен-Готарда, потомъ вдоль Роны до впаденія этой рѣки въ Женевское озеро. Третью параллельную линію составляетъ до-

Digitized by Google

линa, омываемая рѣкою Инномъ. Первая линія подраздѣлена на три участка — Цюрихское, Бріэнское и Тунское озера съ рѣкою Ааромъ. Эту карту относятъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ образцовъ топографическаго искуства. Замѣтимъ кстати, что нынѣшней зимою выпало очень много снѣгу въ Швейцаріи, а потому тамъ опасаются снѣжныхъ лавинъ, падающихъ съ горъ на долины. Швейцарскія газеты вспомнили при этомъ случаѣ о самой большой лавинѣ, упавшей въ 1689 г. на деревню Рашналь. Она разрушила 150 домовъ, убила 58 человѣкъ и 300 штукъ овецъ и рогатаго скота.

ОБОЗРѢНІЕ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Научное подтвержденіе предположеній о вреднóмъ вліяніи барбариса на хлѣбныя растенія. — Въ журналѣ «Сельскаго хозяйства и Лѣсоводства» (№ 3) мы находимъ интересное изслѣдованіе о столь же чудесномъ, сколько и вредномъ свойствѣ барбарисоваго дерева. Мнѣніе объ этомъ — сообщаетъ журналъ — сложилось очень давно, но до настоящаго времени большинство ученыхъ агрономовъ и ботаниковъ относилось къ нему съ крайнимъ пренебреженіемъ, считая его суевѣріемъ. Вопросъ о вліяніи барбариса сильно занималъ русскихъ хозяевъ еще въ послѣдней четверти прошедшаго столѣтія. Въ «Экономическомъ Магазинѣ» Болотова содержится рядъ статей, посвященныхъ этому вопросу. Одинъ изъ сельскихъ хозяевъ того времени писалъ, что онъ развелъ у себя нѣсколько барбарисовыхъ кустовъ и утѣшался хорошимъ урожаемъ ягодъ, но въ то же время замѣтилъ, что хлѣбъ, росшій вокругъ этихъ кустовъ, былъ бѣлъ соломою и съ неполнымъ, недоразвившимся, а иногда и вовсе неразвившимся зерномъ. Десятина хлѣбнаго поля вокругъ барбарисовыхъ кустовъ дала ничтожный урожай, тогда-какъ на всѣхъ остальныхъ частяхъ того же поля хлѣбъ уродился хорошо; въ слѣдовавшемъ году повторилось то же самое. Услышавъ случайно жалобы крестьянъ на барбарисные кусты въ сосѣднемъ съ ихъ полемъ саду, помѣщикъ пересадилъ и частію уничтожилъ барбарисъ, и зло прекратилось. Въ журналѣ московскаго общества сельскаго хозяйства печатались также опыты графа М. Толстаго надъ барбарисомъ. Года три тому назадъ, барбарисъ былъ поводомъ къ судебному разбирательству. Именно, крестьяне одного селенія московской губерніи пожаловались мировому посреднику, что у нихъ бываетъ постоянный неурожай оттого, что у одного изъ ихъ односельцевъ находится большая плантація барбариса, и просили закрыть ея. По поводу возникшаго такимъ образомъ дѣла, одна изъ сторонъ обращалась въ московское общество сельскаго хозяйства и сельское экономическое общество, ко-

Digitized by Google

торыя удостовѣрили, что барбарисъ не можетъ вредить хлѣбамъ; но департаментъ сельскаго хозяйства, отъ котораго также требовалось удостовѣреніе, воздержался отъ столь опредѣлительнаго мнѣнія, указавъ на подобныя жалобы, весьма нерѣдкія у насъ и заграницей.

Теперь вопросъ этотъ разрѣшенъ положительно извѣстнымъ микроскопистомъ де-Бари, професоромъ въ Фрейбургѣ. Изложивъ свое изслѣдованіе о появляющейся на хлѣбныхъ растеніяхъ *полосатой ржавчинѣ*, которая есть не что иное, какъ микроскопическіе грибки, развивающіеся весьма сложнымъ процесомъ, подробно изложеннымъ въ сочиненіи, авторъ объясняетъ, что ростки зародышей этой ржавчины обладаютъ способностью проникать исключительно только въ барбарисные листы, гдѣ и развиваются во множествѣ и переходятъ оттуда на травяныя растенія, внѣдряясь во внутреннюю ткань ихъ. Зародыши и самые грибки имѣютъ различную форму весной, лѣтомъ и осенью. Распространяются и размножаются они на травяныхъ растеніяхъ обыкновенно въ лѣтней формѣ, послѣ которой они получаютъ именно ту форму, въ которой перезимовываютъ; когда они бываютъ въ этой послѣдней формѣ, для ихъ развитія и размноженія необходимъ барбарисъ. Будучи занесены на него вѣтромъ, или насѣкомыми, они, достигая сначала весенней формы, созрѣваютъ и превращаются затѣмъ въ лѣтнюю форму, въ которой и распространяются, уничтожая полезныя хлѣбныя растенія.

Относительно мѣръ предотвращенія вреда, въ статьѣ говорится, что еслибы весь барбарисъ былъ вырытъ и уничтоженъ, то конечно это было бы самымъ радикальнымъ средствомъ, такъ-какъ онъ необходимъ для развитія одной изъ стадій грибка, образующаго *полосатую ржавчину*, но крайней мѣрѣ въ настоящее время нѣтъ основанія предполагать, чтобы вмѣсто барбариса могло служить для развитія ржавчины какое либо другое растеніе. Но такая радикальная мѣра, во первыхъ, неудобоисполнима, а вовторыхъ нежелательна по причинѣ нѣкоторыхъ полезныхъ качествъ этого кустарника; она даже была бы излишня, такъ-какъ цѣль защиты отъ *вреднаго* развитія ржавчины достаточно достигается только чрезъ удаленіе барбарисовыхъ кустарниковъ отъ хлѣбныхъ полей. Вредъ барбариса условливается гораздо менѣе тѣмъ, что онъ вообще приноситъ на поля ржавчину, нежели тѣмъ, что онъ приноситъ ее именно въ то время, когда созрѣвающіе на немъ грибки достигаютъ растеній въ періодъ своего размноженія. При удаленіи барбарисовыхъ кустовъ отъ полей, конечно, не уничтожится возможность нападенія ржавчины на хлѣбное поле, но все-таки ржавчина должна добираться до него долгимъ путемъ, такъ-какъ распространеніе грибка весною и въ началѣ лѣта истекаетъ только изъ барбарисовыхъ кустовъ. Достигнувъ какой либо дикорастущей травы, напримѣръ пырея, ржавчина образуетъ на ней свои лѣтніе споры, которые, обладая огромной способностью къ размноженію, несутъ грибокъ дальше и дальше по дикорастущимъ травамъ, угрожая на-

Digitized by Google

конецъ опасностію отдаленнымъ полямъ. Такъ-какъ лѣтній періодъ развитія грибка начинается, обыкновенно, въ іюнѣ и даже позже, то чѣмъ дальше путь, который онъ долженъ пройти, чтобы добраться до хлѣбовъ, тѣмъ послѣдніе вѣрнѣе могутъ достигать наступленія своего созрѣванія, когда вредъ слишкомъ ничтоженъ и даже почти не существуетъ.

Такимъ образомъ, заключаетъ де-Бари, изложенная теорія полосатой ржавчины разъясняетъ вопросъ о вредѣ барбариса, казавшійся неразрѣшимымъ впродолженіе по крайней мѣрѣ столѣтія. Она показываетъ далѣе, какъ права была наука, отвергая, какъ безсознательныя, мнѣнія, объяснявшія вредныя дѣйствія барбариса испареніями его, или цвѣточной пылью; но она показываетъ въ то же время, на сколько погрѣшала та же наука, пренебрегая постоянно повторявшимися опытами описаннаго явленія и легкомысленно касируя мнѣніе, не провѣривъ ихъ предварительно съ достаточною основательностію. Наконецъ, въ вышеизложенномъ же надо искать причину возраженій, появлявшихся противъ мнѣній, приписывавшихъ барбарису вредное вліяніе, такъ-какъ теперь оказалось, что онъ не самъ собою причиняетъ ржавчину, а только выращиваетъ зародыши, которые потомъ достигаютъ хлѣбовъ и здѣсь прозябаютъ.

Соображенія о новомъ пути (русскомъ) для открытій въ сѣверномъ полярномъ океанѣ (*). — Извѣстно, что въ Англіи предполагается экспедиція для открытія сѣверо-западнаго прохода въ полярное море. По проекту капитана Осборна, экспедиція должна высадиться въ проливѣ Смита на берегъ Гренландіи, и на саняхъ продолжать путешествіе къ сѣверу. Путь этотъ избирается еще въ первый разъ. Съ этимъ планомъ не соглашается извѣстный германскій географъ, докторъ Петерманъ, совѣтуя избрать морской путь къ сѣверу отъ Шпицбергена, какъ лучшій для достиженія полюса. Изъ этого видно, что мнѣніе первоклассныхъ ученыхъ не установилось еще даже относительно преимуществъ того или другаго пути. Каждый излагаетъ въ пользу своего плана болѣе или менѣе достовѣрныя ипотезы и соображенія. При такомъ положеніи вопроса заслуживаетъ полнаго вниманія, и въ особенности вниманія русскаго общества, планъ полярной экспедиціи, предлагаемый г. Шиллингомъ, въ статьѣ, помѣщенной имъ въ № 5 «Морскаго Сборника». Нашъ мореплаватель предлагаетъ совершенно новый путь, который, по отдаленности своей отъ Англіи, конечно, и не можетъ быть принятъ англичанами, какъ неудобный для нихъ. Мы изложимъ вкратцѣ соображенія г. Шиллинга и его ипотезу, служащую основаніемъ предлагаемаго плана.

Доказано опытомъ, что въ арктическомъ океанѣ существуютъ два главныя теченія, несущія огромныя масы полярнаго льда: одно, занимающее бо́льшую часть всего океана въ направленіи SW, дру-

(*) «Морской Сборникъ».

Digitized by Google

гое—почти въ противоположномъ направленіи къ SO. Явленіе это, то-есть раздѣлъ теченія въ ту и другую сторону, авторъ объясняетъ тѣмъ, что между Беринговымъ проливомъ и полюсомъ, или около, должна находиться до сихъ поръ неоткрытая земля, берегъ которой имѣетъ такое направленіе, что отражаетъ отъ себя общее теченіе полярнаго моря и направляетъ его къ востоку въ проливъ сѣвернаго американскаго архипелага. Допуская существованіе такой земли, надо полагать, что западный ея берегъ, закрытый отъ общаго теченія Ледовитаго моря къ SW, представитъ для мореплаванія тѣ же удобства, какъ и западныя стороны Шпицбергена, Новой Земли и Гренландіи. Существованіе открытаго моря или огромныхъ полыней, видѣнныхъ русскими адмиралами Врангелемъ и Анжу и многими промышленниками къ сѣверу отъ сплошныхъ льдовъ азіятскаго берега, оправдываютъ это предположеніе, безъ котораго трудно себѣ представить, какимъ образомъ за вѣчными льдами Сибири могутъ образоваться полыньи значительнаго пространства. До сихъ поръ эта часть моря никогда еще не была изслѣдована морскимъ путемъ. Экспедиціи русскія: Лаптевыхъ, Прончищева, Сарычева и другихъ, были всѣ безъ исключенія—говоритъ авторъ — плохо снаряжены и вообще не могли имѣть успѣха, потому что, согласно данной имъ инструкціи, они должны были описать берега, вѣчно затертые льдами, у которыхъ плаваніе такъ же невозможно, какъ и у восточнаго берега Гренландіи, между тѣмъ какъ дальше къ востоку, ближе къ Шпицбергену, оно не представляетъ такихъ трудностей. Изслѣдованіе этой, совершенно еще неизвѣстной части Ледовитаго океана, лежащей къ сѣверу отъ сибирскихъ льдовъ, по всей вѣроятности, представитъ нѣкоторыя затрудненія и опасности; но нельзя же сказать, чтобы оно было невозможно. Задача состоитъ въ томъ, чтобы попасть на суднѣ въ это море. По мнѣнію г. Шиллинга, слѣдуетъ, пройдя Беринговымъ проливомъ, направиться въ проливъ, лежащій между мысомъ Якавъ, на азіатскомъ материкѣ, и высокимъ берегомъ, видѣннымъ приблизительно въ 180° долготы отъ Гринича и означеннымъ на всѣхъ новѣйшихъ картахъ надписью: «Высокія горы, видѣнныя издали». Можно сомнѣваться, чтобы это было продолженіе той земли, о которой говорено выше, но тѣмъ не менѣе вѣроятно, что между этимъ берегомъ и вышеупомянутой неотрытой землей находится непрерывный рядъ острововъ, удерживающихъ льды въ постоянномъ положеніи къ сѣверу отъ Берингова пролива. Такъ-какъ предполагаемый путь совершенно новый, то трудно сказать, что на немъ можетъ встрѣтиться; однако, надо полагать, что льды затруднятъ проходъ въ названномъ лишь проливѣ; но ширина этого пролива (приблизительно около 70 миль, какъ значится на картахъ), равно какъ видѣнное Врангелемъ открытое море на срединѣ этого пролива, подаютъ надежду на то, что, выждавъ удобнаго случая, когда буря нѣсколько расчиститъ проходъ, удастся пробиться сквозь него и, побѣдивъ такимъ образомъ главное препятствіе на этомъ пути, обогнуть южную оконечность «высокаго бе-

Digitized by Google

рега». Дальнѣйшій путь долженъ совершенно зависѣть отъ обстоятельствъ, тѣсно связанныхъ съ мѣстными условіями теченія моря, и если даже допустить, что какія либо неизвѣстныя причины не дозволятъ подняться до значительныхъ широтъ, вдоль западнаго берега неоткрытой земли, то все-таки можно полагать, продолжая путь на NW, по мѣстамъ, гдѣ видѣли открытое море, онъ приведетъ къ сѣверу отъ острововъ Новой Сибири, безъ встрѣчи безмѣрныхъ препятствій. Далѣе, къ западу Ледовитый океанъ неизвѣстенъ, но, по всей вѣроятности, какъ заключаетъ г. Шиллингъ, открытое море, видѣнное вездѣ къ сѣверу отъ сибирскихъ льдовъ, начиная отъ Берингова пролива до острововъ Новой Сибири, простирается еще значительно дальше къ западу, и потому нельзя знать, не удастся ли на этомъ пути обогнуть Азію, и возвратиться Атлантическимъ океаномъ. Главное неудобство этого пути—отдаленность Берингова пролива — увеличитъ до нѣкоторой степени издержки его сравнительно съ Шпицбергенскимъ путемъ, но за то надобно думать, что препятствія отъ льдовъ, къ сѣверу отъ Азіи въ открытомъ даже весною морѣ будутъ менѣе значительны, чѣмъ къ сѣверу отъ Шпицбергена.

Соображенія эти, основанныя частію на ипотезахъ, не лишены, какъ говоритъ авторъ, нѣкоторой степени вѣроятности, и потому было бы весьма желательно, чтобы ихъ испытали на дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ, подобное испытаніе обогатило бы науку новыми познаніями и, кромѣ того, оно можетъ быть полезно и въ матеріальномъ отношеніи, если окажется, что самое море въ тѣхъ мѣстахъ, или лежащіе на немъ острова, подаютъ надежду на богатые промыслы за китами или другими звѣрями.

Въ случаѣ удачи, экспедиція, посланная въ эту часть Ледовитаго океана, можетъ увѣнчаться весьма значительными открытіями, честь которыхъ будетъ принадлежать Россіи. Убѣжденіе ученыхъ обществъ таково, что одна только Англія трудится больше Россіи для пользы географіи. Въ полярныхъ странахъ мы даже одно время опередили англичанъ. Нашъ сѣверный берегъ Сибири былъ безъ малаго цѣлымъ столѣтіемъ раньше описанъ, чѣмъ принадлежащій Англіи сѣверный берегъ американскаго материка, который далеко не достигаетъ высокой широты сѣверной Азіи. Въ послѣднее время Англія своими экспедиціями для открытія сѣверо-западнаго прохода и для отысканія Франклина, безспорно, значительно опередила насъ.

Издержки, потребныя для отправленія подобной экспедиціи, если отъ нея ожидать успѣха, должны быть довольно значительны, но при разложеніи ихъ на нѣсколько лѣтъ онѣ не были бы обременительны. Крѣпкій винтовый транспортъ, одинаково способный ходить подъ парами и парусами, необходимый для подобной экспедиціи, еслибы даже пришлось его нарочно выстроить, долго бы могъ прослужить и послѣ. Слѣдовательно дѣйствительнымъ расходомъ слѣдуетъ считать только снабженіе судна и команды всѣмъ необходимымъ для подобнаго плаванія.

Digitized by Google

Къ этому прибавимъ съ своей стороны, что полярное море, по береговому праву, есть собственность Россіи, а не какой-либо другой страны, почему и изслѣдованіе этого моря составляетъ нѣкоторую обязанность Россіи. Если планъ г. Шиллинга заслуживаетъ одобренія съ научной стороны, о чемъ должно бы сдѣлать свое заключеніе наше географическое общество, собравъ также мнѣніе и отъ извѣстныхъ европейскихъ ученыхъ географовъ, то экспедиція, предлагаемая г. Шиллингомъ, не должна бы останавливать насъ издержками. Во всякомъ случаѣ, ученыя экспедиціи обходятся несравненно дешевле всякой военной экспедиціи, или кругосвѣтнаго плаванія цѣлой эскадры. Ученая экспедиція, обѣщающая славу нашему отечеству, была бы новостью для нашего общества, и при настоящемъ оживленіи его, нѣтъ основанія сомнѣваться, что часть расходовъ была бы покрыта общественными приношеніями. На экспедицію могли бы сложить свои лепты: правительство—въ лицѣ морскаго министерства, географическое общество и публика, начиная съ лицъ, занимающихъ высшія общественныя ступени до скромнаго общественнаго дѣятеля. Кромѣ того, мы могли бы пригласить къ участію въ дѣлѣ нашихъ сѣверо-восточныхъ сосѣдей—американцевъ, и такимъ образомъ, кромѣ соблюденія умѣренности въ расходахъ по экспедиціи, имѣли бы случай наибольшаго сближенія съ націей, между которой и нами существуютъ начатки истиннаго сочувствія и доброжелательства. Даже обсужденіе плана г. Шиллинга наше географическое общество могло бы раздѣлить съ американскимъ морскимъ министерствомъ и американскими мореплавателями и географами.

Всѣ полезныя экспедиціи, бывшія донынѣ, опирались на гипотезы, также какъ и планъ г. Шиллинга; поэтому на него слѣдовало бы взглянуть безъ всякаго предубѣжденія и обсудить дѣло съ полнымъ вниманіемъ. Было бы крайне неутѣшительно, еслибы наше географическое общество прошло молчаніемъ изложенный планъ, не высказавъ о немъ своего мнѣнія.

Мы сочли себя обязаннымъ дать мѣсто на страницахъ нашего журнала сдѣланному нами извлеченію изъ статьи г. Шиллинга и выразили свое мнѣніе объ условіяхъ этой экспедиціи, съ цѣлью возбудить къ ней вниманіе публики. Желательно бы было видѣть участіе и со стороны другихъ органовъ нашей періодической пресы къ распространенію въ обществѣ свѣдѣній какъ о началѣ этого дѣла, такъ и о послѣдствіяхъ, если имъ суждено будетъ развиться до критическаго разбора плана г. Шиллинга и до соображеній объ осуществленіи этого плана.

Со стороны самаго автора также не мѣшало бы поэнергичнѣе взяться за дѣло, подобно капитану Осборну, предложившему полярную экспедицію, предполагаемую нынѣ въ Англіи.

Воспоминанія графа Сологуба о Пушкинѣ. — Въ 5—6 нумерѣ «Русскаго Архива» напечатаны очень любопытныя воспоминанія графа В. А. Сологуба о его знакомствѣ съ Пушкинымъ. Отно-

Digitized by Google

сясь къ послѣднимъ годамъ жизни великаго поэта, эти воспоминанія освѣщаютъ нѣсколькими яркими чертами его внутреннюю жизнь въ то именно время, когда, повидимому, наиболѣе твердо и покойно установилось общественное положеніе поэта, и когда, между тѣмъ, онъ наиболѣе страдалъ подъ гнетомъ общественныхъ предразсудковъ. Это нетолько любопытный, но, можно сказать, поучительный эпизодъ изъ исторіи нашего общества; и нужно отдать справедливость графу Сологубу, что онъ истолкованъ имъ тонко и вѣрно.

Въ концѣ 1835 года, графъ Сологубъ, послѣ несостоявшейся попытки жениться на одной особѣ, уѣхалъ изъ Петербурга и жилъ нѣкоторое время въ Твери, занятый служебными дѣлами. Здѣсь онъ совершенно неожиданно получаетъ письмо отъ А. Н. Карамзина, своего товарища по дерптскому университету, съ вопросомъ: почему онъ, графъ Сологубъ, не отвѣчаетъ на вызовъ А. С. Пушкина? Подобный вопросъ былъ совершенной загадкой для графа: исполненный глубокаго уваженія къ поэту, но мало съ нимъ знакомый, онъ не могъ понять, что̀ подало поводъ къ гнѣву Пушкина, и требовалъ объясненій у Карамзина. Оказалось, по его словамъ, слѣдующее: «Наканунѣ моего отъѣзда, я былъ на вечерѣ съ Натальей Николаевной Пушкиной, которая шутила надъ моей романической страстью и ея предметомъ. Я ей хотѣлъ замѣтить, что она уже не дѣвочка, и спросилъ, давно ли она замужемъ. Затѣмъ разговоръ коснулся Ленскаго, очень милаго, образованнаго поляка, танцовавшаго тогда превосходно мазурку на петербургскихъ балахъ. Все это было до крайности невинно и безъ всякой задней мысли. Но присутствующія дамы соорудили изъ этого простого разговора цѣлую сплетню: что я, будто, оттого говорилъ про Ленскаго, что онъ будто нравится Натальѣ Николаевнѣ (чего никогда не было), и что она забываетъ о томъ, что она еще недавно замужемъ. Наталья Николаевна, должно быть, сама разсказала Пушкину про такое странное истолкованіе моихъ словъ, такъ-какъ она вообще ничего отъ мужа не скрывала, хотя и знала его пламенную, необузданную природу. Пушкинъ написалъ тотчасъ ко мнѣ письмо, никогда ко мнѣ недошедшее, и, какъ мнѣ было передано, началъ говорить, что я уклоняюсь отъ дуэли. Получивъ это объясненіе, я написалъ Пушкину, что я совершенно готовъ къ его услугамъ, когда ему будетъ угодно, хотя не чувствую за собой никакой вины по такимъ и такимъ-то причинамъ. Пушкинъ остался моимъ письмомъ доволенъ, и сказалъ С. А. Соболевскому: «Немножко длинно, молодо, а впрочемъ хорошо». Въ то же время онъ написалъ мнѣ пофранцузски письмо слѣдующаго содержанія: «М. г., вы приняли на себя напрасный трудъ, сообщивъ мнѣ объясненія, которыхъ я не спрашивалъ. Вы позволили себѣ невѣжественность относительно жены моей. Имя, вами носимое, и общество, вами посѣщаемое, вынуждаютъ меня требовать сатисфакціи за непристойность вашего поведенія. Извините меня, если я не могу пріѣхать въ Тверь прежде конца настоящаго мѣсяца», и проч...

Digitized by Google

Дѣлать было нечего; я сталъ готовиться къ поединку, купилъ пистолеты, выбралъ секунданта, привелъ бумаги въ порядокъ, и началъ дожидаться — и прождалъ такъ напрасно три мѣсяца. Я твердо, впрочемъ, рѣшился не стрѣлять въ Пушкина, но выдерживать его огонь, сколько ему будетъ угодно.» Однако, Пушкинъ все не являлся въ Тверь; но впрочемъ, навѣдывался о состояніи дороги; вѣроятно, гнѣвъ его уже охладѣлъ, и «онъ понималъ неумѣстность поединка съ молодымъ человѣкомъ, почти ребёнкомъ, изъ-за самой пустой причины», во избѣжаніе какой-то свѣтской молвы... «Съ другой стороны, онъ, по особому щегольству его привычекъ, не хотѣлъ уже отказаться отъ дѣла, имъ затѣяннаго». И дѣйствительно, послѣ долгихъ ожиданій, Пушкинъ пріѣхалъ въ Тверь; но, какъ нарочно, графъ Сологубъ въ это время случился въ отсутствіи: на всякій случай онъ оставилъ письмо, которое и отвезъ Пушкину секундантъ графа, князь Козловскій. Пушкинъ выразилъ сожалѣніе, что не засталъ Сологуба, извинялся, былъ очень любезенъ и поѣхалъ однако далѣе. На другой день графъ вернулся въ Тверь, узналъ о проѣздѣ Пушкина и, чтобы отклонить отъ себя мысль объ уклоненіи отъ дуэли, рѣшился ѣхать слѣдомъ за нимъ въ Москву. Онъ пріѣхалъ туда на разсвѣтѣ и отправился прямо въ домъ П. В. Нащокина, гдѣ Пушкинъ обыкновенно останавливался. «Въ домѣ—разсказываетъ Сологубъ—всѣ еще спали; я вошелъ въ гостиную и приказалъ человѣку разбудить Пушкина. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ ко мнѣ въ халатѣ, заспанный, и началъ чистить необыкновенно длинные ногти. Первыя взаимныя привѣтствія были очень холодны. Онъ спросилъ меня, кто мой секундантъ. Я отвѣчалъ, что мой секундантъ остался въ Твери, что въ Москву я только пріѣхалъ и хочу просить быть моимъ секундантомъ извѣстнаго генерала, князя Ѳ. Гагарина. Пушкинъ извинялся, что заставилъ меня такъ долго дожидаться, и объявилъ, что его секундантъ П. В. Нащокинъ. Затѣмъ разговоръ оживился, и мы начали говорить о начатомъ имъ изданіи «Современника». «Первый томъ былъ слишкомъ хорошъ, сказалъ Пушкинъ. Второй я постараюсь выпустить поскучнѣе: публику баловать не надо.» Тутъ онъ разсмѣялся, и бесѣда между нами пошла почти дружеская, до появленія Нащокина. Павелъ Воиновичъ явился въ свою очередь заспанный, съ взъерошенными волосами и, глядя на мирный его ликъ, я невольно пришелъ къ заключенію, что никто изъ насъ не ищетъ кровавой развязки, а что дѣло въ томъ, какъ бы всѣмъ выпутаться изъ глупой исторіи, не уронивъ своего достоинства. Павелъ Воиновичъ тотчасъ приступилъ къ роли примирителя. Пушкинъ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ я передъ нимъ извинился. Обиженнымъ онъ впрочемъ себя не считалъ, но ссылался на мое свѣтское значеніе, и какъ будто боялся скомпрометировать себя въ обществѣ, если оставитъ безъ удовлетворенія дѣло, получившее уже въ небольшомъ кругу нѣкоторую огласку. Я съ своей стороны объявлялъ, что извиняться передъ нимъ ни подъ какимъ видомъ не стану,

Digitized by Google

такъ-какъ я невиноватъ рѣшительно ни въ чемъ; что слова мои были перетолкованы превратно и сказаны въ такомъ-то смыслѣ. Споръ продолжался довольно долго. Наконецъ, мнѣ было предложено написать нѣсколько словъ Натальѣ Николаевнѣ. На это я согласился, написалъ прекудрявое французское письмо, которое Пушкинъ взялъ, и тотчасъ же протянулъ мнѣ руку, послѣ чего сдѣлался чрезвычайно веселъ и дружелюбенъ». На этотъ разъ душевная тревога такъ улеглась въ немъ, что письмо даже никогда не было отдано по назначенію.

Такимъ образомъ, столкновеніе это кончилось совершенно мирно. Но не должно забывать этотъ эпизодъ, такъ-какъ въ немъ — только въ маломъ видѣ — обнаружилось дѣйствіе тѣхъ же пружинъ, которыя вскорѣ послѣ того причинили печальную катастрофу. И здѣсь, и тамъ видно, что Пушкинъ очень дорожилъ свѣтскою молвою, а между тѣмъ, эта исполненная предразсудковъ свѣтская сфера, въ которой онъ вращался, была такъ невѣжественна, что не умѣла уважать его самобытно-геніальной природы и только раздражала его самолюбіе ложнымъ авторитетомъ своего мнѣнія.

Еще около 1833 года Пушкинъ встрѣтилъ въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ молодого француза Жоржа Дантеса, усыновленнаго голандскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ, барономъ Гекерномъ, вступившаго въ кавалергардскій полкъ и получавшаго негласное пособіе. Сперва ихъ отношенія между собой были хорошія: Пушкинъ восхищался остротами Дантеса и охотно принималъ его къ себѣ въ домъ. Но мало-по-малу отношенія эти измѣнились. Дантесъ успѣлъ раздражить Пушкина: «Однажды — разсказываетъ графъ Сологубъ — на вечерѣ у кн. Вяземскаго, онъ вдругъ сказалъ, что Дантесъ носитъ перстень съ изображеніемъ обезьяны. Дантесъ былъ легитимистомъ, и носилъ на рукѣ перстень Генриха V-го. «Посмотрите на эти черты, воскликнулъ тотчасъ Дантесъ — похожи-ли онѣ на г. Пушкина?» Размѣнъ невѣжливостей остался однако безъ послѣдствій. Но раздраженіе Пушкина продолжало усиливаться и, наконецъ, доведено было до такой степени, что требовало крутого исхода. Мы говоримъ именно: «доведено», ибо есть вѣроятіе, что Дантесъ поступалъ не наивно, не спроста, не очертя голову, а сознательно и даже, можетъ быть, по наущенію или съ согласія другихъ лицъ, очень значительныхъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняетъ это дѣло г. Бартеневъ, въ примѣчаніи къ воспоминаніямъ графа Сологуба, да иначе не слѣдуетъ понимать и слова самого повѣствователя. Но возвращаемся къ подробностямъ его разсказа...

Въ ноябрѣ 1836 года, въ Пушкинскомъ кружкѣ распространены были подметные пакеты, въ которыхъ находились запечатанныя письма съ адресомъ, писаннымъ кривымъ почеркомъ, на имя А. С. Пушкина. Одно такое письмо доставлено было графу Сологубу. «Мнѣ тотчасъ же — говоритъ онъ — пришло въ голову, что въ этомъ письмѣ что-нибудь написано о моей личной исторіи съ

Digitized by Google

Пушкинымъ, что, слѣдовательно, уничтожить я его не долженъ, а распечатать не въ правѣ. Затѣмъ я отправился къ Пушкину и, не подозрѣвая нисколько содержанія приносимаго мною гнуснаго пасквиля, передалъ его Пушкину. Пушкинъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, распечаталъ конвертъ и тотчасъ сказалъ мнѣ: «Я ужь знаю, что̀ такое; я такое письмо получилъ сегодня же отъ Елисаветы Михайловны Хитровой: это мерзость противъ жены моей. Впрочемъ, понимаете, что безъименнымъ письмомъ я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади плюнетъ на мое платье, такъ это дѣло моего камердинера — вычистить платье, а не мое. Жена моя — ангелъ, никакое подозрѣніе коснуться ея не можетъ. Послушайте, что̀ я по сему предмету пишу г-жѣ Хитровой.» Тутъ онъ прочиталъ мнѣ письмо, вполнѣ сообразное съ его словами. Въ сочиненіи присланнаго ему всѣмъ извѣстнаго диплома, онъ подозрѣвалъ одну даму, которую мнѣ и назвалъ. Тутъ онъ говорилъ спокойно, съ большимъ достоинствомъ и, казалось, хотѣлъ оставить все дѣло безъ вниманія.» Но впослѣдствіи стало извѣстно, что въ этотъ же самый день, онъ послалъ вызовъ Дантесу. Это было сдѣлано совершенно тайно; такъ что, когда, черезъ нѣсколько дней, графъ Сологубъ спросилъ Пушкина: не дознался ли онъ, кто авторъ писемъ — поэтъ высказалъ подозрѣніе на другое лицо (*), и затѣмъ, на предложеніе Сологуба, быть его секундантомъ въ случаѣ дуэли, отвѣчалъ: «Дуэли никакой не будетъ; но я, можетъ быть, попрошу васъ быть свидѣтелемъ одного объясненія, при которомъ присутствіе свѣтскаго человѣка мнѣ желательно для надлежащаго заявленія.» Разговоръ этотъ происходилъ во время прогулки; несмотря на сказанное, Пушкинъ заходилъ къ оружейнику и прицѣнивался къ пистолетамъ, но не купилъ — по неимѣнію денегъ. Черезъ нѣсколько дней открылась тайна его намѣреній.

«У Карамзиныхъ праздновался день рожденія старшаго сына. Я сидѣлъ за обѣдомъ подлѣ Пушкина. Во время общаго веселаго разговора, онъ вдругъ нагнулся ко мнѣ и сказалъ мнѣ скороговоркой: «Ступайте завтра къ д'Аршіаку. Условьтесь съ нимъ, только на счетъ матеріальной стороны дуэли. Чѣмъ кровавѣе, тѣмъ лучше. Ни на какія объясненія не соглашайтесь.» Потомъ онъ продолжалъ шутить и разговаривать, какъ-бы ни въ чемъ не бывало. Я остолбенѣлъ, но возражать не осмѣлился. Въ тонѣ Пушкина была рѣшительность, недопускавшая возраженій. Вечеромъ я поѣхалъ на большой раутъ къ австрійскому посланнику графу Фикельмону. На раутѣ всѣ дамы были въ траурѣ по случаю смерти Карла X. Одна Катерина Николаевна Гончарова (сестра Натальи Николаевны Пушкиной, которой на раутѣ не было) отличалась отъ прочихъ бѣлымъ платьемъ. Съ ней любезничалъ Дантесъ-Геккернъ. Пушкинъ пріѣхалъ поздно, казался очень встревоженъ, запретилъ Катеринѣ

(*) По всей вѣроятности, на барона Геккерна; на это есть указаніе въ извѣстной брошюрѣ г. Аммосова о смерти Пушкина.

Digitized by Google

Николаевнѣ говорить съ Дантесомъ п, какъ узналъ я потомъ, самому Дантесу высказалъ нѣсколько болѣе чѣмъ грубыхъ словъ. Съ д'Аршіакомъ, статнымъ молодымъ секретаремъ французскаго посольства, мы выразительно переглянулись, но разошлись не будучи знакомы. Дантеса я взялъ въ сторону и спросилъ его, что онъ за человѣкъ. «Я человѣкъ честный, отвѣчалъ онъ—и надѣюсь скоро это доказать». Затѣмъ онъ сталъ объяснять, что не понимаетъ, чего отъ него Пушкинъ хочетъ; что онъ поневолѣ будетъ съ нимъ стрѣляться, если будетъ къ тому принужденъ, но никакихъ ссоръ и скандаловъ не желаетъ. Ночь я, сколько мнѣ помнится, не могъ заснуть; я понималъ, какая лежитъ на мнѣ отвѣтственность передъ всей Россіей... На другой день погода была страшная, снѣгъ, мятель. Я поѣхалъ сперва къ отцу моему, жившему на Мойкѣ, потомъ къ Пушкину, который повторилъ мнѣ, что я имѣю только условиться насчетъ матеріальной стороны самого безпощаднаго поединка и, наконецъ, съ замирающимъ сердцемъ, отправился къ д'Аршіаку. Каково же было мое удивленіе, когда съ первыхъ словъ д'Аршіакъ объявилъ мнѣ, что онъ самъ всю ночь не спалъ, что онъ, хотя не русскій, но очень понимаетъ, какое значеніе имѣетъ Пушкинъ для русскихъ, и что наша обязанность сперва просмотрѣть всѣ документы, относящіеся до порученнаго намъ дѣла. Затѣмъ онъ мнѣ показалъ:

1) Экземпляръ ругательнаго диплома на имя Пушкина.

2) Вызовъ Пушкина Дантесу, послѣ полученія диплома.

3) Записку посланника, барона Геккерна, въ которой онъ просилъ, чтобъ поединокъ былъ отложенъ на двѣ недѣли.

4) Собственноручную записку Пушкина, въ которой онъ объявлялъ, что беретъ свой вызовъ назадъ, на основаніи слуховъ, что г. Дантесъ женится на его невѣствѣ, К. Н. Гончаровой.

Я стоялъ пораженный, какъ-будто свалился съ неба. Объ этой сватьбѣ я ничего не слыхалъ, ничего не вѣдалъ и только тутъ понялъ причину вчерашняго бѣлаго платья, причину двухнедѣльной отсрочки, причину ухаживанія Дантеса. Всѣ хотѣли остановить Пушкина. Одинъ Пушкинъ того не хотѣлъ. Мѣра терпѣнія переполнилась. При полученіи глупого диплома отъ безъимяннаго негодяя, Пушкинъ обратился къ Дантесу, потому что послѣдній, танцуя часто съ К. Н., былъ поводомъ къ мерзкой шуткѣ. Самый день вызова неопровержимо доказываетъ, что другой причины не было. Кто зналъ Пушкина, тотъ понимаетъ, что нетолько въ случаѣ кровной обиды, но что даже при первомъ подозрѣніи, онъ не сталъ бы дожидаться подметныхъ писемъ. Одному Богу извѣстно, что онъ въ это время выстрадалъ, воображая себя осмѣяннымъ и поруганнымъ въ большомъ свѣтѣ, преслѣдовавшемъ его мелкими, безпрерывными оскорбленіями. Онъ въ лицѣ Дантеса искалъ или смерти или расправы съ цѣлымъ свѣтскимъ обществомъ... «Вотъ положеніе дѣла, сказалъ д'Аршіакъ. Вчера кончился двухнедѣльный срокъ, и я былъ у г. Пушкина съ извѣщеніемъ, что мой другъ Дантесъ готовъ къ его услугамъ. Вы понимаете, что Дантесъ желаетъ женить-

Digitized by Google

ся, но не можетъ жениться иначе, какъ если г. Пушкинъ откажется просто отъ своего вызова безъ всякаго объясненія, не упоминая о городскихъ слухахъ. Г. Дантесъ не можетъ допустить, чтобы о немъ говорили, что онъ былъ принужденъ жениться, и женится во избѣжаніе поединка. Уговорите г. Пушкина безусловно отказаться отъ вызова. Я вамъ ручаюсь, что Дантесъ женится, и мы предотвратимъ, можетъ быть, большое несчастіе...» Мое положеніе было самое непріятное: я только теперь узналъ сущность дѣла; мнѣ предлагали самый блистательный исходъ, то, что я и требовать и ожидать бы никакъ не смѣлъ, а между тѣмъ я не имѣлъ порученія вести переговоры. Потолковавъ съ д'Аршіакомъ, мы рѣшились съѣхаться въ три часа у самого Дантеса. Тутъ возобновились тѣ же предложенія, но въ разговорахъ Дантесъ не участвовалъ, все предоставивъ секунданту. Никогда въ жизнь свою я не ломалъ такъ головы. Наконецъ, потребовавъ бумаги, я написалъ пофранцузски къ Пушкину слѣдующую записку: «Согласно вашему желанію, я условился насчетъ матеріальной стороны поединка. Онъ назначенъ 21-го ноября въ восемъ часовъ утра на парголовской дорогѣ, на десять шаговъ барьера. Впрочемъ, изъ разговоровъ узналъ я, что г. Дантесъ женится на вашей свояченицѣ, если вы только признаете, что онъ велъ себя въ настоящемъ дѣлѣ какъ *честный* человѣкъ. Г. д'Аршіакъ и я служимъ вамъ порукой, что свадьба состоится; именемъ вашего семейства умоляю васъ согласиться и пр.» Д'Аршіакъ прочиталъ внимательно записку, но не показалъ ея Дантесу, несмотря на его требованіе, а передалъ мнѣ и сказалъ: «Я согласенъ. Пошлите.» Я подозвалъ своего кучера, отдалъ ему въ руки записку и приказалъ вести на Мойку, туда, гдѣ я былъ утромъ... Мы около двухъ часовъ оставались въ мучительномъ ожиданіи. Наконецъ, отвѣтъ былъ привезенъ. Онъ былъ въ общемъ смыслѣ слѣдующаго содержанія: «Прошу гг. секундантовъ считать мой вызовъ недѣйствительнымъ, такъ-какъ по городскимъ слухамъ (par le bruit public) я узналъ, что г. Дантесъ женится на моей свояченицѣ. Впрочемъ, я готовъ признать, что въ настоящемъ дѣлѣ онъ велъ себя честнымъ человѣкомъ.» Этого достаточно, сказалъ д'Аршіакъ, отвѣта Дантесу не показалъ и поздравилъ его женихомъ. Тогда Дантесъ обратился ко мнѣ съ словами: «Ступайте къ г. Пушкину и поблагодарите его, что онъ согласенъ кончить нашу ссору. Я надѣюсь, что мы будемъ видаться, какъ братья». Поздравивъ съ своей стороны Дантеса, я предложилъ д'Аршіаку лично повторить эти слова Пушкину и ѣхать со мной. Д'Аршіакъ и на это согласился. Мы застали Пушкина за обѣдомъ. Онъ вышелъ къ намъ нѣсколько блѣдный и выслушалъ благодарность, переданную ему д'Аршіакомъ. «Съ моей стороны—продолжалъ я—я позволилъ себѣ обѣщать, что вы будете обходиться съ своимъ зятемъ, какъ съ знакомымъ». «Напрасно, воскликнулъ запальчиво Пушкинъ. Никогда этого не будетъ. Никогда между домомъ Пушкина и домомъ Дантеса, ничего общаго быть не можетъ.» Мы грустно переглянулись съ д'Аршіакомъ. Пушкинъ затѣмъ немного успокоился. «Впрочемъ, добавилъ

Digitized by Google

онъ:—я призналъ и готовъ признать, что г. Дантесъ дѣйствовалъ какъ честный человѣкъ.» Больше мнѣ и не нужно, подхватилъ д'Аршіакъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Вечеромъ на балѣ С. В. Салтыкова свадьба была объявлена, но Пушкинъ Дантесу не кланялся. Онъ сердился на меня, что, несмотря на его приказаніе, я вступилъ въ переговоры. Свадьбѣ онъ не вѣрилъ. «У него, кажется, грудь болитъ, говорилъ онъ: того гляди, уѣдетъ заграницу. Хотите биться объ закладъ, что свадьбы не будетъ. Вотъ у васъ тросточка. У меня бабья страсть къ этимъ игрушкамъ. Проиграйте мнѣ ее.» «А вы проиграете мнѣ всѣ ваши сочиненія» «Хорошо».—(Онъ былъ въ это время какъ-то желчно веселъ). «Послушайте, сказалъ онъ мнѣ чрезъ нѣсколько дней: вы были болѣе секундантомъ Дантеса, чѣмъ моимъ; однако, я не хочу ничего дѣлать безъ вашего вѣдома. Пойдемте въ мой кабинетъ.» Онъ заперъ дверь и сказалъ: «Я прочитаю вамъ мое письмо къ старику Гекерну. Съ сыномъ уже покончено... Вы мнѣ теперь старичка подавайте.» Тутъ онъ прочиталъ мнѣ всѣмъ извѣстное письмо къ голандскому посланнику. Губы его задрожали, глаза налились кровью. Онъ былъ до того страшенъ, что только тогда я понялъ, что онъ дѣйствительно африканскаго происхожденія».

При видѣ этого гнѣва графъ Сологубъ не нашелъ возможности ничего сказать противъ; но онъ поспѣшилъ повидаться съ Жуковскимъ, и послѣднему удалось на этотъ разъ остановить порывъ Пушкина: письмо къ Гекерну не было послано, но Пушкинъ оставилъ его у себя на всякій случай. Вскорѣ послѣ того графъ Сологубъ уѣхалъ изъ Петербурга и не былъ свидѣтелемъ развязки этой печальной драмы. Изъ дальнѣйшихъ событій, предшествовавшихъ роковой дуэли, онъ разсказываетъ только слѣдующій фактъ, подобно многимъ другимъ неговорящій въ пользу Дантеса: «Какъ человѣкъ вѣтреный, онъ и послѣ свадьбы, встрѣчаясь на балахъ съ Натальей Николаевной, подходилъ къ ней и балагурилъ съ нѣсколько казарменною непринужденностью. Вызовъ былъ немпнуемъ и произошелъ несомнѣнно отъ площаднаго каламбура. На балѣ графа Воронцова, женатый уже, Дантесъ спросилъ Наталью Николаевну, довольна ли она мозольнымъ операторомъ, присланнымъ его женой. «Le pédicure prétend, прибавилъ онъ, que votre cor est plus beau que celui de ma femme.» Пушкинъ объ этомъ узналъ. Въ письмѣ его къ посланнику Гекерну есть намеки на этотъ каламбуръ. Письмо, впрочемъ, было то же самое, которое онъ мнѣ читалъ за два мѣсяца; многія мѣста я узналъ; только прежнее было, если не ошибаюсь, длиннѣе и, какъ оно ни покажется невѣроятнымъ, еще оскорбительнѣе.»

Таковы свѣдѣнія, сообщаемыя графомъ Сологубомъ; мы назвали обстоятельства, сопровождавшія смерть Пушкина, поучительнымъ эпизодомъ изъ исторіи нашего общества, и въ доказательство того могли бы сдѣлать изъ разсказаннаго нѣсколько выводовъ не слишкомъ-то въ пользу той среды, въ которой вращался Пушкинъ; но графъ Сологубъ предупредилъ насъ и въ слѣдующихъ словахъ со-

Digitized by Google

вершенно справедливо очертилъ отношеніе Пушкина къ тому такъ называемому большому свѣту, въ которомъ жилъ Пушкинъ:

«Въ сущности Пушкинъ былъ до крайности несчастливъ, и главное его несчастіе заключалось въ томъ, что онъ жилъ въ Петербургѣ и жилъ свѣтскою жизнью, его сгубившей. Пушкинъ находился въ средѣ, надъ которой не могъ не чувствовать своего превосходства, а между тѣмъ въ то же время чувствовалъ себя постоянно униженнымъ и по достатку, и по значенію въ этой аристократической сферѣ, къ которой онъ имѣлъ, какъ я сказалъ выше, непостижимое пристрастіе. Наше общество еще такъ устроено, что величайшій художникъ безъ чина становится въ офиціальномъ мірѣ ниже послѣдняго писаря. Когда при разъѣздахъ кричали: Карету Пушкина! —Какого Пушкина?—Сочинителя!—Пушкинъ обижался, конечно не за названіе, а за то пренебреженіе, которое оказывалось къ названію. За это и онъ оказывалъ наружное будто-бы пренебреженіе къ нѣкоторымъ свѣтскимъ условіямъ: не слѣдовалъ модѣ и ѣздилъ на балы въ черномъ галстухѣ, въ двубортномъ жилетѣ, съ откидными, ненакрахмаленными воротничками, подражая, быть можетъ, невольно Байроновскому джентльменству; прочимъ же условіямъ онъ подчинялся. Жена его была красавица, украшеніе всѣхъ собраній и, слѣдовательно, предметъ зависти всѣхъ ея сверстницъ. Пѣвецъ свободы, наряженный въ придворный мундиръ, для сопутствованія женѣ-красавицѣ, игралъ роль жалкую, едва-ли не смѣшную. Пушкинъ былъ не Пушкинъ, а царедворецъ и мужъ. Это онъ чувствовалъ глубоко. Къ тому же свѣтская жизнь требовала значительныхъ издержекъ, на которыя у Пушкина часто недоставало средствъ. Эти средства онъ хотѣлъ пополнять игрою, но постоянно проигрывалъ, какъ всѣ люди, нуждающіеся въ выигрышѣ. Наконецъ, онъ имѣлъ много литературныхъ враговъ, которые не давали ему покоя и уязвляли его раздражительное самолюбіе, провозглашая съ свойственною этимъ господамъ самоувѣренностью, что Пушкинъ ослабѣлъ, устарѣлъ, исписался, что было совершенная ложь, но ложь все-таки обидная. Пушкинъ возражалъ съ свойственною ему ѣдкостью, но не умѣлъ пріобрѣсти необходимаго для писателя равнодушія къ печатнымъ оскорбленіямъ. Журналъ его «Современникъ» шелъ плохо. Пушкинъ не былъ рожденъ журналистомъ. Въ свѣтѣ его не любили, потому что боялись его эпиграмъ, на которыя онъ не скупился, и за нихъ онъ нажилъ себѣ враговъ въ цѣлыхъ семействахъ, въ цѣлыхъ партіяхъ, враговъ непримиримыхъ. Въ семействѣ онъ былъ счастливъ, насколько можетъ быть счастливъ поэтъ, нерожденный для семейной жизни. Онъ обожалъ жену, гордился ея красотой и былъ въ ней вполнѣ увѣренъ. Онъ ревновалъ къ ней не потому, чтобы въ ней сомнѣвался, а что страшился свѣтской молвы, страшился сдѣлаться еще болѣе смѣшнымъ передъ свѣтскимъ мнѣніемъ. Эта боязнь была причиной его смерти, а не г. Дантесъ, котораго бояться ему было нечего. Когда онъ меня вызвалъ, онъ высказалъ мнѣ свою мысль. «Имя, вами носимое, общество, вами посѣщаемое, принуж-

Digitized by Google

дають меня просить сатисфакціи.» Слѣдовательно, онъ вступился не за обиду, которой не было, а боялся огласки, боялся молвы; и съ Дантесомъ было то же самое. Онъ видѣлъ въ немъ не серьёзнаго соперника, не посягателя на его настоящую честь, а посягателя на его имя, и этого онъ не перенесъ.»

Русскій публицистъ 1848 года. — Въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ» (1865 года, кн. I), напечатаны «Мысли, возбужденныя современными событіями въ Европѣ (1848 года)». Личность автора этой статьи намъ неизвѣстна; впрочемъ, въ текстѣ и примѣчаніи «Мыслей», мы встрѣтили на нее нѣкоторыя указанія — опять-таки безъ имени автора, «который не желалъ быть извѣстнымъ». Во всякомъ случаѣ, эти мысли такъ своеобразно замѣчательны, и такъ характеристичны для времени, въ которое были написаны, что мы не можемъ не подѣлиться ими съ читателемъ. Приведенныя ниже страницы тѣмъ болѣе дѣлаютъ чести анонимному публицисту, что и послѣ 1848 года, въ 1859, 1863 годахъ онъ твердо сохранилъ свои убѣжденія, о чемъ и заявилъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ первоначальному тексту.

«Мысли» начинаются съ очерка ужаснаго состоянія западной Европы въ 1848 году, когда, по мнѣнію нашего публициста, лжемудріе отшатнуло отъ истиннаго ученія церкви, и зараза духа, болѣе смертельная, чѣмъ холера и чума, стремилась «ниспровергнуть всюду порядокъ, возмутить всѣ страсти человѣчества и перепутать всѣ права, обязанности и отношенія народовъ, правительствъ и лицъ». Затѣмъ авторъ ставитъ нѣкоторый многознаменательный вопросъ относительно Россіи и, утвердивъ его на разныхъ доводахъ, развиваетъ рядъ соображеній о мѣрахъ, которыя, по его мнѣнію, настоятельно требуются въ Россіи.

«Не нужно ли и намъ — восклицаетъ анонимъ — подумать о заблаговременномъ противодѣйствіи проникающимъ въ Россію понятіямъ, мечтамъ и заблужденіямъ Запада? Не пора ли принять нѣкоторыя мѣры осторожности противъ возмутителей порядка и тишины въ цѣломъ почти мірѣ? Нѣтъ ли уже горькихъ сѣмянъ европейской заразы и на русской почвѣ?... Эти сѣмена не всегда сѣются обдуманнымъ злоумышленіемъ, но часто и довѣрчивымъ легкомысліемъ. Такъ у насъ головы пишущія и разсуждающія большею частью раздѣлились на западныхъ и восточныхъ. Послѣдніе достойны уваженія, когда они желаютъ лучшей участи соплеменнымъ, роднымъ намъ народамъ, заботятся о ихъ просвѣщеніи, стараются примирить возникшія между ими и нами недоразумѣнія. Но когда они шумятъ, зачѣмъ Петербургъ — Петербургъ, а не Петроградъ, и т. п., тогда они, впрочемъ, очень немногіе, или смѣшны, или, сами не чувствуя, идутъ къ одной цѣли съ западниками, къ безсильному желанію переиначить все въ Россіи, къ желанію, однакожь, внушаемому пламенною, хотя и неразумною любовію къ отечеству. Потому-то западники и опасны своимъ безусловнымъ по-

Digitized by Google

клоненіемъ Европѣ. Забывая, что въ Россіи, прежде всего, надо быть русскимъ, они плѣняются всѣми новыми мыслями нѣмецкихъ и французскихъ писателей и, представляя заблужденія свои толпѣ, увлекаютъ за собою безотчетно молодежь, всегда пылкую и неопытную (*). Вотъ первыя сѣмена заграничной заразы. Къ нимъ можно присоединить большое еще пристрастіе у насъ къ учителямъ, наставникамъ, дядькамъ, нянькамъ, даже управителямъ, моварамъ, горничнымъ, портнымъ и портнихамъ и т. п. изъ иностранцевъ и иностранокъ. Ужь, конечно, они превозносятъ все свое и уничтожаютъ все русское».

И вотъ противъ всего этого предлагаются разныя мѣры: «относительно мудрованій запада» дѣло легкое: нужно только установить въ университетахъ преподаваніе нравственно-христіанской философіи, да не запрещать ввоза философскихъ книгъ: тогда дѣльныя возраженія тотчасъ же торжественно обличатъ ихъ несостоятельность. Труднѣе расправиться съ иностранцами; поэтому и мѣры противъ ихъ сложнѣе: предлагается и запретить содержаніе иностранныхъ гувернеровъ, и выслать за границу иностранцевъ, нерусскихъ подданныхъ, и не допускать черезъ границу бродягъ разносчиковъ съ духами, помадой и спичками: «желающихъ же изъ нихъ остаться — поселить въ существующихъ колоніяхъ южнаго края, а малолѣтнихъ и сиротъ опредѣлить въ кантонисты». Всѣ эти мѣры необходимы потому, что эти иностранцы, равно какъ и русскіе бродяги, составляютъ «опасный зародышъ пролетаріевъ, то-есть бобылей, неимѣющихъ осѣдлости, ни вѣрныхъ средствъ къ своему пропитанію». «Если же — продолжаетъ авторъ — присоединить къ нимъ шатающихся безъ занятія вольноотпущенниковъ, часто престарѣлыхъ и малолѣтнихъ, отставныхъ солдатъ и солдатокъ, вообще мѣщанъ, неимѣющихъ ни земли, ни ремесла, ни торгу, ихъ семейства, ихъ вдовъ и сиротъ, изгнанныхъ изъ службы или отставленныхъ безъ пенсіи военныхъ и статскихъ офицеровъ, чиновниковъ, почтовыхъ смотрителей, курьеровъ и т. д. съ ихъ женами, вдовами, сиротами, заштатныхъ церковнослужителей, а также вдовъ и сиротъ ихъ, священническихъ и дьяконскихъ, наконецъ воспитанниковъ и воспитанницъ воспитательныхъ домовъ, студентовъ не дворянскаго происхожденія, и семинаристовъ, остающихся безъ назначенія, по неимѣнію мѣстъ для такого множества тѣхъ и другихъ—то можно сказать, что у насъ образовалось уже и tièrs-etât (**). А къ чему въ Россіи среднее состояніе между высшими сословіями дворянства, духовенства и купечества и простымъ на-

(*) Какъ въ станѣ славянофиловъ встрѣчаются люди умѣренные, такъ и посреди поклонниковъ Запада многіе желаютъ только улучшеній въ Россіи, и съ этой цѣлію хотѣли бы перенести къ намъ съ Запада все разумное и дѣйствительно полезное. *Прим. аноним. публициста.*

(**) Читатель замѣтилъ, конечно, что мы передаемъ мысли автора во всей ихъ неприкосновенности. Уже изъ опредѣленія tièrs-état видно, какъ русскій публицистъ силенъ въ политическихъ наукахъ.

Digitized by Google

родомъ: земледѣльцевъ, мѣщанъ, солдатъ? (Купечество — высшее сословіе, а мѣщане — народъ!!) Всѣ эти лица и семьи, вмѣстѣ взятыя, образуютъ у насъ, особенно въ столицахъ и большихъ городахъ, англійскій павперизмъ (*), огромное сословіе бѣдныхъ, стыдящихся, и нищихъ безстыдныхъ попрошаекъ, дармоѣдовъ, къ обремененію общественной и частной благотворительности. Итакъ мы имѣемъ уже павперизмъ, пролетаріевъ и тьерсъ-эта, то-есть всѣ гибельныя сѣмена неустройствъ, отчаянной рѣшимости на самоуправство и готовности къ междоусобіямъ.»

Противъ всѣхъ этихъ ужасовъ анонимъ опять совѣтуетъ разныя мѣры: однихъ изъ этихъ пролетаріевъ онъ предлагаетъ поселить, какъ поселялись отставные солдаты при Екатеринѣ; другихъ, именно семинаристовъ и студентовъ не дворянъ, безъ назначенія, и *опредѣлить въ военную службу или водворить среди казачьихъ и линейныхъ войскъ*, и т. д. Наконецъ, авторъ находитъ нужнымъ отправить къ мѣсту назначенія ссыльныхъ, содержимыхъ въ приказахъ общественнаго призрѣнія по причинѣ болѣзни. «Если все это (то-есть ихъ недуги) не препятствовало имъ бродяжничать, воровать, злодѣйствовать, такъ почему же не дойти имъ до Сибири, хоть бы и не подвергаясь тѣлесному наказанію? Да еслибы иные изъ нихъ и не дошли, что часто случается съ нессыльными и здоровыми людьми, *какая же тутъ убыль государству?* А ужь пользы нѣтъ никому никакой! Человѣколюбивые законы, конечно, прекрасны, но потворство — не милосердіе. Строгость нужна для поддержанія порядка. У насъ, слава-богу, нѣтъ смертной казни, и мы можемъ похвалиться этимъ передъ хвастливою Европою, но кормить, одѣвать и лелѣять грабителей и зажигателей — это значитъ: уничтожать въ народѣ всякій страхъ заслуженнаго наказанія при преступленіи.»

Обсудивъ вопросъ объ «англійскомъ павперизмѣ», и французскомъ «тьерс-эта» въ Россіи, авторъ обращается къ разсмотрѣнію нуждъ нашего народнаго образованія и къ нравственной оцѣнкѣ русскаго простонародья. «Просвѣщеніе — говоритъ онъ — какъ и человѣколюбіе, необходимо для блага народовъ. Это неоспоримо. Однакожь есть степени просвѣщенія, есть предѣлы и человѣколюбію. Много у насъ теперь толкуютъ о всемірной грамотности. Хотятъ особенно просвѣтить крестьянскихъ дѣвочекъ, и ужь начали сочинять для мужиковъ повѣсти (**)! Мысль западная: Эме-Мартенъ давно ужь издалъ книгу «О воспитаніи матерей», въ которой, разумѣется; много философскихъ пошлостей и нехристіанскихъ выходокъ. Грамотѣи латинской церкви, не понимая св. службы, сидятъ во время обѣдни съ книжками. Протестанты также читаютъ на лавкахъ въ храмѣ Господнемъ. Вотъ наши западники и

(*) Должно замѣтить, что въ 1848 г. у насъ слово пауперизмъ было въ такомъ же ходу, какъ теперь нигилизмъ; одно другаго стоитъ.

(**) Въ то время явился Антонъ-Горемыка г. Григоровича и первые разсказы изъ «Записокъ Охотника» г. Тургенева.

Digitized by Google

закричали, что надо русскимъ крестьянамъ и крестьянкамъ, всѣмъ, безъ исключенія, читать и писать; что безъ этого имъ никогда не быть христіанами; что это только совершитъ ихъ нравственное воспитаніе. Итакъ, по мнѣнію нашихъ европейцевъ, православная Русь — государство не христіанское и народъ русскій — народъ безнравственный!... Не говоря уже о невозможности засадить за указку и за перо нѣсколько милліоновъ мужчинъ и женщинъ, старыхъ и малыхъ, если допустить мысль, что рано ли, поздно ли, вся Россія примется читать — гдѣ повѣсти, гдѣ часословъ, а гдѣ писать пустится всякую всячину, кто же будетъ воздѣлывать землю, проводить пути сообщенія, воздвигать зданія, добывать металы и минералы, работать на промыслахъ и заводахъ и т. п.? Какъ найдти довольно времени и на вседневные труды, и на чтеніе?...

До сихъ поръ авторъ касался преимущественно отрицательныхъ сторонъ русской жизни и, строго ихъ осуждая, предлагалъ средства для устраненія вредныхъ элементовъ, въ нее закравшихся. Взглянемъ теперь на его сужденія о томъ, что̀ русская жизнь представляетъ положительнаго и гдѣ основы ея процвѣтанія.

«Изъ всѣхъ взволнованныхъ нынѣ въ Европѣ народовъ только англичане еще могутъ противодѣйствовать возмутителямъ, и это потому, что въ Великобританіи аристократія сохранилась во всей своей чистотѣ. Въ Россіи совокуплены всѣ силы къ охраненію ея народности. Остается только *приподнять* нѣсколько упавшее дворянство, *закрывъ* легкіе пути къ достиженію этого званія недворянамъ, *возстановить* обмельчавшіе роды князей и бояръ, *ограничивъ* между прочимъ *раздробленіе* владѣльческихъ имѣній до извѣстной степени, ниже которой они недѣлимы, напримѣръ, 400 или 500 душъ, или 1,000 или 2,000 десятинъ земли; словомъ, возсоздать вельможество или столбовое дворянство. Оно потому и называлось всегда *столбовымъ*, что дворяне — коренные *столбы престола*, на которыхъ онъ почіетъ и зиждетъ. Это — сила силы! Это двигатели—въ рукахъ двигателя! Это драгоцѣнный алмазъ, въ вѣнцѣ порфирородныхъ на Руси!... Дворянскіе и княжескіе роды и православное духовенство въ Россіи во всѣ бѣдственныя годины наши были и будутъ первымъ оплотомъ народа, всегда готоваго на службу царю и отечеству, лишь бы были путеводители, съ крестомъ и благословеніемъ со стороны духовенства, съ мечомъ и самоотверженіемъ со стороны дворянства. Быть можетъ, эта историческая истина поведетъ *къ правильному раздѣленію* древнихъ и новыхъ родовъ (?), и къ образованію, напримѣръ, поколѣній княжескихъ и графскихъ изъ родовъ, заслужившихъ это званіе; поколѣній боярскихъ изъ родовъ, достигшихъ дворянства до Петра, или хоть до Екатерины I, и поколѣній младшихъ дворянъ, со времени Петра или Екатерины I, и понынѣ возведенные въ это достоинство, съ подраздѣленіемъ ихъ на *разряды* (*касты*?) дворянъ-чиновниковъ, дворянъ-воиновъ, дворянъ-художниковъ или писателей и дворянъ-дѣятелей-благотворителей, по ученымъ трудамъ и открытіямъ, но

Digitized by Google

примѣрамъ нравственнымъ, но подвигамъ человѣколюбія, по полезнымъ изобрѣтеніямъ»...

Таковъ русскій публицистъ 1848 года. Въ 1848 г. у насъ публицисты не печатали своихъ произведеній, а потому соображенія неизвѣстнаго анонима явились только теперь. Но мы знаемъ, что мысль эта не была одиночною, а раздѣлялась очень многими. Мы могли бы дополнить эту характеристику русскаго публициста 1848 года... и, можетъ быть, это сдѣлаемъ когда-нибудь.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Посольство командора Вегецци въ Римъ.—Въ какомъ положеніи находится у насъ городское хозяйство.

Важнѣйшимъ событіемъ въ политическомъ мірѣ были въ послѣднее время переговоры итальянскаго правительства съ папской куріей. Переговоры эти особенно важны при томъ неопредѣленномъ положеніи, въ которомъ находится королевство итальянское относительно римскаго вопроса. Съ одной стороны Римъ составляетъ завѣтное стремленіе итальянскихъ патріотовъ, съ другой стороны предположенная столица Италіи защищена французскимъ знаменемъ отъ всякихъ попытокъ со стороны итальянцевъ.

Одинъ изъ политическихъ дѣятелей Италіи, бывшій министръ финансовъ, Санктисъ, извѣстный вѣрностію взгляда на дѣла этой страны и прямодушіемъ въ отзывахъ о современномъ состояніи своего отечества, охарактеризовалъ недавно въ неаполитанской газетѣ «Italia» настоящее положеніе Италіи въ слѣдующихъ словахъ:

«Мы находимся въ виду неизвѣстнаго, въ виду переговоровъ, предѣлы, предметъ и цѣль которыхъ намъ неизвѣстны; передъ нами что-то неопредѣленное, представляющее въ одно и то же время и выгоды и неудобства».

«При такомъ, болѣе чѣмъ сомнительномъ положеніи дѣлъ, общественное мнѣніе колеблется, умы увлечены двумя потоками. Среди противорѣчій можно отыскивать общественное мнѣніе, но нельзя сказать, чтобъ оно уже установилось.

«Не надобно однако предаваться мечтамъ. Запутанность дѣлъ не доказываетъ еще, чтобы въ душѣ итальянцевъ не установилась твердая, опредѣленная мысль. Въ тотъ день, когда вопросъ разрѣшится въ духѣ противномъ національной програмѣ, народному голосу и постановленіямъ парламента, г. Персиньи увидитъ, что «non possumus» папы встрѣчаетъ отпоръ въ возгласѣ итальянцевъ—«non possumus!»

Digitized by Google

Между тѣмъ планъ герцога Персиньи состоитъ въ сущности въ томъ, что если кардиналу Мероду удастся склонить папу оставить Римъ послѣ удаленія французскихъ войскъ, то французское и итальянское правительства принимаютъ на себя предупрежденіе всякаго революціоннаго движенія, и временное правительство, образовавшееся въ Римѣ, должно будетъ ввести такую администрацію, какая существуетъ во всѣхъ прочихъ частяхъ Италіи.

Упоминаютъ однако газеты и о томъ, что если и послѣ удаленія французскихъ войскъ папа останется въ Римѣ, то жители Рима произведутъ «мирную революцію». Они будутъ собираться толпами и не станутъ давать папѣ покоя своими прошеніями о перемѣнѣ правительства, и такія демонстраціи будутъ повторяться ежедневно. Если же кардиналъ Меродъ будетъ противиться сходкамъ толпы и подачѣ прошеній, то онъ будетъ арестованъ. Незначительное войско, на которое кардиналъ можетъ опереться и которое большею частію состоитъ изъ иностранцевъ, будетъ обезоружено, при чемъ, по возможности, избѣгнутъ всякаго кровопролитія. Наконецъ, или мирнымъ путемъ принудятъ папу согласиться на перемѣну образа правленія, или же, помимо его согласія, но только отъ его имени произведутъ всѣ желаемыя перемѣны. Прежде всего будутъ уничтожены границы, таможни и паспорты, препятствующіе соединенію Италіи, какъ одному государству, и вообще будутъ произведены такія реформы, вслѣдствіе которыхъ владѣнія, оставшіяся за папою, хотя и будутъ считаться самостоятельнымъ государствомъ, но уже ни въ чемъ не будутъ отличаться отъ прочихъ областей, вошедшихъ въ составъ королевства итальянскаго.

Всѣ эти предположенія, невыходящія изъ области вѣроятности, должны будутъ усложнить рѣшеніе римскаго вопроса въ томъ смыслѣ, въ какомъ домогаются произвести это съ одной стороны императоръ Наполеонъ, а съ другой—крайніе итальянскіе патріоты. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если Пій IX и Викторъ-Эмануилъ, для которыхъ римскій вопросъ представляетъ особенную важность, позаботились о томъ, чтобъ по возможности рѣшить его безъ участія Франціи и итальянскихъ революціонеровъ.

Изъ Рима пишутъ о какомъ-то таинственномъ послѣ Виктора-Эмануила, бывшемъ у папы въ ночь съ 27-го на 28-е мая. Королевскій уполномоченный, разсказываютъ газеты, прибылъ въ Римъ съ послѣднимъ поѣздомъ въ $11^1/_2$ часовъ вечера, и въ ожидавшей его каретѣ прямо поѣхалъ къ папѣ. На немъ былъ бѣлый галстухъ и черный сюртукъ подъ дорожнымъ пальто. Онъ, не перемѣнивъ своего костюма, явился къ папѣ, который принялъ его въ полночь, когда всѣ папскіе царедворцы были уже распущены. Послѣ того, какъ папа прочелъ привезенныя таинственнымъ посломъ депеши, между ними произошелъ краткій разговоръ. По окончаніи разговора, папа сѣлъ къ письменному столу, а путешественникъ вышелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ ему подали ужинъ. Черезъ четверть часа послѣдовалъ болѣе продолжи-

Digitized by Google

тельный разговоръ, и только въ четыре часа пополуночи посолъ оставилъ папу и въ той же самой каретѣ поѣхалъ на желѣзную дорогу, отнуда съ первымъ поѣздомъ отправился во Флоренцію.

Что же касается впечатлѣнія, произведеннаго въ Италіи посольствомъ въ Римъ г. Вегецци, то въ сущности противъ примиренія съ папою поднялось весьма немного голосовъ. Такъ, заявили свое неудовольствіе противъ начавшихся переговоровъ муниципалитеты нѣкоторыхъ, небольшихъ впрочемъ городовъ, нѣсколько тайно существующихъ патріотическихъ обществъ, такъ называемый римскій комитетъ, представляющій скорѣе призракъ, нежели дѣйствительность, горячая молодёжь въ университетахъ неаполитанскомъ, болонскомъ, павійскомъ и туринскомъ, и два, происходившіе въ Миланѣ и Туринѣ, митинга римской эмиграціи. Изъ протестовъ, наиболѣе замѣчательныхъ по рѣзкости выраженій, былъ протестъ города Остуніи, находящагося въ провинціи Отранто. Протестъ этотъ былъ поданъ принцу Гумберту во время открытія желѣзной дороги между Бари и Брандизи.

«Печальное и приводящее въ броженіе извѣстіе о попыткѣ примиренія между папскимъ Римомъ и итальянскимъ правительствомъ повергло насъ—пишутъ протестующіе—въ глубокую скорбь, и мы энергически протестуемъ противъ подобной попытки, какъ противъ очевиднаго нарушенія національныхъ правъ.» Упомянувъ о низложеніи Бурбоновъ и объ избраніи Виктора-Эмануила, граждане Остуніи заявляютъ, что они считаютъ рѣшеніе плебисцита за истинную политическую программу Италіи, и что они поклялись поддерживать это рѣшеніе цѣною своей крови. Протестъ выражаетъ скорбь о раненомъ «аспромонтскомъ мученикѣ», который далъ Италіи девять мильоновъ сыновъ и который будетъ въ состояніи подать помощь тѣмъ немногимъ, которые остаются еще доселѣ въ когтяхъ римскаго волка и сѣвернаго, то-есть австрійскаго, орла.

«Но нынѣ—сказано въ заключеніе—когда мы видимъ, что волка ласкаютъ невѣдомыя руки, когда отъ насъ требуютъ, чтобы мы протянули нашу руку исконному врагу Италіи, палачу Данте, Галилея, Савонаролы, Кампанелы и Джіаноне; когда мы видимъ, что нашему политическому существованію грозитъ опасность, а нашей свободѣ и независимости наносятъ оскорбленіе, что единство, купленное кровью нашихъ братьевъ, разрушается и за ниши жертвы платятъ намъ такъ дурно; когда мы видимъ, что постановленіе плебисцита замѣняется трактатомъ, который мы считаемъ для себя смертнымъ приговоромъ—мы протестуемъ, и твердые въ нашихъ принципахъ, мы приготовляемся, въ союзѣ съ 22 мильонами итальянцевъ, поддерживать наше право и защищать его противъ всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, которые провидятъ въ возрожденіи Италіи гражданское и политическое обновленіе всей Европы.»

Впрочемъ, если придавать подобнымъ демонстраціямъ не частный, а общій характеръ, то онѣ должны показаться довольно-

Digitized by Google

странными сравнительно съ тѣмъ спокойствіемъ и можно даже сказать съ тѣмъ одобреніемъ, съ какими была встрѣчена сентябрская конвенція о перенесеніи столицы. Едва-ли переговоры г. Вегецци съ римскимъ дворомъ могли идти далѣе этой конвенціи, отодвинувшей надежды итальянскихъ патріотовъ относительно Рима на неопредѣленное время. По замѣчанію французскихъ газетъ, посольство г. Вегецци встрѣчено съ бо̀льшимъ равнодушіемъ, нежели сентябрская конвенція. Хотя съ перваго взгляду митинги въ Миланѣ и въ Туринѣ, особенно въ послѣднемъ изъ этихъ городовъ, кажутся важными фактами въ патріотическомъ движеніи Италіи, но и въ нихъ проглядываетъ скорѣе взаимное соперничество городовъ сѣверной части полуострова, нежели стремленіе разрѣшить общій для всѣхъ итальянцевъ національный вопросъ.

Что же касается итальянскихъ газетъ, то бо̀льшая часть серьёзныхъ изданій обнаружила въ этомъ случаѣ сдержанность, которую признаютъ почти-что явнымъ одобреніемъ посольства г. Вегецци. Въ Туринѣ «Opinione», въ Миланѣ «Perseveranza», во Флоренціи «Nazione», и въ Неаполѣ «Italia» отнеслись къ этому факту упомянутымъ образомъ. Если же вообще происходившіе въ Римѣ переговоры производятъ нѣкоторое раздраженіе въ общественномъ мнѣніи итальянцевъ, то это надобно сказать о сѣверной части Италіи, гдѣ вражда къ папскому Риму проявляется особенно сильно.

Собственно же говоря, и итальянскій народъ и итальянское правительство, не видя средствъ рѣшить въ скоромъ времени римскій вопросъ въ пользу итальянскаго единства, готовы повидимому помириться съ Римомъ, если только это возможно. Въ то же время и папская курія, не видя въ покровительствѣ Франціи достаточнаго ручательства за самобытное свое существованіе, не прочь войти въ соглашеніе съ Викторомъ-Эмануэломъ. Само собою разумѣется, что при такомъ соглашеніи требуются взаимныя уступки и съ той и другой стороны, но до чего — спрашиваютъ всѣ — должна простираться въ настоящемъ случаѣ взаимная уступчивость? Между тѣмъ папа хочетъ сохранить попрежнему свои верховныя права надъ областями, составлявшими до 1859 года достояніе св. Петра и отошедшими къ Піемонту. Съ своей стороны итальянское правительство не считаетъ возможнымъ на территоріи новаго королевства допустить существованіе на особыхъ правахъ такихъ провинцій, которыя представляли какъ бы государство въ государствѣ.

Посольство г. Вегецци не вызвало въ итальянской пресѣ особыхъ возгласовъ ни за ни противъ, тѣмъ не менѣе послужило для всѣхъ итальянскихъ газетъ весьма важнымъ матеріаломъ. Въ нихъ теперь каждый день подъ рубрикой «Ultime Notizie» (послѣднія извѣстія) являются свѣдѣнія о ходѣ этого посольства.

Всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя какъ итальянскими, такъ и другими газетами, согласны между собою въ томъ, что мысль начать пере-

Digitized by Google

говоры съ римскимъ дворомъ принадлежитъ самому королю. Это объясняютъ нетолько политическими потребностями, но отчасти и личнымъ характеромъ Виктора-Эмануила. Въ настоящее время королю Виктору-Эмануилу уже сорокъ-пять лѣтъ. Онъ въ свое довольно-продолжительное царствованіе видѣлъ много и неудачъ и славы, такъ что опытъ могъ убѣдить его въ суетности земнаго величія. Обращаясь къ преданіямъ савойскаго дома, король можетъ видѣть, что предки его умирали добрыми католиками на попеченіи заботливыхъ духовниковъ, и что онъ между тѣмъ, какъ отлученный отъ церкви, будетъ лишенъ этой успокоительной обстановки. Викторъ-Эмануилъ, несмотря на вражду съ папой, все-таки преданъ католической церкви и онъ всегда былъ набоженъ. Такимъ образомъ поддержка Франціей папскаго господства въ Римѣ, личныя свойства короля и наконецъ перенесеніе столицы во Флоренцію, какъ-бы пріостановившее ходъ итальянскаго вопроса, побудили Виктора-Эмануила подумать о примиреніи съ главою католической церкви.

Немедленно по заключеніи конвенціи 3-го (15-го) сентября, Викторъ-Эмануилъ сообщилъ папѣ черезъ довѣренныхъ лицъ, о своей скорби по поводу продолжающагося разрыва между имъ и церковью; вмѣстѣ съ этимъ онъ заявилъ о своей преданности къ особѣ святаго отца и о своей готовности къ примиренію. Извѣстно, что сентябрская конвенція, поставившая Пія IX въ затруднительное положеніе, была собственно дѣломъ французской дипломатіи и кавалера Нигра, чѣмъ дѣломъ короля, и что Викторъ-Эмануилъ съ огорченнымъ сердцемъ подписалъ актъ, заставившій его покинуть древнее мѣстопребываніе савойскаго дома.

Заявленія, сдѣланныя королемъ папѣ, были приняты въ Ватиканѣ весьма холодно и даже невѣжливо, такъ-какъ на нихъ не было дано никакого отвѣта. Только въ половинѣ апрѣля папа сообщилъ приближеннымъ къ нему кардиналамъ, что онъ вѣритъ личнымъ, дружественнымъ чувствамъ короля и охотно готовъ, въ видахъ религіозныхъ потребностей нѣсколькихъ десятокъ тысячъ душъ, страдающихъ отъ незамѣщенія епископскихъ каѳедръ,— вступить въ переговоры съ Викторомъ-Эмануиломъ.

Прибавляютъ, что въ этомъ случаѣ внимательность папы простерлась до того, что онъ просилъ прислать въ Римъ для предстоящихъ переговоровъ по дѣламъ церковнымъ не духовное, а свѣтское лицо, такъ-какъ лицо, непринадлежащее по своей должности къ церковной іерархіи, будетъ дѣйствовать въ отношеніи къ римской куріи съ большею независимостію. Такимъ назначеніемъ Пій IX хотѣлъ устранить всякую мысль о вліяніи римской куріи на посланника, дѣйствующаго во имя короля, и тѣмъ самымъ оказать съ своей стороны полную готовность къ уступкамъ. Король поспѣшилъ назначить въ Римъ г. Вегецци, который и былъ принятъ въ Римѣ весьма дружелюбно. Собственно цѣль этого посольства заключалась въ устройствѣ дѣлъ духовныхъ, то-есть вопросъ шелъ о заключеніи конкордата, послѣ котораго

Digitized by Google

могло быть приступлено и къ соглашенію по вопросамъ, имѣющимъ политическое значеніе.

Открытіе переговоровъ между королемъ Италіи и папою было принято въ Вѣнѣ недовѣрчиво, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безъ особой радости. Разладъ Виктора-Эмануила съ церковью и неокончательный исходъ римскаго вопроса выгоденъ для Австріи въ томъ отношеніи, что такое положеніе дѣлъ въ Италіи обезпечиваетъ за габсбургскимъ домомъ Венеціанскую область гораздо вѣрнѣе, нежели это будетъ въ ту пору, когда Италія, уладивъ свои дѣла съ Римомъ, употребитъ усилія для исторженія Венеціи изъ-подъ владычества австрійцевъ. При извѣстіи о начавшихся переговорахъ между г. Вегецци и римскимъ дворомъ, австрійскій посланникъ въ Римѣ баронъ Бахъ попросилъ объясненій у кардинала Антонелли. Кардиналъ поспѣшилъ увѣрить барона, что переговоры г. Вегецци имѣютъ чисто-церковный характеръ и что невозможно касаться никакихъ дипломатическихъ вопросовъ, такъ-какъ его святѣйшество не сдѣлаетъ относительно ихъ ни малѣйшихъ уступокъ.

Въ Вѣнѣ однако не удовлетворились этими объясненіями. Вслѣдствіе положительныхъ предписаній своего правительства, баронъ Бахъ явился лично къ кардиналу Антонелли для словесныхъ съ нимъ объясненій, и старался доказать ему, что вѣнскій кабинетъ, выгоды котораго столь тѣсно связаны съ выгодами римскаго двора, весьма сильно встревоженъ извѣстіями о переговорахъ г. Вегецци, такъ-какъ въ затронутыхъ при этомъ вопросахъ вѣнскій кабинетъ не можетъ отдѣлить церковнаго характера отъ политическаго. Мало этого, г. Бахъ заявилъ, что въ самомъ открытіи переговоровъ съ посломъ отъ Виктора-Эмануила вѣнскій кабинетъ видитъ признаніе папою итальянскаго королевства и одобреніе того порядка, который существуетъ теперь въ Италіи и на который Австрія не можетъ смотрѣть равнодушно. Что же касается присяги епископовъ на вѣрность королю, то, по толкованію г. Баха, въ малѣйшей уступкѣ со стороны папы по этому предмету Австрія увидѣла бы нарушеніе интересовъ папскаго престола, что было бы для нея крайне прискорбно. Въ заключеніе своей бесѣды австрійскій дипломатъ совѣтовалъ государственному секретарю не торопиться уступками даже по дѣламъ чисто-церковнымъ.

На представленія барона Баха кардиналъ Антонелли съ горечью отвѣтилъ, что такъ-какъ всѣ старанія, употребленныя до сихъ поръ святымъ престоломъ относительно территоріальнаго обезпеченія папскихъ владѣній, остались безъ послѣдствій и что даже вѣнскій кабинетъ не слишкомъ усердно поддерживалъ съ своей стороны эти старанія, то римская курія, разсчитывая отнынѣ только на себя, рѣшилась вступить въ прямые переговоры съ Викторомъ-Эмануиломъ. Папа, замѣтилъ кардиналъ Антонелли, какъ глава католической церкви, не можетъ смотрѣть долѣе безъ состраданія на печальное положеніе католиковъ въ Италіи,

Digitized by Google

и потому вынужденъ стараться о соглашеніи съ флорентинскимъ кабинетомъ. Эти переговоры касаются только духовныхъ вопросовъ, по которымъ папа намѣренъ сдѣлать самыя обширныя уступки, какія только совмѣстны съ правами церкви, и онъ сдѣлаетъ это съ цѣлью водворить миръ между Италіей и Римомъ. Что же касается политическихъ вопросовъ, то они, по замѣчанію государственнаго секретаря, должны быть хорошо извѣстны вѣнскому кабинету изъ многочисленныхъ заявленій, сдѣланныхъ римскимъ дворомъ, и до конвенціи 3-го (15-го) сентября и послѣ нея. Отъ этихъ вопросовъ святой престолъ не думаетъ отказываться. Относительно же присяги епископовъ на вѣрность королю, вѣнскій дворъ можетъ быть совершенно спокоенъ, такъ-какъ папа никогда не утвердитъ подобной присяги.

Баронъ Бахъ не удовольствовался однако этими объясненіями и имѣлъ съ кардиналомъ Антонелли еще третье совѣщаніе. На этомъ совѣщаніи онъ просилъ кардинала извѣстить своевременно вѣнскій кабинетъ, если римскій дворъ, по достиженіи соглашенія въ церковныхъ дѣлахъ, захочетъ перейти къ политическимъ вопросамъ. Отвѣтъ кардинала на это предложеніе былъ чрезвычайно уклончивъ.

Заведенные въ Римѣ переговоры не понравились не одной только Австріи, но и іезуитамъ, и надобно отдать имъ справедливость въ томъ отношеніи, что они весьма ловко успѣли повернуть всѣмъ дѣломъ. Командоръ Вегецци, возвратившись въ Римъ, послѣ кратковременной отлучки, встрѣтилъ неожиданное сопротивленіе къ примиренію между Римомъ и Италіей, которое іезуитская партія считаетъ гибелью для всѣхъ своихъ надеждъ.

Между тѣмъ, повидимому, поѣздка г. Вегецци должна была привести дѣла къ хорошему исходу. Предстоящее исполненіе конвенціи 3-го (15-го) сентября, въ сущности невыгодной ни для папы, ни для Виктора-Эмануила, побуждало ихъ обоихъ къ миролюбивой сдѣлкѣ, которая была бы сколь возможно болѣе внѣ вліянія тюильрійскаго кабинета. Съ своей стороны французское правительство поступило въ этомъ случаѣ весьма тонко. Оно уклонилось совершенно отъ переговоровъ, происходившихъ между кардиналомъ Антонелли и г. Вегецци. Мало этого, даже французскій посланникъ въ Римѣ г. де-Сартижъ выѣхалъ оттуда по пріѣздѣ г. Вегецци, чтобъ устранить всякое подозрѣніе относительно вмѣшательства Франціи въ пользу той или другой стороны. Надобно однако замѣтить, что до отъѣзда изъ Рима, г. де-Сартижъ напомнилъ римской куріи, что французскія войска ни въ какомъ случаѣ не останутся въ Римѣ по истеченіи двухгодичнаго срока, опредѣленнаго конвенціей 15-го сентября. Само собою разумѣется, что такое заявленіе не могло пройти безъ вліянія на расположеніе римскаго двора—приступить къ соглашенію съ Викторомъ-Эмануиломъ въ виду будущихъ обстоятельствъ, не слишкомъ благопріятныхъ для господства папы въ Римѣ.

Несмотря на то, что къ открытію переговоровъ обѣ стороны под-

Digitized by Google

готовлялись довольно долго, самое веденіе переговоровъ представляло чрезвычайную неопредѣленность. Всѣ полагали, что г. Вегецци снабженъ формальными уполномочіями, такъ что онъ будетъ вести переговоры отъ имени итальянскаго правительства. Между тѣмъ въ сущности г. Вегецци былъ только довѣренное лицо Виктора-Эмануила и руководствовался словесно-данными инструкціями, безъ опредѣленнаго заранѣе плана на счетъ хода и окончательной цѣли завязавшихся сношеній. Собственно г. Вегецци поручено было передать только отвѣтъ короля на письмо папы о желаніи его святѣйшества облегчить положеніе католической церкви въ тѣхъ итальянскихъ епархіяхъ, которыя остаются доселѣ безъ епископовъ. Министры и даже генералъ Ламармора были совершенно чужды этой посылки, а нѣкоторые изъ нихъ даже вовсе не знали объ этомъ. Замѣчательно, что королевскій посолъ, встрѣтивъ затрудненіе при исполненіи возложеннаго на него порученія, посылалъ во Флоренцію депешу за депешей, проса указаній какъ дѣйствовать, а между тѣмъ на всѣ эти запросы не получилъ въ отвѣтъ ни одной строки.

Увидя себя какъ будто совершенно забытымъ, г. Вегецци рѣшился отправиться самъ во Флоренцію, чтобы переговорить съ королемъ и министрами. Онъ полагалъ, что въ его отсутствіи министры не согласятся между собою на счетъ необходимыхъ инструкцій. По пріѣздѣ во Флоренцію, г. Вегецци былъ встрѣченъ замѣчаніемъ со стороны генерала Ламарморы за самовольное оставленіе посланническаго поста, но г. Вегецци возразилъ, что онъ подчиненъ непосредственно королю, а не министрамъ, которые оставили его безъ всякихъ руководительныхъ указаній. Только спустя мѣсяцъ послѣ этого, г. Вегецци получилъ болѣе опредѣленныя инструкціи, на которыхъ долженъ былъ основываться весь ходъ переговоровъ.

При начавшемся личномъ сближеніи между папою и королемъ Викторомъ-Эмануиломъ, вмѣшательство Австріи, козни іезуитовъ и противодѣйствіе папской канцеляріи должны были затруднить открывшіеся переговоры. Папская канцелярія нашла, что всего лучше не допускать посланника до личныхъ объясненій съ его святѣйшествомъ, и г. Вегецци долго имѣлъ дѣло только съ кардиналомъ Антонелли. Представился однако такой пунктъ, который потребовалъ личнаго свиданія между г. Вегецци и ПіемъIX, вслѣдствіе чего посолъ Виктора-Эмануила получилъ аудіенцію у папы.

Послѣ этого свиданія, три пункта были улажены ко взаимному удовлетворенію, а именно: 1) на счетъ назначенія епископовъ было рѣшено, что въ Піемонтѣ оно будетъ предоставлено королю, сообразно съ прежнимъ конкордатомъ. Въ присоединенныхъ же провинціяхъ право назначенія епископовъ должно будетъ остаться за папою, но съ условіемъ полученія офиціальнаго согласія со стороны итальянскаго правительства. 2) Сокращеніе числа монастырей было рѣшено въ принципѣ. Римскій дворъ не принималъ

Digitized by Google

на себя гласнаго заявленія о необходимости этой мѣры; онъ соглашался только не заявлять никакихъ претензій, въ случаѣ, если по открытіи настоятельскихъ должностей въ монастыряхъ, должности эти не будутъ замѣщены новыми лицами; 3) наконецъ былъ составленъ проектъ конвенціи между папою и королемъ. Такъ-какъ папа не соглашался заключить формальнаго акта съ непризнаннымъ имъ государемъ, то предполагалось всѣ условія конкордата помѣстить въ простомъ письмѣ, написанномъ въ двухъ экземплярахъ и подписанныхъ одновременно папою и королемъ.

Несмотря на всѣ миролюбивыя стремленія г. Вегецци, камнемъ преткновенія для окончательной сдѣлки послужилъ вопросъ о присягѣ епископовъ, а между тѣмъ необходимо было объяснить съ должною точностью этотъ весьма важный пунктъ. Викторъ-Эмануилъ, желавшій непремѣнно достигнуть соглашенія съ римскимъ дворомъ, требовалъ, чтобы епископы давали присягу только въ повиновеніи «законамъ государства» и не приносили бы присяги королю. Викторъ-Эмануилъ надѣялся, что двусмысленность этой фразы устранитъ всѣ затрудненія. Между тѣмъ, на основаніи встрѣченной неопредѣленности, римскій дворъ и счелъ нужнымъ отвергнуть эту формулу соглашенія. Между тѣмъ французское правительство указало спорящимъ сторонамъ комбинацію, которая хотя бы и не разрѣшила прямо затрудненія, но устранила бы его. Комбинація эта заключается въ томъ, чтобы отмѣнить вовсе присягу для итальянскихъ епископовъ. Предлагая эту комбинацію, французское правительство указывало на то обстоятельство, что во Франціи въ разное время бывали цѣлыя категоріи должностныхъ лицъ, увольнявшихся отъ присяги, какъ напримѣръ, члены университета, для которыхъ присяга не была обязательна въ промежутокъ времени отъ 1830 до 1852 года.

Встрѣтивъ по вопросу о присягѣ несогласія со стороны римскаго двора, г. Вегецци отъ имени своего правительства предъявилъ новое требованіе, а именно, чтобъ всѣ епископы безъ различія провинцій, въ которыхъ они управляютъ епархіями, присягнули на вѣрность королю, такъ что изъ этой мѣры не исключаются епископы легатствъ, Мархіи и Умбріи, то-есть провинцій, принадлежавшихъ нѣкогда папскому престолу.

Папа, лично почти готовый согласиться на присягу епископовъ въ провинціяхъ, никогда ему непринадлежавшихъ, не захотѣлъ сдѣлать этой уступки относительно епископовъ территоріи, входившей прежде въ составъ церковной области. Въ этомъ случаѣ папа дѣйствовалъ уже самостоятельно внѣ вліянія со стороны Австріи и іезуитовъ. Онъ отвѣчалъ г. Вегецци въ слѣдующемъ смыслѣ:

«Если я дозволю присягу епископамъ въ епархіяхъ, принадлежавшихъ нѣкогда папскому престолу, то я тѣмъ самымъ какъ-бы признаю законность короля Виктора-Эмануила и безмолвно откажусь отъ Мархіи, Умбріи и Романьи. Что касается лично меня, то я охотно отказался бы отъ нихъ, потому что свѣтская власть

Digitized by Google

для меня слишкомъ тяжелое бремя; но въ качествѣ папы и главы римской церкви, я не могу отдавать то, что̀ не принадлежитъ мнѣ. Я самъ связанъ двойною присягою, которую я далъ, какъ кардиналъ и какъ папа. Я не болѣе, какъ временной хранитель папскаго сана, права̀ котораго я долженъ передать въ цѣлости моимъ преемникамъ. Если же я допущу присягу, то приму такое условіе, которое будетъ важнымъ нарушеніемъ правъ, принадлежащихъ папскому сану.»

Нынѣ получено извѣстіе, что переговоры г. Вегецци остались безъ всякихъ послѣдствій. Несмотря на это, они составляютъ весьма важный фактъ въ лѣтописяхъ дипломатіи и показываютъ, какъ трудно достигнуть дипломатическимъ путемъ соглашенія тамъ, гдѣ въ основѣ вражды лежатъ вѣковыя преданія. Одна изъ французскихъ газетъ хорошо поняла это. Говоря объ уклончивой политики римской куріи, упомянутая газета предсказывала, что открывшіеся переговоры ни къ чему не поведутъ и что Виктору-Эмануилу всего удобнѣе войти въ соглашеніе съ папою тѣмъ способомъ, который былъ въ 1801 году употребленъ первымъ консуломъ французской республики противъ упорствовавшаго Пія VII.

Между тѣмъ изъ Италіи въ «Кёльнскую Газету» пишутъ, что въ случаѣ неуспѣшнаго исхода переговоровъ съ Римомъ, будущіе выборы въ итальянскій парламентъ наполнятъ скамьи его радикальными членами, которые будутъ настаивать на самыхъ рѣшительныхъ мѣрахъ противъ церковныхъ имуществъ и монастырей, а партія движенія дѣлаетъ приготовленія къ тому, чтобъ провозгласить Римъ столицей Италіи, если папа, въ отвѣтъ на сдѣланное ему предложеніе, произнесетъ свое обычное: «non possumus».

При вопросахъ о дѣятельности земскихъ учрежденій идетъ главнымъ образомъ рѣчь объ уѣздномъ, а не городскомъ благоустройствѣ, между тѣмъ какъ на попеченіи земства лежитъ забота и объ этомъ предметѣ. Правда, что главныя потребности, какъ-то устройство путей сообщенія, сельскихъ училищъ, разложеніе земскихъ сборовъ, относятся преимущественно къ уѣздному, а не городскому хозяйству; тѣмъ не менѣе и вопросъ объ этомъ послѣднемъ составляетъ существенную часть занятій, предстоящихъ для земства. Само собою разумѣется, что успѣшный или неуспѣшный ходъ дѣлъ по городскому благоустройству будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ тѣхъ средствъ, которыя будутъ находиться въ распоряженіи городской казны. Надобно однако замѣтить, что прежній порядокъ по управленію общественными дѣлами въ нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ могъ весьма мало содѣйствовать къ увеличенію средствъ городской казны и

Digitized by Google

къ правильному распредѣленію между жителями прямыхъ и косвенныхъ налоговъ.

Вообще у насъ весьма еще мало знакомы съ экономическими условіями городскаго быта, и имѣется далеко неполный запасъ такихъ данныхъ, которыми должно руководствоваться при разрѣшеніи вопросовъ, относящихся къ городскому благоустройству. Доказательствомъ этому можетъ служить изданная министерствомъ внутреннихъ дѣлъ книга «Объ экономическомъ бытѣ нашихъ городовъ». При первомъ знакомствѣ съ этимъ, до нѣкоторой степени весьма полезнымъ трудомъ, легко убѣдиться, какъ неотчетливы еще у насъ свѣдѣнія по многимъ, самымъ главнымъ условіямъ городскаго быта. Такъ, напримѣръ, до сихъ поръ не опредѣлено у насъ въ точности числа лицъ, владѣющихъ въ городахъ домами и другимъ недвижимымъ имуществомъ, хотя число этихъ лицъ и предполагается въ общей сложности до 480,000. Еще не такъ давно, то-есть года три тому назадъ, не было извѣстно пространство земли, находящейся въ городской чертѣ Петербурга. Вообще нельзя не сказать, что мы слишкомъ поздно принялись за изученіе нашего экономическаго состоянія, такъ что въ этомъ отношеніи всѣ реформы застали насъ врасплохъ.

Что, впрочемъ, говорить о научно-статистическихъ требованіяхъ, если даже въ практикѣ по вопросамъ, относящимся къ городскому хозяйству, представляется у насъ порою замѣчательное въ своемъ родѣ незнаніе. Извѣстно, что сравнительно со всѣми нашими городами Петербургъ долженъ служить образцомъ по организаціи городскаго общественнаго управленія. Извѣстно также, что управленіе это дѣйствуетъ на пользу столицы около 20 лѣтъ, что въ немъ сосредоточены представители всѣхъ городскихъ сословій и что между членами городской с.-петербургской думы есть такія лица, которыя занимаютъ весьма видныя мѣста на службѣ. Казалось бы, всѣ эти условія должны были вести какъ къ правильно-организованной системѣ городскаго хозяйства, такъ и къ большей самостоятельности городской думы по распоряженію ввѣренными ей дѣлами. Между тѣмъ, къ сожалѣнію, приходится разубѣдиться въ подобныхъ предположеніяхъ. Городское хозяйство Петербурга находится нынѣ въ положеніи далеко неудовлетворительномъ. Въ этомъ легко убѣдиться изъ «Доклада особой комисіи, составленной для пересмотра городскихъ доходовъ С.-Петербурга».

Комисія эта была учреждена при городской общей думѣ, и нынѣ, окончивъ возложенное на нее порученіе, она представила на разсмотрѣніе гласныхъ подробный по этому дѣлу докладъ, вмѣстѣ съ проектомъ выработаннаго, на основаніи изложенныхъ въ докладѣ соображеній, новаго «Положенія о городскихъ сборахъ въ пользу петербургской столицы».

Важность этого предмета въ дѣлѣ городскаго хозяйства — сказано въ докладѣ комисіи — даетъ полное право ожидать самаго сосредоточеннаго, самаго всесторонняго его обсужденія, нетолько въ

Digitized by Google

средѣ городскаго общественнаго управленія, но даже и на поприщѣ литературной дѣятельности. Съ своей стороны мы съ полною готовностію отзываемся на это заявленіе, и постараемся обсудить это дѣло съ полнымъ безпристрастіемъ, замѣтивъ прежде, что комисія вполнѣ добросовѣстно и весьма отчетливо исполнила возложенное на нее порученіе. Кромѣ собранія необходимыхъ историческихъ и современныхъ свѣдѣній о различныхъ статьяхъ городскаго дохода здѣшней столицы, «Докладъ» съ похвальною откровенностію указываетъ на положеніе хозяйственныхъ дѣлъ Петербурга. Очень понятно, что еслибы комисія, обходя нѣкоторые щекотливые вопросы по городской администраціи, пустилась въ любезности на счетъ энергіи и мудрости здѣшняго городскаго общественнаго управленія, то она далеко уклонилась бы отъ предназначенной ей, вполнѣ практической цѣли. Мы думаемъ, что отъ прямодушныхъ объясненій, безъ всякихъ прикрасъ, каждое дѣло выигриваетъ гораздо болѣе, нежели при умилительной, такъ сказать, его обстановкѣ, когда представляется на наружу только хазовой конецъ и запрятывается подальше все остальное.

Надобно замѣтить, что относительно употребленія общественныхъ средствъ Петербурга установлены особыя правила. Въ силу счетной инструкціи, данной въ руководство здѣшней думѣ, составляются на каждый годъ такъ называемыя «Росписи городскихъ доходовъ и расходовъ». Росписи эти составляются городскою распорядительною думою, обсуждаются въ общей думѣ и, вмѣстѣ съ приговоромъ этой послѣдней, подвергаются дальнѣйшему пересмотру въ подлежащихъ инстанціяхъ, а потомъ, чрезъ государственный совѣтъ, восходятъ на высочайшее утвержденіе. Первая инстанція, въ которой начинается этотъ пересмотръ—такъ называемый губернскій комитетъ по росписи, состоящій подъ предсѣдательствомъ военнаго генерал-губернатора изъ членовъ: начальника губерніи, обер-полиціймейстера, городскаго головы, начальника 1-го округа путей сообщенія и депутатовъ отъ города, назначаемыхъ по выбору общей думы. Затѣмъ постановленіе этого комитета передается министру внутреннихъ дѣлъ, и вмѣстѣ съ мнѣніемъ его вносится въ государственный совѣтъ.

Очень понятно, что при такихъ постепенныхъ переходахъ первоначальный городской бюджетъ подвергается нерѣдко болѣе или менѣе важнымъ измѣненіемъ.

Кромѣ того, встрѣчаются нѣкоторыя неопредѣленности въ отношеніяхъ между общею и распорядительною думою.

По тому значенію, которымъ пользуется общая дума въ средѣ городскихъ общественныхъ учрежденій, какъ представительница городскаго общества, она не можетъ оставаться въ неизвѣстности, при какихъ условіяхъ извлекается доходъ съ имуществъ, ввѣренныхъ ея попеченію. Напротивъ того, ей, какъ учрежденію совѣщательному, по преимуществу принадлежитъ инициатива всѣхъ мѣропріятій, касающихся городскаго хозяйства. Въ виду этого, упоминаемый нами «Докладъ» предлагаетъ проектъ распредѣленія

Digitized by Google

обязанностей думы общей и распорядительной, по отношенію къ завѣдыванію общественными имуществами и городскими доходами. На основаніи этого проекта, въ числѣ предметовъ общественныхъ совѣщаній въ общей думѣ должны заключаться:

1) предварительное обсужденіе, прежде представленія на утвержденіе начальства, вновь вводимыхъ, въ пользу города, сборовъ, какъ по проектамъ частныхъ лицъ, такъ и мѣрами, предлагаемыми со стороны вѣдомствъ, соприкосновенныхъ къ городскому управленію;

2) разсмотрѣніе условій отдачи въ арендное пользованіе вновь возникающихъ оброчныхъ статей городскаго хозяйства;

3) перемѣщеніе статей городскаго дохода изъ оброчнаго содержаніе въ хозяйственное управленіе и

4) ходатайство о дополненіи или измѣненіи существующихъ положеній по сборамъ, взимаемымъ за пользованіе имуществами, находящимися въ хозяйственномъ управленіи.

Въ добавокъ къ указаннымъ нами недостаткамъ по организаціи городскаго общественнаго управленія здѣшней столицы, надобно сказать, что управленіе, по многимъ хозяйственнымъ вопросамъ, стѣсняется различными формальностями. Формальности эти чувствительнѣе всего отзываются на порядкѣ утвержденія торговъ, производящихся въ думѣ. Порядокъ этотъ основанъ на узаконеніяхъ 1785 и 1806 годовъ, и послѣдующее развитіе его не уклонялось отъ первоначальной исходной точки. По правиламъ счетной инструкціи, данной въ руководство распорядительной думѣ, только торги на сумму не свыше пяти тысячъ рублей подлежатъ окончательному ея утвержденію. Затѣмъ, соразмѣрно суммѣ и даже тому сроку, на который отдается отъ города въ содержаніе какая либо оброчная статья, утвержденіе торговъ зависитъ или отъ главнаго начальника столицы, или отъ министра внутреннихъ дѣлъ или, наконецъ, отъ сената.

Легко понять, что такая обусловленность утвержденія торговъ заставляетъ лицъ, желающихъ участвовать въ торгахъ, принимать въ разсчетъ медленность дѣла, и возможность отказа въ той или другой инстанціи, и вслѣдствіе этого не предлагать городу, за взятіе въ содержаніе оброчной статьи, ту сумму, которая была бы предложена, еслибы арендаторъ могъ быть съ перваго раза увѣренъ въ томъ, что на сдѣланное имъ заявленіе не будетъ получено отказа.

Полная справедливость требуетъ сказать, что столь сложный порядокъ по утвержденію торговъ на отдачу городскихъ имуществъ въ оброчное содержаніе не соотвѣтствуетъ уже современнымъ взглядамъ нашего законодательства. Стоитъ только сравнить описанный нами порядокъ, существующій въ городскомъ общественномъ управленіи, съ тѣмъ порядкомъ по тѣмъ же самымъ дѣламъ, который допущенъ «Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ». Упомянутое «Положеніе», возлагая на земскія учрежденія всю отвѣтственность за исполненіе тѣхъ повинностей, которыя законъ при-

Digitized by Google

знаетъ обязательнымъ для земства, въ то же время значительно распространяетъ кругъ ихъ самостоятельныхъ распоряженій по управленію ввѣреннымъ ихъ попеченію земскимъ хозяйствомъ и общественными имуществами. На всемъ завѣдываемомъ ими пространствѣ они пользуются правомъ: пріобрѣтать и отчуждать именемъ земства недвижимыя и движимыя имущества, заключать договоры и принимать обязательства, устанавливать новые сборы на земскія потребности, распоряжаться общественными капиталами, и совершать займы въ размѣрахъ, непревышающихъ двухгодовую сумму земскаго сбора. Только въ весьма-немногихъ случаяхъ, указанныхъ въ 90 и 92 статьяхъ этого «Положенія», хозяйственныя распоряженія земскихъ учрежденій подлежатъ утвержденію губернаторовъ и министра внутреннихъ дѣлъ, но, однако, и такое ограниченіе не распространяется на утвержденіе торговъ по земскому хозяйству. Напротивъ, по точному смыслу 104 и 105 статей, всѣ распоряженія, какъ по производству этихъ торговъ, такъ и по заключенію, на основаніи ихъ, контрактовъ, возлагаются окончательно на земскія учрежденія.

Между тѣмъ, городское общественное управленіе Петербурга, по его составу, образу дѣйствій и по самому его значенію, не отличается ничѣмъ отъ земскихъ учрежденій. Вслѣдствіе этого—какъ весьма справедливо замѣчаетъ «Докладъ» — не представляется никакихъ видимыхъ причинъ и достаточныхъ основаній подчинять городскія хозяйственныя операціи какимъ-либо инымъ условіямъ, кромѣ тѣхъ, которыя позднѣйшимъ законодательствомъ о земскомъ хозяйствѣ признаны за лучшія. Нужно принять въ соображеніе и то еще обстоятельство, что городское общественное управленіе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ положительно входитъ въ составъ земскихъ учрежденій, и что это самое, какъ нельзя болѣе, требуетъ возможнаго единства, по крайней мѣрѣ въ образѣ дѣйствій какъ городскаго управленія, такъ и земскихъ учрежденій.

Наконецъ замѣтимъ, что несмотря на ту самостоятельность, которою въ размѣрахъ, опредѣленныхъ закономъ, должно пользоваться городское общественное управленіе — вмѣшательство полицейской власти нарушаетъ иногда значеніе этого управленія. Такъ, напримѣръ, мы видимъ изъ «Доклада», что одинъ изъ сборовъ, которымъ подвергается судопромышленость въ Петербургѣ, а именно сборъ при впускѣ судовъ въ Фонтанку, установленъ, по буквальному выраженію «Доклада», нетолько вопреки указаннаго 536 ст. Т. XI порядка, но даже и безъ вѣдома городскаго управленія, обыкновеннымъ приказомъ с.-петербургскаго обер-полицеймейстера. Сборъ этотъ существуетъ три года. Онъ поступаетъ не на хозяйственныя нужды города, а въ пользу полицейскихъ унтер-офицеровъ, завѣдывающихъ впускомъ судовъ въ Фонтанку, и при томъ въ пользу ихъ отчисляется только половина этого сбора, а куда употребляется остальная часть, того—замѣчаетъ «Докладъ» — изъ даннаго по полиціи приказа не видно.

Указанныя нами причины, а отчасти невнимательность город-

Digitized by Google

скаго общественнаго управленія, и наконецъ, случайныя обстоятельства содѣйствуетъ къ тому, что городское хозяйство Петербурга находится въ положеніи далеко-неудовлетворительномъ. Судя по отчетамъ, надобно думать, что положеніе его весьма блистательно, но не то откроется, если углубиться въ самые разсчеты, на которыхъ строится видимое равновѣсіе ежегодныхъ городскихъ бюджетовъ.

Такъ — говоритъ «Докладъ» — если прослѣдить рядъ ихъ, начиная, напримѣръ, съ 1850 года и сравнить расходныя исчисленія съ тѣми средствами, которыя представлялись городу въ его текущихъ обыкновенныхъ расходахъ, то оказываются постоянно болѣе или менѣе значительные недочеты послѣднихъ передъ первыми.

«Докладъ» приводитъ подробныя цифры дефицитовъ за 14 лѣтъ. Одинъ разъ, именно въ 1859 году, дефицитъ достигъ 1,127,689 рублей, и только однажды, именно въ 1855 году, понизился до 85,646 руб.

Для пополненія этихъ дефицитовъ, въ распоряженіи городскаго управленія не было другаго средства, какъ употреблять запасный или остаточный капиталъ, образующійся экономическими сбереженіями отъ асигновокъ предшествующихъ лѣтъ. Оно вводило въ городскіе бюджеты отчисляемыя изъ этого капитала позаимствованія подъ видомъ особаго отдѣла «доходовъ чрезвычайныхъ». Само собою разумѣется, что отъ этого финансовые обороты здѣшней столицы представлялись весьма благопріятными съ перваго вида.

Надобно впрочемъ сказать, что новое городское общественное управленіе Петербурга, окончательно введенное въ 1847 году, приняло въ свое завѣдываніе городское хозяйство, обремененное значительнымъ долгомъ. Долгъ этотъ простирался до 1,042,452 руб. Долгъ этотъ вскорѣ долженъ былъ значительно увеличиться новыми займами: на покрытіе окончательныхъ расходовъ по сооруженію постояннаго моста черезъ Неву, на перестройку зданія городской думы, и на устройство хлѣбной пристани, такъ что городской долгъ въ 1850 году быстро возвысился до 1,872,010 руб. и почти равнялся годовому приходу въ городскую казну. Тогда городское управленіе постановило употребить запасный капиталъ на погашеніе этого долга.

Такимъ образомъ, городское хозяйство Петербурга было приведено въ это время въ положеніе, весьма близкое къ тому положенію, при которомъ уже значительная часть городскихъ запасныхъ средствъ могла бы быть назначаема на исполненіе многихъ существенно-необходимыхъ мѣръ по городскому благоустройству. Но въ это время возникли новыя обстоятельства, неблагопріятно подѣйствовавшія на финансовые обороты столицы. Такъ, городу было прекращено пособіе отъ казны; блокада кронштадтскаго порта уменьшила доходъ Петербурга по торговымъ пошлинамъ, и кромѣ того, по случаю двукратнаго объявленія Петербурга на военномъ

Digitized by Google

положеніи, городъ понесъ до 140,000 рублей расхода по одной только военной части.

Комисія, о которой мы упоминали, занималась разсмотрѣніемъ 66 статей, приносящихъ доходъ городу. Статьи эти не имѣютъ между собою ничего общаго, ни въ основныхъ началахъ установленныхъ съ нихъ сборовъ, ни въ способѣ взиманія, ни въ порядкѣ наблюденія за правильностію поступленія. Нѣкоторыя же изъ этихъ статей оставались въ совершенно-безконтрольномъ положеніи. Весьма немногія изъ нихъ истекаютъ непосредственно изъ существующихъ законоположеній, бо́льшая же часть ихъ беретъ начало изъ разныхъ мѣстныхъ установленій. Нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ прошедшему столѣтію, безъ всякаго слѣда въ общихъ узаконеніяхъ.

Короче, вся система городскаго хозяйства въ Петербургѣ представляется, можно сказать, въ довольно безпорядочномъ видѣ. Если это дѣлается въ центрѣ нашей цивилизаціи, то что́ же происходитъ въ другихъ городахъ? Не примемся ли мы усердно за столь важное общественное дѣло, какъ городское хозяйство, и не удастся ли намъ привести его въ лучшій порядокъ?...

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Права авторскія и контрфакція. В. Спасовича. *С.-Петербургъ. 1865 г. Изданіе Вольфа.*

Права авторскія, то-есть право авторовъ располагать обнародованіемъ ихъ произведеній умственныхъ или художественныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ воспрещать другимъ лицамъ приступать къ подобному обнародованію и распространенію — выработались лишь съ развитіемъ права вообще въ новѣйшее время; они возникли послѣ изобрѣтенія книгопечатанія. До появленія этого изобрѣтенія, сочиненія обращались въ весьма тѣсной и ограниченной сферѣ, въ видѣ рукописей, при чемъ невидно, чтобы кто либо воспрещалъ или затруднялъ переписываніе своихъ твореній. При этомъ весьма трудно было бы и доказать существованіе такой рукописи, сдѣланной вопреки желанію или согласію автора; она передавалась бы совершенно тайно однимъ лицомъ другому и сберегалась бы весьма тщательно, какъ вообще всякая рукопись того времени, представлявшая уже сама по себѣ значительную цѣнность, несравненно бо́льшую нежели любая книга въ настоящее время.

Книгопечатаніе породило двѣ важныя промышлености — типографскую и книгопродавческую; а съ распространеніемъ въ народѣ потребности читать—явился цѣлый классъ людей, добывающихъ себѣ средства къ существованію при посредствѣ двухъ вы-

Digitized by Google

именованныхъ видовъ промышленности. При этомъ вскорѣ возникла и контрфакція, то-есть перепечатываніе книги безъ согласія автора и первоначальнаго ея издателя, дѣлающая самый чувствительный подрывъ производителямъ—авторамъ и издателямъ, которымъ предстояло одно только средство спасенія, именно обратиться къ правительству и просить о пожалованіи въ видѣ милости особыхъ привилегій на исключительное право печатанія и продажи книгъ, предполагаемыхъ къ изданію. Первыя подобнаго рода привилегіи относятся къ послѣднимъ годамъ XV столѣтія и встрѣчаются впервые въ итальянскихъ и германскихъ государствахъ, особенно въ Венеціи и Миланѣ, а также въ Нюренбергѣ и Бамбергѣ. Императоръ Максиміліанъ I-й назначилъ въ то же время особаго генерал-супер-интенданта надъ типографіями въ священной Римской Имперіи, который вмѣстѣ съ верховною цензурою надъ книгами соединялъ и право раздавать привилегіи на ихъ печатаніе. Подобно императору, такія же привилегіи раздавали и германскіе князья; города Франкфуртъ и Лейпцигъ сдѣлались главными мѣстами нѣмецкой книжной торговли; при чемъ во Франкфуртѣ находилась особая императорская комисія, а въ Лейпцигѣ — княжеская комисія для надзора за монополіею привилегій и должнаго ихъ охраненія (Bluntschli-Staatswörterbuch, т. I, стр. 616). Во Франціи, гдѣ вся книжная торговля сосредоточилась въ Парижѣ, подобныя привилегіи раздавались королемъ, а также и парижскимъ парламентомъ (какъ верховнымъ судомъ королевства), университетомъ и префектомъ города Парижа; но въ XVIII столѣтіи это право раздачи подобныхъ привилегій сдѣлалось исключительно королевскимъ. Этого мы, однако, не встрѣчаемъ въ брошюрѣ г. Спасовича, который сообщивъ, что нигдѣ эксплоатація труда авторскаго издателями-капиталистами не достигла такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ въ Англіи, приводитъ, что въ 1566 году учреждена была въ этой странѣ особая корпорація, заключающая въ себѣ книгопродавцевъ, типографщиковъ, бумагопродавцевъ и переплетчиковъ, которой было предоставлено право печатанія. Желающій печатать книгу долженъ былъ вписать ее въ особый реэстръ корпораціи и получалъ, за уплатой извѣстной пошлины, письменное разрѣшеніе на печатаніе (licence). Контрфакція стала невозможною; Карлъ I-й указомъ 1637 года ограничилъ 20-ю число типографщиковъ на всю Англію. Такой порядокъ вещей продолжался до 1694 года, когда отмѣненъ былъ licensing act и установлена полная свобода печати, а съ нею вмѣстѣ издатели и авторы подверглись опять опасностямъ контрфакціи, потому что ихъ монополія только и охранялась предварительнымъ разрѣшеніемъ цензуры на печатаніе сочиненій. Изъ сдѣланнаго г. Спасовичемъ обзора современныхъ, главнѣйшихъ законодательствъ въ отношеніи постановленій о правахъ авторскихъ оказывается, что въ Англіи закономъ 1842 года іюня 1-го срокъ авторской монополіи продолженъ значительно за предѣлы жизни автора, до 7 лѣтъ отъ момента его смерти, или до 42 лѣтъ

Digitized by Google

со дня перваго изданія, смотря по тому, который изъ этихъ сроковъ выгоднѣе для пріобрѣтателя монополіи. За ввозъ въ Великобританію изъ-за границы перепечатанныхъ сочиненій, виновный, сверхъ конфискаціи экземпляровъ, которые истребляются, подвергается еще штрафу 10 фунтовъ стерлинговъ и взысканію двойной цѣны каждаго противозаконно ввозимаго экземпляра. Въ Соединенныхъ Штатахъ, по закону 1831 года, нынѣ дѣйствующему, срокъ авторской монополіи 28 лѣтній; но если при истеченіи этого срока авторъ живъ или если онъ оставилъ вдову и дѣтей, то она можетъ ходатайствовать о продолженіи своей монополіи еще на 14 лѣтъ.

Во Франціи указы императоровъ Наполеона I—1810 года и Наполеона III—1854 года обезпечиваютъ за авторами исключительное право на ихъ сочиненія въ теченіе всей жизни автора; вдова получила право пользоваться авторскою монополіею мужа пожизненно; срокъ пользованія нисходящихъ наслѣдниковъ назначенъ закономъ 1854 года тридцатилѣтній со дня смерти автора, предка ихъ. Права авторскія на произведенія автора, неоставившаго послѣ себя ни жены ни дѣтей или уступившаго свою монополію при жизни постороннему лицу, прекращаются за истеченіемъ десятилѣтняго срока со дня смерти автора.

Бельгія руководствуется французскими законоположеніями и закономъ 1817 года, которымъ права авторскія прекращаются истеченіемъ 20 лѣтъ со дня смерти автора. То же самое встрѣчаемъ мы и въ Нидерландахъ, Швеціи и Норвегіи. Данія и Португалія, а также прежнее королевство обѣихъ Сицилій (по Блунчли) даютъ правамъ авторскимъ 30 лѣтнее существованіе со дня смерти автора; Испанія — двадцатилѣтній и пятидесятилѣтній; Греція — пятнадцатилѣтній; Мексика — десятилѣтній. Въ Швейцаріи союзные кантоны заключили конкордатъ, по которому авторскія права обезпечиваются на 30 лѣтъ со дня перваго изданія, или, если авторъ еще живъ — по конецъ жизни автора. Посмертныя изданія охраняются въ такомъ только случаѣ, если они сдѣланы въ теченіе 10 лѣтъ съ момента смерти автора. Германскій союзъ постановленіемъ 1845 года опредѣлилъ, что права авторскія обезпечены на всю жизнь автора и на 30 лѣтъ послѣ его смерти.

Не останавливаясь на этомъ поразительномъ и едва-ли объяснимомъ произволѣ, выражающемся въ сдѣланномъ различными государствами опредѣленіи весьма разнообразныхъ сроковъ для авторской собственности, на произволѣ, который немало способствовалъ тому, что одни отвергли всякую авторскую собственность, а другіе — всякое ограниченіе этой собственности, г. Спасовичъ переходитъ къ разсмотрѣнію авторской собственности въ Россіи. Законодательство наше началось предоставленіемъ привилегій исключительнаго издательства нѣкоторымъ юридическимъ лицамъ, ученымъ корпораціямъ, и весьма недавно занялось только признаніемъ правъ авторскихъ за частными лицами. Такъ съ самаго начала своего существованія, академія наукъ

Digitized by Google

издаетъ календарь и вѣдомости, и пользуется исключительнымъ правомъ на всѣ книги, напечатанныя въ академической типографіи. Права же авторскія частныхъ лицъ опредѣлены впервые положеніемъ о правахъ сочинителей въ 1828 году, изданномъ въ дополненіе къ цензурному уставу, и высочайше утвержденнымъ положеніемъ государственнаго совѣта 1830 года о правахъ сочинителей, переводчиковъ и издателей. Вмѣстѣ съ положеніемъ о собственности художественной, изданнымъ въ 1846 году, и о собственности музыкальной 1845, эти постановленія составляютъ основаніе нынѣ-дѣйствующей системы гарантіи для авторскаго труда съ тѣмъ только измѣненіемъ, что положеніемъ государственнаго совѣта 1857 года, срокъ пользованія авторскими правами удвоенъ, такъ что изъ двадцатипятилѣтняго онъ превратился въ пятидесятилѣтній. Затѣмъ, г. Спасовичъ представляетъ весьма интересный и подробный разборъ постановленій русскаго законодательства объ авторской собственности, которыя онъ и разсматриваетъ съ трехъ сторонъ: гражданской, уголовной и судопроизводственной, не касаясь нисколько самаго вопроса объ авторской собственности вообще. Придерживается ли онъ строго принципу авторской собственности или нѣтъ, допускаетъ ли онъ въ немъ ограниченія, и какія именно — остается, собственно говоря, неизвѣстнымъ читателю, который можетъ составлять, лишь въ этомъ отношеніи, свои предположенія и догадки изъ немногихъ словъ, высказанныхъ г. Спасовичемъ по поводу брошюры Прудона, содержаніе которой имъ вкратцѣ передано. Онъ говоритъ (стр. 33): «право авторское однородно по существу и значенію съ привилегіею на изобрѣтеніе: они родные братья, члены одной семьи. Право авторское и выросло на нашихъ почти глазахъ изъ привилегіи, жалуемой каждому сочинителю порознь, по милости правительства; разница только та, что право изобрѣтателя въ промышлености и до сихъ поръ является только въ видѣ привилегіи частной, между тѣмъ какъ авторское право превратилось, посредствомъ обобщенія, въ особенное право, принадлежащее безъ спеціальнаго пожалованія со стороны правительства цѣлому классу произведеній, на поприщѣ литературы и искуства». Слѣдовательно, г. Спасовичъ признаетъ права авторскія съ нѣкоторыми ограниченіями, какъ это можно заключить и изъ слѣдующихъ словъ письма г. Спасовича къ редактору журнала «Фотографъ» А. Фрибесу, помѣщеннаго въ концѣ брошюрѣ, стр. 103: «Я полагаю, что и для литературной собственности 25 лѣтъ было бы весьма достаточно (мы позволимъ себѣ спросить только, почему 25 лѣтъ весьма достаточно, 30 — много, а 20 мало? на какомъ основаніи все это говорится); даже, можетъ быть, *слишкомъ* много (почему? или неужели можно доказать разумно, достаточно будетъ 21 годъ, или вообще какое-либо другое число лѣтъ, а 25 лѣтъ, именно 25 — уже слишкомъ много; жаль, что г. Спасовичъ не доставилъ намъ случая прочесть подобное, весьма занимательное и курьозное доказательство). Для фотографической же собствен-

Digitized by Google

ности полувѣковая монополія, не принося никакой существенной пользы фотографамъ (мы думаемъ, что она имъ приноситъ такую же пользу, какъ авторамъ вообще, и книгопродавцамъ въ особенности), будетъ только вредить имъ въ общественномъ мнѣніи, какъ напрасное стѣсненіе свободы комерческаго оборота свѣтописныхъ изображеній (Мы замѣтимъ, что авторская собственность представляетъ собою стѣсненіе свободы комерческаго оборота литературныхъ произведеній. Но что́ же изъ этого слѣдуетъ? Отмѣна авторской собственности или ея ограниченіе? и въ послѣднемъ случаѣ, въ какой степени, и почему въ меньшей, нежели относительно фотографической собственности?).

Зачѣмъ установлены — спрашиваетъ Спасовичъ — права авторскія? Затѣмъ, чтобы потрудившійся на своемъ вѣку авторъ былъ обезпеченъ на старости лѣтъ, относительно хлѣба насущнаго, чтобы онъ могъ пристроить дѣтей, и умеръ (вѣроятно, умереть) спокойно (картина недурна), зная, что семья его не будетъ лишена средствъ къ существованію тотчасъ послѣ его кончины. Эта цѣль вполнѣ достигается нетолько двадцатипятилѣтнимъ, но даже и пятнадцатилѣтнимъ срокомъ монополіи. (Замѣчательно въ высшей степени! на какомъ основаніи высказывается такое рѣшительное положеніе? авторъ можетъ и въ пятидесятилѣтній срокъ монополіи своей не быть обезпеченъ на старости — относительно насущнаго хлѣба, не пристроитъ дѣтей, и можетъ умереть не спокойно; онъ можетъ не найти сбыта своему труду, и въ 50 лѣтъ не продастъ его выгодно и т. д., на все это срока точнаго опредѣлить нельзя). «Мнѣ кажется, что и для публики и для фотографовъ было бы безобидно сократить срокъ пользованія правами авторскими, въ области свѣтописи — на 10 лѣтъ со дня изданія въ свѣтъ изображенія». Проходя молчаніемъ, что въ высшей степени трудно рѣшить вопросъ о контрфакціи въ отношеніи свѣтописныхъ произведеній, что присвоивъ авторскую собственность произведеніямъ фотографіи, нѣтъ причины не присвоить ее всякимъ копіямъ вообще, потому что собственно фотографія есть та же копія, но только посредствомъ свѣта-дароваго, а не красокъ или чернилъ— мы замѣтимъ, что если брать при назначеніи авторскихъ правъ въ области свѣтописи въ разсчетъ, будетъ ли это *безобидно* для публики или нѣтъ, то нѣтъ причины не брать того же въ соображеніе при назначеніи вообще срока всякой авторской собственности: при чемъ очевидно, что чѣмъ меньше таковой срокъ, чѣмъ онъ короче, тѣмъ для публики безобиднѣе, пріятнѣе. Но едва-ли основательно, при опредѣленіи *правъ* какого-либо лица, вообще сообразоваться съ тѣмъ: будетъ ли это пріятно и безобидно другимъ лицамъ или нѣтъ. Очевидно, что чрезъ это *право* лица (если таковое право только существуетъ) ставится въ совершенную зависимость отъ доброй воли другихъ лицъ, въ интересѣ которыхъ, нужно замѣтить, по возможности не допускать подобныхъ правъ. Вообще говоря, мы не совсѣмъ-то ясно пони-

Digitized by Google

маемъ, какимъ образомъ у г. Спасовича право, хотя бы и авторское — однородно съ привилегіею, и какъ изъ привилегіи авторской, а слѣдовательно и другой, какой бы то ни было вообще, можетъ выростать *право*. Мы сожалѣемъ, что авторъ не потрудился нѣсколько глубже взглянуть въ сущность самой авторской собственности, въ отношеніи которой, по словамъ Эдуарда Лабулэ, представляется слѣдующая дилема: «собственность или привилегія; если право авторское есть право собственности, то нѣтъ предѣловъ его расширенію; если оно привилегія, то благоразумно ограничивать его». — Эта дилема была бы давно разрѣшена, еслибы съ нею не связывался денежный вопросъ—о вознагражденіи авторовъ за ихъ трудъ.

Литературные майораты. *Сочиненіе* П. Ж. Прудона. *Переводъ съ французскаго. Петербургъ. Изданіе Жиркевича и Зубарева. 1865 г.*

По распоряженію императора Наполеона III, въ 1862 году, подъ предсѣдательствомъ государственнаго министра Валевскаго, составлена была въ Парижѣ особая комисія, которой поручено было представить проектъ новаго закона о литературной собственности. Послѣ нѣсколькихъ засѣданій, комисія признала полезнымъ установить въ пользу авторовъ особый видъ безсрочной, наслѣдственной привилегіи, то-есть признать за авторами полное, ничѣмъ неограниченное, и вѣчное право собственности надъ ихъ произведеніями. Проведеніе новаго принципа вызвало сильный протестъ со стороны г. Прудона, который, со свойственною ему силою краснорѣчія, написалъ по этому поводу вышеназванную книгу, съ содержаніемъ которой мы и намѣрены по возможности вкратцѣ познакомить гг. читателей.

Замѣтивъ, и притомъ совершенно справедливо, что вопросъ не въ томъ, имѣетъ ли литераторъ-изобрѣтатель или художникъ *право* на вознагражденіе за свой трудъ: кто же думаетъ отнимать кусокъ хлѣба у человѣка, будь онъ поэтъ или обычный крестьянинъ? — Прудонъ полагаетъ, что разъ навсегда слѣдовало бы бросить этотъ пустой вопросъ, подающій только поводъ къ самымъ смѣшнымъ декламаціямъ, и опредѣлить только свойства авторскихъ правъ и способъ вознагражденія этого рода труда.

Какъ ни существенно различіе между областью прекраснаго, справедливаго, святаго, истиннаго и областью полезнаго; какъ ни рѣзка черта, раздѣляющая эти области во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; но если принять въ соображеніе только то, что для всякаго сочиненія, автору нужно употребить физическую силу, время, деньги, припасы — словомъ, если смотрѣть на этотъ предметъ единственно съ точки зрѣнія политической экономіи, то писатель не что иное, какъ *производитель;* сочиненіе же его не что иное, какъ продуктъ, который если будетъ пущенъ въ обращеніе, порождаетъ право на вознагражденіе, жалованье или заработную плату.

Digitized by Google

Единственная разница между ремесленникомъ и писателемъ та, что первый, непосредственно дѣйствуя на матерію, изображаетъ, и такъ-сказать, воплощаетъ въ ней свою (а иногда, замѣтимъ мы, и чужую) идею, между тѣмъ какъ философъ, ораторъ, поэтъ, если можно такъ выразиться, не производитъ ничего внѣ собственнаго своего существа, и произведеніе ихъ, устное или письменное — ограничивается *словомъ*. Человѣкъ не творитъ своихъ идей, но получаетъ ихъ: онъ не образуетъ истину, но открываетъ ее; онъ не изобрѣтаетъ ни красоты, ни справедливости— онѣ сами открываются ему при наблюденіи явленій и взаимнодѣйствія предметовъ. Для насъ недоступенъ ни умственный, ни чувственный фондъ природы; причина и сущность вещей не нашихъ рукъ дѣло; даже идеалъ, о которомъ мы мечтаемъ, къ которому стремимся, и изъ-за котораго дѣлаемъ столько глупостей — созданъ не нами. Наблюдать и увидѣть, искать и открыть, овладѣть матеріею и видоизмѣнять ее сообразно тому, что мы видѣли и открыли — вотъ что политическая экономія понимаетъ подъ словомъ *производство*, степень и размѣръ котораго зависитъ отъ нашихъ силъ, отъ нашей организаціи, отъ воспитанія, которое мы получили, отъ среды, въ которой мы живемъ. Подобно тому, какъ землевладѣлецъ видоизмѣняетъ только небольшую частичку почвы, воздѣлываетъ только клочокъ земли — словомъ, добываетъ себѣ насущный хлѣбъ, такъ и мыслитель не сразу открываетъ истину, а доходитъ до этого путемъ многихъ заблужденій; да и та истина, открытіемъ которой онъ хвалится, не что иное, какъ на минуту блеснувшая искра, которая завтра же исчезнетъ въ сіяніи вѣчно-восходящаго свѣтила общечеловѣческаго разума. Произведеніе человѣка, каково бы оно ни было, такъ же ограничено, несовершенно, эфемерно и недолговѣчно, какъ и самъ онъ. Произведеніе, которымъ мы восторгаемся и называемъ идеальнымъ, въ сущности — ничтожно, несовершенно, бренно, требуетъ постоянныхъ возобновленій. Въ самомъ дѣлѣ, что такое представляютъ собою великія произведенія, оставленныя намъ вымершими, но по нашимъ понятіямъ, безсмертными народами? — муміи.

Произведенная вещь или форма принадлежитъ производителю, который имѣетъ многозначительное право пользоваться и распоряжаться ею. Но составляетъ ли *собственность* писателя самый продуктъ его, *самое сочиненіе*, матеріалы для котораго почерпнуты изъ общечеловѣческаго запаса свѣдѣній, и которое въ свою очередь послужитъ матеріаломъ для дальнѣйшей разработки? Сочиненіе писателя есть такой же продуктъ, какъ и жатва крестьянина; литераторъ-производитель, его продуктъ принадлежитъ ему. Но что же изъ этого? нельзя требовать отъ литератора его произведеній даромъ. Такъ: но что же изъ этого?

Послѣ этого Прудонъ приступаетъ къ разбору мѣны произведеній; замѣчаетъ, что законы ея извѣстны, что продукты обмѣниваются одинъ на другой, при чемъ оцѣнка ихъ зависитъ отъ взаимныхъ отношеній спроса и предложенія, и дѣлаетъ слѣдующій

Digitized by Google

выводъ: «всякій продуктъ чистаго мышленія или промышленности, если онъ пущенъ въ оборотъ, считается не *фондомъ*, не собственностью, а потребляемою и уничтожаемою отъ потребленія вещью (какая же разница, спросимъ мы, между вещью и собственностью, и развѣ вещь не бываетъ собственностью?); распоряжаться этою вещью можетъ только произведшій ее, или тотъ, кто получилъ ее, представивъ въ замѣнъ ея извѣстный эквивалентъ. (Права другого, замѣтимъ мы, на какой-либо результатъ труда, ему непринадлежащаго, опредѣляются лишь условіями мѣны, которыя могутъ быть очень различны).

Авторъ представляетъ собою одну изъ мѣняющихся сторонъ; съ кѣмъ же онъ мѣняется? ни съ кѣмъ въ частности, но вообще съ публикою. Съ какой стати устанавливать постоянный пенсіонъ въ пользу производителей, труды которыхъ столько же, сколько и всѣ прочіе продукты, носятъ на себѣ отпечатокъ индивидуальности и духа времени, и по своему существу столько же ограничены, несовершенны, непрочны и недолговѣчны. Произведенія мысли изнашиваются такъ же скоро, какъ и промышленные продукты, уничтожаются постояннымъ движеніемъ человѣческой мысли, поглощаются и видоизмѣняются другими послѣдующими сочиненіями. Но должно замѣтить, что литературное произведеніе не капиталъ писателя, а его продуктъ; капиталъ же заключается въ его воспитаніи, въ собранныхъ имъ матеріалахъ, въ начатыхъ имъ работахъ, въ его наблюденіяхъ и т. д.; онъ не пускается имъ въ обращеніе, не передается публикѣ, которой онъ ни на что и не нуженъ, потому что капиталъ имѣетъ значеніе въ рукахъ того человѣка, который умѣетъ придать ему цѣнность; капиталъ этотъ важенъ только для самаго автора, но безполезенъ, и слѣдовательно не имѣетъ никакой цѣны для публики, которая пользуется только произведеніемъ автора. На какомъ же основаніи обратить договоръ мѣны въ источникъ безсрочной ренты, хотя услуга или товаръ, служащій объектомъ мѣны, можетъ быть или разомъ оплаченъ, или платежъ можетъ быть разсроченъ на нѣсколько дней. Писателю, которому предоставлено *на извѣстный срокъ* исключительное право на продажу своихъ сочиненій, вознагражденъ *сполна*. Если за сообщеніе сочиненій *заплачено*, если экземпляръ книги проданъ, то обнародованіе уже совершилось. Деньги, заплаченныя *за книгу* (рѣчь идетъ не о книгѣ, а о правѣ издавать литературное произведеніе), даютъ пріобрѣтателю ея право пользоваться ею, дѣлать изъ нея какое угодно употребленіе, передавать ее другимъ, читать ее, дѣлать изъ нея извлеченія и т. д. При этомъ мы позволимъ себѣ замѣтить, что Прудонъ не указываетъ, какой же именно извѣстный срокъ на исключительное право продажи своихъ сочиненій онъ предполагаетъ назначить для авторовъ, и не доказываетъ основаній, по которымъ онъ отдаетъ преимущество одной какой-либо цифрѣ срока предъ другими;

2) что уплата денегъ за сочиненіе можетъ принять самыя разнообразныя формы, какъ напримѣръ, форму безсрочныхъ или

Digitized by Google

пожизненныхъ рентъ, которыя опять могутъ выразиться тѣмъ, что издатель частное лицо или все общество — не имѣя достаточныхъ средствъ для пріобрѣтенія въ полную собственность сочиненія автора — отъ свободнаго усмотрѣнія котораго зависитъ вполнѣ назначить за свое произведеніе какую угодно цѣну — можетъ купить лишь право на изданіе сочиненія въ извѣстномъ количествѣ экземпляровъ, только лишь на извѣстный срокъ, по прошествіи котораго авторъ можетъ продать это право другому и т. д.

3) Всѣ означенныя положенія Прудона имѣютъ, какъ видно, условный характеръ; онъ говоритъ: *если* проданъ, *если* заплачено и т. д.; очевидно, что право на какое-либо сочиненіе именно и пріобрѣтается условіями купли и продажи, полную свободу которыхъ Прудонъ въ своей книгѣ не предлагаетъ подвергнуть какимъ-либо стѣсненіямъ и ограниченіямъ. Слѣдовательно, мы, собственно говоря, и не видимъ, чтобы Прудонъ опредѣлилъ способъ вознагражденія авторскаго труда, какъ это обѣщано было имъ въ началѣ книги. Онъ справедливо, по нашему мнѣнію, доказываетъ, что сочиненіе есть продуктъ, а не капиталъ автора; но этимъ самымъ нисколько не подвинулось разрѣшеніе вопроса о способѣ вознагражденія авторовъ, которыхъ, какъ и Прудонъ находитъ, не должно заставлять работать даромъ. Но какъ же именно вознаградить ихъ, какъ оцѣнивать трудъ писателя, и чѣмъ руководствоваться при назначеніи ему платы за оный — Прудонъ не указываетъ; онъ говоритъ (не доказывая, впрочемъ), что безсрочная привилегія несоразмѣрна съ заслугами писателей, что она нарушаетъ законы мѣны, и давая свыше эквивалента, узаконяетъ паразитство, становится поборникомъ несправедливости, составляетъ нарушеніе правъ общества, для котораго такимъ образомъ умственные труды частныхъ лицъ идутъ во вредъ, а не въ пользу. Почему это все такъ и быть должно — остается необъяснимымъ. Далѣе, онъ находитъ примѣнимыми къ философу тѣ же принципы, что и къ законодателю, къ судьѣ и къ священнику — именно то, что награда его заключается въ распространеніи той истины, которую онъ проповѣдуетъ, и сказавъ, что истиной торговать нельзя, что никто ее не можетъ себѣ присвоить — совѣтуетъ найдти средство обезпечить безбѣдное существованіе мыслителя, не прибѣгая къ помощи торговли. Но извѣстно гг. читателямъ, что *указывать на отысканіе средствъ*, не значитъ еще ихъ найдти; а потому и это предложеніе Прудона мы пока причислимъ къ числу множества другихъ pia desideria.

По этому поводу Прудонъ пускается въ нѣкоторыя разсужденія, которыя мы считаемъ неизлишними сообщить читателямъ. Онъ говоритъ, между прочимъ: «Цѣлый міръ открытъ для поэзіи и искуства; никакихъ границъ для нихъ не существуетъ; артисты и литераторы служатъ только одной истинѣ, отступить отъ которой не могутъ, не унижая своего достоинства. Только изъ соединенія разсудка, права и искуства вытекаетъ свобода человѣка.

Digitized by Google

Продажность унижаетъ и губитъ истину, точно такъ же какъ религію и правосудіе. Правда ли, что для большинства писателей литература—ремесло, доходная статья, если не единственное средство пропитанія? Въ такомъ случаѣ никакого различія нельзя ожидать между ними и ремесленниками вообще; разъ что писатель, бросивши молотокъ, берется за перо и дѣлается ремесленникомъ, онъ долженъ до конца быть вѣрнымъ своему назначенію. Онъ долженъ понять, что служить истинѣ ради ея самой, печатать только истину—значитъ возстановлять противъ себя весь свѣтъ; что личный интересъ велитъ писателю стать на сторону той или другой изъ властей, служить извѣстному кружку, партіи или правительству; что прежде всего нужно научиться не затрогивать предразсудковъ, личныхъ интересовъ и самолюбія людей. Вслѣдствіе подобнаго взгляда на свое назначеніе, писатель будетъ слѣдить за всѣми колебаніями общественнаго мнѣнія, сообразоваться со всѣми видоизмѣненіями моды; онъ будетъ заботиться о томъ, чтобы удовлетворить вкусу, настроенію общества въ данную минуту, будетъ курить ѳиміамы современнымъ кумирамъ и извлекать свою выгоду изъ всякой гнусности. Такимъ-то образомъ литература наша упала очень низко. Забывши, что главнымъ руководящимъ принципомъ ея должно быть *самопожертвованіе* и погнавшись за барышами, она менѣе чѣмъ въ полвѣка изъ литературы искуственной обратилась сначала въ литературу скандальную, а потомъ и въ рабскую. Была ли литература когда нибудь такъ пуста, какъ въ настоящее время, несмотря на все обиліе поучительныхъ событій? Преклоняясь предъ золотымъ тельцомъ или трепеща предъ грозною властью, литераторъ заботится только о томъ, чтобы извлечь наиболѣе процентовъ изъ своего литературнаго капитала, и для этой цѣли онъ или вступаетъ въ сдѣлки съ властями, которымъ подчиненъ, или добровольно себя обезображиваетъ. Онъ забываетъ, что подобныя средства ведутъ въ искривленію души и убиваютъ генія, что литераторъ такимъ образомъ становится простымъ наемникомъ, и что въ подобномъ случаѣ все равно, кто бы ему ни платилъ — издатель или полиція. Онъ забываетъ, что истинный писатель, истинный артистъ, то-есть тѣ, для которыхъ чувство изящнаго стоитъ выше ремесленныхъ и утилитарныхъ соображеній,—при полной своей независимости не можетъ отрѣшиться отъ святости своего призванія. Онъ передатчикъ, предвозвѣстникъ божественныхъ истинъ; онъ просвѣтитель общества; назначеніе его вытекаетъ изъ самаго его дарованія; формы, въ которыя писатель и художникъ облекаютъ религіозныя, нравственныя и философскія мысли, на столько же священны, какъ и сама религія, нравственность и истина. Подобно тому, какъ судья связанъ требованіями справедливости, а философъ—требованіями истины, поэтъ, ораторъ связаны требованіями красоты; они обязаны улучшить насъ самихъ, подвергнуть критическому разбору нашу личность, подобно тому, какъ философъ подвергаетъ анализу нашъ разумъ, а юриспруденція

Digitized by Google

нашу совѣсть.» Обращаясь послѣ этого исключительно къ Франціи, Прудонъ замѣчаетъ, что упадокъ развитія буржуазіи, зараженной утилитаризмомъ, начался при Луи-Филиппѣ, въ то время, когда правительство стало покровительствовать первоначальному образованію. Буржуазія отказалась отъ прежней *доброй методы* (то-есть классической) обученія, и предалась изученію математики и промышлености. Къ чему намъ знакомиться съ греками и римлянами? Къ чему философія, языки, юридическія науки, изученіе древности? Давайте намъ инженеровъ, прикащиковъ, подмастерьевъ и т. д. Открытія, сдѣланныя современною промышленостью, окончательно ослѣпили эту касту торгашей; то, чему слѣдовало бы вести къ облагороженію умовъ, принесло новое торжество обскурантизму, и причинило то, что у насъ не существуетъ политическихъ и соціальныхъ убѣжденій, и національность наша, сохранившаяся въ одной лишь офиціальной сферѣ, стертая наплывомъ иностранцевъ и искуственностью, вошедшею въ нравы, обратилась въ миѳъ. Литературное занятіе стало промышленостью и причинило то, что впродолженіе долгаго времени намъ не суждено имѣть ни истинной литературы, ни истиннаго искуства. Будутъ у насъ должностныя лица, на жалованьѣ, будутъ и наемные писаки, научившіеся правильно писать пофранцузски и класическимъ слогомъ толковать о какихъ угодно предметахъ. Подобное положеніе конечно грустно, гнусно и глупо. Но утѣшимся! Мало по малу публика узнаетъ истинную цѣну этой контрафакціонной литературы, этого флибустьерскаго искуства. Мнѣ самому надоѣла эта болтовня, это бумагомаранье, это малярство, говоритъ Прудонъ, и какъ-бы съ отчаянья восклицаетъ: «Пускай авторамъ, изобрѣтателямъ, усовершенствователямъ *чѣмъ угодно* обезпечиваютъ способъ полученія вознагражденія, но пусть не вводятъ никакихъ привилегій, никакихъ безсрочныхъ монополій. Вездѣ и во всемъ да соблюдается принципъ свободной конкуренціи».

Но не умрутъ ли, при подобной конкуренціи, съ голода авторы и изобрѣтатели, если только не найдутъ какихъ либо особенныхъ средствъ и способовъ вознаграждать ихъ? Пока однако такихъ средствъ и способовъ—не найдено и даже не указано; нѣтъ ничего легче какъ сказать—*вознаграждайте чѣмъ угодно*—но это нисколько не разрѣшаетъ задачи.

Женщины французской революціи — Сталь и Роланъ. *С.-Петербургъ. 1865. Изданіе* Сулина.

Шлоссеръ въ своей Исторіи XVIII столѣтія (въ 5 томѣ) сказавъ лишь очень немного о нѣкоторыхъ личностяхъ временъ французской революціи, хотѣлъ, какъ-бы въ дополненіе къ этому, представить болѣе подробныя характеристики особенно выдающихся дѣятелей прошлаго столѣтія и выбралъ для начала—параллель двухъ писательницъ — мадамъ де-Сталь и мадамъ Роланъ. Обѣ выказали таланты, умъ, образованіе, знаніе и энергію, дѣй-

Digitized by Google

ствуя на томъ поприщѣ, которое считали честнымъ и полезнымъ, что̀, впрочемъ, не мѣшало имъ часто расходиться совершенно во взглядахъ и сужденіяхъ. Онѣ имѣли вліяніе на умнѣйшихъ людей того времени, помогая имъ, не чувствомъ и красотою, а умомъ своимъ, писать или приготовлять рѣчи, удивлявшія Францію. По вліянію своему, по поэтической силѣ и героизму, по взглядамъ и пр. и пр., обѣ эти женщины столько же отличались между собою, какъ и по внѣшнему обращенію.

Роланъ была красавица, мила и обворожительна; чуждая безнравственности аристократіи и гордой небрежности или презрительности парижскихъ дамъ, игравшихъ роль покровительницъ литературы, она отличалась самыми привлекательными, простыми и безпритязательными манерами. Сталь же была вполнѣ лишена женской привлекательности; обширный умъ замѣнялъ ей красоту, и по тону, манерамъ, свободной рѣчи и смѣлости не уступая настоящимъ придворнымъ дамамъ, она стояла несравненно выше ихъ по уму, образованію и способностямъ. Ее трогали проповѣди Неккера: она, по Монтескье, восхищалась англійскою конституціею, какъ идеаломъ гражданства, и полагала, что конституцію можно давать какъ лекарства. Она не имѣла понятія о надеждахъ средняго сословія, съ которыми никогда не сталкивалась, а тѣмъ менѣе о нуждахъ крестьянъ; она знала народъ только по романамъ. Она никогда не сходила со сцены, на которой блистала и гдѣ усвоила себѣ воззрѣнія лицъ, приходившихъ съ ней въ соприкосновеніе. Присутствуя въ ея салонѣ, мы съ увлеченіемъ слушаемъ хозяйку дома; но поверхностная, шаткая, незаключающая въ себѣ ничего поучительнаго и слишкомъ ораторская рѣчь ея производитъ слабое впечатлѣніе. Салону ея должно во всякомъ случаѣ предпочесть салонъ госпожи Роланъ, которая собирая вокругъ себя республиканцевъ, исполнена была искренняго энтузіазма, простоты и одушевленія; она имѣла чувства въ душѣ и не щеголяла ими для одного блеска. Ей постоянно хочется повторять одну мысль, наполняющую всю ея душу—мысль о томъ, какъ осуществить мечту Руссо жить для одной идеи и быть готовой умереть за нее. Послѣдняго она, какъ извѣстно, достигла; она сдѣлалась жертвою республиканскихъ мечтаній, между тѣмъ какъ госпожа Сталь ускользнула и осталась идеаломъ аристократическаго общества и образованія. Роланъ, замѣчаетъ Шлоссеръ, тѣмъ болѣе заслуживаетъ удивленіе, чѣмъ ужаснѣе было ея пробужденіе отъ прекрасныхъ грезъ и мечтаній о свободѣ и о парижской республикѣ античнаго характера. Своимъ пламеннымъ перомъ она изображала намъ новую Францію столь прекрасною и нашла ее столь страшною въ дѣйствительности! Кто же не будетъ удивляться ей, когда она не упала духомъ даже въ тюрьмѣ, не дрожала предъ угрожающей смертью и не отвергала всякой мысли о свободѣ и благородствѣ въ сердцахъ толпы изъ-за того, что этою мыслію воспользовались злые люди для своихъ преступленій. Присутствіе духа и весь свой характеръ выдерживаетъ

Digitized by Google

она до самой послѣдней минуты—при чтеніи смертнаго приговора и на эшафотѣ. Даже при казни твердость эта не измѣнила ей; ея покорность судьбѣ никогда не доходила до слабости.

Намъ остается прибавить только, что эта небольшая паралель двухъ женщинъ, написанная Шлоссеромъ, читается такъ же легко и увлекательно, какъ и прочія произведенія одного изъ первыхъ нѣмецкихъ современныхъ историковъ. Переводъ очень удовлетворителенъ.

Положеніе правосудія во Франціи, *въ особенности о примѣненіи уголовнаго закона и о ссылкѣ въ Каенну. Публичныя лекціи профессора* Гольцендорфа. *Переводъ* Языкова. *С.-Петербургъ. 1865 г.*

Рошеръ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о колоніяхъ (Kolonien, Kolonialpolitik und Auswanderung. 1856 г.), между прочимъ замѣчаетъ, что во всѣ времена исторіи, государства весьма охотно прибѣгали, какъ скоро имѣли, конечно, къ тому возможность, къ депортаціи (deportation), высылкѣ въ пустыя и отдаленныя мѣста преступниковъ или вредныхъ и опасныхъ государству лицъ. Они полагали подобнымъ средствомъ нетолько осуществить дѣйствительное наказаніе въ отношеніи къ однимъ лицамъ, создавъ въ то же время другимъ угрозу, которая воздерживала бы ихъ отъ совершенія преступленій, но и освободить государство самымъ основательнымъ образомъ отъ кроющихся въ немъ зародышей всякаго рода для него опасностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ достигнуть всѣхъ благихъ послѣдствій и выгодъ, проистекающихъ отъ колонизаціи (то-есть населенія и воздѣлыванія) странъ относительно новыхъ. Такъ во времена Александра Македонскаго находились около Элефантины, въ самой южной части Египта, особыя поселенно-рабочія колоніи для возмутившихся солдатъ; въ Китаѣ же, по свидѣтельству Риттера, съ незапамятныхъ временъ находятся значительныя для наказанія преступниковъ рабочія колоніи за предѣлами большой каменной стѣны. Швеція при Густавѣ-Адольфѣ заселяла преступниками Ингерманландію; на Мысѣ Доброй Надежды первое европейское женское населеніе, водворенное голландцами, состояло изъ лицъ, вывезенныхъ изъ различныхъ тюремныхъ заведеній ихъ странъ. Мѣстомъ ссылки для португальцевъ долгое время служила Бразилія, а теперь таковымъ служитъ Мозамбикъ, точно такъ, какъ англичане, сперва высылавшіе немало преступниковъ въ Сѣверную Америку, заселяютъ ими теперь Австралію. Въ Прусіи до сего времени служитъ мѣстомъ водворенія различнаго рода бродягъ и негодяевъ весьма плохо воздѣланный и рѣдко населенный округъ Олецкій, точно такъ же какъ у насъ для этой же цѣли по преимуществу служатъ необъятныя пространства Азіатской Россіи, а во Франціи—степи Алжира и болота Каенны, получившей въ общественномъ мнѣніи Франціи, невольно заставляющее содрогнуться названіе colonie mortuaire—колонія смерти.

Digitized by Google

Французская Гвіана или короче Каенна, открытая Христофоромъ Колумбомъ въ третьемъ его путешествіи по Антильскимъ островамъ, занимаетъ часть обширнаго пространства земли между Атлантическимъ океаномъ и рѣками Орноко и Амазонскою. Немногія земли могутъ сравниться съ Каенною количествомъ воды, находящейся въ ней; поверхность земли между рѣками, изрѣзывающими страну, покрыта или болотами, изъ глубины которыхъ возвышаются затонувшіе лѣса, или неизмѣримыми лѣсами. Понятно, что въ такой странѣ сообщенія должны быть затруднительны; въ настоящее время не имѣется еще ни одной большой дороги во всей странѣ. Берега плоски и отдѣляются отъ открытаго моря грядами ила, на которыхъ разбиваются волны океана: большіе корабли должны искать безопасности въ открытомъ морѣ, ибо плохая Каенская гавань доступна лишь очень мелкимъ судамъ. Слѣдовательно для всемірной торговли портъ Каенны негоднтся, и если съ финансовыми затрудненіями и можно сдѣлать изъ него новый Шербургъ, то едва-ли будетъ отъ этого какая либо польза кромѣ славы. Что же касается до климата, то въ немъ преобладаютъ постоянные и однообразные жары, почти никогда замѣтно неуменьшающіеся, недостатокъ морскаго вѣтра и необычайная сырость; самый холодный мѣсяцъ февраль имѣетъ среднюю теплоту въ 20° Реомюра. Всѣ единогласно свидѣтельствуютъ, что въ тяжелой, всеусыпляющей жарѣ Каенны, европеецъ *безопасно* не можетъ работать и даже совсѣмъ не въ состояніи заниматься земледѣліемъ. Свойства почвы и климата обусловливаютъ появленіе два раза въ году климатическихъ лихорадокъ, отъ которыхъ рѣдко можно избавиться чѣмъ либо другимъ, какъ перемѣною жительства. Къ лихорадкамъ этимъ присоединяется еще желтая горячка, которая производитъ страшныя опустошенія.

Все это вполнѣ объясняетъ, почему всѣ, дѣлавшіяся въ 1626 году, попытки колонизировать эту страну европейцами, имѣли весьма плачевный исходъ; всѣ поселенцы вымирали. Подробныя свѣдѣнія объ этихъ попыткахъ и ихъ результатахъ сообщены Гольцендорфомъ; намъ остается только сказать, что въ 1851 году Франція рѣшилась вновь колонизировать эту страну, несмотря ни на опыты исторіи, ни даже на то обстоятельство, что населеніе и въ минуту подобнаго рѣшенія все уменьшалось сравнительно съ народонаселеніемъ этой страны въ 1848 году: тогда считалось въ ней 28,000 жителей, а въ 1858 году, ровно черезъ *десять лѣтъ*, ихъ было только 13,000. Но тѣмъ не менѣе, указомъ 1851 года декабря 8-го, Каенна возведена на степень карательной колоніи Франціи: таковой ссылкѣ подвергали тѣхъ, которые нарушатъ правила полицейскаго надзора, или окажутся виновными въ принятіи участія въ тайныхъ обществахъ, и тѣ, которые въ теченіе нѣсколькихъ дней не оставятъ Парижа, по объявленіи имъ приказа о томъ. При уничтоженіи въ 1852 году каторжныхъ работъ при морскихъ тюрьмахъ (bagnes), лицъ, содержащихся на этихъ работахъ, по ихъ же-

Digitized by Google

ланію перевозили въ Каенну или подвергали одиночному заключенію; а въ 1854 году постановлено закономъ, что впредь всѣ преступники, приговоренные къ каторгѣ, должны ссылаться въ Каенну *на тяжкія* земледѣльческія работы (въ климатѣ, гдѣ вообще работать европейцу гибельно).

Такимъ образомъ принудительная колонизація Каенны основывается на выселеніи:

1) всѣхъ обыкновенныхъ тяжкихъ преступниковъ;

2) тѣхъ, которые, вслѣдствіе указа 1851 года о подозрительныхъ лицахъ, будутъ вынуждены къ путешествію въ Каенну.

При этомъ однако нельзя не замѣтить, что вмѣстѣ съ учрежденіемъ карательной колоніи въ Каеннѣ французское правительство приняло мѣры о наивозможно большемъ уравненіи климатовъ Франціи и Каенны, издавъ еще въ 1851 году указъ *объ улучшеніи воздуха*. Оно очевидно забыло правило, что правительство, какъ бы оно сильно ни было, не можетъ и не должно ставить себѣ цѣли недостижимыя. Никакое правительство не могло на экваторѣ понизить ртуть въ термометрѣ на нѣсколько градусовъ; оказалось дѣломъ совершенно невозможнымъ перевести климатъ Каенны въ нѣкоторыя улицы Парижа и обратно—воздухъ парижскихъ тюрьмъ перенести въ Каенну.

Опытъ подтвердилъ эту невозможность самымъ грустнымъ образомъ: ссылаемые умирали въ страшныхъ размѣрахъ. Первые отчеты показываютъ за послѣдніе *три мѣсяца 1864 года сто-семьдесятъ смертныхъ случаевъ* на 2,500 сосланныхъ, что можетъ составлять въ годъ 680 смертныхъ случаевъ на 2,500 человѣкъ или болѣе 25%.

По недавно напечатаннымъ письмамъ іезуитовъ, которые содержатъ въ Каеннѣ особую миссію, отправляющую духовныя требы, смертность доходитъ и до *сорока процентовъ*. Изъ этихъ же писемъ узнаемъ мы, что ссыльные, оставшіеся въ живыхъ, ни въ чемъ не подвинули успѣховъ земледѣлія, что правленіе колоніи, основывая арестантскія поселенія среди огромныхъ болотъ, показываетъ рвеніе къ пресѣченію возможности покушеній на бѣгство, а нисколько не къ развитію колонизаціи или исправленію ссылаемыхъ.

Вообще говоря, читая прекрасныя лекціи берлинскаго профессора, нельзя не сознаться, что замѣнять смертную казнь ссылкою въ такую страну, какъ Каенна — значитъ злоупотреблять расположеніемъ или наклонностію людей въ каждой, даже, повидимому, только либеральной и современно-прогресивной мѣрѣ, видѣть хорошее, внѣшнее, не слишкомъ-то пускаясь въ разоблаченіе истинно-горестнаго содержанія, прикрытаго только снаружи этою внѣшнею, но блестящею оболочкою. Ссылка въ Каенну нетолько равносильна, но даже и хуже смертной казни, ибо день исполненія оной остался лишь отсроченнымъ на неопредѣленное время, при чемъ неотразимо убійственный климатъ принялъ на себя роль палача.

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

О законоподчиненности повидимому произвольных человѣческихъ поступковъ. *Часть вторая.* А. Вагнера (*).

О появленіи *первой* или *общей* части этого вполнѣ замѣчательнаго сочиненія въ литературѣ статистики вообще, было своевременно заявлено «Отеч. Зап.». Вышедшая недавно вторая часть этого труда, занимается исключительно статистикою самоубійства. Посвятивъ этому важному явленію въ сферѣ человѣческихъ дѣяній около 300 страницъ мелкой печати, Вагнеръ, разобравъ по возможности всѣ обстоятельства, оказывающія вліянія свои на число совершаемыхъ самоубійствъ, пришелъ къ слѣдующимъ главнымъ результатамъ:

1) число совершаемыхъ изъ году въ годъ въ европейскихъ государствахъ самоубійствъ обнаруживаетъ изумительную правильность и какъ-бы опредѣленность;

2) число самоубійствъ въ Европѣ постоянно и правильно увеличивается и притомъ въ большей степени, чѣмъ общее народонаселеніе; это замѣчаніе относится одинаково какъ къ городскому, такъ и къ сельскому населенію;

3) повидимому, климатъ имѣетъ вліяніе на самоубійства, хотя и не придаетъ числу оныхъ особенно рѣзкаго, отличительнаго характера. Наибольшее число самоубійствъ совершается въ протестантскихъ странахъ сѣверо-восточной Европы, населенныхъ германскими племенами; число это уменьшается по мѣрѣ склоненія на юго-западъ и по мѣрѣ того, какъ населеніе исключительно германское смѣшивается съ славянскими племенами или романскими, которыя исповѣдуютъ и другую вѣру уже. Наименьтаго размѣра достигаетъ число самоубійствъ на югѣ и на западѣ Европы, въ странахъ, населенныхъ романо-кельтическими племенами, исповѣдующими исключительно католическую религію;

4) времена года оказываютъ несомнѣнное вліяніе на *время* совершенія самоубійствъ: наибольшее число ихъ совершается въ іюнѣ мѣсяцѣ, а наименьшее—въ декабрѣ; въ теченіе времени отъ зимы къ лѣту число самоубійствъ увеличивается, а отъ лѣта къ зимѣ—опять уменьшается;

5) *время дня* оказываетъ, повидимому, вліяніе на случаи самоповѣшанія; на прочіе виды добровольнаго лишенія жизни вліянія его не замѣчено; вѣшаются же по преимуществу ночью;

6) вліяніе свойствъ мѣстности, ея качествъ и положенія при современномъ состояніи статистическихъ средствъ и данныхъ, еще не обнаружено самоубійства;

(*) Die Gesetzmässigkeit in den scheinbar willkührlichen menschlichen Handlungen vom standpunkte der statistik von *Adolph Wagner*. Zweiter oder specieller Theil. Hamburg. Boyen und Geisler.

Digitized by Google

7) состояніе погоды въ теченіе года и результаты жатвъ и урожаевъ *не* оказываютъ на число самоубійствъ того вліянія, которое отъ нихъ можно было бы, повидимому, ожидать;

8) также *не* замѣчено вліянія общаго состоянія народнаго здоровья на самоубійства;

9) вліяніе различія половъ въ высшей степени постоянно; безусловно всегда лишаютъ себя жизни мужчины въ большемъ числѣ, нежели женщины, хотя пропорція между ними въ этомъ отношеніи бываетъ неодинаковая въ различныхъ странахъ;

10) возрастъ имѣетъ важное, рѣшительное и притомъ по всей Европѣ вполнѣ однообразное вліяніе на число самоубійствъ, которое постоянно и вполнѣ правильно увеличивается вмѣстѣ съ возрастомъ. Это одинаково справедливо относительно мужчинъ и женщинъ. Начиная съ дѣтства, число самоубійствъ увеличивается съ возрастомъ, достигаетъ наибольшей цифры въ промежутокъ отъ 51 до 70 года, и затѣмъ начинаетъ опять уменьшаться весьма понемногу, впрочемъ такъ, что и въ восьмидесятилѣтнемъ возрастѣ самоубійства встрѣчаются чаще, нежели въ средніе или юные годы;

11) физическія и духовныя качества оказываютъ свое вліяніе на самоубійства тѣмъ, что случаи самоубійствъ совершаются чаще между больными тѣломъ или духомъ, нежели между здоровыми;

12) происхожденіе, различіе по племенамъ и національностямъ оказываютъ на число самоубійствъ важное вліяніе, хотя и трудно точно опредѣлить всю долю онаго. Самоубійства встрѣчаются чаще между германскими, нежели романскими племенами, и между сими послѣдними чаще, нежели у славянъ. Отношенія между ними выражаются цифрами 5 (даже 6): 4: 2. Наиболѣе самоубійства совершается у скандинавовъ, затѣмъ у нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, у славянъ, внѣ Россіи живущихъ, у русскихъ, итальянцевъ, португальцевъ;

13) гражданское положеніе имѣетъ также вліяніе на число самоубійствъ; бракъ уменьшаетъ оное; жизнь безбрачная, напротивъ того, увеличиваетъ. Это одинаково справедливо относительно мужчинъ и женщинъ;

14) религія и ея вѣроисповѣданія имѣютъ чрезвычайно важное вліяніе на этотъ родъ преступленій. Чаще всего оно случается между протестантами, и притомъ у реформатовъ чаще еще, нежели у лютеранъ. Между католиками число самоубійствъ значительно меньше, а между послѣдователями православной церкви еще менѣе. Между евреями совершается, повидимому, менѣе самоубійствъ, нежели даже между христіанами, съ тѣмъ только исключеніемъ, что у христіанъ православнаго исповѣданія, это отношеніе будетъ еще болѣе благопріятно, нежели у евреевъ;

15) распространеніе общаго образованія не оказало вліянія на уменьшеніе числа самоубійствъ. Вообще должно замѣтить, что между образованными встрѣчается большее число самоубійствъ, нежели между необразованными;

Digitized by Google

16) родъ занятій оказываетъ вообще вліяніе на смертоубійства, число которыхъ бываетъ обыкновенно въ городахъ болѣе, нежели въ деревняхъ. Наибольшее число самоубійствъ встрѣчается между прислугою вообще, и тѣми лицами, которыя, по роду ихъ занятій, наиболѣе ограничены въ личной своей свободѣ;

17) нельзя съ точностію показать вліянія на число самоубійствъ общественнаго положенія и имущественнаго благосостоянія лицъ, а также политическаго положенія и государственнаго устройства страны; то же самое должно сказать также и о вліяніи общественной нравственности и нравовъ вообще;

18) самые *виды* самоубійствъ обнаруживаютъ изумительную правильность и постоянство тѣмъ, что ежегодно извѣстные виды лишенія жизни повторяются въ томъ же самомъ процентномъ содержаніи. Это замѣчено въ отношеніи обоихъ половъ. Сравнительныя статистическія изысканія показываютъ, что чаще всего самоубійства совершаются посредствомъ веревки или воды. Этими двумя способами лишаютъ себя жизни рѣдко менѣе 50% общаго числа самоубійствъ, и рѣдко болѣе 90% онаго. При этомъ веревка употребляется въ два и даже три раза чаще, нежели вода, и рѣдко одинаковое съ нею число разъ. Затѣмъ остальные самоубійцы прибѣгаютъ къ содѣйствію огнестрѣльнаго оружія, холоднаго и употребляемыхъ въ домашнемъ быту острыхъ орудій. Весьма немногіе сбрасываются съ высотъ, или задыхаются отъ угара или отравляются. Остальныя средства лишенія себя жизни являются лишь рѣдкими исключеніями.

Вагнеръ и этимъ еще не удовлетворился: онъ сталъ разсматривать вліяніе каждаго изъ вышеприведенныхъ обстоятельствъ на выборъ самого *способа* лишенія себя жизни, и пришелъ къ разнымъ заключеніямъ, какъ напр., что мужчины по преимуществу вѣшаются; женщины же кидаются въ воду и очень рѣдко обращаются къ огнестрѣльному оружію, употребляемому весьма часто мужчинами. Въ холодныхъ и сѣверныхъ странахъ по преимуществу всѣ вѣшаются, тогда какъ въ теплыхъ, лежащихъ на югѣ и западѣ, болѣе кидаются въ воду и т. д.

Такимъ образомъ, такое, повидимому, произвольное и случайное дѣйствіе какъ лишеніе себя жизни, тѣмъ не менѣе также зависитъ отъ извѣстныхъ, постоянныхъ, внѣшнихъ причинъ. Мы можемъ, слѣдовательно, говорить и о законахъ самоубійства ибо видимъ, что опредѣленныя и извѣстныя причины порождаютъ подобное же появленіе случаевъ самоубійства. Такъ, напримѣръ, различіе въ физіологическомъ отношеніи служитъ причиною тому, что самоубійство обыкновенно проявляется чаще между мужчинами, нежели между женщинами. Но найдти самую причину такой причины до сего времени не удалось. Мы, конечно, можемъ указать и дать объясненіе тому, что ближайшая, открытая причина оказываетъ свое вліяніе такимъ-то образомъ и въ такомъ-то направленіи; но этимъ мы еще немного достигли. Что женскій родъ подверженъ въ меньшей степени самоубійству нежели мужскій, мо-

Digitized by Google

жетъ быть объяснено тѣмъ, напримѣръ, что на женщинъ вообще, вслѣдствіе ихъ образа жизни и общественнаго положенія, многія неблагопріятныя обстоятельства и побудительныя причины къ самоубійству, дѣйствуютъ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ на мужчинъ. Поэтому, выражаясь точно и опредѣлительно, нельзя сказать, что женскій родъ *самъ по себѣ* подверженъ и способенъ къ самоубійству въ меньшей степени, нежели мужскій родъ; половое различіе обусловливаетъ само по себѣ различныя вліянія разнообразныхъ обстоятельствъ на мужчину и женщину, порождаетъ совсѣмъ другое положеніе для нихъ въ общественной жизни, и вслѣдствіе всего этого появляется уже и совсѣмъ другая относительная величина числа самоубійствъ между мужчинами и женщинами. Если меньшее число случаевъ самоубійства между женщинами является результатомъ (функціею) тѣхъ причинъ (фактовъ), которыя въ свою очередь считаются результатами половаго различія, то необходимо, конечно, меньшее число самоубійствъ между женщинами считать непосредственнымъ результатомъ ихъ половаго различія. Но причину этой причины мы не знаемъ. Дальнѣйшимъ объясненіемъ этого вліянія нельзя считать, напримѣръ, доводъ, что меньшее число самоубійствъ между женщинами объясняется вообще женскимъ характеромъ, потому что и женскій характеръ также принадлежитъ къ числу различныхъ, составныхъ частей общаго половаго отличія.

То же самое можно замѣтить и относительно прочихъ обстоятельствъ и причинъ, обусловливающихъ правильность свершающихся самоубійствъ. Мы можемъ сказать, что есть возможность указать на много условій, которыя должны быть выполнены прежде, нежели мы увидимъ совершеніе въ извѣстной странѣ соотвѣтствующаго ей числа самоубійствъ. Но хотя намъ и извѣстны точныя на число самоубійствъ вліянія весьма многихъ причинъ, мы однако *весьма далеки* отъ того, чтобы знать ихъ *всѣ*. Даже о причинахъ намъ извѣстныхъ уже, мы знаемъ только относительныя, но не абсолютныя (безусловныя) вліянія на самоубійства. Абсолютное число самоубійствъ, встрѣчающееся въ извѣстный періодъ времени, среди опредѣленнаго народонаселенія, является результатомъ (функціею) всѣхъ совокупныхъ причинъ (факторовъ), одновременно на народъ этотъ дѣйствующихъ. Тутъ останавливается могущество нашихъ статистическихъ познаній и математическихъ вычисленій; только одна высшая, божественная математика можетъ опредѣлить въ точности ту математическую формулу, по которой совершаются самоубійства. Эту задачу никогда не будетъ въ состояніи разрѣшить земная статистика; eine Aufgabe welche die Statistik niemals gewachsen sein wird!

Съ этимъ, вполнѣ основательнымъ для нашего времени заключеніемъ Вагнера, едва-ли согласятся наши рьяные приверженцы Бюхнера, Фохта, Молешотта и т. п. По ихъ мнѣнію, Вагнеръ долженъ быть дуракъ, ибо сознается въ своемъ невѣдѣніи, а не отважи-

Digitized by Google

вается рѣшать неразгаданные вопросы путемъ громкихъ фразъ, обличающихъ высокомѣріе, равное полному невѣжеству.

Законы развитія государственной жизни, Редингера (*).

Вышеназванное нами сочиненіе представляетъ весьма удачную попытку, по возможности, выяснить научнымъ образомъ появленіе и развитіе государственнаго организма, включивъ въ нравственное самоопредѣленіе государственной личности все свойственное природѣ человѣка, а слѣдовательно, также религію и церковь. Строго придерживаясь различнымъ, естественнымъ, побудительнымъ причинамъ, а также законамъ, свойственнымъ физической и духовной природѣ, авторъ постепенно раскрываетъ предъ нами основанія человѣческаго общества, различныхъ формъ государствъ и ихъ развитій, и переходитъ постепенно къ представителямъ государствъ, къ законодательству, къ управленію, ученію о верховной власти и т. д. Онъ оканчиваетъ свое сочиненіе изложеніемъ недостатковъ въ государственномъ строѣ Германіи, предлагаетъ мѣры къ ихъ устраненію и проводитъ при всякомъ случаѣ ту идею, что продолжительное или постоянное вліяніе на жизнь государства возможно только лишь при строгомъ соблюденіи опредѣленныхъ, естественныхъ законовъ.

Пытаясь разрѣшить тѣ государственные вопросы, которые съ начала вѣка занимали и по сей день глубоко волнуютъ еще родъ человѣческій, сочиненіе это не является однимъ лишь сухимъ, отвлеченнымъ философскимъ разсужденіемъ. Напротивъ того, оно вращается въ средѣ дѣйствительной жизни и самыхъ животрепещущихъ вопросовъ настоящаго времени, и лишь только по формѣ изложенія имѣетъ строго-логическій характеръ. Оно предназначено для чтенія исключительно не большому числу спеціалистовъ, а вообще всякому здравомыслящему читателю, и отличаясь необычайною простотою изложенія, а также блестящимъ слогомъ, оно, по всей вѣроятности, проникнетъ во всѣ слои общества, въ которыхъ находятъ еще отголосокъ сочувствія разсужденія о правахъ и благополучіи рода человѣческаго, и въ которыхъ любовь и стремленіе къ истинѣ увеличиваетъ достоинство человѣка, а наклонность къ идеаламъ охраняетъ вѣчныя украшенія человѣческаго разума и всей его природы.

О процентномъ правѣ въ Германіи, *съ самыхъ древнѣйшихъ временъ до изданія въ 1654 году законовъ о процентахъ, дѣйствующихъ еще и въ настоящее время*. Макса Неймана. *1865* (**).

(*) Die Gesetze der Bewegung in Staatsleben, und der Kreislauf der Idee, von *Fr. Rödinger*. 1865 г.

(**) Geschichte des Wuchers in Deutschland bis zur Begründung des heutigen Zinsengesetzes (1865). Nach hand-schriftlichen und gedruckten Quellen, von *Max. Neymann*. Halle. 1865.

Digitized by Google

Въ означенномъ сочиненіи Нейманъ весьма подробно разбираетъ развитіе и судьбу различныхъ каноничныхъ постановленій, относительно роста и ростовщиковъ, проявлявшихся въ гражданской и экономической жизни Германіи. Сдѣлавъ краткій очеркъ происхожденію церковныхъ постановленій о ростѣ, Нейманъ разсматриваетъ самыя опредѣленія роста, постановленія о немъ, а также различныя наказанія, назначаемыя за это, съ допущеніемъ, конечно, немалаго числа исключеній, въ папскихъ декреталіяхъ и всѣмъ каноническимъ правомъ вообще. Потомъ авторъ излагаетъ, какимъ образомъ эти церковные законы о ростѣ проникли въ письменное право Германіи, какъ въ немъ развивались, и притомъ совершенно параллельно съ развитіемъ ихъ въ каноническомъ правѣ. Но тѣмъ не менѣе можно ясно замѣтить, что даже германское письменное право, а тѣмъ болѣе обычное, основанное исключительно на воззрѣніяхъ и понятіяхъ народа, признавало вполнѣ необходимымъ и согласнымъ съ природою вещей вознагражденіе за пользованіе чужимъ капиталомъ или вообще имуществомъ, и постепенно вытѣснило постановленія церкви о ростѣ, значительно стѣснявшія лишь экономическую жизнь народа и право собственности вообще. Скоро появились и въ нѣмецкомъ правѣ положительныя исключенія изъ общаго правила, запрещавшаго брать какіе либо проценты, въ какомъ бы то ни было видѣ и размѣрѣ. Таковыя сдѣланы были въ отношеніи евреевъ и мѣнялъ; денежныя и процентныя дѣла первыхъ, авторъ разсматриваетъ весьма подробно и доказываетъ, что высокій размѣръ процентовъ, взимаемыхъ въ то время евреями, единственно происходилъ отъ церковныхъ *запрещеній брать проценты*, хотя въ свою очередь и служилъ причиною различныхъ преслѣдованій евреевъ. Впослѣдствіи появились такъ называемые *незаконные обходы* церковныхъ постановленій о ростѣ (ungesetzlichen Umgehungen des Zinsverbotes), которыя значительно уменьшили силу и значеніе подобныхъ запрещеній; римское же право и реформація только отчасти способствовали паденію каноническихъ постановленій о ростѣ, тогда какъ наука оказала германскому праву самую полную въ этомъ отношеніи услугу, хотя и съ своей стороны наложила ему стѣсненіе, опредѣливъ *размѣръ* процентовъ. Назначено было брать не болѣе пяти процентовъ, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ шесть. Этимъ окончательно были вытѣснены изъ дѣйствительной жизни каноническія постановленія о ростѣ; современная же потребность экономическаго развитія народовъ, а также доводы науки—политической экономіи—дѣлаютъ въ настоящее время необходимымъ отмѣнить въ отношеніи процентовъ и тѣ предѣлы, которые назначены были имъ закономъ 1654 года, составившимъ въ свое время эпоху въ промышленномъ развитіи германскихъ странъ.

Такимъ образомъ сочиненіе это представляетъ собою весьма важную монографію для исторіи германской культуры и всего экономическаго положенія страны; оно наглядно рисуетъ намъ

Digitized by Google

ту сильную и упорную борьбу, которая происходила между идеально нравственными воззрѣніями христіанской религіи, то-есть церковными постановленіями о ростѣ и ростовщикахъ съ одной стороны, и взглядами народа, понятіями его о правахъ имущественныхъ, а также условіями и законами экономической жизни съ другой стороны. Борьба эта продолжалась нетолько впродолженіе всей средневѣковой эпохи, но и гораздо позднѣе, въ новѣйшія времена уже; скажемъ откровенно, даже и въ настоящее время еще она не доведена до окончательныхъ практическихъ результатовъ, свидѣтельствуя лишь о томъ поразительномъ грустномъ фактѣ, до какой степени медленно распространяются здравыя и правильныя понятія между людьми и съ какими неимовѣрными усиліями осуществляются они въ положительныхъ законодательствахъ.

Много прошло уже лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ знаменитый Тюрго въ своей запискѣ (Mémoire sur les prets d'argent) доказывалъ законность роста (процентовъ) и несостоятельность всѣхъ постановленій противъ такъ-называемыхъ ростовщиковъ; другой же великій мыслитель, Бентамъ, двадцать лѣтъ спустя, въ предѣлахъ нашего отечества, на берегахъ Азовскаго моря, написалъ свою знаменитую защиту роста (defence of usury, schowing the impolicy of the present legal restraint on pecuniary bargains), которая немало поколебала мнѣніе необходимости и полезности опредѣлять законами величину того роста (процентовъ), который слѣдовало брать при ссудахъ различныхъ капиталовъ.

Въ нашемъ Сводѣ Законовъ относительно процентовъ существуютъ слѣдующія постановленія: что деньги, выданныя подъ залогъ корабельной крѣпости, не могутъ быть отдаваемы съ полученіемъ *болѣе* шести процентовъ (т. XI, ст. 1,234), что по векселямъ простымъ, по просрочкѣ ихъ, должники обязаны платить сверхъ капитала узаконенный ростъ. Количество сего роста опредѣляется по половинѣ процента въ мѣсяцъ (уставъ торговый, ст. 663), или, что заимодавцамъ *дозволяется* брать ростъ съ капитала, отданнаго въ долгъ, но не свыше *шести* процентовъ на сто въ годъ; запрещается постановлять, что на сей капиталъ проценты будутъ сложные и т. д.; взиманіе роста въ количествѣ свыше узаконеннаго именуется лихвою и влечетъ за собою наказаніе и т. д. (томъ X ст. 2020—22). Подобныя постановленія все еще существуютъ, несмотря на то, что есть множество способовъ и средствъ обойдти подобныя правила, и тѣмъ самымъ облекая въ совершенно законную форму дѣйствія, законами воспрещенныя, дѣлать подобныя постановленія совершенно безполезными, уменьшая чрезъ это уваженіе къ святости закона и его безусловно обязательной для всѣхъ силы. При этомъ, конечно, нельзя не упомянуть, что и на основаніи самихъ законовъ лихвенными процентами не почитаются излишніе, *такимъ образомъ* (?!) получаемые дворянскою опекою на капиталы малолѣтныхъ по доброй волѣ и желанію заемщиковъ (ст. 2022, т. X

Digitized by Google

ч. I Св. гр. зак. 1856 года). Что такое добрая воля заемщиковъ? и почему, если дозволяется ему, по такъ-называемой доброй волѣ платить болѣе шести процентовъ на капиталы малолѣтнымъ, занимаемые имъ въ дворянской опекѣ, то почему же ему не предоставить право платить такіе же проценты по своему усмотрѣнію, по *доброй волѣ* и на капиталы малолѣтныхъ, занимаемые имъ прямо отъ родителей, опекуновъ и т. д. безъ всякаго участія въ томъ дворянской опеки? И почему только для *дворянской опеки* сдѣлано такое исключеніе, которое должно быть безусловнымъ общимъ правиломъ для всѣхъ и каждаго, ибо

1) величина роста въ каждомъ мѣстѣ въ различное время бываетъ весьма различна; она зависитъ отъ предложенія и спроса капиталовъ, а потому законъ не можетъ заранѣе опредѣлить ту величину его, которая исключительно опредѣляется соревнованіемъ предложенія и согласіемъ потребителей;

2) самый родъ займа, и еще болѣе предполагаемое потребленіе занимаемаго капитала обусловливаютъ и величину роста;

3) невозможно услѣдить за исполненіемъ всякаго рода подобныхъ постановленій, ибо много займовъ совершается безъ всякаго участія правительственной власти, которая о нихъ вовсе ничего и не знаетъ. Слѣдовательно является полная возможность обходить законъ, нарушать его вполнѣ безнаказанно;

4) подобное опредѣленіе законами размѣровъ процентовъ не достигаетъ своей цѣли: нерѣдко, или точнѣе, большею частью высокій размѣръ процентовъ происходитъ отъ того, что заемщикъ не можетъ представить достаточнаго ручательства въ вѣрности уплаты какъ процентовъ, такъ и капиталовъ. Подобный заемщикъ ни въ какомъ случаѣ, несмотря тамъ ни на какіе законы, не найдетъ для себя возможнымъ занять по меньшимъ процентамъ; онъ долженъ будетъ отказаться вовсе отъ займа, что для него нерѣдко можетъ быть хуже, чѣмъ занять по высокимъ процентамъ. Съ другой же стороны, такое опредѣленіе величины процентовъ не приноситъ пользы для людей неразсудительныхъ, склонныхъ къ мотовству и т. д.; оно нисколько не воспрепятствуетъ имъ разориться, потому что не найдя возможнымъ занять, они всегда имѣютъ полную возможность продать свое имущество, при отсутствіи котораго они не займутъ ни по какимъ процентамъ. Они могутъ занимать, пока имѣютъ еще какое либо имущество, болѣе или менѣе цѣнное; для ихъ разоренія, конечно, все равно, будутъ ли они занимать по очень высокимъ процентамъ подъ залогъ имущества, или совершенно отчуждать, то-есть продавать оное.

Жизнь и переписка Петра Делавиня, *соч.* Уилльяръ-Бреолля (*).

Въ 1134 году, пріоръ одного изъ главныхъ французскихъ мо-

(*) Vie et correspondance du Pierre de la Vigne, par *A. Huillard-Bréholles*. Paris. 1865.

Digitized by Google

настырей въ одномъ письмѣ своемъ жестоко отозвался о тѣхъ свѣтскихъ стремленіяхъ, какимъ предавалось современное ему западное духовенство. По его отзыву, духовные эти были настоящими хищными феодалами: владѣя независимою поземельною собственностью, они только занимались отстаиваніемъ своихъ государственныхъ интересовъ и проливали человѣческую кровь.... Если такое сужденіе и слишкомъ обобщено, если въ немъ духовенство XII вѣка выставлено черезчуръ свирѣпымъ и кровожаднымъ, то все же въ этомъ взглядѣ есть своя доля правды. Безспорно то, что тогдашняя западная церковь, обогатившись разными благочестивыми приношеніями, а также различными промыслами, возгордилась и увлеклась духомъ феодализма. Она вторглась въ область свѣтскихъ интересовъ. Само общество замѣчало неестественность такого положенія церкви; потому горожане гораздо терпѣливѣе переносили болѣе суровую власть свѣтскихъ сюзереновъ, чѣмъ, хотя и болѣе мягкую подчасъ, но, по ихъ внутреннему убѣжденію, менѣе законную свѣтскую власть духовенства. Отсюда цѣлый рядъ столкновеній между свѣтскимъ и духовнымъ началами. Свѣтское начало мало-по-малу отымаетъ у духовенства всѣ несвойственныя ему права: право сбора податей и пользованія ими, право чеканки монеты, суда, содержанія войска и право войны. Города и свѣтскіе владѣтели подѣлили между собой всѣ эти пріобрѣтенія. Цѣль сочиненія Уилльяра-Бреолля—разъяснить попытку, противоположную домогательствамъ средневѣковаго духовенства—попытку свѣтской власти вторгнуться въ область духовныхъ интересовъ, попытку императора Фридриха II уничтожить самостоятельность духовной власти. Дѣятельнымъ помощникомъ и ловкимъ руководителемъ германскаго государя, въ этомъ дѣлѣ, былъ Петръ Делавинь. Просвѣщенный цезарь, обладавшій блестящимъ умомъ, философъ съ направленіемъ, враждебнымъ религіозному началу, Фридрихъ II, преслѣдуя свои особенныя цѣли, домогался устройства еретической церкви, хотѣлъ сдѣлаться ея главою и присвоить себѣ право ея внутренняго управленія чрезъ свѣтскихъ викаріевъ. Уилльяръ-Бреоль впервые предпринялъ разработать въ подробности этотъ любопытный историческій вопросъ. Ему удалось заинтересовать своихъ читателей. Онъ переноситъ насъ въ XIII вѣкъ, чуждый намъ по своимъ предразсудкамъ, и заставляетъ съ вниманіемъ слѣдить за дѣйствіями Фридриха II, этого императора тудесковъ, этого человѣка азіатскихъ нравовъ, въ дѣйствіяхъ котораго однако какъ-бы сказывается духъ будущихъ временъ—человѣка, который, для достиженія своихъ цѣлей, пустилъ въ ходъ всѣ средства своей обширной имперіи, всѣ средства своего сильнаго духа; и хотя былъ побѣжденъ отовсюду и глубоко уязвленъ своими неудачами, однако до конца считалъ свой образъ дѣйствій правымъ.

Историческій трудъ Уилльяра-Бреолля начинается 1240 годомъ. Тогда Фридрихъ II только что подчинилъ Сицилію началамъ административнаго единства; его желанія въ то время, казалось,

Digitized by Google

были скромны; онъ только предполагалъ дать всей Италіи вообще подобное же государственное устройство, при которомъ бы она, какъ Сицилія, могла умиротвориться. Но и это предположеніе заключало въ себѣ величайшія трудности. Повидимому, занятіе нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ пунктовъ открывало Фридриху свободный путь въ Римъ. Но лишь только онъ приблизился къ этому городу — народъ вооружился. Если народъ этотъ жаловался на своихъ честолюбивыхъ и неспокойныхъ папъ, это еще не значило, чтобы ему хотѣлось промѣнять ихъ на спокойное рабство; онъ еще болѣе, чѣмъ папъ, ненавидѣлъ иноземное господство. Фридрихъ принужденъ былъ избрать другой путь для своихъ цѣлей. Онъ, казалось, умно воспользовался смертью папы Григорія IX и возвелъ на папскій престолъ своего приверженца. Но и тутъ онъ обманулся. Лишь только Синнибальдъ Фіеско, старый другъ Фридриха, провозглашенъ папой Иннокентіемъ IV, какъ онъ дѣлается открытымъ врагомъ императора. Римскій дворъ хорошо понималъ замыслы Фридриха, и потому-то для каждаго прелата римской церкви входить въ сдѣлки съ Фридрихомъ было то же, что измѣнять дѣлу религіи. Было мнѣніе, что Григорій IX и его современники ошибались, или по крайней мѣрѣ дѣлали видъ, что ошибаются въ истинномъ характерѣ Фридриха, что они придавали его планамъ и честолюбію гораздо обширнѣйшіе размѣры, чѣмъ какіе были на самомъ дѣлѣ. Но собранные Уилльяръ-Бреоллемъ и объясненные имъ документы разсѣютъ всякія такія предположенія. Папство дѣйствительно и справедливо опасалось. Фридрихъ, безъ сомнѣнія, замышлялъ основать новую церковь на развалинахъ старой. И свои реформы императоръ думалъ произвести не по плану какихъ-нибудь калабрскихъ отшельниковъ; у него ничего не было общаго съ аббатомъ Флоромъ или Іоанномъ Парижскимъ. Онъ былъ не мистикъ, а скептикъ, хотя и не сознавалъ того самъ. Церковь, какою она выработалась въ теченіе двѣнадцати вѣковъ, казалась Фридриху учрежденіемъ слишкомъ независимымъ и сильнымъ; она мѣшала его планамъ всесвѣтнаго господства; и вотъ онъ задумалъ другую церковь, которая бы служила его господству, а не мѣшала ему. Иннокентій весьма ясно выражался, когда писалъ своимъ епископамъ: «Въ чемъ главная причина ненависти Фридриха къ католической церкви? Въ томъ, что церковь всегда стоитъ между нимъ и его честолюбіемъ, его домогательствами подчинить себѣ другія царства. Церкви же, въ ея материнской привязанности, именно принадлежитъ защита вольности другихъ христіанскихъ королей, духовныхъ сыновей церкви». Вотъ какъ самъ Фридрихъ обнаружилъ въ своихъ собственныхъ словахъ то самое, въ чемъ его обвинялъ папа: «O felix Asia! воскликнулъ онъ однажды въ порывѣ хмурой откровенности: — о счастливая Азія, о счастливые ея владыки, имъ не надо бояться ни оружія ихъ подданныхъ, ни интригъ ихъ жрецовъ!»

Итакъ, едва-ли кто изъ современниковъ Фридриха пренебрегалъ болѣе его правами религіи. Не встрѣтивъ въ религіи по-

Digitized by Google

корную служительницу, онъ задумалъ ее устроить на свой ладъ. Его реформаторскія наклонности истекаютъ изъ чисто-свѣтскихъ причинъ. Его свѣтское устройство духовенства должно было пасть, какъ и другія попытки въ подобномъ же родѣ. Трудно угадать, чѣмъ бы сказалось это устройство. На основаніи писемъ и декретовъ можно лишь оцѣнить, съ какимъ буйствомъ приступалъ къ нему Фридрихъ. Фридрихъ такъ обращается, въ письмѣ къ къ своему сыну: «Божественная отрасль Цезарской крови». Это—языкъ втораго Константина. Но, принявъ христіанство, Константинъ не сталъ бы говорить о своемъ родномъ городѣ съ неистовою гордостью: «Bethleem nostra». Послѣ этого нельзя удивляться, если клерки, обращаясь къ Петру Делавиню, писали: «Петръ, на камнѣ котораго зиждется императорская церковь, Петръ, въ которомъ почіетъ душа августѣйшаго владыки въ то время, какъ онъ совершаетъ служеніе среди учениковъ своихъ».

Дѣйствія соотвѣтствовали словамъ. Фридрихъ поставилъ тѣхъ епископовъ, которыхъ Григорій IX призналъ недостойными и святотатственными. И папѣ было отвѣчено, что тѣ именно могутъ быть признаны святотатцами, кто сомнѣвается въ нашемъ (то-есть императора Фридриха) вѣдѣніи». Изъ такого положенія истекало, что кого Фридрихъ признаетъ святотатцемъ, того должно сжигать. И дѣйствительно, существуетъ декретъ объ этомъ. Имъ постановлялось, что кто будетъ сообразоваться съ инструкціями Рима, и нарушитъ правила императора, того сжигать. И по всей Сициліи воздвиглись костры, и на эти костры влеклись толпы папистовъ, другими словами—святотатцевъ. Что бы было съ человѣчествомъ, еслибы попытки, подобныя попыткѣ Фридриха, удавались; еслибы нравственные интересы вполнѣ подчинились свѣтскимъ интересамъ, направляемымъ личными убѣжденіями и расположеніями? Вышло бы зло неменьше того, какимъ дарили человѣчество узкіе религіозные интересы, подчинявшіе себѣ всѣ другія жизненныя проявленія.

Исторія карикатуры въ древности, *соч.* Шанфлери (*).

Авторъ этой книги, какъ извѣстно, одинъ изъ талантливыхъ романистовъ современной французской литературы; онъ неразъ заявлялъ свои эстетическіе взгляды и именно высказывалъ, что онъ поклонникъ реализма въ искуствѣ. Не ограничиваясь чисто-литературною дѣятельностью, онъ рѣшился прослѣдить идею реализма и въ пластическомъ искуствѣ, и занялся одною изъ самыхъ, такъ-сказать, крайнихъ сторонъ послѣдняго—карикатурой. Была ли карикатура у древнихъ—таковъ вопросъ, который задаетъ себѣ Шанфлери.

Чтобы вполнѣ рѣшить этотъ вопросъ, нельзя ограничиваться свидѣтельствами литературы и надписей; необходимо изученіе са-

(*) Histoire de la caricature antique, par *Champfleury*. Paris. 1865.

Digitized by Google

мыхъ памятниковъ живописи и скульптуры; такъ и сдѣлалъ Шанфлери и пришелъ къ тому убѣжденію, что карикатура не была чужда древности. Авторъ полагаетъ даже, что она существовала у египтянъ и аспріянъ; но это можно принять только съ нѣкоторыми ограниченіями—если мы примемъ въ разсчетъ, какое уваженіе къ лицу человѣка предписывалось религіозными идеями и нравами Востока. Что касается Греціи и Рима, то, разумѣется, въ странахъ Аристофана и Плавта карикатура могла получить широкое развитіе. Въ изложеніи авторъ умѣлъ соединить дѣльность съ интересомъ, и это дѣлаетъ его книгу явленіемъ очень пріятнымъ. Онъ обѣщаетъ современемъ издать исторію карикатуры новой.

Исторія астрономіи въ связи съ религіею, *соч.* Ружмона (*).

Галилей, его значеніе въ наукѣ, жизнь и процесъ, *соч.* Труессара (**).

Небольшое сочиненіе Ружмона написано съ знаніемъ дѣла, но не безъ мистическаго оттѣнка въ мысли; авторъ старается показать, что постепенное развитіе астрономическихъ знаній шло рука объ руку съ религіозными понятіями народовъ. Въ первые вѣка человѣчества, во времена наивныхъ и безотчетныхъ вѣрованій, эти вѣрованія и замѣняли всякое познаніе небеснаго свода и даже возводились въ системы: отсюда и произошла астрологія. Лишь у однихъ евреевъ замѣчается въ этомъ отношеніи нѣкоторое различіе между вѣрованіемъ и спокойнымъ научнымъ наблюденіемъ. Въ Греціи первыя открытія по части астрономіи принадлежатъ философамъ и были осуждены представителями народной греческой религіи. Однако, они пережили политеизмъ и были сохранены въ средніе вѣка христіанами и магометанами. XVI вѣкъ—вѣкъ дѣйствительнаго прогреса астрономическихъ знаній; является система Коперника и Галилея. Но и она была осуждена римскою церковью. Тѣмъ не менѣе она торжествуетъ и сама становится доводомъ въ пользу или теизма, или атеизма. Наконецъ, созданная Гершелемъ звѣздная астрономія подготовляетъ, по мнѣнію автора, примиреніе христіанскихъ вѣрованій съ выводами астрономической науки.

Небольшая книжка Труессара о Галилеѣ не заключаетъ въ себѣ ничего особенно новаго, но представляетъ очень полный и занимательный очеркъ этой знаменитой личности.

Отчетъ министру земледѣлія, торговли и общественныхъ работъ, объ изслѣдованіи устройства

(*) L'Histoire de l'astronomie dans ses rapports avec la religion, par *Fréd. de Rougemont*. Paris. 1865.

(**) Galilée, sa mission scientifique, sa vie et son procès, par *Trouessard*. Paris. 1865.

Digitized by Google

промышленнаго образованія въ Германіи и Швейцаріи, *соч. генераломъ* Моренемъ (*).

Это изслѣдованіе объ устройствѣ промышленнаго образованія въ Германіи и Швейцаріи произведено Мореномъ, Пердонне и Моннье по порученію французскаго министра общественныхъ работъ. Изслѣдователи выполнили возложенное на нихъ порученіе съ добросовѣстностью, безъ предвзятыхъ мыслей и національнаго пристрастія. Они отдаютъ полную справедливость нѣмцамъ за ихъ стараніе о распространеніи первоначальнаго образованія, но въ то же время и замѣчаютъ недостатки въ этой дѣятельности нѣмцевъ. Вотъ результатъ изслѣдованія Морена, Пердонне и Моннье:

Въ Германіи о первоначальномъ образованіи гораздо болѣе заботятся, чѣмъ во Франціи; оно и лучше ведется, и болѣе распространено, хотя и *не вездѣ обязательно*. Правительство, въ своихъ стремленіяхъ распространить образованіе въ народѣ, находитъ себѣ дѣятельную поддержку въ частныхъ лицахъ. Въ Прусіи людей неграмотныхъ приходится лишь 60 — 70 человѣкъ на тысячу; для Виртемберга, Саксоніи и многихъ кантоновъ Швейцаріи эта цифра еще менѣе. Кромѣ первоначальныхъ школъ, существуютъ еще высшія школы, такъ-называемыя реальныя (Realschule), родъ второстепенныхъ промышленныхъ школъ; ихъ назначеніе въ дѣлѣ промышленнаго образованія подобно назначенію гимназій или французскихъ коллегій въ образованіи классическомъ. Въ реальныхъ школахъ молодые люди пріобрѣтаютъ довольно обширныя и разнообразныя познанія, нужныя для торговли, ремеслъ и промышленныхъ искуствъ. Но тѣмъ не менѣе такое образованіе есть приготовительное и для высшаго промышленнаго образованія. Въ Германіи есть нѣсколько высшихъ заведеній, изъ которыхъ выходятъ инженеры, горно-заводчики, архитекторы. Въ однихъ изъ нихъ введено болѣе практическое преподаваніе, въ другихъ преобладаетъ теорія. Вообще эти заведенія могутъ быть уподоблены извѣстнымъ французскимъ заведеніямъ — *Ecole polytechnique* и *Ecole centrale*. Подобное же заведеніе есть въ Швейцаріи; это — цюрихскій *Polytechnicum*. Тамъ преподаваніе ведется во французскомъ духѣ, въ курсъ включены: литература, политическая экономія и другія вспомогательныя науки. Польза заботъ о томъ, чтобы съ первоначальнымъ общимъ образованіемъ подвигалось впередъ и первоначальное техническое — очевидна. Чѣмъ болѣе будутъ замѣняться ручныя работы механическими, тѣмъ болѣе выиграютъ и духовные интересы массы. Потому разбираемое изслѣдованіе французскихъ ученыхъ, написанное съ этимъ убѣжденіемъ, заслуживаетъ полнаго вниманія.

(*) Rapport à S. E. le ministre de l'agriculture, du commerce et des travaux publics sur une mission relative à l'organisation de l'enseignement industriel en Allemagne et en Suisse, par le général *Morin*. Paris. 1865.

Digitized by Google

НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

Въ послѣднее время появились въ печати слѣдующія сочиненія:

Atlas der Krystall-Formen des Mineralreiches, von Dr. Alb. *Schrauf*. (Атласъ кристалльныхъ формъ минеральнаго царства, Алб. *Шрауфа*). 1864.

Beiträge zur Geschichte des deutschen Rechts, von Otto *Stobbe*. (Объ исторіи германскаго права, О. *Штоббе*). 1865.

Der deutsche Peintre-Graveur von Dr. A. *Andressen*. (Нѣмецкія живопись и гравированіе, А. *Андрессена*). 1864.

Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften. 3 Band. von Dr. Hein. *Ritter*. (Энциклопедія философскихъ наукъ, Г. *Риттера*). 1864.

Geschichte Spaniens, von Herm. *Baumgarten*. (Исторія Испаніи, Г. *Баумгартена*). 1865.

Göthe's Elfenballaden und Schiller's Ritterromanzen, von A. W. *Grube*. (Балады изъ міра эльфъ Гёте и рыцарскіе романсы Шиллера, А. В. *Грубе*). 1864.

Der grosse norddeutsche Kanal zwischen Ostsee und Nordsee. (Большой нѣмецкій каналъ между Балтійскимъ и Нѣмецкимъ морями). 1864.

Handbuch der Zendsprache. Altbaktisches Wörterbuch, von Ferd. *Justi*. (Руководство къ изученію зендскаго языка, Ф. *Юсти*). 1864.

Iohann, Graf von Luxemburg und König von Böhmen, von Pr. Dr. Joh. *Schötter*. (Іоаннъ, графъ люксембургскій и король богемскій, Іог. *Шёттера*). 1865.

König Iohann von Böhmen und Bischof Nanker von Breslau, von Dr. C. *Grünhagen*. (Богемскій король Іоаннъ и бреславскій епископъ Наккеръ, К. *Грюнгагена*). 1864.

Platonische Studien, von Pr. Dr. G. *Schwanitz*. (Изученіе Платона, Г. *Шванница*.) 1864.

Schiller's Calender vom 18 Juli 1795 bis 1805, herausgegeben von Emilie von Gleichen-Russwurn, geb. von Schiller. (Календарь Шиллера, изданный его дочерью). 1865.

Schwäbische Frauen. Lebensbilder aus den drei letzten Jahrhunderten, von J. P. *Glökler*. (Швабскія женщины. Картины изъ жизни трехъ послѣднихъ вѣковъ, П. *Глёклера*). 1865.

Zur Schulreformfrage, von Ad. *Stählin*. (По вопросу о преобразованіи училищъ, А. *Штелина*). 1865.

Urkunden zur Geschichte des Römerzuges Kaiser Ludwig des Baiern, von Pr. Dr. *Jul. Ficker*. (Документы къ исторіи римскаго похода императора Людвига баварскаго, Юл. *Фикера*). 1865.

Sieben Bücher zur Geschichte des Platonismus. 2 Theil. Verhältniss des Platonismus zum klassischen Alterthum und zum Christenthum; von Pr. Dr. Hein. *Stein*. (Семь книгъ къ исторіи платонизма, II часть. Отношеніе платонизма къ классической древности и христіанству, Г. *Штейна*). 1864.

Digitized by Google

Belial, a Novel. (Беліаль, романъ). 1865.

A Campaigner at Home, by *Shirley*. (Возвратившійся ветеранъ, *Ширлея*). 1865.

Elihu Jan's Story, or private life of eastern queen, by W. *Knighton*. (Исторія Элигу-Яна, или домашняя жизнь восточной королевы, *Уил. Нейтона*). 1865.

Fifi, or memoirs of a canary bird, by Mrs. *Buckle*. (Фифи, или мемуары канарейки, г-жи *Бокль*). 1865.

The fibre plants of India, Africa and our colonies, by James *Dickson*. (Волокнистыя растенія Индіи, Африки и нашихъ колоній, Джемса *Диксона*). 1865.

Frost and Fire, natural engines etc., by a *Traveller*. (Морозъ и огонь, природныя машины и т. д., путешественника). 1865.

The Hillyars and the Burtons, a story of two families, by H. *Kingsley*. (Гейльяры и Бортоны, исторія двухъ семействъ, Г. *Кингслея*). 1865.

The Hunting-Grounds of the Old World. 3 *Edit*. (Мѣста для охоты стараго свѣта. 3 *Изд*.). 1865.

Irish Almanac and Official Directory. (Ирландскій альманахъ). 1865.

Lectures on Public Health, by E. D. *Mapother*. (Лекціи объ общественномъ здоровьѣ, Е. Д. *Мапотера*). 1865.

Life in Normandy. 3 *Edit*. (Жизнь въ Нормандіи. 3 *Изд*.). 1865.

Miscellaneous Observations on the Blood, by John *Davy*. (Разныя наблюденія надъ кровью, Джона *Дэви*). 1865.

Philosophy, or Truth? by S. C. *Malan*. (Философія, или истина? С. Ч. *Мэлена*.) 1865.

The senses and the Intellect, by Al. *Bain*. (Чувства и разумъ, Ал. *Бена*). 1865.

Skin diseases, by Tilbury *Fox*. (Накожныя болѣзни, Т. *Фокса*). 1865.

Stones crying out etc. (Вопіющіе камни и т. д.). 1865.

Ten Years in Sweden, by an old Bushman. (Десять лѣтъ въ Швеціи, стараго жителя лѣсовъ). 1865.

Miles Bullen, or the Little World of Onniegate, a *Novel*. (Майлсъ Боллеръ, или Оннигэтскій Міръ, романъ). 1865.

Looking Back, or Pique, Repique and Capot, by G. A. *Walstab*. (Взглядъ на прошлое, романъ Дж. Ар. *Уальстэба*).

Digitized by Google

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. БИТНЕРА,

на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви въ Санктпетербургѣ.

СѢВЕРНАЯ ЛИРА.

Собраніе романсовъ и пѣсенъ для пѣнія съ аккомпаниментомъ фортепьяно.

к.

АБТЪ, Ф. Разлука. 40
АДЕНАРЪ. Калабрійскій разбойникъ 40
БУЛАХОВЪ, П. 4 новые романса: № 1. «За окномъ въ тѣни мелькаетъ», слова Полонскаго, 60 к.; № 2. «Свѣжъ и душистъ твой роскошный»... слова Фета, 50 к.; № 3. «Скажи душою откровенной», слова Толстаго, 50 к.; № 4. «Вблизи тебя» изъ драмы Анжело 50
ВАРЛАМОВЪ, А. Е. Взволнуютъ море непогоды 40
— Я васъ любилъ 40
ВИТГЕНШТЕЙНЪ, кн. Э. Л. Не женися молодецъ (на 2 голоса) 40
ВИТЕЛЯРО. Возлѣ рѣчки, возлѣ моста (пѣсня, пѣтая съ большимъ успѣхомъ г-жею Платоновой) 75
ГУРИЛЕВЪ, А. Не спрашивай 40
— Право маменьки скажу 40
ДАРГОМЫЖСКІЙ. А. Романсы и пѣсни: № 1. Я затеплю свѣчу 50 к.; № 2. Любила, люблю я, вѣкъ буду любить 60 к.; № 3. Я помню глубоко 60 к.; № 4. Ночевала тучка золотая. Тріо 75 к.; № 5. Одѣлась туманомъ Гренада. Испанскій романсъ. 75 к.
ДЕЛЮСТО. Иной есть міръ (на 2 голоса) 50 к.; И скучно и грустно 50 к.; Къ чему роптать 40 к.; Разочарованье 40 к.; Пѣснь пьянаго 40 к.; Молитва 50 к.; Какъ ты кротка 50 к.; Пѣснь Грека 85
ДЕССАУЕРЪ. Очарованіе 50
ДЕРФЕЛЬДТЪ. Два романса:
№ 1. Забыта я! забыта я!
» Не говори: забыта я! 50
Малютка 40
ДЮТШЪ, О. Ив. Пѣсня: Ты кольцо мое колечко, пѣтая г-жею
— Самойловой въ драмѣ: «Деньги». 50
— Пусть птичка Божія поетъ, романсъ пѣтый г-жею Самойловой въ драмѣ: «Деньги». 60
ЗЫБИНА, С. А. Собраніе романсовъ: № 1. Молитва, слова Лермонтова 40 к.; № 2. Вечеръ мглистый 40 к.; № 3. Quand tu chantes 60 к.; № 4. Такъ здѣсь-то суждено вамъ было 50 к.; № 5. Еще томлюсь тоской желаній . . . . . 40 к.

Digitized by Google

КАСТНІОТО-СКАНДЕРБЕКЪ, В. Романсы и пѣсни: № 1. И скучно и грустно 50 к.; № 2. Гдѣ ты 40 к.; № 3. Дорида 50 к.; № 4. Черкесская пѣсня 40 к.; № 5. Слышу ли голосъ твой 40 к.; № 6. Узникъ 50 к.; № 7. Есть тихая роща 75 к.; № 8. Зачѣмъ безвредную скуку 40 к.; № 9. Пѣснь Эсмеральды 40 к.; № 10. И нѣтъ въ мірѣ очей 40 к.; № 11. Лила 50 к.; № 12. Я васъ люблю 50 к.; № 13. Я не могу ее забыть . . . . . 40 к.

КОЧЕТОВЪ. Какъ ангелъ неба безмятежный 50 к.; Ужь ночь ложится на поля 50 к.; Я долго стоялъ неподвижно. Дуэтъ 50 к.; Она моя . . . . . 60 к.

МЕНДЕЛЬСОНЪ-БАРТОЛЬДИ. Фіалка 40 к.; Свиданіе . 30 »

МЕЩЕРСКАЯ, кн. А. М. Перстень золотой . . . . 40 »

— Два чувства . . . . . 50 »

МОНЮШКО, С. Романсы и пѣсни: № 1. Утро 75 к.; № 2. Вечеръ 50 к.; № 3. Къ прелестной пташкѣ 60 к.; № 4. Пряха 50 к.; № 5. Невѣста 50 к.; № 6. Сердце и рѣчка 50 к.; № 7. Кукушка 50 к.; № 8. Горесть сердца 50 к.; № 9. Весна 50 к.; № 10. Вечерній звонъ . . . . . 50 к.

ОГАРЕВЪ, Н. Романсы и пѣсни: № 1. Баюшки-баю 75 к.; № 2. Тоска по родинѣ 40 к.; № 3. Полно братцы 40 к.; № 4. Море жизни 40 к.; № 5. Даръ напрасный 50 к.; № 6. Нищенка 40 к.

ПЕТЕРССЕНЪ, П. Что задумалась ты? Романсъ . . . 60 »

Р... Пѣсня любимая. Скажите мнѣ. . . . . 40 »

САБИНИНЪ, М. С. Весеннія воды 50 к.; Слезы . . . 50 »

САМОЙЛОВЪ, В. Двѣ пѣсни изъ шутки водевиля: Цыганскій таборъ № 1. Цыганъ удалецъ 40 к.; № 2. Ахъ кути-гуляй головушка. 40 к.

САМСОНОВА, Н. Намъ сулите что хотите (для хора) 50 к.; Не женися молодецъ 30 к.; Узникъ 40 к.; Не смущай мою ты душу. . . . . 40 к.

СОКОЛОВЪ, Вл. Романсы: Все спитъ 40 к.; Встрѣча 60 »

— Соловей . . . . . 50 »

СТИГЕЛИ. Прелестные глазки . . . . . 40 »

ТИВОЛЬСКІЙ, Н. На душѣ свободной 40 к.; Какъ ты кротка какъ ты послушна 40 к.; Полно спать тебѣ дѣвица . 40 »

ШУБЕРТЪ, Ф. У моря . . . . . 50 »

Новѣйшіе танцы и марши для фортепьяно.

Piano muet (нѣмое фортепьяно) для упражненія рукъ, новой конструкціи, фабрики Плейеля въ Парижѣ. Цѣна безъ пересылки. . . . . 30 руб.

Въ этомъ же магазинѣ можно получать *всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы то ни было изданныя* или объявленныя въ какомъ либо каталогѣ. Выписывающіе нотъ на три руб. сер., получаютъ 20 процентовъ уступки; на пять—руб. 25 проц.; на десять руб.—30 проц.; а на пятнадцать руб. сер. и болѣе, кромѣ того, не платятъ за пересылку. Требованія гг. иногородныхъ исполняются въ точности и съ первоотходящею почтою.

А. ВИТМИРЪ.

Digitized by Google

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ

У М. БЕРНАРДА

Въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской № 10.

Дешевое изданіе полныхъ оперъ для одного фортепьяно.

(Цѣны крайнія, за пересылку же прилагается особо).

ADAM. Giralda (3 p. 20 к.). Le postillon de Lonjumeau (4 p.).

AUBER. L'ambassadrice (4 p.). Le cheval de bronze (4 p.). La Circassienne (4 p.). Le domino noir (3 p. 20 к.). Fra-Diavolo (2 p. 15 к.). Fenella (2 p. 15 к.). Le maçon (2 p. 15 к.).

BEETHOVEN. Fidelio (2 p.). Collection complète des mélodies pour piano seul (2 p. 80 к.).

BELLINI. Beatrice di Tenda (2 p. 60 к.). I Montecchi ed i Capulletti (2 p. 60 к.). Norma (2 p. 60 к.). Il Pirato (2 p. 60 к.). I Puritani (2 p.). La Sonnambula (2 p. 60 к.). La Straniera (2 p. 60 к.).

BOIELDIEU. La dame blanche (2 p. 15 к.). Jean de Paris (1 p. 70 к.).

CHERUBINI. Les deux journées (Водовозъ) (2 p. 15 к.).

CIMAROSA. Il matrimonio segretto (3 p.).

DAVID. Lalla Roukh (4 p.).

DONIZETTI. Anna Bolena (3 p. 45 к.). Elisire d'amore (2 p. 60 к.). La favorite (4 p.). Lucia di Lammermoor (2 p. 60 к.).

FLOTOW. Martha (4 p.). Stradella (4 p.).

GOUNOD. Faust (4 p.). Philemon et Baucis (4 p.). La reine de Saba (4 p.).

HALEVY. La Juive (4 p. 60 к.). Les mousquetaires de la Reine (3 p. 20 к.). Le val d'Andorre (3 p. 20 к.).

HAYDN. La création (2 p.).

HEROLD. Zampa (2 p. 15 к.).

MERCADANTE. Il Giuramenta (2 p.). La Vestale (2 p. 80 к.).

MEYERBEER. L'étoile du nord (4 p.). Le Pardon de Ploërmel (4 p.). Le Prophète (4 p.). Robert le diable (4 p. 80 к.). Les Huguenots (4 p. 80 к.). L'Africaine (4 p. 80 к.).

MOZART. Cosi fan tutte (2 p. 15 к.). Don-Juan (2 p. 30 к.). L'enlèvement du sérail (1 p. 45 к.). Figaro (2 p. 15 к.). La Jardinière (2 p. 60 к.). Idomeneo (2 p.). Titus (1 p. 30 к.). La flûte magique (1 p. 70 к.). — Всѣ семь оперъ вмѣстѣ въ одной книгѣ, съ портретомъ Моцарта, и красивымъ заглавнымъ листомъ (10 р.).

ROSSINI. Le barbier de Séville (1 p. 70 к.). Cenerentola (2 p. 60 к.). Le Comte Ory (4 p.). La donna del lago (2 p. 15 к.). La Cazza ladra (2 p. 60 к.). Guillaume Tell (4 p. 80 к.). Moïse (2 p. 15 к.). Otello (2 p. 15 к.). Semiramis (2 p.). Le siège de Corinthe (2 p. 60 к.). Tancred (2 p. 15 к.).

Digitized by Google

VÉRDI. Un ballo in maschera (4 р.). Aroldo (4 р.). Ernani (2 р. 60 к.). Lombardi (2 р. 60 к.). Luisa Miller (4 р.). Macbeth (4 р.). Rigoletto (4 р.). Simon Boccanegra (4 р.). La Traviata (4 р.). Il Trovatore (4 р.). Vêpres Siciliennes (6 р.).

WEBER. Der Freischutz (2 р.). Oberon (2 р.).

Дешевое изданіе полныхъ оперъ для фортепьяно въ четыре руки.

(Цѣны крайнія, за пересылку прилагается особо).

AUBER. Fenella (La muette de Portici) (4 р. 75 к.). Le maçon (4 р. 30 к.).

BELLINI. Norma (3 р. 85 к.). La Sonnambula (3 р. 85 к.).

BOIELDIEU. La dame blanche (4 р. 30 к.).

DONIZETTI. Lucia di Lammermoor (3 р. 85 к.).

GOUNOD. Faust (6 р.).

HEROLD Zampa (3 р. 45 к.).

MOZART. Cosi fan tutte (4 р. 75 к.). Don Juan (4 р. 75 к.). L'enlèvement du serail (3 р. 85 к.). Figaro (4 р. 30 к.). Titus (3 р. 85 к.). La flûte magique (3 р. 85 к.).

ROSSINI. Le barbier de Séville (4 р. 30 к.).

VERDI. Ernani (4 р. 30 к.).

Разныя сочиненія.

(Цѣны крайнія, за пересылку прилагается особо).

ШУБЕРТЪ. 40 любимѣйшихъ мелодій, переложенныхъ для фортепьяно А. Дюбюкомъ (3 р., съ пересылкою 3 р. 75 к.).

МЕНДЕЛЬСОНЪ-БАРТОЛЬДИ. Полное собраніе его сочиненій для фортепьяно. Новое красивое изданіе въ 4 томахъ (подписная цѣна 10 р., съ пересылкою 13 р.).

Цѣпы вышеозначеннымъ операмъ крайнія, и за пересылку оныхъ прилагается особо. Выписывающіе оперъ на сумму не менѣе пятнадцати руб. сер., за пересылку ничего не прилагаютъ.— За сочиненія же Шуберта, Мендельсона, Бетговена и Шопена слѣдуетъ за пересылку прилагать особо. — Изъ магазина М. Бернарда можно выписывать всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они не были изданы и объявлены.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го іюля седьмая тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XXVI), содержащая въ себѣ новѣйшія сочиненія *Ричардса*, *Смита*, *Шлессера*, *Фохта*, *Вахтмана* и др., всего 10 пьесъ, 1 русскій романсъ и литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты (годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 р. 50 к.). Желающіе подписаться на «Нувеллистъ», получаютъ сполна всѣ тетради, вышедшія съ начала нынѣшняго года.

Вновь получены въ большомъ выборѣ: *рояли*, *роялино*, *скрипки*, *смычки*, *флейты*, *гитары*, *гармонифлейты*, *метрономы*, и проч. по весьма умѣреннымъ цѣнамъ.

Депо лучшихъ итальянскихъ струнъ.

Digitized by Google

РАЗСКАЗЪ ДВОРЯНКИ.

ОЧЕРКЪ.

Благодаря моему прилежанію, но никакъ не блистательнымъ способностямъ, я, какъ говорится, окончилъ курсъ наукъ; къ общей семейной радости, получилъ очень хорошую должность въ провинціи, и послѣ недолгихъ сборовъ, отправился къ мѣсту моего назначенія.

Послѣ удобствъ желѣзной дороги, пришлось мнѣ испытывать пріятности ухабовъ, почтовыхъ станцій, задержекъ, не говоря уже о томъ, какъ страдала моя физіономія и вся моя жиденькая фигура, непривычная къ холоду и дорожнымъ толчкамъ. Были минуты, въ которыя мнѣ казалось, что меня непремѣнно мертваго привезутъ въ С. Такъ томился я сутки; наступили и другія, а вмѣстѣ съ ними такая мятель и вьюга, которой мнѣ никогда не приходилось видѣть въ чистомъ полѣ. Съ визгомъ поднимались снѣжные столбы, скрывая отъ глазъ извощика утомленную тройку, которая фыркая едва плелась.

Колокольчикъ звучалъ какъ-то глухо, и мы сами едва могли его разслышать; сани, занесенныя снѣгомъ, какъ сугробъ, медленно двигались, то проваливаясь въ яму, то раскатываясь и грозя опрокинуться. Минуты казались часами, наконецъ лошади стали. Извощикъ крикнулъ, взмахнулъ кнутомъ — онѣ не трогались съ мѣста. Всѣ мокрыя, опустивъ головы, онѣ тяжело дышали, паръ валилъ отъ нихъ клубомъ.

— Вотъ тебѣ и знай! сказалъ извощикъ, слѣзая и похлопывая рукавицами, посматривалъ кругомъ.

— Что случилось? спросилъ я, поднимаясь съ подушки, которая, намерзнувъ, торчала, какъ колъ.

— Сбились... отвѣчалъ онъ, похаживая кругомъ саней: — и слѣда нѣтъ, и вѣтелки пропали...

Digitized by Google

— Какъ сбились? Не можетъ быть; дорога прямая, съ чего тутъ сбиться...

— Вѣстимо, съ чего сбились, зги божьей не видать! Лошадей всѣхъ порѣзали; вишь, того и гляди издохнутъ... Куда теперь на нихъ поѣдешь?

— Что ты тутъ разсказываешь! вскричалъ я, выскакивая изъ саней: — не стоять же намъ среди поля... Садись, поѣзжай!

— Да куда, ваше благородіе, ѣхать-то?... Вы сами извольте посмотрѣть, все какъ есть едино, бѣлая стѣна!

Къ стыду долженъ признаться, что отвѣтъ его подѣйствовалъ на меня раздражительно. Я началъ браниться, кричать... Извощикъ, парень лѣтъ семнадцати, совсѣмъ оторопѣлъ.

— Да вы, баринъ, чего же гнѣваетесь? говорилъ онъ увѣщательно:—мнѣ самому жизнь-то мила; кому умирать хочется!... Да и за лошадей, поди-ко, что отъ хозяина достанется... Стоять-то тутъ — чего стоять... Маленько пущай отдохнутъ... Вы за ними, ваше благородіе, посмотрите, а я пойду, поищу дороги.

Я остался одинъ. Въ нетерпѣніи и тоскѣ шагалъ я подлѣ саней, всматриваясь въ пространство, и ничего не видя. Наконецъ я сталъ громко кричать; сперва мнѣ показалось, что какъ будто мнѣ откликнулись, потомъ за вѣтромъ ничего не было слышно. Холодъ пронизывалъ меня насквозь, я не зналъ что̀ дѣлать. Мысли одна одной нелѣпѣе лѣзли мнѣ въ голову. Мнѣ казалось, что извощикъ обманулъ меня, нарочно ушелъ, и теперь гдѣ нибудь преспокойно сидитъ и отогрѣвается, а я вотъ тутъ такъ и останусь, и пропаду ни за что!

Прошелъ мучительный часъ, а онъ все не шелъ. Я то садился, то опять вставалъ; лошади то опускали головы, то приподнявъ ихъ вострили уши... Я съ надеждой слѣдилъ за ними въ ту сторону, въ которую онѣ, казалось, вслушивались; наконецъ, схвативъ колокольчикъ, я началъ ожесточенно звенѣть.

— Спасибо, баринъ, догадались позвонить-то, раздался подлѣ меня голосъ моего извощика, точно выросшаго изъ земли:—а то бы, пожалуй, еще цѣлый часъ проходилъ... Чай, ваше благородіе думалъ, я пропалъ?

— Нашелъ, что ли, дорогу? сказалъ я, внутренно ужасно ему обрадовавшись, но по какому-то глупому, необъяснимому чувству, не желая это высказать.

— Проходилъ-то долго, а толку-то мало... Идешь, а она тѣ такъ и крутитъ, такъ и крутитъ... Кажись, какъ будто попали

Digitized by Google

мы на просёлокъ, больно ужь что-то сугробисто. По сторонамъ-то, можетъ, и жилье какое занесено... Поѣдемъ, баринъ, авось богъ-дастъ родительскими молитвами и выберемся куда нибудь... Ну вы, съ Богомъ! звонко крикнулъ онъ и ловко вскочилъ на облучокъ.

Мнѣ казалось необходимымъ поддерживать энергію извощика, и потому я безъ умолка говорилъ, боясь что едва мы замолчимъ, какъ опять пропадемъ. Иванъ—такъ звали парня—посвистывая и покрикивая, гналъ тройку впередъ, на-авось. Такъ проѣхали мы еще съ часъ, и на дворѣ уже почти совсѣмъ стемнѣло. Я невольно опять замолчалъ, все во мнѣ опять начало какъ-то болѣзненно сжиматься. Лежать я не могъ, а безпокойно метался изъ стороны въ сторону, усиливаясь разсмотрѣть окружающее, отчего глаза мои страшно ломило.

— Что, баринъ, никакъ противъ Бога не пойдешь, сказалъ Иванъ голосомъ, въ которомъ слышались слезы:—моченьки моей нѣтъ, всего разломило, хоть ложись да умирай!

Я молчалъ. Измученный, разбитый, не видя этому конца, я какъ-то онѣмѣлъ.

— Что же, баринъ, молчишь-то? приставалъ онъ ко мнѣ:—ты чего нибудь бы сказалъ, а?... аль замерзъ?

Вдругъ съ сильнымъ порывомъ вѣтра, явственно послышался звукъ колокола, точно какъ будто-бы онъ былъ въ десяти шагахъ отъ насъ.

— Иванъ! вскричалъ я, вздрогнувъ и хватая его за руку:—слышалъ? или ужь это мнѣ такъ показалось, отъ усталости, можетъ быть... Слышишь и теперь, только далеко, точно колоколъ. Мы остановились и стали прислушиваться. Мятель поднялась еще сильнѣе, морозъ къ ночи окрѣпъ, вѣтеръ рѣзалъ какъ ножомъ. Простоявъ съ четверть часа въ напрасномъ ожиданіи долетѣвшаго звука, мы печально тронулись съ мѣста, разбивая снѣговую стѣну, которая становилась намъ въ упоръ.

Потерявъ всякую надежду попасть куда нибудь на ночлегъ, усталые, измерзшіе, мы, не сказавъ другъ другу ни слова, отдались на произволъ судьбы.

О чемъ я думалъ, что я чувствовалъ—сказать этого не съумѣю; знаю только, что мнѣ было ужасно грустно; дыханіе мое стѣснилось. Тѣлу было неловко; ноги отяжелѣли, руки окоченѣли; голова валилась съ подушки и я не могъ ее поднять, такъ же какъ и открыть глаза, несмотря на всѣ свои усилія. Мнѣ хотѣлось го-

Digitized by Google

ворить, закричать, но языкъ не поворачивался. Я зналъ, что нахожусь въ опасномъ положеніи, что мнѣ нужно движеніе, что меня клонитъ смертный сонъ. Вдругъ опять ударъ колокола почти надъ самой головой, заставилъ меня подняться, и въ ту же минуту лошади остановились. Онѣ уперлись въ стѣну маленькаго домика, почти совсѣмъ занесеннаго снѣгомъ.

— Баринъ, вскричалъ радостно извощикъ:—скажи: слава тебѣ Господи, куда-то пріѣхали! Вылѣзай скорѣй, ноги разомни, да руками-то постучи хорошенько въ стѣну, онѣ у тебя и разойдутся...

Онъ помогъ мнѣ вылѣзть; я едва держался на ногахъ, голова кружилась; шатаясь, спотыкаясь въ сугробахъ, мы добрались до стѣны, и стали въ нее стучать.

— Кричи, баринъ, громче, говорилъ извощикъ, совершенно оживясь и работая изъ всѣхъ силъ руками.

Движеніе и ожиданіе стали тоже меня согрѣвать. Пробившись такъ минутъ съ десять, мы начинали терять терпѣніе.

— Пустое, что-ли, жилье-то, али всѣ поснули, заговорилъ опять Иванъ. — Колоти тутъ, баринъ, а я обойду, посмотрю, нѣтъ-ли сѣнцовъ, либо окошка какого.

Рѣшившись во что бы то ни было дозваться кого нибудь, мы неутомимо стучали. Одна мысль, что опять придется сѣсть и ѣхать, придавала мнѣ силы за двоихъ.

Наконецъ въ совершенно почти занесенномъ маленькомъ окошкѣ, котораго мы и не замѣтили, показался огонекъ и исчезъ; черезъ нѣсколько минутъ съ скрипомъ полуотворилась перекрывленная дверь, и въ ней послышался заспанный женскій голосъ.

— Кто тутъ?... Кого вамъ надо?... Ишь растучались, нелегкая васъ въ этакую погоду принесла.

— Пусти, тётушка, кричалъ Иванъ: — съ дороги сбились; смерть, обмерзли.

— Мало васъ тутъ шатается, всякаго съ большой дороги пускать! Какой добрый человѣкъ теперь носъ сунетъ! Вѣстимо воры, либо мошенники какіе... Пошли дальше. Захлопнувъ дверь, она ушла и погасила огонь.

Неудача эта страшно насъ раздосадовала, тѣмъ болѣе намъ не хотѣлось отстать.

— Ишь, старая вѣдьма, сказалъ извощикъ: — ты у меня не заснешь теперь, буду стучать до бѣла-свѣта, все равно — идти некуда.

Digitized by Google

И онъ изъ всѣхъ силъ стучалъ въ дверь, которая едва держалась на петляхъ.

Жильцы, испуганные нашимъ стукомъ, опять поднялись. Опять показался огонь, и опять послышались шаги; только на этотъ разъ слышно было, что шелъ не одинъ, а два человѣка.

— Бога вы не боитесь, закричалъ тотъ же голосъ, не отворяя двери: — чего вы ломитесь? Сказано: идите дальше.

— Ты-то чего боишься? кричалъ ей Иванъ:—отвори, тебѣ говорятъ, пусти ночь переночевать, не воры — проѣзжіе, съ дороги сбились.

— Здѣсь не постоялый дворъ, отвѣчалъ тотъ же голосъ:—пошли на деревню.

— Да гдѣ у васъ деревня-то, Богъ васъ знаетъ!... Нехристи вы, что ли, какіе, что людей у себя на порогѣ морозите? Сама, чай, бабка, въ гробъ глядишь, пусти Христа-ради.

За дверью послышались глухіе переговоры.

— Да что за люди-то? И пустишь-то, богъ-знаетъ кого. Вѣдь въ домѣ живетъ не простая какая, а дворянка, сказалъ одинъ голосъ, обращаясь къ намъ.

— Можетъ, и мерзнетъ-то не холопская душа, а дворянская, безчестья не будетъ пустить, произнесъ другой.— Ну, бабушка, поворачивайся.

— Погодите маленько, отвѣчалъ первый голосъ: — пойду барынѣ скажу.

Прошло еще нѣсколько минутъ; наконецъ дверь отворилась, и на порогѣ показалась фигура, съ головой покрытая овчиннымъ тулупомъ; въ рукѣ она держала фонарь, и приподнявъ его, подозрительно оглядывала насъ.

— Пожалуйте, сказала она, пристально вглядываясь въ мое лицо.

Согнувшись пополамъ, влѣзъ я въ маленькую дверь, прошелъ за ней по сѣнямъ, устланнымъ старымъ бревенчатымъ поломъ, и вошелъ въ прихожую, гдѣ, со свѣчою въ рукахъ, встрѣтила меня женщина, лѣтъ подъ пятьдесятъ. Это была хозяйка.

— Извините, пожалуйста, сказалъ я:—мы васъ потревожили...

Хозяйка свѣтила мнѣ прямо въ лицо, и оглядывала съ ногъ до головы.

— Пора-то поздняя такая, сказала она. — Одѣжу съ себя, батюшка, снимите, вся замерзла... Повѣсить ее тутъ, она обсохнетъ.

Digitized by Google

Я снялъ съ себя шубу. Съ шарфа и шапки текла вода, отъ сапогъ стояли лужи на полу.

— Пожалуйте сюда, говорила она, вводя меня въ маленькую пріемную.

Въ это время, въ сѣняхъ послышался сильный споръ моего извощика, все съ той же женщиной, которая такъ долго не хотѣла пускать насъ въ домъ.

— Ваше благородіе, говорилъ Иванъ, отворяя дверь въ прихожую: — что прикажете мнѣ дѣлать? Баба меня на дворъ не пускаетъ, куда же мнѣ теперь съ лошадьми-то дѣваться?

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ я, обратившись къ хозяйкѣ:— позвольте ему переночевать у васъ и лошадей тоже поставить.

— Да какъ же, батюшка? отвѣчала она:—вѣдь тройка... Мѣсто, положимъ, имъ найдется, да...

— Да что вы за кормъ, что ли, боитесь? заговорилъ опять Иванъ.—Небось, кормить даромъ не станемъ. Баринъ заплатитъ.

Рѣшительно не ожидавши такого оборота дѣла, я однако былъ очень радъ, что извощикъ велъ за меня переговоры, и съ своей стороны поддержалъ его.

— Пожалуйста, сударыня, обратился я снова къ хозяйкѣ:—не безпокойтесь, я очень хорошо понимаю... Будьте увѣрены, что я съ благодарностью...

Я не зналъ, какъ кончить. Хозяйка вѣроятно поняла мою мысль, потому что помолчавъ немного, и все еще какъ-то нерѣшительно поглядывая на свою работницу, наконецъ сказала:

— Ну, чего же ты стоишь, Матрена? пустить надоть; куда же имъ взаправду теперь ѣхать? ни въ одномъ дворѣ не дотолкаешься. Зажги фонарь, лошадей подъ навѣсъ, корму дай. Да осторожнѣе съ огнемъ-то... Вѣдь эти извощики, не приведи Богъ, озорники какіе!

— Небось, барыня, не сожгу, отвѣчалъ Иванъ, окончательно повеселѣвшій.

— Позвольте, сударыня, сказалъ я: — принесть въ прихожую мои вещи, потребенъ мой...

— Что же, батюшка, прикажите.

— Да вамъ бы, баринъ, теперь чайку напиться, замѣтилъ Иванъ, который, понявъ, что имѣетъ дѣло съ новичкомъ, повидимому, взялся быть моимъ ментеромъ.

— Вѣдь я барина-то чуть живаго до васъ довезъ, продолжалъ онъ: — поди, въ немъ и теперь вся внутренняя дрожитъ, такъ извѣстное дѣло, ему нужно обогрѣться.

Digitized by Google

— Ну, ужь безъ тебя знаютъ, сказала хозяйка, которой очень не нравилось вмѣшательство извощика.—Пошелъ, тамъ въ избѣ на печкѣ толкуй, а въ горницахъ болтать-то нечего. И пустишь этотъ народъ, такъ не обрадуешься... Самоваръ-то вамъ поставить прикажете? спросила она меня.

— Да я бы съ удовольствіемъ чайку выпилъ. Только вы пожалуйста не безпокойтесь; со мной все есть дорожное... Мнѣ только одинъ самоваръ. Иванъ, принеси-ка сюда мой чемоданъ да погребецъ.

Почувствовавъ наконецъ себя защищеннымъ отъ мятели, я вздохнулъ свободно. Хозяйка моя пошла хлопотать о самоварѣ, а я оставшись одинъ, и снявъ съ себя дорожную сумку, которая хотя была и не очень-то тяжела, все-таки порядочно оттянула мнѣ плечо, сталъ разсматривать комнату, въ которую забросила меня непогода.

Она была очень небольшая, но довольно чистенькая: диванъ, подлѣ него четыре кресла, круглый столъ, покрытый зеленымъ бумажнымъ платкомъ съ розовымъ узоромъ; въ углу кіотъ съ образами; тамъ же и пожелтѣвшія вѣнчальныя свѣчи, перевязанныя лентами и цвѣтами. Кривое зеркало, украшенное висейнымъ полотенцемъ, обшитымъ кружевомъ, составляло не главную роскошь комнаты; первое что бросалось въ глаза, были два портрета въ золотыхъ полинялыхъ рамахъ: мужской, въ старинномъ флотскомъ мундирѣ, и зрительной трубою въ рукахъ, и женскій— съ вершковымъ лифчикомъ, и прическою десятыхъ годовъ. Комнату раздѣляла перегородка съ дверью, куда я заглянуть не посмѣлъ.

Обойдя нѣсколько разъ это пятишаговое пространство, я съ наслажденьемъ закурилъ папироску. Въ эту минуту она была для меня пріятнѣе лучшей гаванской сигары, точно такъ же, какъ жесткій диванъ казался мнѣ спокойнѣе мягчайшей петербургской мебели, а бушующій самоваръ, милѣе всего на свѣтѣ.

Хозяйка поставила на столъ поднось, Матрена взвалила на него разъяреннаго звѣря, а Иванъ въ одной ситцевой рубашкѣ, съ раскраснѣвшимся лицомъ, сіяющими глазами и лукавой улыбкой, несъ за скобку мой погребецъ. Взглянувъ на него, вспомнивъ всѣ наши недавнія невзгоды, я вынулъ цѣлковый, и отдавая ему сказалъ: — поди, Иванъ, и ты погрѣйся.

Матрена, подвернувъ рукою, съ любопытствомъ слѣдила за всѣми моими движеніями. Хозяйка покачала головою и сказала:

Digitized by Google

— Балуете ихъ, батюшка. На добро, что-ли, ваши деньги пойдутъ? Народъ сталъ такой непутный; гроша не стоятъ!

Извощикъ въ смущеніи вертѣлъ деньги въ рукахъ. Наконецъ, сказавъ: — благодаримъ покорно, пошелъ въ прихожую; за нимъ, тяжело стуная сапогами, отправилась Матрена.

Мы остались одни. Хозяйка молча сѣла въ кресла и внимательно глядѣла, какъ я рылся въ погребцѣ, вынимая оттуда свои запасы.

— Погода-то васъ давно захватила? спросила она, когда я, разобравшись, налилъ чайникъ и поставилъ его на самоваръ.

— Да съ утра еще, какъ выѣхали со станціи. Сперва пошла небольшая, а тамъ ужь и богъ-знаетъ что! Не попади мы сюда, вѣрно бы замерзли, да лошади ужь сами слѣдъ нашли.

— А далеко изволите ѣхать?

— Изъ Петербурга.

— Куда же, въ помѣстье?

— Нѣтъ; на службу.

— На службу... Куда же, въ губернію?

— Да, въ С.

— А имя ваше и отчество?

— Сергѣй Владиміровичъ.

— Сергѣй Владиміровичъ... А по фамиліи какъ?

— Валерьевъ.

— Что же, мѣсто, что ли, какое получили въ С-то?

— Да, должность.

— Что же, жалованье хорошее?

— Да. Тысячи полторы...

— Видите...

Я предложилъ хозяйкѣ чаю, она съ удовольствіемъ согласилась и пошла за чашкой. Я все еще не зналъ, кто она, и потому, когда она возвратилась, спросилъ ее въ свою очередь:

— Позвольте же и мнѣ узнать, съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?

— То-есть, вы хотите знать, кто я-то? Помѣщица, батюшка, Агафья Тихоновна Калинина. Живу вотъ здѣсь съ дочкой. Мужа-то давно схоронила, одна и маюсь.

Я налилъ себѣ стаканъ, и предоставивъ ей распоряжаться, внимательно разглядывалъ ее.

Агафья Тихоновна была еще крѣпкая старуха, и въ молодости, должно быть, недурна. Густые волосы съ просѣдью, завлетенные

Digitized by Google

въ косу, лежали почти на макушкѣ въ видѣ еловой шишки, черные живые глаза не ладили съ плачевнымъ голосомъ. Темная ситцевая блуза облегала всю ея полную фигуру, слегка согнутую, кажется больше отъ привычки, нежели отъ старости. Она съ наслажденіемъ вынивала чашку за чашкой, предоставивъ мнѣ полную свободу наблюдать за ней.

— Что же это вы, батюшка, сами-то не кушаете? сказала она:— я себѣ пью, да пью.

— Сдѣлайте одолженіе, кушайте, я больше не буду.

— То-то люди съ достаткомъ, сказала она, взявшись опять за чайникъ.—А мы—грѣшный народъ, какъ ужь самоваръ-то согрѣемъ, такъ его весь и выпьешь, пустой и снесешь. Ей-богу, право, прибавила она, засмѣявшись добродушно.

Чай подѣйствовалъ на нее благотворно. Сонливость ея прошла; она сдѣлалась ко мнѣ внимательнѣе, то-есть еще любопытнѣе. Разспросамъ ея не было конца: и кто мои родители, и какой у меня чинъ, и велико-ли мое состоянье. Отвѣчая по возможности на всѣ ея вопросы и желая поскорѣе отъ нихъ избавиться, я спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, Агафья Тихоновна, куда это я заѣхалъ, и далеко ли теперь до города?

— Да губернія-то отъ насъ будетъ верстъ семьдесятъ.

— Вотъ какъ! Да теперь-то я гдѣ? Въ селѣ, что ли, и въ какомъ?

— Какъ же, въ селѣ; Заразово прозывается. Дворяней много бѣдныхъ живутъ, а богатыхъ помѣщиковъ только одинъ; да они здѣсь зимой никогда не бываютъ.

— Гдѣ же они, въ Москвѣ, или въ губернскомъ городѣ?

— А Богъ ихъ знаетъ! говорятъ, у васъ тамъ въ Петербургѣ, у замужней дочери.

— Кто такіе?

— Башиловы, Андрей Николаичъ и Катерина Ѳедоровна.

— Не слыхалъ.

— Они у насъ извѣстны, батюшка.

— Что же, богаты, что-ли, очень?

— Ну, богаты-небогаты, чтобы сказать очень-то ужь, а богатѣи умѣютъ.

— А вы, Агафья Тихоновна, давно въ этомъ селѣ живете?

— Давно, батюшка. Мужа своего здѣсь похоронила, дѣтей что на погостѣ положила, вотъ теперь съ дѣвчоночкой послѣд-

Digitized by Google

ней и живу. Ужь и жизнь-то, батюшка, какая... Какая въ ней сладость? Нужды, заботы, грѣхи только одни. Всего-то и имѣнья десять десятинъ, да усадьбишка, и живи какъ хочешь. Благодѣтелей такихъ нѣтъ, какъ другимъ Богъ посылаетъ, чтобы въ бѣдности помогли. Извѣстно, Сергѣй Владимiричъ, дѣло женское; всего не доглядишь, и безъ того-то день-деньской, туда, сюда, а оно и не подъ силы, и спину-то всю разломитъ, и ногами-то хоть не тронись.

Не знаю, на сколько хворала Агафья Тихоновна, но я по крайней мѣрѣ чувствовалъ себя что-то нехорошо.

Бесѣда наша продолжалась слишкомъ долго. Самоваръ погасъ, свѣча почти совсѣмъ догорѣла. Агафья Тихоновна, положивъ руки на колѣна и склонивъ голову на бокъ, часто зѣвала и крестила ротъ. Меня пробирала дрожь, а голова горѣла. Я сильно боялся заболѣть, и только думалъ о томъ, какъ бы мнѣ поскорѣе лечь и заснуть, а завтра пораньше выбраться.

Убравъ свое добро, я прижался въ уголъ дивана, и закрывъ глаза, едва говорилъ. Минутами я совсѣмъ засыпалъ.

Агафья Тихоновна тоже, кажется, утомилась, потому что случались промежутки совершеннаго молчанiя.

Наконецъ, охая и съ трудомъ подымаясь съ кресла, она сказала:

— Вамъ постельку не прикажете-ли приготовить? Устали, отдохнуть небось хотите? Поздно; теперь того гляди пѣтухи вторые запоютъ.

— Пожалуйста, сказалъ я, тоже вставая и придерживаясь за столъ, потому что у меня все вертѣлось въ глазахъ.

Долго еще Агафья Тихоновна, несмотря на всѣ мои просьбы, ходила съ Матреной, тоская перину и подушки, и убирая кругомъ. Наконецъ мы распростились до утра, и я, не помня себя, бросился на диванъ и заснулъ какъ убитый.

Я не просыпался во всю ночь, и въ состоянiи былъ бы пролежать весь день, еслибы мени не разбудилъ шорохъ и осторожные шаги. Открывъ глаза, я увидалъ Агафью Тихоновну совсѣмъ въ парадѣ, крадучись пробиравшуюся изъ-за перегородки въ прихожую. Замѣтя, что я гляжу на нее во всѣ глаза, она поздоровалась со мной, и спросила, какъ я провелъ ночь.

— Благодарю васъ, прекрасно; кажется, даже и проспалъ; пора ужь и ѣхать.

— Охъ, батюшка мой, сказала она, всплеснувъ руками и покачивая головой:—да какъ вы поѣдете-то? Вѣдь на дворѣ-то свѣто-

Digitized by Google

преставленье! Ужь такая-то несетъ, такая несетъ! Я пятый десятокъ на свѣтѣ живу, такой страсти не видала! Малый-то нашъ и то думалъ запрягать, да гдѣ!... Въ двухъ шагахъ не видать что дѣлается! Прогнѣвали мы Господа Бога!

— Да какъ же такъ, мнѣ нужно ѣхать? Мнѣ вѣдь на дорогѣ жить нельзя.

— Не знаю, батюшка мой. А ѣхать, жизнь значитъ свою терять.

— Какую тутъ жизнь терять? что ужь это вы такъ, Агафья Тихоновна, напугались. Да и извощикъ вѣрно со вчерашняго дня не опомнится. Вотъ, погодите, я пойду самъ; все увижу.

— Поглядите, поглядите, коли намъ не вѣрите. Извольте вставать.

Я наскоро одѣлся и вышелъ въ сѣни. Отворивъ дверь во дворъ, и высунувшись посмотрѣть что дѣлается, я едва удержался, потому что вѣтеръ совсѣмъ было-сбилъ меня съ ногъ. Вымоченный мелкими снѣжными брызгами, я воротился назадъ и позвалъ къ себѣ на совѣтъ Ивана, который не менѣе моего горевалъ о невозможности ѣхать.

— Какъ же намъ быть? А вѣдь ѣхать-то надо?

— Вѣстимо надо, отвѣчалъ онъ:—да какъ поѣдемъ-то? Я ранехонько всталъ, пошелъ лошадей напоить; и лошадей-то едва нашелъ. Сунулся-было къ воротамъ, а ихъ и отворить нельзя, все замело, и отчищать-то ихъ теперь, простоишь цѣлыхъ полдня.

— Ну, такъ какъ же ты думаешь?

— Да по мнѣ, какъ вашей милости угодно.

— Да мнѣ что, братецъ, какъ угодно? ты долженъ лучше моего знать, можно ѣхать или нѣтъ. Можно, такъ запрягай. Я—человѣкъ должностной, меня служба ждетъ, мнѣ нельзя сидѣть, переждать погоды.

— Выѣхать-то можно, да проплутаемъ опять цѣлый день. И опять же теперь лошади еще не отдохнули; поди съ ними, вовсе корма почти не ѣдятъ, больно вчера замаялись. Я давича къ нимъ пришелъ, а коренникъ лежитъ, и сѣно-то почитай не тронутое; теперь ихъ въ недѣлю не поправишь.

— Ну, нельзя—такъ и нельзя, ты и говори прямо, а попустому слова терять нечего; подождемъ до вечера, на ночь поѣдемъ, коли непогода уймется; ужь лучше ночь ѣхать, чѣмъ опять въ полѣ мерзнуть.

— Да оно такъ-то такъ... А теперь поди-кось, хозяинъ лошадей-то ждетъ, ужь и задастъ же мнѣ.

Digitized by Google

— Вздоръ мелешь, это ужь мое дѣло. Ступай себѣ, уймется погода—ѣдемъ, не уймется—опять здѣсь погуляемъ. Похлопочи-ка лучше мнѣ у хозяйки объ самоварѣ.

Посмотрѣвъ еще разъ въ окно и убѣдившись, что дѣйствительно ѣхать нельзя, я рѣшился ждать до послѣ-обѣда. Какъ ни досадны были мнѣ эти проволочки, но я былъ радъ отдохнуть хотя еще нѣсколько часовъ. Я былъ совершенно разбитъ, и съ удовольствіемъ бы опять легъ въ постель, еслибы этому не помѣшала Матрена, которая съ вѣникомъ въ рукахъ принла подметать комнату. Усѣвшись въ уголокъ и поджавъ ноги, чтобы не мѣшать ей, я въ раздумьѣ поглядывалъ кругомъ. Матрена тоже прерывала свое занятіе, чтобы разогнуться и посмотрѣть на меня.

Подошедши къ перегородкѣ, она пріотворила дверь, и заглянувъ туда, сказала:

— Ты чего же тутъ сидишь? Выходи.

Ей отвѣчали шопотомъ.

— И, поди ты, бѣда какая! Чего бояться-то?

Когда Матрена обернулась ко мнѣ, я спросилъ ее:

— Не мѣшаю ли я кому нибудь?

— И, кому мѣшать-то? Вонъ, барышня у насъ тамъ сидитъ, выдти боится, робѣетъ. Знамо, дѣло непривычное, пріѣзжихъ у себя такихъ сроду не видали. Вечоръ-то, продолжала она:—съ просонокъ мы и вправду перепугались. Долго ли до грѣха—заѣдутъ, оберутъ такъ, что и останешься въ одной рубахѣ. И-тѣ ночью, проснусь, проснусь—дай погляжу, что малый-то дѣлаетъ. А онъ-то себѣ на печкѣ, знай спитъ, и ухомъ не ведетъ, что я за нимъ приглядываю. Ей-богу, право!

— Ну, что же теперь, покойна?

— Теперь-то чего бояться? видно, люди непростые.

— Матрена, сказала Агафья Тихоновна, входя изъ сѣней въ прихожую:— ты ужь тутъ заболталась? Очень Сергѣю Владиміричу твои слова пріятно слушать, а тамъ самоваръ ушелъ; поди, неси его сюда. Вотъ баба! Какъ робость съ нее сойдетъ, такъ ужь и пошла говорить; а того не пойметъ, что мужичкѣ съ господами говорить не пристало.

— Что же, барыня, сказала Матрена, зажимая ротъ рукою:— на господъ-то посмотрѣть лестно.

— То-то лестно; да нашъ, господамъ, спроси—съ вами лестно ли? Иди, тебѣ говорятъ, неси самоваръ. Что, Сергѣй Владими-

Digitized by Google

ричъ, продолжала Агафья Тихоновна, обдергивая рукава и застегивая ихъ на пуговки:—нынче никого не уймешь; дура баба—и та тебѣ ни въ чемъ не уступаетъ. Ну, что, ѣдете?

— Да нѣтъ, Агафья Тихоновна, нельзя. Позвольте подождать до послѣ-обѣда. Мнѣ, право, такъ совѣстно...

— Что же дѣлать? Я вѣдь давича вамъ говорила; не изволили вѣрить. На мнѣ, батюшка, не взыщите; чѣмъ богата, тѣмъ и рада; угостить мнѣ васъ нечѣмъ, я человѣкъ бѣдный; если не погнушаетесь нашей пищей, милости прошу, чѣмъ богъ послалъ.

— Ахъ, не безпокойтесь, пожалуйста, ни объ чемъ Агафья Тихоновна, я — человѣкъ неприхотливый. Да съ дороги, должно быть, мнѣ и ѣсть ничего не хочется.

— Ну, цѣлый день не ѣмши нельзя; все чего-нибудь перекусить захотите.

— Вотъ намъ сейчасъ подадутъ самоваръ, сказалъ я, прерывая ея рѣчи: — вы мнѣ сдѣлаете удовольствіе, покушаете чайку, Агафья Тихоновна?

Она засмѣялась и сказала, весело покачивая головой:

— Грѣшница, Сергѣй Владимірычъ, отъ этого не откажусь. Мнѣ вѣдь передъ вами надо стыдиться, хороша хозяйка — гость еще моего куска не попробовалъ, а я у него другой самоваръ выпиваю; поди-ты, поди-ты, безстыдница старая.

И она, все еще смѣясь, отправилась за чашками.

Заглядѣвшись въ окно, въ которое, какъ говорятся, свѣта божьяго не было видно, я не замѣтилъ, какъ ходила кругомъ меня Агафья Тихоновна. Мысль далеко уносила меня, и воспоминаніе одно за другимъ вставало и смѣнялось. Вмѣсто бѣлаго, матоваго отъ снѣга стекла, передо мной рисовались улицы съ бѣлыми высокими въ линію домами; въ нихъ мелькали мнѣ знакомыя лица, слышались знакомые голоса, я говорилъ съ ними сердцемъ, которое сжалось и ныло. Какая непогода удержала бы меня бѣжать, бѣжать безъ отдыха въ мой милый уголокъ, всегда убранный заботливой рукой—той рукой, которая, бывало, нѣжно будила меня ребёнкомъ, лаская чтобы не испугать, и которая первая отворяла мнѣ двери, заслышавъ мои шаги! Избалованный ласками семьи, я съ грустью думалъ о моемъ будущемъ одиночествѣ. Жизнь въ С. представлялась мнѣ нерадостной; къ ней примѣшивалась забота о моемъ новомъ положеніи. Умѣнье взяться за дѣло, поставить себя въ отношенія къ людямъ, узнать ихъ—все это было для меня новостью, на которую я глядѣлъ не

Digitized by Google

совсѣмъ легко. Судьба, къ несчастію, не надѣлила меня способностью разомъ стряхивать съ себя все старое, и съ жадностью бросаться на новое. Ко всему мнѣ нужно сперва попригляднуться, тогда и отъ меня можно чего нибудь ждать.

— Самоваръ-то, должно быть, нужно будетъ подогрѣть, сказала Агафья Тихоновна: — почти совсѣмъ погасъ... Сергѣй Владиміричъ, объ своей сторонкѣ, что-ли, думались?

Я очнулся. Агафья Тихоновна сидѣла у стола, подпершн голову рукой. Звала ли она меня, или уважая мое молчаніе сама молчала—ничего не знаю; видно было только, что ей пришлось долго меня дожидаться.

— Простите, сказалъ я, вставая и подходя къ ней: — вы бы мнѣ сказали.

— Да не разъ васъ, батюшка, кликала. Вы ужь въ такую думу вдались, все-то, я полагаю, на сердцѣ своемъ припомнили?

— Да, вспомнилось кое-что... Ну-съ, подвигайтесь, Агафья Тихоновна, примитесь за дѣло.

— Примемся, батюшка, запьемте свое горе: вы свое молодое, я—свое старое.

Мы точно какъ будто принялись за дѣло. Разговоръ не вязался. Мнѣ было скучно здѣсь, скучно ѣхать, скучно глядѣть на свѣтъ божій. Мы молчали; тишина была невозмутимая. Дверь въ перегородкѣ тихонько скрипнула; тамъ послышался шорохъ. Агафья Тихоновна поставила чашку, улыбнулась, и покачавъ головой посмотрѣла на перегородку.

— Варичка, пди сюда, иди, дурочка, чего боишься-то?... Поди, чайку выпей. Такая-то дикая, прибавила Агафья Тихоновна, вставая, и смѣясь отправилась за перегородку.

— Чего ты тутъ, въ потемкахъ забилась? говорила она. — Иди къ намъ, чего тебѣ стыдиться? Платьице на тебѣ чистенькое; головка причесана, чего же еще, Господи помилуй! Стыдно? точно и въ правду мужичка какая, выдти боится... Иди, иди, упираться нечего.

Агафья Тихоновна вывела за собой дѣвочку лѣтъ пятнадцати, смуглую, черноволосую, въ пестромъ ситцевомъ платьѣ, въ голубомъ шелковомъ платочкѣ на шеѣ, и съ бѣлымъ большимъ носовымъ платкомъ въ рукахъ.

Дѣвочка неловко и застѣнчиво поклонилась мнѣ, и молча сѣла подлѣ матери, которая, улыбаясь, погладила ее по головѣ.

Digitized by Google

Я налилъ чашку, Агафья Тихоновна передала ее дочери; та, взглянувъ исподлобья, шопотомъ отказывалась.

— Ну, вздоръ какой, сказала Агафья Тихоновна, подвигая къ ней чашку: — пей, небось ѣсть хочешь? Поди, спроси Матрену, лепешки готовы, что-ли? Принеси сюда, поподчивай Сергѣя Владимірыча нашей деревенской ѣдой. Я думаю, вамъ ихъ сроду не приводилось кушать?

— Напротивъ, даже очень люблю.

— Любите?... Поди, Варичка, въ кухню, тарелку захвати съ собой. Проси, матушка, Сергѣя Владимірыча лепешками.

— Покушайте, батюшка, говорила Агафья Тихоновна, суетясь кругомъ меня. — Кухмистеры мы не столичные, а лепешки въ свое время пекали хорошо. Покушайте на здоровье.

Покончивъ съ чаемъ, я не зналъ что дѣлать. Погода не унималась, а минутами казалась еще свирѣпѣе. Мнѣ хотѣлось лечь, но лечь было негдѣ, да какъ-то совѣстно, потому что хозяйки мои усѣлись здѣсь и работали.

Агафья Тихоновна, прищуривъ лѣвый глазъ и склонивъ голову на бокъ, усердно вязала толстый чулокъ. Варинька сѣла у окна за пяльцы. Туго натянутый каленкоръ трещалъ подъ иголкой, ножницы дрожали и какъ-то жалобно звенѣли отъ безпрерывно выдергиваемой нитки; я ходилъ изъ угла въ уголъ, безъ милосердія закуривая ихъ моими папиросами.

— Гляжу я на васъ, Сергѣй Владимірычъ, сказала Агафья Тихоновна, положивъ чулокъ на колѣни: — точно звѣрочекъ какой въ клѣтку попался. Скучаете? Люди мы необразованные; я стара, изъ ума выжила, да и съ молоду-то его у меня много не было; съ учеными людьми разговаривать не умѣла. Эта — и вовсе ребёнокъ неразумный... Такъ вотъ вы все и молчите, занятые мы васъ ничѣмъ и не можемъ. Что дѣлать, батюшка, отъ недостатковъ своихъ и людьми не вышли.

Наивная исповѣдь Агафьи Тихоновны очень меня тронула; вообще, не знаю почему, она пришлась мнѣ по душѣ. Въ лицѣ ея, съ котораго не сходила улыбка, было много доброты.

Агафья Тихоновна была одною изъ тѣхъ личностей, о которыхъ я зналъ только по наслышкѣ. Типъ бѣдной дворянки представлялся мнѣ всегда въ видѣ какой-нибудь плаксивой и назойливой приживалки. Подобныя существа представлялись мнѣ необходимымъ деревенскимъ зломъ. Они были связой хозяйки, помѣхой въ ея занятіяхъ, докучной сплетницей. Я зналъ объ ихъ суще-

Digitized by Google

ствованіи, внѣ ихъ собственнаго дома; домашняя же ихъ жизнь оставалась тайной, которую не желали проникать разскасчики. Полная, добродушная физіономія Агафьи Тихоновны, ничего съ вида не представляла подобнаго.

— Агафья Тихоновна, сказалъ я, порядкомъ находивъ себѣ ноги и полуложась на диванъ: — дочку сами учили рукодѣлью?

— Этому-то добру сама, батюшка, научила; уму-разуму отдавала чужимъ людямъ учить... Ну, да Богъ съ ними, прибавила она, махнувъ рукой.

— Что же?

— А то, Сергѣй Владимірычъ, сказала она, кладя чулокъ на окно и протирая глаза: — бѣдный богатому не товарищъ. Что ужь тутъ говорить!

Агафья Тихоновна замолчала; она не поддавалась на разговоръ.

— Агафья Тихоновна, сказалъ я, помолчавъ еще немного: — что это, родные ваши, вотъ, портреты-то висятъ?

— Родные, сказала она, вскинувъ на нихъ глазами. Въ голосѣ ея слышалось раздраженье.—Пёсъ мнѣ ихъ родными дѣлалъ.

— А? Что вы сказали? спросилъ я, не совсѣмъ понимая ея слова.

— Какіе они мнѣ родные, откуда они ко мнѣ пришли?

— Да откуда же они у васъ взялись? продолжалъ я приставать къ ней.

— Добрые люди повѣсили, отвѣчала она, сердитымъ голосомъ, и не находя мѣста своему чулку.—На, говорятъ, Агафья Тихоновна, повѣсь ты себѣ этихъ идоловъ на шею, да и любуйся ими...

— Я васъ, Агафья Тихоновна, не понимаю, вы мнѣ скажите...

— Да что и говорить-то? Взглянуть на нихъ не могу—такъ все сердце во мнѣ поворачивается. Грѣхъ мой, разоренье мое виситъ у меня на стѣнѣ, спихнуть ихъ отсюда не могу, никому этого добра не нужно. Конечно, кромѣ меня, другого такого дурака не найдется... Вѣкъ дурой изжила, и въ могилу такая пойдешь.

Агафья Тихоновна волновалась, утирая слезы. Печаль ея очень меня заинтересовола, тѣмъ болѣе, что причина повидимому была такая пустая: два дрянныхъ портрета, въ старыхъ, полиняныхъ золоченныхъ рамахъ. Чего, казалось, проще отъ нихъ избавиться? Забросить ихъ на чердакъ, эту общую могилу всего отжившаго.

Digitized by Google

— Агафья Тихоновна, сказалъ я:—да вы изъ чего такъ безпокоитесь, кто же вамъ мѣшаетъ ихъ выбросить?

— Выбросить? Да они мнѣ стоятъ кровныхъ 50 рублей! приданое Варички.

Слезы закапали у нея по щекамъ.

Признаюсь, слезы Агафьи Тихоновны, въ эту минуту, казались очень забавными. Я не иначе объяснялъ ихъ себѣ, какъ-такъ: Агафья Тихоновна, вѣроятно, прельстясь живописью, купила эту драгоцѣность, думая современемъ продать ее съ барышомъ; но бѣдная меценатка жестоко ошиблась: портреты оставались у нея на рукахъ и, какъ говорится, ежеминутно кололи ей глаза. Въ утѣшеніе я сказалъ ей:

— Да вѣдь эти ошибки бываютъ очень часто. Прежде, нежели покупать ихъ, вамъ нужно было бы съ кѣмъ нибудь посовѣтоваться.

— Покупать! вскричала Агафья Тихоновна:—да зачѣмъ бы я стала ихъ покупать?... Никогда я не покупала.

— Теперь вы меня извините, Агафья Тихоновна, я ничего ужь не понимаю. Вижу, что вы огорчены, разстроены... Скажите мнѣ, можетъ быть, горю можно будетъ какъ-нибудь помочь?

Агафья Тихоновна, осушивъ слезы, улыбалась, въ раздумьи покачивая головой. Варинька работала какъ машина. Она оставалась совершенно равнодушна къ горю матери. Разговаривая съ Агафьей Тихоновной, я все время слѣдилъ за ней. Повременамъ она взглядывала на меня изподлобья, и сейчасъ же принималась усерднѣе за работу, отчего нитка ея рвалась, и она, перемѣняя ее, опять взглядывала на меня, и послѣ этого безполезно суетилась и шарила по пальцамъ, видимо конфузясь. Дѣвочка была жалка; видно было, что присутствіе мое очень ее стѣсняло, и она охотно бы ушла, еслибы не боялась встать съ мѣста.

— Вотъ, батюшка мой, Сергѣй Владимірычъ, начала Агафья Тихоновна: — въ толкъ я никакъ не возьму, съ чего бы богатымъ людямъ бѣдняка обижать? Живутъ себѣ въ довольствѣ — а при случаѣ и нашимъ добромъ поживиться не побрезгаютъ. Точно намъ, бѣднымъ людямъ, ничего не нужно, точно ужь мы какъ необразованные и ѣсть и пить не хотимъ, и раздѣтые ходить можемъ! Диковинно это, право. Они стонутъ, недостаетъ имъ какихъ затѣй заморскихъ — а у насъ крыша развалилась, все это отъ нашего нерадѣнія, отъ лѣности, говорятъ, привыкли мы къ дармоѣдству. Жизнь, говорятъ, мы скотскую ведемъ, не

Digitized by Google

думаемъ и не желаемъ знать, какъ и изъ чего какую пользу можно извлекать. Отчего это они къ намъ такъ строги, а на себя-то не оглянутся? Вѣдь у богатыхъ-то и свое добро въ трубу летитъ, да и чужаго они за своимъ много тащатъ. Отчего это они у бѣднаго человѣка сердца не замѣчаютъ? Что все ему можно наговорить, все онъ снесетъ, ничѣмъ не обидится, а коли обидится, такъ самъ же за свою амбицію отъ нихъ пострадаетъ.

— Не знаю, Агафья Тихоновна, мнѣ что-то этого не случалось еще видѣть.

— То-то молоды вы, не испытали, да и не испытаете. Человѣкъ вы съ состояньемъ; должность хорошую имѣете. Такъ гдѣ же вамъ все это знать? а вотъ намъ-то, горемычнымъ, куда подчасъ солоно приходится, что̀ обидъ примешь — все ихъ на своемъ сердцѣ няньчишь.

— А что̀, Агафья Тихоновна, много развѣ на вашу долю досталось?

— Довольно, батюшка мой; другой бы давно изсохъ какъ жердь, я вотъ только съ глупа-то толста. Вы вотъ въ привольѣ выросли, сухарь-сухаремъ, а въ моей бы жизни давно ужь бы ногъ не волочили... Вы меня простите, сказала она, смѣясь: — я вѣдь спроста. Я, родной мой, послѣ мужа-то осталась самъ-пятъ, а имѣнья-то всего на всѣхъ двадцать десятинъ, да изба на курьихъ лапкахъ. Вотъ и думайте, какъ я жила? Чѣмъ бы тутъ, кажется, около меня богатымъ людямъ поживиться, а нашли!... Вотъ вамъ загадка, разгадайте-ка; вы люди ученые.

— Ну, Агафья Тихоновна, сказалъ я, подсаживаясь къ ней:— разскажите мнѣ ваше житье-бытье; теперь я отъ васъ не отстану.

— Житье мое, Сергѣй Владимірычъ, куда было несладкое. Теперь только, можно сказать, Богъ мнѣ покой послалъ, а то̀ куда много горя видѣла! Семья насъ у батюшки съ матушкой была большая; все на ихъ бѣду дѣвки, такъ, стало-быть, въ хозяйствѣ батюшкѣ отъ насъ подспорья было мало. Батюшка— царство ему небесное—былъ человѣкъ хворый, да какъ достатки-то наши были небольшіе, ему самому въ полѣ работать приходилось. Такъ-то, Сергѣй Владимірычъ, хоть и столбовые дворяне, а также наряду съ мужиками работали. Я тоже съ сестрами жать ходила; сами и прали, сами и ткали, а ужь объ стряпнѣто и говорить нечего. Такъ вотъ, при такой-то жизни, гдѣ же насъ было грамотѣ обучать?—всѣ и остались безграмотные. Родители наши, какъ говорится, и не оглянулись, какъ мы всѣ по-

Digitized by Google

выросли; вотъ ни дать ни взять какъ я теперь на свою смотрю. Давно ли въ колыбели качалась, а глядишь—и замужъ пора отдавать. Пришлось и нашему отцу съ матерью объ насъ подумать. Насъ вѣдь замужъ, батюшка, отдавали не спрашивали — любъ ли не любъ — съ рукъ бы долой, да и брали насъ такіе же бѣдняки, лишь бы работницу взять въ домъ хорошую. А приданое за нами какое было?—Руки только свои. Мнѣ же Господь послалъ особенное счастье. У моего Василья Николаича было двадцать десятинъ земли, избеночка, скотинка; я, какъ говорится, пришла въ полный домъ, а за собой-то принесла два ситцевыхъ платья, да бѣлое каленкоровое, въ которомъ вѣнчалась, перинку... и это-то мои родители ужь кое-какъ, кое-какъ сбились да дали: боялись, чтобъ изъ-за приданаго дѣло не разошлось, женихъ-то былъ хорошъ. На семнадцатомъ году я и вышла замужъ. Мужъ меня годовъ двадцать былъ старше. Привезъ онъ меня сюда къ себѣ, говоритъ: «Ну, Агаша, будь мнѣ хорошей хозяйкой, я во всемъ порядокъ люблю».

— Я, царство ему небесное, въ ту пору куда его боялась! онъ такой, покойникъ, на видъ былъ суровый, характеромъ горячій. До замужества своего, я его только разъ всего и видѣла: смотрѣть меня пріѣзжалъ; а потомъ вскорѣ и подъ вѣнецъ меня повели. Вотъ у насъ, батюшка, каково дѣло-то дѣлается. Жила я съ нимъ не бранилась; все молчала, ни въ чемъ ему не перечила, зная его горячность, а пуще потому, что и году не прошло, какъ онъ съ моими родителями разсорился и меня къ нимъ переставъ пускать.

— Батюшка, покойникъ, какъ человѣкъ старый, больной, пріѣдетъ, бывало, къ намъ, бывало, скажетъ ему: «Ты бы, зятекъ, мнѣ помогъ, болѣзнь одолѣла!»

— Василій Николаичъ осерчалъ. «Что, говоритъ, я всю семью, что ли, вашу на свою шею взялъ? У меня, говоритъ, вотъ уже скоро родится; въ пору только своихъ прокормить, а женину родню всю не укормишь».

— Такъ ужь чтобы его не раздражать, да своего сердца не надрывать, чтобы бѣдностью, да родителями глазъ не кололъ—все ему, бывало, спускаешь... А Бога гнѣвить нечего; нужды за нимъ я въ ту пору не знала. Человѣкъ онъ былъ работящій, хозяинъ; вездѣ свой глазъ. Такъ, батюшка, шелъ у насъ годъ за годъ, я и оглянуться не успѣла, какъ состарѣлась, и дѣтей трое, а старшаго сыночка и въ ученье пора отдавать: десятый годокъ

Digitized by Google

ему тогда, моему голубчику, шелъ. Василій Николаичъ задумалъ его въ губернію отвезть; просилъ нашего уѣзднаго предводителя, чтобы его на казенный счетъ въ заведеніе отдать. Приняли его, батюшка, отхлопотали, отвезъ его Василій Николаичъ. Мальчикъ такой былъ понятный, такъ все начальство имъ было довольно, и поведенья такого былъ примѣрнаго; Богу не угодно было намъ его оставить. Да такіе и не жильцы на этомъ свѣтѣ! Что ни годъ, онъ все въ наукахъ повышается, и листы похвальные получалъ. Пріѣдетъ, бывало, домой, распустятъ ихъ на лѣто, такъ душа только на него радуется. И собой-то былъ какой красавецъ! Случился такой грѣхъ, утонулъ, въ глазахъ отца утонулъ!

Агафья Тихоновна горько заплакала; у меня тоже сжалось горло.

— Умеръ мой ангелочикъ, продолжала она:—и счастье все съ собою унесъ, такъ съ его смертью все и пошло! Было ему годовъ четырнадцать, пріѣхалъ онъ лѣтомъ въ побывку. Сердце мое чувствовало, что вижу его въ послѣдній разъ. Такъ я ему обрадовалась, такъ обрадовалась, ну вотъ плачу, и откуда у меня тогда такія слезы брались! Цалую его, цалую, а въ сердцѣ и сжиманіе какое-то, и точно тебя льдомъ обольетъ, сама не понимаю, что̀ со мной дѣлается. «Будетъ тебѣ, говоритъ Василій Николаичъ: малаго не отпускаемъ, авось не на одинъ день пріѣхалъ, наглядишься». И наглядѣться Господь не привелъ! Съ недѣлю никакъ прошло, пошли они съ отцомъ купаться. И рѣченка-то не богъ-знаетъ какая, да кабы плавать не умѣлъ, а то и плавалъ, конечно, все ужь божеское попущеніе! Не то у него, моего голубчика, головка закружилась, либо онъ въ яму оступился, только крикнулъ онъ, мой батюшка: «папенька!» А Василій Николаичъ ужь на берегъ вышелъ. Глянулъ, а онъ, этакъ въ водѣ барахтается, голову все вверхъ поднимаетъ. Василій Николаичъ, какъ ахнетъ, да въ воду за нимъ, самъ-то ужь очень оторопѣлъ. Нырнулъ, схватилъ его, да захватилъ-то неловко, онъ у него изъ рукъ и выскользнулъ; онъ опять за нимъ, нырялъ, нырялъ, нырялъ, не нашелъ, а его ужь водой отнесло. Какъ закричитъ мой Василій Николаичъ! Сталъ народъ сбѣгаться. Я сижу жду-пожду, долго что-то нейдутъ; гляжу — мимо оконъ народъ бѣжитъ, и бабы и ребятишки къ рѣкѣ-то — такъ у меня сердце и упало! «Батюшки, кричу, родимые, что̀ такъ, что̀ такое? Христомъ-Богомъ скажите!»

— Держала я въ ту пору ребёнка на рукахъ, дѣвочка была, по

Digitized by Google

другому годочку; не помню, какъ я бросила ее на порогъ, пустилась бѣжать за народомъ. А на берегу-то, полкъ-полкомъ, гвалтъ, шумъ! Василій Николаичъ мой по берегу мечется, а въ водѣ-то мужики ныряютъ, ищутъ... Я ужь тутъ и не помню, что̀ со мной было! И спрашивать не стала, такъ объ землю и ударилась. Вытащили его, конечно, такъ и не откачали.

Агафья Тихоновна замолчала. Видно было, что горе это не умерло въ ней. Глаза ея остановились, и изъ нихъ выкатывались крупныя слезы.

— Такъ мнѣ потомъ все опротивѣло, Сергѣй Владимірычъ, что и на свѣтъ божій глаза мои не глядѣли. Дѣтей видѣть не могла; Богу вовсе перестала молиться, стою истуканомъ. Гляжу на образъ, а у самой передъ глазами все не то̀. Отъ Василья Николаича въ день-то, бывало, слова не услышишь. То былъ хмурый, а ужь тогда и вовсе. Вся-то душа во мнѣ изныла. Думаешь, бывало, кабы изъ своихъ родныхъ кровныхъ былъ бы кто поближе, все легче было бы. Родители мои ужь тогда на погостѣ лежали, сестры всѣ замужемъ по разнымъ сторонамъ — одна бобылемъ. Долго я такъ томилась, покуда, наконецъ, Господь сжалился надо мной. Стала я, хоть если горе свое не забывать, такъ, по крайней мѣрѣ, опять годнымъ человѣкомъ сдѣлалась. Да какъ пойдетъ несчастье, такъ ужь оно валитъ-валитъ, покуда совсѣмъ тебя не задавитъ. Василій Николаичъ съ горя совсѣмъ запустилъ хозяйство; гдѣ не доглядитъ, такъ все у него какъ будто изъ рукъ валилось. Бывало, прежде, гдѣ еще до зари встанетъ, все у него такъ и кипитъ. Поле вспахано на загляденье; на гумнѣ хлѣбъ поставленъ да закрытъ та̀къ, хоть бы богатымъ господамъ поставить. Всякая телега въ своемъ видѣ... Въ саду яблони подчищены; однимъ словомъ — хорошо. А тутъ все кое-какъ да кое-какъ. Говорить ему не смѣешь: сильное въ немъ тогда было раздраженье, а совладѣть, значитъ, съ собой не могъ. Видитъ, что ни отъ кого другаго, какъ отъ самого себя эти запущенія идутъ, а попробуй, бывало, ему это сказать, такъ-та̀къ зашумитъ-зашумитъ, что ужь и пропадай лучше все, къ горю-то еще тошнѣе становилось! А дѣтей куча; такъ, бывало, и думаешь, что въ умѣ помутишься... Да ужь какъ назначено человѣку все перенести—все перенесетъ. Случилось Василью Николаичу надобность въ городъ ѣхать. Дѣло-то было по веснѣ, деньги нужны были къ святой, такъ хлѣбецъ какой былъ лишній, продать. Поѣхалъ онъ одинъ; насыпалъ возъ, а погода-то стояла

Digitized by Google

теплая-претеплая; снѣгъ разомъ почти рушился, такъ что и ѣзды-то настоящей ни на чемъ не было, такъ кое-какъ, кому нужда была тащились по крàюшкамъ дороги. И моему Василію Николаичу нельзя было оставаться. Поѣхалъ онъ; дорогой возъ у него и застрянь въ зажорѣ. Бился онъ съ нимъ, бился, по поясъ въ водѣ, всю ночь такъ промучался, иззябъ, до костей всего промочило, а справиться одинъ не могъ; у воза, въ водѣ да снѣгу всю ночь простоялъ, на зарѣ ужь проѣзжіе подмогли, вытащили. Онъ мокрый да перезябльй въ городъ пріѣхалъ, къ базару поспѣшалъ; хлѣбъ-то продалъ, да тѣми же оглоблями назадъ, торопился: боялся, чтобы въ сутки дорога бы пуще не испортилась. Пріѣхалъ домой, да и свалился: горячка, значитъ, сдѣлалась. Я было къ доктору... куда тебѣ—и слышать не хочетъ! «Что ты, говоритъ, на погостъ, что ли, меня стащить хочешь? Належусь еще, успѣю, и такъ пройдетъ». Недѣль шесть онъ такъ пролежалъ; исхудалъ такъ, въ чемъ душа держится. Сталъ вставать съ кровати, а на ногахъ-то не держится, въ рукахъ тоже владѣнія мало. Все думали такъ, отъ слабости, а онъ ногами-то все жалуется, все ломъ да ломъ въ нихъ, безъ палки и перешагнуть не можетъ, да и въ рукахъ-то силы, какъ у малаго ребенка прибавляется. Пора пришла рабочая, а отъ него подспорья мало: лошадь запречь не можетъ, пороется-пороется скрябкой въ саду, такъ и повалится. Сталъ меня въ поле посылать. Приду, бывало; гляжу, сейчасъ видно, нѣтъ хозяйскаго глаза. Вернусь домой, правды ему не скажу, чтобы больше болѣзни не прибавлять, а у самой на сердцѣ точно что наростаетъ. А онъ, мой батюшка, на что былъ терпѣливъ, примется стонать, до слезъ даже доходилъ. «Агаша, матушка, чѣмъ бы полечиться? смерть моя приходитъ». Стала я его дома лечить; того послушаю—говоритъ отъ ломоты вотъ это хорошо, другой говоритъ—вотъ это сдѣлай; все передѣлала—нѣтъ ничего лучше. Ноги всѣ изсохли, совсѣмъ какъ плети. Положила я его на телегу, отвезла къ доктору. Тотъ посмотрѣлъ, говоритъ: «Прежде бы хватились, болѣзнь очень запустили, въ кости вся взошла, мудрено что сдѣлать». Прописалъ мазь какую-то: «трите, говоритъ, авось будетъ лучше». Что этой мази перекупили, все не легчѣетъ. Бросилъ все Василій Николаичъ, съ кровати не вставалъ, день и ночь стонетъ, душу всю вытянулъ. Ѣсть ничего не ѣстъ, тоскуетъ. Я и за нимъ-то, и за дѣтьми, и по хозяйству, просто ужь не въ моготу. Дѣти малы, пищатъ, промежь себя ссорятся; онъ лежитъ,

Digitized by Google

всѣмъ тревожится... Господи, думаю, грѣшница, подъ часъ, хоть бы васъ Богъ прибралъ, куда я съ вами дѣнусь. А вотъ теперь, какъ осталась одна дѣвчоночка, какъ пришлось всѣхъ перехоронить, такъ и мучаешься, что сама на нихъ смерти намолила. Ни много ни мало, Сергѣй Владимірычъ, Василій Николаичъ мой годъ такъ-то пролежалъ. Совсѣмъ исчахъ, повернуться самъ не могъ; бывало, поднимешь его на рукахъ, да такъ и переложишь на другой бокъ. А послѣднее время такъ тосковалъ, что я отъ него и не отходила, цѣлый день только и знаешь, что его поднимаешь. Задолжала кругомъ, все такъ въ упадокъ пришло. Дѣти всѣ оборвались: ни зашить, ни сшить на нихъ некогда, да и взять-то неоткуда. Люди продадутъ по цѣнѣ, а я за что попало, лишь бы деньгу перехватить. Бывало, посмотришь-посмотришь вокругъ себя, домикъ нашъ былъ старъ—Василій Николаичъ собирался все новый поставить — ужь совсѣмъ покачнулся, крыша почти вся раскрылась, течетъ; на гумнѣ хлѣбца ни зернышка нѣтъ въ застоѣ.... Господи, думаю: что я буду дѣлать? Чѣмъ я за все возьмусь, къ кому пойду просить помощи? все-то кругомъ бѣдность... А пуще всего заботили меня дѣти. Ничего не смыслятъ. Которые еще побольше, увидятъ, я плачу—тоже заплачутъ, а маленькимъ и горя мало. Осенью умеръ Василій Николаичъ. Схоронила я его, вою цѣлый день, дѣти тоже за мной, на сосѣдей одурь нагнала. Придутъ ко мнѣ: «Агафья Тихоновна, матушка, побойся ты Бога, что ты такъ надрываешься?» А я еще пуще.

— За что ни хватись—все недостатки. Топить нечѣмъ; навалишь полну печку соломы, того и гляди вспыхнетъ, ужь и вовсе некуда дѣваться. Ребятишки забьются на печку, переугорятъ, стащишь ихъ оттуда, положишь на кровать, отдохнутъ—хорошо, а не отдохнутъ—Богъ съ ними. Одѣжа-то на нихъ была плохонькая, перепростудятся, выскочатъ на дворъ—дѣло ребячье, да и не углядишь, кашляютъ-кашляютъ, даже всѣ посинѣютъ, такъ двое старшенькихъ тѣмъ и померли. Завалило имъ всю глотку, я ихъ и тѣмъ и сѣмъ—нѣтъ: такъ обѣихъ на одной недѣли похоронила. Только и знаютъ сосѣди, что отъ Калининой на погостъ таскаютъ. Народила-то ихъ шестеро, а осталась вотъ съ этой одной, по четвертому годочку тогда была. Вся выродилась въ отца; оттого-то ей, можетъ, и счастье будетъ другое. Ну-съ, какъ осталась я съ ней одна, думаю себѣ, вѣдь нужно же какъ нибудь за умъ взяться. Вѣдь съ однимъ работникомъ всего не

Digitized by Google

уберешь, а другаго—держать достатка нѣтъ. Домишко на боку, и повалится когда, совсѣмъ тебя пришибетъ. Продамъ, думаю, половину земли, съ долгами расплачусь по крайности. Уголъ себѣ хоть новый поставлю, а ужь въ моргѣ-то этой куда тошно приходилось. Такъ, батюшка, и сдѣлала: продала землю, купила у мужика новую избу, вотъ изволите видѣть, поставила, устроилась, живу себѣ теперь, слава тебѣ Господи, не нуждаюсь, всего есть понемножку, да намъ многаго-то и не нужно: сыты по милости божьей, еще капиталецъ маленькій оставался, Варичкѣ берегла, да и уберегла...

— Что же, видно, потратить пришлось?

— И, куда намъ тратить... Въ люди отдала, да и поклонилась.

— Какъ такъ?

— Да такъ, вотъ. Еще богачи взяли-то; коли бы свой братъ бѣднякъ, такъ ужь съ него и взять нечего, а то нѣтъ... Вонъ видите. И Агафья Тихоновна злобно ткнула кулакомъ въ стекло:— вонъ хоромы-то барскіе торчатъ, тамъ и проглотили. Не подавился онъ, прости-меня-Господи.

— Да вѣдь на это судъ есть, вы бы требовали.

— Почемъ, батюшка, требовать-то?

И Агафья Тихоновна залилась слезами.

— Вѣдь я давала на честность, и писулечки съ него никакой не взяла. Стала у него было-просить: «вы бы, молъ, Андрей Николаичъ, мнѣ бы хоть такъ, на клочкѣ бумажки для памяти записали»... А онъ захохоталъ, да и говоритъ: «Матушка моя, изъ этакихъ пустяковъ стоитъ ли бумагу марать? Не безпокойтесь: не забуду; хоть бы и хотѣлъ забыть, такъ ваша дочка, каждый день у насъ, поневолѣ вспомнишь». Ну, ужь я послѣ этого и говорить не стала. Что, думаю, еще ребёнку глаза колоть станутъ.

— Да развѣ ваша дочка жила у нихъ?

— И нѣтъ, батюшка; это, вотъ видите ли, цѣлая исторія. Имѣніе это было не Башиловыхъ, а Немирова, Михаила Ѳедоровича. Катерина Ѳедоровна Башилова была по себѣ Немирова, сестра Михаила Ѳедоровича. Оно имъ и пришлось-то не по наслѣдству, а какъ-такъ просто выманили. И какого грѣха они съ этимъ имѣніемъ набрались, не проспать имъ его! Когда Михаилъ Ѳедоровичъ былъ холостой, Катерина Ѳедоровна жила у него и такая ужь была пожилая, некрасивая. Понравился ей Андрей Ни-

Digitized by Google

коланчъ. Служилъ онъ гдѣ-то въ палатѣ, къ Михаилу Ѳедоровичу ходилъ по дѣламъ. Человѣкъ онъ былъ бойкій, суетливый, изъ себя нельзя сказать, чтобы некрасивъ, годовъ на пять моложе Катерины Ѳедоровны. Сосватались они съ нимъ. Взялъ онъ ее за богатство, а самъ гроша не имѣлъ за душой, одно только—что былъ столбовой дворянинъ. Михаилъ Ѳедоровичъ наградилъ сестру, далъ ей сто душъ, обвѣнчалъ ихъ, переѣхалъ въ подмосковную, да вскорѣ и самъ тамъ женился. Разсказывали люди, что Катерина Ѳедоровна женидьбой его ужасно была недовольна. Ей его изъ рукъ страсть—какъ выпускать не хотѣлось. Она и не знала, какъ онъ въ Москвѣ сосватался; ей ужь сказалъ, какъ все дѣло кончилось. Взялъ небогатую, самъ ей сдѣлалъ приданое. Катерина Ѳедоровна, говорятъ, рвала, метала. Однакожь ѣзжала къ нимъ, гащивала подолгу, всегда бывала ими обласкана. Немировъ послѣ женидьбы вскорѣ захворалъ. Богъ-знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось; все на него какая-то задумчивость находила. По ночамъ, бывало, не спитъ, всего боится, худъ, въ чемъ душа держится. Жена его была женщина кроткая, добрая, все за нимъ ухаживала, и жизнь свою, можно сказать, въ него положила. Пріѣзжалъ онъ въ Заразы изрѣдка, либо одинъ, либо съ женой. Я по бѣдности моей всегда въ нимъ хаживала за помощью. Поживетъ здѣсь недѣльку-другую, да въ подмосковную, а съ этого имѣнія имъ доходы высылали. А имѣніе, Сергѣй Владимірычъ — золотое дно! Что при немъ лѣсу, да и земли такой у насъ во всемъ уѣздѣ нѣтъ. Только бы имъ жить, а вышло иначе. Жена его чахнуть да чахнуть, да Богу душу и отдала.

— Осталась у него одна дочка, Лидіей звали, дѣвочка, должно быть, годовъ тринадцати была. При ней отъ рожденья взята была гувернантка, вдова-англичанка, вывезли они ее съ собой изъ-за границы. Покойная жена Михаила Ѳедоровича тамъ съ ней познакомилась, при нихъ она овдовѣла. Въ бѣдности въ большой, говорятъ, осталась, мальчикъ у нея лѣтъ восьми былъ. Михаилъ Ѳедоровичъ бралъ ее къ себѣ съ ребёнкомъ; родные ея взяли его къ себѣ на воспитанье; она имъ, говорятъ, почти все свое жалованье туда отсылала, ничего, говорятъ, на сына не жалѣла. Покойница ее очень любила, и ужасно они дружно жили, а ужь послѣ нея-то, она и вовсе была полной хозяйкой въ домѣ. Послѣ смерти жены, Михаилъ Ѳедоровичъ въ своемъ здоровьѣ еще хуже сталъ. Башиловы, какъ узнали о его горѣ, пи-

Digitized by Google

шутъ ему почти каждую почту, утѣшаютъ; наконецъ Катерина Ѳедоровна стала звать его изъ Москвы. Писала ему, говорятъ: «Братецъ, что вы въ этой живой могилѣ живете? Здоровьемъ своимъ пренебрегаете. Развѣ у васъ нѣтъ родныхъ, которыми вы дороги, которые васъ могутъ успокоить? Развѣ я вамъ не родная сестра? Конечно, ѣхать къ вамъ въ Москву мнѣ мои средства не позволяютъ, и семейства я бросить не могу; а пріѣзжайте вы на весну въ Заразы. Деревенскій воздухъ васъ поправитъ, да и любовь моя и моего мужа, и всѣхъ насъ, дастъ вашей душѣ отраду... Подумайте о вашей малюткѣ, которая такъ же дорога моему сердцу, какъ мои собственные. Право, братецъ, послушайте меня, пріѣзжайте». Такъ они его этими родственными письмами взманули; только, говорятъ, и толковалъ: ѣхать да ѣхать. А гувернанткѣ это было не по сердцу; она Катерину Ѳедоровну знала, и какъ люди разсказывали, всегда съ ней была на холодкахъ, и ни слова объ ней никогда не говорила; а тутъ Михаилъ Ѳедоровичъ и спитъ и видитъ—ѣхать въ Заразы. Отговаривала она его:

«— Можно ли, скажите, съ вашимъ здоровьемъ въ глушь забиваться? Вамъ нужно леченье, при васъ постоянно долженъ быть докторъ, а тамъ богъ-знаетъ, найдете ли вы какое пособіе? Всѣ у васъ средства есть, поѣзжайте на всѣ четыре стороны—вотъ вамъ развлеченье!

«— Нѣтъ, говоритъ: моей душѣ надо теперь родное, а тамъ увидимъ»...

— Наконецъ пріѣхали они сюда. Катерина Ѳедоровна на другой же день къ нему. Что у нихъ было за свиданье—такъ этого и пересказать нельзя! Ни на минуту она его не оставляла. Утѣшаетъ его всячески, угождаетъ ему; дѣвочку его съ глазъ не спускаетъ; ласкова, какъ мать родная. Съ гувернанткой внимательна, о покойницѣ ее разспрашиваетъ, плачетъ. Со всѣми въ домѣ обходительна; меня, бывало, у нихъ увидитъ, тоже поклонится, такъ что именно сказать—истинная родная. Разстаться съ нимъ не можетъ. Станетъ собираться ѣхать къ себѣ—ея имѣніе, приданое за ней было дано, отъ Заразовъ нашихъ верстъ пятьдесятъ—плачетъ: «Жаль мнѣ, говоритъ, братецъ, васъ покинуть, да вѣдь знаете, у самой семья, дѣтей своихъ, мужа для васъ бросила, пора и къ нимъ. Грустятъ обо мнѣ, да и объ васъ безпокоятся». А онъ ей говоритъ: «не покидай меня. Пріѣзжай во мнѣ съ мужемъ, дѣтьми, соберемся всѣ вмѣстѣ».

Digitized by Google

— Извѣстно, дѣло деревенское, богатые господа пріѣхали, все наслуху. Люди-то всѣ давно знакомы были; прикащикъ, тотъ другой, въ церкви увидишься, все знаешь, что у господъ дѣлается. Только нѣсколько дней спустя, глядимъ—въ коляскѣ, всей семьей, ѣдутъ Башиловы къ Михаилу Ѳедоровичу. Встрѣтилъ онъ ихъ, говоритъ, на крыльцѣ, обрадовался имъ какъ и богъ-знаетъ чему. Дѣти ихъ къ нему съ такимъ почтеньемъ, все къ ручкѣ, всѣ ему въ глаза смотрятъ. Гувернантка съ ними пріѣхала, глазъ съ нихъ не сводитъ, чтобы чѣмъ нибудь дядиньку не обезпокоили. Дѣтей у Башиловыхъ было трое: два сына да дочь. Дочь годами двумя старше Лидиньки, а ростомъ поменьше ея — вылитый отецъ: черноглазая да бойкая, плечики, бывало, подниметъ кверху, говоритъ такъ скоро на разныхъ языкахъ. Отецъ съ матерью надъ ней обмирали. — Анеточка, да Анеточка, только Богу на нее не молились. Мальчики—бѣда! Какъ это примутся разомъ всѣ говорить, такъ даже, бывало, уйдешь изъ комнаты, на дворъ выйдешь, освѣжиться немного. Какъ пріѣхали они къ Немирову, Андрей Николаичъ за нимъ, пуще Катерины Ѳедоровны ухаживаетъ. — Братецъ, братецъ... И въ маковку, и въ плечики его цалуетъ, дѣтей своихъ такъ къ нему и подталкиваетъ. Анеточка вся въ букляхъ завитая, присѣдаетъ передъ нимъ, подушку за нимъ какую-то таскаетъ, надутую съ пружинами, музыкой его развлекаетъ.

— Михаила Ѳедоровича дочка, говорятъ, цѣлый день не знаетъ, какъ къ отцу подойти. Ни на минуту его одного не оставляютъ. А она дѣвочка была такая тихонькая, да застѣнчивая, да какъ видно, что такъ скоро и привыкнуть къ нимъ не могла, все больше сторонилась, отъ гувернантки своей ни на шагъ. Катерина Ѳедоровна старалась всячески свою Анеточку съ ней свести. Возьметъ ихъ обѣихъ, обниметъ, говоритъ Анетѣ, чтобы она ее не ревновала къ Лидіи; Анета тоже ее обнимаетъ, такъ ласковы, что ужь и сказать нельзя. Живутъ Башиловы все лѣто у Михаила Ѳедоровича. Андрей Николаичъ то пріѣзжаетъ, то уѣзжаетъ, а Катерина Ѳедоровна безвыѣздно съ дѣтьми. Такъ Михаилъ Ѳедоровичъ къ ней привыкъ, что какъ не видитъ ее—ищетъ, повинуется ей во всемъ, на все ея глазами смотритъ, цѣны-мѣры ей не знаетъ.

«— Богъ, говоритъ, послалъ мнѣ скорбь, послалъ въ васъ и утѣшеніе. Вотъ Лизавета Осиповна, гувернантка, не совѣтовала

Digitized by Google

мнѣ сюда ѣхать, боялась, что мнѣ здѣсь хуже будетъ, а я окрѣпъ, гораздо окрѣпъ»...

— А какой окрѣпъ. Сидитъ, голова у него на грудь свалится, самъ пальцами перебираетъ, а если встанетъ, такъ-такъ зашатается, что непремѣнно нужно кому нибудь его подъ руку вести. Въ хозяйствѣ проситъ, бывало, Андрея Николаича распорядиться; придетъ управляющій, онъ и его къ Андрею Николаичу отсылаетъ. Люди видятъ, что между господами пошли какіе-то толки. Заберутся въ кабинетъ Михаила Ѳедоровича, долго о чемъ-то говорятъ. Катерина Ѳедоровна плачетъ, обнимаетъ его, на образъ клянется, Андрей Николаичъ тоже. Разбираются въ какихъ-то бумагахъ, Михаилъ Ѳедоровичъ пишетъ. Напало на всѣхъ какое-то смущеніе, всѣ въ голосъ говорятъ: «что нибудь да задумалъ! Башиловы не съ проста въ домъ въѣхали; даромъ они его любить не станутъ».

— Немировскій народъ не любилъ Башиловыхъ. Заразовскіе люди у насъ по всему околодку гремѣли; привыкли жить въ довольствѣ, у Михаила Ѳедоровича все было барской рукой. Одѣты были не въ примѣръ лучше нашего брата дворянина; рѣдко у какого лакея часовъ не было. Народъ красивый, на подборъ... А про Башиловыхъ слухъ-то шелъ совсѣмъ другой... Тѣ жили въ тѣснотѣ, господа ихъ любили копеечку колотить. Видимъ мы однажды, что Андрей Николаичъ на Михаилъ Ѳедоровича лошадяхъ поѣхалъ куда-то. На другой день вернулся, съ какими-то господами; а тамъ смотримъ—за батюшкой отцомъ Лаврентіемъ присылаютъ. Продержали его почти цѣлый день; къ вечеру только вернулся. Живемъ-то мы близко, съ матушкой его я кума, смерть хочется узнать. Пошла я къ нимъ на другой день.

«— Что, молъ, отецъ Лаврентій, вы вчера у Немирова такъ долго засидѣлись?

«— Дѣло, говоритъ, было, кумушка; во свидѣтели былъ призванъ. Духовное завѣщаніе свидѣтельствовалъ.

«— Какъ, какое духовное завѣщаніе?

«— Да говоритъ: Михаилъ Ѳедоровичъ сдѣлалъ посмертное распоряженіе; ѣхать собирается въ чужіе края для излеченія, такъ тамъ неизвѣстно, что̀ можетъ случиться, въ животѣ и смерти Богъ воленъ...

— Больше онъ ничего мнѣ не сказалъ. Онъ у насъ на языкъ былъ крѣпокъ, лишняго словечка не проронитъ. А между прочимъ, люди всѣ какъ насторожѣ, ждутъ сами не знаютъ чего.

Digitized by Google

И точно, собралъ Михаилъ Ѳедоровичъ всю дворню, управляющаго, всѣмъ объявилъ, что онъ Андрея Николаича поставилъ надъ всѣми господиномъ, вмѣсто самаго себя; что самъ онъ ѣдетъ, а Андрея Николаича чтобы слушались, во всемъ ему повиновались, чтобы безпорядковъ никакихъ не дѣлали, его бы этимъ не тревожили. Послѣ этого позвалъ къ себѣ дочь, и говоритъ ей: «Вотъ тебѣ мать и отецъ, и ты и все въ ихъ руки отдано. Люби и почитай ихъ какъ меня, ты теперь отъ нихъ зависишь. Я покоенъ; оставляю тебя на такихъ родныхъ, которые кромѣ добра ничему другому не научатъ. Сестрица такая мать, какихъ мало... Заслужи ея любовь и будешь счастлива. Я ѣду; ты видишь, я человѣкъ полумертвый, мнѣ нужно о своемъ здоровьѣ подумать»...

— Всѣ, послѣ этого объявленія, какъ въ воду опущенные ходили. Толкуютъ, шепчутъ. Барышня тоже, говорятъ, все приставала къ гувернанткѣ, да нянькѣ: «что же ей дѣлать, чтобы ее полюбили? и на долго ли все это папаша устроилъ?

— Гувернантка тоже была смущена; ходила съ Михаиломъ Ѳедоровичемъ объясняться на счетъ себя. Онъ, говорятъ, ей сказалъ:

«— Сестра все знаетъ, все ей отдано; надѣюсь, что все будетъ постарому.

— Послѣ всѣхъ своихъ распоряженій, Михаилъ Ѳедоровичъ ни до чего не доходилъ. Другаго разговора у него не было, какъ осенью ѣхать въ теплые края. Катерина Ѳедоровна его въ этомъ поддерживаетъ: говоритъ, что ему въ нашемъ воздухѣ жить нельзя, что онъ давно свое здоровье запустилъ, что онъ теперь только о томъ и долженъ думать, какъ его поправить. Наконецъ, настали и сборы. Барышня, Лидія Михайловна, плачетъ, просится съ отцомъ. Катерина Ѳедоровна ее уговариваетъ. «Папашѣ, говоритъ, надобно лечиться, онъ къ намъ пріѣдетъ здоровый, а ты, мой ангелъ, поживи съ нами. Развѣ мы тебѣ, душечка, не нравимся? Развѣ ты мою Анеточку не полюбила»? И мадамѣ тоже говоритъ: «Вы женщина разсудительная, вы ее уговорите... Куда же ему въ самомъ дѣлѣ больному человѣку ѣхать съ ребёнкомъ... Да и объ себѣ подумайте, вѣдь вамъ въ этомъ путешествіи, кромѣ хлопотъ и заботъ, ничего не предстоитъ»...

— Михаилъ Ѳедоровичъ и самъ брать ихъ не соглашался. Такъ проводили его одного. Сталъ онъ съ дочерью прощаться, перекрестилъ ее, навернулись у него слезы. «Помни, говоритъ, мое приказанье: живи счастливо». Больше ничего не сказалъ. Отъ

Digitized by Google

болѣзни, что ли, не было въ немъ никакой горячности, точно онъ какъ будто всѣмъ и всему чужой. Съ Катериной Ѳедоровной истерики. Андрей Николаичъ самъ всхлипываетъ, самъ сунется въ карету, носомъ тамъ вездѣ обшаритъ, со всего размаха сядетъ на подушки, мнетъ, мнетъ ихъ. «Братцу, говоритъ, чтобы покойнѣе было сидѣть». Выскочитъ оттуда, бросится на братца, примется его цаловать, да все съ разными приговорами. Такъ Михаилъ Ѳедоровичъ этимъ прощаньемъ разстроился, что въ карету-то его почти-что положили. Вышли всѣ за ворота его провожать. Катерина Ѳедоровна стоитъ, все платкомъ ему машетъ, а Андрей Николаичъ креститъ, да такъ дробно, словно какъ, прости Господи мое согрѣшеніе, мухъ отгоняетъ. На народѣ просто лица нѣтъ, глядятъ ему вслѣдъ.

— Скрылся онъ изъ глазъ, а всѣ еще стоятъ въ раздумьи. Я въ ту пору тутъ же была, благодѣтеля своего приходила проводить. Андрей Николаичъ первый опомнился, крикнулъ: «Ну, ребята, по мѣстамъ, по мѣстамъ, ворота запирать... Пойдемъ, дружечекъ Като (онъ ее всегда такъ называлъ), не разстраивай себя... Дѣти, ведите мать, ведите ее на покой, на покой»...

— Подхватилъ ее подъ руку, дѣти тутъ же на одной ногѣ вертятся, потащили ее; а Лидія Михайловна сиротиночкой пошла съ своей мадамой. Я тоже поплелась къ себѣ, думала тогда, что мнѣ въ домѣ-то больше ужь не бывать... Катерина Ѳедоровна госпожа такая важная, нашего брата-бѣдняка, пожалуй, и принимать не захочетъ. А вышло на повѣрку — пришлось почти не выходить отъ нихъ. Оставили Башиловы свое имѣніе, поселились въ Заразахъ. Андрей Николаичъ по деревнѣ ходитъ, въ каждой избѣ побывалъ, до послѣдняго хлѣва мужицкаго осмотрѣлъ. Самъ и въ полѣ, самъ и въ лѣсъ, ничто мимо его глазъ не проходитъ. Катерина Ѳедоровна сама отъ бабъ и тальки и холсты принимаетъ. Слышимъ-послышимъ отъ дворни—во всемъ другіе порядки завелись. Пищу у нихъ сократили: бывало, и пироги, и жареное, ѣдали такъ, что иной въ христовъ день такъ не разговѣется. Теперь же, каждый цыпленочекъ, каждый утеночекъ на счету, каждая ложечка масла на вѣсу... Сами на всю семью одну курицу жарили, а чтобы въ городъ послать за мясомъ какимъ, не взыщите—извольте кушать баранинку. Барышня съ мадамой къ этой пищѣ были непривычны, день-то голодаютъ, попросятъ чего у экономки, той дать нечего—ключи у Катерины Ѳедоровны. Съ первыхъ-то дней все молчали, потомъ стали лю-

Digitized by Google

ди мадамѣ жаловаться. «Заступитесь хоть вы за насъ, Лизавета Осиповна; мы молчали-молчали, да не въ мочь. Насъ вѣдь голодомъ поморили; мы ужь по дворамъ начали ходить кормиться... Когда же это у насъ бывало»?

«— Потерпите, говоритъ, скажу».

— И Лидія Михайлова что-то блѣднѣть начала. То на то, то на другое пожалуется. Стала тутъ Лизавета Осиповна говорить Катеринѣ Ѳедоровнѣ, что Лидинька не совсѣмъ здорова, и желудокъ разстроенъ, что она тяжелой пищи никогда не кушала, нельзя ли что заказывать полегче. Что вотъ и люди тоже недовольны, что они уже не разъ приходили къ ней, просили... Катерина Ѳедоровна обидилась, говоритъ: «Къ вамъ люди ходятъ жаловаться, а я-то тутъ что жь такое? Всѣ, кажется, знаютъ, что кромѣ меня здѣсь нѣтъ другой хозяйки. Что же, вы намѣрены вступаться? Такъ вы тоже слышали отъ братца, кому все отдано на руки... Прошу васъ въ другой разъ ко мнѣ съ такими выговорами не подходить... Какія прихоти! мы ѣдимъ, мои дѣти ѣдятъ, чѣмъ же они хуже Лидочки?»...

— Ну, Лизавета Осиповна и перестала говорить. Живутъ они такъ мѣсяцъ-другой, я къ нимъ въ домъ невхожа, объ житьѣ ихъ со стороны знаю, только слышу—мадамѣ приходитъ плохо. Чашку чая, кофею лишнюю выпьетъ —Катерина Ѳедоровна морщится. Стала она себѣ особенно покупать. Отсторонила ее Катерина Ѳедоровна отъ всего. Швеи, бывало, сидятъ, шьютъ, Лидочкѣ полны сундуки готовятъ; Катерина Ѳедоровна задала свои работы, ее и не спросила. Бывало, рѣдкій мѣсяцъ какой, чтобы Лидочкѣ обновокъ какихъ, либо забавъ не выписывалось; теперь нѣтъ этого ничего. Все повернули по своему. Лизавета Осиповна учила Лидиньку сама, къ башиловской гувернанткѣ ее не пускала и сама въ ихъ дѣла не мѣшалась.

— Та сядетъ съ своими; дѣти-то, Анеточка да братья учатся громко, говорятъ рѣзко, мадама возьметъ Лидочку да уведетъ въ другую комнату, а то, бывало, говоритъ, встанетъ, да и вовсе отъ нихъ двери затворитъ. Возьметъ книгу, обниметъ Лидиньку, ходитъ съ ней по залѣ, читаетъ. Сядутъ въ уголокъ съ работой, и тихонько безъ умолка разговариваютъ. Придетъ къ Лизаветѣ Осиповнѣ въ комнату нянька Лидіи Михайловны, она и мать покойную ее вынянчила, сядетъ съ ними съ чулкомъ. Лизавета Осиповна имъ о своей сторонѣ разсказываетъ, про сына, что вотъ онъ теперь большой, скоро пріѣдетъ, и также какъ она

Digitized by Google

будетъ заниматься по домамъ въ учителя, плачетъ, цалуетъ его портретъ, съ которымъ никогда не разставалась. Лидинька ее утѣшаетъ, сулитъ ей золотыя горы и счастье, такъ дни и ночи въ надеждахъ проводили, все особнячкомъ. Стала Анеточка говорить матери, что Лизавета Осиповна ее съ сестрой разлучаетъ, что гувернантка ихъ обижается, что она видитъ, что мадамъ считаетъ ее невѣждой, что она такъ жить не можетъ, будетъ просить разсчета. Анеточка плачетъ, говоритъ, что Лизавета Осиповна Лидочку отъ себя не отпускаетъ, боится ихъ оставить вдвоемъ, какъ будто она такая дурная дѣвочка, что можетъ испортить сестру, рыдаетъ до истерики, кричитъ:

«— Я такъ обожаю Лиду, а мнѣ мѣшаютъ ее любить! Несчастная я!

— Катерина Ѳедоровна сама плакать! Выговариваетъ мадамѣ, за что она между дѣтьми вражду поселяетъ, что̀ ей сдѣлали ея дѣти? Чѣмъ они виноваты, что Михаилъ Ѳедоровичъ довѣрился имъ роднымъ, а не ей, посторонней... Такую-то подняла исторію! Мадамъ сперва говорила, что и въ умѣ-то у нея ничего не было такого; видитъ, съ ней не сговоришь, замолчала, ушла къ себѣ и Лидочку увела. Только что ни день, то новыя у нихъ дѣла. Играютъ ли вмѣстѣ—Анеточка боится къ Лидочкинымъ игрушкамъ прикоснуться; идетъ ли она мимо комнаты мадамы—переступаетъ на пальчикахъ; заговоритъ ли та съ ней—вся она какъ будто оторопѣетъ, точно та богъ-знаетъ что̀ съ ней дѣлаетъ. Катерина Ѳедоровна, говорятъ, бывало, плачетъ, вздыхаетъ, жалуется своей гувернанткѣ, что Анеточка ея совсѣмъ измучена. Лизавета Осиповна терпѣла-терпѣла, вздумала писать Михаилу Ѳедоровичу. Стала просить его адреса — Андрей Николаичъ не даетъ.

«— Какіе, говоритъ, вамъ секреты писать? Нѣтъ у меня адреса. Жалобы, что̀ ли на насъ писать хотите?... Жить вамъ скверно у насъ? Поѣзжайте, не держимъ! Вы намъ ни на что не нужны, можете уѣзжать. Есть при нашихъ дѣтяхъ гувернантка, и Лидочка можетъ у нея учиться... А вамъ по пустякамъ деньги платить—только лишніе расходы... Опоздали писать-то, я ужь братцу обо всемъ писалъ.... Можете себѣ искать другаго мѣста, а мы васъ не желаемъ—дѣтей только портить. Братецъ—человѣкъ больной, характера вашего не замѣчалъ; да гдѣ ему и замѣтить было: съ покойницей его вертѣли имъ, какъ хотѣли... А мы съ Катю̀ все видимъ... Вы племянницу отъ насъ отбиваете, мы все ви-

Digitized by Google

дитъ, да голову-то ей разными пустяками набиваете... Она вѣдь немаленькая; вмѣсто дѣла—чувствительности, да нѣжности разныя объ своемъ сыночкѣ толкуете! Я этого больше терпѣть не могу, сердце все изстрадалось, отравляете дѣтское счастье. Нѣтъ, покорно васъ прошу, уѣзжайте... У насъ съ Като всякое терпѣнье лопнуло! Какое же при васъ можно воспитанье дать ребёнку? Что же Като можетъ сдѣлать?... Вамъ платили тысячи, чему вы ее научили? Ни у нея манеры, ни у нея разговора... Все что-то съ ней подъ носъ шепчетесь; чего же отъ этого ждать хорошаго? Мы съ Като взялись воспитать племянницу и воспитаемъ, а васъ намъ не надо».

— Какъ онѣ это ей сказали, она, говоратъ, точно помѣшалась. А Андрей Николаичъ одно знаетъ, твердитъ: «съ Богомъ, съ Богомъ, матушка... Знаемъ мы эти слезы... Жалованья большаго терять не хочется, барынней жить привыкли, командовать, а какъ теперь воли не даютъ, такъ и сумасшествуете... Отправляйтесь, безъ разговора, безъ разговора... Мнѣ платить вамъ нечѣмъ. Братцу тысячи посылай, вамъ давай, это и доходовъ недостанетъ! Съ своего имѣнья, что ли, для васъ тащить? Пожили, Богъ съ вами, и довольно. Ми, говоритъ, это съ братцомъ порѣшили».

— Такъ они съ нея, можно сказать, голову сняли. Стала она плакать, просить ихъ. «Не надо, говоритъ, мнѣ никакого жалованья, буду жить даромъ, только съ Лидочкой не разлучайте!»

«— И даромъ жить нечего, кричитъ Андрей Николаичъ!—Васъ, матушка, чего нибудь да стоитъ поить-кормить да одѣвать, а за все это моя Като грубости отъ васъ выносить будетъ? Да и съ дѣвочкой-то, по вашей милости, сладу не будетъ; она и теперь волчонкомъ смотритъ, тётка съ дядей отъ нея ласковаго слова не слыхали... Такъ этого, сударыня, допускать нельзя... Намъ этого допускать нельзя. Мы съ Като и передъ Богомъ и передъ братцемъ отвѣчать станемъ.

— Однимъ словомъ, батюшка мой Сергѣй Владимірычъ, и полугода не прожили они вмѣстѣ, спихнули-таки ее со двора. Ходя ей просто никакого не давали. Нянька, бывало, со слезъ надрывается, говоритъ: «Стали они барышню отъ нея отлучать. Велѣли ей въ ученье ходить къ ихъ гувернантѣ, а послѣ ученья Катерина Ѳедоровна заберетъ ихъ къ себѣ, да и велитъ сидѣть въ своей комнатѣ, такъ что мадамъ по цѣлымъ днямъ не видитъ Лидочки.»

Digitized by Google

— Отобрали у нея все дѣтское добро, отдали своей гувернанткѣ на руки. Лидія Михайловна, говоритъ, сидитъ у тётки, а у самой слезы такъ и текутъ. Придетъ къ нимъ Андрей Николаичъ, затарантитъ: «Като, Като, ты тутъ съ дѣтьми, съ дѣтьми? Лидочка въ куколки, въ куколки, играй, играй...»

— Схватитъ ее за руки, начнетъ по комнатѣ крутить.

«— Дѣти, дѣти, кричитъ своимъ:—идите сюда, вертите ее, торопите хорошенько, хорошенько...

— Дѣвочка, непривычная къ этому, упирается...: Вырвется отъ нихъ, покраснѣетъ вся, сядетъ въ уголокъ къ игрушкамъ, да и сидитъ. Андрей Николаичъ посмотритъ на нее, руки заложитъ въ карманы, плечи да брови подниметъ кверху, а Катерина Ѳедоровна губу къ носу, да махнетъ на нее головой. Билась-билась мадамъ; довели до того — уложила свое добро, наняла подводу, свезла все къ попу и сама пришла къ нему, да и говоритъ:

«— Батюшка, примите меня на время, дайте вашей повозочки, я вамъ заплачу, довезите меня до города.»

— Барышня, говорятъ, въ домѣ рвалась, металась, къ ней почти совсѣмъ было-убѣжала, не пустили тётка съ дядей. «Вотъ, говорятъ, дѣвочку пустить по чужимъ дворамъ шататься. Безумная эта сбѣжала, и эта еще за ней летитъ! Сиди здѣсь. Мы, матушка, отцомъ твоимъ надъ тобой поставлены старшими.» Такъ она съ ней больше и не видалась. Прожила мадамъ дня съ три, покуда попъ съ лошадьми собрался, уѣхала въ городъ. Видѣла я ее тогда у отца Лаврентія, такъ-то она плакала, такъ плакала! Какъ уѣхала Лизавета Осиповна отъ Башиловыхъ, Андрей Николаичъ всѣмъ встрѣчнымъ и поперечнымъ въ уши трубитъ:

«— Бѣда, кричитъ, съ чужимъ добромъ навязаться! Только дурной славы наживешь. Чѣмъ она насъ съ Като выставляетъ? Злодѣями... А что мы сдѣлали? Братцевы деньги сберегли. Безъ призора развѣ мы его дочь оставили? На чьихъ она рукахъ? Кто мы ей?»

— Конечно, всякій передъ нимъ молчалъ, потому что кому какое было дѣло мѣшаться? Родные между собой какъ хотятъ, такъ и дѣлаютъ. Михаилъ Ѳедоровичъ какъ въ воду канулъ. Деньги ему, говорятъ, Андрей Николаичъ посылаетъ, а отъ него-то всего одно письмо получили. Люди всѣ ходятъ скучные, ни у нихъ пѣсенъ, ни забавъ прежнихъ; Катерина Ѳедоровна не любила. «Что, говоритъ, за гвалтъ такой, тутъ домъ не пустой, господа живутъ, терпѣть не могу этого мужицкаго веселья.» Такъ, признаться ска-

Digitized by Google

знать, какъ переѣхали къ намъ Башиловы, въ Заразахъ скучно стало. Прежніе господа, хоть когда и наѣзжали, удовольствію никогда не мѣшали. Всегда ужь это передъ домомъ качели ставились, хороводы водились, а тутъ все пошло на другой манеръ. Рѣдко-рѣдко гдѣ у дворянъ пѣсню услышишь. Попа нашего совсѣмъ замучили. Бывало, онъ въ восемь часовъ поблаговѣстятъ, народъ соберется, отслужитъ себѣ обѣдню—и правъ. А тутъ благовѣстятъ-благовѣстятъ, народъ ждетъ, ребятъ-которыхъ привесутъ, кричатъ, оголодаютъ: извѣстно, къ такому великому дѣлу готовятся, ѣсть не даютъ, просто смерть, а они все не ѣдутъ. Какъ завидятъ ихъ, начнутъ трезвонить. Андрей Николаичъ, бывало, всегда идетъ впередъ. Локти разставитъ, по народу такъ и идетъ, за нимъ отъ дѣтей что толчковъ достанется; Катерина Ѳедоровна послѣ всѣхъ; ставутъ на свое мѣстечко. Андрей Николаичъ кругомъ мѣста-то всѣхъ разгонитъ. Катерина Ѳедоровна стоитъ все время на колѣнахъ, все по книжкѣ молится. Андрей Николаичъ поетъ на всю церковь. Подвернется ему тутъ мальчишка или дѣвчонка какая, онъ имъ задастъ щелчка, самъ какъ ни въ чемъ не бывало. И грѣхъ, и смѣхъ на него смотрѣть! Вотъ я такъ-то, однажды, стою въ церкви, думаю себѣ: «вѣдь нужно мнѣ подойти къ Катеринѣ Ѳедоровнѣ, съ праздникомъ ее поздравить? Вѣдь она видѣла же меня у Михаила Ѳедоровича; не подумала бы она, что у меня гордость какая, либо непочтенье; подойду, думаю себѣ, что будетъ»...

— Кончилась обѣдня. Катерина Ѳедоровна сѣла на кресло, дожидается покуда народъ выйдетъ. Всѣ идутъ мимо нея, кланяются. Я стою, поджидаю покуда просторнѣе будетъ; тамъ иду съ Варичкой, подхожу къ ней, говорю: «честь имѣю съ праздникомъ поздравить». Она мнѣ поклонилась, говоритъ: «спасибо вамъ, давно васъ не видала, зайдите когда нибудь».

«— Покорно васъ благодарю... Боюсь васъ безпокоить, сударыня»...

«— Ничего, говоритъ, приходите. Дочка ваша?

«— Моя, сиротка.

— Подвернулся тутъ Андрей Николаичъ.

«— Идемъ, Като, идемъ. Дѣти, дѣти! Руками всѣхъ собираетъ.

— Кивнулъ мнѣ головой.—Здорово живешь, сосѣдушка?

— Самъ бѣжитъ, самъ кричитъ: «заходи, заходи... Сиротку Богъ не обидитъ»...

— Поклонилась я имъ вслѣдъ, поблагодарила за ласку, въ умѣ

своемъ положеніи, что надобно будетъ сходить. Обождала дня два, да послѣ-обѣда и собралась, Варичку съ собой взяла. Прихожу къ нимъ на дѣвичье крыльцо, прошу доложить господамъ; говорятъ: еще кушаютъ, подождите. Сѣла съ Варичкой въ дѣвичьей, съ нянькой тутъ кое о чемъ поговорили; слышу, встаютъ изъ-за обѣда. Дѣти бѣгутъ по корридору, забѣжали въ дѣвичью; я встала, поклонилась имъ, они это во всѣ глаза на меня посмотрѣли, да и бросились къ матери, стали ей, должно быть, по-французски говорить, что вотъ мы тамъ дожидаемся. Позвали насъ къ ней. Сидитъ она на диванѣ, поклонилась мнѣ. Я Варичкѣ говорю: «поди поцалуй ручку».

— Она ей дала руку, говоритъ:—здравствуй, здравствуй...

— Я стала отъ нея этакъ поодаль, Варичка ко мнѣ прижалась.

«— Садитесь, говоритъ.

— Сѣла я съ краюшка у двери; дѣвчонка-то моя отъ меня не отходитъ; ухватилась за меня, да и смотритъ на ихъ дѣтей; а они то придутъ, то уйдутъ. Посмотрятъ, побѣгутъ къ гувернанткѣ, тамъ ей говорятъ, говорятъ... Гувернантка придетъ, начнетъ Катеринѣ Ѳедоровнѣ со смѣхомъ что-то разсказывать, та ей тоже съ улыбкой отвѣчаетъ. Думаю себѣ, объ насъ говорятъ; ну, да Богъ съ ними! Гляжу, Андрей Николаичъ идетъ. Поклонилась я ему; онъ говоритъ: «не зналъ, не зналъ, да прибѣжали дѣти, сказали: посмотрите, какая у насъ гостья сидитъ! Какая, думаю, гостья? А это вотъ кто пожаловалъ!

— Стала я ихъ тутъ спрашивать о Михаилѣ Ѳедоровичѣ: какъ онъ въ своемъ здоровьѣ поправляется... что молю за него Бога, благодѣтель онъ мнѣ былъ, послѣ моего покойника, и что никогда меня не оставлялъ, что добродѣтель его я всегда помню. Андрей Николаичъ на это говоритъ:

«— Мы, матушка, тутъ гости, гости... У насъ тутъ всякая мука въ счетъ идетъ... Отчетъ, во всемъ отчетъ. Обузу взялъ, свое все пропадаетъ, надъ чужимъ сижу, трясусь... Благодѣтельствамъ конецъ теперь, конецъ!...

«— Я не къ тому это сказала, батюшка мой Андрей Николаичъ, говорю ему.—Я, по милости Бога и благодѣтеля, всѣмъ теперь довольна, все у меня есть, ни въ чемъ нужды не имѣю, живу слава-богу. Домишко мой на мой вѣкъ станетъ, землицы немного, да съ меня будетъ... Садикъ мужъ хорошъ оставилъ, съ него доходецъ небольшой получаю, такъ чего же мнѣ еще?»... Я это для того говорила, что въ душѣ моей всегда ихъ благо-

Digitized by Google

дѣяніи въ памяти... А просить мнѣ чего нибудь отъ вашей милости передъ Богомъ грѣхъ, да и передъ людьми совѣстно.

«— Грѣхъ, говоритъ Андрей Николаичъ:—конечно грѣхъ, еще бы этого всего мало! Ты, матушка, какъ тебя зовутъ не знаю...

«— Агафья Тихоновна, говорю.

«— Да, Агафья Тихоновна, ты богаче насъ съ Катѣ. У насъ вотъ, видишь — трое дѣтей, воспитаніе, матушка, воспитаніе чего одно требуетъ. А взять гдѣ? Что такое наше имѣніе съ женой? Нуль... Сыновьямъ нужно служить въ гвардіи, куда же больше? Имъ нѣтъ другаго мѣста. Анеточка, видишь, какая ростетъ? Вѣдь такія, матушка, въ губерніи не прокисаютъ, ей въ столицѣ блистать! Вотъ и разсуди, достанетъ ли тутъ состоянья. А вамъ что? Ты вѣкъ пожила прекрасно. Дочкѣ твоей что нужно? Грамота русская, такъ это что жь? За даромъ этому выучится. Значитъ, ты все копи да копи.

«— Копить-то, я говорю, гдѣ ужь, Андрей Николаичъ; слава тебѣ Господи, хоть концы съ концами сводишь. Конечно, ваше дѣло другое; вы люди большіе, намъ и думать нечего съ вами ровняться, а все-таки хотѣлось бы и свою дочку чему нибудь научить. Нынѣ, такъ какъ я—безграмотной не проживешь. Я, конечно, ничего не могу ей больше предоставить, а все-таки по крайности хоть порусскому, да счету научить. И этого-то здѣсь за деньги не сдѣлаешь. Къ рукодѣлью съ шести годочковъ стала ее пріучать. Она у меня и чулки вязать мастерица, и вышиваетъ по каленкору, хоть нехорошо, да я и сама на эту работу не очень исправна, потому что гдѣ же мнѣ было такую чистую работу работать... Вѣлье ее шить заставлять—мала, такъ все за бездѣльнымъ дѣломъ и сидитъ, а года-то идутъ, грамоту-то и не начинали. Купила на ярмаркѣ азбучку, все думала—попрошу отца Лаврентія»...

— Вдругъ мнѣ на это Катерина Ѳедоровна говоритъ: «Я благодѣтельствовать вамъ, какъ мой братъ, не могу, а доброе дѣло сдѣлать не прочь. Мои дѣти шутя выучатъ вашу дочку. Присылайте ее ко мнѣ; тутъ она у дѣвокъ и работамъ кстати поучится, все пригодится. Баловаться не будетъ, я и своихъ баловать не люблю, всегда стараюсь ихъ чѣмъ нибудь занять. Присылайте».

— Я встала, да въ ноги ей поклонилась, поймала ея руку да поцаловала.

«— Вы, говорю, мнѣ, сударыня, такое дѣлаете благодѣяніе, что я и во всю жизнь мою этого не забуду! И чѣмъ заслужить вамъ—

Digitized by Google

не знаю. Все что̀ прикажете, вѣчная ваша раба. Кланяйся, Варичка, въ ножки своей благодѣтельницѣ! Человѣкомъ тебя сдѣлать хотятъ... И чѣмъ это мы передъ Господомъ-Богомъ такую милость заслужили!»

— Не могла я тутъ отъ слезъ удержаться. Андрей Николаичъ тоже твердитъ:

«— Мы отъ добраго дѣла не прочь... Присылай, присылай, дорого не возьмемъ выучить! ха, ха, ха, покатывается. Взяточку, взяточку готовь!»

— Я отъ радости точно одурѣла.

«— Батюшка мой Андрей Николаичъ, говорю ему:—по силѣ моей возможности, всѣмъ служить рада!

— Онъ такъ и заливается, хохочетъ.

— Посидѣла я у нихъ еще немного, пошла домой, боялась ихъ безпокоить. Ухожу, а Катерина Ѳедоровна повторяетъ, чтобы я Варичку приводила. Такая-то я отъ нихъ пошла веселая, дорогой-то этой дурочкѣ толкую: «Вотъ, Варичка, учись, будь умница, сами господа за тебя взялись... Видишь, какъ грамотные-то умные люди живутъ, дѣтей своихъ въ чужія руки не отдаютъ... А я вотъ безграмотная, и пришлось людямъ кланяться, чтобы дѣтищу родному счастье предоставили... Смотри же, дитятко мое ненаглядное!»

— А она у меня знай одно: «Я, мама, боюсь...»

«— Чего, говорю, боишься, и, глупенькая: грамота не звѣрь, не кусается.»

— Пришла домой, да сейчасъ къ кумѣ-попадьѣ, радость ей свою объявить.

«— Дай-богъ, говорю, имъ здоровья. И вправду по лицу людей не узнаешь, и обласкали и добро сдѣлали.

— Въ добрый часъ, говоритъ, кума. А ты молебенъ отслужи, да свѣчку поставь, а съ понедѣльника ее и поведешь.

— Такъ это я все и сдѣлала. Помолившись Богу, одѣла, причесала дѣвочку, азбуку завернула ей въ платокъ, повела къ Башиловымъ. Ходитъ моя Варичка къ нимъ недѣлю-другую, цѣлые дни у нихъ сидитъ; я только Богу за нихъ молюсь, что сироту призрѣли. Отдала ее на ученье Катерина Ѳедоровна племянницѣ, говоритъ: «моей Анеточкѣ время совсѣмъ нѣтъ. Цѣлые дни сама все сидитъ за науками; я ужь рада, когда у нея въ рукахъ книжки не вижу. А вотъ Лидія Михайловна такъ перебалована, лѣнива. Ей самой въ пользу пойдетъ съ вашей дѣвочкой заниматься». Ну

Digitized by Google

ужь, думаю себѣ, это ваше дѣло, тамъ кому хотите ее отдавайте. Придетъ домой, спрашиваю ее: понимаетъ ли науку-то?

«— Скоро ли ее, говоритъ, поймешь...

«— Ты, говорю, не лѣнись, старайся, не гнѣви ихъ. Мы люди маленькіе, нетолько что господамъ, и горничнымъ подъ часъ уважить должны. Что же дѣлать, коли Господь-Богъ такъ поставилъ?

— Слушаетъ, бывало, меня, слушаетъ, «маминька, скажетъ: ты бы мнѣ чего поѣсть дала... Я вѣдь цѣлый день не ѣвши... за столъ не сажаютъ, а чего сносятъ — не даютъ, а просить сама не станешь!

— Бывало, говоритъ, а у самой слезы капаютъ.

— Что, обратилась Агафья Тихоновна къ дочери:—не забыла, какъ въ богатыхъ хоромахъ съ голоду было-померла?

— Будетъ вамъ, маменька, сказала Варя, еще ближе наклонившись къ пяльцамъ.

— Чего будетъ-то, продолжала Агафья Тихоновна, засмѣявшись:—чего же тутъ молчать-то? Тутъ вѣдь нѣтъ никакого порока, что ребёнокъ ѣсть захотѣлъ. И большому доведись день-другой не поѣсть, и онъ голосомъ завоетъ... Накормлю ее, батюшка Сергѣй Владимірычъ, чѣмъ богъ-послалъ. У матери для своего дѣтища всегда хоть корка найдется; самъ не съѣшь — ребёнку отдашь. Сама, бывало, ее кормлю, а сама все причитываю: «объ ѣдѣ-то, дурочка, плакать нечего; вотъ коли чего не понимаешь—объ томъ плачь...

— Дамъ ей часокъ погулять, а тамъ опять за книжку посажу.

«— Тверди, говорю, что тамъ показано.

— Разъ, какъ-то, Катерина Ѳедоровна приказываетъ мнѣ съ Варичкой придти къ ней съ утра. Повела я ее сама. Прихожу, застаю Катерину Ѳедоровну въ кладовой, сундуки передъ ней раскрыты, набиты полотномъ, видимо-невидимо, все, значитъ, та гувернантка для Лидочки клала. Катерина Ѳедоровна сидитъ, отбираетъ самые тонкіе, съ дѣвушкой ихъ размѣряетъ.

«— Здравствуйте, говоритъ, я за вами послала... Вы говорили, бѣлье умѣете шить? Вотъ не возьметесь ли, мнѣ тутъ нужно кое-что подѣлать? Чужихъ людей на себя работать не хочу заставлять, а съ вами сочтемся...

— А у нихъ въ ту пору изъ дворни довольно-таки народу повыбыло. Житье имъ пошло плохое, лучшія швеи да мастерицы жить не захотѣли, откупились на волю, родные помогли, а кто на оброкъ пошелъ.

Digitized by Google

«— Съ великимъ моимъ, говорю, удовольствіемъ за счастье себѣ почту вамъ работать, чѣмъ нибудь вамъ за ваши благодѣянія угодить.

«— Спасибо, говоритъ; такъ мы вотъ тутъ покроимъ, а ужь вы сшейте. Да теперь вечера дѣлаются длинные; что же вашей дѣвочкѣ ничего не дѣлать? Я велѣла нитокъ размотать, дамъ вамъ чулокъ на мѣрку, вы и ей начните. Она трудиться будетъ не даромъ.

«— И, Богъ съ вами, говорю, благодѣтельница вы наша! Какихъ же ей еще отъ васъ милостей надо? Ваша работа намъ нисколько не въ отягощенье, только пожалуйте.

— Набрала у нея, Сергѣй Владимірычъ, цѣлый узелъ, притащила домой. Чуть зорька, а я ужь на ногахъ; справимся кое-какъ съ своимъ домашнимъ дѣломъ, да и за иголку. Бывало, сидишь день-то весь, да вечеръ, шьешь, всю спину разломитъ. Хочется-хочется прилечь отдохнуть, нѣтъ—удержишься: думаешь, какъ поскорѣе да усерднѣе сдѣлаешь, такъ и они, можетъ, къ ребёнку усерднѣе будутъ. Прошелъ мѣсяцъ-другой; «что, говорю, Варичка, ты бы мнѣ чего въ книжкѣ почитала?

«— Гдѣ же, говоритъ, маменька: я только тройные склады прохожу.

«— Что такъ это у васъ долго? вонъ, ужь у попа давно читаютъ по складамъ. Ты, вѣрно, тамъ шалишь! Вотъ я сама ходить стану къ Катеринѣ Ѳедоровнѣ, погляжу, что ты тамъ дѣлаешь. Смотри, Варя, спуска не дамъ!

— Дѣвка моя въ слёзы.

«— Какъ же мнѣ, говоритъ, маменька, еще учиться? что велятъ, то дѣлаю; я развѣ виновата, коли мнѣ такъ показываютъ. Что же, учишься-то всего одинъ часъ, а то все сидишь за пяльцами. Я въ эти два мѣсяца никакъ аршинъ десять Катеринѣ Ѳедоровнѣ прошивокъ нашила!

— Нечего дѣлать; браню-браню ее, да замолчу.

— Нѣтъ, думаю себѣ; пойду я, посмотрю, какъ у нихъ дѣла идутъ. Какъ это такъ, Господи Боже мой, крестьянскіе ребята азбуку понимаютъ... Неужто ужь она у меня такая безтолковая! Зло меня на нее разбирало. Пришла я однажды къ Катеринѣ Ѳедоровнѣ; сорочки покончила, ей принесла. Посидѣла, да и говорю: «Позвольте мнѣ, матушка, послушать, какъ моя Варичка учится»...

«— Что жь, идите, она тамъ у Лидіи въ комнатѣ.

— Подошла я тихонько къ двери; слышу, Варя моя склады такъ-

Digitized by Google

то имѣлитъ! Я дверь немножко отворила, да на цыпочкахъ вошла, чтобы не мѣшать имъ. Гляжу, Лидія Михайловна сидитъ у окна, уткнувши голову въ стекло, а Варя отъ нея на концѣ комнаты у стола. Какъ услыхала Лидія Михайловна, что кто-то вошелъ въ комнату, вскочила, увидала меня, поклонилась.

«— Здравствуйте, говорю ей, барышня; вотъ, пришла посмотрѣть, что моя дочка дѣлаетъ.

«— Учится. Сама сѣла опять къ окну.

«— Да какъ она у васъ, мой ангелъ, учится-то?

«— Какъ умѣю, такъ и учу...

«— Да вы-то, говорю, умѣете, моя красавица, она-то понятна ли?

— Она мнѣ ничего на это не отвѣчаетъ, сидитъ, да изподлобья на башмаки свои поглядываетъ. Я тоже стою, на нее гляжу. Совсѣмъ перемѣнилась, и узнать-то ее почти нельзя. Волосы на двѣ косы заплетены, платье старенькое, голубое пол-терна мытое, изъ Анеточкинаго перешито. Лицо какъ-то пожелтѣло, подъ глазами черно... А глазами прямо не глядитъ, какъ-то въ сторону, либо опуститъ ихъ. Посмотрѣла я на нее, вздохнула, да и говорю:

«— Спасибо вамъ, мой ангелъ барышня, что вы сиротку не оставляете, за это васъ самъ Богъ не оставитъ... Что, по папинькѣ скучаете?

— Она молчитъ.

«— Письма онъ вамъ часто присылаетъ? спрашиваю ее.

«— Рѣдко, говоритъ. Сама опять въ окно уткнулась.

— Я постояла еще, да и говорю:

«— Ну, прощайте, барышня, покорно васъ благодарю. А ты, Варичка, барышню слушай, понимай. Пошла я къ дверямъ, Лидія Михайловна говоритъ Варѣ: «читай!» Постояла я еще у дверей, притворила ихъ, да и пошла къ Катеринѣ Ѳедоровнѣ. Сѣла у окна, работаю, на нихъ посматриваю. Они собрались всѣ вмѣстѣ. Анеточка, такая разодѣтая, съ книжкой. Посмотрѣла на меня, отвернулась. Она со мной никогда двухъ словъ не сказала. Я, бывало, по глупости своей, думаю тоже велика ли! Подойду такъ, книжечку ея, либо платьице ея возьму въ руки, посмотрю, похвалю, она на меня покосится, такъ отъ нея и уйду.

— То-есть гордости въ этомъ ребёнкѣ, и не приведи Богъ сколько было напихано. Ужь нетолько что со мной, она и въ домѣ-то передъ всѣми носъ поднимала. Куда тебѣ — и не узнаешь, бывало, та ли эта Анеточка, что у Лидіи Михайловны чуть-ли не ручки цаловала! Нынѣ на нее и не глядитъ; станетъ съ ней

Digitized by Google

говоритъ, такъ все съ какими-то ужимками, либо нехотя. Приласкаться—никогда! Да я, признаться сказать, никогда не видала, чтобы Лидію Михайловну кто-нибудь изъ нихъ ласкалъ. Мальчишки ее эти, за угломъ куда подчасъ обнимали. Варя, бывало, поразскажетъ: все ее рыжей англичанкой дразнятъ. Ученьемъ ея никогда гувернантка не бывала довольна, рѣдко когда на нее жалобъ Катеринѣ Ѳедоровнѣ не приносила, все ей Лизаветой Осиповной глаза кололи; каждый ея шагъ судили. И взойдетъ-то не такъ, и сядетъ неловко, и говоритъ-то, что никто ничего понять не можетъ. Гувернантка-хитрячка, такъ Анету во всемъ на видъ выставляла. Катерина Ѳедоровна съ ней была первый другъ; ужь несмотря на то, что была жадна, какъ жидъ какой, прости меня Господи! все-таки дѣлала ей подарки. Придетъ къ нимъ Лидія Михайловна, возьметъ работу, сядетъ въ сторонкѣ, словечка не промолвитъ, словно, право, чужая. Андрей Николаичъ взойдетъ, пыхтитъ. Умоясь, говоритъ: госпожи нашей Лидіи Михайловны доходы повѣрялъ. Что, матушка, молчите? Станетъ къ ней приставать. Чѣмъ недовольны? Обидѣли васъ тутъ, что-ли?

— Она вся покраснѣетъ, все молчитъ.

«— Перестань, скажетъ Катерина Ѳедоровна:—ты видишь, что тутъ ни шутокъ, ничего не понимаютъ... Пора, кажется, привыкнуть. Ужь годъ живемъ вмѣстѣ. Есть ли тутъ къ кому-нибудь любовь? Есть ли тутъ къ чему-нибудь привязанность? Машина!... пошла, пришла, сѣла... Не знаю, что изъ этого будетъ дальше.

— Тутъ начнетъ гувернантка ей говорить по своему, да обѣ, одна за одной. Анеточка черезъ книгу на нее посматриваетъ. Андрей Николаичъ заложитъ руки въ карманы, плечи подниметъ, ходитъ по комнатѣ; а Лидія Михайловна ни словечка, только ужь такъ покраснѣетъ, что даже уши загорятся. Я сижу, на нихъ смотрю, даже жаль ее станетъ, встану, уйду въ рабочую, гдѣ моя Варя за пяльцами сидѣла. Нянька Лидіи Михайловны сидитъ, чулокъ вяжетъ, а у самой лицо въ пятны пошло, въ голосъ ихъ просто ругаетъ.

«— Господи, говоритъ, и какія это, прости Господи, баринъ нашъ поѣхалъ лихія болѣсти лечить! Отдалъ ребенка на мытарство. Всю-то ее разули-раздѣли, козу свою вырядили... Съ голоду просто поморили, да еще цѣлый день ништъ. Какіе это родные; весь бѣлый свѣтъ пройди, такихъ не найдешь. Про нихъ, что-ли, сундуки-то наготовили? Все забрала до послѣдней ниточки, рѣжетъ, крамсаетъ, знать ничего не хочетъ! Башмаки ре-

Digitized by Google

бенокъ износилъ, донашивай Аниточкины!... Да что она, холопка, что-ли, барскіе обноски носить? А ей всѣ новые повытаскали, да на свою надѣли, платья всѣ лучшія своей перешили!... Спихнули Лизавету Осиповну со двора, давай все изъ дома тащить! Чего-чего они въ свое это поганое Куркино ни перевезли! Воза ломятся! Что корней изъ сада повырыли, всѣ поля нашимъ зерномъ обсѣяли... А изъ кладовой-то? И самовары, и лампы, и подсвѣчники, и холсты-то, и нитки, и сукно, дворню свою голую обшивать... А наши вонъ-стали съ продранными локтями ходить... Да что это за срамъ такой! Какіе это господа, ненасытные какіе-то! Прежде, бывало, пріѣдетъ, проситъ, дай ему мѣшечковъ зерна насыпать, старостѣ показать, видишь выдѣлка у нихъ дурна; а тутъ и горохъ, и крупа и мука—все въ отличномъ видѣ, навезетъ всего этого домой, да сидитъ корится, а вотъ теперь норовитъ всякаго обобрать... Курица на дворѣ понравилась—неси ее въ праздникъ на поклонъ; мужикъ провинился—нѣтъ чтобы по справедливости взыскать, онъ съ него телушку либо овцу тащитъ!... Да что это, мои батюшки, просто грабежъ, отъ роду моего этого не видала, шестьдесятъ лѣтъ прожила, людямъ въ глаза стыдно посмотрѣть. Всякій говоритъ, Заразовскимъ господамъ не клади плохо. Когда это было, чтобы наши Заразовскіе господа такую объ себѣ черноту пускали!»...

— Какъ она ужь очень расходится, я оттуда поскорѣе бѣжать—боюсь услышатъ, скажутъ: вотъ сидитъ тутъ, насъ ругаетъ, а она за наши благодѣянія только слушаетъ. И не знаешь, что и дѣлать. Хочется съ Варей посидѣть, нельзя; душа просто дрожитъ; войдешь опять къ нимъ, а тамъ никто съ тобой не говоритъ. Такая-то скука, даже дремота одолѣетъ. Работаешь-работаешь, да подчасъ и носомъ клюнешься. Сейчасъ это дѣти замѣтятъ и на смѣхъ поднимутъ. Андрей Николаичъ во все горло загрохочетъ. «Что, сосѣдушка, во снѣ видишь?»

«— Встала-то, говорю до зари, оттого и дремлется.

— Такъ, батюшка мой Сергѣй Владимірычъ, и годъ сровнялся, я почти все за чужой работой просидѣла. А Варвара моя въ этотъ годъ, съ запинками да припинками только-только читать выучилась. Ужь на что я, непонимающій человѣкъ, и то, бывало, такъ въ спину и хочется толкнуть, чтобы она слова-то поскорѣе выпускала. Ну, думаю себѣ, и за это слава тебѣ Господи; можетъ, съ весной-то лучше будетъ. А весной-то и случись такой грѣхъ! Должно быть, въ исходѣ мая, пошла Варя, по обыкновe-

нію, къ Башиловымъ, а я, убравшись, взяла скамеечку да сѣла въ саду подъ яблонками. День-то просто благодать! Все въ цвѣту, запахъ такой, словно медъ глотаешь. Сижу себѣ, работаю, слышу, Варя меня въ сѣняхъ кличетъ.

«— Здѣсь, говорю ей. Ты чего пришла?

«— Маминька, скажи царство небесное: Михаилъ Ѳедорычъ померъ.

— Такъ я испугалась, руки просто опустились. Перекрестилась, да и говорю: «помяни его, Господи, во царствіи твоемъ. Отъ кого слышала?

«— Какъ же, говоритъ. Дѣти всѣ учились, Катерина Ѳедоровна тутъ же ходила, а Андрей Николаичъ въ полѣ былъ. На дорогѣ съ нимъ встрѣтился кучеръ изъ города, съ почты письмо привезъ. Какъ подалъ ему, Андрей Николаичъ распечаталъ, началъ читать, а самъ ну креститься, да такъ скоро-скоро побѣжалъ. Кучеръ сказывалъ: гляжу на него, а у самого сердце упало.

— Андрей Николаичъ прибѣжалъ, бросилъ шапку въ лакейской, да черезъ корридоръ къ дѣтямъ въ учебную, письмо держитъ въ рукахъ. «Гдѣ, говоритъ мать, а? Гдѣ?» Увидалъ ее. «Молись, говоритъ, мой другъ, нѣтъ его больше на свѣтѣ, нѣтъ!»

— Лидія Михайловна сейчасъ это поняла, съ неожиданности замертво покатилась! Нянька бросилась на нее, подняла, положила на постель, такъ надъ ней воетъ. Дѣвки всѣ работы побросали, всѣ надъ ней столпились, плачутъ... Такой-то у нихъ въ домѣ теперь плачъ, причитанье!... Я пяльцы закрыла да и убѣжала.

— Поди ты, поди ты, горе какое! Вотъ и чужіе края не помогли! Пойду, сердце не терпитъ, посмотрю, что съ сиротой дѣлается. Покрылась платкомъ, прихожу къ нимъ во дворъ. Приказчикъ изъ дома выходитъ, утирается.

«— Здравствуйте, говорю, батюшка Иванъ Демьянычъ, услыхала о вашемъ горѣ, прибѣжала. Благодѣтель нашъ»... Да такъ ужъ и договорить не могла.

— Онъ въ платокъ уткнулся, рыдаетъ. Говоритъ: «посѣтилъ насъ Господь, Агафья Тихоновна!»

«— Кто пишетъ-то? спрашиваю его.

«— Камердинеръ... Да вы зайдите, Агафья Тихоновна, во мнѣ во флигель, въ домѣ-то теперь не до васъ»...

— Вошла я къ нему. Жена его меня встрѣчаетъ, поцаловалась я съ ней, она такъ голосомъ завыла.

Digitized by Google

«— На кого, говоритъ, насъ кормилецъ нашъ оставилъ! Куда мы теперь горькіе дѣнемся... Жили прежде въ покоѣ, въ радости, что̀ теперь-то намъ будетъ!...

— Иванъ Демьянычъ ходитъ, только головой потряхиваетъ.

«— Иванъ Демьянычъ, говорю я ему:—гдѣ они скончались-то?

«— Въ нѣмецкомъ городѣ. Пишетъ лакей; велѣли ему доктора водѣ какія-то пить; онъ ихъ пилъ, легче ему не дѣлалось; они его еще куда-то послали, и тамъ лечился, все пользы нѣтъ никакой; отправили-было они его еще, поѣхалъ, да въ городѣ какомъ-то заболѣлъ и ѣхать не могъ, тутъ и жизнь покончилъ. Совсѣмъ теперь Андрей Николаичъ нашимъ господиномъ сталъ.

«— Васъ-то, мой батюшка, говорю ему:—въ духовной помѣстилъ, что-ли?

«— Царство ему небесное, ни объ комъ ничего не сказалъ, и заслуги наши всѣ даромъ пропали; все отдалъ въ руки Башиловыхъ; какъ хотятъ, такъ и дѣлаютъ! Нужно, значитъ, ждать теперь милостей отъ барышни...

«— Подкрѣпи ее-то Господи, говорю; чай, я думаю, она безъ памяти, моя голубушка?

«— Будешь, матушка, безъ памяти, какъ поддержки никакой не осталось. Что̀ толковать, нынче родные хуже чужихъ стали... Сами видите, не за горами примѣровъ искать...

«— Хочется мнѣ въ комнаты пройти, посмотрѣть на нее, мою горькую.

«— Идите, коли хотите. Тамъ, говоритъ, душа не выдержитъ.

— Взошла я на заднее крыльцо, прошла въ дѣвичью; тамъ дѣвки собрались въ кучку, плачутъ, шепчутся, другіе суетятся, кто съ водой, кто съ уксусомъ. Я подошла къ нимъ, спрашиваю: что̀ съ барышней, что-ли, дурнота-то?

— Сама, говорятъ, Башилиха съ радости убивается.

— Я на цыпочкахъ подошла къ ея комнатѣ, двери настежъ, я остановилась. Смотрю, Катерина Ѳедоровна лежитъ на кровати, Андрей Николаичъ ей ноги третъ, гувернантка съ Анеточкой ей уксусомъ голову поливаютъ, а она сама дикими такими глазами на всѣхъ поводитъ, и вдругъ какъ завизжитъ, такъ, батюшка, что меня даже всю морозомъ обхватило. Андрей Николаичъ вскочилъ, бросился въ двери, сшибъ-было меня съ ногъ. Бѣжитъ, кричитъ, поѣхали-ли за докторомъ.

— Я вышла оттуда, спрашиваю: гдѣ же Лидія Михайловна?

«— У себя въ комнатѣ, съ нянькой.

Digitized by Google

«— Можно туда пройти?

«— Отчего же? идите. Хоть чужой кто провѣдаетъ, свои-то всѣ отступились.

— Пошла я къ ней, отворила дверь, кроватка ея за ширмочками стояла. Слышу, онѣ тамъ; подошла потихонько, заглянула, да такъ сама слезами и залилась.

— Нянька сидитъ на постели, а Лидія Михайловна у нея на колѣнахъ; обнялись-то онѣ такъ крѣпко... что Господи-Боже мой, до сихъ поръ я этого забыть не могу! Вотъ ужь подлинно круглой сиротой осталась.

— Я вамъ этого какъ-то и разсказать не съумѣю... Видала я сиротъ, и свои оставались, да все какъ-то кругомъ ихъ добрые люди приступались; хоть такой же бѣднякъ, хоть помощи никакой не могъ принесть, все хоть поплачетъ-то вмѣстѣ, ласковое слово въ горѣ скажетъ! А эта, моя голубушка, одна-одинешенька. Ухватилась за свою старуху, такъ, кажется, ее не оторвешь.

— И правду русская пословица говоритъ: черезъ золото слезы льются. Погибла черезъ свое богатство! Ужь гдѣ эта проклятая деньга заведется, около нея всегда, прости меня Господи, сатана хвостомъ виляетъ!

— Сѣла я тутъ подлѣ нихъ. Лидія Михайловна и глазокъ не открываетъ. Нянька посмотрѣла на меня, покачала головой такъ-то горько, что всякой бы понялъ, какъ имъ легко было. Пробыла я съ ними тутъ до вечера и дѣвчонку свою дома позабыла. Нянька уложила Лидію Михайловну въ постель. Андрей Николаичъ пришелъ къ ней съ докторомъ. Посмотрѣли на нее. Андрей Николаичъ говоритъ: «ничего... съ ней ничего». Ушли. Нянька разливается, плачетъ!

«— Съ нами, говоритъ, все ничего, мы отъ всего оттерпимся. Господи-Боже мой, что-то съ этимъ ребёнкомъ будетъ? Какія она еще мытарства перенесетъ! Нѣтъ-то защиты ни въ комъ на цѣломъ бѣломъ свѣтѣ; одна-то я старая, и ту теперь куда хотятъ, туда сихнутъ! До чего еще моя сѣдая голова доживетъ!

«— Что, говорю, вы ужь такъ убиваетесь, матушка Прасковья Семеновна? Вѣдь не чужіе же они ей, все и кусокъ у нея свой остался, не на ихнемъ же она хлѣбѣ будетъ жить.

«— Обожрутъ они ее, матушка, всю, всю обожрутъ!... Чего же они у нея въ этотъ годъ-то ни потаскали? Вѣдь мы развѣ не видимъ. Гдѣ же ей на нихъ суда-то искать? все въ ихъ алчныя руки покойникъ отдалъ... А теперь-то какъ опекуномъ сядетъ,

Digitized by Google

такъ ни кола ни двора не оставитъ; развѣ мы этихъ примѣровъ не видали, развѣ мало по міру отъ этихъ опекуновъ-то пошло?... Покойницъ человѣка, что ли, надъ ребёнкомъ своимъ да надъ добромъ поставилъ? Вора голоногаго, въ чужихъ штанахъ вѣнчался... Такъ развѣ такой человѣкъ пожалѣетъ? А она-то что? Ей у насъ не учиться наживаться. Старую дѣвку спихнулъ баринъ съ рукъ. Кто бы ее взялъ-то съ ея двадцатью душами? Нашъ же наградилъ, прикупилъ ей сто душъ, а она все, бывало, у насъ кожитъ... Какое, бывало, наша барыня захочетъ платье дѣвкѣ подарить, такъ она и то выпроситъ. Когда въ нихъ какое благородство было! А теперь и спрашивать не у кого; бери только знай, а тамъ отписывайся, что на нее потратили... И на грѣхъ только этотъ ребёнокъ родился, лучше бы я ее съ другими похоронила!

«— Что вы, Прасковья Семеновна! все во власти божьей; ужь не такіе они злые, все хоть сколько нибудь Бога побоятся!

«— Матушка, матушка Агафья Тихоновна, куда ты, не во гнѣвъ твоему дворянству, проста-то! Гдѣ же ты это ихъ добро-то видишь? Что они тебя въ гостиной сажаютъ, да опивку тебѣ чая дадутъ... Эхъ, бѣдность, она это добротой называетъ! Скажешь, дѣвчонку твою сюда каждый день водятъ, грамоту учить? Такъ она наровнѣ съ нашей Лушкой въ дѣвичьей въ пяльцахъ-то, твоей милосердой Катеринѣ Ѳедоровнѣ шьетъ, да и у самой-то у тебя никакъ ужь на пальцѣ вся кожа исшита... А спасибо много ты отъ нея видѣла? два рваныхъ платьишка тебѣ бросили, которыми порядочная баба полъ подотретъ... Полно ужь говорить-то. Благодарна ты имъ, ну и молчи, а насъ успокоивать нечего».

— Выслушала я это отъ нея, Сергѣй Владимірычъ; что дѣлать—смолчала. Вѣдь этотъ народъ въ барскихъ домахъ хуже самихъ господъ съ нами обращается. Какъ ты имъ ни потрафляй, они все найдутъ, чѣмъ тебя уколоть. Ужь я ли, кажется, съ ними была не ласкова, особливо за дѣвочку свою, каждому, бывало, въ глаза глядѣла — нѣтъ, мой батюшка, этотъ народъ ничѣмъ не привяжешь! Идешь, бывало, такъ мимо ушей пропускаешь, что тебѣ вслѣдъ-то говорятъ... Такъ тебѣ насмѣшки и подпускаютъ, за то, что господа обласкали. А я, бывало, думаю себѣ: плевать на васъ, я отъ Катерины Ѳедоровны зла не вижу, добро она моей дѣвочкѣ дѣлаетъ, и я ей служу, чѣмъ могу. Какія еще тутъ обиды, что они со мной не говорятъ, сами сядутъ за столъ меня

Digitized by Google

не позовутъ, Богъ съ ними; я знаю, человѣкъ я необразованный. То-то дура была; лѣзла сама, не знала куда! Ну-съ, батюшка мой, погоревала-погоревала я съ ними тогда, пришла домой, говорю: «Варичка, къ Башиловымъ погоди ходить, имъ теперь не до тебя. Гдѣ Лидіи Михайловнѣ при горести своей съ тобой возиться? сиди дома. Напомнятъ хорошо, а не напомнятъ — такъ, стало-быть, тому и быть. Сама тоже къ нимъ нейду. Чего тамъ, думаю, сидѣть, глазами хлопать, какое я имъ утѣшеніе скажу? Такъ только въ церкви видались, служба у насъ была заказная, и то Катерина Ѳедоровна не замѣчаетъ. Въ такую горесть далась, не проходило того раза, чтобы съ ней дурноты не дѣлались, просто всему народу на удивленье. Бывало, межь собой толкуютъ: вотъ убивается-то сестра! куда иротивъ дочери... А у насъ, батюшка, въ простомъ народѣ, кто объ своемъ родномъ голосомъ не воетъ, тотъ ужь, должно быть, и не жалѣетъ. Помянули они его шесть недѣль, Андрей Николаичъ уѣхалъ въ городъ, опеку принимать, да духовную предъявлять. Оставалась Катерина Ѳедоровна одна. Пошла я къ ней относить работу, дошивала еще кое-что; она мнѣ и говоритъ:

«— Что же ваша Варинька не ходитъ?

— Я ей въ отвѣтъ:—да потому не посылаю, что въ такое время боялась васъ безпокоить, до нея ли теперь Лидіи Михайловнѣ!

«— Что же такое? Вѣдь это не танцамъ учить, тутъ-то отца и помянуть добрымъ дѣломъ.

«— Да оно, конечно, говорю, доброе дѣло, да какъ на умѣ другое, такъ это, можетъ, имъ въ отягощенье.

«— Вотъ, вздоръ какой! Что ужь горе, такъ и сидѣть сложа руки, да она и безъ горя ничего не дѣлала. Горе, матушка, должно быть въ душѣ. Я побольше ея огорчена потерею моего единственнаго, незабвеннаго друга, брата; да вотъ видите? Дѣлаю, тружусь, забочусь объ ней, и она должна дѣлать что-нибудь. Присылайте, присылайте. Нечего ей сидѣть дома, забывать. За работу спасибо, сочтемся. Я вотъ вамъ еще тутъ приготовила такъ, кое-какія бездѣлицы... А въ счетѣ у себя запишу, что я вамъ должна.

«— И, что вы, говорю, Катерина Ѳедоровна, обижаете меня, какіе счеты! Я и такъ много вашими ласками довольна, сироту не оставляете; какой же мнѣ еще милости надо? Васъ Господь наградитъ за вашу добродѣтель.

— Стала мнѣ Катерина Ѳедоровна жаловаться на свое здоровье.

Digitized by Google

«Заботы, говорятъ, меня изнуряютъ. Такое головокруженіе, боюсь умереть... Да и потеря эта меня сразила! Докторъ здѣсь плохой, надобно бы полечиться, своихъ средствъ нѣтъ... Ходить, говорятъ, больше надо; куда ужь ходить, ноги не носятъ! Дождусь Андрея Николаича, пойду гулять — къ вамъ приду.

«— За великое почту счастье, пожалуйте, истинный будетъ праздникъ. Въ садикъ мой съ дѣтками пожалуйте погулять.

«— Приду, говоритъ, непремѣнно приду. Такая тоска; не знаю, гдѣ и разсѣяться.

— Прихожу домой; говорю, вотъ этой-то моей черномазой: «велѣла тебѣ Катерина Ѳедоровна приходить къ нимъ опять. Пускай ее, говоритъ, учится, нечего ей дома дѣлать, забывать науку.» А она у меня, батюшка Сергѣй Владиміричъ, въ слёзы!

«— И какая это, говоритъ, наука—мука только одна! Видно тебѣ, маменька, меня не жаль, что ты меня къ нимъ отпускаешь; видно, я у тебя нелюбимая осталась!

«— Дурочка ты, дурочка, говорю я ей:—не твоего-ли я добра хочу. Ты вѣдь посмотри, нынѣче ужь послѣдній дрянной мужичишка и тотъ свое дѣтище учитъ. Что же ты у меня безграмотная-то останешься; да кто тебя за себя возьметъ? Нынѣ ужь не старые порядки...

— А она мнѣ въ отвѣтъ:

«— Насмѣшки только однѣ терпишь отъ этихъ чертенятъ Андрея Николаича. Придетъ, который за платокъ дернетъ, другой говоритъ: барышня-свинопаска... Одинъ возьметъ меня за голову, другой Лушку, толкнутъ насъ лбами да и убѣгутъ. Я говорю: вашему папенькѣ съ маменькой пожалуюсь... Они говорятъ: «попробуй-ка? Такого кулака получишь, въ другой разъ не скажешь!» Что въ день однихъ концовъ въ кухню сдѣлаешь по приказанью Катерины Ѳедоровны, какъ холопка ея служишь, да и отъ людей-то тоже, только развѣ щелчковъ не получаешь.

«— Ну, наплевать на нихъ, а все-таки твоя польза у нихъ есть.

«— Какая, говоритъ, польза? Коли бы отучился да домой пришелъ, нѣтъ—садись, спину для нихъ гни...

«— Нехорошо, говорю, Варичка; нужно быть благодарной. Деньгами мы имъ не платимъ, нужно чѣмъ нибудь заслужить.

«— Имъ никогда ничѣмъ не заслужишь; они только, знай, подкладываютъ... Самимъ на себя рубашки некогда зашить, у самой всѣ пятки въ чулкахъ провалились, а имъ все вяжи да вяжи...

Digitized by Google

«— Молчи, говорю ей. Мать знаетъ, что дѣлаетъ... Видишь, принялась разговаривать? Ума-то въ головѣ на горошину нѣтъ, а тоже чужія слова повторяетъ, у дѣвокъ-то наслушалась... Ты хоть съ ними и сидишь, а все должна помнить, что благородная, а не ихъ мужицкія рѣчи слушать. Башиловскія дѣти богатыя, имъ повѣсничать можно; на нихъ, видишь, сколько рукъ работаетъ; а тебѣ повѣсничать нельзя; ты, вотъ какъ ни вертись—одна; такъ благо есть гдѣ уму-разуму поучиться, а щелчки-то заживутъ, обижаться ими нечего... Они намъ честь дѣлаютъ, придти хотятъ, вниманіе показываютъ; гдѣ намъ маленькимъ людямъ въ амбицію лѣзть! мы должны имъ уважать, какая ужь тутъ гордость.

— Толковала я ей толковала, выплакала-таки она у меня, чтобы я еще хоть немножечко обождала къ Башиловымъ ее посылать. Гляжу — денька черезъ три, они всей гурьбой идутъ ко мнѣ, Андрей Николаевичъ, ну всѣ, всѣ. День былъ просто рай. Вечеромъ они часовъ въ шесть пришли. Я выскочила на крыльцо, прошу ихъ покорно взойти въ комнату.

— А ужь у меня, не въ похвальбу сказать, въ залѣ всегда чисто. Взошли они. Я сейчасъ Катерину Ѳедоровну прошу на диванъ, Андрея Николаича тоже. А онъ куда тебѣ, и не садится, такъ по комнатѣ и суетится.

«— Видишь, видишь, говоритъ, Като, какъ сосѣдушка наша поживаетъ? Славно, славно, чего же еще?... Перегородочка...

— Сунулся туда; за нимъ дѣти.

«— Кровать, а, Като, кровать... Сундукъ... Небось, сосѣдка добра много-наколотила, а? Самъ по спинѣ меня колотитъ.

«— А тутъ что? Сѣни?

— Полетѣлъ въ сѣни, за нимъ дѣти, и гувернантка не отстаетъ. Я среди комнаты верчусь, не успѣваю оглядываться, только тверзу: «прошу покорно», а они такъ мимо меня и шмыгнутъ!

— А Варька вотъ эта дрянная, забилась на свѣтелку да и сидитъ тамъ, ничѣмъ ее оттуда не вытащишь!

— Обшарили они у меня весь дворъ, въ кадушки-то вездѣ заглянули; я ужь не знаю, гдѣ ихъ и искать. Слышу—они въ саду. Андрей Николаичъ кричитъ: «Като, иди сюда; чего вы въ комнатѣ забились?... У сосѣдки ягодъ много»...

— Я иду къ нимъ съ Катериной Ѳедоровной. Говорю: «кушайте, прошу покорно»... А они и безъ того всѣ по кустамъ разсыпались. И Катерина Ѳедоровна моя къ малинѣ поплыла.

Digitized by Google

— Я бросилась отъ нихъ на свѣтелку. Грѣшный человѣкъ, Варю больно тогда за косы оттаскала. «Пошла, говорю, въ садъ къ господамъ, малины набери... У меня вѣдь не четыре руки, сливокъ подать надо, самоваръ согрѣть».

— Всплакнула моя дѣвка, пошла. А они-то, Боже мой, въ саду; вѣрьте, Сергѣй Владимірычъ, даже пусты трещатъ! Дивилась я, не потому чтобы мнѣ жаль чего было—жалѣть-то нечего, воробьи же вѣдь оклевываютъ; но ужь этакой жадности, мой батюшка, и не видывала! Точно будто они сроду не ѣдали—такъ зубами и трещатъ, безъ разбора, и спѣлую и неспѣлую! Яблонка у меня есть скороспѣлочка, такъ Андрей Николаичъ ее почти-что всю обтресъ. Самъ трясетъ, самъ приговариваетъ: «сосѣдка не прогнѣвается, что гости въ кои-то вѣки пришли и яблочекъ поѣли!»

«— На здоровье батюшка, кушайте... Дѣточки, извольте взять гостинчику, дома полакомитесь».

— Такъ эта гувернантка да Анета, вѣрьте, въ фартуки больше, чѣмъ по десятку положили; а сыновья-то и въ карманы, и въ платки, ну такъ-таки безъ всякой совѣсти. Катеринѣ Ѳедоровнѣ я отобрала самыхъ лучшенькихъ въ корзиночку; была у меня такая хорошенькая, такъ я ей и поклонилась—не отдали. Бывало, вижу ее, либо въ ней клубки какіе, либо что другое положено, взять какъ-то самой совѣстно, а они не отдаютъ, такъ у нихъ и осталась. Часа съ два они у меня пробыли; угостила я ихъ только какъ могла, и чѣмъ Богъ мнѣ послалъ. Пошла провожать ихъ до дома. Андрей Николаичъ дорогой все это мое заведеньице выхваляетъ. А я вѣдь, батюшка, дура. У меня вѣдь что на языкѣ-то держится? Нѣтъ — ничего; я ему и скажи: «посовѣтуйте мнѣ, батюшка Андрей Николаичъ, есть у меня пятьдесятъ рублей: отъ земляницы, что я продавала — осталось, да такъ трудами моими сколотила... Хотѣлось бы мнѣ ихъ отдать въ вѣрныя руки, процентикъ положить небольшой, чтобы какъ Варичка моя подростетъ, чтобы была у нея какая копейка, въ случаѣ, если Богъ благословитъ ее замужъ пойдти; а не выйдетъ ей такого случая, деньга ей и въ дѣвкахъ пригодится. Такъ какъ вы думаете? Что же имъ у меня въ сундукѣ безъ всякой пользы лежать? еще мыши, пожалуй, сгрызутъ когда»...

«— Что же, хорошее дѣло, сосѣдка. Дочкѣ-то всего десять лѣтъ; ну, если черезъ шесть лѣтъ понадобится капиталъ, такъ онъ нарастетъ процентами.

Digitized by Google

«— То-то, и я такъ, мой батюшка, думаю. Только отдать-то не знаю кому: все у насъ тутъ бѣдность.

«— Кому отдать? Да отдай мнѣ. Мнѣ вотъ жену надо осенью въ городъ отправлять, лечиться. Денегъ своихъ мало, на сиротскія не поѣдешь, я съ радостью возьму... Положу тебѣ пять процентовъ, въ шесть лѣтъ пятнадцать цѣлковыхъ; вѣдь они, матушка, не валяются—все пригодится... Отдавай, я возьму.

«— Я этакъ подумала съ минуту. Сказала сама, да вдругъ и оробѣла, да потомъ и образумилась. Что, думаю, Господи, попущеніе на меня какое... Что они и вправду нехристи, что ли, какіе, сиротской послѣдней крохой попользуются? Покуда у меня все это на умѣ проходило, Андрей Николаичъ мнѣ и говоритъ:

«— Ты, можетъ, сосѣдка, сомнѣваешься, что тебѣ гдѣ-нибудь больше процентовъ дадутъ? Нѣтъ, матушка, это—вздоръ, обманъ. Я тебѣ по сиротству даю пять, а не хочешь ли три у другихъ.

— И тутъ-то, Сергѣй Владимірычъ, я съ этими пятидесятью рублями и порѣшила. Дернула же меня нелегкая объ нихъ заговорить. Все-то глупость моя всему виною. И была бы моя Варичка съ приданымъ, а осталась теперь, по милости своей матушки, вотъ при одномъ этомъ клокѣ... Вѣкъ свой будетъ на меня плакаться. То-то все по себѣ судила, чужимъ словамъ вѣры не давала. Коли бы я тогда глядѣла въ оба, никогда бы этому не бывать. А то ввѣрилась имъ; слышу, что про нихъ говорятъ—мимо ушей пропускаю. Одно заладила себѣ: не просила я ихъ, сами на добро моей дѣвочкѣ напросились. Есть въ нихъ, стало быть, доброта; на всѣхъ вѣдь, и то сказать, не угодишь...

— Напущеніе на меня, что ли, тогда какое было, ужь и сама не знаю.

Агафья Тихоновна заплакала. На этотъ разъ я не мѣшалъ ей, понимая причину; я терпѣливо ждалъ, когда она успокоится, и начнетъ свой разсказъ, который очень меня занималъ.

— Ну, батюшка, какъ проводила я ихъ до дома, вернулась, стала объ своемъ дѣлѣ обдумывать. Ночь всю не спала, въ головѣ все перемутилось. Коли бы я тогда своего сердца послушалась, можетъ быть, и не отдала, да пожадничала на проценты, за то меня Господь Богъ и наказалъ. Положила все-таки на томъ: напомнитъ Андрей Николаичъ — отдамъ, а сама напоминать не стану. Такъ прошло лѣто, наступила осень; въ концѣ сентября мнѣ и говоритъ Андрей Николаичъ: «сосѣдка, приноси же деньги; я черезъ два дня ѣду въ городъ, женѣ квартиру нанять... Своихъ

Digitized by Google

пособрать, да и твоихъ признать приходится». Такъ у меня сердце упало; а отказаться не посмѣла — побоялась.

«— Хорошо, Андрей Николаичъ, завтра принесу.

— Пришла домой, отперла сундукъ, достала ихъ. Лежали они у меня въ кошелькѣ еще батюшки-покойника, и теперь тамъ пустой остался. Пересчитала, положила подъ подушку, легла спать, всю ночь на нихъ провертѣлась, не заснула. Поутру къ обѣду отнесла. Андрей Николаичъ позвалъ меня въ себѣ въ кабинетъ; я ему отдаю, да и говорю, да не складно какъ-то: «вы ужь, батюшка Андрей Николаичъ, мнѣ дайте обезпеченье какое»...

— Онъ какъ захохочетъ.

«— Какое же тебѣ, Агафья Тихоновна, обезпеченье?

«— Да хоть расписочку какую... Что, вотъ деньги взялъ, проценты будутъ наростать... Ну, однимъ словомъ, Сергѣй Владимірычъ, богъ-знаетъ что горожу.

— А онъ такъ и заливается — хохочетъ. А чему хохоталъ? Я не смѣю — говорю, а онъ смѣется, да не хочетъ сдѣлать.

«— Какую же тебѣ росписку? Пиши я тебѣ на цѣломъ листѣ, что вотъ взялъ, буду платить... Да вѣдь ты читать-то не умѣешь? А дашь кому другому прочесть, такъ вѣдь тебѣ и наврать и украсть могутъ. Какія тутъ росписки? Дала, матушка, такъ вѣрь на слово».

— Ну, что же мнѣ ему послѣ этихъ словъ было говорить? Помялась-помялась, да и замолчала. А онъ пошелъ къ Катеринѣ Ѳедоровнѣ, сталъ ей разсказывать; она тоже это, такимъ обиднымъ голосомъ принала; такъ меня дуру съ толка и сбили. Въ концѣ октября стала Катерина Ѳедоровна собираться въ городъ. Взяла съ собой Анеточку, а гувернантка съ Лидіей Михайловной да съ сыновьями оставалась въ деревнѣ. Андрей Николаичъ наѣздомъ, то въ городѣ, то здѣсь. Анеточкѣ-то ихъ, должно быть, годовъ семнадцать сровнялось. Катерина Ѳедоровна говоритъ: беру ее въ городъ для того, чтобы ее при концѣ во всѣхъ наукахъ усовершенствовать, послѣдніе ей уроки дать.

— Обозъ такой снарядили, что просто бѣда! Комнаты почти что всѣ оголили. Диваны, кресла, зеркала, все это самое лучшее; съ оконъ занавѣски, все это у покойника Михаила Ѳедоровича матеревое было, ковры богатѣйшіе бархатные. Съѣстные всѣ привезла. И птицей-то, и вареньемъ, и соленьемъ, ну, просто—полный домъ вывезли. Ужь не говоря что изъ сундуковъ! Муфты-то соболья, покойной жены Михаила Ѳедоровича, и хвосты-то, и шали

Digitized by Google

и серебро, всего не перечтешь. Прасковья Семеновна только себѣ подъ носъ ворчитъ, глядитъ, какъ это все мимо нея таскаютъ.

«— Гляди и ты, говоритъ она мнѣ:—гляди, матушка, казнись; отдала имъ свою послѣднюю рубашку съ тѣла, ну, и помнинай какъ звали, попомни мое слово».

— Молчу, крѣплюсь, а у самой сердце такъ и щемитъ. И вѣрится и не вѣрится. Думаю: Господи, люди они ученые и въ книжкахъ читали, какъ по божью жить-то надо, какъ такъ сказано, одёжу одну себѣ, а другую бѣдному отдай... Ну, они хоть своей-то не отдавай, да и чужой не бери!

— Они суетятся, а я у нихъ все на глазахъ верчусь. Думаю, авось дастъ какую росписочку. Рѣшилась опять вымолвить.

«— Андрей Николаичъ, батюшка, вы ужь сироту-то не забудьте. Послѣднее вѣдь»...

— А онъ на меня какъ закричитъ!

«— И, да будетъ тебѣ, Агафья Тихоновна, приставать! Съ вашимъ братомъ мелкотой свяжись, такъ не радъ жизни. Ей одолженіе сдѣлали, а она каждый день ноетъ. Твоя дѣвчонка, я думаю, у насъ въ эти два года не на пятьдесятъ рублей съѣла, да и то не считаемъ... А ты дала въ заемъ, да еще проценты какіе стянула, и каждый день какъ съ ножомъ къ горлу! Заплачу. Чортъ дернулъ дѣло съ тобой имѣть. У любаго бы мужика взялъ, такъ тотъ бы такъ не надоѣдалъ.

— А я, Сергѣй Владимірычъ, характера робкаго: на меня крикни только, я сейчасъ оторопѣю. Я заплакала, да и говорю:

«— Вы, благодѣтель мой, Андрей Николаичъ, не извольте гнѣваться. Какъ мнѣ могутъ противъ васъ такія мысли приходить... А такъ-какъ я это своими трудами нажила...

«— Ну, нажила, нажила. Все я это знаю, да ужь сказано одинъ разъ, такъ и толковать нечего.

— Съ тѣхъ поръ, батюшка, я объ нихъ ни-гугу. Думаю, Богъ съ ними совсѣмъ, стыда-то этого не возьмешь, какъ когда-нибудь тебя съ дѣвчонкой со двора погонятъ. Будь его святая воля!

— Только ужь очень я это стала тосковать, такъ и Варю свою неохотно отпускала; а Катерина Ѳедоровна наказала, уѣзжая, Лидіи Михайловнѣ ею заниматься, и гувернанткѣ велѣла за этимъ смотрѣть; а на гувернантку весь домъ оставила.

— Уѣхала Катерина Ѳедоровна, Андрей Николаичъ поѣхалъ ихъ провожать. Осталась гувернантка одна, и такой-то форсъ взяла, что ну тебѣ!

Digitized by Google

— Лежитъ, до двѣнадцати часовъ спитъ. Встанетъ, пошла на лакеевъ кричать, что не вѣ время ей чай подаютъ, кушать ее долго ждать заставляютъ. Дѣвки ей неглаженыя юбки подаютъ; и то не такъ, и другое не такъ, бубнитъ цѣлый день какъ бубенъ.

— Мальчишекъ совсѣмъ распустила. Позоветъ ихъ, посадитъ за книгу, недержитъ полчаса, пошли на всѣ четыре стороны.

Всѣхъ изъ лавейской да дѣвичьей не выпихнетъ. Дерутся, ругаются; когда это они успѣли всему научиться, кто ихъ знаетъ, срамъ просто! Съ Лидіей Михайловной гувернантка въ ладъ двухъ словъ не скажетъ. Той тоже не стало ужь втерпёжъ. Стала и она ей срывать, и братьямъ сдачи давать; такъ-то ихъ тоже хватитъ, бывало, по уху либо за вихоръ, только держись. Поднимутъ плачъ, жалобы. Гувернантка вытолкаетъ Лидію Михайловну въ комнату, оставитъ ее либо безъ обѣда, либо цѣлый день оттуда не выпускаетъ, пошлетъ мою Варю къ ней въ ученье. А какое ужь тутъ ученье, сами вы посудите? Подъ сердитую руку, обцѣлетъ ее, оборветъ; придетъ моя дѣвка домой, глаза какъ у кролика красные.

— Что за пропасть, думаю, ну ихъ, содомъ этотъ! Перестала ее пускать. Не пускаю недѣлю, не пускаю другую. Слышу: Андрей Николаичъ вернулся изъ города, присылаетъ за мной.

«— Здравствуй, сосѣдка, давно не видались. Жена поклонъ тебѣ прислала, да дѣльцо кое-какое, не знаю, тамъ узелъ у экономки спросишь. А тутъ безъ насъ Луиза Егоровна, гувернантка, мнѣ порасказала; Лидія Михайловна свой характерецъ показала, всѣмъ досталось?... А, матушка, что прикажете дѣлать, какъ тутъ ее исправлять? Вотъ, у васъ на глазахъ, скажите, бьютъ ли ее, бранятъ ли, требуютъ только должнаго... Вотъ оно, воспитаніе-то безъ матери, только баловство одно. Осиповна эта, только деньги брала, да всѣ ея прихоти исполняла, а какъ пришлось къ дѣлу, такъ она кулаки да грубость всѣмъ показала. Нѣтъ, моя голубушка, этого нельзя!... Като моя хочетъ доброе дѣло сдѣлать, чтобы когда-нибудь твоя дѣвочка ей спасибо сказала, а она драться? Нѣтъ, этому не бывать... Ты на это, сосѣдка, не смотри, дѣвочку свою присылай, насъ этимъ не обижай. Лидіи Михайловнѣ потачки давать нечего, и слышать я этого не хочу, чтобы завтра же здѣсь была.

— Такъ онъ мнѣ наговорилъ, насуетилъ, что я и слова ему въ отвѣтъ не сказала. Пришла домой, Варю къ нимъ послала, сама

Digitized by Google

не знала что дѣлала. Опутали они меня, связалась я съ ними по рукамъ и ногамъ. Закабалила меня Катерина Ѳедоровна въ свою работу, благо дешево пришлось, все счеты какіе-то сводила, и по сю пору, должно быть, считаетъ; по глупости своей выбраться я отъ нихъ не знала какъ.

— Теперь-то я все это разсудила, а тогда-то, поди-ка, казалось, чего лучше дочку отдать въ благородный домъ. А чему она въ этомъ благородномъ домѣ научилась? Славу только объ себѣ Башиловы пустили, что вотъ мы, дескать, доброе дѣло дѣлаемъ. А какое дѣло? Катерина Ѳедоровна никогда Варю и не спросила, выучила-ли она что-нибудь, а коли и спроситъ что, такъ такъ напустится на Лидію Михайловну, что Варѣ же отъ этого хуже достается. Только, бывало, ей наравнѣ съ своими дѣвками уроки въ пальцахъ задавала, да нитки на сажени мѣрила... Охъ, ужь и говорить-то совѣстно, въ глупости своей признаваться. Лучше бы я платила полтинникъ попу въ мѣсяцъ, и жила бы себѣ не подневольной какой... То-то все наша дворянская гордость, а пора бы намъ дворянамъ проучиться, какъ къ богатымъ господамъ въ домъ лѣзть. Вѣдь эти богатые, чего изъ насъ не дѣлаютъ? Пословица русская говоритъ: хоть не дуракъ, а зовись такъ. Между собой-то мы гордимся, что къ нимъ похожи, а тамъ-то изъ насъ шутовъ корчатъ... Конечно, все отъ бѣдности своей... Нѣтъ, ужь Варя моя теперь учена!

— Уѣхалъ Андрей Николаичъ, и пошли у нихъ тамъ опять баталіи, только еще хуже. Вступилась нянька за Лидію Михайловну. Съ гувернанткой такъ зубъ за зубъ! Та кричитъ: «во всемъ пожалуюсь, дай Катеринѣ Ѳедоровнѣ пріѣхать; либо меня не будетъ, либо тебя спихну со двора, я этакихъ обидъ отъ хамки переносить не могу!»

— И, Боже мой, что тутъ бывало! Нянька внѣ себя отъ злости ужь не помнитъ, что и про кого говоритъ. Ругаетъ и Андрея Николаича, и Катерину Ѳедоровну, и дѣтей-то всѣхъ. Дѣвки ее унимаютъ, она одно твердитъ: «мнѣ одинъ конецъ, ссылай куда хотятъ! Что, я уважать имъ, что-ли, стану? Какъ же не такъ, плевать я хотѣла! Всякаго сброда, нехристя поганаго въ домъ возьмутъ, я ему голову подставлять стану? Какъ бы не такъ, много взяли... Гони меня, хоть убей меня, всѣмъ, всѣмъ буду говорить, грабители, вотъ имъ что! Жалуйся она на меня, поди! Я и имъ-то тоже въ глаза скажу, накажи меня Богъ, скажу!»

Digitized by Google

«— Будетъ тебѣ, Прасковья Семеновна, говорю ей: — что ты себѣ на старости лѣтъ, какую исторію готовишь!

«— А ужь ты молчи, Агафья Тихоновна, ты меня не серди! Я вѣдь по твоему барскихъ хвостовъ не лизала! Чертёнка своего черномазаго барышнѣ на шею навязала, еще за нее — за эту пакостницу, каждый день ругаютъ! Я ужь ее когда-нибудь погоню, она у меня не пойдетъ.

— Я заплакала: такъ мнѣ это горько и обидно стало, да и сказала ей:

«— Матушка, Прасковья Семеновна! чѣмъ же ребёнокъ виноватъ, да и я-то тутъ чему причиной? Сама Катерина Ѳедоровна хотѣла намъ эту милость сдѣлать, я и не просила.

«— Милость? Да ты ослѣпла, что ли, не видишь, какая тутъ милость! Что она вамъ всѣмъ досталась-то? Ты говоришь: своему ребёнку предоставить счастье хочешь, а она не ребёнокъ, что ли? Статочное ли дѣло, день-деньской они пилятъ тамъ, съ твоей иди сиди. Да Катерина Ѳедоровна свою-то бы козиху заставила твою дочь учить... Нѣтъ, видно не очень... Добро взялись ей сдѣлать, а сами носъ-отъ воротятъ, навязали на Лидію Михайловну, тиха досталась... Чье же это, наконецъ, Господи-Боже мой, терпѣнье выдержитъ! Что она, не понимающая, что-ли? Она и то молчала-молчала, два года вѣдь не шутка терпѣть, чье сердце выдержитъ! Ты посмотри, на кого она стала похожа-то? Она росла у насъ — Анеточка ихъ ей въ подметки не годилась! Обмыли ту, обчесали, вырядили въ ея добро, а ёе въ лохмотьяхъ, мочитай, пустили? Ты посмотри, осталась ли въ ней кровинка?... Такъ есть ли въ васъ послѣ этого Богъ, и въ тебѣ-то тоже? Мало ей еще и безъ твоей Варьки заботы... Всѣ-то вы, какъ посмотрю я на васъ, отъ богатыхъ до голышей, норовите свой интересъ соблюсти! Ну, ужь оборветесь вы всѣ, отольются вамъ ея слезки!

— И, Господи, такъ-то ужь она всѣхъ тутъ клила, что у меня уши просто горѣли. Взяла я свою Варю, одѣлась поскорѣе, да домой. Боже меня сохрани, говорю, когда тебя къ нимъ пустить! Коли бы я знала только, что изъ этого выйдетъ, нога бы моя въ ихъ домѣ не была.

— Пошла къ отцу Лаврентію, разсказала ему, что вотъ такъ и такъ, обиды только однѣ, а толка-то никакого изъ этого не выйдетъ; возьмитесь вы, батюшка, ее учить, а я ее отъ Катерины Ѳедоровны возьму. Онъ отказывается. «Я, говоритъ, имъ наперекоръ не пойду; я самъ человѣкъ отъ нихъ зависимый; что же мнѣ себѣ

Digitized by Google

непріятности наживать. Сами вы, кумушка, разсудите, и радъ бы душой, да не могу.

— Вотъ, на томъ все ея ученье и покончилось. Какъ гувернантка ко мнѣ послѣ этого ни присылала, я все не ходила. Ну, Богъ съ вами совсѣмъ; хоть и приняла стыдъ, да ужь рада была, что развязалась. Думаю себѣ: деритесь вы тамъ, какъ хотите, мое дѣло сторона. Я и по совѣсти, и передъ Богомъ, и передъ людьми ничѣмъ неповинна. Коли бы не бѣдность моя, такъ какой бы меня шутъ къ вамъ понесъ!

— И свои-то сосѣди на смѣхъ тоже поднимали. Придетъ кто навѣстить: «что, говорятъ, сосѣдка, дома засѣла? Студёно, что-ли, въ барскихъ хоромахъ показалось? Бывало, гдѣ нашу Агафью Тихоновну искать, все у Башмачихи, да у Башмачихи. А нонѣ ты что-то и носа туда не кажешь?»

— Такъ только съ дурости своей, сраму съ ними напринималась. Послѣ святой, воротилась Катерина Ѳедоровна. И такая-то у нихъ, говорятъ, пошла перепалка въ домѣ, не приведи-то Господи! Гувернантка стала ей жаловаться на няньку, на Лидію Михайловну.

«— Какъ, говоритъ, вамъ угодно: либо няньку вонъ, либо мнѣ пожалуйте разсчетъ, а я съ ней въ одномъ домѣ жить не могу. Съ Лидіей Михайловной при ней слада нѣтъ никакого, она ее и противъ васъ и противъ всѣхъ научаетъ. Поспите за Агафьей Тихоновной, я вамъ ее въ свидѣтели поставлю, она и ее и дочь ея изъ дома выгнала».

— Присылаетъ за мной Катерина Ѳедоровна. Дѣвка-то это мнѣ все разсказываетъ. Батюшки мои, такъ у меня душа и упала!

— И зачѣмъ это, Господи, меня-то сюда суютъ! Нечего мнѣ тамъ говорить... Чего я пойду?

«— Идите, говоритъ дѣвка: — тамъ Прасковьѣ Семеновнѣ и за васъ досталось, гонятъ со двора.

«— Да, батюшки мои, за меня-то за что же? Я жалобъ никакихъ не приносила, я ею никогда не была обижена... Мало ли что въ сердцахъ говорится...

«— Тамъ какъ знаете, говоритъ дѣвка: — а на судъ къ Катеринѣ Ѳедоровнѣ идите».

— Такъ это было мнѣ непріятно, а нечего дѣлать — пошла. Вошла я въ дѣвичью; думала, они въ другихъ комнатахъ, а они тутъ всѣ столпились. Катерина Ѳедоровна на лавкѣ сидитъ, тутъ и дѣти всѣ, и Андрей Николаичъ. Лидія Михайловна въ углѣ

Digitized by Google

стоитъ, плачетъ, а нянька съ гувернанткой посереди комнаты, такъ другъ другу не уступаютъ!

— Увидалъ меня Андрей Николаевичъ, кричитъ: «Ну, вотъ она, вотъ на лицо»!

— Нянька даже на меня не взглянула, говоритъ: «Мнѣ ничего не надо, я отъ своихъ словъ не отпираюсь! Мнѣ хоть весь свѣтъ соберите, при всѣхъ скажу: нѣтъ этому ребёнку житья! Не родныя ваши руки, на тиранство только покойный баринъ вамъ ее оставилъ! Пьете, ѣдите, и содомъ весь свой на ея счетъ содержите. Скоро въ домѣ палки не останется, собаки изъ-подъ стола выгнать! Вотъ вамъ мои слова! Ссылайте куда хотите, жалуйтесь подите на меня, я и губернатору то же въ глаза скажу»!

— Андрей Николаичъ и Катерина Ѳедоровна въ голосъ кричатъ:

«— Каково это? Какъ вамъ нравится: такія слова выслушивать за все наше добро къ этой дряни! На Лидію Михайловну показываютъ.

«— Молчи! кричитъ Андрей Николаичъ на няньку: — слово еще если пикнешь, я тебя до смерти убью!

«— Не доросъ, сударь, драться-то! Самъ за меня гдѣ-нибудь въ болотѣ сгніешь! Я, батюшка, вольная, господамъ моимъ изъ любви служила, да изъ жалости къ сиротѣ этой горемычной, а такимъ-то какъ вы, и не кланялась. Пойдемъ со мной по суду, я молчать нигдѣ не стану... Ты-то что, сударь, скажешь? За мной всѣ въ свидѣтели пойдутъ, всѣ покажемъ, какъ ты тысячи-то ея въ свои карманы набиваешь!

«— Гони ее вонъ, кричитъ Катерина Ѳедоровна. — Вонъ, не могу ее видѣть, мерзавка старая, вытолкайте ее...

«— Не горячитесь, матушка Катерина Ѳедоровна, сама пойду; на мнѣ, говоритъ, еще ничья рука не была, да и не будетъ!... Рады меня столкнуть, помѣхой еще вамъ оставалась... Подноготную-то всю вашу знала спокойница; такъ оно, должно быть, за сердце-то и щемитъ. То-то, правды врагъ не любитъ, а мнѣ на старости лѣтъ лгать не приходится. Умру гдѣ-нибудь въ углѣ, да съ спокойной совѣстью, нѣтъ на мнѣ ничего чужого; что заслужила, то и есть!

«— Да ты уймешься или нѣтъ? крикнулъ Андрей Николаичъ.— Вонъ; тащите ее вонъ, пускай идетъ куда хочетъ! Эй! люди, дѣвки, толкайте ее въ затылокъ хорошенько»...

— Онъ-то кричитъ, а никто съ мѣста не трогается. Да кому се было толкать-то? Кому тётка, кому сватья, кому мать крестная; всѣми любима, всякій стоитъ, да на нее плачется.

Digitized by Google

— Прасковья Семеновна ужь въ такомъ была азартѣ, посмотрѣла на всѣхъ, да какъ захохочетъ....

«— Что, говоритъ, батюшка, много взялъ? Собери своихъ холоповъ; можетъ, они и погонятъ, а отъ нашихъ, смотри, самъ не полети!» Тутъ ужь Андрей Николаичъ изъ себя вышелъ, какъ замахнется на нее кулаками!

— Лидія Михайловна, что есть духу изъ угла бросилась на няньку: обняла ее, тащитъ за собой. Катерина Ѳедоровна въ истерику. Андрей Николаичъ на жену не глядитъ, топаетъ ногами, кричитъ... Я до того испугалась, поскорѣе было-бѣжать. Гувернантка поймала меня на дорогѣ, сунула мнѣ въ руку пузырекъ какой-то, говоритъ: «въ носъ, въ носъ ей».

— Анеточка бросилась на мать, сыновья отъ отца не отстаютъ; и такая-то каша, крикъ, гвалтъ. Господи, думаю: унеси ты меня отсюда!

— Катерина Ѳедоровна опомнилась, кричитъ: «Умру, если она здѣсь останется, умру, умру»!

— Такъ опять глазами и закатитъ.

— Андрей Николаичъ у Лидіи Михайловны въ комнатѣ расправляется.

— Та приволокла няньку къ себѣ, не пускаетъ; онъ ее рветъ, та кричитъ на весь домъ: «Не пущу, не дамъ! Няничка, няня, что я безъ тебя буду дѣлать?»

— Андрей Николаичъ кричитъ: «Отдашь, отдашь... Вонъ эту язву!»

«— Я васъ слушаться не хочу, не стану, кричитъ Лидія Михайловна:—я васъ ненавижу, сами подите вонъ — все мое, не дамъ няньку»!

— Выгналъ Андрей Николаичъ Прасковью Семеновну, какъ Лидія Михайловна ни билась, и ее заперъ на ключъ.

— Боже мой, она въ эти двери и ногами и кулаками! Слышно, по комнатѣ мечется, никто къ ней взойти не можетъ. Глядятъ въ замочную скважину, что она дѣлаетъ. Окно у нея въ комнатѣ еще было вставлено, она въ него стучитъ, няньку со двора зоветъ. Перебила всѣ стекла, сама повалилась. Побѣжали, отворили дверь, а она безъ памяти на полу лежитъ, руки всѣ въ крови... Испугались всѣ до смерти. Подняли ее поскорѣй, ужь не знаю, кто скомандовалъ за докторомъ. Часа два она пролежала такъ. Докторъ надъ ней стоялъ-стоялъ, чего не дѣлалъ,

Digitized by Google

насилу привелъ въ себя. Отъ крови да отъ крика такъ она ослабѣла, что только чуть-чуть дышала.

— Докторъ остался ночевать. Башиловы ему всю эту исторію разсказали. На племянницу жалуются, со слезами говорятъ, чего они отъ нея да людей натерпѣлись; что по добротѣ только своей ее не оставляютъ — грѣха на свою душу брать не хотятъ. Что попробовалъ бы кто-нибудь, пожилъ съ ней — такъ увидалъ бы, какая это мука! Такую объ ней славу пустили, что и слушать-то не хотѣлось. А вому за нее было вступиться? Нашему брату-мелкотѣ да холопу кто повѣритъ? съ нами и говорить-то не станутъ!... А извѣстно—дурная слава бѣжитъ.

— Повѣрите ли, Сергѣй Владимірычъ, что изъ такого кроткаго ребёнка, какая она была, когда ее привезли въ Заразы, ее узнать нельзя было? Озлобили ее такъ, что она ни въ одномъ словѣ имъ не молчала. Станетъ ли ей что-нибудь Катерина Ѳедоровна приказывать, по ней ли, не по ней ли—ни за что ничего не сдѣлаетъ! Ее бранятъ, а она имъ въ глаза смѣется. Лицо у нея стало постоянно сердитое да желтоватое, какъ больное, въ голосѣ такъ злость и дрожитъ; а на словахъ-то, такъ безъ пощады: «Дурна, говоритъ, я для васъ—откажитесь; на Андрея Николаича мѣсто всякій пойдетъ, а выгодно—такъ терпите».

— Такъ, бывало, отрѣжетъ, что и сказать ничего не найдется.

— Андрей Николаичъ видитъ, что ему и отъ прислуги нѣтъ должнаго уваженія—всѣхъ распихалъ. Ивана Демьяныча изъ управляющихъ вонъ, лакеевъ, дѣвокъ, всѣхъ—идите куда хотите, оброки положилъ на нихъ-таки, слава тебѣ Господи... Перевезъ изъ Куркина своихъ. Нянька Прасковья Семеновна пожила-пожила тутъ на деревнѣ, уѣхала въ губернію къ роднымъ. Около Лидіи Михайловны и прислуги-то своей не осталось. Знаете, Сергѣй Владимірычъ, въ домѣ у нихъ какъ-то жутко бывать стало; а неволя моя туда меня изрѣдка загоняла, какъ интересъ-то мой у нихъ въ рукахъ былъ. Бывало, придешь и не знаешь, какъ уйдти. Хочешь заговорить объ своемъ дѣлѣ, минуточки не выберешь—такъ это они все между собой не ладятъ.

— Разъ какъ-то Катерина Ѳедоровна и говоритъ Лидіи Михайловнѣ, какъ ее за живое тронуло, что она ея Анеточкѣ безпрестанныя насмѣшки ввертывала.

«— Лидія Михайловна, уймись! Вспомни отцовскія слова, какъ онъ тебѣ, уѣзжая, приказывалъ съ нами быть! Ты не забудь,

Digitized by Google

ти теперь въ нашихъ рукахъ, вѣдь мы терпимъ-терпимъ, да вѣдь и терпѣнье лопнуть можетъ!

— А она ей въ отвѣтъ:

«— Знаю, мое вотъ лопнуло. Я отъ нея да отъ васъ всѣхъ много переносила, попробуйте и вы! Объ отцѣ моемъ говорить нечего... Онъ самъ не зналъ, что приказывалъ! Сами-то вы тѣ ли, что при немъ были?»... Ей-богу, Сергѣй Владимірычъ, такъ вотъ этакими словами и говоритъ!

— Вѣрьте Богу, бываю, гляжу на нихъ, да думаешь: «Господи, да изъ чего же они эту муку переносятъ! Вѣдь не можетъ же быть, чтобы Катерина Ѳедоровна такъ брата любила, чтобы ради его такія грубости терпѣла. Ну, пожили они, когда она еще дитей была, молчала, а теперь какъ большая стала — брось ты все, разважись съ ней, довольно ужь! Нѣтъ, плачетъ Катерина Ѳедоровна, твердитъ одно: въ память брата не могу этого сдѣлать! А какое въ память брата; какъ послѣ-то оказалось, когда Михаилъ Ѳедоровичъ уѣзжалъ заграницу, они его такъ настроили, онъ, знаете, какое духовное-то завѣщаніе написалъ?

— Пишетъ тамъ, ужь не знаю, какъ это по формѣ-то дѣлается: «Отдаю, говоритъ, дочь мою и ея мнѣніе въ полныя руки родной моей сестры и зятя. Завѣщаю зятю моему быть надъ ней опекуномъ, а по окончаніи малолѣтства, принять надъ ней попечительство. Пусть они распоряжаются ею и всѣмъ имѣніемъ, какъ я самъ бы распоряжался. Дочь мою питаютъ, одѣваютъ, воспитаютъ, соблюдаютъ ее, какъ свое собственное дитя. Поручаю ее имъ, и заклинаю ихъ замѣнить ей отца и мать. А буде же она окажетъ имъ непочтительность, непокорность, неповиновеніе — лишаю ее при совершеннолѣтіи благопріобрѣтеннаго моего имѣнія и отдаю въ пользу сестры моей, въ награжденіе за ея заботы объ ней». Вотъ они какихъ дѣлъ-то надѣлали! Духовную писалъ онъ самъ, два свидѣтеля да батюшка третій свидѣтельствовали, и отдалъ онъ ее Катеринѣ Ѳедоровнѣ на сохраненіе. Будь они добрые родные-то, они бы должны были вмѣсто свидѣтелей лекаря ему привезть, осмотрѣть, въ умѣ ли онъ? А они все это дѣло обдѣлали, да въ руки ее и приняли, да и довели до того, что она, какъ бѣшеная, зря, при всѣхъ имъ не молчала, сама имъ на себя руки накладывать позволяла!

— Вотъ, вѣдь, Сергѣй Владимірычъ, грѣхи-то какіе бываютъ! А пуще всего я грѣхомъ считаю, что они Лидіи Михайловнѣ

Digitized by Google

объ этой духовной молчали. Знай она, такъ, вѣрно, и нянька и гувернантка молчали бы, да и она-то тоже остереглась бы. А то нѣтъ. Стала имъ выговаривать, что пора бы ей тоже свѣтъ божій увидать, что будетъ имъ на ея счетъ жить, что она сама своимъ богатствомъ пользоваться хочетъ. Переѣхали на житье въ городъ.

— Я тутъ, какъ они уѣзжали, сунулась къ Андрею Николаичу.

«— Бога ты не боишься, Агафья Тихоновна, и, правда, должно быть, за грабителей считаютъ! Отдамъ я тебѣ твои проклятые пятьдесятъ рублей—не приставай.

— Сказано, не приставай—съ тѣмъ и отошла.

— Живутъ они въ городѣ, спросишь когда у людей, что̀ слуху о господахъ.

«— Ничего, говорятъ: что̀ имъ дѣлается».

— Пріѣхалъ Андрей Николаичъ весной одинъ къ пахотѣ. Была у него—сказали дома нѣтъ, такъ и уѣхалъ; я его не видала. Спрашиваю опять: «Что̀ когда, слышно, господа пріѣдутъ?»

«— Вовсе, говорятъ, не пріѣдутъ; будутъ жить лѣто въ подмосковной.

— Я такъ и обмерла! Думала-думала, что̀ дѣлать? Спросила ихъ адресъ на Москву, заставила Варю написать. Не то она неразборчиво написала, не получили они, либо отвѣчать не хотѣли—нѣтъ на мое письмо никакого увѣдомленія.

— И они и денежки мои точно въ воду канули!

«— Батюшка мой, пристаю къ старостѣ: — вѣдь пишешь же ты имъ, репортуешь, вложи ты Христомъ-Богомъ мою записочку въ свое письмо, авось что̀ отвѣтятъ». Нѣтъ ничего, точно ихъ и на свѣтѣ нѣтъ.

— Годъ цѣлый я такъ промучалась. Какія, думаю, средства изыскать? Только разъ какъ-то, это ужь было послѣ святой, недѣли черезъ три, сижу я подъ окномъ, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ; глянь, кто-то на бѣговыхъ дрожкахъ ѣдетъ къ господскому дому. Я такъ обрадовалась, вскочила, накинула платокъ на голову, кацавейку, пошла на барскій дворъ. Смотрю, лошадь ужь отпряжена и человѣкъ идетъ въ флигель, гдѣ Иванъ Демьянычъ жилъ; я за нимъ.

«— Постойте, говорю, батюшка, вы откуда?

«— Изъ Куркина. Вамъ что̀?

«— Что, батюшка, гдѣ господа-то ваши?

«— Дня съ три какъ пріѣхали изъ Москвы.

Digitized by Google

«— А сюда-то когда, слышно?

«— Не будутъ вовсе; все лѣто тамъ останутся.

— Ушелъ онъ отъ меня. Побрела я домой. Думаю себѣ: вѣдь авось не за горами пятьдесятъ верстъ; куда не шло, не пятидесяти рублей стоитъ, съѣзжу, что Богъ-дастъ.

— Посовѣтовалась я съ добрыми людьми, собралась въ Куркино. Взяла у батюшки тележку въ одну лошадь съ работникомъ, пустилась въ путь. Варя съ Матреной дома оставались. Выѣхала я еще до разсвѣта, а къ ночи и у нихъ.

— Пріѣзжаю; взошла въ дѣвичью; вижу, лица кое-кто знакомыя.

«— Что, говорю, господа еще не почиваютъ? Можно, что ли, ихъ видѣть?

— Услыхалъ Андрей Николаичъ чужой голосъ, кричитъ: «Кто тамъ?» Дѣвушка отворила дверь, говоритъ: «Агафья Тихоновна пріѣхала».

«— Какая Агафья Тихоновна? Что ты тамъ врешь?

«— Да Агафья Тихоновна изъ Заразовъ.

— Бѣжитъ Андрей Николаичъ ко мнѣ.

«— Агафья Тихоновна изъ Заразовъ? Ты таки, матушка, пробралась... зачѣмъ пожаловала?

«— Да вотъ, говорю, вашу милость провѣдать.

«— Провѣдать, какъ же?... Ну, поди сюда.

— Повелъ онъ меня въ гостиную, Катерина Ѳедоровна лежитъ на диванѣ. Поздоровалась я съ ней, да и говорю:

«— Привыкши столько лѣтъ жить вмѣстѣ, узнала объ вашей милости, пріѣхала на моихъ благодѣтелей взглянуть.

«— Спасибо, говоритъ Катерина Ѳедоровна сквозь зубы.—Ну, что скажешь хорошенькаго?

«— Что у насъ, говорю, хорошенькаго? Заразы безъ васъ опустѣли. Живемъ—людей не видимъ. Дочка моя свидѣтельствуетъ вамъ свое почтенье, приказала ручку поцаловать.

«— Ну, что, какъ она?

«— Да ничего, славу-богу, живетъ со мной, помогаетъ. Ваши дѣточки здоровы ли?

«— Анета съ нами одна. Сыновей отдали въ заведенье, а Лидія Михайловна насъ оставила.

«— Оставила? Да гдѣ же она?

«— У Осиповны своей проживаетъ, говоритъ Андрей Николаичъ, самъ по комнатѣ ходитъ.

Digitized by Google

«— Это у своей гувернантки-то? Скажите!... Да какъ же они ее розыскали?

«— Коли намъ сдѣлать что-нибудь на зло—такъ мы на все готовы, все разыщемъ... Осрамила просто! Да кому хуже сдѣлала? себѣ только.

«— Да, говоритъ Катерина Ѳедоровна:—два дня ее по Москвѣ искали, до полиціи дѣло доходило.

«— Что вы, говорю: ахъ, батюшки мои!

«— Вотъ, разскажи, Като, Аграфенѣ Тихоновнѣ, она ее еще хорошенько узнаетъ.

«— Да помилуй, что же я тутъ стану разсказывать! Смѣшонъ ты, право. Кто же ее не знаетъ и кто отъ нея чего хорошаго ждалъ? Что мнѣ ей говорить? то, что она сама пять лѣтъ видѣла, да и на себѣ пробовала. Росла хороша, а выросла еще лучше. Такъ что жь послѣ этого удивительнаго, что она со двора сбѣжала... Сбѣжала, какъ бѣгаютъ... Своевольна сдѣлалась такъ, что изъ рукъ вонъ. Уйдетъ изъ дома одна, шатается по улицамъ; кто же могъ ее удержать, когда она никого знать не хотѣла? А шататься она съ дѣтства привыкла съ своей Елизаветой Осиповной, и наткнулась на нее гдѣ-то: вѣрно, все ее розъискивала. Начала бѣгать къ ней сперва потихоньку, покуда, наконецъ, совсѣмъ убѣжала. У насъ полгорода въ гостяхъ, балъ на Анетины имянины, ночь на дворѣ, хватились ее, зовутъ, а дѣвка говоритъ: «Лидіи Михайловны нѣтъ дома».

«— Какъ нѣтъ дома?

«— Они надѣли капоръ, сами взяли салопъ и ушли. Я спрашиваю: куда вы, барышня? Я пойду тётенькѣ скажу. Они говорятъ: не твое дѣло.

«— Гдѣ же прикажете искать, кто это знаетъ? Объявили по всѣмъ частямъ; два дня искали, нашли Лидію Михайловну у этой старой дуры, съ сынкомъ ея ученымъ, такимъ же мошенникомъ, какъ она сама, приголубливаютъ тамъ нашу Лидію Михайловну. Звали ее; ѣдемъ, довольно осрамила, по всей Москвѣ гремятъ твои дѣла. «Что хочу, говоритъ, то и дѣлаю; вышла изъ дѣтей, всѣ ваши власти надо мной кончились, совершеннолѣтняя. Вотъ съ кѣмъ буду жить, съ Лизаветой Осиповной, съ ней буду дѣлить, что имѣю, а вамъ нѣтъ ничего... Ну, это мы увидимъ; что вы съ ней дѣлить-то будете!

«— Вотъ какія дѣла, Агафья Тихоновна, говоритъ Андрей Николаичъ.—За всѣ наши хлопоты! Говоритъ, мы ее тиранили, мы

Digitized by Google

ее разорили. Да развѣ на нее мало выходило? Развѣ болѣзнь ея батюшки дешево стоила? Вы спросите, сколько я ему денегъ-то переслалъ. Вѣдь у меня всѣ отчеты до копеечки представлены... Ну, а теперь, конечно, сама потерпитъ... Посмотримъ, посмотримъ, да покончимъ. Насъ и Богъ не осудитъ... Я вѣдь и то сказать: на нее не работникъ!... Живетъ теперь въ Москвѣ, а какъ живетъ—спросите!

«— Какъ живетъ? говоритъ Катерина Ѳедоровна, сама усмѣхается въ свое удовольствіе... Лизавета Осиповна соединила своихъ дѣтокъ, радуется на нихъ, кланется, что кусокъ съ ней послѣдній будетъ дѣлить... Вретъ, надѣется на богатство Лидіи Михайловны; думаетъ, за это отъ нея тысячи получить! гроша не достанется.

«— Какъ же, говорю, по милости божіей и покойнаго родителя, бѣдствовать имъ не придется... Имѣніе у нихъ такое большое...

«— Имѣніе? говоритъ Катерина Ѳедоровна:—нѣтъ у нея никакого имѣнія. Все мое, мое, нѣтъ ей ничего. Она осрамила наше имя, объ Анетѣ моей, по милости ея, богъ-знаетъ что могутъ думать; она меня опозорила, нѣтъ ей ничего и на глаза мои не показывайся! Просись она ко мнѣ теперь, такъ я ее не пущу на порогъ!

— Въ такомъ она была азартѣ, Сергѣй Владимірычъ, что мнѣ даже страшно стало. Дѣлъ я ихъ не понимала, разспрашивать не смѣла; дивилась еще, какъ она мнѣ и это-то сказала. Проговорили они весь вечеръ объ своихъ дѣлахъ, спать стали расходиться, такъ я объ себѣ и словечка не успѣла вымолвить.

«— Ты, говоритъ Андрей Николаичъ, надолго пожаловала?

«— Завтра, батюшка, нужно было бы пораньше выѣхать. Я, Андрей Николаичъ, вамъ объ себѣ хочу напомнить... Писала вамъ въ Москву... должишко-то мой».

«— Ну, хорошо-хорошо. Лѣтомъ, сама знаешь, какія деньги. Прощай съ Богомъ, завтра рано уѣдешь, не увидимся.

— Такъ я, Сергѣй Владимірычъ, какъ русская пословица говоритъ: поѣхала ни пошто, привезла ничего, наслушалась только ихъ разговоровъ. Вышла я на крыльцо, отыскала работника подъ навѣсомъ, велѣла ему лошадь попоить да накормить. Достала изъ мѣшечка хлѣбца краюшку да яицъ, его накормила, да сама съ нимъ поѣла, объ животахъ-то нашихъ господа не подумали! Взяла изъ тележки свою подушёнку да кацавейку, свернулась въ

Digitized by Google

дѣвичьей на скамейкѣ, провалялась такъ до свѣта, отъ думы и сонъ на умъ не шелъ, съ тѣмъ и уѣхала.

— Пріѣхала домой, спрашиваютъ: что?

«— Да нѣтъ ничего.

— И лѣто прошло, и осень, и зима подошла, сидитъ Агафья Тихоновна, не знаетъ, гдѣ ея денежки вмѣстѣ съ Башиловыми гуляютъ! Только вскорѣ такъ послѣ новаго года, присылаетъ отецъ Лаврентій.

«— Не будешь ли что кума приказывать въ городъ? завтра ѣду; Башиловъ зачѣмъ-то вызываетъ; не знаю, что за надобность такая.

«— Вы, батюшка, мое дѣло знаете; больше мнѣ нечего приказывать. Коли будетъ случай, напомните имъ обо мнѣ.

«— Ну, говоритъ, похлопочу, скажу, не пропадать же имъ.

— Такъ это время, я всѣ глаза проглядѣла, дожидалась его. Думала, много-много дня съ четыре проѣздитъ, а его и недѣля—нѣтъ, пошла другая. Кума-попадья совсѣмъ испугалась. И что это Господи значитъ, и зачѣмъ это его вызвали? Дѣлъ за нимъ никакихъ, кажется, нѣтъ, чтобы до архіерея либо до консисторіи доходило... просто, говоритъ, ума не приложу! Я съ ней сижу, тоже горюю. Дождались мы его никакъ на десятый день. Пріѣхалъ, обмерзъ весь, холода стояли страшные.

«— Что, говоримъ, батюшка, зачѣмъ ѣздили?

«— Да, Боже-мой, такія дѣла, что и не ожидалъ вовсе! Изъ негрѣшнаго дѣла, вышло богопротивное! Ужь и не знаю, какъ и приступить, какъ и разсказать!

«— Батюшка, пристаетъ къ нему попадья:—ты скажи, не проштрафился ли?

«— Оборони Богъ, нѣтъ.

— Я къ нему:—кумъ, мое, что ли?

«— Объ тебѣ, кума, и рѣчи не было... Заразы наши, говоритъ, спокоивѣка Немировскіе были, Башиловскіе стали!

— Я перекрестилась, да и говорю:—Что вы, батюшка, такое сказали? я что-то не совсѣмъ поняла.

— У попадьи чуть чашка изъ рукъ не выпала.

«— Да, говоритъ отецъ Лаврентій. Самъ по комнатѣ ходитъ, опустя голову, руки такъ-то за спину заложилъ.—И моя невинная рука, этому грѣшному дѣлу причастна!

«— Да, батюшка, говоритъ попадья:—не томи; скажи, въ чемъ ты причастенъ?

Digitized by Google

«— Вотъ въ чемъ я причастенъ. Свидѣтельствовалъ и духовное завѣщаніе покойнаго Михаила Ѳедоровича, когда онъ собирался за границу. Позвали меня тогда. Говоритъ мнѣ Михаилъ Ѳедоровичъ: «вотъ, батюшка, подпишите мою послѣднюю волю. Ѣду; одному Богу извѣстно, что̀ со мною можетъ быть; а какъ распорядишься, такъ покойнѣе на душѣ».

«— Доброе, говорю, дѣло, къ смерти это не приближаетъ, а самъ господинъ надъ своимъ добромъ и рабомъ властелинъ. Подписалъ, а въ чемъ состояло духовное завѣщаніе—не зналъ, да и умѣстнымъ не находилъ любопытствовать. Что̀ же нынѣ оказывается? Завѣщаніе такого рода».

— И говоритъ намъ, какъ я вамъ уже разсказывала, что Михаилъ Ѳедоровичъ, дочь и имѣніе отдаетъ въ руки сестры и зятя, а буде со стороны дочери неповиновеніе къ нимъ, то лишаетъ ее наслѣдства, и все отказываетъ въ пользу сестры, то-есть Катерины Ѳедоровны.

— Ну-съ, теперь Башилова подала просьбу въ палату. Что такъ-какъ племянница ея бѣжала, что̀ извѣстно московскому мѣстному начальству, и что по неоднократному требованію ея, она къ нимъ не возвращается, и жить съ ними не хочетъ, а кромѣ того на вызовы ея отвѣчаетъ дерзкими письмами, которыя представляетъ при просьбѣ—то Катерина Ѳедоровна проситъ палату, принявъ во вниманіе поступки ея племянницы, утвердить за ней имѣніе, на которое она имѣетъ право по духовному завѣщанію ея покойнаго брата, Михайла Ѳедоровича. Всѣхъ это поразило!

— Андрей Николаевичъ хлопочетъ въ палатѣ, вызвалъ насъ, свидѣтелей, чтобы мы подтвердили, что дѣйствительно завѣщаніе писано рукою Михаила Ѳедоровича въ полномъ разумѣ, и что подписи точно наши, что духовная не фальшивая. Все это, по совѣсти, долженъ я былъ подтвердить, что̀ я и сдѣлалъ съ сокрушеннымъ сердцемъ, говоритъ отецъ Лаврентій. Потому что черезъ это Лидія Михайловна лишилась всего своего состоянья!

— Такъ мы руками и всплеснули!

— Батюшка, говоримъ, да неужто на нихъ и суда нѣтъ? Какъ же такъ безъ всего-то оставить... Ну, она бы на нихъ просила, все, можетъ быть, кто и вступился бы.

«— Ничего нельзя сдѣлать, говоритъ отецъ Лаврентій.—Воля покойнаго священна, никто ее опровергнуть не можетъ... Въ домъ къ нимъ она не возвращается, принудить ее на это нельзя, она

Digitized by Google

совершеннолѣтняя, примириться съ ними она отказывается... Имѣютъ полное право. Конечно, все это сдѣлано, дѣлалось и дѣлается не по божью... Грѣхъ, сребролюбіе!

— Осталась теперь она при двадцати душахъ родоваго, остальное все перешло къ Башиловымъ. Уговаривали ихъ, предлагали разныя мѣры—и слышать не хотятъ! Катерина Ѳедоровна говоритъ: «мы отъ нее не скрывали, она все знаетъ, никто въ этомъ невиноватъ, кромѣ ее самой».

— Въ письмѣ она имъ пишетъ: «Все равно, я знаю, рано или поздно, а это такъ бы и кончилось. Какъ только мой отецъ отдалъ вамъ меня на руки, я ужь была нищая. Берите все. А жить такъ, какъ я у васъ жила, съ меня довольно и двадцати душъ; а еслибы у меня и этого не было, я бы пошла съ сумой, но къ вамъ бы не пришла».

— Горько намъ стало за сироту, заплакали мы съ кумой.

«— Да, говоритъ отецъ Лаврентій:—хоть рѣки слезъ лей, ничему не поможешь. Разбогатѣли Башиловы, и въ скорое время. Да богатство-то тяжелое: въ руку ли оно имъ будетъ!

— Всѣ-то мнѣ тутъ припомнились слова няньки Прасковьи Семеновны, какъ по писанному говорила!

— Такъ-то жаль было народа—и сказать нельзя. Какъ узнали—они подняли вой, Башиловыхъ-то никто не любилъ... И Михаила Ѳедоровича косточки тронули!

— Какъ всѣ объ этомъ ни горевали, какъ ни толковали, а сѣли Башиловы господами; ввели ихъ во владѣніе, и горя мало! Господи, подумаешь, совѣсть гдѣ! Только не прошло это и мѣсяца, какъ пошелъ у насъ говоръ по селу, что Башиловы свою дочку просватали за какого-то важнаго служащаго, что свадьба у нихъ на Красную горку положена, и въ приданое за ней Катерина Ѳедоровна Заразы даетъ. Изъ ихъ дома этотъ слухъ идетъ; говорятъ, того и гляди, Андрей Николаичъ пріѣдетъ. Слушаю, послушаю, думаю, какъ бы мнѣ своего дѣла не прогулять. Сижу, сторожу и на барскомъ дворѣ приказала, какъ пріѣдетъ, чтобы мнѣ сказали, на чай обѣщала.

— И точно, мой батюшка Сергѣй Владимірычъ, на второй недѣли поста онъ и пріѣзжаетъ. Дали мнѣ это знать. Сказали: «вы, Агафья Тихоновна, не мѣшкайте, онъ пріѣхалъ ненадолго, подводы поднимаетъ, къ свадьбѣ изъ дома все вывозитъ... Вы его ловите».

— Я, не думавши долго, да на другой день къ нему. Вхожу; две-

Digitized by Google

ри всѣ настежъ, все таскаютъ, столяры въ ящики заколачиваютъ. Андрей Николаичъ въ крымскомъ тулупчикѣ кушакомъ подпоясанъ, шапка на головѣ, по комнатамъ бѣгаетъ, распоряжается.

«— Здорово, здорово, говоритъ мнѣ:—узнала?... Спасибо.

— Сундуки изъ кладовой таскаетъ; ключей цѣлая связка въ рукахъ, отопретъ, посмотритъ, а они съ приданымъ покойной матушки Лидіи Михайловны наколочены.... Прежде таскали, всего не повытаскали!

«— Дочку, говоритъ, замужъ отдаемъ... Пара, любоваться только! свою просватала, что ли?

«— У моей, говорю, женихъ еще неготовъ, приданое проситъ, вотъ къ вашей милости пришла. Надобно, Андрей Николаичъ, отдайте, сдѣлайте божескую милость.

«— Вò время, говоритъ, пришла! Гдѣ у тебя смыслъ-то, Агафья Тихоновна? Человѣку по-горло дѣла, а она объ своихъ деньгахъ толкуетъ!... Гдѣ же мнѣ теперь тебѣ взять наличныхъ, когда мнѣ самому каждая копейка нужна!

«— Да мнѣ-то что̀ же дѣлать, батюшка Андрей Николаичъ? у меня-то вѣдь это послѣднее!

—Хожу я за нимъ изъ комнаты въ комнату; онъ и къ тому и къ другому, а я ужь положила отъ него не отставать, думаю— одинъ конецъ.

«— Отдамъ, отвяжись, кричитъ:—вещью отдамъ, иди домой пришлю...

«— Да, батюшка, какою же вещью?... Куда же я съ нею дѣнусь...

«— Глупая ты этакая, вещь—тѣ же деньги!... Видишь—вотъ вѣдь вещи кладутъ, вѣдь денегъ онѣ стоятъ, а не битыхъ горшковъ?... Сказалъ—пришлю, ну, и убирайся; таскается тутъ, безъ тебя дѣла много... Мѣшаетъ тутъ, надъ ухомъ воетъ, уходи — тебѣ говорятъ.

— Такъ мнѣ было, Сергѣй Владимірычъ, совѣстно; при мужикахъ, да дворовыхъ кричитъ на меня, гонитъ; отъ стыда не знала, куда глаза дѣвать! Пришла домой; сижу, разливаюсь, плачу. День этотъ весь прошелъ—не присылаетъ. На другое утро Матрена говоритъ: «въ ночь обозъ отправилъ, самъ еще не уѣзжалъ». Глазъ не осушаю; какъ взгляну на Варю, такъ и зальюсь. Въ сумерки прилегла я на постель, съ горя-то совсѣмъ какъ разбитая. Варя въ кухнѣ на печкѣ грѣлась; только слышу, бѣжитъ она

Digitized by Google

ко мнѣ, говоритъ: «поди, маменька, тамъ тебѣ отъ Андрея Николаича принесли что-то».

— Я вскочила, перекрестилась, говорю: «слава тебѣ Господи, хоть что-нибудь получила». Думала, онъ мнѣ изъ платья либо изъ бѣлья чего-нибудь прислалъ, все-таки годится. Отворила прихожую, гляжу—стоитъ столяръ Василій, съ нимъ мальчишка, вотъ этихъ идоловъ къ притолкѣ приставили.

«— Что, говорю, тебѣ, Василій?

«— Да вотъ, Андрей Николаичъ вамъ прислалъ. Приказалъ вамъ ихъ уладить.

— Самъ изъ кармана гвозди вынимаетъ.

«— Да Бога онъ не боится, на какого они мнѣ шута нужны! Просто я такъ голосомъ и завыла.

— Неси ему ихъ, говорю, пусть онъ ихъ себѣ вѣшаетъ... Скажи ему, я ему кровными моими давала, слезами моими ихъ сколотила... Видно, ему сладки сиротскія деньги показались, не до сыта еще ими наѣлся?... Не надо мнѣ, пусть онъ свое добро назадъ возьметъ, неси ему.

— Они ужь ѣхали.

— Такъ я, Сергѣй Владимірычъ, на скамейку въ прихожей и упала! Ужь ничего не помню; слышу, онъ тамъ молоткомъ колотитъ, точно гробъ мой заколачиваетъ!

«—И чьи такіе? И откуда такіе? И жили ли когда на свѣтѣ божьемъ? Такъ, можетъ, какихъ-нибудь намалевали...

Агафья Тихоновна замолчала.

— Ну, Агафья Тихоновна, что же вы?

— Да что же, батюшка? Вотъ и все.

— Какъ все? а Башиловы?

— Башиловы? Да что имъ дѣлается! Дочь отдали замужъ, живутъ богато...

— А Лидія Михайловна?

— Лидія Михайловна!... Богъ-вѣсть... Ничего вамъ объ ней не могу сказать. Кому у насъ объ ней поминать!

С. Зимарова.

Digitized by Google

НАША СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ ЛИТЕРАТОРА-ОБЫВАТЕЛЯ.

X.

Контрактъ.

Часовая стрѣлка стоитъ на шести утра, слабый свѣтъ едва проникаетъ сквозь опущенныя зеленыя занавѣси... На турецкомъ диванѣ, огибающемъ комнату, одинъ за другимъ помѣщаются три помѣщика; ихъ не слишкомъ громкое, но въ высшей степени согласное храпѣніе имѣетъ въ себѣ что-то гармоническое и музыкальное; въ альковѣ за занавѣсью виднѣется становой приставъ и скромно вторитъ помѣщикамъ... Я одинъ бодрствую, ворочаясь на постели, и въ сотый разъ проклинаю привычку свою вскакивать ни свѣтъ, ни заря.

Вдругъ на лѣстницѣ послышались чьи-то торопливые шаги... Дверь съ шумомъ растворилась, и въ комнатѣ появилась взъерошенная фигура сосѣдняго помѣщика, извѣстнаго въ обществѣ подъ именемъ «надломленнаго господина» съ тѣхъ поръ, какъ онъ самъ выразился о себѣ такимъ образомъ, и не болѣе двухъ лѣтъ, какъ послѣ всякихъ житейскихъ передрягъ и бурь, поселившагося въ своей наслѣдственной Жемковкѣ, какъ въ совершенно безопасной и невозмутимой пристани.

Войдя въ комнату, «надломленный господинъ» опрометью кинулся къ алькову, въ которомъ наслаждался становой приставъ, и съ размаху не отдернулъ, а оторвалъ занавѣску, украшавшую альковъ; желѣзный прутъ, на которомъ она двигалась, звеня, полетѣлъ на полъ, спящіе помѣщики и становой приставъ разомъ вскочили на ноги и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ взглянули на взъерошенную фигуру «надломленнаго господина».

Digitized by Google

— Спасайте невинность! взывалъ тотъ, обращаясь къ становому приставу:—меня самымъ безсовѣстнымъ образомъ обманули; все, что я дѣлалъ для этого человѣка, все это забыто... меня кругомъ обмошенничали.

— Что такое? что же случилось? спрашиваетъ становой, протирая глаза...

— Дѣло вотъ въ чемъ: годъ тому назадъ, какъ я сдалъ мельницу по контракту на восемь лѣтъ, бывшему сидѣльцу Скачкову. Представьте себѣ, этотъ человѣкъ пріѣхалъ ко мнѣ: такъ и такъ, говоритъ, имѣю твердое желаніе бросить свое прежнее ремесло, дѣти подростаютъ, какой имъ примѣръ въ кабакѣ, да и самому, признаться вамъ, опротивѣло возиться съ пьянымъ народомъ; что это за ремесло—послѣднее дѣло. Желаю оставить все это и снять у васъ мельницу. Я, разумѣется, очень радъ; я всегда радуюсь всякому проявленію хорошаго въ человѣкѣ. Совершаемъ контрактъ. Скачковъ съ семействомъ поселяется на мельницѣ. Я дѣлаю ему всевозможныя снисхожденія: дарю лѣсу, соломы, отсрочиваю оброкъ, наконецъ даже скидываю часть арендной суммы. Нынѣшней зимой было особенно много мелева... Скачковъ набралъ множество муки. Приходитъ срокъ уплаты; является Скачковъ. «Прибѣгаю къ стопамъ ногъ вашихъ, не отвергните»... Что такое? — Да на недѣльку отсрочьте оброкъ, потому что я продалъ сосѣду мѣщанину пятьсотъ пудовъ муки, а денегъ еще не получалъ. Я ничего не подозрѣваю, и соглашаюсь. Проходитъ недѣля, снова является Скачковъ и говоритъ, что мѣщанинъ ѣздилъ за деньгами въ городъ, но не засталъ того, у кого думалъ взять ихъ, а потому нельзя ли отсрочить еще на недѣлю. Соглашаюсь, тѣмъ болѣе, что контрактъ — святое дѣло. Прошла еще недѣля... тутъ узнаю, что все что ни говорилъ мнѣ Скачковъ, все это—вранье, что онъ давно вывезъ всю муку, всѣ свои вещи къ сосѣду, скотину тоже угналъ, и такимъ образомъ, втихомолку изготовился къ тому, чтобы въ одно прекрасное утро нарушить контрактъ и бѣжать съ мельницы. Сегодня утромъ посылаю за Скачковымъ и объявляю ему, что все знаю; а онъ на меня еще накинулся — обозвалъ тираномъ, грабителемъ, и отъ мельницы рѣшительно отказался. Сажусь въ сани, чтобы ѣхать къ вамъ, гляжу—съ мельницы все расхищается и лошадь у Скачкова запряжена; я приказываю задержать лошадь, ѣду за старшиной и съ нимъ вмѣстѣ являюсь на мельницу, тамъ происходитъ тревога. Скачковъ ругается; подговоренные заранѣе

Digitized by Google

кредиторы берутъ подъ уздцы лошадь, везутъ лежень съ плотины. Шумъ, крикъ, споръ; обращаюсь къ толпѣ крестьянъ—я вообще не желаю, чтобы обо мнѣ сосѣди мои были дурного мнѣнія — объясняю имъ все, что было между мною и Скачковымъ, все что дѣлалъ я для Скачкова — никто меня не слушаетъ, никому дѣла нѣтъ, что я обманутъ, что я кругомъ правъ, и десятки пьяныхъ голосовъ зѣваютъ заодно съ Скачковымъ, что я грабитель, тиранъ и проч. и проч. Я въ сани, и къ вамъ, измученный, разбитый...

Проснувшіеся помѣщики и становой приставъ ни разу не смигнули, внимая разсказу «надломленнаго», тѣмъ болѣе, что тотъ, если уже начиналъ говорить о чемъ нибудь, то говорилъ долго, съ необычайнымъ одушевленіемъ, даже, можно сказать, картинно говорилъ.

— Вы поймите мое положеніе, поймите... продолжалъ между тѣмъ «надломленный господинъ»:—что меня въ этомъ дѣлѣ болѣе всего возмущаетъ не потеря, не убытки, а самый фактъ — неизмѣримая подлость, ложныя показанія, безстыдство: это на здоровье ложится, это жизнь укорачиваетъ, я и безъ того не богатырь, а тутъ переживать такія нравственныя передряги. И «надломленный господинъ» съ размаху, какъ снопъ, покатился въ кресло.

Помѣщики и становой приставъ, полушутя, полусерьёзно разспрашивали о подробностяхъ, по обыкновенію толковали много и безъ толку, но «надломленный господинъ» отвѣчалъ на все одними глубокими, душу выворачивающими вздохами, и только торопилъ станового пристава.

Прощаясь съ хозяиномъ и гостями, неперестававшими двусмысленно и лукаво улыбаться, «надломленный господинъ» предложилъ мнѣ, какъ старому товарищу по университету, сопутствовать ему и раздѣлить съ нимъ дни скорби и печали. Чтобы утѣшить его, я поспѣшилъ согласиться.

Дорогой, смотря на грустное, желтое лицо стараго товарища, я припомнилъ то время, когда онъ, послѣ всякихъ житейскихъ бурь, пріѣхалъ наконецъ въ свою мирную пристань, въ свою Жемковку, какъ думалъ устроить свое скромное, но прочное положеніе, сдавши землю и мельницу по контракту, въ святость котораго твердо вѣровалъ; какъ утѣшался надеждой устроить въ высшей степени интимныя и человѣческія отношенія къ временно-обязаннымъ, и какъ потомъ до такой степени надоѣлъ имъ

Digitized by Google

своимъ вѣчнымъ забѣганіемъ въ глаза, вѣчными услугами, а главное — вѣчными благоразумными совѣтами и желаніемъ «направлять меньшихъ братій», что тѣ сначала подозрительно и внимательно осмотрѣли его съ ногъ до головы, а потомъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, подняли на смѣхъ и дурачили при каждомъ удобномъ случаѣ, какъ человѣка добренькаго, слабенькаго, а главное «какъ не хозяина своему добру», что, какъ мнѣ кажется, прежде всего и мимо всего неминуемо роняетъ каждаго въ глазахъ нашего крестьянина.

Я еще разъ взглянулъ на желтое, почти что страдальческое лицо «надломленнаго господина», и мнѣ невольно пришло на мысль, что съ тѣхъ поръ какъ судьба забросила меня въ глушь, то-есть въ самую глубь русской жизни, я, вращаясь въ обществѣ, по большей части встрѣчаю лица двухъ разборовъ: или закругленныя, глянцовитыя, какъ будто слегка тронутыя лакомъ, и въ то же время въ высшей степени самодовольныя, пошлыя и апатическія; или же лица желтоватыя, осунувшіяся, на которыхъ сквозь напускную веселость, равнодушіе, даже сквозь смѣхъ, постоянно глядитъ на васъ и непріятно поражаетъ скрытая, но глубокая, душевная рана. И что за причина, что мнѣ почти не случалось видѣть въ глуши нашей лицъ съ выраженіемъ разумнымъ, человѣческимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойнымъ, здоровымъ?

Въ маленькой прихожей господскаго дома ожидалъ насъ старшина съ знакомъ на груди.

— Понятыхъ сейчасъ сюда... приказалъ становой.

— Да вотъ какое дѣло, заговорилъ старшина, круглое и рябоватое лицо котораго выражало величайшее недоумѣнье.—Тутъ все тащатъ зря, даже образа успѣли унести изъ избы, а теперь вонъ муку подбираютъ остатки.

— Да вѣдь тебѣ говорили, чтобы ты ничего до моего пріѣзда не дозволялъ расхищать? напустился становой.

— Приказывать-то приказывали, отвѣчалъ старшина, почесывая затылокъ.

— Такъ что же ты смотрѣлъ?

Старшина еще разъ почесалъ затылокъ и пошелъ собирать понятыхъ.

Съ полчаса спустя, въ сѣняхъ завозилась куча вошедшихъ крестьянъ.

Старшина доложилъ, что понятые и Скачковъ на лицо... Становой принялъ озабоченный видъ и направился къ дверямъ.

Digitized by Google

«Надломленный господинъ» какъ трупъ повалился на диванъ, а въ растворенную дверь послышался слѣдующій разговоръ:

— Ты мѣщанинъ Скачковъ?

— Точно такъ-съ.

— Ты снималъ мельницу на восемь лѣтъ у г. Борисова?

— Не знаю-съ.

— Какъ не знаю?

— Я теперь ничего не знаю, послѣ такого поприща, какое со мной послѣдовало; семейство убито, плачетъ... я тоже въ слезахъ, совершенно потерянъ, себя не помню.

— Да ты отвѣчай!

— Извольте выслушать поприще моихъ несчастій, и въ которыя поставленъ я гонителемъ моимъ, господиномъ Борисовымъ.

— Да ты отвѣчай мнѣ, заключалъ ли контрактъ?

— А также выслушайте, сдѣлайте милость, поприще, совершенное со мною господиномъ Борисовымъ, отобраніемъ у меня насильственно лошади, съ находившимся въ санахъ имуществомъ и драгоцѣнными вещами.

— Этого только недоставало, застоналъ «надломленный господинъ» и живо уткнулъ лицо въ подушку.

— Да ты не путай, ты отвѣчай на то, что̀ спрашиваютъ.

— Вы меня не сбивайте, ваше благородіе, я—человѣкъ робкій, сейчасъ стою на ногахъ и сейчасъ же могу сомлѣть, а о томъ прошу васъ нижайше, войдите въ мое поприще; контрактъ—священная вещь, а съ мельницы меня столкнули; ни продать, ни взять я не могу ничего съ мельницы... разграбленъ... отнята у меня на большой дорогѣ лошадь съ драгоцѣнными вещами, я караулъ закричу.

— Да ты отвѣчай на мой вопросъ, а чушь-то нечего нести. Ты думаешь, что это такъ тебѣ и сойдетъ; оклеветалъ человѣка, да и все тутъ — нѣтъ, за это еще въ острогѣ насидишься, горячится потерявшій терпѣніе становой.

Становой вовсе не походилъ на тѣхъ становыхъ, надъ которыми съ такимъ остроуміемъ издѣвались наши обличители; онъ былъ человѣкъ вполнѣ честный и хорошій.

— Въ немъ особенно хорошо то, что онъ нисколько не походитъ на становаго пристава, весьма справедливо замѣтилъ о немъ одинъ изъ моихъ сосѣдей.

— Въ острогъ, такъ въ острогъ; такъ-какъ я сбитъ съ мельницы, разграбленъ, такъ-какъ поприще мое кончено, то я покор-

Digitized by Google

нѣйше прошу васъ, возьмите меня, скуйте меня. Я уже на то пошелъ, скуйте же меня, въ свою очередь горячился Скачковъ.

— Что за каналья, что за каналья! И этому человѣку я помогалъ, этого человѣка выручалъ, стоналъ «надломленный господинъ», не поднимая головы отъ подушки.

Въ прихожей растворилась дверь и вошли еще три-четыре человѣка.

— Вы что? снова раздался голосъ становаго.

— Мы свидѣтели, отозвались въ одинъ голосъ вошедшіе.

— Чего же вы свидѣтели?

— Такъ-какъ мѣщанинъ Скачковъ точно сбитъ съ мельницы и даже грабежомъ отнята у него лошадь, такъ мы въ томъ свидѣтельствуемъ.

— Вонъ! крикнулъ освирѣпѣвшій становой.

Озадаченные свидѣтели поспѣшили убраться, между тѣмъ какъ «надломленный господинъ» уже стоялъ на ногахъ среди комнаты, запустивши въ волосы свои руки.

— Знаете ли вы, что это за люди пришли сюда, свидѣтельствовать противъ меня? Знаете ли вы это? съ горечью и вмѣстѣ съ нѣкоторой торжественностью спрашивалъ меня «надломленный господинъ».

— Нѣтъ, не знаю.

— Это здѣшніе дворники... Одного изъ нихъ я на ноги поставилъ и домъ ему помогъ выстроить; другому вотъ уже два года отпускаю въ долгъ овса и сѣна; третій грамотный, охотникъ читать, ему газеты посылаю, книги, дѣтей его учу... И вотъ какая благодарность... вотъ чего дождался!... Говоря это, «надломленный господинъ» сдѣлалъ шагъ къ дверямъ, какъ будто собираясь публично уличить своихъ бывшихъ пріятелей.

— Такъ ты отвѣчай мнѣ... снова входя въ роль безстрастнаго слѣдователя, продолжаетъ становой.

— Нѣтъ, вы лучше ведите меня въ острогъ, я на это поприще рѣшаюсь. Я лучше соглашаюсь въ острогъ. Совершенно упалъ духомъ; мнѣ только бы до мѣста, да грохнуться, видимо сробѣвши заговорилъ Скачковъ.

— Нѣтъ, ужь лучше пойдемъ съ понятыми на мельницу, отвѣчалъ становой, и дѣйствительно пошелъ на мельницу въ сопровожденіи мужиковъ и Скачкова.

— Ну, что же теперь съ нимъ будетъ? сидя за вечернимъ чаемъ, не безъ нѣкотораго волненія, обратился къ становому «надломленный господинъ».

Digitized by Google

Онъ до такой степени увѣровалъ въ святость и ненарушимость контракта, что даже въ душѣ трепеталъ за будущую судьбу Скачкова.

— Сейчасъ только Скачковъ обращался ко мнѣ съ тѣмъ же самымъ вопросомъ, отвѣчалъ становой.

— Что же вы ему отвѣчали?

— То же, что и вамъ отвѣчу: пріѣдетъ къ вамъ слѣдователь.

— А потомъ?

— Произведетъ слѣдствіе.

— А потомъ?

— А потомъ дѣло пойдетъ въ уголовную палату.

— А потомъ?

— А потомъ будетъ его разсматривать уголовная палата.

— И долго все это продлится?

— Годъ-другой, пожалуй...

— А неустойку четыреста рублей серебромъ откуда я получу?

Становой молчалъ.

— Что же, это такое дѣло, ясно какъ день: меня подлѣйшимъ образомъ оболгали, обокрали, а тутъ жди годъ-два, а можетъ быть, и вѣкъ ничего не дождешься... Гдѣ же тутъ святость и ненарушимость контракта?

Становой продолжалъ молчать.

За то, когда снова понадобился Скачковъ, то лицо его выражало полнѣйшее спокойствіе, онъ весело гладѣлъ прямо въ глаза становому приставу.

— Ты это на носу себѣ заруби, что я тебя непремѣнно упрячу въ яму, угрожаетъ ему «надломленный господинъ».

Скачковъ улыбается.

— За три года деньги впередъ внесу.

— Если ваша милость будетъ, я готовъ, я согласенъ, хоть сейчасъ, съ моимъ великимъ удовольствіемъ, улыбаясь отвѣчаетъ Скачковъ. Онъ тоже воображалъ, до настоящей минуты, что человѣкъ, неисполнившій того, что обязался исполнить по контракту — пропащій человѣкъ, что его сейчасъ же должны взять, сковать, снять съ него послѣдній кафтанъ и потомъ везти куда-то далеко, чуть ли не въ Камчатку; но когда Скачковъ убѣдился, что ничего подобнаго не произойдетъ и дѣло можетъ пойти въ оттяжку: пріѣдетъ новый чиновникъ, начнутся новые разспросы, дознанія, а тамъ дѣло поступитъ въ уголовную палату, потребуются новыя объясненія и дополненія,

Digitized by Google

бумаги принакопится достаточно, наконецъ дойдетъ до того, что вопіющее дѣло надоѣстъ и судьямъ праведнымъ, и самому господину Борисову, и уходится гнѣвъ послѣдняго, и плюнетъ онъ на вопіющее дѣло, строго заказавши окружающимъ никогда не поминать въ присутствіи его о мѣщанинѣ Скачковѣ — онъ, то-есть мѣщанинъ Скачковъ, сейчасъ же пріободрился и розы снова показались на полныхъ щекахъ его.

— А мѣщанинъ-то, сосѣдъ-то... отличился, нечего сказать... Вѣдь это все его штуки... Я даже увѣренъ, что онъ и научилъ Скачкова, къ нему перевезена вся мука. Основываясь на его словахъ, я отсрочилъ Скачкову оброкъ... И это человѣкъ, гражданинъ, продолжалъ казниться «надломленный господинъ».

— Да вотъ я только что получилъ отъ него отзывъ, сказалъ становой и прочелъ слѣдующее:

«На запросъ вашего благородія имѣю честь донести, что не я мѣщанину Скачкову, а мнѣ мѣщанинъ Скачковъ былъ долженъ триста рублей серебромъ, въ счетъ коихъ и навязалъ онъ мнѣ до семисотъ пудовъ муки. Ко всему этому считаю долгомъ своимъ присовокупить, что мѣщанинъ Скачковъ человѣкъ вполнѣ заслуживающій всякой похвалы и всякаго довѣрія.»

— Нѣтъ, послѣ этого жить нельзя, до такой степени все изолгалось и оподлѣло! вскричалъ «надломленный господинъ», и точно ужаленный змѣей вскочилъ на ноги.

— Рѣшено... съ нынѣшняго же дня завожу записную книгу, продолжалъ онъ:—куда буду вносить всякую случившуюся со мною подлость и гадость. Посмотрите, какъ скоро наполнится—и «надломленный господинъ» засуетился, сгарая желаніемъ тотчасъ же привести въ исполненіе свою мысль.

Недѣли черезъ двѣ я заѣхалъ въ Жемковку и на письменномъ столѣ моего стараго товарища дѣйствительно нашелъ толстую книгу, съ надписью: «Дневникъ всякихъ подлостей, совершающихся въ мирной пристани Жемковкѣ».

Я раскрылъ книгу и прочелъ слѣдующее:

«Вторникъ, 9-е марта. Приходилъ бочкаревскій мужикъ, проситъ продать ему съ мельницы два пуда муки и три пуда посыпки; потомъ вспоминаетъ, что ему еще нужно купить соли, и потому платитъ мнѣ только за одинъ пудъ муки и за два пуда посыпки. Вечеромъ захожу на мельницу, и безъ малѣйшаго удивленія узнаю, что бочкаревскій мужикъ взялъ два пуда муки и три пуда посыпки.

Digitized by Google

«Среда, 10-е марта. Пріѣзжій мужикъ купилъ у меня сотню кирпичей, заплатилъ шестьдесятъ копеекъ серебромъ; потомъ явился тотъ же мужикъ, взялъ еще пятьдесятъ кирпичей, обѣщаясь непремѣнно на другой же день привезти за нихъ деньги. Я нисколько не сомнѣвался въ его желаніи надуть меня, но все-таки согласился; мужикъ дѣйствительно исчезъ безвозвратно.

«Четвергъ, 11-е марта. Сегодня кто-то увезъ у меня гуменныя ворота, вмѣстѣ съ столбами и замкомъ.

«Пятница, 12-е марта. Сегодня купецъ изъ нашего уѣзднаго города на базарѣ собралъ сосѣднихъ мордвовъ, единственныхъ съемщиковъ земли госпожи Коклюшкиной, и уговаривалъ ихъ ни въ какомъ случаѣ не давать г-жѣ Коклюшкиной болѣе одного рубля пятидесяти копеекъ за десятину земли, между тѣмъ какъ самъ не разъ подсылалъ къ ней дьячка и давалъ одинъ рубль семьдесятъ копеекъ за десятину.

«Суббота, 13-е марта. Тормозовскій станціонный смотритель прислалъ мнѣ сказать съ ямщикомъ, что если я тотчасъ же не пришлю ему двадцать-пять пудовъ муки, то не видать мнѣ ни журналовъ, ни газетъ, а за письма назначилъ особенно по десяти копеекъ серебромъ за каждое письмо.

«Воскресенье, 14-е марта. Гарышникъ Парфенычъ беретъ каждый вечеръ по двѣ свѣчи на мельницу; сегодня узналъ, что онъ имѣетъ обыкновеніе одну свѣчу заносить домой, половину свѣчи отдавать цѣловальнику, и только другую половину употребляетъ дѣйствительно въ мою пользу, на освѣщеніе мельницы.

«Понедѣльникъ, 15-е марта. Третьяго-дня новый мельникъ, Емельянъ Колесовъ, заключилъ со мною условіе въ волостномъ правленіи, по которому обязался служить на моей мельницѣ въ теченіе года и ничего не требовать за свою службу кромѣ проски *. Сегодня явился ко мнѣ тотъ же самый Емельянъ Колесовъ и потребовалъ отъ меня, сверхъ проски, двадцать-пять рублей серебромъ жалованья. Напрасно ссылался я на только что заключенное условіе — Емельянъ Колесовъ былъ непоколебимъ, и въ заключеніе всего посовѣтовалъ мнѣ пріискать другаго мельника, и немедленно скрылся.

«Вторникъ, 16-е марта. Звѣрообразный помѣщикъ Шишмановъ грозится раздавить меня какъ муху, за то, что будто бы я описалъ дѣянія его въ какомъ-то журналѣ. Вообще все письмо Шиш-

* Добровольное пожертвованіе помольца въ пользу мельника.

Digitized by Google

маилова дышетъ неукротимымъ гнѣвомъ и желаніемъ, ни съ того ни съ сего, переломать мои кости.

«Среда, 17-е марта. Такъ же точно, по дошедшимъ до меня слухамъ, желаютъ поступить со мной окрестные мужички, если я въ теченіе нынѣшняго лѣта буду такъ же строго и неутомимо наблюдать за дневными и ночными караулами и объѣздами по случаю пожаровъ, какъ наблюдалъ (по приглашенію мироваго посредника) въ прошедшемъ году. Изъ чувства самосохраненія я долженъ бы немедленно бѣжать изъ сихъ мѣстъ, что̀ я и сдѣлалъ бы, еслибы было куда бѣжать.»

— А знаете ли, что̀ я придумалъ? прервалъ мое чтеніе «надломленный господинъ», мгновенно переходя отъ чернаго цвѣта къ розовому. Онъ былъ въ высшей степени склоненъ къ такого рода скачкамъ, и если сегодня говорилъ о крестьянахъ, какъ о сословіи, отличающемся одними животными свойствами, да смѣкалкой какъ лучше схитрить да обмануть, то это нисколько не мѣшало ему завтра же благоговѣть и ставить на недосягаемую высоту здравость ума и нравственныя свойства русскаго мужика.

— Знаешь ли, что̀ пришло мнѣ въ голову — что лучше всего было бы снять мою мельницу крестьянамъ всѣмъ обществомъ. У нихъ былъ бы общій трудъ, общій доходъ—однимъ словомъ, нѣчто въ родѣ ассоціаціи рабочихъ, къ чему, какъ извѣстно, стремится весь образованный Западъ и рабочій народъ въ Англіи. Я уже говорилъ крестьянамъ; они сейчасъ же поняли меня, и оцѣнили мое предложеніе. Наконецъ это будетъ прекрасный примѣръ для окрестныхъ крестьянъ... тѣмъ болѣе, что артель лежитъ, такъ-сказать, въ натурѣ русскаго человѣка.

Я не противорѣчилъ, не громилъ воздушные замки, на скорую руку построенные моимъ старымъ товарищемъ, хотя ясно понималъ, что общинное владѣніе насолитъ ему столько же, сколько насолилъ Скачковъ, если не болѣе. Но продолжая перелистывать книгу, заведенную «надломленнымъ господиномъ» для записыванія всякихъ подлостей и гадостей, совершающихся въ мирной пристани, я все болѣе и болѣе впадалъ въ мрачное, тяжелое настроеніе духа; и въ самомъ дѣлѣ, для подобной книги въ нашей мѣстности за матеріаломъ недостатка не будетъ.

Я не говорю о городахъ нашихъ—я ихъ не знаю; да, впрочемъ, и стоитъ ли говорить о нашихъ городахъ, объ этихъ песчинкахъ, едва примѣтныхъ на необъятномъ пространствѣ нашего отечества; но съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что

Digitized by Google

въ нашихъ вѣсяхъ можно смѣло возвести въ законъ слѣдующія положенія:

1) каждый изъ насъ можетъ смѣло занять деньги у ближняго своего, съ тѣмъ чтобы не платить ихъ ни въ какомъ случаѣ;

2) чтобы окончательно разстроить нервы, здоровье и преждевременно состариться, стоитъ только переѣхать въ какую нибудь Жемковку, съ благородной цѣлью усовершенствовать свое хозяйство, завести человѣческія отношенія и проч. и проч.

XI.

Весна.

Потемнѣла дорога; кое-гдѣ, по пригоркамъ, разорвалось сплошное бѣлое покрывало и открылись черныя земляныя полосы... Въ полдень солнце начинаетъ уже сильно нагрѣвать оконныя стекла, гонитъ снѣгъ, густымъ слоемъ покрывавшій крыши домовъ, всевозможныя домашнія животныя въ неописанномъ наслажденіи подставляютъ свои спины подъ теплые лучи его и въ избыткѣ удовольствія зажмуриваютъ глаза; тамъ и сямъ, какъ-будто для забавы уличныхъ мальчишекъ, начинаютъ образовываться небольшія лужи, предвѣстницы будущихъ зажоровъ, будущихъ несчастій и приключеній бѣднаго чиновника, посланнаго по казенной надобности, или обозника, взявшагося доставить товаръ къ извѣстному сроку; прилетѣли грачи и уже завелись своимъ хозяйствомъ на недосягаемыхъ вершинахъ старыхъ ветелъ. Мужики лѣниво сходятся около постоялаго двора погрѣться на весеннемъ солнышкѣ, и въ сотый разъ потолковать о томъ, что никакой круговой поруки ненадо, а каждый знай себя и за себя отвѣчай... Ихъ болѣе всего смущаетъ круговая порука, и не взирая на то, что каждому изъ нихъ очень хорошо было извѣстно, что въ уставной граматѣ именно было сказано, что повинности отбываются крестьянами за круговою порукою, грамата неприкосновенно лежала въ волостномъ правленіи, а въ дѣйствительности о круговой порукѣ не было и рѣчи, каждый отвѣчалъ за себя и отчаянно шумѣлъ, лишь только дѣло касалось того, чтобы снять одну или двѣ души съ какого нибудь Бориса—старика, едва таскавшаго ноги и къ тому же обремененнаго огромнымъ семействомъ, единственной опорой и плательщикомъ котораго былъ двадцатилѣтній парень Моисей, или Мыська, какъ звали его крестьяне.

Digitized by Google

Но вотъ къ виднѣвшемуся вдали новенькому волостному правленію шибко подъѣхала пара лошадей съ колокольчикомъ подъ дугой, а вслѣдъ затѣмъ съ крыльца правленья однимъ прыжкомъ скакнулъ сотникъ и бѣгомъ направился къ сходкѣ.

— Анаралъ ѣдитъ! анаралъ! новый губернаторъ, велѣно всѣхъ поголовно выгонять на большую дорогу ухабы ровнять... Живо собирайся! живо поворачивайся! еще издали кричитъ сотникъ, размахивая палкой.

Крестьяне встрепенулись, и дѣйствительно, не прошло десяти минутъ, какъ я видѣлъ уже безконечную вереницу саней, выѣзжавшую изъ селенія.

Вслѣдъ затѣмъ на берегу рѣчки появилась цѣлая куча бревенъ и дѣятельно застучали топоры.

— Что это вы, ребята, дѣлаете? спрашиваю я плотниковъ, проходя мимо.

— Паромъ справляемъ... отвѣчали плотники, продолжая неутомимо работать топорами.

— Зачѣмъ это?

— Знамо, зачѣмъ: людей и поштву переправлять.

— Да вѣдь прежде этого не было?

— Мало ли чего не было прежде...

Въ эту минуту подошелъ писарь становаго пристава, поднявшій на ноги все селеніе: топоры застучали еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ.

— Скажите, зачѣмъ этотъ паромъ? обращаюсь я къ писарю.

— Больше насчетъ примѣра и виду... Такъ-какъ его превосходительство изволитъ ревизовать губернію, такъ оно тутъ будетъ у мѣста... объяснилъ писарь.

— Ну, что же слышно насчетъ новаго губернатора? полюбопытствовалъ я.

— Губе́рнаторъ во всей формѣ: строгій, взыскательный... до всего доходитъ, въ судъ съ семи часовъ утра забрался, въ полночь вышелъ... начальство разобралъ: кого подъ судъ, кого просто на покой...

Наконецъ въ одно прекрасное весеннее утро, мимо оконъ моихъ проѣхалъ новый губернаторъ, въ простыхъ рогожныхъ саняхъ, на тройкѣ лошадей, безъ всякаго шума и погрома, безъ скачущихъ впереди исправника и становаго пристава, долженствующихъ изобразить въ эту минуту громъ и молнію, всегдашнихъ предвѣстниковъ Юпитера.

Digitized by Google

Новый губернаторъ укротилъ ревность полиціи, пригласивши ее лучше дѣломъ заниматься, нежели тратить дорогое время на безполезную скачку и прислуживаніе.

Вскорѣ чиновничество громко возроптало на неутомимую дѣятельность новаго губернатора, находя что это ни въ какомъ случаѣ нейдетъ къ сановнику, даже нѣсколько роняетъ его сановитость. Дворянство въ свою очередь вознегодовало на то, что новый губернаторъ ни съ кѣмъ не знакомится и никому руки не подаетъ... Кто-то даже рѣшился издалека намекнуть ему, что такъ нельзя, что здѣсь дворянство весьма почтенное и образованное, на что будто-бы губернаторъ отвѣчалъ: «что онъ пріѣхалъ въ губернію не знакомиться, а дѣло дѣлать».

Эти слова мигомъ облетѣли всю губернію, возбуждая надежды и упованія всего, что только было порядочнаго въ ней.

Въ эту минуту, когда весна съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе даетъ себя чувствовать, когда въ воздухѣ повѣяло чѣмъ-то новымъ, успокоительно дѣйствующимъ на раздраженные нервы, когда совершенно открылось и пріятно зазеленѣло далекое озимое поле, и то и дѣло обращаются въ его сторону полные надеждъ и сладостныхъ предчувствій глаза помѣщиковъ и крестьянъ, когда въ тепломъ воздухѣ, вмѣсто воя вьюги, раздается пѣсня жаворонка — въ эту минуту, далеко выступающую изъ длиннаго, скучнаго ряда безотрадныхъ дней, въ эту минуту, переполненную всякими надеждами и ожиданіями, въ эту чудную минуту, мнѣ кажется, безъ всякой особенной натяжки можно сблизить появленіе весны, возбуждающей столько надеждъ на урожай и вообще на лучшее будущее, съ появленіемъ новаго губернатора.

Отъ новаго губернатора, какъ отъ приближающейся весны, всѣ ожидали всего лучшаго, утѣшительнаго: ожидали, что не рискуя жизнью, можно будетъ ѣздить по дорогамъ, даже въ весеннее и осеннее время; ожидали, что полиція выйдетъ наконецъ изъ летаргическаго сна; помѣщичьи и крестьянскія лошади не будутъ уже пропадать безслѣдно, какъ камень, брошенный въ воду; безпаспортные и бродяги всякаго рода не будутъ прогуливаться по губерніи такъ же безопасно, какъ прогуливаются они гдѣ-нибудь въ Англіи или въ Швейцаріи, гдѣ, какъ извѣстно, никакихъ паспортовъ не требуется; ожидали, что полицейскія мѣры при взысканіи съ господъ, имѣющихъ благородную привычку не платить долговъ своихъ, не будутъ только од-

Digitized by Google

ной ни къ чему неведущей формальностью, средствомъ оттянуть дѣло, средствомъ необычайнаго размноженія подражателей и послѣдователей господъ, имѣющихъ благородную привычку не платить долговъ своихъ — однимъ словомъ, ожидали, что полиція наша, наконецъ, будетъ пригодна на что нибудь другое, кромѣ скаканія на поклоны къ вліятельнымъ лицамъ въ уѣздѣ, кромѣ отписки и переписки бумагъ, кромѣ обдѣлыванія втихомолку своихъ собственныхъ дѣлъ—ожидали, что законъ, какъ весеннее солнце, засіяетъ на всю губернію и все живущее на необъятномъ пространствѣ ея, безъ всякаго различія: богачи и бѣдняки, чиновные и нечиновные, все это, волей или неволей, разомъ преклонится передъ закономъ — ожидали... да мало ли какія надежды возлагаютъ въ глуши на новаго губернатора!

А между тѣмъ весна все болѣе и болѣе радуетъ, все ликуетъ, суровыя лица мужиковъ оживляются улыбкой, коровы и лошади уже не грѣются на солнышкѣ, а скачутъ взадъ и впередъ по деревнѣ, поднявши хвосты; рѣчка потемнѣла, вздулась и къ общему удовольствію крестьянъ и неописанному горю содержателя мельницы, яростно хлынула на плотину, унося безъ всякаго разбору: лѣсъ, землю, навозъ, однимъ словомъ—все, чѣмъ думалъ остановить ее человѣкъ.

Толпы любопытныхъ и любителей даровыхъ зрѣлищъ со всѣхъ сторонъ стекаются на берегъ рѣки полюбоваться на то, какъ дрожитъ и стонетъ плотина, подъ безпрерывными ударами громадныхъ льдинъ, какъ безъ толку суетится и мечется, точно одурѣвшій хозяинъ мельницы, и сидя на мокромъ пескѣ, на всю окрестность вопитъ и причитываетъ его жена, окруженная цѣлымъ десяткомъ оборванныхъ дѣтей... Въ черной толпѣ праздно стоявшихъ мужиковъ начинаются соображенія на счетъ того, во сколько обойдется содержателю мельницы прудка плотины и сколько можно будетъ заработать имъ около мельницы... На противоположномъ берегу рѣки показывается почтовая тройка.

— Давай паромъ! паромъ! Черти, давай паромъ, неистовствуетъ почтальонъ и ямщикъ съ бляхами на кафтанѣ, повидимому, какъ нельзя болѣе довольные случаемъ разыграть начальство и позѣвать.

Перевозчики, грѣвшіеся у костра, опрометью кидаются на паромъ и разомъ берутся за веревку. Паромъ быстро отплываетъ отъ берега, но потомъ пріостанавливается и тихо-тихо начинаетъ опускаться на дно рѣки.

Digitized by Google

Паромъ былъ слишкомъ тяжелъ, а рѣка слишкомъ мелка.

— Сто чертей дери вашу душу! продолжаетъ неистовствовать почтальонъ, и уткнувши руки въ бока, съ угрожающимъ видомъ поднялся на телегѣ.

А паромъ опускался все ниже и ниже... перевозчики стояли уже по колѣна въ водѣ и тоже кричали, что было силъ. Публика, толпившаяся на берегу, не отставала отъ перевозчиковъ, каждый лѣзъ съ благоразумнымъ совѣтомъ, каждый старался перекричать своего сосѣда и такимъ образомъ шумъ выходилъ неописанный.

Неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, еслибы среди толпы зрителей не появился въ эту минуту нашъ мировой посредникъ верхомъ на маленькой проворной лошадкѣ. Все тотчасъ же приумолкло и послышались распоряженія посредника, а пять минутъ спустя почта уже ѣхала въ объѣздъ, а паромъ былъ вытащенъ на берегъ, какъ вещь нетолько безполезная, но даже опасная.

Исполнивши у перевоза роль полиціи, мировой посредникъ повернулъ на базаръ, гдѣ уже поджидали его лавочники съ жалобой на то, что съ нихъ берутъ деньги за свидѣтельство, между тѣмъ какъ рядомъ съ ними торгуютъ безъ всякаго свидѣтельства. Не отговариваясь и ни мало не смущаясь, посредникъ разобралъ дѣло, и такимъ образомъ еще разъ добровольно исполнилъ обязанность полиціи. Дѣлать дѣло, не откладывая въ долгій ящикъ, приносить существенную пользу обществу—было его призваніемъ, такъ же точно какъ призваніе многихъ полицейскихъ чиновниковъ въ глуши есть вѣчное выслуживаніе въ глазахъ того, кто можетъ сейчасъ же стряхнуть ихъ съ лица губерніи, и совершенное равнодушіе ко всему, что не въ силахъ распорядиться съ ними такимъ образомъ.

Встрѣтившись съ посредникомъ на улицѣ, я пригласилъ его къ себѣ, но ему, по обыкновенію, было некогда.

— Что же это у васъ за дѣло?

— Въ троицкомъ волостномъ правленіи сходъ ожидаетъ. Старшина принялъ на себя всевозможныя должности: и волостныхъ судей, и сборщика, и мироваго посредника... Мерзѣйшее дѣло... Мнѣ наговорилъ на крестьянъ, крестьянамъ—на меня... однимъ словомъ, всѣхъ перессорилъ и обмошенничалъ... И чего бы, кажется, проще: крестьянамъ предоставляется полная возможность и право слѣдить за расходомъ мирскихъ денегъ, это даже требуется отъ нихъ; наконецъ, собственный интересъ ихъ замѣшанъ, а между тѣмъ цѣлымъ обществомъ одного мошенника не могутъ поймать и усчи-

Digitized by Google

тать... Вотъ полюбуйтесь... и говоря это, подалъ мнѣ листъ испи-санной бумаги.

Я прочелъ слѣдующее:

«Водворенныхъ на помѣщичьей землѣ временно-обязанныхъ крестьянъ села Троицкаго.

«Прошеніе.

«Волостной старшина села Троицкаго, Еремей Ивановъ, продол-жая сборъ съ крестьянъ денегъ, расходовалъ ихъ по своему усмо-трѣнію. По окончаніи послѣдняго сбора, по просьбѣ его сдѣла-но ему волостнымъ правленіемъ два учета, по коимъ оказалось, по учету первому, на сходѣ 29-го декабря, недочету 2 р. 30 к. сер., а по второму, на сходѣ 25-го января, уже недочету 615 р. сер.; а какъ въ это малое время этого произойти не могло, а ме-жду тѣмъ недочетъ денегъ все увеличивается, поэтому желаемъ мы временно-обязанные крестьяне села Троицкаго повѣрить за все время службы волостнаго старшины Еремея Иванова, въ деньгахъ и произвести учетъ чрезъ постороннее лицо, знающее письменную и счетную часть, а потому просимъ покорнѣйше ваше высокобла-городіе собрать сходъ для составленія приговора на допущеніе къ учету, при уполномоченныхъ отъ общества, посторонняго лица.»

— Что же, по вашему, дѣло плохо, и съ самоуправленіемъ да-леко не уйдемъ? спросилъ я посредника, возвращая ему прошеніе троицкихъ крестьянъ.

— Нѣтъ, вообще этого нельзя сказать; у меня есть одна во-лость, именно тѣпловская, гдѣ рѣшенія волостныхъ судовъ чрез-вычайно дѣльны; въ другихъ, напротивъ, изъ рукъ вонъ плохи: ни старшины, ни судьи рѣшительно не понимаютъ своихъ обя-занностей, несмотря на то, что уже прошло болѣе трехъ лѣтъ, со введенія Положенія 19-го февраля. То они займутся тѣмъ, что вовсе не подлежитъ ихъ разбирательству; то старшина разсудитъ самъ какъ знаетъ, и даже распишется вмѣсто судей; то всякій про-ступокъ примутся рѣшать миролюбіемъ, то-есть выпивкой. А васъ развѣ интересуютъ волостные суды и самоуправленіе?

— Очень.

— Такъ не хотите ли, я на время пришлю къ вамъ книги всѣхъ волостныхъ правленій, для записыванія рѣшеній волостныхъ су-довъ?

— Я буду вамъ весьма благодаренъ.

— Непремѣнно пришлю... еще разъ повторилъ посредникъ, и

Digitized by Google

на прощанье кивнувши мнѣ головой, крупной рысью поѣхалъ вдоль улицы.

На другой день рано утромъ явился ко мнѣ сельскій староста съ двумя стариками и вручилъ мнѣ слѣдующій съ крестьянъ оброкъ; въ недоимкѣ осталось только двадцать руб. сер. за семействомъ Бориса, съ часу на часъ ожидавшаго возвращенія своего сына Мыськи изъ-за Волги, гдѣ онъ нанимался въ работники именно за двадцать руб. сер. съ покрова до святой недѣли.

XII.

Мыська.

Въ эту минуту, верстъ за полтораста, въ прихожей стараго барскаго дома, чернѣвшаго на крутомъ берегу Волги, стоялъ Мыська—тощій, взъерошенный парень, въ сплошныхъ лохмотьяхъ, а передъ нимъ уже пожилой, но еще свѣжій помѣщикъ средней руки съ краснымъ лицомъ, въ широкомъ красномъ же халатѣ.

— Что... или къ дворамъ собираешься? спрашиваетъ помѣщикъ.

— Собираюсь, Семенъ Васильичъ, тупо улыбаясь, отвѣчалъ Мыська.

— Къ празднику, видно, захотѣлось, съ бабами да съ дѣвками давно не видался, въ хороводъ тянетъ... продолжаетъ красный помѣщикъ, впадая въ шутливый и отчасти фамильярный тонъ.

Эта, повидимому, совершенно излишняя замашка краснаго помѣщика, какъ нельзя болѣе помогала ему, въ его частыхъ отношеніяхъ съ крестьянами.

— Надо баить дѣло... говорили окрестные мужики, когда рѣчь доходила до Семена Васильевича:—баринъ простой, простецкій баринъ.... душа... и покалякать съ человѣкомъ и пошутить, все это онъ можетъ.

Расположеніе крестьянъ къ Семену Васильевичу доходило до того, что если онъ, что̀ называется, «нагрѣвалъ» кого нибудь изъ своихъ друзей и поклонниковъ, то они принимали это какъ должное, и тихо, добродушнѣйшимъ образомъ подсмѣиваясь надъ нагрѣтымъ, говорили: «ловко обулъ, нечего сказать, ловко нагрѣлъ, Семенъ Васильичъ; а все-таки баринъ славный, простой».

— Такъ вотъ тебѣ, братецъ ты мой, твое жалованье... получай... продолжаетъ между тѣмъ Семенъ Васильевичъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вручаетъ работнику двѣ совершенно новенькія красныя бумажки.

Digitized by Google

Мыська принялъ ихъ какъ величайшую драгоцѣнность, и тотчасъ же завязалъ въ грязную тряпицу.

— А это, братецъ ты мой, тебѣ награда, за твою усердную службу... получай... продолжалъ помѣщикъ, подавая Мыськѣ два пятака.

Семенъ Васильевичъ представлялъ типъ совершенно исключительный и рѣдкій; между помѣщиками онъ былъ человѣкъ въ высшей степени разсчетливый; онъ былъ именно то, что́ называется между крестьянами «хозяинъ своему добру».

— Получай, братецъ ты мой... получай... за то, что всегда былъ при своемъ мѣстѣ, за свое смиренство... внушалъ Семенъ Васильевичъ, желая повидимому подолѣе насладиться своимъ великодушіемъ...

Мыська низко кланялся.

— За то и жалую тебя, что безоблыжно и усердно служилъ... размызывалъ, повидимому, тронутый помѣщикъ.

Мыська кланялся еще ниже.

— За то, что никакихъ худыхъ дѣловъ за тобою не было...

Мыська все кланялся.

Часъ-другой спустя, тотъ же Мыська, въ какихъ-то драныхъ рубищахъ, подпоясанный веревкой, съ тощей котомкой за плечами, и длинной палкой въ рукѣ, крупно шагалъ по дорогѣ къ родному селу; ему уже мерещится зеленый выгонъ, точно цвѣтами усыпанный, красными сарафанами и рубашками... Тѣсно, весело, шумно — рядъ слегка-покачивавшихся, и ослѣпительно блеснувшихъ на вешнемъ солнышкѣ хоругвей — тихо выступаетъ изъ проулка, слышатся знакомые голоса мужиковъ, голосящихъ, что́ было мочи: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ»... и все это смѣшеніе родныхъ звуковъ то и дѣло покрывается неумолкаемымъ звономъ колоколовъ, на всю святую поступившихъ въ полное распоряженіе съѣхавшихся пожуировать на праздникъ семинаристовъ.

Но до родного села еще неблизко, и мало ли можетъ быть расходовъ и препятствій на дорогѣ... На Волгѣ едва льдомъ не опрокинуло парома, но это еще съ полгоря, а горе въ томъ, что пришлось Мыськѣ отдать перевозчикамъ одинъ изъ наградныхъ пятаковъ, и уже съ однимъ пятакомъ продолжать дальнѣйшій путь... Пятакъ не богъ-вѣсть какія деньги: разъ поѣлъ на постояломъ, и его уже нѣтъ, а до села еще верстъ съ сотню будетъ.

Digitized by Google

Идетъ парень по дорогѣ; денекъ выдался свѣтлый, теплый; поля радостно зеленѣютъ, бархатный вѣтерокъ точно ласкаетъ лицо, точно живые — заговорили ручьи; всякая птица ликуетъ и воспѣваетъ начало весны. Бѣдная, еще полузамерзшая природа, усиливается во что бы то ни стало улыбнуться, и принять праздничный видъ. Но не до весны и не до праздника бѣдному Мыськѣ: голодъ все ближе и ближе подступаетъ, изъ силы выбивается парень — въ одномъ селеніи Христовымъ именемъ краюшку хлѣба выпросилъ, въ другомъ наотрѣзъ отказали: «Самимъ, говорятъ, ѣсть нечего — голодъ».

Бѣжитъ Мыська безъ отдыха, съ какой-то лихорадочной торопливостью, бѣжитъ отъ голода, точно отъ злѣйшаго, неумолимѣйшаго врага.

— Донеси, Господи, донеси, Господи, шепчетъ Мыська въ эту критическую минуту, и, безъ всякаго сомнѣнія, скорѣе бы рѣшился умереть страшной смертью, нежели посягнуть на драгоцѣнность, завязанную въ грязную тряпицу и потомъ изъ предосторожности запрятанную въ онучи...

Наконецъ-то вдали показалось селеніе: вотъ, кажется, рукой подать, кажется, полверсты остается — не больше, но прошелъ часъ и другой, когда Мыська, измученный и голодный, вступилъ въ околицу.

Плетется Мыська знакомой улицей.

— Мыська идетъ! оброкъ несетъ... Здорово, Мысько!... раздается въ ушахъ его; но не отвѣчая на привѣтствія, едва передвигая ноги, плетется Мыська; страшный голодъ все ближе и ближе подступалъ къ нему... Нѣтъ болѣе мочи терпѣть; въ глазахъ потемнѣло, ноги разомъ подкосило, и Мыська рухнулъ на землю, противъ отцовской избы.

— На другой день сельскій староста, и, нѣсколько важничая своей акуратностью, пріобрѣтеннною, впрочемъ, безъ всякаго желанія, а единственно вслѣдствіе нѣсколькихъ штрафовъ и взысканій посредника — вручилъ мнѣ остававшіеся въ недоимкѣ 20 руб. сер.

— Что это такое? спрашиваю я.

— Мыська, Бориса Васильева сынъ, пришелъ, оброкъ принесъ.

— Давно пришелъ?

— Вчерашняго числа... и какой случай вышелъ, продолжалъ сельскій староста, послѣ непродолжительнаго молчанія: — съ

Digitized by Google

Мыською-то... Борисовымъ сыномъ, съ тѣмъ, что въ работникахъ наймывался за Волгой... мало не сдохъ...

— Что ты!

— Извѣстно, парень робкій, смирный... опять же деньги получилъ большія... опять же крупныя, а дорога тоже дальная... мужику пить-ѣсть нужно... и сельскій староста передалъ мнѣ то, что я только что разсказалъ вамъ, мои, вѣроятно, немногочисленные читатели.

XIII.

Первый день свѣтлаго праздника.

Цѣлую ночь, въ страшной тьмѣ завывалъ вѣтеръ, дождь хлесталъ въ окна, ставни скрипѣли и хлопали. Въ такія ночи спится необыкновенно крѣпко и сладко, можетъ быть, потому, что живѣе чувствуется вся прелесть и удобство теплой комнаты и покойной постели. Я открываю глаза, слышу жаркій колокольный звонъ, и такимъ образомъ узнаю, что любители уже успѣли забраться на колокольню, и что нетолько заутреня, но и обѣдня давно уже кончена.

Въ комнатѣ какъ-то особенно свѣтло; подхожу къ окну, и останавливаюсь въ величайшемъ изумленіи: на крышахъ, на деревьяхъ, на дорогѣ, на дальнихъ поляхъ, однимъ словомъ, на всемъ лежитъ снѣжное покрывало. Нигдѣ ни лоскута земли, ни кучи навоза, ни клока грязной соломы — все чисто и ослѣпительно-бѣло. Зима такая же, какъ въ январѣ мѣсяцѣ.

Столъ уже накрытъ, и, какъ слѣдуетъ, установленъ куличами, яйцами и проч. Лица окружающихъ до крайности истомлены, носятъ явные слѣды проведенной безъ сна ночи. Всѣ жуютъ молча, и то и дѣло зѣваютъ.

— Христосъ воскресъ! раздается въ прихожей. Я узнаю голосъ сосѣда, мелкотравчатаго дворянина Куроѣдова, всегда довольнаго и веселаго, несмотря на то, что послѣ освобожденія крестьянъ, у него осталось всего-на-всего 100 десятинъ неидущей съ рукъ земли, и четверо дѣтей, или, какъ выражался дворянинъ Куроѣдовъ: «осталось четверо дѣтей въ полѣ, и ничего болѣ».

Вслѣдъ затѣмъ въ комнатѣ появляется господинъ въ изношенномъ ополченскомъ костюмѣ.

Digitized by Google

Онъ громко смѣялся, и какъ только исполнилъ христіанскій обрядъ, то-есть похристосовался, тотчасъ же принялся разсказывать, какъ послѣ заутрени перессорились церковники изъ-за того, что дьячокъ заподозрилъ пономаря въ захватѣ львиной части, и какъ потомъ тотъ же самый дьячокъ, въ великомъ азартѣ, вскочилъ въ кадушку съ яйцами, и ногами перебилъ что въ ней было...

— Ну, что вы подѣлываете? спрашиваю я дворянина Куроѣдова, усаживаясь съ нимъ на диванѣ, въ душѣ весьма довольный тѣмъ, что не обреченъ на полнѣйшее уединеніе, среди безотрадно-бѣлѣвшихъ кругомъ сугробовъ.

— А я у себя такіе конфорты устроилъ, началъ мелкотравчатый, такой счастливый и довольный, какъ будто кругомъ насъ цвѣли сады райскіе.—Противъ оконъ качели соорудилъ, купилъ пудъ сѣмечковъ для бабъ. Посмотрите-ка, что у меня вечеромъ будетъ народу — эти бабы, дѣвки — пѣсня... Я вамъ скажу, это — великолѣпіе что такое будетъ... Разсупе-деликатесъ... и, говоря это, мелкотравчатый дворянинъ только-что не прыгалъ отъ удовольствія...

— Ну, что у васъ новаго? что мужики?

— Намедни жмакинскій управляющій идетъ мимо меня, я его тоже спрашиваю: что мужики? А онъ въ отвѣтъ: «курами смѣнялись, пьютъ напропалую»...

— Какъ курами смѣнялись?

— Точно такъ-съ, что было — все смотали, теперь нечего дѣлать, такъ выдумали курами мѣняться: промѣняются, и пьютъ на радости. Намеднись я загналъ лошадь жмакинскаго мужика; приходитъ хозяинъ, я требую штрафъ, а онъ трясетъ пустымъ мѣшкомъ, да и говоритъ: «вотъ одинъ остался — съ другимъ жена по міру пошла; и весь мой тутъ капиталъ».

— Что же старшина смотритъ?

— Чай пьетъ, брюхо роститъ... Намеднись пріѣхалъ ко мнѣ, туда же руку суетъ, садится. Я, признаюсь, не вытерпѣлъ: «Ты, говорю, милый человѣкъ, не забывайся... я тебѣ не свой братъ— сиволапый мужикъ... я — столбовой дворянинъ Куроѣдовъ»... Смотрю, мой старшина ноги-то поднялъ на вытяжку, только голова трясется... Этакъ-то съ ними лучше.

— Иди теперь къ хрёстному — христосоваться... раздается въ эту минуту въ прихожей.

Вслѣдъ затѣмъ, послышались чьи-то тяжелые шаги. Дверь кабинета растворилась.

Digitized by Google

— Ну, иди къ крестному... скажи: Христосъ воскресъ, говоритъ высокая, и, несмотря на старость, все еще красивая женщина, помогая своему кропечному сыну вдачить громадные, смазанные дегтемъ сапоги.

— Что же ты молчишь, балясникъ? что же ты ничего не говоришь? обезпокоилась мать.

— Лубаску... лубаску красную... шепчетъ сынъ.

Всѣ смѣются.

— Я какъ пріѣду къ себѣ, у меня тоже вся дворня явится, все крестники. У меня человѣкъ двадцать крестниковъ, этихъ рубашекъ не напасусь, прихвастнулъ при этомъ случаѣ мелкотравчатый дворянинъ, забывая, что вся дворня его заключалась, въ настоящее время, въ одной старухѣ, и то болѣе похожей на тѣнь человѣческую, нежели на живое существо.

Входитъ сельскій староста.

— Ты что?

— Мужики пришли къ вашей милости христосоваться.

Я выхожу въ прихожую, набитую крестьянами.

— Съ праздникомъ... съ праздникомъ... съ высокоторжественнымъ... разомъ заговорили крестьяне, и началось обычное цалованіе. Потомъ принесли водки, и въ прихожей уже невозможно дышать отъ запаха сивухи, соединеннаго съ запахомъ новыхъ овчинныхъ тулуповъ, надѣтыхъ въ первый разъ по случаю свѣтлаго праздника.

Лица мгновенно оживляются, языки тоже, начинается разговоръ, что снѣгу много выпало, что кто живъ будетъ, тотъ послѣ пасхи пахать начнетъ, и такъ далѣе.

— Покорно благодаримъ за угощеніе... говоритъ одинъ изъ стариковъ.

— Покорно благодаримъ, покорно благодаримъ, повторяютъ десятки крестьянъ, и не торопясь выходятъ изъ прихожей...

Опять кабинетъ, опять одиночество, если не считать дворянина Куроѣдова и вьюги, плакавшей надъ занесеннымъ снѣгомъ селеніемъ.

Отъ нечего дѣлать, я начинаю разспрашивать своего собесѣдника о его прошломъ.

— Гдѣ вы учились?

— Въ гимназіи, въ Ухабинскѣ, до четвертаго класса дошелъ и обратно — вспять возвратился: гимназисты были тогда не то,

Digitized by Google

что нынче, бороду брили; а Померанцевъ, что теперь въ гимназіи учитъ, былъ еще вновѣ, и такой же былъ сумасшедшій, какъ и теперь: бывало, придетъ къ намъ въ гимназію: «барышни, тише», а въ екатерининскомъ женскомъ училищѣ говоритъ: «Что вы, мужики, кричите»!

— Я бы, можетъ быть, и не ушелъ изъ гимназіи, да однажды больно поповичей избили... Смертный бой былъ; инспекторъ пріѣхалъ разнимать, а мы свое; директоръ присылалъ, а мы все свое. Наконецъ, полиція явилась... Ну, на другой день всѣмъ порку, а зачинщиковъ, и меня въ томъ числѣ, вонъ изъ гимназіи.

— А при васъ порку часто давали?

— Очень часто; бывало, въ куртѣ всегда табакъ нюхательный; какъ сторожа налетятъ вязать, такъ сейчасъ имъ табаку въ глаза — они и прочь...

Дверь снова отворяется.

— Старшина съ писаремъ пришли христосоваться... тонкимъ дискантомъ, докладываетъ дворовый мальчикъ, исправляющій должность слуги.

Перецаловавшись съ старшиной и писаремъ, и получивши отъ нихъ, неизвѣстно зачѣмъ принесенный и завязанный въ красный носовой платокъ фунтъ гнилыхъ орѣховъ, я снова возвращаюсь въ кабинетъ, и снова принимаюсь разспрашивать мелкотравчатаго дворянина.

— А гдѣ вы служили?

— Въ уѣздномъ судѣ два года. Я долго отбивался отъ гражданской службы, и мнѣ страсть какъ хотѣлось въ военную... Ну, да покойный батюшка уперся: нѣтъ тебѣ, говоритъ, на то моего родительскаго дозволенія. Судьба... что же дѣлать, а впрочемъ, служба моя была легкая: люди въ судъ идутъ, а я въ гости. Тутъ приспѣло ополченіе... я въ ополченіе, къ Ѳедору Иванычу въ роту. Ну, и давай, и давай... Сперва какъ есть въ походъ собрались: засѣдлали лошадей, заставили горниста генералъ-маршъ играть... маршъ изъ города; Ѳедоръ Иванычъ впередъ, а мы субалтерны за нимъ. Родные ревутъ, народъ провожаетъ, а мы на всѣ стороны кланяемся: «прощайте, прощайте»... Въ зимнее время, особливо, какъ собрались пять-шесть человѣкъ, такъ и кутежъ... Купцы тоже вечера дѣлали... Меня съ Евграфомъ Козинымъ поставили къ одному чиновнику въ домъ... Случился кутежъ; чиновникъ нарядился въ шпагу и шляпу, и явился къ намъ: «ти-

Digitized by Google

ше! тише! говорить, господа; здѣсь домъ губернскаго секретаря»—стихами отстрочилъ... Ѳедоръ Иванычъ лихой былъ командиръ; бывало, выйдетъ передъ фронтъ: «пой, ребята, пой...» и пошло: «Дружина храбрая впередъ... дирекція направо... кто первый на стѣну взойдетъ, тому честь и слава... Хорошо, ступайте домой, что васъ мучить»—больше никакого ученья и не видали.

— Что же вы дѣлали послѣ ополченія?

— Зажилъ въ деревнѣ, собакъ завелъ первый сортъ, отъ Ѳедора Иваныча вывелъ; въ первую же осень весемь волковъ затравилъ, да, кажется, штукъ двадцать лисенокъ. Сосѣдство было большое, жили душа въ душу, весело жили, не то что нынче. Тутъ братецъ пріѣхалъ съ Кавказа, капитанъ, у полковника дочь взялъ, да двадцать-пять тысячъ приданаго получилъ; фортуна послужила... Пріѣхалъ: коверъ мнѣ подарилъ отличный, нагайку, работы великолѣпной... Ну, пожилъ, потребовалъ свою часть — раздѣлились; а тутъ крестьянъ отобрали, и лопнулъ я, какъ шведъ подъ Полтавой. Вамъ нечего сказывать; вы лучше знаете: всего добра осталось четверо дѣтей въ полѣ...

Послѣ обѣда, глаза мелкотравчатаго дворянина замѣтно слипались, и языкъ отказывался служить, но онъ, какъ будто, считаетъ долгомъ всячески бодриться, и во что бы то ни стало, поддерживать разговоръ.

— Третьяго года, разсказываетъ мой собесѣдникъ, все болѣе и болѣе изнемогая въ напрасной борьбѣ съ приступавшимъ сномъ: — третьяго года, кинулась на меня бѣшеная собака; я какъ выхватилъ чеченскій кинжалъ—съ Кавказа братъ привезъ—такъ и пропоролъ ее насквозь. А нужно вамъ сказать, что кинжалъ былъ намазанъ какимъ-то составомъ. Я много разъ приставалъ къ брату: скажи, что за составъ—не говоритъ; такъ ничего и не добился.

Наконецъ, матеріалъ совершенно истощился, да и дальнѣйшая борьба стала невозможна, и полудремлющій мелкотравчатый дворянинъ, извиняясь, убрался восвояси.

Единственнымъ собесѣдникомъ моимъ, единственнымъ существомъ, раздѣлявшимъ мое уединеніе, единственнымъ утѣшеніемъ осталась неугомонная, неутомимая вьюга, все громче и громче рыдавшая надъ занесеннымъ снѣгомъ селомъ.

Хорошъ же первый день свѣтлаго праздника!

Digitized by Google

XIV.

Волостные суды.

Наступило 20-е апрѣля, второй мѣсяцъ весны; казалось бы, все должно радоваться и красоваться: деревья распускаться, трава и озимь зеленѣть, жаворонки пѣть хвалебную пѣсню творцу, мирные поселяне, въ потѣ лица, воздѣлывать землю и сѣять овесъ; помѣщики суетиться, и на послѣдній грошъ нанимать работниковъ; но вмѣсто всего этого, глазамъ моимъ представляется картина безотраднѣйшаго свойства: холодно, какъ среди зимы, небо загромождено бѣлыми тучами, издали похожими на альпійскіе ледники; вѣтеръ жалобно воетъ, ставни стучатъ, ни травы, ни озимей, ни мирнаго поселянина, въ потѣ лица воздѣлывающаго землю, ни жаворонка съ жалобною пѣснью — ничего этого нѣтъ и въ поминѣ; все голо и пустынно; мужики то и дѣло, вздыхая и охая, залегли на печки, и вовсе не думаютъ браться за соху, потому что нельзя же пахать мерзлую землю; помѣщики окончательно изныли, и совершенно увѣренные въ томъ, что противъ нихъ сама природа, стихіи, съ которыми борьба невозможна — принялись каждый за свое дѣло: одни — за нескончаемую стуколку, другіе облеклись въ халаты, залегли на такъ называемые турецкіе диваны, съ книгой въ рукахъ, и при этомъ, всячески стараясь не глядѣть въ окна и не видать возмутительныхъ продѣлокъ, совершающихся въ природѣ.

Въ комнатѣ вдругъ потемнѣло такъ, что читать не было никакой возможности; нехотя бросаю книгу, и съ нѣкоторымъ отвращеніемъ гляжу въ окно. Снѣгъ падаетъ такими хлопьями, какими никогда даже зимой не случалось ему падать; уже не видно ни амбаровъ, ни скотнаго двора, ни даже колодца, находящагося въ какихъ-нибудь десяти шагахъ отъ окна. Тяжелое, бѣлое покрывало, колыхаясь, идетъ все ближе и ближе къ окну, наполняя непріятнѣйшимъ мракомъ комнату.

Въ эту, по истинѣ печальную минуту, какъ нельзя болѣе кстати явился ко мнѣ посланный отъ мироваго посредника съ обѣщанными мнѣ книгами — рѣшеній волостныхъ судовъ.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я прилежно читаю и перечитываю книги волостныхъ судовъ, и такимъ образомъ развлекаюсь, и даже не замѣчаю болѣе возмутительныхъ явленій природы,

Digitized by Google

опрокинувшихъ вверхъ дномъ всѣ надежды и предположенія помѣщиковъ и крестьянъ.

Дѣло въ томъ, что я давно уже стремлюсь уяснить себѣ явленія нашего крестьянскаго быта, и ближе познакомиться съ нимъ. Первыми наставниками моими въ этомъ случаѣ были наши романы и повѣсти изъ народнаго быта. Я постоянно читалъ ихъ съ величайшей жадностью; но въ однихъ изъ произведеній этихъ, нашелъ скрытый протестъ противъ крѣпостнаго права, облеченный въ форму повѣсти или романа, и безусловное поклоненіе крестьянскимъ добродѣтелямъ: добротѣ природной, мягкости сердечной, здравости ума и практической мудрости русскаго простолюдина; въ другихъ, напротивъ, бросилось въ глаза безсмысленное глумленіе надъ глупостью и табунными свойствами нашего крестьянина, циническіе портреты, и безтолковое повтореніе различныхъ поговорокъ и выраженій, схваченныхъ на улицѣ, у перваго попавшагося на глаза сельскаго балагура, котораго, недолго думавши, и выдаютъ намъ за типъ нашего крестьянина, между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности, балагуръ этотъ скорѣе составляетъ исключеніе, нежели типъ.

Все это нетолько не способствовало мнѣ составить сколько-нибудь ясное и опредѣленное мнѣніе о нашемъ простомъ народѣ, но еще болѣе затемнило дѣло, и потому-то я съ такой жадностью читалъ и перечитывалъ книги волостныхъ судовъ, надѣясь отыскать въ нихъ отраженіе, хотя, можетъ быть, и слабое, дѣйствительной жизни, не сочиненнаго, а настоящаго простонароднаго быта.

Всѣхъ книгъ, присланныхъ мировымъ посредникомъ, было семь; изъ нихъ книга тѣпловскаго волостнаго правленія отличалась отъ другихъ какъ своимъ объемомъ и вообще приличнѣйшимъ наружнымъ видомъ, такъ и множествомъ изумительно-дѣльно и разумно рѣшенныхъ дѣлъ... Первое, то-есть объемъ книги, объясняется тѣмъ, что въ завѣдываніи тѣпловскаго волостнаго правленія находится 4,000 душъ бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ, между тѣмъ, какъ въ каждой изъ остальныхъ шести волостей, книги которыхъ были ко мнѣ доставлены, числилось душъ не болѣе тысячи, или даже менѣе; а второе, то-есть поразительная дѣльность и разумность рѣшеній волостныхъ судовъ — по общему, разъ составившемуся убѣжденію, слѣдовало отнести къ тому, что въ завѣдываніи тѣпловскаго волостнаго правленія находились бывшіе удѣльные крестьяне болѣе развитые, незнавшіе всей та-

Digitized by Google

жести крѣпостнаго права, и даже нѣсколько пріученные удѣломъ къ самоуправленію.

Каждый спѣшилъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, и тѣпловскій волостной судъ продолжалъ служить образцомъ крестьянской мудрости, и всегда готовымъ возраженіемъ противъ людей, увѣрявшихъ, что искуственный составъ волостнаго суда несовмѣстенъ съ понятіями, обычаями и привычками крестьянъ, и едвали когда-нибудь будетъ пользоваться ихъ довѣріемъ. Дошло до того, что при первомъ удобномъ случаѣ, посредникъ обратилъ на тѣпловскій волостной судъ вниманіе начальника губерніи, какъ на явленіе въ высшей степени отрадное, и начальникъ губерніи пришелъ въ восторгъ, и даже, несмотря на недостатокъ времени, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать изъ книги тѣпловскаго волостнаго суда, въ свою записную книгу, двухъ-трехъ рѣшеній, громко говорившихъ за здравость ума, сметливость русскаго крестьянина и за способность его къ самоуправленію.

Я тоже, въ слѣдъ за другими, не уберегся, и едва только прочелъ книгу тѣпловскаго волостнаго суда, какъ уже рукоплескалъ ему и раздѣлялъ общее умиленіе. Самое содержаніе дѣлъ, рѣшенныхъ тѣпловскимъ волостнымъ судомъ, имѣетъ болѣе характеръ гражданскій и вообще мирный, такъ что дѣло о побояхъ, о томъ, что на сходкѣ крестьянинъ Илья Макаровъ назвалъ сельскаго старосту «овечникомъ», то-есть человѣкомъ, котораго приглашали колоть чужихъ овецъ — о томъ, что крестьянинъ Иванъ Григорьевъ пропиваетъ все имущество свое, и вообще дѣла буйнаго и скандальнаго свойства совершенно теряются во множествѣ дѣлъ, возникшихъ по долговымъ обязательствамъ, по спорамъ между наслѣдниками, по жалобамъ на работниковъ, неисполнившихъ своихъ обязательствъ и преждевременно бѣжавшихъ отъ хозяевъ, по жалобамъ на потраву и собаку, истребившую десятокъ гусей... и проч. и проч.—дѣлъ, по большей части рѣшенныхъ миролюбіемъ, и какъ нельзя болѣе дѣльно.

Но кромѣ разумности и дѣльности рѣшеній тѣпловскаго волостнаго суда, они отличались даже заботливостью объ общественной нравственности, и даже невиданной и неслыханной въ крестьянскомъ быту гуманностью судей... Такъ, напримѣръ: въ дѣлѣ о дракѣ между крестьянкою Агафьею Васильевой и ея мужемъ, судьи рѣшили «супруга наказать розгами, а съ Агафьи Васильевой, снисходя и уважая полъ ея, взыскать 1 руб. штрафу»,

Digitized by Google

и такое уваженіе къ нѣжному полу встрѣчается каждый разъ, когда дѣло касалось женщины.

Еще болѣе поразила меня разумность и дѣльность тѣпловскаго волостнаго суда, когда прочелъ я книги волостныхъ судовъ сосѣднихъ селеній... Что за невѣжество судей, то берущихся судить дѣло, вовсе неподлежащее суду ихъ, то безтолково слабыхъ и назначающихъ ничтожнѣйшій штрафъ за воровство со взломомъ, то безтолково жестокихъ и за каждую бездѣлицу готовыхъ сѣчь самымъ безпощаднѣйшимъ образомъ, то подписывающихъ свои приговоры, то считающихъ свою подпись совершенно излишней. Мало того, самыя дѣла, поступавшія на разсмотрѣніе судей, отличаются какимъ-то дикимъ, буйнымъ характеромъ, и каждая изъ книгъ волостнаго суда носила на себѣ свой особенный мѣстный колоритъ, далеко неутѣшительнаго свойства.

Раскрываю книгу пилюгинскаго волостнаго суда, и пробѣгая ее, ничего не нахожу кромѣ постояннаго буйства, перемѣшаннаго съ непослушаніемъ при отбываніи издѣльной повинности: то «волостной судья Горбачевъ, явясь въ волостное правленіе, объявилъ, что проходя селомъ на праздникъ пасхи, былъ остановленъ пьянымъ крестьяниномъ Стрежневымъ, который безъ всякой причины сталъ судью Горбачева ругать, а потомъ ударилъ по головѣ»; то «крестьянинъ Елизаровъ, проходя, въ пьяномъ видѣ, мимо волостнаго старшины Промахина, сидѣвшаго у воротъ своего дома, остановился и обругалъ его непристойными словами, и даже плевалъ на него»; то «крестьянинъ Чуфаровъ, явившись на барщину въ нетрезвомъ видѣ, работъ не производилъ, а только ходилъ по барщинѣ, ругая всѣхъ, и подойдя къ крестьянкѣ Оринѣ, толкнулъ ее сильно безъ всякой причины, которая, будучи беременна, упала на землю и пр. и пр.»; то «Бѣлоключенскій волостной старшина Хрусталевъ, проѣзжая селомъ Пилюгинымъ, остановился возлѣ дома крестьянина Клябшева, куда пришелъ крестьянинъ Ермолай Ивановъ въ пьяномъ видѣ, сталъ старшину ругать полякомъ и зажигателемъ; когда же старшина Хрусталевъ надѣлъ свой знакъ, то Ермолай Ивановъ началъ ругать его еще поноснѣе, и подойдя, ударилъ по головѣ» и т. д. въ такомъ же родѣ.

Перехожу къ книгѣ хохловскаго волостнаго правленія.

Тутъ прежде всего поражаетъ совершенное незнаніе ни судьями, ни старшиной ихъ обязанностей, и еще то обстоятельство, что бо́льшая часть дѣлъ, рѣшенныхъ хохловскимъ волостнымъ судомъ,

Digitized by Google

вовсе не подлежали суду его, какъ, напримѣръ, дѣло о томъ, что «крестьянинъ Слесаревъ, выломавши окно у крестьянина Колесова, и проникнувши, такимъ образомъ, въ его избу, изломалъ конникъ и вытащилъ изъ него небольшой сундукъ съ деньгами, и потомъ былъ пойманъ въ ту минуту, когда намѣревался зарыть въ землю только что украденный сундукъ съ деньгами». Кромѣ того, всѣ рѣшенія о покражѣ отличаются необычайнымъ послабленіемъ, и какъ будто даже одобреніемъ молодецкой удали, или скорѣе невинной шалости, между тѣмъ, какъ разбирательства по жалобамъ помѣщиковъ на крестьянъ, явнымъ образомъ клонятся къ тому, чтобы, во что бы то ни стало, выгородить крестьянъ.

Какъ образчикъ слабости рѣшеній хохловскаго волостнаго суда въ дѣлахъ между помѣщиками и крестьянами, и невольной сговорчивости первыхъ, можно привести слѣдующее дѣло. Но здѣсь нужно замѣтить, что хохловская волость только что вышла изъ-подъ завѣдыванія посредника, главнымъ правиломъ котораго было невмѣшательство и предоставленіе полнѣйшей свободы волостнымъ судамъ.

«2-го іюля за № 209 помѣщикъ Говорковъ подалъ жалобу въ томъ, что крестьянинъ общества г. Полякова, Павелъ Воронинъ, бывъ по найму полѣсовщикомъ въ участкѣ г. Говоркова, на большомъ оврагѣ, сдѣлалъ въ хранимомъ имъ участкѣ, въ разныхъ мѣстахъ, порубку, у котораго по обыску и найдено 100 деревъ разнаго лѣса... Волостной судъ, для разъясненія и рѣшенія дѣла, пригласилъ въ присутствіе помѣщика Говоркова, и сталъ склонять его къ миролюбивому окончанію дѣла и примиренію... Выслушавъ предложеніе суда, отвѣтчикъ Павелъ Воронинъ присоединилъ свои просьбы къ просьбамъ судей, и просилъ прощенія за свой проступокъ у помѣщика Говоркова, который, во избѣжаніе дальнѣйшихъ могущихъ возникнуть непріятностей и безполезной проволочки дѣла, на первый разъ простилъ Воронина, на слѣдующемъ, однако, договорѣ: чтобы на будущее время полѣсовщикъ Воронинъ старался вѣрно и безъ ущерба г. Говоркова исполнять возложенную на него обязанность и никакимъ образомъ самъ не дѣлалъ бы порубокъ въ ввѣренномъ ему участкѣ, подъ опасеніемъ бо̀льшаго штрафа и отвѣтственности. Вслѣдствіе чего приговоръ сей утвердить на основаніи 110 ст. общ. положенія».

Остальныя книги рѣшеній волостныхъ судовъ, присланныя мнѣ

Digitized by Google

посредникомъ, принесли еще менѣе утѣшительнаго по части крестьянскаго самоуправленія и процвѣтанія волостныхъ судовъ. Такъ, напримѣръ, чириковскимъ волостнымъ судомъ въ теченіе 1864 года рѣшено не болѣе шести дѣлъ, да и тѣ касаются только ямщика Ивлеева и сосѣда его, ямщика Яковлева... Изъ нихъ, то Ивлеевъ прибѣжитъ въ волостное правленіе и заявитъ, что когда привезли къ нему Ивлееву разгонъ, и онъ шелъ за дегтемъ, то сосѣдъ его, ямщикъ Яковлевъ, подойдя къ нему, спросилъ: «зачѣмъ ты ходилъ мимо моего двора?» и ударилъ его кулакомъ по головѣ... То бѣжитъ ямщикъ Яковлевъ и жалуется на принесенные ему временно-обязаннымъ крестьяниномъ Ивлеевымъ побои; то уже бѣгутъ оба вмѣстѣ, то-есть и Ивлеевъ и Яковлевъ, и одинъ изъ нихъ увѣряетъ, что «пріѣхавши съ разгономъ, онъ выпрягъ лошадей изъ купеческаго тарантаса, когда сосѣдъ его Яковлевъ влѣзъ на заборъ и назвалъ его зажигателемъ, на что онъ, не стерпѣвши, отвѣчалъ: «отъ зажигателя слышу!»; другой, напротивъ, доказываетъ, что Ивлеевъ первый выбранилъ его зажигателемъ, на что онъ, Яковлевъ, не стерпѣвши, и отвѣчалъ: «отъ зажигателя слышу!» Потомъ на сцену выступили бабы, и тоже прибѣжали съ жалобой... При разборѣ оказалось, что жена Ивлеева побила жену Яковлева, «но какъ я, защищаясь, вѣникъ вырвала», показывала Яковлева, «то Ивлениха, ухвативши серпъ, ударила меня имъ по рукѣ, отчего сдѣлалась глубокая рана».

Неунявчивые сосѣди, а также и жены ихъ, безъ всякаго снисхожденія къ ихъ полу, были нѣсколько разъ высѣчены, чтó, впрочемъ, нисколько не возстановило между ними согласія.

Попавшаяся мнѣ потомъ книга рѣшеній гаревскаго волостнаго суда отличалась клубничнымъ характеромъ, и казалось, вся дѣятельность почтенныхъ судей обратилась единственно на преслѣдованіе сельскихъ камелій, и вообще любовныхъ приключеній: нѣсколько разъ повторяется обмазываніе дегтемъ мужичьихъ воротъ, и какимъ-то горючимъ веществомъ бабьихъ сарафановъ и шубняковъ, стаскиваніе платковъ и выбиваніе оконъ у солдатокъ. Есть даже одно дѣло о томъ, что дѣвица Дарья Ефимова, какимъ-то снадобьемъ хотѣла приворожить къ себѣ крестьянина Прокофья Григорьева, собственно для того, чтобы онъ ей покупалъ гостиницы, что недѣли за двѣ до троицы найденъ сестрой Григорьева въ сундукѣ у жены его Аграфены узелокъ съ солью, и по спросѣ жены своей на счетъ соли, она будто бы ему объяснила, что соль эту ей дала крестьянка Фіона Егорова, то-

Digitized by Google

есть родная мать дѣвицы Дарьи, для того, чтобы приворожить его, Григорьева, то-есть ея мужа.

Двѣ остальныя книги, изъ числа присланныхъ мнѣ мировымъ посредникомъ, не заслуживаютъ уже того, чтобы говорить о нихъ, какъ по незначительности содержанія, такъ и по необычайно малому количеству дѣлъ.

И такъ изъ всего, что я только что прочелъ, книга рѣшеній тёпловскаго волостнаго суда представляла единственное отрадное исключеніе.

Я еще раздумывалъ о томъ, чему именно приписать такое видимое превосходство рѣшеній тёпловскаго суда, когда въ кабинетъ мой вошелъ плотный рыжій мужикъ, одѣтый въ длинный сюртукъ тонкаго сукна: это былъ тёпловскій волостной старшина.

— Я къ вашей милости, началъ онъ, усаживаясь противъ меня на креслѣ...

— Въ чемъ дѣло?

— Такъ-какъ у насъ теперь въ тёпловской волости вышло разстройство, мужики куськинскіе бунтуются и даже жалобу подали г. мировому посреднику на писаря Табачкова, то я, зная ваше знакомство съ посредникомъ, рѣшился просить вашего заступничества.

— За что же жаловались мужики на Табачкова?...

— Жалобятся на то, будто бы писарь Табачковъ взялъ съ односельца ихъ, куськинскаго крестьянина Сидорова, 50 р. сер. за то, чтобы избавить сына его отъ рекрутской очереди.

— Чѣмъ же я могу помочь?

— Зная ваше знакомство съ мировымъ посредникомъ, писарь Табачковъ прибѣгаетъ къ стопамъ ногъ вашихъ... И я, съ своей стороны, прошу, потому что потерять такого человѣка, какъ Табачковъ, легко, а нажить трудно... Онъ хотя и пьяница горькій, а все-таки такого дѣльца не сыщешь, пожалуй, въ цѣлой губерніи. И волостной старшина ярко расписалъ мнѣ достоинства писаря Табачкова, главнымъ образомъ упирая на то, что тёпловскій волостной судъ получилъ такую извѣстность, и даже обратилъ на себя вниманіе начальника губерніи, только благодаря неусыпнымъ трудамъ писаря Табачкова; что завтра же, отставь Табачкова—и волостные судьи ничего не подѣлаютъ, тѣмъ болѣе, что волостные судьи въ тёпловской волости назначаются по очереди: то-есть мѣсяцъ ходятъ одни, мѣсяцъ другіе; и, несмотря на это, волостной судъ все-таки процвѣтаетъ, но

Digitized by Google

тому что судьи разъ навсегда передали дѣло это въ руки Табачкова. И такимъ образомъ всѣ рѣшенія, столь сильно порадовавшія начальника губерніи и доставившія такую громкую извѣстность тѣпловскому волостному суду, сочиняются все тѣмъ же ловкимъ человѣкомъ, и дѣйствительно, замѣчательно дѣльнымъ писаремъ Табачковымъ.

Само собою разумѣется, что я не взялся хлопотать объ участи писаря, но зато въ самомъ непродолжительномъ времени имѣлъ случай убѣдиться въ справедливости всего, что говорилъ мнѣ тѣпловскій волостной старшина.

И такъ не къ чему мнѣ болѣе ломать свою голову надъ тѣмъ, какъ объяснить себѣ изумительное превосходство тѣпловскаго волостнаго суда: иллюзіи разсѣялись, розовыя облака расползлись и передо мной появилась безотрадная дѣйствительность въ образѣ пьянаго, но чрезвычайно ловкаго писаря Табачкова.

Такъ же мало принесло мнѣ утѣшительнаго желаніе найти въ книгахъ рѣшеній волостныхъ судовъ отраженіе дѣйствительной простонародной жизни. Я нашелъ въ нихъ послабленіе и какъ будто бы даже поощреніе воровства, величайшее неуваженіе къ чужой собственности, самыя превратныя понятія о справедливости, вѣчное пьянство, убійство, обмазываніе купоросомъ чужихъ шубняковъ и сарафановъ, обмазываніе дегтемъ чужихъ воротъ—вѣчныя розги, розги, розги, и въ заключеніе всего встрѣчаюсь съ личностью писаря Табачкова, отлично излагающаго и рѣшающаго каждое дѣло, уважающаго нѣжный полъ, гуманнаго, схватившаго кое-какія верхушки изъ газетъ, даже выписывающаго «Сына», и въ то же время пьянствующаго напропалую, деспотически рѣшающаго дѣла и берущаго взятки и съ праваго и съ виноватаго. А между тѣмъ, въ моихъ ежедневныхъ столкновеніяхъ съ крестьянами, мнѣ, если и не особенно часто, то и нерѣдко случается встрѣчать явленія болѣе отрадныя, а между молодымъ поколѣніемъ крестьянъ личности, въ высшей степени располагающія къ себѣ—личности, къ которымъ такъ и тянетъ васъ, какъ къ чему-то освѣжающему и укрѣпляющему вѣру въ русскаго человѣка.

Можно смѣло надѣяться на свѣтлое будущее, смѣло вѣровать, что вмѣстѣ съ исчезновеніемъ послѣднихъ слѣдовъ крѣпостнаго права, съ правильнымъ судомъ, развитіемъ нравственнаго чувства въ народѣ, ослабленіемъ деспотическаго и въ высшей степени вреднаго вліянія сельскихъ стариковъ, готовыхъ кончить

Digitized by Google

всякое дѣло попойкой, съ распространеніемъ грамотности, цивилизующее начало проникнетъ, наконецъ, въ темное крестьянское царство. Однимъ словомъ, можно и должно надѣяться; но отъ надежды и ожиданья лучшаго, далеко еще до того безграничнаго благоговѣнія передъ мудростію, здравымъ смысломъ и добродѣтелями нашего крестьянина, до того поклоненія меньшой братіи, которымъ отличаются наши столичные прогресисты и Маниловы новаго поколѣнія.

Къ сожалѣнію, въ послѣднее время, если, хвала Творцу, не такъ уже часто, какъ бывало, встрѣчаются Ноздревы, зато чуть не на каждомъ шагу сталкиваемся съ Маниловыми, размножившимися въ изумительномъ изобиліи, точно грибы послѣ дождя.

Заговорили о вольномъ трудѣ, а они, наши Маниловы, уже тутъ какъ тутъ, и глаза зажмурили отъ избытка удовольствія, и уже занеслись богъ-знаетъ куда, и уже рѣшили впередъ, какъ это все будетъ мило и прелестно, и какими хорошенькими фермами и котеджами украсится наша глушь, живо напоминая Англію; заговорили о меньшей братіи, призванной къ новой жизни и къ самоуправленію. Маниловы стеклись во множествѣ и страшно засуетились, точно мухи вокругъ куска сахара, и умилившись до послѣдней возможности, пошли толковать о непочатыхъ силахъ, о сліяніи, о природной добротѣ и практической мудрости русскаго мужика.

Толкуютъ годъ (толковать не дѣло дѣлать) — всѣ слушаютъ и даже удивляются Маниловымъ; на другой годъ ихъ тоже слушаютъ, но уже зѣвая и скучая; на третій годъ все та же пѣсня, все то же море фразъ и ни капли дѣла. Пріуныли, наконецъ, слушатели и потекли врозь, всячески стараясь обходить Маниловыхъ и не встрѣчаться съ ними...

XV.

Волостной сходъ.

Пріѣхалъ мировой посредникъ, мрачный и грозный, какъ туча, несущая громъ и молнію. Онъ былъ на пути въ Тѣпловку, гдѣ съ утра уже дожидался его волостной сходъ.

— Не хотѣлось бы, говорилъ посредникъ въ величайшемъ волненіи, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ:—не хотѣлось бы отдавать подъ судъ, а дѣлать нечего—придется... чтобы дру-

Digitized by Google

гіе писаря видѣли и остерегались. А все-таки жаль, потому что Табачковъ—человѣкъ необходимый для волости, человѣкъ умный, любознательный: книги читаетъ, газеты выписываетъ—однимъ словомъ, такого писаря я еще не встрѣчалъ... Вы слышали?

— Слышалъ...

— Досадно, очень досадно! И неужели же, въ самомъ дѣлѣ, оно такъ и быть должно, что какъ человѣкъ поумнѣе, такъ и плутъ, раздражаясь все болѣе и болѣе, говорилъ посредникъ, и изливши, наконецъ, «всю желчь и всю досаду», накопившуюся на душѣ, направился въ Тёпловку, пригласивши меня ему сопутствовать.

Часа два спустя, мы уже входили въ тёпловское волостное правленіе, набитое крестьянами до такой степени, что трудно было дышать. Жаръ и духота были невыносимы, какъ всегда при приближеніи грозы.

Гроза не замедлила разразиться...

Въ присутствіи всего волостнаго схода, мировой посредникъ заставилъ куськинскаго крестьянина повторить свое обвиненіе, и потомъ, яростно накинувшись на писаря Табачкова, потребовалъ, чтобы 50 руб. сер., взятые имъ у куськинскаго мужика, были немедленно возвращены.

Поднялся шумъ: Табачковъ, принявши видъ мученика, готоваго смиренно нести возложенный на него крестъ, божился и даже покушался снять образъ, въ доказательство того, что никогда не бралъ взятки; въ свою очередь, куськинскій крестьянинъ и его родственники тоже божились, на чемъ свѣтъ стоитъ, и тоже намѣревались снять со стѣны образъ.

— А ты зачѣмъ третьяго-дня пріѣзжалъ въ Куськино мириться, и деньги назадъ отдавалъ? съ краснымъ, пылающимъ лицомъ и слезами на глазахъ кричалъ куськинскій крестьянинъ.

— Тебѣ вольно показывать, что въ голову придетъ; тебѣ, видно, душа ненужна... Я, я вотъ сейчасъ образъ со стѣны...

— А свидѣтели были, когда онъ тебѣ деньги отдавалъ? ты свидѣтелей приведи, тогда и наваливай на него, азартно вступился за Табачкова краснолицый старецъ съ бѣлой какъ ленъ бородой и плутовскими глазами — первый капиталистъ и мироѣдъ въ цѣлой волости.

— Свидѣтелей приведи, безъ свидѣтелей нечего человѣка обносить... Свидѣтелей подавай, поддержалъ почтеннаго старц

Digitized by Google

цѣлый десятокъ такихъ же старцевъ, одѣтыхъ въ новые, желтые кафтаны и завладѣвшихъ первыми мѣстами вокругъ стола.

— Безъ свидѣтелей нельзя обвинять... Слава-богу, у насъ земля не безсудная... Мало ли что ты выдумаешь, да наплетешь, ободрился Табачковъ, мѣняя роль мученика на роль торжествующей добродѣтели.

— Да зачѣмъ же ты ѣздилъ въ Куськино? зачѣмъ тебѣ было ѣхать? Это—явная, неоспоримая улика... А онъ еще свидѣтелей требуетъ, горячился посредникъ.

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, я ѣздилъ въ гости единственно для препровожденія времени... Я и въ глаза не видалъ этого мужика... Я, слава-богу, десять лѣтъ живу здѣсь, и никто обо мнѣ худого слова не скажетъ...

— Мы всѣ довольны, и лучшаго намъ писаря не нажить, хоромъ грянули старцы.

— Правда, что такого плута не нажить! прошепталъ кто-то надъ самымъ моимъ ухомъ. Я оглянулся, и увидѣлъ бѣдно-одѣтаго мужика, съ грустно улыбавшимся лицомъ.

— Мы всѣ готовы поручиться за Табачкова... Мы его всѣмъ міромъ одобряемъ, продолжали шумѣть старики.

— Ложь—все это ложь, это все благопріятели Табачкова, заранѣе сговорились, горячился посредникъ.

— Такъ, такъ... Онъ правду сказалъ, шепталъ голосъ надъ моимъ ухомъ.

— Образъ сниму со стѣны, рука не дрогнетъ... Забожусь отцомъ и матерью, увѣрялъ Табачковъ.

— Не попуститъ Богъ, не попуститъ такой неправды—на мѣстѣ расшибетъ, кричали въ свою очередь куськинскіе.

— Нѣтъ, вы свидѣтелей подавайте, свидѣтелей, голосили старцы.

— Молчать! среди страшнаго хаоса раздался грозный голосъ посредника.

Все пріумолкло.

— Слушайте меня, началъ посредникъ, напрасно стараясь сдерживать гнѣвъ свой. — Слушайте: бралъ ли съ кого нибудь изъ васъ писарь Табачковъ взятки?

— Не бралъ! Никогда ничего не бралъ! грянули старцы.

— Съ кого только не бралъ—со всѣхъ бралъ, кто поплоше, снова шепталъ голосъ надъ ухомъ моимъ.

Digitized by Google

— Съ меня взялъ ведро водки, совершенно неожиданно сказалъ одинъ изъ куськинскихъ мужиковъ.

— Иди ближе... Когда взялъ? спрашивалъ посредникъ.

— На врещенье...

— Быть не можетъ... Онъ сроду и не видалъ ведра водки... гдѣ ему взять ведро водки... мужикъ бѣдняющій, грянули старцы.

— Молчать! снова возвышается голосъ посредника.

— Деньги! Сейчасъ же отдай мужику деньги! сію минуту!... Не то подъ судъ, продолжалъ посредникъ, грозно наступая на Табачкова.

— Если вы, ваше высокоблагородіе, прикажете, въ такомъ случаѣ я готовъ...

Но въ эту минуту почтенные старцы и молодые благопріятели Табачкова, куськинскій мужикъ и его родственники, всѣ разомъ подняли такой шумъ и гвалтъ и божбы, что ничего уже нельзя было разобрать: кто былъ правъ, кто виноватъ, кто былъ за Табачкова, кто противъ него...

Посредникъ, съ отчаяннымъ видомъ, махнулъ рукой, живо напоминая въ эту минуту несчастнаго кормчаго, рѣшившаго, что нѣтъ уже никакой возможности спасти судно—и руль пополамъ, и въ клочки разорванный парусъ улетѣлъ богъ-вѣсть куда, и громкій голосъ кормчаго не слышенъ среди неумолкаемо, неудержимо ревущихъ волнъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Digitized by Google

НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ.

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

VII.

Дружеское предпріятіе становится на твердую ногу.

Не успѣлъ Бофинъ захлопнуть вороты, какъ наши друзья тотчасъ приподнялись, и усѣвшись на полу, стали подозрительно посматривать другъ на друга, едва переводя духъ отъ усталости. Въ слабыхъ, больныхъ глазахъ Винеса и въ каждомъ его рыжемъ волосѣ, пробивалось явное недовѣріе къ Вегу, и твердая рѣшимость броситься на него при первой необходимости. Напротивъ, въ грубомъ лицѣ Вега и во всей его вытянутой фигурѣ, походившей на нѣмецкую деревянную куклу, выражалось примирительное настроеніе, хотя далеко не чистосердечное. Оба чрезвычайно раскраснѣлись и запыхались отъ недавней схватки; почтенный же Вегъ, падая на полъ, такъ крѣпко ударился затылкомъ, что до сихъ поръ почесывалъ его съ видомъ самаго непріятнаго удивленія. Впродолженіе нѣсколькихъ минутъ, они оба молчали; каждый изъ нихъ хотѣлъ, чтобы другой началъ.

— Братъ, сказалъ, наконецъ, Вегъ:—вы правы, а я виноватъ. Я забылся.

Мистеръ Винесъ знаменательно покачалъ головой, словно полагая, что Вегъ не забылъ себя, а скорѣе вспомнилъ, сбросивъ маску и представъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ.

— Но, товарищъ, продолжалъ Вегъ:—вы никогда не знавали мисъ Элизабетъ, мистера Джорджа, тётки Анны и дяди Паркера.

Мистеръ Винесъ согласился, что онъ никогда не зналъ этихъ почтенныхъ особъ, но прибавилъ, что даже никогда не имѣлъ ни малѣйшаго желанія съ ними познакомиться.

— Не говорите этого, товарищъ, отвѣчалъ Вегъ: — не говорите этого! Потому что, не зная ихъ, вы никогда не поймете,

Digitized by Google

какъ можетъ взбѣсить человѣка одинъ видъ этого дерзкаго похитителя ихъ собственности.

Съ этими словами, совершенно, по его мнѣнію, извинявшими его поступокъ и еще придававшими ему какую-то благородную доблесть, мистеръ Вегъ ползкомъ добрался до кресла, и схватившись за него, благополучно поднялся на ноги. Винесъ послѣдовалъ его примѣру.

— Товарищъ, сказалъ Вегъ: — садитесь и говорите. Я вижу по вашему лицу, что̀ вы хотите говорить.

Мистеръ Винесъ инстинктивно провелъ рукою по лицу, и потомъ посмотрѣлъ на руку, словно хотѣлъ удостовѣриться, не стеръ ли онъ выраженіе, которое такъ ясно показывало, что̀ онъ хочетъ говорить.

— Я даже вижу по вашимъ выразительнымъ чертамъ, продолжалъ Вегъ, показывая пальцемъ на лицо своего друга:—что̀ вы хотите меня спросить.

— О чемъ? повторилъ Винесъ.

— Почему я не говорилъ раньше о своей находкѣ, весело отвѣчалъ Вегъ:—ваше лицо говоритъ мнѣ: зачѣмъ вы не сказали мнѣ этого въ первую минуту, когда я пришелъ? Зачѣмъ скрывали до тѣхъ поръ, пока не испугались, не пришелъ ли мистеръ Бофинъ за тѣмъ, что̀ вы отыскали? Ваше выразительное лицо говоритъ яснѣе всякаго языка. Ну-ка, можете ли вы прочесть на моемъ лицѣ то, что̀ я вамъ отвѣчу?

— Нѣтъ, я не могу.

— Я въ этомъ былъ увѣренъ, возразилъ Вегъ тѣмъ же довольнымъ тономъ:—я вовсе не претендую, чтобъ мое лицо отражало все, что̀ я чувствую и думаю, ибо я очень хорошо знаю свои недостатки. Не всѣ одарены одинаковыми достоинствами. Но я могу отвѣчать словами. И скажу вотъ что: я хотѣлъ сдѣлать вамъ сюр...п...ризъ.

Протянувъ торжественно это слово, мистеръ Вегъ схватилъ своего друга за обѣ руки, и тряхнувъ его изо всей силы, хлопнулъ ладонью по его колѣнкамъ, словно онъ былъ его благодѣтель и просилъ не упоминать о той маленькой услугѣ, которую ему оказалъ,

— Ваше лицо теперь снова спрашиваетъ: что̀ же вы нашли? продолжаетъ Вегъ.—Я такъ и слышу этотъ вопросъ!

— Ну, такъ что̀ же? возражаетъ Винесъ, подождавъ немного: — если вы слышите мой вопросъ, отчего же вы на него не отвѣчаете?

— Выслушайте меня до конца! восклицаетъ Вегъ: — я вамъ все скажу. Выслушайте меня до конца. Человѣкъ, братъ и то-

Digitized by Google

варищъ по чувствамъ, начинаніямъ и дѣламъ. Я объявляю, что нашелъ шкатулку.

— Гдѣ?

— Выслушайте меня до конца! воскликнулъ Вегъ, который всегда очень неохотно разсказывалъ про свои дѣйствія, и постоянно прибѣгалъ къ этой спасительной фразѣ:—однажды, сэръ...

— Когда? рѣзко спросилъ Винесъ.

— Н... нѣтъ, отвѣчалъ Вегъ, качая головой: — нѣтъ, сэръ. Этотъ вопросъ дѣлаетъ не ваше выразительное лицо, а языкъ— только одинъ языкъ. Но, продолжаю; однажды, сэръ, я гулялъ по двору, то-есть совершалъ свой обходъ, какъ часовой, о которомъ говорится въ пѣснѣ:

Когда въ тиши ночной
Природа отдыхаетъ,
Вкругъ замка часовой
Обходъ свой совершаетъ.

И во время этой случайной прогулки по двору, сэръ, однажды вечеромъ, я также случайно имѣлъ въ рукахъ желѣзный засовъ, который какъ-то ударился о что-то, называть которое совершенно ненужно...

— Нѣтъ, нужно. Что же это такое было? съ сердцемъ спросилъ Винесъ.

— Выслушайте меня до конца! возразилъ Вегъ: — это была труба. Когда я ударилъ объ нее засовомъ, то въ ней что-то какъ-будто зашумѣло, я поглядѣлъ поближе и оказалось, что верхушка трубы открывалась, а внутри была маленькая, длинненькая шкатулка. Долженъ ли я прибавить, что она была совершенно легка?

— Въ ней были бумаги, сказалъ Винесъ.

— Вотъ теперь ваше выразительное лицо говоритъ! воскликнулъ Вегъ:—тамъ была одна бумага, а снаружи ящика, запертаго, перевязаннаго и запечатаннаго, красовалась надпись на пергаментѣ: «*Мое завѣщаніе, Джонъ Гармонъ, временнохранящееся здѣсь*».

— Мы должны узнать, что сказано въ этомъ документѣ, произнесъ Винесъ.

— Выслушайте меня до конца! воскликнулъ Вегъ: — я то же самое сказалъ себѣ, и взломалъ ящикъ.

— Какъ, безъ меня! воскликнулъ Винесъ.

— Точно такъ, сэръ! отвѣчалъ Вегъ съ нѣсколько рѣзкой живостью:—я это сдѣлалъ на томъ основаніи, что если васъ обрадовать сюрпризомъ, то надо чтобъ онъ былъ полный, совершенный. Такимъ образомъ, какъ вы изволили догадаться, я прочелъ до-

Digitized by Google

кументъ. Онъ очень коротокъ и написанъ и засвидѣтельствованъ законнымъ порядкомъ. На томъ основаніи, что онъ никогда не имѣлъ друзей, а собственное его семейство бунтовало противъ его власти, онъ, Джонъ Гармонъ, этимъ документомъ оставлялъ Никодиму Бофину маленькую кучу мусора, совершенно для него достаточную, все же остальное предоставлялъ казнѣ.

— Надо посмотрѣть, однако, завѣщаніе, которое уже признается законнымъ, замѣтилъ Винесъ:—оно, быть можетъ, написано позже только что найденнаго.

— Выслушайте меня до конца! воскликнулъ Вегъ:—я тоже подумалъ и заплатилъ шиллингъ (на вашу долю приходится половина) чтобъ взглянуть на теперешнее завѣщаніе. Братъ, оно написано нѣсколькими мѣсяцами раньше найденнаго завѣщанія. Ну, теперь, какъ человѣкъ, ближній и товарищъ въ одномъ дружескомъ предпріятіи, прибавилъ Вегъ, снова схватывая его за руки и ударяя его по колѣнямъ: — скажите, хорошо я исполнилъ свое дружеское намѣреніе и удивлены ли вы сдѣланнымъ вамъ сюрпризомъ.

Мистеръ Винесъ подозрительно взглянулъ на своего ближняго и товарища и сухо отвѣчалъ:

— Это правда, важная вѣсть, мистеръ Вегъ. Этого отрицать нельзя. Но я былъ бы болѣе доволенъ, еслибъ вы разсказали мнѣ все случившееся до вашего испуга сегодня вечеромъ и еслибъ вы спросили меня, какъ вашего товарища, что̀ тутъ дѣлать.

— Выслушайте меня до конца! воскликнулъ Вегъ:—я зналъ, что вы это скажете, но я одинъ несъ на себѣ бремя безпокойства, пускай одинъ буду нести и вину! прибавилъ онъ съ видомъ торжественнаго великодушія.

— Ну, сказалъ Винесъ:—посмотримъ завѣщаніе и ящикъ.

— Хорошо ли я васъ понялъ, братъ? отвѣчалъ Вегъ, очень неохотно:—вы желаете посмотрѣть на это завѣщаніе и...

Мистеръ Винесъ молча ударилъ кулакомъ по столу.

— Да выслушайте же меня до конца! подхватилъ Вегъ:—я сейчасъ пойду и принесу ящикъ.

Послѣ долгаго времени, словно онъ изъ корысти никакъ не могъ рѣшиться показать сокровище своему товарищу, Вегъ наконецъ воротился съ шляпной кордонкой въ рукахъ, въ которую онъ спряталъ найденный ящикъ для уничтоженія всѣхъ подозрѣній.

— По моему, не слѣдуетъ его открывать здѣсь, сказалъ Сайлесъ вполголоса, озираясь по сторонамъ: — онъ можетъ воротиться, а, пожалуй, онъ и здѣсь гдѣ нибудь спрятался. Послѣ того, что̀ мы видѣли, онъ, конечно, способенъ на все.

— Это дѣло, согласился Винесъ:—пойдемте ко мнѣ.

Digitized by Google

Вегъ остановился въ нерѣшительности: съ одной стороны онъ боялся нести свою драгоцѣнную ношу въ чужое мѣсто, а съ другой—столько же страшился тотчасъ открыть ящикъ.

— Ну, пойдемъ, говоритъ, пойдемъ, повторилъ Винесъ съ сердцемъ.

Не видя возможности отказаться, Вегъ пробормоталъ:

— Да выслушайте меня до конца! Конечно идемъ.

Послѣ этого Вегъ заперъ павильонъ и они отправились въ путь; при этомъ Винесъ взялъ своего друга подъ руку и держалъ его съ замѣчательной силой и упорствомъ.

Они нашли попрежнему окно въ лавкѣ мистера Винеса освѣщенное мерцающей свѣчкой, такъ что выставленная на окнѣ група дерущихся лягушекъ едва виднѣлась и то какъ-бы въ туманѣ. Мистеръ Винесъ отперъ дверь, и войдя съ Вегомъ, снова заперъ ее, потомъ закрылъ ставни въ окнѣ и торжественно объявилъ: «теперь никто не попадетъ сюда и мы можемъ быть совершенно спокойны». Съ этими словами онъ растопилъ каминъ и снялъ со свѣчи; мало по малу пламя освѣтило почернѣвшія стѣны и изъ нихъ какъ-бы выдѣлились индѣйскій ребёнокъ, африканскій ребёнокъ, собранный англійскій ребёнокъ, група череповъ и вся остальная колекція—они всѣ неожиданно явились на своихъ мѣстахъ, словно и они также, какъ ихъ хозяинъ, ходили со двора и только что воротились, чтобъ присутствовать при торжественномъ открытіи тайны. Французъ значительно выросъ съ тѣхъ поръ, что его видѣлъ Вегъ, у него уже была теперь голова и ноги, недоставало только рукъ.

Сайлесъ молча сѣлъ на деревянный ящикъ передъ огнемъ, и Винесъ, помѣстившись въ своемъ креслѣ, досталъ подносъ съ чашками и поставилъ котелокъ на огонь. Сайлесъ внутренно одобрилъ всѣ эти приготовленія, надѣясь, что Винесъ хоть чаемъ разжижитъ свой слишкомъ твердый и точный умъ.

— Ну, сэръ, сказалъ Винесъ:—теперь все готово. Посмотримъ-ка находку.

Все еще неохотно и боязливо посматривая на скелеты, какъ-бы опасаясь, чтобы они не выхватили у него изъ рукъ драгоцѣнный документъ, Вегъ открылъ шляпную картонку, вынулъ шкатулку, вскрылъ ее и представилъ завѣщаніе. Онъ подалъ его Винесу, крѣпко держа за одинъ уголъ; Винесъ схватилъ за другой и очень внимательно прочелъ документъ.

— Справедливо я разсказалъ его содержаніе, товарищъ? спросилъ Вегъ, послѣ долгаго молчанія.

— Да, товарищъ, отвѣчалъ Винесъ.

Тутъ Вегъ сдѣлалъ очень граціозное движеніе, какъ-бы же-

Digitized by Google

лая свернуть бумагу, но Винесъ не выпускалъ ее изъ своихъ рукъ.

— Нѣтъ, сэръ, сказалъ онъ, качая головой:—нѣтъ, товарищъ. Теперь вопросъ въ томъ, кто будетъ беречь эту драгоцѣнность. Вы знаете, товарищъ, у кого она будетъ сохраняться.

—У меня, отвѣчалъ Вегъ.

— О, нѣтъ, товарищъ, отвѣчалъ Винесъ: — вы совершенно ошибаетесь, я буду беречь ее. Вотъ видите, мистеръ Вегъ, я вовсе не желаю ссориться съ вами, тѣмъ менѣе имѣть какія-нибудь отношенія по части анатоміи.

— Что вы хотите этимъ сказать? — спросилъ поспѣшно Сайлесъ.

— Я хочу сказать, медленно отвѣтилъ Винесъ:—что трудно, почти невозможно человѣку питать къ ближнему болѣе дружественныя чувства, чѣмъ я питаю къ вамъ, въ настоящую минуту. Но вѣдь я у себя, я окруженъ трофеями своего искуства и мои инструменты чрезвычайно ловко дѣйствуютъ.

— Что вы хотите сказать, мистеръ Винесъ? снова спросилъ Вегъ.

— Я окруженъ, какъ уже замѣтилъ, трофеями моего искуства, продолжалъ такъ же спокойно Винесъ:—ихъ множество, этихъ трофеевъ, у меня порядочный запасъ человѣческихъ костей, вся лавка ими набита и я не нуждаюсь въ настоящую минуту въ большемъ ихъ количествѣ. Но я люблю свое искуство и умѣю обходиться съ своими инструментами.

— Конечно, никто лучше васъ не умѣетъ дѣлать это, замѣтилъ мистеръ Вегъ съ нѣсколько изумленнымъ видомъ.

— Въ ящикѣ, на которомъ вы сидите, продолжалъ Винесъ:—находится цѣлое собраніе различныхъ человѣческихъ образцовъ. А за дверью стоитъ прекрасный сборный человѣкъ изъ такихъ различныхъ образцовъ. А вотъ этому все еще недостаетъ рукъ, прибавилъ Винесъ, указывая на француза:—конечно, я *не говорю*, чтобы я очень торопился *достать* ему руки.

— Вы, должно быть, бредите, товарищъ, замѣтилъ Сайлесъ.

— Вы извините меня, но я дѣйствительно иногда брежу, отвѣчалъ Винесъ:—но я люблю свое искуство, умѣю владѣть инструментами и намѣренъ сохранить въ своихъ рукахъ этотъ документъ.

— Но что же онъ имѣетъ общаго съ вашимъ искуствомъ? спросилъ вкрадчиво Сайлесъ.

Винесъ заморгалъ своими слабыми, больными глазами, и поправляя котелокъ замѣтилъ про себя вполголоса:

— Закипитъ черезъ минуту.

Digitized by Google

Сайлесъ взглянулъ на котелокъ, на полки, на француза и содрогнулся, увидавъ, что мистеръ Винесъ, продолжая мигать глазами, искалъ чего-то въ жилетномъ карманѣ незанятой рукой, положимъ хоть ланцета. Онъ еще болѣе содрогнулся, когда вспомнилъ, что они такъ близко сидятъ другъ подлѣ друга, держа бумагу за оба конца, и еще вкрадчивѣе замѣтилъ:

— Товарищъ, знаете, что я вамъ предложу? разорвемъ документъ на двѣ части и каждый будетъ беречь свою половину.

— Нельзя, отвѣчалъ, качая головою, Винесъ:—мы погубимъ тогда все дѣло, разорванный онъ не будетъ имѣть никакой силы.

— Товарищъ, началъ снова Вегъ, послѣ минутнаго молчанія, впродолженіе котораго они пристально смотрѣли другъ на друга: — ваше выразительное лицо, кажется, говоритъ, что вы нашли средній путь?

Винесъ снова покачалъ головой.

— Товарищъ, вы уже однажды скрыли эту бумагу отъ меня, сказалъ онъ рѣшительно: — вы никогда уже болѣе этого не сдѣлаете. Я вамъ предлагаю ящикъ съ надписью, а бумагу буду самъ беречь и ни за что вамъ не отдамъ.

Сайлесъ колебался еще нѣсколько минутъ, и потомъ, вдругъ выпустивъ изъ рукъ драгоцѣнный документъ, съ прежнимъ веселымъ видомъ воскликнулъ:

— Что жизнь безъ довѣрія? что человѣкъ безъ чести? Берите, я вамъ отдаю, товарищъ, съ полнымъ довѣріемъ

Продолжая молчать попрежнему, и ни мало не торжествуя одержанную побѣду, Винесъ свернулъ бумагу, и заперевъ ее въ ящикъ, спряталъ ключъ въ карманъ. Потомъ онъ такъ же спокойно произнесъ: — чашку чая, товарищъ? На что Вегъ отвѣчалъ: — Очень благодаренъ, товарищъ. Чай былъ поэтому сдѣланъ и розлитъ.

— Теперь, сказалъ Винесъ, выливая чай на блюдечко и пристально смотря на своего друга: — теперь вопросъ: какъ намъ поступить?

Касательно этого Сайлесъ имѣлъ сказать многое. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе своего брата и товарища на впечатлѣніе, произведенное чтеніемъ въ этотъ вечеръ на мистера Бофина, который очевидно дѣлалъ сближеніе тѣхъ, о комъ они читали, съ покойнымъ владѣльцемъ павильона, что получаетъ еще болѣе важности при находкѣ склянки и ящика въ мусорныхъ кучахъ. Не было никакого сомнѣнія, что послѣдняя находка была для нихъ цѣлымъ состояніемъ, ибо имъ стоило только назначить цѣну найденному документу, и они получатъ ее отъ баловня судьбы. Эта цѣна, по его мнѣнію, выражалась однимъ

Digitized by Google

словомъ—половина! Вопросъ теперь былъ только въ томъ, когда требовать эту половину, касательно чего онъ имѣлъ предложить цѣлый планъ дѣйствія. Этотъ планъ состоялъ въ томъ, чтобъ терпѣливо выжидать событія. Они должны позволить свезти всѣ мусорныя кучи, но обратить это въ свою пользу, то-есть воспользоваться чужой работой и расчисткой для своихъ ночныхъ поисковъ. Когда всѣ кучи будутъ свезены и они выручатъ изъ нихъ все, что могутъ, тогда, и только тогда они должны наброситься на баловня судьбы. Но при этомъ могло быть одно обстоятельство, которое совершенно измѣняло планъ дѣйствія, и на этотъ пунктъ Вегъ обратилъ особенное вниманіе своего брата и товарища. Низачто не надо позволить баловню судьбы похитить хоть бездѣлицу изъ того, что они считали теперь своей собственностью. Когда онъ, Вегъ, нѣсколько часовъ тому назадъ, видѣлъ какъ баловень судьбы тайкомъ похитилъ склянку съ неизвѣстными сокровищами, то онъ почелъ его за вора и грабителя и отнялъ бы у него силою захваченную незаконнымъ образомъ вещь, еслибъ, къ счастью, братъ и товарищъ не вступился и не удержалъ его. Повтореніе подобнаго обстоятельства могло сполна измѣнить ихъ планъ: то-есть если они снова накроютъ его въ похищеніи чего бы то ни было, то мечъ, висящій надъ его головой, долженъ въ ту же секунду поразить его. Тогда слѣдуетъ его подвергнуть самому строгому допросу обо всемъ, что онъ знаетъ или подозрѣваетъ, и подъ угрозою разоренія держать его въ нравственномъ рабствѣ до той минуты, когда они согласятся дать ему свободу въ обмѣнъ на половину его состоянія.

— Если я ошибся, прибавилъ Вегъ:—назначивъ условіемъ выкупа—*половину*, то надѣюсь, что мой братъ и товарищъ поправитъ мою слабость. Быть можетъ, справедливѣе взять двѣ-трети, или три четверти? На этомъ не постою, и всегда готовъ принять поправку.

Мистеръ Винесъ, выпивъ во время этой длинной рѣчи три блюдца чая, выразилъ свое согласіе на предложенный планъ. Воодушевленный этимъ, Вегъ протянулъ свою правую руку, торжественно объявляя, что эта рука никогда еще... далѣе онъ не продолжалъ, и не входилъ ни въ какія подробности. Винесъ, не переставая пить свой чай, выразилъ въ самыхъ учтивыхъ выраженіяхъ свою увѣренность, что *дѣйствительно* эта рука никогда... Однако, онъ не пожалъ ее, а удовольствовался тѣмъ, что взглянулъ на нее.

— Братъ, началъ снова Вегъ, когда они такъ дружески покончили съ дѣлами:—я бы желалъ васъ кое о чемъ спросить. Помните вы тотъ вечеръ, когда я впервые васъ здѣсь посѣтилъ, и

Digitized by Google

нашелъ, что вашъ могущественный умъ виталъ въ чайныхъ парахъ?

Винесъ утвердительно махнулъ головой, и продолжалъ прихлебывать чай.

— И вотъ вы сидите точно такъ же, словно вы не перемѣнялн, съ тѣхъ поръ, своего положенія! продолжалъ Вегъ, восторженнымъ тономъ: — вы сидите, сэръ, и пьете чай, словно вы можете вмѣстить въ себѣ безграничное количество этого душистаго зелья!

— Вы сказали, что желаете спросить меня кое о чемъ, и не спросили, замѣтилъ очень сухо Винесъ.

— Въ ту ночь вы были въ безпокойномъ состоянiи духа, отвѣчалъ Вегъ, съ нѣжнымъ сочувствіемъ: — ну, а теперь какъ? Вы, я надѣюсь, спокойнѣе?

— Она не хочетъ видѣть себя въ извѣстномъ свѣтѣ, не хочетъ, чтобъ и другіе видѣли ее въ этомъ свѣтѣ, сказалъ Винесъ, очень комично, соединяя въ своемъ тонѣ презрѣніе въ нѣжной меланхоліей: — нечего объ этомъ болѣе и говорить.

— Скажите, пожалуйста! воскликнулъ Вегъ, устремляя повидимому глаза на огонь, а въ сущности слѣдя пристально за своимъ другомъ: — но таковы всѣ женщины; я помню также, что въ ту ночь, когда вы были въ очень безпокойномъ состоянiи духа, вы упомянули, что принимали интересъ въ дѣлѣ о наслѣдствѣ Гармона. Странная случайность!

— Ея отецъ былъ замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ, продолжалъ Винесъ, между двумя глотками чая.

— Вы не назвали, кажется, ея имени? замѣтилъ Вегъ, задумчиво: — нѣтъ, вы дѣйствительно не назвали ее.

— Плезантъ Ридергудъ.

— Неужели! воскликнулъ Вегъ: — Плезантъ Ридергудъ, какое пріятное имя! Я надѣюсь, что я не растравлю вашей раны, если спрошу васъ, мистеръ Винесъ, какъ вы съ ней познакомились?

— Я былъ на берегу, сказалъ Винесъ, и остановился, чтобъ пропустить глотокъ чая: — искалъ попугаевъ... онъ снова остановился и снова прихлебнулъ чая.

— Вы наврядъ-ли могли охотиться на попугаевъ въ нашемъ климатѣ? замѣтилъ Вегъ, чтобъ поддержать разговоръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, возразилъ съ испугомъ Винесъ: — я только ходилъ на берегъ, чтобъ купить попугаевъ у матросовъ, которые часто ихъ привозятъ.

— А! замѣтилъ Вегъ.

— Я также искалъ двѣ змѣи, которыхъ мнѣ заказали приготовить, и судьбѣ было угодно натолкнуть меня на эту женщину. Это именно было въ то время, когда нашли тѣло Гармона въ

Digitized by Google

рѣкѣ. Ея отецъ видѣлъ, какъ это тѣло тащили въ лодкѣ на буксирѣ. Я воспользовался интересомъ, который возбудило это дѣло повсюду, и воротился къ *ней*, чтобъ еще болѣе съ ней познакомиться, и съ тѣхъ поръ я сталъ совершенно инымъ человѣкомъ. Мои кости сохнутъ; такъ я постоянно, вѣчно думаю о ней. Я увѣренъ, что принеси мнѣ мои кости въ корзинкѣ для подборки, то я ихъ не признаю за свои. Вотъ до какой степени я опустился.

— Я еще помню, мистеръ Винесъ, сказалъ Вегъ, устремляя свой взглядъ на одну изъ полокъ. — Я помню, ибо я никогда не забываю того, что вы говорите, какъ вы въ ту ночь посмотрѣли на полку и сказали: «Ну, все равно».

— Да, тамъ лежитъ попугай, котораго я купилъ у ней, произнесъ Винесъ:—онъ такъ же изсохъ, какъ я; но у меня никогда не хватитъ смѣлости набить его.

Сайлесъ отвернулся, сильно разочарованный, и повидимому потерявъ на время всякую способность выражать поддѣльное сочувствіе къ горю Винеса, принялся перевязывать свою деревянную ногу, которая очень расшаталась отъ всѣхъ гимнастическихъ упражненій этого вечера.

Оставивъ мистера Виѣса упиваться чаемъ до самозабвенія, Сайлесъ взялъ шляпный кардонъ и вышелъ на улицу. Обдумывая по дорогѣ все, что случилось, онъ сталъ упрекать себя, зачѣмъ онъ взялъ въ товарищи этого артиста. Онъ чувствовалъ теперь съ горечью, что преувеличивалъ важность намековъ мистера Винеса, которые теперь оказались вполнѣ неотносящимися къ дѣлу. Занятый подобными мыслями, недоумѣвая, какъ разстаться съ своимъ товарищемъ безъ денежной потери и вмѣстѣ съ тѣмъ торжествуя въ глубинѣ сердца своей чисто-случайной находкѣ, онъ наконецъ дошелъ до великолѣпнаго дома золотого мусорщика, ибо считалъ совершенно невозможнымъ лечь спать въ этотъ день не взглянувъ на это богатое жилище въ новой роли злого генія. Сила (исключая силы разума и добра) всегда плѣняетъ низкія натуры, и потому мысленно объявить этому роскошному дому, что онъ имѣетъ силу разорить его однимъ дуновеніемъ, какъ карточный домикъ, доставляло неизъяснимое удовольствіе Вегу.

Пока онъ съ торжествомъ смотрѣлъ на жилище своего врага, къ подъѣзду подкатила блестящая карета.

— Скоро ты исчезнешь, прошепталъ Вегъ, грозя ей шляпнымъ ящикомъ:—уже твой лакъ тускнѣетъ.

Мистрисъ Б..финъ вышла изъ кареты и медленно стала подниматься по лѣстницѣ.

— Скоро спотыкнетесь, госпожа мусорщица! подумалъ Вегъ.

Белла выпрыгнула вслѣдъ за нею и побѣжала наверхъ.

Digitized by Google

— Какъ мы шибко бѣгаемъ! промолвилъ Вегъ:—но я не думаю, красавица, чтобъ ты такъ весело побѣжала въ нищенскую квартиру твоего отца. А придется тебѣ снова у него жить.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ дверей вышелъ секретарь.

— Тебя, молокососъ, предпочли мнѣ, но я бы тебѣ теперь совѣтовалъ искать другаго мѣста, замѣтилъ глубокомысленно Вегъ.

Почти въ то же время въ окнахъ бель-этажа отразилась фигура Бофина, который ходилъ по комнатамъ взадъ и впередъ.

— Ага! воскликнулъ Вегъ:—ты тутъ. А гдѣ склянка? Ты бы охотно помѣнялся на шкатулку, не такъ ли, мусорщикъ?

Успокоившись теперь совершенно, Вегъ вернулся домой. Онъ до того былъ жаденъ къ деньгамъ, что теперь сталъ раздумывать, нельзя ли какъ нибудь сдѣлать такъ, чтобъ оттягать у Бофина не половину, не двѣ трети, не три четверти его состоянія, а все цѣликомъ.

— Нѣтъ, все у него отобрать можно только въ случаѣ, если онъ не согласится насъ подкупить, разсуждалъ онъ самъ съ собою:—а тогда мы не получимъ ни гроша.

Мы всегда судимъ о другихъ по себѣ, такъ что Вегу никогда не приходило въ голову, что Бофинъ можетъ отказаться ихъ подкупить и предпочтетъ обману честную бѣдность. Онъ вздрогнулъ, когда вдругъ сознался возможность подобнаго обстоятельства, но скоро успокоился.

— Онъ слишкомъ пристрастился къ деньгамъ, чтобъ на это рѣшиться, сказалъ онъ почти вслухъ: — онъ слишкомъ пристрастился къ деньгамъ!

Эти слова его такъ утѣшили, что онъ во всю остальную дорогу притоптывалъ своей деревянной ногой и въ тактъ повторялъ:

—. Онъ слишкомъ пристрастился къ деньгамъ! Онъ слишкомъ пристрастился къ деньгамъ!

Даже на другое утро, когда пріѣхали возы для уборки мусорныхъ кучъ, Сайлесъ успокоивалъ себя этимъ утѣшительнымъ изреченіемъ, и во весь этотъ день, ходя часовымъ взадъ и впередъ по маленькой, протоптанной имъ дорожкѣ и не спуская глазъ съ рабочихъ, онъ повторялъ мысленно: «Онъ слишкомъ пристрастился къ деньгамъ! Онъ слишкомъ пристрастился къ деньгамъ!»

VIII.

Конецъ долгаго странствія.

Длинные ряды возовъ тянулись съ утра до вечера въ навильонъ и изъ него, не убавляя, повидимому, ни одной соринки

Digitized by Google

въ мусорныхъ кучахъ, хотя съ теченіемъ времени — эти кучи и замѣтно понижались. Милорды и господа, члены благотворительныхъ комитетовъ, когда вы, наконецъ, послѣ долгихъ трудовъ и усилій, нагромоздили громадную, мусорную кучу ошибокъ и промаховъ, вы должны скинуть свои благородные фраки, и приняться за уборку этой самой кучи, при помощи всѣхъ людей и всѣхъ лошадей ея величества королевы, иначе громада пошатнется, и, падая, задавитъ насъ всѣхъ.

Аминь, аминь, глаголю вамъ, милорды и господа, члены благотворительныхъ комитетовъ, съ помощью божьею вы должны это сдѣлать, ибо когда мы дошли до того, что имѣя огромныя средства для оказанія помощи бѣднымъ, заставляемъ лучшихъ изъ этихъ бѣдныхъ ненавидѣть наше милосердіе, бѣжить отъ насъ и умирая съ голода навлекать на наши головы вѣчный позоръ — тогда невозможно болѣе думать о благосостояніи, невозможно болѣе такъ существовать. Можетъ быть, вы не най-мете этого текста для проповѣди въ евангеліи Подзнанства или въ отчетахъ вашихъ комитетовъ, но тѣмъ не менѣе — это истина, была истиной съ тѣхъ поръ, что созданъ міръ, и будетъ истиной пова міръ не потрясется въ своихъ основахъ мощной десницей Создателя. Хваленое дѣло рукъ вашихъ, которымъ мы такъ гордимся, не пугаетъ нищихъ по ремеслу и отъявленныхъ мошенниковъ, а лишь наноситъ смертельный ударъ насчастнымъ, страждущимъ бѣднякамъ и служитъ роковымъ пугаломъ тѣмъ, кто всего достойнѣе нашего милосердія. Мы должны измѣнить это, милорды и господа, члены благотворительныхъ комитетовъ, или въ злую минуту ваша работа сотретъ съ лица земли каждаго изъ насъ.

Старая Бетти Гигденъ жила посреди своихъ постоянныхъ странствій, какъ живетъ многое множество подобныхъ ей грубыхъ, но честныхъ созданій обоего пола, трудящихся и работающихъ въ потѣ лица своего на пути земной жизни. Терпѣливо нажить себѣ скудный кусокъ хлѣба, и мирно умереть вдали отъ богадѣленъ— вотъ все, чего она желала.

Бофины не получали отъ нея никакихъ свѣденій съ той минуты, какъ она вышла изъ ихъ дома. Погода впродолженіе всего этого времени была ненастная, и дороги очень дурны, но душа ея не унывала. Другой, не столь рѣшительный и стойкій человѣкъ, быть можетъ, поддался бы вліянію неблагопріятныхъ обстоятельствъ, но она упорствовала, ибо хотя изъ сдѣланнаго ею займа не было уплачено еще ни копейки, и она чувствовала себя гораздо хуже чѣмъ ожидала, она все еще стремилась доказать исполнимость своего плана и поддержать свою независимость.

Digitized by Google

Благородная душа! Когда она говорила Роксмиту, что повременамъ на нее находитъ оцѣпенѣніе, она слишкомъ мало обращала на это вниманія, полагаясь на свое мужество и силу; но теперь эти припадки случались все чаще и чаще, все мрачнѣе и мрачнѣе, словно это была тѣнь приближающейся смерти. Что тѣнь эта была плотная, мрачная, подобно настоящей, дѣйствительной тѣни—то это вполнѣ согласно со всѣми законами физической природы, ибо источникъ свѣта, сіявшаго въ душѣ Бети Гигденъ, былъ по ту сторону могилы.

Бѣдная старуха пошла вверхъ по Темзѣ, тамъ она обитала въ послѣднее время и знала весь околодокъ. Она прожила нѣсколько времени по близости своего бывшаго жилища, и вязала и продавала, потомъ пошла далѣе; красивые городки Чертсей, Вальтонъ, Кингстонъ и Стэнсъ служили на время ей пріютомъ, всѣ жители въ нихъ вскорѣ узнали ее и привыкли къ ней, но она и тутъ не осталась, а продолжала свой путь.

Она обыкновенно брала лотокъ на рынкѣ, гдѣ таковые были, или помѣщалась на главной улицѣ городка, или, наконецъ, ходила по большимъ дорогамъ, и останавливалась у важныхъ домовъ, прося позволенія у привратника войти со своей корзинкой, что, однако, ей не всегда удавалось. Всего же чаще блестящія дамы, проѣзжая въ красивыхъ экипажахъ, покупали у ней какую-нибудь бездѣлицу, прельстившись ея свѣтлыми, блестящими глазами и добродушной рѣчью, дышавшей надеждою и энергіею. Это послѣднее въ связи съ тѣмъ, что она была всегда опрятно одѣта, послужило поводомъ къ баснѣ о томъ, что она будто бы была въ очень хорошемъ положеніи, даже богата, говоря сравнительно. Этому многіе вѣрили, да и вообще подобныя басни долго пользовались большой популярностью между нами, ибо очень пріятно думать, что ближній обезпеченъ, когда это никому не стоитъ ни гроша.

Въ этихъ живописныхъ маленькихъ городкахъ на берегу Темзы, вы постоянно слышите грохотъ воды, сдержанной плотинами, а съ мостовъ вы видите, какъ юная рѣка, подобно ребёнку, рѣзвясь и играя, бѣжитъ подъ тѣнью деревьевъ, еще неосквернённая ожидающими ее впереди нечистотами, и не слыша еще грознаго зова океана. Несправедливо было бы думать, однако, что подобныя мысли входили въ голову Бети Гигденъ—нѣтъ, но она слышала, какъ многія другія, подобныя ей, несчастныя созданія, соблазнительный шопотъ рѣки: «Приди ко мнѣ, приди ко мнѣ! Въ минуту страха и опасенія жестокаго позора, такъ долго тобой избѣгаемаго, приди ко мнѣ. Я стражъ, назначенный вѣчной судьбой приносить помощь и избавленіе людямъ; меня не ува-

Digitized by Google

жаютъ, но мнѣ горе мало. Мои объятья мягче объятій больничной сидѣлки; на лонѣ моемъ умирать легче, чѣмъ между фельдшерами богадельни. Приди ко мнѣ!»

Было мѣсто въ ея простомъ, безъискуственномъ умѣ и болѣе нѣжнымъ мечтамъ. Всѣ эти богачи, ихъ дѣти, жившіе въ этихъ роскошныхъ домахъ, думали ли они, смотря на нее, о томъ, что̀ такое быть голоднымъ, что̀ такое быть холоднымъ? Чувствовали ли они, видя ее, то удивленіе, которое они вселяли въ ней! Христосъ съ вами, смѣющіяся дѣти! Еслибъ вы видѣли моего бѣднаго, больнаго Джони, заплакали бы вы или нѣтъ? Поняли ли бы вы, еслибъ видѣли Джони, умершаго на его постелькѣ? Но все же христосъ съ вами, милыя дѣти, ради него, моего Джони! Точно такъ же нѣжно смотрѣла она и на болѣе скромныя жилища, въ окнахъ которыхъ въ сумерки привѣтливо свѣтился пылающій огонекъ, и упрекала себя въ глупой фантазіи за то, что когда къ ночи добрые люди закрывали ставни, ей входила не разъ въ голову мысль, какъ жестоко лишать бѣдняковъ безъ крова—хоть издали наслаждаться теплымъ свѣтомъ камелька. Проходила ли она мимо блестяще-освѣщеннаго магазина, въ которомъ была отворена дверь изъ внутренной комнаты, гдѣ хозяева весело пили чай—Бети думала о томъ, бо̀льшее ли удовольствіе доставляла имъ ѣда, питье и одежда, потому что они торговали этими предметами и жили ими; приближилась ли она къ уединенному кладбищу—она говорила себѣ: «я одна, кажется, съ мертвецами на улицѣ въ такую погоду, въ такой поздній часъ! Но тѣмъ лучше должно быть всѣмъ, у кого есть теплый уголокъ». Честная душа, она не завидовала никому посреди своихъ лишеній, не роптала, что у другихъ есть то, чего у ней нѣтъ.

Чѣмъ слабѣе она становилась, тѣмъ, однако, старинная ненависть къ богадельнямъ все болѣе и болѣе увеличивалась, ибо эта ненависть находила себѣ по дорогѣ болѣе пищи, чѣмъ сама бѣдная Бети. Часто случалось ей видѣть цѣлыя групы несчастныхъ въ лохмотьяхъ, мужчинъ, женщинъ, дѣтей, стоявшихъ терпѣливо у затворенныхъ дверей благотворительнаго учрежденія, начальникъ котораго, злоупотребляя довѣріемъ избравшихъ его гражданъ, думалъ только о томъ, какъ бы вывести изъ всякаго терпѣнія прибѣгающихъ къ помощи бѣдняковъ, и тѣмъ отъ нихъ навсегда отдѣлаться. Потомъ она встрѣчала неразъ на дорогѣ подобную себѣ бѣдную, опрятно-одѣтую женщину, предпринимавшую путешествіе въ нѣсколько миль, чтобъ посѣтить какого-нибудь родственника, старика или старуху, котораго благотворительность увлекла насильно далеко отъ роднаго дома, и заперла въ громадную, каменную богадельню, которая по уходу въ ней, ѣдѣ

Digitized by Google

и помѣщенію, походила гораздо болѣе на исправительное заведеніе чѣмъ окружная тюрьма, равняющаяся съ ней только по отдаленности, что для мелкихъ сельскихъ преступниковъ всегда составляетъ самую тяжелую часть наказанія. Иногда же она слышала, какъ читали въ газетахъ отчетъ благотворительныхъ комитетовъ о количествѣ людей, умершихъ въ послѣднюю недѣлю отъ голода и холода — для которыхъ почтенные чиновники отвели особую графу въ итогѣ, словно они составляли необходимую его составную часть, какъ копейки при рубляхъ. Бѣдная Бети слышала, какъ все это обсуждали простые люди—обсуждали такъ, какъ мы, милорды и господа, члены благотворительныхъ комитетовъ, въ нашемъ величіи никогда не слыхивали, и отъ всего этого она бѣжала, летѣла на крыльяхъ отчаянія.

Это послѣднее выраженіе не есть риторическая фигура—нѣтъ, старая Бети Гигденъ, какъ бы она ни устала, какъ бы у ней ни болѣли ноги, вскакивала съ мѣста и бѣжала, лишь только воскресалъ въ ея памяти старинный страхъ попасться въ руки благотворителей. Нечего сказать, замѣчательное христіанское нововведеніе; добрый самаритянинъ обращенъ въ роковую фурію, и это не исключеніе, нѣтъ, Бети Гигденъ не одна на свѣтѣ, а много, много, много.

Два обстоятельства увеличили еще въ сильнѣйшей мѣрѣ эту безразсудную ненависть, безразсудную и ни на чемъ не основанную, потому что народъ всегда безразсуденъ и неоснователенъ, вѣчно съ рѣдкимъ упрямствомъ производя дымъ безъ огня, не такъли, милорды и господа, члены благотворительныхъ комитетовъ?

Однажды Бети сидѣла со своей корзинкой на скамейкѣ, подлѣ кабачка на рыночной площади, какъ вдругъ на нее нашло то оцѣпенѣніе, съ которымъ она такъ мужественно боролась; въ глазахъ у ней помутилось, и когда она пришла въ себя, то увидѣла, что лежитъ на землѣ. Голову ея поддерживала какая-то добрая торговка, а вокругъ собрался цѣлый кружокъ зѣвакъ.

— Лучше вамъ теперь, матушка? спросила одна изъ женщинъ:— можете вы встать?

— А развѣ я была больна? спросила Бети.

— У васъ былъ обморокъ или какой-то припадокъ, отвѣчали ей: — васъ не трясло, а вы просто лежали безъ чувствъ, какъ мертвая.

— А! это оцѣпенѣніе, оно находитъ на меня повременамъ, возразила Бети, совершенно приходя въ себя.

— А теперь прошло?

— Да. Я буду еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Благодарю васъ, ми-

Digitized by Google

лыя, за ваше попеченіе, и да воздадутъ вамъ тѣмъ же, когда вы доживете до моихъ лѣтъ.

Добрые люди помогли ей встать, но она была еще такъ слаба, что не могла держаться на ногахъ и снова опустилась на скамью.

— Голова немножко кружится и ноги отяжелѣли, сказала Бети, припавъ лицомъ къ груди близь стоявшей женщины: — все обойдется черезъ минуту, это пустяки.

— Спросите, есть ли у ней кто, сказалъ одинъ изъ столпившихся фермеровъ.

— Есть у васъ кто нибудь съ родни, матушка? спросила та же добрая женщина.

— Еще бы, отвѣчала Бети: — я слышала, что́ говорилъ этотъ господинъ, но не могла такъ скоро отвѣчать. У меня много друзей, не бойтесь.

— Но есть ли кто по близости? спросили нѣсколько мужчинъ въ одинъ голосъ.

— Довольно близко, отвѣчала Бети, вставая: — не бойтесь за меня, добрые люди.

— Но вѣдь вы не можете теперь идти пѣшкомъ.

— Куда вы идете? снова спросили хоромъ всѣ окружающіе.

— Я пойду въ Лондонъ, когда все распродамъ, сказала Бети: — у меня добрые друзья въ Лондонѣ. Мнѣ ничего не нужно, благодарствуйте. Не безпокойтесь, со мной ничего не случится.

Съ этими словами, она съ трудомъ встала на ноги; увидѣвъ это, какой-то здоровенный фермеръ съ краснымъ лицомъ, громко замѣтилъ, что ее бы не слѣдовало отпускать.

— Ради-Бога, оставьте меня въ покоѣ! воскликнула бѣдная старуха со страхомъ: — я теперь совсѣмъ здорова и должна сейчасъ идти.

Она схватила корзинку, но не успѣла еще сдѣлать нѣсколькихъ нерѣшительныхъ шаговъ, какъ тотъ же фермеръ остановилъ ее за руку, говоря, что ей необходимо пойти съ нимъ къ приходскому доктору. Внѣ себя отъ отчаянія, бѣдная старуха собрала послѣднія силы, вырвалась изъ рукъ фермера и пустилась бѣгомъ. Она ни разу не остановилась, пока не отошла отъ города мили на двѣ; тогда только она, какъ дикій звѣрь, преслѣдуемый охотниками, спряталась за кустарниками, чтобы перевести духъ. Тутъ только она вспомнила, какъ во время своего бѣгства она остановилась на секунду въ концѣ города, и оглянувшись увидѣла ту же толпу передъ кабачкомъ, съ удивленіемъ смотрѣвшую ей въ слѣдъ, но и непомышлявшую о погонѣ. Второй случай былъ еще страшнѣе. Нѣсколько дней передъ тѣмъ съ ней такъ же былъ припадокъ оцѣпенѣнія, и теперь она, едва оправившись, медленно шла по дорогѣ,

Digitized by Google

извивавшейся у самаго берега рѣки. Пройдя порядочное пространство, она сѣла на траву, чтобъ отдохнуть, и устремила глаза на тянувшуюся къ ней на встрѣчу барку. Долго смотрѣла она на эту барку, наконецъ, когда при быстромъ оборотѣ рѣки, бичева рухнулась въ воду, ея мысли вдругъ помутились, въ глазахъ зарябило и ей показалось, что на палубѣ барки стоятъ всѣ ея дѣти и манятъ ее къ себѣ; потомъ бичева натянулась, капли воды, словно крупные брильянты, посыпались въ рѣку, но вотъ Бети видитъ, словно веревка лопнула и треснулась со всей силой объ ея бѣдную голову. Когда она открыла глаза, рѣка, барка, берегъ, свѣтлый, солнечный день, все исчезло; нагнувшись надъ нею, стоялъ какой-то незнакомый ей человѣкъ со свѣчкой.

— Ну, сударыня, сказалъ онъ: — откуда вы и куда идете?

Несчастная, еще не совершенно очнувшись, отвѣчала вопросомъ — гдѣ она?

— Я шлюзникъ.

— Шлюзникъ?

— Да, это шлюзная сторожка, а я собственно помощникъ шлюзника, но это все равно, пока его тутъ нѣтъ. Вы изъ какого прихода?

— Прихода! воскликнула Бети, и въ ту же минуту вскочила съ кровати и протянула руку къ своей корзинѣ, съ ужасомъ смотря на шлюзника.

— Васъ спросятъ объ этомъ въ городѣ, продолжалъ онъ: — васъ не примутъ иначе какъ на время, и съ возможной скоростью препроводятъ въ вашъ приходъ. Вы не въ такомъ положеніи, чтобъ васъ принялъ чужой приходъ.

— Опять оцѣпенѣніе! пробормотала Бети, схватившись рукою за голову.

— Конечно, оцѣпенѣніе, отвѣчалъ шлюзникъ: — хотя это слово не довольно сильно: вы были какъ мертвая, когда мы васъ принесли сюда. Есть у васъ друзья, сударыня?

— Лучшіе на свѣтѣ.

— Я бы вамъ совѣтовалъ обратиться къ ихъ помощи. А есть у васъ деньги?

— Немножко, сэръ.

— Вы желаете ихъ сохранить?

— Конечно, сэръ.

— Ну, какъ хотите, а приходское начальство въ городѣ отберетъ у васъ эти деньги, продолжалъ шлюзникъ, пожимая плечами и качая головою.

— Такъ я не пойду въ городъ.

— Они васъ заставятъ заплатить за то, что примутъ васъ на время и отошлютъ потомъ въ вашъ приходъ.

Digitized by Google

— Благодарствуйте, сэръ, за ваше предостереженіе, благодарствуйте за ваши хлопоты и прощайте.

— Погодите, возразилъ шлюзникъ, заслоняя дверь: — зачѣмъ вы такъ дрожите и куда торопитесь?

— О, сэръ, сэръ! воскликнула Бети: — я всю жизнь бѣгала отъ богаделенъ и приходской благотворительности, и хочу умереть на свободѣ.

— Но я, право, не знаю, долженъ ли я васъ отпустить, сказалъ шлюзникъ: — я честный человѣкъ, наживаю кусокъ хлѣба потомъ лица моего и могу получить непріятности, если васъ отпущу. Я уже не разъ попадался въ такихъ исторіяхъ и теперь сталъ осторожнѣе. Вѣдь съ вами можетъ снова случиться припадокъ, въ какой-нибудь четверти мили отсюда, и тогда скажутъ, зачѣмъ честный помощникъ шлюзника отпустилъ ее, а не препроводилъ въ приходъ? Ему слѣдовало—скажутъ всѣ—препроводить ее въ приходскую богадельню, прибавилъ онъ, хитро пользуясь ея испугомъ.

Бѣдная старуха всплеснула руками и залилась слезами.

— У меня есть добрые друзья, сэръ, промолвила она: — лучшіе въ свѣтѣ. Вотъ письмо, которое докажетъ, что я говорю правду и они будутъ вамъ благодарны за все, что вы сдѣлаете для меня.

Шлюзникъ открылъ письмо и посмотрѣлъ на него очень серьёзно, но лицо его ни мало не измѣнилось, ибо, увы, онъ не умѣлъ читать.

— Вы говорите, что у васъ есть немножко денегъ, сказалъ онъ наконецъ послѣ минутнаго размышленія: — что вы называете немножко? Сколько это будетъ монетъ?

Бети поспѣшно высыпала одинъ шилингъ и нѣсколько пенсовъ.

— Еслибъ я васъ отпустилъ теперь на всѣ четыре стороны, вмѣсто того чтобъ препроводить въ приходъ, продолжалъ помощникъ шлюзника, считая монеты:—не захотѣли ли бы вы оставить эти деньги здѣсь?

— Возьмите, сэръ, я ихъ отдамъ съ большимъ удовольствіемъ и благодарностью.

— Я вѣдь человѣкъ, замѣтилъ шлюзникъ, отдавая письмо и опуская въ карманъ деньги: — и наживаю кусокъ хлѣба въ потѣ лица своего. (Тутъ онъ обтеръ рукавомъ лицо, словно послѣднія деньги онъ заработалъ особенно трудной работой).—Я не стану васъ задерживать. Идите себѣ, куда душѣ угодно.

Получивъ позволеніе, Бети Гигденъ тотчасъ вышла изъ шлюзной сторожки и пошла, хотя и нетвердыми шагами, по большой дорогѣ. Но ей странно было идти впередъ, страшно было и возвращаться: сзади была ужасная сторожка, изъ которой она едва вырвалась; впереди—еще болѣе страшный городъ. Что ей было дѣ-

Digitized by Google

лать? Она бросилась въ сторону, и стала пробираться по маленькимъ тропинкамъ. Эту ночь она провела за скирдой на полѣ, скрываясь тамъ отъ добродѣтельнаго самаритянина, въ его современномъ, официальномъ видоизмѣненіи, и еслибъ—стоитъ объ этомъ подумать, братья христіане—еслибъ самаритянинъ прошелъ въ эту глухую ночь «по ту сторону дороги», то она пламенно возблагодарила бы небо за свое спасеніе.

На другое утро она снова пустилась въ путь, но въ головѣ ея было чрезвычайно туманно и смутно, хотя твердая рѣшимость идти впередъ не покидала ее ни на минуту. Сознавая, что силы вполнѣ оставляютъ ее, и что долгая постоянная борьба съ жизнію приходитъ къ концу, она не была, однако, въ состояніи размыслить, какъ бы ей поскорѣе добраться до своихъ покровителей, она не могла связать ни одной мысли. Двѣ вещи были только ясны для ея ослабѣвающаго сознанія—страхъ, преслѣдовавшій ее всю жизнь, и твердая, упорная рѣшимость, возбужденная этимъ страхомъ, умереть на свободѣ неопозоренной. Поддерживая себя надеждой одержать-таки, несмотря на все, побѣду въ роковой битвѣ жизни, старая Бети Гигденъ продолжала идти впередъ.

Теперь настала минута, когда она перестала ощущать всѣ потребности жизни. Она уже болѣе не чувствовала голода и не могла бы съѣсть ни куска, какихъ бы роскошныхъ блюдъ ей теперь ни предлагали. День былъ холодный, сырой, но она этого не чувствовала. Она пробиралась по самымъ отдаленнымъ тропинкамъ, бѣдная женщина, какъ преступникъ, боящійся погони, и не сознавала ничего, кромѣ страха упасть безъ чувствъ на землю, пока еще свѣтло, и быть найденной живой. Пережить ночь она уже не боялась.

Деньги, спрятанныя ею на похороны, были всѣ въ цѣлости и зашиты въ лифѣ ея платья. Еслибъ она только могла протянуть еще этотъ денекъ, и потомъ на ночь лечь гдѣ-нибудь подъ деревцомъ, она бы умерла свободной, независимой. Если же ее поймаютъ живой, то деньги у нея отнимутъ, такъ-какъ нищій не имѣетъ право имѣть собственность, и ее потащатъ въ ненавистную, проклятую богадельню. Но если она достигнетъ своей давно-желанной цѣли, умретъ на свободѣ, то письмо Бофиновъ найдутъ на ея груди рядомъ съ деньгами, и ея добрые покровители, получивъ его обратно, скажутъ: «Старая Бети Гигденъ дорого цѣнила это письмо, вѣрная душа, она — пока жила, не допустила ему попасть въ руки тѣхъ, кого сама такъ страшно боялась». Конечно, эта идея совсѣмъ нелогична, неконсеквентна, и даже легкомысленна; но вѣдь гдѣ же искать глубокомыслія у несчастныхъ странниковъ въ долинѣ смерти. И къ тому же бѣдные, трудящіеся люди всегда имѣютъ глупую привычку размышлять такъ же безразсудно, какъ они живутъ;

Digitized by Google

вотъ дѣло другое, еслибъ имъ дать десять тысячъ фунтовъ ежегоднаго дохода—такъ они, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе философски оцѣнили бы наши благотворительныя учрежденія.

Такимъ образомъ, прячась за деревьями и избѣгая людей, эта безпокойная старуха промаялась еще цѣлый день. Но какое огромное различіе было между нею и всѣми бѣглецами вообще! Чѣмъ болѣе склонялось время къ вечеру, тѣмъ скорѣе билось ея сердце, тѣмъ ярче вспыхивали яркимъ блескомъ ея слабые глаза, и она, казалось, съ восторгомъ лепетала:

— Благодарю тебя, Господи, что я пережила этотъ день.

Не будемъ говорить о тѣхъ неземныхъ силахъ, которыя, ей казалось, поддерживали ее въ этомъ бѣгствѣ отъ добродѣтельнаго самаритянина; не будемъ говорить о нѣжномъ зовѣ изъ мрака могильнаго, который поминутно слышался ей; не будемъ говорить о томъ, что ей то чудился на каждомъ шагу Джони, сидѣвшій на ея колѣняхъ и съ любовью обдергивавшій ея шаль, то несметное количество всадниковъ, летѣвшихъ на нее со всѣхъ сторонъ съ дикимъ крикомъ: «Стой, Бети Гигденъ! Держи ее! Стой!» Лучше не будемъ касаться послѣдняго бреда этого бѣднаго, добраго созданія, которое бѣжало отъ людей, отъ ихъ жилищъ, словно она убійца, и весь міръ поднялся на нее.

Наконецъ, долгій, нескончаемый день исчезъ; наступила ночь. Съ самаго утра, какъ Бети, бывало, ни очнется на минуту отъ своего бреда и какъ ни оглянется кругомъ, она всегда повторяла грустно—луга, луга, луга! Теперь изъ мрака, покрывшаго землю, привѣтливо выглянуло громадное зданіе съ множествомъ освѣщенныхъ оконъ. Дымъ струился клубомъ изъ высокой трубы, позади здàнія, а со стороны раздавался глухой гулъ водянаго колеса. Между этимъ зданіемъ и Бети Гигденъ — былъ маленькій прудъ, въ которомъ, искрясь и сіяя, отражались освѣщенныя окна. На берегу росло нѣсколько деревъ.

— Благодарю тебя, о Господи! промолвила Бети Гигденъ, простирая къ небу свои исхудалыя руки: — благодарю тебя, что я достигла конца моего земнаго странствія!

Она подкралась тихонько къ старому пню, откуда сквозь зелень окружающихъ деревьевъ она могла видѣть и освѣщенныя окна, и блестящее отраженіе ихъ въ водѣ. Она поставила свою корзинку подлѣ себя, и опустившись на землю, припала головою къ пню. Это напомнило ей подножіе креста, и она съ теплой мольбой предала себя тому, кто умеръ на крестѣ; ея послѣднія силы быстро исчезали, и она успѣла только поправить письмо за пазухой такъ, чтобы всякій его увидѣлъ.

«Я здѣсь безопасна», думала она уже почти безсознательно,

Digitized by Google

чувствуя, какъ поддается страшному оцѣпенѣнію: «Меня найдетъ у подножія креста, свой братъ-работникъ — вонъ они тамъ трудятся, гдѣ огоньки свѣтятъ. Уже невидать мнѣ ихъ свѣта, но я знаю, гдѣ онъ, вонъ тамъ... тамъ. Благодарю тебя Господи... за все!»

Мракъ исчезъ и какое-то чудное лицо наклонилось надъ ней.

— Это не красавица! лепечетъ Бети Гигденъ.

— Я не слышу, что̀ вы говорите. Дайте, я промочу вамъ губы виномъ. Я только-что принесла его; вамъ, можетъ, показалось, что я долго ходила?

Лицо было женское, окаймленное роскошными, темными волосами; оно дышало красотой и юностью. Но нѣтъ, все кончено, это должно быть ангелъ, подумала Бети.

— Давно я умерла?

— Я не слышу, что̀ вы говорите; дайте, я опять смочу вамъ губы. Я торопилась какъ только могла, и не позволила никому идти со мной, чтобъ вы не умерли отъ испуга, при видѣ столькихъ незнакомыхъ лицъ.

— Развѣ я не умерла?

— Я не слышу, вы такъ тихо говорите. А меня вы слышите?

— Да.

— Вы говорите: да?

— Да.

— Я шла съ работы домой по наружной тропинкѣ, и услыхавъ стонъ, нашла васъ здѣсь.

— Съ какой работы, милая?

— Вы спрашиваете, съ какой работы? Съ бумагопрядильни.

— Гдѣ она?

— Ваши глаза обращены на небо, и вы не можете видѣть; она здѣсь совсѣмъ близко. А мое лицо вы видите между небомъ и вами?

— Да.

— Можно васъ приподнять?

— Нѣтъ еще.

— Даже нельзя положить вашу голову ко мнѣ на руки? Я тихонько это сдѣлаю, вы и не почувствуете.

— Нѣтъ, подождите. Бумага — письмо.

— Вы говорите о бумагѣ, торчащей у васъ изъ-за пазухи?

— Да, христосъ съ вами!

— Открыть мнѣ? Прочесть?

Digitized by Google

— Да, христосъ съ вами!

Она прочла письмо съ изумленіемъ, и посмотрѣла съ еще бо́льшимъ сочувствіемъ на неподвижное лицо старухи, подлѣ которой она стояла на колѣняхъ.

— Я знаю имена этихъ людей. Я часто о нихъ слыхала.

— Вы отошлете письмо, милая?

— Я не слышу, погодите: надо еще вамъ промочить губы и потереть лобъ. Вотъ такъ бѣдная, бѣдная, прибавила она сквозь слезы: — ну, что́ вы спрашиваете? Я прильну ухомъ къ вашимъ губамъ?

— Отошлете вы письмо, милая?

— Отошлю-ли я письмо тѣмъ, кто его писалъ? Вы это спрашиваете? Конечно, отошлю.

— Вы не отдадите его никому, кромѣ нихъ?

— Нѣтъ.

— Не отдадите въ ея приходъ? промолвила Бети, вздрагивая.

— Нѣтъ, даю слово.

— И не позволите приходу ни дотронуться до меня, ни даже взглянуть на меня? прибавила Бети, снова вся вздрогнувъ.

— Нѣтъ, клянусь, нѣтъ.

Свѣтлая улыбка благодарности и торжества блеснула на исхудаломъ лицѣ бѣдной старухи, и глаза ея, до тѣхъ поръ поднятые къ небу, съ глубокимъ чувствомъ, устремляются на прелестное, омоченное слезами лицо молодой женщины.

— Какъ васъ зовутъ, милая?

— Лизи Гэксамъ.

— Я, должно быть, очень изуродована. Вамъ противно меня поцаловать?

Горячій поцалуй былъ отвѣтомъ на эти слова; и холодныя, но все еще улыбающіяся губы Бети Гигденъ лепечатъ въ послѣдній разъ:

— Христосъ съ вами! Теперь можно, приподымите меня, голубушка!

Лизи Гэксамъ осторожно, нѣжно приподымаетъ изнуренную, сѣдую голову старухи — приподымаетъ ее высоко-высоко, до самаго неба.

Digitized by Google

МЫСЛИ ДЖОНА-СТЮАРТА МИЛЛЯ О ПОЗИТИВНОЙ ФИЛОСОФІИ ОГЮСТА КОНТА.

(Westminster Review. Апрѣль 1865).

Теперь каждому изъ читателей русскихъ журналовъ знакомы слова «позитивизмъ» и «позитивная философія»; но при жизни Огюста Конта, который первый назвалъ такъ свой образъ мыслей, слово *позитивизмъ* было почти неизвѣстно даже во Франціи. Его употребляли въ то время только ученики французскаго философа, изъ которыхъ ни одинъ не пользовался большой извѣстностью. Уже по смерти Конта получило оно то важное значеніе, которое заставляетъ теперь каждаго мыслителя опредѣлить свое отношеніе къ позитивной философіи и спросить самого себя, кто онъ — позитивистъ, или нѣтъ? Франція, повидимому, такъ пристрастная къ новизнѣ, очень неохотно поддается новымъ взглядамъ и направленіямъ; она слишкомъ консервативна въ области ученаго мышленія. Потому-то теорія Огюста Конта, прежде нежели стала она общеизвѣстна его соотечественникамъ, пріобрѣла огромное число прозелитовъ въ Англіи. Теперь много у нея и враговъ и поклонниковъ; явились даже писатели, желающіе найти такъ-называемое «juste milieu», согласить позитивизмъ съ враждебнымъ ему направленіемъ. Къ числу примирителей принадлежатъ извѣстный критикъ Тэнъ и знаменитый химикъ Бертело. И такъ, настало время оцѣнить это новое движеніе умовъ, которое успѣло уже выясниться, и опредѣлить его свѣтлую и темную стороны. Этотъ трудъ взялъ на себя извѣстнѣйшій изъ современныхъ мыслителей Англіи, Джонъ-Стюартъ Милль. Въ «Westminster Review» за вторую четверть этого года помѣщенъ его критическій разборъ первыхъ сочиненій Конта, съ легкими ссылками на то, что было написано французскимъ философомъ въ послѣднія десять лѣтъ его жизни, впродолженіе которыхъ онъ значительно измѣнилъ взглядъ свой на многое и отказался отъ заблужденій, невыдержавшихъ его собственной критики.

Digitized by Google

По мнѣнію Конта, основной характеръ позитивной, равно какъ и всякой истинной философіи заключается въ убѣжденіи, что мы знаемъ одни только факты и явленія, и что наши свѣдѣнія о нихъ относительны, но никакъ небезусловны. Намъ неизвѣстна самая сущность ихъ, мы понимаемъ только взаимное отношеніе ихъ другъ къ другу на основаніи послѣдовательности и сходства. Эти отношенія постоянны, то-есть они всегда тѣ же при тѣхъ же обстоятельствахъ. Неизмѣнное подобіе, соединяющее ихъ въ группы, и постоянный порядокъ, поддерживающій ту связь между ними, вслѣдствіе которой они относятся другъ къ другу, какъ предъидущее къ своему послѣдующему, называются законами природы. Мы знаемъ только эти законы; но первоначальная причина, конечная цѣль и самая суть предметовъ и явленій міра дѣйствительнаго совершенно неизвѣстны намъ. Контъ не заявляетъ притязаній на оригинальность или новизну этой мысли. Онъ говоритъ, что ее раздѣляли всѣ спекулятивные умы со времени Бэкона, Декарта и Галилея. Въ древнѣйшій періодъ жизни человѣчества, знаніе имѣло характеръ предвидѣнія «savoir pour prevoir»; теперь же предвидѣніе фактовъ и власть надъ ними зависятъ отъ дѣйствительнаго, положительнаго знанія того порядка, въ какомъ слѣдуютъ они другъ за другомъ. Мы предвидимъ явленія и факты только при помощи фактовъ, которые предвѣщаютъ ихъ, которые относятся къ нимъ, какъ причины къ слѣдствіямъ, если, разумѣется, предшествовавшій опытъ убѣдилъ насъ въ неизмѣнности такого отношенія между ними. И такъ, всякое предвидѣніе и всякая умственная дѣятельность возможны на столько, на сколько родъ человѣческій пріобрѣлъ положительныхъ свѣдѣній о послѣдовательности явленій. Никакими другими средствами нельзя достигнуть знакомства съ практическими силами природы. Эта простая истина не могла, конечно, быть извѣстна людямъ въ ранній періодъ развитія мысли. Даже Бэконъ и Декартъ только предчувствовали ее, стремились къ ней. Ясно же отразилась она въ геніальномъ умѣ Ньютона. Юмъ зашелъ по этому пути далѣе Огюста Конта, утверждая, что нѣтъ другихъ причинъ явленій, кромѣ неизмѣнныхъ фактовъ, которые предшествуютъ имъ. Противъ этой мысли возсталъ Кантъ. Соглашаясь, что мы не знаемъ дѣйствительныхъ причинъ, онъ допускалъ однакоже ихъ существованіе. Докторъ Томасъ Броунъ, Бентамъ, Джемсъ Милль, сэръ Уильямъ Гамильтонъ—тоже позитивисты. Слѣдовательно, начало, на которомъ основана теорія Конта, не изобрѣтено имъ, напротивъ—оно составляетъ общее достояніе нашего вѣка. Конту принадлежитъ только болѣе полное развитіе этого принципа, особенный спо-

Digitized by Google

собъ ученой обработки его, вслѣдствіе котораго позитивизмъ сталъ по преимуществу его доктриною *.

Онъ говоритъ, что позитивному методу мышленія предшествуютъ два взгляда на природу: теологическій и метафизическій. Міръ, по логикѣ теологическаго метода, управляется не неизмѣнными законами, но произволомъ дѣйствительныхъ, или воображаемыхъ существъ, надѣленныхъ жизнью и разумомъ. Люди, въ періодъ дѣтскаго состоянія опытности и развитія умственныхъ силъ, считаютъ всѣ окружающіе ихъ предметы одушевленными явленіями. Ближайшій затѣмъ шагъ ведетъ ихъ къ мысли о незримыхъ существахъ, изъ которыхъ каждое управляетъ цѣлымъ классомъ предметовъ и явленій. Это—вѣкъ политеизма. Наконецъ множество боговъ соединяются въ понятіе о единомъ Богѣ, который создалъ вселенную и управляетъ ею.

Метафизическій методъ мышленія, вмѣсто личностей, признаетъ тайныя силы, присущія явленіямъ природы, но неслитыя съ ними, хотя и одушевляющія ихъ. Вмѣсто дріадъ, возсѣдающихъ на деревьяхъ, является растительная душа, которая обращается потомъ въ пластическую силу и наконецъ становится жизненнымъ началомъ. Возвышеніе воды въ безвоздушной средѣ насоса объясняется отвращеніемъ природы отъ пустоты. Стремленіе внизъ тяжелыхъ тѣлъ и вверхъ дыма и пламени приписывается порывамъ ихъ занять натуральныя и свойственныя имъ мѣста. Много важныхъ слѣдствій выводится изъ предположенія, что природа не допускаетъ скачковъ (non habet saltum). Въ медицинѣ приписывается врачующей силѣ природы (vis medicatris) то, что новѣйшая физіологія объяснила на точныхъ началахъ науки, извлеченныхъ изъ опыта.

Въ этихъ мысляхъ нѣтъ ни малѣйшей новизны. Все это было высказано другими писателями прежде Конта. Но ему исключительно принадлежитъ мысль о неизбѣжномъ соединеніи всѣхъ трехъ методовъ мышленія въ исторіи каждаго яснаго уразумѣнія природы. Онъ доказываетъ, что мышленіе необходимо проходитъ по этимъ тремъ ступенямъ, начиная съ теологическаго метода и кончая позитивнымъ, который основанъ на сознаніи неизмѣнныхъ законовъ, управляющихъ природою. Метафизическій методъ служитъ соединительнымъ звеномъ двухъ крайностей, сохраняя

---

* Не такъ смотрятъ на Конта французы, какъ извѣстно, плохіе знатоки въ исторіи философіи. Такъ же поверхностно взглянулъ, въ этомъ отношеніи, на Конта и извѣстный Литре, издавшій въ прошломъ году цѣлый объемистый томъ о позитивизмѣ *своего учителя*—такъ Литре вездѣ называетъ Конта. Ему кажется, что до Конта никто не имѣлъ понятія о томъ, что такое позитивизмъ.
Ред.

Digitized by Google

однакоже свою самостоятельность. Эта общая теорема дополнена у него подраздѣленіемъ теологическаго метода на фетишизмъ, политеизмъ и монотеизмъ, послѣдовательность которыхъ обусловливается постепеннымъ усиленіемъ двухъ другихъ способовъ мышленія, прокладывающихъ путь къ своему преобладанію. Это обобщеніе ихъ составляетъ самую фундаментальную часть теоріи Конта. Здѣсь собственно находится ключъ ко всѣмъ его мыслямъ и выводамъ. Онъ съ нѣкоторой досадою отвергаетъ догматическій атеизмъ, и даже въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ сочиненій говоритъ, что люди, признающіе причиною созданія вселенной опредѣленное намѣреніе, поступаютъ несравненно раціональнѣе тѣхъ мыслителей, которые допускаютъ ипотезу о происхожденіи міра вслѣдствіе какого-то безотчетнаго механизма. Мало этого: онъ съ благоговѣйнымъ удивленіемъ смотритъ на пользу, оказанную человѣчеству христіанской религіею и церковью. Рѣшительно ни одинъ философъ не отзывался съ такимъ безпредѣльнымъ уваженіемъ о заслугахъ духовенства на поприщѣ міровой цивилизаціи, съ какимъ говоритъ о нихъ Огюстъ Контъ. Его похвалы, думаетъ Милль, могутъ показаться слишкомъ преувеличенными даже англичанамъ, этимъ заклятымъ врагамъ атеизма. Но, повторяемъ, въ первыхъ его произведеніяхъ есть мысли, отъ которыхъ самъ онъ отрекся впослѣдствіи. Потому-то, говоря о позитивизмѣ Конта, надобно быть очень осторожнымъ и, прочитавъ одну его книгу, не торопиться выводить о немъ общихъ заключеній. Онъ сознается, что дѣйствительное начало всего сущаго неизвѣстно человѣку, и что мы лишены возможности открыть эту тайну, потому что она превышаетъ средства и силу нашего разума. Позитивизмъ не требуетъ отрицанія сверхъестественнаго; онъ отсылаетъ только этотъ вопросъ къ началу всѣхъ вещей. Если міръ небезначаленъ, то его происхожденіе должно быть сверхъестественно: законы природы не объясняютъ своего собственнаго происхожденія. Позитивный мыслитель не лишенъ свободы вѣрить общимъ преданіямъ человѣческаго рода. Хотя оцѣнка ихъ и составляетъ одинъ изъ вопросовъ позитивной философіи, однакоже послѣдователи ея могутъ думать о предметахъ, недоступныхъ положительному изслѣдованію, каждый по своему. Эта философія утверждаетъ только, что въ кругу существующаго порядка вселенной, или точнѣе—извѣстной намъ части ея, ближайшія причины всякаго явленія имѣютъ не чудесный, но естественный характеръ. Этой теоріи не противорѣчитъ ни мысль о созданіи міра, ни вѣра въ Бога, постоянно-управляющаго міромъ по законамъ, имъ же созданнымъ, которые, будучи не въ состояніи измѣнить сами себя, могутъ однакоже быть из-

Digitized by Google

мѣнены другими законами, Богомъ же предписанными. Каждый изъ насъ, если только признаемъ мы всѣ явленія частями неизмѣннаго порядка, необходимыми результатами предшествовавшихъ условій, принадлежитъ къ числу послѣдователей позитивной философіи, независимо отъ того, раздѣляетъ онъ или нѣтъ традиціонныя убѣжденія о началѣ всего сущаго.

Общее, такъ-сказать, инстинктивное стремленіе ума заключается въ уподобленіи всѣхъ дѣйствующихъ силъ природы одной изъ нихъ, ясно-понятой. Съ каждымъ предметомъ, который дѣйствуетъ повидимому произвольно, не подчиняясь постороннему вліянію, люди соединяютъ понятіе о жизни, волѣ, сознаніи. Самое простое наблюденіе доказываетъ имъ, что многіе предметы, при данныхъ условіяхъ, дѣйствуютъ одинаково. Вслѣдствіе этого человѣкъ соединяетъ ихъ въ группы и объясняетъ однообразныя дѣйствія вліяніемъ одной воли, проявляющейся во всѣхъ этихъ предметахъ. Но такъ-какъ ихъ много, то отсюда выводится заключеніе, что воля эта существуетъ отдѣльно отъ нихъ, что она принадлежитъ незримому существу, которое управляетъ предметами, находясь въ неопредѣленномъ отъ нихъ разстояніи. Сколько разнообразныхъ видовъ дѣйствующихъ предметовъ, столько и незримыхъ воль, управляющихъ ими. Это — многобожіе. Оно, какъ доказываютъ наблюденія надъ неграми, бываетъ слито отчасти съ фетишизмомъ, или обоготвореніемъ отдѣльныхъ предметовъ, напримѣръ, рѣки, горы и т. д. Боготвореніе земли (Tellus или Pales) и нѣкоторыхъ другихъ планетъ удерживалось въ періодъ политеизма. При полномъ развитіи греческой миѳологіи, солнцу и лунѣ приносились жертвы, какъ богамъ, существовавшимъ прежде Зевеса и его потомковъ, которые произошли отъ древнѣйшей династіи титановъ. Поклоненіе звѣздамъ Контъ признаетъ формою фетишизма, переживающею другіе виды его, потому что эти свѣтила, будучи недоступны человѣку, долѣе другихъ предметовъ скрываютъ отъ него свою неодушевленность.

По мѣрѣ ослабленія фетишизма, въ сферу теологическаго взгляда на природу начинаетъ врываться метафизическій или отвлеченный образъ мышленія. Какъ скоро отдѣльный предметъ перестаетъ управлять независимо самъ собою, и вмѣстѣ со всѣмъ родомъ или видомъ своимъ подчиняется волѣ незримаго существа, которое находится внѣ его, то вслѣдъ за этимъ убѣжденіемъ является мысль о невозможности управлять очень издалека огромнымъ числомъ разбросанныхъ предметовъ безъ существованія между господствующими силами и подчиненной имъ природою какой-либо среды, хотя бы незримо соединяющей ихъ. Пред-

Digitized by Google

разсудокъ, непозволявшій Ньютону допустить возможности имъ же открытаго закона тяготѣнія безъ эфира, который, наполняя пустоту, передавалъ бы планетамъ силу ихъ взаимнаго притяженія—этотъ же самый предразсудокъ, торжественно изобличающій несовершенство человѣческаго ума, подсказалъ людямъ, что боги должны имѣть *нѣчто* посредствующее между своей личностью и подвластными имъ предметами, для подчиненія послѣднихъ вліянію своего могущества. Когда была сознана необходимость назвать это воображаемое *нѣчто*, его назвали «природою предметовъ, ихъ сущностью, силами», и другими, столько же неопредѣленными словами. Такимъ образомъ фетишизмъ, политеизмъ и метафическій или отвлеченный взглядъ на природу смѣшались еще въ ранній періодъ развитія ума, тогда какъ мысль о существованіи неизмѣнныхъ законовъ, составляющая позитивный способъ мышленія, медленно возникала изъ-подъ нихъ, по мѣрѣ того, какъ опытъ и наблюденіе открывали въ разныхъ группахъ физическихъ предметовъ законы, дѣйствительно управляющіе природою. Накопившаяся исподволь масса положительныхъ знаній была главной причиною перехода мысли отъ многобожія къ монотеизму.

Переходъ этотъ совершился, безъ сомнѣнія, очень медленно. Понятіе о единствѣ природы, неразлучное съ мыслью о единой волѣ, которая управляетъ вселенною, по мнѣнію Конта, нисколько не принадлежитъ къ числу самыхъ простыхъ, натуральныхъ убѣжденій. Человѣкъ доходитъ до этого понятія послѣ долгаго періода разныхъ предположеній, потому что видимый порядокъ вещей ведетъ умъ его къ мысли о разрозненной самостоятельности физическихъ явленій и о господствѣ надъ ними многихъ, независимыхъ другъ отъ друга силъ. Американскіе индійцы вѣруютъ, напримѣръ, въ «великаго духа», но въ этомъ вѣрованіи многобожіе перемѣшано съ остатками фетишизма. Когда монотеизмъ, подъ видомъ высочайшей формы своей — христіанской религіи, проникъ изъ маленькаго уголка Азіи, гдѣ впродолженіе многихъ вѣковъ существовалъ онъ, къ грекамъ и римлянамъ, то усвоенное проповѣдниками истинной вѣры понятіе о дьяволахъ, чрезвычайно облегчило имъ путь къ распространенію христіанства. Новообращаемые не разставались окончательно съ вѣрою въ прежнихъ, миѳологическихъ боговъ, но только обращали ихъ въ демоновъ, безсильныхъ противиться истинному Богу. Примѣръ подобнаго паденія политеизма представляетъ русская демонологія. Простой народъ до сихъ поръ вѣритъ у насъ въ существованіе домовыхъ, лѣшихъ, банниковъ, но считаетъ теперь этихъ прежнихъ боговъ нечистой силою, отъ навожденій которой можно избавиться крест-

Digitized by Google

нымъ знаменіемъ, или молитвой, обращенною къ Богу. Еще задолго до христіанства, всѣ мѣстныя божества покоренныхъ римлянами варваровъ подчинялись патронамъ римской республики. Вообще въ римской имперіи передъ началомъ христіанской проповѣди вѣра въ идоловъ чрезвычайно ослабла. Этому способствовало преимущественно практическое чутье, убѣждавшее въ неизмѣнности законовъ природы. Вѣра въ единаго Бога идетъ рядомъ съ этимъ убѣжденіемъ, тогда какъ многобожіе рѣшительно противорѣчитъ ему. Въ самомъ дѣлѣ, открывая взаимную связь между разнородными явленіями природы, человѣкъ не могъ допустить общей гармоніи въ ея дѣйствіяхъ при существованіи многихъ боговъ, каждый изъ которыхъ имѣлъ власть исключительно въ своемъ только удѣлѣ. При такомъ условіи, между ними должны были происходить столкновенія, вражда, и, вслѣдствіе этого, постоянный безпорядокъ въ природѣ. Тогда какъ понятіе о единой и притомъ всемогущей волѣ, безконтрольно правящей вселенною, допускало, напротивъ, мысль какъ о ея неизмѣнности въ отношеніи къ самой себѣ, такъ и о постоянствѣ законовъ, назначенныхъ ею для управленія природою. Греки и римляне въ началѣ христіанской эры достигли уже той степени умственнаго развитія, которая допускаетъ предположеніе относительно ихъ способности къ вѣрѣ въ единаго Бога. Геометрія, доведенная ими до высокой степени совершенства, ознакомила образованные умы съ понятіемъ о неизмѣнныхъ законахъ. Логическій анализъ процеса мышленія, установленный Аристотелемъ, доказалъ подобное однообразіе законовъ въ области умственной дѣятельности. Астрономическія наблюденія достигли той точности, на основаніи которой можно было предсказывать нѣкоторыя явленія въ солнечной системѣ. Хотя общее изученіе законовъ природы находилось еще въ младенческомъ состояніи, однако же многіе подмѣченные факты намекали ясно на ихъ неизмѣнность. При такомъ прогресѣ ума, вѣра въ цѣлый сонмъ боговъ была рѣшительно невозможна. Жрецы хорошо понимали окончательный исходъ позитивнаго направленія умственной дѣятельности, и потому, когда философы, въ позднѣйшій періодъ политеизма, вздумали объяснять физическія явленія физическими причинами, ихъ доктрины были признаны кощунствомъ, оскорбленіемъ боговъ. Анаксагора изгнали, Аристотель подвергался большой опасности, а Сократъ былъ осужденъ на смерть. Понятно, что послѣ этого философы рады были развязаться съ олимпійскими богами и миѳологическими сказками, которыя не позволяли имъ шагнуть впередъ. Итакъ, метафизическій и позитивный методы мышленія, врѣзавшись въ теологическій взглядъ человѣчества на природу, способствовали не-

Digitized by Google

переходу ума отъ идолопоклонства и многобожія къ вѣрѣ въ единаго Бога.

Нѣкоторые ученые отвергаютъ возможность одновременнаго существованія этихъ трехъ видовъ мышленія, настаивая на ихъ послѣдовательномъ явленіи другъ за другомъ. Но Контъ твердо убѣжденъ, что всѣ они, хотя и не въ равной степени, существовали еще въ до-историческій періодъ, и продолжаютъ существовать въ настоящее время. Если же умъ нашъ долженъ такъ или иначе пройдти непремѣнно по этимъ тремъ ступенямъ, то все же различныя отрасли его, никогда неидущія мѣрнымъ шагомъ, не въ состояніи дружно и одновременно подыматься съ одной ступени на другую. Необходимо допустить нѣкоторый порядокъ для перехода различныхъ наукъ изъ одной сферы мышленія въ другую. Контъ совершенно понялъ необходимость такой послѣдовательности, и, согласно съ нею, расположилъ науки. Такъ-какъ въ его философіи, класификація играетъ вообще очень важную роль, то составленную имъ систему взаимнаго отношенія наукъ нельзя оставить безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что она вполнѣ заслуживаетъ его.

Прежде всего онъ раздѣляетъ науки на отвлеченныя и конкретныя, или на чистыя и прикладныя. Первыя занимаются объясненіемъ общихъ законовъ, которые, управляя элементарными явленіями, могутъ однакоже имѣть иной характеръ взаимнаго соединенія, сравнительно съ тѣми комбинаціями, какія даны имъ самой природою. Прикладныя же науки занимаются, напротивъ, особенными, частными сочетаніями дѣйствительно-существующихъ фактовъ. Напримѣръ, физика и химія объясняютъ, какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ могутъ образовываться физическіе предметы, и какіе должны быть способы и слѣдствія ихъ химическаго соединенія. Минералогія же имѣетъ дѣло только съ агрегатами и комбинаціями, дѣйствительно-находящимися въ природѣ, не касаясь того, что̀ можетъ быть произведено исключительно въ лабораторіи. Очевидно, что первыя двѣ науки — чистыя, а послѣдняя—прикладная. Такъ же точно, объясняемые физіологіею законы организаціи и жизни относятся нетолько къ существующимъ на землѣ животнымъ и растеніямъ, но и къ такимъ видамъ ихъ, которые могутъ существовать; тогда какъ зоологія и ботаника ограничиваются предметами органической природы, дѣйствительно-находящимися на нашей планетѣ. Развитіе прикладныхъ наукъ совершается медленнѣе, не потому, чтобы предметы, которыми занимаются онѣ, узнавались позднѣе — напротивъ, ихъ изучаютъ ранѣе, какъ необходимыя данныя для вывода отвлеченныхъ законовъ — но потому, что на изученіи небольшаго числа

Digitized by Google

отдѣльныхъ предметовъ природы, нельзя основать теоріи конкретныхъ явленій. Необходимо узнать прежде общіе законы, управляющіе цѣлыми группами однородныхъ фактовъ. Но такъ-какъ законы эти до сихъ поръ только отчасти извѣстны намъ, то, слѣдовательно, при современной неполнотѣ чистыхъ наукъ, прикладныя науки, за исключеніемъ астрономіи, такъ далеки отъ совершенства, что ихъ можно назвать только систематическимъ сборомъ матеріаловъ по разнымъ отраслямъ будущей конкретной теоріи. Вслѣдствіе этого, оставя ихъ въ сторонѣ, Огюстъ Контъ занялся класификаціею только чистыхъ наукъ, которыя расположены у него на основаніи возрастающей сложности входящихъ въ нихъ элементовъ, такъ что каждая послѣдующая наука зависитъ отъ истинъ всѣхъ предшествующихъ ей наукъ, дополняя объясненные ими законы своими собственными истинами.

Класификація начинается математикой. Числовыя истины вѣрнѣе другихъ, притомъ же онѣ основаны на своихъ собственныхъ законахъ. Поэтому, ариѳметика и алгебра могутъ быть изучаемы безъ отношенія къ какимъ бы то ни было другимъ отраслямъ вѣдѣнія. Геометрическія истины предполагаютъ знакомство съ числовыми правилами и, сверхъ того, объясняютъ особый родъ законовъ, относящихся къ формамъ протяженныхъ тѣлъ, не нуждаясь въ дальнѣйшихъ знаніяхъ. Отсюда геометрія можетъ быть изучаема независимо отъ всѣхъ другихъ наукъ, за исключеніемъ теоріи чиселъ. Далѣе слѣдуетъ раціональная механика, для которой, кромѣ истинъ, добытыхъ алгеброй и геометріей, необходимо объясненіе собственно ей принадлежащихъ законовъ равновѣсія и движенія. Три предъидущія науки даютъ средство для развитія астрономіи, объясняющей сверхъ того законъ тяготѣнія. Математика и астрономія становятся вспомогательными науками физики, потому что всѣ физическія явленія находятся подъ вліяніемъ движеній земли и небесныхъ тѣлъ. Затѣмъ идутъ химія, физіологія, и наконецъ наука, объясняющая условія общественной жизни человѣчества или соціологія.

Изъ этой таблицы мы видимъ, что чѣмъ сложнѣй наука, чѣмъ больше вспомогательныхъ знаній требуетъ она, тѣмъ менѣе удовлетворительно ея современное состояніе. Сверхъ того Контъ доказываетъ, что всѣ онѣ должны пройдти по тремъ ступенямъ развитія человѣческой мысли, и что въ то время, когда нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ уже позитивный характеръ, другія все еще продолжаютъ придерживаться метафизическаго и даже чисто-теологическаго направленій. Математика, напримѣръ, едва-ли при самомъ появленіи своемъ находилась подъ вліяніемъ теологическаго взгляда на природу, потому что вѣроятно никто не приписы-

Digitized by Google

валъ волѣ боговъ тѣхъ препятствій, которыя не позволяютъ встрѣтиться двумъ параллельнымъ линіямъ, или не быть разности меньше уменьшаемаго числа. Также ни одинъ народъ не поклонялся богу тяжести или вѣса. Не то было съ астрономіею. Небесныя тѣла признавались прежде богами, потомъ правильность ихъ движенія объяснялась метафизически, именно—стремленіемъ природы къ совершенствованію. Даже Кеплеръ былъ нечуждъ этой мысли. Математика до сихъ поръ не освободилась отъ вліянія метафизики: въ ней все еще есть воображаемыя величины, безконечное, безконечно-малыя и т. д. Современные химики признаютъ какое-то *сродство*, вслѣдствіе котораго происходитъ будто-бы химическое соединеніе тѣлъ. Физіологическая школа Окена и возникшій во Франціи анимизмъ Сталя почти такъ же метафизичны, какъ философія Гегеля. Самая сложная изъ всѣхъ наукъ, соціологія, находится въ настоящее время подъ вліяніемъ теологическаго и метафизическаго способовъ мышленія. Вывести ее изъ этого застоя, дать ей чисто-позитивный характеръ—вотъ что было главной задачею Конта, и онъ думалъ, что рѣшилъ ее. Инициатива принадлежитъ не ему. Монтескьё, Макіавелли, Адамъ Смитъ, всѣ политико-экономисты, равно какъ и Бентамъ съ своими послѣдователями раздѣляли убѣжденіе въ постоянствѣ законовъ, на которыхъ основаны соціальныя явленія, и стремились открыть и уяснить ихъ. Но ни одинъ изъ мыслителей—говоритъ Милль—не можетъ сравниться съ Огюстомъ Контомъ въ выборѣ методовъ, ведущихъ къ открытію этихъ законовъ. Онъ далъ соціологіи ту строго-научную форму, вслѣдствіе которой за истинами, столь же необходимыми для этой науки, какъ законъ тяготѣнія для астрономіи, можно слѣдить до ихъ конечнаго результата. Съ этой цѣлью составилъ онъ класификацію всѣхъ предшествующихъ соціологіи наукъ съ такимъ искуствомъ, которое ставитъ его въ разрядъ величайшихъ умовъ нашего времени, еслибы даже не написалъ онъ ничего больше. Контъ развилъ философію пяти главныхъ наукъ съ такимъ глубокимъ знаніемъ дѣла, что Джонъ Милль—по его собственному сознанію—всякій разъ, когда случится ему заглянуть въ сочиненія французскаго философа, не можетъ не удивляться той силѣ и ясности ума, которыя обнаружены имъ даже въ слабѣйшей части его изслѣдованій, въ той книгѣ, гдѣ разсуждаетъ онъ о химіи и біологіи, наукахъ, сдѣлавшихъ въ послѣднее время такіе успѣхи, что мысли, высказанныя Контомъ много лѣтъ назадъ тому, кажутся теперь слишкомъ устарѣлыми.

Философіею науки называется ея собственная логика, касающаяся не результатовъ, добываемыхъ наукою, но только тѣхъ

Digitized by Google

средствъ, которыя способствуютъ ей достигать ихъ. Она состоитъ изъ двухъ частей: методовъ изслѣдованія, и качествъ или условій доказательства. Контъ занимался преимущественно первой частью, и едва-ли кто превзошелъ его на этомъ поприщѣ умственной дѣятельности. Главный недостатокъ его теоріи заключается въ томъ, что онъ, объяснивъ вѣрный путь къ изысканію результатовъ, не показалъ способа, при помощи котораго могли бы мы увѣриться, что результатъ, достигнутый нами, дѣйствительно вѣренъ. Относительно дедукціи, онъ не признаетъ силогистической системы Аристотеля, и ничего не предлагаетъ въ замѣнъ ея. Отвергая законность ипотезы, недоказываемой фактами, онъ, стало-быть, сознаетъ необходимость индуктивнаго доказательства; но, не опредѣляя ни одного изъ нихъ, онъ какъ-бы отрицаетъ самую проблему логики. Сначала говоритъ онъ, что методъ можетъ быть изучаемъ въ самомъ актѣ его приложенія, и что изученіе логики, то-есть философіи всякой науки, можетъ принесть пользу только при близкомъ знакомствѣ съ этой наукою. Но впослѣдствіи онъ принимаетъ уже болѣе отрицательный тонъ и называетъ химерою самую идею чистой логики. Это—безъ сомнѣнія, ошибка, въ которой сознался потомъ Контъ, но тѣмъ не менѣе имъ сдѣлано все, что̀ можетъ отбить охоту у другихъ мыслителей къ дополненію этой части позитивной философіи. Не разъ говорили, что онъ отвергаетъ изслѣдованіе причинъ. Однакоже это не совсѣмъ вѣрно. Контъ не касается только начальнаго происхожденія предметовъ, отличая отъ него ближайшія, такъ-называемыя физическія причины. Впрочемъ, самое слово «причина» не нравится ему. Онъ говоритъ только о законахъ послѣдовательности, и такимъ образомъ, отнявъ у себя слово, имѣющее положительно-опредѣленный смыслъ, онъ затемнилъ понятіе, которое выражаетъ оно, и лишилъ себя способности уразумѣть индуктивную логику, основанную на этомъ понятіи. Вообще его философія химіи наполнена противорѣчіями, которыхъ, казалось бы, нельзя было ожидать отъ такого свѣтлаго и положительнаго ума. Онъ требуетъ, напримѣръ, неограниченной свободы ипотезъ, удовлетворяющихъ законную склонность нашего разума, который инстинктивно стремится къ простотѣ и общности понятій. «Самая философская точка зрѣнія—говоритъ онъ—указываетъ на такое объясненіе законовъ внѣшняго міра, которое могло бы удовлетворить существенныя склонности нашего разума». Подъ словами «существенныя склонности» онъ разумѣетъ нетолько «наше инстинктивное пристрастіе къ порядку и гармоніи», но также чувство изящнаго «les convenances purement esthétiques». Очевидно, что это противорѣчитъ и его отвращенію отъ ипотезъ и существен-

Digitized by Google

нымъ началамъ позитивной философіи. Здѣсь видно уже начало того переворота въ убѣжденіяхъ, который совершился въ позднѣйшій періодъ жизни Огюста Конта. Онъ отвергаетъ также возможность психологическихъ наблюденій надъ умственной дѣятельностью. Психологія возбуждаетъ въ немъ презрѣніе; онъ не включилъ ее даже въ число наукъ. О нравственныхъ и умственныхъ отправленіяхъ онъ говоритъ въ біологіи, смотря на нихъ съ физіологической точки зрѣнія. Онъ думаетъ, что человѣкъ можетъ пріобрѣсть познанія объ умѣ только при помощи наблюденій надъ другими людьми. Наблюдая за собою—говоритъ Контъ — мы можемъ узнать кое-что о чувствахъ, но объ умѣ ровно ничего не узнаемъ, потому что онъ неспособенъ слѣдить самъ за собою, или производить наблюденія надъ тѣмъ, какъ наблюдаетъ онъ, изучать законы мысли во время самаго акта мышленія; да еслибы умъ нашъ и былъ способенъ къ этому, то вниманіе, обращенное имъ на свою собственную дѣятельность, уничтожило бы предметъ наблюденія, прекративъ наблюдаемый процесъ. Но, вонервыхъ, Контъ не объясняетъ, какимъ образомъ могли бы мы производить наблюденія надъ умственной дѣятельностію другихъ людей и объяснять ея признаки, не ознакомясь съ ихъ значеніемъ посредствомъ опыта надъ процесомъ своего собственнаго мышленія. Вовторыхъ, Кардельякъ и Гамильтонъ доказали, что умъ нашъ нетолько можетъ отдавать отчетъ себѣ въ нѣсколькихъ впечатлѣніяхъ, но и одновременно слѣдить за ними. Втретьихъ, намъ дана возможность помнить все, не исключая и самого процеса мышленія. Слѣдовательно, мы можемъ прослѣдить подробности этого акта вслѣдъ за его прекращеніемъ, когда воспоминаніе о немъ свѣжо еще. Итакъ, эти простые факты разрушаютъ всѣ доказательства Конта. И что же въ замѣнъ прямого умственнаго наблюденія надъ нашими «моральными и интелектуальными отправленіями» предлагаетъ онъ? Сказать совѣстно—френологію! Конечно, съ оговорками. Но дѣло въ томъ, что новѣйшія физіологическія изслѣдованія доказали положительно несостоятельность френологическихъ ипотезъ. Впрочемъ, еслибы онѣ и были вѣрны, то все же психологическое наблюденіе осталось бы необходимымъ, потому что нельзя опредѣлить взаимнаго отношенія двухъ предметовъ, производя опыты только надъ однимъ изъ нихъ. Для установленія правильнаго понятія объ отношеніи между дѣятельностію ума и физіологіею мозга, необходима нетолько параллельная система наблюденій надъ каждымъ изъ нихъ, но — въ чемъ согласенъ отчасти и самъ Контъ — анализъ умственныхъ способностей «des diverses facultés élémentaires», безъ всякаго отношенія къ физическимъ условіямъ. Это необходимо потому, что

Digitized by Google

теоретическое доказательство должно заключаться въ соотвѣтственномъ раздѣленіи мозга на органы, и ума на способности, каждаго порознь, а такой анализъ требуетъ высокаго развитія психологіи, какъ науки. Этотъ капитальный промахъ Конта не есть частный недостатокъ; онъ ведетъ его къ серьёзнымъ ошибкамъ, какъ автора соціальной науки.

Послѣ этихъ замѣчаній, относящихся вообще къ позитивной философіи французскаго мыслителя, Милль приступаетъ къ разбору общихъ началъ его соціологіи.

Огюстъ Контъ относитъ политическія убѣжденія теоретиковъ къ теологическому и метафизическому способамъ мышленія. Люди, усвоившіе первый методъ, основываютъ свои доктрины на божескихъ предписаніяхъ; метафизики строятъ ихъ на отвлеченныхъ началахъ. Однакоже, оба эти метода имѣютъ здѣсь не то значеніе, какъ въ наукахъ, объясняющихъ неорганическую природу. Въ соціологіи прилагаются они къ обязанностямъ и образу дѣйствій человѣка, а не къ происхожденію самыхъ фактовъ. Школы, усвоившія эти направленія, утверждали, что нравственныя правила и даже политическія учрежденія были не средствами къ достиженію общаго блага, но слѣдствіями естественнаго права. Такъ думали преимущественно въ странахъ, гдѣ публицисты основывали свои идеи на римскомъ правѣ. Законодатели западной континентальной Европы слѣдовали по стопамъ римскихъ юристовъ, которые руководствовались мыслями греческихъ метафизиковъ, признававшихъ источникомъ нравственной правды и несправедливости воображаемые законы какой-то фантастической природы. Этотъ образъ мыслей достигъ высшаго развитія въ головѣ Руссо и сдѣлался столь же могучимъ орудіемъ разрушенія, какъ и безсильнымъ средствомъ къ созданію. Французская революція осуществила на практикѣ торжество этой теоріи тоже на короткое время. Контъ разсматриваетъ поочередно всѣ главныя доктрины революціонныхъ политическихъ школъ и признаетъ ихъ годными только для нападенія на прежнюю соціальную систему. Постоянной твердости общественныхъ истинъ онъ не находитъ ни въ одной изъ нихъ. Защищая свободу личнаго убѣжденія, онъ, однакоже, возстаетъ рѣшительно противъ несвѣдущихъ людей, которые осмѣливаются рѣшать серьёзные вопросы, сильно-интересующіе общественное мнѣніе. «Въ астрономіи, физикѣ, химіи, даже физіологіи свободы убѣжденія не существуетъ — говоритъ онъ. Недовѣріе со стороны массы общества къ началамъ, установленнымъ въ этихъ наукахъ знатоками ихъ, сочлось бы сумасбродствомъ. Если же мы видимъ противное въ политикѣ, то причина такого вольнодумства объясняется

Digitized by Google

шатвостью мнѣній, которыя не успѣли еще установиться». Потому, практическое рѣшеніе соціальныхъ вопросовъ судомъ общественнаго мнѣнія, онъ признаетъ противнымъ здравому смыслу. Какъ скоро, думаетъ онъ, каждый человѣкъ будетъ считать себя компетентнымъ судьею въ самыхъ трудныхъ соціальныхъ вопросахъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, всякій станетъ признавать себя способнымъ къ занятію высшихъ общественныхъ должностей, и такимъ образомъ конкуренція на власть и наиболѣе видныя мѣста будетъ ниспадать постепенно на низшіе уровни умственныхъ способностей. Отсюда онъ выводитъ заключеніе, что человѣчество въ нравственныхъ и политическихъ вопросахъ, еще болѣе, нежели при рѣшеніи математическихъ и физическихъ задачъ, должно быть руководимо малымъ числомъ умовъ высшаго разбора, хорошо приготовленныхъ къ этой профессіи, и что, при законномъ дозволеніи дебатовъ, попытка второстепеннаго ума контролировать ихъ заключенія должна быть признана непростительнымъ посягательствомъ на обще-уважаемые авторитеты. Впрочемъ, Контъ далекъ отъ мысли подчинить ихъ вліянію необразованный народъ. Онъ вмѣняетъ въ обязанность обществу, чтобы каждый членъ его, достигшій совершеннолѣтія, мужчины и женщины, прошли полный курсъ всѣхъ наукъ. Возставая противъ революціонныхъ школъ, которыя говорятъ обыкновенно только о томъ, чего не должно быть, онъ отвергаетъ доктрину, отнимающую у правительствъ право на какую бы то ни было инициативу общественнаго прогреса, называя это мнѣніе чисто-метафизическимъ. Хотя Контъ отрицаетъ возможность безусловныхъ истинъ въ политическомъ искуствѣ, однакоже laisser-faire, laissez-passer признаетъ столько же непрактичною, какъ и неосновательною на научныхъ началахъ доктриною. Мысль о равенствѣ также противна ему. Родъ человѣческій, замѣчаетъ онъ, дѣйствуя сообща, сложился въ группы сообразно съ отношеніемъ къ неравенству способностей, которое требуетъ подчиненія однихъ лицъ другимъ. Милль не отвергаетъ справедливости этой мысли, но спрашиваетъ: «Если же народъ достигнетъ той степени цивилизаціи, которая дастъ возможность составнымъ единицамъ его размѣститься въ другомъ порядкѣ, болѣе выгодномъ для ихъ общихъ интересовъ и болѣе согласномъ съ неравенствомъ ихъ способностей, останется ли онъ доволенъ той классификаціею, какая дана ему общественными учрежденіями?» На этотъ практическій вопросъ не отвѣчаетъ соціологія Конта. Она не доказываетъ также, чтобы сторонники доктрины «laissez-passer» не были изъ двадцати девятнадцать разъ ближе къ истинѣ, чѣмъ враги ея. Контъ критикуетъ—и по большой части справедливо—

Digitized by Google

неудачныя усилія нѣкоторыхъ мыслителей дать соціальной наукѣ позитивный характеръ. Онъ жестоко нападаетъ на политическую экономію, называя ее отраслью метафизики и т. д. Но стоитъ прочесть нѣсколько страницъ его критики, чтобы убѣдиться, какъ мало знакомъ онъ съ этой наукою. Одно только замѣчаніе имѣетъ нѣкоторую цѣну. Онъ говоритъ, что изученіе порознь условій народнаго богатства нераціонально, потому что разнообразные виды общественныхъ явленій, взаимно дѣйствующіе другъ на друга, не могутъ быть понаты вѣрно, если станутъ брать ихъ поодиначкѣ. Это, по его мнѣнію, не доказываетъ, впрочемъ, невозможности полезнаго обобщенія матеріальныхъ и промышленныхъ фактовъ соціальной жизни, даже въ ихъ отвлеченномъ видѣ, но дѣло въ томъ, что эти обобщенія должны сообразоваться съ данной формою цивилизаціи и съ данной степенью общественнаго прогреса.

Ознакомясь съ тѣмъ, что̀ называетъ Миль ключомъ къ позитивной философіи Огюста Конта, мы, слѣдуя за нимъ, должны были бы приступить теперь къ разбору собственной соціологіи французскаго мыслителя, но это мы отложимъ до другого раза. Теперь же, не утомляя подробностями вниманія читателя, мы представимъ здѣсь только практическій результатъ ученыхъ трудовъ Конта, или — другими словами — очеркъ созданнаго имъ идеала общественнаго устройства.

Онъ прежде всего предполагаетъ корпорацію философовъ, получающихъ умѣренное содержаніе отъ государства, окруженныхъ общимъ уваженіемъ, но неимѣющихъ никакой политической власти и лишенныхъ средствъ къ обогащенію. Единственное занятіе ихъ заключается въ общемъ направленіи народнаго образованія. Имъ нетолько предоставлено право и даже вмѣнено въ обязанность давать совѣты всѣмъ гражданамъ, и заботиться о поддержаніи нравственныхъ началъ въ семейной жизни и общественной дѣятельности, но также контролировать занятія ученыхъ людей, для того, чтобы они не тратили времени на труды, безполезные человѣчеству. Правительство состоитъ изъ аристократіи капиталистовъ, значеніе и власть которыхъ соотвѣтствуютъ вообще качеству ихъ умственныхъ способностей, и объему производимыхъ ими операцій. Въ первомъ ряду находятся банкиры, потомъ слѣдуютъ корифеи торговаго̀ и промышленнаго сословій, и, наконецъ, земледѣльческій классъ. Никакой представительной системы или другой народной силы, могущей ограничивать правительственную власть, не допускается. Ея злоупотребленія должны предупреждаться духовнымъ вліяніемъ философовъ, то-есть ихъ совѣтами и указаніями, равно какъ неограниченной свобо-

Digitized by Google

дою народа разсуждать гласно о дѣйствіяхъ правительства. Въ проектѣ Конта мало говорится о способахъ исполненія обѣими властями возложенныхъ на нихъ обязанностей, но общая мысль заключается въ томъ, чтобы дать философамъ такое вліяніе на всѣхъ гражданъ безъ исключенія, вслѣдствіе котораго законъ былъ бы по возможности совсѣмъ ненуженъ. Личная свобода составныхъ единицъ народной массы нисколько не входитъ въ соображенія Конта. Онъ смотритъ на нее съ нетерпимостью школьнаго педагога, или офиціальнаго цензора совѣсти. Всякій отдѣльный поступокъ человѣка въ кругу домашней или общественной жизни долженъ быть доступенъ всевидящему оку публики и отличаться характеромъ, заслуживающимъ похвалы и одобренія философовъ.

Милль замѣчаетъ, что мысли, которыя довели автора «Позитивной философіи» до такого практическаго результата, могутъ показаться нестоющими труда серьёзно заниматься ими, но что это мнѣніе было бы несправедливо. Хотя Контъ не сдѣлалъ ничего такого для соціологіи, чего не надо было бы улучшить или передѣлать, однакоже, несмотря на то, онъ сильно двинулъ впередъ эту науку и сдѣлалъ возможнымъ ея созданіе. Вѣроятно, слава Огюста Конта была бы громче и прочнѣе, еслибы, указавъ путь къ построенію соціологіи на позитивныхъ началахъ, онъ не считалъ себя дѣйствительнымъ творцомъ ея, и не думалъ бы, что цѣлое зданіе политическаго искуства можетъ быть сложено изъ тѣхъ данныхъ, которыя выработаны имъ и его предшественниками.

Считаемъ нелишнимъ упомянуть въ заключеніе, что Контъ составилъ нѣчто въ родѣ позитивнаго календаря, въ которомъ каждый день года соединенъ съ именемъ одного главнаго и нѣсколькихъ второстепенныхъ благотворителей человѣчества. Въ немъ пропущены только имена, принадлежащія знаменитостямъ въ *сферѣ отрицанія и разрушенія*. На этомъ основаніи сюда не вошли французскіе философы и протестантскіе религіозные реформаторы. Вольтеръ и Дидро включены въ число благодѣтелей рода человѣческаго, разумѣется, *не какъ философы*.

Е. В—въ.

Digitized by Google

ПЕРЕДЪ ГРОЗОЙ.

РОМАНЪ ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ И НРАВОВЪ.

VIII.

Мы видѣли, что̀ сдѣлалось съ Стивеномъ Дангерфильдомъ послѣ его прибытія въ Нью-Йоркъ; бросимъ теперь взглядъ и на другихъ пасажировъ *Ассирія*. Эліотъ и Кутбертъ Бойнтонъ, сойдя на берегъ, отправились вмѣстѣ въ одинъ изъ отелей, сговорившись остаться денька на два въ Нью-Йоркѣ, и осмотрѣть всѣ его достопримѣчательности, прежде чѣмъ ѣхать на морской берегъ. Разставаясь съ ними, Оливеръ Вернонъ очень радушно звалъ ихъ къ себѣ въ имѣніе, куда самъ тотчасъ же поѣхалъ съ семействомъ.

Женскія представительницы знаменитаго рода Ван-Донкъ, какъ только прибыли въ свой великолѣпный домъ, въ Пятой улицѣ, такъ начали суетиться и распаковывать свои чемоданы съ вывезенными прямо изъ Парижа модными нарадами, съ цѣлью выбрать необходимое оружіе для предстоящаго открытія военныхъ дѣйствій въ Нью-Портѣ. Госсамеръ же былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа; страшный Гейденсокеръ находился гдѣ-то далеко на водахъ для поправленія здоровья и еще болѣе финансовъ; освобожденный такимъ образомъ отъ мгновенной опасности даже безъ обѣщанной помощи Элайаса Стагерса, молодой человѣкъ смотрѣлъ съ надеждой на будущее; онъ даже написалъ цвѣтистое посланіе къ миссъ Вернонъ, съ предложеніемъ руки и сердца, но еще не отсылалъ его, дожидаясь одобренія своего друга и помощника. Между тѣмъ самъ мистеръ Стагерсъ прямо полетѣлъ на биржу, гдѣ его встрѣтили съ распростертыми объятіями друзья, смотрѣвшіе на него какъ на финансоваго генія и очень уважавшіе его, несмотря на несовсѣмъ чистыя его дѣла. Максвиндль оставилъ совершенно свой планъ касательно поимки негритянки, ибо онъ боялся навлечь на себя непріязнь ея покровителей, и къ тому же Кутбертъ Бойнтонъ, на помощь котораго

Digitized by Google

онъ надѣялся, очень презрительно отказался участвовать въ подобномъ дѣлѣ; потому почтенный джентльменъ, показавшись на минуту въ сродной ему атмосферѣ городской ратуши, удалился въ свой любимый трактиръ, гдѣ былъ встрѣченъ громкими криками радости горстью своихъ соотечественниковъ, большинство которыхъ напоминали своей наружностью то странное зрѣлище, когда факельщики на похоронахъ подъ торжественной, грустной физіономіей, скрываютъ самыя нахальныя черты разбойника.

Спригъ былъ героемъ минуты въ редакціи *Глашатая*, гдѣ онъ разсказывалъ и описывалъ самыя удивительныя исторіи о своихъ приключеніяхъ и подвигахъ, такъ что главный редакторъ пригласилъ его обѣдать, точно также какъ и Слаймера, который имѣлъ искуство всюду втираться.

Нью-Йоркъ произвелъ на Роберта Эліота почти то же впечатленіе, какъ на большинство англичанъ, впервые пріѣзжающихъ въ комерческую столицу Новаго-Свѣта. Все здѣсь блеститъ и сіяетъ, размышлялъ онъ:—даже слишкомъ сіяетъ для глазъ, привыкшихъ къ туманной атмосферѣ нашей родины. Бродвей, конечно, очень красивая улица—быть можетъ, красивѣе и навѣрно длиннѣе нашей Пикадили или Оксфордской, но на ней царствуетъ ужасное смѣшеніе элементовъ въ магазинахъ и во всемъ остальномъ. Гигантскіе отели слишкомъ громадны и прозаичны; конечно, жертвуя подъ нихъ столько мѣста, можно было бы украсить эту громаду камня и кирпича хоть тѣнью поэзіи. Магазины, безъ сомнѣнія, великолѣпные, но при первомъ взглядѣ кажется, что весь товаръ изъ кладовыхъ наваленъ на окна. И потомъ за прилавками сидятъ такіе здоровенные молодцы, что невольно спрашиваешь себя, отчего они не пашутъ или не служатъ въ арміи? Всѣ, которыхъ встрѣчаешь на улицѣ, страшно озабочены, задумчивы и всегда впопыхахъ, всегда куда-то торопятся, что, впрочемъ, естественно: люди всегда торопятся въ комерческихъ столицахъ. Остановитесь въ Лондонѣ противъ Банка или у Темпль-Бара, и вы увидите то же зрѣлище, что и на Бродвеѣ. Женщины въ Нью-Йоркѣ очень-очень хороши собою, но слишкомъ худощавы на нашъ взглядъ; притомъ онѣ очень скоро старѣютъ, говорятъ — отъ климата, но я скорѣе думаю, что отъ недостатка движенія и гимнастики. Физіономіи у большинства американцевъ не очень пріятныя, очертанія рта слишкомъ рѣзки, а глаза слишкомъ блестящи. Вообще имъ недостаетъ, по моему мнѣнію, артистической заваски и поболѣе свободнаго отъ трудовъ времени, для умственныхъ, возвышающихъ душу занятій. Женщины слишкомъ наряжаются; я, напримѣръ, видѣлъ за утреннимъ завтракомъ, одну барыню всю въ брильянтахъ! Въ Англіи бы ее сочли за

Digitized by Google

сумасшедшую, да она вѣроятно и была рехнувшись. То же можно сказать и про мужчинъ; они, кажется, и не понимаютъ, какая разница можетъ быть между утреннимъ и вечернимъ костюмомъ. Самое непріятное здѣсь—это недостатокъ извощичьихъ кэбовъ. Что̀ прикажете дѣлать безъ нихъ? Омнибусы очень неудобны и возятъ изъ рукъ вонъ тихо; къ тому же, сколько времени идетъ на остановки, чтобы принимать и выпускать каждаго пасажира. «Отчего же у васъ нѣтъ кэбовъ»? спрашивалъ я у американцевъ. «Владѣльцы омнибусовъ и конныхъ желѣзныхъ дорогъ очень сильно противятся этому». Но я думалъ, что это—страна свободы по преимуществу, и что вы, американцы, все любите дѣлать скоро. Полисмэны здѣсь превосходные и такіе видные, что мы ихъ въ Англіи непремѣнно перевели бы въ гвардію. «А зачѣмъ вы позволяете обозамъ ходить по Бродвею? отъ этого лучшая улица въ городѣ постоянно загромождена, тогда какъ обозы могли бы проходить очень спокойно по параллельнымъ улицамъ, что̀ избавило бы отъ непріятнаго зрѣлища и отъ большой потери времени». Много еще подобныхъ замѣчаній дѣлалъ Робертъ Эліотъ, но всѣ они болѣе или менѣе уже извѣстны изъ сочиненій большинства англійскихъ писателей объ Америкѣ.

На другой день, послѣ обѣда, къ нашимъ молодымъ людямъ явился Стагерсъ и подбилъ ихъ отправиться въ *chateau* Ван-Донкъ.

— Вы должны познакомиться съ генераломъ, сказалъ онъ, Бойнтону: — это настоящій представитель нашей царственной столицы. Онъ ненавидитъ аболюціонистовъ хуже чумы, и стоитъ за истинные интересы страны. Вы же, прибавилъ онъ, обращаясь къ Эліоту: — желаете повидать всякаго рода американцевъ, слѣдовательно вамъ необходимо посмотрѣть на Ван-Донка. Это одинъ изъ нашихъ комерческихъ князей, онъ дворянинъ не по происхожденію, а по природѣ.

— Я думалъ, что онъ военный, замѣтилъ Эліотъ.

— Да, онъ служитъ въ милиціи, этомъ оплотѣ нашихъ республиканскихъ учрежденій. Наша регулярная армія невелика, только ядро, какъ мы выражаемся, будущей арміи. Мы—народъ практическій, мистеръ Эліотъ, и вовсе не желаемъ держать большое количество войска въ мирное время. Когда у насъ война, то мы призываемъ къ ружью всю силу и мощь нашей великой націи; а чуть наступитъ миръ, мы ихъ распускаемъ по домамъ, и они своими трудами увеличиваютъ могущество и богатство страны.

Прибывъ къ мѣсту назначенія, Эліотъ очень удивился, что дверь имъ отворилъ англійскій лакей въ ливреѣ.

Digitized by Google

— Это немного анти-демократически, мистеръ Стагерсъ, замѣтилъ онъ.

— Правда, и наши соотечественники надъ этимъ издѣваются, объяснилъ Стагерсъ:—но вы обязаны это дѣлать, если принадлежите къ высшему кругу. Здѣсь вѣдь не заставишь природнаго свободнаго американскаго гражданина надѣть ливрею, поэтому и приходится нанимать иностранцевъ, которые привыкли къ униженію и холопству. Впрочемъ, и они недолго поддаются; какъ только подышатъ года два воздухомъ свободы, то и приходятъ къ тому убѣжденію, что они не хуже другихъ и сами могутъ попасть въ президенты, если будутъ ловко дѣйствовать.

— Но вѣдь кто нибудь да обязанъ исполнять должность слугъ, замѣтилъ Эліотъ:—если всѣ отказываются служить вамъ, то какъ же вы живете?

— О, постоянно прибываютъ новые поселенцы изъ Англіи, Ирландіи и Германіи; одни служатъ до тѣхъ поръ, пока имъ надоѣстъ, а тамъ ихъ замѣняютъ другіе.

— Я полагалъ, что въ свободной странѣ никакой честный трудъ не можетъ считаться униженіемъ.

— Вотъ видите, ставить одного человѣка въ зависимость отъ другаго—не въ духѣ нашей конституціи, и потому всѣ противъ этого возстаютъ. Вы знаете, у насъ всякій имѣетъ право голоса, такъ что этотъ молодецъ въ ливреѣ имѣетъ такую же точно силу, какъ самъ генералъ; потому неудивительно, что несмотря на большое жалованье, онъ вскорѣ найдетъ недостойнымъ себя быть холопомъ.

— Дѣло въ томъ, Эліотъ, прибавилъ Кутбертъ Бойнтонъ:—что громадное большинство переселенцевъ изъ Европы принадлежитъ самымъ низшимъ, необразованнымъ класамъ общества, и они не хотятъ или не могутъ видѣть разницу между необходимымъ политическимъ равенствомъ и невозможнымъ соціальнымъ равенствомъ.

— Такъ зачѣмъ же давать имъ всѣ права, прежде чѣмъ они пріучатся цѣнить ихъ?

— У насъ нѣтъ различій, гордо произнесъ Стагерсъ: — мы того мнѣнія, что всѣ люди свободны и равны, за исключеніемъ, конечно, негровъ.

Эліотъ ничего не отвѣчалъ на это торжественное заключеніе, и ихъ всѣхъ троихъ провели въ великолѣпную гостиную, которая, по цѣнности находившихся въ ней вещей, если не по изяществу, могла сдѣлать честь любому дворцу. Всюду глазъ только и видѣлъ пунцовый цвѣтъ и золото; мебель, сквозившая кое-гдѣ сквозь коричневые холстинные чахлы, не уступала въ роскоши стѣ-

Digitized by Google

намъ и потолку; громадная люстра ясно говорила, что когда ее зажгутъ, эта комната будетъ залита свѣтомъ. Бронзы и мраморы торчали въ каждомъ углу, а на полу лежалъ коверъ удивительнаго рисунка и толщины.

— Генеральша знаетъ толкъ, дѣлаетъ все на большую ногу, сказалъ Стагерсъ, пока они ждали хозяекъ:—вѣдь этотъ коверъ навѣрно стоитъ долеровъ десять аршинъ, прибавилъ онъ съ восхищеніемъ, смотря на полъ.

Молодые люди молча посмотрѣли другъ на друга, и отвернулись чтобы скрыть улыбку. Въ эту минуту отворилась дверь и мистрисъ Ван-Донкъ съ дочерьми вошла въ комнату.

— Очень, очень рада васъ видѣть, господа, сказала генеральша: — это очень любезно съ вашей стороны, мистеръ Стагерсъ. А вы, я надѣюсь, совершенно здоровы, мистеръ Бойнтонъ? Какъ вы находите Нью-Йоркъ, мистеръ Эліотъ? Теперь въ городѣ такъ скучно.

— О, ужасно, произнесла Церлина Ван-Донкъ нѣжнымъ голоскомъ: — ужасно скучно

— Всѣ наши загородомъ, прибавила Віолета тѣмъ же самымъ голосомъ и съ удивительной быстротой:—вы не увидите, какъ мы здѣсь живемъ, мистеръ Эліотъ, пока не отправитесь въ Нью-Нортъ.

— Я нахожу много интереснаго въ Нью-Йоркѣ, сказалъ Эліотъ, немного смущенный этимъ вихремъ восклицаній и привѣтствій.

— Прехорошенькій узоръ, не правда ли, мистеръ Стагерсъ? сказала генеральша къ большому удовольствію Эліота, неизъявившаго ни малѣйшаго удивленія при видѣ, что Стагерсъ, не смущаясь ничѣмъ, продолжалъ разсматривать коверъ: — я очень горжусь своимъ домомъ, прибавила она, получивъ утвердительный отвѣтъ Стагерса: — еслибъ не лакеи, то я была бы всѣмъ довольна; но эти лакеи просто бѣда и они съ каждымъ годомъ все хуже и хуже.

— Мистеръ Бойнтонъ не вѣдаетъ этого горя, воскликнула Церлина, бросая на юнаго плантатора смѣшанный взглядъ зависти и страха: — у него всегда одни и тѣ же слуги и они обязаны почтительно исполнять все, что̀ имъ прикажутъ.

— Но они требуютъ столько заботъ и такого ухода, миссъ Ван-Донкъ, что я не думаю, чтобъ вы много выиграли отъ мѣны.

— Но я слышалъ, что у васъ слуги иностранцы, замѣтилъ Эліотъ, обращаясь къ генеральшѣ.

— Конечно, нѣкоторые изъ нихъ. У насъ французъ поваръ,

Digitized by Google

француженка горничная, шотландецъ кучеръ и англичанинъ лакей; но что касается до простыхъ служанокъ, то мы должны довольствоваться низкими, грубыми ирландками. А съ ними всегда страшная возня, онѣ годъ отъ году все болѣе зазнаются, носятъ шелковыя платья, ничего не дѣлаютъ цѣлый день, и грубятъ на каждомъ шагу.

— Я очень рада, что вамъ нравится Нью-Йоркъ, произнесла Віолета, обращаясь къ Эліоту:—конечно, онъ не столь *антикъ*, какъ Лондонъ, и не столь *комифо*, какъ Парижъ, но онъ все же имѣетъ своего рода прелести. Вы должны непремѣнно посмотрѣть большой отель въ Пятой улицѣ, академію, центральный паркъ, высокій мостъ и...

— Віолета, перебила ее сестра: — мистеръ Эліотъ вовсе не затѣмъ пріѣхалъ, чтобъ смотрѣть на такія вещи; онъ вѣроятно желаетъ любоваться Миссиссипи и Ніагарой, а болѣе всего познакомиться съ нашимъ высшимъ обществомъ.

— А гдѣ генералъ? спросилъ мистеръ Стагерсъ у госпожи Ван-Донкъ, тономъ живаго сочувствія: — неужели онъ еще не возвратился изъ городу?

— О, да, давно; онъ сейчасъ придетъ, а теперь занятъ въ кабинетѣ съ какимъ-то гостемъ. Все у него политическія дѣла.

— Должно быть, онъ вступитъ въ борьбу, не правда-ли? сказалъ Стагерсъ, значительно улыбаясь.

— Право, я не знаю, отвѣчала генеральша: — онъ издержалъ слишкомъ много денегъ два года тому назадъ, чтобъ снова понести тѣ же издержки; но, впрочемъ, его друзья требуютъ, чтобъ онъ явился кандидатомъ. Мистеръ Коль говоритъ, что онъ настоящій представитель народа и произнесъ на прошлой недѣли очень блистательную рѣчь, въ которой коснулся «высокаго мѣста, предназначеннаго благодарнымъ народомъ безкорыстному патріоту и высоко-образованному джентльмену Ван-Донку». Но генералъ говоритъ, что ему слишкомъ будетъ тяжело.

— Ван-Донкъ, именно такой человѣкъ, котораго всякій долженъ избрать, воскликнулъ Стагерсъ съ необыкновеннымъ жаромъ: — къ тому же вы знаете, сударыня, прибавилъ онъ вполголоса:—что это мѣсто теперь вдвое болѣе принесетъ, чѣмъ два года тому назадъ, а это — важное дѣло.

— У васъ вѣроятно происходятъ выборы, въ родѣ того, какъ у насъ въ Англіи? замѣтилъ Эліотъ.

— Да, въ родѣ, въ родѣ; кромѣ того, конечно, что мы не лишаемъ права голоса честную рабочую силу. У насъ всѣ, исключая негровъ, наравнѣ подаютъ голоса, что̀, конечно, служитъ огромнымъ различіемъ между нашей свободной республикой и старыми

Digitized by Google

гнилыми аристократіями Европы. Извините, мистеръ Эліотъ, я говорю только такъ къ слову, ни мало не желая васъ оскорбить.

— Я нисколько и не обижаюсь, отвѣчалъ Эліотъ, котораго очень забавляли выходки Стагерса: — я полагаю, что всѣ подобные опыты имѣютъ свою пользу и, если ваша попытка увѣнчается продолжительнымъ успѣхомъ, то я не сомнѣваюсь, что мы въ концѣ-концовъ возьмемъ васъ за образецъ.

— Я надѣюсь, что этого никогда не будетъ! воскликнула Церлина: — ваша королева, ваши лорды и ваши депутаты имѣютъ какой-то величественный видъ, и все у васъ такъ порядочно, такъ прилично. Госсамеръ говоритъ, что наша система чрезвычайно вульгарна и вся политическая власть переходитъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе въ руки грубой черни.

— Стыдно тебѣ такъ говорить, Церлина, замѣтила генеральша: — твой братъ не смыслитъ ничего. Онъ повторяетъ только слова Де-Тольбот-Джонса, который шумитъ объ этомъ въ клубахъ, а Госси думаетъ, что выражаться такимъ образомъ очень прилично и *дистенье*.

— Ну, я не знаю, мама, возразила Церлина: — какая честь, занимать офиціальное мѣсто, когда ихъ занимаютъ такіе низкіе люди. Вонъ нашъ мясникъ явился кандидатомъ на мѣсто альдермана, а Максквидъ, который обманомъ оттягалъ имѣніе своихъ племянницъ и нарочно поджогъ свою лавку, чтобы получить деньги съ страховаго общества, уже съ годъ членомъ городскаго совѣта, а Мэгэмъ, который сидѣлъ въ тюрьмѣ за то, что во время драки откусилъ своему противнику носъ, назначенъ...

— И на солнцѣ есть пятна, миссъ Церлина, перебилъ ее Стагерсъ: — и эти пятна только еще рельефнѣе выказываютъ весь блескъ и славу нашихъ демократическихъ учрежденій.

Въ эту минуту на порогѣ показался генералъ Ван-Донкъ; онъ былъ плотный мужчина, низенькій ростомъ, съ краснымъ лицомъ и очень высокимъ лбомъ. Онъ говоритъ тихо, торжественно, и такъ отрывисто, словно у него во рту было что-то мѣшавшее произношенію.

— Какъ ваше здоровье, мистеръ Стагерсъ? мистеръ... кто? а, мистеръ Эліотъ... вашъ покорный слуга... очень радъ съ вами познакомиться; мой домъ открытъ всѣмъ знатнымъ иностранцамъ... и вы мистеръ... кто? а, мистеръ Бойнтонъ... очень рядъ... Вы съ Юга... счастливая комбинація... старый гнилой деспотизмъ и страна свободы... родина...

— Что ты это толкуешь? воскликнула генеральша, поспѣшно являясь на помощь своему смущенному супругу.

Генералъ самъ не зналъ, о чемъ онъ говорилъ; онъ еще разъ

Digitized by Google

повторилъ, что радъ познакомиться съ новыми гостями, повертѣлся немного на одномъ мѣстѣ, раза два высморкался, и наконецъ, кусая ногти, усѣлся въ покойное кресло, стоявшее въ одномъ изъ угловъ комнаты. Генеральша устремила на него очень строгій взглядъ, ибо она была вполнѣ увѣрена, что онъ, какъ часто съ нимъ случалось — хватилъ чрезъ мѣру врѣпкихъ напитковъ.

— Мы ихъ знатно побьемъ, сэръ! торжественно возглашалъ генералъ, обращаясь къ Стагерсу: — мы имѣемъ всѣ голоса ирландцевъ; за насъ всѣ кабатчики и трактирщики; потомъ насъ поддержитъ *Глашатай* и другія газеты, которыя нападутъ съ необыкновенной силой на проклятыхъ аболиціонистовъ. Это вамъ понравится, мистеръ Бойнтонъ, не правда ли? Наконецъ, передъ самыми выборами ожидаютъ нѣсколько кораблей съ переселенцами, такъ что мы будемъ имѣть новыхъ пять или шесть тысячъ сторонниковъ. Вообще дѣла приняли отличный оборотъ.

— Такъ, такъ, генералъ, отвѣчалъ Стагерсъ: — всегда надо прежде всего сдѣлать разсчетъ, а потомъ уже дѣйствовать.

Послѣ этого, они оба пустились въ таинственный политическій разговоръ, совершенно непонятный людямъ, непосвященнымъ во всѣ тонкости мѣстной американской политики.

Эліотъ и Бойнтонъ, поговоривъ еще нѣсколько времени съ дамами, встали и распрощались, повторивъ свое обѣщаніе посѣтить вскорѣ Ван-Донковъ въ Нью-Портѣ.

— И эти люди принадлежатъ къ вашей политической партіи? спросилъ Эліотъ, сходя съ лѣстницы.

— Да, они наши союзники, отвѣчалъ южанинъ, съ чѣмъ-то похожимъ на вздохъ.

IX.

Политическій и соціальный уровень повышается и понижается въ обществѣ прямо пропорціонально добродѣтели и образованію его государственныхъ людей; это общій законъ, который дѣйствуетъ одинаково у насъ, какъ и у народовъ, стоящихъ гораздо ниже насъ по развитію. Конечно, эта аксіома останется такъ же справедлива, если мы ее перевернемъ обратно. На основаніи этого мѣрила, американскій народъ въ послѣднюю четверть столѣтія постоянно и неизбѣжно клонился къ упадку. Это—неутѣшительное, но совершенно справедливое заключеніе. Образованные американцы могутъ себѣ говорить, что государственные люди у нихъ не служатъ представителями лучшихъ классовъ народа; но говоря это, они только подтверждаютъ высказанную нами истину, ибо

Digitized by Google

что кромѣ пониженія добродѣтели, можетъ породить преступную нерадивость—единственную причину, почему эти классы не имѣютъ своихъ представителей въ ряду государственныхъ людей? Конечно, наши отцы никогда не воображали, что возможенъ подобный порядокъ. Всеобщая подача голосовъ только тогда разумна, когда всѣ классы общества дѣйствительно и фактически пользуются своимъ правомъ голоса, каждый сдерживая крайности и вредныя увлеченія другаго. Но если, при существованіи въ теоріи всеобщей подачи голосовъ, большинство бѣдныхъ и необразованныхъ не пользуется своимъ правомъ, то мнимая демократія превращается въ олигархію, какъ мы видимъ на Югѣ. Если же, напротивъ, большинство образованныхъ и достаточныхъ классовъ не пользуется своимъ правомъ, то мнимая демократія превращается въ охлократію, господство черни, какъ мы видимъ на Сѣверѣ. Въ фактическомъ отношеніи, непользованіе своимъ законнымъ правомъ въ первомъ случаѣ невольное — потому простительное, но во второмъ — добровольное, и потому преступное. Результаты показали, что въ первомъ случаѣ власть переходитъ въ руки тирановъ, во второмъ — въ руки демагоговъ; точно такъ же, они показали, что эти, повидимому, враждебные элементы могутъ соединяться для эгоистическихъ цѣлей — демагоги соглашаясь поддерживать тиранію, подъ условіемъ пользоваться частью ея добычи, тираны соглашаясь поддерживать господство черни, подъ условіемъ пользоваться ея голосами. И тѣ и другіе все болѣе и болѣе удаляются отъ истинной демократіи, какъ въ совершенно противоположныя стороны. Но, настанетъ время, когда эгоистическія, корыстныя узы, связывающія ихъ, достигнутъ высшаго напряженія подъ гнетущимъ бременемъ, и лопнутъ съ страшнымъ трескомъ: вотъ тогда-то грянетъ роковая гроза.

Тѣ, которые имѣютъ въ своихъ рукахъ власть, все равно, какими бы средствами они ее ни пріобрѣли, конечно, будутъ стараться всѣми силами посадить на видныя мѣста людей, подобныхъ себѣ. Низкія, грубыя существа ненавидятъ образованіе; безчестные, преступные ненавидятъ честныхъ, добродѣтельныхъ. Имѣя это въ виду, какъ могутъ американцы ожидать, чтобъ имъ хорошо служили ихъ государственные люди, когда ежегодно все усиливается власть низкихъ, необразованныхъ, безчестныхъ, даже преступныхъ людей? Конечно, есть благородныя исключенія. Было много южанъ образованныхъ, но безъ добродѣтели, и много сѣверянъ добродѣтельныхъ, но безъ образованія. И тѣ и другіе, посѣяли обильную жатву горя и несчастій, которую собирать придется ихъ потомкамъ. Были также люди, какъ на Сѣверѣ, такъ и на Югѣ, которые имѣли несчастье выказать въ замѣча-

Digitized by Google

тельной степени добродѣтель и образованіе; но какъ только ихъ благодарные сограждане замѣчали эти достоинства, то немедленно лишали ихъ власти и всякаго политическаго вліянія.

Этотъ остракизмъ человѣческихъ достоинствъ дошелъ до того, что умные люди, жаждавшіе занять высокую государственную должность, часто принимали на себя роль дурачковъ, чтобы доказать своимъ согражданамъ, что они могутъ быть ихъ достойными представителями. Черпь терпитъ умъ и ловкость только въ безчестныхъ людяхъ, и честность — въ дуракахъ. Судьбу кандидата, который такъ неосторожепъ, что представляетъ въ одно и то же время признаки умнаго и честнаго человѣка, предсказать нетрудно и передъ началомъ выборовъ.

Мѣста, которыя прямо зависятъ отъ воли великаго и свободнаго народа, кажется, должны бы составлять высшую цѣль благороднаго честолюбія лучшихъ, образованнѣйшихъ гражданъ; но, что мы видимъ у насъ? Не замѣчательно ли въ высшей степени, что уровень требованій для занятія всѣхъ политическихъ мѣстъ, начиная отъ президента до сборщика податей, ежегодно понижается? Развѣ мы не видимъ на каждомъ шагу, что грубые, необразованные, даже часто преступные люди, пробиваютъ себѣ дорожку къ высшимъ мѣстамъ, тогда какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, общественное мнѣніе не потерпѣло бы ихъ и на самыхъ низшихъ? И развѣ не одинаково справедливо, что это пониженіе политическаго уровня повлекло за собой, какъ необходимое послѣдствіе, и упадокъ общественнаго быта, такъ что теперь всякое положительное достоинство и добродѣтель считаются ничтожнымъ въ сравненіи съ успѣхомъ, достигнутымъ все равно какими средствами? Развѣ нельзя побѣдоносно доказать, что низкое, рабское поклоненіе алтыну, и презрѣнный остракизмъ ума и образованія, никогда не достигали такихъ ужасающихъ размѣровъ, какъ въ наше время?

И, однако, все это страшное зло, поклоненіе деньгамъ, ненависть и презрѣніе къ уму, гибельное превращеніе благородной демократической теоріи въ тиранію меньшинства на Югѣ и большинства на Сѣверѣ, постоянное хвастливое лганье американцевъ, и корыстный, лавошничій взглядъ ихъ на жизнь и ея обязанности, преступная терпимость рабства людьми, которые надрываютъ себѣ глотку криками о томъ, что *всѣ* люди рождены равными, свободными—всѣ эти и другіе не менѣе позорные плоды возникли отъ сѣмянъ, чистыхъ какъ снѣгъ, отъ побужденій и намѣреній, благороднѣе и человѣчнѣе которыхъ свѣтъ никогда не видывалъ. «Все самое худшее есть только извращеніе самыхъ лучшихъ начинаній».

Америка, съ благороднымъ и возвышеннымъ человѣколюбіемъ

Digitized by Google

простерла свою покровительственную руку ко всѣмъ угнетеннымъ и униженнымъ всѣхъ странъ свѣта. Она пошла далѣе, и добровольно предоставила имъ всѣ права, которыми пользуются ея собственные сыны, родившіеся и вскормленные на ея лонѣ. Это было великодушно, но неблагоразумно. Она должна была образовать ихъ прежде, чѣмъ дать права, а переселенецъ требовалъ болѣе, но никакъ не менѣе образованія, чѣмъ ребёнокъ, который съ самаго рожденія дышалъ нашимъ воздухомъ. Нравственные и политическіе Каспары Гаузеры не могли представить ничего достойнаго себя и своихъ гостепріимныхъ хозяевъ, выйдя на арену, прежде чѣмъ всѣ предразсудки и дурныя привычки прежней ихъ жизни стушевались подъ живительнымъ вліяніемъ здоровой, укрѣпляющей подготовки атлета. Отсутствіе этой подготовки такъ же вредно дѣйствуетъ на нихъ самихъ, какъ и на тѣхъ, между которыми они живутъ. Ясность ихъ сознанія помрачается неожиданнымъ пользованіемъ благъ, которыхъ они ничѣмъ не заслужили. Спросите теперь ихъ мнѣніе объ этомъ предметѣ, и они станутъ дерзко доказывать вамъ, что имѣютъ ненарушимое, законное право на то, что имъ принадлежитъ только по нашему неразумному великодушію. Америка сдѣлала ошибку, которая очень свойственна слишкомъ снисходительнымъ родителямъ. Она даровала награду, увѣнчивающую трудъ, не требуя этого необходимаго условія. Она даровала переселенцамъ политическія права, прежде чѣмъ образовала изъ нихъ людей, достойныхъ пользоваться ими, и теперь, хотя уже немного поздно, остается только обратный способъ — то-есть необходимо ограничить политическую равноправность, и увеличить какъ можно болѣе количество школъ; первое только на время, второе — на всегда.

Даже тотъ позорный фактъ, что Америка терпитъ еще гораздо большее зло — рабство, есть также слѣдствіе причинъ, очень похвальныхъ въ началѣ. Нѣкто, ненавидящій это преступное зло благородной, честной ненавистью, сказалъ—и мы должны уважать его слова, ибо онъ вынесъ, почти одинъ, на своихъ плечахъ цѣлую бурю негодованія и презрѣнія за то, что протянулъ руку правому дѣлу: «Чтобъ удержаться противъ Англіи, необходимъ былъ союзъ, а для сохраненія союза необходимо было терпѣть рабство». Это, безъ сомнѣнія, непреложная истина, и можетъ быть тѣмъ легче теперь всѣми признана, что въ счастью Америки, въ настоящую минуту, для сохраненія союза, *нѣтъ* необходимости терпѣть рабства, точно такъ же какъ въ случаѣ надобности, для сопротивленія Англіи не было бы необходимости въ союзѣ; обѣ главныя составныя его части съумѣютъ постоять и сами за себя. Очевидно, что теперь, когда исчезла необходимость,

Digitized by Google

какъ-бы извинявшая въ нѣкоторомъ отношеніи вопіющее зло, должно исчезнуть и самое зло.

Единственныя лекарства для нашего политическаго и соціальнаго недуга — образованіе и свобода, въ естественномъ, логическомъ ихъ развитіи. Путь, по которому мы идемъ—правый, истинный путь, но мы можемъ легко сбиться съ него, если мы или пойдемъ слишкомъ скоро впередъ, или станемъ пятиться назадъ. И то и другое противно истинному прогресу, и пора, очень пора намъ принять энергическія мѣры, чтобъ избѣгнуть и того и другаго, иначе мы какъ разъ впадемъ въ самую дикую анархію. Мы пятимся назадъ, когда издаемъ законы о распространеніи рабства въ территоріяхъ, и слишкомъ скоро идемъ впередъ, когда даемъ право голоса всякому необразованному и недостойному чужестранному. Кромѣ того наша великая, благородная страна никогда не достигнетъ предопредѣленнаго ей могущества въ матеріальной и умственной сферѣ, пока не откажется совершенно отъ пагубной системы безчисленнаго количества мелкихъ государствъ, самостоятельныхъ, независимыхъ другъ отъ друга и думающихъ только о своихъ минутныхъ корыстныхъ интересахъ — системы, снятой съ образца политическаго и соціальнаго устройства дикихъ племенъ, которыя до насъ занимали Новый-Свѣтъ. Пилястры необходимы для поддержки свода всякаго зданія, но безъ этого связующаго вѣнца ни одинъ изъ пилястровъ не устоитъ на мѣстѣ. Изолировать нѣсколькихъ изъ нихъ—значитъ разрушить все зданіе. Итакъ, да хранятъ американцы, какъ зеницу ока, свой великолѣпный, симетрично-пропорціональный храмъ — драгоцѣнный завѣтъ предковъ, воздвигнувшихъ его цѣною крови и столькихъ трудовъ! Да поборятъ они несокрушимымъ патріотизмомъ преступный союзъ безумныхъ олигарховъ и дикихъ толпищъ необразованныхъ чужестранцевъ. Такимъ, и только такимъ способомъ родина свободы сохранится ненарушимой, незапятнанной для послѣдующихъ поколѣній, и мы избавимъ нашихъ потомковъ отъ горькой судьбы безутѣшно блуждать между развалинами нѣкогда славнаго зданія американской республики.

X.

Подъ тѣнью вѣтвистаго вяза, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ краснваго, старинаго дома, сидѣли три прелестныя молодыя дѣвушки, которыя могли бы служить оригиналомъ трехъ грацій, еслибъ меньшая изъ нихъ была постарше. Обворожительная краса этой группы увеличивалась еще грудой роскошныхъ цвѣтовъ, лежавшей на колѣняхъ старшихъ дѣвушекъ, изъ кото-

Digitized by Google

рой онѣ плели вѣнокъ для своей маленькой любимицы. Лица всѣхъ трехъ сіяли такимъ блаженнымъ счастіемъ, что отрадно было на нихъ взглянуть. Такъ казалось, по крайней-мѣрѣ, Оливеру Вернону, который, подойдя къ нимъ незамѣтно, остановился въ нѣсколькихъ шагахъ на краю крутого берега быстраго Гудсона. Рядомъ съ нимъ стоялъ мужчина лѣтъ пятидесяти, высокаго роста, худощавый, съ длиннымъ овальнымъ лицомъ и добрыми сѣрыми глазами, ясно говорившими, что онъ происходилъ отъ древнихъ пуританъ.

Дѣйствительно, Дэвидъ Гринвудъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный потомокъ первыхъ поселенцевъ Новой Англіи. Онъ былъ, подобно имъ, умнымъ, работящимъ и набожнымъ человѣкомъ. Его неподкупная честность обратила на него уже давно вниманіе Вернона, который ему вполнѣ довѣрялъ во всемъ, и во время своего отсутствія оставилъ его почти полнымъ хозяиномъ въ Упландсѣ. По значенію въ дѣлахъ, съ нимъ могла состязаться только тётка Мерси, которая со смерти мистрисъ Вернонъ управляла всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ. Оба они уже съ давнихъ поръ питали другъ къ другу самую теплую привязанность, которая повременамъ грозила принять болѣе существенную форму узъ гименея; но эта почтенная парочка, несмотря на свои уже немолодые годы, полагала, кажется, что они вѣчно будутъ жить, и всегда успѣютъ насладиться блаженствомъ брачной жизни. «Набросить-то на себя кандалы легко, серьёзно разсуждалъ нашъ глубокомысленный, положительный Ромео: — а чортъ-знаетъ, какъ изъ нихъ потомъ выберешься». Такимъ образомъ время шло, и тётка Мерси и дядя Дэвидъ несли попрежнему бремя одиночества.

— Ахъ, папа! воскликнула Грэсъ, увидѣвъ отца: — какъ здоровье Герти? Что говоритъ докторъ Саундерсъ?

— Она физически скоро поправится, сказалъ Вернонъ, качая головой: — но ея умственныя способности могутъ никогда не возвратиться

На глазахъ маленькой дѣвочки навернулись слезы, и тихо снимая съ головы вѣнокъ, она промолвила:

— Я не хочу носить цвѣты, если бѣдная Герти никогда не выздоровитъ.

Вернонъ нагнулся къ ребёнку, и взявъ его на руки, крѣпко поцаловалъ.

— Ты не должна очень горевать, милая Алли, сказалъ онъ нѣжно:—такъ угодно Богу, и притомъ Герти не страдаетъ. Конечно, мы должны быть ей всѣ очень благодарны, потому что, еслибъ не она, то ты, быть можетъ, не осталась бы въ живыхъ

Digitized by Google

и не была бы между нами. А скажи-ка мнѣ, Алли, хочешь ли ты, чтобъ я отписалъ твоего папу?

Ребёнокъ жалобно посмотрѣлъ на него, обвилъ руками его шею и тихо пробормоталъ:

— Нѣтъ, я лучше останусь здѣсь съ вами и съ сестрицами Грэсъ и Нелли.

— Вы узнали что-нибудь, папа? спросила Грэсъ съ безпокойствомъ.

— Нѣтъ, ничего новаго, дитя мое. Что касается того, чья это дочь, я нимало не сомнѣваюсь; вотъ дѣло другое, кому ее отдать — это вопросъ трудный. Ее могутъ требовать двѣ враждебныя стороны, и потому, пока они согласятся на какую-либо сдѣлку, я полагаю, что лучше ее оставить у насъ.

— Развѣ я не могу остаться у васъ навсегда? воскликнула Алли, услыхавъ послѣднія слова Вернона: — я не могу теперь воротиться къ тёти, у ней много новыхъ дѣтей, и я не хочу идти къ папѣ — я его никогда не видала. Нѣтъ, я должна остаться здѣсь, у бѣдной больной Гёрти.

— Повѣрь, голубушка, что мы тебя не отпустимъ, если это только будетъ возможно.

— Какъ, если возможно! воскликнулъ ребёнокъ: — вѣдь вы большой, сильный, богатый, и вся земля эта ваша—кто же посмѣетъ меня взять отсюда, если вы не захотите?

— А положимъ, милая, что вдругъ Грэсъ пропала бы, и ее нашелъ какой нибудь господинъ; неужели же я не могъ бы ее вытребовать назадъ, еслибъ хотѣлъ?

— О! да вы бы этого не захотѣли, еслибъ ей тамъ было хорошо, и она не желала къ вамъ воротиться.

— Но не всѣ такіе добрые, какъ папа, замѣтила Грэсъ.

— Поэтому-то я и хочу оставаться у него, отвѣчалъ наивно ребёнокъ.

— И ты останешься вопреки всѣмъ, я тебя не отдамъ никому! воскликнула съ жаромъ Грэсъ и, подхвативъ ребёнка, побѣжала съ нимъ по зеленому лужку, оглашая воздухъ веселыми криками и смѣхомъ.

Элинора, сидѣвшая все это время очень задумчиво, теперь встала, и подойдя къ Вернону, спросила вполголоса:

— Вы вполнѣ убѣдились въ справедливости вашихъ подозрѣній?

— Да, мои розыски увѣнчались полнымъ успѣхомъ; я получилъ нынче отвѣтъ — и вотъ онъ.

Съ этими словами, Вернонъ подалъ ей письмо, которое она

Digitized by Google

спрятала въ карманъ, прежде, конечно, и спросивъ согласіе знакомъ.

— Гдѣ она теперь? спросила Элинора послѣ минутнаго молчанія.

— Въ Нью-Іоркѣ. Лучше всего мнѣ самому ее повидать; конечно, я прежде еще посовѣтуюсь съ своимъ стряпчимъ. Для всего этого, мнѣ надо завтра ѣхать въ городъ.

Снова наступило молчаніе, и снова черезъ нѣсколько минутъ Элинора прервала его новымъ вопросомъ:

— Не думаете ли вы, что и я должна ѣхать съ вами?

— При настоящихъ обстоятельствахъ, я рѣшительно противъ того, чтобъ ты ѣхала. Во всякомъ случаѣ, подожди, пока я разузнаю основательно все дѣло.

— Вы не намѣрены, однако, отдать ей ребёнка?

— Конечно, я не отдамъ его добровольно; но это—вопросъ очень запутанный, и съ юридической точки зрѣнія она имѣетъ болѣе всѣхъ право на свою дочь. Но малютка до сихъ поръ была во власти отца, и онъ отдавалъ ее на воспитаніе, такъ что еслибъ мы ее отдали матери, то онъ, пожалуй, станетъ намъ дѣлать всякаго рода непріятности, а ты знаешь, на что способенъ этотъ безсовѣстный человѣкъ.

— Онъ, однако, теперь не въ Америкѣ?

— Нѣтъ, онъ воротился во время нашего отсутствія, и въ настоящую минуту въ Нью-Іоркѣ.

— О! развѣ никогда не будетъ конца этой несчастной исторіи! воскликнула съ отчаяніемъ Элинора.

Вернонъ взялъ ее за руку и съ нѣжнымъ сочувствіемъ произнесъ:

— Милое дитя мое! всякій изъ насъ болѣе или менѣе терпитъ горе. Возблагодаримъ небо еще за то, что въ твоемъ горѣ ты сама ничѣмъ невиновата. Я вовсе не желаю воскрешать въ твоей памяти горестной исторіи прошедшаго; но повѣрь, я сдѣлаю все зависящее отъ меня, чтобъ побудить обѣ стороны отказаться отъ ребёнка, и оставить его на моемъ попеченіи. У матери хватитъ ума понять, сколько пользы принесетъ эта сдѣлка самой Алли; отецъ же такой страшный эгоистъ, что будетъ радъ избѣгнуть отъ тяжелой отвѣтственности и вполнѣ успокоится, если мы ему дадимъ слово никогда не отдавать ребёнка матери.

— А вы не полагаете, чтобъ онъ рѣшился силой вырвать ее изъ вашихъ рукъ?

— Я не вижу никакой причины ему сдѣлать это. Хотя и нѣтъ преступленій, на которыя бы онъ не былъ способенъ, но онъ не станетъ безпокоить себя попусту, когда въ томъ не предвидитъ

Digitized by Google

никакой прямой выгоды. Къ тому же, его прошедшая жизнь такого рода, что онъ не станетъ добровольно увеличивать числа своихъ враговъ.

— Я не могу иногда не упрекать себя, сказала со вздохомъ Элинора:—въ томъ, что я живу окруженная друзьями и роскошью, а не стараюсь исполнить свой долгъ въ отношеніи...

— Я часто самъ объ этомъ думалъ, сказалъ Оливеръ Вернонъ:—и пришелъ къ тому заключенію, что попытка исполнить то, что̀ ты, изъ очень естественнаго чувства, считаешь своимъ долгомъ, только омрачитъ твою жизнь, уничтожитъ всѣ твои надежды на счастье, и со всѣмъ тѣмъ не принесетъ никакой пользы той, для которой ты всѣмъ пожертвуешь. Предоставимъ все волѣ провидѣнія, и къ тому же ты не должна забывать послѣднихъ словъ твоего умирающаго отца.

— Я ихъ помню, помню... и лучше всего его желаніе, чтобъ я всегда и во всемъ слѣдовала вашимъ совѣтамъ.

Съ этими словами, она очень нѣжно поцаловала руку Вернона.

— Хорошо, хорошо, сказалъ весело Вернонъ: — мой совѣтъ теперь—какъ можно меньше думать объ этотъ непріятномъ предметѣ; я не хочу, чтобъ моя красавица Нелли похудѣла и исчахла отъ горя, котораго нельзя исправить, и въ которомъ она нимало невиновата. Если она несогласна принять мою систему леченья, то я ее отдамъ на руки доктору Саундерсу.

— А въ чемъ состоитъ ваша система?

— Какъ можно болѣе дышать чистымъ воздухомъ, ѣздить верхомъ и читать романы Чарльса Кинксли!

— И мы тоже, папа, воскликнула Грэсъ, весело подбѣгая къ нимъ: — и мы тоже съ Алли будемъ пользоваться этими прелестями?

— Конечно. Вотъ Дэвидъ говоритъ, что ваши лошади такъ же рады вашему пріѣзду, какъ и онъ, а для Алли какъ нельзя лучше будетъ годиться шотландскій понни.

— Я ужь ѣздила верхомъ на понни! воскликнула поспѣшно дѣвушка, и глазенки ея заблистали болѣе обыкновеннаго: — я ѣздила на плантаціи у тёти, и совсѣмъ не боюсь лошадей.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней, эта прогулка верхомъ состоялась и, кромѣ всего семейства Вернона, въ ней участвовалъ еще неожиданный гость — мистеръ Стивенъ Дангерфильдъ.

Это было въ первый разъ, что Стивенъ Дангерфильдъ посѣтилъ Упландсъ, несмотря на то, что прошло ровно двѣ недѣли со времени прибытія *Ассиріи* въ Нью-Йоркъ. Впродолженіе всего этого времени, онъ находился въ самомъ грустномъ настроеніи; тайна, открытая ему Кэрквудомъ, повергла его въ от-

Digitized by Google

чаяніе. Онъ любилъ старый, милый *Пріютъ*, каждое дерево, каждый камушекъ въ немъ, и потому естественно, что гордая душа его возставала при одной мысли, что древнія помѣстья его славнаго рода могутъ перейти въ чужія руки. Теперь еще не было, конечно, никакой прямой, непосредственной опасности, но онъ боялся, чтобъ рано или поздно она не явилась. Онъ прожилъ тридцать лѣтъ, незная и не подозрѣвая ничего, и потому кто могъ поручиться, что его отецъ, выказавшій столько скрытности, не хранитъ въ глубинѣ своего сердца еще другую, быть можетъ, болѣе роковую тайну, открытіе которой окончательно погубитъ всѣ надежды Стивена? Онъ никогда не заботился о деньгахъ, какъ человѣкъ еще невспытавшій нужды въ нихъ, и потому тѣмъ труднѣе ему теперь казалось ихъ нажить. Если его опасенія исполнятся, то какимъ образомъ станетъ онъ наживать себѣ кусокъ хлѣба, не говоря уже о жаждѣ, которая постоянно будетъ грызть его сердце — жаждѣ освободить свою дорогую колибель отъ тяготѣющаго надъ ней гнета?

Кромѣ всего этого, Стивена еще терзало сознаніе быстро развивавшейся въ немъ любви къ Грэсъ Вернонъ. Сотни разъ ухаживалъ онъ за женщинами, но никогда не испытывалъ ничего подобнаго, ибо еще не встрѣчалъ никого, кто хоть мало-мальски подходилъ къ идеалу, созданному въ его воображеніи, которое, сравнительно говоря, было въ немъ гораздо сильнѣе разсудка. Грэсъ Вернонъ же, напротивъ, оставляла далеко за собою всякій идеалъ, и потому неудивительно, что онъ почти съ перваго взгляда страстно влюбился въ нее. Онъ уже питалъ, хотя и очень слабую, надежду, что Грэсъ отвѣчаетъ ему тѣмъ же, какъ вдругъ открытіе роковой тайны погубило всю его будущность, представлявшуюся ему въ такихъ розовыхъ краскахъ. Онъ теперь ясно не былъ пара единственной наслѣдницѣ богача Вернона; разсчитывать же на великодушіе старика и безкорыстную любовь молодой дѣвушки было несвойственно гордому потомку древнихъ Дангерфильдовъ. Потому онъ и пришелъ къ тому грустному убѣжденію, что долженъ держаться какъ можно далѣе отъ Верноновъ, такъ-какъ было бы безчестно, при настоящихъ обстоятельствахъ, видѣться часто съ Грэсъ и дать ей случай болѣе къ нему привязаться, если она уже питала какое-нибудь къ нему чувство. Вотъ почему онъ, несмотря на всѣ приглашенія Оливера Вернона и на близость Упландса, ни разу не съѣздилъ туда, какъ ни влекло его пламенное сердце.

Такъ прошло двѣ недѣли. Сначала, какъ мы сказали, Стивенъ предался мрачному отчаянію и съ такой горечью думалъ объ отцѣ, такъ жестоко обвинялъ его преступную слабость, что съ презрѣніемъ отвернулся отъ дальнѣйшихъ розысканій истины.

Digitized by Google

Безмолвіе отца и выраженіе неисходной грусти, запечатлѣнное на его лицѣ, казались Стивену достаточнымъ доказательствомъ справедливости того, что повѣдалъ ему Кэрквудъ. Онъ уже не жаждалъ болѣе вывѣдать всѣ подробности несчастнаго дѣла, а напротивъ полагалъ, что онъ и то уже слишкомъ много узналъ. Мало по малу, однако, чувства безпокойства и боязни, чтобъ Кэрквудъ не воспользовался еще болѣе безпомощной слабостью старика, снова возвратились къ Стивену, и онъ сталъ зорко наблюдать за своимъ врагомъ, который продолжалъ наслаждаться покойной роскошной жизнью въ Пріютѣ. Особенное вниманіе Стивена обратило на себя то обстоятельство, что вѣчно веселый, вѣчно довольный Кэрквудъ приходилъ въ какое-то странное волненіе въ часы прихода почты, и успокоивался только когда или для него не было писемъ, или содержаніе ихъ не отвѣчало его опасеніямъ. Очевидно, что онъ ожидалъ какихъ-нибудь важныхъ извѣстій, долженствовавшихъ имѣть вліяніе на его будущность и отъ которыхъ, быть можетъ, зависѣла продолжительность его пребыванія въ Пріютѣ. Въ умѣ Стивена снова воскресли прежнія подозрѣнія, не строитъ ли Кэрквудъ какихъ новыхъ ковъ противъ его несчастнаго отца, и раздумывая объ этомъ, онъ очень естественно сталъ размышлять о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ Пріютъ былъ заложенъ. Быть можетъ, этотъ таинственный кредиторъ, этотъ хитрый интриганъ воспользовался страстью отца къ игрѣ и подослалъ своихъ сообщниковъ обыграть его на огромную сумму, уплату которой онъ себѣ обезпечилъ, взявъ Пріютъ въ залогъ. Но какъ доказать справедливость подобныхъ подозрѣній, какъ даже просто изслѣдовать истину того, что случилось пятьнадцать лѣтъ тому назадъ? Это было ужасно трудно, если не совсѣмъ невозможно. Стивенъ чувствовалъ необходимость имѣть кого-нибудь постарше и поопытнѣе себя, который могъ бы наставить его и дать ему благой совѣтъ. Чѣмъ болѣе онъ объ этомъ думалъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что безъ подобнаго друга и помощника онъ не можетъ обойтись, и очень естественно мысли его остановились на Оливерѣ Вернонѣ.

Насколько въ этомъ выборѣ скрывалось хитрой казуистики, и какое вліяніе на него имѣлъ тотъ фактъ, что войдя въ сношенія съ отцомъ Грэсъ Вернонъ, будешь невольно видѣть и ее самое—не беремся рѣшить. Человѣческое сердце и разсудокъ до того сложные комплексы, что рѣдко дѣйствіе происходитъ отъ одного какого-нибудь побужденія, а вѣроятно умъ и сердце Стивена не представляли исключенія изъ общаго правила. Какъ бы то ни было, найдя теперь, послѣ стольких скучныхъ дней, проведенныхъ въ одиночествѣ, достойную причину измѣнить свою благородную

Digitized by Google

рѣшимость не видаться съ Грэсъ, Стивенъ Дангерфильдъ, на пятнадцатый день своего пребыванія въ Пріютѣ, велѣлъ осѣдлать свою коронную кобылу—*Фурію* и поскакалъ въ Упландсъ.

XI.

Грэсъ Вернонъ стояла на площадкѣ передъ домомъ въ темно-зеленой амазонкѣ, плотно обхватывавшей ея стройную фигуру. Круглая англійская шляпа съ перомъ, также темнаго цвѣта, поддерживала общій характеръ ея туалета, въ которомъ ярко выдавались только малиновая лента на шеѣ и бѣлыя перчатки съ крагами. Яркіе лучи солнца пробивались сквозь ея чудные каштановые волоса, придавая имъ красноватый оттѣнокъ; на нѣжномъ ея личикѣ играла прелестная улыбка, невольно выказывая за розовыми губками цѣлый рядъ блестящихъ жемчужинъ. Въ одной рукѣ она держала маленькій хлыстикъ, а другой приподымала платье, висѣвшее живописными складками. Въ нѣсколькихъ шагахъ передъ нею грумъ держалъ красивую, статную лошадь, бѣлую какъ снѣгъ.

Вотъ картина, которая представилась изумленнымъ и очарованнымъ глазамъ Стивена Дангерфильда, когда онъ подъѣзжалъ къ крыльцу упландскаго дома. Онъ поспѣшно соскочилъ съ лошади, поборовъ желаніе насладиться подолѣе чудной группой, и подбѣжалъ къ Грэсъ.

Она почти въ то же мгновеніе обернулась и вскрикнула, тѣмъ страннымъ, непередаваемымъ звукомъ, которымъ молодыя дѣвушки выражаютъ радость и удивленіе:

— Мистеръ Дангерфильдъ!

— Миссъ Вернонъ!

Стивенъ схватилъ маленькую ручку Грэсъ и крѣпко ее сжалъ.

— Я очень рада васъ видѣть! промолвила молодая дѣвушка.

— Неужели? произнесъ почти въ одинъ голосъ съ нею молодой человѣкъ.

Тутъ ихъ глаза встрѣтились и лицо Грэсъ покрылось яркимъ румянцемъ. Она поняла по физіономіи Стивена и по его голосу, какое глубокое значеніе онъ придавалъ ея самымъ обыкновеннымъ словамъ. Ей необходимо было уничтожить это чарующее впечатлѣніе и, конечно, она взялась за дѣло такъ неловко, что еще болѣе его испортила.

— Мнѣ кажется, цѣлая вѣчность прошла съ тѣхъ поръ, что мы не видались съ вами! промолвила она.

— О, миссъ Вернонъ, воскликнулъ Стивенъ: — миссъ Гр..... и вдругъ остановился, понявъ что поступаетъ совершенно не-

Digitized by Google

прилично. Дѣйствительно, онъ чуть-чуть не объяснялся въ любви съ первыхъ же словъ, и еще молодой дѣвушкѣ, которой и существованія не подозрѣвалъ за мѣсяцъ передъ тѣмъ. «Какой я сумасшедшій» думалъ Стивенъ, ибо мужчинъ всегда прежде всего поражаютъ внѣшнія условія мѣста и времени. Грэсъ, руководствуясь женскимъ инстинктомъ, была гораздо умнѣе. Она знала, что любовь не есть плодъ времени, дней, мѣсяцевъ или лѣтъ. Она понимала, что̀ чувствовалъ Стивенъ, что̀ его смущало и волновало, но она не хотѣла помочь ему выйти изъ затрудненій. Мы говоримъ: она знала, понимала, то-есть инстинктивно, какъ всѣ женщины, которыя прежде чувствуютъ, а думаютъ послѣ, тогда какъ мужчины думаютъ прежде, а чувствуютъ послѣ и всегда позже добираются до истины, а въ этомъ-то и весь вопросъ.

Но кто скажетъ, что̀ такое эта любовь, которая, бывъ посѣяна богъ-вѣсть когда и какъ, быстро даетъ ростки, цвѣтетъ, зрѣетъ и приноситъ плоды—любовь, которая не основана на долгомъ знакомствѣ съ характеромъ, со вкусами и наклонностями любимаго человѣка, но приходитъ непрошенная въ ту минуту, когда вы всего менѣе ожидаете, и не оставляетъ васъ, пока сама не захочетъ. Люди называютъ это любовью съ перваго взгляда, но это не можетъ быть. Не скорѣе ли это страсть, возбужденная воплощеніемъ въ существенную форму того, что̀ мы любили уже давно—быть можетъ прежде, чѣмъ стали себя помнить, быть можетъ, нѣсколько вѣковъ тому назадъ, во всѣ фазисы удивительнаго бытія человѣка, которая точно такъ же могла начаться до рожденія, какъ она не кончится со смертью? Это нетолько земная страсть или счастливая комбинація головы, глазъ, цвѣта лица, фигуры, которыми поодиначкѣ мы любовались до сихъ поръ—нѣтъ, это таинственное духовное сродство, анализировать которое такъ же трудно, какъ невѣдомыя силы электричества и магнетизма.

Стивенъ и Грэсъ молча, почти безсознательно пошли ходить взадъ и впередъ по площадкѣ. Ихъ глаза на секунду устремились на великолѣпную панораму, развертывавшуюся передъ ними, и потомъ снова встрѣтились. Ни тотъ ни другой не промолвилъ ни слова, но оба молча смотрѣли другъ на друга; это продолжалось не болѣе двухъ минутъ, такъ-какъ Оливеръ Вернонъ, Элинора, Грэзбрукъ и маленькая Алли, уже выходили изъ дверей дома; однако, имъ это мгновеніе показалось цѣлой вѣчностью, ибо они почти безсознательно вступили въ портикъ новой жизни, для которой прошедшее было ничто, а будущее—все.

Оливеръ Вернонъ очень радушно поздоровался съ своимъ гостемъ, Элинора привѣтливо ему поклонилась, а маленькая Алли потребовала, чтобъ онъ непремѣнно взялъ ее на руки и нѣсколько разъ поцаловалъ. Въ головѣ ребёнка сохранялось мало воспо-

Digitized by Google

минаній, но ярче и рѣзче всего отпечатлѣлся у ней образъ Стивена Дангерфильда, бравшаго ее на руки съ обломковъ разбившагося корабля.

— Вы насъ совсѣмъ забыли, сказалъ Вернонъ съ улыбкой:— мы уже васъ давно ожидали, вы вѣдь живете такъ близко.

— Я вполнѣ чувствую, сколько потерялъ, и не бывалъ у васъ до сихъ поръ, отвѣчалъ Стивенъ:—но я былъ очень занятъ дѣлами отца и потомъ полагалъ, что вы вѣроятно будете рады отдохнуть первое время послѣ такого продолжительнаго путешествія.

— Такой близкій и старинный сосѣдъ никогда бы намъ не помѣшалъ, еслибъ даже мы и не захотѣли принимать никого другаго. Вотъ эта барышня особенно желала васъ видѣть, она считаетъ васъ своей собственностью съ тѣхъ поръ, что вы ее спасли.

— Милый ребёнокъ, воскликнулъ Стивенъ, лаская Алли:—вещь извѣстная, что мужчины всегда очень охотно ласкаютъ маленькихъ дѣвочекъ въ присутствіи большихъ, которыхъ они желали бы въ глубинѣ своего сердца подвергнуть тѣмъ же ласкамъ.

— А видѣли вы моего другаго пàпу? спросила Алли, которая имѣла привычку задавать этотъ вопросъ каждому новому человѣку, котораго она видѣла, и очень удивляться, когда ей отвѣчали отрицательно.

— Нѣтъ, милая. Развѣ ты недовольна этимъ пàпой?

Стивенъ сказалъ тутъ невольную ложь, но ни онъ и никто другой не подозрѣвали истину въ данную минуту.

— Ахъ, да, я имъ очень довольна и останусь у него навсегда; развѣ, прибавила Алли задумчиво: — развѣ вы и тётя Грэсъ захотите взять меня съ собою.

Грэсъ снова вся покраснѣла при этой неожиданной выходкѣ ребёнка, который слышалъ не разъ, какъ она разговаривала о Стивенѣ Дангерфильдѣ съ Элинорой, понявшей прежде всѣхъ, еще на *Ассиріи*, въ чемъ дѣло. Теперь она же поспѣшила на выручку.

— Мы собирались всѣ ѣхать верхомъ къ форту Ли, сказала она:—вѣроятно, мистеръ Дангерфильдъ не откажется намъ сопутствовать, благо онъ также пріѣхалъ верхомъ.

Стивенъ отвѣчалъ, что онъ, если позволятъ, съ большимъ удовольствіемъ присоединится къ кавалькадѣ. Черезъ нѣсколько минутъ привели лошадей, всѣ усѣлись и Стивенъ имѣлъ неописанное счастье помочь Грэсъ вскочить въ сѣдло, при чемъ, конечно, коснулся ея маленькой ножки, что опять вызвало яркій румянецъ на щекахъ молодой дѣвушки. Вернонъ замѣтилъ это и указалъ всѣмъ на ея блестящій цвѣтъ лица, что, конечно, еще болѣе ее смутило. Она пробормотала, что ей очень жарко, и для отвлеченія общаго вниманія задергала свою любимицу Лили и проѣхала

Digitized by Google

галопчикомъ раза два по двору, что очень удивило старую лошадь, непривыкшую къ такому обращенію. Наконецъ, всѣ были готовы и кавалькада двинулась, при общемъ смѣхѣ и веселомъ говорѣ. Стивенъ поѣхалъ рядомъ съ Элинорой, частью изъ приличія, такъ-какъ она была старшая, частью же изъ желанія скрыть отъ всѣхъ свои чувства къ Грэсъ; но большія общества, въ какомъ бы несоотвѣтственномъ порядкѣ они ни пускались въ путь, всегда кончаютъ тѣмъ, что распадаются на парочки, что повторилось и въ настоящемъ случаѣ. Еще не прошло и получаса, а Грэсъ и Стивенъ уже ѣхали вдвоемъ впереди всѣхъ на порядочномъ разстояніи. Они весело болтали объ окружающей живописной природѣ, среди которой оба родились, о книгахъ, картинахъ, операхъ, о своихъ путешествіяхъ и приключеніяхъ въ Европѣ, о лошадяхъ, собакахъ, сельскихъ удовольствіяхъ и т. д. Такъ, между прочимъ, Стивенъ разсказалъ, какъ онъ купилъ свою вороную *Фурію* и сколько подвиговъ она сдѣлала на своемъ вѣку; а Грэсъ съ своей стороны повѣдала Стивену грустную исторію своей любимой собачонки, которая съѣла ядъ, приготовленный для мышей. Но сколько они ни говорили, ни одинъ ни другой ни слова не упомянули о томъ, что наполняло всего болѣе ихъ мысли. Но къ чему были слова? Въ нѣсколькихъ томахъ нельзя было бы помѣстить всего того, что въ одно мгновеніе блеснуло въ ихъ головахъ во время безмолвнаго свиданія на дворѣ дома. И оба они были счастливы, счастливѣе чѣмъ когда нибудь прежде.

Мечтайте, юныя счастливыя созданія, объ ожидающемъ васъ счастьѣ! Пейте до дна чашу свѣтлыхъ, радужныхъ надеждъ! И да будетъ далекъ отъ васъ тотъ роковой день, когда вы очнетесь отъ блаженнаго сна и узнаете горькимъ опытомъ, какъ, увы, рано или поздно всѣ узнаютъ — что передъ радугой должна быть гроза.

XII.

Тихо и мирно шли дни за днями послѣ перваго посѣщенія Стивеномъ Дангерфильдомъ Упландса. Онъ, конечно, теперь пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы бывать тамъ какъ можно чаще, и дѣйствительно, подъ различными предлогами—то кавалькады, то прогулки, то музыки, или партіи въ шахматы—онъ проводилъ въ обществѣ Грэсъ бо́льшую часть своего времени. И, однако, онъ еще ни разу не намекнулъ Оливеру Вернону о томъ, что побудило его измѣнить благородную рѣшимость держаться какъ можно дальше отъ Верноновъ. Конечно, это было съ его стороны слабостью, и даже въ нѣкоторомъ отношеніи не совсѣмъ честной, но мы ни мало не желаемъ этого скрыть, ибо мы разсказываемъ

Digitized by Google

событія нашей повѣсти такъ, какъ они дѣйствительно случались, и изъ живыхъ, слѣдовательно, небезгрѣшныхъ людей вовсе не желаемъ дѣлать героическихъ уродовъ, добрыхъ или злыхъ, все равно. Стивенъ понималъ очень хорошо, что ему бы не слѣдовало дозволять отношеніямъ его съ Грэсъ принять настоящій оборотъ, не объяснивъ сначала откровенно и отцу, и самой молодой дѣвушкѣ свое дѣйствительное положеніе. Но его мучило сомнѣніе насчетъ результата такого объясненія. Конечно, старикъ Верноиъ былъ очень великодушный и благородный человѣкъ, но и въ его глазахъ Стивенъ Дангерфильдъ, единственный наслѣдникъ богатаго имѣнія, могъ казаться совершенно инымъ человѣкомъ, чѣмъ Стивенъ Дангерфильдъ, праздношатающійся нищій, и то, что онъ позволялъ первому въ отношеніи своей дочери, то могъ легко не позволить второму. Однимъ словомъ, ясно было, что Стивенъ не имѣлъ никакого права выдавать себя за то, чѣмъ онъ вовсе не былъ; но несмотря на все это, онъ колебался, боясь навсегда разрушить свое счастье. И кто будетъ такъ жестокъ, чтобъ осудить за подобный поступокъ молодого человѣка, обезумѣвшаго отъ перваго глотка чарующей чаши любви?

Кэрквудъ съ смѣшаннымъ чувствомъ удовольствія и опасенія слѣдилъ впродолженіе всего этого времени за Стивеномъ Дангерфильдомъ. Сначала, когда еще тотъ упорно сидѣлъ дома, и рѣдко выходилъ даже погулять, Кэрквудъ старался подольщаться къ нему, даже выражалъ не разъ сочувствіе къ его грустному положенію, и предлагалъ своими совѣтами и даже матеріальной помощью пособить ему выпутаться изъ тяжелыхъ затрудненій. Но Стивенъ отвѣчалъ на всѣ эти дружескія предложенія однимъ презрительнымъ молчаніемъ, и потому Кэрквудъ вскорѣ оставилъ его въ покоѣ, увѣряя старика Дангерфильда, что его юный другъ Стивенъ, когда поболѣе узнаетъ свѣтъ, то, конечно, образумится и увидитъ дѣла въ настоящемъ свѣтѣ, то-есть поймете, что онъ, Кэрквудъ—лучшій другъ всего семейства. Бѣдный старикъ слушалъ его молча, но съ видимымъ негодованіемъ и отвращеніемъ. Вообще Мартинъ Дангерфильдъ становился день ото дня все молчаливѣе и грустнѣе. Онъ очень нѣжно обходился съ сыномъ, но избѣгалъ съ нимъ оставаться наединѣ; съ Кэрквудомъ же онъ обыкновенно былъ очень учтивъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ горячо спорилъ съ нимъ, и въ эти минуты онъ походилъ на раба, который рѣшился высвободиться изъ-подъ гнетущаго его ярма, во что бы то ни стало, и несмотря ни на какія послѣдствія. Но, конечно, это продолжалось недолго; Кэрквудъ мало по малу тихими увѣщаніями и угрозами, произнесенными вполголоса, приводилъ его снова къ прежнему постыдному унынію. Различіе

Digitized by Google

состояло только въ томъ, что хитрый интриганъ перемѣнилъ тактику льва на тактику змѣи, какъ болѣе удобную въ присутствіи Стивена.

Что касается до послѣдняго, то Кэрквудъ, узнавъ о его частыхъ поѣздкахъ въ Упландсъ, началъ стараться шутками выпытывать отъ него необходимыя для него свѣдѣнія о томъ, въ которую изъ двухъ красавицъ молодой человѣкъ влюбился, ибо онъ былъ совершенно увѣренъ, что тотъ катался не даромъ. Однако, всѣ его ироническіе намеки на благодѣтельную перемѣну въ Стивенѣ, на вѣроятно пріятныя его прогулки и посѣщенія сосѣдей, ни къ чему не привели, такъ-какъ молодой человѣкъ очень рѣдко ему отвѣчалъ и то съ гордой, холодной учтивостью, уничтожавшей всякую мысль о фамильярности или откровенности. Впрочемъ, Стивенъ въ этомъ отношеніи немного ошибался; онъ поступалъ такъ изъ боязни, чтобъ Кэрквудъ, который дерзко требовалъ нѣсколько разъ, чтобъ Дангерфильды его познакомили съ нѣкоторыми сосѣдями—не попросилъ бы Стивена свезти его въ Упландсъ. Но въ сущности Кэрквудъ не могъ питать подобнаго желанія, такъ-какъ ему не было никакой охоты воскрешать непріятныя воспоминанія, которыя поневолѣ наполнили бы его голову при свиданіи съ двумя изъ обитателей Упландса; что же касается до присутствія тамъ третьяго лица, съ именемъ котораго были связаны болѣе нѣжныя воспоминанія—онъ не имѣлъ о томъ ни малѣйшаго понятія. Напротивъ, было очень замѣчательно, пока какъ бы Кэрквудъ ни смѣялся надъ Стивеномъ, онъ никогда не упоминалъ въ его присутствіи имени Верноновъ и ихъ помѣстья. Молодой человѣкъ не обращалъ на это вниманія до тѣхъ поръ, что однажды совершенно случайно услышалъ изъ другой комнаты слѣдующее замѣчаніе Кэрквуда его отцу, который рѣзко упрекнулъ его, повидимому за то, что тотъ упомянулъ имя Вернона. «Я такъ же мало люблю это имя, какъ вы, Мартинъ Дангерфильдъ, сказалъ Кэрквудъ: — такъ намъ нечего изъ-за этого ссориться.»

Услыхавъ эти слова, Стивенъ поспѣшно удалился, не желая играть роли шпіона, а быть можетъ, изъ инстинктивной боязни услышать что нибудь, что̀ могло разсѣять его золотыя мечты о счастьѣ. Во всякомъ случаѣ онъ былъ очень доволенъ узнать, что Кэрквудъ ни мало не намѣренъ знакомиться съ Вернонами. Представьте же себѣ его удивленіе и негодованіе, когда на другой день послѣ подслушаннаго разговора, возвращаясь домой въ сумеркахъ, онъ встрѣтилъ у самыхъ воротъ Упландса ѣхавшаго туда мистера Кэрквуда.

Оливеръ Вернонъ былъ въ своемъ кабинетѣ, когда ему доложили о неожиданномъ посѣтителѣ. Онъ писалъ до тѣхъ поръ,

Digitized by Google

что стемнѣло, и теперь сидѣлъ въ своемъ покойномъ креслѣ, погруженный въ глубокую думу. Несмотря на полумракъ, царствовавшій въ комнатѣ, можно было разобрать все, что въ ней находилось, и какъ простое, но комфортабельное убранство комнаты, такъ и заглавія книгъ, наполнявшихъ громадные шкапы, ясно указывали на характеръ и направленіе хозяина. Между книгами тутъ были сочиненія и по философіи, и по исторіи, и по литературѣ; но опытный глазъ тотчасъ замѣчалъ, что всѣ онѣ подобраны и дышатъ однимъ болѣе или менѣе широкимъ, гуманнымъ, человѣчнымъ взглядомъ на всѣ вопросы. По угламъ комнаты возвышались бюсты филантроповъ, а не завоевателей; тутъ вы могли найдти Говарда, но не Наполеона. Картины на стѣнахъ согласовались съ тѣмъ же главнымъ направленіемъ мыслей хозяина.

И въ настоящую минуту Оливеръ Вернонъ думалъ о благѣ своихъ ближнихъ. Тѣ немногіе дни, которые онъ провелъ въ своемъ имѣніи со времени возвращенія изъ путешествія, были посвящены самой энергической дѣятельности, значитъ—принесли много пользы несчастнымъ, ибо мало людей дѣлали столько добра, какъ Вернонъ. Онъ нетолько подавалъ милостыню, но главнымъ образомъ разыскивалъ настоящую причину горя и нищеты и старался оказать долговѣчную, а не временную пользу. Въ этомъ-то и заключалась основная черта его характера. Мы уже говорили, что иные его считали радикаломъ въ политическихъ и соціальныхъ вопросахъ, но онъ въ сущности по своимъ понятіямъ и мнѣніямъ былъ скорѣе противоположенъ тому, что по настоящему должно бы означать словомъ радикалъ. Онъ былъ скорѣе сѣятель, чѣмъ разрушитель. Онъ не столько жаждалъ искоренять зло, какъ сѣять добро, не столько карать—какъ учить и воспитывать. Онъ никогда не трудился проповѣдывать свои мнѣнія, а оставлялъ своимъ дѣламъ говорить самимъ за себя, надѣясь, что его оцѣнятъ по достоинству если не сегодня, то завтра. Два раза Оливеръ Вернонъ являлся кандидатомъ въ члены конгреса, не для того, чтобъ попытать счастья — ибо его партія была немногочисленная, а популярность въ округѣ, хотя и значительная, все же была недостаточна для побѣды надъ численнымъ превосходствомъ его противниковъ — но онъ это дѣлалъ для поддержанія принципа, такъ-какъ бо́льшая часть сосѣднихъ богатыхъ землевладѣльцевъ уклонялись отъ политическаго поприща. Въ первый разъ надъ нимъ одержалъ побѣду генералъ Вач-Донкъ, жившій въ то время въ этомъ округѣ, а во второй какой-то пьянчужка ирландецъ въ родѣ Максвиндля. Эти пораженія, какъ естественны и предчувствованы они ни были, сдѣлали много пользы Вернону, увеличивъ его популярность. Его добрыя дѣла,

Digitized by Google

нѣжное обхожденіе со всѣми и поразительная покорность судьбѣ, привлекли къ нему мало-по-малу всеобщее сочувствіе, такъ что теперь не было почти человѣка во всемъ округѣ, столь любимаго и уважаемаго, какъ Оливеръ Вернонъ.

Какъ мы уже сказали, онъ былъ погруженъ въ глубокую думу, когда лакей доложилъ, что его желаетъ видѣть какой-то джентльменъ.

— Развѣ онъ не далъ своей карточки, не сказалъ своего имени? спросилъ Вернонъ.

— Онъ сказалъ, сэръ, что это излишне и просилъ только сказать, что онъ пришелъ и желаетъ васъ видѣть.

— Гдѣ онъ, въ гостиной?

— Нѣтъ, тамъ барышни; а мистеръ Дангерфильдъ только что уѣхали. Неизвѣстный господинъ, услыхавъ ихъ голоса, прошелъ въ маленькую, темную столовую, такъ-какъ желалъ только видѣть васъ однихъ.

— Хорошо. Попроси его сюда и подай свѣчи.

Черезъ нѣсколько минутъ Джемсъ Кэрквудъ вошелъ въ комнату вмѣстѣ съ лакеемъ, который, подвинувъ гостю кресло, удалился. Наступило минутное молчаніе; быть можетъ, оба, и гость и хозяинъ, оцѣнивали мысленно перемѣну, происшедшую въ нихъ обоихъ или они вспоминали о прошедшемъ, или наконецъ обдумывали всѣ шансы дипломатической борьбы, которая должна была разразиться между ними. Какъ бы то ни было, только черезъ нѣсколько минутъ, Кэрквудъ первый прервалъ молчаніе.

— Я получилъ ваше письмо только вчера. Оно было адресовано въ городъ, а оттуда не знали куда переслать, такъ-какъ я не нахожу всегда удобнымъ оставлять свой адресъ. Я наконецъ сталъ безпокоиться, что шкуна такъ долго не приходила и написалъ въ контору, оттуда мнѣ и прислали ваше письмо.

— Вы обдумали мое предложеніе?

— Да, и нѣтъ. Это очень удивительный случай. И я бы желалъ знать, на какомъ основаніи вы увѣрены въ справедливости вашихъ предположеній. Это еще, можетъ быть, ошибка?

— Нѣтъ. Одно сходство съ отцомъ и матерью было бы достаточнымъ доказательствомъ. Потомъ имя...

— Да, я назвалъ ее такъ по моему родному штату, а на плантаціи ее всѣ звали Алли.

— Наконецъ, продолжалъ Вернонъ, доставая изъ конверта небольшой свертокъ, перевязанный голубой лентой: — эти письма, адресованныя на ваше имя и которыя, вѣроятно, дупликаты тѣхъ, которыя посланы по почтѣ, должны уничтожить всякое сомнѣніе.

Кэрквудъ взялъ письма и, сломавъ печать, тотчасъ утвердительно махнулъ головою.

Digitized by Google

— Да, дѣло теперь совершенно ясно. Но вы должны согласиться, что это случай удивительно странный и потому я имѣлъ полное право сомнѣваться. И такъ, намъ только остается рѣшить вопросъ о будущности ребёнка.

— Я предлагаю вамъ освободить васъ отъ всѣхъ заботъ и отвѣтственности.

— Я не вижу достаточно ясно причину, почему вы хотите взять все это на себя.

— Это, однакожь, очень просто. Кажется, не нужно мнѣ распространяться о томъ, что ребенка отдать матери было бы неблагоразумно, чтобъ не сказать болѣе. Мы съ вами согласны въ этомъ — не правда ли? — и, слѣдовательно, нечего объ этомъ болѣе и говорить; въ особенности же, когда мать согласна оставить ребенка на моемъ попеченіи, если только вы дадите слово ни во что не вмѣшиваться.

— Хорошо, продолжайте.

— Значитъ, остается намъ только разсмотрѣть вопросъ, отдать ли ребенка вамъ самимъ? продолжалъ Вернонъ. — Но и это, по моему мнѣнію было бы точно также неблагоразумно. Вы вели такую недостойную, скажу—порочную жизнь, что если вы не исправились, о чемъ, къ-несчастью, я никогда не слыхалъ, то положеніе вашей дочери, особенно при настоящихъ обстоятельствахъ, было бы самое незавидное.

— Вы забываетесь, Вернонъ! воскликнулъ злобно Керквудъ:— вы забываетесь!

— Ни мало, возразилъ спокойно Вернонъ: — какую вы вели жизнь до вашего отъѣзда въ Калифорнію, я не имѣю нужды вамъ напоминать; довольно того, что вы знаете, какъ коротко она мнѣ извѣстна. Что же касается до вашей послѣдующей жизни, то если вы желаете, я вамъ ее разскажу.

Кэрквудъ нетерпѣливо махнулъ рукой, а Вернонъ продолжалъ:

— Я съ вами совершенно согласенъ; мой разсказъ былъ бы излишнимъ. У меня цѣль одна: какъ можно скорѣе придти къ какому-нибудь соглашенію съ вами. Если вы меня спрашиваете, то я долженъ вамъ откровенно и обстоятельно отвѣчать. Я хочу взять на свое попеченіе и отвѣтственность вашу дочь до ея совершеннолѣтія, а тамъ пускай она сама рѣшитъ, что дѣлать съ собою.

Въ эту минуту раздался легкій толчокъ въ дверь, и лакей принесъ свѣчи. Оба собесѣдника замолчали на нѣсколько минутъ, и пристально смотрѣли другъ на друга. Нельзя было не замѣтить, что Кэрквудъ, разговаривая съ Вернономъ, держалъ себя и выражался совершенно просто и безискуственно. Всякая тѣнь изысканной любезности, которая такъ поражала Стивена Дангерфильда,

Digitized by Google

теперь совершенно исчезла; Вернонъ зналъ его вдоль и поперегъ, и потому онъ передъ нимъ не игралъ никакой роли, а говорилъ то, что чувствовалъ. Съ человѣкомъ, необладающимъ такой силой воли, какъ Вернонъ, онъ обошелся бы совершенно иначе, въ родѣ того, какъ поступалъ съ несчастнымъ Мартиномъ Дангерфильдомъ. Но теперь онъ довольно покойно произнесъ:

— Вы не хотите признавать во мнѣ никакого человѣческаго чувства, Вернонъ.

— Повѣрьте, я былъ бы очень радъ признать въ васъ что-нибудь хорошее, еслибъ только это видѣлъ. Ваша натура слишкомъ энергична, чтобъ быть безцвѣтной; вы должны или дѣлать добро, или зло; вы не можете оставаться въ бездѣйствіи; до сихъ поръ, я видѣлъ только признаки послѣдняго. Конечно, очень можетъ быть, что вы питаете какое-нибудь чувство къ вашей дочери, которую вы такъ давно не видали; но зная васъ хорошо, я сомнѣваюсь, чтобъ это чувство было очень сильно.

— Я то, что я есть, отвѣчалъ мрачно Кэрквудъ: — нечего терять время въ личностяхъ. Быть можетъ, придетъ время, когда я буду въ состояніи оказать вамъ услугу, или сдѣлать вамъ значительный вредъ, потому лучше совѣтую вамъ обходиться со мною прилично. Къ тому же, я пришелъ къ вамъ не за однимъ дѣломъ, о которомъ мы только-что говорили. Я уѣхалъ отсюда впопыхахъ и въ неудачную для себя минуту, но это не обязываетъ меня отказаться отъ моихъ законныхъ правъ, теперь, когда я могу ихъ на свободѣ доказать. У меня есть вексель на имущество покойнаго Джона Грэзбрука — въ двѣнадцать тысячъ долеровъ. Вы, какъ душеприкащикъ, управляете имѣніемъ, и потому я пришелъ къ вамъ, чтобъ потребовать эти деньги съ доказательствами въ рукахъ.

— Почему вы знаете, что хватитъ довольно денегъ для уплаты этой суммы, если вы и дѣйствительно имѣете на нее право?

— Я знаю, что его дочь наслѣдовала деньги послѣ него, что вы треть всего имущества передали его женѣ, которая никогда не была въ законномъ разводѣ съ нимъ, а остальное вы сохраняете для упомянутой мною дочери. Посмѣйте опровергнуть мои слова?

— Ни мало не желаю. Вы говорите совершенную правду.

— Такъ вотъ доказательства моихъ правъ на означенную сумму.

Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана цѣлую кипу бумагъ и счетовъ, и вмѣстѣ съ Вернономъ принялся ихъ разсматривать. Послѣдній вскорѣ убѣдился, что если эти документы нефальшивы, то право Кэрквуда не подлежитъ никакому сомнѣнію, и если онъ откажется его признать, то эти документы могли слу-

Digitized by Google

жить сильнымъ орудіемъ въ рукахъ безсовѣстнаго противника, который, конечно, никого не пожалѣетъ, и начнетъ дѣло судебнымъ порядкомъ.

— И вы будете настаивать на вашемъ правѣ, сказалъ онъ наконецъ: — даже въ томъ случаѣ, если послѣ уплаты должныхъ вамъ по векселю, мисъ Грэзбрукъ останется совершенно нищей?

— А развѣ это несправедливо? развѣ мнѣ не дѣйствительно должны деньги? Къ тому же, я скоро совсѣмъ состарѣюсь, и мнѣ необходимы денежки на черный день. Что жь касается до мисъ Грэзбрукъ, то она, пользуясь вашимъ покровительствомъ, конечно, сдѣлаетъ отличную партію.

Вернонъ серьёзно задумался, но чрезъ нѣсколько минутъ, тряхнулъ головой и произнесъ рѣшительнымъ тономъ:

— Въ вашихъ словахъ есть основаніе; я согласенъ заплатить требуемыя вами деньги, но только подъ нѣкоторыми условіями.

— Подъ какими именно?

— Вы должны согласиться на мое предложеніе касательно вашей дочери, и предоставить ее мнѣ законнымъ образомъ, для воспитанія, до ея совершеннолѣтія.

— Еще что?

— Вы отдадите мнѣ эти документы, и законнымъ образомъ откажетесь отъ всякой претензіи на имущество покойнаго Джона Грэзбрука.

— Это все?

— Наконецъ, вы дадите слово, что никогда не будете вмѣшиваться въ мои распоряженія о судьбѣ вашего ребёнка, и никогда, ни прямымъ ни косвеннымъ путемъ, не откроете вашей дочери, что вы ея отецъ.

— Ваши условія очень тяжелыя, Оливеръ Вернонъ, несмотря на вашу репутацію филантропа; но пускай будетъ по вашему. Я согласенъ: скажите только, когда я могу получить отъ васъ деньги?

— Черезъ три дня. Къ тому времени я прикажу приготовить необходимые документы. Гдѣ вы живете?

— У вашего сосѣда, Мартина Дангерфильда.

— У Мартина Дангерфильда! Вы живете въ его домѣ?

— Отчего же нѣтъ. Я уже нѣсколько времени гощу у него, и надѣюсь еще остаться долго въ *Пріютѣ*.

— Мнѣ казалось, что онъ въ послѣднее время никого не принималъ.

— Это правда, но для меня онъ дѣлаетъ исключеніе. Вѣдь мы съ нимъ очень старинные друзья.

Несмотря на все удивленіе, возбужденное послѣдними словами Кэрквуда, Оливеръ Вернонъ не сдѣлалъ болѣе никакого замѣчанія, и они вскорѣ разошлись, повторивъ еще разъ на прощаніе условія своей сдѣлки.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Венгрія и Австрія. — Финансовыя дѣла австрійской имперіи. — Преобразованія судебной части по военному и морскому вѣдомствамъ въ Россіи.

Положеніе Венгріи въ послѣднее время было весьма неотрадно. Бѣдствія, постигшія эту страну въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ: неурожаи, скотскіе падежи и наводненія значительно понизили степень благосостоянія въ массѣ тамошняго населенія. Обременительные налоги также весьма много содѣйствовали этому. Наконецъ сопротивленіе австрійскаго правительства тѣмъ преобразованіямъ въ Венгріи, которыя клонились къ улучшенію быта этой страны, довели тамошнее населеніе до такой бѣдности и такого отчаяннаго положенія, что для венгерцевъ оставалось только два исхода: или возстать открыто противъ правительства и силою домогаться желаемыхъ реформъ, или войти съ нимъ въ миролюбивую сдѣлку. Неудача польскаго возстанія и общее положеніе дѣлъ въ Европѣ указывали венгерцамъ на всю безполезность первой попытки, такъ что оставалось обратиться къ иной системѣ дѣйствій, а именно къ сближенію съ австрійскимъ правительствомъ. Но при этомъ, кромѣ устройства отношеній Венгріи къ габсбургской династіи, предстоитъ еще борьба между тремя началами политической жизни австрійской монархіи: централизаціей, федераціей и дуализмомъ. Отъ перевѣса одного изъ этихъ началъ зависитъ судьба конституціи, данной 26 февраля 1861 года и долженствовавшей развить конституціонный порядокъ въ Австріи сообразно съ цѣлями императорскаго правительства.

Поставить Венгрію въ исключительныя, какъ-бы привилегированныя отношенія къ правительству если и возможно, то все же чрезвычайно трудно. При разноплеменномъ составѣ имперіи, каждая, существующая въ ней національность стремится къ политическому обособленію, такъ что если удовлетворить желаніе Венгріи

Digitized by Google

наравнѣ съ прочими областями имперіи, то императору придется имѣть при себѣ пять разныхъ министерствъ: одно для Венгріи, другое для Венеціанской области, третье для Галиціи, четвертое для Чехіи и пятое для наслѣдственныхъ австрійскихъ владѣній. Національное соперничество въ этомъ отношеніи такъ сильно, что едва лишь показались признаки уступокъ со стороны правительства въ пользу Венгріи, какъ чехи поспѣшили заявить свои политическія притязанія. Пражская газета «Narodni Listy» говоритъ, что для полнаго удовлетворенія стремленій чешскаго народа необходимы: торжественное коронованіе императора австрійскаго королемъ чешскимъ, избраніе правителемъ Чехіи такого лица, которое было бы посредникомъ между чешскимъ народомъ и верховною властію въ совѣтѣ императорскихъ министровъ, измѣненіе избирательнаго закона въ Чехіи, учрежденіе отдѣльнаго высшаго судилища въ Прагѣ, и официальное равенство языковъ нѣмецкаго и чешскаго какъ въ администраціи, такъ и въ училищахъ.

Одна изъ вѣнскихъ газетъ «Botschafter», органъ министра Шмерлинга, поддерживаетъ съ своей точки зрѣнія стремленія къ самоуправленію со стороны различныхъ національностей, входящихъ въ составъ Австрійской имперіи, сопоставленія для этихъ стремленій съ притязаніями Венгріи. «Если мадьяры — говоритъ упомянутая газета — имѣютъ право требовать сохраненія ихъ конституціи, то и другіе народы имперіи имѣютъ право домогаться того же самаго. Если событія, случившіяся въ Венгріи въ 1848 и 1849 г., не положили конца этому праву, то какимъ же образомъ можно уничтожить патентъ 26 февраля 1861 года, когда съ этой поры другія національности подавали примѣръ покорности и патріотическихъ уступокъ? Его величество далъ торжественную клятву блюсти неприкосновенность конституціи, и его слово должно служить прочнымъ залогомъ. Дѣятельные и промышленные горожане, и трудящееся сельское населеніе нѣмецко-славянскихъ областей имѣютъ точно такія же права, какъ и венгерскіе дворяне. Оставимъ въ сторонѣ второстепенные вопросы, сдѣлавшіеся, къ сожалѣнію, причиной нашихъ несогласій въ послѣднее время, и будемъ единодушно поддерживать конституцію 1861 года. Тогда мы въ этомъ согласіи найдемъ средства придать парламентскую жизнь единству имперіи.»

Между тѣмъ въ отношеніи своего политическаго быта Венгрія представляетъ особенность, на которую слѣдуетъ обратить вниманіе для того, чтобъ понять какъ трудно уладить дѣла Венгріи, несмотря на начавшееся сближеніе между ею и императорскимъ правительствомъ. При этихъ дѣлахъ важны политическія стремленія не однихъ только венгровъ, но и славянъ.

Есть основаніе надѣяться, что предстоящее созваніе венгерскаго сейма послѣдуетъ на основаніи того избирательнаго закона, при помощи котораго дѣйствовалъ сеймъ 1861 года, и что такимъ образомъ все дѣло обойдется безъ новаго закона. Тогда окажется, что продолжительное самоустраненіе Венгріи отъ участія въ конститу-

Digitized by Google

ціонной жизни остальной имперіи не принесло собственно для Венгріи ничего новаго. Надобно предполагать, что гражданскій смыслъ венгерскаго народа — замѣчаетъ газета «Ost-Deutsche-Post»—развился въ послѣдніе годы до того, что имперіи гораздо легче будетъ сойтись съ Венгріей, нежели съ Кроаціей.

Никакъ нельзя отвергать того, что въ Венгріи существуютъ различные оттѣнки между политическими партіями, какъ напримѣръ, консервативной, либеральной, радикальной; но дѣло въ томъ, что всѣ эти партіи желаютъ одного — автономіи Венгріи. Что же касается отношеній Венгріи къ другимъ областямъ имперіи, то при этомъ найдутся тамъ представители различныхъ взглядовъ и стремленій, какъ, напримѣръ, сторонники личнаго соединенія, то-есть соединенія Венгріи съ Австріей въ лицѣ императора. Короче, сторонники управленія страною посредствомъ смѣшанной палаты и т. д. Но относительно того, какимъ образомъ долженъ быть устроенъ внутренній государственный порядокъ Венгріи, между венграми не существуетъ никакого разномыслія.

Совершенно иное представляется въ Хорватіи, гдѣ вопросъ о внутреннемъ устройствѣ страны разрѣшается весьма различно. Въ то время, какъ одна въ высшей степени вліятельная партія въ Кроаціи стремится къ возсоединенію Хорватіи съ Венгріей—другая, болѣе предпріимчивая, мечтаетъ объ основаніи южно-славянской имперіи, ядромъ которой должно быть «тріединое королевство»—Кроація, Славонія и Далмація. Эта партія враждебно смотритъ на Венгрію, и еще враждебнѣе относится къ идеѣ единства Австрійской имперіи, управляемой смѣшанной палатой. Для этой партіи соединеніе съ Австріей еще болѣе ненавистно, нежели соединеніе съ Венгріей. Обѣ эти партіи: крайняя кроатская и крайняя венгерская, по самому существу своихъ стремленій, противоположны одна другой, но между тѣмъ обѣ онѣ сходятся въ томъ, что одинаково нерасположены къ нынѣшней централизующей австрійской конституціи. Если мы взглянемъ—замѣчаетъ газета «Ost-Deutsche-Post»—на тѣ средства, которыя опредѣляютъ могущество обѣихъ партій, мадьярской и славянской, то должны будемъ признать безъ спору, что въ матеріальномъ отношеніи мадьярская партія превосходитъ славянскую. Кроація сама по себѣ есть не что иное, какъ бѣдная страна, средства которой едва достаточны для удовлетворенія потребностей мѣстнаго населенія, такъ что она сама нуждается въ помощи Австріи. Напротивъ того, Венгрія сильна и богата. Съ развитіемъ путей сообщенія и съ освобожденіемъ ея отъ преданій устарѣвшаго законодательства и администраціи, она можетъ удесятерить производительность своей почвы. Между тѣмъ южно-славянская партія, раскинутая по территоріи, не столь богатой естественною производительностію, слаба въ матеріальномъ отношеніи, но тѣмъ не менѣе она питаетъ блестящія надежды на будущее. Свои упованія и надежды, всю программу своей политической будущности она основываетъ на тѣхъ земляхъ, которыя входятъ нынѣ въ составъ Оттоманской имперіи. Но эти упованія и эти стремленія

Digitized by Google

встрѣчаютъ въ Венгріи такой же неблагопріятный пріемъ, какъ и въ той части Австрійской имперіи, которая населена собственно нѣмцами.

Дѣйствительно, если допустить осуществленіе того предположенія, что Кроація, въ союзѣ съ прочими славянскими землями, станетъ стремиться къ осуществленію своихъ національныхъ стремленій, то южно-славянская идея будетъ грозить Венгріи бо́льшими опасностями, нежели австрійскимъ нѣмцамъ. Сплошное нѣмецкое населеніе Австріи примыкаетъ къ тридцати милліонамъ своихъ соотечественниковъ, между тѣмъ какъ венгерское племя живетъ особнякомъ, не имѣя никакой поддержки внѣ Австріи. При томъ венгерцы перемѣшаны съ южными славянами и окружены ими. Не менѣе важное значеніе имѣетъ въ этомъ случаѣ и различіе вѣроисповѣданій. Венгрія по большей части исповѣдуетъ или католическую или протестантскую религію; слѣдовательно большинство ея населенія принадлежитъ къ религіямъ, господствующимъ на западѣ Европы. Напротивъ, бо́льшая часть южныхъ славянъ принадлежитъ къ восточной церкви, представительницей которой служитъ Россія. Такимъ образомъ, южно-славянская партія, по замѣчанію газеты «Ost-Deutsche-Post», связана съ Россіею двойными узами— узами религіи и національности.

Обстоятельство это, скажемъ мы, имѣетъ до сихъ поръ весьма мало практическаго значенія, но тѣмъ не менѣе оно не ускользаетъ отъ дальновидности австрійскихъ политиковъ, которые предвидятъ если не господство, то все же болѣе или менѣе сильное тяготѣніе Россіи на южно-славянскія области Австрійской монархіи, еслибы эти области, подобно Венгріи, получили автономію. Они полагаютъ, что если въ настоящее время южно-славянская партія еще нисколько не опасна ни австрійцамъ, ни венгерцамъ, то этого никакъ нельзя сказать о будущемъ, когда политическій прогресъ значительно усилитъ могущество славянскаго элемента, какъ въ лицѣ Россіи, такъ и въ лицѣ славянскихъ племенъ, нынѣ подвластныхъ Турціи. Поэтому, австрійскіе и венгерскіе политики и публицисты, разсуждающіе о венгерскомъ вопросѣ, имѣютъ въ виду и славянскія тенденціи сосѣднихъ съ Венгріею племенъ, существованіе которыхъ, какъ политическая угроза для австрійскаго правительства и венгерской національности, скорѣе благопріятствуетъ нежели противодѣйствуетъ конституціонному соединенію Венгріи и Австріи въ одно цѣлое.

Хотя по отношенію венгерцевъ къ нѣкоторой части австрійскихъ славянъ, этимъ послѣднимъ съ усиленіемъ самостоятельности Венгріи грозитъ венгерское порабощеніе, въ замѣнъ нѣмецкаго, тѣмъ не менѣе однако нельзя не сказать, что возстановленіе конституціонныхъ правъ Венгріи должно будетъ въ значительной степени содѣйствовать конституціонному развитію во всей Австрійской монархіи. Нельзя не признать, что при возвращеніи Венгріи ея древнихъ правъ, необходимо будетъ произвести существенныя измѣненія въ февральской конституціи: но изъ этого не слѣдуетъ, что

Digitized by Google

конституціонныя права, предоставляемыя, въ силу этого уложенія, нѣмецкимъ и славянскимъ землямъ, подлежали бы ограниченію. Напротивъ того, въ упроченномъ конституціонномъ устройствѣ Венгріи заключается ручательство въ прочности и развитіи конституціонныхъ правъ и прочихъ областей, составляющихъ Австрійскую имперію. Соединеніе свободной Венгріи съ порабощаемой Австріей, соединеніе страны, гдѣ развилась жизнь конституціонная, съ страной, въ которой эта жизнь находится только въ зачаткахъ, не можетъ остаться безъ благотворнаго вліянія на послѣднюю. Конституціонная страна была бы въ нѣкоторомъ отношеніи контролемъ надъ правительствомъ. Она подозрѣвала бы всегда, что правительство посягнетъ на уступленныя имъ однажды права или пренебрежетъ сдѣланными имъ уступками и потому стала бы требовать бо́льшихъ обезпеченій и ручательствъ, нежели при нормальномъ порядкѣ. Съ другой стороны, управляемыя на болѣе или менѣе абсолютныхъ началахъ прочія части государства, въ особенности потому—что онѣ стоятъ выше Венгріи по своей образованности и благосостоянію—смотрѣли бы съ постоянною завистію на преимущества сосѣдняго народа, почерпая изъ каждаго пренія, изъ каждой сказанной тамъ свободной рѣчи поводъ къ упроченію своихъ конституціонныхъ правъ.

Отношенія Венгріи къ Австріи находятся, вслѣдствіе хода историческихъ событій, въ особыхъ условіяхъ. Королевство венгерское перешло во власть габсбургскаго дома не путемъ завоеванія, но посредствомъ родственныхъ связей господствовавшей въ Венгріи династіи съ фамиліей Габсбурговъ и вслѣдствіе добровольнаго избранія сеймомъ императора Фердинанда I въ короли венгерскіе. Венгрія была собственно не государственное пріобрѣтеніе Австріи, но династическое наслѣдство царствующаго рода. Поэтому не было никакого основанія лишать ее тѣхъ политическихъ правъ, которыми она пользовалась до перемѣны династіи, и ставить ее въ положеніе страны завоеванной. Только несоразмѣрность политическихъ правъ, удержанныхъ Венгріею, въ сравненіи съ правами прочихъ областей, подвластныхъ австрійской коронѣ, представляли Венгрію областью, нарушающею гармонію самодержавныхъ правъ императора въ прочихъ наслѣдственныхъ его земляхъ. Особыя обстоятельства содѣйствовали къ расширенію преимуществъ, предоставленныхъ Венгріи. Такъ, въ 1608 году, эрцгерцогъ Матѳей, провозглашенный королемъ венгерскимъ подъ верховною властію брата своего, императора Рудольфа II, изъ вражды къ брату и изъ желанія найти опору въ венгерцахъ, объявилъ на пресбургскомъ сеймѣ, что впредь Венгрія будетъ до нѣкоторой степени пользоваться независимостію по дѣламъ финансовымъ, по которымъ прежде зависѣла она исключительно отъ вѣнской придворной камеры.

Само собою разумѣется, что финансы составляютъ весьма важный предметъ нетолько въ хозяйственномъ, но и въ политическомъ отношеніи. Съ системой финансовъ тѣсно связана система нало-

Digitized by Google

говъ, а эти послѣдніе ближайшимъ образомъ касаются имущественныхъ и личныхъ правъ каждаго гражданина. Ходъ финансовыхъ дѣлъ служитъ прежде всего мѣркою развитія либерально-конституціонныхъ учрежденій. Между тѣмъ Венгрія, получивъ значительную самостоятельность по дѣламъ финансовымъ, стала въ исключительныя отношенія къ императорско-королевской власти. Съ того времени началось разобщеніе Венгріи съ прочими частями Австрійской монархіи, а королевство венгерское успѣвало сохранять почти въ совершенной неприкосновенности свои старинныя политическія права. Между тѣмъ нѣмецкія и славянскія области Австріи, отягощенныя налогами, стали утрачивать свои прежнія преимущества и вскорѣ подверглись полному самовластію со стороны австрійскаго правительства. Независимое положеніе Венгріи тревожило время-отъ-времени государей габсбургскаго дома, и они нерѣдко нарушали права и преимущества венгерцевъ, опираясь на нѣмцевъ и славянъ, недовольныхъ тѣмъ, что венгерцы, по предоставленнымъ имъ правамъ, составляли замѣтное исключеніе между всѣми областями, подвластными Габсбургамъ.

Такое національное соперничество, постоянно поддерживаемое австрійскимъ правительствомъ, укореняло чувство разлада, вражды и взаимнаго раздраженія и развивало идею сепаратизма, оказавшуюся столь сильной, что общая конституція, данная имперіи, потребовала, кромѣ областнаго управленія, и особаго представительства въ имперскомъ совѣтѣ. Въ конституціонныхъ учрежденіяхъ Австріи, Венгрія принимаетъ особое, своего рода участіе. Хотя всѣ партіи въ Венгріи, преимущественно же старая консервативная партія хвалятся тѣмъ, что онѣ сочувствуютъ новымъ либеральнымъ учрежденіямъ Австріи, но Венгрія нетолько отдѣлывается отъ этихъ учрежденій, но и старается не допустить ихъ въ славянскихъ областяхъ, соединенныхъ съ Венгріей. Правда, что эта партія въ 1860 году содѣйствовала, повидимому, введенію конституціоннаго порядка въ Австріи, но при этомъ она надѣялась возстановить венгерскій сеймъ, которому съ 1849 года грозило совершенное уничтоженіе. Венгрія весьма усердно сохраняла свое обособленіе отъ прочихъ частей монархіи, и въ первомъ же засѣданіи рейхсрата представитель Венгріи заявилъ отъ имени своихъ соотечественниковъ, что общій для всей имперіи государственный совѣтъ возбудилъ сильныя опасенія въ Венгріи; при этомъ онъ ссылался на старинныя права королевства венгерскаго и указывалъ на различіе въ политическомъ отношеніи между Венгріей и прочими коронными землями.

Кромѣ консервативной партіи, въ Венгріи существуетъ еще партія Деака и Этвеша; къ ней примыкаютъ венгерскіе прогрессисты; цѣль этой партіи — уменьшить сколь возможно болѣе значеніе рейхсрата, обративъ его въ коронное учрежденіе, такъ чтобы участіе въ немъ венгерцевъ не имѣло бы значенія народнаго представительства, которое сосредоточивалось бы собственно на одномъ только венгерскомъ сеймѣ. Въ настоящее время венгерскіе патріо-

Digitized by Google

ты подчинились этой мысли и всѣ ихъ усилія направлены къ тому, чтобъ достигнуть соглашенія съ королемъ-императоромъ безъ всякаго участія со стороны имперскаго совѣта и министерства. Такой исходъ запутанныхъ венгерскихъ дѣлъ представлялся какъ-бы соглашеніемъ государя съ его подданными въ отдѣльномъ самостоятельномъ государствѣ, такъ-какъ въ этомъ случаѣ дѣйствующими лицами были бы только венгерцы и ихъ король, носящій, съ точки зрѣнія венгерцевъ, только дополнительный титулъ императора австрійскаго. Короче, здѣсь высказалась бы идея о личномъ соединеніи императора съ Венгріей, а не принадлежность Венгріи австрійской коронѣ, такъ-какъ при этихъ условіяхъ Францъ-Іосифъ дѣйствовалъ бы только въ качествѣ короля венгерскаго.

Мысль эта вполнѣ ясно высказана въ первомъ нумерѣ вновь появившейся въ Пештѣ газеты, издаваемой барономъ Этвешомъ, другомъ Деака. Въ этой газетѣ заявлено, между прочимъ, что Венгрія — страна свободная, независимая, необязанная подчиняться вліянію другаго государства или другихъ провинцій, что она такая страна, которая можетъ быть управляема неиначе, какъ своимъ собственнымъ правительствомъ, на основаніи законовъ, изданныхъ съ согласія народнаго представительства и короля венгерскаго.

«Сношенія, законнымъ образомъ существующія между Венгріей и прочими частями имперіи — сказанно въ упомянутой газетѣ — не требуютъ подчиненія одной части другой, но должны обусловливаться равноправностью обѣихъ частей и, слѣдовательно, пока связь, соединяющая Венгрію съ прочими частями монархіи, требуетъ совокупнаго обсужденія интересовъ, общихъ для всѣхъ частей имперіи, до тѣхъ поръ венгерскій народъ долженъ имѣть вліяніе на рѣшенія, касающіяся его судьбы, равное съ остальными народами монархіи».

Такимъ образомъ, либеральная партія въ Венгріи, не уклоняясь отъ вмѣшательства въ общія государственныя дѣла, представляетъ Венгрію самостоятельнымъ, какъ-бы федеративнымъ въ отношеніи къ Австріи государствомъ, съ особымъ политическимъ устройствомъ, основаннымъ на національномъ бытѣ венгерцевъ.

Совершившійся въ Вѣнѣ министерскій кризисъ придалъ венгерскому вопросу особое значеніе. Полагаютъ, что этотъ кризисъ не былъ вызванъ важными несогласіями, возникшими между имперскимъ совѣтомъ и министерствомъ по поводу вопроса о бюджетѣ и финансахъ. Всѣ полагаютъ, что онъ только послѣдствіе того положенія, въ которое пришли венгерскія дѣла въ настоящее время. Поѣздка императора въ Пештъ и восторженный пріемъ, ему тамъ оказанный, содѣйствовали ускоренію кризиса. Императоръ былъ крайне недоволенъ дѣйствіями министерства въ отношеніи къ Венгріи и, какъ говорятъ, успѣлъ убѣдиться въ томъ, что Венгрія не промѣняетъ своей древней конституціи на февральскій патентъ, поддерживаемый г. Шмерлингомъ съ такимъ энергическимъ упорствомъ. Кромѣ того, слишкомъ большія конституціонныя притязанія имперскаго сейма возбудили въ императорѣ неудовольствіе,

Digitized by Google

и онъ, въ этомъ случаѣ, послѣдовалъ традиціонной политикѣ Габсбурговъ, разсчитывая найти для себя опору въ Венгріи, противъ другихъ частей монархіи, неостановившихся на первыхъ шагахъ конституціоннаго развитія. Сближеніе съ Венгріей подаетъ императору надежду избавиться отъ слишкомъ либеральныхъ притязаній имперскаго сейма, который, послѣ устройства дѣлъ въ Венгріи, долженъ будетъ увидѣть, что у правительства нѣтъ на рукахъ особенныхъ заботъ, и что оно, поэтому, не встрѣчаетъ никакой надобности въ конституціонныхъ уступкахъ.

Съ своей стороны г. Деакъ изъявилъ согласіе вступить въ переговоры съ правительствомъ, и Францу-Іосифу было представлено приглашеніе пожаловать на конскія скачки, бывшія въ Буддахъ въ началѣ іюня. Императоръ, потерявшій уже вѣру въ г. Шмерлинга по дѣламъ Венгріи, польстился надеждой лично осуществить соглашеніе, надъ которымъ такъ безуспѣшно трудились всѣ государственные люди Австріи, и прямо вступилъ на путь, открытый ему консерваторами, которыхъ поддерживала, между тѣмъ, клерикальная партія. Очевидно, что февральская конституція и ея защитники служатъ главнымъ препятствіемъ къ предварительному сближенію между императоромъ и Венгріей. Но измѣнить конституціи неудобно; гораздо удобнѣе было отстранить отъ дѣлъ главныхъ ея охранителей, и вотъ почему лица, принадлежащія къ этой категоріи, придворные канцлеры: венгерскій — графъ Германъ Зичи и трансильванскій — графъ Надашди получили внушеніе подать просьбу объ отставкѣ, что̀ ими и было исполнено.

На мѣсто графа Зичи назначенъ Георгъ Майлатъ, принадлежащій къ числу вождей консервативной партіи. Это назначеніе дало поводъ думать, что въ февральской конституціи предлагается сдѣлать измѣненія, объемъ и значеніе которыхъ не могутъ быть еще предугаданы. Затѣмъ и другіе министры подали въ отставку, и на мѣсто г. Шмерлинга предназначается графъ Белькреди, неревностный поклонникъ централизаціи, столь привлекательной для г. Шмерлинга.

Теперь главное вниманіе политиковъ и публицистовъ обращено на предстоящее созваніе венгерскаго сейма. При этомъ необходимо прежде всего, чтобы предварительно были составлены тѣ королевскія предложенія, которыя будутъ внесены на сеймъ, и отъ принятія сеймомъ этихъ предложеній будетъ зависѣть весь дальнѣйшій ходъ дѣла. Теперь весьма важнымъ вопросомъ явился вопросъ о томъ, съ чего нужно развивать конституціонныя учрежденія Венгріи? Старая, такъ-называемая тысячелѣтняя конституція Венгріи уже не существуетъ: она уничтожена нетолько австрійскимъ правительствомъ, но — что̀ еще важнѣе — самими венгерцами. Старая феодальная конституція существовала въ Венгріи до 1848 года; но о ней еще ранѣе говорили, что она не удовлетворяетъ ни требованіямъ справедливости, ни современнымъ условіямъ соціальнаго быта. Въ 1848 году, конституція эта была уничтожена торжественно и, въ замѣнъ ея, была введена представительная система и личное

Digitized by Google

соединеніе. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого переворота, Венгрія отложилась совершенно отъ Австріи и была объявлена республикой; потомъ все это было уничтожено, вслѣдствіе покоренія Венгріи оружіемъ. Такимъ образомъ, сама Венгрія разрушила прежній, существовавшій въ ней порядокъ, и вслѣдъ затѣмъ Австрія уничтожила все то, что создала революція, такъ-что собственно въ Венгріи не существуетъ ни старой венгерской конституціи, ни того политическаго устройства, которымъ былъ замѣненъ прежній феодальный порядокъ. Въ послѣднее время съ Венгріей поступали, какъ съ завоеванной страной, не вводя въ ней постояннаго управленія, но замѣняя его временнымъ.

Въ виду всего этого, приходится, какъ кажется, избрать исходной точкой для взаимныхъ соглашеній между венгерцами и австрійскимъ правительствомъ тотъ порядокъ, который возникъ въ Венгріи передъ революціоннымъ движеніемъ, и который, однако, былъ признанъ законнымъ со стороны императора Фердинанда въ 1848 году. Всего соотвѣтственнѣе возвратиться къ установленіямъ 1848 года, которыя были изданы венгерскимъ сеймомъ и утверждены императоромъ. При этомъ до нѣкоторой степени мирятся между собою и право народнаго правительства венгерцевъ, и право габсбургской династіи на корону св. Стефана. Но тогда придется сдѣлать обоюдныя уступки: императоръ долженъ будетъ допустить введеніе въ февральскую конституцію нѣкоторыхъ законоположеній 1848 года, а венгерцы съ своей стороны должны будутъ принять нѣкоторыя статьи общей имперской конституціи. Правда, что и такой способъ соглашенія дѣлъ весьма нелегокъ, такъ-какъ законы 1848 года дѣлаютъ изъ Венгріи страну совершенно отдѣльную, существующую самостоятельно подъ верховною властію габсбургскаго дома, который является преемникомъ династіи Арпадовъ, безъ всякаго отношенія къ прочимъ коронным областямъ. Въ законахъ этихъ венгерцы осуществили свою старинную поговорку: «extra Hungariam non est vita». Водвореніе порядка 1848 года будетъ для австрійскаго правительства попятный шагъ къ тому положенію, которое существовало нѣсколько столѣтій тому назадъ и которое оно старалось уничтожить съ цѣлью прекратить разобщеніе Венгріи съ прочими частями Австрійской монархіи.

По програмѣ г. Деака, Венгрія должна представлять особаго рода дуализмъ въ Австрійской монархіи. Въ имперіи должно существовать два, независимыхъ другъ отъ друга, министерства: австрійское и венгерское. Венгрія и Австрія должны были бы высылать особыхъ посланниковъ въ чужіе края, а въ случаѣ войны, одна изъ этихъ частей имперіи можетъ принять участіе въ войнѣ, а другая наблюдать нейтралитетъ. Конечно, съ перваго взгляда такое личное соединеніе Венгріи и Австріи можетъ казаться несообразнымъ. Нѣкоторыя газеты замѣчаютъ, впрочемъ, что настоящія стремленія Венгріи, послѣ испытанныхъ ею неудачъ въ борьбѣ съ австрійскимъ правительствомъ, уже не такъ широки, какъ прежде, но тѣмъ не менѣе они еще значительны до такой степени,

Digitized by Google

что соглашеніе венгерцевъ съ Австріей представляетъ весьма много существенныхъ затрудненій. Рѣшеніе этого вопроса затрудняется еще и тѣмъ, что Трансильванія, Кроація и сѣверная Славонія нерасположены вовсе къ самостоятельности Венгерскаго королевства и предпочитаютъ остаться въ прямой зависимости отъ австрійскаго правительства.

Нельзя не сказать, что финансовыя дѣла австрійскаго правительства имѣли отчасти вліяніе на готовность императора Франца-Іосифа сойтись съ венгерцами. Въ прежнее время дѣла этого рода оставались тайной австрійскихъ канцелярій; но теперь они выводятся наружу.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій въ верхней палатѣ рейхсрата обсуживали бюджетъ 1865 года. Въ этомъ засѣданіи было представлено палатѣ положеніе австрійскихъ финансовъ графами Ауэрспергомъ, Рехбергомъ, Туномъ и княземъ Коллоредо. На представленія эти нетолько не послѣдовало какихъ-либо возраженій, но, напротивъ, они были приняты палатою съ полнымъ сочувствіемъ. Это обстоятельство заставляетъ не сомнѣваться въ справедливости тѣхъ заявленій, которыя были сдѣланы упомянутыми лицами.

Послѣ рѣчи министра финансовъ Пленера, представлявшей положеніе австрійскихъ финансовъ по возможности въ самомъ утѣшительномъ видѣ, графъ Ауэрспертъ, между прочимъ, сказалъ слѣдующее: представительство имперіи, вѣрно понимая положеніе дѣлъ, хотѣло доставить правительству время и спокойствіе, а потому съ предупредительностію и готовностію разрѣшало всѣ кредиты, требуемые правительствомъ; но, кажется, эта предупредительность и эта готовность были поняты превратно. Теперь пора подобныхъ уступокъ миновала: безпрерывно все громче и громче раздаются голоса изъ провинцій, особенно изъ провинцій наиболѣе подавленныхъ налогами—отсюда слышатся голоса податныхъ лицъ, требующихъ облегченія почти невыносимыхъ для нихъ платежей. Въ Венгріи допущенъ сборъ податей натурою; Штирія требуетъ такихъ же облегченій, въ Крайнѣ не прибѣгаютъ теперь къ экзекуціи потому только, что тамъ уже нечего брать этимъ способомъ. Въ докладѣ комисіи—продолжалъ графъ Ауэрспергъ—поставлено на видъ, что цѣны на всѣ недвижимыя имущества упали, что торговля въ застоѣ, сельское хозяйство и промышленость имѣютъ надобность въ кредитѣ, но не могутъ найти его, потому что онъ поглощенъ такою системою финансоваго управленія, которая отнимаетъ у промышлености и сельскаго хозяйства всѣ источники кредита.

Говоря далѣе о состояніи кредита, «я—продолжалъ графъ Ауэрспергъ — убѣдился, что государственное хозяйство зиждется на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ и частное хозяйство. Порядокъ и здѣсь и тамъ основывается на соразмѣрности доходовъ съ расходами. При такомъ порядкѣ, результатомъ въ домашнемъ хозяйствѣ бываетъ семейное спокойствіе, въ государственномъ — уваженіе къ государству извнѣ и благосостояніе народа внутри».

Digitized by Google

Спросивъ далѣе, что̀ должна дѣлать верхняя палата при нынѣшнихъ обстоятельствахъ?—графъ Ауэрспергъ сказалъ: отвѣчу на это, что откровенность и независимость служатъ охраною для тѣхъ верхнихъ палатъ, которыя понимаютъ свое призваніе. Еслибы наша палата слѣпо и безусловно согласилась на предложеніе правительства, то этимъ она не помогла бы ему, но только повредила бы самой себѣ. Я думаю—продолжалъ Ауэрспергъ—что и наша палата должна, какъ и палата депутатовъ, опираться на сочувствіе народа, и что она уменьшитъ это сочувствіе, если будетъ оказываться постоянно услужливымъ и слѣпымъ органомъ правительства, тѣмъ болѣе что именно при теперешнемъ положеніи дѣлъ особенно опасно, если въ нашей палатѣ не окажется сочувствія къ нуждѣ, господствующей во всей имперіи. Затѣмъ ораторъ совѣтовалъ палатѣ исполнить ея долгъ въ отношеніи къ императору и къ народу, обратившись къ палатѣ депутатовъ въ качествѣ дружелюбной посредницы, и къ правительству — въ качествѣ благонамѣренной, откровенной и мужественной совѣтницы.

Графъ Рехбергъ предложилъ, въ видахъ сбереженія финансовъ, измѣнить устройство администраціи вообще, чему, по словамъ его, должны способствовать существующія въ Австріи начала самоуправленія.

Графъ Тунъ не нашелъ достаточными даже тѣ сокращенія въ бюджетѣ, которыя сдѣлала палата депутатовъ, такъ-какъ, по его мнѣнію, должно заботиться нетолько объ устраненіи дефицита въ расходахъ по административной части, но и дефицита, происходящаго отъ погашенія долговъ. Положеніе нашихъ финансовъ—замѣтилъ графъ Тунъ—такъ нехорошо, что хуже не можетъ и быть. Этотъ фактъ до того извѣстенъ, что заявленіе о немъ въ верхней палатѣ не можетъ лишить народъ бодрости. Кому извѣстно состояніе нашихъ финансовъ, тотъ знаетъ наше положеніе и не тѣмъ, что мы явно о немъ говоримъ, можно повредить нашему кредиту—напротивъ, мы можемъ только помочь нашимъ финансамъ, убѣдивъ населеніе, что мы вполнѣ понимаемъ опасности и удостовѣривъ его въ томъ, что мы стараемся отвратить зло.

Князь Коллоредо заявилъ, что во всей имперіи открывается ужаснѣйшій недостатокъ въ деньгахъ, что торговля въ застоѣ, что производительность не находитъ сбыта и что нищета нетолько угрожаетъ производительнымъ классамъ народа, но что она уже постигла ихъ. Причиной такого печальнаго положенія дѣлъ въ имперіи онъ считаетъ невозможность доставать капиталы безъ платежа огромныхъ процентовъ и недостаточность путей сообщенія, въ видѣ желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и судоходныхъ рѣкъ. Онъ указалъ также на плохое состояніе учебныхъ заведеній, на неудовлетворительность законовъ, ограждающихъ поземельную собственность. Чтобы устранить все это, ораторъ совѣтовалъ начать преобразованія съ политическаго управленія страною, такъ чтобы въ народѣ проявилось стремленіе къ самоуправленію безъ вмѣшатель-

Digitized by Google

ства многочисленныхъ чиновниковъ, столь дорого стоющихъ государству.

Такое положеніе финансовыхъ дѣлъ въ Австріи должно считать послѣдствіемъ прежней системы дѣйствій австрійскаго привительства. Новый порядокъ, какъ замѣтилъ графъ Ауэрспергъ, оказалъ свое благотворное вліяніе: именно въ первые годы послѣ этого событія, кредитъ и довѣренность возрасли. Общественное мнѣніе, какъ въ имперіи, такъ и внѣ ея, ожидало отъ контроля имперскаго совѣта установленія иного порядка вещей, который могъ быть достигнутъ путемъ сбереженія. На сколько не сбылись эти ожиданіе, на столько понизились кредитъ и довѣренность, и это обстоятельство было главною причиною того затруднительнаго положенія финансовъ, въ которомъ находится нынѣ Австрія.

Въ настоящее время «Русскій Инвалидъ», «Кронштадтскій Вѣстникъ» и «Военный Сборникъ» сообщаютъ о предстоящемъ преобразованіи по военно-судебной части. Проектъ основныхъ положеній этого преобразованія уже разсмотрѣнъ въ соединенномъ присутствіи генерал-аудиторіатовъ сухопутнаго и морскаго, и представленъ на высочайшее усмотрѣніе. Между тѣмъ въ Петербургѣ составился кружокъ офицеровъ, занимающихся практическимъ примѣненіемъ началъ гласнаго судопроизводства къ рѣшенію военно-судныхъ дѣлъ, а военное министерство предполагаетъ учредить высшее юридическое училище подъ названіемъ судебной коллегіи, въ которую будутъ поступать офицеры съ тѣмъ, чтобъ они могли научнымъ образомъ подготовиться къ занятію мѣстъ военныхъ судей, прокуроровъ и слѣдователей.

Изъ представленнаго на высочайшее усмотрѣніе проекта видно предположеніе: сдѣлать отправленіе военнаго суда гласнымъ и устнымъ, ввести въ судъ новые органы: обвинителя и защитника, и вопросъ о винѣ или невинности подсудимаго предоставить на рѣшеніе судей по внутреннему ихъ убѣжденію и отмѣнить ревизію военныхъ судовъ.

Вообще военно-судная часть по военно-сухопутному вѣдомству будетъ организована по образцу «Судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года»; но само собою разумѣется, что по морскому вѣдомству, вслѣдствіе особыхъ условій морской службы, должны быть сдѣланы многія измѣненія.

Надобно замѣтить, что гласность, устность и обвинительный процесъ не составляютъ собственно нововведенія въ нашемъ военно-уголовномъ кодексѣ, но эти условія составляютъ нынѣ принадлежность только военно-полеваго суда, и притомъ они не соблюдаются при извѣстныхъ обстоятельствахъ, какъ, напримѣръ, при судѣ политическихъ преступниковъ по полевому уложенію. Такое отступленіе объясняется тѣмъ, что гласность суда въ этомъ случаѣ могла

Digitized by Google

бы дать средство участникамъ въ политическихъ преступленіяхъ, остающимся на свободѣ, скрыть ихъ дѣйствія и тѣмъ самымъ пресѣчь способъ къ обнаруженію всѣхъ виновныхъ. Впрочемъ, и по дѣламъ другаго рода, военно-полевой судъ не всегда бываетъ гласный. Въ первый разъ военно-полевой судъ въ установленномъ для него порядкѣ производился на Кавказѣ, по распоряженію бывшаго намѣстника князя Барятинскаго. За тѣмъ примѣры гласныхъ судовъ по военно-полевому уложенію были: въ Петербургѣ — надъ рядовымъ Гудзевичемъ, въ Минскѣ—надъ поручикомъ Витбергомъ и въ Москвѣ—надъ убійцами семейства крестьянина, содержавшаго питейное заведеніе. Безъ всякаго сомнѣнія, съ введеніемъ новыхъ военно-судебныхъ законоположеній, установится въ этомъ отношеніи болѣе опредѣленный порядокъ.

Въ настоящее время дѣйствіе военно-уголовныхъ законовъ не ограничивается однимъ только военнымъ вѣдомствомъ. Дѣйствію этихъ законовъ подвергаются, въ видахъ усиленной строгости взысканія, за важныя преступленія, и лица гражданскаго сословія. Такъ военно-полевой судъ съ давнихъ поръ былъ примѣняемъ къ зажигателямъ и къ грабителямъ-убійцамъ, а въ прежнее время, при существованіи крѣпостнаго права, нерѣдко подвергали военному суду крѣпостныхъ крестьянъ, явно возставшихъ противъ власти своихъ господъ. Но при существованіи въ то же время въ военно-уголовныхъ законахъ наказанія шпицрутенами, приговоры къ смертной казни замѣнялись прогнаніемъ сквозь строй «безъ медицинскаго пособія».

Въ проектѣ преобразованія военно-судной части предположено: въ извѣстныхъ центрахъ расположенія войскъ учредить военные суды и этимъ судамъ присвоить названіе города или мѣстности, въ которыхъ они будутъ находиться. Каждый военный судъ будетъ состоять изъ трехъ постоянныхъ и шести временныхъ членовъ; послѣдніе будутъ командируемы отъ войскъ на опредѣленный срокъ. При судѣ будутъ состоять военные прокуроры, военные слѣдователи и присяжные защитники. Военнымъ судамъ будутъ подсудны: генералы, штабъ и обер-офицеры за всѣ преступленія; нижніе же чины только за преступленія, влекущія за собою наказанія не менѣе, чѣмъ отсылка въ арестантскія роты. Затѣмъ при каждомъ полку и соотвѣтственной ему отдѣльной части войскъ будутъ учреждены полковые, бригадные или экипажные суды. Для высшаго же завѣдыванія военно-судною частію, въ проектѣ предположено учредить главный военный судъ, въ качествѣ верховнаго касаціоннаго суда. Членами военныхъ судовъ, но только въ извѣстномъ числѣ, могутъ быть и гражданскіе чиновники; нѣкоторыя же должности въ этихъ учрежденіяхъ предполагается предоставить исключительно офицерамъ.

Говоря о предстоящемъ преобразованіи военно-судной части, «Русскій Инвалидъ», которому, какъ официальной газетѣ военнаго вѣдомства, долженъ быть лучше всего извѣстенъ ходъ этого дѣла, замѣчаетъ, между прочимъ, что недостатокъ людей, необходимыхъ

Digitized by Google

для обезпеченія новаго суда, и ограниченность средствъ, на которыхъ можетъ въ этомъ случаѣ разсчитывать военное министерство, заставятъ примѣнять реформу къ дѣлу лишь съ крайнею осмотрительностію, организуя сперва суды въ видѣ опыта въ какомъ либо одномъ округѣ, и затѣмъ уже постепенно распространяя ихъ на прочіе округа. Само собою разумѣется, что весьма трудно предвидѣть, въ какой мѣрѣ будетъ полезна эта постепенность развитія новаго порядка, а также черезъ сколько времени она приведетъ все дѣло къ окончанію. Во всякомъ случаѣ оказывается, что и здѣсь встрѣчаются тѣ же причины замедленій, какія встрѣчаются и въ отношеніи общей судебной реформы, а именно—недостатокъ въ деньгахъ и въ дѣятеляхъ на новомъ поприщѣ.

Надобно сказать, что у насъ военно-судная часть нетолько въ отношеніи уголовнаго законодательства, но и въ отношеніи дѣйствующихъ ея органовъ представляется въ весьма слабомъ развитіи. Все военно-юридическое образованіе сосредоточивалось до сихъ поръ въ аудиторскомъ училищѣ, и распорядителями военно-судныхъ дѣлъ были аудиторы, которые или имѣли слишкомъ большое вліяніе на дѣла, если находились при довѣрявшихъ имъ лицахъ, или слѣпо исполняли ихъ приказанія, не имѣя никакого голоса. Военно-судныя комисіи составлялись изъ лицъ, неполучившихъ юридическаго образованія и неуспѣвшихъ пріобрѣсти юридической практики, такъ что правильность военно-судныхъ дѣлъ ограждалась въ извѣстныхъ случаяхъ, и то только до извѣстной степени, ревизіею со стороны генерал-аудиторіата.

Главныя издержки при преобразованіи военно-судной части будутъ заключаться не по содержанію лицъ, занимающихъ судебныя должности, но по исполненію приговоровъ военнаго суда, которые въ большей части случаевъ должны будутъ подвергать виновныхъ болѣе или менѣе продолжительному заключенію. Эта система взысканій требуетъ устройства особыхъ мѣстъ содержанія приговоренныхъ къ наказанію. При господствующемъ нынѣ взглядѣ на наказанія, въ нихъ должно заключаться не одно только устрашеніе, но и средство къ исправленію преступника. Главными способами къ достиженію послѣдней цѣли должны служить: разобщеніе преступниковъ и организація ихъ труда. Между тѣмъ, и то и другое требуетъ особо-приспособленныхъ для этой цѣли мѣстъ заключенія.

Въ предполагаемыхъ къ устройству военныхъ тюрьмахъ будутъ находиться для каждой категоріи преступниковъ особыя мѣста заключенія. Арестанты будутъ разобщаемы и въ самой тюрьмѣ посредствомъ келейнаго заключенія по ночамъ, и обязательнаго молчанія при совмѣстныхъ занятіяхъ въ теченіе дня. Предполагается также устранить внѣшнія валовыя работы изъ круга обыкновенныхъ арестантскихъ занятій, употребляя заключенныхъ единственно на работы въ мастерскихъ, устроенныхъ въ самой тюрьмѣ. Арестанты будутъ раздѣлены на разряды испытуемыхъ и исправляющихся, при чемъ каждый разрядъ будетъ содержимъ особо, съ допущеніемъ нѣкоторыхъ облегченій для исправляющихся.

Digitized by Google

Приведеніе въ исполненіе всѣхъ этихъ предположеній, основанныхъ на началахъ безусловной пенитенціарной системы, потребуетъ весьма значительныхъ расходовъ, а именно: ежегоднаго отпуска дополнительныхъ 78,000 рублей въ годъ и — что еще важнѣе — единовременной издержки отъ 7 и до 8 мильоновъ рублей на возведеніе новыхъ тюремныхъ зданій для 5,000 человѣкъ. Въ виду этихъ громадныхъ расходовъ, комитетъ, занимавшійся разсмотрѣніемъ вопроса объ устройствѣ военныхъ тюремъ, пришелъ къ тому заключенію, что, при настоящихъ финансовыхъ средствахъ государства, нельзя надѣяться на скорое возведеніе у насъ необходимаго числа тюремъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ, считая немедленное улучшеніе въ порядкѣ содержанія преступниковъ, принадлежащихъ къ военному вѣдомству, предметомъ первостепенной важности, нетерпящимъ отлагательства, предложилъ принять временныя мѣры, которыя заключались бы въ примѣненіи началъ пенитенціарнаго заключенія, на сколько это возможно, къ нынѣ существующимъ мѣстамъ заключенія преступниковъ изъ военнаго званія. Эти мѣры потребуютъ увеличенія на содержаніе тюремныхъ управленій около 17,500 рублей въ годъ, и единовременнаго отпуска отъ 250 до 300 тысячъ рублей на приспособленіе нынѣ существующихъ арестантскихъ помѣщеній къ новымъ потребностямъ. Приспособленіе это можетъ быть исполнено въ два года.

Такимъ образомъ, полное осуществленіе всѣхъ предположеній по военно-судебной части въ сухопутномъ вѣдомствѣ не послѣдуетъ еще такъ скоро. Хотя въ этомъ и заключаются своего рода невыгоды, но во всякомъ случаѣ, замедленіе этого дѣла въ видахъ государственной бережливости, столь необходимой въ нынѣшнюю пору, избавитъ государство отъ усиленныхъ тратъ по военному вѣдомству, требующему и безъ того значительной части тѣхъ денежныхъ средствъ, которыми можетъ располагать правительство.

Что же касается судебной реформы по морскому вѣдомству, то здѣсь представляется этотъ вопросъ при другихъ условіяхъ, истекающихъ изъ сущности морской службы.

12-го августа 1863 года, было объявлено по морскому вѣдомству о принятіи въ руководство «Положенія объ охраненіи воинской дисциплины, и о взысканіяхъ дисциплинарныхъ», за исключеніемъ содержащихся въ этомъ «Положеніи» правилъ о судѣ общества офицеровъ. Затѣмъ, для измѣненія редакціи статей положеній сообразно тѣмъ терминамъ, которые существуютъ во флотѣ, и согласно власти, принадлежащей въ морскомъ вѣдомствѣ разнымъ начальствующимъ лицамъ, учреждена была особая комисія, которой было также поручено опредѣлить тѣ особые виды взысканій, которые должны быть употребляемы во время плаванія.

Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ, относящихся къ этому дѣлу. Замѣтимъ только, что запрещеніе съѣзда на берегъ, арестъ въ каютѣ съ приставленіемъ часоваго, посаженіе гардемариновъ и кондукторовъ на салингъ замѣняютъ болѣе или менѣе продолжительную степень береговаго ареста. Удержать послѣдній

Digitized by Google

видъ дисциплинарнаго взысканія, имѣющій въ сущности характеръ тѣлеснаго наказанія, признано полезнымъ, согласно установившемуся во флотѣ взгляду на этотъ родъ наказанія, съ тѣмъ однако, чтобъ оно не сопровождалось физическимъ истомленіемъ. Къ особымъ видамъ взысканій во флотѣ, принадлежитъ списываніе на берегъ. Съ этимъ наказаніемъ соединяется нѣкоторая потеря служебныхъ правъ для офицеровъ, гардемариновъ и юнкеровъ. Для нижнихъ же чиновъ, находящихся въ разрядѣ штрафованныхъ, допущено тѣлесное наказаніе нетолько розгами, но и леньками. Но при этомъ, для предупрежденія различныхъ случайностей на судахъ, могущихъ быть вслѣдствіе горячности командира, принято изъ англійскаго морскаго кодекса правило, чтобы тѣлесное наказаніе, во время плаванія, исполнялось по прошествіи нѣкотораго времени послѣ его назначенія.

Относительно суда общества офицеровъ пришли во флотѣ къ тому заключенію, что по неимѣнію ничего общаго между внутреннимъ составомъ командъ морскаго вѣдомства и полковъ, а также батальоновъ арміи, нѣтъ никакой возможности примѣнить съ пользою къ флотскимъ экипажамъ и другимъ морскимъ командамъ положеніе о судѣ общества офицеровъ на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ установленъ этотъ судъ по сухопутному вѣдомству. Но, вмѣстѣ съ этимъ, признано возможнымъ допустить обсужденіе поступковъ, неприличныхъ званію офицеровъ, въ главныхъ портахъ, въ общихъ собраніяхъ флагмановъ и капитановъ, при участіи посредниковъ, избранныхъ офицерами для разбора дѣлъ о предосудительномъ поведеніи ихъ товарищей по службѣ.

Мы видѣли, что комисія, составлявшая проектъ преобразованія по военно-судной части сухопутнаго вѣдомства, признала пользу келейнаго заключенія. Между тѣмъ комисія морскаго вѣдомства, разсуждавшая объ этомъ предметѣ, въ виду противорѣчивыхъ мнѣній о послѣдствіяхъ келейнаго заключенія и за неимѣніемъ точныхъ статистическихъ данныхъ, необходимымъ для разрѣшенія возникающихъ при этомъ вопросовъ и сомнѣній, не признала возможнымъ высказать какое-либо рѣшительное мнѣніе о могущемъ быть у насъ вредѣ или пользѣ отъ системы келейнаго заключенія. Она совершенно справедливо замѣтила, что этотъ вопросъ представляетъ особенную важность нетолько для морскаго вѣдомства, но и для всего государства, и что подобныя мѣры едва-ли могутъ быть предпринимаемы съ пользою безъ обсужденія ихъ въ законодательномъ порядкѣ въ связи со всею системою наказаній уголовныхъ и исправительныхъ. Къ такому убѣжденію комисія склонилась также и вслѣдствіе отзыва министра внутреннихъ дѣлъ о томъ, что при предстоящей по гражданскому вѣдомству общей реформѣ нашихъ тюремъ, едва-ли возможно будетъ ввести эту систему во всемъ ея объемѣ за недостаткомъ необходимыхъ для этого, весьма значительныхъ денежныхъ средствъ. Но зато комисія морскаго вѣдомства приняла съ полнымъ сочувствіемъ введеніе въ тюрьмахъ обязательныхъ для арестантовъ работъ.

Digitized by Google

Независимо отъ этихъ преобразованій, какъ въ морскомъ, такъ и въ военно-сухопутномъ вѣдомствѣ ощущается потребность скорѣйшаго изданія новаго уголовнаго устава. Для изготовленія проекта по отдѣлу о преступленіяхъ морскихъ, была составлена особая комиссія, которая признала, что такъ-какъ проектъ воинскаго устава о наказаніяхъ долженъ имѣть обязательную силу и для морскаго вѣдомства, то комиссіи остается только проектировать постановленія о наказаніяхъ за такіе лишь проступки и преступленія, которые могутъ происходить исключительно въ условіяхъ военно-морской жизни и не имѣютъ общности съ нарушеніями порядка и спокойствія, могущими случаться въ военно-сухопутномъ вѣдомствѣ.

Что же касается устава военно-морскаго судопроизводства, то основныя положенія, относящіяся къ этому по военному вѣдомству, будутъ имѣть обязательную силу для морскаго только при производствѣ суда на берегу; касательно же состава и отправленія суда во время морскихъ кампаній будутъ изданы особыя правила.

ОБОЗРѢНІЕ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

О церковномъ законодательствѣ. — Въ извлекаемой нами по этому предмету статьѣ «Христіанскаго чтенія» (№ 4) содержится изслѣдованіе о пространствѣ и существѣ законодательной власти въ дѣлахъ церкви. Послѣ Іисуса Христа первыми законодателями церкви были апостолы, властію которыхъ установлены, какъ общіе законы всей церкви, такъ и подробныя, положительныя правила относительно священнодѣйствія, церковнаго управленія и жизни самаго общества христіанъ. Отъ апостоловъ власть эта наслѣдована и сохранена въ церкви непрерывнымъ преемствомъ священноначалія; такъ, правила соборныя и отеческія, продолженіе всѣхъ вѣковъ христіанства, исходили отъ власти, сохраняемой въ церковномъ священноначаліи.

Власть эта, разсматриваемая на точныхъ основаніяхъ церковнаго права, представляетъ слѣдующія особенности:

Апостолы и впослѣдствіи св. отцы, дѣйствуя законодательною властію, представляли дѣйствующими не столько себя самихъ или свою личную власть, сколько самого божественнаго духа, присущаго церкви, а себя и свою власть только орудіями его воли. Поэтому апостолы и св. отцы даже и говорили въ своихъ правилахъ не прямо отъ своего лица, а именемъ св. духа. Такъ, на іерусалимскомъ соборѣ, отмѣняя ветхозавѣтный обрядовый законъ, апостолы говорили: *изволися духу святому и намъ* (Дѣян. 15, 22). Подобную же силу имѣли выраженія всемірскихъ

Digitized by Google

соборовъ въ своихъ опредѣленіяхъ: *благодатію Божіею опредѣлихомъ* и т. п.

Но воля и сила св. духа, приписываемая законодательной власти въ церкви, не безотносительно приписывается ей, не относится и къ личному авторитету лицъ законодательствующихъ, а присвоется, вопервыхъ, церкви въ ея всецѣломъ составѣ, а вовторыхъ, таинству священства, съ которымъ соединяется особенная благодать духа. Такимъ образомъ, сами апостолы, совмѣстно съ выраженіемъ своего законодательства: *изволися духу святому и намъ*, употребляли и такое выраженіе, какъ равносильное: *изволися апостоломъ со всею церковію*. Вселенскіе соборы свои узаконенія выражали такъ: *послѣдующе св. отцамъ нашимъ и кафолической церкви со всякою достовѣрностію опредѣлихомъ*... Съ другой стороны — законодательная власть въ церкви изначала, отъ апостоловъ, принадлежала и всегда неизмѣнно приписывалась только церковной іерархіи, въ высшихъ ея степенахъ, именно въ санѣ епископскомъ.

По ученію православной церкви, законодательная власть не принадлежитъ во всей церкви никому исключительно, то-есть одному какому либо лицу, хотя бы и высшему іерарху; потому что, какъ не можетъ быть видимой, единоличной главы церкви, такъ никакое лицо, отдѣльно взятое, не можетъ столько возвышаться надъ всею церковью, чтобы всей церкви предписывать отъ себя законы; не можетъ, естественно, быть и столько непогрѣшительно, чтобы давать церкви непогрѣшимые законы, какихъ требуетъ чистота и святость церкви и самая высота предметовъ законодательства. Таковы всегда были мысли св. отцовъ. Противъ притязаній римскихъ папъ на всемірное законодательство св. отцы говорили: «кто повѣритъ, что Богъ можетъ единому кому либо вдохнуть всю правоту суда, и множеству священныхъ лицъ, собравшихся на соборъ, откажетъ въ томъ?» (Посл. Карѳаген. собор. къ папѣ Целестину). По правиламъ католической церкви, напротивъ, вся власть нераздѣльно принадлежитъ папѣ, который управляетъ дѣлами церкви аутократически. Въ этой разницѣ, между прочимъ, заключается истинность православнаго законоположенія предъ римскимъ порядкомъ.

Такимъ образомъ, законодательство въ церкви по преимуществу принадлежитъ власти соборной. Такъ дѣйствовала и сама власть апостольская: изволися апостоломъ и старцемъ со всею церковію. Таковы и положительныя правила церкви. Апостольское правило говоритъ: «да бываетъ соборъ епископовъ и да разсуждаютъ они другъ съ другомъ о правилахъ благочестія». Соборы африканской церкви такъ разсуждали: «благостію св. духа правда іереями христовыми и зрится разумно и содержится твердо, а наипаче, когда каждому, аще настоитъ сомнѣніе о справедливости дѣла, позволено приступати къ соборамъ цѣлой области, и даже къ вселенскому собору».

Если же въ древнемъ церковномъ канонѣ и находятся прави-

Digitized by Google

ла, изложенныя тѣмъ или другимъ изъ отцовъ церкви, какъ напримѣръ, правила Василія-Великаго, Григорія Неокесарійскаго и др., то потому, что первоначально они писали свои правила только въ видѣ рѣшеній на частные случаи, потомъ передавали свои рѣшенія на усмотрѣніе другихъ пастырей, и наконецъ, правила ихъ неиначе получали силу закона для всей церкви, какъ по утвержденіи вселенскими соборами. Такъ именно правила отцовъ, принятыя во вселенскій каноиъ, были разсмотрѣны и утверждены VI вселенскимъ соборомъ, а за нимъ снова подтверждены VII вселенскимъ.

Отношенія власти церковной къ власти гражданской опредѣляются тѣмъ, что древніе соборы признали право гражданской власти въ дѣлахъ церкви вселенской. Признаніе это выражалось или въ томъ, что самые соборы принимали указанія этой власти въ порядкѣ церковнаго управленія и сообразно съ ними полагали свои правила; такъ вселенскій VI соборъ, приступая къ изложенію правилъ относительно жизни священнослужителей, говоритъ: «благочестивый и христолюбивый царь нашъ *предложилъ* сему святому и вселенскому собору и т. д.»; или же соборы принимали въ составъ церковныхъ законовъ прямыя и положительныя постановленія гражданской власти, разумѣется согласныя съ основными канонами самой церкви и непротивныя духу ея. Такъ напр., вселенскій IV соборъ принялъ, какъ законы, рѣшенія императора Маркіана, чтобы духовныя лица не входили въ гражданскія дѣла, чтобы не брали на откупъ чужихъ имѣній и пр., чтобы монашествующіе не проживали внѣ монастырей, въ городахъ и др. Соборы африканскіе въ своихъ опредѣленіяхъ часто выражаютъ: «подобаетъ просити благочестивѣйшихъ царей, да благоволятъ узаконити...» Сущность отношеній царской власти къ церкви соборъ карѳагенскій, котораго сужденія приняты и вселенскими соборами, изображаетъ такъ: «царскому человѣколюбію предлежитъ попещися, чтобы каѳолическая церковь, благочестною утробою Христу ихъ родившая и крѣпостію вѣры воспитавшая, была ограждена ихъ промышленіемъ; дабы въ благочестивыя ихъ времена, дерзновенные человѣки не возгосподствовали надъ безсильнымъ народомъ, посредствомъ нѣкоего страха, когда не могутъ совратить оный посредствомъ убѣжденія. Итакъ мы просимъ о томъ, да неукоснительно подастся охраненіе каѳолической церкви въ каждомъ градѣ и разныхъ мѣстахъ, прилежащихъ къ каждому владѣнію. Притомъ да повелѣетъ подтвердити законъ съ распространеніемъ силы его на тѣхъ противу навѣтовъ коихъ представили свидѣтельства пріявшіе попеченіе о каѳолической церкви, дабы по крайней мѣрѣ, симъ страхомъ, отъ произведенія расколовъ и отъ еретическаго безумія удержаны были отлагающіе свое очищеніе и исправленіе. Еще о томъ подобаетъ просити, да будетъ благочестіемъ ихъ возобновленъ донынѣ существующій законъ, который отъемлетъ у еретиковъ право взимати что либо, или оставляти» (Карѳ. прав. 104).

Digitized by Google

И въ отношеніяхъ къ государственной власти, православная церковь, какъ мы видимъ, сохранила и донынѣ порядокъ, утвержденный древними соборами, римская же церковь соединила въ своемъ первосвященникѣ нераздѣльно обѣ власти, и церковную и государственную, хотя въ тѣсныхъ предѣлахъ одной области. Протестантская церковь, преимущественно въ Америкѣ и Швейцаріи, какъ извѣстно, поставила себя совершенно независимо отъ государственной власти. Но во всякомъ случаѣ, какъ мы думаемъ, было бы ошибочно признавать неизмѣнность отношеній церкви къ государству, установленныхъ въ древнѣйшія времена, потому что государственная власть никогда не была подчинена церковному законодательству, слѣдовательно отъ этой власти, какъ свободной, зависѣло всегда и зависитъ нынѣ опредѣлить отношенія государства къ церкви. Этимъ, по нашему мнѣнію, объясняется различіе отношеній церкви къ государству, въ христіанскихъ странахъ.

Пространство законодательной власти въ церкви ограничивается слѣдующими предѣлами:

Основное законоположеніе православно-каѳолической церкви относительно ученія вѣры, священныхъ тайнодѣйствій и внутренняго, то-есть собственно духовнаго управленія церкви, уже составлено, опредѣлено и утверждено на основаніи, положенномъ отъ самаго Іисуса Христа — первоначально апостолами, потомъ вселенскими и помѣстными соборами и древними отцами и учителями православными. Это законоположеніе, какъ основное, вселенское, должно быть неизмѣнно и для всѣхъ послѣдующихъ узаконеній въ церкви, должно служить основою, образцомъ и предѣломъ. Затѣмъ, законодательная церковная власть, въ настоящихъ ея предѣлахъ, заключаетъ въ себѣ только слѣдующія права: охранять цѣлость, чистоту и единство основнаго законоположенія вселенской церкви; распространить и развивать это основное законоположеніе, то-есть раскрывать его смыслъ, опредѣлять его примѣненіе къ дѣламъ церкви, развивать въ подробнѣйшихъ узаконеніяхъ, потребныхъ по мѣсту и времени. Неизмѣнность основнаго законоположенія не исключаетъ, однако, права изданія новыхъ постановленій по нуждамъ церкви, такъ-какъ церковь сама по себѣ есть тѣло живое, которое въ своемъ возростаніи во всякое время можетъ имѣть нужду въ новыхъ правилахъ по разнымъ сторонамъ своего благоустройства. Но вообще новыя узаконенія должны возникать не иначе, какъ утверждаясь на основномъ ея законоположеніи, въ его духѣ и границахъ. Такимъ образомъ, послѣ вселенскихъ соборовъ возникли правила двухъ помѣстныхъ соборовъ константинопольскихъ (861 и 879 г.). Затѣмъ, были составлены правила еще многими греческими пастырями и мѣстными синодами цареградскими, которыя получили свою законную силу и дѣйствіе въ восточной церкви, хотя и не вошли въ общій церковный законъ.

Нельзя не сожалѣть, что въ названной нами статьѣ не со-

Digitized by Google

держится исчисленія и указанія правилъ, возникшихъ помимо соборовъ и невошедшихъ въ общій церковный законъ, а получившихъ свое дѣйствіе лишь въ восточной церкви.

Помѣстныя церкви, какъ части вселенской церкви, имѣютъ на общихъ основаніяхъ свое частное право законодательства, въ предѣлахъ своего помѣстнаго управленія, но законодательство помѣстное получаетъ тогда только каноническое достоинство, когда утверждается на общихъ законахъ вселенской церкви, когда законы исходятъ чрезъ церковное священноначаліе. Въ древности правила помѣстныхъ церквей подвергались пересмотру, утвержденію и исправленію вселенскихъ соборовъ. Время и преданіе, обратившія въ постоянные обычаи всей церкви законы частныхъ церквей, получаютъ всеобщую каноническую важность, и не различаются относительно христіанъ отъ общихъ постановленій церкви.

Въ первые вѣка христіанства, помѣстныя церкви, по уважительнымъ причинамъ, въ нуждахъ времени и въ условіяхъ своего мѣстнаго устройства, допускали для себя нѣкоторыя изъятія изъ общихъ правилъ и постановленій, касавшихся впрочемъ только частныхъ сторонъ въ правилахъ, а не общаго содержанія ихъ, внѣшняго примѣненія ихъ, а не внутренней силы, только формъ церковной администраціи, а не сущности ея предметовъ. Изъятія эти основывались на томъ, что вселенскіе соборы, въ своихъ правилахъ мѣстнаго управленія церквей, говорили: «всякая церковь да сохраняетъ въ чистотѣ и безъ стѣсненія изначала принадлежащія ей права, по обычаямъ, издревле утвердившимся». Что же касается предметовъ догматическихъ, священно-таинственныхъ, богослужебныхъ, духовно-нравственныхъ, то вселенская церковь строго охраняла ихъ въ помѣстныхъ церквахъ, даже до самыхъ малыхъ подробностей.

Источники церковнаго законодательства раздѣляются на два рода: 1) источники общіе, принадлежащіе всей церкви, и 2) частные, дѣйствующіе только въ церквахъ помѣстныхъ. Къ первымъ относятся: законъ божій въ св. писаніи изложенный, каноны или правила апостоловъ, соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, утвержденныхъ вселенскими — и правила св. отцовъ, преданія церковныя, сохранившіяся въ церкви, въ разныхъ церковныхъ уставахъ, чинопослѣдованіяхъ, обычаяхъ и проч., древніе номоканоны, собственно церковные и церковно-гражданскіе, возникшіе въ связи съ постановленіями государей по дѣламъ церкви. Кромѣ этихъ общихъ источниковъ, по разнымъ частнымъ церквамъ дѣйствуютъ мѣстные источники, какъ напримѣръ: въ древнихъ восточныхъ церквахъ—опредѣленія патріаршихъ синодовъ, въ римской церкви — папскіе декреты, въ русской — духовный регламентъ, указы нашихъ царей, опредѣленія синода и проч.

Настоящая статья имѣетъ въ виду лишь одни общіе источники, излагая исторически, какъ опредѣлить начала церковнаго законодательства.

Церковное законодательство составляютъ разные роды и виды

Digitized by Google

законовъ, смотря, вонервыхъ, по предметамъ, какихъ они касаются, вовторыхъ — по внутреннему значенію и по пространству дѣйствія ихъ, и втретьихъ — по формѣ, въ какой они издаются.

По предметамъ содержанія, между церковными законами различаются: 1) законы догматическіе, 2) законы правительственные, или правила внутренняго церковнаго управленія, и 3) законы внѣшняго благочинія. Всѣ эти законы суть положительные. Къ нимъ присоединяются: законы охранительные, ограждающіе ихъ силу и дѣйствіе и предупреждающіе нарушеніе ихъ; законы судные, которыми открывается, преслѣдуется и наказывается нарушеніе церковныхъ законовъ.

По внутреннему значенію своему, церковные законы вообще опредѣляютъ права церкви и обязанности членовъ ея. По пространству дѣйствія, церковные законы раздѣляются на общіе, принадлежащіе всей церкви, и частные, относящіеся къ той или другой части управленія; первые имѣютъ видъ учрежденій, когда опредѣляютъ составъ и порядокъ самыхъ властей, лицъ и мѣстъ, дѣйствующихъ въ управленіи церкви, таково, напримѣръ, учрежденіе въ церкви вселенской—іерархія, въ церкви помѣстной—синодъ. Частные же законы существуютъ подъ видомъ уставовъ.

Въ отношеніи къ формѣ, церковные законы издавались въ видѣ символовъ или законовъ, вѣры и каноновъ или отдѣльныхъ постановленій. Но законы церковнаго управленія, особенно общіе и основные, не всегда были вносимы въ письмена, и многіе сохранились чрезъ преданіе въ самой практикѣ, какъ напримѣръ, учрежденіе и порядокъ самой церковной іерархіи. Къ числу каноновъ причисляются также посланія, отвѣты и опредѣленія частныхъ соборовъ восточной церкви. Постановленія гражданской власти о предметахъ и дѣлахъ церковныхъ, являлись въ древнія времена въ формѣ и подъ именемъ эдиктовъ, типовъ, новеллъ, буллъ; рѣшенія по текущимъ дѣламъ церковнаго управленія имѣютъ форму опредѣленій, предписаній и указовъ.

Предѣлъ дѣйствія церковныхъ законовъ, или точнѣе—предѣлъ времени, до котораго обязательная сила ихъ простирается и которымъ оканчивается, можетъ зависѣть: отъ власти законодательной, отъ свойства самыхъ законовъ и отъ разныхъ обстоятельствъ, сопровождающихъ ихъ дѣйствіе.

Такимъ образомъ законъ теряетъ свою силу, когда высшею властію, или по крайней-мѣрѣ равною той, которая положила этотъ законъ, онъ отмѣняется—такъ соборы вселенскіе отмѣняли постановленія прежнихъ вселенскихъ или помѣстныхъ соборовъ—когда сама законодательная власть въ своемъ постановленіи выражаетъ предѣлъ времени или условія для дѣйствія законовъ, и когда эти условія минуютъ; когда самые предметы, на которые данъ законъ, выходятъ по обстоятельствамъ изъ-подъ власти законодательной, и слѣдовательно изъ-подъ вліянія постановленныхъ ею правилъ. Такъ, напримѣръ, въ первые вѣка, когда церковь управлялась отдѣльно отъ гражданскаго (языческаго) общества,

Digitized by Google

и управляла нетолько духовною, религіозною жизнію христіанъ, но и общественною, тогда и преступленія нетолько духовныя, но и общественныя, церковь судила по своимъ законамъ, и судъ ея, сопровождаемый духовными наказаніями (отлученіемъ), имѣлъ общественное значеніе, какъ, напримѣръ, исключеніе изъ внѣшняго общества христіанъ. Но когда церковь соединилась въ одно общество съ государствомъ, то общественныя дѣла христіанъ, даже и нравственныя преступленія, большею частію перешли къ суду гражданскому, который сталъ судить ихъ по гражданскимъ законамъ, почему правила церковнаго суда отнесены уже только къ совѣсти людей, а гражданской жизни уже не стали касаться. Сила законовъ теряется также, когда правило, основанное на обычаѣ или практикѣ извѣстнаго времени, не удовлетворяетъ усилившимся потребностямъ другаго времени, которыя по своей важности и неизбѣжности требуютъ новаго правила; напр. въ древніе вѣка христіанства допускалось, что предстоятели церквей (епископы) жили въ супружествѣ, и тогда, сообразно этому обычаю, было положено правило; но когда, съ теченіемъ времени, открывшіяся важныя нужды и обстоятельства церкви потребовали строжайшихъ постановленій и уже усилился противоположный обычай, что епископы избирались наибольшею частію изъ безбрачныхъ, то VI вселенскій соборъ, утвердивъ этотъ обычай, обратилъ въ постоянное для церкви правило, чтобы епископы всегда были внѣ супружества. Когда перемѣняются взаимныя отношенія лицъ, обязанныхъ взаимно извѣстными законами, или когда, съ перемѣною обстоятельствъ, измѣняется кругъ дѣйствій и обязанностей ихъ, тогда сообразно тому измѣняется и обязательная сила прежнихъ законовъ. Такъ при нынѣшнемъ значеніи митрополитовъ въ Россіи, не имѣютъ приложенія древнія правила объ отношеніи къ митрополитамъ епархіальныхъ епископовъ. Вообще когда перемѣняются обстоятельства времени, мѣста, и болѣе или менѣе измѣняется все состояніе церкви, тогда естественно измѣняется болѣе или менѣе обязательная сила тѣхъ законовъ, которые въ своемъ происхожденіи и въ силѣ связаны были съ прежними обстоятельствами. Въ этомъ отношеніи на одни и тѣ же (частные) предметы могутъ встрѣчаться разныя правила, какъ дѣйствительно и видимъ въ самой древности. Но перемѣна обстоятельствъ или измѣненіе въ состояніи самой церкви предполагается здѣсь независимо отъ перемѣнчивыхъ идей и стремленій людей, отъ духа времени, и даже отъ одной воли церковной власти: такія начала были бы слишкомъ недостаточны и неуважительны для перемѣнъ въ церковныхъ законахъ. Церковь не можетъ и не должна быть зависима въ своихъ законахъ отъ такихъ шаткихъ началъ. Требовать перемѣны въ ея правилахъ могутъ только такія обстоятельства и измѣненія въ состояніи ея, которыя не отъ-внѣ, а извнутри ея возникаютъ, изъ ея духовныхъ потребностей, изъ ея собственной, развивающейся въ мірѣ жизни, изъ разнообразя-

Digitized by Google

щихся по разнымъ мѣстамъ и временамъ условій ея внутренняго преуспѣянія и внѣшняго благосостоянія.

Но измѣняемость въ законахъ не относится къ существеннымъ основаніямъ вѣры, принятымъ церковью какъ прямые законы, непререкаемые и безусловно обязательные. Таковы, напр., основные законы христіанской церкви: объ исповѣданіи единаго божества въ трехъ лицахъ, о совершеніи крещенія во имя Отца и сына и св. духа, о совершеніи таинства евхаристіи подъ двумя видами тѣла и крови Христовой, и проч.

Сдѣланное нами краткое извлеченіе изъ изслѣдованія о церковномъ законодательствѣ указываетъ на основанія, сущность, порядокъ и форму церковныхъ законоположеній. Предметъ этотъ, кажется, имѣетъ полное право на вниманіе серьёзныхъ людей, желающихъ ознакомиться съ основными началами нашего церковнаго устройства. Надо замѣтить, что церковные законы гораздо менѣе распространены въ средѣ нашего общества, чѣмъ законы государственные, несмотря на свою важность и обязательную силу для всякаго изъ православныхъ членовъ общества. Но отнуда общество почерпнетъ знаніе законовъ отечественной церкви? Духовная литература наша покуда не представляетъ еще ни одного сочиненія, доступнаго большинству просвѣщеннаго общества, для изученія законовъ нашей церкви и ихъ исторіи. Дѣлаемый обществу упрекъ за недостатокъ религіозности вполнѣ справедливъ; но недостатокъ этотъ зависитъ отъ крайней непопулярности и бѣдности духовно-литературныхъ произведеній.

Произведенія Закавказья для вывозной торговли. — Газета «Кавказъ» (въ №№ 40 и 41) сообщаетъ краткій обзоръ закавказскихъ произведеній для вывозной торговли, сдѣланный г. Зейдлицомъ, который, какъ видно, хорошо знакомъ съ естественными богатствами края, привлекавшаго въ древности предпріимчивыхъ чужеземцевъ — грековъ и генуэзцевъ, цѣнностью и обиліемъ продуктовъ, производимыхъ роскошной природой края. Авторъ надѣется, что въ ближайшей будущности кавказскій перешеекъ снова привлечетъ капиталы и дѣятелей, и снова возникнетъ эксплоатація этого края, задержанная надолго опустошительными набѣгами среднеазійскихъ ордъ, откочевавшихъ нынѣ и нестрашныхъ болѣе для мирной дѣятельности и водворенія спокойствія и безопасности. Главнымъ условіемъ этой перемѣны, по мнѣнію автора, должна быть закавказская желѣзная дорога и направленіе р. Аму-Дарьи на старое русло, то-есть въ Балхинскій Заливъ Каспійскаго Моря *. Дорога эта будетъ торговымъ путемъ изъ центра Европы въ Среднюю Азію черезъ Кавказъ и соединитъ Понтъ съ Каспіемъ,

* Объ этомъ было уже говорено подробно въ нашемъ журналѣ 1865 г., № 2. Что же касается закавказской желѣзной дороги, то, по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, сооруженіе дороги разрѣшено уже правительствомъ, на что и отпущена потребная сумма.

Digitized by Google

откуда плоскодонные пароходы легче и быстрѣе аральской флотиліи должны сманять туркменовъ, хивинцевъ, бухарцевъ и коканцевъ и привлечь въ себѣ торговлю Индіи и Китая. Но мысль объ этой дорогѣ (уже не новая) не составляетъ главной задачи г. Зейдлица, который въ своей статьѣ исчисляетъ данныя, показывающія настоящее значѣніе кавказскихъ произведеній, преимущественно въ отношеніи вывоза ихъ въ Западную Европу.

Въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, европейская промышленость привлечена въ Закавказье вслѣдствіе болѣзни шелковичныхъ червей, давно свирѣпствующей по всему прибрежью Средиземнаго Моря. Французы, итальянцы и нѣмцы, наперерывъ, цѣлыми толпами прибывали въ край и съ необыкновеннымъ усердіемъ принялись за изслѣдованіе его естественныхъ богатствъ. Въ минувшемъ 1864 г. число иностранцевъ-изслѣдователей и промышленниковъ доходило до 300.

Отпускная торговля такъ же важна для народнаго богатства, какъ и самое производство; кромѣ того для Россіи торговля эта имѣетъ и спеціально-финансовое значеніе, слѣдовательно, значеніе по преимуществу политическое. Поэтому мы считаемъ себя обязанными коснуться статистическихъ подробностей настоящей статьи, представляющей кавказскій край новымъ источникомъ для русской отпускной торговли—источникомъ, имѣющимъ во всякомъ случаѣ несомнѣнную и близкую будущность, особенно если, какъ это представляется уже живымъ фактомъ, иностранцы, въ виду своихъ собственныхъ интересовъ, укажутъ намъ на предметы нашего богатства и вызовутъ со стороны мѣстныхъ производителей энергію и желаніе ознакомиться съ усовершенствованными способами воздѣлыванія тѣхъ многоцѣнныхъ продуктовъ, которые производитъ природа Кавказа.

Слѣдуемъ за авторомъ въ исчисленіи произведеній:

1) *Шелкъ* занимаетъ первое мѣсто въ ряду прядильныхъ матеріаловъ, производимыхъ на Кавказѣ и за Кавказомъ, гдѣ количество коконовъ годъ отъ году увеличивается. Прежде, именно лѣтъ 15 назадъ, количество шелка, добываемаго на Кавказѣ и за Кавказомъ, составляло 36,000 пуд.; теперь же, по обилію тутовицъ, можетъ достигнуть до 50,000 пуд., подъ вліяніемъ значительнаго требованія иностранцевъ на коконы и ввозимыхъ за нихъ съ 1857 г. капиталовъ. Иностранцамъ удалось—присовокупляетъ авторъ—въ короткое время осуществить то, что правительство и щедро-поощряемое имъ общество шелководства не успѣло достигнуть въ срокъ несравненно болѣе долгій. Дѣйствія ихъ имѣли прямымъ слѣдствіемъ уничтоженіе нѣкоторыхъ старыхъ предразсудковъ туземцевъ, вредное вліяніе которыхъ отражалось на доброкачественности закавказскихъ коконовъ. Вслѣдствіе вывоза шелка въ сыромъ видѣ, изготовленіе туземныхъ шелковыхъ матерій начало приходить быстро въ упадокъ; но объ этомъ, конечно, сожалѣть нельзя, потому что мѣстнымъ фабрикантамъ нельзя соперничать съ Лиономъ. Въ послѣднее время вывезено

Digitized by Google

много дырявыхъ коконовъ, получавшихся при изготовленіи сбываемыхъ во Францію и Италію сѣмянъ. Этотъ предметъ отпускной торговли принялъ послѣ 1847 г. до того обширные размѣры, что въ 1863 г. его вывезено было до 3,000 пуд. на сумму до 1.200,000 руб., считая фунтъ по 10 руб.; но цѣны, поднятыя иностранцами на живые коконы для изготовленія яичекъ, оказали немаловажное противодѣйствіе правильному и успѣшному ходу размотки шелка-сырца, и правительство, вслѣдствіе поступившихъ отъ мотальщиковъ жалобъ, обложило вывозъ яичекъ пошлиною въ 2 р. за фунтъ. Наибольшая филатурная фабрика, имѣющая до 800 мотовилъ, приводимыхъ отчасти въ движеніе паромъ, принадлежитъ московскимъ купцамъ В. Алексѣеву и братьямъ П. и П. Ворониными; на этой филатурѣ размотывается шелка на сумму до 800,000 р.

2) *Хлопчатая бумага.* Война въ Америкѣ вызвала усиленное производство хлопка на Кавказѣ. Несмотря на то, что воздѣлываніе хлопчатника извѣстно съ древнѣйшихъ временъ въ Арменіи, оно въ настоящее время, безъ американской войны, продолжало бы занимать весьма невидное мѣсто. Но если внезапное и искусственное возвышеніе цѣнъ на хлопчатую бумагу не успѣетъ поддержать усилившагося распространенія хлопка на Кавказѣ, то надежда на этотъ продуктъ остается еще впереди. Въ 1863 г. вывезено было черезъ Тифлисъ въ Москву, Англію и Францію до 150,000 пуд. хлопка.

3) *Шерсть.* Возвышенныя плоскости Малаго Кавказа въ Тифлиской и Эриванской губерніяхъ, простирающіяся и по границамъ Турціи и Персіи, а равно и Дагестанъ, доставляютъ наибольшее количество шерсти, добываемой въ краѣ. Торговля этимъ продуктомъ главнымъ образомъ обязана кочующимъ племенамъ, сходящимся туда лѣтомъ со всѣхъ сторонъ для пастьбы своихъ стадъ. Собираемая ими шерсть цѣнится отъ $4^1/_2$ до 8 р. за пудъ, тогда какъ другіе сорта шерсти продаются только отъ $3^1/_2$ до 5 руб. за пудъ. Духоборы елисаветопольскаго уѣзда, снабженные правительствомъ, лѣтъ 10 назадъ, племенными баранами, производятъ шерсть отъ $7^1/_2$ до 9 руб., почти наравнѣ съ тонкой лезгинской шерстью, добывая впрочемъ только до 5,000 пуд.

4) *Козій пухъ и шерсть* добываются въ Дагестанѣ и въ Эриванской губерніи курдами, отъ разводимыхъ тамъ ангорскихъ козъ. Козья шерсть, еще невывозимая заграницу, продается на мѣстѣ отъ 16 до 20 руб. за пудъ.

5) *Красильныя растенія:* марена, шафранъ и сафлоръ не составляютъ еще предметовъ выгодной вывозной торговли; марена идетъ въ Москву, и, по причинѣ изобилія товара, понизилась въ цѣнѣ. Усиливающаяся въ Европѣ сухая дистилляція каменнаго угля, и сухая перегонка дерева, не обѣщаютъ марено водству хорошей будущности. Шафранъ кавказскій прежде цѣнился высоко въ Европѣ, но нынѣ, отъ небрежнаго и недобросовѣстнаго приготовленія его, почти вовсе не находитъ сбыта. Сафлоръ, обратившій

Digitized by Google

на себя вниманіе въ 1862 г. на лондонской выставкѣ своимъ высокимъ достоинствомъ, вовсе еще не вывозился изъ края.

6) *Персидскій порошокъ* собирается въ количествѣ до 5,000 пудовъ, цѣною отъ 5 до 12 руб. за пудъ; но обманъ въ приготовленіи его, въ послѣднее время, ослабилъ сбытъ заграницу; впрочемъ, для возстановленія кредита, купцы отправляютъ цвѣты этого растенія не въ видѣ порошка, а въ натуральномъ видѣ.

7) *Вино*. Кавказъ производитъ различнаго рода вина, почти неизвѣстныя въ Россіи, потому что всѣ они, благодаря винолюбію грузинъ и армянъ, потребляются на мѣстѣ. Одинъ Тифлисъ потребляетъ кавказскихъ винъ до мильона ведеръ. Но, конечно, при развитіи винодѣлія, вина могутъ составлять и предметъ вывозной торговли, по крайней-мѣрѣ въ Россію.

8) *Табакъ*. Каракзская степь и подобныя ей мѣстности, къ орошенію которыхъ приступлено въ послѣднее время, представляютъ всѣ условія для выгоднаго и обширнаго производства табака высшихъ сортовъ. Произведенные донынѣ опыты княземъ Андрониковымъ удались вполнѣ, и послужили примѣромъ для многихъ помѣщиковъ. Табакъ родится во многихъ уѣздахъ Тифлисской губерніи, а лучшій въ Мингреліи, Имеретіи и Кахетіи, гдѣ добыто въ 1864 г. до 10,000 пудовъ; нѣкоторые помѣщики отправляютъ табакъ въ Москву, которая, конечно, распространяетъ его подъ видомъ турецкаго. Въ Тифлисѣ кавказскій табакъ продается свыше 9 р. за пудъ.

9) *Лѣса* составляютъ богатѣйшій матеріалъ Кавказа, какъ по качеству, такъ и разнообразію породъ, изъ коихъ многія вовсе не встрѣчаются въ европейской флорѣ, какъ напримѣръ желѣзное дерево, каштанолистный дубъ, красивое дерево азадъ и др. Изъ Мингреліи и Имеретіи, благодаря близости моря, лѣса дѣлаются предметомъ сбыта въ Новороссійскій край, скудный лѣсомъ, и въ югозападную Европу.

10) *Минералы*, кроющіеся въ нѣдрахъ Кавказа, еще недостаточно изслѣдованы и оцѣнены; соль доставляетъ правительству дохода до 100,000 р. Нефть и горный воскъ, добываемые въ окрестностяхъ Баку, составляютъ также значительную откупную статью, приносящую до 60,000 р. ежегоднаго взноса. Производство нефти доходитъ до 350,000 пудовъ. Но главное минеральное богатство Кавказа—мѣдь, добываніе которой находится еще въ младенчествѣ.

Географическое положеніе Кавказа таково, что вывозная торговля для этого края будетъ весьма возможна, какъ-скоро возникнутъ пути сообщенія въ самомъ краѣ, направляясь къ восточному берегу Чернаго моря.

Всѣ произведенія Кавказа, какъ напримѣръ вино, табакъ, хлопокъ, шерсть, дерево, минералы, по своей цѣнности могутъ выдерживать даже и дорогіе пути, что въ особенности ручается за возможность вывоза.

Нѣтъ сомнѣнія, что Кавказъ, по своимъ климатическимъ усло-

Digitized by Google

климъ и географическому положенію, можетъ сдѣлаться для Россіи рогомъ изобилія, но когда — это вопросъ, на который едва-ли кто отвѣтитъ, не желая обольщаться несбыточными надеждами, и въ то же время не впадая въ скептицизмъ.

Пользуемся случаемъ замѣтить при этомъ, что мѣстная газета, изъ которой мы еще въ первый разъ нашли возможнымъ сдѣлать извлеченіе, во время полугода, не сообщаетъ никакихъ данныхъ о положеніи колонизаціи на свободныхъ земляхъ Кавказа, и о томъ, какія есть надежды на заселеніе Кавказа.

Столѣтняя война, конечно, наложила особую печать на цѣлый край, на обычаи и занятія населенія; теперь долженъ же быть какой-нибудь переломъ этого порядка, подъ вліяніемъ гражданскихъ идей, такъ широко развивающихся въ Россіи; поэтому естественно желать, чтобы газета «Кавказъ» не была такъ привычно-однообразна и скупа въ сообщеніи мѣстныхъ данныхъ, и по возможности давала бы понятія о послѣдствіяхъ перемѣнъ, совершившихся надъ краемъ.

Принадлежатъ ли великороссы къ арійскому племени? — Полякъ Духинскій изложилъ въ парижскомъ географическомъ обществѣ свой взглядъ на этнографію Россіи, по которому мы, великороссы, оказываемся не славянами, не арійцами, а туранцами, то-есть съ-родни китайцамъ и монголамъ. Что̀ такое этотъ туранизмъ, которымъ думаетъ польскій этнографъ заклеймить насъ, какъ печатью отверженія? А вотъ, что̀ такое: народы Европы, носители и двигатели ея настоящей цивилизаціи, принадлежатъ всѣ къ арійскому племени; по выводу, неизвѣстно на чемъ основанному, и измысленному едва-ли еще не во время восточной войны, только одному арійскому племени должно принадлежать господство, потому что оно одно призвано къ прогресу въ будущемъ; задача его — покорить и ассимилировать себѣ всѣ прочія племена человѣческія; къ этому племени принадлежатъ будто бы и поляки, и русскіе на югъ и на западъ отъ Днѣпра; великороссы же или, по польской номенклатурѣ, москали, московиты, населяющіе пространство на востокъ и сѣверъ отъ этой рѣки, принадлежатъ къ расѣ туранской, искони враждебной арійцамъ. Великороссовъ, потому, арійцы, въ силу всемірно-историческаго призванія своего, никакимъ образомъ не должны допускать до господства надъ какими либо отраслями своего племени (слѣдоват. и надъ поляками и надъ южно-западною Русью), должны, напротивъ, ради собственной безопасности, стараться ослаблять ихъ и сжить со свѣту. Вотъ къ какимъ послѣдствіямъ, надѣется г. Духинскій, приведетъ насъ его этнологическая система, если мы признаны будемъ за туранцевъ. Изслѣдованіе г. Духинскаго выслушано было равнодушно, несмотря на то, что многіе изъ ученыхъ членовъ парижскаго общества, знакомые съ этнографіей восточной Европы въ связи съ азіатскою, могли бы счесть себя обиженными выходкой, облеченной въ форму ученаго изслѣдованія, но

Digitized by Google

несогласной съ признанными уже положеніями науки. Впрочемъ, въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего удивительнаго, если вспомнить, что вообще Франція и французы протежируютъ полякамъ.

Мы извлекли эту замѣтку изъ помѣщенной въ Извѣстіяхъ нашего географическаго общества (№ 6) статьи, гдѣ, между прочимъ, приводятся слѣдующія опроверженія противъ принадлежности великороссовъ къ туранской расѣ: анатомисты и физіологи распознали въ нашемъ тѣлесномъ строеніи тотъ кавказскій типъ, который принадлежитъ и другимъ европейскимъ племенамъ; лингвисты находятъ въ нашей рѣчи тѣ звуки и тѣ этнологическія начала, по которымъ нельзя не признать насъ арійцами славянской отрасли; правда, по устройству черепа, Ретціусъ отнесъ насъ къ одному отдѣлу съ турками, лапландцами, самоѣдами, бурятами; но вѣдь ту же короткоголовость нашелъ онъ, между прочимъ, у персовъ и у всѣхъ славянъ; стало быть, если мы, по Ретціусу, можемъ быть отнесены къ туранцамъ, то не иначе, какъ вмѣстѣ со всѣми остальными славянами, въ томъ числѣ и съ поляками. Еще болѣе правда, что въ великорусскомъ нарѣчіи находится много татарскихъ словъ; но вѣдь извѣстно исторически, когда зашли къ намъ эти слова; въ языкѣ сербовъ и болгаръ, турецкихъ словъ еще болѣе, чѣмъ у насъ татарскихъ, и по той же причинѣ; но развѣ сербы и болгары утратили тѣмъ свое славянство? Въ такомъ случаѣ, не должны быть считаемы арійцами и испанцы, въ языкѣ которыхъ оставили такой глубокій слѣдъ семиты-арабы. Правда, наконецъ, и то, что въ нашей великорусской крови долженъ быть значительный процентъ крови финской, крови тѣхъ аборигеновъ, которыхъ нашли въ средней и сѣверной Россіи, населившія ее позже русскія колоніи славянскаго племени; но едва-ли не такой же процентъ финской крови найдется и во всѣхъ арійскихъ народахъ Европы, такъ-какъ финское племя составляло древнѣйшій историческій слой населенія нашей части свѣта, и всѣ арійцы, приходившіе сюда съ востока: пеласги, кельты, германцы, должны были необходимо мѣшаться съ этимъ племенемъ, на что имѣются и всѣмъ извѣстныя историческія свидѣтельства: баски, на границахъ Франціи и Испаніи, составляютъ доселѣ уцѣлѣвшій остатокъ этого древнѣйшаго населенія западной Европы.

Страннѣе всего въ стремленіи г. Духинскаго то, что онъ поднимаетъ вопросъ о туранизмѣ великороссовъ, когда въ устахъ великорусскаго населенія, самаго далекаго на сѣверѣ, въ олонецкомъ краю, оказались уцѣлѣвшими до нашихъ дней остатки такого арійскаго эпоса, передъ первобытнымъ міросозерцаніемъ котораго блѣднѣетъ, быть можетъ, древность индійскихъ ведъ.

О полярной экспедиціи. — Въ № 13 «Отеч. Зап.», говоря о проектѣ экспедиціи, предлагаемой г. Шиллингомъ, мы выразили желаніе, чтобы наше географическое общество выразило о ней свое мнѣніе. Въ вышедшемъ нынѣ № 6 «Извѣстій» общества, мы

Digitized by Google

находимъ это мнѣніе, и сообщаемъ его во всей неприкосновенности и красотѣ:

«Мы не станемъ — говоритъ общество — разбирать здѣсь предположенія барона Шиллинга (а почему бы и не разобрать?), потому что дѣйствительно трудно сказать что нибудь положительное о странахъ, намъ совершенно неизвѣстныхъ (судя такимъ образомъ, были бы невозможны никакія экспедиціи для открытія новыхъ странъ), и мы позволимъ себѣ только согласиться вполнѣ съ высказаннымъ авторомъ опасеніемъ (на счетъ нѣкотораго увеличенія издержекъ) о неудобствахъ, которыя представляетъ для полярной экспедиціи Беринговъ проливъ, по причинѣ отдаленности его отъ мѣста самаго снаряженія экспедиціи, то-есть русскихъ или англійскихъ портовъ Европы».

Если географическое общество почему-то не нашло себя обязаннымъ разбирать проектъ г. Шиллинга, то приведенное нами мнѣніе самаго общества, какъ мнѣніе весьма курьёзное и оригинальное, должно бы быть разобрано въ сатирическихъ журнадахъ.

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ.

Бельгійскія пещеры.—Робенгаузенскія свайныя постройки.—Калифорнійскія велингтоніи и теорія естественнаго выбора г. Дарвина.—Mesosaurus Tenuidens.—Объ измѣненіи цѣнъ, г. Джевонса.—Изслѣдованіе законовъ природы, опредѣляющихъ цѣлесообразную мѣстность различныхъ отраслей промышленности, Вильгельма Рошера.—Новый апаратъ г. Пелона для согрѣванія воздуха въ вагонахъ.—Опыты г. Буссенго надъ листьями.—О языкѣ и этнологіи, г. Ферэра.—Вредныя слѣдствія неумѣреннаго куренья табаку.—Новый талантъ—г-жа Ильма-де-Мурска.

Предполагаемая глубочайшая древность человѣческаго рода составляетъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ вопросовъ современной науки, и потому ископаемые остатки, найденные недавно въ бельгійскихъ пещерахъ, нельзя оставить безъ вниманія. Это открытіе было признано столь важнымъ, что академія сочла долгомъ составить на казенный счетъ ученую комисію для осмотра этихъ пещеръ. Въ главѣ ея находился докторъ Дюпонъ, членами были фан-Вельде, Гагемансъ, Ле-Гранъ де-Рёландтъ, президентъ, вице-президентъ и непремѣнный секретарь академіи, Буше-де-Пертъ, г. Джонсъ, Рёль, Галлой, фан-Бенеденъ, де-ла-Валлей и Малезъ. Въ нютонской пещерѣ было найдено очень много оленьихъ роговъ. Наукою не опредѣлена положительно эпоха, когда сѣверные олени стали переселяться изъ лѣсовъ средней Европы въ страны, ближайшія къ полюсу. Ларте, Кристи и Мильн-Эдвардсъ полагаютъ, что эмиграція ихъ совершилась прежде, нежели яви-

Digitized by Google

лись у человѣка домашнія животныя и металическія орудія. Тутъ же были найдена флейта, сдѣланная изъ берцевой кости козла, и свистокъ изъ оленьей косточки. Такіе свистки — не рѣдкость: ихъ находили и прежде въ другихъ пещерахъ. Самой интересной находкою было значительное число иголокъ, сдѣланныхъ изъ оленьяго рога. Онѣ остры, и на тупыхъ концахъ проткнуты ушки. Вѣроятно, вмѣсто нитокъ употреблялись тогда сухія жилы. Замѣчательно, что всѣ найденныя кости животныхъ принадлежатъ существующимъ въ настоящее время видамъ: бобрамъ, сернамъ, медвѣдямъ, кабанамъ и летучимъ мышамъ. Между ними была одна только кость медвѣдя-великана, ursus giganticus, но г. Дюпонъ усомнился въ вѣрности этого опредѣленія. Человѣческихъ костей сохранилось также немало. Всѣ онѣ доказываютъ, что жители пещеръ были вообще люди малорослые. Эта истина подтверждается и другими остатками древняго человѣка. Итакъ, преданіе о великанахъ, населявшихъ когда-то землю, оказывается чистой сказкою. Всѣ данныя свидѣтельствуютъ, что родъ человѣческій не измельчалъ, не выродился съ вѣками. Найденные обломки глиняной посуды и украшеній, сдѣланныхъ изъ раковинъ, служатъ доказательствомъ начала промышлености и взаимныхъ сношеній между народами этого отдаленнаго періода, потому что такія же украшенія найдены въ третичной формаціи Парижа. Археологовъ можетъ особенно заинтересовать квадратная каменная плита, которую нашли здѣсь. Стороны ея недлиннѣе двѣнадцати вершковъ; на ней правильно и отчетливо вырѣзаны черточки, размѣщенныя въ пяти вертикальныхъ строкахъ, перекрещенныхъ горизонтальной строчкою. Видны на этой плитѣ и другіе полустертые знаки—словомъ, она заслуживаетъ внимательнаго изслѣдованія. Комисія осмотрѣла потомъ розетскую и лобовую пещеры. Послѣдняя названа «Trou du Frontal», потому что въ ней еще прежде былъ найденъ черепъ. Теперь ее разчистили, и здѣсь, кромѣ каменныхъ орудій, амулетокъ и глиняной посуды, были открыты кости четырнадцати человѣкъ. Вѣроятно, въ этой пещерѣ хоронили покойниковъ. Люди, кости которыхъ найдены здѣсь, были современниками троглодитовъ средней Франціи, Пиринеевъ и древнѣйшихъ обитателей озеръ, жившихъ въ свайныхъ постройкахъ. Тацитъ называетъ эту расу *фенами* (Fenni). Это были предки теперешнихъ лапландцевъ. Маленькій ростъ ихъ вѣроятно подалъ поводъ къ легендамъ о пигмеяхъ, которыхъ суевѣрные нѣмцы и французы до сихъ поръ еще побаиваются. Можно полагать, что исторія этой расы была одинакова съ исторіею людей Шово, описанныхъ г. Шпрингомъ, о чемъ мы говорили уже въ свое время.

— Г. Мессикомеръ, житель Цюриха, продолжая разработку торфа близъ Робенгаузена, сдѣлалъ снова замѣчательныя открытія. Хотя хронологическій вопросъ о свайныхъ постройкахъ не рѣшается ими, однакоже они бросаютъ болѣе свѣтлый лучъ на образъ жизни человѣка въ этотъ до-историческій ея періодъ. Спер-

Digitized by Google

ве думали, что здѣсь находились только два селенія, выстроенныя одно на развалинахъ другаго; но теперь оказывается, что ихъ было три. Два нижнія и древнѣйшія сгорѣли, и отсюда, изъ-подъ груды ихъ остатковъ, вынули много любопытныхъ вещей. Третья, верхняя постройка была срублена не изъ круглыхъ бревенъ, но изъ росколотыхъ дубовыхъ пней. Она не горѣла, но ее почему-то оставили жившіе въ ней люди, и археологическихъ вещей найдено здѣсь очень мало. Всѣ эти три селенія были построены впродолженіе каменнаго вѣка. Ни бронзы, ни желѣза въ ихъ развалинахъ не отыскано; уцѣлѣвшія орудія сдѣланы изъ камня, кости и дерева. Теперь продолжительность каменнаго періода и различіе между нимъ и бронзовымъ вѣкомъ обнаруживаются яснѣе; что же касается другихъ свайныхъ построекъ Швейцаріи, Даніи и Мекленбурга, то ни одна изъ нихъ не можетъ сравниться ни по объему, ни по тому состоянію, въ какомъ уцѣлѣли онѣ отъ разрушенія—съ большими озерными деревнями Робенгаузена, Вовиля и Вангена.

— Въ концѣ іюня было четвертое годовое собраніе девонширскаго общества, учрежденнаго съ цѣлью содѣйствовать прогрессу наукъ, искусствъ и литературы. Здѣсь, по поводу найденныхъ костей, зашла рѣчь о древности человѣческаго рода. Этотъ вопросъ повлекъ членовъ общества къ оцѣнкѣ теоріи Дарвина, и результатомъ ихъ продолжительнаго диспута было слѣдующее заключеніе. По закону естественнаго выбора, существующій типъ долженъ смѣняться другимъ типомъ, когда во внѣшнихъ условіяхъ произошла матеріальная перемѣна. Прежняя же теорія объясняла исчезновеніе видовъ тѣмъ предѣломъ ихъ измѣненія, далѣе котораго не могутъ развиваться они безъ нарушенія законовъ природы и, слѣдовательно, неспособностію ихъ приноравливаться ко всевозможнымъ внѣшнимъ условіямъ по мѣрѣ надобности. Однакоже встрѣчаются факты, неподводимые ни подъ одну изъ этихъ гипотезъ. Напримѣръ, у подошвы Дартмура, недалеко отъ Ньютон-Аббота, находятся остатки первобытнаго лѣса, угля и лигнита, которыми долго пользовались при выдѣлкѣ кирпичей и глиняной посуды. Цюрихскій профессоръ ботаники г. Геръ опредѣлилъ настоящія свойства этихъ остатковъ былой природы съ такой удивительной точностью, что теперь явилась возможность сравнивать исчезнувшую съ земной поверхности флору съ тѣми образцами ея, которые существуютъ еще кое-гдѣ. Было доказано, что растенія, найденныя въ бовейскомъ лигнитѣ, принадлежатъ къ нижнему міоценовому періоду и намекаютъ на тропическій климатъ; тогда какъ лежащій на нихъ гравій явился здѣсь въ то время, когда въ Девонширѣ была уже арктическая температура. Но это не все еще. Деревья, остатки которыхъ разсѣяны по всей міоценовой формаціи, отъ самыхъ верхнихъ до нижнихъ предѣловъ ея, принадлежатъ къ тому же виду, къ которому относятся великаны растительнаго царства, существующіе теперь въ Калифорніи. Хотя первыя называются Sequoia, а вторыя Wellingtonia, однакоже всѣ по-

Digitized by Google

вѣстнѣйшіе ботаники согласны, что стволы, вѣтви, листья, побѣги и другія части секвой, находимыя въ бовейскомъ лигнитѣ, совершенно одинаковы съ велингтоніями. Особенно замѣчательно, что эти деревья росли впродолженіе третичнаго періода по всей Европѣ, отъ Гренландіи до Средиземнаго Моря и даже до острова Ванкувера въ Сѣверной Америкѣ. Какъ же согласить слишкомъ ограниченную площадь земной поверхности, на которой теперь продолжаютъ расти они, съ широтою ихъ прежняго географическаго распредѣленія? Чѣмъ объяснить причину, которая прекратила жизнь ихъ во всей Европѣ? Конечно, не перемѣною климата, потому что и при этомъ условіи они росли бы до сихъ поръ въ Италіи и другихъ теплыхъ странахъ. Притомъ же никакъ нельзя сказать, чтобы сотлеменники ихъ: Cupressus (или Sequoia) sempervirens и Wellingtonia (или Sequoia) gigantea были слишкомъ чувствительны къ холоду. Напротивъ, первыя ростутъ по всей Англіи, а вторыя, четыре года назадъ тому, выдержали такую зиму, отъ которой погибли нѣкоторыя деревья Сѣверной Америки. Небольшой районъ, гдѣ ростутъ теперь велингтоніи, указываетъ на законъ природы. Мы видимъ его слѣдствія, но не можемъ понять средствъ, которыми приводится онъ въ исполненіе. Законъ этотъ состоитъ въ томъ, что жизни цѣлыхъ видовъ, равно какъ и отдѣльныхъ предметовъ, назначенъ предѣлъ, и что къ нему близятся эти гиганты растительнаго царства. Они могучи еще тамъ, гдѣ суждено было удержаться имъ, но, кажется, климатическія, или какія-то другія условія стали менѣе благопріятны для нихъ.

— 8-го мая въ парижской академіи наукъ былъ прочтенъ замѣчательный мемуаръ г. Поля Жерве, объ ископаемомъ пресмыкающемся «Mesosaurus Tenuidens», который найденъ въ южной Африкѣ и получилъ это названіе по причинѣ сходства съ симозавромъ и плезіозавромъ. Изъ подробнаго описанія этого животнаго видно, что въ немъ есть много общаго съ устройствомъ чудищъ былаго міра, которыя жили нѣкогда на землѣ и въ морѣ, и кости которыхъ находятъ теперь въ нижнемъ оолитѣ юрской системы.

— Въ лондонскомъ статистическомъ обществѣ професоръ В.-С. Джевонсъ прочелъ 16-го мая записку «Объ измѣненіи цѣнъ съ 1782 г.» «Азію—говоритъ онъ, между прочимъ—можно назвать большимъ резервуаромъ и мѣстомъ для стока благородныхъ металовъ. Она спасла Англію отъ торговаго кризиса, взявъ у насъ нѣсколько мильоновъ золотыхъ и серебряныхъ слитковъ, которые, оставаясь здѣсь, были бы болѣе, чѣмъ безполезны. Въ средніе вѣка она такъ же освободила Европу отъ излишка американскихъ сокровищъ, похищенныхъ въ новомъ свѣтѣ испанцами, какъ освобождаетъ теперь Британію отъ лишняго притока австралійскаго золота... Мы можемъ говорить съ увѣренностію о результатахъ открытія золотыхъ пріисковъ. Цѣны товаровъ, за неважными исключеніями, понижались постоянно съ 1810 по 1849 г. Отсюда впро-

Digitized by Google

долженіе трехъ лѣтъ онѣ были такъ низки, какъ никогда не случалось прежде, и даже предвидѣлось дальнѣйшее ихъ пониженіе. Но въ 1858 году г. онѣ поднялись на 18% сравнительно съ 1852 г., и затѣмъ послѣдовало страшное ихъ колебаніе. Хлопокъ вздорожалъ вчетверо, хлѣбъ упалъ до минимума своей цѣны, а мясо и продовольствіе скота стали значительно дороже. Хотя теперь цѣны многихъ привозныхъ товаровъ понизились, однако если мы сравнимъ ихъ съ цѣнами 1849 г., когда находились онѣ на самомъ низкомъ уровнѣ, то окажется, что въ прошломъ мартѣ онѣ повысились среднимъ числомъ на 21%, а сравнительно съ 1845—50 гг. на 11%. Разумѣется, приливъ золота изъ Калифорніи и Австраліи способствовалъ ихъ возвышенію.»

— Въ «Deutsche Vierteljahrs-Schrift» за вторую четверть этого года помѣщена статья г. Рошера, подъ заглавіемъ «Изслѣдованіе законовъ природы, опредѣляющихъ цѣлесообразную мѣстность различныхъ отраслей промышлености» *. Авторъ, сознавая трудности этого обширнаго и почти совсѣмъ необработаннаго предмета, говоритъ, что онъ хотѣлъ подготовить только матеріалъ для будущей теоріи, которая, вѣроятно, явится современемъ. Въ его статьѣ развиты преимущественно два тезиса:

1) тамъ, гдѣ раздѣленіе ремесленнаго труда находится, по какимъ бы то ни было причинамъ, на низшей степени развитія, мануфактурная промышленость выбираетъ мѣста по близости пунктовъ, наиболѣе благопріятныхъ для сбыта ея продуктовъ;

2) напротивъ, при большемъ его раздѣленіи, она устанавливается преимущественно тамъ, гдѣ выгоднѣе заниматься производствомъ.

Первое положеніе оправдывается фактами, которые доказываютъ, что всѣ отрасли мануфактурной промышлености начинали процвѣтать преимущественно въ городахъ, мѣстоположеніе которыхъ наиболѣе выгодно для торговли. Въ прошломъ вѣкѣ была въ большомъ ходу ошибочная мысль, что будто бы «естественное» развитіе народнаго хозяйства требуетъ прежде всего значительныхъ успѣховъ земледѣлія, и что потомъ уже, когда достигнетъ оно высокой степени совершенства, накопившійся капиталъ и рабочія силы устремляются къ мануфактурной промышлености, завершаемой внѣшней торговлею. На самомъ же дѣлѣ происходитъ совершенно другое. Лишь только поразовьется немного земледѣліе, оно цѣлые вѣка остается на той же низкой степени развитія, а между тѣмъ, внѣшняя торговля возникаетъ въ благопріятныхъ для нея мѣстностяхъ, и уже отсюда, изъ городовъ, происходитъ обратное вліяніе на земледѣліе, вслѣдствіе накопившихся тамъ капиталовъ и рабочихъ силъ. Въ этотъ періодъ промышленнаго развитія, даже государственные законы бываютъ на-

* Studien über die Naturgesetze, welche den zweckmässigen Standort der Industriezweige bestimmen, von Wilhelm Roscher.

Digitized by Google

правлены преимущественно не къ улучшенію производства, но къ обезпеченію сбыта. Въ Англіи считался долгое время очень полезнымъ средствомъ для развитія суконной промышленности законъ Карла II, предписывавшій хоронить всѣхъ покойниковъ непремѣнно въ суконномъ платьѣ, равно какъ и законъ, существовавшій въ средневѣковомъ Брабантѣ, по силѣ котораго всякій житель города былъ обязанъ купить, впродолженіе года, по крайней-мѣрѣ, одинъ кусокъ сукна. Предметы роскоши допускаютъ, какъ извѣстно, позднее раздѣленіе труда, потому что рынокъ ихъ сравнительно очень ограниченъ. Они изготовляются и продаются преимущественно въ большихъ городахъ. Парижъ до сихъ поръ остается всесвѣтнымъ центромъ ихъ. Въ Англіи шелковыя матеріи считались прежде предметомъ роскоши, и тогда главнымъ мѣстомъ ихъ производства былъ Лондонъ, съ ближайшими къ нему городами. Но съ 1824 г., послѣ того, какъ по предложенію министра Гускиссона, пошлина за фунтъ сыраго шелку понизилась съ 4 шиллинговъ до 3 пенсовъ, шелковыя фабрики размножились во всей Британіи, товаръ этотъ подешевѣлъ, сбытъ его чрезвычайно усилился, и теперь шелковыя платья носятъ тамъ работницы. Въ Россіи, Австріи и многихъ другихъ странахъ шелкъ остается еще предметомъ роскоши, и потому обработкою его, равно какъ производствомъ ковровъ, занимаются тамъ только главные города съ своими окрестностями. Фарфоровыя фабрики почти вездѣ заводились сперва по близости королевскихъ резиденцій, гдѣ особенно требовалась хорошая посуда. Также большія зеркала отливались прежде только въ столицахъ, напримѣръ, въ Петербургѣ, Парижѣ и особенно въ Венеціи. Здѣсь, вопервыхъ, представлялся лучшій сбытъ имъ и, вовторыхъ, не предстояло риска при перевозкѣ этого очень хрупкаго товара. Улучшенные пути сообщенія и большее раздѣленіе труда разсѣяли потомъ эту промышленость по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ выгоднѣе заниматься ею, вслѣдствіе большей дешевизны производства. Шляпная фабрикація и экипажное мастерство гнѣздятся преимущественно въ столицахъ и большихъ городахъ. Развитіе въ Лейпцигѣ скорнячества есть слѣдствіе, а не причина того, что здѣсь находится главный рынокъ европейской мѣховой торговли. Шали, золотыя, серебряныя вещи и разные кандитерскіе товары изготовляются преимущественно въ большихъ городахъ, гдѣ находятъ они большее число потребителей. Такъ-называемые мелочные товары не допускаютъ широкаго раздѣленія труда, потому, между прочимъ, что они сосредоточиваются въ лавкахъ, гдѣ торгуютъ и другими предметами, неимѣющими къ нимъ ни по производству, ни по сбыту ни малѣйшаго отношенія. Сверхъ того, они скупаются повременамъ разнощиками, и потому для производства ихъ выбираютъ обыкновенно мѣста, ближайшія къ сбыту. Наконецъ, сюда относятся тѣ издѣлія, которыя не допускаютъ раздѣльнаго труда по причинѣ тяжести и широкаго распространенія сыраго матеріала, изъ котораго изготовляются они,

Digitized by Google

напримѣръ, жженая известь, кирпичи, простѣйшая глиняная посуда, цидры, удобренія и т. д.

Приступая къ развитію втораго тезиса, г. Рошеръ говоритъ, что выгоды производства, независимо отъ болѣе или менѣе благопріятныхъ имъ условій природы, относятся къ тремъ категоріямъ: къ обилію сыраго матеріала, дешевизнѣ человѣческаго труда, и особенно такъ-называемыхъ капиталовъ. При этомъ, для рѣшенія вопроса: всѣ ли эти три фактора, или преимущественно одинъ изъ нихъ указываютъ на выборъ мѣста для основанія завода или фабрики, надобно строго опредѣлить причины, отъ которыхъ зависитъ цѣна фабрикатовъ: отъ сыраго матеріала, работы, или потраченнаго на нихъ капитала. Г. Шапталь во второй части своего классическаго произведенія о французской промышлености (1819 г.) сдѣлалъ чрезвычайно замѣчательныя сопоставленія цѣнъ сырыхъ и готовыхъ продуктовъ. Онъ говоритъ, что цѣна сыраго шелка отъ трощенія и пряжи возвышается слишкомъ на треть (15: 23); при дальнѣйшей обработкѣ она въ обыкновенныхъ фабрикатахъ удвоивается, а въ тонкихъ тканяхъ возрастаетъ, по крайней-мѣрѣ, втрое. При выдѣлкѣ суконъ, не принимая въ разсчетъ окраску ихъ, цѣна шерсти возвышается, какъ 3 къ 5. Цѣнность сырого льна въ обыкновенныхъ полотнахъ увеличивается втрое, а въ тонкихъ, равно какъ и при пряжѣ нитокъ, еще болѣе. Пенька въ тонкихъ издѣліяхъ становится тоже втрое дороже, но въ веревкахъ возвышается только на $^2/_5$. При производствѣ писчей бумаги цѣна самаго тонкаго тряпья утроивается, а самаго грубаго возвышается на 500%. Желѣзо въ подковахъ, гвоздяхъ и т. п. становится дороже на $^2/_5$, въ формѣ цѣпей, крючковъ на $^1/_3$; потомъ цѣна его удвоивается, утроивается, и наконецъ, въ слесарной работѣ, при производствѣ замковъ, ключей, увеличивается въ шесть разъ. Въ мелкихъ стальныхъ вещахъ сырой матеріалъ стоитъ не болѣе $^1/_{10}$ или $^1/_{12}$ той цѣны, по которой продаются онѣ, а въ мѣдныхъ цѣна его равняется среднимъ числомъ половинѣ того, что̀ стоитъ готовый товаръ. Обработанный свинецъ прибавляетъ по большей части $^1/_3$, а грубыя золотыя издѣлія только $^1/_8$ къ цѣнѣ сырого матеріала. Дубленіе возвышаетъ вдвое цѣну кожи и т. д. Разумѣется, подобныя таблицы могутъ быть вѣрны небезусловно. Чѣмъ легче становится при обработкѣ вѣсъ сырыхъ матеріаловъ, тѣмъ сильнѣйшее вліяніе производитъ близость ихъ на выборъ мѣста для фабричнаго производства. Потому-то золото и серебро обработываются вдали отъ пріисковъ, тогда какъ мѣдные и чугунные заводы строятся близъ рудниковъ. Ткацкія фабрики могутъ находиться далѣе, чѣмъ прядильни отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ добывается сырой матеріалъ. Относительно заработной платы должно замѣтить, что она зависитъ нетолько отъ густоты населенія и цивилизаціи народа, но также и отъ возможности рабочихъ приложить свой трудъ къ другому дѣлу. Зимніе мѣсяцы имѣютъ въ этомъ случаѣ очень важное значеніе. Во время зимы рабочему люду приходится вы-

Digitized by Google

бирать между скучной лѣнью и ремесленнымъ занятіемъ отъ нечего дѣлать. Еще Адамъ Смитъ замѣтилъ, что такая работа бываетъ очень дешева. Наконецъ, съ понятіемъ о капиталѣ, кромѣ обыкновенныхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ размѣръ процента, надобно соединять два по преимуществу продуктивные его способа: машины и искуственные пути сообщенія, не упуская изъ вида данныхъ силъ природы, напримѣръ, водопадовъ, запаса горючихъ матеріяловъ и т. д.

Гончарное производство сосредоточивалось въ Англіи на пространствѣ восьми миль отъ Стафордшира, потому что здѣсь верхній, чрезвычайно безплодный слой земли состоитъ изъ превосходной глины, подъ которою находится отличный каменный уголь. Этими-то условіями и съумѣлъ воспользоваться г. Веджвудъ (1760 г.). Первая обработка неблагородныхъ металовъ, уже вслѣдствіе трудной перевозки руды, происходитъ обыкновенно тамъ, гдѣ добывается металъ, и гдѣ нѣтъ недостатка въ топливѣ. Чѣмъ совершеннѣе становится она, тѣмъ болѣе можетъ удалиться отъ рудниковъ. Потому-то чугунные заводы, изготовляющіе тонкія, искуственныя вещи, находятся теперь въ Берлинѣ, Мюнхенѣ и во многихъ другихъ городахъ, вдали отъ мѣстъ нахожденія желѣзной руды. Особенно выгодно, когда рядомъ съ нею лежитъ каменный уголь, какъ часто бываетъ въ Англіи, и если еще притомъ представляются выгодныя географическія условія для вывоза самыхъ грубыхъ желѣзныхъ издѣлій. Если же руда и горючій матеріалъ отдѣлены другъ отъ друга, то вопросъ о выборѣ мѣста для завода рѣшается сравнительно большей дешевизною доставки топлива къ рудѣ, или наоборотъ, руды къ топливу, при чемъ берутся въ соображеніе заработная плата, сбытъ, выгодность мѣстоположенія въ торговомъ смыслѣ и т. д. Во Франціи производство грубыхъ желѣзныхъ и чугунныхъ вещей все еще держится близъ рудниковъ сѣверо-восточныхъ горъ, центральныхъ скатовъ и восточныхъ Пиринеи. Невыгода его заключается въ томъ, что руда лежитъ вдали отъ каменноугольныхъ копей. Луарскій департаментъ богатъ углемъ, но, къ сожалѣнію, очень бѣденъ рудою. Въ Австріи и Прусіи желѣзная промышленость тоже пріютилась по сосѣдству съ рудниками. Пиво варится по большей части въ городахъ, вино же курится въ деревняхъ и селахъ. Эта противоположность въ выборѣ мѣста объясняется тѣмъ, что первый напитокъ не такъ хорошо сохраняется во время перевозки. Сверхъ того, въ немъ слишкомъ много воды, которая вѣситъ втрое и впятеро болѣе главнѣйшихъ составныхъ частей его, и, наконецъ, пивная барда сравнительно не такъ питательна для домашняго скота. Лѣсная промышленость и выдѣлка грубыхъ деревянныхъ вещей избираютъ для себя мѣста, богатыя лѣсомъ. Финляндія стала съ 1780 г. отпускать во всѣ балтійскія гавани суда, построенныя безъ желѣза и нагруженныя лѣсомъ. До развитія торговли, при помощи желѣзныхъ дорогъ, фабрики, обдѣлывающія сырые заморскіе продукты, строились преимуще-

Digitized by Google

ственно въ портовыхъ городахъ, гдѣ фабрикантъ могъ самъ выбрать товаръ, и обойтись безъ услугъ комиссіонера. Въ прошломъ столѣтіи, сахарные заводы для всей эльбской долины сосредоточивались въ Гамбургѣ, а для рейнскихъ областей въ Голландіи, которая снабжала также всю Германію американскимъ табакомъ. Теперь эта послѣдняя торговля перешла въ Бременъ. Англійскія бумагопрядильни расположены въ окрестностяхъ Ливерпуля, Глазгова, и въ тѣхъ приморскихъ городахъ, которые сравнительно ближе къ Америкѣ. Кромѣ того, эти западныя гавани находятся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Ирландіею, откуда до изобрѣтенія прядильныхъ машинъ получалась льняная пряжа, которую употребляли прежде на основу миткалей для большей ихъ прочности. Тѣми же условіями объясняется развитіе хлопчатобумажной промышленности въ окрестностяхъ Руана и Монпелье, до французской революціи. Въ Швейцаріи особенно развита она въ Аарган, потому что здѣсь очень много водопадовъ, въ густомъ населеніи этого кантона много ткачей, занимающихся домашней работою, и наконецъ, на границѣ его протекаетъ Рейнъ, главнѣйшій водяной путь Швейцаріи. Въ 1856 г. въ Австріи считалось слишкомъ полтора мильона веретенъ для тонкой пряжи, и почти треть ихъ работала въ Богеміи, которая получаетъ по Эльбѣ американскій хлопокъ. Высшіе нумера ея пряжи, сравнительно съ пряжею другихъ австрійскихъ областей, объясняются превосходствомъ богемскаго угля. Четыре года назадъ, въ Прусіи работало около 400,000 такихъ веретенъ, и $^2/_5$ всего количества ихъ находилось въ Дюсельдорфѣ, на Рейнѣ, по тѣмъ же причинамъ, которыя способствовали развитію хлопчатобумажной промышленности въ Аарган. Льняныя и пеньковыя фабрики все еще заводятся преимущественно вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ ростетъ сырой матеріалъ для нихъ, потому что слишкомъ долго удерживалась повсюду ручная выдѣлка льна и пеньки, вслѣдствіе медленнаго прогреса машинной обработки этихъ растеній. Самый тонкій батистъ производятъ въ Бельгіи и Франціи, жители Фландрій и Артуа; его ткутъ въ окрестностяхъ С.-Кантена, Валансьена, Камбре и Дуэ, то-есть промышленость эта процвѣтаетъ тамъ въ густонаселенныхъ и отлично-обработанныхъ мѣстностяхъ, гдѣ родится лучшій ленъ. Тканьемъ полотенъ занимаются также въ Нормандіи, Лотарингіи и Овернѣ. Такъ-какъ Англія получаетъ теперь ленъ преимущественно изъ Россіи, откуда въ 1860 г. было доставлено его слишкомъ на два съ половиною мильона фунтовъ стерлинговъ, что составляло двѣ трети всего привоза, то въ настоящее время льняная промышленость процвѣтаетъ тамъ на восточномъ англо-шотландскомъ берегу, отъ Дондя до Лидса, также въ Абердинѣ и Ланкаширѣ. Вопросъ о мѣстѣ водворенія шерстяной промышлености сложнѣе, потому что большія стада тонкорунныхъ овецъ предполагаютъ обширныя имѣнія, хорошоустроенное хозяйство, и рѣдкое народонаселеніе. Сверхъ того, чѣмъ тоньше шерсть, тѣмъ дальнѣйшій провозъ возможенъ для

Digitized by Google

нея. Французскія мыловарни процвѣтали до революціи только въ Марсели, то-есть вблизи отъ производства деревяннаго масла и отъ родины тѣхъ растеній, изъ которыхъ извлекается сода въ Италіи и Испаніи. По той же причинѣ занимались сперва изготовленіемъ мыла въ Тріестѣ, преимущественно передъ другими австрійскими городами. Но теперь на выдѣлку его идутъ сало и сѣмянное масло, а соду замѣнилъ поташъ; вслѣдствіе этого, мыловарни устроиваются теперь по близости къ луговымъ участкамъ страны, гдѣ особенно сильно скотоводство, или въ городахъ, куда прямо изъ-за моря доставляются необходимые для мыла продукты.

Далѣе г. Рошеръ говоритъ, что улучшенные пути сообщенія и усовершенствованныя машины, удешевляя производство, даютъ возможность мануфактурной промышленности не слишкомъ дорожить выборомъ мѣста, не жаться тамъ, гдѣ воздѣлывается для нея сырой матеріалъ. Онъ ссылается на Адольфа Вагнера, который доказываетъ, что желѣзныя дороги столько же способствуютъ децентрализаціи народнаго хозяйства, сколько и сосредоточенію его. Облегчая доставку каменнаго угля и сырыхъ продуктовъ, онѣ уменьшаютъ промышленное значеніе тѣхъ мѣстъ, гдѣ добываются эти предметы. Съ другой стороны, способствуя подвозу жизненныхъ припасовъ, онѣ позволяютъ увеличиваться городскому народонаселенію. Но вообще, какъ замѣчаетъ г. Рау, мануфактурная промышленость начинается обыкновенно производствомъ такихъ фабрикатовъ, которые требуютъ меньшихъ расходовъ, сулятъ большій сбытъ и быстрѣйшій оборотъ затраченнаго на нихъ капитала. Потому-то, вѣроятно, льнопрядильни заводились повсюду — послѣ бумагопрядиленъ, устройство которыхъ относительно машинъ значительно дешевле. Высоко-промышленныя націи, обработывая заграничные сырые продукты, стараются пріобрѣтать ихъ въ возможно-грубомъ видѣ, и потому предпочитаютъ торговыя связи съ народами, стоящими на низшей степени промышленнаго развитія. Если же не слишкомъ производительная нація обработываетъ чужіе матеріалы, то она получаетъ ихъ сначала въ полуготовомъ видѣ, для того, чтобы оставить за собою только ихъ окончательную отдѣлку. При этомъ случаѣ, г. Рошеръ припомнилъ тарифный споръ въ германскомъ таможенномъ союзѣ между производителями миткалей и владѣльцами бумагопрядиленъ. Первые, поддерживаемые Прусіею, признавали пряжу сырымъ продуктомъ, который хотѣлось пріобрѣтать имъ какъ можно дешевле, а вторые — считали ее, разумѣется, фабрикатомъ и требовали, чтобы она была обложена привозной пошлиною, въ видахъ протекціи внутренней промышленности. На ихъ сторонѣ были юго-западныя государства союза. Авторъ говоритъ, что повсюду, гдѣ существуетъ охранная система, она требуетъ временныхъ жертвъ со стороны потребителей, и чѣмъ меньше эти жертвы, тѣмъ лучше для народа. Потому-то привозъ полуобработанныхъ продуктовъ до тѣхъ поръ долженъ быть безпошлинный, пока окон-

Digitized by Google

чательно выдѣлываемые изъ нихъ фабрикаты достигнутъ, при помощи протекціонной системы, такого совершенства, что имъ неопасна будетъ никакая конкуренція. Нѣмцы — говоритъ г. Розеръ — справедливо гордятся успѣхами своихъ бумагопрядиленъ, которыя ввели ихъ въ непосредственныя сношенія съ производителями хлопка, способствовали развитію судоходства, и усовершенствовали постройку машинъ на ихъ механическихъ заводахъ. Но все это совершилось постепенно. Германскіе фабриканты еще до прямыхъ сношеній съ Ост-Индіею и Америкою, получали очень незначительное количество англійской пряжи. Прежнія стѣсненія судоходства вообще болѣе препятствовали народному хозяйству, нежели помогали развитію мануфактурной промышленности. Что же касается машинъ, то искуственно-ускоренное развитіе одной отрасли промышлености, всегда бываетъ опасно для ея общаго прогреса.

— Въ «Chemical News» пишутъ, что г. Пелонъ изобрѣлъ апаратъ для нагрѣванія воздуха въ вагонахъ, и назвалъ его производителемъ тепла «heat-generator». Онъ состоитъ изъ деревяннаго конуса, обвернутаго пенькою и быстро вращающагося внутри мѣднаго конуса, который находится въ металическомъ ящикѣ. Воздухъ, проходя сквозь этотъ ящикъ, согрѣвается въ немъ и проникаетъ оттуда въ вагонъ. Снарядъ помѣщается снаружи, деревянный конусъ приводится въ движеніе одною изъ осей вагона, и теплый воздухъ пропускается внутрь кареты пасажирами, по ихъ собственному желанію. На вращеніе конуса тратится $^1/_{20}$ лошадиной силы. Минутъ черезъ десять отъ начала движенія поѣзда температура исходящаго изъ ящика воздуха достигаетъ 70° Ц. Говорятъ, что «производитель тепла» введенъ уже въ употребленіе во Франціи.

— Г. Буссенго произвелъ нѣсколько опытовъ надъ поглощеніемъ и усвоеніемъ углекислоты древесными листьями. Результаты этихъ опытовъ были слѣдующіе: 1) листья, положенные подъ вліяніемъ солнца въ *чистую* углекислоту, или не разлагаютъ ея совсѣмъ, или же разлагаютъ чрезвычайно медленно. 2) Если кладутъ ихъ въ углекислоту, смѣшанную съ атмосфернымъ воздухомъ, то они быстро разлагаютъ первый газъ. Кислородъ не принимаетъ повидимому никакого участія въ этомъ дѣлѣ. 3) Углекислота быстро разлагается листьями, когда бываетъ она смѣшана съ водородомъ, или азотомъ. Г. Буссенго находитъ сходство между этими фактами и горѣніемъ фосфора. Когда кладутъ его въ *чистый* кислородъ, онъ или совсѣмъ не горитъ и не блещетъ, или горитъ слишкомъ медленно. Въ смѣси, составленной изъ кислорода и атмосфернаго воздуха, или когда кислородъ соединенъ съ водородомъ, азотомъ, или угольной кислотою, онъ горитъ быстро. Не воспламеняясь въ чистомъ кислородѣ, при нормальной плотности этого газа, фосфоръ начинаетъ горѣть, какъ скоро кислородъ будетъ разрѣженъ. Г. Буссенго убѣдился, что и древесные листья, помѣщенные въ разрѣженную углеки-

Digitized by Google

слоту, разлагаютъ этотъ газъ и освобождаютъ изъ себя кислородъ.

— Англійскій пасторъ г. Фэрэръ прочелъ въ лондонскомъ этнологическомъ обществѣ записку «О языкѣ и этнологіи». Онъ доказываетъ, что языки являлись въ разныхъ странахъ совершенно независимо другъ отъ друга. Отыскиваніе общаго корня ихъ онъ признаетъ химерою. До сихъ поръ опредѣлены два большія семейства языковъ: семитическое и арійское, распространенныя на четырехъ полуостровахъ — въ Малой Азіи, Аравіи, Индіи и Европѣ. Къ первому семейству принадлежатъ языки: еврейскій, финикійскій, халдейскій, самаритянскій, сирійскій и арабскій; ко второму — литовскій, кельтскій, тевтонскій, славянскій, греко-италійскій, фракійскій, армянскій и иранскій. Къ этимъ двумъ групамъ можно бы прибавить третью, туранскую или алатіанскую, состоящую изъ пяти языковъ: тунгусскаго, монгольскаго, турскаго, финскаго и самоѣдскаго, характеръ которыхъ опредѣленъ Клапротомъ, Шольтомъ и другими лингвистами. Но сверхъ этихъ трехъ группъ остаются еще тысячи живыхъ языковъ, не говоря уже о мертвыхъ. Куда же, къ какой группѣ отнесть односложный китайскій языкъ, въ которомъ множественное число существительнаго имени, напримѣръ, *брови* выражается повтореніемъ *бровь-бровь*, или японскій съ его особыми формами склоненій для именъ людей, животныхъ, птицъ и разныхъ предметовъ, равно какъ и множество американскихъ, австралійскихъ и африканскихъ нарѣчій? Если обращать вниманіе на созвучныя слова, то и они докажутъ это родство такъ же, какъ сходный организмъ позвоночныхъ животныхъ доказываетъ, что лошадь, китъ и человѣкъ—родня между собою. Каждый языкъ имѣетъ особыя, ему только свойственныя формы, которыя хотя и могутъ совершенствоваться, однако же не такъ, чтобы сгладить грамматическія отличія, напримѣръ, китайскаго языка отъ греческаго. Если покоренный народъ измѣняетъ иногда свой родной языкъ, то онъ дѣлаетъ это повинуясь внѣшней необходимости, а не добровольно — словомъ, все заставляетъ предполагать, что каждый языкъ при самомъ началѣ своего образованія получилъ неизгладимо-своеобразный характеръ.

— Въ послѣднемъ нумерѣ «Annales d'Occulistique» помѣщена статья доктора Зихеля, который доказываетъ, что неумѣренное куренье табаку производитъ глазную болѣзнь, извѣстную подъ именемъ темной воды. Двадцати-восьмилѣтнія наблюденія убѣдили автора, что табакъ при такомъ условіи вреденъ неменѣе водки. «Немногіе—говоритъ онъ—могутъ потреблять ежедневно болѣе 20 граммовъ табаку безъ вреда зрѣнію, или не ослабляя памяти». Онъ разсказываетъ, что одинъ сорокалѣтній мужчина совершенно ослѣпъ отъ этого, но былъ вылеченъ противо-воспалительными средствами и діэтою. Табачный дымъ, кажется, дѣйствуетъ на головной мозгъ и на корни оптическихъ нервъ, производя въ нихъ весьма сильное, но очень упорное, хроническое за-

Digitized by Google

твердѣніе. «Многіе курильщики—говоритъ авторъ—очень долго не подвергаются этой болѣзни; но и другія наркотическія вещества дѣйствуютъ не на всѣхъ одинаково. Напримѣръ, люди, исподволь привыкшіе къ опіуму, также не чувствуютъ вреда, увеличивая наконецъ его пріемы. Но дурныя слѣдствія, какъ бы медленны ни были они въ обоихъ случаяхъ, все-таки обнаруживаются современемъ».

— Англійскіе журналы очень лестно отзываются о новой пѣвицѣ, г-жѣ Ильмѣ-де-Мурска, ангажированной на оперный сезонъ однимъ изъ лондонскихъ театровъ. Она дебютировала прошлой зимою въ Вѣнѣ и получила тамъ высшій окладъ 16,000 флориновъ. Обширность, сила и необыкновенная свѣжесть составляютъ отличительныя качества ея очаровательнаго сопрано. Нельзя сказать, чтобы эта молодая артистка владѣла совершенно артистически своими богатыми средствами, но ей остается одинъ шагъ до почетнаго мѣста первоклассной примадоны. Кажется, она невполнѣ сознаетъ, что удивительно-пріятный тонъ и дѣвственная свѣжесть ея блестящаго голоса производятъ особенно сильное впечатлѣніе на слушателей, а потому и желаетъ очаровывать аудиторію своими стаккато и фіоритурами, которыя исполняетъ, впрочемъ, превосходно. Но искусная вокализація теперь уже нерѣдкость, тогда какъ чистый, свѣжій, дѣвственный голосъ сталъ почти необыкновеннымъ явленіемъ на сценѣ. Потому-то слушателямъ хотѣлось бы упиться полными, симпатичными звуками, а не соловьиными руладами. Г-жа де-Мурска—хорошая актриса. Она, кажется, венгерка по происхожденію, но училась въ Италіи и усвоила, къ сожалѣнію, тотъ трансальпійскій недостатокъ, который сталъ общимъ достояніемъ итальянскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ въ послѣдніе десять лѣтъ. Она слишкомъ любитъ vibrato и пользуется имъ несовсѣмъ умѣренно. Если пойметъ она, въ чемъ собственно заключается ея чарующая сила, и сохранитъ чистоту и свѣжесть своего сопрано—ей предстоитъ несомнѣнно блестящая будущность.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Книга для чтенія при изученіи исторіи древней классической поэзіи, *составленная* Николаемъ Мизко. *М. 1865.*

Г. Николай Мизко имѣлъ несчастіе родиться, и даже выступить на литературное поприще прежде, чѣмъ г. Писаревъ, г. Зайцевъ и имъ подобные мудрецы нетолько стали проповѣдывать

Digitized by Google

превосходство самонихъ дѣлъ мастерства надъ живописью Рафаэля, но даже учиться грамотѣ. Человѣкъ такой отсталый, г. Мизко воспитался на уваженіи къ классической литературѣ, и по сіе время сохранилъ убѣжденіе, что эта литература должна быть основнымъ элементомъ юношескаго образованія. Имѣя это въ виду, онъ предпринялъ составленіе сборника, котораго заглавіе выписано выше. Къ стыду нашему, мы каемся въ сочувствіи къ труду г. Мизко, и даже рѣшаемся обратить вниманіе читателей на эту книгу.

Цѣль этого сборника, по объясненію составителя — доставить средства для нагляднаго знакомства съ древнею классическою словесностью массѣ читателей, незнакомыхъ съ древними языками, и пріохотить юношество къ изученію древнихъ языковъ и литературъ. Г. Мизко успѣлъ даже замѣтить въ нашей современной литературѣ возбужденіе вкуса къ классической древности, и на этомъ-то и основалъ свое предпріятіе. Признаемся, мы не видимъ ничего подобнаго: какъ извѣстно, дѣйствующіе въ нашей литературѣ питомцы нашихъ классическихъ училищъ, въ родѣ г. Антоновича, вынесли изъ нихъ не гуманическое направленіе, а только ту изящную манеру обращаться со своими противниками, которую, по древнему преданію, тарентинская чернь примѣнила къ римскому послу Постумію. И если суждено русскому обществу основать свое образованіе на классицизмѣ, то опыты его въ этомъ смыслѣ еще впереди. До сихъ поръ у насъ не было хорошаго классическаго образованія, и слѣдовательно не могло быть хорошихъ плодовъ отъ него. Да и въ настоящее время, судя по тому, какого рода гимназіи предпочитаются въ той или другой мѣстности, классическое образованіе, кажется, не считается за единственно полезное и умѣстное для русскаго общества; изъ этого можно заключить, что наше общество ищетъ себѣ иныхъ, болѣе самостоятельныхъ основъ образованія; но какія онѣ будутъ — этого еще нельзя опредѣлить вполнѣ. Впрочемъ, нельзя не желать — и это желаніе тоже согласуется съ нѣкоторыми мѣстными заявленіями — чтобы знакомство съ древними языками и литературами вошло широкой долей въ наше общественное образованіе. Желательно, чтобы юношество коротко знакомилось съ тѣми превосходными литературными образцами, которые представляетъ древность, и научалось бы изъ нихъ видѣть въ литературѣ истинное хранилище лучшихъ помысловъ человѣка, а не сборъ невѣжественныхъ, полуумныхъ выходокъ, грязныхъ пересудовъ и площадной брани, прикрываемыхъ высокими словами науки и гражданской добродѣтели.

Поэтому мы думаемъ, что каково бы ни было училище, классическое или реальное, питомцы его должны быть знакомы съ главными произведеніями греческой и римской литературъ—хотя бы въ переводахъ. И вотъ, первымъ пособіемъ для этой цѣли, очень можетъ служить сборникъ г. Мизко; судя по первому его тому, посвященному греческой поэзіи, планъ его слѣдующій: со-

Digitized by Google

ставитель предлагаетъ переводы или небольшихъ цѣлыхъ произведеній, или отрывковъ изъ большихъ сочиненій, при чемъ отрывки связываются краткимъ изложеніемъ всего остального; выбраны, конечно, только главнѣйшіе представители литературы; къ каждой статьѣ присоединены объяснительныя примѣчанія и приложены біографіи авторовъ. Особенно важно то, что руководительнымъ началомъ въ выборѣ образцовъ, по сознанію самого г. Мизко, приняты самостоятельность и характеристичность, «потому что — объясняетъ онъ — если образцы, отличающіеся лишь изящнымъ изложеніемъ, могутъ имѣть значеніе въ христоматіяхъ стилистическихъ, то отрывки безсодержательные и безъотносительные къ личности автора, или духу словесности народа, въ литературно-историческомъ сборникѣ совершенно-безполезны». Прибавимъ къ этому, что выборъ, сдѣланный составителемъ, вообще удаченъ и удовлетворяетъ своей цѣли. Конечно, при бѣдности нашей литературы въ хорошихъ переводахъ съ классиковъ, авторъ былъ очень стѣсненъ въ выборѣ, но все же онъ сдѣлалъ, что̀ могъ: въ его книгѣ находимъ отрывки изъ Гомера, Гезіода, Эзоповыхъ басенъ, антологій, лириковъ, драматурговъ, буколиковъ и сатириковъ. Составитель невиноватъ, что, за недостаткомъ иныхъ переводчиковъ, онъ долженъ былъ приводить иногда рубленую прозу вмѣсто стиховъ. Хорошо и то, что нѣкоторые отрывки, до сихъ поръ вовсе непереведенные на русскій языкъ, явились у него въ переводѣ впервые.

Въ началѣ сборника г. Мизко помѣстилъ очеркъ главныхъ характеристическихъ чертъ греческой образованности, составленный по исторіи греческой литературы Бернгарди. Несмотря на это почтенное имя, очеркъ этотъ показался намъ неудовлетворителенъ. Онъ почти не упоминаетъ о фактахъ, а только скользитъ по нимъ, и порою впадаетъ въ совершенную отвлеченность; уже это одно дѣлаетъ его не вполнѣ доступнымъ и даже безполезнымъ для обыкновеннаго читателя. Но, кромѣ того, въ немъ высказано нѣсколько взглядовъ неосновательныхъ: такъ, напримѣръ, отличительною чертою греческой религіи признается слѣдующее: «человѣческое бытіе есть вѣнецъ творенія; довольствуется само собою; боги въ своей средѣ руководятъ людей своей помощью въ жизни, какъ охранители домашняго и семейнаго быта; но они не полновластные повелители природы, и не могутъ измѣнить всеобщаго хода судьбы». Этими же чертами можно охарактеризовать антропоморфическій періодъ религіознаго сознанія и у другихъ народовъ индо-европейскаго корня. Наконецъ, къ числу недостатковъ введенія должно отнести обиліе нѣмецкихъ оборотовъ и выраженій, изъ которыхъ иные доходятъ до безсмыслія, какъ, напримѣръ, на стр. XI, слѣдующій: «Омывая Грецію со всѣхъ сторонъ, оно (то-есть море) измѣняетъ ея прибрежныя формы, образуя бухты, то сплачиваетъ острова и ряды острововъ въ *свободныя* группы, то раздѣляетъ ихъ тамъ, *гдѣ они служатъ прибавкой, которая приросла къ материку, или*

Digitized by Google

раздѣлена на куски, какъ пустынныя скалы и столпки». Впрочемъ, несмотря на это неудачное введеніе, книга г. Мизко заслуживаетъ большого сочувствія. Преподаватели словесности, безъ сомнѣнія, воспользуются ею, тѣмъ болѣе, что для объясненія родовъ поэзіи (а тѣмъ болѣе ея видовъ) образцы греческой литературы всего удобнѣе. Но мы, вмѣстѣ съ г. Мизко, думаемъ, что и для другихъ читателей, кромѣ учащагося юношества, подобный сборникъ можетъ представить значительный интересъ.

Женщины писательницы XIX столѣтія. К. Скальковскаго. *Томъ I. Французскія писательницы (съ портретами). С. Петербургъ. Типографія Рейхельта. 1865.*

Г. Скальковскій посвящаетъ, какъ онъ самъ выражается, свой скромный трудъ русскимъ молодымъ женщинамъ, въ надеждѣ что трудолюбивая и славная жизнь лучшихъ представительницъ ихъ пола въ нашемъ вѣкѣ, возбудитъ въ русской женщинѣ то сознаніе собственнаго достоинства, которое такъ необходимо въ борьбѣ за самое священное право—право серьёзнаго воспитанія. Съ этою цѣлью онъ и беретъ на выдержку нѣсколько яркихъ женскихъ литературныхъ личностей, и старается опредѣлить ихъ значеніе и мѣсто въ исторіи литературы. Въ своемъ выборѣ, онъ, какъ говоритъ самъ, не стѣсняется, впрочемъ, степенью ихъ европейской извѣстности. Подобнымъ заявленіемъ г. Скальковскій почти застраховалъ себя отъ необходимости отвѣчать на вопросы читателя, почему, говоря о французскихъ писательницахъ XIX вѣка, онъ не считаетъ нужнымъ упомянуть даже о Sophie Gay (матери Delphine Gay, извѣстной подъ именемъ m-me Girardin), которая своими произведеніями: *Leonie de Montbreuse* (1802), *Les malheurs d'un amant heureux* (1813), *Souvenirs d'une vieille femme* (1834) и т. д. гораздо болѣе извѣстна читающей публикѣ, чѣмъ герцогиня *Дюра*, написавшая только два романа *Ourika* и *Edouard*, которые, по отзыву Скальковскаго, стоятъ прочтенія, какъ произведенія сердца, а не одного искуства, и потребуютъ какой нибудь *часъ* времени! (стр. 57) или даже Анаисо Сегала, написавшая плохіе и крайне напыщенные стихи, которымъ однако Скальковскій нашелъ необходимымъ удѣлить немало страницъ, хотя и сознается, что ему неизвѣстно, живетъ ли госпожа Сегала на прежней квартирѣ, такъ-какъ перестройки парижскаго префекта выгнали всѣхъ парижанъ изъ прежнихъ квартиръ (свѣдѣніе, весьма полезное для возбужденія въ русской женщинѣ сознанія собственнаго достоинства), но... она продолжаетъ работать *вѣроятно* какъ и прежде (стр. 182).

Вообще говоря, лежащій передъ нами томъ содержитъ въ себѣ самые обыкновенные очерки жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ произведеній г-жи Сталь, герцогини Дюра, графини Жанлисъ, г-жи Шарьеръ, де-Суза, Коттенъ-Свѣчинъ, баронессы Криднеръ, г-жи Гизо, Ремюза, Сегала, Дельфини, г.г. Жоржъ-Зандъ и Клемансъ Райе, нисколько не опредѣляетъ значенія и мѣста ихъ въ лите-

Digitized by Google

ратурѣ, и очень мало касается разбора литературныхъ произведеній означенныхъ писательницъ, хотя, пользуясь извѣстнымъ въ области исторіи французской литературы сочиненіемъ Юліана Шмидта, Скальковскій могъ бы съ успѣхомъ пополнить этотъ пробѣлъ и придать своему труду хотя бы нѣкоторую занимательность. Къ тому же, мы замѣтили въ этомъ сочиненіи нѣсколько хронологическихъ промаховъ, какъ, напримѣръ, Сталь написала свой романъ *Дельфина*—не въ 1803 году, а въ 1802, госпожа Жанлисъ умерла не 31 декабря 1831 года, а въ 1830 году и не выдавала свою *пріемную* дочь Памелу за лорда Фитцжеральда (стр. 70), а просто свою воспитанницу лэди Памелу выдала замужъ за лорда Фитцъ-Жеральда; Дельфина Ге родилась не въ 1804 году 24 января, а въ 1805 году и т. д. Что же касается до взгляда г. Скальковскаго на литературу вообще и ея достоинство, то немалое понятіе объ этомъ можетъ дать читателю то обстоятельство, что авторъ, возставая противъ полной справедливости выраженія: «въ настоящее время полнаго упадка французской литературы», сдѣлавшагося совершенно безспорною истиною уже, возлагаетъ большія надежды на писателей *реалистовъ*, къ числу которыхъ и причисляетъ Дюма-fils, Флобера, Фейдо, Шанъ-Флёри, Ожье, Понсара, Сарду, и находитъ необходимымъ сознаться, что одинъ только здоровый реализмъ можетъ обновить французскую литературу и очистить ее отъ академической пошлости, наслѣдія ложнаго классицизма и романтическаго безобразія. Предоставимъ же ему ждать обновленія французской литературы отъ dames aux Camélias и тому подобныхъ произведеній, и не издавать до этого другихъ подобныхъ книгъ.

Положеніе женщины въ Америкѣ. Адольфа Колачека. *Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе Червякова. С.-Петербургъ. 1865 г.*

Вопросъ—какое положеніе должна занимать женщина въ современномъ обществѣ — возбудилъ, по замѣчанію Колачека, три ряда различныхъ взглядовъ на женщину, изъ коихъ одинъ (философъ Шопенгауэръ) ставитъ мужчину главой женщины; другой (Юнгъ въ своей *Исторіи женщины*) обратно совсѣмъ, а третій (Риль и Богумиль Гольцъ) признаетъ равноправность обоихъ. Колачекъ заявляетъ, что въ этомъ вопросѣ онъ не принадлежитъ ни къ одной изъ названныхъ выше партій, не имѣетъ ничего общаго съ этими взглядами; считая женскій вопросъ въ Америкѣ рѣшеннымъ, онъ намѣренъ въ означенномъ сочиненіи, посвященномъ отъ автора всѣмъ женщинамъ, понимающимъ свое истинное назначеніе, разсмотрѣть, правильно ли его рѣшеніе или нѣтъ. Ничего не могло быть любопытнѣе, какъ прочесть хорошее выполненіе подобнаго намѣренія, но, къ сожалѣнію, г. Колачекъ и остается только при добромъ намѣреніи. Онъ начинаетъ говорить о положеніи американской женщины сперва въ общежитіи, то-есть собственно на улицѣ, въ общественныхъ экипажахъ, гостиницахъ, желѣзныхъ дорогахъ и т. д., замѣчаетъ объ удоб-

Digitized by Google

ствахъ путешествія для дамъ въ Америкѣ, о любезности и внимательности къ нимъ мужчинъ и разсказываетъ, со словъ одной американки, какъ она познакомилась дорогою съ господиномъ, который, при прощаньи, казался очень тронутымъ и просилъ ее, въ случаѣ надобности, обратиться прямо къ нему. Тутъ, какъ на бѣду, дама эта падаетъ съ моста въ воду, ее вытаскиваютъ, и она кидаетъ столь презрительный взглядъ на этого же господина, стоявшаго спокойно на берегу съ сигарою, что онъ тутъ же кинулся въ воду и утонулъ! Каковъ пассажъ?... За вѣрность разсказанныхъ фактовъ (какихъ именно? что господинъ кинулся въ воду, именно отъ взгляда американки, что ли?) Колачекъ ручается. Потомъ 2)—дома, 3) о привилегіи женщинъ, называемой авторомъ *правомъ на бракъ*, которая состоитъ въ томъ, что по американскимъ законамъ женщина, получившая любовное письмо, *имѣетъ право* требовать, чтобъ авторъ онаго вступилъ съ нею въ бракъ; Колачекъ замѣчаетъ, что это требованіе совершается противъ ея желанія, не объясняя опять, какимъ же это образомъ можетъ случиться; онъ видитъ въ этомъ причину сдержанности и церемонности мужчинъ въ присутствіи женщины, замѣчая, что съ американками нельзя говорить о предметахъ, о которыхъ у насъ говорятъ, будто бы, съ женщинами *постоянно*, что намъ кажется уже очень преувеличено; приводитъ въ примѣръ, «что спросивъ однажды у служанки, гдѣ она достала прекрасный картофель, онъ не получилъ отвѣта, какъ оказалось, потому, что вопросъ этотъ былъ не у мѣста». Подобною же пустою болтовнею переполнены главы: 4) независимость, достоинство, грація, 5) кокетство и школа, 6) быть или не быть — любовь, 7) бракъ и семейство, 8) положеніе женщинъ въ политикѣ, педагогіи, религіи, искуствѣ, наукѣ, литературѣ, нравственности, работѣ — глава всего въ 10 страницъ, написанныхъ общими фразами въ родѣ слѣдующихъ: что женщины занимаются мелочною торговлею, имѣютъ занятія въ редакціяхъ и типографіяхъ, сдѣлали *замѣчательные* успѣхи въ астрономіи, пріобрѣли огромную извѣстность въ Европѣ въ научномъ отношеніи, имѣютъ важное значеніе въ скульптурѣ, поэзіи, литературѣ, допущены къ участію по дѣламъ администраціи, оказываютъ замѣчательные успѣхи и т. д. Послѣ всего этого, Колачекъ добирается до заключенія и говоритъ, что описанное нами высокое положеніе американской женщины имѣетъ твердыя основанія въ жизни американскаго народа. Какія же? спрашиваетъ читатель. Вотъ какія: «американка обладаетъ въ сравненіи съ мужчиною высшей организаціей (почему—неизвѣстно, и одна ли американка находится въ такомъ положеніи относительно мужчинъ, или распространяется это и на европейскихъ женщинъ — также не объяснено); она—источникъ всѣхъ идеаловъ жизни; она—проводникъ истиннаго образованія, она заботится объ интеллектуальномъ и гуманномъ развитіи; безъ нея нѣтъ духовной жизни; индивидуальность женщины выше индивидуальности мужчины; женщина индивидуальнѣе, она образуетъ личность. Въ Новомъ

Digitized by Google

Свѣтѣ господствуетъ индивидуумъ, а женщина есть его принципъ. Всюду, гдѣ она является, она господствуетъ только потому, что является (какъ это все ясно доказано!). Слѣдовательно, въ Новомъ Свѣтѣ господствуетъ женщина. Это послѣднее наше объясненіе высокаго положенія женщины въ Америкѣ.» Словами этими заканчиваетъ Колачекъ свое сочиненіе, забывъ вѣроятно, что онъ обѣщалъ разсмотрѣть, правильно ли рѣшенъ женскій вопросъ въ Америкѣ? Онъ же только объясняетъ причину высокаго положенія женщины въ Америкѣ, если только можно считать объясненіемъ фразы, подобныя вышеприведеннымъ, которыя, быть можетъ, и вполнѣ справедливы, но не могутъ же быть принимаемы читателемъ на вѣру, безъ ясныхъ доказательствъ справедливости и основательности выражаемыхъ ими положеній. Доказательствъ же Колачекъ никакихъ не представляетъ, и потому читателю и приходится въ отношеніи вопроса о положеніи женщинъ въ Америкѣ руководиться свѣдѣніями, сообщенными въ этомъ отношеніи извѣстнымъ Токвилемъ въ знаменитомъ сочиненіи его «De la démocratie en Amérique». T. 2. chap. 8—13 p. 215—241. 1850. Объяснивъ читателю вліяніе демократическихъ учрежденій на семейную жизнь, онъ говоритъ о вліяніи ихъ на воспитаніе женщины въ Америкѣ, на положеніе ея какъ дѣвушки и матери семейства, а также о воззрѣніи американцевъ на равноправность мужчинъ и женщинъ, и заканчиваетъ этотъ отдѣлъ, какъ извѣстно, словами: «et si maintenant que j'approche de la fin de ce livre, où j'ai montré tant de choses considerables faites par les Américains, on me demandait à quoi je pense qu'il faille principalement attribuer la prosperité singulière et la force croissante de ce peuple, je repondrais que c'est la superiorité de ses femmes», показавъ предварительно и воззрѣніе женщинъ американскихъ на ихъ положеніе, и права.

Что же касается до русскаго перевода г. Колачека, то онъ неудовлетворителенъ: встрѣчаются выраженія: «желая воспользоваться силой своего *пасса*»—вѣроятно паспорта; въ штатѣ *Калькута*—вѣроятно Кентуки и т. д., такъ что все изданіе на русскомъ языкѣ безполезнаго сочиненія Колачека, мы считаемъ дѣломъ весьма плохой и не совсѣмъ понятной спекуляціи, такъ какъ можно быть въ полной увѣренности, что наши женщины, понимающія свое истинное назначеніе, обратятся, если пожелаютъ имѣть свѣдѣнія о положеніи женщины въ Америкѣ—не къ Колачеку, а къ вышеуказаннымъ главамъ сочиненія Токвиля.

Должно ли преслѣдовать лихву закономъ? *Популярное изложеніе ученія Бентама и Тюрю о лихвѣ. Изданіе* А. П. Червякова. *С.-Петербургъ. 1865.*

Знаменитый французскій экономистъ Тюрго, будучи еще интендантомъ въ Лиможѣ, представилъ въ 1768 году записку о денежныхъ займахъ, въ которой доказывалъ необходимость измѣненія законовъ о лихвѣ; немного позже англійскій мыслитель

Digitized by Google

Бентамъ, въ 1787 году, написалъ на берегу Азовскаго моря (а не въ Кричевѣ Могилевской губерніи), свою знаменитую defence of usury, которая во французскомъ переводѣ и вошла въ составъ 2-го тома собранія главнѣйшихъ экономистовъ (Collection des principaux économists par Guillaumin). Изъ этихъ-то двухъ капитальныхъ произведеній сдѣлано въ настоящее время на русскомъ языкѣ довольно краткое извлеченіе, цѣль котораго для насъ совершенно непонятна, несмотря на то, что мы съ большимъ удовольствіемъ и сочувствіемъ встрѣтили бы полный и обстоятельный переводъ на нашъ языкъ всѣхъ замѣчательныхъ политико-экономическихъ сочиненій, помѣщенныхъ въ вышеупомянутой коллекціи Гильомена. Это по крайней-мѣрѣ обогатило бы нашу переводную литературу и могло бы способствовать болѣе основательному и обширному изученію у насъ политической экономіи, въ необходимости близкаго знакомства съ которою для каждаго общественнаго дѣятеля — никто въ настоящее время не сомнѣвается. Но какую же пользу доставитъ лежащая передъ нами неполная компиляція, подъ такимъ хитрымъ еще заглавіемъ: *должно ли преслѣдовать лихву законами?* не совсѣмъ-то вѣрно передающимъ содержаніе и самую цѣль тѣхъ сочиненій, изъ которыхъ извлеченіе это сдѣлано. Мы просимъ читателя вспомнить, подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ написаны оба сочиненія, Тюрго и Бентама, и можно ли, напримѣръ, defence of usury, schowing the impolicy of the present legal restraints on pecuniary bargains—защита лихвы и т. д. считать переводомъ точнымъ, хотя по справкамъ во всѣхъ лексиконахъ, окажется, что defence—защита, usury—лихва и т. д. Дѣло въ томъ, что въ тѣ времена, когда писали Тюрго и Бентамъ, смотрѣли вообще на *всякую ссуду*, подъ какіе бы то ни было малые проценты, какъ на дѣло нечестное, достойное презрѣнія и даже наказанія и преслѣдованія въ силу законовъ; людей, занимавшихся этимъ, ненавидѣли и преслѣдовали, вслѣдствіе чего они за подобныя непріятности очень естественно вознаграждали себя величиною взимаемыхъ процентовъ. Тогда всякій процентъ считался лихвеннымъ, тогда какъ въ настоящее время одно лишь взиманіе процента *свыше* опредѣленнаго законами считается *лихвою*, а самое помѣщеніе денегъ на такъ-называемые *указные* проценты отнюдь не считается предосудительнымъ. Тюрго и Бентамъ, увидѣвъ весь вредъ для заемщиковъ же отъ подобнаго порядка дѣлъ, возстали противъ него, доказали его нелѣпость и безполезность, и увлеченные, впрочемъ совершенно справедливыми и основательными взглядами и доводами, пришли къ заключенію, что не должно преслѣдовать законами *лихву* въ смыслѣ и значеніи этого слова, имъ современномъ, а не намъ. Нынѣ дѣйствующія законодательства впадаютъ всѣ въ ошибку, опредѣляя разъ навсегда, какой процентъ должно считать лихвеннымъ, то-есть не выше какой цифры ростъ считается вполнѣ справедливымъ и нисколько непредосудительнымъ, и этимъ самымъ извращаютъ понятіе о *лихвѣ*, которая состоитъ

Digitized by Google

не во взиманіи процента выше опредѣленной, извѣстной цифры, но въ увеличеніи процента займа исключительно вслѣдствіе особыхъ стѣснительныхъ обстоятельствъ и даже безвыходнаго иногда положенія заемщика, въ присвоеніи на долю капитала тѣхъ частей барыша и выгоды отъ какого либо предпріятія, которыя должны идти собственно на вознагражденіе другихъ факторовъ производства, и въ полученіи на капиталъ свой процента бо́льшаго, нежели причитающійся вообще изъ извѣстнаго предпріятія на долю капитала. Подобные существенные признаки лихвы, дѣлающіе рѣшительно невозможнымъ и безполезнымъ для законодательства точное разъ навсегда опредѣленіе той цифры процента, съ которой должно считать процентъ лихвеннымъ, а заемъ—лихвою, тѣмъ не менѣе не слагаютъ съ законодательства обязанности *лихву*, въ выше указанномъ нами значеніи слова, преслѣдовать законами точно такъ, какъ всякое другое вредное и преступное дѣйствіе въ отношеніи всего гражданскаго общества и лицъ, его составляющихъ.

Въ настоящее время, при предстоящемъ гласномъ судопроизводствѣ, можетъ быть легко предоставлено усмотрѣнію присяжныхъ рѣшеніе самого вопроса, должно ли взимаемый въ извѣстномъ случаѣ процентъ считать лихвеннымъ или нѣтъ, возложивъ на обязанность законодательства существующее нынѣ опредѣленіе дозволенныхъ или указныхъ процентовъ отмѣнить вовсе, какъ совершенно безполезное, и вмѣстѣ съ тѣмъ назначивъ наказаніе за *лихву*, сдѣлать по возможности точное опредѣленіе ея *значенія* въ смыслѣ, нами указанномъ выше. Въ настоящее время у насъ никто не сомнѣвается въ справедливости взиманія процентовъ при ссудѣ капиталовъ, никто самую ссуду оныхъ давнымъ давно не считаетъ предосудительною, а считая совершеніе займа вполнѣ зависящимъ отъ свободной воли лицъ, отъ обоюднаго ихъ согласія и т. д., никто не находитъ страннымъ и безнравственнымъ брать проценты рѣшительно по усмотрѣнію, пользуясь при этомъ, конечно, положеніемъ заемщика.

Все это доказываетъ достаточно безполезность появленія у насъ популярнаго изложенія ученія Бентама и Тюрго о лихвѣ, и заставляетъ насъ сожалѣть, что авторъ онаго не принялъ на себя труда распространить въ народѣ взгляды на лихву, изложенные въ очень хорошей книгѣ L'usure—sa definition par Marin-Darbel (Paris 1859), изъ которой мы и привели выше, вполнѣ нами раздѣляемое, опредѣленіе лихвы.

Въ заключеніе намъ остается сказать, что самое извлеченіе сдѣлано добросовѣстно, и переводъ вѣренъ.

О свободномъ трудѣ при помѣстномъ устройствѣ.

Члена вольнаго экономическаго общества, Н. А. Безобразова. *С.-Петербургъ.*

Необходимость новой организаціи сельско-хозяйственнаго труда, вызванная совершившимся освобожденіемъ крестьянъ изъ крѣпо-

Digitized by Google

стной зависимости, весьма легко можетъ побудить многихъ землевладѣльцевъ купить и прочитать вышеназванную нами книгу г. Безобразова съ тѣмъ, чтобы почерпнуть какія бы то ни было практическія или непрактическія свѣдѣнія о свободномъ трудѣ при помѣстномъ устройствѣ. Но въ этомъ-то отношеніи именно читатель ничего не извлечетъ изъ этого сочиненія и придетъ къ совершенно правильному заключенію, что оно представляетъ собою совершенно безполезное произведеніе нашей литературы. Сказавъ, что въ глубинѣ (?) обсуждаемаго вопроса лежатъ четыре главныя понятія — вольно-наемный трудъ, трудъ свободный, крѣпостная зависимость и помѣстный бытъ — авторъ замѣчаетъ, что выраженія «вольнонаемный трудъ» и «трудъ свободный» *знаменуютъ два понятія* вовсе нетождественныя, и желая по возможности уяснить читателю это глубокомысленное замѣчаніе, поражающее съ перваго же раза своею безполезностью—(ибо кому же неизвѣстно, что трудъ можетъ быть вполнѣ свободный, не будучи вольнонаемнымъ, и что всякій вольнонаемный трудъ является слѣдствіемъ свободы труда, безъ которой онъ и не могъ бы быть вольнонаемнымъ?) — г. Безобразовъ находитъ нужнымъ коснуться общаго понятія о свободѣ и частномъ ея значеніи. Мы полагаемъ, что послѣ всего написаннаго уже о свободѣ такими мыслителями, какъ Милль и другіе, г. Безобразовъ могъ бы уволить читателей отъ подобныхъ опредѣленій, какъ напримѣръ: свобода, въ обширномъ смыслѣ этого слова, есть правильное состояніе воли человѣка. (Какое же состояніе воли г. Безобразовъ считаетъ правильнымъ—неизвѣстно; а слѣдовательно, не уяснено и значеніе свободы). Воля — способность; свобода — ея состояніе. Поэтому выходитъ, что свобода есть состояніе воли (а не правильное, какъ сказано выше и т. д.). Послѣ этого авторъ говоритъ, что «защитою отъ обиды съ чьей бы то ни было стороны права на трудъ, осуществляется свобода труда или то гражданское положеніе, при которомъ разумное предопредѣленіе воли на трудъ не стѣсняется, внѣшнее проявленіе ея охраняется и послѣдствія ея, то-есть возмездіе и пріобрѣтеніе, обезпечиваются» (стр. 8). Не останавливаясь на этомъ самомъ жалкомъ наборѣ словъ, нисколько неопредѣляющихъ значеніе свободы труда, мы послѣдуемъ далѣе за авторомъ, который, сказавъ нѣсколько словъ опять о крѣпостной зависимости и вредныхъ ея послѣдствіяхъ (какъ это все ново и привлекательно! неправда ли?), добирается наконецъ до помѣстнаго хозяйства, разумѣя подъ этимъ тотъ видъ осѣдлаго хозяйства, въ которомъ землевладѣлецъ имѣетъ дѣло не съ отдѣльнымъ лицомъ, а съ цѣлымъ обществомъ или селеніемъ; эти сельскія общества образуютъ собою въ гражданскомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ коллективныя личности (стр. 17). Вотъ, думаетъ читатель, добрались мы, наконецъ, до главнаго содержанія; тутъ-то и почерпну свѣдѣнія разныя о свободѣ труда и проистекающихъ вслѣдствіе его отношеніяхъ между сельскимъ обществомъ — коллективною личностью и землевладѣль-

Digitized by Google

цемъ. Не тутъ-то было! Г. Безобразовъ пускается въ разсужденіе *о власти* и о порядкѣ установленія ея; спрашиваетъ: кто же въ помѣстномъ бытѣ приличнѣе можетъ олицетворить живое средоточіе, столь необходимое для общества, и т. д., и отвѣчаетъ: никто, какъ *помѣщикъ!* вѣдомству котораго, по личному (мы желали бы думать, что и единственному) мнѣнію г. Безобразова, должно бы принадлежать: утвержденіе выборовъ въ сельскія должности, разборъ жалобъ, приносимыхъ на мірскіе приговоры, надзоръ за усадебнымъ благоустройствомъ, наблюденіе за порядкомъ вообще и за *исполнительностью* должностныхъ сельскихъ лицъ, и т. д! Какъ вамъ это все нравится, читатель? и что вы на все это скажете? Ясно, что книжка г. Безобразова нетолько безполезное, но и вредное произведеніе, которое ничего не сообщая, какъ обѣщано по заглавію о свободѣ труда, содержитъ въ себѣ всякую чепуху, для чтенія непригодную. Поэтому книжку эту мы сейчасъ же и бросимъ, сообщивъ только изъ нея еще одинъ небольшой курьёзъ. Въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія, онъ говоритъ: «Съ большою мудростью Положеніе 19-го февраля предлагаетъ выкупъ *какъ возможность*, осуществленіе которой зависитъ отъ желанія землевладѣльца-помѣщика. Оно иначе и быть не можетъ: ибо не въ природѣ закона насиловать собственность, то-есть громить то, для охраны чего онъ существуетъ. Откуда же взялось и кѣмъ распространено мнѣніе, будто бы для благой развязки помѣстныхъ отношеній только одинъ *исходъ — выкупъ*? Мнѣніе крайне несправедливое. При выкупѣ, повсемѣстно совершившемся, около 75-ти милліоновъ десятинъ земли поступятъ въ общинное владѣніе, столько же останется на рукахъ такъ-называемыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Каждое помѣстье раздвоится; въ одной половинѣ водворится общинное хозяйство, то-есть хозяйство невозможное (но доселѣ существовавшее же, замѣтимъ мы, и почему же непремѣнно останется, почему не измѣнится въ участковое, отдѣльно-личное?), ибо всѣ никогда хозяиномъ не бываютъ; оно ежедневно будетъ раздираемо стремленіемъ къ участковому или душевому хозяйству, то-есть атомистическому. Въ другой половинѣ учредится хозяйство пустопомѣстное, въ которомъ землевладѣлецъ будетъ постоянно, какъ рыба на мели, биться изъ пріисканія рабочихъ рукъ. И такъ, тамъ хозяйство безъ головы и нескончаемое броженіе, тутъ—хозяйство безъ рукъ и непрерывное изнеможеніе.»

Какова картина! и все это говорится бездоказательно; все на однихъ предположеніяхъ. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ, какъ скоро желаешь доказать, что для земледѣльцевъ вредно владѣть обработанною ими землею, и что имъ лучше быть вѣчными съемщиками, чѣмъ полными владѣльцами!...

Вѣрнѣйшій способъ *образованія и сбора необходимыхъ на постройку желѣзныхъ дорогъ въ Россіи капиталовъ.* І. Н. Шилля. -*Петербургъ. Типографія Товарищества «Общественная поль*-. *1865 г.*

Digitized by Google

Сущность этого способа состоитъ въ открытіи повсемѣстной и продолжительной подписки на акціи или паи будущихъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, различной нарицательной цѣны, то-есть не только на цѣлый пай, но и на доли оныхъ, доступныя по цѣнѣ своей всякому, кто имѣлъ бы возможность и желаніе сберегать съ ближайшею цѣлью пріобрѣтеніе такого пая. Необходимо допустить самые малые взносы, хотя бы пять копеекъ, ежемѣсячные и даже еженедѣльные. Подписка на паи и взносы по нимъ должны продолжаться нѣсколько, то-есть 4, 5, 6 или 7 лѣтъ; въ послѣдующее полугодіе или въ слѣдующій годъ по открытіи подписки (серія 1-я), должна быть открыта новая подобная же подписка на паи 2-й серіи и т. д., по мѣрѣ надобности. Паи должны приносить гарантированныхъ три процента, которые выплачиваются въ опредѣленное время, по окончаніи подписки, то-есть когда дороги будутъ частью, а нѣкоторыя и вполнѣ построены. Пайщикамъ должно предоставить право на $^1/_2$ или $^1/_4$ чистаго дохода отъ эксплуатаціи дорогъ, впредь до изъятія паевъ изъ обращенія посредствомъ тиража; при такомъ погашеніи — давать сверхъ капитала *премію*, соотвѣтственную времени погашенія. Можно допустить и лотерейные выигрыши на мелкіе паи, именно отъ 1 до 5 или 10, а на крупные отъ 5 до 25 или 50 десятинъ земли, назначивъ таковыя изъ принадлежащихъ казнѣ земель, лежащихъ близь будущихъ желѣзныхъ дорогъ или въ другихъ мѣстахъ, при чемъ, само собою разумѣется, необходимо устроить такъ, чтобы пайщики могли получать свои выигрыши нетолько натурой, но и деньгами. Чтобы показать всю состоятельность предлагаемой имъ мѣры, которая *неизбѣжно* и *несомнѣнно* послужитъ къ непремѣнному, будущему процвѣтанію нашихъ государственныхъ финансовъ (почему—рѣшительно неизвѣстно), Шилль дѣлаетъ различныя предположенія, сколько въ Россіи людей, которые, тратя деньги ежедневно на совершенно лишніе предметы, могли бы сберегать на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ по одной только копейкѣ въ день, и даже одной денежкѣ, по одной копейкѣ въ недѣлю и т. д., и предполагаетъ, что его сограждане, задавъ себѣ вопросъ: не лучше ли было бы, какъ для насъ самихъ, такъ и для дорогаго отечества, еслибы мы тратили въ день, на лишнее и вредное одною копейкою менѣе, употребляя оную на общественныя и нелишенныя даже для насъ самихъ выгодъ предпріятія? — Отвѣтятъ на оный утвердительно и будутъ сообразно этому и поступать, ибо—все это говоритъ Шилль—какъ не принять по возможности намъ всѣмъ, дѣтямъ и членамъ русской семьи, участія въ составленіи столь необходимыхъ для блага Россіи средствъ; неужели между нами много такихъ нищихъ, у которыхъ не найдется даже по нѣсколько копеекъ въ часъ на пользу *свою* и отечества? неужели между нами слишкомъ много позорно-равнодушныхъ къ его благосостоянію и участи вообще? Неужели нашъ патріотизмъ, наша любовь къ отечеству можетъ проявляться только вспышками, и есть потому больше пустая фра-

Digitized by Google

за, ложь, обманъ... Нѣтъ никакого сомнѣнія, что какъ только поймете русскій народъ въ чемъ дѣло, какъ только узнаетъ онъ, чѣмъ можно ему угодить своему царю, да не просто царю, а царю-благодѣтелю, царю-освободителю, какъ только смекнетъ онъ, что постоять за родную страну, послужить родному краю, можно не одной головой, а также и мошной, то онъ положительно не потерпитъ, чтобы набралось слишкомъ *мало* средствъ на желѣзныя дороги, на дороги для народа! Стыдно намъ, коли такъ! и поведетъ дѣло такъ, что не будетъ стыдно, и разинетъ ротъ отъ удивленія вся Европа. Одинъ развѣ Гладстонъ не удивится, но на то онъ и Гладстонъ.

Говоря объ изысканіи средствъ на предпріятіе чисто-коммерческое, матеріальное, самое естественное было бы и обратиться къ соотвѣтствующимъ ему матеріальнымъ человѣческимъ двигателямъ — барышамъ, выгодамъ, а не къ лишеніямъ и разнымъ высоконравственнымъ чувствамъ, какъ любовь къ отечеству, самопожертвованіе и т. д., которыя по самой природѣ своей не могутъ служить побудительными причинами къ поступкамъ и дѣйствіямъ обыкновеннымъ и ежедневнымъ притомъ. И къ чему же, дѣлая воззваніе къ возвышеннымъ такимъ чувствамъ, сулить имъ вознагражденіе самое матеріальное и самое ничтожное — какъ *три процента* съ рубля!... Это дѣлается, возразятъ намъ, для поощренія народа русскаго къ сбереженію—народа, который, по словамъ Шилля, мало трудится, мало сберегаетъ, мало дорожитъ своими силами, много мотаетъ и т. д.

Сознавая вполнѣ всю дѣйствительную пользу благотворнаго начала сбереженія, мы считаемъ необходимымъ для развитія онаго въ народѣ, принимать всевозможно разныя средства, причисляя конечно къ числу самыхъ дѣйствительныхъ въ этомъ отношеніи, *образованіе народа*. Но тѣмъ не менѣе мы не можемъ усмотрѣть, чтобы предложеніе г. Шилля, сдѣланное имъ также, и повидимому, даже преимущественно въ видахъ развитія въ народѣ бережливости, могло принести пользу и въ этомъ отношеніи, особенно при существованіи во многихъ мѣстахъ городскихъ сберегательныхъ кассъ, которыя постепенно увеличиваются въ своемъ числѣ (смотри мѣсяцесловъ 1865 г. стр. 232 — 35). Онѣ принимаютъ по нѣсколько разъ въ недѣлю вклады, не менѣе 25 копеекъ, даютъ по *три* процента въ годъ, начиная съ перваго числа мѣсяца, тогда какъ паи г. Шилля будутъ давать тѣ же 3% по окончаніи подписки, то-есть когда дороги будутъ частью готовы, слѣдовательно, пройдетъ не мало времени, впродолженіе котораго вкладчикъ процентовъ не получитъ. Сберегательныя кассы выдаютъ вклады или часть оныхъ обратно по востребованію вкладчика, чѣмъ собственно и достигается всего болѣе цѣль сбереженія денегъ на тотъ моментъ, когда они дѣйствительно потребуются. Деньги же по паямъ желѣзныхъ дорогъ не могутъ быть возвращены по требованію вкладчика; онъ долженъ ждать времени погашенія ихъ по тиражу, или прода-

Digitized by Google

вать, въ случаѣ надобности въ деньгахъ, по существующей для нихъ биржевой цѣнѣ, которая будетъ гораздо ниже нарицательной, по той простой причинѣ, что въ настоящее время государственныя бумаги по 5 процентовъ въ годъ, акціи гарантированныхъ желѣзныхъ дорогъ также по 5% въ годъ, стоятъ *ниже* ихъ нарицательной цѣны, а тѣмъ болѣе будутъ стоять ниже—бумаги, приносящія всего только три процента. Слѣдовательно, тутъ вкладчикъ, въ минуту дѣйствительной для него надобности, испытываетъ потерю, какъ-бы за свое сбереженіе, что и воздержитъ его отъ подобнаго рода помѣщенія денегъ, совсѣмъ не такъ привлекательнаго, при всѣхъ соблазнахъ, коими обставилъ его г. Шилль. Мы не понимаемъ, и г. Шилль намъ не объясняетъ, какъ устроить такъ, чтобы найденъ предназначаемый ему выигрышъ при тиражѣ въ 5—25 десятинъ земли, могъ получать не только натурою, но и деньгами? Для этого землю надо будетъ продавать, ибо другихъ денегъ у государства на это не усматривается. Сколько расходовъ сопряжено съ продажами подобныхъ незначительныхъ клочковъ земли, по длинѣ будущихъ желѣзныхъ дорогъ? Купитъ ли кто эту землю вообще и т. д.? Да и какая это приманка для лица, занимающагося земледѣліемъ, и которой не знаетъ, что́ ему причтется за его выигрышъ? А сколько расходовъ, неизбѣжныхъ при открытіи повсемѣстной и продолжительной подписки на акціи, начиная съ одной копѣйки; какая сложность контроля, разсчета процентовъ и т. д. Но замѣнивъ мечты дѣйствительностью, не представляется ли необходимымъ въ отношеніи сбора капиталовъ на постройку желѣзныхъ дорогъ обращаться исключительно къ способамъ, употребляемымъ съ этою цѣлью всѣми современными государствами.

Публичныя лекціи г. Молинари, *стенографировалъ В. Соболевскій. С.-Петербургъ. 1865 г.*

Совершенное отсутствіе въ нашей литературѣ, какъ оригинальной такъ и переводной, какихъ бы то ни было новыхъ сочиненій по части политической экономіи, заставляетъ насъ упомянуть и объ этихъ восьми публичныхъ лекціяхъ г. Молинари, которыя по преимуществу носятъ на себѣ характеръ, свойственный большей части публичныхъ лекцій: онѣ новыхъ взглядовъ въ себѣ не заключаютъ, отличаются ясностію изложенія, крайне разнообразнымъ содержаніемъ, эфектными фразами, касаются почти всего въ общихъ выраженіяхъ, и т. д., а потому и представляютъ собою чтеніе болѣе легкое, нежели поучительное. Въ этихъ лекціяхъ нѣтъ ничего, чего бы мы не знали изъ курса *политической экономіи* г. Молинари. Посвятивъ свои лекціи исключительно вопросу объ экономическомъ прогресѣ, представляющемъ, по мнѣнію г. Молинари, результатъ совокупнаго, гармоническаго вліянія всѣхъ трехъ его элементовъ, то-есть производства, распредѣленія и потребленія богатствъ, онъ замѣчаетъ, что прогресъ нашего времени заключается въ пріумноженіи производства, въ расширеніи

Digitized by Google

средствъ удовлетворенія потребностямъ человѣческимъ. Это даетъ ему поводъ говорить о пользѣ развитія машинъ, замѣняющихъ огромную массу физическаго труда, а также о необходимости умственныхъ свѣдѣній и всякаго рода капиталовъ, причемъ онъ касается образованія капиталовъ, *сбереженія*, какъ главнаго къ тому условія, различныхъ видовъ расходовъ (производительныхъ и непроизводительныхъ) и развитія асоціаціи въ настоящее время, которую и считаетъ единственно возможною современною формою производства, даже и въ отношеніи къ земледѣлію. Перейдя послѣ этого къ кредиту, его гарантіи и формамъ, Молинари говоритъ о различнаго рода банкахъ, и ихъ значеніи, о значеніи монетной единицы, бумажныхъ и металическихъ деньгахъ, и о бѣдствіяхъ, сопряженныхъ въ производствѣ съ колебаніемъ монетной единицы. Сказавъ при этомъ нѣсколько словъ о войнѣ и революціяхъ вообще, объ успѣхахъ безопасности, сдѣланныхъ Европою втеченіе послѣдняго столѣтія, онъ переходитъ къ вопросу о расширеніи и облегченіи сбыта, который можетъ встрѣчать препятствія искуственныя — въ таможняхъ и тарифахъ, и естественныя — въ трудности сообщеній. Какъ безусловный приверженецъ свободы торговли, Молинари, ссылаясь конечно на Англію, доказываетъ всю пользу для общества отмѣны таможенныхъ системъ всякаго рода, этихъ искуственныхъ горъ, препятствующихъ свободному сбыту произведеній, и коснувшись выгодъ желѣзныхъ дорогъ, заканчиваетъ свои лекціи слѣдующими, между прочимъ, словами, обращенными къ намъ русскимъ: «Вы совершили громадныя реформы, какъ нельзя лучше, самымъ мирнымъ путемъ. Послѣ отмѣны крѣпостнаго права, вамъ остается только усугубить вниманіе на другихъ затрудненіяхъ вашего народа. Не въ реформѣ освобожденія труда заключается только ваша задача; вы имѣете еще много другихъ. Передъ вами стоитъ еще неразрѣшеннымъ вопросъ о монетной единицѣ, объ упадкѣ цѣнности вашихъ денегъ, который мѣшаетъ развитію кредита, о затрудненіяхъ вашей хлѣбной торговли. Ваши пути сообщенія находятся еще въ очень неудовлетворительномъ положеніи, и вамъ необходимо устроить небольшія желѣзныхъ дорогъ.»

Да, дѣйствительно, желѣзныя дороги необходимы; народъ ясно сознаетъ всю пользу ихъ, какъ это видно изъ сообщаемыхъ цифръ отчета главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Но откуда же взять средства, необходимыя для ихъ сооруженія?

НОВЫЯ РУССКІЯ И ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

Въ послѣднее время вышли слѣдующія книги:

Чорн. Руководство къ физической географіи. Переводъ съ англійскаго. 1 г. С.-Петербургъ.

Digitized by Google

Нимейеръ. Ср. частная патологія и терапія, основанная преимущественно на физіологіи и патологической анатоміи. Профессора патологіи и терапіи въ тюбингенскомъ университетѣ. Переводъ съ 6-го нѣмецкаго изданія *Н. Гейнсиус*. С.-Петербургъ. 1865 года. Часть II. Изданіе *Потика*. Цѣна 2 рубля.

Шахъ-Пароніанцъ. О произвольномъ омертвеніи наружныхъ частей. Разсужденіе, написанное на полученіе степени доктора медицины. Москва. 1865 г. Типографія Готье. Стр. 216, съ 4-мя таблицами. Цѣна 1 р. 75 коп.

Григоровичъ, Д. В. Прогулка по эрмитажу. 1865 г. С.-Петербургъ, въ типографіи В. Н. Майкова. Стр. 153. Цѣна 50 коп. Отдѣльное изданіе статей, помѣщенныхъ подъ тѣмъ же заглавіемъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1865 года.

Субботинъ. Современныя движенія въ расколѣ. Москва. Въ типографіи Каткова и К°. Цѣна 75 к. Стр. 114 (отдѣльное изданіе статьи «Русскаго Вѣстника» 1865 года).

Маколей. Полное собраніе сочиненій. Томъ 13. 1865 г. С.-Петербургъ. Изданіе *Вольфа*, въ типографіи Тиблена. Цѣна 1 р. 50 коп. Томъ этотъ содержитъ въ себѣ послѣднія главы «Исторіи Англіи отъ восшествія на престолъ Іакова II», изданъ, какъ извѣстно, уже по смерти самого автора его сестрою, которымъ и заключается это прекрасное произведеніе.

Раевскій. Руководство къ разведенію хлопчатника съ примѣненіемъ культуры его къ климату и почвѣ Крымскаго полуострова. Симферополь. Въ типографіи таврическаго губернскаго правленія.

Валь. О хлопчатой бумагѣ, ея произведеніи и способѣ обработыванія. Одесса. Въ типографіи Нитче. 1865. 8° стр. 35, съ чертежами.

Матеріалы по вопросу о преобразованіи тюремной части въ Россіи, изданіе министерства внутреннихъ дѣлъ. С.-Петербургъ. 1865 года. Стр. 668.

Ольхинъ, С. А. О сборахъ съ подороженъ—матеріалы II отдѣленія комиссіи для пересмотра системы податей и сборовъ. Въ типографіи Безобразова и Ко. Стр. 146.

Пекарскій. Путешествіе академика Николая Делиля въ Березовъ въ 1740 году, со снимками видовъ Березова. Приложено къ VI тому Записокъ императорской академіи наукъ. 1865 года. Цѣна 50 коп.

Даль. Толковый словарь живаго великорусскаго языка. Изданіе общества любителей россійской словесности. Выпускъ X. 1865 года. Цѣна 1 руб.

L'Algerie en 1865, coup d'oeil d'un colonisateur, par M. le marquis *de-Cosentino*. (Алжирія въ 1865 г., взглядъ колонизатора, маркиза *де-Козентино*).

La Coupe maudite, par *A. Favre*. (Проклятая чаша, романъ *А. Фавра*). 1865.

Les Dupes du coeur, par *H. Benoist*. (Глупцы по сердцу, романъ *Г. Бенуа*). 1865.

Essai sur la democratie moderne, par *A. George*. (О новой демократіи. *А. Жоржа*). 1865.

Etudes sur la circulation et les banques, par *A. Sudre*. (О денежномъ обращеніи и банкахъ, *А. Сюдра*). 1865.

Les Filles de Minuit, par *M. Valery Vernier*. (Дочери полуночи, *В. Верніе*). 1865.

Guide pratique de l'ingénieur agricole, par *J. Laffineur*. (Практическое руководство для сельскаго инженера, *Ж. Лафинёра*). 1865.

Guide pratique d'entomologie agricole, par *H. Gobin* (Практическое руководство къ земледѣльческой энтомологіи, *Г. Гобэна*). 1865.

Histoire de la soie, par *E. Pariset*. (Исторія шелка, *Э. Паризе*). 1865.

L'Histoire par le théatre, par *M. Théodore Muret*. (Исторія, составленная по театру, *Теодора Мюре*). 1865.

Digitized by Google

Les Métaux précieux considérés au point de vue économique, par *M. Roswag*, ingénieur des mines (Драгоцѣнные металлы, разсматриваемые съ экономической точки зрѣнія, г. *Росвага*, горнаго инженера). 1865.

Meyerbeer et son temps, par M. *Henri Blaze de-Bury*. (Мейерберъ и его время, *Г. Блазъ-де-Бюри*). 1865.

Un nouveau chapitre de l'histoire politique des reformés de France, par *M. Anques*. (Новая глава политической исторіи французскихъ протестантовъ, г. *Анкеза*). 1865.

Petite grammaire élémentaire en 57 leçons, par *M. Bescherelle*. (Сокращенная элементарная грамматика въ 57 урокахъ, г. *Бешереля*). 1865.

Satires, par M. *Auguste Barbier*. (Сатиры, *Огюста Барбье*). 1865.

Le Scepticisme, par *E. Saisset*. (Скептицизмъ, *Э. Сесе*). 1865.

Autobiography and correspondence of Dr. *Lyman Beecher*. (Автобіографія и переписка доктора *Л. Бичера*). 1865.

Belle Boyd in camp and prison. (Прекрасная Бойдъ въ лагерѣ и тюрьмѣ). 1865.

Brigand life in Italy, by count *Maffei*. (Жизнь итальянскихъ разбойниковъ, графа *Мафеи*). 1865.

English Writers before Chaucer, by *H. Morley*. (Англійскіе писатели до Чосера, *Г. Морлея*). 1865.

Exodus of the western nations, by viscount *Bury*. (Эманципація западныхъ государствъ, виконта *Бюри*). 1865.

Helen Felton's Question, a Novel. (Вопросъ Елены Фёлтонъ, романъ), 1865.

Impressions of Life at home and abroad, by lord *Eustace Cecil*. (Впечатлѣнія жизни на родинѣ и въ чужихъ краяхъ, лорда *Е. Сесиля*). 1865.

Lives of the warriors of the Thirty-Year's-War, by lieut.-gen. sir *Edward Cust*. (Жизнеописанія воиновъ тридцатилѣтней войны, генерал-лейтенанта *Эд. Коста*). 1865.

Napoleon III and his Court. (Наполеонъ III и его дворъ). 1865.

Principles of education drawn from nature and revelation, and applied to female education in the upper classes, by the author of «Amy Herbert». (Начала воспитанія для женщинъ высшихъ классовъ). 1865.

Saturn and its system. (Сатурнъ и его система). 1865.

Studies on ethical and social subjects, by miss *Cobbe*. (О нравственныхъ и общественныхъ предметахъ, г-жи *Кобъ*). 1865.

The Superstitions of witchcraft, by *Howard Williams*. (Вѣра въ колдовство, *Г. Уильямса*). 1865.

System of modern history, by *S. H. Reynolds*. (Система новой исторіи, *С. Г. Рейнольдса*). 1865.

Too good for him, a Novel, by *Florence Marryat*. (Слишкомъ хорошо для него, романъ *Ф. Мэрріэтъ*). 1865.

Under the waves, by *Annie Ridley*. (Подъ волнами, *А. Ридлей*). 1865.

A Visit to the cities and camps of the confederate states, by *Fitzgerald Ross*, captain of hussars in the imperial austrian service. (Краткое пребываніе въ городахъ и лагеряхъ конфедеративныхъ штатовъ, *Ф. Росса*). 1865.

Who was to blame? by *J. Verey*. (Кто былъ виноватъ? *Дж. Верея*). 1865.

Wit and wisdom from West Africa, by *R. T. Burton*. (Остроуміе и мудрость Западной Африки, *Р. Ф. Бортона*). 1865.

Digitized by Google

КУРЬОЗЫ.

За предѣлами невѣроятнаго.

Въ предъидущей книжкѣ «Отеч. Записокъ», въ статьѣ «Verba novissima», было, между прочимъ, допущено, что послѣ полемики между «Современникомъ» и «Русскимъ Словомъ», изъ-за пальмы первенства по части критики на «Отцевъ и Дѣтей», область невѣроятнаго должна считаться вполнѣ исчерпанной. По крайней-мѣрѣ тотъ отдѣлъ этой области, къ которому относятся литературныя неприличія. Тамъ было допущено такъ же, что одною изъ самыхъ крайнихъ невѣроятностей должна быть признаваема гражданская скорбь Посторонняго Сатирика, съ которою онъ оплакивалъ передъ г. Зайцевымъ тотъ фактъ, что «приличныя хроники» «Отеч. Записокъ» пользуются всеобщимъ предпочтеніемъ передъ его — Посторонняго Сатирика — «самыми неприличными ругательствами», которыя, будто бы, во всякомъ случаѣ болѣе полезны для общества. Если ужь это допущено въ «Отечественныхъ Запискахъ», пусть оно такъ и будетъ: сколько намъ извѣстно, «Отеч. Записки» взвѣшиваютъ довольно строго не только всѣ свои сужденія, но и всѣ слова свои; не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые отдѣлы этого журнала даже отъ его недруговъ заслужили названіе «приличныхъ». Но вотъ Посторонній Сатирикъ, въ майской книжкѣ «Современника», снова является сѣдящимъ «на рѣкахъ вавилонскихъ» и плачущимъ о томъ же самомъ предметѣ. Первое собственное имя въ его вавилонскомъ плачѣ опять-таки имя г. Зайцева. Къ какому роду экстравагантностей должно быть отнесено это явленіе? По истинѣ, ему не можетъ быть мѣста даже въ области невѣроятнаго, и мы переносимъ его за ея предѣлы.

Всего любопытнѣе здѣсь, конечно, то, что подобный пассажъ случился съ сатирикомъ. Успѣй одурачить самого себя такимъ образомъ умъ обыкновенный, тогда и плачъ его былъ бы тоже обыкновенный. Но здѣсь имѣлъ удачу предать самого себя на жертву

Digitized by Google

всѣхъ сарказмовъ умъ сатирическій, потому, и плачъ его можно назвать только вавилонскимъ. Между тѣмъ случай Постороннаго Сатирика былъ изъ самыхъ простыхъ. При самой умѣренной остротѣ ума до этого случая можно было не дойти, и при самой скромной находчивости изъ него можно было съ успѣхомъ выдти. Съ однимъ только Постороннимъ Сатирикомъ могло случиться, что онъ и дошелъ, и не вышелъ.

Дѣло въ томъ, что съ самаго перваго пробужденія въ нашемъ обществѣ такъ-называемой самодѣятельности, въ немъ стала обнаруживаться и нѣкоторая строгость отношеній къ литературѣ; еще съ того времени въ обществѣ, то тамъ, то сямъ, начали показываться болѣе или менѣе щекотливые носы, для которыхъ полемическіе «эфекты» со всѣми ихъ «фонтанами» вѣяли уже не ароматами, какъ прежде, а довольно зловредными міазмами. Посторонній Сатирикъ не былъ, однако, настолько прозорливъ, чтобы это замѣтить, или настолько скептиченъ, чтобы перестать вѣровать, будто его «самыя неприличныя ругательства» все еще страхъ — какъ необходимы для общества. Затѣмъ немного позднѣе, хотя совершенно недавно, въ Петербургѣ пронеслась почти общая молва, не менѣе тревожнаго свойства: говорили, будто редакціи приличныхъ журналовъ были со всѣхъ сторонъ осаждаемы внутренними и внѣшними корреспонденціями, приблизительно — въ одномъ и томъ же духѣ: — принять зависящія отъ нихъ мѣры и обнаружить до послѣдней степени свойственную имъ энергію для противодѣйствія вреднымъ «эфектамъ», проникающимъ, будто бы, всѣ страницы нѣкоторыхъ уважаемыхъ журналовъ; говорили, будто иныя изъ означенныхъ кореспонденцій даже прямо требовали отъ приличныхъ редакцій, чтобы онѣ открыли на своихъ улицахъ, по особой подпискѣ, живые источники неизсякаемыхъ ароматовъ, съ тѣмъ, чтобы почтовое вѣдомство, прежде чѣмъ отсылать номера нѣкоторыхъ уважаемыхъ журналовъ, могло подвергать ихъ предварительному погруженію. Но Посторонній Сатирикъ, опять-таки, былъ на столько самоуглубленъ въ свои «самыя неприличныя ругательства», что прослушалъ непростительнымъ образомъ и эту угрожающую молву. Теперь дошло, наконецъ, до того, что корреспонденты прямо обратились къ самому «Современнику»; обратились нисколько недвусмысленно и говорятъ прямо: «сдѣлайте одолженіе, заткните ваши фонтаны; мы были терпѣливы, мы были предупредительны, какихъ же жертвъ вы еще хотите отъ насъ?» Въ майской статьѣ Постороннаго Сатирика, подъ заглавіемъ «Къ читателямъ», двѣ корреспонденціи такого содержанія приведены въ подлинныхъ словахъ; о третьей говорится, какъ о затерянной, но выражающей то же самое. Кромѣ

Digitized by Google

того. Посторонній Сатирикъ съ самоотверженностію не довольно оцѣненнаго гражданина группируетъ и другіе факты, которые даютъ ему неоспоримое право убѣдиться, что не одни только кореспонденты, но и все такъ называемое общественное мнѣніе вопіетъ то же самое: «заткните! заткните!»

Вотъ и весь случай Посторонняго Сатирика, изъ котораго ему предстояло выдти, какъ скоро онъ не умѣлъ уже уберечь себя, чтобы не дойти до него. Казалось бы—что̀ можетъ быть проще. Говорятъ: заткните. Ну, и заткнулъ бы. Болѣе умнаго тутъ едвали можно было что нибудь придумать. Развѣ благоразумную уступку оставалось сбросить деликатной выходкой, порадоваться съ своими согражданами, что наконецъ-де и мы дожили до того великаго явленія, которое у образованныхъ націй называется общественнымъ мнѣніемъ.

Но «кого Богъ захочетъ наказать, напередъ умъ отниметъ». Съ одной стороны, не желая дешево отдаваться на̀-смѣхъ, съ другой же, усматривая, что отказаться отъ «самыхъ неприличныхъ ругательствъ» значитъ отказаться отъ самой сущности своего изобильнаго дарованія, Посторонній Сатирикъ рѣшился на то, чего ему не присовѣтовалъ бы ни такой другъ, какъ г. Зайцевъ, ни такой врагъ, какъ г. Благосвѣтловъ, ни даже такой союзникъ, какъ г. Минаевъ. Онъ рѣшился сдѣлать открытый вызовъ общественному мнѣнію, онъ сопоставилъ свои «самыя неприличныя ругательства» съ открытіемъ Галилея и съ ученіемъ Сократа, и опираясь на этотъ базисъ, нашелъ общественное мнѣніе несправедливымъ, легковѣрнымъ, заражоннымъ всѣми предразсудками, слѣпымъ и глухимъ для всего выходящаго изъ ряду, способнымъ возмущаться самыми отборными ругательствами и въ то же время восторгаться статьями г. Благосвѣтлова и автора «Нерѣшоннаго вопроса».

Боже! неужели это сатирикъ? вообразите себѣ, что ацтеки, которыхъ г. Моррисъ показываетъ на Малой Морской, обидѣлись бы чьимъ нибудь замѣчаніемъ на счетъ совершенной невзрачности ихъ наружнаго вида. Представьте, что въ видахъ отмщенія за обидное замѣчаніе, они обулись бы въ сапоги Ахиллеса и надѣли бы всю его воинскую сбрую. Добавьте къ этому, что наши ацтеки, въ своей ахиллесовой сбруѣ, съ цѣлію показать свое молодечество, устремляются на истребленіе маленькой мыши. Вотъ истинное положеніе, въ которое ставитъ себя Посторонній Сатирикъ, сопоставляя свои «самыя неприличныя ругательства»—съ одной стороны, съ открытіемъ Галилея, съ другой—съ статьями г. Благосвѣтлова.

Digitized by Google

Но обратимся къ подлиннымъ оборотамъ рѣчи Постороннаго Сатирика, направленнымъ къ разгромленію той пошлости, которая извѣстна у образованныхъ націй подъ именемъ общественнаго мнѣнія.

«Итакъ—говоритъ онъ—противъ меня возстало общественное мнѣніе и единодушно осудило меня всѣми формами своего выраженія. Что же мнѣ дѣлать послѣ этого? Остается, я думаю, бросить литературу, не обращаться болѣе къ общественному мнѣнію, которое меня не терпитъ, а поступить развѣ въ извощики, гдѣ я могу вполнѣ удовлетворить своей непреодолимой страсти къ ругательствамъ; или же мнѣ можно остаться на литературной аренѣ, но только усвоить себѣ ту солидность, какою отличаются гг. Краевскій съ Дудышкинымъ, Катковъ съ Леонтьевымъ» и проч. («Совр.», май 1865, отд. II, стр. 115).

Еслибы эта дилема была поставлена искренно, она имѣла бы свою цѣну. О солидности гг. Дудышкина съ Катковымъ или Краевскаго съ Леонтьевымъ нечего, конечно, и говорить: между нею и «самыми неприличными ругательствами» не можетъ быть никакой паралели. Но даже «въ извощики» — все-таки безконечно лучше, чѣмъ со всѣми вкусами и наклонностями къ извозу оставаться въ литературѣ, заражать ее міазмами отвратительныхъ «фонтановъ», гасить ея и безъ того слабый огонекъ, и отбивать у бѣдныхъ путниковъ, или кореспондентовъ, и послѣднюю охоту идти на этотъ огонекъ. Все, что вы ни выдумайте, все будетъ лучше, чѣмъ свести свою литературную карьеру къ тому, чтобы, наконецъ, изъ-за «самыхъ неприличныхъ ругательствъ» объявлять открытую войну общественному мнѣнію. Но приведенная дилема, какъ можно замѣтить, предназначалась быть только сарказмомъ. Посторонній Сатирикъ ни солидности себѣ не усвоитъ, ни въ извощики не пойдетъ. Свою риторскую уступку онъ допустилъ лишь съ тѣмъ, чтобы придать тѣмъ бо́льшую язвительность слѣдующимъ строчкамъ:

«Я не сдѣлаю — говоритъ онъ — ни того ни другаго; я останусь на литературномъ поприщѣ, буду дѣйствовать, писать и полемизировать такъ же, какъ дѣлывалъ это до сихъ поръ, что́ бы тамъ ни говорило противъ меня враждебное мнѣ общественное мнѣніе»...

(Пользуемся случаемъ сказать, мимоходомъ и въ скобкахъ, г. Постороннему Сатирику: вы этого не посмѣете. Вы растерялись, и теперь храбритесь только изъ чувства ложнаго стыда. Послѣдній человѣкъ, которому придется испытать міазмы вашего «эфекта», это будетъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, пишущій эти

Digitized by Google

строки. Но облеченный во все достоинство совершаемаго имъ дѣла, онъ къ этому останется равнодушенъ; а больше—вы не посмѣете. И это самое уже послужитъ очищеніемъ отъ вашего «эффекта» тому, кто пишетъ эти строки. Власть, съ которою мы говоримъ вамъ, что вы не посмѣете, не есть напускная. Ей базисомъ служитъ то общественное мнѣніе, къ которому вы относитесь такъ легкомысленно—цинически. Вы не посмѣете, если вамъ дорого... положимъ, хоть обезпеченіе вашихъ наборщиковъ работою. Вопросъ поставляется прямо: работать имъ или не работать?—Имъ не работать, если вы не послушаетесь того голоса, который «всѣми формами своего выраженія» кричитъ вамъ: «заткните!» Итакъ, заткните. Не то вамъ горько придется пенять на себя, а не то на васъ кому-нибудь... конечно, опять-таки не кому другому, какъ вашимъ наборщикамъ. Ужели можно дойти, въ самомъ дѣлѣ, до такого нравственнаго безразличія, до такой утраты чувства реальности, чтобы съ пьедестала Галилея или Сократа отстаивать передъ общественнымъ мнѣніемъ «самыя неприличныя ругательства», да еще и отстаивать-то, ругаясь самымъ неприличнымъ образомъ. Продолжаемъ прерванную выписку):

«Говоря откровенно, я вовсе не намѣренъ слушаться совѣтовъ и соображаться съ желаніями *этого* общественнаго мнѣнія; я не уважаю *этого* (курсивъ не нашъ) общественнаго мнѣнія, потому что оно совершенно неправо относительно меня, потому что я сознаю себя совершенно правымъ. Есть другое общественное мнѣніе, *разумное*, *незримое*, *неслышное* (курсивъ нашъ), которое я уважаю, съ *желаніями* котораго я желаю сообразоваться; но я увѣренъ, что оно на моей сторонѣ, потому что оно разумно, можетъ разсуждать собственнымъ умомъ, не принимаетъ внушеній гг. Краевскаго и Каткова» и проч. (Стр. 115).

Спросимъ еще разъ: неужели это сатирикъ? То общественное мнѣніе, которое говоритъ вслухъ, пишетъ на всю Россію, проявляется «всѣми формами своего выраженія», Постороннiй Сатирикъ считаетъ какъ-бы несуществующимъ, какъ-бы незримымъ, какъ-бы неслышнымъ, потому что находитъ его неразумнымъ, и находитъ единственно потому, что оно не признаетъ его «самыхъ неприличныхъ ругательствъ». Но бываетъ, что по какому-нибудь предмету общественнаго мнѣнія вовсе нѣтъ... или есть, да только оно, какъ выражается Постороннiй Сатирикъ, пребываетъ «незримое», «неслышное», лишенное всякихъ желаній и всякаго проявленія ихъ, то-есть совсѣмъ неимѣющее бытія. И это-то мнѣніе Постороннiй Сатирикъ считаетъ единственно обязательнымъ для себя, единственно слышимымъ и единственно видимымъ, *потому что* оно разумно, а разумно оно потому, что не-въ примѣръ

Digitized by Google

подписчикамъ на изданія гг. Каткова и Краевскаго, «можетъ разсуждать своимъ умомъ»... Но если этотъ умъ такой же, какъ у Посторонняго Сатирика, тогда чему же онъ разноситься? Дѣйствительно, одному только небитію!... Приведенная сейчасъ выдержка — одна изъ немногихъ, гдѣ рукоприкладства не доведены до высшей степени. И вотъ какова она вышла. И точно такъ выходитъ у Посторонняго Сатирика во всѣхъ случаяхъ, какъ только онъ сбивается съ прямой стези своего необыкновеннаго дарованія. Какъ же ему не стоять послѣ этого за «самыя неприличныя ругательства»?

Но какъ же ему стоять и за эти ругательства? Посмотрите, какъ онъ разсуждаетъ даже и въ этой, его любимой сферѣ:

«*Это* общественное мнѣніе—говоритъ онъ—возмутилось моими неблагопристойностями, а между тѣмъ у него *подъ носомъ совершались вещи* (курсивъ нашъ) самыя возмутительныя и оно не моргнуло глазомъ. Оно возмутилось моими ругательствами, а въ то же время восторгалось моралью гг. Каткова и Краевскаго. Я радъ, что *такое* (курсивъ не нашъ) общественное мнѣніе вооружилось противъ меня, это дѣлаетъ мнѣ *честь* (эй, не плюйте въ колодезь!). Я бы считалъ себя несчастнѣйшимъ писателемъ, я бы просто бросилъ самое писательство, еслибы меня стало хвалить и одобрять то общественное мнѣніе, которое посылало адресы г. Каткову и другимъ однороднымъ ему, я бы считалъ безчестіемъ для себя получить адресъ отъ него не ругательный, а хвалебный...» (Стр. 117).

Пріостановимся. Этотъ человѣкъ говоритъ о чести, говоритъ о безчестіи. Но какъ Пилату хотѣлось узнать: «что такое истина», такъ мы хотѣли бы уразумѣть: что такое честь и что такое безчестье въ устахъ этого человѣка? Въ приведенной цитатѣ каждое слово противоположно строгимъ понятіямъ чести. Что означаетъ, напримѣръ, мораль г. Каткова и что такое мораль г. Краевскаго, если это не безсмысленныя слова? Ну, говорите же... если не теперь, то хоть въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Дайте, по крайней мѣрѣ, узнать, хотѣли ль вы сказать этой моралью, что названные сейчасъ лица — поджигатели по принципу, какъ бываютъ иные фанатики, или ругатели по убѣжденію, какъ вы, или они служили когда и брали взятки, или теперь продаютъ свои убѣжденія, или преступили священныя клятвы, или ограбили какихъ нибудь вдовъ и сиротъ и проч. До тѣхъ поръ, если вы не позволите признать ваши слова безсмысленными, васъ будутъ считать распространителемъ ложныхъ слуховъ (Свод. Закон. т. XV. стат. 1196), вреднымъ инсинуаторомъ. Но васъ будутъ считать такимъ и послѣ, потому что выдумать какое нибудь несуществую-

Digitized by Google

шее преступленіе вамъ не подозрѣть, а какое-нибудь вздорное объясненіе ваше контуръ за вѣчте. Мораль г. Каткова! — мораль г. Краевскаго! — Не будьте джентльменомъ, не будьте человѣкомъ порядочнаго общества, не будьте ученымъ даже въ семинаріи, но будьте только лишены всякой честности къ извозу и скажите ради-Бога: можно такъ выражаться? въ особенности, выражаться въ тѣхъ же строчкахъ, гдѣ хочешь показать свою чувствительность къ дѣламъ чести и безчестія? И потомъ, можно ли, ну — можно ли говорить, что дѣлать «я считалъ бы безчестіемъ для себя получить адресъ не ругательный, а хвалебный» отъ того общественнаго мнѣнія, «которое посылало адресы г. Каткову?» Вѣдь сколько лицъ заинтриговано въ эту выходку! Вѣдь какое великое и славное для нашего отечества дѣло замарано этой выходкой. Сколько намъ извѣстно, г. Катковъ получалъ адресы только за свою публицистную дѣятельность во время польскаго «повстанія». Тѣ, которые посылали ему адресы, думали удовлетворить этимъ святѣйшему изъ всѣхъ чувствъ своихъ, чувству патріотизма. Посылали же они эти адресы г. Каткову, а не кому другому, потому, что считали его лучшимъ истолкователемъ этого чувства. Не въ томъ дѣло, что чувство это, напримѣръ — въ Постороннемъ Сатирикѣ и ему подобныхъ, могло быть другимъ какъ по существу, такъ и по выраженію, а въ томъ, что это чувство, во всякомъ случаѣ, святое, и что послѣдствіемъ его заявленій было возвышеніе чести нашего отечества въ глазахъ цѣлаго міра. Теперь, говоря совершенно трезво и отдавая себѣ полный отчетъ въ своихъ словахъ, можно спросить: въ какомъ отношеніи, и почему именно — мнѣніе людей, посылавшихъ патріотическіе адресы г. Каткову, можно считать столь презрѣннымъ, чтобы похвалу его принимать за безчестіе, а его охужденіемъ гордиться? Вы, можетъ быть, скажете, что это вопросъ уже чезчуръ щепетливый и что васъ вызываютъ на отвѣтъ не весьма безопасный. Остерегитесь: никто не думаетъ посягать на вашу безопасность; рѣчь идетъ о самомъ простомъ человѣческомъ смыслѣ, о самой простой человѣческой нравственности, наконецъ просто о значеніи разныхъ словъ. Вы года, года повторяете эту презрѣнную выходку, вы обратили ее въ одну изъ любимѣйшихъ вонабулъ для себя; такъ неужели же, вы думаете, не любопытно дотронуться до ея глубокаго смысла, до ея высокой морали; и неужели подобная попытка необходимо заслуживаетъ, чтобы вы сейчасъ же опровинулись на дерзкаго покусителя съ вашимъ «фонтановъ» на счотъ менделизма и другихъ деликатностей, въ которыхъ притомъ никто такъ неискусенъ, какъ вы же: вы — открыватели чужихъ анонимовъ, вы — распространители ложныхъ слуховъ, вы — подслушивающіе у дверныхъ сква-

вамъ, вы вредные инсинуаторы! Мы почти не сомнѣваемся, что вы не захотите удостоить вашъ вопросъ отвѣтомъ, не захотите разсѣять никогдѣшнюю тяжесть вашей выходки; это вамъ вамъ угодно. Не намъ хочется, напомнимъ, громко заявить, такъ громко, чтобы отозвалось въ глубинѣ даже вашей совѣсти, что ваше молчаніе будетъ выражать не то, что вамъ отвѣтъ былъ бы не безопасенъ для васъ, а то, и единственно только то, что эта ваша выходка, наряду со многими другими, есть злѣйшій изъ вашихъ «фонтановъ» и что вы признаете выгоднымъ держать его открытымъ только тутъ-чуть: вы находите, что довольно и этого—такъ велика, по вашему, сила этого «фонтана». Но... говорю вамъ—говорю вамъ: затяните!

Допустимъ, однако, что разсчеты на вредную инсинуацію, какъ бы они ни были порочны, могутъ быть еще не всегда и не вполнѣ напрасны; разсчитывать на провокаціонное пристрастіе человѣческаго племени почти всегда можно до нѣкоторой степени, не опасаясь остаться въ совершенномъ накладѣ; можно допустить, что даже и такія нехитрыя слова, какъ, напримѣръ, «моралъ г. Краевскаго», все еще въ комъ-нибудь умѣ могутъ возбудить какую-нибудь гнусность. Конечно, тутъ не можетъ быть и рѣчи о какой-нибудь чести для инсинуатора, не можетъ быть рѣчь о комъ-нибудь утѣшеніи для него. Типы, какъ показываетъ человѣческая исторія, бываютъ милосердые и добрые, оплакивающіе тотъ день, въ который имъ неудалось сдѣлать добра, и бываютъ такъ же безжалостные и злые, проклинающіе тотъ часъ, въ который имъ не довелось сочинить какую-нибудь пакость. Все это еще кое-какъ можно понимать. Но если выходитъ только пакость, а никакого утѣшенія, тогда что надобно думать о побужденіяхъ сочинителя? Что, въ особенности, надобно думать о немъ, если сочинитель имѣетъ претензію быть сатирикомъ? Вотъ для примѣра полторы строчки, встрѣчаемыя въ разбираемой нами статьѣ на страницѣ 114-й:

«Г. Краевскій лучше старой подошвы, а г. Дудышкинъ гораздо лучше старыхъ рейтузовъ».

И только. Ничего больше, ничего меньше. И внизу и вверху говорится совсѣмъ о другомъ. Что вы можете думать объ этихъ полуторы строчкахъ? Вы съ разу способны усмотрѣть, что въ нихъ есть пакость, но, конечно, и съ десяти, и съ сотни, и съ тысячи разъ не будете въ состояніи открыть въ нихъ ни одного сколько-нибудь вѣроятнаго утѣшенія для сочинителя. Потому, вамъ хотѣлось бы считать ихъ невѣроятными, невозможными ни для какого ругателя на свѣтѣ. Но какъ вы можете сдѣлать это, когда онѣ напечатаны, и еще не просто напечатаны,

Digitized by Google

а съ оговоркою, что для проведенія этого ругательства нужно было преодолѣть сопротивленія редакціи...

Повторимъ и еще разъ: ужели это сатирикъ? И неужели ваши сопротивленія, господинъ Современникъ, такъ слабы, что ихъ могутъ побѣждать даже подобные сатирики, даже въ подобныхъ стихотвореніяхъ? Боже сохрани васъ думать, чтобы ваши полторы строчки, или даже полторы тысячи подобныхъ имъ, могли показаться сколько нибудь оскорбительными для тѣхъ, къ кому онѣ относятся. Подобныя ругательства, какъ вы сами можете понимать, такъ ругательны, что ими уже рѣшительно невозможно обижаться. Отвѣтъ на нихъ и вмѣстѣ удовлетвореніе за нихъ находятся въ нихъ же самихъ. Онѣ напечатаны, этого и довольно. Но если недостойно обижаться ими, то можно оскорбляться изъ-за нихъ. Уже ли, въ самомъ дѣлѣ, не обидно, что вотъ въ одномъ изъ отечественныхъ и довольно распространенномъ журналѣ, такъ явно стремящемся къ сатирѣ, сатирою управляетъ человѣкъ, открыто стоящій за «самыя неприличныя ругательства», плачущій вавилонскимъ плачемъ о непризнаніи этихъ ругательствъ, ругательски ругающій общественное мнѣніе всей страны своей за это непризнаніе, самъ себѣ поставляющій дилемму — идти ли ему въ извощики или сочинять сатиры, наконецъ неспособный составить не то-что остроумную, не то-что язвительную, но даже просто обдуманную и обдѣланную фразу? Полторы строчки могутъ служить ближайшимъ доказательствомъ тому... Но что значатъ полторы строчки, когда есть полтораста сысячъ другихъ строчекъ, признаваемыхъ циническими до позора даже друзьями ихъ автора, заклейменныхъ литературною критикой, наконецъ — возмутившихъ, миазмами своего содержанія и грубостью своего выраженія, нравственное и эстетическое чувство всего круга читающихъ людей въ Россіи. И пусть бы этими строчками достигались хоть какія-нибудь преднамѣренныя цѣли, хотя-бы и не весьма похвальныя; тогда, значитъ, въ нихъ все-таки было бы сколько-нибудь ума, таланта, порядка и разборчивости; слѣдственно, былъ бы хоть сколько-нибудь примиряющій элементъ. Но онѣ тѣмъ особенно и возмутительны, что ни къ чему заранѣе не предназначены; ими какъ будто не хотятъ достигнуть другой цѣли, кромѣ удовлетворенія внутренней потребности и, можетъ быть, благовидной выемки, въ видѣ гонорарія, изъ редакціонной кассы; оттого при всемъ непомѣрномъ изобиліи этихъ ругательныхъ строчекъ, изъ нихъ никогда ни одна не попадаетъ не то-что въ глазъ или въ бровь кому слѣдуетъ, а просто никуда не попадаетъ. Полторы строчки, съ приведенными въ нихъ именами, опять могутъ быть указаны, какъ ближайшій примѣръ того. Эти имена, приводимыя

Digitized by Google

по всѣмъ падежамъ, со всѣми предлогами, повторяются у Посторонняго Сатирика не рѣже, чѣмъ всякая другая изъ его задушевныхъ побабушекъ. И кажется, пора бы придти къ тому, чтобы, напримѣръ, при одномъ имени г. Дудышкина, въ умѣ каждаго читателя «Современника», возникало опредѣленное представленіе если не обо всемъ духовномъ складѣ этого почтеннаго и глубокоуважаемаго нами редактора нашего, то хотя о его убѣжденіяхъ, взглядахъ, о кругѣ обработанныхъ имъ сюжетовъ и самомъ способѣ обработки. И однако, что же? Если читатель «Современника» не есть въ то же время читатель «Отеч. Записокъ», то имя г. Дудышкина звучитъ для него точно такъ же, какъ и имя г. Краевскаго, а оба эти имена выражаютъ тоже, что и имена гг. Каткова и Леонтьева, и наконецъ всѣ четыре точно такъ же напоминаютъ самихъ себя, какъ и змѣя Горынича и всякое другое существо изъ міра сверхъестественнаго или обыкновеннаго. Если воображеніе читателя не довольно чисто, а память его не довольно опрятна, онъ можетъ, пожалуй, вспомнить или представить какія-нибудь «самыя неприличныя ругательства», какія-нибудь «старыя рейтузы», какую-нибудь «старую подошву». Но что же во всемъ этомъ типическаго, и даже просто сатирическаго? Кажется, всѣ люди на всемъ свѣтѣ одарены наклонностію понимать предметы болѣе или менѣе реально; сатирики, разумѣется, въ особенности; кажется, само «Русское Слово» не лишено этой наклонности, покрайней-мѣрѣ, до нѣкоторой степени. Одинъ только Посторонній Сатирикъ составляетъ непонятное исключеніе изъ этого, и его-то именно «Современникъ» и выбралъ въ свои сатирики... Послѣдствіемъ выбора было то, что «Современникъ», прежде поступленія въ раздачу, теперь требуетъ предварительнаго погруженія... И когда дошло даже до этого, когда уже все ясно и сомнѣваться рѣшительно не въ чемъ, Посторонній Сатирикъ все еще похвалается, что онъ не перестаетъ блистать «эфектами», а его «эфекты» не перестанутъ бить «фонтанами»... Но... говорю вамъ—говорю вамъ, господинъ «Современникъ»: затвните!

Но какъ моря не вычерпать горстью, такъ намъ не вычерпать всѣхъ невозможностей, не переслушать всѣхъ вздоховъ въ вавилонскомъ плачѣ Посторонняго Сатирика. Потому, въ заключеніе, мы остановимся на томъ, чего невозможнѣе не изобрѣтала еще ничья фантазія. Посторонній Сатирикъ, обезоруживая всякій смѣхъ, почти заставляетъ безмолвствовать самую жалость. Онъ оказывается рѣшительно убѣжденнымъ, что правъ былъ Галилей и правъ былъ Сократъ, но что онъ правѣе одного, и правѣе другого. Не находя во всемъ своемъ отечествѣ такихъ судей (по крайней-мѣрѣ — *зрячихъ* и *слышащихъ*), которые бы разсудили не

Digitized by Google

части и совѣсти между его «самыми неприличными ругательствами» и людскою несправедливостію къ нимъ, онъ призываетъ наконецъ камни во свидѣтели, и надѣется, что они будутъ, или должны бы быть, къ нему справедливѣе. Онъ говоритъ:

«Я очень хорошо знаю *это* общественное мнѣніе; видѣлъ множество примѣровъ, по которымъ легко судить, до какой незначительной степени оно разсудительно, гуманно и справедливо; я много разъ видалъ, чему покровительствуетъ и что хвалитъ *это* общественное мнѣніе... Въ самомъ дѣлѣ, ужь сколько разъ *Я* толковалъ *этому* общественному мнѣнію, что̀ всякія неблагопристойности и брани суть дѣло неважное и безразличное, что въ литературѣ и въ жизни есть множество явленій, гораздо худшихъ, чѣмъ мои неблагопристойности, что мои благопристойные противники, позволяютъ себѣ много такого, что безъ всякаго сравненія зловреднѣе всякой извощичьей брани. Кажется, камни должны бы понимать *эти простыя до очевидности соображенія*, притомъ же разжеванныя и въ ротъ положенныя; однако, общественное мнѣніе» и проч. (Стр. 116).

Здѣсь все заставляетъ скорѣе умолкать, чѣмъ говорить. Одно уже — «*Я* толковалъ *этому* общественному мнѣнію» — едва ли не способно обезоружить самаго жестокосердаго Пилата. Чье это *Я?* — Посторонняго Сатирика. Это онъ-то толковалъ *этому* неразумному общественному мнѣнію. — О чемъ же онъ толковалъ ему? — О томъ, что «всякія неблагопристойности и брани суть дѣло неважное и безразличное». — На какомъ же аргументѣ онъ опиралъ эту великую истину? — На томъ, что «въ литературѣ и жизни есть множество явленій, *гораздо худшихъ*», или, говоря иначе, что на свѣтѣ бываютъ болѣе тяжкія преступленія и злодѣйства. Но какой же сторожъ уѣзднаго суда не знаетъ до тонкости, что преступленія имѣютъ степени? Какой несчастный писарь неспособенъ вразумить любого сатирика въ «Современникѣ», что непристойности и брани не то-что не имѣютъ никакой важности, а имѣютъ, примѣрно, одну важность, а *всякія непристойности*—другую, самоличные побои—еще другую, побои черезъ наемныхъ гладіаторовъ—опять другую и т. д. Наконецъ, какой же камень, какой наборщикъ «Русскаго Слова» не понимаетъ, что нельзя доказывать безнаказанность воровства тѣмъ, что на свѣтѣ совершаются еще убійства? И подобный толкователь еще тычетъ въ глаза своему отечеству своимъ *Я*. И это *Я* позволяетъ себѣ унижать весь общественный смыслъ своей страны (покрайней мѣрѣ, зримый и слышный), выставляя на видъ, будто оно способно толковать что нибудь этому смыслу. Это *Я* вмѣняетъ себѣ даже въ заслугу и гордость, что оно толковало *этому* общественному смыслу о томъ, что̀, съ одной стороны, понятно даже кам-

Digitized by Google

намъ и темно только для Нестеренкаго Сатирика, а съ другой, недоступно ничьему разуму, если не считать разумъ того же сатирика. И это еще не обидно? И это не «фонтанъ» надъ «фонтанами», кропящій уже не на сотрудниковъ или издателей и редакторовъ разныхъ журналовъ, а на всю нашу великую Россію, со включеніемъ Малой и Бѣлой? Но... говорю вамъ—говорю вамъ: затихните!

Читатель долженъ замѣтить намъ нѣкоторую патетичность послѣдней тирады. Она какъ будто отзывается комическимъ тономъ, а между тѣмъ, мы отнюдь не думаемъ полемизировать. Можетъ быть, впрочемъ, наша тирада даже и не отзывается полемикой, и намъ такъ только показалось: до такой степени намъ чужда мысль о полемикѣ, понимаемой въ ея теперешнемъ значеніи. Но если она уже непремѣнно отзывается, то опять, можетъ быть, не потому, что такова ея сущность, а единственно потому, какъ говоритъ Майнъ-Ридъ въ своихъ «Охотничьихъ Разсказахъ»*, что «на мѣстѣ, гдѣ убитъ хорекъ, зловоніе остается нѣсколько мѣсяцевъ, хотя бы густой снѣгъ покрывалъ землю». Дѣло въ томъ, что пишущій эти строки, а порою и другія, относящіяся въ этомъ журналѣ къ тому же предмету, нетолько не полемизаторъ, но и человѣкъ нисколько не литературный. Объ этомъ можно судить даже по его слогу, который, кромѣ того—что получаетъ нѣкоторую сносность единственно отъ проникающей его добродѣтели, еще подвергается значительнымъ исправленіямъ въ редакціи**. Между пишущимъ эти строки и обыкновеннымъ читателемъ вся разница въ томъ, что, вслѣдствіе своего взгляда на литературу, онъ относится къ ея непріятіямъ, достигшимъ, кажется, своего апогея, далеко не такъ объективно и барственно, какъ принято относиться къ этому явленію почти всѣми, стоящими въ сторонѣ отъ литературы. Обыкновенный читатель разумѣетъ литературу, какъ какую-то абстрактную сферу, обитаемую какими-то абстрактными, хотя и служебными относительно его, существами. Тотъ же, напротивъ, кто пишетъ эти строчки, полагаетъ, что литература, подобно тому какъ и всякая другая индустрія или занятіе, есть только часть общественной дѣятельности, и притомъ до того близкая и нечуждая каждому изъ насъ, какъ близки и не чужды намъ наши собственные помыслы. Отъ такого различія взглядовъ происходитъ: вопервыхъ, то, что пишущаго эти строки все — что ни случается въ литературѣ, печалитъ или радуетъ совершенно независимо отъ того, же-

* См. предъидущій № «Отеч. Записокъ», отд. I, стр. 149, въ статьѣ «Verba Novissima».

** Намъ пріятно заявить здѣсь нашу признательность гг. редакторамъ этого журнала.

Digitized by Google

какъ онъ или холостъ, и есть ли у него взрослыя дочери, или нѣтъ; а между тѣмъ, обыкновенный читатель, какъ это извѣстно и ему самому, для литературныхъ радостей едва-ли даже доступенъ, сторонній же испытываетъ не иначе, какъ подъ предлогомъ взрослыхъ дочерей. Во-вторыхъ, когда обыкновенному читателю понадобилось оказать свое противодѣйствіе «фонтанамъ», онъ первымъ дѣломъ указалъ на свои ничтожныя деньги, на которыя — дескать желалъ пріобрѣсти товаръ не такого свойства; между тѣмъ, если у пишущаго эти строчки есть враги — что, однако, нисколько невѣроятно — то и самые эти враги скажутъ, что дѣйствуя въ тѣхъ же самыхъ видахъ, онъ постоянно исходилъ изъ болѣе высокихъ принциповъ, каковы, напримѣръ, общественная нравственность, неприкосновенность домашняго очага, личная безопасность, человѣческое достоинство, достоуважаемость полицейскаго устава и т. п. Ему всегда казалось, что наши (т.-е. читателей) отношенія къ разнымъ редакціямъ, какъ бы притомъ ни было высоко наше общественное положеніе, отнюдь не тѣ самыя, которыя могутъ существовать между господиномъ и слугою, или между гостинодворскимъ купцомъ и артельщикомъ. Онъ не отрицаетъ неоспоримаго права читателей требовать отъ редакцій, какъ скоро имъ заплачены деньги, болѣе или менѣе строгаго служенія тѣмъ кореннымъ принципамъ, на которыхъ покоится вся сущность общественнаго порядка; но онъ рѣшительно не допускаетъ, чтобы подобныя требованія могли быть предъявляемы на тѣхъ же основаніяхъ, по которымъ мы требуемъ, напримѣръ, отъ сапожника, чтобы наши сапоги, за условленную плату, были сдѣланы изъ самаго лучшаго товару. Между тѣмъ самая большая часть корреспонденцій, вызванныхъ послѣдними «фонтанами» и такъ обильно поступающихъ во всѣ редакціи, отличается именно подобнымъ смѣшеніемъ понятій: всякій прежде всего стремится оплакать свои деньги, или попрекнуть ими. Этотъ матеріалистическій взглядъ требуетъ рѣшительнаго и немедленнаго исправленія. Велика важность шестнадцать съ полтиной! Общественнымъ нравамъ угрожаетъ мораль Посторонняго Сатирика — общественному смыслу угрожаетъ куриный смѣхъ, потому что его ментором оказался Посторонній Сатирикъ — общественнымъ гуляньямъ угрожаетъ запустѣніе, потому что, по поводу этого менторства, намъ скоро стыдно будетъ встрѣчаться другъ съ другомъ, и особенно съ иностранцами — наконецъ, «фонтаны», «фонтаны»... А тутъ находятся люди, которымъ дороже всего ихъ шестнадцать съ полтиной! Вотъ гдѣ кроются тѣ побужденія, по которымъ пишущій эти строки, никогда не готовившись и никогда не надѣясь сдѣлаться литературнымъ человѣкомъ, рѣшился, однако, отказаться

Digitized by Google

ца время отъ всѣхъ сладостей мирной семейной жизни, рѣшился пожертвовать всѣмъ, что только способно увлекать современная литература... и чего не способна увлекать она?... рѣшился, и въ томъ далъ клятву, не покидать своего бурнаго принципа до тѣхъ поръ, пока небудетъ затянутъ послѣдній «фонтанъ» въ послѣднемъ «Современникѣ». Но онъ рѣшился на это не изъ-за шестнадцати съ полтиной, а, какъ сказано, изъ-за высшихъ принциповъ.

Нельзя желать, чтобы обыкновенный читатель очутился вдругъ на самой высотѣ тѣхъ же самыхъ принциповъ. Но можно и должно желать, чтобы онъ возвышался до нихъ, хотя бы медленно и постепенно. Во всякомъ случаѣ можно и должно желать, чтобы въ своихъ будущихъ корреспонденціяхъ, для обозначенія своей высшей точки зрѣнія, онъ не забывалъ по крайней-мѣрѣ сказать «Современнику»: «Говорю вамъ — говорю вамъ: запятите!»

Поправка. Въ предыдущемъ № «От. Записокъ» отд. I стр. 174 *въ примѣчаніи* —

напечатано:	читай:
Plagiat — литерныя присвоенія	Plagiat — литературныя присвоенія

Digitized by Google

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

1865

АВГУСТЪ

КНИЖКА ПЕРВАЯ

		стр.
I.	Происшествія, которымъ можно и не вѣрить. Разсказъ. Главы I—VII. **В. Корнева**	349
II.	Вопросъ объ искусствѣ. *Статья четвертая.* Сочиненія Н. А. Добролюбова. **Н. И. Соловьева**	416
III.	Нашъ взаимный другъ. Романъ **Чарльза Диккенса.** Книга третья. Главы IX—X	445
IV.	Передъ грозой. Романъ изъ американской жизни и нравовъ. Главы XIII—XVI	475
V.	Шекспиръ въ переводѣ русскихъ писателей. Статья **Incognito**	500
VI.	Политическая хроника. Системы народнаго представительства въ Европѣ. — Выборы въ Англіи	147
VII.	Интересы литературы и науки на Западѣ. Отвѣтъ г. Ляйэля на упрекъ Джона Лёббока. — Извѣстія съ верховьевъ Нила, изъ путешествія Бэкера. — Дополнительныя свѣдѣнія о бельгійскихъ пещерахъ и свайныхъ постройкахъ Швейцаріи. — Новая мысль о бывшемъ на землѣ второмъ льдистомъ періодѣ и проч	166
VIII.	Обозрѣніе спеціальныхъ журналовъ. Пересмотръ законовъ объ опекѣ и о личномъ задержаніи за долги. — Изслѣдованіе земель Западнаго Кавказа. — Артельное начало въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ.	176
IX.	Литературная лѣтопись. Русская литература	185
X.	Иностранная литература	211
XI.	Новыя иностранныя книги	224

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).

Digitized by Google

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
810923
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1916 L

ПРОИСШЕСТВІЯ, КОТОРЫМЪ МОЖНО И НЕ ВѢРИТЬ.

I.

Гдѣ говорится: кто и что̀ былъ Дій Дидимовичъ Дроздовъ.

Въ каждомъ уѣздномъ, безъуѣздномъ и заштатномъ городкѣ, не трогая ни столицъ, ни *губерній*, какъ бы ни былъ городокъ этотъ малъ, ничтоженъ, безлюденъ, незнаменитъ, непримѣченъ, все-таки живутъ, существуютъ силы, правящія благочиніемъ его и благополучіемъ. Не послѣдняя между силами земскими, уѣздными, не касаясь силъ денежныхъ, живетъ и сила военная. Въ большомъ городѣ, полкъ стоитъ, въ небольшомъ—полполка. въ самомъ маленькомъ—и того меньше.

Такъ, въ одномъ уѣздномъ городкѣ Безлюдовѣ, въ которомъ, между прочимъ, было тысячъ до трехъ жителей, стояла на постоянныхъ квартирахъ частица военной силы, носившая скромное названіе инвалидной, такого-то нумера роты и состоявшая неболѣе какъ изъ ста человѣкъ солдатъ, видъ и осанка которыхъ громко говорили, что не годятся-де они уже для службы боевой, армейской, что отжили-де они годы свои бравые, что дѣйствительно это люди инвалидные. Эта безлюдовская рота исполняла и исправляла разныя обязанности и должности: стояла на часахъ у зданія присутственныхъ мѣстъ, у казенныхъ сундуковъ съ казенными деньгами, у кладовыхъ съ казенными матеріалами, у хлѣбныхъ магазиновъ; караулила острогъ городской; водила арестантовъ въ сосѣдніе города; а во время большихъ праздниковъ и вообще, если по какому бы то ни было случаю и въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, входившемъ въ черту города,

Digitized by Google

предполагалось стеченіе публики, инвалидная рота усиливала собою отрядъ городской полиціи, поступая на время въ распоряженіе городничаго.

Извѣстно, что никакая часть, ни большая ни малая, существовать безъ начальства не можетъ; такъ и безлюдовская рота тоже имѣла своего прямого начальника. Безлюдовцы называли инвалиднаго начальника не иначе, какъ капитаномъ, несмотря на то, что на самомъ дѣлѣ былъ онъ только поручикомъ. Потому называли его такъ безлюдовцы, что и солидностью своею походилъ онъ болѣе на капитана, чѣмъ на поручика, да и привыкли жители къ этому названію, такъ-какъ два начальника, прежде правившіе инвалидною ротою, и на самомъ дѣлѣ были капитанами. Впрочемъ, и самъ онъ, должно быть изъ уваженія къ привычкѣ безлюдовцевъ, нисколько не оскорблялся этимъ названіемъ, но даже самодовольно посмѣивался, а потомъ такъ привыкъ къ нему, что будто и на самомъ дѣлѣ имѣлъ право носить эполеты съ чистымъ полемъ, безъ звѣздочекъ. Хотя и было на всѣхъ имѣвшихся у капитана эполетахъ, на каждомъ по три звѣздочки, но даже и этотъ осязательный знакъ не мѣшалъ ему называть себя, вмѣстѣ съ безлюдовцами, капитаномъ, не безпокоилъ его, не тревожилъ.

Личность капитана не представляла ничего особеннаго: лѣтъ ему было за сорокъ; росту былъ онъ мелкаго, нетолстый и нетонкій, а такъ себѣ, кругленькій; лицо имѣлъ чистое, съ неглубокими морщинками, проведенными на своихъ мѣстахъ временемъ и походною жизнью; носъ прямъ; небольшіе усы, бѣлокураго разряда и даже немного изжелта, какъ и волоса на головѣ, которые стригъ онъ по мѣркѣ, зачесывая виски впередъ; съ небольшою лысинкою на маковкѣ; глаза у него были цвѣта не сѣраго, не голубаго и не чернаго, а сине-сѣрые. Независимо отъ цвѣта, глаза капитана говорили въ его пользу: они говорили, что капитанъ былъ именно человѣкъ добрый; по выраженію лица его, по улыбкѣ, по тихому говору, безъ всякихъ замашекъ, словомъ, по всему, что только можно было уловить на немъ и въ его дѣйствіяхъ, казалось, что онъ добрякъ, думающій о себѣ втрое меньше того, на сколько въ дѣйствительности думать могъ. Глаза и все видимое въ капитанѣ не лгало: онъ и на самомъ дѣлѣ былъ таковъ, что и докажется впослѣдствіи...

Прошедшее капитана было однообразно и гладко, безъ малѣйшихъ выпуклостей, безъ всѣхъ украшеній жизни и, если можно

Digitized by Google

сказать, безъ утѣхъ. Сынъ бѣдныхъ и безчиновныхъ родителей, учился онъ на «мѣдныя деньги» у отставного и отставленнаго учителя; учился годъ-другой-третій, выучился читать, писать, считать, и изъ любви ко всему военному, поступилъ на службу, нижнимъ чиномъ, въ армію, гдѣ за долгую, ревностную службу, сперва пожалованъ былъ унтер-офицерскимъ званіемъ, а потомъ получилъ и два офицерскіе чина. Во второмъ офицерскомъ чинѣ, въ чинѣ подпоручика, удалось капитану побывать въ бою, гдѣ осколкомъ гранаты слегка повредило ему спину, а пулею оторвало на лѣвой рукѣ два перста, да съ полдюжины зубовъ вышибло въ нижней челюсти, отчего, казалось всегда, точно закусилъ онъ нижнюю губу, что нибудь обдумывая. Это обстоятельство, впрочемъ, нисколько не искажало физіономіи его, носившей отпечатокъ старческой солидности. Кротость, смиреніе и уступчивость, врожденныя въ капитанѣ, еще болѣе усилились въ службѣ; онъ сдѣлался человѣкомъ, видимо готовымъ сносить всѣ большія и малыя непріятности жизни. Относительно начальниковъ, съ перваго дня службы своей, капитанъ старался быть ревностнѣйшимъ исполнителемъ ихъ воли и приказаній; онъ мечталъ только о томъ, какъ бы исполнить ихъ и страдалъ, мучился, если какое приказаніе было ему не подъ-силу, если у него нехватало умѣнія исполнить это приказаніе; за то, каждое удачное исполненіе доставляло ему минуты сильно отрадныя: онъ былъ совершенно счастливъ, если успѣвалъ во-время исполнить данныя ему порученія. Мысль, постоянно гнѣздившаяся въ головѣ его, покрывшая собою всѣ иныя мысли, была — мысль о службѣ. Цѣлью жизни его было — исполненіе служебныхъ обязанностей. На ученье, на смотръ какой, въ караулъ, на работу, однимъ словомъ всюду, гдѣ только дѣло касалось службы, капитанъ являлся однимъ изъ первыхъ и всегда былъ послѣднимъ, если дѣло шло объ отдохновеніи. Да если на его долю и выпадали минуты свободныя, такъ онъ употреблялъ ихъ на починку платья, на чистку аммуниціи, на чтеніе книгъ, преимущественно божественныхъ и, если не былъ занятъ ни первымъ, ни вторымъ, ни третьимъ, по какой-нибудь уважительной причинѣ, такъ принимался разбирать, хранившееся въ маленькомъ сундучкѣ, свое небольшое имущество. За всѣ эти и другія качества, капитанъ получалъ отъ товарищей своихъ различныя названія, изъ которыхъ одно оставалось при немъ постояннымъ, самымъ употребительнымъ: названіе «бабушка». На основаніи той же кротости,

Digitized by Google

капитанъ сперва не оскорблялся этимъ прозвищемъ, сносилъ его, продолжая жить попрежнему, а потомъ и привыкъ къ нему, какъ къ своему имени. Между тѣмъ, начальство отмѣтило его какъ хорошаго служаку и сперва нашило ему галуны, а потомъ и къ первому офицерскому чину представило. Втянувшись въ солдатскую жизнь, капитанъ нашелъ, что измѣнить ее очень трудно, и въ душѣ остался тѣмъ же солдатомъ; только по необходимости сдѣлался онъ товарищемъ въ обществѣ сослуживцевъ своихъ офицеровъ, по возможности избѣгая этого общества, гдѣ было ему всегда неудобно, неловко; за то солдаты, и за глаза и въ глаза, называли его первымъ человѣкомъ въ полку, тѣмъ болѣе, что производство въ офицеры нисколько не измѣнило его характера: онъ остался попрежнему кроткимъ, уступчивымъ, на все соглашавшимся и, можно даже сказать, не очень взыскательнымъ. Эта послѣдняя слабость выработалась въ немъ вслѣдствіе того же смиренія, той же кротости и знанія службы и жизни солдата. За эту слабость приходилось ему иногда выдерживать замѣчанія высшихъ начальниковъ, и онъ давалъ себѣ честное слово исправиться и оставался попрежнему слабымъ, невзыскательнымъ.

Изувѣчивъ спину, руку и нижнюю челюсть капитана, судьба вдругъ измѣнила его положеніе и жизнь. Онъ, какъ застоявшійся въ тѣсномъ озеркѣ корабль, выведенъ былъ на воды болѣе просторныя. За раны получилъ онъ сперва орденъ храбрыхъ, а потомъ третій офицерскій чинъ и, какъ оказавшійся, за ранами, къ фронтовой службѣ неспособнымъ, а также и по ходатайству высшаго своего начальника, получилъ мѣсто командующаго безлюдовскою инвалидною ротою.

Привыкнувъ, впродолженіе тридцатилѣтней службы, къ постоянной дѣятельности въ многолюдномъ обществѣ офицеровъ и солдатъ, привыкнувъ къ гаму военной жизни, пріучивъ себя смотрѣть ежедневно почти на одни и тѣ же лица сослуживцевъ своихъ, товарищей и начальниковъ, и дѣйствовать, жить по совѣтамъ ихъ и приказаніямъ, капитанъ почувствовалъ себя очень неловко, когда судьба сняла съ него узду чужой воли—узду, которая вовсе не тяготила его, съ которой давно уже сроднился онъ, къ которой привыкъ. Очень неловко почувствовалъ себя капитанъ, когда вдругъ получилъ полную свободу дѣйствій, сдѣлался почти независимымъ начальникомъ, сталъ на одну высоту съ прочими властями уѣзднаго города; тяжело какъ-то стало ему, когда, привыкши видѣть около себя нѣсколько сотъ людей, болѣе или

Digitized by Google

менѣе знакомыхъ ему, вдругъ очутился онъ среди толпы безлюдовцевъ, къ которымъ еще надобно привыкать было, съ которыми надобно было знакомиться.

Еще чувствительнѣй былъ бы для него этотъ переходъ отъ шумной армейской жизни къ тихому существованію малолюднаго уѣзднаго города, еслибы не снисходительность полковаго начальства, уважившаго просьбу его о переводѣ въ ту же инвалидную роту и деньщика его, солдата Ромашки.

Съ деньщикомъ этимъ познакомился капитанъ еще въ первые дни службы, отмѣтивъ его потомъ изъ ряда своихъ солдатъ-товарищей, какъ лучшаго, какъ человѣка болѣе подходившаго къ его собственному характеру, и сдѣлался его другомъ, то-есть любилъ его болѣе чѣмъ другихъ, предпочиталъ всѣмъ, довѣряясь ему на столько же, какъ и самому себѣ. И Ромашка оправдалъ довѣрчивость эту, какъ нельзя болѣе: сперва былъ онъ пріятелемъ будущаго инвалиднаго начальника, равнымъ ему; потомъ, по производствѣ капитана въ унтер-офицерскій чинъ, отношенія ихъ оставались прежнія, и только когда уже капитанъ получилъ первый офицерскій чинъ вмѣстѣ съ переводомъ въ другой полкъ, оба они схватились за уязвленное сердце, оба съ одинаковою силою почувствовали тяжесть разлуки. Годъ не видѣлись. Капитанъ сталъ хлопотать о переводѣ Ромашки въ свой полкъ, и успѣлъ въ томъ. День, когда снова сошлись друзья-однополчане, былъ по истинѣ однимъ изъ лучшихъ дней жизни ихъ, и Ромашка сдѣлался деньщикомъ бывшаго своего сосѣда по койкѣ. Несмотря на обстоятельство это, промѣнявъ солдатскіе погоны на офицерскіе знаки достоинства, капитанъ нисколько не измѣнился нравственно: сдѣлавшись прямымъ начальникомъ деньщика своего, не уменьшилъ къ нему ни дружбы своей прежней, ни довѣрчивости. Ромашкѣ же надобно отдать справедливость въ томъ, что уважая разстояніе, положенное судьбою между имъ и его другомъ-пріятелемъ, онъ, мало-по-малу, замѣнилъ свое простодушное «ты» словомъ «вы» и вмѣсто того, чтобы называть капитана, какъ дѣлалось прежде — по фамиліи, сталъ употреблять слово «вашскблагородіе», да еще кое-какъ заставилъ себя, въ видѣ вѣжливости, употреблять иногда, въ разговорахъ съ капитаномъ, слогъ «съ». Капитанъ былъ совершенно доволенъ этимъ, и ничего бо̀льшаго не требовалъ.

Перебравшись на новое мѣсто службы, оба они одинаково сильно почувствовали крутой переходъ отъ горячей жизни въ полкѣ

Digitized by Google

къ бездѣйствію, къ скучно-тяжелому кейфу Безлюдова — и мысленно, въ одно время подумали, спросили себя: «что же теперь тутъ дѣлать обоимъ намъ? Чѣмъ занять, чѣмъ развлечь себя? Попрежнему, что-ли, службою? Да эту службу можно во снѣ служить, можно ее и съ хлѣбомъ ѣсть...»

И дѣйствительно, нелегко было капитану пріучать себя къ новой жизни, къ новой службѣ своей, какъ работнику, привыкшему копать землю, еслибы вдругъ посадили его за перелистываніе книги, или за разматываніе пряди нитокъ, за перебираніе бисера.

Этотъ-то капитанъ, инвалидный начальникъ въ Безлюдовѣ, и назывался Дій Дидимовичъ по имени, Дроздовъ по фамиліи; а деньщикъ его числился Романомъ Перевертовымъ — впрочемъ, только въ ротныхъ спискахъ, между тѣмъ какъ населеніе городка величало его за-просто Ромашкою, а шутники прибавляли иногда къ имени его словцо «инвалидная».

Ромашка, уважая въ баринѣ хорошаго служаку, человѣка кроткаго и чувствуя въ себѣ склонности, болѣе или менѣе подходящія къ влеченіямъ барина, былъ именно такимъ слугою, на котораго можно положиться, болѣе чѣмъ на любимую женщину. Капитанъ зналъ это и — не промѣнялъ бы Ромашку, еслибы даже предложили за него капитану слѣдующій чинъ. Ромашка очень хорошо понималъ это и былъ совершенно доволенъ своимъ положеніемъ, не желая ничего лучшаго и думая только о томъ, какъ бы встать пораньше, да сдѣлать побольше.

Капитанъ былъ именно такой человѣкъ, который уживается всегда, вездѣ и со всякимъ, который — какъ ни поверни его, все одинаково хорошъ, чистъ, опрятенъ и душой, и тѣломъ. Ромашка, хоть иногда тѣломъ и грязненекъ былъ, но въ остальномъ мало отставалъ отъ своего начальника.

Оба, по необходимости, мало-по-малу стали привыкать къ новой жизни своей и поняли, что должны, для собственной же пользы, помириться съ судьбою и не роптать, а благодарить ее, какъ подарившую ихъ жизнью далеко лучшею, чѣмъ прежняя жизнь ихъ, кочевая, армейская.

II.

О томъ, какъ капитанъ и Ромашка въ Безлюдовѣ жили.

Что вынесъ Дій Дидимовичъ изъ прошедшей жизни для будущаго? Привычку къ дѣятельности, слѣпую покорность судьбѣ и

Digitized by Google

приказаніямъ начальниковъ, три офицерскіе чина, да рублей триста денегъ, скопленныхъ впродолженіе службы, но грошамъ, но копейкамъ. Всѣ мечты молодости, всѣ неисполненныя желанія зрѣлыхъ лѣтъ, всѣ застывшія страсти теперь сплонились въ одну общую массу, и подталкиваемыя жаждою дѣятельности, заговорили и мало-по-малу высказались въ капитанѣ въ пользу любви къ жизни болѣе осѣдлой, чѣмъ жизнь армейская, въ пользу жизни, которую вели безлюдовцы, болѣе или менѣе, люди семейные, занимавшіеся торговлею, службою и домашнимъ хозяйствомъ; а семья капитана состояла только изъ него самого, да Ромашки, хозяйства же никакого у нихъ не было и убивать время, кромѣ службы, было не на чемъ. Женатъ не былъ онъ, не успѣвъ во время службы своей въ арміи, ни пожелать этого, ни подумать объ этомъ.

Проживъ около полугода въ Безлюдовѣ на наемной квартирѣ, капитанъ составилъ изъ себя и Ромашки совѣтъ, на которомъ и было рѣшено: купить мѣсто, выстроить избу и завести хозяйство. Такъ и сдѣлали. За нѣсколько десятковъ рублей купили просторное мѣсто, поближе къ окраинѣ городка и въ сторонѣ отъ главной улицы, на которой жили болѣе именитые безлюдовцы; построили домъ съ банею, сараями, хлѣвами, кладовыми и клѣтями; накупили кое-что изъ мебели, кадокъ, горшковъ и вообще необходимой утвари хозяйственной; завели скотину и живность разную, птицу, въ видѣ гусей, куръ и прочаго, впослѣдствіи расплодившихся и превышавшихъ числомъ составъ инвалидной роты, и зажили, нисколько не думая о томъ, что судьба любитъ иногда надъ людьми подшучивать и частенько даетъ имъ чувствительные толчки, именно въ то время, когда менѣе всего ожидаютъ они этого, убаюканные однообразною, покойною жизнью.

Спустя годъ какой-нибудь, капитанъ говорилъ Ромашкѣ слѣдующее:

— А что, братъ Ромашка, какъ на твой глазъ, то-есть, какъ тебѣ кажется?

— Насчетъ чего это-съ? спрашивалъ Ромашка, прилежно соскабливая ногтемъ капли грязи съ сапога капитанскаго.

— Да насчетъ того хотя, продолжалъ капитанъ, улыбаясь привѣтливо: — что теперешняя-то жисть наша гораздо получше, чѣмъ армейская, толкотня-то наша съ деревни въ деревню-то, да съ по́ля на по́ле, какъ ты думаешь?

Digitized by Google

— Н-да, вашсиблагородіе, говорилъ Ромашка, съ минуту подумавъ о чемъ-то и не прерывая своего занятія: — кажется, что это такъ и есть; нельзя намъ на теперешнюю жисть пожаловаться, нельзя Христа гнѣвить — жисть хорошая. Да оно, вашсиблагородіе, разсудить если, такъ и пора-бы намъ; потому отслужили мы съ вами, собственно службу настоящую.

Тутъ Ромашка поднималъ голову, оставляя на минуту и свое занятіе.

— Н-да, братъ, это правда твоя, замѣчалъ опять капитанъ, вздохнувъ, будто отъ усталости: — погуляли-таки мы съ тобой по̀ свѣту, по матушкѣ по *Росеи-то*.

— Ну, за то, говорилъ Ромашка:—теперя собственно, мы на отдыхѣ: спи сколько хошь, сколько выспится.

— Н-да; теперь, кажись, хорошо, братъ, намъ.

— Н-да-съ, нельзя Христа гнѣвить.

Года черезъ два жизни своей въ Безлюдовѣ, ни деньщика ни барина и узнать нельзя было — такъ измѣнились они, такъ привилась къ нимъ стоячая жизнь уѣздная, такими сдѣлались они домосѣдами; съ такою горячей любовью принялись они хозяйничать, что въ городѣ стали поговаривать: «вотъ-де, если есть у кого хозяйство исправное, такъ это — у нашего инвалиднаго; и сошлась же ихъ парочка: и онъ-то самъ, да и Ромашка его, живутъ, можно сказать, какъ какіе помѣщики; и все-то есть у нихъ, и довольны-то всѣмъ они, а исправность-то вездѣ какая, рачительность—не налюбуешься; только и остается, хотя-бы самому что ли капитану-то, хозяйку-бы, жену завести хорошую, а то, живетъ онъ, прости Господи, какъ бобыль какой; все, хозяйку надоть-бы». Относительно этого послѣдняго замѣчанія можно сказать, что капитанъ не очень любилъ его выслушивать и всегда улыбался только, отнѣкивался, махалъ рукою и говорилъ: «куда ужь намъ старикамъ заводиться женами да хозяйками: опоздали мы». Повидимому, некогда ему было и думать о томъ, чтобы заводиться хозяйками: все свободное время свое, кромѣ сна, посвящалъ онъ заботѣ по дому, да мысли о томъ, чтобы его инвалидная рота исправна была.

Вставалъ капитанъ рано, вмѣстѣ съ солнцемъ, и тотчасъ отправлялся въ сарай, называвшійся птичникомъ, гдѣ въ разныхъ отдѣленіяхъ помѣщалась на ночь летучая живность его, и повѣрялъ, считалъ ее: всѣ-ли дома, нѣтъ-ли не ночующихъ; Ромашка межь тѣмъ приносилъ деревянное корыто съ кормомъ и вмѣстѣ

Digitized by Google

съ бариномъ, около получаса, занимался кормленіемъ. Далѣе слѣдовало щупанье: оказавшіяся съ яйцомъ оставались въ сараѣ, а остальная, безъяичная часть птичьяго семейства, выгонялась на дворъ и на большое пустопорожнее мѣсто, съ прудкомъ, обнесенное высокимъ заборомъ, на тотъ предметъ, чтобы птица не выходила куда не надобно. Зимою, на этомъ птичьемъ дворѣ, поконлись два-три стога сѣна, а птица, какъ обыкновенно дѣлается, оставалась въ птичникѣ. Окончивъ это первое занятіе дня, и чтобы не отрывать деньщика отъ дѣла, капитанъ самъ ставилъ маленькій походный самоварчикъ, бралъ полотенце, мыло и шелъ мыться на колодезь, а если была погода дурная или зимою — къ рукомойнику, висѣвшему въ кухнѣ на гвоздѣ. Между тѣмъ, Ромашка, кончивъ съ птицею, переходилъ въ хлѣва, гдѣ кормилъ поросятъ, свиней, выгонялъ ихъ на такъ-называвшійся грязный дворъ и начиналъ доить двухъ коровъ, съ тѣмъ чтобы потомъ идти въ кухню и допивать свою порцію чаю. Послѣ чая, капитанъ одѣвался и уходилъ, чрезъ двѣ улицы, въ казенный домъ, гдѣ помѣщалась инвалидная рота — и занимался службою: выслушивалъ рапортъ фельдфебеля о благополучіи, спрашивалъ всѣ-ли дома, нѣтъ-ли больныхъ или пьяныхъ, подписывалъ отходившія бумаги, разсматривалъ и разрѣшалъ поступившія; наконецъ, отправлялся въ кухню и пробовалъ солдатскую пищу. Два раза въ недѣлю, именно по средамъ и пятницамъ, занимался съ ротою своею фронтовою службою: въ дурную погоду въ казармѣ, а въ хорошую, лѣтомъ—на дворѣ, который на этотъ предметъ, а также и вообще ради чистоплотности, мелся, чистился и посыпался пескомъ. Ромашка, межь тѣмъ, затоплялъ кухонную печь, стряпалъ кушанье, прибиралъ квартиру и т. д. По окончаніи служебныхъ обязанностей, капитанъ приходилъ домой — и прямо на птичій дворъ, потомъ въ птичникъ, гдѣ обиралъ снесенныя яйца, осторожно складывалъ ихъ въ имѣвшуюся на этотъ предметъ корзиночку, и выпускалъ на волю остальную птицу. Далѣе слѣдовало сниманіе сливокъ, сметаны и отжиманіе творога. Затѣмъ, капитанъ обѣдалъ и ложился часочка на два отдыхать; эту привычку пріобрѣлъ онъ уже въ Безлюдовѣ, тогда какъ прежде имѣлъ о ней только кой-какое понятіе. Послѣ отдыха, надѣвалъ онъ старый сюртукъ, сыпалъ въ задній карманъ горсти двѣ гречиевой крупы и шелъ опять на птичій дворъ, гдѣ, на сдѣланной нарочно для этого у забора скамьѣ, просиживалъ часъ и два, занимаясь изъ собственныхъ рукъ кормленіемъ любимыхъ

Digitized by Google

куръ и другой птицы. Въ это время Ромашка кормилъ скотину, предварительно вынувъ изъ печи «пàрево», которое составляюсь изъ остатковъ разной зелени, изъ негодныхъ частей крупы и муки, и изъ остатковъ солдатскаго обѣда, приносимыхъ съ инвалидной кухни. Межь тѣмъ, кончивъ кормленіе, капитанъ переходилъ въ огородъ и осматривалъ, въ какомъ положеніи находится овощь, насаженная и взлелѣянная собственнымъ трудомъ и съ помощію того же Ромашки. Если оказывалась кое-гдѣ трава лишняя, ненужная, вырывалъ ее, осторожно, чтобы не вытянуть какъ нибудь растенія нужнаго; подставлялъ подъ горохъ и бобы тонкія жердочки; поправлялъ огуречныя вѣтви; обрѣзалъ пожелтѣвшій капустный листъ, и вообще занимался соблюденіемъ огороднаго порядка до тѣхъ поръ, пока появившійся Ромашка не объявлялъ, что «пора птицу на ночлегъ загнать». Тутъ, капитанъ бралъ одинъ изъ приносимыхъ Ромашкою хлыстиковъ, и оба они, отворивъ предварительно двери птичника, отправлялись на птичій дворъ и загоняли птицу на ночлегъ, при чемъ случались иногда и непріятности: какая нибудь одна и двѣ — преимущественно куры закапризничаютъ, да черезъ заборъ, за ворота и на улицу, или на чужой, смежный дворъ. Въ такихъ случаяхъ, капитанъ оставался дома и оканчивалъ загонъ, а Ромашка выходилъ на улицу и начиналъ гоняться за бѣглецами, иногда одинъ, иногда съ помощію мальчишекъ, а при случаѣ, бывало, и такъ, что призывалъ изъ роты, въ помощь себѣ, человѣка три инвалидовъ.

Вечеромъ капитанъ читалъ вслухъ книги, преимущественно священныя, пилъ чай, ужиналъ и ложился спать, съ тѣмъ чтобы завтра снова начать то же самое. Иногда, подъ-вечеръ ходилъ онъ прогуляться по городу или за городъ, что случалось болѣе по воскреснымъ днямъ и праздникамъ, и то съ цѣлію удостовѣриться, не слишкомъ ли разгулялись инвалиды его. Еще рѣже случалось, если ходилъ капитанъ, по приглашенію, на чашку чаю къ городничему, или къ кому нибудь изъ городскихъ властей; преимущественно любилъ онъ быть въ обществѣ купеческомъ, гдѣ не надобно ему было отвѣчать на двусмысленные вопросы сильно-образованной исправницы, не приходилось отвѣчать любезностями на любезности устарѣвшихъ дочерей предводителя, не надобно было избѣгать насмѣшливыхъ взглядовъ супруги городничаго; гдѣ, наконецъ, капитанъ чувствовалъ себя болѣе свободнымъ и могъ говорить о томъ, о чемъ любилъ го-

Digitized by Google

ворить, не боясь ни замѣчаній, ни насмѣшекъ. При всемъ этомъ, капитанъ соглашался изъ пяти приглашеній только на одно, отбиваясь отъ прочихъ болѣзнію или какимъ-нибудь дѣломъ, нетерпящимъ отлагательства. Отъ этого происходило, что триста пятьдесятъ-пять дней въ году, капитана можно было найдти дома, въ ротѣ, или, если было это осенью, такъ въ сосѣднемъ лѣсу, куда пристрастился онъ ходить за грибами и брусникою.

Къ числу нравственныхъ достоинствъ капитана принадлежало и то еще, что онъ даже и браниться не умѣлъ какъ слѣдуетъ. Если случалось, разсердитъ его солдатъ какой-нибудь, такъ онъ только погрозитъ пальцемъ, прочитаетъ наставленіе, назоветъ его «дурачина ты скверная», плюнетъ въ сторону, и пойдетъ прочь; если же вина слишкомъ велика, такъ прикажетъ фельдфебелю назначить виноватаго на другой день дрова рубить, или велитъ записать его въ штрафной списокъ.

Вообще, капитанъ велъ жизнь самую приличную, солидную, не допуская въ ней ничего лишняго; и водку пилъ онъ въ день по одной рюмкѣ, передъ обѣдомъ, да и то такъ, чтобы даже и Ромашка не видѣлъ. Бывало, сядетъ за столъ и прикажетъ Ромашкѣ подавать первое кушанье, что̀ означало селёдку съ лукомъ или соленые грузди съ коноплянымъ масломъ, а самъ къ буфетцу: нальетъ рюмку прямо изъ четверти, выпьетъ, и пока Ромашка принесетъ первое кушанье, капитанъ уже за столомъ, на мѣстѣ сидитъ, жуетъ корку хлѣба да на потолокъ посматриваетъ, или пробуетъ пальцемъ, остеръ ли ножъ. За то и Ромашка, слѣдуя примѣру барина, дѣлалъ то же самое: только пообѣдаетъ капитанъ, да приляжетъ на диванъ въ сосѣдней комнатѣ—Ромашка къ буфетцу, яко-бы какую-нибудь посуду убрать; точно такъ же нальетъ себѣ одну рюмку, прямо изъ четверти, выпьетъ и тогда уже начинаетъ обѣдать, употребляя то же самое кушанье, которое подавалось барину.

Разъ они и попялись другъ другу, что̀, впрочемъ, не имѣло никакихъ особенныхъ послѣдствій.

Только что вышелъ Ромашка изъ столовой за первымъ кушаньемъ и тотчасъ же воротился, забывъ захватить изъ буфетца тарелку. Смотритъ—а капитанъ у буфетца, налилъ изъ четверти въ рюмку водки и пьетъ.

— Да вы бы, вашеблагородіе, приказали въ графинчикъ налить, замѣтилъ Ромашка.

Digitized by Google

Капитану стало неловко; точно его въ эту минуту въ носъ слепень укусилъ.

— На что въ графинчикъ, не угощаться вѣдь, отвѣчалъ онъ, заморщившись, не то отъ водки, не то отъ того, что попался такъ неожиданно:—сегодня у меня что-то въ животѣ бурлитъ; а то мнѣ этого добра и даромъ не надо.

Только что пообѣдавъ, легъ капитанъ на диванъ въ смежной комнатѣ, какъ захотѣлось ему узнать, какому именно святому празднуютъ въ этотъ день; а календарь лежалъ на письменномъ столѣ, въ той комнатѣ, гдѣ обѣдали. Онъ туда; смотритъ, а Ромашка стоитъ у буфетца, и только что оторвавъ отъ губъ рюмку, усы вытираетъ.

— Что это, Ромашка, ты, братъ, кажется, точно водку пьешь? замѣтилъ капитанъ, развертывая ветхій календарь и стараясь не смотрѣть на Ромашку болѣе.

Ромашка не струсилъ, выхлебнулъ оставшуюся въ рюмкѣ каплю, почмокалъ немного губами и отвѣчалъ:

— Да, показалось мнѣ, что водка-то какъ будто бы гарью отдаетъ, или чѣмъ-то такимъ, собственно попахиваетъ. Я вотъ налилъ четверть рюмки, да собственно и пробую-съ, потому, вашсблагородіе, нельзя-съ, чтобы намъ за хорошія деньги-то да съ гарью вино отпущали.

И почмокавъ еще, потомъ поставивъ рюмку на мѣсто, добавилъ:

— Или, уже такъ это, собственно ошибся я.

— А я, признаться—и не разчухалъ, не понимаю я въ немъ настоящаго вкусу-то, замѣтилъ капитанъ, закрывая календарь и снова пошелъ на диванъ.

Впрочемъ, эта обоюдная понимка, какъ деньщику, такъ и барину нисколько не помѣшала дѣйствовать попрежнему. Водка покупалась всегда четвертями и наливалась въ графинъ только въ случаѣ, если заходилъ къ капитану кто-нибудь изъ городскихъ властей, или изъ знакомыхъ купцовъ его. Тогда Ромашка ставилъ вмѣстѣ съ закускою полный графинъ на столъ, а по уходѣ гостей, снова выливалъ водку въ четверть, чтобы, какъ говорилъ онъ, не выдохлась. Бывало и такъ, что впродолженіе мѣсяца, къ капитану не заходилъ никто — а четверть пуста, безъ капли водки, только съ однимъ запахомъ. Ромашка обращается къ барину: «Нужно, молъ, водки купить, собственно, вышла вся». Капитанъ вынимаетъ изъ шкатулки деньги, или прикажетъ Ромашкѣ самому вынуть ихъ. Черезъ четверть часа,

Digitized by Google

бутыль снова полна водки, снова ставится на старое мѣсто, въ буфетецъ, и водка начинаетъ убывать попрежнему, въ день по двѣ рюмочки, какъ будто это такъ и слѣдуетъ. Въ этомъ отношеніи, и деньщикъ, и баринъ руководствовались однимъ и тѣмъ же правиломъ: «не пойманъ—не воръ», и продолжали обѣдать, выпивать и вообще дѣйствовать по старому.

Выпадало время, когда обоимъ имъ дѣлать было совершенно нечего, когда всѣ дѣла были передѣланы, что̀ случалось преимущественно зимою, подъ-вечеръ; тогда, если не было охоты къ чтенію, чтобы не скучать, садились они играть въ шашки, или въ карты въ свои козыри, напоминали другъ другу о старомъ, о жизни своей въ арміи, сопровождая эти воспоминанія глубокими, невольными вздохами и, наконецъ, ложились спать, положительно довольные проведеннымъ днемъ.

Прямою, ровною вереницею тащились другъ за другомъ дни обоихъ ихъ; жизнь текла какъ ручеекъ на днѣ пропасти, защищенный скалами отъ вѣтровъ, непогодъ и бурь, пока не упадетъ въ него обломокъ скалы или столѣтнее дерево и не нарушитъ спокойствія водъ его, не измѣнитъ его теченія.

III.

Какъ капитанъ купилъ птицу, знающую его фамилію, и какъ разбиралъ съ купцомъ инвалида Раскатаева.

Три года прошло съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался Дій Дидимовичъ инвалиднымъ начальникомъ. Дѣло было въ концѣ августа. Отдохнувъ послѣ обѣда, капитанъ надѣлъ старенькій сюртукъ, всыпалъ въ задній карманъ пригоршни двѣ гречневой крупы и отправился на птичій дворъ любимыхъ куръ кормить; а Ромашка, пользуясь свободной минутою, вышелъ за ворота, на улицу и, сѣвъ на сложенный подъ окномъ дерновый диванчикъ, сталъ смотрѣть, какъ полдюжины мальчишекъ въ бабки играли.

— Дроздовъ, дроздовъ, дроздовъ! закричалъ подходившій въ это время къ нему мужикъ, несшій на головѣ садокъ съ птицами.

Ромашка повернулъ голову, сдвинулъ брови и слушаетъ.

— Дроздовъ, дроздовъ, дроздовъ! крикнулъ мужикъ еще громче и подойдя еще ближе къ сидѣвшему.

Ромашка, посмотрѣвъ на мужика секунды двѣ, покачалъ слегка головою, подвинулся на диванѣ ближе къ стѣнкѣ, положилъ ногу на ногу, сплюнулъ и сказалъ:

Digitized by Google

— Которая? спросилъ мужикъ.

— Ну, да извѣстно, эта самая, что нашу-то фамилію знаетъ? Да отколѣ это, собственно, выкопалъ ты экую птицу-то мудреную! Какъ это фамилію-то нашу она вызнала!

Сказавъ это, Ромашка не могъ, чтобы еще разъ не заглянуть въ клѣтку, на дрозда, усѣвшагося въ подвѣшенное на потолкѣ клѣтки костяное кольцо.

—Такая ужь есть она, еще и не то заговоритъ, какъ разъохотится, на восходѣ, подъ утро, отвѣчалъ мужикъ, и поломавшись немного, добавилъ:—да что съ вашей милости взять, рубликовъ пятокъ-то дадите? Птица-то какая, вѣдь сто рублевъ стоитъ. Случайная она у меня-съ: баринъ одинъ продалъ, по крайности по какой-то.

— Пять рублёвъ! сказалъ Ромашка, отрываясь отъ клѣтки.— Нѣту, братъ, никакъ рехнулся ты, пяти рублевъ никто тебѣ за нее не дастъ; дорога больно; не по чину намъ. Ды мы на пять-то рублевъ полкоровы купимъ, а то тридцать куръ возьмемъ! А, собственно, полтину можно дать; а больше не стоитъ.

Мужикъ видимо обидѣлся. Чеснувъ за ухомъ, откинулъ назадъ волосы, взялъ лежавшую на садкѣ шапку и сказалъ:

— Полтину? Нѣту, землякъ, нѣту. За этаку цѣну, ты, служивый, и чижа не купишь нигдѣ.

— Ну, съ гривенникомъ.

— Нѣту, птица не такая, нельзя.

— Слышь, землякъ, вотъ братъ что, ввязался Дій Дидимовичъ, мысленно рѣшивъ купить птицу:—птица у тебя, дѣйствительно, важнѣющая и, можно сказать, денегъ стоитъ; а всячески—пяти рублевъ тебѣ за нее никто не дастъ. Поднятка ты, по здѣшнему городку-то походи: поищешь-поищешь покупателя-то, да опять къ намъ же и придешь.

— Потому, богатѣй насъ никого и нѣту здѣся, подхватилъ Ромашка: — на этотъ счетъ ты ужь мнѣ повѣрь; собственно, здѣся ужь городъ такой.

— А ты откудова, не здѣшній ты? спросилъ капитанъ.

— Изъ деревни должно, откель ни на есть въ окружности, замѣтилъ Ромашка.

— Не, сударь ты мой, не, отвѣчалъ мужикъ: — издалече, не здѣшній я; а забрелъ сюда, такъ себѣ, путемъ; съ садками ѣду, съ птицею; тамъ она у меня на фатерѣ остамшись.

— А всячески, продолжалъ капитанъ:—птица эта у тебя, зем-

Digitized by Google

линъ, добрая лошадь—а пять рублевъ тебѣ за нее никто не дастъ. А коли хочешь ты, желаешь если ее намъ продать, такъ рублинъ дамъ я тебѣ за нее, не жалѣючи. А птица дѣльная. Какъ это она у тебя фамилію вызнала? Да вѣдь говоритъ-то чисто какъ, точно человѣкъ какой.

— На то она и птица-съ, учили ее этому тоже вѣдь, отвѣчалъ мужикъ неохотно.

— Ну, такъ рублевикъ-то хошь, что-ли?

— Нельзя-съ, ваше *преходительство*, за рубль нельзя-съ.

— Бери, братъ, пока рубль даютъ, замѣтилъ Ромашка: — а то, собственно, не возьмешь и этого; да на грѣхъ сдохнетъ какъ-нибудь, а то кошка съѣстъ.

— Ну, такъ и быть, сказалъ капитанъ: — бери, накину тебѣ еще гривенникъ.

— Нельзя-съ, больно мало даете-то.

— Рубль да съ гривенникомъ-то, мало?

— Нельзя-съ, дешево...

Проговоривъ, поторговавшись еще нѣсколько минутъ, дѣло порѣшили: мужикъ продалъ за три четвертака съ рублемъ, да на гривенникъ далъ корму и наставленіе какъ обращаться съ птицею, и пошелъ далѣе; а дроздъ перешелъ въ новую квартиру, въ свободную клѣтку, оставшуюся послѣ соловья, котораго, съ годъ назадъ, чужая кошка съѣла (своихъ кошекъ у капитана не было, не любилъ онъ ихъ), за что была Ромашкою поймана и обезславлена, тѣмъ болѣе, что кромѣ соловья, зарѣзала еще пары двѣ цыплятъ.

Ромашка ушелъ, по хозяйственному дѣлу, въ хлѣвъ, а капитанъ, поставивъ клѣтку въ своей столовой, на столъ, и отъ всей души любуясь пріобрѣтеніемъ, сталъ упрашивать птицу, чтобы «поговорила маленечко». И дроздъ пѣлъ: «дрррроздоовъ, дрррроздоовъ! птииицъ кууууупить, птииииц, дрррр.....».

— Важнѣющая птица: правда, что сто рублевъ стоитъ, говорилъ самъ себѣ капитанъ, улыбаясь: — ишь ты вѣдь: точно человѣкъ какой. Надо-ть ее выучить куръ скликать: пущай себѣ, для потѣхи хоть.

Капитанъ началъ фютькать, цыкать и вообще произносить звуки, употребляемые при кличкѣ куръ. Дроздъ, повидимому, прислушивался, кривя на обѣ стороны голову и вытягая шею. Капитанъ продолжалъ свое. Въ это время вошелъ Ромашка и сообщилъ, что пришелъ торговецъ (въ Безлюдовѣ, всѣ торгующіе,

Digitized by Google

чѣмъ бы ни было, назывались купцами и, по меньшей мѣрѣ, торговцами) и желаетъ говорить съ капитаномъ.

— Какой такой? зови сюда его, сказалъ капитанъ, застегивая сюртукъ наглухо; потомъ, достав изъ кармана носовой платокъ съ эпизодомъ изъ турецкой кампаніи, покрылъ имъ клѣтку съ дроздомъ.

— Слышь, землякъ! ступай сюда! крикнулъ Ромашка, и пріютившись въ дверяхъ между столовой и кухнею, приготовился слушать.

Вошелъ человѣкъ—сапоги по колѣно, брюхо толстое, кафтанъ длинный, борода по поясъ, рыжеватая съ просѣдью, волосы блестятъ, деревяннымъ масломъ подмочены. Вошелъ, поклонился, и желая забросить на затылокъ длинныя пряди волосъ, свалившихся на лицо во время поклона, сильно тряхнулъ головою и сказалъ:

— Честь имѣю вашему высокоблагородію кланяться-съ.

— Что вамъ, любезнѣйшій? съ чѣмъ прикажете? спросилъ Дій Дидимовичъ.

— Теперя-съ, отвѣчалъ купецъ, снова тряхнувъ головою:—какъ ваше высокоблагородіе изволите быть начальникомъ этихъ самыхъ солдатиковъ, значитъ, инвалидныхъ-съ — такъ, осмѣливаюсь я обратиться къ вашему высокоблагородію съ махонькой просьбицей: значитъ, желательно мнѣ принесть вашему высокоблагородію жалобку-съ насчетъ обиднаго.

Капитанъ сильно не любилъ, когда обыватели Безлюдова приходили къ нему съ жалобами на его солдатъ, что иногда случалось.

— На кого же бы это? спросилъ онъ и обратился къ Ромашкѣ:—вотъ она, исторія-то: вчерась праздникъ былъ.

— Да ужь, знаю я, кто это, замѣтилъ Ромашка, махнувъ рукою:—знаю я, сказывали.

— А вотъ, разскажу я вашему высокоблагородію по порядку все-съ, какъ и дѣло было-съ. И кашлянувъ раза три, купецъ еще разъ тряхнулъ головою и продолжалъ: — ономнясь, мы со здѣшнимъ обывателемъ, съ Матвѣй Гавриличемъ-съ, извѣстенъ онъ вашему высокоблагородію, али нѣтъ-съ?

— Кто это? Матвѣй Гавриличъ-то?

— Такъ точно-съ, должонъ быть извѣстенъ.

— Не слыхалъ я что-то.

— Это тотъ самый—ввязался-было Ромашка.

Digitized by Google

— Обыватель здѣшній-съ, досказалъ купецъ: — тотъ самый, что по мясной части занимается-съ; отставной ундеръ, по фамиліи Табаковъ-съ.

— А, знаю его, слыхалъ, слыхалъ, замѣтилъ капитанъ, одобрительно кивнувъ головою:—что же такое вышло у васъ?

— А вотъ, изволите видѣть-съ, началъ купецъ: — ономнясь пришли мы съ этимъ самымъ Матвѣй Гаврилычемъ въ гостильницу-съ, значитъ, въ заведеніе, къ Треполову-съ, что около каравульной обвахты-то-съ. Пришли мы съ нимъ, значитъ, чайку попить. Ну-съ, пришли мы, какъ слѣдно быть, приказали подать полторы пары чаю, потому—ждали мы третьяго-съ. Такимъ манеромъ, сидимъ мы и пьемъ-съ. Тутъ, изволите видѣть, приходитъ солдатикъ, военной службы, вашего полку-съ, анвалидный, по фамиліи Раскатаевъ.

— А! протянулъ капитанъ.

— Онъ самый-съ, продолжалъ купецъ: — приходитъ, да и къ намъ-съ, яко бы ко своимъ, ко знакомымъ-съ; потому, занимается онъ мастерствомъ сапожнымъ-съ: моимъ молодцамъ обувь поставляетъ. Вотъ-съ, господамъ, говоритъ онъ, честнымъ, здравія желаю-съ. А мы, значитъ: просимъ-молъ, милости, съ нами чаю выкушать; потому, нельзя-съ, человѣкъ онъ, вашему высокоблагородію изъяснить, нужный намъ-съ. Ладно-съ. Пьемъ мы чай и, значитъ, разговариваемъ. Чай—вода-съ, и стоитъ немногаго-съ. Пьемъ-съ. «А что, господа, говоритъ онъ, этотъ самый, значитъ, Раскатаевъ-то-съ: нельзя-ли, говоритъ, обезпокоить васъ теперь — насчетъ графинчика-съ?» Графинчикъ, ваше высокоблагородіе, для нашего брата, пустое дѣло. Матвѣй Гаврилычъ, значитъ, и самъ не прочь выпить, за кампанію-съ. Ладно-съ. Выпили они съ Матвѣй Гаврилычемъ, значитъ, по стаканчику, по другому-съ, ну, то, се — солдатикъ и говоритъ: «а что, господа честные, не благоволите-ли отпустить пятнадцать копеекъ?» Пятнадцать копеекъ, ваше высокоблагородіе, нашему брату все равно что — тьфу, ничего-съ. Изволь молъ, другъ любезный: вотъ тебѣ. Ладно. Все это ничего-съ. Выпилъ онъ и третій стаканчикъ. Все это и ладно бы-съ: водка для того и сдѣлана, чтобы, значитъ, пить ее-съ. Вотъ-съ, какъ понагрузился-то онъ, ну, въ головѣ-то у него, значитъ, и зашумѣло, забуровило. Говорилъ онъ перво-на-перво, ничего, толково-съ; а потомъ, значитъ, безо всякой причины, за наше-то за пріятство—и началъ онъ обзывать насъ разными стал-быть, прозвищами; и пошелъ, и пошелъ угощать насъ, зна-

Digitized by Google

чить, по своему-съ, да разными дурными куплетцами. Это что же такое означаетъ-съ? Дѣло возможное-съ: пьяному да хмѣльному можно и простить, полвины убавить, потому-съ, разумъ въ головѣ не свой. Ладно-съ. Что же означаетъ это, говоримъ мы, кавалеръ почтенный? Значитъ, это за нашу-то за хлѣбъ-соль, что-ли? Годится развѣ дѣлать этакъ, али нѣтъ? А онъ и того пуще-съ: «ахъ вы, говоритъ, обиралы вы этакіе, чайники пустоголовые, грибы вы этакіе, мухоморы сушеные! Я, говоритъ, въ четырехъ сраженьяхъ былъ, подъ французомъ персна лишился, пѣшій въ Парижъ ходилъ — а вы что? Мнѣ, говоритъ, ядромъ голову пробило — а вы кто такіе? Мужики, лапотники? Да кто, говоритъ, и на свѣтъ-то васъ уродилъ? Деньгу вы огребаете, да гнилой товаръ отпущаете? А? Такъ или нѣтъ-съ?» Всталъ онъ, ваше высокоблагородіе, безо всякой, значитъ, безъ причины подступилъ къ Матвѣю-то Гавриличу, да какъ треснетъ его во вкусъ, со всего-то съ плеча-съ. Какъ треснетъ его — да и мнѣ отпустилъ суходушину. Теперь, какъ вашему высокоблагородію извѣстно-съ, Матвѣй Гавриличъ и самъ изъ военныхъ: всталъ онъ какъ, да, значитъ, этому Раскатаеву-съ и угодилъ во въ слухъ: выходитъ, въ ухо, въ правое-съ. А тотъ ему по переносью, въ обоняніе-съ, и въ зрѣніе относя; да какъ есть, подъ глазами, подъ обѣими, и вклеилъ фонаря-съ. А онъ ему подо вздохи; а тотъ опять, значитъ, по виску-съ. Ну, сердца-те и разгорѣлись у нихъ. И пошла писать, и пошла. Вцѣпились они за волосья. У Матвѣй Гавриличъ волосья все одинаково, что грива лошадиная, али хвостъ; а у того, значитъ, Раскатаева, коротки, только что двумя перстами забрать. И пошли они, и пошли-съ: что дальше — то больше, что дальше — то больше — и пошли-съ. Выходитъ, солдатикъ-отъ вашъ и осилилъ Матвѣй-то Гавриличъ-съ: свалилъ его на земь; какъ свалилъ, да и давай на брюхѣ-то у него кулаками въ барабанъ барабанить. Страхъ меня даже взялъ-съ: убьетъ, думаю себѣ — чисто убьетъ-съ. Я къ нимъ; къ Матвѣй Гавриличу, значитъ, на подмогу-съ. А онъ и меня, того-съ. Матвѣй Гавриличъ, значитъ, бросилъ, да ко мнѣ-съ: и давай меня, теперя, по ушамъ клеить, да подо вздохи, подъ серце-съ. Вотъ, о-сю пору не могу вздохнуть. Не могу, право слово-съ. Такимъ манеромъ, обоимъ намъ-съ обиду онъ, значитъ, и нанесъ. Тутъ, понабѣжала прислуга харчевная, да кое-какъ, значитъ, насъ и розняли-съ. Теперя — за что же это, ваше высокоблагородіе, обида такая намъ? Страмоту-то мы понесли,

Digitized by Google

за что-съ? Нешто за это-съ, что чаемъ напоили, да водкой, да пятиалтынный выдали? Такъ, али нѣтъ-съ? Осмѣлюсь я доложить вашему, значитъ, высокоблагородію — статью эту слѣдно разобрать-съ. По крайности, съ прошеньемъ къ начальству къ набольшему чтобы не идти, кляузы бы не заводить какой-съ; дѣло такое, что можно его своимъ судомъ присудить, значится, домашнимъ-съ; а чтобы и напередъ этого выдти не могло-съ, потому, ваше высокоблагородіе, неровенъ часъ.

Дій Дидимовичъ съ величайшимъ терпѣніемъ слушалъ жалобу обиженнаго, только качая головою, пожимая плечами, и взглядывая на Ромашку, стоявшаго тутъ же въ дверяхъ и старавшагося улыбаться какъ можно незамѣтнѣе; но, какъ только дѣло дошло до «набольшаго начальства», онъ тотчасъ подступилъ къ купцу, ласково положилъ руку на плечо его, и сказалъ тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ:

— Хорошо-съ: это мы разберемъ теперь же, и самое лучшее, своимъ судомъ, не откладывая. Ахъ ты, Господи! Ну, батюшка, еслибы да знали вы, сколько тутъ хлопотъ да непріятностей разныхъ, съ этими пьянчугами: хоть волкомъ вой. Что станешь дѣлать — служба. И то сказать: что съ нимъ станешь дѣлать? Представить? Подъ судъ отдать? Разстригутъ вѣдь его, въ арестантскія упрячутъ вѣдь? Ну—и служба лопнула; а служилъ вѣдь двадцать лѣтъ. Что ты тутъ станешь дѣлать съ нимъ?

— Это, ваше высокоблагородіе, точно-съ, замѣтилъ купецъ, уже на половину удовлетворенный тѣмъ, что капитанъ говоритъ съ нимъ такъ ласково и вѣжливо, тогда какъ городничій, или кто другой, чуть не въ зубы тычетъ, разговаривая:—такъ точно-съ: я, ваше высокоблагородіе, желательно мнѣ, больше ничего-съ, какъ, значитъ — своимъ судомъ: погонять бы его по крайности.

— Хорошо, хорошо, сейчасъ. Капитанъ обернулся къ двери и крикнулъ голосомъ, съ возможнымъ для него оттѣнкомъ строгости; — эй, Ромашка! Позвать ко мнѣ Раскатаева! Я его, пьяницу! Будетъ онъ у меня знать! Слышь, Ромашка!

Зная привычку барина, постоянно, не откладывая, требовать виноватаго къ себѣ на квартиру, Ромашка вышелъ изъ комнаты еще предъ концомъ разсказа и, какъ только повторилъ капитанъ имя его, Раскатаевъ стоялъ уже въ дверяхъ кухни, съ поникшею головою и лицомъ, носившимъ на себѣ слѣды кулаковъ Матвѣя Гавриловича.

Digitized by Google

— Вотъ онъ самый и есть-съ, замѣтилъ купецъ, указавъ пальцемъ на Раскатаева.

— А! Онъ уже здѣсь! Что ты надѣлалъ, пьяница ты этакая негодная? Поди-ка, поди сюда, сказалъ капитанъ, маня Раскатаева пальцемъ.

Солдатъ сдѣлалъ три шага впередъ, не шевельнувши ни головою, ни корпусомъ, и не взглянувъ на обиженнаго, какъ будто того и въ комнатѣ не было.

— Что ты надѣлалъ? А? повторилъ капитанъ, подходя къ солдату и устремивъ на него свой добродушный взглядъ, которому старался придать возможную строгость, и не могъ сдѣлать этого.

— Виноватъ, вашеблагородіе, не могу знать, произнесъ Раскатаевъ вполголоса, и вздохнулъ.

— Виноватъ! Не могу знать! А? Какъ не могу знать, дурачина ты скверная!

— Какъ же это такъ, знать не можете? поддержалъ купецъ.— Нѣшто, это все одно, что комара пришибить, да потомъ и забыть можно-съ? Такъ нельзя-съ, потому, всѣ мы, значитъ, люди, обыватели здѣшніе и, выходитъ, знаемъ-съ гдѣ судъ, гдѣ расправа и кому слѣдно жалиться.

— Какъ такъ, не могу знать? Былъ ты съ этимъ человѣкомъ въ трактирѣ? спросилъ капитанъ, кивнувъ головою на жалобщика.

— Былъ, вашеблагородіе, виноватъ-съ, отвѣчалъ Раскатаевъ, продолжая смотрѣть на капитана, и не замѣчать купца.

То-есть, онъ видѣлъ обиженнаго, замѣтилъ его тотчасъ по приходѣ, но въ эту минуту не находилъ никакой надобности любоваться имъ, тѣмъ болѣе, что Ромашка уже сообщилъ ему дорогою, зачѣмъ именно капитанъ зоветъ его.

— А! Виноватъ! продолжалъ капитанъ: — а чай съ нимъ пилъ?

— Пилъ-съ.

— А водку?

— Виноватъ-съ.

— Виноватъ! Вотъ я тебя! А пятиалтынники выпрашивалъ?

Раскатаевъ съ секунду подумалъ и отвѣчалъ:

— Не могу знать, вашеблагородіе.

— Какъ такъ, не можешь знать, а голова на что?

— Виноватъ-съ, вашеблагородіе: запамятовалъ.

— Запамятовалъ? Такъ я же вотъ напомню тебѣ! А драку завелъ, не помнишь?

— Не помню, запамятовалъ-съ.

Digitized by Google

— Не помнишь! занимитовалъ! Такъ вотъ будешь же ты у меня помнить: вотъ я съ тобой сдѣлаюсь. Развѣ водка для того сдѣлана, чтобы напиваться ею, драки заводить, да честныхъ людей обижать? А?

— Вашсблагородіе, во хмѣлю былъ. Виноватъ-съ.

— Во хмѣлю былъ! А кто это разрѣшилъ тебѣ во хмѣлю бивать, драки заводить, да пьянствовать? А? Кто разрѣшилъ дебоширствовать-то тебѣ, я, что-ли, а?

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ Раскатаевъ.

— А кто же такой? Ромашка, что ли? а?

Раскатаевъ промолчалъ. Ромашка взялся за носъ, чтобы изъ вѣжливости скрыть улыбку.

— По крайности, ваше высокоблагородіе, сказалъ купецъ: — пущай онъ — чтобы напредки этого не было-съ. А ужь я... что съ него искать. Пущай себѣ, ваше высокоблагородіе

Какъ дурной актёръ, усиливающійся войдти въ роль, воодушевиться и быть на одной высотѣ съ природою, въ какомъ-нибудь патетическомъ мѣстѣ трагедіи, такъ и капитанъ, возвышая голосъ, не тамъ гдѣ слѣдовало, вскрикивая невпопадъ, какъ ни желалъ показать, что Раскатаевъ взбѣсилъ его, что въ немъ говоритъ не что другое, какъ только гнѣвъ — ничего этого замѣтно не было; Раскатаевъ, Ромашка да и самъ обиженный, знали, видѣли и чувствовали, что капитанъ сердиться не въ состояніи; впрочемъ, Раскатаевъ и шелъ къ нему, будучи увѣренъ, что хотя обстоятельство это даромъ ему не пройдетъ, но ни подъ судъ не отдадутъ его, ни нашивокъ не спорятъ; а обиженный былъ доволенъ и даже удовлетворенъ тѣмъ уже, что капитанъ обошелся съ нимъ такъ вѣжливо, и въ его присутствіи гонялъ обидчика.

— Ужь и учиню же я съ тобой расправу, дурачина ты скверная! продолжалъ капитанъ. — Проси, негодяина! Винись, пока подъ-судъ не упрятали!

— Виноватъ-съ, вашсблагородіе, во хмѣлю былъ-съ, проговорилъ Раскатаевъ, обратясь къ купцу.

— То-то вотъ и есть, любезнѣйшій ты мой, сказалъ купецъ, совершенно уже удовлетворенный и готовый забыть, что ему «отпустили суходушину»: — значитъ, теперь ужь дѣло невротимое, а по крайности, чтобы опосля этого не было; и напредь добрыхъ людей обижать не моги ты, потому — не годится-съ.

Digitized by Google

— Виноватъ-съ, повторилъ Раскатаевъ, храбро смотря въ глаза обиженнаго.

— Которыя взялъ ты пятнадцать копеекъ — сейчасъ отдать! крикнулъ капитанъ, уже не отъ сердца, а видимо успокоенный тѣмъ, что жалобы къ «набольшему начальству» не послѣдуетъ.— Ну, отдавай при моихъ глазахъ! Есть деньги?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше-благородіе: не захватилъ, отвѣчалъ Раскатаевъ.

— А! Пропилъ всѣ, пропьянствовалъ! Вотъ я тебя! Будешь ты у меня по трахтирамъ разгуливать, да разныя невѣжества заводить! Будешь!

— Объ этомъ, ваше высокоблагородіе, не извольте безпокоиться, замѣтилъ купецъ: — мы съ нимъ сочтемся-съ. Работу принесетъ, такъ мы это ему, значитъ, въ счетъ поставимъ-съ. А теперя, покамѣстъ, очень благодарны, ваше высокоблагородіе, за заступу за вашу-съ. Просимъ прощенья-съ.

Купецъ нѣсколько разъ поклонился, послѣ каждаго поклона встряхивая головою, чтобы привести въ порядокъ валившіеся на лобъ волоса.

— Съ Богомъ, почтеннѣйшій, отвѣчалъ капитанъ, протянувъ купцу руку: — вы не безпокойтесь ужь: впередъ будетъ онъ у меня поумнѣе; я съ нимъ расправлюсь.

— Покорнѣйше благодаримъ-съ; прощенья просимъ, повторилъ купецъ.

И поклонившись еще разъ, встряхнувъ еще разъ головою, купецъ, удовлетворенный, какъ говорится, по уши, отправился домой, по пути сунувъ Ромашкѣ пять копеекъ за труды, что бѣгалъ-де за обидчикомъ. А Дій Дидимовичъ снова началъ распекать Раскатаева:

— И скажи ты ферфебелю, добавилъ капитанъ: — чтобы онъ тебя, дурачину скверную, въ штрафной списокъ бы записалъ, въ первый разрядъ. И чтобы справа большой крестъ поставилъ, потому — вина твоя непростая, за нее можешь ты подъ судъ попасть, и нашивокъ лишишься, и арестантомъ тебя пьяницу негодную сдѣлаютъ. Ступай! А завтра я въ роту приду — такъ и посмотрю, такъ-ли скажешь ты.

Раскатаевъ, слушавшій выговоръ капитанскій и приказаніе молча, не мигая глазомъ, не шевелясь, какъ фонарный столбъ — повернулся налѣво кругомъ и ушелъ.

Въ то время, когда распекалъ капитанъ провинившагося Раска-

Digitized by Google

таева, Ромашки въ комнатѣ не было: проводивъ купца, онъ не возвращался еще.

Когда Раскатаевъ ушелъ, капитанъ вздохнулъ свободнѣе: разстегнулъ сюртукъ и, чтобы не разбудить дрозда, уже спавшаго, осторожно снялъ покрывавшій клѣтку платокъ, и покрылъ ее уголкомъ скатерти провинціальнаго произведенія, которою покрытъ былъ столъ; а платокъ, какъ вещь для себя необходимую, положилъ въ карманъ, и сталъ прогуливаться изъ угла въ уголъ по комнатѣ.

IV.

Гдѣ говорится о послѣдствіяхъ, вызванныхъ главою предъидущею.

Минутъ черезъ десять и Ромашка пришелъ съ тѣмъ, чтобы позвать барина загонять въ сарай птицу, какъ это всегда дѣлалось, если капитана не было на дворѣ.

— Что, братъ Ромашка, золотой вѣдь ты человѣкъ, за то, что этой водки не пьешь, сказалъ капитанъ, завидя Ромашку.

— Дѣло извѣстное-съ, отозвался тотъ: — водка, по моему собственно, не на то и сдѣлана, чтобы безъ пути упиваться ею. А чтобы и тѣхъ-то тоже прахъ бы съѣлъ, кто понтъ ею нашего брата-то, да потомъ идетъ жаловаться. Хошь этотъ жалобщикъ и далъ мнѣ пятакъ, а всячески...

— Онъ же еще и пятакъ тебѣ далъ? прервалъ капитанъ съ удивленіемъ.

— Далъ, продолжалъ Ромашка: — да всячески, пожалуй, ненадоть бы мнѣ и пятака его, кабы только не помѣшалъ бы онъ намъ дѣло-то дѣлать: птицу-то давно пора въ ночлегъ загонять, вишь ты, тёмно стало ужь, смеркнись какъ.

— А и правда вѣдь: пойдемъ-ка скорѣе. Взявъ фуражку и хлыстикъ, стоявшій на своемъ постоянномъ мѣстѣ въ кухнѣ, въ углу — вмѣстѣ съ кочергою и ухватами, капитанъ добавилъ: — пойдемъ-ка, пойдемъ: эка, въ самомъ дѣлѣ, темно ужь какъ.

— Да *курей*-то я ужь загналъ, замѣтилъ Ромашка: — только, собственно, повѣрки не сдѣлалъ; остались одни утяти да гуси.

— Ладно, сперва бы загналъ-то, а повѣришь послѣ, сказалъ капитанъ: — онъ ужь эти мнѣ жалобы... Былъ бы, кажется, до тѣхъ поръ, что и духъ-то весь бы выбилъ вонъ, хотя бы у этого, у Раскатаева. Сколько разъ доставалось ему за это. Неймется

Digitized by Google

все: ну, другой бы начальникъ показалъ бы ему, какъ буйствовать; разучился бы онъ и водку пить.

— Это, вашеблагородіе, все одно, замѣтилъ Романка: — ужь коли лошадь негодная, такъ ужь ничѣмъ ты ее не выправишь: все будетъ такая же.

— Кажись вотъ что, вашеблагородіе, сообщилъ Романка, минуту спустя, когда вошли на птичій дворъ, чтобы загнать въ птичникъ утокъ и гусей: — повѣрять-то, я еще не повѣрилъ, а всячески, примѣтно, что сѣрушка-то, того... нѣту ее: должно, куда ни наесть къ чужому пѣтуху ушла-съ.

— Вотъ-те разъ! Да такъ-ли? Не просмотрѣлъ-ли ты ее? сказалъ капитанъ, минуты двѣ спустя, когда, вслѣдствіе сообщенной новости, чувство непріятнаго удивленія немного прошло.

— Да, нѣту, повторилъ Романка: — я то-сь не проглядѣлъ бы ее. Вонъ онѣ, гости-то этаніе, съ жалобами-то, не-въ-пору пришли.

— Хорошо-же, будетъ же помнить у меня эта пьяница негодная! Будетъ: я ему это даромъ не спущу! замѣтилъ капитанъ, полуторжественнымъ тономъ, покачивая головою и смотря на Романку. — Ужь я-же съ нимъ завтра и перевѣдаюсь!

Загнавъ утокъ и гусей, оба они стали повѣрять куръ: оказалось, что сообщенная Романкою непріятность дѣйствительна: наикрасивѣйшей сѣрой курицы, въ курятникѣ нѣтъ. Куда она дѣться могла? Пошли въ курятникъ—нѣтъ: одни гуси только. Въ утятникѣ — нѣтъ. У свиней, въ хлѣву, въ дровяномъ сараѣ, на сѣновалѣ—перискали вездѣ, а сѣрой курицы нѣтъ, какъ нѣтъ.

— Фю, тю, тю, тю, тю. Цыпъ, цыпъ, цыпъ. Цыпонька, цыпонька, кликалъ Дій Дидимовичъ свою любимицу, заглядывая въ каждую щелку и приговаривалъ: — вотъ что они мнѣ надѣлали, пьяницы эти мерзкіе, да жалобщики! Вотъ что они мнѣ надѣлали; ищи-ка теперь, ночью-то!

А курицы все нѣтъ.

— Н-да, помѣшали-таки намъ они, говорилъ Романка. — Собственно, когда вы были занялись-то съ ними, такъ курей-то я и загонялъ одинъ; слѣдно, сѣрка-то куды ни на есть и запрешастилась. Да вирочемъ, не сегодни такъ завтра, найдется-съ: забѣгла на дворъ куды-нибудь, къ пѣтуху. Ничего, найдется: городъ здѣсь ни богъ-знаетъ какой; пропасть здѣсь некуды. А, теперичка, пойду-на скотину доить: пора. Найдется: некуда пропасть ей здѣсь.

Digitized by Google

— Ну, ладно, ты занимайся тутъ, а я пойду да поищу, нѣтъ-ли ее гдѣ-нибудь на улицѣ, сказалъ капитанъ, застегнувъ сюртукъ.

— Да все рàвно: теперичка, вашеблагородіе, не увидаете, замѣтилъ Ромашка: — потому, ишь какъ *тёмно* стало.

— Нѣтъ, братъ: лучше побродить, пошарить; можетъ статься, заблудилась бѣдняга, да гдѣ ни на есть на заборѣ и сидитъ.

— Ну, какъ знаете.

— Ты дѣлай свое, а я таки поищу пойду.

Капитанъ вышелъ за ворота, а Ромашка вынесъ изъ кухни деревянный подойникъ, съ приклееннымъ къ краю, небольшимъ кускомъ масла и отправился въ хлѣвъ.

Было уже совершенно темно, когда Дій Дидимовичъ возвратился изъ поисковъ, одинъ, безъ курицы и объявивъ, что «сѣрушки нѣтъ какъ нѣтъ», со вздохомъ и потерею аппетита, сѣлъ ужинать; потомъ, заглянувъ на сонъ грядущій, на обновку свою, въ клѣтку съ дроздомъ, легъ онъ спать, съ мыслью о пропавшей курицѣ и съ вопросомъ: «куда могла она запропàститься?»

Спалось нехорошо, съ перерывами, какъ выражался Дій Дидимовичъ; плохо спалось, не такъ, какъ всегда. То снилось ему, что сѣрку ястребъ съѣлъ; то казалось, что ее орелъ унесъ и усѣлся закусывать на трубѣ инвалиднаго дома; то видилось, что Раскатаевъ укралъ ее и продалъ за пятиалтынный занимающемуся по мясной части, отставному унтеру Табакову, а тотъ ее изжарить велѣлъ, набивъ ея перьями подушку, съ тѣмъ чтобы подарить таковую пріятелю въ день ангела; то мерещилось, что сѣрка лежитъ на улицѣ, заѣденная собаками; то мальчишки ей камнемъ ногу подбили и загнали въ рѣку, тонить. Разное снилось ему. Онъ ворочался, просыпался, прислушивался, не кричитъ-ли гдѣ нибудь пропавшая птица и, слыша только храпѣніе Ромашки, опять засыпалъ, съ тѣмъ чтобы проснуться снова, снова прислушиваться и засыпать потомъ.

Утромъ, едва только показалось солнце, поднявшись на горизонтѣ на аршинъ какой нибудь, капитанъ былъ уже на ногахъ и надѣвалъ старый сюртукъ, безъ знаковъ офицерскаго достоинства, съ однѣми только «аглинковыми» пуговицами.

Ромашка тоже всталъ и пошелъ въ птичій сарай; самъ же Дій Дидимовичъ надѣлъ фуражку, взялъ хлыстикъ и отправился искать бѣглянную курицу.

Безлюдовцы еще только начали просыпаться, а капитанъ обошелъ уже полгорода, заглядывая во всѣ подворотни, въ окошки

Digitized by Google

сараевъ, клѣтей, въ щелки заборовъ, тянувшихся между домами и мѣстами пустопорожними—а сѣрой курицы нѣтъ какъ нѣтъ.

Идетъ онъ по той улицѣ, гдѣ находится зданіе инвалидной роты; противъ этого зданія, на другой сторонѣ улицы, стоитъ домикъ, маленькій, въ два окна; рядомъ заборъ; за заборомъ садъ небольшой и огородъ, отдѣленный отъ сада невысокимъ плетнемъ. Подойдя къ этому забору, капитанъ заглянулъ въ щелку и видитъ: по двору идетъ женщина, въ юбкѣ, въ кофтѣ и ночномъ чепцѣ, повидимому, недавно вставшая; на глазъ, лѣтъ ей немного, нестара еще, но и немолодая, а такъ себѣ женщина въ порѣ, свѣжая, въ настоящихъ лѣтахъ. А курицы все-же нѣтъ. Дій Дидимовичъ на прекрасный полъ вообще не засматривался; а въ эту минуту, что ему прекрасный полъ, когда пропавшей курицы и слѣда не видно? До женщины ли ему теперь? Въ другое время, увидѣвъ такую женщину, онъ посмотрѣлъ бы на нее съ минуту, и свернувъ немного нàсторону голову, сказалъ-бы: «дама славная, видная»; а теперь, пройдя сажени двѣ по забору, онъ снова заглянулъ въ щелку, единственно съ мыслью о сѣркѣ.

Какъ иногда встрепенется человѣкъ, занятый какою-нибудь печальною мыслью и пріятно удивленный чѣмъ нибудь неожиданнымъ, такъ встрепенулся и капитанъ теперь, взглянувъ второй разъ въ заборную щель. Что же увидѣлъ онъ: на закраинѣ одной изъ дорожекъ сада, стоитъ пѣтухъ и, то поднимаясь на лапкахъ, то подпрыгивая, клюетъ съ куста черную смородину; тутъ же, подлѣ пѣтуха, стоитъ курица и о землю чиститъ клёвъ свой. Капитанъ протеръ пальцемъ правый глазъ и опять прильнулъ къ щелкѣ: и что же — это его сѣрка изволитъ въ чужомъ саду со знакомымъ пѣтухомъ гулять!

Межъ тѣмъ, женщина въ кофтѣ и ночномъ чепцѣ тоже въ садъ вошла, и остановясь недалеко отъ пѣтуха, закачала головою и говоритъ:

— Ахъ ты, негодный ты этакій! Ахъ ты негодный: въ садъ забрался, да еще чужую курицу привелъ. Ахъ ты баловникъ ты этакій. Чья же это такая курица? Какъ будто, есть такая у инвалиднаго капитана? А, славная курочка: большая какая. Вотъ наѣрное каждый день по яйцу несетъ. Ахъ вы, плутишки, каналы вы этакіе: около-то смородины... Кшишь! Пошли вонъ! Смородину рвать... Кшишь! кшишь!

Пока женщина въ кофтѣ говорила это, капитанъ вошелъ во

Digitized by Google

дворъ и, остановясь у входа въ садъ, кашлянулъ, приложилъ правую руку къ козырьку фуражки, какъ дѣлаютъ это всѣ военные, и сказалъ:

— Мое почтеніе-съ. Это, сударыня, курочка-то моя-съ; еще вчера вечеромъ со двора ушла-съ.

Женщина въ кофтѣ ахнула и, стараясь прикрыть воротничкомъ кофты бѣлую, какъ пшеничная мука, шею, видимо сконфузилась, не зная куда дѣться, рѣшительно не разсчитывая на такой ранній визитъ инвалиднаго начальника.

— Извините... я, только что вставши, проговорила она, продолжая закрывать воротничкомъ кофты шею.

— Ничего, сударыня: на этомъ не извольте безпокоиться, сказалъ капитанъ, съ улыбкою и снова приложивъ руку къ козырьку фуражки; — я, какъ изволите видѣть, единственно по дѣлу зашелъ-съ; ничего-съ, не безпокойтесь на этомъ: ваше дѣло, сударыня, домашнее-съ.

— Извините пожалуйста... я...

— Ничего, сударыня, ничего-съ, повторилъ капитанъ:—будьте спокойны: я человѣкъ простой-съ.

— Я и не одѣвшись даже...

— Вы дома, сударыня, а я виновенъ въ этомъ... обезпокоилъ васъ рано оченно-съ. Да вотъ, курченка-то—еще со вчерашняго вечера ушла-съ.

— Такъ это ваша курочка? Я такъ и думала.

— Моя-съ.

— Какая милашечка.

— Это моя любимая-съ, сказалъ капитанъ и, чтобы отстоять за собою право ранняго визита, добавилъ: — оттого я и рѣшился обезпокоить васъ.

— Хорошенькая, очень хорошенькая, продолжала дама, смотря на курицу и уже нѣсколько привыкнувъ къ своему неловкому положенію.

Капитанъ обратился къ курицѣ:

— Ишь ты, дрянушка какая: бѣгать изъ дому? а?

Курица не отвѣчала. Она замѣнила занятіе свое тѣмъ только, что отбѣжавъ по дорожкѣ, куста черезъ два, стала сбирать что-то лежавшее на пескѣ, должно быть осыпавшіяся ягоды. Пѣтухъ былъ подлѣ курицы и, должно быть, довольствуясь съѣденнымъ,

Digitized by Google

стоялъ и посматривалъ на хозяйку сада, точно ожидая новаго приглашенія выдти вонъ.

А что это былъ за пѣтухъ! Такой красавецъ, роскошный, что лучше его, кажется, и на свѣтѣ нѣтъ; что, да просто — изъ всѣхъ пѣтуховъ пѣтухъ. Орлиный, чистенькій клёвъ; хохолокъ на лбу; гребень, точно изъ корала выточенъ; лапки — тонкія, чистыя, съ хохолками, со шпорами; перья—желтыя, съ голубымъ, краснымъ и бѣлымъ отливами, такъ и играютъ, такъ и блестятъ на солнцѣ, точно золото; а хвостъ-то, хвостъ-то какой! Точно сейчасъ снятъ со шляпы какого нибудь графа итальянскаго, да и приклеенъ къ пѣтушьему заду; что за хвостъ—перо настоящее! да такого пера ни у какой принцессы нѣтъ, да даже и у самой богатой купчихи такого пера никогда на шляпѣ не было; не хвостъ это, а десятое чудо; такого у самой райской птицы нѣтъ. Диво, а не хвостъ!

Капитанъ былъ въ положеніи человѣка, на глаза котораго попались двѣ-три красивыя вещицы: на каждую изъ нихъ готовъ онъ смотрѣть хоть полчаса, и чувствуетъ, что надо разстаться съ ними, съ этими вещицами, и не знаетъ, на которой именно остановить свой взглядъ, которою полюбоваться болѣе. Такъ и у капитана глаза разбѣжались: на чемъ остановиться имъ? На бѣглянку-ли свою посмотрѣть скорѣй: цѣла-ли она, не выщипаны-ли у ней перья гдѣ, не пе́ребили ли мальчишки камнемъ ногу ей, нѣтъ ли на дѣлѣ тѣхъ непріятностей, которыя мерещились ночью, во снѣ. Опять и пѣтухъ-то ужь очень хорошъ, и къ пѣтуху-то глазъ такъ и льнетъ: теперь не посмотришь—можетъ, послѣ и совсѣмъ не увидишь. И садъ-то хорошъ, тоже окинуть взглядомъ хочется. Да, наконецъ, и хозяйка-то сама, тоже и на нее смотрѣть какъ-то непротивно: лицо у ней полное, бѣлое; ни кровинки въ немъ не видно, ни пятнушка на немъ — чистое, бѣлое, какъ снѣгъ; а глаза черные, во́лосъ потемнѣе русаго. Она только что встала и не мылась еще, и глаза какъ будто заспаны, а лицо все-таки пріятное: такъ и вѣетъ отъ него лаской, такъ и мечется на губахъ добродушная улыбка. Шапочка на головѣ чистенькая, съ кружевомъ. Юбка у ней, какъ и кофта, бѣлая и короткая, въ полколѣна; отъ этого видны и ножки ея, обутыя въ тонкіе чулки и туфельки съ каблуками и голубыми бантиками. Ножка тоже пріятная, какую не всегда найдешь: ступня небольшая, икра пропорціонально-полная... По крайней-мѣрѣ капитанъ, кочуя съ полкомъ, не видѣлъ такихъ ножекъ у

дочерей деревенскихъ хозяевъ своихъ. На что смотрѣть? Чѣмъ любоваться? Дій Дидимовичъ взглянулъ на курицу, на хозяйку, на садъ, на пѣтуха ея и сказалъ:

— Какой же, сударыня, и пѣтушокъ-то пріятный у васъ.

— Да вотъ въ садъ ходить все и не отвадишь никакъ, отозвалась хозяйка, взглянувъ на капитана, а потомъ и на пѣтуха, снова сдѣлавшаго два шага къ кусту смородины.

— Какъ же-бы теперь поймать-то эту незванную-то гостью вашу, сударыня? Безпокойства надѣлалъ я вамъ, извините ужь.

Капитанъ снова взглянулъ на хозяйку, на садъ, на курицу и снова заглядѣлся на пѣтуха и подумалъ:

«Вотъ такъ пѣтухъ; фу, пріятный какой...»

— Ничего-съ, какое тутъ безпокойство, отвѣчала хозяйка: — позвольте, я ихъ заманю въ бесѣдку, тамъ и поймать можно будетъ. Цыпъ, цыпъ, цыпъ! Петя, Петя, Петя!

Согнувшись немного и осторожно переставляя ноги, точно надѣясь скрыть этимъ свое déshabillée, пошла она по дорожкѣ въ небольшую деревянную будку, называвшуюся бесѣдкою. За нею, скорымъ шагомъ, послѣдовалъ и пѣтухъ, а за пѣтухомъ и курица.

«Ну—пѣтухъ, послушный какой, канальство! Вотъ птица такъ птица: какой понятливый, точно человѣкъ», подумалъ капитанъ, смотря на уходившихъ—курицу свою, пѣтуха и его хозяйку. Замѣтилъ онъ и мелкіе слѣды, оставленные на пескѣ ногами хозяйки. Замѣтилъ, и ничего не успѣлъ подумать на этотъ счетъ, потому что дверь бесѣдки, затворившаяся за нею, снова отворилась, и хозяйка вышла уже держа въ рукахъ пѣтуха своего, оставивъ за запертою дверью одну курицу, и сказала, остановясь шагахъ въ трехъ отъ бесѣдки:

— Теперь пожалуйте въ бесѣдочку-то, да курочку-то и поймайте.

— Покорнѣйше благодарю, сударыня; безпокойства-то надѣлалъ я вамъ, отвѣчалъ Дій Дидимовичъ; и осторожно, бокомъ проходя мимо хозяйки, чтобы не задѣть ни ее, ни куста смородины, взглянулъ на пѣтуха и не могъ не подумать: «фу, пріятный пѣтухъ какой!»

— Ничего-съ, не безпокойтесь, пожалуйте, улыбнувшись прошептала хозяйка.

А пѣтухъ сидитъ себѣ у ней подъ мышкою, какъ будто-бы это такъ и надобно, точно онъ привыкъ уже къ этому. Сидитъ себѣ, да глаза щуритъ и кривитъ на бокъ голову, высматривая,

Digitized by Google

на которомъ кустѣ смородина покрупнѣе, съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій разъ и приступить къ этому кусту.

Между тѣмъ, въ бесѣдкѣ раздался крикъ курицы, точно голову отвернули ей: пѣтухъ встрепенулся и взмахнувъ крыломъ, распахнулъ кофту своей владѣлицы. Та поторопилась справиться съ непріятелемъ, и снова закрыла полою кофты, выглянувшую на свѣтъ божій, полную грудь свою—правда, немного невпору, потому что въ этотъ моментъ капитанъ, отворивъ дверь бесѣдки, вышелъ уже оттуда, обѣими руками держа бѣглянку свою, старавшуюся отъ него вырваться.

— Ишь вѣдь ты, упрямая какая, говорилъ онъ, приближаясь къ хозяйкѣ:—забралась въ чужой садъ, да еще и домой не хочетъ. Негодяйка, и съ яйцомъ еще, а домой не хочетъ.

Хозяйка улыбнулась, еще разъ поправила кофту и сказала:

— Славная курочка; я думаю, каждый день по яйцу несетъ?

— На этотъ счетъ-съ позвольте вамъ, сударыня, засвидѣтельствовать-съ, отвѣчалъ Дій Дидимовичъ:—безъ яйца бываетъ въ году развѣ что мѣсяцъ какой нибудь съ небольшимъ-съ. Ей-богу-съ; на этотъ счетъ — кладъ, а не курица-съ.

— Красивенькая какая, повторила хозяйка, сдѣлавъ шагъ къ выходу изъ сада.

— А вотъ ужь за это нехороша-съ, сказалъ капитанъ: — что, хотя-бы, напримѣръ, изъ дому-то этакъ бѣгаетъ-съ.

— Ну, это еще грѣхъ небольшой: не уйдетъ далеко, найдется.

— А смѣю спросить, вы, должно быть, тоже привержены къ этой птицѣ-съ? любите, стало быть-съ?

— Да, знаете, это ужь птица такая, что для хозяйства необходимая.

— Это такъ-съ, ваша правда-съ. Опять же, нельзя и не любить этакую птицу; примѣрно, вотъ хотя бы пѣтушка вашего: изволите видѣть, пріятный какой — ей-богу-съ.

— Полноте вамъ: будто ужь такой онъ и есть.

И съ явнымъ наслажденіемъ взглянула хозяйка на пѣтуха своего, продолжавшаго гнуть голову и щурить глазами.

— Ей-богу-съ, продолжалъ капитанъ: — такую птицу еще въ первый разъ и вижу-съ.

— Полноте вамъ.

— Да это не пѣтухъ у васъ, сударыня — не пѣтухъ, а настоящая игрушка-съ.

Digitized by Google

Разговаривая такимъ образомъ, изъ сада на дворъ, продолжая дер рицу.

— Затѣмъ, сударыня, имѣю чес танъ, сжавъ курицу подъ мышкою къ козырьку фуражки: — извинить дѣлалъ вамъ-съ.

— Ничего-съ, помилуйте, отвѣч жалуйста, что я въ такомъ... не м

— Оченно благодаренъ-съ. Ниче да и время теперь такое-съ. Извин Имѣю честь кланяться-съ.

— Прощайте-съ.

— Мое почтеніе-съ.

Поклонясь другъ-другу нѣсколько тились шага на три задомъ, сдѣл не вдругъ повернулись и — хозяйк гдѣ простоявъ минуты двѣ и убѣд на дворѣ уже нѣтъ, снова перешл роди и, пустивъ пѣтуха на огорож прочія куры ея, поднялась на чисто кухню; а капитанъ вышелъ за воро за собою калитку, торопливо пошe тому, что не хотѣлъ показать себя мышкою курицу, не потому, а про чтобы поскорѣе придти домой, да будь, и разсказать ему, какъ и г пріятнаго пѣтуха видѣлъ онъ у ба

На противоположной сторонѣ у дома, стояли въ это время два ин начальника, оба они сняли фураж могли. Видя подчиненныхъ своихъ, слегка наклонивъ голову, поднесъ тотчасъ опустивъ ее, пошелъ далѣ

— Вона, батька-то: все со свое одинъ изъ солдатъ.

— Это ротный-то, шепнулъ др вдовы изъ воротъ вышелъ?

— Оттуда и есть; вона, и куру

Digitized by Google

— Ранехонько же таки по гостямъ-то ходитъ онъ: седьмой часъ только, больше нѣтъ.

— Да вдова-то баба, можно сказать, важная.

— Извѣстное дѣло: люди вѣдь, человѣки, какъ и мы съ тобой.

Ужь еслибы да услышалъ капитанъ разговоръ такой, еслибы услышалъ только — непремѣнно приказалъ бы обоихъ ихъ записать въ штрафной списокъ, въ первый разрядъ, и справа большой крестъ поставить. Счастье ихъ, что капитанъ не могъ слышать этихъ словъ: и улица-то была довольно широкая, и говорили-то они негромко, а главное, и въ головѣ-то у него были совсѣмъ не тѣ мысли.

«Вотъ такъ пѣтухъ», думалъ капитанъ: «вотъ такъ ужь и птица же; такая, можно сказать, что изъ всѣхъ пѣтуховъ пѣтухъ! А гребень-то! А хвостъ-то, хвостище-то у него какой! И пѣтушокъ-же, ну — не птица, а кукла! А бабы да намъ такого завоевать бы съ Ромашкой? А? Не продастъ, канальство; а нѣтъ, такъ цѣну заломитъ. А хорошо бы такого пріятнаго пѣтуха имѣть. Ну пѣтухъ — пѣтухомъ-пѣтухъ! А тоже, сказать, если и хозяйка сама, какая пріятная дама: не то, что какая-нибудь здѣшняя засѣдательша, или къ примѣру, казначейша или городничиха. Нѣту, далеко имъ, недостать. Славная дама: сейчасъ видать, что не гордится ничѣмъ, добрая да умная, сейчасъ ужь видать это. Да красивая какая, полная; должно быть, на хорошей пищѣ живетъ. Очень пріятная дама. Нѣту, далеко до этакой пріятности засѣдательшамъ этимъ, да казначейшамъ — далеко. Приди-ка къ ней, хотя бы къ казначейшѣ къ нашей, приди-ко этаку рань, да застань-ко ее въ этакой амуниціи, ну? Такъ, вѣдь тутъ крику такого напустила бы, что уши заломитъ; да неучтивымъ обозвала бы, невѣжею. А эта... сейчасъ видать, что хорошая дама: и говоритъ-то, да и смотритъ-то не такъ, какъ онѣ; все это у ней какъ-то пріятно выходитъ. Ну, что же такое, что я рано пришелъ? За дѣломъ вѣдь? Оно такъ и быть слѣдуетъ; она оконфузилась маленько, да и ничего потомъ. Ужь это, какъ ты хошь, а человѣка сейчасъ видать, хорошій онъ человѣкъ или негодящій. Кто же это она такая? Что-то я про нее не слыхивалъ. А садикъ-то, канальство, славный какой у ней: признаться, что получше будетъ, чѣмъ у насъ съ Ромашкой. А пѣтухъ-то, пѣтухъ-то! Поди-ка ты: ни разу этакой красивой птицы я не видывалъ. Ужь и пѣтухъ-же, не птица, а можно сказать, кукла, настоящая игрушечка»...

Digitized by Google

Съ этими мыслями Дій Дидимовичъ подошелъ къ своему дому и вошелъ на дворъ. А Ромашка въ это время, на дворѣ у хлѣва, поросятамъ и свиньямъ кормъ давалъ.

— Слышь, Ромашка! закричалъ капитанъ: — вотъ онъ, дезертиръ-то нашъ, нашелся, братъ! Да вѣдь куда забралась-то: къ пѣтуху къ чужому!

Ромашка оглянулся, оставилъ свое занятіе и пошелъ на встрѣчу барину, покачивая съ боку на бокъ головою, и отряхивая руки, выпачканныя свинымъ кушаньемъ.

Главнымъ послѣдствіемъ жалобы на Раскатаева и побѣга курицы было то, что капитанъ первый разъ въ жизни почувствовалъ въ себѣ что-то такое, говорившее въ пользу женщины, и не то что не могъ, а еще не успѣлъ дать себѣ отчета въ этомъ чувствѣ, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ нимъ закралось въ сердце капитана и что-то похожее на зависть относительно красиваго пѣтуха; да и садъ-то у дамы въ кофтѣ лучше, чѣмъ у него съ Ромашкой; капитанъ не успѣлъ еще хорошенько надуматься о всемъ этомъ.

Посадивъ сѣрку на гнѣздо (она съ яйцомъ была), капитанъ пошелъ въ домъ, поласкалъ дрозда, пропѣвшаго ему свое: «дрррроздооовъ», и сѣлъ пить чай, на этотъ разъ приготовленный Ромашкою.

V.

О томъ, кто такая была женщина въ юбкѣ и кофтѣ и какое впечатлѣніе произвело на нее посѣщеніе инвалиднаго начальника.

Верстъ за триста отъ Безлюдова, въ собственномъ имѣніи жилъ одинъ помѣщикъ съ семействомъ, состоявшимъ изъ жены, двухъ малолѣтнихъ дочерей и сына. Къ семьѣ его, изъ человѣколюбія, причислена была еще одна сиротка, дѣвочка однихъ лѣтъ со старшею его дочерью. Всѣ четверо, то-есть обѣ дочери помѣщика, сынъ его и сиротка воспитывались дома, гувернанткою. Собственно дѣти помѣщика воспитывались такъ, на сколько это возможно, на глазахъ отца и матери, съ надлежащимъ тактомъ. На сиротку же большого вниманія обращено не было, потому, конечно, что она была сиротка. По этой же самой причинѣ, дѣти

Digitized by Google

помѣщика считали ее себѣ совершенно подвластною, и подъ-часъ распоряжались ею, какъ хотѣли, тѣмъ болѣе, что и отъ природы она могла назваться дѣвочкою кроткою. Отъ этого она не всегда знала заданный урокъ; не выучивъ его, по милости однолѣтковъ своихъ, вообще — по какой-то причинѣ мѣшавшихъ ей учить заданное и любившихъ слушать, когда воспитатели называли ее лѣнивою, а также и смотрѣть, подсмѣиваться, когда она бывала за незнаніе урока наказана. Если во время игры происходила ссора, а иногда и драка, въ такомъ случаѣ, какъ водится, виноватою бывала всегда она же, сиротка. Дѣти помѣщика росли, вмѣстѣ съ ними росла и сиротка, которую, мало по малу, съ лѣтами стали отвлекать отъ занятій умственныхъ, давая ей занятія болѣе практичныя — стали пріучать ее къ хозяйству, тѣмъ болѣе, что сама хозяйка, вообще женщина здоровая, съ лѣтами стала замѣтно тучнѣть и захотѣла имѣть помощницу. Жизнь была незавидная: сиротка была въ положеніи человѣка, стоявшаго гораздо пониже дѣтей помѣщика и повыше крестьянъ его, и даже, поближе къ послѣднимъ — такъ всѣ и привыкли считать ее. Воли своей у ней не было: она должна была жить такъ, какъ хотѣли пріютившіе ее въ домъ свой, и дѣлать, думать то только, что могло имъ нравиться, иначе положеніе ея изъ незавиднаго сдѣлалось бы весьма непріятнымъ. И, благодаря врожденной кротости, она собственную волю спрятала для будущаго, а настоящее пріучила себя проживать, руководясь властію помѣщика, жены его и дѣтей... Чѣмъ болѣе проходило времени, чѣмъ болѣе наростали слои жира на тѣло помѣщицы, тѣмъ солиднѣе дѣлалась обязанность сиротки, тѣмъ болѣе на долю ея выпадало труда и заботы, возросшихъ потомъ до того, что когда минуло ей семнадцать лѣтъ, когда, несмотря на тучность и — если только не вслѣдствіе этой тучности — помѣщица отправилась на тотъ свѣтъ, ей, то-есть сироткѣ, пришлось принять на себя всѣ заботы по домашнему хозяйству.

Въ дѣтскихъ лѣтахъ страхъ наказанія, въ годы болѣе зрѣлые боязнь подать поводъ къ непріятностямъ и выговору, привычка къ труду, забота о томъ, чтобы угодить хозяину и хозяйкамъ — все это, сгладивъ съ характера сиротки всѣ какія были на немъ выпуклости, сдѣлало изъ нея женщину, съ которою можно было ужиться всякому.

Самъ помѣщикъ исполнялъ обязанность болѣе почетную и менѣе хлопотливую и грязную, то-есть обязанность по управленію

Digitized by Google

имѣніемъ вообще; всѣ же мелкія заботы и хозяйство собственно по дому, было возложено сполна все на сиротку, уже называвшуюся экономкою. Дочери и сынъ помѣщика тоже взяли на себя кой-какія обязанности: ѣздили въ губернскій городъ на балы, на обѣды и вечера къ сосѣдямъ-помѣщикамъ, привозили оттуда сплетенъ и новостей, катались верхомъ и т. д., да кромѣ того, дѣлали экономкѣ замѣчанія, что, вотъ-де, яблоки нынче нехорошо помочены, грибы дурно посолены, въ варенья положено мало или много сахару и проч.; много было заботъ экономкѣ, и она заботилась, трудилась, успѣвала вездѣ, благодаря тому, что еще съ малыхъ лѣтъ пріучена была думать и вѣрить, что должна, обязана успѣвать вездѣ и во всемъ, на основаніи той же безродности и сиротства.

Выпадали иногда на долю экономки и развлеченія, когда вмѣстѣ съ барышнями ѣздила она въ губернскій городъ на балъ. Были и слезы, когда до ушей ея долетала молва, что, вотъ-де, живетъ она въ экономкахъ у вдоваго помѣщика, которому ради этого обстоятельства, то-есть ради того, что у него экономка есть—и жениться не надобно, потому собственно, что эта самая экономка и молода, и хороша, знаетъ хорошо хозяйство, умѣетъ распорядиться всѣмъ, и все такое, разное. Больно падали эти слезы на сердце прилежно трудившейся, больно падали — да такъ тамъ и высыхали, покрытыя смиреніемъ и покорностью судьбѣ. Да и какъ было не глотать эти слезы? Куда ей дѣваться было, сиротѣ безпріютной, бездомной, непомнившей ни отца, ни матери и имѣвшей единственнаго и дальнѣйшаго родственника, служившаго гдѣ-то въ Сибири, секретаремъ у какого-то письмоводителя? Ей нужно было, какъ говорится, сидѣть у моря, да погоды ждать. Она такъ и дѣлала и выждала: погода эта поднялась со стороны губернскаго города. Нашелся человѣкъ, небольшой чиномъ, но великій душою: не обращая вниманія на пустые слухи, или даже для того, чтобы уничтожить ихъ, доказавъ ихъ неосновательность, онъ предложилъ экономкѣ руку, сердце, и мѣсяца черезъ два подарилъ ее именемъ жены и честной женщины.

Простившись съ хлопотливою обязанностію экономки помѣщика, она отдохнула, но ненадолго: мужъ, поживъ съ нею года два, захворалъ и умеръ. Экономка опять стала сиротою. Опять стала искать мѣста и нашла, поступивъ къ одной генеральшѣ, старушкѣ, которая, отгулявъ свое время въ столицѣ, пріѣхала въ

Digitized by Google

помѣстье свое, находившееся верстахъ въ сорока отъ Безлюдова, чтобы отдохнуть, и такъ-какъ не могла-же она, да и не умѣла лично заниматься хозяйствомъ, то и пожелала имѣть экономку, которая вмѣстѣ съ тѣмъ была бы и компаньонкой ея. Старуха и молодая вдова совершенно сошлись межь собою. Генеральша, по привычкѣ, иногда просила, а большею частію любила вѣжливо приказывать; а экономка, тоже по привычкѣ, любила безпрекословно исполнять чужія просьбы и приказанія. Объ совершенно сошлись. Снова началась для вдовушки плавная деревенская жизнь, полная хлопотъ и труда, впрочемъ, болѣе благороднаго и благодарнаго, чѣмъ ея прежній трудъ: генеральша не могла, да и не хотѣла знать подробностей о всѣхъ мелкихъ и крупныхъ расходахъ по дому и помѣстью. Управляющій по дѣламъ генеральши имѣлъ дѣло болѣе съ экономкою, чѣмъ съ самой генеральшею. Отъ этого происходило, что на долю вдовы экономки, между крохами отъ благъ помѣщицы, стали перепадать и куски довольно крупные, которые она, наученная опытомъ, собирала и сохраняла.

Судьба еще разъ попробовала измѣнить жизнь молодой вдовы: генеральша-помѣщица умерла. Новые владѣльцы помѣстья, наслѣдники умершей, не пожелали имѣть экономку, потому что сами лично вздумали хозяйничать: разсчитавъ экономку и, поблагодаривъ ее кучей фразъ, отпустили на всѣ четыре стороны.

Теперь, «извѣдавъ жизни сладость», вдова нашла возможнымъ и удобнымъ не идти болѣе въ экономки, а поселиться гдѣ нибудь особо и своимъ хозяйствомъ. Мѣстомъ новаго жительства избрала она Безлюдовъ: купила небольшой домикъ съ садомъ, съ большимъ мѣстомъ и разными хозяйственными постройками; передѣлала, перестроила въ немъ все, что ей не нравилось, или было старо и непрочно — по своему; завела разную живность, наняла работницу и зажила, чувствуя, что наконецъ-то судьба улыбнулась ей, какъ слѣдуетъ.

Привыкнувъ къ труду и уединенію, большую часть дня проводила вдовушка дома, за какою-нибудь работою, а по вечерамъ и нечасто, ходила на чашку чаю или просто посидѣть къ городскимъ властямъ, съ которыми познакомилась, когда ѣздили они на обѣды, на вечера и запросто къ умершей генеральшѣ-помѣщицѣ. Къ себѣ приглашать она не любила, жалуясь на тѣсноту квартиры, иногда на несостоятельность, но всегда была рада принять того, кто придетъ незваный, безъ претензій на пригла-

Digitized by Google

шенія. Добродушіе, простота и скромность были отличительными чертами характера вдовы: даже не хворала она и тою болѣзнію, которая такъ свирѣпствуетъ въ провинціальномъ обществѣ вообще и въ малыхъ уѣздныхъ городишкахъ въ особенности: она не любила ни слушать, ни разсказывать про кого-нибудь, кромѣ самой себя, не любила заниматься сплетнями, за что, впрочемъ, иныя дамы очень не хвалили ее. Но она старалась не обращать вниманія на эту нелюбовь, и продолжала быть такою же, жила никого не трогая, занималась хозяйствомъ, шила себѣ обновки, впрочемъ, скромныя, вдовьи; перешивала старыя платья свои; вязала чулки, косыночки, салфетки; вышивала воротнички и т. д. Постилась она, кромѣ постовъ, каждую среду и пятницу; по воскресеньямъ и праздникамъ вообще ходила въ обѣдни и пекла пироги. По привычкѣ, заготовляла себѣ на зиму съѣстные продукты, растительность и все, что только можно было запасти, чтобы не покупать потомъ. Вообще, вдовушка жила въ свое удовольствіе, какъ помѣщица и хорошая, трудолюбивая, знающая хозяйка.

Все это не могло укрыться отъ людей, считавшихъ необходимостію знать чужое добро и зло. Иногда шутя, а иногда и серьёзно говорили вдовѣ, что отчего-де замужъ она не идетъ еще разъ, что вотъ-де, такой-то вотъ женихъ и такой-то вотъ, съ удовольствіемъ согласились бы связать съ нею судьбу свою; было и такъ, что приходили и настоящія свахи къ ней, подосланныя, разумѣется, женихами. Отъ шутокъ она отдѣлывалась шутками; серьёзные разговоры о возможномъ замужествѣ старалась отводить въ сторону, и замѣнить разговорами о чемъ нибудь попроще; а отъ формальныхъ свахъ отдѣлывалась тѣмъ, что поила ихъ «кофеемъ» и объявивъ, что замужъ идти не желаетъ, ласково выпроваживала за двери.

Такъ прожила въ Безлюдовѣ Вивея — по отцу Пашиловна (такъ звали вдову) около двухъ лѣтъ. Въ эту пору и случилось, что вслѣдствіе побѣга сѣрки, сдѣлалъ ей неожиданный визитъ инвалидный капитанъ, котораго, надо замѣтить, хотя и немного, но знала она (кто же и не знаетъ хоть сколько-нибудь въ уѣздномъ городкѣ инвалиднаго начальника?) и можно сказать, уважала, была на его сторонѣ, наслышавшись о различныхъ его достоинствахъ.

Только что встала она утромъ, надѣла башмачки съ каблуками, и подошла къ окну, взглянуть какова погода, какъ увидѣла,

Digitized by Google

что пѣтухъ ея и какая-то курица вошли въ садъ и обираютъ черную смородину. Спустя секунду, она была уже на дворѣ и подходила къ саду, вовсе не предполагая, что сквозь заборную щель смотритъ на нее капитанскій глазъ, вовсе не разсчитывая, что въ такую раннюю пору, въ шесть часовъ утра, сдѣлаетъ ей визитъ владѣтель подруги пѣтуха ея.

Случается иногда, что зная человѣка, живущаго съ нами въ одномъ обществѣ, видя его изрѣдка, считая его изъ скромности, или по инымъ причинамъ, выше и лучше себя, и какъ одного изъ лучшихъ членовъ нашего общества, какъ человѣка высоконравственнаго, нравственно хорошаго — мы чувствуемъ себя совершенно въ его пользу и были бы непрочь хотя поговорить съ нимъ, а если возможно, такъ и познакомиться. Еслибы сдѣлалъ онъ намъ эту честь, еслибы сошелся съ нами, именно въ ту минуту, когда во имя какой-нибудь непріятности или ради физическихъ страданій, извѣстной степени, находимся мы въ дурномъ расположеніи духа, тогда на нѣсколько минутъ непремѣнно забываемъ мы непріятность, чувствуемъ себя какъ будто лучше, совершенно довольными обстоятельствомъ этимъ, и конечно, не раскаяваемся, несмотря на то, что интересующая насъ личность явилась совершенно не впору, когда мы не чувствуемъ ни малѣйшаго желанія говорить съ кѣмъ нибудь, или кого бы то ни было видѣть.

Именно такъ почувствовала себя вдова, когда, спустя нѣсколько секундъ послѣ появленія въ саду своемъ инвалиднаго капитана, немного привыкла къ неловкому положенію своему предъ нимъ. Чувство довольства было бы въ ней еще сильнѣе, еслибы посѣщеніе капитана было предвидѣно, еслибы она ждала его; тогда она иначе и встрѣтила бы его, иначе и одѣлась бы, можетъ быть, надѣла бы на себя то, что̀ лучше идетъ къ ней, или что̀ понравится такому человѣку, какимъ знала она капитана. Но случилось такъ, что капитанъ засталъ ее въ юбкѣ, въ кофтѣ и ночномъ чепцѣ — все равно: она не раскаявалась въ томъ, что встрѣтилась съ капитаномъ не во̀ время, и нисколько не сердилась на пѣтуха, пригласившаго гостью свою, сѣрку капитанскую кушать черную смородину.

— Ай-ай-ай, страмъ-то, страмъ-то какой! Видѣла, Настасья? говорила Вивея Пашиловна, входя въ кухню свою, гдѣ работница, разложивъ на очагѣ огонь, въ кофейникѣ средней величины, варила для барыни кофе.

Digitized by Google

— А ужь такой страмъ, что...

Настасья недоговорила и только махнула рукой, какъ-бы желая этимъ сказать: «Бѣда, все пропало».

— Да вѣдь какъ случилось-то это неожиданно, продолжала Вивея Павиловна, присѣвъ на деревянный некрашенный табуретъ:— я только что въ садъ-то вошла, смотрю—просто, не знала куда и дѣться.

— Видѣла я это, замѣтила Настасья:—то-то вотъ, вѣдь я-те сказала, чтобы поглядѣла ты за кофейникомъ-то, а я бы и сама справила это дѣло-то, Петьку-то бы изъ саду и выгнала. А то, сама вѣдь ты захотѣла идти; ну вотъ, и сраму набралася.

— Да кто же, матушка, зналъ, что этакую рань придетъ-то онъ? Вѣдь седьмой часъ только.

— Ужь признаться, больно мнѣ было смѣшно на тебя смотрѣть-то, какъ это ты красовалась передъ нимъ, въ юбкѣ-то. Право... Эка ты, кофей-то ушелъ-было.

И схвативъ тряпку, Настасья сняла кофейникъ съ огня и стала на него дуть, чтобы не сплылъ кофе. Потомъ снова поставила на огонь.

— Тебѣ смѣшно было, а каково мнѣ-то? спросила Вивея Павиловна.

— А кто жь тебя посылалъ туда? я бы сходила, отвѣчала Настасья:—да и то сказать: онъ вѣдь не парень какой, не осудитъ, хоть бы и случилось что. Вѣдь не изъ бани ты въ садъ-то выбѣгла, а одѣтая.

— Одѣтая! Славно одѣта: только людямъ этакъ и показываться, сказала вдовушка, поглядѣвъ на костюмъ свой.

— Ну, такъ ужь быть этому, сказала Настасья, и снова снявъ кофейникъ съ огня, добавила: — какъ это вчера-то не видѣла я эту курченку-то? Должно, и ночевала она у насъ.

— Конечно, что ночевала, отвѣтила вдова:—да и я-то точно также вчера ее не примѣтила.

— Должно, схоронилась гдѣ ни на есть въ уголку, сказала Настасья.

— Должно быть, что такъ, повторила Вивея Павиловна.

— Ну, готовъ кофей-то; кушай ступай.

И отеревъ кофейникъ передникомъ, Настасья снесла его въ смежную съ кухней комнату, гдѣ стоялъ на столѣ подносъ съ сахарницею, чашкою и сливочникомъ, снова возвратилась въ кухню, потомъ погасивъ на очагѣ огонь, отправилась въ хлѣвъ. А

Digitized by Google

Вивея Папиловна, взявъ полотенце, зубную щетку и коробочку съ кусочками мыла, вышла на крыльцо къ рукомойнику.

Настасья еще съ дѣтскихъ лѣтъ привыкла говорить всѣмъ, не разбирая ни чиновъ ни лѣтъ, «ты», какъ дѣлаетъ это большая часть деревенскихъ женщинъ. Вдовушка съ удовольствіемъ просидѣла бы въ кухнѣ еще съ полчаса, разговаривая съ работницею своею о неожиданномъ посѣщеніи инвалиднаго начальника, но Настасьѣ посѣщеніе это не казалось особенно интереснымъ; кромѣ того, она была изъ женщинъ не слишкомъ разговорчивыхъ, а болѣе дорожила временемъ, чувствуя необходимость употребить его съ пользою, тѣмъ болѣе, что барыня ея любила порядокъ и чистоту во всемъ, а грязной работы въ домѣ было много. Нарочно задержать при себѣ работницу на лишніе полчаса, Вивея Папиловна не нашлась.

«Какъ это не замѣтила-то я его? Спасибо, кофта да юбка-то у меня чистыя. Экой страмъ, въ самомъ дѣлѣ. Хорошо, если не видалъ никто, какъ былъ онъ въ саду, да разговаривалъ со мной, а я въ юбкѣ; а если подсмотрѣлъ въ щелку кто нибудь, вотъ сплетня и будетъ, разговоры по городу и пойдутъ: принимала, дескать, она инвалиднаго-то, въ юбкѣ да въ кофтѣ, да еще съ позаранку, стало-быть, коротко знакомы. Такъ ужь это и будетъ, если видѣлъ кто. Самъ-то онъ еще ничего: видно, хорошій человѣкъ, простой, не осудитъ. Да какой ласковый, любезный. И какъ это, въ самомъ дѣлѣ, человѣка-то различить можно. Сейчасъ видно, какой такой. Вотъ съ этакими и знакомство заводить не опасно. Это не то, что вертопрахъ какой нибудь или волокитушка. Правду говоритъ пословица-то, что золото и въ грязи видно: взошелъ, да сказалъ слова два-три, такъ и видно сейчасъ, кто такой. Какъ это я курицу-то его вчера не примѣтила? Какая красивая она у него, чистенькая. Вотъ, повадилась къ пѣтуху, такъ и опять, пожалуй, придетъ. Можно даже сказать, что навѣрное къ петенькѣ прибѣжитъ опять. Надо не забыть бы Настасьѣ сказать, чтобы ворота-то хотя запирала бы, а то опять застанетъ меня въ видѣ-то въ этакомъ. Опять страму наберешься...»

Такъ думала вдовушка, собираясь мыться. Думая такимъ образомъ, вымылась она, вычесала голову и надѣла ситцевый капотъ. Подъ вліяніемъ этихъ же мыслей сѣла она и кофе пить, съ тѣмъ, чтобы и работницѣ оставить послѣ себя извѣстную порцію.

Несмотря на то, что капитанъ не зналъ вдовы, личность ея какъ-то съ разу пришлась ему по сердцу; замѣтилъ онъ и бѣлую

Digitized by Google

шею ея, не могъ не замѣтить и мелкой ступни ея; понравился ему и пѣтухъ вдовы, и садъ ея. А Вивея Паниловна—она знала, что есть такой инвалидный капитанъ, видѣла его нѣсколько разъ, когда входилъ онъ въ ворота инвалиднаго дома или возвращался оттуда, или, наконецъ, стоялъ онъ въ церкви, не на клиросѣ, гдѣ преимущественно становились городскія власти со своими женами, а въ сторонѣ, гдѣ нибудь, у стѣнки и усердно молился; знала, что онъ человѣкъ смирный, доброй души, скромный; уважала въ немъ эти достоинства; считала его лучшимъ изъ всѣхъ властей города и гораздо выше себя, умнѣе. Послѣ этого можно ли было не увлечься мыслью о капитанѣ, когда онъ сдѣлалъ ей визитъ, расхвалилъ пѣтуха ея и, что всего пріятнѣе, разговаривалъ, любезно и скромно, тогда какъ бывши экономкою, и до замужества, женщиною почти безъ имени, какъ натура забитая съ дѣтскихъ лѣтъ, привыкла она считать себя личностью, обязанною терпѣть и сносить непріятности отъ людей и жизни, а ласковое слово или любезность отъ старшихъ считать ни болѣе ни менѣе какъ милостью или чѣмъ нибудь въ родѣ этого?

Какъ же можно было не подумать о неожиданномъ посѣщеніи капитана, тѣмъ болѣе, что курица его навѣрное еще разъ захочетъ побывать у своего знакомаго и—еще разъ придетъ за ней капитанъ, если только не вздумается ему вмѣсто себя прислать своего Ромашку? И какъ только, кончивъ обязанность свою около коровъ, пришла работница за порціею кофе—Вивея Паниловна не могла чтобы не заговорить съ нею о томъ же неожиданномъ посѣщеніи инвалиднаго начальника.

VI.

О томъ, что зналъ Ромашка про Вивею Папиловну; какъ одинъ солдатъ маршировалъ обѣими ногами вдругъ и что еще разъ видѣлъ капитанъ сквозь щель.

Посадивъ сѣрку на гнѣздо, Дій Дидимовичъ сѣлъ пить чай. Ромашка, межъ тѣмъ, накормивъ поросятъ и свиней, сталъ мести комнаты вѣникомъ, насаженнымъ на древко, носившее прежде щетку, теперь износившуюся и снятую для того, чтобы сметать ею въ кухнѣ золу и соръ съ печнаго шестка.

— Такъ, собственно, у этой самой у вдовы и нашли вы сѣрку-то, говорилъ Ромашка, стоя посреди комнаты и опираясь подбородкомъ и обѣими руками о свободный конецъ древка вѣника.

Digitized by Google

— Да, въ ейномъ саду, отвѣчалъ капитанъ, наливая второй стаканъ чаю: — такъ-таки заодно съ пѣтухомъ смородину-то и уписываетъ! А ужь я-те скажу, и пѣтухъ же у ней: наша сѣрка, можно сказать, игрушка, а не курица, ну, а ужь, братецъ ты мой, пѣтухъ этотъ такой у ней, такой пѣтухъ—что ему кажется и пары нѣтъ. Да и нѣтъ, и нѣтъ; и не будетъ нигдѣ.

— Н-да, пѣтухъ у ней важный, поддержалъ Ромашка:—да вѣдь, сказываютъ наши, забавникъ какой (подъ именемъ «наши» Ромашка разумѣлъ инвалидовъ, сослуживцевъ своихъ): выйдетъ она въ садъ, собственно, прогуляться или къ примѣру, клубницы побрать, а онъ, шельмецъ, увидаетъ ее, прибѣжитъ, да на плечо и взлѣзетъ на ейное, да кукарикать и пойдетъ, и пойдетъ. Важный пѣтухъ. Да, собственно, она и сама-то баба этакая, видная.

Капитанъ съ радостью ухватился за послѣднюю фразу своего Ромашки и спросилъ:

— Да ты знаешь ее, что ли? Она кто такая?

— Она-то? Да, собственно, вдова, благородная тоже.

— Откуда она? Здѣшняя? повторилъ Дій Дидимовичъ.

— Нѣту, отвѣчалъ Ромашка:—пріѣзжая она. Здѣся, кажись, живетъ она съ годъ али побольше, что ли. А прежде была она въ службѣ тоже у енеральши какой-то, у помѣщицы, собственно, занималась экономіей. А какъ эта самая енеральша померла, ну, она оттелѣ прочь и отстала: дѣла больше нѣту. Ну, на житье сюда она и пріѣхала, да и купила домишко-то этотъ, а теперя и хозяйствуетъ какъ сама хочетъ. Сказываютъ наши, что баба она хорошая, дѣльная, да и деньжонки есть у ней. Разные помѣщики въ гости къ ней ѣздятъ. Дѣльная баба. Къ ней, слышь ты, и сватунью будто-бы засылали ужь: этотъ самый, какъ его... ну, да вотъ сѣно-то еще по деревнямъ скупаетъ.

— Неужто правда? спросилъ капитанъ:—этотъ, Глупышевъ-то?

— Ну, вотъ онъ и есть самый, повторилъ Ромашка:—это вѣрно, засылалъ сватунью, да только не вышло ничего у нихъ.

— Ой-ли? Значитъ, отказала она? Кажись, человѣкъ онъ хорошій, и дѣлецъ тоже, да слышно, и деньгà есть.

— Не пошла, отвѣчалъ Ромашка, махнувъ рукою:—этакихъ, говоритъ, купцовъ-то найти можно, сколько душѣ угодно: а я, говоритъ, найти могу и получше еще; опять же, Глупышевъ этотъ, собственно, и моложавъ маленько; а мнѣ, говоритъ, надоть мужа постарше, въ лѣтахъ, да чтобы и чинъ какой ни на есть имѣлъ бы онъ, потому, я и сама тоже офицерша, а не мужикъ-

Digitized by Google

кая баба; а вотъ, говоритъ, какъ на зиму придутъ сюда полки стоять, такъ собственно, я и офицера поддѣну, да и не простого еще, а съ густымъ эполетамъ.

— Неужто? Вона какая еще. Такъ она вдова, значитъ?

— Вдова, бездѣтная; а мужъ ейный тоже былъ нашъ братъ: собственно, по пѣхотѣ служилъ, по арміи что-ль.

— Вона еще, сердитая какая, повторилъ капитанъ:—значитъ, за майора хочетъ, а нѣтъ, пожалуй и выше еще.

— А что ей такое, продолжалъ Ромашка: — можно выбирать, да рыться-то въ нашемъ братѣ: не бѣдная какая; живетъ себѣ какъ хочетъ; и домъ есть у ней свой собственный, и хозяйство, чуть ли что не лучше нашего, и деньжонки имѣетъ. Что ей и не выбирать-то: вѣдь никто ее замужъ-то въ шею не толкаетъ.

— Ну, конечно что... своя охота, своя и воля, н-да, сказалъ капитанъ сквозь зубы, точно непонравилось ему, что вдова желаетъ вступить въ новый бракъ не иначе, какъ со штаб-офицеромъ.

— А ужь за то, чего она прежде-то понатерпѣлася: и невзгоды-то, и брани-то разной, такъ что всего въ волю, продолжалъ Ромашка:—сама, слышь ты, и разсказывала это сестрѣ городнической.

— То-ись, какъ это, когда? спросилъ Дій Дидимовичъ.

— А когда помоложе была, да жила у своей у воспитательши, отвѣчалъ Ромашка, и метнувъ раза два-три вѣникомъ по полу, снова сталъ въ прежнюю позу, какъ-бы зная, что капитанъ не прочь послушать чего нибудь про вдову.

— Что же съ ней тамъ дѣлалось? снова спросилъ капитанъ, кончивъ питье чая и вытирая по этому поводу усы свои, нависшіе надъ губою и замокшіе.

— А она, вишь ты, сироткой была, продолжалъ Ромашка: — ну, какъ отца-матери нѣту, помѣщикъ какой-то и взялъ ее къ себѣ, собственно, по знакомству по какому, что ли. Теперь, какъ у этого самаго помѣщика были и свои дѣтки, такъ она вмѣстѣ съ ними и грамотѣ училась, и кампанію съ ними же водила, забавляла ихъ. Конечно, что житье ей было немасленое: хозяйскіе ребята набалуютъ что ни на есть, да на нее, на сиротинку-то и свалятъ, а ее и оттреплютъ, какъ водится, потому, не наша-де ты, а чужая, даровой хлѣбъ ѣшь. Ну, какъ выучилась она уму-то да разуму, какъ въ лѣта вошла, такъ на ейный пай и досталось все хозяйство-то помѣщичье. У насъ, что за хозяйство? Ка-

Digitized by Google

кая работа у насъ? А у ейнаго хозяина, слышь, только одного скота было слишкомъ двѣ сотни. И все это на ейной отвѣтственности; да и все прочее тоже, собственно, ей же поручено было.

— Однако — двѣсти штукъ: ой-ой, довольно, замѣтилъ капитанъ, немного развалившись на диванѣ; гдѣ сидѣлъ.

— Двѣсти, да еще съ походомъ, повторилъ Ромашка, и, поставивъ вѣникъ въ уголъ, подошелъ къ столу и спросилъ:—чайто, вашескблагородіе, не станете больше пить?

— Нѣту: довольно будетъ. Капитанъ повернулъ самоваръ краномъ къ Ромашкѣ, подвинулъ на его сторону чайникъ, свою чашку (апетитную), сахарницу и добавилъ:—да ты не носись въ кухню-то, пей здѣсь да и разсказывай.

Ромашка имѣлъ обыкновеніе уносить самоваръ и прочее въ кухню и тамъ уже принимался пить чай. Поэтому, чтобы дослушать начатый разсказъ, капитанъ и сдѣлалъ исключеніе, разрѣшивъ «пить чай здѣсь». Пріучивъ себя къ повиновенію, Ромашка, не дожидаясь вторичнаго приглашенія, налилъ себѣ въ капитанскую чашку чай, предварительно оставшіеся въ ней чайныя частицы выплеснулъ на подносъ.

— Ну, произнесъ капитанъ, видя что Ромашка можетъ продолжать разсказъ.

— Ну, началъ Ромашка:—дѣло извѣстное, что какъ полкомъ править нелегко, также точно и хозяйствомъ править этакимъ собственно, большимъ-то помѣщицкимъ.

— Дѣло извѣстное, вставилъ Дій Дидимовичъ.

— Ну да, продолжалъ Ромашка:—вотъ, какъ навалили на нее хозяйство-то цѣлое и пришлося ей править всѣмъ этимъ, да заботиться и ночь, и день. А вѣдь извѣстно, что прислуга деревенская, хотя и много ее, да собственно, головы-то все деревянныя. Ну, что ни на есть... вышла кака-нибудь неисправность, старшаго къ суду и потянутъ: онъ и виновникъ всему, затѣмъ, что старшій онъ. Вотъ, и пришлось ей принимать выговоры, да обиды разныя: и помѣщикъ-то самъ, хозяинъ-то ейный дастъ выговоръ, и хозяйка-та его, тоже замѣтитъ малость каку-нибудь, тоже выговоръ; а тамъ, глядишь, дочерямъ хозяйскимъ что ни на есть не понравилось—опять неладно, опять выговоръ. А ужь сынишка былъ у этого самаго помѣщика; такъ этакаго обидчика, слышь ты, и во всемъ уѣздѣ не было: отъ него доставалось ей больше чѣмъ отъ самой хозяйки или хозяина. Онъ, сынишка-то, собственно, началъ-было сперва къ ней пристраиватъ-

Digitized by Google

ся. Ну, она отнекивалась, да шутками разными отдѣлывала его, а онъ все свое говоритъ: когда умретъ отецъ, мы съ тобой и повѣнчаемся, помѣщицей будешь, барыней, хозяйкой.

— Ишь ты какой, улыбаясь замѣтилъ Дій Дидимовичъ.

— Извѣстно дѣло.

Взявъ изъ сахарницы небольшой кусочекъ сахару, Ромашка, откусивъ отъ него частицу не болѣе горошины, въ нѣсколько глотковъ вытянулъ изъ чашки уже остывшій чай, наполнилъ ее снова изъ чайника и самовара и продолжалъ:

— Ну, она, понимая къ чему все это дѣло клонится, собственно, зная, что̀ такое выдетъ изъ этой, изъ любви, билась-билась, да отцу да матери и разсказала все какъ есть. Отецъ-то, слышь ты, какъ узналъ, парня-то и отмуштровалъ какъ слѣдуетъ, да и ей-то самой далъ выговоръ: зачѣмъ-де раньше не сказывала. Съ этихъ самыхъ поръ, сынишка-то, со злобы, такъ слѣдить сталъ ее во всемъ, что стало ей еще тяжелѣе, наговаривать сталъ на нее, да на разныя неисправности указывать; а какъ пріѣдутъ гости, смѣется надъ ней, да трунитъ всячески.

На долго бы еще, можетъ быть, хватило разсказа Ромашкинаго, еслибы не обновка: дроздъ свистнулъ особеннымъ образомъ, чирикнулъ, щелкнулъ и запѣлъ: «дрррздооовъ! дрроздоооовъ! птиницъ!» Капитану стало смѣшно; онъ всталъ и пошелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ находился дроздъ. Ромашка остался, выпилъ еще чашку чаю, всталъ, поставилъ стулъ на старое мѣсто, къ стѣнѣ, и сказалъ:

— Однако, вашсвблагордіе, разсказами-то мы позаймемся ужо, подъ вечеръ; а теперя надо дѣло дѣлать.

— Да ты клѣтку-то приладилъ ужь, сказалъ капитанъ, смотря на клѣтку съ дроздомъ, висѣвшую подъ окномъ, подлѣ клѣтки съ синицею.

— А что̀ ей на столѣ-то торчать: кошка чтобы съѣла? отозвался Ромашка, унося въ кухню самоваръ.

— Ну и ладно, похвалилъ капитанъ, и войдя за Ромашкою въ кухню, замѣтилъ:—а вѣдь птица-то, братецъ ты мой, важная.

— Это, дроздикъ-то?

— Н-да. Надоть выучить его чему нибудь. Я ужь и придумалъ.

— Чему выучить-то? спросилъ Ромашка, сходившій еще разъ въ комнату за подносомъ, чайникомъ и чашкою, между тѣмъ какъ капитанъ оставался въ кухнѣ.

Digitized by Google

— А вотъ чему, отвѣчалъ капитанъ:—внучинъ-на мы его куръ скликать, да утятъ.

— А, и въ самомъ дѣлѣ! Вотъ и важно будетъ! сказалъ Ромашка, и захохоталъ; примѣру его послѣдовалъ и капитанъ.

— Ну, однакоже, пойду я да оберу яйца, а тамъ и въ роту пора, ученье сегодня; а вечеркомъ разскажешь про нашу вро вдовицу-то.

Сказавъ это, Дій Дидимовичъ взялъ корзинку и отправился въ птичникъ сбирать снесенныя яйца.

— Съ Богомъ-съ, разскажу ужо; сарай тамъ, вашскблагородіе, незапертъ, сказалъ вслѣдъ ему Ромашка, наливая въ деревянную чашку воды, чтобы вымыть и потомъ прибрать чайную посуду.

Черезъ полчаса Дій Дидимовичъ надѣлъ сюртукъ со знаками офицерскаго достоинства, почистился, пригладилъ усы и отправился въ роту.

— А что сегодня, вашскблагородіе, будемъ на обѣдъ готовить? спрашивалъ Ромашка, провожая барина за ворота.

— А что готовить, вари что знаешь; что тамъ есть у насъ? говорилъ капитанъ, зная привычку деньщика готовить кушанье по своему усмотрѣнію и иногда, изъ вѣжливости, спрашивать совѣта на этотъ счетъ.

— Да вчерашнихъ щей осталось, отвѣчалъ Ромашка: — на обѣдъ-то хватитъ.

— А коли осталось, такъ и безъ варки можно:—поужинаемъ и безъ щей. Пробовалъ ты? не окйсли?

— Щи-то?

— Ну, да. Не окйсли?

— Свѣжехоньки: отчего окиснуть имъ.

— Ну, и ладно; а на закуску картошки, что ли, обжарь; а нѣтъ такъ—селянку сладишь съ березовиковъ—кажись, они есть у насъ.

— Есть; хватитъ еще раза на два. Надоть-бы завтра въ лѣсъ сойти за свѣжими.

— Что жь, пойдемъ, если погода не попортится.

— Ладно-съ; бабы сказывали, что много ихъ теперя.

— Ну, ладно; запри калитку-то.

— Запру. Съ Богомъ-съ.

Капитанъ ушелъ. Достигнувъ улицы, гдѣ жила инвалидная рота, пошелъ онъ по той сторонѣ, на которой стоялъ домъ Вавен

Digitized by Google

Ивановны. Дойдя до забора ея, заглянулъ онъ однимъ глазомъ въ заборную щель: нѣтъ ли-де опять пѣтуха въ саду. Пѣтухъ въ это время въ саду не былъ; вмѣсто его, на дорожкѣ подъ кустомъ, на корточкахъ, сидѣла вдова и обирала въ корзинку черную смородину. Дій Дидимовичъ заглянулъ въ другую щелку, протеръ глазъ и опять заглянулъ, и отойдя на носкахъ отъ забора, перешелъ чрезъ улицу и на инвалидный дворъ, гдѣ фельдфебель установилъ уже солдатъ въ одну линію, чтобы начать ученье, зная, что если и опоздаетъ ротный командиръ, такъ только на какихъ-нибудь пять минутъ.

Войдя на дворъ, капитанъ, какъ водится, выслушалъ рапортъ фельдфебеля о благополучіи, поздоровался: «здорово ребята!» и пошелъ вмѣстѣ съ фельдфебелемъ по фронту. Солдаты, иные снявъ шапку, а иные оставивъ ее на головѣ, отвѣчали на привѣтъ начальника шумомъ, походившимъ на тотъ, когда съ разу и громко заговорятъ нѣсколько десятковъ человѣкъ, или когда кто-нибудь на полъ фунта три орѣховъ разсыпетъ.

Дойдя до средины линіи, капитанъ остановился, съ минуту молча качалъ головою и наконецъ сказалъ:

— Охъ вы, гарнадеры вы этакіе, и поздороваться-то не умѣютъ дружно. Кто это училъ васъ такъ начальство встрѣчать? а? Сколько разъ говорено было, что при тесакѣ и во фрунтѣ, шапка не снимается; а вы все по свѣму: словно лошадь старая да упрямая. Что же вы за люди такіе? Вѣдь не прямо же въ инвалиды поступили вы: забыли вы, что ли, службу-то свою прежнюю? Оттого, что ли, что теперешняя-то легка очень? а? Ахъ вы, прости Господи — олухи вы, а не солдаты.

Капитанъ сдѣлалъ шага четыре впередъ по линіи, и кое-что вспомнивъ, остановился и спросилъ, обращаясь къ фронту:

— А гдѣ Раскатаевъ?

— Здѣсь, вашеблагородіе! крикнулъ фельдфебель, указывая пальцемъ на Раскатаева, стоявшаго на правомъ флангѣ, третьимъ.

— Что, дурачина ты скверная—пьянствовать? заговорилъ капитанъ, тихо подходя къ Раскатаеву.—А? Пьянствами заниматься? По харчевнямъ твое дѣло ходить, купцамъ глаза подбивать, пятиалтынники выпрашивать? Развѣ это солдату позволено? За это и мужика въ острогъ садятъ, а ты кто такой? Мужикъ ты развѣ? Пьянствовать твое дѣло, да солдатскій мундеръ марать? А подъ судъ за это, а нашивки долой, а арестантскія роты на

Digitized by Google

что? Развѣ солдату позволено напиваться до-черта, да разбои чинить? А? Позволено развѣ? Вотъ я тебя!

Фразы эти, по содержанію, хотя и походили на гнѣвъ, но голосъ, какимъ были онѣ сказаны, измѣнялъ желанію капитана, старавшагося казаться сердитымъ, какъ это и всегда было: какъ ни сдвигалъ онъ брови свои, какъ ни старался мрачнѣе смотрѣть на виноватаго, а общее выраженіе лица ясно показывало, что способности сердиться въ немъ нѣтъ, и солдатъ чуялъ, что начальникъ его говоритъ потому только, чтобы потомъ сказать себѣ, что «я-де сдѣлалъ ему строгій выговоръ» или просто, «задалъ нагоняй». Въ этомъ отношеніи солдатъ не ошибался, а въ особенности Раскатаевъ, считавшійся однимъ изъ самыхъ догадливыхъ; оставалось молчать и не оправдываться: такъ и дѣлали всѣ виновные въ чемъ нибудь; такъ поступалъ и Раскатаевъ: онъ молчалъ, со вниманіемъ слушалъ и смотрѣлъ прямо въ глаза капитану.

— Хорошо же, будешь ты меня помнить! добавилъ капитанъ, усиливаясь сдѣлать самую сердитую мину, что рѣшительно у него не выходило, и отойдя потомъ на средину фронта, спросилъ, обратясь къ фельдфебелю:

— Передалъ онъ тебѣ мое вчерашнее приказаніе? Потому его по головѣ нельзя гладить: передалъ?

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ фельдфебель:—передалъ-съ.

— Въ штрафной списокъ упрятать его.

— Слушаю-съ.

— Въ первый разрядъ.

— Слушаю-съ.

— И поставь ему большой крестъ.

— Слушаю-съ.

— Да; потому, его такая вина.

— Будетъ исполнено-съ.

— Ну, съ Богомъ: начинай ученье.

Это капитанъ сказалъ совершенно тѣмъ же тономъ, какимъ дѣлалъ Раскатаеву выговоръ, чѣмъ и доказалъ, что сегодня онъ въ какомъ-то особенно хорошемъ расположеніи духа и совершенно утерялъ способность казаться сердитымъ. Инвалиды, конечно, не знали, что виною этому—сѣрка, пѣтухъ и вдовушка.

Отойдя на лѣвый флангъ фронта, то-есть на тотъ конецъ линіи, гдѣ послѣднимъ стоялъ самый низенькій солдатъ, капитанъ кашлянулъ, поправилъ галстухъ, заложилъ руки назадъ и приго-

Digitized by Google

ковался слушать и смотрѣть. А фельдфебель отошелъ на правый флангъ, гдѣ послѣднимъ стоялъ самый высокій солдатъ, и крикнулъ:

— Смирно! Ровняйсь!

Солдаты шевельнулись, повернули головы направо, и каждый изъ нихъ, употребляя все стараніе казаться молодцоватѣе, именно этимъ и доказалъ, что стараться и выполнить — это есть не одно и то же, и что послѣднее рѣшительно не удается ему.

Мелъ тѣмъ фельдфебель скомандовалъ: «тесакъ вонъ!» и потомъ: «на кра-улъ!» По первой командѣ солдаты вытащили изъ ноженъ тесаки такъ, что почти можно было сосчитать, кто вытащилъ первымъ, кто послѣднимъ; по второй, вытянули впередъ правыя руки, въ которыхъ держались тесаки, остримъ концомъ вверхъ.

Капитанъ пожалъ плечами, замахалъ головою, хотѣлъ что-то сказать — и только махнулъ рукою, точно шепнулъ себѣ: «не стоитъ и словъ терять».

Оказалось, что одна рука была слишкомъ вытянута, между тѣмъ какъ другая вытянута слишкомъ мало и очень согнута; потомъ одинъ тесакъ слишкомъ наклонился впередъ, тогда какъ другой очень завалился назадъ; отъ этого вся линія обнаженныхъ тесаковъ (впрочемъ, хорошо вычищенныхъ) сильно смахивала на плохой, раскачавшійся и нагнувшійся въ разныя стороны, частоколъ, или на рогатку, стоявшую тутъ же на дворѣ, съ развѣшеннымъ, на спицахъ ея, солдатскимъ бѣльемъ.

— Что! На караулъ сдѣлать не умѣете! Выровнять тесаковъ не знаете! Вотъ я васъ! крикнулъ капитанъ, нагнувшись немного впередъ, прищуря лѣвый глазъ и смотря по линіи тесаковъ и рукъ, однимъ правымъ.—Кто это ниже всѣхъ руку опустилъ!— И заглянувъ на правый флангъ, онъ добавилъ: — Раскатаевъ! Съ пьянства руки дрожатъ! Не можешь тесака держать! Это, видно, не купцовъ колотить, не пятіалтынники выпрашивать! Вотъ, будешь ты у меня по харчевнямъ расхаживать!

— На пле-чо! скомандовалъ фельдфебель.

Инвалиды сдѣлали на плечо, такъ же несогласно, недружно, какъ вынимали тесаки.

— На плечо не умѣете сдѣлать! Охъ вы... и на солдатъ-то не похожи! Дрова вы, а не солдаты военные!

Въ это время, со стороны улицы раздалось громкое «кукареку»; капитанъ оглянулся, и прислушиваясь, торопливо пошелъ къ от-

воренным воротам; тутъ, убѣдившись, что на улицѣ никого нѣтъ, онъ крикнулъ фельдфебелю:

— Начинай маршировку!

Потомъ, пройдя по улицѣ, налѣво, шаговъ пятьдесятъ, перешелъ ее и повернулъ направо; обходъ этотъ сдѣланъ былъ для того собственно, чтобы изъ дома вдовы, стоявшаго какъ разъ противъ воротъ инвалиднаго дома, не заподозрили его цѣли, съ какою перешелъ онъ улицу; дойдя до забора, за которымъ находился садъ Вивея Папилленъ, капитанъ еще разъ окинулъ глазами безлюдную въ это время улицу, и забывъ о томъ, что изъ воротъ инвалиднаго двора можно видѣть его дѣйствія — приложился однимъ глазомъ къ щелкѣ.

Что же увидѣлъ онъ: пѣтухъ — опять гуляетъ въ саду; вдова, одѣтая уже въ ситцевомъ капотѣ, бѣгаетъ за нимъ по дорожкамъ сада и кшикаетъ, желая его выгнать вонъ; пѣтухъ же скачетъ себѣ съ грядки на грядку, мнетъ себѣ цвѣты и, какъ видно, изъ сада вонъ идти не желаетъ: подскочилъ онъ, наконецъ, къ тому самому мѣсту, гдѣ капитанъ въ щель глядитъ. Что за пѣтухъ! При полномъ солнечномъ освѣщеніи, кажется, втрое лучше, чѣмъ утромъ былъ: перья такъ и блестятъ, точно золото. А гребень—да что: просто, этакого гребня ни у одного пѣтуха нѣтъ; гребень этотъ лучше всякаго корала, сто рублей стоитъ. Хвостъ такъ и блеститъ, такъ бриліантами и переливается. Не пѣтухъ, а диво! Ну, еслибы да завоевать такого пѣтуха капитану...

Наконецъ, злодѣйка вдова выгнала-таки пѣтуха изъ сада, а за нимъ и сама ушла. Капитанъ тѣмъ же путемъ, сдѣлавъ на пятьдесятъ шаговъ обходъ, возратился на инвалидный дворъ.

— Учебнымъ тихимъ шагомъ, въ три пріема, маааршъ! Рааазъ! командовалъ въ это время фельдфебель.

Капитанъ сталъ на прежнее мѣсто свое, на лѣвомъ флангѣ маршировавшаго фронта.

Слушая команду фельдфебеля, солдаты подняли правыя ноги на полъаршина отъ земли, и стоя каждый на одной лѣвой, замѣтно покачивались и толкали другъ-друга.

— Не шевелиться! Стоять не умѣете! закричалъ капитанъ.

Случилось, что одинъ изъ солдатъ, вмѣсто правой ноги, по ошибкѣ конечно, поднялъ лѣвую, отчего она и оказалась совершенно подлѣ правой ноги его лѣваго товарища. Капитанъ прищурилъ лѣвый глазъ, наклонился немного впередъ и смотритъ:

Digitized by Google

да что не это такое въ самомъ дѣлѣ за оказія? По всей линіи, между поднятыми, висящими въ воздухѣ ногами, промежутки совершенно равные, довольно широкіе; а тутъ, между чьими-то двумя ногами, никакого промежутка нѣтъ. Что за оказія? Капитанъ смотрѣлъ-смотрѣлъ—и наконецъ, крикнулъ:

— Эй! Кто это тамъ съ разу обѣ ноги поднялъ!

— Два! скомандовалъ въ эту минуту фельдфебель, лишивъ капитана возможности удостовѣриться въ томъ, кто именно изъ инвалидовъ такой великій гимнастикъ, что стоя на землѣ, въ то же время и обѣ ноги поднялъ.

Вслѣдъ за командой, всѣ ноги опустились, линія инвалидовъ сдѣлала шагъ впередъ: кто выскочилъ, кто отсталъ маленько, кто нагнулся слишкомъ, иной очень отклонился назадъ, всѣ зашевелились и закачались, ноги пробили неровную дробь.

Капитанъ улыбнулся, задернулъ плечи, сильно закачалъ головою и пошелъ вдоль по линіи къ правому флангу.

— Погоди ты у меня, дурачина скверная; будешь ты у меня знать, какъ пьянствовать, замѣтилъ онъ, поровнявшись съ Расхатаевымъ и обратился къ фельдфебелю:—ты, Салазкинъ, занимайся тутъ, а я пойду въ канцелярію.

— Слушаю, ваше-благородіе, отвѣчалъ фельдфебель, называвшійся Салазкинымъ.

Капитанъ пошелъ въ канцелярію, потомъ завернулъ въ кухню, гдѣ попробовавъ пищу, замѣтилъ повару, что тотъ мелко крошитъ мясо и мало во щи овсяной крупы кладетъ. Наконецъ, снова появившись на дворѣ, приказалъ распустить учившихся и вышелъ за ворота, чтобы идти домой.

«Можетъ статься, они опять тамъ», подумалъ капитанъ, и перейдя улицу (съ обходомъ опять), осмотрѣлся, и убѣдясь, что любопытныхъ кромѣ его нѣтъ, приложился къ щели, но на этотъ разъ «ихъ тамъ не было», судьба отказала ему въ этомъ удовольствіи; въ саду не видно было ни пѣтуха, ни его хозяйки; а вмѣсто ихъ, на одной изъ дорожекъ, сидѣлъ большой черный котъ и старательно зарывалъ лапками что-то въ ямку, помахивая хвостомъ и посматривая на стороны.

«Экая негодная кошенка, садъ портитъ», подумалъ капитанъ и пошелъ домой.

На слѣдующій день, по обыкновенію, онъ опять пошелъ въ роту. Хотя при повѣркѣ птицы, сѣрка и оказалась состоящею на лицо, но капитанъ не могъ удержаться, не заглянуть въ за-

Digitized by Google

борную щель, во вдовій садъ, и потомъ уже, перейдя улицу, вошелъ въ ворота инвалиднаго дома. Выходя оттуда, снова заглянулъ онъ мимоходомъ въ ту же заборную скважину и потомъ уже пошелъ домой. Этотъ разъ въ саду у вдовы даже и чернаго кота не было. На завтра опять то же: капитанъ сходилъ въ роту, возвратился домой, два раза заглянулъ въ заборную щель—а ни пѣтуха, ни вдовы не видѣлъ.

«Экой шельмецъ какой», думалъ Дій Дидимовичъ: «похвастался хвостишкой-то своимъ, да гребнемъ, да золотыми-то перьями, а потомъ и глазъ не кажетъ. Жалко. А пѣтухъ важный».

Въ слѣдующее ученье, опять выходилъ онъ нѣсколько разъ со двора на улицу, дѣлалъ обходъ и смотрѣлъ въ заборную щель—а пѣтуха все нѣтъ: точно онъ и на свѣтъ не родился, или въ полѣ, въ лѣсъ его куда нибудь унесло вѣтромъ съ пылью.

Дій Дидимовичъ, наконецъ, почувствовалъ себя въ положеніи, похожемъ на то, которое называется «не въ духѣ», тѣмъ болѣе, что и насчетъ дрозда оказалось сомнѣніе, будто мужикъ-то надулъ его: только и разговору у дрозда, въ томъ только и состоитъ все умѣнье его пѣть, что разъ десять въ день кричитъ онъ во все птичье горло: «дроздовъ», да свиститъ и щелкаетъ.

Прежде мысли капитана заняты были преимущественно домашнимъ хозяйствомъ и инвалидной ротою, а теперь, вкравшись между тѣмъ и другимъ незамѣтнымъ образомъ, стали его занимать мысли о пѣтухѣ и его хозяйкѣ—о пѣтухѣ болѣе...

VII.

Первое послѣдствіе того, что капитанъ неосмотрительно въ заборную щель смотрѣлъ и послѣдствіе вторичнаго побѣга сѣрки.

Недѣля прошла послѣ перваго побѣга сѣрой курицы, и наступила вторая, а пѣтуха все не видно, да и дроздъ все одну и ту же пѣсню поетъ.

«Вотъ оно», думаетъ Дій Дидимовичъ: «говорятъ, что солдатъ мужика завсегда надуетъ. Должно быть, правда-то эта написанная — такъ и вышло: какой нибудь дрянной мужичишко — какъ пить далъ, съ разу насъ обоихъ съ Ромашкой надулъ—да и не даромъ еще, а деньги взялъ. Вотъ-те и правда».

Къ ежедневнымъ занятіямъ капитана, прибавилось еще одно занятіе: встанетъ онъ утромъ, получасомъ ранѣе, чтобы съ Ро-

Digitized by Google

машкою въ птичникъ посмѣть и начнетъ съ дроздомъ разговаривать, да учить его, какъ куръ скликать. Какъ ни старается капитанъ, какъ ни упрашиваетъ онъ своего дрозда сказать: «цыпъ, цыпъ, цыпъ! цыпонька, цыпонька!» а тотъ скривитъ на бокъ голову, посмотритъ на капитана, да и запоетъ: «дрррроздоооовъ! пттиниц купинить!» Дій Дидимовичъ снова начинаетъ упрашивать, а дроздъ опять запоетъ то же самое. «Надулъ, шельмецъ— какъ пить далъ, надулъ», скажетъ себѣ капитанъ, и махнувъ рукою, возьметъ хлыстикъ и пойдетъ помогать Ромашкѣ управляться съ птицею.

Такъ, въ воскресенье, поговоривъ съ дроздомъ и справивъ домашнія обязанности, капитанъ, надѣвъ новый сюртукъ съ эполетами, отправился въ церковь. Отстоявъ обѣдню и, какъ это всегда дѣлалось, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ нибудь изъ городскихъ властей, вышелъ онъ изъ церкви первымъ почти, и скорымъ шагомъ отправился въ инвалидный домъ, гдѣ, поздоровавшись съ командою, попробовавъ пищу и пригрозивъ солдатамъ, чтобы не напивались ради праздника, пошелъ домой.

Только что вышелъ онъ съ инвалиднаго двора, какъ къ воротамъ дома своего подходитъ Вивея Папиловна. Не замѣтить другъ друга нельзя было и, какъ выражаются, взгляды ихъ встрѣтились.

— Честь имѣю кланяться, сударыня; съ праздникомъ-съ, сказалъ капитанъ, переходя улицу, уже безъ обхода, и приложивъ правую руку, по военному, къ козырьку фуражки.

— Покорнѣйше благодарю, и васъ также, отвѣчала вдова, немножко наклонясь и привѣтливо улыбнувшись.

— Изволили у обѣдни быть-съ? повторилъ капитанъ.

— У обѣдни, отвѣчала вдова:—а вы тоже были, кажется?

— Такъ точно-съ; только я, изволите видѣть, ухожу всегда маленько пораньше-съ, съ минутку, чтобы, знаете, не толкаться-съ.

Настало молчаніе, неловкое для вдовы и въ особенности тяжкое для Дія Дидимовича. О чемъ тутъ еще разговаривать? И капитанъ ухватился за мѣру, самую употребительную въ такихъ случаяхъ:

— Сегодня, для праздника, изволите видѣть, Господь и погодку послалъ хорошую—гулять только-съ, замѣтилъ онъ, улыбнувшись и взглянувъ на небо.

— Да, подтвердила Вивея Папиловна: — нынче, благодаря Бога, все лѣто простояло теплое; что̀ Богъ дальше пошлетъ.

Digitized by Google

— Такъ точно-съ: лѣто вёдреное было, хорошее-съ.

— Слава-богу.

— Такъ точно-съ. А вотъ-съ, изволите видѣть, скоро и ненастное придетъ времячко-съ, то-исъ какъ дожди-то пойдутъ осенніе-съ.

— Да, ужь это, знаете, время такое, очень непріятное.

— Что дѣлать-съ: такъ ужь, стало-быть, надобно-съ.

— Да. Спасибо, хоть лѣто-то простояло хорошее.

— Такъ точно-съ.

Опять молчаніе. Опять капитанъ прибѣгнулъ къ общеупотребительному средству, къ общепринятому выходу изъ области молчанія.

— Какъ изволите здравствовать? спросилъ онъ, снова приложивъ руку къ козырьку фуражки.

— Покорнѣйше благодарю: слава-богу-съ, отвѣчала Вивея Папиловна.

Опять замолчали оба. Какъ ни хотѣлось капитану спросить, что какъ, молъ, пѣтушокъ вашъ поживать изволитъ, или благополучно ли-де обстоитъ хозяйство ваше домашнее, какъ ни желалъ онъ справиться объ этомъ, но не могъ заставить себя сдѣлать такой вопросъ, и рѣшился раскланяться.

— Затѣмъ, честь имѣю кланяться-съ, сказалъ онъ, еще разъ приложивъ руку къ козырьку.

Вивея Папиловна была очень бы не прочь поговорить съ капитаномъ и довести разговоръ до того, чтобы потомъ приколвить въ слову, что, вотъ-де, если будетъ случай, милости просимъ ко мнѣ, но тоже не могла заставить себя поступить такимъ образомъ и только сказала, присѣдая и кланяясь:

— Прощайте, до свиданія-съ.

Капитанъ четвертый разъ приложилъ руку къ козырьку и поклонился. Вдова сдѣлала второй поклонъ. Они разошлись. Вдова юркнула къ себѣ въ калитку, а капитанъ пошелъ вдоль по улицѣ, не заглянувъ въ заборную щель потому, что на встрѣчу ему шли двое мужиковъ и двѣ бабы.

«Какъ она сегодня расфрантившись-то», думалъ капитанъ, проходя бокомъ мимо мужиковъ и бабъ, искоса взглянувъ на послѣднихъ: «вотъ такъ одѣлась—какъ есть попраздничному. Эка, канальство, такъ о пѣтухѣ-то и не спросилъ ее; а хотѣлось-таки спросить объ этомъ, да нельзя было — очень конфузно. Н-да, жалко. А Ромашка спросилъ бы. Ну, какъ нибудь другой разъ:

Digitized by Google

заведу разговоръ объ этомъ, да и спрошу; а теперь нельзя было — сконфузишься. Тамъ, что еще будетъ, что Богъ пошлетъ, а теперь, того, и обѣдать пора».

Только что завернулъ онъ направо за уголъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ сзади его послышался женскій смѣхъ. Капитанъ продолжалъ идти, не оглядываясь. Его окликнули:

— Здравствуйте, капитанъ!

Дій Дидимовичъ оглянулся и остановился: его догоняли двѣ дамы. Одна изъ низъ была жена уѣзднаго казначея, а другая— слыла за супругу городничаго.

— Какой же, капитанъ, не любезный кавалеръ-то вы, повторила жена казначея.

— И обернуться не хотите; точно ужь и не слышите; а мы нарочно и голосъ подали, догоняя васъ, поддержала жена городничаго.

— Честь имѣю кланяться-съ, сказалъ капитанъ, отдавая честь, когда обѣ онѣ подошли къ нему: — прошу прощенія, не слыхалъ-съ.

— То-то; я думаю, не слыхали, замѣтила казначейша:—а мы нарочно и засмѣялись громко такъ.

— Истинно, не слыхалъ-съ, повторилъ капитанъ.

— Полноте ужь, сказала городничиха: — это вы все изъ-за своей изъ-за скромности.

— Какъ угодно-съ, только, повѣрьте, не разслышалъ я-съ.

— Да ужь нынѣче капитану и вѣрить нельзя, продолжала казначейша:—теперь мы знаемъ, отчего вы отъ невѣсть-то отъ всѣхъ отказываетесь—знаемъ.

— Да, да! поддержала городничиха: — знаемъ мы, за кѣмъ вы ухаживать-то изволите.

— То-ись, сударыня, насчетъ чего это-съ?

— Да нѣчего скрываться-то—знаемъ мы, за кѣмъ вы пріударили; признавайтесь-ко, вѣдь за вдовушкой, которая противъ инвалидной роты домъ-то выстроила? Что, небойсь?

— Я такъ слышала, что вы чай пить по утрамъ въ ней ходите, замѣтила казначейша.

— Да, да! добавила городничиха: — а въ заборъ-то въ ней, въ щелку-то, каждый день заглядываете! Признавайтесь-ко, признавайтесь — нечего скрывать-то: мы и на сватьбу къ вамъ будемъ готовиться.

— То-ись, какъ это-съ, сударыня... насчетъ-съ...

Digitized by Google

Капитанъ и договорить не могъ, не напился—тамъ сдѣлалось неловко ему. Сперва бросило его въ жаръ, потомъ въ холодъ.

— Да нѣчего, не скрывавайтесь ужь, продолжала казначейша:— здѣсь вѣдь не столица: всѣ знаютъ, что вы познакомились со вдовушкой-то, да за ней ухаживаете.

— И съ Богомъ; что жь, она — женщина честная, да еще и съ деньгами; невѣста—самая капитанская, замѣтила городничиха.

— Ну, конечно, продолжала казначейша: — да, можетъ быть, капитанъ былъ съ ней еще прежде знакомъ, когда была она экономкой, въ помѣстьѣ жила.

— Никакъ нѣтъ-съ, сударыня, собравшись съ мыслями, проговорилъ Дій Дидимовичъ:—позвольте вамъ, сударыня, объяснить, что я и теперь даже незнакомъ съ ними, какъ слѣдуетъ, а не то что, какъ это вы слышать изволили-съ.

— Да какъ же незнакомы, когда васъ въ саду-то у ней видѣли, да и спозаранку еще—чуть ли не до заутрени? спросила городничиха.

— А это, если позволите сообщить, отвѣчалъ капитанъ, замѣтно сконфузившись: — было это по тому случаю, что нечаянно какъ-то-съ пропала у меня курчоночка; вотъ-съ я, изволите видѣть, и пошелъ ее отыскивать; а куды подѣвалась она—этого мнѣ извѣстно не было-съ; по этому случаю я сталъ высматривать, не зашла ли она куда нибудь въ огородъ въ чужой, или въ садъ-съ; такимъ манеромъ и увидалъ ее въ томъ самомъ садикѣ...

— То-есть у вдовушки? перебила казначейша.

— Такъ точно-съ, продолжалъ капитанъ: — по этому случаю и зашелъ я, и курочку взялъ-съ. А не то что, какъ это вы изъяснять изволите-съ.

— Ладно, ладно, сказала городничиха:—тамъ мы посмотримъ, что далѣе будетъ.

— А ужь отъ меня и не отдѣлаетесь, добавила казначейша:— какъ тамъ знаете—а на святьбу должны позвать; и чтобы святьба была у васъ съ танцами и съ музыкой.

— Это вы все шутить надо мной изволите, замѣтилъ капитанъ, не имѣя способности возражать противъ всего этого какимъ нибудь инымъ образомъ.

Путь между церковью и мѣстомъ, гдѣ жили городничій и казначей, лежалъ, между прочимъ, какъ разъ по той улицѣ, на концѣ которой стоялъ домъ Дія Дидимовича. Разговаривая та-

Digitized by Google

нымъ образомъ, дошли они вмѣстѣ до воротъ жилища капитанскаго и остановились.

— Хорошо, батюшка, сказала городничиха:—вы думайте себѣ, какъ знаете, а чтобы сватьба у васъ была веселая, съ музыкантами; а мы, межь тѣмъ, приготовимся.

Въ это время, изъ неплотно притвореннаго окна на дворѣ, долетѣло до слуха разговаривавшихъ знакомое капитану: «дрррроздооооовъ! дрррроздооооовъ!» Дій Дидимовичъ улыбнулся.

— Что это, капитанъ, какія вольности позволяете вы своему деньщику-то, сказала супруга городничаго съ недовольною гримасою: — какъ это можно позволять называть себя по фамиліи, какому нибудь дуралу-Ромашкѣ.

— Какой же онъ, въ самомъ дѣлѣ, дерзкій у васъ, поддержала жена казначея:—мужъ говорилъ мнѣ, что деньщикъ вашъ вольно обращается съ вами—да признаться, я не вѣрила.

— Что за срамъ такой, повторила городничиха:—солдату позволять подобныя вольности.

— Право, капитанъ, ужь это совсѣмъ изъ рукъ вонъ: этакая дерзость вѣдь, повторила казначейша.

— Позвольте вамъ, сударыни, сообщить, отвѣчалъ капитанъ, улыбаясь съ явнымъ удовольствіемъ:—вы ошиблись маленечко-съ: это не Ромашка кричитъ меня, а, изволите видѣть, недѣли съ двѣ такую я птицу купилъ-съ, которая знаетъ меня по фамиліи-съ. Ей-богу-съ, такая ужь птица-съ.

— Попугая, что ли, купили вы? спросила городничиха.

— Никакъ нѣтъ-съ, не попугая.

— Такъ что же вы пустяки-то говорите мнѣ: вѣдь ворóна говорить не станетъ?

— Такъ точно-съ.

— Да, конечно; говорятъ только попугаи одни.

— А это не попугай-съ.

— Да всячески, еслибы и попугай былъ — такъ фамиліи вашей онъ не можетъ знать, коли вы недавно купили его.

— Да это шутятъ они, за деньщика заступаются, замѣтила казначейша.

— Никакъ нѣтъ-съ, продолжалъ защищаться Дій Дидимовичъ:—это вы повѣрьте мнѣ, сударыня, такая ужь у меня птица есть-съ.

Какъ ни старался капитанъ увѣрить обѣихъ дамъ, что это кричалъ не Ромашка, а дроздъ его — дамы не повѣрили и, по-

Digitized by Google

видимому, обидѣлись, что капитанъ надъ ними подшучивать вздумалъ, тѣмъ болѣе, что Ромашка, находясь въ комнатахъ и завидя подошедшаго барина, отворилъ немного окно на улицу и высунувъ голову, сказалъ ему:

— Вашскблагородіе, пожалуйте: кушать пора—щи остынутъ.

— Вотъ, изволите видѣть: это Ромашка зоветъ меня—я то птица крикнула, сказалъ капитанъ:—а если угодно, такъ можно и удостовѣриться-съ — эта самая птица...

— Пойдемте, Муза Карповна, прервала городничиха и обратилась къ капитану: — ладно, погодите немного, какъ узнаемъ мы еще кое-что про васъ — такъ и сами пошутимъ надъ вами.

— Воля ваша, сударыня, а я истинную правду говорю-съ, продолжалъ-было капитанъ.

— Да нѣчего тутъ; пойдемте, Муза Карповна, повторила городничиха, обращаясь къ казначейшѣ.

— Пойдемте, отвѣчала та.

— Какъ угодно-съ; не смѣю васъ удерживать, сказалъ капитанъ, обратясь сперва къ одной дамѣ, а затѣмъ и къ другой:— прошу засвидѣтельствовать мое нижайшее почтеніе супругу вашему Ивану Петровичу, а также, сударыня, и вашему, Аполону Кондратьичу-съ.

Обѣ барыни пошли далѣе, а капитанъ вошелъ на дворъ, гдѣ первое, что попалось на глаза ему, это былъ вѣстовой Раскатаевъ.

Завидя вошедшаго, Раскатаевъ вытянулся въ струну и снялъ фуражку.

— Что, дурачина, здѣсь веселѣе небось, чѣмъ въ казармѣ-то? сказалъ капитанъ, остановясь противъ Раскатаева.

Раскатаевъ молчалъ.

— Погоди-ка, братъ, еще и не то будетъ; я научу тебя, какъ безъ пути напиваться, да дебоширничать. Погоди еще. Обѣдалъ ты?

— Никакъ нѣтъ-съ, вашскблагородіе, громко и отчетисто отвѣчалъ Раскатаевъ.

— Пошелъ обѣдать; а какъ пообѣдаешь—опять сюда приходи, да смотри у меня—живѣе: чтобы одна нога была тамъ, а другая—здѣсь. Вотъ я-те покажу, какъ водку пить. У меня, братъ, не напьешься здѣсь, не запьянствуешь! Ступай!

— Я, вашскблагородіе, взялъ обѣдъ съ собой-съ, отвѣчалъ Раскатаевъ:—хлѣба взялъ-съ, а водицы, съ вашего позволенія, Ромашка выдастъ мнѣ.

Digitized by Google

— Ну, какъ тамъ, знаешь. За то, пьянствовать-то ужь я отъучу тебя. Повѣрь ты мнѣ — отъучу.

— Виноватъ, вашсблагородіе; больше не осмѣлюсь! проговорилъ Раскатаевъ.

— Ну, тогда мы и потолуемъ съ тобой; а теперь сиди.

Капитанъ ушелъ въ домъ, а Раскатаевъ стоялъ безъ фуражки, зная, что изъ окна комнаты, въ которой капитанъ обѣдаетъ, можно видѣть весь дворъ, а слѣдовательно и его, Раскатаева.

— А что, вашсблагородіе, говорилъ Ромашка, когда капитанъ обѣдать сѣлъ:—отпустить бы, что ли, Раскатаева-то?

— Ой-ли? Вѣдь это, братецъ, баловство будетъ, возразилъ Дій Диднмовичъ.

— Нѣту-съ; праздникъ вѣдь сегодня.

— А ежели напьется опять?

— Нѣтъ-съ. Не напьется; у него вѣдь разума, что ли, нѣтъ.

— Разумъ-то есть, да... напьется, пожалуй, опять.

— Нѣту-съ, не напьется.

— Такъ ты думаешь отпустить его?

— Да можно бы-съ.

— Смотри, не напился бы.

— Нѣту-съ.

—Ну, ежели... такъ ступай скажи ему, что прощаютъ-де.

— Ладно-съ.

— Да скажи, чтобы помнилъ онъ: ежели вторично случится съ нимъ такая страмная исторія, такъ подъ судъ-де упрячутъ тебя, дурачину этакую скверную.

— Скажу, ладно-съ.

Чрезъ пять минутъ, Раскатаевъ безъ фуражки, которую держалъ въ рукѣ — скорымъ шагомъ, точно маршируя, прошелъ мимо окна, у котораго капитанъ обѣдалъ, и вышелъ на улицу, притворивъ за собою калитку.

Только-что легъ капитанъ отдохнуть, пообѣдавши, какъ въ комнату, гдѣ на диванѣ лежалъ онъ, вошелъ Ромашка и спросилъ:

— Вы, вашсблагородіе, отдохнуть легли?

— Н-да, на часокъ не мѣшало-бы, отвѣчалъ капитанъ, потянувшись.

— Хм... А какъ же намъ дѣлать-то-съ?

— А что такое?

— Да что: сѣрка-то опять улизнула.

Digitized by Google

— Ну, неужто?

Капитанъ приподнялся лѣниво и сѣлъ.

— Улизнула шельмовская, до обѣда еще, продолжалъ Ромашка: — не хотѣлъ я этого вамъ сказывать, потому, искать бы пустались, а къ обѣду-то и опоздали бы, ни оченно сопрѣли бы, потому, рано я сегодня печь затопилъ, въ ротѣ побывать хотѣлъ: такъ у меня пирожники есть.

— Экая вѣдь дрянь, опять ушла, замѣтилъ капитанъ, чеснувъ себя по затылку: — на что это похоже, избаловалась какъ: изъ дому бѣгаетъ. Хм!

— Да вы, ваше-благородіе, отдыхайте себѣ, произнесъ Ромашка: — а я пойду пошарю ее; должно, опять ко вдовѣ ушла.

— Ой-ли?

Въ головѣ капитана проскользнула мысль.

— Да ужь это такъ и есть: ко вдовѣ ушла, повторилъ Ромашка: — вы отдыхайте себѣ, а я справлюсь пойду.

Капитанъ подумалъ съ минуту, всталъ на ноги и сказалъ:

— Нѣту; ты не ходи. Пойду-ка я самъ, а ты занимайся тутъ.

— А отдыхать-то какъ же-съ, не станете?

— Нѣту; отдохнуть я успѣю еще; ночь-то наша вѣдь.

— Ну, какъ знаете, согласился Ромашка.

Дій Дидимовичъ взялъ полотенце, слегка намочилъ его, отеръ имъ вспотѣвшее лицо свое, пригладилъ волоса и усы, надѣлъ новый сюртукъ съ эполетами — тотъ, въ которомъ къ обѣдни ходилъ, и отправился прямо въ улицу, гдѣ вдова жила.

Дойдя до дому Вивеи Папиловны, капитанъ приложился однимъ глазомъ въ заборной щели и увидѣлъ: вдовушка сидитъ на дерновой скамьѣ, въ тѣни подъ березкою, и вяжетъ чулокъ. Одѣта въ платье темно-синяго цвѣта и съ такою же кофтою; на шеѣ у ней черная ленточка съ бирюзовой запонкой, а на головѣ — гарусная косыночка, красная, съ голубыми мушками. Вдовушка сидитъ одна; а ни сѣрой курицы, ни знакомаго пѣтуха ея не видать въ саду.

«Экой грѣхъ какой», думаетъ капитанъ. «Можетъ статься, въ огородѣ гдѣ ни на-есть, или въ другомъ мѣстѣ. Хм... Какъ же-бы это справиться? Эка — надо бы Ромашку послать сперва. Да впрочемъ, что же такое? Вѣдь и я не безъ дѣла пришелъ? Все равно; ужь ежели городничиха да казначейша узнали, что я бывалъ въ саду у ней, такъ, стало быть, знаютъ про это всѣ. Не бросать же изъ-за этого птицу мнѣ; вѣдь я тоже не послѣдній здѣсь. Ну,

Digitized by Google

что будетъ, то будетъ: пойду; потому, больше ей и быть негдѣ, какъ у пѣтуха»...

Капитанъ обдернулъ сюртукъ, поправилъ эполеты, пригладилъ усы и тихо полуотворивъ калитку воротъ, бокомъ вошелъ чрезъ нее во дворъ. Вдова сидитъ къ нему задомъ и не видитъ, не слышитъ. Капитанъ дошелъ до саду, отворилъ калитку садовую, и чтобы предупредить о своемъ прибытіи, кашлянулъ.

Вивея Панѳиловна оглянулась, ахнула и встала.

— Мое почтеніе-съ; а я къ вамъ-съ, сказалъ капитанъ, приложивъ руку къ козырьку фуражки.

— Очень пріятно-съ... прошу покорно, проговорила вдовушка, замѣтно пораженная прибытіемъ капитана, сдѣлавъ три шага впередъ и поправляя складки измятаго платья.

— Должно быть, сударыня, курчонка-то моя опять у васъ: дома ее нѣту-съ, сказалъ капитанъ, подойдя къ вдовѣ.

— Неужли? Вотъ какая еще! удивилась Вивея Панѳиловна: — это она къ моему пѣтѣнькѣ повадилась? Скажите, какая вѣдь!

— Должно быть, такъ-съ; понравился очень ужь; а по правдѣ сказать, сударыня, ужь и пѣтушокъ же у васъ: я такихъ и не видывалъ-съ.

— А вотъ, мы это узнаемъ сейчасъ; пожалуйте. Они у меня въ загородьи снуютъ; на улицу-то, знаете, я не выпускаю ихъ; иногда вылетаютъ сами, да рѣдко, къ дому привыкли. Пожалуйте, мы сейчасъ увидимъ, нѣтъ ли ее въ загородьи.

Говоря это, Вивея Панѳиловна привела капитана на пустое мѣсто, отгороженное отъ двора и сада огромнѣйшимъ заборомъ. Тутъ находилось штукъ полсотни куръ и около двадцати гусей, утокъ и индюковъ.

— Вонъ и курочка ваша; не угодно-ли, посмотрите-ко, сказала вдова, указывая на группу куръ, между которыми находились и пѣтухъ, а также и сѣрка капитанская; всѣ они дружно разрывали землю, вырывая оттуда червей и разныхъ букашекъ.

— Вижу, вижу-съ, такъ точно-съ, замѣтилъ капитанъ, покачивая головою: — ишь ты какая безстыдница; должно быть-съ, очень ужь полюбился ей пѣтушокъ-то вашъ, сударыня-съ; изволите видѣть, какъ вѣдь плотно они обзнакомились, точно люди какіе, право-съ.

— А курочка у васъ, капитанъ, просто миленькая какая.

— Отъ этого, сударыня, я не прочь-съ; а за то и пѣтушокъ же у васъ: настоящій — пѣтушокъ золотой гребешокъ-съ; такой,

Digitized by Google

доложу я вамъ, такой пріятный — бывалъ я во многихъ городахъ, а такого не видывалъ-съ.

— Полноте хвалить-то вамъ, капитанъ: пѣтухъ какъ пѣтухъ— *обыкновенный*.

— Нѣту-съ: ужь этого вы, сударыня, и говорить не извольте-съ.

— Полноте вамъ: расхвалили ужь оченно.

— А ужь это вѣрно-съ. Изволите видѣть, и сѣрка-то моя, стало быть, понимать умѣетъ, что̀ худо, что̀ хорошо-съ: къ другому не пошла небойсь; а здѣся, пѣтуховъ-то, какъ извѣстно вамъ-съ, слава тебѣ Господи, сколько угодно-съ — хошь мостъ мости. Не пошла къ другому-съ; стало быть, сударыня, тоже вкусъ имѣетъ-съ.

— Да, это ваша правда, поддержала вдовушка.

Капитанъ окинулъ взглядомъ всю мѣстность, гдѣ находилась птица, и продолжалъ:

— Какъ это, сударыня, хорошо у васъ здѣсь устроено: заборъ какой чудесный, высокій какой. Не вылетаютъ они отсюдова?

— Рѣдко когда которая вылетитъ, отвѣчала вдова: — нарочно для этого я и устроивала, не вылетали чтобъ.

— Прекрасно-съ, очень прекрасно: у меня тоже такъ приложено; заборикъ-то, впрочемъ, пониже будетъ маленько-съ.

— А вы тоже любитель, должно быть, хозяйства-то этого?

— Какъ же, сударыня: есть грѣшокъ-съ. Служба у меня, знаете, этакая, необременительная, времени слободнаго сколько хошь, такъ чѣмъ-нибудь заниматься и надобно-съ; потому, сидѣть ежели безъ дѣла безо всякаго, такъ оно, изволите видѣть, скучно-съ, непривыченъ я къ этому-съ. Опять же-съ, хозяйство это, можно сказать, и необходимое, да и полезное-съ, харчи замѣняетъ; а ежели примѣрно, что и останется, такъ продать можно вѣдь, не порокъ это-съ.

— Это ваша правда. Я вотъ и сама: *пенціёновъ* никакихъ не получаю, а благодаря-бога, живу себѣ. И сама пользуюсь, да и продамъ если кому угодно — этимъ и живу.

— Это такъ-съ. А... извините, сударыня, безпокою я васъ: какъ же бы теперь, на счетъ того-съ, чтобы курчонку-то мою домой залучить? Не поймаешь вѣдь ее здѣсь: оченно просторно-съ?

— А ужь вы объ этомъ не безпокойтесь; у меня Настасья поймаетъ сейчасъ.

— И отлично-съ; а ужь за безпокойство, сударыня, прошу извинить меня.

Digitized by Google

— Помилуйте, капитанъ, какое же тутъ безпокойство.

Настасья, работница Вивеи Павиловны, точно знала, что ее спросятъ сейчасъ; впрочемъ, она имѣла и другую цѣль тому, что вышла изъ кухни на крыльцо.

— Барыня! Кофій готовъ, пожалуйте! крикнула она, стоя на крыльцѣ и надѣясь, что голосъ ея будетъ услышанъ, тѣмъ болѣе, что видѣла стоявшихъ у отворенной калитки загородья капитана и Вивею Павиловну.

— А! Вотъ и прекрасно, обратилась вдовушка къ капитану: — не угодно ли чашечку кофейку отвѣдать? А я, межь тѣмъ, прикажу Настасьѣ изловить вашу курочку. Пожалуйте.

— Чувствительно благодаренъ, сударыня, отнѣкивался Дій Дидимовичъ: — прошу извинить... ей-богу-съ, совѣстно мнѣ, что такъ я обезпокоилъ васъ.

— Ничего-съ, помилуйте, упрашивала вдовушка:— безпокойства тутъ никакого нѣтъ. Пожалуйте-ко, пожалуйте. Безъ церемоніи. Я, знаете, какъ жила въ деревнѣ, у помѣщиковъ, такъ ужь это, такъ водится тамъ у насъ. Пожалуйте.

Минуту спустя, обдернувъ сюртукъ, поправивъ эполеты, галстухъ и отряхивая покрытые пылью сапоги, капитанъ вошелъ за вдовою на чистенькое, покрытое парусиною крыльцо, а потомъ и въ комнату, гдѣ приготовленъ былъ для Вивеи Павиловны кофе, работницею, теперь ушедшею въ загородье, ловить капитанскую курицу.

Разговоръ за «кофеемъ» потянулся, хотя и оживленный довольно, но все болѣе на одну и ту же тэму: касательно курицы, пѣтуха и домашняго хозяйства, потомъ переходилъ на иные предметы, и снова возвращался къ нрежнему.

— Это такъ-съ, говорилъ между прочимъ Дій Дидимовичъ: — а вы, сударыня, какъ слышно, вдовѣть, должно быть, изволите-съ?

— Да, отвѣчала вздыхая Вивея Павиловна: — была замужемъ, да вѣку-то мужу Богъ не далъ; померъ, голубчикъ; а тоже офицеромъ былъ, по пожарной части — и мѣсто имѣлъ хорошее. Что дѣлать: вѣку не продлилъ Господь.

— Такъ ужь, должно быть, сударыня, предназначено-съ, замѣтилъ капитанъ, и благодарилъ, обернувъ чашку свою вверхъ дномъ: — чувствительно благодаренъ-съ.

— А еще чашечку? Выкушайте, пожалуйста. Да вы и сливокъ-то какъ наливали мало.

Digitized by Google

— Довольно, будетъ-съ; благодаренъ, сударыня, чувствительно благодаренъ-съ.

— Еще чашечку, пожалуйста; вы вѣдь только двѣ и выпили. Пожалуйста, выкушайте. Чашечки у меня небольшія вѣдь.

Вдова наливала ему еще чашку.

— Будетъ, довольно-съ, говорилъ капитанъ, уступая просьбѣ:— это, сударыня, напитокъ-то женскій вѣдь, а не нашъ, не солдатскій-съ. Я къ этому и съ *измальтства* не былъ выученъ-съ.

— Ничего, выкушайте.

— Нехорошо-съ; ежели нашему брату пріучить себя къ этому напитку, такъ невыгодно будетъ-съ: избалуешься, захочешь каждій день варить-съ.

— Ничего, по праздникамъ можно; а вѣдь сегодня день не будничній, воскресенье.

— Такъ точно-съ.

— Сливочекъ-то, сливочекъ-то лейте поболѣе: вѣдь свои у меня некупленныя.

Капитанъ вливалъ сливокъ не болѣе чайной ложки; а Вивея Папиловна, взявъ отъ него сливочникъ, наливала въ чашку его некупленныхъ сливокъ, по своему, такъ, что кофе изъ чашки лился черезъ край и наполнялъ собою блюдечко.

— А сколько изволите коровъ держать? говорилъ капитанъ.— Сливки у васъ, смѣю доложить, прекрасныя, безподобныя-съ — сейчасъ видать, что со своего хозяйства.

— Трехъ, отвѣчала вдова: — да одну продать хочу, лишняя, надо кормить, а сливокъ или масла здѣсь и дѣвать некуда.

— Такъ точно-съ; это, сударыня, потому-съ, что здѣсь у каждаго своя коровёнка есть; хоть немудрая, а все же есть своя-съ.

Между тѣмъ, Настасья принесла пойманную сѣрку. Капитанъ начиналъ выговаривать ей, зачѣмъ со двора бѣгаетъ; а Вивея Папиловна расхваливала ее. Далѣе, Дій Дидимовичъ хвалилъ пѣтуха вдовы. Между прочимъ, изъ предосторожности, чтобы не дошло стороной какъ-нибудь, а также и изъ любви къ правдѣ, сообщилъ онъ, что желая еще разъ взглянуть на «красавчика-пѣтушка», заглядывалъ онъ нѣсколько разъ въ садъ, чрезъ заборную скважину. Вдовушка не сердилась, а напротивъ, улыбалась и показывала, что любовь къ пѣтуху ея пріятна и ей самой.

Часа черезъ два послѣ прибытія, капитанъ ушелъ, совершенно довольный и собой, и людьми. Безъ церемоніи, не стѣ-

Digitized by Google

снялась тѣмъ, что былъ въ новомъ сюртукѣ, «при эполетахъ и съ кавалеріей», захватилъ онъ съ собою подъ мышку и сѣрку свою, которая на этотъ разъ была непокойна, билась, стараясь вырваться потому, конечно, что находила лучшимъ гулять со своимъ возлюбленнымъ пѣтухомъ, чѣмъ сидѣть у капитана подъ мышкою.

Возвратясь домой, капитанъ нашелъ Ромашку отдыхающимъ на травѣ, посреди двора, на солнышкѣ, и по его просьбѣ, а также и ради собственнаго желанія, началъ разсказъ о томъ, какъ пришелъ ко вдовѣ, какъ разговаривалъ съ нею и какъ кофе пилъ.

В. Корнивъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Digitized by Google

ВОПРОСЪ ОБЪ ИСКУСТВѢ.

Статья четвертая.

Сочиненія Н. А. Добролюбова.

Гдѣ оканчиваются требованія права и начинаются влеченія нравственнаго чувства? Исходная точка публицистики и критики. — Вліяніе г. Тургенева на прогрессистовъ. Скучающіе люди, резонёры и фразёры. Опасные симптомы лаѣванія, которою страдаютъ послѣдніе.—Вліяніе г. Тургенева на женщинъ. Тронутыя нигилизмомъ и нетронутыя еще ничѣмъ женскія натуры. Въ чемъ заключается главный и труднѣйшій вопросъ жизни?—Г. Гончаровъ и отношенія его таланта къ консерваторамъ. Главная причина, почему многіе люди плетутся позади и отстаютъ отъ общаго движенія? Что́ тормозитъ болѣе всего ихъ шагъ?—Всѣ великія силы нашей страны еще спятъ или только пробуждаются.

Отъ взглядовъ Добролюбова на дѣятельность г. Островскаго, мы перейдемъ къ взглядамъ его на произведенія другихъ нашихъ художниковъ-писателей, до которыхъ онъ коснулся въ своихъ разборахъ, и которыхъ сочиненія ложатся такъ-сказать въ основу вопроса объ искуствѣ. Въ подробный анализъ всего написаннаго Добролюбовымъ подъ заглавіями—*Когда же придетъ настоящій день? Что́ такое обломовщина?* и т. д., мы вдаваться не будемъ; болѣе всего обратимъ вниманіе на общій смыслъ и направленіе этихъ статей и, если будетъ возможно, подставимъ что́ другое на мѣсто неясно высказаннаго и невѣрно понятаго.

Недостатокъ этихъ статей не въ отдѣльныхъ мысляхъ, а въ общемъ и совершенно неудавшемся стремленіи придать широкій, политическій смыслъ явленіямъ обыденной жизни; его публицистическія статьи и разсужденія по поводу романовъ, положимъ, хороши и вѣрны мѣстами, но не идутъ къ этимъ статьямъ. Авторъ, имъ разбираемый, производитъ не такое впечатлѣніе, какого требуетъ талантъ, а такое почти, какое, напримѣръ, остается по прочтеніи экономической или политической статьи, въ которой писатель отвлекся отъ своего предмета и заговорилъ о ли-

Digitized by Google

тературныхъ талантахъ. Выводы Добролюбова изъ художественныхъ произведеній объясняли большей частію нѣчто другое, а не талантъ автора, который такимъ образомъ послѣ его критики не выигрывалъ въ своемъ вліяніи на общество. Причина этой двойственности въ статьяхъ Добролюбова опять заключается въ неясности пониманія роли художественнаго критика и публициста и въ предположеніи—будто бы съ точки зрѣнія чисто-критической нельзя высказать ничего плодотворнаго; что если поэтому критикъ хоть сколько нибудь не постарается быть публицистомъ, то трудъ его безполезенъ. Убѣжденіе это до такой степени укоренилось съ того времени, что даже Аполлонъ Григорьевъ не былъ его чуждъ, и мы хотимъ теперь остановиться на этомъ.

Критика имѣетъ, конечно, связь съ публицистикой, такъ же какъ и съ философіей; но ни той, ни другой не должна быть подчинена—иначе понятіе художественной критики страшно съузится, что̀ и вышло теперь. Никогда еще, быть можетъ, подъ рубрикой критики не писалось такой библіографіи, и значеніе ея такъ не извращалось, какъ въ послѣднее время. Современный взглядъ этотъ на критику особенно представляется страннымъ, когда сравнить его съ взглядомъ величайшаго мыслителя, Канта. По взгляду Канта и самая философская дѣятельность есть преимущественно критическая: философъ критикуетъ, оцѣниваетъ ея, испытываетъ границы и источники человѣческаго разума и знанія; отсюда рядомъ съ критикой мысли является критика научная и историческая. Далѣе критика искуства или критика эстетическая, которая пріобрѣтаетъ сама по себѣ значеніе самое серьёзное, если признать тождественность нравственнаго и эстетическаго начала. За всѣмъ этимъ уже слѣдуетъ критика политической и народной жизни, въ точномъ смыслѣ называемая публицистикой.

Но соприкасаясь такъ тѣсно съ критическою дѣятельностію вообще, публицистика однако разграничивается отъ критики эстетической. Самое слово «публицистика» отчасти указываетъ на тотъ смыслъ, который мы ей придавали прежде: мы говорили, что публицистъ начинаетъ не съ частныхъ, обыденныхъ явленій жизни, а съ общихъ, областныхъ, государственныхъ и національныхъ элементовъ. Слово «публицистъ» происходитъ отъ латинскаго jus publicum, что̀ означаетъ право публичное, государственное—отсюда публицистика. Тутъ главную роль играетъ право, и принципъ этотъ долженъ служить основой настоящей публицистики, точно такъ же, какъ мораль — основой эстетики.

Право есть, конечно, норма, которою опредѣляются обязанности и отношенія людей, живущихъ какъ индивидуумы одного рода. Уже по одной неограниченности стремленій каждаго къ свободѣ,

Digitized by Google

право предполагаетъ обоюдное ограниченіе: воля наша, ограничиваемая законами природы, вторично, такъ-сказать, ограничивается законами общества. Права подобны имуществамъ; нарушенія или поврежденія ихъ приносятъ вредъ владѣтелю права. Разграниченіе стремленій и желаній одного человѣка отъ стремленія другого — сущность законодательства; законы, какъ болѣе или менѣе вѣрное, хотя и чисто-внѣшнее выраженіе справедливости, предотвращаютъ столкновенія, но не указываютъ дороги для жизни. При несовершенномъ развитіи законовъ они сложны, при полномъ — коротки: волѣ человѣка представляется такимъ образомъ большій кругъ дѣятельности. Но чѣмъ же тогда руководится самая воля, не дойдетъ ли произволъ отдѣльныхъ личностей до абсурда, не выступитъ ли наружу всѣ животные и звѣрскіе инстинкты? Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ, если только общество будетъ проникнуто нравственно-эстетическигуманнымъ началомъ. Мы уже объясняли прежде, почему понятіе нравственности, красоты и человѣчности мы соединяемъ въ одно.

Правый значитъ то же, что̀ невиноватый; а въ жизни недостаточно, чтобы быть только передъ всѣми невиноватымъ; однимъ чувствомъ внѣшней правоты нельзя руководиться, живя на свѣтѣ. Даже внутренней правоты или требованій естественнаго права и справедливости тутъ недостаточно. Справедливость есть способность быть судьею своихъ и чужихъ поступковъ. Сознаніемъ долга и справедливости опредѣляются помимо закона границы обязанностей — прямое дѣло разсудка; содержаніе же этимъ обязанностямъ и добровольное побужденіе къ нимъ даетъ нравственное начало, любовь къ людямъ. Справедливость предполагаетъ безпристрастіе: а есть множество отношеній въ жизни, хоть бы, напримѣръ, родственныя, семейныя, гдѣ люди не могутъ не быть пристрастны. Самоотверженіе даже выказываютъ, считая это ни за что; а кто уже жертвуетъ собою, думаетъ о другихъ личностяхъ болѣе, чѣмъ о своей собственной, тотъ въ нѣкоторомъ родѣ несправедливъ къ себѣ. Люди дѣлаютъ иногда и сверхдолжное: нравственное чувство есть именно тотъ принципъ, руководясь которымъ человѣкъ можетъ поступать съ безусловной свободой, не вредя никому: только оно дѣлаетъ человѣка абсолютно свободнымъ существомъ. *Семья, безъ которой не можетъ существовать ни одинъ народъ, вся построена на нравственныхъ, выходящихъ изъ предѣла писаннаго закона, влеченіяхъ*... Тамъ, гдѣ начала эти достаточно крѣпки, юридическое разграниченіе уже не въ такой степени нужно. Крѣпостію этихъ началъ объясняется, напримѣръ, что Англія и Сѣверо-Американскіе Штаты продолжаютъ существовать, несмотря на кажущую-

Digitized by Google

ся нетвердость своихъ конституцій. Хотя юристы и не исключаютъ вполнѣ семью изъ круга своей дѣятельности, тѣмъ не менѣе ихъ, такъ-называемое, семейное право не есть право въ собственномъ смыслѣ, и дѣятельность юриста скользитъ, такъ-сказать, по поверхности семьи.

Но семейныя отношенія не составляютъ еще всѣхъ связей, изъ которыхъ ткется жизнь общественная: есть еще связи любовниковъ, друзей, товарищей; послѣдняя связь особенно важна при нынѣшнемъ стремленіи обществъ образовать изъ себя товарищества, артели и общины. Каждый изъ членовъ семьи или товарищескаго круга не можетъ руководиться одними правилами справедливости, которою отграничиваются права одной личности отъ другой; тутъ необходимо еще начало нравственное, безъ развитія котораго товариществу или кружку, будь онъ торговый или литературный, придется прибѣгнуть къ полицейскимъ законамъ. Иначе одинъ задумаетъ жить на счетъ другого. Великая ошибка всѣхъ общинниковъ и соціалистовъ въ томъ, что они, признавая принципъ товарищества, не хотятъ знать начала нравственнаго. Общинники въ родѣ славянофиловъ еще признаютъ jus sacrum; общинники же въ родѣ западниковъ ничего не хотятъ знать, кромѣ правъ эгоизма: отъ этого-то всѣ товарищества и артели ихъ строятся не иначе, какъ на развалинахъ семьи. Начала же нравственнаго никто изъ нихъ знать не хочетъ.

Для поддержанія этой, такъ-сказать, теоріи безнравственности, кружокъ поклонниковъ эгоизма схватился за одно слабое мѣсто въ Боклѣ, котораго они понимаютъ вообще догматически. Бокль нравственному элементу придаетъ, какъ извѣстно, самое ничтожное значеніе. Отчего, спрашиваетъ онъ, Маркъ Аврелій, добрѣйшій и благороднѣйшій изъ императоровъ, былъ въ то же время и самый жестокій изъ людей, преслѣдовавшихъ новую религію — христіанство? Почему инквизиторы, чистоту намѣреній которыхъ не отвергаютъ даже враги ихъ, были такъ безчеловѣчны. — Кажется, вотъ неопровержимые факты: люди дѣйствуютъ по какому-то глубокому внутреннему побужденію и дѣйствуютъ до безконечности жестоко. Какъ тутъ не осудить нравственный элементъ?... И Бокль осудилъ, не догадываясь, что Маркъ Аврелій и инквизиторы были не нравственны въ настоящемъ смыслѣ, а только юридически правы; исполняли то, что̀ предписывалъ имъ ихъ образъ мыслей, а не то, что̀ диктовало внутреннее человѣческое чувство. Бокль говоритъ, что къ обыкновеннымъ правиламъ нравственной системы—дѣлать добро, любить ближняго, прощать врагамъ, сдерживать страсти, уважать старшихъ, чтить родителей, ни одной іоты не прибавилось впро-

Digitized by Google

должніе тысячелѣтій; и совершенно упускаетъ изъ виду, что всѣ поэты и художники что-нибудь же дѣлали, къ чему нибудь стремились же, анализируя и воспроизводя явленія нравственнаго міра. Бокль, правда, смѣшиваетъ вездѣ нравственное чувство съ религіознымъ. Но это невѣрно, какъ мы уже замѣтили: религіозное чувство есть слѣдствіе отношеній нашихъ къ верховному существу; нравственное же чувство есть чувство болѣе земное — это есть слѣдъ ощущенія красоты въ природѣ и стремленія осуществить эту красоту въ жизни.

Нравственное чувство есть чувство натуры самой: это натурально, естественно, нравственно — такъ говорятъ обыкновенно, соединяя понятія натуры съ понятіемъ нравственнаго начала. Природа, конечно, существуетъ прежде всего сама по себѣ — знаемъ ли мы ее вполнѣ или нѣтъ, она все существуетъ — это источникъ истины. Потомъ природа существуетъ по отношенію къ намъ: мы ее усвоиваемъ, употребляемъ въ свою выгоду — это источникъ пользы. Втретьихъ, наконецъ, природа существуетъ, привлекая, привязывая насъ къ себѣ, возбуждая удовольствіе, овладѣвая нами; отсюда натуральное чувство, вслѣдствіе котораго мы щадимъ, напримѣръ, растенія и остерегаемся повредить ихъ безъ цѣли. Натуральное чувство въ примѣненіи къ людямъ является гуманнымъ, въ примѣненіи къ жизни вообще—нравственнымъ, въ искуствѣ—эстетическимъ, или чувствомъ красоты и гармоніи. Оно-то и есть исходная точка искуства и настоящей критики.

Наша литература въ особенности, думается намъ, представляетъ удобную почву для развитія такой критики. Всѣ основныя и первоначальныя связи людей, изъ которыхъ слагается жизнь общественная, схватываются только особенною способностію, которая извѣстна подъ именемъ литературнаго таланта; а всѣ наши главныя литературныя дарованія точно по уговору выбрали себѣ отдѣльныя и существенныя стороны жизни. И жизнь наша, хоть и не народила еще европейскихъ геніевъ, является уже охваченной какъ-бы со всѣхъ концовъ. Гоголь изобразилъ пошлость, г. Тургеневъ—резонёровъ и фразёровъ, г. Писемскій разоблачилъ фальшъ, г. Гончаровъ разобралъ по ниточкѣ лѣнтяевъ, г. Островскій съ Аксаковымъ показали примѣръ самозабвенія въ довольствѣ и власти. Г. Достоевскій, напротивъ, написалъ физіологію преступленій и униженія человѣческаго достоинства; г. Левъ Толстой заглянулъ наконецъ на самую натуру нашу въ ея

Digitized by Google

дѣйственно-неподдѣльномъ видѣ, то-есть въ возрастѣ младенчества и въ періодѣ дикаго первобытнаго развитія. Да и всѣ-то вообще они засматривались на природу русскаго человѣка, какъ мы уже показали на г. Островскомъ, а теперь надѣемся показать и на г. Тургеневѣ.

Къ г. Тургеневу Добролюбовъ относится съ большой симпатіей, хотя его и не во всѣхъ отношеніяхъ понимаетъ. Его разборъ «Наканунѣ» тѣмъ въ особенности замѣчателенъ, что это былъ послѣдній хорошій отзывъ со стороны «Современника» о г. Тургеневѣ; точно такъ же, какъ и самое «Наканунѣ» было послѣднимъ сочиненіемъ, гдѣ г. Тургеневъ сочувственно отнесся къ нашему модному направленію. Хотя Добролюбовъ по своему обычаю и отказывается отъ обязанности оцѣнивать художественныя достоинства, но все-таки ихъ оцѣниваетъ тутъ же. Такъ онъ говоритъ: «что г. Тургеневъ значительною долею своего успѣха обязанъ своему чутью къ живымъ струнамъ общества и умѣнью тотчасъ отозваться на всякую благородную мысль и честное чувство, только еще начинающее проникать въ сознаніе лучшихъ людей... Талантъ г. Тургенева не изъ тѣхъ титаническихъ талантовъ, которые единственно силою поэтическаго представленія поражаютъ, захватываютъ насъ, и влекутъ къ сочувствію такому явленію или идеи, которымъ мы вовсе не расположены сочувствовать. Не бурная, порывистая сила, а напротивъ, мягкость и какая-то поэтическая умѣренность служатъ характеристическими чертами его таланта.» Изъ этого видно, что Добролюбовъ признаетъ эту бурную, ничему непокоряющуюся силу, которая не пропагандируетъ и не популяризируетъ науку, а сама является самостоятельною, независимою дѣятельностію; беретъ изъ жизни не обще-интересное, какъ совѣтовалъ авторъ Эстетическихъ отношеній, а то, что ей самой интересно; какъ, напримѣръ, талантъ Гоголя, заставившій интересоваться тѣмъ, что всѣмъ казалось противно и пошло. «Тургеневъ — говоритъ дальше Добролюбовъ — не могъ бы вызвать общей симпатіи публики, еслибы касался вопросовъ и потребностей, совершенно чуждыхъ читателя или невозбужденныхъ въ обществѣ. Если г. Тургеневъ трогалъ какой-нибудь вопросъ, или новую сторону общественныхъ отношеній — это служило ручательствомъ за то, что вопросъ этотъ дѣйствительно подымается, или скоро поднимется въ сознаніи образованнаго общества, что эта новая сторона жизни начинаетъ выдаваться, и скоро выкажется рѣзко—ярко передъ глазами всѣхъ» (279 стр. III Т.).

Но кѣмъ же, какъ не талантомъ г. Тургенева и другихъ выказывались эти новыя стороны жизни такъ ярко, что входили въ

Digitized by Google

сознаніе общества. Добролюбовъ явно преувеличиваетъ въ г. Тургеневѣ роль талантливаго рисовщика новыхъ явленій въ обществѣ, и не замѣчаетъ его другой роли: г. Тургеневъ не только привлекалъ къ себѣ новизной читателей, но и увлекалъ ихъ впередъ. Его, какъ бы то ни было, публика читала, быть можетъ, болѣе, чѣмъ кого изъ современныхъ романистовъ; а если автора читаютъ, хвалятъ, бранятъ, критикуютъ, то онъ не можетъ не дѣйствовать: сила примѣра въ людяхъ велика. Что пишетъ публицистъ, критикъ, философъ, дѣйствуетъ болѣе на умственное развитіе; то же, что пишетъ художникъ, романистъ или поэтъ — относится прямо къ поступкамъ людей, возбуждаетъ въ нихъ непосредственно подражаніе или отвращеніе къ изображеннымъ явленіямъ; и характеры, образы и идеи, входя въ сознаніе множества, индивидуализируются. *На романиста поэтому лежитъ больше отвѣтственности передъ обществомъ, чѣмъ на какомъ другомъ писателѣ;* онъ непремѣнно или воспитываетъ или развращаетъ, смотря по тому, на сколько одушевленъ нравственно-эстетическимъ началомъ или отклоняется отъ него.

На г. Тургеневѣ, въ настоящее время, быть можетъ, болѣе чѣмъ на комъ, можно убѣдиться, что талантъ, дѣйствительно, двигаетъ людей: не обладая сатирой, не бичуя ею общества, онъ велъ его, однако, какъ-бы на возжахъ; не все, разумѣется, а только одинъ образованный и отдѣлившійся отъ народа классъ. Для насъ, съ точки зрѣнія нашего вопроса, особенно важно прослѣдить вліяніе этого дарованія: это своего рода морфологія убѣжденій и поступковъ, которые такъ же легко возникали, какъ и проходили. Авторъ Эстетическихъ отношеній тоже былъ, конечно, важнымъ стимуломъ; это всѣмъ извѣстно, и объ этомъ мы говорить не будемъ. Еще въ одной изъ прошлогоднихъ статей своихъ мы замѣтили, что не собственная инициатива, а жестокіе упреки, преимущественно дѣлаемые Тургеневымъ лишнимъ людямъ, произвели нигилистовъ или Базаровыхъ; что они — тѣ же лишніе люди, съ немногимъ только бо́льшимъ просторомъ передъ собой; что теперь, когда г. Тургеневъ насѣлъ на нигилистовъ, явились реалисты и т. д. Идя такимъ образомъ за передней шеренгой нашихъ прогрессистовъ, онъ началъ гоньбу эту не самъ. Еще Пушкинъ въ Евгеніи Онѣгинѣ обрисовалъ самую яркую черту тогдашняго общества: его Онѣгинъ уже не увлекается свѣтскими удовольствіями, они наводятъ на него скуку, онъ разочаровывается въ нихъ. Въ поэтѣ нашемъ, такимъ образомъ, отразилась ярко-снѣдающая тогдашнее общество скука. Правда, что Пушкинъ былъ въ этомъ не вполнѣ оригиналенъ: не Онѣгинъ, а Чайльдъ-Гарольдъ выпилъ первый до дна чашу наслажденій и бросилъ

Digitized by Google

ее отъ себя, не почувствовавъ ничего, кромѣ тоски. Но преемственность онѣгинскаго типа не унижаетъ Пушкина: это свойство поэзіи, въ которой все начинается подражаніемъ, а оканчивается творчествомъ. Если Онѣгинъ только хандритъ, а не мучится неразрѣшимостію вопросовъ и отчаяніемъ за будущее — подобно герою Байрона, то не нужно забывать, что онъ членъ большею частію только свѣтски-образованнаго общества тридцатыхъ годовъ. Печоринъ, явившійся вслѣдъ за нимъ, былъ уже не тотъ; онъ несравненно сильнѣе страдаетъ отъ своего бездѣйствія: его грызетъ нетолько скука, но и сознаніе долга. Онъ съ отчаяніемъ спрашиваетъ себя — зачѣмъ онъ жилъ, отчего онъ неспособенъ къ великимъ жертвамъ для человѣчества? Онѣгинъ и Печоринъ нашли себѣ множество подражателей въ литературѣ и жизни; байронизмъ произвелъ свое дѣйствіе и на наше общество: недовольство стало имъ все болѣе и болѣе овладѣвать.

За скучающими лишними людьми, потянулся длинный рядъ людей резонирующихъ. Г. Тургеневъ, отклонившись отъ Байрона, примкнулъ къ Гёте и Шекспиру; Фаустъ и Гамлетъ сдѣлались исходною точкою, откуда онъ повелъ свою преемственность. Тургеневскіе характеры столь же примыкаютъ къ нимъ, сколько къ Онѣгину, Печорину и Чацкому—общечеловѣческая идея у г. Тургенева получаетъ такимъ образомъ значеніе національной. Длинный рядъ его героевъ дѣйствовалъ необыкновенно сильно на воображеніе читающаго общества; и тѣмъ болѣе сильно было это дѣйствіе, что г. Тургеневъ не давалъ отдыха: чуть только входилъ въ сознаніе выведенный имъ типъ, онъ уже подставлялъ другой. Всѣ его лишніе люди необыкновенно родственны; изъ нихъ составляется почти генерація. Каждый изъ нихъ порознь недолго жилъ; но въ цѣломъ, они будутъ всегда существовать. Съ упорствомъ и добросовѣстностію спеціалиста, слѣдилъ всю свою жизнь г. Тургеневъ за развитіемъ образованнаго класса — и не его вина, если послѣдній худо его переварилъ. Относясь необыкновенно гуманно къ разнымъ породамъ лишнихъ людей нашего разцвѣтающаго образованія, онъ тѣмъ сильнѣе измѣнялъ ихъ физіономію. Дойдя до Базарова, онъ, наконецъ, поднялся такъ въ своей галереѣ прогрессистовъ, что многіе, увидя себя изображенными, страшно разсердились; другіе же, болѣе наивные, пришли въ такой неописанный восторгъ отъ сходства съ собою, что вошли совершенно въ шкуру рожденнаго г. Тургеневымъ дѣтища, и, войдя въ это романическое и вмѣстѣ комическое положеніе, стали дѣйствовать по програмѣ проблематическаго героя. Современникъ, хоть и посердился на г. Тургенева, но принялъ, однако, къ свѣдѣнію все сказанное въ упрекъ устами Базарова, и понялъ,

Digitized by Google

наконецъ, что поэзія не игрушка. «Русскому же Слову» нравоученіе г. Тургенева пошло положительно не въ прокъ, и сбило окончательно съ толку. Придя въ восхищеніе отъ Базарова, оно, такъ-сказать, положило въ основу журнала его свирѣпое фразёрство; между статьями главныхъ сотрудниковъ «Русскаго Слова» до Базарова и послѣ Базарова, есть по крайней-мѣрѣ большая разница: отрицаніе искуства и науки неприкладной, проповѣданное героемъ г. Тургенева, обратилось для нихъ въ первую заповѣдь. Въ обществѣ, впрочемъ, многіе были этому рады: такъ въ немъ еще немало состояло господъ, простодушно вѣрившихъ, что страсть къ лошадямъ — выше искуства, фотографія — почетнѣе живописи, а литейное искуство — полезнѣе универсальнаго образованія. Нигилисты, принявши такимъ образомъ благословеніе отъ г. Тургенева, рванулись впередъ, и образовали мнимыхъ реалистовъ. Классъ прогресистовъ, гонимый талантомъ нашего повѣствователя, зашелъ наконецъ такъ далеко, какъ не желалъ, конечно, и самъ авторъ: онъ совсѣмъ оторвался отъ народа, искуства, и даже науки, и бросился въ объятія грубѣйшаго матеріализма и сенсуализма.

Еслибы г. Тургеневу вздумалось высказаться опредѣлительнѣе на счетъ Базарова, то такого раздвоенія между прогресистами, быть можетъ, и не произошло бы. Теперь уже вотъ и во взглядахъ на эстетическія отношенія искуства къ дѣйствительности расходятся: «Современникъ» говоритъ — что ими возвышается искуство; «Русское Слово» увѣряетъ — что въ нихъ искуство, авторомъ совершенно отвергается. Надѣлалъ, право, имъ хлопотъ этотъ г. Тургеневъ! Но выразиться опредѣлительно г. Тургеневу было невозможно: поэтическій талантъ неправѣ произносить положительные приговоры, а талантъ г. Тургенева тѣмъ болѣе не могъ осудить вполнѣ нигилистовъ, что онъ незадолго передъ тѣмъ отнесся сатирически къ гуманистамъ-художникамъ. Берсеньевъ и Шубинъ, въ романѣ, разбираемомъ Добролюбовымъ, выставлены въ довольно-сатирическомъ тонѣ, тогда какъ личность Инсарова поставлена на ходули. Добролюбовъ былъ, конечно, этимъ доволенъ, особенно относительно Берсеньева. Но, какъ ни блѣдно очерчена личность послѣдняго, Инсаровъ все-таки выглядываетъ хуже его: въ Берсеньевѣ являются, хоть и недоразвитыми, чисто-русскія, гуманныя черты характера; Инсаровъ же выглядываетъ какимъ-то чужимъ между окружающими. Онъ отказывается даже отъ простой услуги жить у Берсеньева, который дѣлаетъ ему послѣ столько дружескихъ обязательствъ во время болѣзни, и остается великодушнѣе его въ любви. Инсаровъ отчасти эгоистъ: въ немъ говоритъ даже чувство мщенія;

Digitized by Google

онъ сродни Базарову. Онъ тоже былъ лишній человѣкъ, потому что былъ чужой; и съ Еленой даже поступилъ какъ чужой. Добролюбовъ считаетъ личность Инсарова столь достойной, что думаетъ даже вмѣстѣ съ влюбленной Еленой, что русскій человѣкъ такимъ и быть не можетъ; намъ же кажется, что для русскаго нѣтъ и особенной чести быть такимъ. Инсаровъ, конечно, если вѣрить сознанію Елены, былъ погубленъ ея же пылкостію; но она въ этой общей гибели ихъ не такъ виновата, какъ несокрушимый Болгаръ. Онъ долженъ бы быть или до конца твердымъ, или отступить съ самаго начала: дѣятели, подобные Инсарову, живутъ какъ монахи — роль любовниковъ, не ихъ роль. Какъ ни старался г. Тургеневъ огородить своего любимца, онъ передъ Еленой виноватъ; Инсаровъ, конечно, и не выставляется слишкомъ умнымъ человѣкомъ; но на столько-то онъ долженъ быть проницателенъ, чтобы видѣть, за что она его любила. Добролюбовъ думаетъ, что она любила его за его идеи и стремленія противъ враговъ; нѣтъ, она любила въ немъ только внѣшнюю сторону героизма — его энергію, мужество; сочувствовать же его политическимъ стремленіямъ, она, какъ слѣдуетъ, не могла. Отъ любви къ обиженнымъ животнымъ, къ голодающимъ дѣтямъ — настоящая русская дѣвушка не можетъ перейти къ любви Болгаріи; хотя Инсаровъ и толкуетъ Еленѣ, что русскіе должны знать всѣ славянскія нарѣчія, и угощаетъ ее болгарскими граматиками и словарями. Русская дѣвушка, если хочетъ что сдѣлать путное, должна полюбить прежде всего не Болгарію или Францію, а Россію. Елена, такимъ образомъ, дѣйствовала противъ принципа, которому служилъ Инсаровъ. Какой же онъ послѣ того герой, за что его возноситъ Добролюбовъ?

Явленіе Инсарова, какъ бы то ни было, было поворотомъ въ ряду лишнихъ людей, изображенныхъ г. Тургеневымъ. Еслибы Добролюбовъ былъ живъ, онъ самъ бы теперь оцѣнилъ ту разницу, которая оказалась между лишними людьми въ родѣ Рудина, Лаврецкаго, и ненужными—въ родѣ Базарова съ компаніей. Первые были преимущественно резонёры, вторые — фразёры. Первые мыслили, чувствуя жизнь, но не имѣли достаточно воли или свободы; вторые же имѣли и волю и свободы больше, но не чувствовали, не знали, и не видѣли жизни: она или совсѣмъ ихъ не трогала, или тронула тогда, когда они стали уже дѣйствовать.

Чтобы объяснить вполнѣ сущность теперешняго фразёрства, мы прежде поговоримъ, что такое фраза вообще. Всякое выраженіе имѣетъ двѣ стороны — сущность и внѣшность; отъ перваго зависитъ абсолютное достоинство выраженія, отъ второго же — примѣняемость его. Чтобы выраженіе было примѣнаемо, нужно,

Digitized by Google

чтобы оно было нетолько логично, но и жизненно. Тѣ выраженія, тѣ страницы, тѣ сочиненія, которыя не носятъ на себѣ слѣдовъ жизни, есть только фразы или собранія фразъ, иногда хорошихъ, но все-таки фразъ. О философскихъ сочиненіяхъ мы не говоримъ: они не претендуютъ на жизнь, а служатъ только подготовкой къ движенію и развитію. Фразою въ граматическомъ смыслѣ называется собраніе словъ, безъ отношенія къ достоинству мысли; именно, въ этомъ-то граматическомъ смыслѣ, нужно понимать всѣ великолѣпныя собранія фразъ, носящихъ иногда заглавіе серьёзныхъ статей. При болѣе внимательномъ чтеніи ихъ, сейчасъ видно, что человѣкъ пишетъ, какъ-бы забывая о жизни, не чувствуя ея всѣмъ своимъ существомъ; чтобы мысль перешла въ дѣло, слово не осталось пустымъ звукомъ, идея осуществилась — нужно мыслить, говорить, писать, чувствуя жизнь, осязая ея формы... То-есть, мы не думаемъ, что необходимо чувствовать жизнь только въ смыслѣ опыта—нѣтъ, фразёры, пожалуй, тоже видятъ, слышатъ и осязаютъ, да такъ себѣ, какъ напримѣръ, мы беремъ въ руки предметъ, разсматриваемъ, изучаемъ и нюхаемъ его. Но жизнь не такъ проста; чтобы воспринимать ее, нуженъ другой руководящій элементъ — чувство гармоніи, чувство красоты, эстетическій вкусъ, вкусъ къ жизни. И вотъ тѣ-то, которые не обладаютъ этой половиной нашихъ чувствъ, не ощущаютъ жизни, и выраженія, выходящія изъ ихъ головъ — только фразы, фразы и фразы.

Фразёры въ родѣ Базарова дѣйствительно не хотятъ знать жизни и ломятъ напроломъ, какъ-будто окружающее ихъ—камни, растенія, животныя, а не люди. Слова Базарова картинны, рельефны, онъ, пожалуй, произноситъ ихъ отъ души; но если въ нихъ вглядѣться, сейчасъ видно, что онъ не понимаетъ жизни, что нервы гармоніи какъ-бы не дѣйствуютъ въ немъ. Размышляя или выражаясь, онъ чувствуетъ природу, а не жизнь, становится на точку зрѣнія животнаго, а не человѣка. Этимъ извращеніемъ человѣческаго чувства общество наше давно уже страдаетъ. Это есть какъ-бы параличъ, отупѣніе нервовъ, которое произошло отъ разныхъ причинъ и подготовлено бездною историческихъ несчастій; оно же причиною того, что теперь, когда нервы и мышцы, повинующіеся волѣ, могутъ дѣлать большіе размахи, слова не переходятъ въ дѣло. Параличъ этотъ сдѣлался не вдругъ; какъ съ больными, такъ и съ дѣятелями въ этомъ отношеніи произошло прежде сильное нервное раздраженіе. Сначала, какъ мы говорили, люди судорожно мыслили, нервно раздражались и неполно, несовершенно жили, а потомъ они уже совсѣмъ отупѣли, оглохли, ослѣпли для жизни... Языкъ еще ворочается, но чувства уже ни-

Digitized by Google

чего не воспринимаютъ, кромѣ впечатлѣнія опыта. Жизнь ушла отъ нихъ... и фразы, исходя изъ чисто-абстрактнаго или чисто-эмпирическаго вѣдѣнія, полились въ такомъ обиліи, что и примѣра не было. Самая, наконецъ, мысль была убита фразами, самая логичность, связность потерялась, и люди, какъ-бы пораженные особаго рода сумасшествіемъ, лалёманіей, говорятъ-говорятъ—и конца нѣтъ ихъ пустымъ рѣчамъ.

Мы потому такъ распространились насчетъ фразёрства, что оно коснулось, наконецъ, двухъ именъ, безъ которыхъ и самаго вопроса объ искуствѣ не могло существовать у насъ; мы говоримъ о Пушкинѣ и Бѣлинскомъ: до нихъ теперь добрались наши въ перегонку пустившіеся прогресисты. Мы невиноваты, что намъ не такъ долго, какъ прежде думали — придется останавливаться на Добролюбовѣ. Недомоганіе, обнаружившееся въ извѣстной части нашей литературы, принимаетъ такіе серьёзные симптомы, что медленныя, терапевтическія средства оказываются безсильными. Нарывъ уже созрѣлъ—его надо вскрыть.

И какими словами вѣдь играютъ наши фразёры — нищета и голодъ; это не то, что̀ космополитизмъ, которымъ забавлялись прежде; эти слова хоть кого ошеломятъ и напитаютъ досыта. «Пушкинъ игнорировалъ голодъ!» Какъ-будто поддержка физіологическаго питанія есть единственная задача жизни. Мы уже, кажется, объяснили, что увлеченіе высшими интересами и образовало тѣ благородные и гуманные характеры, которые пошли на утоленіе голода, что если думать только о низшихъ практическихъ интересахъ, то и самыя задачи пролетаріата не разрѣшатся; такъ нѣтъ же вотъ, толкуютъ еще, что человѣку не о чемъ горевать, когда онъ выспался, и сытъ. «Я долженъ признаться, что какъ грубый реалистъ, не понимаю онѣгинскаго страданія—такъ начинается игра фразами по поводу Пушкина и Бѣлинскаго.—Когда несчастный страдалецъ спитъ по восьми часовъ въ сутки, ѣстъ какъ здоровый бурлакъ и толстѣетъ отъ глубокой печали, то я осмѣливаюсь утверждать, что этотъ цвѣтущій мученикъ — большой шутникъ, выкидывающій самыя уморительныя колѣнца». Веселыя фразы эти напоминаютъ мнѣ одинъ случай съ помѣщикомъ, выписавшимъ себѣ гувернёра, незнавшаго ни слова порусски. Когда послѣднему что-то понадобилось, и онъ въ досадѣ сталъ произносить никому непонятныя фразы, вокругъ него собралась вся семья и самъ хозяинъ принялся разговаривать знаками. При этомъ помѣщикъ попробовалъ сперва чавкать губами — не хочетъ ли онъ дескать ѣсть; бѣдный нѣмецъ отрицательно замоталъ головой. Помѣщикъ, думая, что онъ хочетъ пить, потянулъ въ себя воздухъ и закинулъ назадъ

Digitized by Google

голову — нѣмецъ въ отвѣтъ только замычалъ. Наконецъ, когда хозяинъ попробовалъ прилечь на диванъ и закрыть глаза — не хочетъ ли онъ дескать спать — гувернёръ окончательно разсердился; помѣщикъ же, вскочивши съ изумленіемъ, воскликнулъ: «Ѣсть—не хочетъ, пить—не хочетъ, спать—не хочетъ? Такъ чего же онъ хочетъ?» И страшно расхохотался со всей своей семьей.

Люди, смѣющіеся надъ страданіями, неимѣющими связи съ желудкомъ, ставятъ себя въ положеніе этого степняка, а общество—въ положеніе нѣмца. И этотъ пустой смѣхъ называется перерѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ, которые рѣшилъ Бѣлинскій на основаніи эстетической критики. Бѣлинскій дѣйствительно главный предметъ этой статьи («Русское Слово». Пушкинъ и Бѣлинскій. IV т. 1865 г.); хотя въ этомъ переливаніи изъ пустаго въ порожнее говорится болѣе о Пушкинѣ; задняя же мысль во всемъ касается Бѣлинскаго. Бѣлинскій, суди по этой статьѣ, высказываетъ дикія мысли, является защитникомъ человѣческой гнилости и тряпичности; хватаетъ черезъ край, и замахнувшись на филистеровъ, самъ теряетъ равновѣсіе. «Статьи Бѣлинскаго о Пушкинѣ—говорится тамъ же—сами по себѣ были чрезвычайно полезны для умственнаго развитія нашего общества; но какъ восхваленіе стараго кумира и т. д. и т. д., онѣ могли принести, и дѣйствительно принесли свою долю вреда». Словомъ, если о Бѣлинскомъ еще говорится тутъ осторожно, то это изъ опасенія общественнаго мнѣнія, которое, конечно, не допуститъ открытаго неуваженія къ великому критику.

И что это за пріемы критики! «Русское Слово» рѣшительно обезсмертитъ себя ими: стихи, напримѣръ, пишутъ, какъ прозу, въ строку, и они, разумѣется, черезъ это кажутся почти непонятными; къ Онѣгину относятся не какъ къ портрету людей прошедшаго, а какъ къ человѣку, съ которымъ авторъ статьи несходенъ въ убѣжденіяхъ, съ которымъ былъ не прочь бы вступить и въ споръ. Такъ, напримѣръ, старается Онѣгину растолковать, что онъ изъ-за пустяка выходилъ на дуэль, забывая, что въ стихахъ Пушкина выражается вполнѣ нетолько несправедливость этой рыцарской расправы, но даже какъ-бы предсмертный ропотъ на нее. Что Пушкинъ не отнесся къ дуэли съ презрѣніемъ — дѣло понятное; и теперь еще не всѣ относятся къ ней свысока, что доказываютъ послѣднія происшествія въ парламентахъ европейскихъ. Люди еще не на столько поумнѣли, не на столько привыкли сражаться безъ задора одной логикой и фактами; обстоятельства способны еще такъ запутать, связать, оскорбить и замарать безвинно человѣка, что не остается иногда никакого исхода, кромѣ смерти. Романическихъ современниковъ

Digitized by Google

Онѣгина можно упрекнуть за слишкомъ преувеличенное, за слишкомъ чувствительное point d'honneur; но зато ихъ нельзя заподозрить въ томъ отупленіи этого чувства, которое такъ проявляется въ герояхъ бранчливой полемики.

И въ какой гармоніи было въ людяхъ онѣгинскаго и печоринскаго типа это презрѣніе къ жизни со скукой, ихъ преслѣдовавшей? Фразёры осуждаютъ Бѣлинскаго, что онъ видѣлъ въ этой скукѣ нѣчто высшее, чѣмъ слѣдъ безпорядочной, нетрезвой жизни, и забываютъ, что эта неудовлетворенность обыденной жизни и обнаруживаетъ въ нихъ готовность къ другой жизни. Если человѣкъ скучаетъ, то это значитъ, что онъ еще не заснулъ или не опошлился, не нашелъ неизсякаемой утѣхи въ свѣтскихъ, товарищескихъ и другихъ удовольствіяхъ. Нынѣче ими не брезгаютъ, ну, разумѣется, и нескучно. Лишніе люди Тургенева—тоже скучающіе люди, съ той только разницею, что скука ихъ обнаруживается пропагандою. Тургеневъ отнесся къ нимъ, быть можетъ, ужь черезчуръ строго; не въ нихъ самихъ, а въ окружающемъ лежала причина ихъ безплоднаго резонёрства. Бельтовъ въ этомъ отношеніи яснѣе освѣщенъ, чѣмъ Рудинъ. Прежніе лишніе люди, при большемъ просторѣ, несравненно бы болѣе были способны къ нормальной дѣятельности, чѣмъ теперешніе ненужные.

Что̀ это, напримѣръ, за дѣятельность?—Смѣяться надъ Пушкинымъ за то, что онъ будто бы обращаетъ въ поэтическіе предметы гребенки, щетки, пилочки и ножницы, которыя украшаютъ кабинетъ Онѣгина, и не догадываться, что Пушкинъ относится сатирически къ своему философу въ восемьнадцать лѣтъ, а это замѣтилъ еще г. Милюковъ. Пушкинъ написалъ объ этихъ мелочахъ нѣсколько строкъ или строфъ; г. Писаревъ же о нихъ печатаетъ дѣлыя страницы. Не то же ли это, что видѣть въ чужомъ глазу спицу и не замѣчать въ своемъ бревна? Смѣется онъ тоже надъ щегольскою свѣтскостью Онѣгина, и самъ же выказываетъ свѣтскость — il a la langue bien pendue — выражается онъ объ Онѣгинѣ. И, наконецъ, къ чему всѣ эти доказательства, что Онѣгинъ съ Ленскимъ не могли вести порядочнаго разговора. Временъ минувшихъ договоры!—Какіе это договоры? Священный союзъ или вѣнскій конгресъ? Ха-ха-ха!—Плоды наукъ! — Какіе для нихъ могли быть плоды? И за этимъ раздается шумъ и трескъ: Эйлеръ, Лагранжъ, Лапласъ и аналитическая геометрія, о которыхъ герои Пушкина говорить не могли, а г. Писаревъ можетъ.—Тайны гроба роковыя!—Это выраженіе изъ поэмы Пушкина, разумѣется, наводитъ его на соображеніе о безсмертіи души, о чемъ къ стыду своему говорили герои поэмы.

Digitized by Google

А ужь надъ Татьяной, какъ онъ безчинствуетъ. Татьяна завирается... Голова ея засорена дрянью... разгорячена глупыми комплиментами... У нея нѣтъ достаточнаго количества мозга. — Вотъ образецъ тѣхъ критическихъ замѣчаній, которыя дѣлаются на счетъ характера Татьяны. «Да перестаньте же, наконецъ, Татьяна Сергѣвна—восклицаетъ онъ, по поводу письма къ Онѣгину—Вѣдь вы уже до галлюцинацій договорились. Вопервыхъ, я совсѣмъ не видѣніе, а вашъ сосѣдъ, русскій дворянинъ... вовторыхъ, *за какимъ дьяволомъ* буду я мелькать въ прозрачной темнотѣ.» Вообще г. Писаревъ, говоря объ этомъ поэтическомъ характерѣ, какъ-то особенно щеголяетъ выраженіями, которыя употребляются у насъ въ печати подъ видомъ демократизма и которыя взяты частію изъ бурсы, частію изъ корпусовъ и гимназій. Всякій, конечно, помнитъ, какъ въ годы ребячества сильна наклонность къ шаловливому коверканію языка, къ употребленію, напримѣръ, словъ—урѣзалъ, прорвался, оборвать, подкузмить, поддидюлить. Это же почти дѣлается теперь многими подъ видомъ либерализма и народныхъ тенденцій.

Презрительное отношеніе къ характеру Татьяны, намъ потому кажется особенно важнымъ, что оно идетъ вообще въ тонъ тому, что̀ направлено теперь къ разрушенію всего женственнаго въ женщинѣ. Стремленіе это, еще начавшееся давно, произошло, какъ мы говорили, отъ ложнаго пониманія эманципаціи; еще въ то время, какъ у насъ зачитывались Жоржъ-Занда приготовлена была почва для nihil женщины: вмѣсто того, чтобы изъ сравнительно свободнаго положенія мужчины въ дѣлахъ любви, вывести требованіе женщинъ хоть немножко ограничить эту свободу, Жоржъ-Зандъ доказывала, что женщина тоже имѣетъ право на неограниченную свободу въ любви, какою пользовался до сихъ поръ одинъ мужчина. Наши прогресисты, увлеченные остроумными соображеніями талантливой романистки, не отстали отъ нея; и вмѣсто того, чтобъ дать возможность и просторъ женщинѣ создать свою собственную роль въ мірѣ, они стали предлагать ей свою мужскую роль; и этотъ nihil женскаго пола положенъ былъ въ основу эманципаціи.

Г. Тургеневъ въ романѣ, разобранномъ Добролюбовымъ, и другихъ сочиненіяхъ, тоже затронулъ женскій вопросъ въ этомъ направленіи; и ему отчасти обязаны своимъ посвященіемъ нетолько нигилисты, но и нигилистки. На женщинъ, которыхъ онъ умѣлъ

Digitized by Google

такъ великолѣпно изображать, вліяніе его было еще сильнѣе, чѣмъ на мужчинъ. Елена, можно сказать, была первая изъ нигилистокъ: въ ней воплотился идеалъ дѣвушекъ, нелюбившихъ пустыхъ ласкъ, уважавшихъ только практически полезную дѣятельность, нечитавшихъ стиховъ и незнавшихъ толку въ художествѣ; на эти черты въ Еленѣ Добролюбовъ обращаетъ особенное вниманіе публики. Во всемъ ея существѣ, выписываетъ онъ изъ Тургенева, въ выраженіи лица, въ измѣнчивомъ взорѣ, въ улыбкѣ точно напряженной было что-то нервическое, порывистое и торопливое. Елену Добролюбовъ считаетъ рѣшительно первымъ лицомъ въ романѣ и называетъ въ то же время характеромъ идеальнымъ, исключительнымъ. Это дѣйствительно было такъ въ его время, но не теперь, когда исторія Елены, прочитанная тысячью женщинъ, и черты ея характера индивидуализировались въ сознаніи прекраснаго пола. Такія женщины, какъ тургеневская героиня, теперь уже не рѣдкость, разумѣется только въ самомъ жалкомъ подражаніи; потому что граціозная подвижность и сердечная тревога Аси и Елены перешли у нигилистокъ во что-то судорожное: такъ раздражена теперь передовая женщина своимъ неловкимъ положеніемъ, своимъ легковѣріемъ и невѣжествомъ.

Елена, впрочемъ, тоже была особа не очень свѣдующая, что замѣтилъ и Добролюбовъ. Какъ ни изящна, какъ ни привлекательна ея наружность и ея характеръ, но прогресистомъ она является только въ любви. Она была изъ первыхъ героинь, начавшихъ посѣщать молодыхъ людей. Посѣщенія эти, конечно, обнаруживали силу и искренность ея привязанности, ея довѣрія; но посмотрите, какая грустная исторія изъ того вышла? Елена была три раза у Инсарова: въ первый разъ, когда идя къ нему, встрѣтилась въ часовнѣ, гдѣ вышла самая поэтическая сцена, которую, конечно, многіе прочитали не разъ. Самъ Добролюбовъ, забывая о своихъ анти-эстетическихъ зарокахъ, восхищается этими мѣстами. Второе посѣщеніе Елены, когда любовь у нихъ зашла такъ далеко, что она рванулась изъ его объятій и шепнула свое дѣвичье—нѣтъ, нѣтъ. Въ третій разъ, когда, по выздоровленіи Инсарова, любовь опять привлекла ее къ нему, произошла самая страстная сцена, которая, однако, отзывается какъ-то болѣзненно въ душѣ. Присутствіе Елены, граціозной Елены, заставило Инсарова, недавно выздоровѣвшаго отъ страшной болѣзни, опять и окончательно забыться. За этимъ уже все принимаетъ какой-то грустно-тяжелый оттѣнокъ: пугающая худоба Инсарова рядомъ съ обаятельною прелестью Елены, испугъ и огорченіе родныхъ, смущеніе и какъ-бы предчувствіе чего-то недобраго всѣхъ вообще—все это отзывается чѣмъ-то зловѣщимъ. Самая же судьба Елены, уво-

Digitized by Google

зимой больнымъ мужемъ далеко на войну, почти трагична. Отъѣздъ этотъ, такъ же какъ и послѣдняя прогулка ея съ Инсаровымъ и слушаніе Травіаты, кажутся Добролюбову почему-то сценами самыми симпатичными; нѣтъ, въ сценахъ этихъ было больше болѣзненнаго, тоскливаго, разрывающаго душу, чѣмъ влекущаго къ себѣ. Это—дыханіе смерти на красоту, страстныя объятія человѣка, задыхающагося отъ приближенія смерти.

Весь характеръ Елены вообще не что иное, какъ выраженіе полнаго самоотрицанія въ пользу мужчины; для нея не существовала ни семья, ни родина, а только любимый человѣкъ. Можно позавидовать счастливцамъ, которыхъ такъ боготворитъ любимая женщина; но нельзя думать, чтобы такое боготвореніе, такое крайнее самоотверженіе было полезно для женщины. Добролюбовъ говоритъ, что Елена оттого ушла изъ Россіи, что ей нечего было дѣлать въ ней; это только фраза Шубина: за границу она поѣхала тоже не за какимъ нибудь дѣломъ, а только изъ самопожертвованія и убіенія себя. «Я выучилась поболгарски, сербски—писала она къ родителямъ.—Вѣроятно, всего этого не перенесу (она сдѣлалась сестрой милосердія), тѣмъ лучше, я приведена на край бездны и должна упасть.»

И за что, подумаешь, платила она такою холодностію своей семьѣ, которая въ глазахъ г. Тургенева была, конечно, пуста; но Еленѣ едва-ли могла казаться такой; и тѣмъ болѣе, что ее въ семьѣ никто не давилъ и не обижалъ. Добролюбову мало кажется и этой холодности къ роднымъ: онъ упрекаетъ Елену за то, «что въ домѣ ни на чемъ незамѣтно ея вліянія, что во всей повѣсти г. Тургенева нѣтъ ни одного случая, гдѣ бы жажда добра заставила Елену вмѣшаться въ дѣла окружающія и проявить чѣмъ нибудь свое вліяніе.» Нынѣшнія Елены уже не оставляютъ безъ вниманія этотъ совѣтъ, и тѣмъ болѣе, что совершенное презрѣніе родственнымъ чувствомъ есть тоже выраженіе моднаго либерализма.

Что же касается до посѣщеній Елены, окончившихся такъ грустно, то она въ этомъ отношеніи нашла себѣ многочисленныхъ подражательницъ; а между тѣмъ на ней самой мы яснѣе всего видимъ, что общество наше еще не доросло, чтобы у насъ, мужчины и женщины, вели себя какъ въ Америкѣ. Вмѣсто американскихъ ремесленныхъ мастерскихъ и обычая тамошнихъ женщинъ посѣщать холостыхъ людей, явилась какая-то циническая пародія. Тѣ изъ нигилистокъ, которыя еще не получили уроковъ отъ этого баловства, пусть не забываютъ, что женщина пользуется уваженіемъ въ Америкѣ почти идеальнымъ, что тамъ простая любовная записка обязываетъ къ женитьбѣ, сигары даже бросаютъ

Digitized by Google

при встрѣчѣ съ женщинами, экипажи останавливаются, чтобы дать дорогу; а у насъ, у насъ ногу развѣ подставятъ только, чтобы она упала... Кому недорога честь женщины, кто не умѣетъ настоящимъ образомъ уважать и любить ихъ, тотъ, конечно, съ нами не согласится; но не о такихъ господахъ рѣчь: имъ нужно вниманіе и довѣрчивость женщины, а не ея нравственная красота.

Добролюбовъ необыкновенно вѣрно замѣтилъ, что въ Еленѣ высказалась та смутная тоска по чемъ-то, та неотразимая потребность новой жизни, новыхъ идей, которая охватываетъ русское общество и которая, прибавимъ мы, свойственна нашимъ женщинамъ. Жаль только, что тоска эта нашла самую плохую пищу. Бывши прежде жертвою резонёровъ въ родѣ Рудина, отвергшаго любовь Натальи, они обратились теперь въ орудіе фразёровъ, которые уже не отвергаютъ женской любви, не выказываются такими тряпками, а употребляютъ эту любовь въ свое полное удовольствіе. И едва-ли послѣдніе лучше первыхъ? Герой Аси, напримѣръ, увидѣвши, что онъ далеко не такъ любитъ, какъ любимъ, далеко не подходитъ по характеру къ страстно-пылкой дѣвушки, отступилъ, сробѣлъ, остерегся мгновеннаго, какъ вспышка страсти, счастія. Г. Тургеневъ, правда, за это наказалъ его, сдѣлавши его бобылемъ, но этимъ дѣло не объясняется; и не всякій, пожалуй, согласится съ авторомъ Аси, что у счастія нѣтъ завтрашняго дня, что у него нѣтъ и вчерашняго, что оно не помнитъ прошедшаго, не думаетъ о будущемъ, что у него есть настоящее, и то не день, а мгновеніе. Г. Тургеневъ этимъ, впрочемъ, окончательнаго приговора не произноситъ; и такъ какъ въ Фаустѣ его говорится, по поводу тоже неудавшейся любви, «жизнь, тяжелый трудъ, отреченіе постоянное—вотъ ея тайный смыслъ, ея разгадка: не исполненіе любимыхъ мечтаній, какъ бы они ни были возвышены, а исполненіе долга — вотъ о чемъ слѣдуетъ заботиться человѣку... Молодости позволительно иначе думать, но стыдно тѣшиться обманомъ, когда суровое лицо истины глянуло наконецъ тебѣ въ глаза»—г. Тургеневъ не рѣшилъ, значитъ, труднаго вопроса любви. Но общество не захотѣло знать его сомнѣній и судило о немъ по выводамъ нѣкоторыхъ вожатаевъ. Образовались мало-по-малу вмѣсто лишнихъ людей люди ненужные, которые уже не относились такъ робко къ женщинѣ: отъ ботаническихъ экскурсій они прямо бросались къ ней свирѣпо; но это бы еще не бѣда, еслибы дѣло ограничилось одной свирѣпостію: Одинцова вотъ не потерялась, и другія также съумѣютъ найдтись; звѣрообразностію мужчины всегда щеголяли. Бѣда главная отъ этихъ господъ, что они считаютъ себя призванными благодѣтелями женскаго пола и стараются обратить жен-

Digitized by Google

щину въ какое-то безполое существо. И старанія эти остались ненапрасны. Еще пока дѣвушка или женщина въ глуши, какъ дикій цвѣтокъ растетъ, натура, хоть и неразвитая, въ ней есть; какъ скоро же подойдутъ къ ней эти благодѣтели, «эти умные люди», которые, по выраженію фразёровъ, «энергическимъ словомъ и рѣзкой насмѣшкой выбрасываютъ ее вонъ изъ ядовитой атмосферы»—натура въ женщинѣ исчезаетъ. Образованіе, не проникая въ душу, ложится на ней въ видѣ слоя румянъ; и сама она, раздраженная насмѣшкою, цинизмомъ и дикостями, теряетъ рѣшительно все, что влечетъ къ ней порядочнаго мужчину. Физически еще невинна, но нравственно до крайности развращена. Натуры, природы, естественности ни на волосъ.

Отчего такъ стала непонятна передовымъ женщинамъ и ихъ благодѣтелямъ Татьяна Пушкина? Оттого, что она есть цѣльная, женственная натура; и вотъ, въ угоду нигилизма, стали надъ ней потѣшаться, не замѣчая, что это—самая чистая, нетронутая, сохранившаяся женщина, какую только можетъ представить себѣ воображеніе поэта. Ее даже французскіе романы не извратили, предразсудки старины не испортили — всѣ ея увлеченія полны граціи, женственности и дѣвичей цѣломудренной любви. Мечтательность ея не имѣетъ въ себѣ ничего нѣмецки-плаксиваго или ложно-фантастическаго; въ стыдливости ея нѣтъ и слѣда жеманства: она написала прямо къ Онѣгину, когда, послѣ сцены съ няней въ саду, увидѣла, что любовь ея перешла въ страсть. Письмо это есть самый огневой и граціозно-страстный порывъ, который когда-либо вырывался изъ женской души... Но, написавши такое письмо, Татьяна, однакожь, когда очутилась замужемъ, не бросилась въ объятія Онѣгина, чего желали многіе; нѣтъ, страстность въ ней равнялась ея дѣвичеству, ея женственности, ея цѣломудрію. Она инстинктивно понимала, что, принадлежа одному мужу, она уже не могла быть для Онѣгина тѣмъ, чѣмъ желала бы быть для него съ своей безграничной любовью. Какъ чистая женщина, она хотѣла отдаться счастію или вся, или совсѣмъ отъ него отказаться, смѣнивши его на будничное увяданіе... Такого чистаго женскаго облика, какъ Татьяна, никто еще у насъ ни до Пушкина, ни послѣ Пушкина не изображалъ. Пушкинъ во множествѣ стихотвореній является поэтомъ фривольнымъ; но когда дѣло дошло до изображенія настоящей женщины, онъ изобразилъ Татьяну. Она неразвита, она необразована; но она настоящая русская женщина со всѣми своими достоинствами, готовыми къ развитію. Подобно Катеринѣ г. Островскаго, Татьяна не перенесла бы равнодушно своей измѣны и сдѣлалась бы только несчастна отъ своего счастія. Мы не предписываемъ всѣмъ женщинамъ цѣломудрія,

Digitized by Google

мы не говоримъ, что всѣ онѣ должны жить по опредѣленной рамкѣ; *но думаемъ, что только вѣрность, неизмѣнность въ любви равняется въ женщинѣ ея дѣвственности, ея женственности, ея материнству*. Преслѣдовать женщину за измѣну, позорить дѣвушку за увлеченіе—варварство; но не боготворить въ женщинѣ ея неизмѣнности, ея чистоты, ея женственности—крайнее развращеніе!

Нѣкоторые, быть можетъ, подумаютъ, что мы уклонились отъ своего вопроса; напротивъ, мы вошли въ самую средину его: вопросъ объ искуствѣ и вопросъ о женщинѣ—неразрывны. Обезображеніе ея въ нравственномъ отношеніи тоже было плодомъ теоріи воспроизведенія или безобразія. Женщина непремѣнно должна быть хороша, если не физически, то нравственно! Если бы мужчина уничтожилъ всю красоту въ мірѣ, то женщина бы воскресила ее своимъ присутствіемъ; потому что она есть первообразъ красоты.

Возстановленіе образа и подобія божія въ современной женщинѣ должно быть главною обязанностію современнаго искуства, возвышеніе же семейныхъ началъ и морализированіе ихъ силою поэтическаго представленія—одною изъ цѣлей истинной поэзіи. Семья есть центръ, куда преимущественно направлялись всѣ стремленія поэтовъ. Разумѣется, мы говоримъ о семьѣ въ настоящемъ смыслѣ этого слова—о семьѣ, которую подготовляютъ не узы, акты или денежные договоры, а которая является результатомъ непобѣдимаго влеченія мужчины и женщины. Гдѣ любовь, тамъ и основа семьи; гдѣ нѣтъ ея, тамъ карикатура семейнаго счастія. Въ этомъ-то смыслѣ можно сказать, что и Гейне пѣлъ о семейномъ счастіи; потому что любовь истинная, хоть и слишкомъ капризная, столкнувшая его въ могилу, не сходила съ его пера. Многіе удивляются, почему любовь составляетъ главную тэму художественныхъ и поэтическихъ произведеній; это вполнѣ естественное стремленіе: говоря безъ умолку о любви, поэты именно толкаютъ людей ни къ чему другому, какъ къ семейному счастію. Либо любовь со всѣмъ ея обаяніемъ и прелестью, либо покупныя и безсердечныя ласки—а если любовь, то ужь вертись не вертись, а семья выйдетъ, природѣ этого хочется! Поэтому можно сказать, гдѣ начинается любовь, тамъ является постоянство и оканчивается развратъ; о невѣрности и отсутствіи ревности у насъ потому заговорили, что любить перестали. И въ настоящее время нерѣдкость встрѣтить образованнаго человѣка, дожившаго до сорока лѣтъ и не разу нелюбившаго въ жизни. Различныя Buch der Lieder, гдѣ анализируется любовь, то-есть связь мужчины и женщины, поэтому не пустяки, какъ кажется

Digitized by Google

многимъ господамъ, никогда въ своей жизни немыслившимъ. Всѣ восторги и мученія сильно любившихъ поэтовъ есть высокія нравственныя движенія, которыя влекутъ насъ незамѣтно разными путями къ домашнему очагу. Изображая болѣе всего обыденную жизнь, художники-поэты невольно дѣлаются домашнимъ чтеніемъ. Кто не зналъ въ своей жизни этого круга, кто не былъ ни сыномъ, ни отцомъ, ни братомъ, ни мужемъ, или вѣрнымъ любовникомъ, тому не можетъ быть понятно ни одно художественное произведеніе; онъ можетъ быть хорошимъ публицистомъ, юристомъ или ученымъ, но никогда вѣрнымъ цѣнителемъ тѣхъ тонкихъ нравственныхъ движеній, изъ которыхъ зачинается ткань общественной жизни. Человѣкъ холостой сердцемъ, то-есть нелюбившій ни разу въ жизни искренно и долго, не можетъ и не вправѣ касаться до художественныхъ произведеній. О нашихъ критикахъ-фразёрахъ или крикунахъ можно сказать, что они всѣ холосты сердцемъ.

Но чего же щадить семью, когда она въ большинствѣ случаевъ выказываетъ самыя неутѣшительныя явленія? возразятъ, быть можетъ, намъ. Все это такъ, семья дѣйствительно представляетъ теперь самую обманчивую картину человѣческаго счастія; и вмѣсто счастливо живущихъ семей, у насъ можно только встрѣтить счастливо плодящіяся гнѣзда. А настоящаго, нефизическаго только сожительства, плодотворнаго обмѣна идей между мужчиной и женщиной и наслѣдственной передачи ихъ дѣтямъ, то-есть генераціи идей—мы не видимъ. Либо болотное, парализирующее душу спокойствіе, либо мучительная, истощающая жизнь вражда всѣхъ членовъ семьи безъ исключенія—вотъ что представляетъ нерѣдко наша русская семья. Но такое положеніе семейнаго вопроса еще не даетъ права отчаяваться въ его разрѣшеніи: трудные вопросы всегда рѣшались позже, чѣмъ легкіе, а *вопросъ семейный—такая задача человѣчества, которая, если бы была рѣшена вполнѣ, то тогда бы было нипочемъ рѣшеніе другихъ задачъ. Это, можно сказать—величайшій и труднѣйшій вопросъ жизни.* Наши мнимые прогрессисты сочли его почему-то легкимъ, и вмѣсто того, чтобы распутывать этотъ гордіевъ узелъ, стали его разсѣкать мечомъ, подобно древнему герою.

Переходя отъ статьи Добролюбова о Тургеневѣ къ статьѣ его о г. Гончаровѣ, мы должны сказать, что еще болѣе сходимся въ сущности воззрѣнія на талантъ этого послѣдняго писателя и еще далѣе расходимся въ выводахъ, изъ него сдѣланныхъ. Обѣщав-

Digitized by Google

ши заняться болѣе общими соображеніями о содержаніи и значеніи сочиненія, Добролюбовъ съ несомнѣннымъ эстетическимъ пониманіемъ однако говоритъ: «г. Гончаровъ самъ не даетъ, и повидимому не хочетъ дать никакихъ выводовъ. Жизнь, имъ изображаемая, служитъ для него не средствомъ къ отвлеченной философіи, а прямою цѣлью сама по себѣ. Ему нѣтъ дѣла до читателя и до выводовъ, какіе вы сдѣлаете изъ романа—это ужь ваше дѣло. Ошибетесь—пеняйте на свою близорукость, а никакъ не на автора. Онъ представляетъ вамъ живое изображеніе, и ручается только за его сходство съ дѣйствительностію; а тамъ ужь ваше дѣло опредѣлить степень достоинства изображенныхъ предметовъ... Въ умѣньи охватить полный образъ предмета, отчеканить, изваять его, заключается сильнѣйшая сторона таланта Гончарова. И ею онъ превосходитъ всѣхъ современныхъ русскихъ писателей... Вы совершенно переноситесь въ тотъ міръ, въ который ведетъ васъ авторъ. Вы находите въ немъ что-то родное, передъ вами открывается нетолько внѣшняя форма, но и самая внутренность, душа каждаго предмета... Вы готовы перечитать многія страницы, думать надъ ними, спорить о нихъ. Такъ, по крайней-мѣрѣ, на насъ дѣйствовалъ Обломовъ. Сонъ Обломова и нѣкоторыя отдѣльныя сцены мы прочли по нѣскольку разъ. Весь романъ почти сплошъ прочли мы два раза, и во второй разъ онъ намъ понравился едва-ли не болѣе, чѣмъ въ первый. Объективное творчество его не смущается никакими теоретическими предубѣжденіями и заданными идеями, не поддается никакимъ исключительнымъ симпатіямъ. Оно спокойно, трезво, безстрастно... Многимъ не нравится спокойное отношеніе поэта къ дѣйствительности, и они готовы тотчасъ же произнести рѣзкій приговоръ о несимпатичности такого таланта. Мы понимаемъ естественность подобнаго приговора и, можетъ быть, *сами нечуждые желанія*, чтобы авторъ побольше раздражалъ наши чувства, посильнѣе увлекалъ насъ. Но мы сознаемъ, что желаніе это — нѣсколько обломовское, происходящее отъ наклонности имѣть постоянно руководителей — даже въ чувствахъ (527—531 стр. II т.). Дѣйствительно, Добролюбовъ былъ правъ, сознаваясь отчасти, что только лѣнь и апатія нравственная заставляли его и многихъ требовать отъ художниковъ вмѣсто вѣрныхъ изображеній жизни разсужденія надъ ней.

Но соглашаясь съ Добролюбовымъ въ пониманіи таланта г. Гончарова, мы рѣшительно расходимся съ нимъ на счетъ значенія его романа. На многихъ страницахъ Добролюбовъ старается убѣдить читателей, что Онѣгины, Печорины и Рудины есть въ сущности Обломовы, что между послѣднимъ и первыми—преем-

Digitized by Google

ственность; эта натяжка даетъ Добролюбову случай написать много краснорѣчивыхъ страницъ, въ которыхъ дѣятельность гг. Тургенева и Гончарова рѣшительно смѣшивается. Дѣятельность послѣдняго еще имѣетъ связь съ Гоголемъ, но съ г. Тургеневымъ по таланту, онъ въ совершенной противоположности. У г. Тургенева фигуры движутся, и самая мысль, вслѣдствіе того, подвижна, субъективна; у г. Гончарова онѣ стоятъ, какъ-бы отдѣляясь своею рельефностію отъ страницъ романа; у того поражаетъ яркость красокъ, у этого—выпуклость формъ; тотъ преимущественно живописецъ, этотъ—скульпторъ. Ужь по одному этому можно заключить, что г. Гончаровъ не умѣлъ останавливаться на явленіяхъ жизни въ быстромъ ихъ развитіи, какъ дѣлалъ г. Тургеневъ. Г. Тургеневъ изобразилъ преимущественно цвѣтъ нашего общества прогресистовъ, г. Гончаровъ же сознательно или несознательно коснулся до почвы, съ трудомъ поддающейся воздѣлыванію — консерваторовъ: перо этого писателя хватило, быть можетъ, далѣе, чѣмъ онъ ожидалъ.

Можно сказать, что ни одинъ изъ нашихъ недостатковъ не изображенъ такою сильною рукою, какъ апатія и лѣнь, а въ нихъ то и зародышъ всякой отсталости и узкаго консерватизма. Все, что употреблено было г. Тургеневымъ на цѣлую галлерею лишнихъ людей, все это сконцентрировано г. Гончаровымъ въ одномъ романѣ; поэтому и психологическій анализъ вышелъ у него такъ подробенъ и глубокъ. Разобрать и осмѣять пошлость, резонёрство, фальшъ — нелегко; но осмѣять лѣнь и апатію— дѣло болѣе трудное; и осмѣять такъ остро, такъ гуманно, съ такимъ тонкимъ юморомъ, что ни одно изъ хорошихъ качествъ его героя-лѣнтяя не скрылось отъ глазъ читателя. Эта слабость потому уже такъ трудно поддается изображенію, что она слишкомъ распространена, слишкомъ обыденна въ нашемъ обществѣ. Г. Гончаровъ очертилъ своимъ перомъ самое коренное свойство его, и самый богатый источникъ нетронутыхъ въ немъ силъ.

Самое характеристическое качество Обломова, этого прототипа лѣнтяевъ людей, полупроснувшихся для жизни—это наклонность къ грезамъ, мечтамъ и планамъ. У г. Гончарова чрезвычайно подробно обрисованъ весь процесъ, который происходитъ въ душѣ человѣка, у котораго голова уже работаетъ, а рукою и ногою ему трудно и боязно двинуть. Всѣ отставшіе, и позади другихъ плетущіеся люди тоже живутъ много мечтами, хоть и благородными подъ-часъ, но все-таки мечтами. Вспомните предположеніе Обломова о преобразованіи имѣнія и его намѣренія передать управленіе имѣньемъ плутамъ, его окружавшимъ. Но Обломовъ

Digitized by Google

еще не худшій изъ позади плетущихся; худшіе изъ нихъ мечтаютъ о невозможномъ, хотятъ какъ-бы остановить жизнь, закоторой не угонится, произвести совершенную инерцію и покой. Но покоя нѣтъ въ мірѣ. Покой бываетъ на душѣ тогда только, когда мы заслушиваемся сказокъ: сказки эти возбуждаютъ страхъ, прирожденный съ дѣтства, а это дѣлаетъ еще робче ихъ мысль. Все мистическое, необыкновенное дѣйствуетъ на нихъ несравненно сильнѣе, чѣмъ логически неумолимое и безпощадно истинное. Сонъ Обломова представляетъ въ этомъ отношеніи поучительную картину.

Какъ, напримѣръ, хорошо схвачена тамъ эта особенность нашихъ лѣнивцевъ, откладывать свои планы въ долгій ящикъ. «Однажды часть галереи вдругъ обрушилась, и погребла подъ своими развалинами насѣдку съ цыплятами... Въ домѣ поднялся гвалтъ: всѣ прибѣжали отъ мала до велика, и ужаснулись, представивши себѣ, что вмѣсто насѣдки съ цыплятами тутъ могла прохаживаться сама барыня, вмѣстѣ съ Ильей Ильичемъ... Начались заботы и толки, какъ поправить дѣло; пожалѣли о насѣдкѣ съ цыплятами и медленно разошлись по своимъ мечтамъ, настрого запретивъ подводить къ галереѣ Илью Ильича; потомъ недѣли черезъ три велѣно было Андрюшкѣ, Петрушкѣ и Васькѣ обрушившіяся доски и перила стащить къ сараямъ, *чтобы не лежали на дорогѣ*. Тамъ онѣ валялись до весны. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока Васька и Мотька донесъ барину, что вотъ-де, когда онъ Мотька сего утра лазилъ на остатки галереи, такъ углы совсѣмъ отстали отъ стѣнъ, и того гляди рухнутъ опять. Тогда призванъ былъ плотникъ на окончательное совѣщаніе, вслѣдствіе котораго было рѣшено — *подпереть пока старыми обломками*». Такая же исторія совершалась и на счетъ мостика, о которомъ было столько разговоровъ, шуму и хлопотъ, и который только тогда сдѣлали заново, когда Антипъ свалился съ него съ лошадью и бочкой въ канаву. Самый характеръ Обломова представляетъ еще болѣе доказательствъ нашего мнѣнія. Въ немъ даже есть трусость передъ знаніемъ, которою особенно страдали прежде робкіе и лѣнивые люди. Онъ, напримѣръ, говоритъ Штольцу, когда тотъ совѣтуетъ ему завести школу: «Не рано-ли? Грамотность вредна мужику: выучишь, онъ пожалуй и пахать не станетъ». А жалкія слова, которыми пронималъ своего Захара Обломовъ. Какой они имѣютъ смыслъ? «Ты, можетъ быть, думаешь, глядя, какъ я иногда покроюсь одѣяломъ съ головою, что я лежу, какъ пень, да сплю; нѣтъ, не сплю я, а думаю все крѣпкую думу, чтобы крестьяне не терпѣли ни въ чемъ нужды, не завидовали бы чужимъ, не плакались бы на меня Господу

Digitized by Google

Богу, на страшномъ судѣ». За этимъ Захаръ окончательно тронутъ жалкими словами, и начинаетъ понемногу всхлипывать. Но что особенно поразительно въ этомъ романѣ, что имѣетъ болѣе глубокій смыслъ, что вполнѣ сознательно и осмысленно изображено г. Гончаровымъ—то это сцена пробужденія Обломова передъ пріѣздомъ Штольца. Захаръ тутъ великолѣпенъ. Его усиліе разбудить, его досада, ворчня и удивленіе передъ спящимъ, какъ чурбанъ, Обломовымъ, можетъ сравниться только съ досадой людей, трудящихся на отсталость и лѣнь.

Странно только, что авторъ помѣстилъ своего героя въ Петербургѣ, да еще на самой многолюдной улицѣ, на Гороховой; самое настоящее мѣсто его въ Москвѣ на какой-нибудь Спиридоновкѣ; все, что идетъ на покой, отправляется въ Москву. Въ этой громадѣ небольшихъ домовъ и кривыхъ, узкихъ улицъ, есть гдѣ затеряться и быть защищену отъ всего тревожнаго, недающаго покою. Въ другомъ губернскомъ городѣ, пожалуй, такъ не зароешься; потому что тамъ все на виду, всѣ знаютъ другъ друга; и наконецъ, города эти иногда, несмотря на свою невеликость, полны такой жизненности, такого роста, что невольно оживишься. Петербургъ, благодаря своей многолюдности и тѣснотѣ помѣщенія, тоже не представляетъ покойныхъ мѣстъ: не имѣя ни одного холма, въ немъ, однако, всѣ живутъ точно на горахъ, или одинъ надъ другимъ; карабкаются, сталкиваются. Только зазѣвайся, смотришь и полетѣлъ верхъ ногами. Петербургъ, по преимуществу, городъ приморскій: городъ тревоги и движенія. Быстрыя перемѣны климата, безпрестанныя болѣзни, опасность отъ наводненія и т. д.—все это, быть можетъ, и образовало тотъ тревожно-дѣятельный характеръ, который въ петербургскомъ жителѣ переходитъ черезъ край. Петербургъ—совершенно неудобное мѣсто для Обломова.

Другая ошибка г. Гончарова, незамѣченная тоже Добролюбовымъ, заключается въ томъ, что романъ его слишкомъ, такъ сказать, залежался, или завалялся долго. Какъ сочиненія г. Тургенева носятъ на себѣ слѣдъ новизны, которая во многомъ потеряетъ значеніе, такъ и Обломовъ г. Гончарова носитъ на себѣ слѣдъ залежалости. Постановка Штольца, какъ современнаго героя, болѣе всего обнаруживаетъ эту отсталость и несовременность. Штольцъ — лицо не вымышленное, а дѣйствительное: такихъ людей, которые, благодаря чисто-нѣмецкому воспитанію, наживаютъ въ нѣсколько лѣтъ сотни тысячъ, очень немало въ Россіи. Обломовы потому-то и не перестаютъ быть лѣнивцами, что кланяются такимъ особамъ, и позволяютъ имъ водить себя за носъ, а тѣ-то ихъ умасливаютъ да ублаготворяютъ: лежите, де-

Digitized by Google

скать, мы все за васъ сдѣлаемъ — и сапоги вамъ сошьемъ, и лекарства приготовимъ, и объ умственномъ продовольствіи вашемъ позаботимся. Не торопитесь только, лежите. Вотъ гдѣ источникъ-то отсталости и узкаго консерватизма, тормозящій нашу дѣятельность.

И какая разница въ дружбѣ благороднѣйшаго Ильи Ильича и Штольца: между тѣмъ какъ Обломовъ, несмотря на свою безконечную апатію, отомщаетъ наконецъ за своего друга — сцена, гдѣ онъ выгоняетъ Тарантьева, одно изъ лучшихъ мѣстъ— Штольцъ подъ конецъ такъ тяготится своимъ пріятелемъ, что сама Ольга даже замѣчаетъ. «Вотъ далась намъ съ тобой забота—разсуждаетъ Штольцъ—и конца ей нѣтъ! — Ты тяготишься ею? сказала Ольга:—это новость! Я въ первый разъ слышу твой ропотъ.» Наконецъ, Штольцъ поступилъ положительно жестоко, отвернувшись навсегда отъ Обломова, когда тотъ женился. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ поступокъ и сломилъ окончательно Илью Ильича. Впрочемъ, что же и удивляться? Самолюбіе было единственнымъ двигателемъ, управлявшимъ Штольцемъ—это говорится и въ романѣ. Онъ весь состоялъ изъ костей и мускуловъ (сердца же у него не было). И что за бездушное прощанье отца съ сыномъ! Точно котенка выбросилъ на улицу, какъ замѣтилъ голосъ въ толпѣ. Непонятно даже, что̀ связывало Штольца съ Обломовымъ. Развѣ денежные интересы? Еслибы г. Гончаровъ не ошибся насчетъ значенія этого характера, ввелъ тонко, незамѣтно эту связь, то Штольцъ показался бы въ настоящемъ своемъ видѣ.

Не Штольцъ свѣтлый характеръ въ романѣ, а самъ Обломовъ. Добролюбовъ не замѣтилъ въ этомъ лицѣ ни одной свѣтлой черты; и это, по нашему мнѣнію, самый крупный недостатокъ его разбора. Обломовъ, быть можетъ, обращаетъ на себя вниманіе не столько своими недостатками, сколько своими достоинствами. Искренность, открытость характера еще не были обнаружены такъ полно и натурально, какъ въ Обломовѣ. Стоитъ только вспомнить его объясненіе въ любви, чтобъ увидѣть всю глубину этого внезапно и вдругъ выросшаго чувства. Онъ не посмотрѣлъ, что такое раннее объясненіе въ любви было неумѣстно и дико. «Еслибы громъ загремѣлъ тогда, камень упалъ бы надо мною— говорилъ онъ послѣ — я все бы сказалъ тогда. Этого никакими силами удержать было нельзя.» Штольцъ даже видѣлъ, что сердце у Обломова было глубоко, какъ колодезь. И самъ авторъ повидимому болѣе симпатизируетъ къ Обломову, чѣмъ къ Штольцу, который у него какъ-то наспьственно суется въ глаза читателю.» Обломовъ былъ проще Штольца и добрѣе его,

Digitized by Google

хотя и не смѣшилъ и такъ легко прощалъ обиды.» Но, кромѣ простоты и искренности, Обломовъ еще былъ какъ-то чистъ и дѣвствененъ душою: «ни одного пятна, упрека въ холодномъ, бездушномъ цинизмѣ безъ борьбы не лежало на его совѣсти—говоритъ авторъ. Онъ не могъ слушать ежедневныхъ разсказовъ о томъ, какъ одинъ перемѣнилъ лошадей и мебель, а тотъ — женщину. И какія издержки повели за собою перемѣны...»—«Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце... это хрустальная, прозрачная душа; такихъ людей мало; они рѣдки, это перлъ въ толпѣ. Его сердца не подкупишь ничѣмъ, на него всюду и вездѣ можно положиться.» А это чувство совѣстливости и опасенія разбить чужую жизнь, которое выразилось въ его письмѣ къ Ольгѣ; лишніе люди не стали бы всю ночь думать надъ этимъ; они просто бы струсили за себя и свою будущность; Обломовъ же только испугался недобросовѣстнаго поступка. — «Вы высказались въ этомъ письмѣ невольно—говоритъ послѣ Ольга, утѣшая его: — вы не эгоистъ, Илья Ильичъ... Это говорила честность, иначе бы письмо оскорбило меня и я не заплакала бы отъ гордости.» Потомъ, какъ встрѣтилъ онъ извѣстіе о замужествѣ Ольги? Много у насъ дѣлалось попытокъ изобразить по истинѣ изумительную способность человѣка радоваться сильно и искренно счастью другаго; Лопуховъ, напримѣръ, поставленъ въ такое положеніе и чрезвычайно-неудачно. Только г. Гончаровъ одинъ могъ подмѣтить въ жизни и изобразить съ неподдѣльною естественностью глубоко гуманную черту радости за счастіе женщины, отдавшейся другому. Радость его при извѣстіи о замужествѣ Ольги не имѣла границъ. «Давно ли? Счастлива ли? Скажи, ради Бога— говорилъ онъ.— Я чувствую, что ты снялъ съ меня большую тяжесть! Хотя ты и увѣрялъ меня, что она простила, но, знаешь, я не былъ покоенъ! Все грызло меня что-то... Милый Андрей, какъ я тебѣ благодаренъ!» Онъ радовался такъ отъ души, такъ подпрыгивалъ на своемъ диванѣ, такъ шевелился, что Штольцъ любовался имъ и былъ даже тронутъ.» За этимъ слѣдуетъ еще болѣе сильное мѣсто, которое мы не выписываемъ по длинноте. Вслѣдствіе этой же искренней гуманности и симпатичности характера, окончательное паденіе Обломова послѣ того, какъ его бросили всѣ кромѣ Агафьи Матвѣевны, имѣетъ въ себѣ что-то трагическое. Одно уже сознаніе своего положенія, что ему должно было стоить. «Въ робкой душѣ его—говоритъ авторъ еще въ одномъ мѣстѣ—вырабатывалось мучительное сознаніе, что многія стороны его натуры не пробуждались совсѣмъ, другія были чуть-чуть тронуты и ни одна не разработана до конца. А между тѣмъ онъ болѣзненно чувствовалъ, что въ немъ зарыто какъ въ могилѣ какое-то хорошее,

Digitized by Google

свѣтлое начало, можетъ быть, теперь уже умершее, или лежитъ оно какъ золото въ нѣдрахъ горы и давно бы пора этому золоту быть ходячей монетой». Но мало того, Обломовъ выглядываетъ у г. Гончарова уменъ, неподдѣльно уменъ. Какъ вѣрно онъ, напримѣръ, смотритъ на современное движеніе, за которымъ онъ не могъ угнаться. «Зачѣмъ это они пишутъ, только себя тѣшатъ, говоритъ онъ, проснувшись отъ своей обычной апатіи:—изъ потѣхи, что ли, что вотъ кого-де ни возьмемъ, а вѣрно и выдетъ? А жизни-то и нѣтъ нигдѣ: нѣтъ пониманія ея, сочувствія, нѣтъ того, что у насъ называется гуманитетомъ. Одно самолюбіе только. Изображаютъ они воровъ, падшихъ женщинъ, точно ловятъ ихъ на улицѣ и отводятъ въ тюрьму. Въ ихъ разсказѣ слышны не невидимыя слезы, а одинъ только видимый, грубый смѣхъ и злость... Гдѣ же человѣчность-то? Вы одной головой хотите писать, почти шипѣлъ Обломовъ. Вы думаете, что для мысли не надо сердца?» Съ такимъ же благороднымъ сарказмомъ набрасывался Обломовъ въ минуты своего пробужденія отъ страшной апатіи и на другіе роды судорожной и безполезной дѣятельности. «Все, вѣчная бѣготня въ запуски — говоритъ Обломовъ Штольцу, пріѣхавшему отъ золотопромышленника—вѣчная игра дрянныхъ страстишекъ, особенно жадности, перебиванья другъ у друга дороги; сплетни, пересуды, щелчки другъ другу, это оглядыванье съ ногъ до головы; послушаешь, о чемъ говоритъ, такъ голова закружится, одурѣешь... Хороша жизнь! Чего тамъ искать? интересовъ ума, сердца? Ты посмотри, гдѣ центръ, около котораго вращается все это: нѣтъ его, нѣтъ ничего глубокаго, задѣвающаго за живое. Все это мертвецы, спящіе люди, хуже меня, эти члены свѣта и общества. Что водитъ ихъ въ жизни? Вотъ они не лежатъ, а снуютъ каждый день, какъ мухи взадъ и впередъ, а что толку? Войдешь въ залу и не налюбуешься, какъ симметрически разсажены гости, какъ смирно и глубокомысленно сидятъ — за картами. Нечего сказать, славная задача жизни! отличный примѣръ для ищущаго движенія ума! Развѣ это не мертвецы? Развѣ не спятъ они всю жизнь сидя? Чѣмъ я виновнѣе ихъ, лежа у себя дома и не заражая головы тройками и валетами?» Мѣстами, право, подумаешь, что Обломовъ заснулъ не оттого только, что воспитывался въ Обломовкѣ или былъ обезпеченъ, а оттого еще, что чувствовалъ страшную дисгармонію между собою и окружающимъ, между своей хрустальной душой и свирѣпствовавшею вокругъ него лихорадкою эгоизма и неудовлетвореннаго самолюбія.

Да, Обломовъ не лишній человѣкъ, какъ думалъ Добролюбовъ: Обломовъ необходимъ обществу, его только нужно разбудить...

Digitized by Google

Г. Гончаровъ, безъ сомнѣнія, разбудитъ или разбудилъ уже кой-кого изъ его собратовъ. Обломовъ даже съ своею непроходимою лѣнью выше фразёровъ; послѣдніе имѣютъ за собою только жизненность, но жизненность эта только внѣшняя; Обломовъ же — положительно гуманенъ, хотя качество это не пошло впрокъ. Обломовъ, какъ бы то ни было, человѣкъ. Базаровъ же считаетъ чуть ли не за честь и высшій либерализмъ выдавать себя за животное. Всякаго, небросающагося въ крайность, они называютъ даже филистеромъ, забывая, что слово это въ нѣмецкихъ университетскихъ городахъ противоположно слову *буршъ*, которое, по всей справедливости, и принадлежитъ имъ. Вотъ отъ этого-то буршества, этого наѣздничества и вандализма и попятился назадъ Обломовъ, и заснулъ навсегда. И не одна, быть можетъ, личность запугана, смущена и остановлена въ своемъ развитіи этимъ удалымъ буршествомъ.

Всѣ великія силы еще у насъ спятъ сномъ непробуднымъ. Все, что̀ теперь дѣйствуетъ, суетится, бьетъ тревогу, все это силы второстепенныя, мелкія, а къ самому роднику силъ, къ самимъ дарамъ, вянущимъ понапрасну, еще не подошли. Дарованія нетолько не откапываютъ, но еще стараются зарыть, израсходывать на мелочи. Бѣлинскій тронулъ-было великія силы, но за нимъ никто не пошелъ; такъ и осталось попрежнему.

Николай Соловьевъ.

Digitized by Google

НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ.

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

IX.

Пророчество.

«Благодаримъ тя, Господи, яко свободилъ еси сію рабу твою отъ нищеты грѣховнаго міра сего». Нетвердымъ голосомъ читалъ пасторъ Франкъ Мильвей эти слова англиканской отходной; невольно тревожила его мысль, что усопшая раба господня была и ему и намъ ближняя, и страшнымъ богохульствомъ казалось это благодарственное воззваніе къ всемогущему за избавленіе нашего ближняго отъ нищеты, въ которую мы допускаемъ его впадать, безпрестанно проповѣдуя объ общественной благотворительности, о призрѣніи бѣдныхъ.

Слопи, котораго покойная покинула лишь въ послѣдней крайности, зная, что иначе онъ съ нею не разстанется, бѣдный Слопи не могъ чувствовать въ душѣ той благодарности, которой отъ него требовала молитва. Будемъ надѣяться, что столь грѣховная неблагодарность отпустится ему: усопшая раба была для него болѣе чѣмъ родною матерью.

Молитва эта произносилась надъ свѣжею могилою Бетти Гигденъ, въ дальномъ уголкѣ сельскаго кладбища. Только заросшіе травою бугорки возвышались на убогомъ погостѣ; ни одинъ крестъ, ни одна надпись не виднѣлась надъ прахомъ бѣдняковъ-тружениковъ. Неужели отмѣчать хоть имя усопшаго на каждой могилѣ, составитъ такой разсчетъ въ нашъ благотворительный вѣкъ; неужели столь ничтожный расходъ обременитъ общественные капиталы? Тогда морякъ, переселенецъ, усталый странникъ, возвратясь на родину, найдетъ по крайней-мѣрѣ мѣсто, гдѣ покоятся останки дорогихъ его сердцу. Много толкуемъ мы, возводя очи къ небу, о равенствѣ всѣхъ насъ во Христѣ, о равен-

Digitized by Google

ствѣ всѣхъ насъ послѣ смерти; что бы намъ опустить хоть разъ свои очи долу и, на сколько возможно, хотя бы въ этой бездѣлицѣ, провести на дѣлѣ наши мудрыя изрѣченія. Милорды и господа, члены благотворительныхъ комитетовъ, быть можетъ, улыбнутся презрительно и найдутъ это предложеніе слишкомъ чувствительнымъ. Но неужели грубой, нищей братіи нашей, которой недоступна такая роскошь какъ чувствительность во время жизни, нельзя дозволить хотя малую долю этой роскоши, хоть послѣ смерти?

Подлѣ пастора Мильвея, пока онъ читалъ отходную, стояли его маленькая супруга, Джонъ Роксмитъ, и Белла Вильферъ. Кромѣ ихъ и неутѣшнаго Слопи, не было никого надъ убогою могилою. Ни одного пенни не прибавили они къ деньгамъ, зашитымъ на груди усопшей: завѣтное желаніе честной души было исполнено.

— Мнѣ не даетъ покоя мысль, что я часто могъ бы поприлежнѣе на нее работать, проговорилъ Слопи, прислонясь къ церковной двери, когда обрядъ кончился: — я никогда, никогда не прощу себѣ этого.

Пасторъ Мильвей, въ утѣшеніе бѣдному Слопи, сталъ объяснять ему, что всѣ мы рабы неключимые, что каждый изъ насъ болѣе или менѣе слабый, безсильный, неприлежный работникъ въ сей юдоли скорби.

— Только не *она*, сэръ, не *она*, воскликнулъ мальчикъ, сильно обиженный такимъ обобщеніемъ: — будемъ говорить о себѣ, до нея это не касается. Она не слабѣла, она упорно исполняла свой долгъ, работала весь свой вѣкъ безъ устали за себя, и за своихъ, пока они были живы, и за меня, и за малютокъ, что брала на попеченіе. Ее упрекнуть нельзя. О, мистрисъ Гигденъ, мистрисъ Гигденъ! вы были женщина, и мать, и работница, какой не съискать въ сотнѣ тысячъ!

Съ этими словами, вырвавшимися изъ глубины его души, Слопи оставилъ церковныя двери, бросился снова къ могилѣ, приникъ къ ней головою и залился слезами. Пасторъ Мильвей утеръ глаза рукавомъ. «Вотъ украшеніе для бѣдной могилы, которое дороже, по моему, всѣхъ памятниковъ вестминстерскаго аббатства!» произнесъ онъ вполголоса.

Они оставили его наединѣ и вышли въ калитку. Неподалеку слышался гулъ и плескъ водянаго колеса писчебумажной фабрики. Они незадолго передъ тѣмъ пріѣхали изъ города, и Лизи Гексамъ не успѣла еще разсказать имъ то немногое, что она сама знала, въ дополненіе къ тому, что она имъ написала. Теперь она передала имъ, какъ она услыхала стонъ, какъ старушка умерла у

Digitized by Google

ней на рукахъ и перенесена была потомъ, съ разрѣшенія владѣльца фабрики, въ ту просторную, свѣжую комнату, откуда при нихъ вынесли тѣло; какъ, наконецъ, послѣдняя воля покойной была свято исполнена.

— Я бы одна не могла всего этого сдѣлать, прибавила Лизи:— не то, чтобъ у меня не было охоты, но одна я не съумѣла бы справиться, еслибы не помогъ мнѣ хозяинъ фабрики.

— Ужь не тотъ ли жидъ, который насъ принималъ? сказала мистрисъ Мильвей.

— (Отчего же бы и нѣтъ, моя милая, замѣтилъ въ скобкахъ ея мужъ).

— Хозяинъ фабрики дѣйствительно еврей, и жена его еврейка, и рекомендовалъ меня имъ еврей. Но добрѣе людей я, право, не знаю.

— Ну, а какъ они вздумаютъ обращать васъ, почла долгомъ замѣтить мистрисъ Мильвей, въ качествѣ пасторши.

— Вздумаютъ, что̀ такое? спросила Лизи со скромной улыбкой.

— Вздумаютъ уговаривать васъ перейти въ ихъ религію, повторила мистрисъ Мильвей.

Лизи покачала головою съ тою же улыбкою. «Они не спросили меня даже, какой я религіи. Они просили меня только разсказать имъ свою исторію, что̀ я и сдѣлала; просили меня быть честною и трудолюбивою, и я обѣщала имъ честно трудиться. Они добросовѣстно исполняютъ свой долгъ въ отношеніи рабочихъ, и мы стараемся отплатить имъ тѣмъ же. Они даже болѣе чѣмъ исполняютъ свой долгъ, потому что заботливо пекутся о насъ.

— Э, да вы, видно, въ большой у нихъ милости, моя милая, что такъ ихъ расхваливаете, замѣтила мистрисъ Мильвей.

— Съ моей стороны было бы неблагодарно не сознаться въ этомъ, отвѣчала Лизи: — потому что мнѣ уже поручена должность, требующая нѣкотораго довѣрія. Но вѣдь все это не имѣетъ ничего общаго съ религіею. Они исповѣдуютъ свою, мы — свою; и никогда не толкуютъ ни о своей, ни о нашей. Но будь я хоть послѣдняя работница на фабрикѣ, я не перемѣнила бы о нихъ мнѣнія. Не спрашивали они, какой религіи была и бѣдная покойница, прежде чѣмъ позволить внести ее въ комнату.

— Другъ мой, обратилась мистрисъ Мильвей въ сторону къ мужу:—какъ бы я желала, чтобъ ты съ ней поговорилъ серьёзно.

— Милая моя, отвѣчалъ Франкъ Мильвей своей маленькой супругѣ: — я лучше оставлю это удовольствіе кому либо другому. По моему, тутъ вовсе не къ чему мѣшаться. Говоруновъ на

Digitized by Google

свѣтѣ и безъ меня довольно, и она вѣрно скоро наткнется на охотника проповѣдовать.

Во время этого разговора, и Белла и секретарь внимательно наблюдали за Лизи Гексамъ. Секретарю, естественно, было очень любопытно видѣть въ первый разъ дочь человѣка, обвиненнаго въ его убійствѣ. Белла также знала, что отца Лизи обвинили напрасно въ преступленіи, которое имѣло такое вліяніе на ея жизнь, и любопытство ея хотя не имѣло тѣхъ же тайныхъ побужденій, было столь же понятно. Къ тому же оба они не думали встрѣтить что нибудь похожее на настоящую Лизи Гексамъ, и это обстоятельство повело невольно къ ихъ сближенію.

Они проводили Лизи Гексамъ къ маленькому домику, гдѣ она жила у почтенной пожилой четы, также занятой работой на фабрикѣ. Мистрисъ Мильвей и Белла вошли, чтобъ взглануть на ея помѣщеніе, и только что успѣли подняться по лѣстницѣ, какъ раздался звонокъ на фабрикѣ и отозвалъ Лизи на время къ ея занятіямъ. Белла съ секретаремъ очутились вдвоемъ посреди улицы въ довольно неловкомъ положеніи, такъ-какъ мистрисъ Мильвей отправилась допрашивать мальчишекъ и дѣвчонокъ по деревнѣ, не обращаютъ ли ихъ въ еврейскую вѣру, а пасторъ Мильвей, по правдѣ сказать, улизнулъ незамѣтно отъ исполненія этой, по словамъ его супруги, святой обязанности.

Белла, наконецъ, рѣшилась прервать молчаніе.

— Не посовѣтоваться ли намъ о томъ, для чего мы сюда пріѣхали? спросила она секретаря.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ тотъ.

— Вѣдь мы оба получили одно и то же порученіе, значитъ, должны обсудить дѣло съобща, продолжала Белла нетвердымъ голосомъ.

— Совершенно справедливо, сказалъ секретарь.

— Когда я предложила ѣхать сюда вмѣстѣ съ мистеромъ и мистрисъ Мильвей, мистрисъ Бофинъ съ удовольствіемъ согласилась отпустить меня, съ тѣмъ, чтобы я доставила ей полный докладъ о Лизи Гексамъ — разумѣется, не очень-то основательный это будетъ докладъ, такъ-какъ мы женщины вообще, по вашему, мало что дѣлаемъ основательно.

— Мистеръ Бофинъ прислалъ меня сюда съ тѣмъ же порученіемъ.

Тутъ они вышли изъ деревни на берегъ рѣчки, живописно поросшій лѣсомъ.

— Вы хорошаго о ней мнѣнія, мистеръ Роксмитъ? продолжала Белла, поддерживая нить разговора.

— Я очень высокаго о ней мнѣнія.

Digitized by Google

— Очень рада это слышать. Есть что-то такое привлекательное въ ея красотѣ, не правда ли?

— Ея наружность далеко недюжинная.

— Во всѣхъ чертахъ ея замѣтенъ, однако, отпечатокъ затаенной грусти, такъ что даже жалость беретъ смотрѣть на нее. Я впрочемъ... не утверждаю этого положительно; мнѣ только хотѣлось бы знать ваше мнѣніе, съ вами посовѣтоваться, произнесла Белла застѣнчиво.

— Я замѣтилъ эту грусть, отвѣчалъ секретарь тихимъ голосомъ:—и надѣюсь, что причиною тому не ложное обвиненіе ея отца, которое давно уже опровергнуто.

Они молча прошли еще нѣсколько шаговъ; Белла украдкою поглядывала на своего спутника.

— О, мистеръ Робсмитъ, вдругъ воскликнула она:—не сердитесь на меня, будьте поснисходительнѣе, подобрѣе! Я хочу говорить съ вами, какъ съ равнымъ.

Лицо секретаря столь же быстро прояснилось.

— Честью увѣряю васъ, отвѣчалъ онъ:—что я нарочно сдерживалъ себя только ради васъ, чтобы вы не могли ложно объяснить себѣ моего обращенія. Теперь все прошло, я сбросилъ маску.

— Благодарствуйте, сказала Белла, протянувъ ему ручку: — простите меня.

— Нѣтъ! горячо воскликнулъ секретарь:—простите *меня*!—Въ глазахъ ея показались слезы, и блескъ ихъ казался ему ярче всякаго земного блеска, хотя онъ въ глубинѣ души уже раскаявался, что вызвалъ ихъ своимъ поведеніемъ.

Они прошли нѣсколько шаговъ.

— Вы хотѣли говорить со мною о Лизи Гексамъ, сказалъ секретарь, сбросивъ съ себя прежній холодный видъ:—я тоже желалъ поговорить съ вами о ней же, но не смѣлъ начать.

— Теперь, когда вы *можете* начать, возразила Лизи дрожащимъ голосомъ, словно подчеркивая слова: — сообщите, что вы хотѣли о ней сказать.

— Вы вѣроятно помните, что въ краткомъ, но толковомъ письмѣ своемъ къ мистрисъ Бофинъ она просила не разглашать ея имени и мѣста жительства, которое должно оставаться тайною.

Белла кивнула головою.

— Мой долгъ узнать, зачѣмъ она это требовала. Мнѣ поручено мистеромъ Бофиномъ, и самъ я очень желаю узнать, совершенно ли смыто съ ея имени черное пятно того ложнаго обвиненія. Я

Digitized by Google

хочу сказать, не ставитъ ли ее этотъ несчастный фактъ въ неловкое положеніе въ отношеніи другихъ или самой себя.

— Понимаю, сказала Белла, глубокомысленно кивнувъ головкой: — это, кажется, вполнѣ справедливо и необходимо.

— Не замѣтили ли вы, мисъ Вильферъ, что она столько же вамъ сочувствуетъ, сколько и вы ей. Красот... наружность ваша и обращеніе вѣроятно успѣли расположить ее къ вамъ.

— Нѣтъ, я ничего такого не замѣтила, отвѣчала Белла: —и такое внезапное расположеніе ко мнѣ не дѣлаетъ особой...

Секретарь поднялъ руку съ такою выразительною улыбкою, что Белла остановилась, покраснѣла и недоговорила съ невиннымъ кокетствомъ: «чести ея вкусу».

— Еслибы вы поговорили съ нею, прежде чѣмъ мы уѣдемъ отсюда, продолжалъ секретарь:—то я увѣренъ, что она выказала бы полное къ вамъ довѣріе. Разумѣется, никто васъ не попроситъ злоупотребить ея довѣріемъ, да и просить было бы, я увѣренъ, напрасно. Но если вы не имѣете ничего противъ того, чтобъ разспросить ее о томъ, о чемъ мы говорили, то я увѣренъ, что вамъ удастся узнать всю правду гораздо лучше, чѣмъ мнѣ или кому другому. Мистеръ Бофинъ очень желалъ бы успокоиться въ этомъ отношеніи. А я, прибавилъ секретарь, спустя минуту: — имѣю еще болѣе важныя причины интересоваться этимъ предметомъ.

— Я всегда рада быть хоть сколько нибудь полезною, отвѣчала Белла:—послѣ сегодняшней грустной сцены, мнѣ кажется, что мало отъ меня пользы на семъ свѣтѣ.

— Пожалуйста, не говорите этого, убѣждалъ секретарь.

— Но я вполнѣ въ этомъ увѣрена, подтвердила Белла, поднимая брови.

— Никто небезполезенъ на семъ свѣтѣ, возразилъ секретарь: — кто только облегчаетъ бремя жизни для другихъ.

— Но я васъ увѣряю, что я и этимъ не могу похвастать, проговорила Белла плачевнымъ голоскомъ.

— А для вашего отца развѣ вы не утѣшеніе?

— Бѣдный мой, добрый, невзыскательный, всѣмъ довольный папа! О, да! Онъ это думаетъ.

— И того достаточно, если онъ этого мнѣнія, сказалъ секретарь: — извините мнѣ это маленькое отступленіе, но я не могу слушать, когда вы такъ низко себя цѣните.

— Однако, вы сами невысоко меня цѣнили, милостивый государь, злостно подумала про себя Белла: — и надѣюсь, довольны послѣдствіями, которыя накликали на свою голову. Однако, она продолжала разговоръ не въ этомъ, а совершенно въ иномъ родѣ.

Digitized by Google

— Мистеръ Роксмитъ, мы такъ давно уже не говоримъ съ вами откровенно, безъ натяжки, что мнѣ какъ-то неловко приступить къ другому предмету. Вы знаете, я очень благодарна мистеру Бофину. Вы знаете, я вполнѣ уважаю его, и привязана къ нему узами глубочайшей признательности. Не правда ли?

— Совершенно такъ. И вы очевидно его любимица.

— Поэтому-то мнѣ и трудно такъ говорить о немъ. Но, развѣ... развѣ онъ хорошо съ вами обходится?

— Вы сами видите, какъ онъ со мною обходится, отвѣчалъ секретарь терпѣливо, но не безъ нѣкоторой гордости.

— Да, и мнѣ жаль это видѣть, сказала Белла съ увлеченіемъ.

Секретарь взглянулъ на нее съ такимъ сіяющимъ, радостнымъ выраженіемъ, что благодари онъ ее сто разъ, слова не передали бы того, что́ передалъ этотъ взглядъ.

— Мнѣ очень жаль это видѣть, повторила Белла: — обращеніе съ вами мистера Бофина дѣлаетъ меня порой просто несчастною, потому что могутъ подумать, что я этому потворствую; мнѣ тяжело сознаться, но богатство начинаетъ портить мистера Бофина.

— Мисъ Вильферъ, произнесъ секретарь съ сіяющимъ лицомъ:— еслибы вы знали, съ какою радостью я вижу, что счастье и богатство не можетъ испортить *васъ*, вы бы поняли, что сознаніе это болѣе чѣмъ вознаграждаетъ меня за всѣ постороннія непріятности.

— О, не говорите обо *мнѣ*, сказала Белла, и прибила себя по рукѣ перчаткою: — вы не знаете меня такъ хорошо, какъ...

— Какъ вы сами? подсказалъ секретарь, видя, что она запнулась: — да знаете ли вы сами себя?

— Я довольно хорошо себя знаю, возразила Белла, съ милой, презрительной улыбкой: — и знаю, что немного выигрываю отъ близкаго знакомства. Но возвратимся къ мистеру Бофину.

— Что обращеніе мистера Бофина со мною, расположеніе его ко мнѣ теперь не то, что́ бывало — очевидно. Отвергать это было бы напрасно.

— Развѣ вы хотѣли бы отвергнуть очевидность этого факта? спросила Белла съ изумленіемъ.

— Съ моей стороны, это было бы очень естественное желаніе.

— Въ самомъ дѣлѣ, поведеніе мистера Бофина, должно быть, очень раздражаетъ васъ. Обѣщайте мнѣ, мистеръ Роксмитъ, что вы не обидитесь за то, что́ я еще думаю.

— Обѣщаю отъ души.

— Я думаю порой, прибавила Белла нерѣшительно:—что оно должно унижать васъ въ собственныхъ вашихъ глазахъ.

Digitized by Google

Секретарь кивнулъ головой, въ знакъ согласія, хотя выраженіе его лица говорило противное.

— Очень важныя причины, мисъ Вильферъ, заставляютъ меня переносить всѣ непріятности моего положенія. Повѣрьте, эти причины, а не денежный разсчетъ, меня удерживаютъ, хотя я долженъ сознаться, что странныя обстоятельства лишили меня законнаго моего мѣста въ обществѣ. Если то, что вы видите съ такимъ милостивымъ ко мнѣ участіемъ, раздражаетъ мое самолюбіе, то повѣрьте, что другія причины несравненно важнѣе, которыхъ вы не видите, заставляютъ меня вооружаться терпѣніемъ.

— Мнѣ кажется, я замѣтила, мистеръ Роксмитъ, сказала Белла, взглянувъ на него съ любопытствомъ, какъ на не вполнѣ разгаданное существо: — что вы сдерживаете себя, принуждаете себя разъигрывать пасивную роль.

— Вы не ошиблись, мисъ Вильферъ. Я, дѣйствительно, заставляю себя играть роль. Но я все переношу не изъ смиренія, а потому, что у меня въ виду опредѣленная цѣль.

— Надѣюсь, хорошая цѣль, сказала Белла.

— Да, хорошая, отвѣчалъ онъ, не сводя съ нея взора.

— Я иногда думала, сэръ, сказала Белла, избѣгая его выразительнаго взгляда: — что мистрисъ Бофинъ — важная, побудительная для васъ причина.

— И опять не ошиблись. Для нея я не знаю, чего бы я ни сдѣлалъ, чего бы ни перенесъ. Нѣтъ словъ, чтобъ выразить, на сколько я люблю и почитаю эту примѣрную, добрѣйшую женщину.

— Такъ же, какъ и я! Позвольте мнѣ, мистеръ Роксмитъ, спросить васъ еще объ одномъ.

— Сдѣлайте одолженіе, сколько угодно.

— Вы, вѣроятно, замѣчали, какъ ее огорчаетъ перемѣна въ ея мужѣ?

— Я вижу это каждый день, какъ и вы, и очень сожалѣю, что невольно огорчаю ее.

— Вы огорчаете ее? быстро повторила Белла, и подняла брови въ недоумѣніи.

— Я, обыкновенно — невинная причина ея огорченій.

— Быть можетъ, она и вамъ говоритъ такъ же часто, какъ и мнѣ, что онъ все-таки отличнѣйшій человѣкъ.

— Я нерѣдко слышу, какъ она съ неподражаемою преданностью любви, старается увѣрить васъ въ этомъ; но не могу сказать, чтобъ она въ послѣднее время говорила со мною о его достоинствахъ, отвѣчалъ секретарь съ обычнымъ своимъ спокойнымъ, пристальнымъ взглядомъ.

Digitized by Google

Белла встрѣтила этотъ взглядъ своимъ умнымъ, пытливымъ взглядомъ, и потомъ, слегка вздохнувъ, покачала кудрявой головкой съ полнымъ убѣжденіемъ, что близкое знакомство со свѣтомъ вообще столь же невыгодно, какъ и короткое знакомство съ ней самой.

Но какъ бы то ни было, прогулка производила на нихъ обоихъ очень пріятныя впечатлѣнія. Деревья были лишены своего зеленаго покрова, на рѣчкѣ не красовались кувшинчики, но въ ней отражалось прозрачное голубое небо и повременамъ свѣжій вѣтерокъ прогонялъ мелкую зыбь по ея спокойной поверхности. Еслибы въ числѣ произведеній рукъ человѣческихъ отыскалось такое зеркало, которое могло бы вторично воспроизвести все, что̀ оно нѣкогда отражало, то глазамъ нашимъ предстала бы не одна возмутительная и горестная картина. Но въ той рѣчкѣ навѣрно ничего не отразилось бы, кромѣ спокойнаго, веселаго и яснаго.

Такимъ образомъ они шли, разговаривая о только что засыпанной могилѣ, о Джони и о многомъ другомъ; у входа въ деревню они встрѣтили мистрисъ Мильвей, которая спѣшила къ нимъ на встрѣчу съ пріятнымъ извѣстіемъ, что нечего было бояться за маленькихъ дѣтей, такъ-какъ въ деревнѣ была христіанская школа, въ которой вмѣшательство жидовъ не шло далѣе обработки сада. Вскорѣ Лизи Гексамъ вышла съ работы изъ бумагопрядильни, и Белла, отдѣлившись отъ прочаго общества, пошла къ ней въ домъ, чтобъ поговорить съ нею серьёзно.

— Я боюсь, что эта комната покажется вамъ очень несчастной, сказала Лизи съ улыбкой, входя къ себѣ и усаживая свою гостью на почетное мѣсто у самаго камина.

— Нѣтъ, не очень, моя милая, отвѣчала Белла:—вы бы этого не сказали, еслибы знали, черезъ что я прошла.—Дѣйствительно, хотя узкая витая лѣстница, приводившая въ эту комнатку, была устроена повидимому въ трубѣ, хотя потолокъ былъ очень низокъ и полъ некрашеный, но все же она была неизмѣримо лучше той презрѣнной комнаты въ родительскомъ домѣ, гдѣ Белла впервые оплакивала горестную необходимость, заставлявшую ея отца пускать къ себѣ жильцовъ.

Уже смеркалось, и комната освѣщалась огнемъ, мерцавшимъ въ каминѣ.

— Для меня совершенная новость принимать барыню монхъ лѣтъ, и такую красавицу, какъ вы, сказала Лизи:—вы не повѣрите, какое счастье мнѣ смотрѣть на васъ.

— Мнѣ нечего теперь сказать, отвѣчала Белла, покраснѣвъ:—ибо я хотѣла только объяснить вамъ, какое мнѣ огромное счастье

Digitized by Google

смотрѣть на васъ, Лизи. Ну, да ужь такъ и быть, начнемъ разговоръ безъ всякаго любезнаго вступленія.

И она съ милымъ видомъ откровенности протянула руку, которую Лизи сжала съ горячимъ сочувствіемъ.

— Ну, милая, продолжала Белла, взявъ ее подъ руку, словно они шли гулять:—мнѣ поручено кое-что вамъ сказать; я увѣрена, что не буду въ состояніи хорошо это объяснить, но все же постараюсь. Это касательно вашего письма къ мистеру и мистрисъ Бофинъ, и дѣло вотъ въ чемъ; погодите, дайте подумать. Ахъ, да, знаю.

Послѣ этого вступленія, Белла очень деликатно спросила Лизи, не имѣло ли какого вліянія, прямаго или косвеннаго, на просьбу держать въ тайнѣ ея мѣстожительство, ложное обвиненіе, взведенное на ея отца.

— Я вполнѣ чувствую, милая, сказала Белла, удивляясь своему умѣнію говорить о серьёзныхъ дѣлахъ: — что эта исторія должна быть для васъ очень грустною, но я въ ней также замѣшана, ибо, какъ вы вѣрно подозрѣваете, я та самая дѣвушка, на которой несчастный джентльменъ долженъ былъ жениться, еслибы захотѣлъ сохранить за собою состояніе отца. Меня впутали въ это безъ моего согласія, точно также и вы попались совершенно невольно, такъ что мы въ этомъ отношеніи находимся въ равномъ положеніи.

— Я была увѣрена, отвѣчала Лизи:—что вы—мисъ Вильферъ, о которой я столько слышала. Но не можете ли вы мнѣ сказать, кто мой неизвѣстный другъ?

— Неизвѣстный другъ, моя милая? спросила съ изумленіемъ Белла.

— Да, неизвѣстный другъ, который заставилъ Ридергуда отказаться отъ своего ложнаго обвиненія и прислалъ мнѣ его отреченіе на бумагѣ.

Белла отвѣчала, что никогда объ немъ и не слыхивала.

— Я бы очень была рада поблагодарить его, продолжала Лизи:— онъ сдѣлалъ для меня очень многое, и я все же надѣюсь, что онъ когда-нибудь да позволитъ мнѣ сказать ему спасибо. Вы спрашивали, имѣетъ ли что общаго...

— Это обстоятельство или самое обвиненіе, замѣтила Белла.

— Да, имѣетъ ли одно или другое что́ общаго съ моимъ желаніемъ жить здѣсь по секрету отъ всѣхъ? Нѣтъ.

Лизи произнесла послѣднее слово такимъ рѣшительнымъ тономъ, что Белла не могла не обратить на это особеннаго вниманія.

— А вы много жили одни? спросила она.

Digitized by Google

— Да, это мнѣ не диковина. Я при жизни бѣднаго отца проводила большее время дня и ночи одна одинехонька.

— Мнѣ говорили, что у васъ былъ братъ?

— Да, у меня есть братъ, но онъ не въ хорошихъ со мною отношеніяхъ, что̀, впрочемъ, ему вовсе не мѣшаетъ быть славнымъ мальчикомъ. Онъ проложилъ себѣ дорогу своимъ прилежаніемъ и трудами, такъ что я ни мало не жалуюсь на него.

При этихъ словахъ, однако, какая-то тѣнь безпокойства пробѣжала по ея лицу, и Белла, замѣтивъ это, воспользовалась минутой и нѣжно сжала ей руку.

— Лизи, скажите, пожалуйста, есть ли у васъ подруга вашихъ лѣтъ? произнесла она.

— Нѣтъ, я вела слишкомъ уединенную жизнь, чтобъ подружиться съ кѣмъ нибудь, отвѣчала Лизи.

— И у меня нѣтъ друга, продолжала Белла:—не то чтобъ я вела очень уединенную жизнь, ибо я часто желала лучше быть одной одинехонькой, чѣмъ постоянно видѣть трагическія выходки мамы и слышать колкости Лави, хотя я, конечно, ихъ очень люблю. Знаете, Лизи, я бы очень желала, чтобы мы съ вами стали искренними друзьями. Вы согласны? Конечно, я не имѣю силы характера ни на грошъ; но я увѣрена, что могу быть вѣрнымъ другомъ.

Это легкомысленное, веселое и привязчивое созданіе, вѣчноподвижное отъ недостатка какой-нибудь цѣли въ жизни, и вѣчнокапризное оттого, что ее окружали всегда мелочныя дрязги жизни, было, однако, самымъ привлекательнымъ, чарующимъ созданіемъ. Ея нѣжное обращеніе показалось Лизи столь новымъ, прелестнымъ, дѣтски-очаровательнымъ, что она невольно поддалась его вліянію, такъ что когда Белла снова спросила:—что же, вы согласны?—Лизи ничего не отвѣчала, но по лицу ея можно было прочесть полное согласіе.

— Такъ скажите мнѣ, продолжала Белла: — что̀ съ вами, и отчего вы тутъ живете.

— У васъ, должно быть, много поклонниковъ, начала Лизи, вмѣсто вступленія, но Белла, съ изумленіемъ взглянувъ на нее, вскрикнула:

— Ни одного, милая!

— Ни одного? повторила Лизи.

— Ну, одинъ-то, быть можетъ, и есть, отвѣчала Белла:—впрочемъ, я не знаю. Конечно, у меня былъ одинъ, но что̀ онъ теперь обо мнѣ думаетъ, я не имѣю ни малѣйшаго понятія. Пожалуй, у меня половинка, а не цѣлый (я вѣдь не считаю дура-

Digitized by Google

ка Самсона). Но что толковать обо мнѣ—я желаю узнать все про васъ.

— Есть одинъ человѣкъ, начала Лизи: — страстный, злой человѣкъ, который говоритъ, что любитъ меня, и я, кажется, должна этому вѣрить. Онъ другъ моего брата, но мнѣ онъ непонравился съ перваго раза, когда братъ привелъ его ко мнѣ; но въ послѣдній разъ, какъ я его видѣла, онъ меня такъ напугалъ, что я и разсказать не могу.

— Вы пріѣхали сюда, чтобы спрятаться отъ него?

— Я пріѣхала сюда тотчасъ послѣ того, что онъ меня такъ напугалъ.

— И здѣсь вы его все еще боитесь?

— Я не изъ трусливаго десятка, но его я всегда и вездѣ боюсь. Мнѣ страшно читать газеты или говорить съ пріѣхавшими изъ Лондона, я вотъ такъ и жду услышать, что онъ сдѣлалъ что-нибудь ужасное.

— Такъ вы боитесь не за себя? спросила Белла послѣ минутнаго молчанія.

— Я бы даже боялась за себя, еслибы его вдругъ встрѣтила здѣсь, и то по ночамъ я всегда со страхомъ оглядываюсь во всѣ стороны.

— Значитъ, боитесь, чтобы онъ не наложилъ на себя руки?

— Нѣтъ, я объ этомъ никогда не думала, хотя, конечно, онъ на все способенъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказала многозначительно Белла:—ясно, что есть кто-то другой.

Лизи закрыла лицо руками, и помолчавъ съ минуту, тихо произнесла:

— Его послѣднія слова постоянно раздаются въ моихъ ушахъ, и я какъ-бы вижу передъ собою его руку, которую онъ разбилъ до крови, ударивъ ею изо всей силы по камню, произнося эти страшныя слова. Напрасно я старалась все это забыть, нѣтъ—я вѣчно вижу передъ собою эту окровавленную руку, слышу эти слова: «такъ, я надѣюсь, что я его не убью!»

Изумленная Белла нѣжно обняла Лизи и тихо спросила:

— Развѣ этотъ человѣкъ до того ревнивъ?

— Да, онъ ревнуетъ меня къ одному джентльмену... который... какъ вамъ сказать... гораздо выше меня по положенію въ свѣтѣ и образованію... онъ первый принесъ мнѣ грустную вѣсть о смерти отца, и потомъ всегда принималъ во мнѣ большое участіе.

— Онъ любитъ васъ?

Лизи молча покачала головой.

— Вы ему нравитесь?

Digitized by Google

Лизи перестала качать головой и крѣпко стиснула руку Беллы.

— Онъ васъ помѣстилъ сюда?

— Охъ, нѣтъ! И я болѣе всего желаю, чтобы онъ никогда не узналъ, гдѣ я.

— Лизи, милая Лизи, зачѣмъ? спросила Белла съ изумленіемъ, но тотчасъ поспѣшно прибавила, пристально смотря на молодую дѣвушку: — нѣтъ, не отвѣчайте мнѣ. Я глупа была, что спросила. Я вижу, вижу.

Наступило минутное молчаніе. Лизи, опустивъ голову, устремила свои глаза на огонь, театръ ея первыхъ, дѣтскихъ фантазій.

— Вы теперь все знаете, сказала она, подымая взоры на Беллу: — я вамъ разсказала все. Вотъ причина, почему я живу здѣсь въ тайнѣ отъ всѣхъ, благодаря помощи одного старика, который поистинѣ мнѣ настоящій другъ. Въ то короткое время, когда я жила дома съ отцомъ, я узнала много такихъ вещей, которыя возненавидѣла и старалась всѣми силами исправить. Я не думаю, чтобы я могла тогда сдѣлать больше, не потерявъ всякое вліяніе на отца, но до сихъ поръ воспоминаніе обо всемъ этомъ лежитъ тяжелымъ гнетомъ на моей душѣ. Продолжая исполнять свой долгъ, я надѣюсь наконецъ добиться того, что эти воспоминанія совершенно изгладятся.

— И вмѣстѣ съ ними исчезнетъ ваша слабость, Лизи, къ человѣку, недостойному вашего вниманія, прибавила Белла.

— Нѣтъ, воскликнула, вся вспыхнувъ, Лизи:—я вовсе не хочу этого, и къ тому же я не вѣрю, чтобы онъ былъ недостоинъ меня. Что бы я выиграла отъ этого и сколько потеряла бы?

— Не думайте, Лизи, чтобъ я хотѣла васъ уговаривать, сказала Белла, послѣ минутнаго размышленія:—но развѣ вы не пользовались бы тогда бо́льшимъ спокойствіемъ и свободой? Не лучше-ли бы жить не прячась и имѣть возможность достигнуть того счастливаго положенія въ обществѣ, котораго вы такъ заслуживаете? Простите меня, но развѣ это не было бы выгодно?

— А развѣ сердце женщины, поддавшись... той слабости, о которой вы говорите, отвѣчала Лизи: — ищетъ какой-нибудь выгоды?

Вопросъ этотъ до того противорѣчилъ всѣмъ мыслямъ Беллы о жизни, что она невольно мысленно воскликнула:

— Вотъ тебѣ корыстолюбивая дрянь! Слышишь? И тебѣ не стыдно?

— Но вы сказали, Лизи, замѣтила она вслухъ: — что потеряли бы многое. Не будете ли вы такъ добры, объяснить мнѣ, въ чемъ состояла бы эта потеря?

— Я потеряла бы лучшія свои воспоминанія, которыя поддер-

Digitized by Google

живаютъ меня посреди ежедневныхъ трудовъ и даютъ моей жизни цѣль и значеніе. Я потеряла бы сладкую увѣренность, что еслибъ я была ему равная и онъ любилъ бы меня, то я старалась бы всѣми силами сдѣлать его лучшимъ и счастливымъ человѣкомъ. Я потеряла бы всякую цѣну того скуднаго образованія, которое я имѣю, благодаря ему и моимъ неослабнымъ стараніямъ доказать, что я достойна его милости. Я потеряла бы образъ его или какимъ бы онъ могъ быть, еслибъ я была равной ему и онъ любилъ бы меня — образъ, который теперь вѣчно передо мною и въ присутствіи котораго я какъ-то невольно не могу сдѣлать ничего дурнаго или низкаго. Я перестала бы высоко цѣнить память о томъ, что онъ мнѣ никогда ничего не дѣлалъ, кромѣ добра, и что благодаря ему, во мнѣ произошла перемѣна, подобная тому, какъ мои руки загорѣлыя, грубыя, растрескавшіяся въ то время, когда я гребла въ лодкѣ отца, сдѣлались теперь, какъ видите, отъ новой работы нѣжными, гибкими.

И она протянула обѣ руки, которыя замѣтно дрожали, но не отъ слабости.

— Поймите меня, милая моя, продолжала она: — я никогда и не мечтала чтобъ онъ могъ быть для меня чѣмъ нибудь другимъ, какъ тѣмъ дивнымъ образомъ, вѣчно присущимъ моей душѣ. Я, конечно, не могла бы этого вамъ объяснить, но знаю, что вы уже поняли меня въ глубинѣ вашего сердца. Я столько же мечтала о возможности быть его женою, сколько онъ— жениться на мнѣ, а болѣе этого сказать трудно. И все же я его люблю. Я его люблю такъ пламенно, что когда приходитъ мнѣ въ голову мысль, что мнѣ предстоитъ одинокая, грустная жизнь— я рада и горжусь этимъ. Я горжусь и радуюсь, что буду страдать ради него, хотя это ему не принесетъ никакой пользы, да онъ никогда и не узнаетъ объ этомъ.

Белла сидѣла молча, какъ-бы очарованная этой глубокой, чистой, безкорыстной любовью дѣвушки ея лѣтъ, смѣло высказывавшей передъ нею тайну своего сердца, надѣясь на ея сочувствіе. Белла чувствовала, какъ искренна, какъ истинна была эта любовь, хотя никогда не испытала и даже не воображала ничего подобнаго.

— Однажды поздно ночью, продолжала Лизи:—его глаза впервые встрѣтились съ моими, въ нашемъ старомъ домѣ на берегу рѣки. Быть можетъ, они болѣе никогда не взглянутъ на меня; я бы желала даже, чтобъ они никогда болѣе на меня не взглянули. Но горе было бы мнѣ, еслибъ исчезъ въ моемъ сердцѣ свѣтъ, сіяющій отъ этихъ глазъ, я его не промѣняю ни на что въ мірѣ. Вотъ я все вамъ сказала, голубушка. Хотя мнѣ какъ-

Digitized by Google

то странно, что я разсталась съ своей тайной, но я не сожалѣю объ этомъ. Я за минуту до вашего прихода ни за что не сказала бы ни одного слова, но вы пришли—и все перемѣнилось.

Белла поцаловала ее въ щеку и поблагодарила за довѣріе.— Я бы только желала, прибавила она: — чтобъ я была не такъ достойна.

— Не такъ недостойна? повторила Лизи съ недовѣрчивой улыбкой.

— Я говорю недостойна не въ томъ смыслѣ, что не съумѣю сохранить вашу тайну—нѣтъ, меня скорѣе разорвутъ на части, чѣмъ заставятъ произнесть хоть одно слово, хотя въ этомъ нѣтъ ничего похвальнаго; я просто упряма, какъ козелъ. Я только хотѣла сказать Лизи, что мнѣ стыдно, когда я сравниваю себя съ вами, я просто корыстная, хитрая дрянь.

Лизи тихонько поправила волосы Беллы, спавшіе ей на лицо, и промолвила утѣшающимъ тономъ: — милая!

— Хорошо вамъ звать меня милой, воскликнула Белла: — я очень рада, когда меня такъ зовутъ, хотя и не имѣю никакого на то права. Я—такая гадкая тварь!

— Милая! снова промолвила Лизи.

— Я такая глупая, безчувственная, корыстная тварь! продолжала Белла съ необыкновеннымъ жаромъ.

— А вы думаете, спросила Лизи съ спокойной улыбкой:—что я не знаю васъ?

— Вы знаете меня? Полно, такъ ли? я бы такъ этого желала, но боюсь, что я все же знаю себя лучше!

Лизи со смѣхомъ спросила ее, видѣла ли она когда-нибудь свое лицо, и слыхала ли свой голосъ.

— Должно быть, отвѣчала Белла: — я часто смотрюсь въ зеркало и тараторю, какъ попугай, цѣлый день.

— Во всякомъ случаѣ, я видѣла ваше лицо и слышала вашъ голосъ, сказала Лизи: — и они побудили меня сказать, съ твердой увѣренностью, что мое довѣріе не будетъ употреблено во зло, сказать то, что я думала, никогда и никому не говорить. Это развѣ дурно?

— Нѣтъ, я надѣюсь, что недурно, произнесла Белла такимъ тономъ, словно она хотѣла заразъ и засмѣяться и заплакать.

— Я, бывало, видѣла въ огнѣ картины, чтобъ потѣшить брата, сказала съ улыбкой Лизи: — сказать вамъ, что теперь я вижу въ огнѣ?

Онѣ уже обѣ встали, такъ-какъ время было разставаться, и съ чувствомъ обнялись.

— Сказать вамъ, что я вижу въ огнѣ? повторила Лизи.

Digitized by Google

— Глупое маленькое созданіе? замѣтила Белла, поднимая брови.

— Сердце, которое стоитъ побѣдить и которое уже побѣждено. Сердце, которое, однажды побѣжденное, готово идти въ огонь и воду ради побѣдителя, и которое никогда, никогда не измѣнитъ.

— Сердце дѣвушки? спросила Белла съ тѣмъ же движеніемъ бровей.

Лизи махнула головой въ знакъ согласія и прибавила: — а особа, которой это сердце принадлежитъ?...

— Вы! воскликнула Белла.

— Нѣтъ; совершенно ясно видно, что эта особа—вы.

Послѣ многихъ любезностей съ той и другой стороны и обѣщаній Беллы вскорѣ снова пріѣхать, молодыя дѣвушки разстались. Лизи воротилась къ своей работѣ, а Белла побѣжала къ маленькой гостиницѣ, гдѣ ждали ее мистеръ и мистрисъ Мильвей и Роксмитъ.

— Вы что-то очень серьёзны, мисъ Вильферъ, замѣтилъ секретарь, увидѣвъ ее.

— Да, отвѣчала Белла, и тотчасъ передала ему, что тайна Лизи Гексамъ не имѣла ничего общаго съ обвиненіемъ, взведеннымъ на ея отца. Болѣе она не могла ничего сказать, кромѣ развѣ того, что Лизи очень желала поблагодарить неизвѣстнаго друга, который послалъ ей отреченіе Ридергуда отъ своей клеветы. «Неужели она это желаетъ?» отвѣчалъ секретарь. «А вы не знаете ли, кто это»? спросила Белла. «Нѣтъ, не имѣю никакого понятія».

Они находились на границѣ Оксфордшира—такъ далеко зашла бѣдная Бетти Гигденъ въ своихъ странствіяхъ—и отправились всѣ вмѣстѣ къ станціи желѣзной дороги. Сельскія тропинки очень узки, и потому, пустивъ впередъ Слопи, и мистера и мистрисъ Мильвей, Белла пошла позади, рядомъ съ секретаремъ.

— Повѣрите ли, мистеръ Роксмитъ, сказала она по дорогѣ:— что мнѣ кажется, словно нѣсколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я вошла въ домъ Лизи Гексамъ.

— Мы очень долго провозились, отвѣчалъ онъ: — и вы были растроганы на кладбищѣ, такъ что все это васъ сильно утомило.

— Нѣтъ, я не устала. Я, должно быть, не такъ выразилась. Я не хотѣла сказать, что много времени прошло — но что многое случилось, что многое перемѣнилось во мнѣ — понимаете?

— Я надѣюсь, перемѣна къ лучшему.

— Надѣюсь, отвѣчала Белла.

— Вамъ холодно; я чувствую, какъ вы дрожите. Позвольте мнѣ прикрыть ваши плечи моимъ пледомъ. Не бойтесь, я платья не

Digitized by Google

низому, но онъ очень тяжелъ, и я лучше понесу другой его конецъ, такъ-какъ вы не можете мнѣ протянуть своей руки.

Нѣтъ, она могла, хотя одному небу извѣстно, какъ она вытащила почти онѣмѣвшую руку и протянула ее секретарю. Тотъ взялъ ее, и они пошли подъ руку.

— Я имѣла длинный и очень интересный разговоръ съ Лизи, мистеръ Роксмитъ; она была со мною совершенно откровенна.

— Она не могла не быть откровенной.

— Странно, отчего вы говорите то же самое, что̀ она сказала, воскликнула Белла, вдругъ останавливаясь и взглянувъ прямо въ глаза секретарю.

— Вѣроятно потому, что я чувствую то же самое, что̀ она.

— Что̀ вы хотите сказать, сэръ? спросила Белла, продолжая идти.

— Я хочу сказать, что еслибы вы хотѣли добиться довѣрія, кого бы то ни было—то непремѣнно успѣли бы въ своемъ желаніи.

Тутъ они подошли къ желѣзной дорогѣ, которая какъ-бы сознательно тотчасъ закрыла зеленый глазъ и открыла красный, такъ что имъ пришлось бѣжать. Белла же, укутанная въ плэдѣ, не могла легко двигаться, и потому секретарю пришлось ее поддерживать. Когда она сѣла въ вагонъ противъ него, то ея лицо такъ прелестно раскраснѣлось, что когда она воскликнула: «какія чудныя звѣзды и какая прелестная ночь!»—секретарь отвѣчалъ: о, да, но подумалъ, что гораздо пріятнѣе смотрѣть на ея прелестное, оживленное лицо, чѣмъ на звѣзды.

— О, красавица, очаровательная красавица! Еслибъ я былъ законный исполнитель завѣщанія Джони! Еслибъ я имѣлъ право передать ей то, что̀ Джони завѣщалъ, и получить отъ нея росписку!—Такъ думалъ, вѣроятно, секретарь, впившись глазами въ спокойно дремавшую Беллу, пока паровозъ мчалъ ихъ мимо одной станціи за другой, которыя всѣ, какъ-бы сговорясь, при приближеніи красавицы закрывали свои зеленые глаза и открывали красные.

X.

Шпіоны.

— Итакъ, мисъ Ренъ, сказалъ Юджинъ Вребурнъ: — вы рѣшительно не хотите одѣть мнѣ куклу?

— Нѣтъ, отвѣчала, надувшись, мисъ Ренъ:—если вы желаете, то можете купить себѣ куклу въ магазинахъ.

— И моя прелестная крестница, въ Гертфордширѣ...

— Ужь не въ вашемъ ли воображеніи скорѣе? прервала его мисъ Ренъ.

Digitized by Google

— Должна довольствоваться такой куклой, какую всякій можетъ купить, и ей ни къ чему не послужитъ близкое знакомство ея крестнаго съ придворной швеей.

— Если можетъ принесть пользу вашей прелестной крестницѣ извѣстіе о томъ, что придворная швея знаетъ всѣ штучки ея прелестнѣйшаго крестнаго, то вы можете написать ей объ этомъ по почтѣ и пожелать отъ меня всего хорошаго.

Мисъ Ренъ, говоря это, продолжала работать, а мистеръ Вребурнъ съ полувеселымъ и полусердитымъ выраженіемъ лица, стоялъ подлѣ нея и смотрѣлъ на ея работу. Дурное дитя мисъ Ренъ находилось тутъ же въ углу въ самомъ презрѣнномъ состояніи, до котораго можетъ только довести человѣка пьянство.

— У, безстыдный ребёнокъ! воскликнула мисъ Ренъ, услыхавъ скрежетъ его зубовъ: — какъ бы я желала, чтобъ ты проглотилъ всѣ свои зубы, и чтобъ они бы тебѣ всю внутренность источили. Фуй! гадкій ребёнокъ! Фуй!

При каждомъ словѣ она топала ногой, и презрѣнное существо, вздрагивая, издавало какой-то жалобный визгъ.

— Плати за тебя еще пять шилинговъ, продолжала мисъ Ренъ:—сколько часовъ, ты думаешь, работы мнѣ стоятъ эти пять шилинговъ, низкій ребёнокъ? Не ревѣть у меня, или я пущу въ тебя куклой. Плати тутъ пять шилинговъ за такую дрянь; да я лучше разъ навсегда дамъ эти деньги мусорщику, чтобъ онъ тебя навалилъ на телегу и вывезъ съ другими нечистотами.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста! произнесло жалобнымъ голосомъ презрѣнное созданіе.

— Этотъ ребёнокъ просто терзаетъ сердце своей матери, воскликнула мисъ Ренъ, обращаясь къ Юджину:—я, право, сожалѣю, что воспитала его. Онъ былъ бы острѣе змѣинаго жала, еслибъ не былъ тупѣе бревна. Посмотрите на него, нечего сказать—пріятное зрѣлище для родителей.

Дѣйствительно, онъ представлялъ для всякаго очень непріятное зрѣлище въ своемъ постыдномъ, болѣе чѣмъ свинскомъ положеніи, ибо свиньи хоть полезны на что-нибудь—ихъ ѣсть можно.

— Грязный, подлый ребёнокъ, продолжала мисъ Ренъ строгимъ тономъ: — годный только быть посаженнымъ, въ назиданіе всѣмъ подобнымъ ему гадкимъ дѣтямъ, въ банку со спиртомъ, который уже и съѣдаетъ всю его внутренность. Если онъ не жалѣетъ себя, то неужели не можетъ подумать о своей матери?

— Да, да, думаю, жалобно произнесъ недостойный предметъ этихъ горькихъ замѣчаній.

— То-то думаю, а зачѣмъ же ты дѣлаешь? продолжала мисъ Ренъ тѣмъ же тономъ.

Digitized by Google

— Не буду, никогда не буду.

— Ну, я не могу болѣе тебя видѣть, воскликнула мисъ Ренъ, закрывая лицо руками: — ступай наверхъ и принеси мнѣ шляпку и шаль. Будь полезенъ, гадкій ребёнокъ, хоть въ чемъ нибудь и позволь мнѣ на минуту не пользоваться твоимъ обществомъ.

Презрѣнное существо медленно удалилось изъ комнаты, и Юджинъ видѣлъ, какъ слезы потекли изъ глазъ бѣдной Джени; ему было очень жаль ее, но его обычное легкомысліе не дало его сочувствію пойдти далѣе безмолвнаго сожалѣнія.

— Я иду теперь къ подъѣзду итальянской оперы примѣрять платья, сказала мисъ Ренъ, смѣясь сатирически, чтобъ скрыть слѣды своихъ слезъ: — но прежде чѣмъ я уйду, мнѣ нужно выпроводить васъ отсюда, мистеръ Вребурнъ. Позвольте мнѣ вамъ сказать при этомъ, что вы совершенно напрасно безпокоитесь сюда приходить. Вы никогда ничего не добьетесь отъ меня, даже еслибъ растерзали меня на куски.

— Развѣ вы такъ упрямы и ни за что не хотите одѣть куклу для моей крестницы?

— Да, я упряма и ни за что не сдѣлаю того, что̀ вы желаете, было ли бы это платье для куклы, или тамъ другое *что*, произнесла мисъ Ренъ, значительно упирая на послѣднее слово.—Ступайте своей дорогой и отложите объ этомъ всякое попеченіе.

Въ эту минуту ея презрѣнный ребёнокъ возвратился и очень смиренно сталъ за нею, держа въ рукахъ шаль и шляпку.

— Давай ихъ сюда и ступай въ свой уголъ, гадкій ребёнокъ! сказала мисъ Ренъ, оборачиваясь къ нему: — мнѣ не нужно твоей помощи, убирайся въ свой уголъ сію секунду!

Несчастный, съ отчаяніемъ потирая руки, удалился на свое презрѣнное мѣсто, но по дорогѣ какъ-то странно взглянулъ на Юджина и сдѣлалъ знакъ локтемъ, словно его слабое тѣло еще повиновалось его воли. Но Юджинъ, инстинктивно отшатнувшись отъ него, ничего не замѣтилъ, и сказавъ какую-то пустую любезность Джени, закурилъ сигару и вышелъ на улицу.

— Ну, блудный сынъ, произнесла Джени, качая головой и грозя пальцемъ своему дурному ребёнку: — ты у меня сиди тихо, пока я ворочусь. Если ты только посмѣешь выйти изъ этого угла, то я съ тобой разсчитаюсь, погоди!

Съ этими словами она погасила свѣчи, при которыхъ работала, и оставивъ его въ темной комнатѣ, только слегка освѣщенной мерцающимъ огнемъ въ каминѣ, взяла ключъ отъ дверей и свой костыль и отправилась въ путь.

Юджинъ медленно, лѣниво пошелъ къ Темплю и болѣе не видалъ Джени, такъ-какъ она хотя шла по той же улицѣ, но другой

Digitized by Google

стороной. Онъ задумчиво курилъ сигару, и ни разу не поднялъ головы до самаго Черинг-Кросса, гдѣ взглянулъ на окружающую его толпу, но безъ всякаго вниманія, почти безсознательно, и хотѣлъ уже идти далѣе, какъ вдругъ глаза его остановились на совершенно неожиданномъ зрѣлищѣ. Передъ нимъ, на противоположномъ тротуарѣ, стоялъ дурной ребёнокъ Джени и собирался съ силами, чтобъ перейти улицу.

Трудно вообразить себѣ болѣе смѣшное зрѣлище, какъ этотъ несчастный, старающійся перейти улицу; онъ, то шатаясь во всѣ стороны, выбѣгалъ на мостовую, то снова возвращался на тротуаръ, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ страха экипажей, ѣхавшихъ вдали или только могущихъ бы ѣхать. Разъ за разомъ онъ своей нерѣшительной, колеблящейся походкой ковылялъ до половины улицы, и потомъ, описавъ дугу, возвращался, несмотря на то, что улица была въ ту минуту совершенно пуста. Потомъ онъ останавливался на краю тротуара и съ испугомъ смотрѣлъ вверхъ и внизъ улицы и на толпу, которая поспѣшно переходила улицу взадъ и впередъ. Набравшись новой силы при видѣ столькихъ успѣшныхъ экспедицій, онъ дѣлалъ новую вылазку и уже почти ставилъ ногу на противоположный тротуаръ, какъ вдругъ ему мерещилась опасность и онъ снова пускался въ обратный путь. Очутившись на своемъ старомъ мѣстѣ, онъ опять предавался какимъ-то страннымъ движеніямъ, словно желая далеко прыгнуть и выбиралъ для новой попытки самую неудобную минуту, такъ что оглушенный шумомъ экипажей и крикомъ кучеровъ, онъ бросался назадъ и съизнова начиналъ всю трудную процедуру.

— Однако, если мой другъ торопится куда къ сроку, то онъ вѣрно немного опоздаетъ, замѣтилъ прехладнокровно вполголоса Юджинъ, который остановился и нѣсколько минутъ любовался страннымъ зрѣлищемъ. Сдѣлавъ однако это глубокомысленное замѣчаніе, онъ отправился далѣе и совершенно забылъ о несчастномъ старикѣ.

Возвратившись домой, онъ засталъ Лайтвуда за газетой; тотъ только что пообѣдалъ и теперь предавался чтенію политическихъ новостей, попивая вино. Юджинъ молча принесъ себѣ стаканъ, налилъ вина, усѣлся въ покойное кресло у камина, и только тогда произнесъ очень спокойнымъ тономъ:

— Любезный Мортимеръ, ты теперь представляешь какъ нельзя лучше картину довольнаго судьбою труда, отдыхающаго на лаврахъ (взятыхъ, конечно, въ кредитъ).

— Любезный Юджинъ, отвѣчалъ Лайтвудъ: — ты — самое точное изображеніе недовольной лѣности, никогда неотдыхающей. Гдѣ ты былъ?

Digitized by Google

— Я, отвѣчалъ Вребурнъ: — ходилъ по городу. Теперь же воротился домой съ цѣлью посовѣтоваться съ моимъ достоуважаемымъ и мудрѣйшимъ стряпчимъ о настоящемъ положеніи моихъ дѣлъ.

— Твой достоуважаемый и мудрѣйшій стряпчій того мнѣнія, что твои дѣла, Юджинъ, въ очень дурномъ положеніи.

— Погоди, еще вопросъ, глубокомысленно замѣтилъ Юджинъ:— можно ли такъ выражаться о кліентѣ, которому нечего терять и котораго невозможно принудить ни въ какой уплатѣ.

— Ты попалъ въ когти жидовъ, Юджинъ.

— Любезный другъ, отвѣчалъ очень спокойно Юджинъ, прихлебывая вино: — я уже не разъ попадалъ въ когти христіанъ, и потому могу снести и этотъ ударъ съ достоинствомъ философа.

— Я сегодня имѣлъ свиданіе съ однимъ жидомъ, который, кажется, намѣренъ насъ сильно поприжать. Онъ—чистый Шейлокъ или древній патріархъ; весь сѣдой, съ длинной бородой, въ круглой шляпѣ съ широкими полями и огромномъ плащѣ.

— Это не мой ли почтенный другъ мистеръ Аронъ? воскликнулъ Юджинъ.

— Онъ называетъ себя мистеромъ Ріа.

— Впрочемъ, я припоминаю, что я самъ его назвалъ Арономъ, вѣроятно съ инстинктивнымъ желаніемъ принять его въ лоно нашей церкви.

— Юджинъ, Юджинъ, воскликнулъ Лайтвудъ: — ты сегодня чудишь еще болѣе обыкновеннаго. Объясни, что ты хочешь сказать.

— Да только то, любезный другъ, что я имѣю честь и удовольствіе быть знакомымъ съ точно такимъ патріархомъ, какъ ты описываешь и, что разговаривая съ нимъ, я его называю мистеромъ Арономъ, такъ-какъ это имя мнѣ кажется еврейскимъ, выразительнымъ, приличнымъ и даже лестнымъ.

— Я полагаю, что нѣтъ на свѣтѣ такого нелѣпаго человѣка, какъ ты, произнесъ со смѣхомъ Лайтвудъ.

— Ты очень ошибаешься, могу тебя въ этомъ завѣрить. А говорилъ твой жидъ, что знаетъ меня?

— Нѣтъ. Онъ упомянулъ только о тебѣ, какъ о человѣкѣ, отъ котораго ожидаетъ получить должныя ему деньги.

— Это доказываетъ, замѣтилъ пресерьёзно Юджинъ: — что онъ меня вовсе не знаетъ. Надѣюсь, что это не мой почтенный другъ мистеръ Аронъ, а то, говоря правду, Мортимеръ, онъ, можетъ быть, имѣетъ зубокъ противъ меня, такъ-какъ я сильно подозрѣваю, что онъ помогъ бѣгству Лизи.

Digitized by Google

— Все, по какому-то странному фатализму, приводитъ насъ къ Лизи, въ послѣднее время! воскликнулъ съ неудовольствіемъ Лайтвудъ: — ты, быть можетъ, говоря, что ходилъ по городу, хотѣлъ сказать, что ходилъ отыскивать Лизи?

— А знаете, мой стряпчій чрезвычайно зоркій человѣкъ! замѣтилъ Юджинъ очень глубокомысленно, обращаясь къ креслу, на которомъ онъ сидѣлъ.

— Что же, я угадалъ, Юджинъ?

— Да, Мортимеръ.

— А вѣдь ты знаешь, Юджинъ, что въ сущности тебѣ до нея нѣтъ никакого дѣла.

Юджинъ всталъ, и заложивъ руки въ карманъ, сталъ лѣниво потягиваться передъ каминомъ.

— Я этого не знаю, сказалъ онъ наконецъ послѣ продолжительнаго молчанія:—и буду тебя просить, чтобъ ты не говорилъ этого такимъ утвердительнымъ тономъ.

— Но если ты дѣйствительно интересуешься ею, то, кажется, ты тѣмъ болѣе долженъ оставить ее въ покоѣ.

— Ну, и это еще вопросъ нерѣшеный, отвѣчалъ Юджинъ, подумавъ нѣсколько минутъ: — а ты вотъ что скажи мнѣ, видѣлъ ли ты когда нибудь, чтобъ я такъ заботился и суетился, какъ теперь, по случаю ея исчезновенія? Я спрашиваю это изъ любопытства и болѣе ничего.

— Любезный Юджинъ, я бы очень желалъ дать отрицательный отвѣтъ.

— Но не можешь. Хорошо. Ты совершенно подтверждаешь мои слова. А какъ тебѣ кажется, походитъ это на то, чтобы мнѣ до нея не было дѣла? Я спрашиваю это изъ любопытства и болѣе ничего.

— Я тебя спрашивалъ просто, съ упрекомъ возразилъ Лайтвудъ: — а ты теперь меня хочешь подвергнуть допросу.

— Знаю, любезнѣйшій, да что же я тебѣ отвѣчу, что скажу? Я самъ жажду имѣть свѣдѣнія, но не имѣю ихъ. Потому я и спрашиваю тебя, что если всѣ мои старанія и заботы отыскать ее не доказываютъ, что мнѣ есть до нея дѣло, то что же онѣ доказываютъ?

Онъ произнесъ эти слова такимъ страннымъ, озабоченнымъ тономъ, что Лайтвудъ началъ-было ему отвѣчать очень серьёзно: — ты посмотри, къ чему это ведетъ... какъ Юджинъ его поспѣшно перебилъ:

— Вотъ видишь, я именно этого-то и не могу сдѣлать. Ты удивительно ловко, Мортимеръ, нашелъ мое слабое мѣсто. Когда мы были съ тобою въ школѣ, то я всегда училъ свои уро-

Digitized by Google

ни въ послѣднюю минуту, передъ приходомъ учителя; теперь мы вмѣстѣ проходимъ до полю жизни, и я учу свои уроки точно такъ же. Въ предстоящемъ дѣлѣ я не иду далѣе того, что я желаю отыскать Лизи, и поставлю на своемъ, все равно какими средствами, честными или безчестными. Ну, теперь я тебя спрашиваю (изъ любопытства), что это значитъ? Когда же я ее найду, то спрошу тебя (также изъ любопытства), что я намѣренъ дѣлать? Теперь же этотъ вопросъ совершенно неумѣстенъ при моемъ характерѣ.

Лайтвудъ покачалъ головой, хотя его другъ говорилъ такъ отровенно и убѣдительно, что, кажется, не могло быть сомнѣнія въ его искренности. Въ эту самую минуту вдругъ за наружною дверью послышался какой-то шорохъ и нерѣшительный толчокъ въ дверь, словно чья-то рука искала колокольчика.

— Мерзкіе мальчишки вѣрно погасили лампу на лѣстницѣ, замѣтилъ Юджинъ: — съ какимъ бы я удовольствіемъ выбросилъ ихъ отсюда изъ окошка за такія любезности. Но дѣлать нечего, я дежурный, пойду открывать дверь.

Лайтвудъ еще не успѣлъ прійти въ себя отъ удивленія при видѣ необычайнаго тона рѣшимости, съ которымъ Юджинъ говорилъ объ отысканіи Лизи, какъ Юджинъ воротился и ввелъ въ комнату неизящную фигуру грязнаго, засаленнаго человѣка, дрожащаго съ ногъ до головы.

— Эта интересная особа, произнесъ торжественнымъ тономъ Юджинъ:—сынъ—иногда очень безпокойный сынъ (такъ-какъ онъ имѣетъ свои слабости) одной моей знакомой. Милый Мортимеръ, представляю тебѣ господина Куклина.

Юджинъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ имени этого человѣка, ибо онъ зналъ, что кукольная швея носила вымышленное прозваніе, и потому окрестилъ его первой попавшейся ему кличкой.

— Я вывожу изъ всего сказаннаго господиномъ Куклиномъ, продолжалъ Юджинъ, пока Лайтвудъ смотрѣлъ съ изумленіемъ на страннаго посѣтителя:—хотя онъ очень смутно выражается, что у него есть нѣчто важное мнѣ сообщить. Я замѣтилъ господину Куклину, что мы съ тобой, Мортимеръ, закадычные друзья, и потому просилъ его объяснить при тебѣ, не стѣсняясь, причину, которой я обязанъ его посѣщеніемъ.

Презрѣнное созданіе стояло на одномъ мѣстѣ и вертѣло въ рукахъ свою измятую шапку, повидимому не зная, что съ нею дѣлать. Юджинъ быстрымъ движеніемъ толкнулъ его такъ сильно, что шапка отлетѣла въ двери, а самъ онъ повалился на стулъ.

— Я полагаю необходимымъ завести господина Куклина, а то

Digitized by Google

отъ него ничего такъ не добьешься. Водки, господинъ Куклинъ, или...

— Рому, произнесъ господинъ Куклинъ.

Юджинъ налилъ чрезвычайно маленькую порцію рома въ рюмку и поднесъ ее господину Куклину, который выпилъ ее маленькими, дрожащими глотками.

— Нервы господина Куклина, замѣтилъ Юджинъ, обращаясь къ Лайтвуду: — такъ разстроены, что я полагаю чрезвычайно полезнымъ, даже необходимымъ обкурить господина Куклина.

Съ этими словами онъ взялъ лопатку отъ камина, захватилъ ею нѣсколько красныхъ угольковъ, и поставивъ на нихъ двѣ курилки, началъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ водить взадъ и впередъ лопаткой передъ глазами господина Куклина, отдѣляя его такимъ образомъ облакомъ дыма отъ остальной комнаты.

— Боже мой, Юджинъ! воскликнулъ Лайтвудъ, хохоча во все горло:—какой ты съумасшедшій! Зачѣмъ этотъ человѣкъ пришелъ къ тебѣ?

— Мы сейчасъ узнаемъ, отвѣчалъ Вребурнъ: — ну, говорите, господинъ Куклинъ, не бойтесь, говорите прямо, зачѣмъ вы пришли?

— Мистеръ Вребурнъ! произнесъ грубымъ, хриплымъ голосомъ странный гость:—это мистера Вребурна я вижу? прибавилъ онъ, безсмысленно вытаращивъ глаза.

— Ну, да, конечно. Посмотрите на меня хорошенько. Что вамъ нужно?

Господинъ Куклинъ откинулся въ изнеможеніи на спинку стула и промолвилъ едва слышнымъ голосомъ: — рому.

— Сдѣлай одолженіе, любезный Мортимеръ, заведи снова господина Куклина, сказалъ Юджинъ:—я занятъ обкуриваніемъ его.

Точно такое же количество рома было налито въ рюмку, и онъ выпилъ ее такъ же медленно, послѣ чего, боясь вѣроятно вскорѣ опять впасть въ изнеможеніе, онъ поспѣшно приступилъ къ дѣлу.

— Мистеръ Вребурнъ, я вамъ дѣлалъ знаки, да вы не хотѣли ничего понять. Вы хотите достать адресъ? Вы хотите знать, гдѣ она живетъ? Не такъ ли, мистеръ Вребурнъ?

— Да, я хочу, отвѣчалъ Юджинъ рѣшительнымъ тономъ, бросая вызывающій взглядъ на Лайтвуда.

— Я тотъ человѣкъ, продолжалъ господинъ Куклинъ, стараясь ударить себя въ грудь, но какъ-то по ошибкѣ попадая въ лобъ:— который это сдѣлаетъ.

— Что вы сдѣлаете? спросилъ Юджинъ.

— Дамъ адресъ.

Digitized by Google

— У васъ онъ?

Силясь придать себѣ самый гордый, полный достоинства видъ, господинъ Куклинъ раза два повелъ головой, и потомъ, когда надежды его слушателей были возбуждены до послѣдней степени, произнесъ съ торжествомъ, какъ-бы достигая зенита того, что могли отъ него ожидать:—нѣтъ.

— Что же вы хотите сказать?

Господинъ Куклинъ, снова впадая въ совершенное изнеможеніе послѣ своего интелектуальнаго торжества, отвѣчалъ:—рому.

— Заведи его снова, Мортимеръ, сказалъ Юджинъ: — заведи его снова.

— Юджинъ, Юджинъ, замѣтилъ вполголоса Лайтвудъ, исполняя его приказаніе:—какъ ты можешь прибѣгать къ такимъ средствамъ.

— Я сказалъ, что найду ее честнымъ или безчестнымъ путемъ, отвѣчалъ Юджинъ съ твердой рѣшимостью, столь мало ему свойственной:—это путъ безчестный, и я воспользуюсь имъ, если только прежде не разломаю лопаткой голову господина Куклина. Вы можете дать мнѣ адресъ, вы это хотите сказать? Если такъ, то за сколько?

— Десять шиллинговъ—рому, произнесъ господинъ Куклинъ.

— Вы получите.

— Пятьнадцать шиллинговъ—рому, поспѣшилъ прибавить господинъ Куклинъ.

— Хорошо, но только не идите далѣе. У васъ есть уже адресъ?

— Я человѣкъ, произнесъ торжественно Куклинъ: — который достанетъ адресъ.

— А какъ вы достанете?

— Со мною худо обходятся, сказалъ господинъ Куклинъ: — меня несчастнаго ругаютъ, преслѣдуютъ съ утра до ночи. Она вѣдь наживаетъ кучи денегъ, а никогда не даетъ мнѣ рому.

— Ну, ну, что дальше? воскликнулъ Юджинъ, слегка ударяя его по головѣ остывшей лопаткой.

Господинъ Куклинъ, который было совсѣмъ поникъ головою, сдѣлалъ неимовѣрное усиліе, чтобъ собраться съ силами, словно онѣ распались у него на мелкіе кусочки, и покачивая головой то въ ту, то въ другую сторону, устремилъ на Юджина взглядъ, который онъ полагалъ очень дерзкимъ и презрительнымъ.

— Она смотритъ на меня какъ на ребёнка, сэръ, сказалъ онъ наконецъ:—а я не ребёнокъ, сэръ. Я человѣкъ. Человѣкъ со смекалкой. Онѣ пишутъ письма другъ къ другу. Чего же легче для человѣка со смекалкой, какъ достать адресъ?

Digitized by Google

— Такъ достаньте его, отвѣчалъ Юджинъ, прибавивъ вполголоса:—достань его, подлая скотина, получи денегъ на шестьдесятъ рюмокъ рома, выкачай ихъ съ разу и околѣй, собака.

Господинъ Куклинъ тутъ сдѣлалъ вдругъ самое неожиданное открытіе: ему, показалось, что Лайтвудъ его оскорбилъ чѣмъ-то и предложилъ ему выйти тотчасъ на кулачный бой. Впрочемъ, этотъ воинственный пылъ прошелъ черезъ секунду: сначала господинъ Куклинъ залился слезами, а потомъ выказалъ явное намѣреніе заснуть. Это послѣднее дѣйствіе—самое опасное, ибо грозило безграничнымъ продолженіемъ его пріятнаго посѣщенія, вынудило Юджина принять рѣшительныя противъ него мѣры. Онъ поднялъ съ полу щипцами нѣчто, служившее ему шапкой, набросилъ ему ее на голову, и схвативъ его зашиворотъ, проводилъ по лѣстницѣ на улицу, держа все время на приличномъ отъ себя разстояніи. Очутившись на тротуарѣ, онъ поставилъ его лицомъ на западъ и поспѣшно возвратился въ комнаты.

— Я умою свои руки въ господинѣ Куклинѣ — физически, произнесъ онъ: — и тотчасъ приду къ тебѣ, Мортимеръ.

— Я бы гораздо лучше желалъ, отвѣчалъ Мортимеръ, погруженный въ серьёзную думу: — чтобъ ты умылъ въ немъ руки нравственно.

— Я бы это сдѣлалъ съ большимъ удовольствіемъ, милѣйшій другъ, но ты видишь самъ, что я не могу безъ него обойтись.

Минуты черезъ двѣ, онъ воротился изъ своей комнаты, и занявъ свое прежнее мѣсто, какъ-бы ни въ чемъ не бывало, поздравилъ торжественно своего друга, что тотъ счастливо избѣгъ мощныхъ кулаковъ ихъ недавняго посѣтителя.

— Этотъ разговоръ меня вовсе не забавляетъ, Юджинъ, отвѣчалъ Мортимеръ съ нетерпѣніемъ: — ты въ состояніи, кажется, заставить меня надъ всѣмъ смѣяться, только не надъ этимъ.

— Хорошо! воскликнулъ Юджинъ: — мнѣ немножко стыдно себя самого, и потому лучше перемѣнимъ разговоръ.

— Это такъ подло, замѣтилъ Мортимеръ: — такъ недостойно тебя подсылать — шпіона.

— Ну! вотъ мы и перемѣнили разговоръ, весело воскликнулъ Юджинъ: — ты затронулъ богатую жилу, упомянувъ о шпіонахъ. Полно тебѣ думать о Куклинѣ, садись на свое мѣсто, я тебѣ разскажу кое-что очень любопытное. Вотъ, смотри на меня: я беру сигару, закуриваю ее, затягиваюсь, и выпускаю изо рта облако дыма — это воспоминаніе о Куклинѣ—вонъ оно разсѣялось, и я снова прежній человѣкъ.

— Ты хотѣлъ говорить, Юджинъ, о шпіонахъ, замѣтилъ Мортимеръ, слѣдуя примѣру своего друга, и закуривая сигару.

Digitized by Google

— Да. Неправда ли, странно, что въ послѣднее время я никогда не могу гулять по вечерамъ, чтобы за мною не слѣдовалъ шпіонъ, а иногда и два?

Лайтвудъ вынулъ сигару изо рта, и посмотрѣлъ съ удивленіемъ на Юджина, словно подозрѣвая, что тотъ издѣвается надъ нимъ.

— Нѣтъ, честное слово нѣтъ, сказалъ съ улыбкой Вребурнъ, отвѣчая на его вопросительный взглядъ: — я не удивляюсь твоему подозрѣнію, но увѣряю тебя, что ты ошибаешься. Я ни мало не хочу тебя дурачить, а дѣйствительно я нахожусь каждый день въ глупомъ положеніи человѣка, за которымъ слѣдуетъ всюду шпіонъ, а иногда и два.

— Ты увѣренъ въ этомъ, Юджинъ?

— Увѣренъ ли? Да, любезный, вѣдь они каждый день все одни и тѣ же.

— Это странно. У тебя нѣтъ никакого процеса. Тебя никто не преслѣдуетъ. Жиды только грозятъ, и еще ничего не предприняли. Къ тому же они знаютъ, гдѣ тебя найдти, да и я вѣдь твой представитель. Имъ бы къ чему было трудиться и бѣгать всюду за тобою?

— Замѣтьте, адвокатскій умъ! воскликнулъ Юджинъ, обращаясь торжественно къ своему стулу:—замѣтьте, какъ онъ всегда витаетъ между тѣми предметами, которыми онъ занимается, или занимался бы, еслибъ ему дали. Почтенный адвокатъ, вы ошибаетесь. Это школьный учитель.

— Школьный учитель?

— Да; а иногда съ нимъ бываетъ и ученикъ. Однако, какъ ты скоро ржавѣешь въ моемъ отсутствіи! Неужели ты не понимаешь? Помнишь, у насъ однажды были съ визитомъ школьный учитель и его ученикъ, ну, такъ вотъ они самые и играютъ теперь роль шпіоновъ за мною.

— А сколько времени это продолжается? спросилъ Лайтвудъ, очень серьёзно.

— Кажется, съ самой той поры, когда извѣстная особа исчезла, потому что, по всей вѣроятности, я не сразу это замѣтилъ.

— Какъ ты думаешь, они полагаютъ, что ты ее спряталъ куда-нибудь?

— Любезный другъ, ты знаешь, какъ страшно я поглощенъ своими занятіями, и потому я не имѣлъ времени подумать объ этомъ.

— Спросилъ ли ты у нихъ, что̀ имъ нужно? сказалъ ли, что тебѣ это не нравится?

— Зачѣмъ мнѣ спрашивать, что̀ имъ нужно, когда меня это вовсе не интересуетъ? Зачѣмъ мнѣ говорить, что это мнѣ непріятно, когда оно, напротивъ, пріятно.

Digitized by Google

— Ты сегодня въ самомъ нелѣпомъ настроеніи. Ты только что назвалъ свое положеніе глупымъ, смѣшнымъ; а это никому не нравится, даже людямъ, которымъ все равно остальное.

— Ты меня очаровываешь, любезный другъ, своимъ удивительнымъ отгадываніемъ моихъ слабостей. Я сознаюсь, что не люблю видѣть себя въ глупомъ, смѣшномъ положеніи, и потому я ставлю въ него самихъ шпіоновъ.

— Я бы желалъ, Юджинъ, чтобы ты говорилъ немного проще и понятнѣе.

— Ну, такъ говоря проще и понятнѣе, я гоняю школьнаго учителя до бѣшенства; я ставлю его въ такое смѣшное, безсмысленное положеніе, что, когда мы, наконецъ, встрѣчаемся лицомъ къ лицу, я имѣю счастье видѣть, какъ его отчаянный гнѣвъ вмѣстѣ съ физическимъ потомъ струится изъ каждой поры его несчастнаго, доведеннаго до изнеможенія тѣла. Это пріятное препровожденіе времени было единственнымъ утѣшеніемъ моей жизни съ тѣхъ поръ, что меня провели, о чемъ я считаю излишнимъ упоминать. Я нахожу въ этомъ препровожденіи времени удивительную утѣху. Вотъ, какъ я поступаю: я выхожу изъ дому, какъ только смеркнется, и пройдя недалеко, начинаю посматривать на какое-нибудь окошко, а самъ между тѣмъ, тайкомъ высматриваю: гдѣ прячется школьный учитель. Рано или поздно, тутъ или тамъ, но я его всегда нахожу насторожѣ, иногда въ обществѣ своего ученика, но чаще одного. Убѣдившись въ его присутствіи, я отправляюсь далѣе; онъ, конечно, слѣдуетъ за мною, и такимъ образомъ, я его таскаю по всему Лондону. Одну ночь я иду на востокъ, другую — на сѣверъ, и такъ прохожу помаленьку по всѣмъ направленіямъ компаса. Иногда я гуляю пѣшкомъ, иногда ѣзжу въ кэбахъ, заставляя и учителя разоряться, ибо онъ всегда слѣдуетъ за мною также въ кэбѣ. Впродолженіе цѣлаго дня, я хожу по городу, и отыскиваю глухіе переулки, потомъ ночью заманиваю туда учителя, и вдругъ обернувшись прежде чѣмъ онъ успѣетъ ретироваться, я прямо набѣгаю на него, и какъ будто ни въ чемъ не бывало, прохожу мимо него, какъ будто совершенно незнакомаго человѣка, а онъ въ эти минуты переноситъ всѣ муки ада. Точно такъ же я иногда быстро заворачиваю уголъ какой-нибудь улицы, и исчезнувъ изъ его глазъ, поворачиваю назадъ, и когда онъ появляется въ свою очередь на углу, запыхавшись отъ усталости, я преспокойно прохожу мимо него, будто ничего не замѣчая, и снова онъ терпитъ всѣ муки ада. Ночь за ночью, онъ испытываетъ горькое разочарованіе, но свѣтлая надежда никогда не покидаетъ учительскаго сердца и на другой день онъ снова съ тѣмъ же азартомъ меня

Digitized by Google

преслѣдуетъ. Такимъ образомъ я нахожу удовольствіе въ этой травлѣ и извлекаю явную пользу для своего здоровья. Когда я не предаюсь этому веселому и полезному упражненію, то учитель дежуритъ всю ночь у воротъ Темпля.

— Это—удивительная исторія, замѣтилъ Лайтвудъ, прослушавъ разсказъ Юджина съ очень серьёзнымъ вниманіемъ: — но она мнѣ не нравится.

— Ты ведешь слишкомъ сидячую жизнь, Мортимеръ, отвѣчалъ Юджинъ: — пойдемъ-ка, я тебя познакомлю со всѣми удовольствіями травли.

— Развѣ ты полагаешь, что онъ теперь уже караулитъ?

— Я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія.

— Ты его видѣлъ, возвращаясь домой?

— Нѣтъ, я забылъ посмотрѣть, преспокойно отвѣчалъ Юджинъ: — но онъ, навѣрно, на своемъ мѣстѣ. Пойдемъ! Будь истимъ англичаниномъ и пойдемъ на травлю. Это тебѣ принесетъ пользу.

Лайтвудъ нѣсколько минутъ колебался, но потомъ, сгарая любопытствомъ, молча всталъ съ мѣста.

— Браво! воскликнулъ Юджинъ, также вскакивая: — только смотри, надѣнь покрѣпче сапоги — имъ будетъ работки. Одѣвайся скорѣе, я готовъ и «трубите въ рога, собакъ впередъ—въ походъ!»

— Неужели тебя ничто не сдѣлаетъ серьёзнымъ? замѣтилъ Мортимеръ, невольно расхохотавшись, несмотря на свою задумчивость.

— Я всегда серьёзенъ, но теперь я нѣсколько взволнованъ тѣмъ великолѣпнымъ фактомъ, что южный вѣтеръ и чистое небо предсказываютъ отличную ночь для охоты и травли. Ну, ты готовъ, гасимъ свѣчи, запираемъ дверь—и въ поле.

Выходя изъ темпльскихъ воротъ, Юджинъ спросилъ съ очень любезнымъ, но слегка покровительственнымъ видомъ: «въ которую сторону Мортимеръ желаетъ направить травлю? — Около Бетна-Гринъ—страна очень трудная, прибавилъ онъ:—и мы уже давно тамъ не бывали. Какъ ты думаешь насчетъ Бетна-Гринъ?»

Мортимеръ изъявилъ свое полное согласіе, и наши друзья повернули на востокъ.

— Когда мы придемъ къ кладбищу св. Павла, продолжалъ Юджинъ:—то немного остановимся, и я тебѣ покажу учителя.

Но, однако, они оба увидѣли его гораздо прежде; онъ крался въ тѣни домовъ по противоположной сторонѣ улицы, медленно слѣдуя за ними.

— Ну, собирайся съ силами, Мортимеръ, промолвилъ Юд-

Digitized by Google

жинъ:—я сейчасъ пускаюсь въ путь. Однако, какъ ты думаешь, не понизится ли умственный уровень учениковъ въ веселой Англіи, если подобныя травли долго продолжатся? Вѣдь учитель не можетъ заразъ заниматься и мною и учениками. Что жь, собрался съ силами? Я отправляюсь!

Лайтвудъ съ удивленіемъ смотрѣлъ, какъ сперва шибко шелъ Юджинъ, чтобы выбить изъ силъ учителя, какъ онъ потомъ едва переставлялъ ноги, чтобы измучить учителя томительной тоской, какъ онъ избиралъ самыя странныя, нелѣпыя мѣста съ одной только цѣлью привести его въ бѣшенство, какъ, однимъ словомъ, онъ терзалъ его всѣми штуками, которыя только могъ изобрѣсть его эксцентричный умъ. Что всего болѣе изумляло Лайтвуда—это, какъ такой легкомысленный и лѣнивый человѣкъ, какъ Юджинъ—могъ вдругъ стать такимъ обдуманнымъ и энергическимъ хитрецомъ. Наконецъ, уже въ исходѣ третьяго часа травли и приведя назадъ свою жертву въ Сити, Юджинъ пробѣжалъ съ Мортимеромъ какой-то глухой переулокъ, прошмыгнулъ чрезъ проходной дворъ и на крутомъ поворотѣ почти прямо набѣжалъ на Брадлея Гедстона.

— И вотъ видишь, Мортимеръ, произнесъ Юджинъ преспокойно, словно никого не было на улицѣ: — онъ, какъ я говорилъ, переноситъ всѣ муки ада.

Эти слова не были слишкомъ сильны для изображенія того, что чувствовалъ несчастный учитель. Походя скорѣе на преслѣдуемаго, чѣмъ на преслѣдователя, уставшій, изнуренный, снѣдаемый разочарованіемъ, ненавистью и злобой, съ блѣдными, дикоблестящими глазами и взъерошенными волосами, Брадлей Гедстонъ прошелъ мимо нашихъ друзей, стараясь скрыться въ тѣни домовъ и сознавая вполнѣ всю горечь своего положенія.

Лайтвудъ былъ не очень впечатлительный человѣкъ; однако, страшное лицо учителя произвело на него такое сильное вліяніе, что онъ говорилъ о немъ нѣсколько разъ по дорогѣ и дома.

Въ эту ночь, часа три послѣ того, что они разошлись по своимъ комнатамъ, Юджинъ вдругъ проснулся, услыхавъ чьи-то шаги, и открывъ глаза, увидѣлъ передъ собою Лайтвуда.

— Что случилось, Мортимеръ?

— Ничего.

— Что же это тебѣ за фантазія ходить по ночамъ?

— Я не могу спать.

— А это почему, я бы желалъ знать?

— Юджинъ, я никакъ не могу забыть лица того человѣка.

— Глупости, отвѣчалъ со смѣхомъ Юджинъ: — я могу.

И повернувшись на другой бокъ, онъ снова заснулъ.

Digitized by Google

ПЕРЕДЪ ГРОЗОЙ.

РОМАНЪ ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ И НРАВОВЪ.

XIII.

Сезонъ въ Нью-Портѣ, по словамъ мисъ Церлины Ван-Донкъ, былъ *страшно веселый*. Всѣ были тамъ, то-есть почти всѣ, начиная отъ законодателей, адвокатовъ и купцовъ до мясниковъ и булочниковъ. Вы встрѣчали на каждомъ шагу нью-йоркскихъ торговцевъ всѣхъ родовъ и степеней, бостонскихъ банкировъ съ хитрыми, скрытными лицами, южанъ въ очень нарядныхъ одеждахъ и въ брильянтовыхъ запонкахъ, фермеровъ изъ западныхъ штатовъ, съ грубыми, мозолившими глаза манерами, сотни брюнетокъ изъ Луизіаны, и блондинокъ изъ Масачусета, краснощокихъ, дородныхъ, деревенскихъ красавицъ, и блѣдныхъ, худощавыхъ городскихъ барышень. Кромѣ этой общей массы обитателей трактировъ и громадныхъ отелей, было много и иныхъ посѣтителей въ Нью-Портѣ. На берегу моря, въ хорошенькихъ виллахъ и дачныхъ домикахъ, жило много семействъ богатыхъ землевладѣльцевъ Сѣвера, наслѣдниковъ великихъ именъ революціонной эпохи, и лучшихъ современныхъ адвокатовъ, нажившихъ большое состояніе и пользующихся славой самыхъ образованныхъ людей и мыслителей Америки. Тутъ же можно было найдти и порядочное количество зажиточныхъ южныхъ плантаторовъ, которые очень рѣзко отличались отъ только-что упомянутыхъ знатныхъ сѣверянъ, тѣмъ, что они обыкновенно занимаютъ важныя государственныя должности, тогда какъ первые старательно избѣгаютъ всякаго участія въ политической жизни.

Конечно, между прочими знатными семействами, находятся и наши пріятели Ван-Донки. Великолѣпіемъ своего дома, нарядовъ и экипажей, они обращаютъ на себя всеобщее вниманіе, которое еще усиливается тѣмъ, что Госсамеръ немилосердо соритъ деньгами, дѣвицы Церлина и Віолетта поражаютъ всѣхъ своей красо-

Digitized by Google

той и кокетствомъ, а самъ генералъ пользуется большимъ политическимъ вліяніемъ, благодаря своимъ безчисленнымъ каменнымъ домамъ. Мы должны тутъ замѣтить въ скобкахъ, что почтенный генералъ дѣлаетъ въ послѣднее время неимовѣрныя усилія, чтобъ къ предстоящимъ выборамъ выдти изъ своего постояннаго хроническаго состоянія пьянства. Тутъ же, почти рядомъ съ Ван-Донками, поселился Бобине, знаменитый нью-йоркскій перчаточникъ, выстроившій великолѣпный мраморный магазинъ, славу всего города, а немного подалѣе, великій Спиннеръ, издатель *Газеты для горничныхъ*, Слаймеръ, совершенно счастливый торжественной статьей о немъ въ *Глашатаѣ*, въ которой воспѣвались его, будто бы славные, дипломатическіе подвиги и, наконецъ, Спригъ, старающійся, во что бы то ни стало, выдать себя за европейца, и найти постоянно что нибудь интересное для своихъ ежедневныхъ кореспонденцій.

Чтобы покончить съ знатнымъ обществомъ Нью-Порта, упомянемъ еще о семействѣ мистера Джефферсона Бунта, эсквайра, который, лѣтъ двадцать тому назадъ, въ одномъ изъ отдаленныхъ западныхъ штатовъ, нажилъ себѣ огромное состояніе, торгуя свиньями, и потомъ, какъ метеоръ, появился на небосклонѣ великосвѣтскаго нью-йоркскаго общества, гдѣ занялъ самое видное мѣсто, особливо послѣ своей поѣздки въ Парижъ и замужества своей дочери съ настоящимъ, хотя и разорившимся французскимъ барономъ. Ни у кого не было такихъ блестящихъ, великолѣпныхъ ливрей, какъ у мистера Джефферсона Бунта, что̀ приводило въ неописанный ужасъ генеральшу Ван-Донкъ, которая сгорала отъ зависти при видѣ этого великолѣпія. Намъ бы слѣдовало еще сказать нѣсколько словъ о мистерѣ Даріусѣ Грабалѣ, эсквайрѣ, знаменитомъ поставщикѣ, нажившемъ отъ казенныхъ подрядовъ, хотя и открыто безчестнымъ образомъ, нѣсколько мильйоновъ, и снискавшимъ за это уваженіе всѣхъ своихъ согражданъ, видѣвшихъ въ немъ *геніальнаго практическаго человѣка* — но мы уже познакомили читателей съ достаточнымъ количествомъ образцовъ, чтобъ дать имъ общее понятіе о нью-портскомъ обществѣ.

Всѣ эти разнородныя лица гуляли, катались въ экипажахъ, купались, ѣздили на лодкахъ, удили рыбу, любезничали, болтали и вообще весело проводили время посреди живописной мѣстности, главнаго морскаго купанія въ Америкѣ. Потому неудивительно, что уже прошла недѣля послѣ пріѣзда въ Нью-Портъ Роберта Эліота и Кутберта Бойнтона, а молодые люди еще и не собирались ѣхать далѣе. Новизна всего, что̀ они видѣли, и любезное гостепріимство Ван-Донковъ, побуждали ихъ остаться долѣе, чѣмъ они намѣревались. Особенно забавлялъ молодого англичанина

Digitized by Google

любопытный контрастъ между морскими купаньями Англіи, куда ѣздили для наслажденія уединенной жизнью, и густо-населенными приморскими городами Америки, гдѣ, напротивъ, всѣ искали какъ можно болѣе развлеченія. Онъ также не могъ не обратить большого вниманія на интересное разнообразіе въ разговорахъ, манерахъ и одеждахъ всего общества, что было очень естественно, когда тутъ были собраны жители, хотя одной и той же страны, но различныхъ провинцій, отстоявшихъ другъ отъ друга на сотни и даже на тысячи миль. Видя въ обществѣ громадное количество южанъ, Эліотъ замѣтилъ своему товарищу, что, вѣроятно, это постоянное, ежегодное столкновеніе жителей различныхъ провинцій чрезвычайно полезно для укрѣпленія дружескихъ узъ между всѣми штатами союза. Къ его неописанному удивленію, Кутбертъ Бойнтонъ съ нимъ не соглашался.

— Что касается Юга, говорилъ онъ: — то въ прежнее время, быть можетъ, эти сношенія и приносили пользу, но не со времени усиленія на Сѣверѣ аболиціонизма. Наши лучшіе люди, которые прежде только добродушно насмѣхались надъ странностями янки, теперь смотрятъ на нихъ съ отвращеніемъ. Мы научились постепеннымъ и горькимъ опытомъ соединять мысль о грубости въ рѣчи и манерахъ сѣверянъ съ безчестнымъ ихъ намѣреніемъ ограбить и лишить насъ нашихъ законныхъ правъ.

— Но, конечно, отвѣчалъ Эліотъ: — аболиціонисты не всѣ же грубые, безчестные люди.

— Вѣроятно, нѣтъ. Но мы ихъ всѣхъ находимъ узкими и односторонними фанатиками. Они во всякомъ случаѣ не обращаютъ никакого вниманія на все то, что дѣлаетъ пріятнымъ и полезнымъ общественное сношеніе между людьми, и съ неимовѣрною грубостью ругаются надъ всѣми и всѣмъ, что несогласно съ ихъ мнѣніями; поэтому образованные южане считаютъ ихъ дикими, нелогичными людьми.

— Какъ, нелогичными? вы не станете, конечно, утверждать, что человѣкъ, признающій рабство зломъ, долженъ быть непремѣнно нелогичнымъ?

— Нѣтъ. Но самый способъ признанія можетъ быть нелогичнымъ; это именно и случается съ аболиціонистами, которые обвиняютъ современныхъ рабовладѣльцевъ въ томъ, въ чемъ они невиноваты, и преслѣдуютъ ихъ, словно они сами ввели эту систему. Они, напримѣръ, нападаютъ на меня за то, что на моей родинѣ существуетъ учрежденіе, которое началось гораздо раньше моего рожденія на свѣтъ, и котораго я лично не могу ни измѣнить, ни уничтожить. Подобное поведеніе совершенно неразумно и недостойно порядочныхъ людей, и за это-то, вмѣстѣ съ очень есте-

Digitized by Google

ственнымъ нежеланіемъ потерять свое богатство, южане постоянно вооружаются все болѣе и болѣе противъ фанатиковъ Сѣвера.

— Но все же, смотря на дѣло безпристрастно, надо согласиться, что нѣтъ другого способа дѣйствія, какъ общественная агитація партіи, которая справедливо или нѣтъ полагаетъ, что въ ея отечествѣ существуетъ вопіющее зло, и которая не имѣетъ никакого участія въ правительствѣ. Ваша партія, какъ меня увѣряли, держитъ всю власть въ своихъ рукахъ съ давнихъ временъ, и конечно, вы пользовались этой властью гораздо раньше, чѣмъ возникло аболиціонистское движеніе.

— Ну, наконецъ-то вы дошли до самой сущности нашей распри. Въ томъ-то и дѣло, что еслибы аболиціонисты завтра захватили власть въ свои руки, то не имѣли бы никакого права вмѣшиваться ни во что, касающееся рабства. Это воспрещено конституціей, которая предоставила этотъ вопросъ единственно рѣшенію самихъ отдѣльныхъ штатовъ. Поэтому-то Югъ и утверждаетъ, что неразумно и недостойно производить агитацію по такому вопросу, который сами агитаторы, достигнувъ власти, не будутъ въ состояніи законнымъ образомъ разрѣшить. Однако, Югъ очень хорошо понимаетъ, что въ случаѣ такого возвышенія аболиціонистовъ, они будутъ обязаны дѣйствовать, если не захотятъ отказаться отъ своихъ мнѣній и прошедшей дѣятельности, чего отъ нихъ ожидать нельзя.

— Ну, а тогда...

— Тогда, повидимому, остается намъ одно средство спасенія — отдѣленіе или, лучше сказать, расторженіе федеральнаго товарищества и учрежденіе отдѣльнаго, независимаго государства. Крайнія партіи, съ той и другой стороны, именно и стремятся къ подобному результату, надѣясь при этомъ достигнуть болѣе власти и славы; но умѣренные, и тутъ и тамъ, желаютъ мирнаго рѣшенія распри для поддержанія постояннаго, вѣчнаго союза.

— Но какъ можетъ произойти подобное мирное соглашеніе, когда вы, конечно, поставите главнымъ его условіемъ прекращеніе всякихъ толковъ объ уничтоженіи рабства, чего Сѣверъ, еслибъ даже и захотѣлъ, совершенно не въ состояніи исполнить.

— Нѣтъ, этого соглашенія можно очень легко добиться, если обѣ стороны взглянутъ на дѣло съ болѣе широкой и либеральной точки зрѣнія. Сѣверъ долженъ признать всю недобросовѣстность односторонней политики, которая стремится доставить однимъ—всю славу и честь совершителей великаго дѣла соціальной революціи, а другимъ — всю невыгоду ея, заставивъ ихъ нести всѣ убытки, и еще незаслуженное безчестье. Первые рѣшительно ничего не потеряютъ, а вторые, практически говоря — все, и это

Digitized by Google

только потому, что они, благодаря слѣпому случаю, родились въ той, а не въ другой провинціи. Если рабство должно быть уничтожено, то я полагаю, вся страна, а не часть ея только, должна нести убытки. Когда Сѣверъ выкажетъ готовность принести и съ своей стороны необходимыя жертвы, только тогда всѣ благоразумные люди повѣрятъ искренности его аболиціонистскихъ проповѣдей. Съ другой стороны, Югъ долженъ бросить безумную, отсталую мысль создать государство на принципахъ рабства, и помириться съ неизбѣжной силой вещей. Если обѣ стороны могли бы измѣнить подобнымъ образомъ свои мнѣнія и чувства, то, я полагаю, было бы возможно примѣненіе системы постепеннаго улучшенія быта негровъ и ихъ освобожденія, основанное на вознагражденіи рабовладѣльцевъ изъ доходовъ всего государства.

— А согласился ли бы Югъ на подобную сдѣлку?

— Да, всѣ умѣренные согласились бы, а они составляютъ громадное большинство. Но чѣмъ долѣе будетъ продолжаться агитація въ пользу беззаконнаго и насильственнаго освобожденія негровъ, тѣмъ труднѣе будетъ привести въ исполненіе законную, постепенную систему, которую я предлагаю. Вотъ почему я такъ возстаю противъ этой агитаціи. Къ тому же черезъ какіе бы фазисы ни прошла наша борьба, что бы ни случилось—отдѣленіе Юга, гражданская война, возстаніе негровъ—все же придется въ концѣ концовъ прибѣгнуть къ этой законной, постепенной, вознаградительной системѣ.

Эліотъ замѣтилъ на это, что вѣроятно подобное разрѣшеніе вопроса не очень бы понравилось сѣвернымъ союзникамъ Юга — Максвинделямъ и ему подобнымъ чужестраннымъ эмигрантамъ.

— Конечно, отвѣчалъ смѣясь Бойнтонъ:—но мы были принуждены брать тѣхъ союзниковъ, которыхъ могли, и бороться тѣмъ оружіемъ, которое было у насъ подъ руками. Наши друзья эмигранты никогда не въ состояніи понять абстрактную справедливость нашихъ требованій, и потому мы ихъ увѣряли только, что наплывъ негровъ на Сѣверъ понизилъ бы получаемую ими заработную плату.

— А вы полагаете, что подобное опасеніе неосновательно?

— Оно совершенно нелѣпо. Негръ никогда не уживется на Сѣверѣ и не въ состояніи сонерничать съ бѣлыми работниками, ни въ одномъ изъ теперешнихъ свободныхъ штатовъ; онъ любитъ Югъ, его природу и климатъ, и освободить его отъ рабства было бы привязать его навѣки къ теперешней его родинѣ. Мы видимъ ежедневно, что изъ освобожденныхъ до сихъ поръ негровъ, большинство остается на Югѣ, и только меньшинство уходитъ на Сѣверъ. Вообще опасеніе, чтобъ понизилась заработная плата, со-

Digitized by Google

вершенно неосновательно, тѣмъ болѣе, что громадныя, незаселенныя пространства на западѣ, естественно должны на неопредѣленное время поддерживать цѣну на трудъ, какой бы онъ ни былъ, бѣлый или черный, свой или иностранный. По моему мнѣнію, напротивъ, въ случаѣ освобожденія негровъ, скорѣе надо ожидать исхода ирландцевъ на Югъ, чѣмъ негровъ на Сѣверъ.

— Но зачѣмъ же вы вселяете въ нихъ это опасеніе, зачѣмъ вы ихъ обманываете, когда рано или поздно должно придти разочарованіе, чрезвычайно гибельное для нихъ и для васъ?

— Насъ заставляетъ такъ поступать необходимость. Мы становимся, относительно говоря, все слабѣе и слабѣе Сѣвера, и потому принуждены прибѣгать къ хитрости. У насъ, по крайней-мѣрѣ, есть извиненіе, что мы боремся за свое существованіе, а это— причина, кажется, довольно уважительная. Наши союзники иностранцы помогали намъ изъ одного низкаго страха, чтобъ ихъ собственный интересъ не пострадалъ когда-нибудь. Кромѣ этого они питаютъ какую-то ненависть къ неграмъ, которыхъ они всегда жаждутъ видѣть угнетенными, изъ какого-то необъяснимаго желанія, чтобы всѣ испытали тѣ притѣсненія, которыя они вынесли на своей родинѣ. Еслибъ ирландцы дѣйствительно вѣрили нашимъ словамъ, что негры гораздо счастливѣе невольниками, чѣмъ свободными, то они скоро бы превратились въ аболиціонистовъ. Что же касается до гибельныхъ послѣдствій нашихъ политическихъ интригъ и обмановъ, то я полагаю, что мы должны претерпѣть судьбу, обычную всѣмъ государствамъ. Пока вопросы, возникающіе изъ этой политики, могутъ быть улажены мирнымъ образомъ, то зло, происходящее отъ нея, сравнительно говоря, ничтожно; когда же современемъ вопросы эти достигнутъ такой важности, что будутъ грозить славѣ и величію страны, то, по моему мнѣнію, настанетъ время для перемѣны, и американцы тогда станутъ управлять своей страной сами для себя.

Дня черезъ два послѣ этого разговора, Кутбертъ Бойнтонъ и Робертъ Эліотъ разстались съ Нью-Портомъ и поѣхали вверхъ по Гудсону, чтобъ посѣтить мистера Вернона, который приглашалъ ихъ къ себѣ въ Уплендсъ на нѣсколько времени.

Вернонъ встрѣтилъ ихъ очень радушно, особливо же его обрадовалъ пріѣздъ Эліота, такъ-какъ онъ полагалъ, что молодому англичанину было необходимо познакомиться со всѣми проявленіями общественной жизни въ Америкѣ, а онъ могъ ему много въ этомъ помочь. Онъ надѣялся, что такимъ образомъ, Эліотъ возвратится въ Англію не съ тѣми площадными предубѣжденіями противъ всего американскаго, которыми отличаются англійскіе туристы, останавливающіе всегда свое вниманіе на всемъ мелкомъ

Digitized by Google

и низкомъ, и проходящіе молчаніемъ все великое и благородное. Впрочемъ, Эліотъ и безъ того, повидимому, не принадлежалъ къ подобнаго рода людямъ; онъ былъ довольно образованъ и либералепъ, чтобъ видѣть все, что̀ есть хорошаго въ Америкѣ, и не приписывать ея дурныхъ сторонъ республиканскимъ учрежденіямъ, тогда какъ онѣ происходятъ въ сущности отъ самыхъ разнородныхъ, сложныхъ причинъ, болѣе же всего отъ громаднаго пространства страны и нигдѣ невиданнаго смѣшенія безчисленныхъ расъ и національностей. Онъ намѣревался судить обо всемъ, что̀ видѣлъ, откровенно и справедливо, и потому естественно можно было ожидать, что результаты его изслѣдованій американскихъ нравовъ и обычаевъ будутъ совершенно иные, чѣмъ большая часть трудовъ европейцевъ, описывавшихъ нашу страну и наши учрежденія.

Уже и теперь онъ, не колеблясь, честно отвѣчалъ на всѣ вопросы Вернона. Такъ, напримѣръ, онъ увѣрялъ, что по всему, замѣченному имъ до сихъ поръ, онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что наши высшіе классы ниже соотвѣтственныхъ классовъ въ Европѣ по образованію и утонченности обращенія, но что массы народа гораздо болѣе образованы и развиты у насъ. Потомъ онъ имѣлъ довольно благородства, чтобъ признать несомнѣнную истину, что развращеніе нравовъ въ нашихъ большихъ, прибрежныхъ городахъ происходитъ не столько отъ туземнаго населенія, какъ отъ наплыва иностранцевъ, изъ которыхъ самые худшіе—великобританскіе выходцы. Наконецъ, хотя онъ былъ слишкомъ хорошо воспитанъ для того, чтобъ издѣваться надъ людьми, которыхъ гостепріимствомъ онъ пользовался, и смѣяться открыто надъ Ван-Донками, но изъ его словъ было ясно, что классъ общества, къ которому они принадлежали, поразилъ его своимъ невѣжествомъ и нелѣпыми претензіями. Что касается до его другихъ замѣчаній, то конечно онъ не могъ признать, что отель въ пятой улицѣ была громаднѣе вестминстерскаго аббатства, или что американская милиція затмила бы за поясъ англійскую гвардію, но онъ отдавалъ должную справедливость достоинствамъ тѣхъ и другихъ, и вообще всѣ его сужденія отличались самой замѣчательною безпристрастностью.

Въ тотъ самый день, когда въ Уплендсъ пріѣхали новые гости, пришло по почтѣ на имя Грэсъ письмо, которое она прочла съ громкимъ хохотомъ. Письмо это было слѣдующаго содержанія:

«Нью-Портъ. 25 октября 185

«Многоуважаемая мисъ, я надѣюсь, что вы не сочтете за дерзость, что я беру перо и пишу вамъ. Мои чувства впродолженіе тѣхъ счастливыхъ часовъ, которые я провелъ въ вашемъ очаровательномъ обществѣ на палубѣ *Ассиріи* (такъ скоро, увы, окончив-

Digitized by Google

шіеся), не могли быть вамъ безъизвѣстными, и я надѣюсь, что вашъ покорный слуга не былъ слишкомъ дерзокъ, предполагая, что вы хоть въ малой степени отвѣчали тѣмъ же на эти чувства. Мой другъ и совѣтчикъ Элайасъ Стагерсъ (вы помните, конечно, Элайаса Стагерса, хорошо образованнаго джентльмена, занимающагося маклерскими дѣлами) увѣряетъ меня, что это лучшій способъ познакомить васъ съ теперешнимъ состояніемъ моихъ чувствъ. Вы, конечно, могли слышать, что я былъ помолвленъ (согласно желанію моей матери) съ мисъ Джоанной, единственной дочерью нашего извѣстнаго согражданина Гейденсовера, но я имѣю счастье васъ увѣдомить, что благодаря безкорыстнымъ стараніямъ Элайаса Стагерса, эта ненавистная свадьба никогда не совершится. Я поэтому свободенъ, любезная мисъ, предложить свою руку той, которая давно уже обладаетъ моимъ сердцемъ. Все мое семейство одобряетъ этотъ счастливый для меня шагъ. Поведеніе Элайаса Стагерса въ роли посредника, снискало всеобщее сочувствіе. Сначала-было, генералъ Ван-Донкъ (который надѣется быть представителемъ нашего округа въ сенатѣ) задумалъ сопротивляться, но теперь онъ вполнѣ согласенъ. Мнѣ нечего говорить вамъ о моемъ происхожденіи и состояніи—и то и другое вамъ извѣстно. Папенька полагаетъ, что мнѣ необходимо имѣть какое нибудь мѣсто, прежде чѣмъ вступить въ счастливый бракъ, и такъ-какъ въ фирмѣ Брайна, Кутса и К° (по части торговли свиньями) одинъ изъ товарищей недавно вышелъ, то папенька желаетъ купить для меня пай въ ихъ дѣлѣ. Я уже вступилъ въ переговоры объ этомъ съ мистеромъ Кутсомъ, и все уже устроено; но если вы почему нибудь на это несогласны, то, конечно, можно бросить это дѣло. Мы будемъ имѣть большой каменный домъ на клинтонскомъ сквэрѣ, меблированный по послѣдней модѣ. У меня лучшая пара лошадей во всей Америкѣ, ихъ зовутъ *Аметистъ* и *Филигри*; за ними не угонятся лучшіе кони самаго Спинера. Получивъ отъ васъ отвѣтъ, я тотчасъ отправлюсь къ мистеру Эмануилу Изаку, эсквайру (арендатору здѣшней оперы), и абонируюсь на такую же большую и блестящую ложу, какъ у Де-Бугинсовъ. Надѣюсь получить удовлетворительный отвѣтъ, который успокоитъ и преисполнитъ радостью мое тревожно-бьющееся сердце, я остаюсь

«Васъ уважающій Госсамеръ Ван-Донкъ».

Намъ нечего распространяться о содержаніи отвѣта, посланнаго съ слѣдующей почтой; довольно сказать, что онъ нисколько не грозилъ нарушить надежды Стивена Дангерфильда, который въ послѣднія двѣ недѣли продолжалъ попрежнему упиваться блаженствомъ любви. Онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе

Digitized by Google

убѣждался въ радостномъ для него фактѣ, что и Грэсъ питала къ нему самыя теплыя чувства, но никакъ не могъ рѣшиться привести дѣло къ развязкѣ, боясь тѣхъ роковыхъ признаній, которыя онъ обязанъ былъ, какъ честный человѣкъ, уже давно сдѣлать Оливеру Верному. Теперь же пріѣздъ въ Уплендсъ Бойнтона и Эліота еще отдалилъ на неопредѣленное время рѣшеніе его судьбы.

XIV.

Тихій октябрскій вечеръ. Въ просторной гостиной Уплендса, сидятъ за шахматнымъ столикомъ Стивенъ Дангерфильдъ и Грэсъ Верноиъ, и повидимому серьёзно заняты игрою; но при болѣе пристальномъ взглядѣ на нихъ ясно, что Стивенъ занятъ не столько своими ходами, какъ миловиднымъ личикомъ своего партнёра, а Грэсъ, прелестнѣе чѣмъ когда, тщетно старается играть роль, что она ничего не замѣчаетъ: неожиданный румянецъ поминутно ее выдаетъ. Тутъ же, въ углубленіи комнаты, за фортепьяно Элинора Грэзбрукъ поетъ своимъ мелодичнымъ *mezzo-soprano* отрывокъ изъ любимой оперы. Кутбертъ Бойнтонъ стоитъ рядомъ съ нею, перевертывая листы партитуры, и не замѣчаетъ, что висящее противъ него зеркало отражаетъ страстные взгляды, бросаемые имъ на молодую дѣвушку, что̀ очень забавляетъ Роберта Эліота, разговаривающаго въ другомъ концѣ комнаты съ Верноиомъ.

Странно сказать, какъ легко сближаются между собою люди, совершившіе вмѣстѣ морское путешествіе. Общая жизнь на кораблѣ какъ-бы устраняетъ преграды общественнаго приличія, и люди дѣлаются болѣе откровенными, общительными. Притомъ нельзя не замѣтить и того, что любовь прилипчива. Мы видимъ нѣчто особенно привлекательное въ занятіи, которому наши сосѣди предаются съ такимъ жаромъ, а отъ подобной мысли до фактическаго имъ подражанія всего одинъ шагъ. Молодой южанинъ, вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Уплендсъ, совершилъ этотъ шагъ.

Его глаза и воображеніе были очарованы прекрасно сложенной фигурою и классическимъ профилемъ Элиноры, съ перваго же раза какъ онъ увидѣлъ ее на *Ассиріи*. Впослѣдствіи же, при дальнѣйшемъ знакомствѣ, молодая дѣвушка побѣдила и сердце его и умъ. Но сама она этого и не подозрѣвала, такъ-какъ, по своему характеру и вслѣдствіе обстановки, въ которой она провела свою первую молодость, Элинора была, какъ мы уже говорили, очень скрытна и сдержана въ своихъ чувствахъ; такъ всегда, испытавшіе горе, по инстинктивному чувству боязни, скрываютъ свои чувства въ глубинѣ души, тогда какъ тѣ, которые не видали еще горя, выставляютъ ихъ напоказъ.

Digitized by Google

— Помилуйте, весело смѣясь, произнесла Грэсъ:—помилуйте, мистеръ Дангерфильдъ, вотъ уже третій разъ достается шахъ вашему королю. Вы непремѣнно должны передвинуть его на другое мѣсто!

Стифенъ промычалъ что-то въ отвѣтъ, но дѣйствительная причина его разсѣянности заключалась въ томъ, что ему невозможно было въ одно и то же время слѣдить за игрою и за Грэсъ.

— Чудно! Превосходно! прошепталъ Кутбертъ, впиваясь глазами въ прекрасное лицо пѣвицы, только-что окончившей арію. И чтобы скрыть нѣкоторое смущеніе, онъ продолжалъ поспѣшно:— я, право, не знаю, почему такъ бранятъ Верди; положимъ, что его музыка чисто бьетъ на одинъ эфектъ и на сильное ощущеніе, но что же въ этомъ дурного? Вѣдь музыка не что иное, какъ сила, дѣйствующая на наши ощущенія, посредствомъ нашихъ органовъ чувства.

— Я считаю музыку болѣе благороднымъ и высокимъ искусствомъ, отвѣчала Элинора: — ваше опредѣленіе могло бы быть довольно справедливымъ, еслибъ мы считали себя бездушными существами. Высшая и благородная музыка, я полагаю, должна быть та, которой мы теперь только видимъ проблески, и которою только въ будущемъ въ состояніи наслаждаться. Музыка, говорящая только нашимъ страстямъ, не можетъ имѣть ничего общаго съ нашею душею.

— Оперы Верди—музыкальныя мелодрамы, сказала Вернонъ: — впрочемъ, въ общепринятомъ, а не въ строгомъ смыслѣ этого слова. Итальянцы всегда дѣйствуютъ въ своихъ произведеніяхъ на страсти, тогда какъ германцы обращаются къ чувству. Въ Бетговенѣ, напримѣръ, вы чувствуете такую необъяснимую торжественность, такое стремленіе къ таинствамъ безсмертной будущности, котораго невозможно найти у Верди.

— Онъ, во всякомъ случаѣ, въ настоящее время, самый модный композиторъ, какъ у васъ, такъ и въ Европѣ, замѣтилъ Эліотъ: — его мелодіи особенно плѣняютъ массы. Я не думаю, чтобы какой-нибудь композиторъ достигалъ такой популярности во всѣхъ классахъ въ Англіи, со временъ первыхъ попытокъ Россини и Беллини.

— Не въ одной музыкѣ, замѣтилъ Вернонъ: — а во всемъ, въ настоящее время, по обѣ стороны океана преобладаетъ страсть къ сильнымъ ощущеніямъ и эфектамъ. Доказательствомъ этому служатъ громадные концерты и выставки всякихъ, самыхъ разнородныхъ, ничего общаго неимѣющихъ вещей; романы, изобилующіе необыкновенными происшествіями и чудесами; театральныя пьесы, стремящіяся постановкой и удивительными эфектами прикрыть отсутствіе таланта сочинителя. Испорченный, развращенный вкусъ отражается и въ прессѣ, дѣлая возможнымъ успѣхъ такихъ газетъ,

Digitized by Google

какъ *Нью-йоркскій Глашатай*. Мы въ этомъ отношеніи, однако, находимся еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ англичане, потому что низкія цѣны изданій, и необходимое послѣдствіе этого — подкуриваніе грубѣйшимъ предразсудкамъ низшихъ классовъ, доводятъ это зло до неизвѣстной въ Англіи крайности. Самые проповѣдники въ церквахъ говорятъ только для эфекта, и общая зараза овладѣла богословіемъ, наравнѣ съ литературой и искуствомъ. Разумѣется, царство этого испорченнаго вкуса недолговѣчно: оно до того неестественно и незаконно, что вскорѣ должно исчезнуть.

— Но все-таки онъ успѣетъ произвести нѣкоторое добро, сказалъ Эліотъ. — Преувеличеніе и ложь эфектной эпохи возродятъ и поддержатъ здоровое стремленіе къ простотѣ, естественности и правдѣ. Верди, такимъ образомъ, будетъ способствовать, хотя и безсознательно, усовершенствованію своего искуства.

— Я не хочу не отдать ему должной справедливости, сказалъ Вернонъ: — въ его сочиненіяхъ есть много и прекраснаго, хотя онъ вращается въ одной извѣстной, ограниченной сферѣ. Онъ, во всякомъ случаѣ, не столько уродуетъ и позоритъ свое искуство, какъ борзописцы, о которыхъ мы только-что говорили.

— Вы совершенно правы насчетъ ограниченности музыкальной сферы Верди, замѣтила Элинора: — но вѣдь искуство изображать человѣческія страсти и внѣшнія проявленія чувствъ, рѣдко совмѣщается съ возвышенными, великими мыслями. Только соединивъ лучшія качества Мильтона съ лучшими качествами Байрона, можно бы составить типъ идеальнаго писателя.

— Нѣчто въ родѣ лирическаго Шекспира, прибавилъ Вернонъ: — мнѣ кажется, что намъ придется дожидаться такого писателя еще долгое время.

— Кстати о Шекспирѣ, сказалъ Робертъ Эліотъ: — я сегодня встрѣтилъ человѣка, который по фигурѣ и физіономіи какъ нельзя лучше могъ бы изобразить на сценѣ Яго. Онъ — красивый брюнетъ, съ блестящими глазами, выражающими въ одно и то же время лукавство и откровенность. Кажется, онъ вамъ землякъ, Бойнтонъ; я слышалъ, что онъ родился въ Алабамѣ.

— Въ Алабамѣ? спросилъ южанинъ съ живѣйшимъ любопытствомъ. — Назвалъ онъ вамъ свою фамилію?

— О, нѣтъ! Мы случайно встрѣтились — въ деревенскомъ отдѣленіи банка; но я слышалъ, какъ прикащикъ назвалъ его Джемсомъ Кэравудомъ. Пока же я кончалъ свое дѣло, тотъ же прикащикъ, со свойственной здѣшнимъ жителямъ готовностью распространять полезныя свѣдѣнія, сообщилъ мнѣ о мѣстѣ рожденія этого джентльмена, и о томъ, что онъ послѣднее время гостилъ въ дангерфильдскомъ пріютѣ.

Digitized by Google

— Да, сказалъ Стивенъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ: — это знакомый моего отца. У нихъ, кажется, есть какія-то важныя дѣла.

Услыхавъ имя Кэрквуда, Грэсъ въ смущеніи опустила глаза; Элинора, пробормотавъ что-то въ извиненіе, поспѣшно ушла въ садъ; на вѣчно спокойномъ лицѣ Вернона промелькнула мрачная тѣнь. Все общество замолчало. Эліотъ тотчасъ понялъ, что его слова произвели эту суматоху, и какъ благовоспитанный человѣкъ, желая обратить вниманіе общества на другой предметъ, началъ танцовать съ веселой Алли. Вернонъ воспользовался этимъ, чтобы послѣдовать за Элинорой въ садъ. Увидавъ его, она быстро подошла, и взявъ его за руку, съ чувствомъ пожала ее.

— Этотъ человѣкъ — опять здѣсь? спросила она.

— Онъ былъ здѣсь въ домѣ — не по моему желанію, а по собственному побужденію. Онъ пришелъ кончить дѣло, о которомъ мы съ тобой говорили: онъ согласенъ на условія, предложенныя мною и *его* одобренныя. Но онъ болѣе никогда сюда не придетъ. Это одно изъ условій; кромѣ того, онъ обязанъ никогда не открывать ни самой малюткѣ, ни кому другому о своихъ родственныхъ отношеніяхъ къ ней.

— Но что же онъ дѣлаетъ въ дангерфильдскомъ пріютѣ?

— Объ этомъ я самъ ничего не знаю. Онъ объяснилъ свой пріѣздъ желаніемъ посѣтить стараго пріятеля. Я надѣялся, что онъ уже уѣхалъ изъ нашего околодка.

— Не странно ли, что мистеръ Стивенъ Дангерфильдъ никогда не упомянулъ о томъ, что онъ гоститъ у его отца?

— Дѣйствительно странно, но онъ, можетъ быть, знаетъ что нибудь о нашихъ обстоятельствахъ, и изъ деликатности не упоминалъ о немъ. Другой причины его молчанія я не могу придумать.

— Вы ни о чемъ не говорили съ нимъ, кромѣ о дѣлѣ Алли?

— Ни о чемъ. Да о чемъ намъ было и говорить? Погоди; во время втораго моего свиданія съ нимъ у банкира, онъ обѣщался не тревожить *ея*.

Элинора не могла не замѣтить, что старикъ съ умысломъ вилялъ, и очень хорошо знала, почему.

На слѣдующій день послѣ посѣщенія Кэрквуда, рано утромъ прогуливаясь въ саду, она увидала на травѣ подъ окномъ кабинета Вернона, небольшой лоскутокъ бѣлой бумаги. «Не нужный ли это, можетъ быть, документъ», подумала она, и подняла его съ намѣреніемъ возвратить мистеру Вернону, но при этомъ нечаянно увидала свое имя, написанное на лоскуткѣ. Это былъ расчетъ, сдѣланный наканунѣ Кэрквудомъ вмѣстѣ съ Верноном о количествѣ долга *Джона Грэзбрука Джемсу Кэрквуду*, какъ и озаглавленъ былъ счетъ. Она сразу поняла все. Небольшое имѣніе, до-

Digitized by Google

ставшееся ей отъ отца, было заложено, и цифра долга совершенно равнялась стоимости имѣнія. Теперь же было очевидно, что Оливеръ Вернонъ уплатилъ долгъ и хотѣлъ скрыть отъ нея это обстоятельство, но непредвидѣнный случай помѣшалъ его намѣренію.

— Не тревожься, милая, такими пустяками. Этого болѣе никогда не случится. Никто изъ здѣшнихъ не упомянетъ никогда имени этого человѣка, и я постараюсь заставить его поскорѣе уѣхать изъ здѣшняго сосѣдства. Я очень сожалѣю, что все это случилось, но, право, лишь потому, что ты обращаешь слишкомъ большое вниманіе на подобныя вещи.

Онъ произнесъ эти слова глубоко-сочувственнымъ тономъ и отечески поцаловалъ ее въ лобъ. Кутбертъ видѣлъ все, что происходило между ними, и недоумѣвалъ, какое отношеніе могло быть между мрачнымъ Яго, встрѣченнымъ Эліотомъ, и прелестной красавицей, которая такъ быстро и безсознательно овладѣла его сердцемъ.

Да, Кутбертъ Бойнтонъ нашелъ свой идеалъ. Онъ въ этомъ былъ совершенно увѣренъ, и ничто на свѣтѣ не могло разувѣрить его. До сихъ поръ, хотя благодаря своимъ многочисленнымъ путешествіямъ и хорошему состоянію, онъ часто подвергался соблазнительному дѣйствію хорошенькихъ глазокъ, пухленькихъ щечекъ и т. д., но никогда еще серьёзно не ухаживалъ ни за какой женщиной. Онъ предпочиталъ курить сигары, читать книги, кататься верхомъ, охотиться и стрѣлять. Онъ всегда былъ вѣжливъ и предупредителенъ съ каждою дамой, которую встрѣчалъ, но далѣе не шелъ. Наконецъ теперь и его очередь наступила. Встрѣтивъ Элинору, онъ понялъ, что его часъ пробилъ. Внѣшняя ея красота во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовала идеалу, о которомъ онъ мечталъ, а чѣмъ болѣе онъ сближался съ нею, тѣмъ болѣе убѣждался, что благородныя качества ея души и сердца превышали все, что онъ когда нибудь могъ придумать. Онъ до того былъ увѣренъ въ томъ, что они рождены другъ для друга, что очень удивился, когда послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Уиландсѣ, ему вдругъ пришла въ голову мысль: ну, а если Элинора не признаетъ этого факта?

Онъ въ тотъ же день началъ собирать свѣдѣнія, которыя могли бы разъяснить этотъ интересный вопросъ, и какъ настоящій стратегикъ, принялся изучать топографію непріятельской земли, прежде чѣмъ перейти границу. Онъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Грэсъ, какъ всегда бываетъ съ молодыми людьми, которые въ одно и то же время влюблены въ разныя лица, не имѣя потому причины ревновать другъ друга. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ тотчасъ обратился къ мисъ Грэсъ съ покорнѣйшей просьбой, не соблаговолитъ ли она сказать ему по се-

Digitized by Google

крету — то-есть, если она не находитъ ничего дерзкаго въ его вопросѣ — не дала ли слова кому нибудь мисъ Грэзбрукъ, или не имѣла ли она особеннаго влеченія къ кому нибудь?

Мисъ Вернонъ покраснѣла, какъ всегда дѣлаютъ молодыя дѣвицы при подобныхъ вопросахъ, но весело отвѣчала:

— Нѣтъ, на сколько я знаю; развѣ только она очень любитъ— папу.

Кутбертъ обидѣлся бы этой шуткой, еслибъ эта вѣсть не такъ его обрадовала, потому онъ продолжалъ, совершенно успокоенный:

— Мисъ Грэзбрукъ, какъ я слышалъ, уже много лѣтъ живетъ въ вашемъ семействѣ?

— О, да. Слишкомъ пять лѣтъ; съ самой кончины ея отца. Мы теперь ее считаемъ совершенно своею, папа—дочерью, а я—сестрою.

— У ней премилый характеръ, то-есть очень привлекательный и симпатичный, не правда ли?

— Да, ее всѣ любятъ, кромѣ, можетъ быть, тѣхъ, которые старались поставить себя на слишкомъ фамильярную ногу съ нею, и которымъ она дала себя знать.

— Такъ вы считаете ее очень гордою?

— Нѣтъ, не то что гордой, но у ней собственнаго достоинства болѣе, чѣмъ обыкновенно у дѣвушекъ ея лѣтъ. Кромѣ того, она испытала много горя и несчастій въ первой молодости, и потому очень сдержанна съ незнакомыми. Но всякій, кто ее узнаетъ покороче, непремѣнно полюбитъ ее.

— Я знаю это, отвѣчалъ Кутбертъ: — я хочу сказать, что любовь, которую мистеръ Вернонъ и вы сами къ ней питаете, очевидна всякому, и я увѣренъ, что никто не можетъ такъ хорошо ее знать, какъ вы.

— И она никого такъ горячо не любитъ — по крайней-мѣрѣ, мы такъ думаемъ. Мы никогда теперь съ нею не разстанемся.

Лицо молодаго человѣка помрачилось на секунду, и потомъ снова просіяло. Въ словахъ Грэсъ было столько же утѣшительнаго, сколько и грустнаго. Онъ съ минуту помолчалъ, и потомъ воскликнулъ, какъ-бы съ намѣреніемъ отомстить:

— А подобное несчастіе развѣ не можетъ случиться по доброй волѣ мисъ Вернонъ?

— Или, мисъ Грэзбрукъ, вы желаете сказать, да не смѣете, возразила Грэсъ, вспыхнувъ.—Вы нечестно поступаете, мистеръ Бойнтонъ, послѣ того, что заставили меня быть столь откровенной съ вами.

— Извините, отвѣчалъ Кутбертъ: — и позвольте мнѣ предложить вамъ еще одинъ вопросъ, послѣ чего я готовъ подвергнуть-

Digitized by Google

ся любому наказанію, которому вы заблагоразсудите меня подвергнуть: знаете ли вы какую нибудь причину, которая могла бы препятствовать вашей подругѣ...

— Хорошо, я вамъ помогу и пристыжу васъ своимъ великодушіемъ. Вы спрашиваете, знаю ли я какую нибудь причину, которая могла бы препятствовать Нелли принять руку и сердце человѣка, вполнѣ ея достойнаго? Нѣтъ, никакой. Довольны вы?

— Тысячу разъ благодарю васъ, и...

— И вы не забудете моего великодушія, не правда ли?

— Да, никогда не забуду.

XV.

Клевета живетъ въ республикахъ точно такъ же, какъ и въ монархіяхъ. Мы не избѣгнемъ ея жала, замѣнивъ короля президентомъ. Напротивъ, въ числѣ другихъ правъ, которыя граждане республиканскаго государства считаютъ своимъ достояніемъ, видное мѣсто занимаетъ право распоряжаться по своему усмотрѣнію добрымъ именемъ сосѣдей. Странно сказать, что республиканское общество, ненавидящее наслѣдственныя отличія, и отказывающее людямъ въ почестяхъ за геройскіе подвиги ихъ предковъ, въ то же самое время наказываетъ ихъ за слабости и преступленія отцовъ. Но какова бы ни была причина этого страннаго явленія, несомнѣнный фактъ, что мы всѣ ужасно склонны къ порицанію другъ друга, и хотя по теоріи мы судимъ людей только по ихъ собственнымъ качествамъ, но въ практикѣ мы преслѣдуемъ и унижаемъ ихъ за дѣйствительные или только воображаемые проступки всѣхъ ихъ близкихъ. Правда, этотъ порокъ носитъ въ самомъ себѣ зародышъ будущаго исправленія, но тѣмъ не менѣе, пока онъ существуетъ и распространяется, благодаря особливо стараніямъ нашихъ газетъ и журналистовъ, онъ составляетъ мрачное пятно на американскомъ національномъ характерѣ.

Возьмите самый обыкновенный случай въ обыденной жизни: у кого нибудь отецъ былъ пьяница, или мать вела недовольно-нравственную жизнь. Какъ обходится наше общество съ такимъ несчастнымъ, и совершенно невиннымъ человѣкомъ? Протягиваетъ ли оно ему руку помощи и сочувствія, или отворачиваясь топчетъ его въ грязь? Увы, общество обходится съ тѣми, которые съ физіологической и филантропической точки зрѣнія заслуживаютъ самаго нѣжнаго, внимательнаго обращенія—съ удивительной грубостью и презрѣніемъ. Наши учрежденія гарантируютъ личность человѣка, но оставляютъ до сихъ поръ беззащитнымъ и безпомощнымъ, передъ ударами

Digitized by Google

человѣческой злобы и клеветы, то, что всего дороже человѣку—его доброе имя!

Бѣдная Элинора Грэзбрукъ должна была перенесть въ своей молодости двоякое несчастье, о которомъ мы только что говорили. Отецъ у ней былъ пьяница, а мать—падшая женщина. Намъ нечего разсказывать этой грустной исторіи; скажемъ только, что Мери Грезбрукъ много выстрадала въ жизни, и это въ извѣстной степени можетъ служить ей извиненіемъ, если не передъ свѣтомъ, то, конечно, передъ милосердымъ небомъ. Десять долгихъ лѣтъ провела она съ горькимъ пьяницей, переносила всякаго рода насилія, униженія, нищету, презрѣніе свѣта, и наконецъ, не выдержала, одна мысль наполнила ея душу — *избавиться*, какимъ бы то ни было образомъ, отъ несчастной жизни, которую она рѣшительно болѣе не могла переносить. Будь у ней отецъ, мать, или братъ, она, конечно, искала бы у нихъ пристанища; но таковыхъ у ней не было, и несчастное, но еще прелестное созданіе попалось въ хитрыя сѣти ловкаго мошенника, который, удовлетворивъ своей животной страсти, вскорѣ бросилъ ее. Но прежде еще этого, она уже научилась презирать его съ такой ужасающей силою, какой она прежде и не подозрѣвала въ себѣ. Презрѣніе это обратилось въ жажду мести, когда Кэрквудъ, сгрывшись, похитилъ у нея и ребёнка. Тщетно искала она повсюду похитителя. Кэрквудъ съ особеннымъ искуствомъ повелъ свое дѣло. Онъ увезъ дѣвочку въ прекрасный штатъ, по имени котораго она была названа, и передалъ ее попеченіямъ своей сестры, разсказавъ сей послѣдней вымышленную исторію происхожденія ребёнка. Самъ же, достигнувъ новаго Орлеана, отплылъ на пароходѣ въ Калифорнію.

Элинора съ самаго начала чувствовала угрызенія совѣсти относительно ея поселенія въ домѣ Оливера Вернона. Зная хорошо свѣтъ, она очень хорошо понимала, что найдутся люди, которые сочтутъ Грэсъ Вернонъ окомпрометированной обществомъ дѣвушки, имя которой покрыто позоромъ. Она чувствовала, что, какъ бы ни были велики ея собственныя несчастія, она не имѣла права подвергнуть ихъ послѣдствіямъ свою безвинную подругу.

Вотъ какія мысли она высказала Оливеру Вернону, когда тотъ пріѣхалъ за нею, чтобы отвезти ее въ Упландсъ. Добрый старикъ ожидалъ этого, и потому уже приготовилъ отпоръ. Онъ замѣтилъ ей, что весьма немногіе, и можетъ быть, никто въ околодкѣ, гдѣ онъ жилъ, не слышали о поразившихъ ея несчастіяхъ, и что даже еслибъ и нашелся такой человѣкъ, то онъ никогда не рѣшился бы распространять дурные слухи о комъ нибудь изъ живущихъ въ его домѣ. Порядочные же люди никогда не рѣшатся укорять ребёнка за вину его родителей. Притомъ было очень желательно,

Digitized by Google

даже необходимо найти для Грэсъ подругу однихъ лѣтъ съ нею, такъ-что въ этомъ отношеніи она, согласившись жить у нихъ, дѣлала имъ большое благодѣяніе. Что же касается ея финансоваго положенія, то ей нечего было совѣститься. Состояніе, оставленнаго ей отцомъ, было совершенно достаточно на всѣ нужды одинокой дѣвушки. Эти и подобные имъ доводы, наконецъ, убѣдили Элинору принять благородное предложеніе Вернона, и съ тѣхъ поръ ничего не случалось такого, что могло бы побудить ее измѣнить это рѣшеніе.

Но теперь все вдругъ измѣнилось, и первоначальные доводы Вернона потеряли всякую силу. Теперь во всемъ околодкѣ было извѣстно, или вскорѣ должно сдѣлаться извѣстнымъ, кто были родители Элиноры. Присутствіе Кэрквуда въ дангерфильдскомъ пріютѣ, и его признанное родство съ Алабамой, дѣлали повидимому неизбѣжнымъ обнаруженіе скрытыхъ до сихъ поръ фактовъ.

Кромѣ того, искъ, предъявленный Кэрквудомъ на имѣніе, оставленное Джономъ Грэзбрукомъ, неминуемо велъ или къ процесу и публичному обнаруженію всего, или къ уплатѣ требуемыхъ имъ денегъ, что, лишая ее всего, что она имѣла, ставило ее въ самое зависимое положеніе въ отношеніи Оливера Вернона. И въ томъ и въ другомъ случаѣ ей не слѣдовало оставаться долѣе въ Унландсѣ.

Такъ думала Элинора, и послѣ долгихъ сомнѣній наконецъ рѣшила, что она должна покинуть Унландсъ, покинуть благороднаго старика, котораго она привыкла любить такъ, какъ никогда не могла любить своего отца; покинуть добрую и милую подругу, которую она любила болѣе сестры; покинуть прекрасное, веселое жилище, огромныя деревья парка, чудные виды, кустарники, цвѣты, тѣнистыя аллеи, библіотеку, картины. Всѣ и все въ Унландсѣ было ей дорого, ибо здѣсь она впервые поняла, что такое счастіе. Покинуть мѣсто, гдѣ она была такъ счастлива, казалось Элинорѣ какъ-бы возвращеніемъ къ ужасному прошедшему, и она съ содроганіемъ сердца вспоминала свою горестную, мрачную молодость.

Несмотря на все это, она должна уѣхать, даже еслибъ ея пребываніе не вредило репутаціи Грэсъ. Ей не разъ случалось слышать злые намёки и скрытыя насмѣшки грубыхъ людей, подобныхъ Ван-Донкамъ; но подобные случаи были рѣдки, и она могла даже совершенно избѣгнуть ихъ. Что же будетъ теперь, когда позоръ ея матери будетъ всѣмъ извѣстенъ, и всякій, отъ малаго до великаго, можетъ указывать на нее пальцемъ? Нѣтъ, лучше быть похороненною глубоко подъ землею, чѣмъ слышать эти презрительныя замѣчанія.

При этомъ были два важныя обстоятельства, съ которыми также

Digitized by Google

требовалось порѣшить, прежде чѣмъ приниматься за дѣло. Она рѣшилась ѣхать, но знала, что Оливеръ и Грэсъ Вернонъ, конечно, станутъ противиться ея отъѣзду и произойдутъ очень тяжелыя, непріятныя сцены; потому она положила, не предувѣдомивъ ихъ, уѣхать изъ Упландса и уже впослѣдствіи объяснить имъ въ письмѣ причины, побудившія ее поступить такимъ образомъ. Второе обстоятельство касалось ея будущности. Молодая дѣвушка чувствовала въ себѣ призваніе еще съ молодости и едва не испол нила своихъ завѣтныхъ мечтаній передъ самымъ переѣздомъ въ Упландсъ; теперь же она снова предалась всей душой своимъ стариннымъ стремленіямъ. Въ чемъ состояли эти стремленія и какими средствами она старалась добиться ихъ исполненія—мы увидимъ впослѣдствіи.

— Не быть изъ этого добра! Таково было мнѣніе, высказанное честнымъ Дэвидомъ Гринвудомъ, однажды вечеромъ за чаемъ въ собственной комнатѣ тёти Мерси.

— Пожалуйста, дядя Дэвъ, не говорите этого, воскликнула добрая женщина:—вы точно пророкъ какой, хотите предсказывать, а мы лучше подождемъ да и увидимъ — что будетъ. Онъ — добрый человѣкъ и во всѣхъ отношеніяхъ настоящій джентльменъ.

— Онъ—погонщикъ негровъ, вотъ что. Я вовсе не хочу ругать или обижать кого нибудь изъ знакомыхъ сквайра, но все-таки повторяю, онъ—погонщикъ негровъ. Разумѣется, и между ними есть разные люди. Есть хорошіе и худые, есть, какъ это тамъ называется—посредственные. Вѣроятно, онъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ, не сдираетъ кожи съ живыхъ людей, не клеймитъ ихъ раскаленнымъ желѣзомъ, не травитъ собаками, но все-таки онъ поддерживаетъ старое, вопіющее зло. Зачѣмъ онъ владѣетъ рабами?

— Положимъ, что ему не слѣдовало бы ими владѣть, но они теперь его собственность и не отказаться же ему отъ нихъ. Не лучше ли неграмъ быть въ рукахъ добраго христіанина, какъ мистеръ Бойнтонъ, чѣмъ попасть подъ власть людей, которые мучатъ ихъ хуже дикихъ звѣрей?

— Ну, я не знаю, тётя Мерси; но если невольникамъ слѣдуетъ быть свободными, то чѣмъ ихъ болѣе притѣсняютъ, тѣмъ лучше, ибо они скорѣе возстанутъ. Эти владѣльцы невольниковъ почти разорили землю, за которую наши отцы проливали кровь, и я ихъ ненавижу. Еслибы не ирландцы, мы бы давно уже лишили ихъ власти; но я увѣренъ, что недалекъ уже день нашего торжества.

— Если дѣлается на землѣ какое зло, то самъ Господь взыщетъ за это, дядя Дэвъ. Но какъ бы ни было, мистеръ Бойнтонъ не отвѣчаетъ за то, что существуетъ рабство, не правда ли? Не онъ ѣздилъ перевезъ черныхъ изъ Африки. Онъ, вѣроятно, получилъ ихъ отъ

Digitized by Google

своего отца, и что ему прикажете дѣлать, какъ только обращаться съ ними хорошо.

— Господь помогаетъ тѣмъ, которые сами себѣ помогаютъ, тётя Мерси. Я полагаю, что Онъ не вмѣшивается лично въ людскія дѣла, но дѣйствуетъ избранными орудіями, которыя становятся все мудрѣе и достойнѣе своего призванія. Правда, англичане вывезли сюда этихъ негровъ, и наши сначала не хотѣли ихъ брать и сѣтовали на такой грѣхъ, но это все равно; какъ бы это вопіющее зло ни произошло, но мы должны его искоренить.

— Хорошо, но если мисъ Нелли выйдетъ замужъ за этого джентльмена и уѣдетъ съ нимъ на югъ, то она тамъ столько же добра сдѣлаетъ, сколько и во всякомъ другомъ мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, она не увеличитъ зло, и я увѣрена, что она въ состояніи заставить его сдѣлать все, что ей угодно.

— Да, правда, онъ очень ее любитъ, но я вамъ говорю, тётя Мерси, нашимъ сѣверянкамъ неслѣдъ ѣхать на югъ помогать утвержденію невольничества. Чувства всего свѣта противны ему, и добрые люди съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе стараются искоренить это зло. Рабство должно пасть, или въ противномъ случаѣ погибнетъ наша родина, а я не думаю, чтобы это было возможно.

— Вы, можетъ быть, и правы, дядя Дэвъ, но я полагаю, что люди, молодые и старые, должны жениться по влеченію сердца. Мнѣ кажется, вы всегда со мною въ этомъ соглашались?

— Да, это общее правило, но есть и исключенія. Притомъ вы еще не знаете, согласна ли мисъ Нелли выдти за него?

— Я не говорю за вѣрное, она очень скрытна и не высказываетъ своихъ чувствъ и мыслей; но я знаю, что онъ ей нравится.

— Почему же вы это знаете, тётя Мерси?

— О, по бездѣлицамъ, которыхъ вы никогда и не подумаете замѣчать, несмотря на всю вашу проницательность, дядя Дэвъ. Когда она входитъ въ комнату, гдѣ думаетъ встрѣтить Бойнтона, и не находитъ его тамъ, то въ ея глазахъ всегда блеснетъ минутное сожалѣніе; такимъ же образомъ, когда она съ нимъ говоритъ, глаза ея сіяютъ такъ, какъ никогда прежде не сіяли; наконецъ, когда случается — онъ отвернется отъ нея, то она устремляетъ на него пламенные взгляды.

— Развѣ такъ дѣлаютъ влюбленные?

— Это признаки любви.

— И вы такъ поступали съ тѣми, которыхъ вы любили?

— Присутствующіе всегда исключаются. Не хотите ли еще чаю, дядя Дэвъ? Не положить ли вамъ побольше сахару? Какъ пріятно быть опять дома. Я чувствую, что стала опять тѣмъ, чѣмъ была прежде.

Digitized by Google

— Ну, послѣ возвращенія, вы не были совершенно въ своей тарелкѣ, и мнѣ казалось, что заграничная ваша поѣздка васъ испортила; но теперь вы совсѣмъ поправились, и я очень рада, что вы, наконецъ, возвратились. Дѣла какъ-то совсѣмъ разстроились безъ васъ.

— Вы правду говорите. Такихъ рубахъ и такихъ носковъ, какъ вы теперь носите, я во всю свою жизнь не видывала. Я еще и во сіе время не справилась съ ними. А въ домѣ повсюду, отъ пули до чердака, лежали груды пыли и грязи.

— Это, однако, недолго оставалось при васъ, тётя Мерси. Мисъ Грэсъ говорила, что вы въ первую недѣлю по пріѣздѣ работали за шестерыхъ.

— Голубушка моя! Вотъ у нея такъ будетъ мужъ, въ которомъ и вы не найдете ничего дурнаго, дядя Дэвъ. Къ тому же, она не покинетъ бѣднаго сквайра Вернона, такъ-какъ они будутъ ближними сосѣдями.

— Мистеръ Стивенъ очень хорошій молодой человѣкъ, и я не вижу никакого препятствія къ его женитьбѣ на мисъ Грэсъ. Его отецъ, впрочемъ, старый Мартинъ Дангерфильдъ, прежде былъ какимъ-то страннымъ человѣкомъ и ужаснымъ путилой. И теперь у него гоститъ одинъ франтъ, который въ былое время часто его навѣщалъ; тогда, бывало, гости по цѣлымъ недѣлямъ и даже по мѣсяцу не выѣзжали изъ его дому.

— Да, но съ годами люди измѣняются. Я увѣрена, что старикъ былъ бы счастливѣе, еслибъ онъ опять женился.

— Не всегда. Посмотрите на сквайра, развѣ онъ несчастливъ?

— Да; но зато у него всегда была при немъ мисъ Грэсъ. Я вамъ скажу, дядя Дэвъ, старики съ годами все болѣе и болѣе любятъ, чтобы вокругъ нихъ были молодыя, улыбающіяся лица.

— Дѣйствительно, тётя Мерси, сказалъ Дэвидъ со вздохомъ:— многіе люди не сознаютъ, какое утѣшеніе имѣть въ старости дѣтей, прежде чѣмъ уже поздно. Но кстати, говоря о дѣтяхъ, скажите, пожалуйста, что дѣлаетъ негритянка, нянька маленькой мисъ Алли?

— Она очень плоха, отвѣчала тётя Мерси, качая головой:—она еще ни разу не пришла въ себя съ тѣхъ поръ, когда ее спасли съ разбитаго корабля. Мистеръ Саундерсъ говоритъ, что она скоро умретъ. Онъ увѣряетъ, что она вѣроятно отдавала ребёнку все, что было съѣстнаго на кораблѣ, и пожертвовала собою, чтобы сохранить жизнь ввѣренному ей существу.

— И послѣ этого еще говорятъ, что негры не люди, задумчиво произнесъ Дэвидъ.—Могъ ли бы бѣлый христіанинъ сдѣлать болѣе этого?

Digitized by Google

Мы должны здѣсь прибавить, что опасенія близкой смерти преданной Герти очень скоро оправдались. Она прожила еще нѣсколько недѣль, благодаря попечительному уходу, и мирно скончалась за нѣсколько дней до отъѣзда всего семейства Верноновъ въ Нью-Йоркъ на зиму.

XVI.

— *Никогда!*

Это было послѣднее слово, которое онъ слышалъ изъ ея устъ, послѣдній звукъ сладкаго, мелодическаго голоса, который, онъ мечталъ, будетъ вѣчно раздаваться въ его ушахъ. Этотъ похоронный звонъ надъ могилой всѣхъ его дорогихъ надеждъ разсѣялъ блестящую мечту его о земномъ раѣ. Онъ устремилъ жадный, трепещущій взглядъ въ черную глубь ея прелестныхъ глазъ, надѣясь найти тамъ хоть тѣнь сожалѣнія, скрываемую упрямымъ капризомъ—но нѣтъ, и слѣда не было этой тѣни. Онъ стоялъ молча нѣсколько минутъ, зная, что позднее согласіе всегда пріятнѣе, ибо неожиданнѣе; ему не вѣрилось, чтобы нѣжное существо, въ лицѣ котораго онъ читалъ столько сочувствія, столько поощренія своей любви, осталось непреклоннымъ въ своемъ роковомъ рѣшеніи—но она не сказала болѣе ни слова. Тогда Кутбертъ медленно удалился. Тихо шелъ онъ къ дому, обдумывая, прилично ли будетъ ему тотчасъ же уѣхахъ изъ Упландса, и хотя онъ особенно поспѣшно и поднялъ ея маленькую лиловую перчатку и горячо поцаловавъ ее, спряталъ къ себѣ на сердце—но ни разу не оглянулся.

А Элинора тревожно прислушивалась къ его удаляющимся шагамъ, и когда послѣдній звукъ ихъ замеръ, она залилась горькими слезами, чего никогда съ ней не случалось со времени смерти отца.

— Никогда! Раздавалось ли когда это роковое слово въ вашихъ ушахъ, читатель, и было ли оно похороннымъ звономъ всѣхъ вашихъ надеждъ на счастье? Мудрецы и философы учатъ насъ, что подобныя, уничтожающія человѣка несчастія служатъ вѣрнѣйшими путеводителями для достиженія истинной мудрости и высшаго счастія; можетъ быть, они и правы, но большинство изъ насъ едва-ли находитъ въ первую минуту постигшаго насъ горя утѣшеніе въ этихъ истинахъ. По крайней-мѣрѣ, такъ было съ Кутбертомъ, хотя впослѣдствіи, надо надѣяться, онъ и достигъ этого философскаго хладнокровія.

Она сидѣла въ бесѣдкѣ на берегу Гудсона, устремивъ свой взглядъ на отдаленныя горы, и такъ была погружена въ свои горькія думы о предстоявшемъ ей будущемъ, что не замѣтила приближенія Кутберта. Онъ, подходя, не имѣлъ и мысли — тот-

Digitized by Google

часъ и на этомъ мѣстѣ открыть ей пожирающую его страсть; но и менѣе чувствительное сердце поддалось бы чарующей силѣ увидѣннаго имъ зрѣлища.

Она была въ бѣломъ платьѣ, въ простой соломенной шляпкѣ и въ кружевной мантиліи. Ея роскошные, золотисто-каштановые волосы блистали на солнцѣ сквозь сѣтку, сдерживающую ихъ. Овальное лицо ея съ благородными и нѣжными чертами было приподнято немного кверху, и темные, задумчивые глазки обращены къ отдаленнымъ горамъ. Молодой человѣкъ смотрѣлъ на нее съ безмолвнымъ восторгомъ, и вдругъ въ его сердцѣ заклокотало неотразимое желаніе броситься на колѣни передъ восхитительнымъ созданіемъ, признаться ей въ своей любви и умолять не отвергнуть ее. Въ эту минуту какая-то птица пролетѣла мимо нея, къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Кутбертъ. Ея глаза машинально послѣдовали за полетомъ птицы, и она увидѣла его. Онъ приподнялъ шляпу и подошелъ къ ней.

— Простите меня, я прервалъ ваши мечтанія, сказалъ онъ.

— Я не мечтала, мистеръ Бойнтонъ, просто забылась на секунду, и если о чемъ нибудь думала, то о неизвѣстности будущей судьбы всѣхъ насъ, представляющейся намъ столь же туманной, какъ вонъ тѣ голубыя горы.

— Я, напротивъ, только что намѣревался прямо взглянуть въ глаза своей судьбѣ. Пребываніе мое на сѣверѣ продолжилось болѣе, чѣмъ я сначала предполагалъ, долгъ заставляетъ меня думать о возвращеніи домой. Я боюсь, что придется уѣхать отсюда на этой недѣли.

— Мы будемъ очень сожалѣть о вашемъ скоромъ отъѣздѣ. Но зачѣмъ же вы говорите, что *боитесь* воротиться домой? Я чувствовала такое удовольствіе возвратиться сюда послѣ продолжительнаго пребыванія заграницею, что не могу понять, чтобы люди возвращались домой иначе какъ съ радостью.

— Я питалъ бы подобное же чувство, еслибъ меня ждалъ дома... кто нибудь, кого бы я любилъ — или кто меня бы любилъ. Жизнь холостяка на хлопчато-бумажной плантаціи очень скучная, грустная.

— Но ваши люди—ваши негры вамъ преданы, не правда ли? Я увѣрена, что вы обращаетесь съ ними хорошо.

— О, да; они привязаны ко мнѣ, насколько они на это способны. Но вы легко повѣрите, что ихъ общество не можетъ удовлетворить образованнаго человѣка. Разумѣется, тамъ отличная охота и рыбная ловля, и сосѣди довольно порядочные люди. Но мнѣ недостаетъ чего-то, безъ котораго въ большомъ старомъ домѣ очень скучно жить.

Digitized by Google

— Чего же это?

— Развѣ не догадываетесь, мнѣ недостаетъ — жены!

Надо сознаться, что это былъ очень неловкій способъ объясненія; но люди, страстно влюбленные, всегда поступаютъ неловко, грубо, неожиданно.

Элинора вспыхнула; но она владѣла такъ хорошо собою, что спокойно отвѣчала:

— Въ вашемъ положеніи, я полагаю, весьма легко исправить этотъ недостатокъ.

— Увы! Мое дѣло чрезвычайно трудное, но судья еще не слышалъ всѣхъ моихъ доводовъ.

— Вы говорите очень загадочно, мистеръ Бойнтонъ, сказала Элинора, вставая:—но мнѣ кажется, я могу вамъ предсказать вѣрный успѣхъ.

— Одному Богу извѣстно, какъ я буду счастливъ; но не уходите, мисъ Грэзбрукъ! воскликнулъ онъ, видя, что Элинора, начавшая постигать, въ чемъ дѣло, намѣревалась удалиться.—Ради-бога, не уходите послѣ такого счастливаго предсказанія. Вы говорите, продолжалъ онъ скороговоркою, сжимая ея нѣжную бѣлую руку:—что я буду имѣть вѣрный успѣхъ. Развѣ вы не угадали, что вы тотъ судья, отъ рѣшенія котораго зависитъ моя судьба?

— Я, мистеръ Бойнтонъ... Я?

— Выслушайте меня. Вы должны выслушать все послѣ того, какъ уже я столько сказалъ. Я люблю васъ нѣжно, пламенно. Я никогда никого такъ не полюблю. Я искалъ васъ, я искалъ васъ года, безнадежно, и не находилъ. Нѣтъ, это не романическая бредня, это—истина, видитъ Богъ—истина! Не отворачивайтесь отъ меня! Не говорите, что эта любовь не можетъ быть взаимной. Вы не знаете, какъ я васъ искренно, преданно люблю. Никто не можетъ васъ такъ любить, какъ я васъ люблю. Нѣтъ, не отнимайте вашей руки—этой маленькой ручки, которую я такъ давно жаждалъ покрыть поцалуями. Но если вы ее возьмете прочь, то только для того, чтобы тотчасъ снова мнѣ ее отдать — отдать навсегда.

И онъ упалъ на колѣни передъ Элинорой и страстно цаловалъ ея руки.

— Оставьте меня, пожалуйста; пожалуйста, оставьте; прошу васъ, умоляю васъ — или мнѣ надо вамъ приказать, мистеръ Бойнтонъ? Я никогда не воображала... это такъ внезапно... такъ неожиданно...

— Нѣтъ. Любовь моя началась съ первой минуты, когда я увидѣлъ васъ, и съ каждымъ днемъ росла все болѣе и болѣе. Вотъ, я выпустилъ вашу ручку, но умоляю васъ, скажите мнѣ одно сло-

Digitized by Google

во—слово надежды, что она будетъ мнѣ возвращена опять — хоть не теперь, а послѣ—и возвращена навсегда.

— Я такъ удивлена, я...

— Вы запинаетесь! Развѣ вы не можете произнесть этого слова?

— Мистеръ Бойнтонъ, сказать вамъ правду, я не могу.

— Боже мой! *отчего*? Вы не дали никому слова... вы не помолвлены... вы никого другого не любите?

— Нѣтъ, въ вашемъ смыслѣ — никого, отвѣчала Элинора, понемногу оправляясь отъ своего смущенія.—Я очень сожалѣю, что должна огорчить васъ — но все это такъ неожиданно, я не была приготовлена къ этому.

— Вижу! Вижу! прервалъ онъ, истолковывая ея слова въ свою пользу: — вамъ нужно время обдумать, собраться съ мыслями, примириться съ перемѣною жизни, но вы не лишаете меня надежды...

— Лучше ясно и откровенно объясниться съ самаго начала, мистеръ Бойнтонъ, сказала Элинора грустнымъ и серьёзнымъ тономъ: — прошу васъ именно въ послѣднемъ смыслѣ понимать мои слова.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Ради-бога, не говорите этого. Скажите, что вы въ настоящую минуту не любите меня, какъ слѣдуетъ мнѣ и какъ вы въ состояніи любить, но вы можете полюбить меня впослѣдствіи. Скажите, что существуютъ препятствія — семейныя препятствія, важность которыхъ вы преувеличиваете, но которыя моя любовь преодолѣетъ. Скажите, что вашъ опекунъ имѣетъ въ виду другую партію для васъ, и что вы не желаете поступить противъ его воли. Скажите все, что́ хотите, только не лишайте меня надежды.

— Но вѣдь все это была бы неправда, спокойно произнесла Элинора.

— Какъ!

— Была бы неправда сказать, и голосъ ея задрожалъ: — что я васъ теперь не люблю, но полюблю, можетъ быть, впослѣдствіи. Неправда была бы сказать, что есть семейныя или какія другія причины, которыя могли бы послужить непреодолимымъ препятствіемъ. Была бы неправда сказать, чтобы мистеръ Вернонъ имѣетъ въ виду выдать меня замужъ противъ моей воли. Но все же я не могу выдти за васъ замужъ.

— Развѣ я вамъ такъ противенъ? горестно промолвилъ молодой человѣкъ.—Ея лицо было обращено въ противоположную сторону, но Кутбертъ именно поэтому и могъ замѣтить, что вдругъ не-

Digitized by Google

описанная нѣжность засіяла въ ея взорахъ, и наполнила его сердце радостью.

— Сказать это—была бы такая же неправда, какъ и все остальное, произнесла Элинора, стараясь скрыть свои чувства.

Кутбертъ вскрикнулъ отъ удивленія и радости, и подумавъ съ минуту, произнесъ голосомъ, въ которомъ звучала надежда и самое нѣжное сочувствіе:—вы мнѣ позволите коснуться одного деликатнаго вопроса.

Она утвердительно наклонила голову:

— Продолжайте, я васъ слушаю.

— Вы горды, то-есть въ извѣстномъ случаѣ болѣе горды, чѣмъ большинство женщинъ. Можетъ быть, гордость иногда увлекаетъ васъ слишкомъ далеко—именно относительно вашего положенія въ обществѣ. Вамъ, можетъ быть, противно пользоваться отъ другого тѣмъ, что вы ему не можете дать. Мнѣ небезъизвѣстно горе, испытанное вами вслѣдствіе семейныхъ несчастій. Положеніе, въ которое я себя поставилъ, избавляетъ меня, кажется, отъ объясненій по этому предмету касательно меня самого, но вы, могу я васъ спросить, не вліяютъ ли эти обстоятельства на ваше рѣшеніе?

— Я вамъ откровенно отвѣчу на вашъ вопросъ, хотя подобный разговоръ совершенно излишенъ, съ достоинствомъ отвѣчала Элинора.—Мой рѣшительный отвѣтъ—нѣтъ! Можетъ быть, я чувствовала бы то, что вы говорите, еслибъ передо мной былъ человѣкъ, стоящій ниже меня, а не во всѣхъ отношеніяхъ мнѣ равный. Я не признаю и презираю несправедливость общества, которое вымѣщаетъ на дѣтяхъ пороки ихъ родителей. Разумѣется, одинъ человѣкъ не можетъ по своей слабости побороть какой бы то ни было приговоръ свѣта, но душа всегда будетъ протестовать противъ всякаго несправедливости.

— Я уважаю это чувство, хотя и вижу, что моя послѣдняя надежда исчезаетъ, грустно произнесъ молодой человѣкъ.—Но, мисъ Грэзбрукъ, нѣтъ—Элинора, вы позволите мнѣ васъ такъ назвать, хотя бы это было въ первый и въ послѣдній разъ, не говорите, что вашъ приговоръ окончательный, не говорите, что вы его никогда не измѣните. Оставьте мнѣ, страстно продолжалъ онъ, видя возрастающее ея волненіе: — оставьте мнѣ хоть тѣнь надежды, которая спасла бы меня отъ совершеннаго отчаянія. Вы, можетъ быть, еще перемѣните ваше рѣшеніе!

— Умоляю васъ—оставьте меня. Я очень, очень сожалѣю. Мнѣ, можетъ быть, больнѣе еще, чѣмъ вамъ. Но это невозможно, я никогда не перемѣню своего рѣшенія... ни...

— Нѣтъ, нѣтъ! Не говорите! Не говорите!

— *Никогда!*

Digitized by Google

ШЕКСПИРЪ ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

(Изданіе Н. В. Гербеля. Т. I. Спб. 1865).

Что̀ жизнь?
Кронпринцъ (въ переводѣ Макбета).

Жизнь, что̀ ты?
Полоній (въ переводѣ Гамлета).

Коротенькіе вопросцы, поставленные здѣсь въ видѣ эпиграфовъ и такъ мало занимающіе мѣста на бумагѣ, имѣютъ, однако, для человѣческаго ума такую важность, которая можетъ исчезнуть только вмѣстѣ съ человѣческимъ умомъ. Стóитъ задуматься надъ ними на одну минуту, и они становятся въ нашемъ представленіи обширными, какъ вселенная, какъ вѣчность, какъ безконечность. Три способа относиться къ этимъ вопросамъ, находятся въ обладаніи человѣка: это — религія, наука и поэзія. Одной только религіи все понятно въ этихъ вопросахъ и она одна только предлагаетъ полный отвѣтъ на нихъ. Удѣлъ науки и поэзіи—вѣчно думать и задумываться надъ ними, безъ надежды придти когда нибудь, во всю безконечность, къ полному удовлетворенію своихъ стремленій.

Говоря строго, маленькіе вопросцы имѣли въ громадномъ умѣ Шекспира не такое расплывающееся и космическое значеніе, а болѣе тѣсное и опредѣленное: они отнесены собственно къ загадкѣ человѣческой жизни. Но если говорить всю правду, то маленькіе вопросцы вовсе никогда не были формулированы Шекспиромъ: они выдуманы переводчиками. За то выдуманы до того хорошо и до того въ духѣ Шекспира, что еслибы къ его твореніямъ нужно было подобрать какъ можно болѣе привлачный, и какъ можно болѣе намекающій на ихъ содержаніе эпиграфъ, то лучшаго эпиграфа невозможно было бы придумать. Можно сказать, что Шекспиръ почти за каждую драму свою принимался,

Digitized by Google

какъ-будто имѣя въ своемъ необъятномъ умѣ томящій вопросъ: «жизнь, что ты?» И почти каждая драма его къ вашему понятію о жизни прибавляетъ нѣчто новое, просвѣтительное, расширяющее. Конечно, при этомъ предполагается одно небольшое условіе, именно: если вы умѣете читать, чего, однако, нельзя допустить относительно огромной массы читающихъ людей. Всѣмъ извѣстно высокое названіе, усвоенное твореніямъ Шекспира, это— названіе ихъ «свѣтскою библіей». Оно сдѣлалось классическимъ и, можетъ быть, вовсе невозможно изобрѣсти другія два слова, которыми бы такъ вѣрно, удачно и выразительно опредѣлялись объемъ и характеръ этихъ твореній, какъ отвѣчающихъ на вопросъ: «жизнь, что ты?» Дѣйствительно, какъ въ дѣлахъ нашей христіанской вѣры трудно представить случай или сомнѣніе, которымъ не нашлось бы въ Библіи разрѣшенія, объяснительнаго примѣра или руководящаго правила, такъ трудно представить жизненное положеніе, или такую борьбу, такое столкновеніе характеровъ, такое движеніе сердца, которымъ бы не нашлось что-нибудь подобное и отвѣтное въ твореніяхъ Шекспира. Для того, чтобы умъ и сердце одного человѣка могли испытать такую массу живѣйшихъ впечатлѣній, отозваться на такое множество запросовъ, прочувствовать и осмыслить такую бездну самыхъ хаотическихъ положеній, прочувствовать и осмыслить такъ, чтобы плодомъ этого явились самыя обдуманныя и законченныя произведенія, какими только можетъ гордиться человѣческій умъ, для этого нужно, чтобы натура этого человѣка была избранной между самыми избранными. Потому, личность Шекспира по справедливости и очень удачно называютъ «сокращеніемъ всего человѣчества», «человѣчествомъ въ сжатомъ видѣ»; не менѣе удачно къ нему примѣняется также названіе, плохо передаваемое на нашемъ языкѣ — «man of men» (человѣкъ человѣковъ, то-есть человѣкъ по преимуществу). Такое вѣрное и всестороннее представительство находитъ себѣ въ его твореніяхъ человѣческое племя, особенно наше, европейское племя.

Послѣ этого, казалось бы, безусловно излишне говорить что-нибудь въ пользу того факта, что вотъ теперь предпринято полное изданіе Шекспира на русскомъ языкѣ, и часть этого предпріятія уже исполнена: изъ четырехъ томовъ, въ которые предназначено вмѣстить всего Шекспира, по крайней мѣрѣ — всѣ его драматическія произведенія, одинъ уже вышелъ. Однако, въ виду нѣкоторыхъ, очень хорошо извѣстныхъ блужданій отечественной мысли, говорить объ этомъ нетолько не излишне, а напротивъ, было бы непростительно молчать. Голосъ невѣжества, хотя почти всѣми уже хорошо сознаваемаго, до сихъ поръ нетолько не по-

Digitized by Google

низился, а какъ будто угрожаетъ дойти еще до болѣе нестройнаго крику. Опытъ надъ Пушкинымъ, сдѣланный недавно въ «Русскомъ Словѣ», служитъ тому доказательствомъ. И если Татьяна съ Онѣгинымъ вчера только были разсматриваемы по отношенію къ статьямъ г. Шелгунова, что̀ мудренаго, если Гамлетъ и Офелія будутъ созерцаемы завтра по ихъ отношеніямъ ко взглядамъ г. Зайцева?

Это предположеніе, конечно, можетъ показаться смѣлымъ до послѣдней степени, пожалуй, даже нелѣпымъ, невозможнымъ и предосудительнымъ для того, кто его допускаетъ. Однако, тотъ, кто его допускаетъ, долженъ признаться, что оно является позднимъ числомъ, потому что оно давно уже сбылось. Гдѣ? — излишній вопросъ.—Когда?—еще въ то время, когда объ изданіи Шекспира извѣстно было только по молвѣ, о переводѣ «всѣхъ классиковъ» было одно только предчувствіе, изданія Гейне и Байрона только еще возникали, и о полномъ переводѣ Гёте едва было заявлено. Нелегко было «Русскому Слову» помириться съ такимъ множествомъ нарождающихся явленій, угрожавшихъ самой сущности всѣхъ его теорій. Оно справедливо предчувствовало, что съ исполненіемъ всѣхъ этихъ переводовъ и изданій, передъ публикой, озаренной новымъ свѣтомъ, трудно будетъ доказывать безполезность не то-что Пушкина или Лермонтова, а даже гг. Фета и Майкова, пожалуй, даже г. Писемскій вновь войдетъ въ законную силу. Потому, оно тогда же спѣшило заявить и доказать, что ничего этого не нужно, и что все это безполезно. И тотъ родъ, въ которомъ писалъ Шекспиръ, былъ особенно строго порицаемъ, по разсчету или ненамѣренно, передъ всѣми другими родами поэтической литературы. Нужно полагать, впрочемъ, что скорѣе намѣренно, чѣмъ на авось, такъ-какъ этотъ родъ предполагаетъ еще театръ, сценическое искуство, и слѣдственно достоинъ двойнаго осужденія. Можно ли, поэтому, избрать лучшую минуту для того, чтобы указать на безполезность сужденій «Русскаго Слова» о безполезности Шекспира? Можно ли сдѣлать лучшую встрѣчу высоко-полезному предпріятію г. Гербеля? Можетъ быть, и можно, и даже безъ сомнѣнія можно, но мы во всякомъ случаѣ сочли здѣсь пригоднымъ выразить наше удовольствіе къ появленію у насъ полнаго Шекспира не иначе, какъ въ формѣ отраженія нѣкоторыхъ довольно безчинныхъ нападокъ на него.

И такъ, «Русское Слово» встревожилось еще въ то время, при одной молвѣ объ изданіи Шекспира. Съ тѣхъ поръ оно нисколько не думало успокоиться. Но къ его принципамъ и аргументамъ ничего отъ того не прибавилось. Потому, для показанія слабости

Digitized by Google

его принциповъ и аргументовъ, мы находимъ нелишнимъ взять изъ него цитату, относящуюся именно къ той норѣ. Въ немъ были тогда напечатаны, за подписью г. Зайцева, слѣдующія сужденія:

«Въ числѣ ложныхъ убѣжденій, коренящихся въ обществѣ, одно изъ самыхъ распространенныхъ то, что будто бы театръ способствуетъ развитію общества... Но *Я* полагаю, что даже при самыхъ желанныхъ условіяхъ театръ долженъ быть вреденъ, если не прямо, то по безполезности. Лучшія *театральныя піесы*, піесы *Мольера, Шекспира, Шиллера* и др., все-таки не приносятъ никакой пользы. Если Мольеръ совершенно вѣрно воспроизводилъ жизнь, *и только*, то кто же повѣритъ, что воспроизведеніе это научитъ чему-нибудь того, кого не научила сама воспроизводимая дѣйствительность? И чему бы, напримѣръ, научилъ Мольеръ (равно, какъ разумѣется, и Шекспиръ и Шиллеръ и др.)? Какое положительное знаніе далъ онъ людямъ, которые слушаютъ его двѣсти лѣтъ? Когда же было новостью, что скупость и лицемѣріе — пороки? Кто не зналъ бы безъ Мольера, что пороки эти существуютъ?» и проч. («Рус. Сл.» декабрь 1864, отд. II стр. 5).

Принципъ, по которому въ этихъ строкахъ отвергаются *театральныя пьесы* даже такихъ драматурговъ, какъ Шекспиръ, Мольеръ и Шиллеръ, это — совершенная ихъ безполезность. А аргументъ основанъ на томъ, что если задача *этихъ театральныхъ пьесъ* есть воспроизведеніе жизни, *и только*, то не лучше ли въ тысячу разъ предоставить людямъ изучать жизнь своимъ умомъ и по самому подлиннику, а не по указкѣ Шекспировъ и Мольеровъ, и поучаться ею изъ нея самой, а не изъ *театральныхъ пьесъ?*

Аргументъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что, относительно настоящаго предмета, онъ — единственный; его можно повторять, перефразировать, распространять, но изобрѣсти, на помощь ему, другой — невозможно. Мольеръ и Шекспиръ ненужны потому, что безполезны, а безполезны потому, что они воспроизводятъ жизнь, *и только*; а между тѣмъ, для чего они это дѣлаютъ, когда жизнь и безъ того существуетъ сколько вамъ угодно? Въ этомъ вся сила аргумента. Въ этомъ вся мудрость «Русскаго Слова» по предмету отрицанія поэзіи. Слѣдственно, понятно, какую важность нужно придавать этому аргументу.

Но вопросъ въ томъ, какъ же придавать этому аргументу какую-нибудь важность, когда онъ весь основанъ на громадномъ недоумѣніи? Недоумѣніе состоитъ въ томъ, что аргументъ этотъ точно такъ же можетъ быть направленъ противъ *театральныхъ пьесъ* Шекспира, какъ и противъ всего міра человѣческихъ зна-

Digitized by Google

ній, противъ всѣхъ родовъ человѣческихъ изслѣдованій, противъ всѣхъ открытыхъ и даже еще неоткрытыхъ истинъ, словомъ — противъ всѣхъ наукъ, изъ которыхъ ни одна ничего другого не дѣлаетъ, по-крайней-мѣрѣ не стремится дѣлать ничего другого, какъ *воспроизводить* факты и открывать (то-есть тоже *воспроизводить*) истинныя отношенія между ними, между тѣмъ какъ тѣ и другія (то-есть и факты и отношенія) существуютъ сколько вамъ угодно. Возьмите любую науку: зачѣмъ, напримѣръ, нужна физика? Ея предметъ—такъ-называемыя силы природы и ихъ явленія. Но развѣ свѣтъ и электричество, сила сцѣпленія и тяжести, со всѣми зависящими отъ нихъ явленіями, не существуютъ сколько вамъ угодно? Зачѣмъ алгебра и геометрія? Развѣ какія угодно количества, какія угодно разстоянія, какія угодно отношенія между тѣми и другими, какія угодно сочетанія линій не существуютъ сколько вамъ угодно? Зачѣмъ астрономія, когда небесныя тѣла со всѣми законами ихъ вращаній, со всѣми ихъ вліяніями другъ на друга, со всѣми промежуточными и безконечными пространствами, ихъ раздѣляющими, существуютъ тоже сколько вамъ угодно? Зачѣмъ философія, когда ея задача—изъ груды отдѣльныхъ знаній построить одно цѣлое, осмыслить и объяснить, или иначе сказать—воспроизвести систему бытія, которая между тѣмъ, не поддаваясь никакимъ усиліямъ человѣческаго ума, существуетъ сколько вамъ угодно, и въ наилучшемъ видѣ? Зачѣмъ исторія, географія, статистика, если они воспроизводятъ дѣйствительность, *и только?*

Ясно, что въ аргументѣ «Русскаго Слова» нѣтъ ни малѣйшей силы: въ немъ слову *воспроизводить* дано слишкомъ тѣсное значеніе, и его нужно расширить или замѣнить другимъ, а частица *и только* употреблена совершенно произвольно, и ее нужно отбросить. Тогда, конечно, не останется и самаго аргумента. Но это не бѣда, и когда же «Русское Слово» смущалось подобными мелочами? Дѣло въ томъ, что науки не просто воспроизводятъ явленія и факты, что̀ равнялось бы газетной публикаціи о нихъ, а собираютъ, сличаютъ ихъ и распредѣляютъ по группамъ, открываютъ для нихъ причины, подводятъ ихъ подъ общіе законы, словомъ—объясняютъ ихъ и даютъ возможность дѣлать отвлеченія изъ нихъ. Все это, пожалуй, значитъ воспроизводить, но уже не въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово поставлено въ аргументѣ г. Зайцева, а скорѣе въ томъ, какой мы придаемъ словамъ «создавать» и «творить». То же самое слѣдуетъ сказать и *о театральныхъ пьесахъ* Шекспира. Г. Зайцевъ считаетъ ихъ просто контрафакціей дѣйствительности, *и только*. Но это невѣрно. Онѣ не воспроизводятъ только дѣйствительность, а объясняютъ ее; выбираютъ въ ней, для этой

Digitized by Google

цѣли, самое существенное, отбрасываютъ случайное, словомъ—дѣлаютъ изъ нея отвлеченія и такимъ образомъ создаютъ ее какъбы вновь въ сжатомъ и сокращенномъ видѣ, въ которомъ она и становится уже понятной и поучительной. Г. Зайцевъ полагаетъ, что стоитъ только повести глазами, чтобы увидѣть въ дѣйствительности все то, что мы видимъ въ любомъ изъ тѣхъ вполнѣ законченныхъ міровъ, которые называются *театральными піесами* Шекспира. Ахъ, какая это колоссальная и, можно сказать, пресмѣшная ошибка. Нѣтъ, для этого нужно имѣть глаза Шекспира, нужно имѣть всѣ его внѣшнія чувства, которыя предполагаются у него тончайшими изъ всѣхъ, какими когда либо было надѣлено человѣческое существо, нужно имѣть его вселюбящее сердце и его всепроницающій умъ. Безъ этихъ условій поймешь и увидишь въ дѣйствительности ровно столько, сколько позволятъ степень и качество собственныхъ условій каждаго. Факты и явленія дѣйствительности сами по себѣ глупы и ничего не говорятъ, хотя и существуютъ сколько вамъ угодно. Это всѣмъ извѣстно. Эти факты, кромѣ того, въ дѣйствительности чрезвычайно разбросаны и часто представляются непохожими другъ на друга, несмотря на ихъ совершенную однородность. Одинъ черный трудъ собрать и подобрать ихъ какъ уже много, какъ безконечно много значитъ. Ихъ принято называть «многозначительными» и «краснорѣчивыми». Но обыкновенно, относительно каждой группы фактовъ, это говорится въ то время, когда эти группы уже сдѣланы и ихъ значеніе объяснено и осмыслено кѣмъ-нибудь попрежде. Нужно, чтобы прежде явились Дарвины, Фохты и Молешотты, а потомъ уже глубокіе мыслители «Русскаго Слова», которымъ представляется, хотя и обманчиво, понятнымъ все то, о чемъ никогда не грезилось названнымъ натуралистамъ. Нужно, чтобы сперва былъ на свѣтѣ романъ «Отцы и Дѣти», а потомъ уже проницательные критики въ «Русскомъ Словѣ», для которыхъ сдѣлалось яснѣе дня глубокое значеніе «базаровскаго элемента въ наукѣ и искуствѣ». И если такая судьба (еще ли не странная?) неизбѣжна даже для тѣхъ фактовъ дѣйствительности, которые уже объяснены достаточно, то что же надо сказать о дѣйствительности въ ея сыромъ, непосредственномъ видѣ? Одно изъ двухъ: или г. Зайцевъ не знаетъ, что такое *театральная пьеса* Шекспира, а также и Мольера и Шиллера, или онъ не знаетъ, что такое дѣйствительность... Впрочемъ, его сужденіе до того странно, что можно допустить еще третье: можно согласиться, что онъ не знаетъ ни того, ни другого. Иначе, какъ сказать такую странную вещь, что дескать — кого не научитъ дѣйствительность въ подлинникѣ, того въ тысячу разъ менѣе научитъ

Digitized by Google

она *въ театральной пьесѣ* Шекспира? Въ сущности это значитъ, что кто самъ не выдумалъ азбуку, тому въ тысячу разъ невозможнѣе выучиться читать по готовой; кто не выдумалъ и не создалъ науку, тому въ тысячу разъ труднѣе изучить уже выдуманную и созданную. Странно—странно—странно!...

Однако, не такъ странно, чтобы не могло быть страннѣе. Съ тѣхъ поръ прошло много мѣсяцевъ, и «Русское Слово» нетолько не нашло нужнымъ поправиться, оговориться, загладить сказанное, а въ самое недавнее время, устами г. Писарева, еще повторило то же самое и еще въ преувеличенномъ видѣ. «Эстетическія отношенія искуства къ дѣйствительности» дали ему къ тому поводъ. Глубоко пораженный важущейся ему вѣрностію той основной мысли автора «Эстетическихъ отношеній», что поэтическія изображенія вообще относятся къ живымъ и дѣйствительнымъ предметамъ *«не болѣе*, какъ блѣдный и общій, неопредѣленный намекъ на дѣйствительность», единомышленный г. Зайцеву критикъ говоритъ:

«Кто усомнится въ вѣрности этой мысли, тому *Я* могу предложить слѣдующее доказательство. Извѣстно, что высшій родъ поэзіи — драма; извѣстно, что лучшія драмы въ мірѣ написаны Шекспиромъ. Но всякій знаетъ, что всѣ драмы, въ томъ числѣ и драмы Шекспира, достигаютъ нѣкоторой опредѣленности, *приближающей ихъ къ дѣйствительности*, только тогда, когда онѣ играются на сценѣ; всякій знаетъ далѣе, что играть удовлетворительнымъ образомъ шекспировскія роли могутъ только замѣчательные актеры. Значитъ, необходима цѣлая новая отрасль искуства; значитъ, необходимы умъ, талантъ и образованіе для того, чтобы понимать, коментировать *блѣдные и неопредѣленные намеки на дѣйствительность*. Это пониманіе и коментированіе составляютъ всю задачу талантливаго актера, и удовлетворительнымъ рѣшеніемъ ея актеръ пріобрѣтаетъ себѣ всемірную извѣстность. Стало быть, задача дѣйствительно трудна и *намеки* дѣйствительно *блѣдны и неопредѣленны*.» («Рус. Сл.». Май 1865, отд. II, стр. 17).

Виновникъ этихъ строкъ, очевидно, желалъ показаться мыслящимъ. Но не менѣе очевидно, что къ его доказательству, на которое онъ такъ много разсчитывалъ, можно примѣнить все то, и еще съ прибавкою, что сейчасъ только сказано противъ аргумента г. Зайцева. Вопервыхъ, и это доказательство, какъ и тотъ аргументъ, точно такъ же можно приводить противъ драмъ Шекспира, какъ и противъ всѣхъ наукъ. И въ этихъ послѣднихъ есть теоретическіе мыслители, открыватели законовъ природы и ея истинъ, точь-въ-точь соотвѣтствующіе Шекспиру въ области поэзіи; и точно такъ же, есть

Digitized by Google

практическіе комментаторы ихъ и прилагатели ихъ открытій къ дѣйствительности, точь-въ-точь соотвѣтствующіе талантливымъ актёрамъ. Но затѣмъ бы указывать на подобный фактъ, и что̀ означаетъ подобное указаніе? Унижаетъ ли оно теоретическихъ мыслителей и ихъ открытія тѣмъ, что вотъ эти открытія нужно еще комментировать и прилагать къ дѣлу, и что для этого нужны *новыя отрасли* знанія, или тѣмъ, что эти открытія составляютъ только малѣйшую частицу неисчерпаемыхъ тайнъ природы, или, наконецъ, тѣмъ, что открытія эти были полнѣе и совершеннѣе, и существовали въ лучшемъ видѣ, пока не были открыты? Кажется, ни то, ни другое, ни третье... Но что̀-нибудь да должно же быть?... Ясно, что дѣло опять въ чистѣйшемъ недоумѣніи, но только возвышеніемъ на лишнюю степень. Открытія, дѣйствительно, простираются лишь на то, что̀ существуетъ, и они объясняютъ лишь одно то, что̀ есть или должно быть; но сами они вовсе не то, что̀ есть и что́ существуетъ. Ихъ можно, какъ уже сказано, назвать творческимъ созданіемъ, которое только параллельно, а никакъ не тождественно той дѣйствительности, которую они объясняютъ. Это же самое нужно сказать и о драмахъ Шекспира: онѣ относятся къ обнимаемой ими дѣйствительности такъ же, какъ науки каждая къ своей. Укорять эти драмы тѣмъ, что жизнь гораздо болѣе неисчерпаема, чѣмъ какъ она представляется въ нихъ, это, пожалуй, еще имѣетъ свой резонъ, хотя ни къ чему негодный и безполезный, потому что и вся мудрость всѣхъ соединенныхъ наукъ есть не болѣе, какъ горсть воды, зачерпнутой изъ океана. Однако, въ этомъ все-таки не совсѣмъ отсутствуетъ смыслъ. Но упрекать эти драмы тѣмъ, что онѣ только «блѣдные, неопредѣленные намеки на дѣйствительность», а эту послѣднюю мысль доказывать тѣмъ, что для хорошаго представленія драмъ Шекспира требуются необычайно талантливые актеры... о! это болѣе чѣмъ странно, болѣе чѣмъ необычайно, и менѣе, чѣмъ блѣдный намекъ на какой бы ни было смыслъ. — Почему такъ?—Потому, что необходимость необычайнаго ума и таланта въ комментаторѣ какъ-разъ предполагаетъ необычайную глубину въ комментируемомъ произведеніи, необычайную неистощимость его примѣненій и выводовъ изъ него, необычайную его соотвѣтственность съ природою вещей, а не то-что необыкновенную «блѣдность и неопредѣленность намековъ» на вещи. И драмы Шекспира именно таковы и есть, потому что онѣ не воспроизводятъ только природу, не подражаютъ ей, не намекаютъ на нее, а соперничаютъ съ нею. И еще какъ счастливо соперничаютъ. Тѣ, которые понимаютъ, что̀ значитъ слово «прогресъ», должны понимать также, что природа стремится совершенствовать

Digitized by Google

созданные ею типы, стремится къ какой-то законченности, которой, можетъ быть, вовсе никогда конца не будетъ. Шекспиръ часто угадываетъ въ самыхъ неясныхъ намекахъ эти неопредѣленныя стремленія природы, и тутъ же доводитъ ихъ до возможной ясности и выразительности, то-есть до возможнаго въ данное время совершенства. Вотъ какъ онъ соперничаетъ съ природою. И это вовсе не чрезвычайная рѣдкость въ драмахъ Шекспира: это можно сказать объ очень большомъ количествѣ фактовъ нравственнаго и эстетическаго міра, въ нихъ заключеннаго. Что же собственно хотѣлъ, послѣ этого, сказать г. Писаревъ со своею «необыкновенною блѣдностью и неопредѣленностію намековъ»? Онъ повѣрилъ на-слово «Эстетическимъ отношеніямъ», почему-то всплывшимъ теперь изъ покрывавшаго ихъ мрака забвенія. Но авторъ этого произведенія, быть можетъ, нигдѣ не являлся такимъ слабымъ и поверхностнымъ мыслителемъ, какъ именно въ этомъ произведеніи; онъ нигдѣ такъ слабо не проникалъ въ сущность соотношеній между вещами и понятіями, какъ въ этихъ «Эстетеческихъ отношеніяхъ», нигдѣ такъ часто не употреблялъ словъ въ превратномъ значеніи, не говорилъ столько фразъ безъ всякаго значенія. Какъ же было не замѣтить этого?

Вовторыхъ:

«Это еще не все — договариваетъ г. Писаревъ. — Всякому извѣстно, что одна и та же роль играется различными актёрами совершенно различно, и, между тѣмъ, одинаково удовлетворительно. Одинъ понимаетъ роль дѣйствующаго лица такъ, другой — иначе, третій — опять по своему, и если всѣ они одинаково талантливы, то самый внимательный и требовательный зритель останется совершенно доволенъ; значитъ, всѣ понимаютъ вѣрно. Послѣ этого, мнѣ кажется, трудно сомнѣваться...» и проч.

Но именно какъ-разъ *послѣ этого-то* и можно сомнѣваться, чтобы драмы Шекспира были только блѣднымъ и неопредѣленнымъ намекомъ на дѣйствительность. Совершенно вѣрно, что съ ролями изъ Шекспира и съ актёрами въ этихъ роляхъ дѣйствительно бываетъ все то, что сказано въ приведенныхъ строчкахъ: одинъ понимаетъ такъ, другой иначе, третій еще иначе, и между тѣмъ всѣ трое понимаютъ *вѣрно*. И что всего страннѣе, можетъ быть—всѣ понимаютъ *одинаково* вѣрно, то-есть вѣрно въ одной и той же степени. Кажись, совсѣмъ сфинксова загадка. Г. Писаревъ такъ именно и понимаетъ это дѣло. Но странно, подобное явленіе, какъ одинаково вѣрное и однако различное пониманіе предметовъ случается каждый день, на каждомъ шагу, и до сихъ поръ это еще никого не удивляло. Какъ скоро предметъ

Digitized by Google

не лишенъ глубины и многосторонности, то это самое естественное дѣло, что о немъ возможны не два и не три, а десятки и сотни одинаково вѣрныхъ, и между тѣмъ различныхъ сужденій. Объясняется это тѣмъ, что одинъ видитъ въ многостороннемъ предметѣ одну сторону, и судитъ въ одномъ отношеніи, другой обращаетъ свое вниманіе на другую, и судитъ о немъ съ этой другой стороны, и т.д. Это самое обнаруживается и на актерахъ въ шекспировскихъ роляхъ. Созерцаніе Шекспира было такъ полно и всеобъемлюще, что онъ понималъ предметы и человѣческіе характеры самымъ всесторонним образомъ, и такими же и создавалъ ихъ; но удѣлъ болѣе обыкновенныхъ людей — понимать предметы частично; они неизбѣжно сосредоточиваютъ свой взглядъ на какой-нибудь одной сторонѣ. И актеры въ шекспировскихъ роляхъ могутъ быть указаны въ этомъ случаѣ, какъ величайшее тому доказательство.

Кажется, это вполнѣ ясно, и непонятно только одно: какъ это г. Писаревъ не догадался усилить свой аргументъ еще тѣмъ, что нетолько различные актеры понимаютъ различно однѣ и тѣ же роли, и при этомъ исполняютъ ихъ вѣрно, но и одинъ и тотъ же актеръ, въ одной и той же роли, весьма часто и весьма многое исполняетъ различно, и все-таки одинаково вѣрно. Вѣдь это опять цѣлое поле для соображеній «о блѣдности и неопредѣленности намековъ»... Затѣмъ можно удивиться и еще одному: изъ критическихъ толкованій о Шекспирѣ могла бы составиться громадная библіотека; за эти толкованія принимались тысячи и тысячи людей, и всѣ они толковали болѣе или менѣе вѣрно, многіе совершенно вѣрно, и между тѣмъ нѣтъ ни одного случая, гдѣ бы хоть два самостоятельныхъ и талантливыхъ толкователя выражали не различныя, а однѣ и тѣ же мысли, и не различными, а одними и тѣми же словами. Вѣдь если исчерпывать предметъ вполнѣ, то почему же различныя позитуры актеровъ, различная костюмировка, различныя тѣлодвиженія въ однѣхъ и тѣхъ же роляхъ, различныя интонаціи голоса въ однихъ и тѣхъ же монологахъ, могутъ доказывать блѣдность и неопредѣленность шекспировскихъ характеровъ, и почему различныя мысли критиковъ Шекспира, выраженныя различными словами о тѣхъ же самыхъ роляхъ и тѣхъ же монологахъ, не могутъ служить подтвержденіемъ того же самаго? Г. Писаревъ нисколько не подозрѣваетъ, что его аргументъ, основанный на различіи игры и пониманія однѣхъ и тѣхъ же ролей различными актерами, равносиленъ требованію, чтобы эти роли исполнялись автоматами; потому что это различіе можетъ исчезнуть только при этомъ условіи. Но если требовать такого нововведенія для сцены, то мы твердо стоимъ на томъ, что его справедливо требовать и для кри-

Digitized by Google

тики. Иначе критическіе комментаторы Шекспира, выражая о его драмахъ хотя и одинаково вѣрныя, но различныя мысли, хотя и одинаково вѣрными, но различными словами, все еще будутъ доказывать необыкновенную блѣдность и неопредѣленность намековъ этихъ драмъ на дѣйствительность. Странно — странно — странно!...

Пусть же всѣ предъидущія слова наши будутъ приняты не за что другое, какъ за простой привѣтъ приходящему къ намъ «Шекспиру въ переводѣ русскихъ писателей».

О достоинствѣ самаго перевода намъ предстоитъ сказать очень мало. Онъ удовлетворителенъ; въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, именно въ драмахъ, переведенныхъ Кронебергомъ, онъ даже почти вполнѣ удовлетворителенъ. Слѣдственно, что же можно сказать болѣе этого? Этотъ переводъ не пародія, не пасквинада на величайшаго изъ поэтовъ; онъ вполнѣ—серьёзное дѣло и вполнѣ обдуманное предпріятіе, не то что изданіе Байрона, со включеніемъ въ него «Манфреда» и «Чайльд-Гарольда» въ переводѣ г. Минаева. Еслибы мы захотѣли дѣлать сколько-нибудь подробныя замѣчанія, то они почти всѣ относились бы къ переводамъ г. Вейнберга — къ «Отелло» и «Тимону Аѳинскому» — и не какъ къ слабымъ переводамъ, а какъ къ слабо редактированнымъ. Переводы г. Вейнберга, если ихъ не сравнивать съ таковыми же Кронеберга («Много шуму изъ ничего», «Макбетъ, Двѣнадцатая ночь»), можетъ быть, нисколько не слабѣе остальныхъ переводовъ, помѣщенныхъ въ вышедшемъ томѣ и принадлежащихъ г. Михаловскому («Юлій Цезарь»), г. Сатину («Сонъ въ Иванову ночь») и Дружинину («Коріоланъ», «Король Лиръ»). Но они, вопервыхъ, вообще небрежнѣе отдѣланы, съ меньшею заботливостію о стихѣ, и съ какою-то спѣшностію, напоминающею о работахъ на срокъ; а вовторыхъ, въ нихъ чаще встрѣчаются тѣ, не весьма, впрочемъ, значительныя отступленія отъ текста, которыя нечужды, только въ гораздо меньшей степени, и остальнымъ переводамъ. Такъ, напримѣръ, сколько мы могли замѣтить, переводчики вообще нечужды склонности иногда преувеличивать, усиливать и возвышать тонъ шекспировской рѣчи. Изъ этого, конечно, должно слѣдовать очень сильное ея ослабленіе, но имъ какъ будто этого не кажется. Подобныя опыты усиленія шекспировскаго текста всего чаще обнаруживаются или придачею къ инымъ словамъ выразительныхъ, по мнѣнію переводчиковъ, эпитетовъ, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ, или возведеніемъ эпитета изъ положительной степени въ превосходную, или еще чаще усугубленіемъ какого-нибудь слова, съ удареніемъ на немъ, что дѣлается опять противъ подлинника. И все это

Digitized by Google

у г. Вейнберга встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ у другихъ. Мы не хотимъ преувеличивать значеніе этого недостатка, которому приведемъ примѣръ. Такъ въ «Отелло», въ томъ мѣстѣ, гдѣ недоумѣвающая, и поддержанная на минуту въ своемъ недоумѣніи самимъ мавромъ, Эмилія соглашается, что она точно слыхала, что предсмертныя слова ея госпожи были тѣ, что ее убилъ не Отелло, этотъ послѣдній, въ переводѣ г. Вейнберга, говоритъ:

Такъ лгуньею отправилась она
Въ кромешный адъ: я — *я* ея убійца!

Это усугубленіе *я*, очевидно, дѣлаетъ эти строчки крикливыми до оглушенія, и переводчикъ такъ и поставилъ въ концѣ ихъ знакъ восклицанія. Между тѣмъ въ подлинникѣ эти строчки отличаются чисто-титаническимъ, и конечно, ужасающимъ спокойствіемъ: такой характеръ у нихъ (пусть г. Писаревъ приметъ это во вниманіе) отняло одно ничтожное *я*, которому и суждено теперь служить прибавкою ко всей массѣ неистовыхъ криковъ, такъ изобильно оглашающихъ и имѣющихъ оглашать нашу сцену. Въ подлинникѣ Отелло говоритъ просто: «такъ она лгуньей отправилась и въ геенну огненную: это — я убилъ ее».

Въ томъ же «Отелло», и въ той же предсмертной сценѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Дездемона предполагаетъ Кассіо убитымъ, и восклицаетъ: «онъ умеръ!», мавръ, въ переводѣ г. Вейнберга, прерываетъ:

Да еслибы его малѣйшій волосъ
Былъ жизнію — и волосомъ малѣйшимъ
Я бъ утолилъ месть страшную мою!

Эти строчки, кромѣ очевиднаго стремленія быть сильными превыше всякой мѣры, еще къ тому же темноваты. Можетъ быть, и темноваты именно оттого, что стремились быть черезчуръ сильными. Но дѣло въ томъ, что собственно шекспировская сила проявляется съ такою величайшею естественностію, и какъ такая обыкновенная вещь, что вы удивительно рѣдко встрѣчаете ее кричащей и рѣшительно никогда неистовствующей, хотя бы притомъ дѣйствующимъ лицомъ было само неистовство. Приведенныя строки кажутся отчасти близкими именно къ неистовству. А между тѣмъ эти три строчки, сжатыя въ подлинникѣ только въ полуторы, слово въ слово выражаютъ: «да еслибы всѣ волоса его были жизнями, мое великое мщеніе посягнуло бы на нихъ на всѣ».

Есть также въ переводахъ г. Вейнберга (иногда и у другихъ, но у другихъ рѣже) недостатки и немного поважнѣе, отчасти

Digitized by Google

граничаціе даже съ тѣмъ, чему въ старину придавали названіе поэтическихъ вольностей: это — искаженіе самыхъ изображеній подлинника, доходящее, можно сказать, до совершеннаго обезсмысленія ихъ. Такъ въ Тимонѣ Аѳинскомъ мы читаемъ стихъ, относящійся къ старикамъ:

Ихъ кровь — кусокъ холодный и сухой.

Никакого подобнаго *куска*, разумѣется, нѣтъ и не можетъ быть у Шекспира. У него просто сказано: «ихъ кровь сдѣлалась сывороткой, охолодѣла.»

Или еще въ томъ же Тимонѣ Аѳинскомъ... Но впрочемъ, если мы будемъ перечислять подобныя ничтожности, иной мнительный читатель можетъ подумать, что прекрасное изданіе г. Гербеля въ самомъ дѣлѣ не безъ большихъ недостатковъ. Между тѣмъ, это предположеніе было бы совершенно ложно. Указанные нами недостатки — скорѣе недостатки редакціи, чѣмъ перевода. Истинные недостатки состоятъ не въ этомъ, а въ искаженіи самаго духа и характера подлинника. Таковы, напримѣръ, классически извѣстныя искаженія Шекспира во французскихъ переводахъ. Теперь оказывается, что французы далеко не такъ виновны и отвѣтственны за свои уморительныя продѣлки съ Шекспиромъ, какъ объ этомъ думали прежде. Не ихъ вина, что передъ временемъ ихъ знакомства съ твореніями Шекспира, они имѣли уже вполнѣ сформировавшійся вкусъ, развитый совершенно особеннымъ образомъ и воспитанный на образцахъ Корнеля и Расина. Но благодаря тому ли обстоятельству, что мы, на мѣсто Расина и Корнеля, имѣли только Сумарокова и Озерова, или какому другому, только отъ подобныхъ чудовищностей мы рѣшительно застрахованы. Переиначивать и передѣлывать Шекспира не есть требованіе нашего вкуса; мы имѣемъ всѣ способности понимать его и находить его великимъ во всей его непосредственности, и точно такъ же непосредственно, какъ это возможно для англичанъ и нѣмцевъ. Желаемъ, чтобы къ такому пониманію Шекспира русскими людьми, столь свойственному русскимъ людямъ, въ той же степени способствовали и остальные три тома изданія г. Гербеля, въ которой способствуетъ этому уже вышедшій томъ.

Мы радуемся этому изданію, привѣтствуемъ его и благословляемъ.

Incognito.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Системы народнаго представительства въ Европѣ. — Выборы въ Англіи.

Парламентскія сессіи, дававшія такой обильный матеріалъ европейской прессѣ, нынѣ окончились почти во всей Европѣ. Въ четырехъ главныхъ государствахъ, Прусіи, Англіи, Австріи и Франціи, представительныя собранія прекратили свои засѣданія. Ихъ сессіи въ общемъ своемъ ходѣ не представляли ничего особеннаго, хотя и встрѣчались болѣе или менѣе замѣчательные эпизоды, о которыхъ мы въ свое время сообщали нашимъ читателямъ. Вообще же нельзя сказать, чтобъ упомянутыя представительныя учрежденія, за исключеніемъ одного только французскаго законодательнаго корпуса, довели свои засѣданія до конца въ полномъ согласіи съ правительствомъ. Въ этомъ отношеніи особенно отличалась прусская палата депутатовъ, такъ что послѣдняя сессія не привела ее къ соглашенію съ правительствомъ. Англійскій нижній парламентъ разошелся естественнымъ образомъ, вслѣдствіе окончанія шестилѣтняго срока его законодательной дѣятельности. Но прежде чѣмъ прекратить свои засѣданія, онъ все-таки, хотя и не слишкомъ энергически, выразилъ свое недовѣріе къ дѣятельности настоящаго министерства и заставилъ лорда-канцлера подать въ отставку. Прусскіе депутаты разстались съ правительствомъ весьма недружелюбно и, по всей вѣроятности, возвратятся въ парламентъ неиначе, какъ въ обновленномъ составѣ, болѣе благопріятномъ для цѣлей правительства. Австрійскій рейхсратъ и нынѣшнею сессіею былъ еще не въ полномъ составѣ и, конечно, будущая его дѣятельность зависитъ главнымъ образомъ отъ того участія, которое приметъ Венгрія въ народномъ представительствѣ австрійской монархіи. Мы уже указывали на то значеніе, какое должно имѣть устройство Венгріи въ конституціонномъ развитіи Австріи, но опредѣлить въ настоящее вре-

Digitized by Google

мя исходъ венгерскаго вопроса еще нѣтъ никакой возможности, такъ-какъ это зависитъ отъ того положенія, какое приметъ венгерскій сеймъ. Во Франціи, вслѣдствіе тѣхъ мѣръ, которыя были приняты императорскимъ правительствомъ при выборѣ депутатовъ, господствуетъ полное согласіе между правительствомъ и народными представителями. Но такое согласіе только кажущееся, потому что, въ послѣдней сессіи, въ образѣ дѣйствій законодательнаго корпуса произошелъ замѣтный переворотъ, не совсѣмъ благопріятный для правительства. Большинство депутатовъ, стоявшее прежде на сторонѣ правительства, начинаетъ желать освободить себя изъ-подъ власти министерства, безотвѣтственнаго передъ народнымъ представительствомъ. Надобно, однако, отдать должную справедливость тому политическому такту, съ какимъ дѣйствовало императорское правительство. Несмотря на сознаніе своей власти, оно соблюдало большую осторожность и предпочло взять назадъ нѣкоторыя изъ своихъ предложеній, чтобъ не вызвать явнаго противодѣйствія со стороны усилившейся оппозиціи. Конечно, министерство сочло за лучшее оказать такую уступчивость въ виду того обстоятельства, что во многихъ департаментахъ Франціи дополнительные выборы показали, что и сами избиратели выражаютъ желаніе дѣйствовать болѣе самостоятельно и освободиться по возможности отъ правительственныхъ кандидатуръ. Трудно предположить, чтобъ министерство потерпѣло въ законодательномъ корпусѣ полное пораженіе, но для настоящаго его могущества было бы крайне прискорбно и даже невыгодно испытать хотя бы какую нибудь замѣтную неудачу. Удобнѣе было не вызывать раздраженія партій, и потому оно рѣшилось сдѣлать нѣкоторыя уступки общественному мнѣнію и войти въ миролюбивую сдѣлку съ народными представителями. Само собою разумѣется, что такая система дѣйствій клонится въ сущности къ одной цѣли—къ упроченію династіи Наполеона III.

Послѣ представительныхъ учрежденій Англіи, Франціи, Австріи и Прусіи, должна обращать на себя особенное вниманіе публицистовъ представительная система Германіи. Съ полною увѣренностію можно сказать, что всѣ германскія государства переживаютъ въ настоящее время болѣе или менѣе сильный парламентскій и конституціонный кризисъ, такъ что въ Германіи начинаютъ выработываться теперь иные взгляды на значеніе и условія системы народнаго представительства. До сихъ поръ основаніемъ этой системы служили главнымъ образомъ теоретическія соображенія. Нѣмецкія палаты, какъ политическія учрежденія, имѣли еще сами по себѣ весьма мало значенія, такъ-какъ политическій бытъ Германіи зависитъ въ сущности еще не отъ представительныхъ учрежденій, существующихъ въ тридцати-четырехъ второстепенныхъ и малыхъ государствахъ этой страны, но отъ двухъ великихъ германскихъ державъ и общаго хода европейской политики. Постороннее вліяніе и преимущественно вліяніе Франціи на конституціонное устройство Германіи такъ сильно, что она

Digitized by Google

нѣсколько подражала въ этомъ случаѣ Франціи, но и производила у себя перевороты одновременно съ переворотами, случавшимися во Франціи.

Представительная система, въ смыслѣ представительства не городовъ и отдѣльныхъ сословій, но всего народа, была введена въ Германіи въ первый разъ во время господства надъ нею французовъ, и именно конституціей Вестфальскаго королевства, изданной Наполеономъ I, въ ноябрѣ 1807 года. За нею послѣдовала баварская конституція, обнародованная 1 мая 1808 года. Надобно однако замѣтить, что обѣ эти конституціи не были приведены въ исполненіе и самое ихъ существованіе, какъ законныхъ государственныхъ актовъ, было весьма кратковременно. Какъ бы то ни было, но важенъ былъ провозглашенный этими конституціями принципъ представительства цѣлаго народа, а не городовъ или отдѣльныхъ сословій.

Исходною точкою нынѣшнихъ германскихъ конституцій служитъ 13-я статья акта объ учрежденіи Германскаго союза, которая постановила, что во всѣхъ государствахъ Германскаго союза должно быть учреждено представительное правленіе. Впослѣдствіи, смыслъ этой статьи былъ истолкованъ и опредѣленъ 51-й статьей заключительнаго вѣнскаго акта, подписаннаго 20 мая 1820 года. Статьей этой было опредѣлено, что въ силу германскихъ конституцій, верховная власть принадлежитъ главѣ государства и что она можетъ быть ограничена палатами только въ отношеніи ея нѣкоторыхъ правъ, но не въ отношеніи ея сущности. Такимъ образомъ въ германскихъ конституціяхъ была ограждена неприкосновенность монархической власти въ его основѣ, а принципъ народной воли былъ формально исключенъ союзнымъ правомъ изъ всѣхъ германскихъ государствъ. Между тѣмъ и 13-я статья союзнаго акта была приведена въ исполненіе неодновременно, но въ различныя эпохи, болѣе или менѣе отдаленныя одна отъ другой. Прежде всего, на основаніи упомянутой статьи, была введена конституція во второстепенныхъ германскихъ государствахъ: Баваріи и Баденѣ—въ 1818 году, въ Виртембергѣ—въ 1819 году, и въ Гессен-Дармштадтѣ—въ 1820 году. Надобно замѣтить, что всѣ вообще германскія конституціи, обнародованныя до 1848 года, были составлены по образцу хартіи, данной Франціи Людовикомъ XVIII. До 1848 года либерализму французскихъ палатъ подражали палаты второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ.

Происшедшій въ 1830 году во Франціи переворотъ отразился весьма чувствительно на нѣкоторыхъ нѣмецкихъ конституціяхъ, придавъ имъ большее значеніе, какъ основамъ народнаго представительства. Еще сильнѣе отозвалась въ Германіи революція 1848 года. Противъ ея вліянія не устояли ни Австрія, ни Прусія: обѣ эти великія германскія державы допустили у себя существованіе представительныхъ учрежденій, и притомъ на началахъ болѣе либеральныхъ, нежели тѣ, которыя приняты были въ основу для прежнихъ нѣмецкихъ конституцій. Хотя послѣ наступившаго по-

Digitized by Google

литическаго затишья, въ Прусіи конституціонныя начала развивались весьма слабо, а въ Австріи были заглушены вовсе, тѣмъ не менѣе нельзя не сказать, что общая для всей Германіи конституціонная жизнь началась съ 1848 года.

Въ настоящее время въ Австріи представительная система развивается при условіяхъ довольно благопріятныхъ, особенно сравнительно съ Прусіей. Тогда-какъ верхняя прусская палата старается подавить право народнаго представительства, въ Австріи верхняя палата, какъ мы уже видѣли, дѣйствуетъ въ иномъ духѣ, считая необходимымъ примкнуть на пути конституціоннаго развитія сколь возможно ближе къ палатѣ депутатовъ. Между тѣмъ въ Прусіи, главнымъ образомъ вслѣдствіе разъединенности палатъ, народное представительство переживаетъ опасный для него кризисъ. Хотя друзья конституціоннаго порядка и утверждаютъ, что представительная система въ Прусіи выйдетъ изъ настоящаго тяжелаго положенія побѣдительницею, упрочивъ за собою всѣ преимущества, принадлежащія парламентамъ другихъ странъ, но за то противники такого порядка полагаютъ, что палата, затѣявъ борьбу съ сильнымъ и неуступчивымъ правительствомъ, опирающимся на военную силу, потеряетъ и нынѣшнее свое значеніе, сдѣлавшись не болѣе, какъ только совѣщательнымъ собраніемъ. Судя по характеру борьбы, обратившейся какъбы въ хроническій недугъ, надобно предполагать, что ненормальныя отношенія между правительствомъ и народнымъ представительствомъ превратятся нескоро. Газеты, вполнѣ знакомыя съ положеніемъ дѣлъ въ Прусіи, утверждаютъ, что правительство не уступитъ палатѣ по вопросу о военной организаціи, а слѣдовательно и по вопросу о бюджетѣ, составляющему главный предметъ раздора между правительствомъ и народнымъ представительствомъ не въ одной только Прусіи. Несмотря на упорство палаты, правительство въ практическомъ отношеніи до сихъ поръ имѣетъ значительный перевѣсъ надъ представителями націи, такъ-какъ министерство держится и народъ платитъ налоги, хотя бюджетъ и не утвержденъ палатою депутатовъ. Само собою разумѣется, что положеніе правительства сдѣлается крайне затруднительнымъ и дѣло станетъ приближаться къ окончательной развязкѣ съ того дня, какъ явится со стороны народа отказъ вносить требуемыя съ него подати. Тогда столкновеніе между народомъ и правительствомъ будетъ неизбѣжно, и Прусіи придется готовиться къ рѣшительному перелому. Нынѣшнему положенію дѣлъ въ Прусіи содѣйствуютъ весьма много особыя условія, не только политическія, но и этнографическія. Населеніе Прусіи и Бранденбургіи, образующее главную силу прусской монархіи, по происхожденію своему не нѣмецкое, а славянское. Оно, какъ видно изъ исторіи, было покорено нѣмцами, и затѣмъ германизовано и цивилизовано своими побѣдителями, которые составили въ странѣ высшій классъ—дворянство. Съ этого отдаленнаго времени, господство дворянъ и подчиненность имъ прочихъ сосло-

Digitized by Google

вій были гораздо замѣтнѣе въ Прусіи, нежели въ прочихъ государствахъ Германіи, гдѣ послѣ господства французовъ рушилась окончательно феодальная система. Характеръ прусскаго правительства сохранилъ до настоящаго времени слѣды сословнаго преобладанія, и послѣдствія этого факта отражаются въ образѣ дѣйствій палаты господъ въ отношеніи къ палатѣ депутатовъ.

Другая причина, поддерживающая нынѣшній ненормальный порядокъ дѣлъ въ Прусіи, заключается, безъ всякаго сомнѣнія, въ томъ значеніи, какое имѣетъ въ Прусіи военная сила. Извѣстно, что едва-ли гдѣ нибудь войско находится въ такомъ разладѣ съ гражданами, какъ въ Прусіи, а между тѣмъ правительство всего болѣе хлопочетъ объ увеличеніи войска, на которое однако народные представители смотрятъ нетолько какъ на отягощеніе страны вслѣдствіе значительныхъ расходовъ, но и какъ на поддержку правительства, въ случаѣ, если оно вздумало разрушить водворившійся въ Прусіи конституціонный порядокъ. Надобно замѣтить, что прусская монархія со времени Фридриха II стремится къ тому, чтобы стать въ уровень съ великими державами Европы, и считаетъ содержаніе огромной арміи вѣрнѣйшимъ къ тому средствомъ. Въ областяхъ, составляющихъ издревле достояніе дома Гогенцоллерновъ, всѣ раздѣляютъ такое честолюбіе; сильнѣе всего оно отражается въ палатѣ господъ, и это чувство одерживаетъ верхъ надъ либеральными стремленіями депутатовъ, возстающихъ противъ организаціи войска на началахъ, принятыхъ правительствомъ. Палата депутатовъ немилосердно громитъ министерство Бисмарка, но народъ платитъ и, быть можетъ, еще долгое время будетъ платить подати, находя, что онѣ нужны для поддержки военно-политическаго могущества Прусіи. Все это подтверждаетъ ту мысль, что настоящее положеніе дѣлъ въ Прусіи, съ одной стороны ослабляющее, а съ другой—поддерживающее значеніе народнаго представительства борьбою палаты депутатовъ съ правительствомъ, можетъ быть весьма продолжительно.

Что же касается второстепенныхъ германскихъ государствъ, то, несмотря на большія различія въ организаціи существующихъ тамъ представительныхъ палатъ, можно сказать, что вообще въ нихъ нынѣ одерживаютъ верхъ либеральныя стремленія. Въ Германіи есть еще палаты, организація которыхъ имѣетъ много сходства съ системой представительства трехъ отдѣльныхъ сословій, такъ что собственно тамъ нѣтъ совокупной представительности всего народа, за то составъ другихъ палатъ основанъ на новѣйшихъ понятіяхъ о началѣ общаго народнаго представительства. Въ Баваріи и въ Виртембергѣ духовенство и мелкое дворянство имѣютъ во второй палатѣ особыхъ представителей, которые такимъ образомъ являются защитниками не общихъ народныхъ, но отдѣльныхъ сословныхъ интересовъ. Между тѣмъ, во второй палатѣ великаго герцогства Баденскаго нѣтъ никакого различія между депутатами, такъ что они являются тамъ представителями цѣлой націи, а не какого либо сословія. Можно подумать, что

Digitized by Google

такая организація выгоднѣе для огражденія свободы и правъ народа, и что она можетъ служить лучшимъ проводникомъ для выраженія общихъ стремленій, но примѣръ Бадена показываетъ противное. Вторая палата въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ до такой степени подчинена вліяніямъ министерства, что, повидимому, она не имѣетъ вовсе той самостоятельности, которую необходимо должно имѣть каждое представительное собраніе. Несмотря на разныя, существенныя перемѣны, послѣдовавшія въ политикѣ правительства съ 1847 года, вторая баденская палата ни разу не была возобновлена въ полномъ своемъ составѣ: здѣсь ограничивались только частными возобновленіями по четвертямъ, потому что, на основаніи баденской конституціи, такія возобновленія должны производиться каждые два года. Такимъ образомъ баденское правительство, въ теченіе осьмнадцати лѣтъ, не было вынуждено ни разу прибѣгнуть въ той мѣрѣ, къ которой обращается правительство другихъ государствъ, въ случаѣ упорства депутатовъ. Вторая баденская палата постоянно предупреждала правительство своею уступчивостію, хотя и было много поводовъ къ противодѣйствію его распоряженіямъ. Палата одинаково безмолвствовала какъ передъ либеральнымъ правительствомъ, допустившимъ возстаніе 1849 года, такъ и передъ реакціоннымъ, распоряжавшимся почти самовластно страною послѣ реставраціи великаго герцога при помощи прусскихъ войскъ.

Во многихъ изъ второстепенныхъ германскихъ государствъ отношенія между палатами и министерствами теперь довольно удовлетворительны. Къ такимъ государствамъ должно причислить Баварію, Виртембергъ и Саксонію; въ этихъ государствахъ не происходитъ такой парламентской борьбы, какая ведется въ Пруссіи и курфиршествѣ Гессенскомъ. Въ то же время есть однако и такія второстепенныя государства, какъ, напримѣръ, великое герцогство Гессен-Дармштадтское, герцогства Нассауское и Ангальтское, въ которыхъ безпрестанно происходятъ столкновенія между палатами и министерствами. Правительствамъ второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ угрожаетъ теперь одна общая опасность, а именно — союзъ палатъ различныхъ государствъ, подготовленный національнымъ обществомъ по поводу швезвиг-голштинскаго дѣла два года тому назадъ. Извѣстно, что депутаты нѣсколькихъ германскихъ палатъ собрались во время датско-нѣмецкой войны во Франкфуртѣ и образовали изъ себя особый комитетъ, существующій донынѣ въ этомъ городѣ. До сихъ поръ правительства терпятъ существованіе этого комитета, признающаго себя какъ-бы центральнымъ народнымъ представительствомъ, въ противоположность франкфуртскому сейму. Они не употребляютъ противъ депутатовъ тѣхъ средствъ, которыя стала употреблять Пруссія, выгоняя народныхъ представителей изъ садовъ, гостиницъ и занимая военною силою пароходы, приготовленные для ихъ поѣздки.

Здѣсь кстати будетъ сказать и о предполагаемыхъ преобразо-

Digitized by Google

ваніяхъ въ системѣ народнаго представительства въ Швеціи. Въ этомъ отношеніи Швеція представляетъ устарѣвшій порядокъ, потому что тамъ нѣтъ обще-народнаго представительства, которое замѣняется сословнымъ. Теперь въ Швеціи ожидаютъ съ большимъ нетерпѣніемъ собранія государственныхъ чиновъ, потому что во время наступающей сессіи имъ будетъ предложено обсудить проектъ новой конституціи, который правительство намѣревается представить сейму. Въ основаніи конституціи, которая нынѣ дѣйствуетъ въ Швеціи, лежитъ право представительства по наслѣдству и по избранію. Первое начало имѣетъ цѣлью поддержать право короны, второе — право народа. Замѣчательно, однако, что въ проектѣ, составленномъ правительствомъ, право наслѣдственнаго представительства уничтожено. Безъ всякаго сомнѣнія, правительство идетъ въ этомъ случаѣ на встрѣчу общественному мнѣнію, предвидя, что безъ отмѣны этого отжившаго свое время права, оно не достигнетъ желаемой реформы. Въ замѣнъ существующихъ нынѣ въ Швеціи выборовъ по сословіямъ, предполагается ввести общіе выборы депутатовъ въ обѣ палаты, верхнюю и нижнюю. Если составленный правительствомъ проектъ конституціи будетъ принятъ государственными чинами, то народное представительство, на основаніи предполагаемаго ценза, получитъ въ Швеціи демократическій характеръ, потому что при выборахъ въ верхнюю палату будутъ господствовать крестьяне, а при выборахъ въ нижнюю—рабочій и промышленный классы. Въ виду этихъ обстоятельствъ, «Крестовая газета», какъ органъ феодальной партіи, замѣчаетъ, что права шведской короны подвергнутся опасности, и что ихъ должна будетъ защищать консервативная партія.

Въ прочихъ государствахъ Европы, система народнаго представительства не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго. При отсутствіи парламентской борьбы, нельзя опредѣлить съ вѣрностію значеніе депутатовъ, такъ-какъ оно выясняется только тамъ, гдѣ палата и правительство составляютъ двѣ главныя, болѣе или менѣе враждующія между собою партіи, независимо отъ частныхъ партій, въ борьбѣ которыхъ исчезаетъ политическое единство націи и обнаруживаются несогласія съ слишкомъ разнообразными оттѣнками, неподводимыми подъ одинъ общій уровень.

Мы упомянули прежде о распущеніи англійскаго парламента; онъ былъ шестой парламентъ въ царствованіе королевы Викторіи и просуществовалъ долѣе всѣхъ парламентовъ со временъ перваго парламента, бывшаго при Георгѣ IV. Парламентъ 1859—1865 годовъ принадлежитъ къ числу самыхъ безцвѣтныхъ парламентовъ Англіи. О немъ можно только сказать, что онъ провелъ свою жизнь въ благопристойномъ спокойствіи и въ самоуслажденіи, не проявивъ ни особыхъ пороковъ, ни особыхъ добродѣтелей. Всѣ его качества были отрицательныя, а политика отличалась равнодушіемъ. Вообще, если онъ оказалъ мало добра, за то и не сдѣлалъ никакого зла; онъ, кажется, слѣдовалъ тому

Digitized by Google

изреченію, что счастливая страна не имѣетъ исторіи. Нельзя, впрочемъ, отрицать того, что онъ служилъ достаточно вѣрнымъ представителемъ той эпохи, въ которую судьба призвала его къ жизни. По словамъ газеты «Daily-News», окончившійся нынѣ парламентъ, съ молитвою фарисея на устахъ и съ вѣрою садукея въ сердцѣ, безпрестанно призывалъ всѣ деспотизмы и всѣ демократіи, существующіе на землѣ, быть свидѣтелями его превосходства надъ ними, и, перенеся нѣсколько перемежающихся припадковъ, происходившихъ отъ угрызенія совѣсти, увѣровалъ, наконецъ, что воскресеніе реформы произойти не можетъ. Еслибъ можно было вообразить, замѣчаетъ упомянутая газета, что души парламентовъ имѣютъ будущую жизнь, то душа скончавшагося нынѣ парламента отправится, вѣроятно, въ ту часть ада, гдѣ тѣни существъ, не то добрыхъ, не то злыхъ, движутся въ безмолвномъ, пустомъ пространствѣ. Посѣтитель высшаго міра лѣниво посмотритъ на нихъ съ минуту и пройдетъ мимо съ презрительнымъ равнодушіемъ, чтобъ взглянуть на замѣчательные образы великихъ злодѣевъ или мучениковъ. Короче, парламентъ 1859 — 1865 года не внесъ въ жизнь англійской націи ничего новаго ни на пользу, ни во вредъ ей.

Быть можетъ, самымъ сильнымъ упрекомъ исчезнувшему нынѣ парламенту могло бы служить его равнодушіе; но, обвиняя въ этомъ парламентъ, нельзя не признать и равнодушія націи къ своимъ интересамъ. Въ націяхъ, освоившихся съ конституціонными учрежденіями и находящихся подъ прочными правительствами, агитація не можетъ быть дѣломъ представительнаго собранія, и стремленіе къ перевороту не можетъ быть его цѣлью. Если имъ довольны его избиратели, то и оно имѣетъ полное право быть довольнымъ собою. Представительное собраніе можно было бы обвинить въ самомъ зломъ лицемѣріи и въ недоброжелательствѣ къ странѣ, еслибы оно отличалось недовольствомъ и безпокойнымъ характеромъ въ то время, когда страна, въ которой оно собирается и распускается, остается спокойна и довольна. Этимъ только и можно извинить вялость парламента, отошедшаго въ вѣчность, такъ что полнаго уваженія могутъ заслужить только отрицательныя его добродѣтели. Онъ ничѣмъ не возбуждалъ европейской войны, и поставленный между потребностью въ хлопкѣ и требованіемъ англійской филантропіи по освобожденію негровъ, сохранилъ нейтралитетъ въ междоусобной американской войнѣ. Онъ проявлялъ живое и постоянное сочувствіе къ свободѣ и независимости Италіи; онъ протестовалъ противъ присоединенія Ниццы и Савойи къ Франціи, и нетолько на словахъ, но и на дѣлѣ оказалъ примѣръ національнаго великодушія Англіи уступкою Іоническихъ острововъ, хотя, конечно, при этомъ родственная связь новаго греческаго короля съ англійскимъ королевскимъ домомъ имѣла значительную долю вліянія. Парламентъ протестовалъ противъ вторженія прусаковъ и австрійцевъ въ Данію, но воздержался отъ всякаго вмѣшатель-

Digitized by Google

ства, кромѣ нравственнаго, и отказался рисковать интересами Англіи и цивилизаціи изъ-за участія съ одною изъ великихъ военныхъ державъ въ крестовомъ походѣ противъ другой такой же державы. Вообще же, какъ замѣчаетъ одна англійская газета — онъ наговорилъ много нелѣпостей, но глупостей надѣлалъ мало.

Что касается внутреннихъ дѣлъ страны, то онъ охотно принялъ благіе результаты финансовой администраціи г. Гладстона, послѣдствіемъ которой было уменьшеніе налоговъ на 16,000,000 фунтовъ стерлинговъ; онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на пути законодательной реформы; относительно же религіозной свободы, онъ не двинулся впередъ, но и не отступилъ назадъ. По морскому и сухопутному вѣдомствамъ онъ терпѣливо переносилъ трату денегъ на опыты по усовершенствованію пушекъ и издержки на постройку всевозможныхъ фортовъ; но, несмотря на то, онъ гнался за малѣйшею экономіею по статьямъ болѣе необходимымъ, нежели пушки и форты. Вообще, по словамъ газеты «Daily News», исчезнувшій парламентъ былъ собраніемъ досужихъ джентльменовъ, много говорившихъ и мало сдѣлавшихъ.

Представительная система въ Англіи считалась нѣкогда образцомъ, достойнымъ подражанія, такъ что государственный строй Англіи сдѣлался какимъ-то идеаломъ политическаго быта. Время, однако, указало на множество недостатковъ народнаго представительства въ Англіи, и прежнее обаяніе исчезло. Въ былое время, при маломъ развитіи въ массахъ образованія, почитали достаточнымъ предоставить веденіе національныхъ интересовъ въ наслѣдственное распоряженіе государственными дѣлами какихъ нибудь двухсотъ аристократическихъ фамилій, господствовавшихъ надъ всѣмъ народомъ; это не казалось страннымъ. Но наступила пора сознанія въ массахъ, и пришлось предоставить имъ большее участіе въ конституціонной жизни Англіи. Еще до тридцатыхъ годовъ участіе это было крайне ограничено; религіозную совѣсть народа, его мысль и его матеріальное благосостояніе держала въ своихъ рукахъ горсть богатыхъ и надменныхъ лордовъ, такъ что представительство народа въ лицѣ членовъ нижней палаты было только формальностію. Аристократы, захвативъ власть законодательную и административную, преслѣдовали въ своихъ дѣйствіяхъ и мѣрахъ интересы своего круга, оставляя въ сторонѣ заботы о благѣ цѣлаго народа. Палата перовъ была тогда господствующею политическою силою въ Англіи; старѣйшіе представители аристократическихъ родовъ, засѣдая въ этой палатѣ, управляли страною сообразно съ выгодами того сословія, къ которому они принадлежали. Палата депутатовъ или общинъ не имѣла никакого значенія, такъ-какъ она наполнялась исключительно сыновьями, племянниками, болѣе или менѣе близкими родственниками и кліентами лордовъ, такъ что собственно она была только орудіемъ верхней палаты. Министерства составлялись, держались и падали по произволу верхней палаты. Въ 1832 году, состоялся новый избирательный законъ,

Digitized by Google

освободившій нѣсколько населеніе отъ произвола поземельныхъ владѣльцевъ. Хотя сторонники англійской конституціи настойчиво увѣряютъ въ послѣдовательномъ и самобытномъ развитіи народнаго представительства въ Англіи, но нельзя не признать, что на законѣ 1832 года отразились слѣды общаго, только что совершившагося тогда въ Европѣ революціоннаго движенія. Законъ этотъ былъ въ сущности не болѣе какъ уступкою со стороны господствовавшей въ Англіи аристократической партіи, спасавшейся у себя дома демократическаго взрыва. Партія эта весьма благоразумно поступила, поспѣшивъ предупредить народное негодованіе изданіемъ такого избирательнаго закона, который имѣлъ демократическій характеръ, и освобождалъ въ значительной степени англійскихъ гражданъ, пользовавшихся правомъ участія въ выборахъ, отъ стѣснительнаго вліянія со стороны аристократовъ. Законъ этотъ былъ не болѣе, какъ поблажкою многолюднымъ, промышленнымъ городамъ, которые роптали на тяготѣвшую надъ ними опеку. Законъ 1832 года вводилъ въ кругъ избирателей нѣсколько тысячъ самостоятельныхъ гражданъ, и слѣдствіемъ этого было то, что палата общинъ, выбранная въ первый разъ подъ дѣйствіемъ новаго закона, оказалась болѣе самостоятельной, нежели была прежде. Несмотря, однако, на то, что такой порядокъ существуетъ въ Англіи уже тридцать-три года, англійская аристократія успѣла сохранить свое преобладающее вліяніе на государственныя дѣла, если не прямо черезъ палату общинъ, то косвеннымъ образомъ, посредствомъ выборовъ въ члены нижней палаты.

Сколько бы ни твердили хвалители англійскихъ порядковъ, что Англія страна демократическая и что тамошняя аристократія составляетъ не господствующую, но только консервативную партію—все же нельзя не признать, что Англія до сихъ поръ—классическая страна аристократическихъ учрежденій и аристократическихъ привилегій. Правда, что по численному своему составу, вслѣдствіе майоратныхъ правъ, англійская аристократія какъ-будто поглощается въ массѣ народа, которому она умѣетъ льстить, когда это бываетъ нужно; тѣмъ не менѣе какъ законное, такъ и искуственное ея преобладаніе еще такъ сильно, что съ нимъ не могутъ выдержать борьбу возникающія демократическія стремленія. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ ходъ по вопросу объ избирательной реформѣ. Нѣкоторые англійскіе лорды трубятъ на митингахъ о пользѣ расширенія избирательныхъ правъ, но вся вообще аристократія умѣетъ косвеннымъ образомъ противопоставить преграды тому порядку, которой угрожаетъ вырвать изъ рукъ ея политическое преобладаніе надъ прочими классами. Внѣшность бываетъ очень часто обманчива. Судя по формальному ходу дѣлъ, нынѣ палата общинъ преобладаетъ надъ палатою перовъ, но въ сущности дѣло выходитъ иначе, потому что нижняя палата наполняется такими депутатами, которые бываютъ обязаны своимъ избраніемъ вліянію аристократіи. Представительство нижней па-

Digitized by Google

латы сдѣлается народнымъ не тогда, когда будетъ понижень избирательный цензъ, но когда будетъ устранено вліяніе аристократіи на выборы въ ея члены. Богатые и щедрые, когда это бываетъ нужно, англійскіе лорды найдутъ возможнымъ наполнять нижнюю палату своими кандидатами и при увеличенномъ числѣ избирательныхъ голосовъ, хотя, конечно, тогда сдѣлается это нѣсколько труднѣе, нежели было прежде.

Ревнители англійскихъ порядковъ видятъ въ аристократическомъ духѣ англійскихъ учрежденій ту хорошую сторону, что они сдерживаютъ грубые инстинкты массы и оставляютъ заботу о дѣлахъ государственныхъ въ рукахъ образованнаго меньшинства. Дѣйствительно, предоставленіе толпѣ господства въ управленіи страною не обѣщаетъ странѣ порядка и благоустройства; но не выходитъ ли еще хуже, если безсмысленная толпа служитъ сильнымъ орудіемъ одной какой либо партіи, употребляющей идею народнаго представительства для своихъ собственныхъ цѣлей? При этомъ неизбѣжно развращеніе массъ, которымъ угождаютъ и которыя морочатъ фразами, когда бываетъ надобность въ поддержкѣ со стороны толпы. При этомъ подкупы, лесть и устрашенія пускаютъ въ ходъ, какъ самыя обычныя средства. Умственное и нравственное развитіе народа бываетъ задержано и подавлено, и господство надъ нимъ остается въ рукахъ людей честолюбивыхъ, ищущихъ почета и власти. Хотя теперь въ Англіи и ослабѣваетъ преобладающее вліяніе аристократіи на народное правительство, тѣмъ не менѣе, однако, происходящіе тамъ нынѣ выборы показываютъ, что вліяніе это еще весьма сильно и что конституціонные порядки этой страны еще весьма далеки отъ того совершенства, которое приписываютъ имъ ихъ хвалители.

Теперь вездѣ, не въ одной только Англіи, по словамъ Брайта, одного изъ главныхъ двигателей реформистскаго вопроса, но на всемъ европейскомъ материкѣ и во всемъ мірѣ, проявляется новая сила, которая все крѣпнетъ и движется впередъ. Эта сила борется съ старыми авторитетами, и съ нею же выходятъ на свѣтъ новыя начала, возбуждающія въ себѣ сочувствіе всѣхъ разумныхъ и мыслящихъ людей. Эти самыя начала должны послужить обезпеченіемъ личной свободы и распространить ее вмѣстѣ съ распространеніемъ образованія. Подъ вліяніемъ этихъ началъ совершаются и политическія преобразованія Англіи, въ раду которыхъ избирательная реформа занимаетъ первое мѣсто. Этотъ вопросъ заключаетъ въ себѣ всѣ условія конституціоннаго быта англійской монархіи. Либеральная партія хлопочетъ о скорѣйшемъ и сколь возможно болѣе широкомъ его разрѣшеніи; партія же торіевъ не отвергаетъ необходимости приступить къ этому вопросу, какъ къ хорошо-обдуманной мѣрѣ. Такая оговорка, по замѣчанію Брайта, значитъ, что тори желаютъ обдумывать ее какъ можно дольше, и въ концѣ концовъ не придти ни къ какому заключенію. Тори говорятъ, что они не прочь отъ реформы «точно уравновѣшенной», но это равновѣсіе, прибавляетъ Брайтъ,

Digitized by Google

должно быть до такой степени точно, чтобъ никто не замѣтилъ никакой перемѣны въ вѣсахъ и чтобы чашки вѣсовъ не тронулись даже съ мѣста. Другіе изъ нихъ говорятъ, что они не противятся реформѣ, какъ конституціонной мѣрѣ, но подъ этимъ должно разумѣть, что реформѣ не слѣдуетъ уничтожать всего того, что всѣ благоразумные и мыслящіе люди начали охуждать, особенно же той неоспоримой привилегіи, въ силу которой всѣ тѣ, въ чьихъ рукахъ исключительно находится правительственная власть, могли бы остаться навсегда единственными обладателями власти въ управленіи дѣлами великой англійской націи.

Вотъ какимъ образомъ развиваетъ Брайтъ идею конституціоннаго строя Англіи.

Мы—говоритъ онъ — живемъ подъ властью такъ-называемаго представительнаго правительства. Нами управляютъ монархъ, палата перовъ и палата депутатовъ. Но монархъ, въ смыслѣ представительнаго выборнаго начала, не есть представитель націи, онъ у насъ — высшая исполнительная власть, и онъ, какъ предполагается, безразлично смотритъ на всѣ классы народа. Перы сами по себѣ тоже не представители націи; они не отдаютъ ей отчетовъ о своей дѣятельности, они не являются на митинги, чтобы выслушивать отъ своихъ соотечественниковъ порицанія за то, что нанесли имъ вредъ, или усиливать въ себѣ довѣріе, если они благоразумно и вѣрно исполнили свои обязанности. Кто же, слѣдовательно, представляетъ народъ и говоритъ за него? Мы— палата общинъ, и потому нужно стараться о томъ, чтобъ эта палата была истинною представительницею народа.

Затѣмъ Брайтъ переходитъ къ цензу, который служитъ основою избирательнаго права. Изъ приведенныхъ имъ свѣдѣній оказывается, что въ Соединенномъ королевствѣ находится 7 милліоновъ мужчинъ, способныхъ, по своему возрасту, пользоваться избирательнымъ правомъ, между тѣмъ въ дѣйствительности число избирателей простирается только до 1,200,000 лицъ. Изъ этого числа 570,000 городскихъ и 750,000 сельскихъ избирателей. Такимъ образомъ число сельскихъ избирателей почти на половину превосходитъ цифру городскихъ избирателей. Брайтъ полагаетъ, что сельскіе избиратели не станутъ благопріятствовать либеральнымъ мѣрамъ и либеральнымъ представителямъ. По словамъ его, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, земледѣльцы и крупные собственники обладаютъ въ сельскомъ населеніи бо̀льшимъ вліяніемъ, и потому толпа сельскихъ избирателей оказывается «стаею нѣмыхъ собакъ». Сельское представительство — продолжаетъ Брайтъ — похоже на мертвое тѣло, соединенное съ живымъ организмомъ городскаго представительства, и оно нисколько не способствуетъ развитію тѣхъ великихъ либеральныхъ мѣръ, отъ которыхъ зависитъ процвѣтаніе страны. Брайтъ ссылается, между прочимъ, на тотъ фактъ, что фермеровъ вовсе не спрашиваютъ, желаютъ ли они того кандидата, за котораго предлагаютъ имъ подать голосъ. Изъ этого оказывается,

Digitized by Google

что 5 мильйоновъ людей, работающихъ изъ-за куска хлѣба, вполнѣ и преднамѣренно устранены отъ всякаго участія въ управленіи страною. Они не имѣютъ прямаго представительства въ такой странѣ, гдѣ краеугольнымъ камнемъ управленія служатъ представительная система и представительныя начала.

Широкому развитію этихъ началъ главнымъ образомъ препятствуетъ несоразмѣрное распредѣленіе поземельной собственности; земля принадлежитъ только богатымъ владѣльцамъ, такъ-какъ все прочее населеніе живетъ на ней въ качествѣ арендаторовъ, подчиняющихся произволу собственниковъ. Успѣшному развитію народнаго представительства вредятъ сильно майораты, обращающіе каждую фамилію перовъ въ какую-то династію, менѣе ограниченную въ ея владѣніяхъ, нежели ограничена королевская династія на всемъ пространствѣ государственной территоріи. Биль объ избирательной реформѣ, проведенный въ парламентѣ не представителями сельскаго населенія, но представителями городовъ, клонится къ тому, чтобы нанести смертельный ударъ всѣмъ привилегіямъ и монополіямъ и водворить въ англійской націи гражданское равенство, безъ котораго невозможно народное представительство въ истинномъ значеніи этого слова. Противники избирательной реформы пугаютъ средній классъ будущимъ преобладаніемъ нисшихъ слоевъ населенія. Такъ они стараются убѣдить, что при новыхъ порядкахъ рабочій классъ, вслѣдствіе своей многочисленности, возьметъ верхъ надъ торговымъ классомъ, а рабочій классъ стращаютъ преобладаніемъ надъ нимъ сельскаго населенія. Короче, они стараются возбудить одинъ классъ противъ другаго, чтобъ самимъ господствовать, пользуясь всеобщимъ разладомъ.

При настоящихъ выборахъ въ англійскихъ и шотландскихъ сельскихъ округахъ или графствахъ, а также въ Ирландіи либеральная партія восторжествовала надъ консервативной. Это явленіе служитъ доказательствомъ, что если вліяніе аристократіи на выборы еще не совершенно уничтожилось, то все же оно значительно ослабѣло. Изъ отголосковъ общественнаго мнѣнія, заявляемыхъ въ англійской прессѣ, видно, что въ Англіи сильно негодуютъ на стѣсненія избирателей, находящихся то подъ прямымъ, то подъ косвеннымъ вліяніемъ своихъ покровителей—крупныхъ землевладѣльцевъ, отдающихъ землю въ аренду фермерамъ. Бо́льшая часть такихъ арендаторовъ-фермеровъ, подходя подъ условія существующаго нынѣ въ Англіи избирательнаго ценза, пользуются избирательнымъ правомъ, и передаютъ свои голоса патронамъ изъ опасенія, что не угодивъ имъ, они подвергнутся болѣе тяжелымъ условіямъ по арендѣ земли. Такимъ образомъ крупные землевладѣльцы, аристократы и обладатели огромныхъ майоратовъ, располагаютъ почти всею массою сельскихъ избирательныхъ голосовъ и противятся всякимъ парламентскимъ реформамъ, передающимъ постепенно привилегію избирательнаго права все большему и большему числу людей небогатыхъ. Еще не такъ давно

Digitized by Google

никто не рѣшался явиться въ графствахъ либеральнымъ кандидатомъ потому, что такой кандидатъ не могъ найти поддержки въ сельскихъ избирателяхъ, которые опасались, что владѣлецъ земли сгонитъ ихъ съ арендуемаго ими участка, если они не подадутъ голосъ въ пользу такого кандидата. Противъ такихъ злоупотребленій избирательнымъ правомъ возстала прежде всего журналистика и, безъ всякаго сомнѣнія, ей главнымъ образомъ должно приписать то, что фермеры стали мало по малу освобождаться изъ-подъ страха, наводимаго на нихъ мѣстными землевладѣльцами. Впрочемъ, и нынѣ англійскіе лорды пытаются удержать свое прежнее вліяніе на сельскихъ избирателей. Такъ въ настоящее время надѣлалъ много шума образъ дѣйствій одного изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ въ Англіи, герцога Мальборо въ отношеніи къ избирателямъ-фермерамъ, живущимъ на его земляхъ.

Благородный герцогъ, потомокъ знаменитаго англійскаго полководца и владѣлецъ 20 значительныхъ мѣстечекъ, употребилъ систему устрашенія противъ своихъ арендаторовъ, желая принудить ихъ подать голоса въ пользу предложеннаго имъ кандидата. Дѣло это получило огласку и герцогъ вынужденъ былъ отказаться отъ прямаго вліянія на избирателей, арендующихъ землю въ его владѣніяхъ, тѣмъ не менѣе онъ не отказался отъ своего намѣренія, прибѣгнувъ къ тайнымъ проискамъ. Такъ онъ доставлялъ на своихъ лошадяхъ избирателей въ городокъ Водстукъ, гдѣ происходили выборы, устроилъ дѣло такъ, что конторщики изъ его помѣстій составляли избирательные списки, не пропускалъ черезъ свой паркъ противниковъ предложеннаго имъ кандидата, заставляя ихъ дѣлать значительный объѣздъ, склонялъ самъ въ пользу своего кліента арендаторовъ, приходившихъ платить ему ренту, и вообще довелъ свое косвенное вмѣшательство въ выборы до того, что газета «Daily-News», энергически протестуя противъ поступковъ герцога, предлагаетъ правительству обратить должное вниманіе на подобныя злоупотребленія, отъ которыхъ, по словамъ ея, долженъ краснѣть каждый свободный человѣкъ.

Но кромѣ стѣсненій со стороны лордовъ-аристократовъ, англійскіе избиратели испытываютъ еще и другія неудобства. Въ числѣ ихъ притѣснителей находятся, между прочимъ, и директоры желѣзныхъ дорогъ, которые употребляютъ свое вліяніе на прислугу, инженеровъ и даже акціонеровъ. Оказывается, что при нынѣшнихъ выборахъ одна изъ компаній желѣзныхъ дорогъ рѣшилась благопріятствовать избранію консервативныхъ кандидатовъ, и изгнала изъ своей службы тѣхъ, которые не пожелали подать голоса въ пользу такихъ кандидатовъ. Одна изъ англійскихъ газетъ заподозрѣла «компанію восточныхъ желѣзныхъ дорогъ» въ томъ, что означенная компанія, владѣя капиталомъ въ 20 милльоновъ фунтовъ стерлинговъ, полагаетъ употребить часть капитала для подкупа избирателей. Въ Портсмутѣ подписываютъ петиціи противъ кандидатовъ, достигнувшихъ избранія посредствомъ обмана и подкуповъ.

Digitized by Google

Выборы въ Англіи продолжались въ теченіе двухъ недѣль; во все это время въ разныхъ пунктахъ королевства собирались митинги на улицахъ, на площадяхъ, въ паркахъ и въ замкахъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ оканчивались выборы, начались празднества и овація въ честь новыхъ представителей. Самые же выборы возбуждали въ иныхъ городахъ и сельскихъ округахъ такое ожесточеніе партій, что нерѣдко завязывались побоища, для прекращенія которыхъ нетолько являлась полиція, но и гусары. Выборы не обошлись даже безъ убійства на улицѣ среди бѣлаго дня. Особенную непріязнь встрѣчали при послѣднихъ выборахъ консервативные депутаты. На одного изъ нихъ въ Карлейлѣ высыпали мѣшокъ сажи, въ иныхъ кандидатовъ бросали камни, картофель, кирпичи, грязь и гнилыя яблоки. Въ Шеффильдѣ избирательная борьба дошла до того, что разъяренная толпа бросалась на всѣхъ прилично-одѣтыхъ пѣшеходовъ, останавливала кареты и вообще нападала на всѣхъ джентльменовъ, ходившихъ въ шляпѣ; съ нихъ срывали шляпы, которыя тутъ же топтали ногами. Нѣсколько женщинъ и дѣтей подверглись довольно-сильнымъ ушибамъ.

Выборамъ въ Англіи предшествуетъ такъ-называемое «назначеніе» (nomination), то-есть предварительная подача голосовъ въ пользу того или другого кандидата посредствомъ поднятія рукъ. Обрядъ этотъ очень простъ. Въ просторныхъ досчатыхъ балаганахъ, нѣсколько приподнятыхъ надъ землею и совершенно открытыхъ спереди, стоятъ кандидаты, окруженные своими друзьями, приверженцами и агентами, а предъ ними избирающая толпа, состоящая изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Порою говорятъ сами кандидаты, порою, вмѣсто ихъ, ораторствуютъ ихъ наиболѣе краснорѣчивые друзья. Какъ бы ни былъ громокъ голосъ говорящаго, но при большомъ пространствѣ, занятомъ толпою, при шумѣ, крикѣ, визгахъ и плачѣ дѣтей, только стоящіе въ среднихъ рядахъ могутъ слышать, и то не всю рѣчь, а нѣсколько словъ. Смотря по тому впечатлѣнію, которое производитъ на слушателей ораторъ, толпа одобряетъ его и рукоплещетъ ему, или, напротивъ, гудитъ негодованіемъ. Само собою разумѣется, что въ заднихъ рядахъ все это дѣлается, такъ-сказать, по довѣренности, смотря по тому, какъ поступаютъ передовые ряды и также, сообразно со степенью того расположенія, которымъ пользуется явившійся кандидатъ. Нетрудно понять, что все это допускается только для виду, изъ желанія польстить толпѣ и показать участіе народа въ дѣлахъ управленія страною. Право народнаго представительства обращается при этомъ въ площадное шутовство. Само собою разумѣется, что вліятельные люди Англіи понимаютъ значеніе этой политической комедіи и стараются продолжить ея существованіе, какъ-бы освящая этимъ тотъ демократическій принципъ въ конституціонномъ быту Англіи, которымъ начинаютъ гордиться англійскіе аристократы, стараясь еще болѣе отуманить темный народъ.

Digitized by Google

Вся эта шумливая, безтолковая процедура, весь происходящій при этомъ гамъ и даже случающіяся здѣсь драки не имѣютъ ровно никакого значенія для выборовъ. Выборъ кандидатовъ рѣшенъ заранѣе голосами избирателей—голосами, которые пріобрѣтены предварительно богатыми землевладѣльцами въ пользу почему либо близкихъ имъ людей. Назначеніе кандидатовъ посредствомъ поднятія рукъ—вовсе не избирательный актъ, но только потѣха, придуманная для отвода черни отъ тѣхъ благоразумныхъ притязаній, на которыя могутъ направить ее если не собственные ея инстинкты, то постороннія внушенія. Публика, толпящаяся около балагановъ, въ которыхъ кандидаты рѣшаются являться какими-то паясами, состоитъ не изъ однихъ только уполномоченныхъ избирателей округа, но и изъ праздныхъ зѣвакъ, которые хотятъ воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ покричать и пошумѣть при выборахъ въ представители британскаго народа. Настоящій избирательный актъ, который совершается обыкновенно на другой день послѣ «назначенія», состоитъ въ томъ, что избиратели являются передъ тѣми же самыми балаганами, чтобы подать свой голосъ открыто. Правительству и полиціи нѣтъ надобности заботиться о томъ, чтобы тутъ не замѣшался кто-нибудь изъ неимѣющихъ избирательнаго голоса: друзья соперничествующихъ кандидатовъ зорко слѣдятъ за этимъ и повѣряютъ подаваемые голоса. О томъ же, что говорили или чего не говорили избранные кандидаты, можно узнать всего вѣрнѣе нѣсколькими часами позже, потому что передъ каждымъ балаганомъ находится небольшое пространство, также приподнятое надъ уровнемъ площади и предназначенное для стенографовъ и журнальныхъ кореспондентовъ, которымъ всюду открытъ доступъ и обезпечены удобства для ихъ занятій.

Что же касается отзывовъ англійской журналистики о выборахъ, то вообще можно сказать, что она не слишкомъ довольна обстановкою происходившихъ нынѣ выборовъ, хотя, конечно, ими восхищаются безусловно органы тѣхъ партій, для которыхъ подобный порядокъ представляетъ своего рода удобства и выгоды. Либеральныя газеты въ особенности недовольны програмами многихъ кандидатовъ, имѣющихъ обыкновеніе заявлять свои взгляды въ общихъ выраженіяхъ, или говорить о каждомъ политическомъ вопросѣ съ прибавленіемъ частички «но». Газета «Daily News» замѣчаетъ, что безпристрастный иностранецъ, читая британскіе избирательные адресы, будетъ навѣрно пораженъ ихъ общими чертами: взаимнымъ сходствомъ и желаніемъ представить затронутый вопросъ въ самомъ благопріятномъ видѣ, если только при разрѣшеніи его будетъ участвовать написавшій адресъ. Континентальные политики — продолжаетъ упомянутая газета — судя по этимъ адресамъ, должны непремѣнно предполагать, что мы — англичане, самый счастливый народъ. Встрѣчается ли когда-нибудь — спрашиваетъ «Daily News» — такое отвратительное повтореніе пошлыхъ фразъ, построенныхъ по извѣстному образцу,

Digitized by Google

сухихъ и безъ всякаго содержанія, какими бываютъ наполнены избирательные адресы? Существовалъ ли когда-нибудь подобный хоръ дребезжащихъ трубъ и цимбаловъ? Какимъ образомъ, среди чудесъ новѣйшей промышленности выброшено на рынокъ это скоропѣлое и громадное произведеніе политической чепухи? Какимъ образомъ случилось, что всѣ эти обрывки и отрывки принциповъ, проповѣдуемыхъ въ адресахъ, обратились въ какой-то особый слогъ, котораго никто не понимаетъ, но на которомъ вдругъ начинаетъ писать каждый, и писать съ легкостію и самоувѣренностію? По всей вѣроятности, въ нашъ вѣкъ, въ вѣкъ механическихъ изобрѣтеній — эти адресы пишутъ посредствомъ машины...

Нельзя не согласиться съ этими злыми насмѣшками газеты «Daily News», если только сообразить, что иные люди, пользующіеся почетною извѣстностію, какъ государственные или общественные дѣятели, рѣшаются передъ выборами на такія продѣлки, которыя вовсе не соотвѣтствуютъ занимаемому ими положенію. Они относятся къ массѣ британскаго народа, обыкновенно прославленнаго за его политическій тактъ, съ самыми вздорными воззваніями и, конечно, скорѣе жалокъ, но никакъ уже не великъ тотъ народъ, который позволяетъ морочить себя разными нелѣпостями. А между тѣмъ, это приходится сказать о британской націи, если внимательно взглянуть на то, къ чему сводится ея народное представительство. Лица, засѣдавшія въ палатѣ молчаливо въ теченіе шести сессій, вдругъ дѣлаются публичными говорунами и политическими мыслителями для того, чтобы снова овладѣть довѣріемъ толпы, и съ помощью фарса засѣсть опять въ палату въ качествѣ народнаго представителя.

На такихъ искателей почета и политической власти — искателей многочисленныхъ и успѣвающихъ достигнуть желаемой цѣли — нападаетъ газета «Daily News» — съ особымъ ожесточеніемъ. Эти люди — говоритъ она — о которыхъ никто не зналъ, что въ головахъ ихъ есть какія-нибудь мысли, и что они способны говорить и писать на понятномъ англійскомъ языкѣ—пускаются вдругъ въ граматическія упражненія, и развиваютъ свои мысли. Они являются передъ избирателями чѣмъ-то въ родѣ глубокихъ и серьёзныхъ мыслителей, важными государственными людьми, обремененные мудростію опыта и сознаніемъ лежащей на нихъ отвѣтственности. Они выставляютъ себя правителями, укрѣплявшими и обогащавшими отечество во всякую минуту впродолженіе шести послѣднихъ лѣтъ. И ихъ-то невѣжественная публика — иронически добавляетъ «Daily News» — считала личностями, шатавшимися по переднямъ, спѣшившими чуть не подъ ударами бича подавать свои голоса въ палатѣ и старавшимися забыть скучныя палатскія пренія въ послѣобѣденныхъ спорахъ и шуткахъ! Хорошо — заключаетъ «Daily News» — что парламентъ распускается хотя каждыя пять или шесть лѣтъ, иначе мы никогда не узнали бы всей громадной мудрости, нами управляющей, или, по крайней-мѣрѣ, насъ охраняющей.

Digitized by Google

Къ числу указанныхъ нами искателей принадлежатъ консерваторы и либералы, въ особенности же либеральные консерваторы; всѣ эти лица, домогающіяся съ такимъ усиліемъ попасть въ число народныхъ представителей, положили не касаться существующихъ въ Англіи учрежденій, считая свое представительство оплотомъ противъ народной бури, угрожающей, по ихъ мнѣнію, мгновеннымъ разрушеніемъ трона, церкви и конституціи.

Радикалы дѣйствуютъ съ большею прямотою; въ своихъ воззваніяхъ къ избирателямъ они говорятъ обыкновенно то, что̀ думаютъ, безъ всякаго самохвальства и прикрасъ.

Въ свою очередь аристократическая журналистика нападаетъ на стремленіе либераловъ къ расширенію избирательнаго права. Въ особенности строгому со стороны ея осужденію подверглась сказанная на одномъ изъ митинговъ рѣчь лордомъ Эмберлеемъ, который принялся доказывать, что если подъ словомъ «демократія» разумѣть управленіе страны народомъ, то въ Англіи и теперь уже демократія, такъ что нечего страшиться ея. Врученіе же избирательнаго права ничего болѣе, какъ только частность, а не существо дѣла. Аристократическая пресса не оспариваетъ того факта, что въ Англіи уже на столько развились демократическіе принципы, что нужно думать объ истребленіи ихъ, но не объ ихъ развитіи. Мы видѣли, впрочемъ, въ чемъ состоитъ истинный демократизмъ Англіи, подавляемый тамошнею аристократіею.

Хотя общественная жизнь и всѣхъ родовъ дѣятельность весьма развиты въ различныхъ провинціяхъ великобританскаго королевства, и хотя, вслѣдствіе этого, Лондонъ не пользуется въ Англіи тѣмъ преобладающимъ вліяніемъ, какимъ пользуется во Франціи Парижъ, тѣмъ не менѣе политическія манифестаціи, происходящія въ богатой и многолюдной столицѣ Англіи, не остаются безъ вліянія на остальныя части Соединеннаго королевства. Поэтому, результаты выборовъ, оказавшіеся въ Лондонѣ, представляютъ весьма важный интересъ нетолько для жителей столицы, но и для и всей Англіи вообще. «Доказательствомъ этому — говоритъ газета «Times» — служатъ мнѣнія, высказанныя представителями самыхъ многочисленныхъ и наиболѣе просвѣщенныхъ классовъ британской націи. Тамъ, гдѣ въ составленіи палаты общинъ участвуютъ избиратели, столь различные по своему положенію, по степени своего умственнаго развитія, по большему или меньшему богатству, по своей дѣятельности и воспитанію, голоса богатыхъ, промышленныхъ и дѣятельныхъ округовъ должны, безъ сомнѣнія, имѣть немалое вліяніе на направленіе общественнаго мнѣнія въ остальныхъ провинціяхъ королевства. Хотя избираемые такими округами члены и не имѣютъ въ парламентскихъ дѣлахъ вѣса, болѣе чѣмъ представители какого-нибудь маленькаго городка, непользующагося никакимъ значеніемъ, тѣмъ не менѣе, предводители различныхъ политическихъ партій и всѣ лица, принимающія болѣе или менѣе непосредственное участіе въ управленіи государственными дѣлами, твердо убѣждены, что рѣшенія

Digitized by Google

избирательныхъ колегій, подобныхъ колегіямъ Сити или Вестминстера, почти-что выражаютъ собою мнѣніе всей націи».

Далѣе газета «Times» замѣчаетъ, что выборы лондонскаго Сити служатъ лучшимъ пробнымъ камнемъ общественнаго мнѣнія въ прочихъ городахъ великобританскаго королевства; что лондонская колегія избирателей стоитъ во многихъ отношеніяхъ выше колегій какихъ бы то ни было провинціальныхъ городовъ, на какой бы ступени экономическаго развитія ни находились эти города. Дѣйствительно, колегія избирателей Сити, отстраненная изъ-подъ вліянія аристократовъ, можетъ располагать голосами съ большею самостоятельностію, въ особенности при тѣхъ условіяхъ, что въ средѣ ея дѣйствуетъ вліяніе могущественныхъ корпорацій и громадныхъ финансовыхъ асигнацій. Въ выборахъ ея принимаютъ участіе самое богатое купечество всего міра и самые вліятельные капиталисты. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что на рѣшенія, предпринимаемыя въ лондонскомъ Сити, смотрятъ какъ на приговоры людей самыхъ богатыхъ, самыхъ искусныхъ и самыхъ образованныхъ изъ всего средняго сословія королевства великобританскаго.

Такимъ образомъ, народное представительство въ Англіи подчинено еще вліянію финансовой аристократіи, но это вліяніе обусловливается въ значительной степени практическимъ смысломъ англичанъ, хотя, конечно, и это вліяніе не лишено во многихъ случаяхъ утонченнаго эгоизма.

Особенностію нынѣшнихъ выборовъ въ Англіи были весьма замѣтные признаки вѣротерпимости, еще столь рѣдкіе въ недавнее время. Римскіе католики давно уже упрекали Англію и Шотландію за то, что въ числѣ представителей Великобританіи никогда не бывало въ парламентѣ членовъ, принадлежащихъ къ католической церкви, хотя съ 1834 года и открытъ туда доступъ католикамъ. Правда, въ распущенномъ нынѣ парламентѣ былъ одинъ католикъ, но онъ засѣдалъ тамъ не въ качествѣ выборнаго лица отъ мѣстечка Арундель, но въ качествѣ представителя герцога Норфолькскаго, какъ владѣльца упомянутаго мѣстечка. Въ виду этихъ фактовъ, католики имѣли право приписывать отсутствіе своихъ единовѣрцевъ въ парламентѣ религіозной нетерпимости жителей Англіи и Шотландіи англиканскаго исповѣданія. Между тѣмъ, въ обоихъ королевствахъ считается до 800,000 жителей католическаго вѣроисповѣданія, и отсутствіе ихъ представителя въ парламентѣ почитали однимъ изъ недостатковъ британской системы народнаго представительства. Для уничтоженія этого недостатка предлагалась даже особая система, такъ-называемая «система меньшинства», которая клонилась къ тому, чтобы дать католикамъ возможность посылать въ парламентъ одного или нѣсколькихъ особыхъ представителей; при этомъ они не лишались бы права избирать представителя и на общихъ основаніяхъ. Но въ настоящее время вопросъ объ избраніи католиковъ принялъ другой оборотъ, и они уже не могутъ упрекать въ рели-

Digitized by Google

гіозной нетерпимости своихъ сочленовъ, принадлежащихъ къ церкви, такъ-какъ въ число представителей избрано нынѣ нѣсколько католиковъ.

Въ Ирландіи выборы кончились также торжествомъ либеральной партіи надъ консервативной. Этому способствовала весьма много рѣчь лорда Дерби, произнесенная противъ измѣненія присяги, принимаемой римско-католическими членами парламента и другими офиціальными лицами. Ирландцы убѣдились теперь, что партія торіевъ не намѣрена поддерживать интересовъ и національныхъ учрежденій ихъ страны, и рѣшились перейти на сторону либеральнаго правительства, непротивившагося биллю объ отмѣнѣ спеціальной присяги для католиковъ. Особенно-важное значеніе имѣли выборы, происходившіе въ Дублинѣ, гдѣ самъ городъ, его сельскій округъ и университетъ до сихъ поръ посылали только консервативныхъ кандидатовъ. Побѣда либераловъ въ Дублинѣ отозвалась во всей Ирландіи.

Палата общинъ, послѣ произведенныхъ нынѣ выборовъ, будетъ состоять изъ 658 членовъ, изъ которыхъ 371 принадлежитъ къ либеральной партіи и 287 къ консервативной, такъ что либералы будутъ имѣть перевѣсъ передъ консерваторами 84 голосами.

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ.

Отвѣтъ г. Ляйеля на упрекъ Джона Лёббока.—Извѣстія съ верховьевъ Нила, изъ путешествія Бэкера.—Радость и опасенія Athenaeum'а, вызванныя успѣхами русскаго оружія въ Средней Азіи. — Мысли англичанъ о выгодѣ дружескихъ сношеній съ Кореею.—Дополнительныя свѣдѣнія о бельгійскихъ пещерахъ и свайныхъ постройкахъ Швейцаріи.—Новая мысль о бывшемъ на землѣ второмъ ледистомъ періодѣ.—О растительной природѣ алмаза. — Новое средство противъ горловыхъ болѣзней. — Искуственная слоновая кость и парижскій мраморъ.—Видимая рѣчь, или общая для всѣхъ языковъ азбука звуковъ.— Новый нѣмецкій журналъ.

Джонъ Лёббокъ упрекнулъ гласно Чарльса Ляйеля въ томъ, что онъ въ своемъ сочиненіи «Древность человѣка» распорядился будто бы слишкомъ произвольно статьею его, Лёббока, о датскихъ плотинахъ, построенныхъ изъ раковинъ. На этотъ упрекъ г. Ляйель отвѣчаетъ теперь въ предисловіи къ новому изданію своей книги: «Пользуюсь случаемъ заявить, что вторая глава этого тома, гдѣ говорится о датскихъ торфяныхъ мхахъ и озерныхъ жилищахъ Швейцаріи, была написана въ 1860 г., прежде шестаго изданія «Началъ геологіи», и что ея отпечатаннымъ корректурнымъ листамъ дана въ началѣ прошлой осени другая форма, для того чтобы помѣстить ихъ въ вышедшую теперь книгу, которую я намѣревался

Digitized by Google

тогда издать прежде «Началъ геологіи». Типографскій наборъ для этой главы оставался впродолженіе двухъ лѣтъ нетронутымъ въ отношеніи къ тексту; была только измѣнена нумерація страницъ. Я упоминаю объ этомъ съ цѣлью извиниться въ недостаткѣ вниманія къ замѣчательнымъ описаніямъ датскихъ и швейцарскихъ древностей каменнаго и бронзоваго періодовъ, которыя явились въ печати между осенью 1861 и февралемъ 1863 гг. Въ этотъ долгій промежутокъ времени мысли мои были заняты исключительно составленіемъ главъ, относящихся къ фактамъ ледянаго періода и къ теоріи происхожденія видовъ. Свѣдѣнія о датскихъ торфяныхъ мхахъ и раковинныхъ плотинахъ заимствованы мною изъ превосходнаго сборника ученыхъ трудовъ датскихъ и швейцарскихъ археологовъ и натуралистовъ, который составилъ другъ мой г. Морло, приславшій мнѣ его въ рукописи, прежде нежели былъ онъ напечатанъ сперва на французскомъ языкѣ въ «Mémoires de la société vaudoise des sciences naturelles», томъ VI, сентябрь 1859 г., и потомъ 1861 г. въ англійскомъ переводѣ для смитсоніанскаго института въ Вашингтонѣ. Также извѣстный зоологъ Клапаредъ переписывался со мною объ изысканіяхъ лучшихъ датскихъ натуралистовъ, особенно Стенструпа и Форхгамера, о трудахъ которыхъ подробно увѣдомлялъ онъ меня въ декабрѣ 1859 г., указывая преимущественно на «Oversigt over det Koniglike Danske Videnskabernes selskabs Forhandlingen». Стало быть, при пособіи такихъ знатоковъ дѣла, мнѣ нельзя было не знать о важнѣйшихъ открытіяхъ и взглядахъ на нихъ ученыхъ людей до 1860 г. Но я не преминулъ также воспользоваться позднѣйшими нумерами «Pfahlbauten» г. Келера и статьею г. Лёббока «Memoir on the danish Kjökkenmöddings», помѣщенною въ октябрской книжкѣ «Natural History Review» 1861 г., чтобы исправить терминологію и нѣкоторыя мѣста текста, главный матеріалъ для которыхъ былъ уже доставленъ мнѣ г-мъ Морло». Сверхъ этого на 11-й стр. новаго изданія сдѣлана слѣдующая выноска: «Г. Джонъ Лёббокъ помѣстилъ въ октябрскомъ нумерѣ журнала «Natural History Review» 1861 г., стр. 489, хорошую статью о датскихъ раковинныхъ плотинахъ, въ которой описаны результаты недавней поѣздки его въ Данію вмѣстѣ съ г. Боскомъ».

— Г. Бэкеръ, старавшійся добраться до истоковъ Нила, пишетъ: «Послѣ 18-ти-дневнаго путешествія достигъ я наконецъ озера, лежащаго миль на сто къ западу отъ Мрули въ Ваковіѣ, подъ $1^{0}14'$ с. ш., которое (если только дозволитъ ея величество) назвалъ, въ воспоминаніе покойнаго принца, «Альбертъ-Ніанзою». Это второй источникъ Нила, не по важности своей, но по порядку открытія, въ отношеніи къ озеру «Викторія-Ніанза». Столица Юніоро (Мрули) находится при впаденіи рѣки Кафура въ Нилъ, на высотѣ 3,202 ф. надъ уровнемъ моря. Плывя по Кафуру, я обогнулъ непроходимыя болота, которыя тянутся съ сѣвера къ югу, и потомъ продолжалъ путь прямо на западъ къ озеру. Дорога шла по малонаселенной, лѣсистой возвышенности, окаймляющей болота съ сѣ-

Digitized by Google

вера. Въ составъ здѣшнихъ горъ вошли гранитъ, гнейсъ и желѣзная руда, смѣшанная съ кварцемъ. Албертово озеро представляетъ обширный басейнъ, образовавшійся въ глубокой долинѣ. Крутизны, съ которыхъ я спускался къ нему по чрезвычайно неудобнымъ для ходьбы тропинкамъ, очень высоки. Съ нихъ видѣнъ только на западѣ длинный хребетъ горъ. Король Камрази и туземцы говорили мнѣ, что озеро это тянется по странѣ Руманика, но что имъ неизвѣстно, гдѣ кончается оно. Подъ 1° 14' ширина его около шестидесяти миль. Оно глубоко; вода прѣсна и прозрачна; берега открыты, песчаны и не поросли тростникомъ. Отъ Ваковіи до Магунго я проплылъ этимъ озеромъ въ лодкѣ, сдѣланной изъ древеснаго дупла, тринадцать дней. Здѣсь Нилъ, подъ 2° 16' с. ш., впадаетъ въ Албертово озеро, имѣя почти 20 миль въ ширину. Берега его до того поросли тростникомъ, что нельзя было причалить къ нимъ. Вмѣсто высокихъ горъ, отвѣсно выходящихъ изъ воды, тянутся по восточному берегу покатые холмы. По обѣимъ сторонамъ Нила, при впаденіи его, образовались широкіе и глубокіе заливы стоячей воды, поросшіе густымъ тростникомъ. Миль на 20 къ сѣверу отъ мѣста соединенія съ озеромъ, онъ снова выходитъ изъ этого резервуара и течетъ къ Гондороко. Такъ-какъ здѣшніе туземцы не соглашались плыть далѣе на сѣверъ, говоря, что берега озера населены враждебными племенами, то я поднялся вверхъ по Нилу. Здѣсь имѣетъ онъ около 250 ярдовъ ширины, очень глубокъ, но течетъ не слишкомъ быстро. Топкіе берега его окаймлялись съ обѣихъ сторонъ лѣсомъ. Проплывъ около 20 миль отъ Магунго, я былъ лишенъ возможности продолжать это путешествіе. Огромный водопадъ стремился внизъ съ высоты 120 футовъ. Выше него Нилъ сжатъ скалами. Онъ мчится по ущелью съ ужасной быстротою и потомъ низвергается въ низменную долину. Отсюда поѣхалъ я сухимъ путемъ, паралельно теченію рѣки, черезъ Чопи, и наконецъ прибылъ въ Каруму, измученный лихорадкою, которая уже нѣсколько мѣсяцевъ трепала меня, а полечиться было нечѣмъ, потому что хинина вся вышла. Озеро Албертъ-Ніанза наполняется водою съ запада изъ длиннаго хребта горъ и съ востока отъ впадающихъ въ него рѣкъ, которыя текутъ по Утумбѣ, Угандѣ и Юніоро. Нилъ также получаетъ большой запасъ воды, протекая по этому озеру, составляющему второй источникъ его. Оно очень живописно. Прибрежныя горы, изрѣзанныя водопадами, часто подымаются прямо изъ воды. На восточномъ берегу добывается много каменной соли, которою торгуютъ жалкія деревушки, разбросанныя по части Юніоро, прилегающей къ озеру. Жители ихъ чрезвычайно негостепріимны, и часто отказывались отъ продажи съѣстныхъ припасовъ. Малега—страна, лежащая къ западу отъ озера, слыветъ большимъ и сильнымъ государствомъ. Король ея Кайоро содержитъ флотъ, состоящій изъ довольно-большихъ судовъ, плавающихъ по озеру. Его подданные ведутъ значительную торговлю съ Камрази, мѣняя на соль слоновую кость, отлично-выдѣланныя кожи и другіе предметы. Мѣдные чешуйчатые брасле-

Digitized by Google

ты, фарфоръ и бусы идутъ сюда изъ Занзибара черезъ Карагве, за неимѣніемъ путей сообщенія съ западнымъ берегомъ Африки. Съ сѣвера на югъ озеро Альбертъ-Ніанза простирается почти на 260 географическихъ миль, независимо отъ его неизвѣстнаго протяженія къ западу между 1 и 2 градусами южной широты и къ сѣверу почти до 3°».

И такъ, истоки Нила все еще не открыты, несмотря на всѣ усилія европейскихъ туристовъ, многіе изъ которыхъ погибли, стремясь рѣшить эту задачу. Такъ-какъ ихъ самопожертвованіе не останавливаетъ другихъ изслѣдователей, то вѣроятно вопросъ этотъ будетъ же рѣшенъ когда нибудь. Впрочемъ, нельзя не удивляться смѣлости г. Бэкера и въ другомъ родѣ. Почти всѣ мѣста, описанныя имъ, были посѣщены другими путешественниками прежде него. Озеро, которое вздумалъ онъ назвать Альбертъ-Ніанзою, означено уже на картахъ подъ именемъ Люта-Нзиже, какъ называютъ его природные жители той части Африки. Оно относится къ озеру Викторія-Ніанза такъ же, какъ Біенское къ Невшательскому, Тунское къ Бріенскому, или Онтаріо къ Эріо. На чемъ же основалъ г. Бэкеръ свое право измѣнять собственныя имена, вошедшія уже въ науку и принятыя географами? Даже Карумскій водопадъ предлагаетъ онъ назвать именемъ какого-то джентльмена. Если допустить такой произволъ, то измѣненіямъ собственныхъ именъ конца не будетъ. Замѣчанія англійской критики противъ странной склонности г. Бэкера къ новымъ названіямъ основательны, какъ нельзя болѣе.

— Не зная еще о взятіи Ташкента, Athenaeum, по поводу перевода на англійскій языкъ путешествій въ среднюю Азію русскихъ туристовъ *, высказалъ мысли, нелишенныя для насъ нѣкотораго интереса. «Европу — говоритъ онъ — впродолженіе цѣлой недѣли занимала телеграма изъ Тифлиса, возвѣстившая о пораженіи русскихъ войскъ подъ Ташкентомъ. Въ ней сказано, между прочимъ, что Ак-Месджитъ только теперь занятъ ими безъ выстрѣла, тогда-какъ онъ былъ взятъ генераломъ Перовскимъ слишкомъ десять лѣтъ назадъ тому, послѣ отчаяной битвы. Можетъ быть, авторъ телеграмы перемѣшалъ собственныя имена. Извѣстія, что правитель Кокана предводительствуетъ теперь полторастотысячной, хорошо организованной арміею, что онъ разбилъ будто бы русскихъ, которые потеряли при этомъ 4,000 человѣкъ — все это чудовищныя преувеличенія, незаслуживающія никакого вниманія. Могло случиться, что между русскими и коканцами дѣйствительно произошла подъ Ташкентомъ стычка, и что первые потерпѣли маленькую неудачу. Но ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не повѣритъ, чтобы

* The Russians in Central Asia: their Occupation of the Kirghis Steppe and the Line of the Syr-Daria: their Political Relations with Khiva, Bokhara and Kokan: also Descriptions of Chinese Turkestan and Dzungaria. By Capt. Valikhanof, M. Veniukof and other Russian Travellers. Translated from the Russian by John and Robert Michell. 1865.

Digitized by Google

такой незначительный случай могъ сколько-нибудь измѣнить планы русскаго правительства, которые вполнѣ заслуживаютъ тщательнаго изученія со стороны англо-индійскихъ офицеровъ и политиковъ. Европейцы, за исключеніемъ русскихъ, почти такъ же мало знаютъ среднюю Азію, какъ центральную Африку. Обширная территорія отъ восточнаго берега Каспійскаго моря до степи Коби, и отъ южныхъ границъ Сибири до сѣверныхъ предѣловъ Персіи, Афганистана и Ост-Индіи, или — другими словами — страны, лежащія между 36 и 44 градусами сѣверной широты, и между 54 и 100 градусами восточной долготы, до сихъ поръ закрыты для обыкновенныхъ путешественниковъ. Хотя Борнсу, Шлангинтвейту и Вамбери удалось побывать тамъ, однакоже въ этихъ земляхъ находится много мѣстъ, никому еще неизвѣстныхъ. Конечно, на этомъ пространствѣ есть и песчаныя степи, и покрытыя снѣгомъ, непроходимыя цѣпи горъ, и безводныя пустыни, подобныя, напримѣръ, Кизиль-Куму; но не столько физическія препятствія, сколько дикій фанатизмъ жителей этихъ странъ не позволяетъ проникнуть туда европейцамъ. Племена, населяющія эту негостепріимную часть Азіи, занимаются грабежомъ и разбоемъ на всемъ ея протяженіи. Имъ недостаетъ только людоѣдства, которое пришлось какъ-то не по вкусу азіатцамъ, чтобы служить образцомъ того жалкаго состоянія, до котораго можетъ упасть человѣчество. Таковы-то дикіе жители Туркестана и китайской Татаріи. Негры и папуаны могутъ быть грубѣе, но не грязнѣй, не кровожаднѣе и не безнравственнѣе узбековъ. При такихъ условіяхъ каждый филантропъ прочтетъ съ глубокимъ интересомъ извѣстія объ успѣхахъ русской цивилизаціи въ центральной Азіи, съ которыми знакомитъ насъ переводъ гг. Мичелей. Эта цивилизація движется въ глубину самыхъ варварскихъ и наименѣе извѣстныхъ странъ земнаго шара. Когда Россія приблизится къ Хорасану, Кабулу и Ост-Индіи, въ то время невольничество и похищеніе людей прекратятся, и съ среднеазіатской торговли спадутъ хотя отчасти оковы, которыя теперь стѣсняютъ свободу ея движенія. Несмотря на политическую ревность, Англія должна бы радоваться присоединенію Хивы, Бухары и другихъ сосѣднихъ съ ними государствъ къ владѣніямъ русскаго царя... Англійскому читателю этой книги трудно подумать теперь безъ удивленія о томъ неосновательномъ страхѣ, который волновалъ Британію при мысли о нашествіи русскихъ на Ост-Индію, и былъ причиною афганистанскаго похода въ 1838 г. Россія впродолженіе цѣлой четверти столѣтія сдѣлала такія незначительныя пріобрѣтенія въ средней Азіи, что теперь обнаруживается вся безразсудность нашей паники во времена лорда Окленда». Къ удивленію, англійскій журналъ внезапно перемѣняетъ тонъ. Выписавъ изъ книги страницу, гдѣ говорится именно о томъ, что русской и англо-индійской имперіямъ нечего опасаться другъ друга при взаимномъ сближеніи границъ ихъ, Athenaeum, наперекоръ своимъ собственнымъ, только-что сказаннымъ словамъ, начинаетъ опровергать эту мысль и высчитывать причины серьёзныхъ опа-

Digitized by Google

сенній. «Всегда — говоритъ онъ — даже въ самую лучшую пору, Индія была безпокойной страною. Легкомысліе индійцевъ невообразимо. Если между ними ходили слухи о приближеніи «урусовъ», наводя на нихъ паническій страхъ, въ то время, когда казаки находились слишкомъ на тысячу миль отъ границъ Персіи и Афганистана, то что же должно быть въ Индіи при появленіи русскихъ войскъ на рубежѣ Кашмира? Что станется съ независимостью Персіи, если Россія утвердится въ Мервѣ, въ виду Астрабада? Каковы будутъ чувства индійцевъ, если, напримѣръ, Фируз-Шахъ, такъ долго вызывавшій на бой Англію близъ Дели, и потомъ очутившійся въ Персіи, предприметъ походъ изъ Герата въ Келатъ съ пятидесятитысячнымъ аріергардомъ, составленнымъ изъ русскихъ и персидскихъ войскъ? Все это такіе вопросы, о которыхъ стоитъ подумать посерьёзнѣе. Если постепенное приближеніе Россіи къ Тегерану и Герату не должно тревожить насъ, то все же оно принуждаетъ Англію позаботиться о мѣрахъ къ усиленію своего вліянія въ Персіи и Афганистанѣ. Нельзя же ей купить дружбу правителей этихъ странъ на какомъ-нибудь рынкѣ, и въ данную минуту. Здравомысліе предписываетъ запастись друзьями теперь, на случай будущей невзгоды». Опасенія англійскаго журнала неосновательны, потому что Россія не оставляетъ за собою даже взятаго приступомъ Ташкента. Если же, вслѣдствіе такой политики, ея нравственное вліяніе на Востокѣ значительно усилится, то этотъ фактъ будетъ вполнѣ соотвѣтствовать добрымъ желаніямъ Athenaeum'a, въ искренности которыхъ нельзя сомнѣваться. Въ заключеніе рецензіи говорится объ ошибкахъ, встрѣченныхъ въ переведенной книгѣ. Напримѣръ, въ ней сказано, что Персія должна расширяться на востокъ и къ *югу*. Но развѣ море не лишило ея возможности распространяться въ послѣднемъ направленіи? Тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о персидскомъ земледѣліи, сдѣлано замѣчаніе, что Иранъ имѣетъ преимущества, которыми едва-ли владѣютъ другія восточныя государства, и уже навѣрно ни одно изъ нихъ не превосходитъ его въ этомъ отношеніи. Но, за исключеніемъ Аравіи и Монголіи, едва-ли есть въ Азіи страна, которая по качествамъ почвы и средствамъ орошенія полей не превосходила бы Персію. О мулахъ говорится, что въ другимъ магометанскихъ странахъ они признаются нечистыми животными, и что разведеніе ихъ считается грѣхомъ. Но на мулахъ ѣздятъ многія духовныя лица магометанскаго вѣроисповѣданія, и заимствованная отъ евреевъ мысль о грѣхѣ, соединенномъ съ разведеніемъ этихъ животныхъ, не препятствуетъ мусульманамъ употреблять ихъ въ дѣло наравнѣ съ лошадьми и ослами. Извѣстіе о дикихъ верблюдахъ, которые будто бы водятся въ Туркестанѣ, возбудило сомнѣніе, потому что верблюда въ дикомъ состояніи до сихъ поръ нигдѣ еще не находили.

— Въ лондонскомъ географическомъ обществѣ была прочтена 12 іюня записка капитана Алена Юнга «О Кореѣ». Въ ней собраны извѣстія, заимствованныя изъ китайскихъ и японскихъ сочиненій, объ этомъ полуостровѣ восточной Азіи, находящемся между сѣвер-

Digitized by Google

нымъ Китаемъ и Японіею, и разсказаны неудачныя попытки европейскихъ моряковъ проникнуть въ эту уединенную страну. Корея лежитъ между 33 и 43° сѣв. шир.; она густо населена промышленной, цивилизованной расою, и очень богата земледѣльческими, минеральными и мануфактурными произведеніями. Торговля съ нею сулитъ большія выгоды. Но, къ сожалѣнію, этотъ полуостровъ такъ уединенъ, такъ чуждается всего остального міра, что до сихъ поръ ни одинъ иностранный корабль не заходилъ въ его гавани, и ни одному европейскому туристу не было дозволено оставаться на берегахъ Кореи. Ее омываетъ съ запада Желтое море, ведущее къ богатымъ городамъ сѣвернаго Китая. Но западный берегъ Кореи, усѣянный островами и очень опасный для судоходства, не изслѣдованъ англичанами, и у нихъ нѣтъ даже хорошей его карты. Мирное теченіе исторической жизни этого государства разнообразилось воинственными попытками китайцевъ овладѣть сѣверной его частью, и особенно двумя нашествіями японцевъ, которые до сихъ поръ удерживаютъ за собою, какъ торговый и военный пунктъ, корейскую гавань Фучанъ, лежащую противъ самаго западнаго острова Японіи Тсу-Сима. Авторъ говоритъ, что цѣль его записки заключается въ желаніи обратить на эту страну взоры тѣхъ людей, которыхъ интересуютъ географическія открытія и успѣхи англійской торговли на Востокѣ. Страна, производящая шелкъ, хлопокъ, пеньку, рисъ, табакъ, пшеницу, золото, серебро, мѣдь, каменный уголь, мѣха и фабрикаты, неуступающіе китайскимъ и японскимъ издѣліямъ, не можетъ не быть богатымъ полемъ для торговыхъ предпріятій. Вопросъ заключается въ томъ — какимъ образомъ проникнуть въ Корею, или завести съ нею торговыя и политическія сношенія, когда ея правительство такъ недружелюбно смотритъ на иностранцевъ? Корейскій государь пользуется неограниченною властью — стало быть, прямое посольство къ нему есть лучшее средство для начала дружескихъ сношеній. Французы избрали этотъ путь въ 1848 г., и вѣроятно повторятъ опытъ. Россія тоже не дремлетъ. Перемѣна въ политикѣ Японіи и Китая оправдываетъ теперь приступъ къ открытымъ сношеніямъ съ Кореею, и потому можно надѣяться, что англійское правительство постарается открыть эту страну для ученыхъ изслѣдованій и торговыхъ предпріятій. Послѣ этого было прочтено письмо капитана Шерарда-Осборна о томъ же предметѣ. Онъ самъ видѣлъ въ Пекинѣ амбары, наполненные табакомъ, шелкомъ, писчей бумагой, строевымъ лѣсомъ и металами. Всѣ эти товары были заготовлены для отпуска въ Корею сухимъ путемъ, вокругъ Леатонгскаго залива. Адмиралъ В. Г. Голль сообщилъ, что въ 1818 г. корабли Альцеста и Лира, плавая вдоль корейскихъ береговъ, наводили страхъ на жителей этой страны вездѣ, куда приближались они. Особенно перепугался одинъ старый и очень добрый мандаринъ. Онъ всячески старался уговорить англичанъ, чтобы они удалились отъ берега, и наконецъ сталъ пилить горло себѣ рукою, показывая этимъ знакомъ, что ему отрубятъ голову, если дозволитъ онъ высадиться. Земля,

Digitized by Google

на сколько удавалось англичанамъ видѣть ее, была хорошо обработана, и жители держали много рогатаго скота и домашней птицы, но ни за какія деньги не хотѣли ничего продать. Г. Голль полагалъ однако же, что корейцы, какъ и другіе восточные народы, будутъ жить въ ладу и охотно торговать съ европейцами, какъ скоро удастся послѣднимъ стать сколько-нибудь твердой ногою на почву ихъ родины. Г. Лоренсъ Олифантъ, ссылаясь на свое знакомство съ владѣтельнымъ княземъ острова Тсу-Сима, замѣтилъ, что англичане могутъ проникнуть внутрь Кореи только при помощи этого князя, если согласится онъ ходатайствовать передъ корейскимъ государемъ о пріемѣ англійскаго посольства, и что къ этому ходатайству можно склонить его только какими-нибудь особенными услугами.

— Мы говорили объ открытіяхъ, сдѣланныхъ недавно въ бельгійскихъ пещерахъ. Теперь изъ записки, представленной бельгійскому министру народнаго просвѣщенія начальникомъ комисіи, производившей изслѣдованія, г. Дюпономъ, видно, что люди, жившіе въ этихъ пещерахъ и незнакомые съ употребленіемъ металловъ, принадлежали къ націи охотниковъ, питавшихся мясомъ дикихъ звѣрей, давно уже исчезнувшихъ въ Бельгіи. Обширность ихъ торговыхъ сношеній доказывается найденными украшеніями изъ раковинъ, которыя принадлежатъ къ calcaire grossier Парижа, гдѣ въ то время дѣлались они. Почти всѣ кремни, изъ которыхъ сдѣланы орудія, тоже французскаго происхожденія. Розетская пещера состоитъ изъ двухъ параллельныхъ галерей, соединенныхъ между собою почти круглымъ отверстіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что люди были загнаны сюда страшной физической катастрофою. Всѣ бельгійскія plateaux, возвышающіяся слишкомъ на 300 саженъ надъ уровнемъ моря, покрыты толстымъ слоемъ желтой глины, размытой и поднятой съ низменныхъ равнинъ продолжительнымъ наводненіемъ. Розетская пещера, образовавшаяся на крутой возвышенности Фюрфоза, имѣетъ $2^1/_2$ сажени въ вышину, и только верхъ ея остался пустъ, все же остальное пространство покрыто тѣмъ же осадкомъ, который лежитъ на бельгійскихъ терасахъ. Очевидно, что люди, спасаясь отъ наводненія, уровень котораго постепенно возвышался, искали убѣжища въ этой пещерѣ и были здѣсь залиты водою.

Скажемъ кстати о свайныхъ постройкахъ Швейцаріи, которыя также относятся къ каменному и бронзовому періодамъ. Онѣ были открыты только въ 1853 г., когда, во время очень сухой и холодной зимы, швейцарскія озера такъ обмелѣли, какъ никогда не случалось прежде. При пониженіи ихъ уровня сваи обнаружились сами собою и обратили на себя вниманіе археологовъ. Начались изслѣдованія, результаты которыхъ были поразительны. Въ Біенскомъ озерѣ открыты остатки не менѣе 20 такихъ селъ, въ Женевскомъ—24-хъ, въ Констанцскомъ — 32-хъ, въ Невшательскомъ — 46-ти, короче — тамъ насчитываютъ теперь болѣе 200 озерныхъ деревень. Нельзя сказать, чтобы онѣ были небольшихъ разме-

Digitized by Google

ровъ. Напримѣръ, одна изъ самыхъ обширныхъ построекъ Женевскаго озера занимаетъ 170 саженъ въ длину и болѣе 20 сажен. въ ширину — всего слишкомъ 3,400 кв. саженъ. Если положить, что тутъ стояло 311 избъ, и что въ каждой изъ нихъ жило среднимъ числомъ по четыре человѣка, то окажется, что число всего населенія простиралось до 1,244 душъ. На такомъ же разсчетѣ основано заключеніе, что на площади Невшательскаго озера жило 5,000 человѣкъ. Г. Тройонъ полагаетъ, что народонаселеніе 68 озерныхъ деревень бронзоваго періода состояло изъ 42,500 душъ, а въ предшествовавшій каменный вѣкъ доходило до 31,875 душъ. Хотя разсчетъ этотъ можетъ быть вѣренъ только приблизительно, однако не подвержено сомнѣнію, что свайныя постройки были жилищами большого числа людей, особенно впродолженіе каменнаго вѣка. Въ Ванженѣ, напримѣръ, найдено 40,000 свай. Непонятно только, какія механическія средства употреблялись въ то время для вбиванія ихъ въ русло, и почему люди предпочитали тогда жить на водѣ.

— Страсбургскій професоръ г. Шимперъ недавно прибылъ въ Англію для изслѣдованія, нѣтъ ли въ ней какихъ-либо указаній на второй ледяной періодъ. Въ Швейцаріи, Бельгіи и Скандинавіи обнаружены факты, которые намекаютъ, что послѣ перваго ледянаго періода, развилась на землѣ роскошная растительность и размножились животныя, не быстро, конечно, но впродолженіе вѣковъ, и что все это опять было стерто съ лица земли новымъ льдомъ. Професоръ Шимперъ—двоюродный братъ того путешественника, который до послѣдней реакціи въ Абисиніи игралъ такъ важную политическую роль, и который извѣстенъ по своимъ геологическимъ и ботаническимъ сочиненіямъ, относящимся преимущественно къ Великобританіи.

— Давно ожидаемый трактатъ професора Гёперта «О растительной природѣ алмазовъ», явился наконецъ въ печати. Опыты доказываютъ, что алмазъ не можетъ быть минераломъ плутоническаго происхожденія, потому что онъ чернѣетъ, подвергаясь дѣйствію высокой температуры. Мысль же о его нептуническомъ образованіи подтверждается нетолько отпечатками песчаныхъ зеренъ и другихъ предметовъ, которые видны на поверхности нѣкоторыхъ алмазовъ, но также присутствіемъ внутри ихъ разнородныхъ съ ними кристалловъ и даже растеній, чѣмъ ясно уже доказывается, что алмазы находились нѣкогда въ жидкомъ состояніи. Если будутъ приняты заключенія г. Гёперта, подтверждающія мнѣніе Ньютона, Брюстера и Либиха, то алмазъ можно будетъ считать конечнымъ продуктомъ химическаго разложенія растительныхъ веществъ.

— Вюренъ-дю-Буисонъ и г. Мальяръ представили во французскую академію наукъ мемуаръ, въ которомъ говорятъ, что многолѣтнія наблюденія извѣстнѣйшихъ французскихъ и нѣмецкихъ физиковъ доказываютъ, какъ полезно отъ коклюша и вообще горловыхъ болѣзней вдыханіе паровъ, исходящихъ изъ воздухоочисти-

Digitized by Google

тельныхъ отдушинъ газовыхъ заводовъ. Они увѣряютъ, что имъ удалось открыть причину врачующей силы этихъ испареній, которая заключается въ летучей жидкости, названной ими gazéol, и что ихъ составомъ можетъ пользоваться всякій, не подвергаясь ни малѣйшей опасности. Больной долженъ находиться въ комнатѣ, гдѣ, при закрытыхъ дверяхъ и окнахъ, ставится блюдцо, наполненное жидкостью, которая испаряется въ обыкновенной температурѣ. Но изъ чего собственно состоитъ жидкость — это остается пока ихъ секретомъ.

— Въ «Les Mondes» пишутъ, что г. Дюпре изобрѣлъ составъ, замѣняющій слоновую кость и мраморъ. Онъ дѣлается изъ папье-маше и желатины. Бильярдные шары, изготовленные изъ этой массы, стоютъ втрое дешевле, и такъ эластичны и прочны, что ихъ можно бросать съ крышки на мостовую и подвергать ударамъ молотка, нисколько не вредя имъ. Изъ этого же тѣста, названнаго «парижскимъ мраморомъ», можно дѣлать разноцвѣтные карнизы и капители колонъ, которыхъ нельзя отличить отъ самаго дорогаго мрамора.

— Александръ Мельвиль-Белль, пытавшійся нѣсколько лѣтъ назадъ устранить недостатки произношенія иностранныхъ словъ, составилъ азбуку звуковъ, общую для всѣхъ языковъ. Его методъ былъ подвергнутъ строжайшему изслѣдованію и выдержалъ его съ полнымъ успѣхомъ. Онъ заключается въ письменномъ означеніи совершенно новыми знаками того участія, которое языкъ, губы, зубы и т. д. принимаютъ въ выговорѣ словъ. Главныхъ символовъ въ этой азбукѣ 39. Съ каждымъ изъ нихъ соединено понятіе о строго-опредѣленномъ дѣйствіи физическихъ органовъ произношенія. Если забудется звукъ, соединенный съ символомъ, то другіе знаки тотчасъ напомнятъ о немъ своей послѣдовательностью. Разсматриваемые порознь, іероглифы эти изображаютъ самое элементарное дѣйствіе органовъ, но, взятые вмѣстѣ, выражаютъ смѣсь звуковъ—чиханіе. «Мы—пишетъ редакторъ «Athenaum'a» отъ 15 іюля—въ числѣ другихъ филологовъ, присутствовали при испытаніи этого метода. Г. Белль, удаливъ изъ комнаты двухъ сыновей своихъ, попросилъ каждаго изъ насъ произнесть какое-нибудь трудное слово, правильно или нѣтъ—до этого нѣтъ дѣла, потому что достоинства его изобрѣтенія заключаются именно въ письменной передачѣ какихъ бы то ни было звуковъ. Онъ повторялъ самъ эти слова до тѣхъ поръ, пока предложившіе ихъ остались довольны его произношеніемъ. Послѣ этого г. Белль изображалъ ихъ на бумагѣ своими символами. Набравши такимъ образомъ порядочный запасъ словъ, онъ позвалъ дѣтей, и они стали читать написанное, воспроизводя съ чрезвычайной точностью, при общемъ хохотѣ и удивленіи, все это вавилонское смѣшеніе звуковъ, надъ изобрѣтеніемъ которыхъ трудились серьёзные филологи. Польза этого изобрѣтенія очевидна. Оно можетъ быть приложено къ телеграфной корреспонденціи на всѣхъ языкахъ, къ обученію глухо-нѣмыхъ, которые, ознакомясь подробно съ разнообразной дѣятельностью язы-

Digitized by Google

ка, гортани и другихъ органовъ, принимающихъ участіе въ выговорѣ словъ, могутъ научиться произносить ихъ, наконецъ вообще къ правильному произношенію иностранныхъ словъ, посредствомъ междустрочнаго употребленія этой азбуки звуковъ. Г. Белль намѣренъ обратиться съ просьбою къ англійскому правительству объ отливкѣ его символовъ и распространеніи изобрѣтеннаго имъ метода на казенный счетъ. Онъ говоритъ, что если придется ему потратить на это свои собственныя деньги, тогда его система будетъ даровымъ пріобрѣтеніемъ всѣхъ народовъ; но, оставаясь въ предѣлахъ британской имперіи, она поступитъ подъ защиту закона о литературной собственности. Еще въ 1849 году Александръ Белль сказалъ въ одной изъ своихъ статей: «Не трудно было бы измѣнить нашу азбуку, дополнивъ ее знаками, показывающими правильное произношеніе какихъ бы то ни было буквъ и слоговъ». Но когда сталъ онъ приближаться къ задуманной цѣли, то встрѣтилъ такія препятствія, которыя удалось преодолѣть ему окончательно только въ прошломъ апрѣлѣ.

— Во Франкфуртѣ было недавно ученое собраніе, въ которомъ разсуждали о программѣ новаго періодическаго изданія по части антропологіи. Журналъ этотъ положено издавать въ Брауншвейгѣ, подъ редакціею профессоровъ Экера и Линденшмидта. Въ немъ будутъ помѣщаться статьи по всѣмъ вопросамъ, касающимся вообще исторіи и жизни человѣка.

ОБОЗРѢНІЕ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

——

Замѣтки объ опекахъ. — Однимъ изъ самыхъ слабыхъ отдѣловъ нашихъ гражданскихъ законовъ признаются постановленія объ опекѣ и попечительствѣ, которыя нынѣ подвергнуты пересмотру въ законодательномъ порядкѣ особой комисіей, составленной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Статья объ опекахъ, напечатанная въ Журналѣ министерства юстиціи (№ 6), разсматриваетъ тѣ постановленія объ опекѣ и попечительствѣ, примѣненіе которыхъ на практикѣ возбудило наиболѣе недоумѣній и споровъ, именно: о распоряженіи капиталами малолѣтныхъ; о безотчетныхъ опекахъ; о выборѣ попечителя лицомъ, достигшимъ четырнадцатилѣтняго возраста, и о вознагражденіи опекуновъ. Относительно распоряженія капиталами существующіе законы не опредѣляютъ слѣдующихъ существенныхъ вопросовъ: можетъ ли опекунъ своею властію отдавать въ займы частнымъ лицамъ, или взять самъ, капиталы питомца, безъ разрѣшенія опеки и сиротскаго суда, и безъ обезпеченія залогомъ или закладомъ? Можно ли въ такомъ случаѣ налагать запрещеніе на собственное имѣніе опекуновъ, и отвѣчаютъ ли также опеки и сиротскіе суды за утрату отданныхъ въ заемъ

Digitized by Google

капиталовъ малолѣтныхъ? Можно ли допускать излишніе проценты (сверхъ 6%) на капиталы малолѣтныхъ? и т. п. Безотчетныя опеки учреждаются понынѣ на основаніи воли завѣщателя, потому что вообще не воспрещаются закономъ, между тѣмъ по смыслу постановленій объ опекахъ, всѣ опекуны, даже родители, должны представлять въ опеку отчеты. На практикѣ установились три мнѣнія, противоположныя одно другому: 1) что завѣщатель можетъ освободить назначеннаго имъ опекуна отъ представленія отчетности по управленію имѣніемъ, совершенно независимо отъ того, завѣщаетъ ли онъ имѣніе родовое или благопріобрѣтенное; 2) что завѣщатель можетъ назначить безотчетнаго опекуна для управленія лишь благопріобрѣтеннымъ имуществомъ; и 3) что безотчетныя опеки вовсе не допускаются нашимъ законодательствомъ. Но всѣ эти мнѣнія, по смыслу существующихъ законовъ, допустившихъ означенныя уклоненія на практикѣ, лишь по неясности и неполнотѣ ихъ, разрѣшаются тѣмъ, что завѣщатели не вправѣ освобождать опекуновъ отъ отчетности и подчиненности мѣстамъ опекунскимъ, какъ относительно благопріобрѣтеннаго, такъ и относительно родоваго имѣнія. При примѣненіи закона о назначеніи попечителей къ малолѣтнымъ, достигшимъ четырнадцатилѣтняго возраста, практика возбуждаетъ недоумѣнія по слѣдующимъ вопросамъ: возможно ли совмѣстное существованіе опеки и попечителя при четырнадцатилѣтнемъ питомцѣ; кому принадлежитъ право избранія попечителя: самому ли малолѣтному или опекѣ; достаточно ли заявленія малолѣтнаго о томъ, что онъ желаетъ имѣть попечителя, или же опека должна обсудить основательность такого ходатайства; и наконецъ, вправѣ ли малолѣтный испросить себѣ попечителя, если опекуномъ состоитъ отецъ его? Способъ вознагражденія опекуновъ также не опредѣленъ точно закономъ, почему и возбуждаются спорные вопросы о томъ, съ чистаго или валоваго дохода должно быть выдаваемо вознагражденіе; слѣдуетъ ли выдавать вознагражденіе съ капиталовъ, помѣщенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ; и наконецъ, получаютъ ли опекуны вознагражденіе съ доходовъ имѣнія, состоящаго въ арендѣ посторонняго лица? Къ вопросу о капиталахъ, помѣщенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы присоединить также вопросъ и о томъ, слѣдуетъ ли назначать вознагражденіе *вообще съ процентныхъ бумагъ*, принадлежащихъ малолѣтному, потому что бумаги эти, будутъ ли онѣ банковыя, или акціи и облигаціи частныхъ кредитныхъ и акціонерныхъ обществъ и компаній, въ сущности одинаковы, и со стороны опекуна не требуютъ никакого труда; ровно какъ и гарантія этихъ бумагъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ зависѣть отъ него.

Напечатанная въ юридическомъ журналѣ статья, какъ заявлено въ примѣчаніи, имѣетъ цѣлью обратить на изложенные вопросы вниманіе юристовъ и вызвать предположенія о преобразованіи опекунскаго устава.

Digitized by Google

Что же касается до разрѣшенія этихъ вопросовъ въ названной статьѣ, то мы не касаемся этого предмета, предоставляя желающимъ обратиться къ самой статьѣ.

Мотивы проекта закона объ отмѣнѣ личнаго задержанія за долги во Франціи. — Въ Журналѣ министерства юстиціи открытъ новый отдѣлъ: *законодательная хроника*, гдѣ будетъ излагаемо движеніе законодательства какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ государствахъ. Изъ настоящей книжки (№ 6) мы извлекаемъ интересное, хотя и поверхностное изслѣдованіе члена французскаго государственнаго совѣта г. Байль-Мульяра объ исторіи личнаго задержанія по гражданскимъ искамъ.

Личное задержаніе—говоритъ Байль-Мульяръ—порождено рабствомъ. Должникъ, который не имѣлъ денегъ для уплаты долга, выплачивалъ его своей личностью, его тѣло становилось собственностью кредитора. При самомъ своемъ появленіи личное задержаніе возбудило противъ себя энергическіе протесты. Моисей не одобрялъ его. По словамъ Діодора Сицилійскаго, оно было уничтожено царями египетскими. Въ Аѳинахъ Солонъ отмѣнилъ обязательства, обезпеченныя личностью, хотя при этомъ бывали исключенія: такъ, Кимонъ былъ посаженъ въ тюрьму за долги казнѣ, и для его освобожденія жена его продалась въ рабство. Впослѣдствіи даже Демосѳенъ подвергся непродолжительному заключенію за частный долгъ.

Вторженіе варваровъ, остановивъ развитіе цивилизаціи, ввело лишеніе свободы за долги. Ему подвергались одинаково лица обоего пола, несмотря на законъ вандаловъ, который считалъ тюремное заключеніе женщинъ оскорбляющимъ нравственность.

Въ средніе вѣка заключеніе за долги встрѣтило самое сильное противодѣйствіе со стороны французской королевы Бланки, матери св. Лудовика, которая узнавъ, что каноники парижской Богоматери заключили въ тюрьму своихъ должниковъ, мужчинъ и женщинъ — приказала ихъ освободить. Св. Лудовикъ слѣдовалъ примѣру своей матери. «Мы запрещаемъ—говорится въ указѣ 1256 г.—чтобы кто либо изъ нашихъ подданныхъ былъ подвергаемъ тюремному заключенію за свои личные долги». Но указы и запрещенія были не въ силахъ искоренить пагубнаго обычая, который продолжалъ существовать, и въ 1303 г. Филиппъ IV былъ вынужденъ снова вооружиться противъ него.

Развитіе цивилизаціи не могло уничтожить тюремнаго заключенія за долги, которое сохранилось до новѣйшаго времени, несмотря на то, что противъ него одинаково вооружались Монтескьё и Дантонъ.

Послѣ революціи 1830 г., снова возбужденъ былъ вопросъ объ отмѣнѣ личнаго задержанія за долги. Но тревожное въ политическомъ и финансовомъ отношеніи время было неудобно для полной отмѣны укорененнаго обычаемъ закона, и послѣдствіемъ преній во французской палатѣ депутатовъ явился законъ 17-го апрѣ-

Digitized by Google

за 1832 г., измѣнившій во многомъ къ лучшему господствовавшія дотолѣ правила о личномъ задержаніи за долги. Временное правительство 1848 г., декретомъ 9-го марта, отмѣнило-было личное задержаніе неисправныхъ должниковъ, но 13-го декабря того же года оно возстановлено и существуетъ до сихъ поръ.

Съ тѣхъ поръ какъ рабство исчезло и человѣкъ пересталъ быть товаромъ, личное задержаніе не можетъ служить ни обезпеченіемъ, ни средствомъ уплаты. Хотя оно и имѣетъ цѣлью принуждать къ исполненію обязательства, тѣмъ не менѣе оно еще не есть самое исполненіе.

Личное задержаніе имѣетъ своимъ основаніемъ—пытку. Подобно ей, оно имѣетъ цѣлью принудить къ платежу путемъ физическихъ и нравственныхъ страданій, точно такъ же, какъ въ пыткѣ видѣли средство заставить подсудимаго сознаться въ своемъ преступленіи. Нѣкоторые народы подвергаютъ неисправныхъ должниковъ тѣлесному наказанію. Тюрьма, которой довольствуются теперь, есть пытка смягченная, цивилизованная, но тѣмъ не менѣе все же это пытка.

Личное задержаніе за долги, безспорно, несправедливо. Оно предполагаетъ всегда, что должники могутъ платить, но не хотятъ. Отвергая основное начало гражданскаго права, оно предполагаетъ, что всѣ дѣйствуютъ недобросовѣстно.

Тюремное заключеніе за долги въ высшей степени вредно; оно безчеститъ и разоряетъ должника; оно разрываетъ семейныя узы. Своею продолжительностію оно отучаетъ отъ работы, разрушаетъ здоровье самого должника и ложится тяжкимъ наказаніемъ на всю его семью. Оно приноситъ зло неисправимое.

Не представляетъ ли, наконецъ, чего-то ужаснаго параллель между тюремнымъ заключеніемъ за преступленія съ заключеніемъ за долги? Убійство по неосторожности преслѣдуется слабѣе неосторожнаго займа. Лучше быть клеветникомъ, выгоднѣе быть виновнымъ въ вооруженномъ сопротивленіи власти, злоупотребить довѣренностью, чѣмъ необдуманно подписать заемное обязательство. Наконецъ, менѣе подвергаешь себя опасности простымъ милльоннымъ банкротствомъ, чѣмъ отказомъ срочной уплаты торговаго долга въ 6,000 франковъ. Два года тюремнаго заключенія въ первомъ случаѣ и три — во второмъ.

Каковы же были результаты тюремнаго заключенія и на кого оно обрушивалось? Въ 1862 г. изъ 1,794 должниковъ обоего пола, подвергшихся заключенію во Франціи, 664, то-есть почти $^1/_3$, были должны менѣе 500 франковъ; 333 были должны отъ 500 до 1,000 франковъ; только 265 были должны болѣе 5,000 франковъ.

Въ томъ же году въ Парижѣ, столицѣ роскоши и безконечныхъ удовольствій, въ этой метрополіи громадныхъ предпріятій, изъ 613 заключенныхъ, 398 должны были менѣе 2,000 фр. и только 145 болѣе 3,000 франковъ.

Digitized by Google

Наконецъ, съ 1855 до 1864 г. было посажено въ Клиши 6,556 заключенныхъ. Исключивъ изъ этого числа 632 банкрота, остается 5,924, изъ которыхъ около половины, именно 2,778, должны менѣе 1,000 фр., и 1,224 должны отъ 1,000 до 2,000 франковъ.

Такимъ образомъ, болѣе половины подвергшихся тюремному заключенію подверглись ему за долги незначительные, въ особенности въ сравненіи съ человѣческою свободою, за суммы до такой степени малыя, что съ одной стороны непонятно, какъ для ихъ взысканія кредиторъ рѣшился на издержки и плату на содержаніе въ тюрьмѣ, а съ другой стороны дѣлается ясно, что неисправимые должники были добросовѣстны.

Конечно человѣкъ, будучи въ состояніи выплатить сумму ниже 1,000 фр., не захочетъ подвергать себя тюремному заключенію и издержкамъ, такъ быстро увеличивающимъ сумму долга.

Предложенный г. Байль-Мульяромъ проектъ закона уничтожаетъ совершенно личное задержаніе по гражданскимъ и коммерческимъ дѣламъ, которое остается съ нѣкоторыми смягченіями въ дѣлахъ уголовныхъ. Онъ отмѣняетъ устарѣвшій законъ, польза котораго была болѣе кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная, и защищать который можно только опираясь на устарѣвшую систему устрашенія, отвергнутую современными мыслителями даже для уголовнаго законодательства.

Законъ о личномъ задержаніи, конечно, могъ приносить и нѣкоторую пользу, такъ-какъ нѣтъ такого дурного закона, который бы не приносилъ хотя малѣйшей доли добра.

Конечно, при помощи личнаго задержанія, нѣкоторыя взысканія производились легче и достигали уплатъ, которыя иначе были бы невозможны.

Но между долгами, которые нуждались въ обезпеченіи ихъ личнымъ задержаніемъ и которыхъ болѣе уже не будетъ, есть очень много такихъ, о которыхъ мы не сожалѣемъ, если они исчезнутъ.

Будемъ ли мы сожалѣть о томъ, что при невозможности сдѣлать ссуду разоренному и несостоятельному мужу, нельзя будетъ болѣе спекулировать преданностью къ нему его жены, готовой жертвовать собою? Можно ли сожалѣть также, что уничтожается возможность отчуждать такимъ косвеннымъ образомъ имущества, признанныя по брачному договору неотчуждаемыми? Стоитъ ли сожалѣть о томъ, что ростовщикъ, давая подписывать обязательства моту, лишится возможности пріобрѣтать наслѣдства прежде открытія ихъ смертію и обирать отца семейства, давая взаймы его расточительному сыну?

Человѣкъ, лишенный средствъ, не будетъ уже имѣть возможность закладывать свою свободу и добывать себѣ нѣсколько сотъ франковъ такимъ печальнымъ способомъ кредита, одинаково вреднымъ для должника и кредитора.

Нужно сознаться, что предлагаемый законъ повлечетъ за собою также упадокъ нѣкоторыхъ честныхъ кредитовъ. Купцы бу-

Digitized by Google

дуть дѣйствовать осторожнѣе, они чаще будутъ требовать матеріальнаго обезпеченія. Конечно, и при этомъ будутъ случаться неожиданныя потери, но за то сколько новый порядокъ обѣщаетъ хорошаго въ будущемъ!

Въ теченіе 10 лѣтъ, не считая лицъ, подвергшихся заключенію за убытки и штрафы — 18,660 человѣкъ сидѣли въ тюрьмѣ за долги. Сколько на это потрачено издержекъ, страданій! Сколько потеряннаго времени для работы, сколько разстроенныхъ хозяйствъ, сколько людей, состарѣвшихся преждевременно, сколько семействъ сдѣлалось несчастными и, быть можетъ, впало въ развратъ!

Положимъ — заключаетъ г. Байль-Мульяръ — конецъ этимъ безполезнымъ мукамъ. Не будемъ долѣе сохранять эти послѣдніе остатки закона XII таблицъ. Не дозволимъ жертвовать свободой и человѣческимъ достоинствомъ самому мелкому кредиту. Исчадіе древняго рабства, подобно ему отвергнутое нашими нравами, религіею и общественнымъ мнѣніемъ, тюремное заключеніе за долги должно въ свою очередь исчезнуть изъ законодательства.

Нельзя не согласиться съ изложенными здѣсь выводами; особенно личное задержаніе за долги не имѣетъ смысла въ странѣ, гдѣ существуетъ вещный кредитъ. Но и у насъ, въ Россіи, несмотря на отсутствіе вещнаго кредита (по нашимъ законамъ, долгъ лежитъ на лицѣ, хотя бы въ обезпеченіе долга и было подвергнуто недвижимое имѣніе), была бы желательна отмѣна личнаго задержанія за долги, вопервыхъ, потому что мѣра эта, за неимѣніемъ въ губерніяхъ и уѣздахъ долговыхъ тюремъ, едва-ли исполняется, оставаясь такимъ образомъ дѣйствительной преимущественно для столицъ; и вовторыхъ, что, по неопредѣленности и противорѣчію въ законѣ, у насъ могутъ быть подвергнуты и дѣйствительно подвергаются аресту за долги полицейской властью безъ суда, и притомъ люди, имѣющіе недвижимую собственность и представляющіе на то документальныя доказательства, между тѣмъ есть законъ, по которому не должны быть подвергаемы заключенію несчастные банкроты, а свойство банкротства можетъ быть опредѣлено лишь судомъ.

Новые судебные уставы, замѣтимъ здѣсь, не отвергаютъ въ принципѣ личнаго задержанія за долги и устанавливаютъ лишь сроки заключенія, сокращенные противъ настоящаго 5-ти лѣтняго срока, смотря по цифрѣ долга.

Изслѣдованіе земель западнаго Кавказа. — Заимствуемъ изъ «Записокъ Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства» (№ 2) свѣдѣніе о распоряженіи великаго князя, намѣстника кавказскаго для изслѣдованія естественныхъ богатствъ и топографическихъ условій западнаго Кавказа. На первый разъ изслѣдованіе предпринимается по слѣдующимъ частямъ: агрономической, лѣсной и горной. На агронома возлагается подробное изслѣдованіе сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря въ сельско-хозяйственномъ от-

Digitized by Google

ношенія, какъ въ видахъ заселенія края, такъ и для развитія разныхъ отраслей сельскаго хозяйства, наиболѣе свойственныхъ изслѣдуемой мѣстности. Предполагаемое заселеніе должно быть произведено, сообразно мѣстнымъ удобствамъ, селеніями, поселками или хуторами, и потому при самомъ описаніи должны быть указаны мѣстности, наиболѣе способныя для извѣстнаго рода поселеній, съ объясненіемъ степени пригодности земель для особыхъ какихъ либо промышленныхъ предпріятій, или для предоставленія участками въ пользу частныхъ лицъ, либо для отвода земель въ значительныхъ размѣрахъ для продажи. Описаніе лѣсовъ также должно сопровождаться изслѣдованіями условій сбыта цѣнныхъ лѣсныхъ породъ за границу, и предположеніями о проложеніи лѣсовозныхъ дорогъ и устройствѣ сообщеній отъ главныхъ лѣсныхъ дачъ къ берегамъ Чернаго моря и сплавнымъ рѣкамъ. Геологическія работы имѣютъ цѣлью изслѣдованіе ископаемыхъ богатствъ, какъ напр. лигнита, вообще горючихъ матеріаловъ, озокерита, и кромѣ того развѣдки на золото, признаки котораго обнаруживаются во всѣхъ ущельяхъ и долинахъ, выходящихъ изъ главнаго хребта и по всему берегу Чернаго моря.

При этихъ изслѣдованіяхъ поручено знакомиться съ окрестностями *будущихъ* портовыхъ городовъ Анапы и Новороссійска, которые предполагается учредить съ достаточнымъ надѣломъ землею на прежнихъ мѣстахъ ихъ существованія.

Всѣ изслѣдованія возложены на одного агронома, одного офицера корпуса лѣсничихъ и одного офицера горныхъ инженеровъ. Кромѣ того кавказское общество сельскаго хозяйства послало во вновь покоренную страну хранителя своего музея. Для осуществленія столь огромной задачи какъ изслѣдованіе цѣлаго края, едва-ли будетъ достаточно такого ограниченнаго числа лицъ, если они не снабжены помощниками изъ техниковъ; но во всякомъ случаѣ, результаты трудовъ изслѣдователей будутъ въ высшей степени интересны вообще, и важны для администраціи края.

Въ томъ же журналѣ, къ которому мы будемъ время отъ времени возвращаться, такъ-какъ общественное вниманіе не можетъ не быть устремлено на изслѣдованія и описанія новаго края, только что завоеваннаго и усмиреннаго — находится статья о положеніи шелководства въ Нухинскомъ уѣздѣ, гдѣ интересующіеся спеціально предметомъ найдутъ полезныя данныя для соображеній спекуляцій, которыя развиваются нынѣ на Кавказѣ по торговлѣ шелкомъ и коконами, вывозимыми за границу за высокія цѣны.

Кстати считаемъ обязанностью замѣтить, что «Записки кавказскаго общества сельскаго хозяйства» могутъ быть нелишними и для нашихъ великороссійскихъ хозяевъ своими сельско-хозяйственными обозрѣніями и монографіями по части вспомогательныхъ сельскому хозяйству наукъ.

Артельное начало въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ.—Журналъ «Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства» (№ 5) обсуждаетъ вопросъ

Digitized by Google

объ артельной обработкѣ земли, по поводу введенія этого способа въ имѣніяхъ г. Татищева, въ Новгородской и Пензенской губерніяхъ. Удачный опытъ примѣненія русской артели къ обработкѣ помѣщичьей земли въ имѣніи названнаго помѣщика, по словамъ журнала, основывается на слѣдующемъ: помѣщичья земля обрабатывается товариществомъ изъ благонадежныхъ и состоятельныхъ крестьянъ; всѣ работы производятся крестьянами, по указанію владѣльца земли, на собственныхъ лошадяхъ крестьянъ и собственными ихъ орудіями; для молотьбы и вѣянія помѣщикъ держитъ молотильныя машины и нужное при нихъ количество лошадей; для удобренія обрабатываемыхъ полей помѣщикъ держитъ нужное количество скота; полученное зерно дѣлится между помѣщикомъ и товариществомъ пополамъ, а изъ собраннаго сѣна, смотря по мѣстностямъ и по роду покосовъ, помѣщику выдѣляется $^2/_3$, $^1/_2$ или $^1/_3$; взаимныя отношенія заинтересованныхъ сторонъ опредѣляются контрактомъ, который свидѣтельствуется въ волостномъ правленіи; за ослушаніе, нерадѣніе, дурную обработку земли и вообще за несоблюденіе условій контракта, виновные члены артели выключаются изъ нея по мірскому приговору ихъ товарищей.

Устроенное по этому образцу хозяйство соединяетъ въ себѣ всѣ выгоды большой и малой культуры. Въ немъ устраненъ недостатокъ хозяйствъ, пользующихся для обработки земли наемнымъ трудомъ работниковъ, которые заинтересованы только въ полученіи задѣльной платы и совершенно равнодушны къ результатамъ предпріятія своего хозяина, а потому легко его оставляютъ, какъ скоро имъ представится возможность промѣнять свой трудъ на болѣе выгодное вознагражденіе. Владѣлецъ земли, въ положеніи главнаго товарища и распорядители артели, получая за свою землю часть урожая, а не опредѣленную денежную плату, заинтересованъ въ возможно большей производительности труда своихъ рабочихъ, не ждетъ увеличенія своихъ доходовъ отъ естественнаго возрастанія ренты, всегда неблагопріятнаго для потребителей и работниковъ, и старается примѣнять къ обработкѣ земли всѣ доступныя ему улучшенія въ видахъ увеличенія плодородія почвы.

Говоря вообще, опыты г. Татищева надъ русскою артелью, по мнѣнію журнала «Сельскаго Хозяйства», представляютъ такое соединеніе труда и капитала, и такое счастливое сочетаніе образованности съ рабочей силой, что, съ точки зрѣнія экономической науки, они не оставляютъ желать послѣ себя ничего другаго. Еслибы вся Россія отъ Ледовитаго моря до крайнихъ своихъ предѣловъ на югѣ и отъ Вислы хотя бы до Урала покрылась хозяйствами по образцу земледѣльческихъ товариществъ г. Татищева, то насъ можно бы было поздравить съ разрѣшеніемъ той экономической проблемы, отъ которой западная Европа въ настоящее время испытываетъ серьёзныя затрудненія, сознавая, что ей необходимы иныя начала распредѣленія богатства, но не

Digitized by Google

будучи въ состояніи отыскать точку опоры для своей соціальной реформы.

Но какъ ни полезны и раціональны подобныя товарищества, надѣяться на развитіе ихъ, по мнѣнію названнаго журнала, нельзя, потому что, при полной свободѣ труда, водворяющейся у насъ, трудно допустить, чтобы крестьяне отказывались дѣлать то, что для нихъ прибыльнѣе, и именно, чтобы, работая въ артели и получая какую нибудь опредѣленную часть изъ обработанныхъ продуктовъ, они отказались снимать на свой счетъ участки земли, или работать за высокую задѣльную плату, смотря по тому, который изъ этихъ двухъ способовъ представляется выгоднѣе въ извѣстной мѣстности, въ извѣстное время и при извѣстныхъ условіяхъ. Кромѣ того стремленіе крестьянъ къ пріобрѣтенію частной собственности, стремленіе сильное и весьма естественное, будетъ само собою противодѣйствовать развитію всякой земледѣльческой ассоціаціи, въ которую такъ тщетно вѣруютъ еще (подъ видомъ общины) нѣкоторые наши публицисты.

Наша артель не похожа на европейскую ассоціацію, возникающую нынѣ; эта послѣдняя есть соединеніе труда и капитала въ однѣхъ рукахъ, а наша артель похожа на средневѣковыя корпораціи, имѣвшія цѣлью устранить съ рынка конкуренцію посторонніхъ рабочихъ и обезпечить трудъ корпораціи; забота же создать вмѣсто частныхъ капиталовъ, господствующихъ теперь надъ промышленнымъ трудомъ, капиталы общественные—совершенно чужда русской артели.

Статистика фотографіи.—Извлекаемъ изъ фотографическаго обозрѣнія журнала «Мануфактуръ и торговли» (№ 6) нѣкоторыя цифры, относящіяся къ современному состоянію фотографической дѣятельности: въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1864 году считалось 10,000 фотографовъ; въ Англіи ежегодно употребляется на фотографическія работы серебра почти на 1,000,000 руб. Впродолженіе послѣдней лондонской всемірной выставки фотографъ Англіи израсходовалъ слѣдующее количество матеріаловъ: бумаги 70 стопъ на 1,500 руб., альбумина 60 пуд., лписа 200 фунтовъ, золота на 1,000 руб., сѣрно-кислаго натра 80 пуд.; въ мастерской Альберта въ Мюнхенѣ расходуется ежегодно только серебра на 8,000 руб.

Въ этомъ фотографическомъ обозрѣніи, составляющемъ отдѣлъ журнала, на которое мы указываемъ интересующимся предметомъ, возстаютъ противъ русскихъ фотографовъ за то, что въ Россіи не было до сихъ поръ выставки фотографическихъ работъ, тогда какъ въ Европѣ подобныя выставки повторяются повсюду почти каждый годъ.

Упрекъ этотъ весьма справедливъ, и мы съ своей стороны не хотимъ пройти молчаніемъ настоящій предметъ, обращая на него вниманіе нашихъ читателей, добавляя отъ себя общее замѣчаніе о томъ, что русскіе фотографы, не исключая и петербург-

Digitized by Google

сихъ, неизмѣримо далеко отстали отъ своихъ европейскихъ собратьевъ въ дѣлѣ искуства, почему, вѣроятно, и опасаются выставокъ. Сравненіе привозимыхъ сюда изъ-за границы фотографическихъ произведеній съ здѣшними можетъ подтвердить всякому высказанное нами замѣчаніе о русскихъ фотографахъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Оцѣнка земель западнаго края и въ частности Могилевской губерніи. Н. Я. Дубенскаго. *1865 г. Могилевъ.*

Авторъ этой брошюры представляетъ весьма подробное и разностороннее изслѣдованіе о доходности и цѣнности земель западнаго края, и въ частности Могилевской губерніи, на основаніи настоящихъ экономическихъ условій страны, сложившихся подъ вліяніемъ реформъ и событій послѣдняго десятилѣтія, съ 1855 по 1865 годъ. Цѣль этого изслѣдованія состоитъ въ томъ, чтобы ознакомить русскихъ съ настоящей дѣйствительной цѣнностью земель западнаго края, и тѣмъ дать возможность при покупкѣ этихъ земель дѣйствовать не на авось, а на основаніи точныхъ выводовъ, основанныхъ авторомъ на статистическихъ, географическихъ и этнографическихъ данныхъ. Практичность цѣли и пріемъ автора, заключающійся въ уясненіи общаго экономическаго закона для оцѣнки земель, обязываютъ насъ войти въ подробности его изслѣдованія.

Общее и главное различіе западныхъ губерній отъ губерній великороссійскихъ и малороссійскихъ всегда состояло въ томъ, что крѣпостная зависимость и крѣпостное населеніе были малочисленнѣе къ сѣверу, востоку и югу Россіи, и увеличивались по мѣрѣ приближенія къ западу. Во всемъ западномъ задѣпровскомъ краѣ противу поволжскаго было нетолько крѣпостныхъ крестьянъ больше, но также и дворянъ; отъ этого зависѣло постоянное и сильное тяготѣніе великорусскаго народа къ югу и востоку — къ Дону, Волгѣ и Уралу, и быстрое населеніе обширныхъ приволжскихъ и приуральскихъ степей, возростаніе и процвѣтаніе тамошнихъ городовъ, развитіе земледѣлія и ремеслъ; съ другой стороны — постоянное отвращеніе того же великорусскаго и малорусскаго народа средней Россіи отъ западно-русскаго края; вслѣдствіе чего ни капиталъ, ни трудъ великороссіи не шли туда, и при упадкѣ въ массахъ западно-русскаго народа земледѣлія, ремеслъ и торговли — обѣднѣніе было общей участью городскаго и сельскаго населенія всего западнаго края. Хотя во

Digitized by Google

многихъ срединныхъ великорусскихъ губерніяхъ процентъ крѣпостнаго населенія одинаковъ съ губерніями западными, но въ великорусскихъ губерніяхъ число помѣщиковъ было несравненно менѣе, и при томъ около $^2/_3$ имѣній въ нечерноземныхъ губерніяхъ, отбывая помѣщикамъ оброчную повинность, пользовались совершенной свободой труда и личной, управлялись самостоятельно, безъ всякаго вмѣшательства помѣщика; въ западныхъ же губерніяхъ, напротивъ, все крѣпостное населеніе, за весьма рѣдкими исключеніями, было посажено на тяжкую барщину и не могло для себя ничего пріобрѣтать. Разореніе крестьянъ не могло не отразиться пагубно на благосостояніи городовъ, и даже на самихъ панахъ — отсюда недостатокъ капиталовъ, и зависящее отъ того злоупотребленіе въ торговлѣ сельскими произведеніями, находящейся исключительно въ рукахъ евреевъ, эксплоатирующихъ помѣщиковъ. Нищенскій бытъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ былъ причиною физическаго слабосилія крестьянъ; рабочій скотъ ихъ изнуренъ, и такъ же слабосиленъ. Покупателями на земли въ западно-русскомъ краѣ могутъ быть или крестьяне, или помѣщики; евреямъ же, составляющимъ значительный процентъ городскаго и сельскаго населенія, въ рукахъ которыхъ держатся капиталы, право земледѣлія не предоставлено по закону; но у крестьянъ нѣтъ ни денегъ на покупку земель, ни силы для обработки ея, потому что западно-русскій крестьянинъ едва можетъ обработать участокъ своего надѣла; помѣщики разорены, и ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ надобности въ землѣ, тяготясь и тѣмъ, что имѣютъ. Вообще, и другія экономическія и физическія условія Поволжья и Поднѣпровья также весьма различны. Волга во всѣхъ отношеніяхъ гораздо больше Днѣпра, и бассейнъ волжскій вчетверо больше днѣпровскаго. Первый представляетъ притомъ пространство самое населенное; второй же плотно населенъ только въ нижнемъ теченіи, съ 51° с. ш. Дворянства въ поволжскомъ краѣ причитается на 100 жителей отъ 0,25 до 1,99, а въ днѣпровскомъ отъ 2,85 до 9,16. Крѣпостнаго населенія въ Поднѣпровьѣ — отъ 36,90 до 69,07%, а въ поволжскомъ краѣ отъ 2,60 до 40,29%. Отъ того и другаго, между прочимъ, промышленное населеніе волжскаго бассейна предпріимчиво и зажиточно, днѣпровскаго же — разорено и загнано, лѣниво и недѣятельно; на Днѣпрѣ опасные пороги, на Волгѣ ихъ нѣтъ. Отъ этой разницы и торговое движеніе обѣихъ рѣкъ различно. Днѣпръ сплавляетъ едва на $^1/_{10}$ цѣнности волжскихъ грузовъ.

Всѣ эти соображенія, подкрѣпленныя статистическими таблицами, авторъ приводитъ съ той цѣлью, чтобы опредѣлить отношеніе цѣнности земли въ западныхъ губерніяхъ къ цѣнности земли въ великороссійскихъ губерніяхъ, посредствомъ сравненія плотности населенія и зажиточности обѣихъ этихъ мѣстностей. Дѣлая, для примѣра, сравненіе бѣлорусскаго края съ великороссійскими областями, авторъ заключаетъ, что по количеству производимаго имъ труда и капитала въ отношеніи къ землѣ, при одинаковой плот-

Digitized by Google

ности населенія, Бѣлоруссія представляетъ массу труда и капитала вдвое менѣе противъ всякаго великорусскаго населенія; затѣмъ, принимая въ основаніе опредѣленія доходности и оцѣнки земель: во 1-хъ, плотность населенія и зажиточность края, отъ чего и зависитъ, главнѣйшимъ образомъ, запросъ на земли; во 2-хъ, количество и качество личнаго труда земледѣльческаго класса, чѣмъ, по мнѣнію автора, опредѣляется общее пространство земли въ извѣстной мѣстности, какое можетъ быть воздѣлано средствами края, и слѣдовательно можетъ имѣть цѣнность, остальная же затѣмъ земли, какъ ненаходящая въ краѣ рабочей силы, не имѣетъ и цѣны; въ 3-хъ, количество капитала, употребляемаго на улучшеніе земли, что, естественно, зависитъ прямо отъ степени зажиточности края, и т. п. — авторъ дѣлаетъ общій выводъ, что земли въ западномъ краѣ могутъ быть оцѣниваемы не болѣе какъ въ половину противъ земель въ великороссійскихъ областяхъ, при одинаковыхъ статистическихъ данныхъ.

Далѣе авторъ обращается къ изслѣдованію доходности и цѣнности земель въ европейской Россіи. Принявъ за исходную точку, что доходность и цѣнность земель распредѣляется пропорціонально населенію, авторъ опредѣляетъ разность цѣнъ тремя единицами: высшей, средней и низшей, изъ коихъ высшая и низшая разнятся отъ средней на 50%. Высшую цѣну представляютъ усадебныя земли и вообще подъ населеніемъ, низшую — запольныя и отдаленныя пустоши, а среднюю — обыкновенныя полевыя земли. Продажная цѣна земель въ Россіи (на наличныя деньги) опредѣляется обыкновенно по капитализаціи на $7^1/_2$% получаемаго дохода; напримѣръ: въ Петербургскомъ уѣздѣ, при населенности его въ 16,297 на квадратную милю, наемная плата составляетъ около 21 р., а продажная въ 280 р. за десятину; въ Московскомъ, при населенности въ 9,781 жителей, наемная плата до 14 р., а продажная цѣна до 180 р.; въ Тульской, Курской и Полтавской губерніяхъ, при населенности выше 2,000, наемная плата 2 р. 75 к., а продажная около 36 р. дес.; въ Николаевскомъ уѣздѣ Самарской губ., при населенности 480, наемная плата 60 к., продажная цѣна 8 р.; въ Новоузенскомъ, при населенности въ 188, наемная плата 23 к., а продажная цѣна 3 р. сер. Назначеніе и взиманіе оброковъ за земли въ оброчныхъ имѣніяхъ также соотвѣтствуютъ доходности и цѣнности земель; до освобожденія крестьянъ оброкъ въ богатѣйшихъ имѣніяхъ почти вездѣ въ Россіи былъ одинаковъ, несмотря на разницу въ количествѣ земли, составлявшей земельный надѣлъ крестьянъ, именно отъ 10 р. 80 к. до 13 р. съ души, за что крестьяне пользовались всѣми угодьями и статьями имѣнія; такимъ образомъ, чистый доходъ помѣщика состоялъ изъ этого оброка, который всегда соотвѣтствовалъ и вольнонаемной платѣ за земли сосѣдними зажиточными и малоземельными государственными крестьянами. Этотъ доходъ авторъ и принимаетъ нормальнымъ для опредѣленія цѣнности земель. Очевидно, если оброкъ переложить съ души на

Digitized by Google

землю, то чѣмъ меньше было земли въ имѣніи, тѣмъ выше ея цѣнность, и наоборотъ. На основаніи данныхъ о населенности, *количествѣ крестьянскихъ надѣловъ*, наемной платѣ, авторъ составилъ таблицы нормальныхъ продажныхъ цѣнамъ для каждаго уѣзда, высшей, низшей и средней; но какъ въ сущности дѣйствительный доходъ давали только тѣ земли, которыя были въ дѣйствительномъ пользованіи мѣстнаго народонаселенія, то цѣна на остальную землю будетъ уже зависѣть отъ количества ея сравнительно съ населенностью мѣстности и нормальной цѣной на землю.

Наибольшее количество земли, съ которымъ только въ состояніи справиться крестьянинъ, при трехпольномъ сѣвооборотѣ, признается 8 дес. на душу удобной и неудобной земли, считая въ томъ числѣ усадьбу, поля, луга, лѣсъ и проч., а въ западномъ краѣ до 20 дес. на дворъ. Если крестьянамъ предоставлено будетъ именно то количество земли, съ которымъ они только могутъ справиться, то-есть по 8 дес. на душу, то вся остальная земля почти не будетъ имѣть цѣны, потому что некому и нанимать ее, и главное—некѣмъ обработывать; если же у земледѣльцевъ будетъ меньше этого количества, то пропорціонально съ уменьшеніемъ надѣла будетъ имѣть цѣну земля, оставшаяся за надѣломъ, потому что въ ней будетъ заключаться и часть земли, нужной земледѣльцамъ, слѣдовательно доходной. Доходъ съ этой оставшейся доходной части авторъ разлагаетъ и на всю оставшуюся бездоходную землю, и полученный такимъ образомъ средній доходъ принимаетъ за основаніе къ оцѣнкѣ всей этой земли. Начала эти авторъ прилагаетъ къ опредѣленію доходности и цѣнности земель въ Могилевской губерніи, а потомъ и ко всему заднѣпровскому краю, изложивъ вычисленіе въ особой таблицѣ, гдѣ продажная цѣна на земли, оставшіяся за надѣломъ, опредѣляется отъ 89 коп. за десятину (въ уѣздахъ: Бобруйскомъ, Игуменскомъ, Овручскомъ, Рѣчицкомъ и Мозырскомъ) до 25 руб. (преимущественно въ губ. Кіевской и Волынской).

Предлагаемый авторомъ способъ оцѣнки земель состоитъ въ томъ, что онъ возвелъ въ теорію, обобщилъ частныя данныя и изъ массы ихъ вывелъ общую формулу оцѣнки, формулу весьма удачную, потому что, какъ видно изъ приводимыхъ имъ въ брошюрѣ примѣровъ, оцѣнки его согласны и съ основаніями, принятыми въ Положеніи 19 февраля, и съ цѣнами имѣній, существовавшими до изданія Положенія. Можетъ быть, на практикѣ при всякомъ случаѣ нынѣ встрѣтится необходимость нѣкоторыхъ отступленій отъ цѣнъ, вычисленныхъ г. Дубенскимъ, смотря по мѣстнымъ особенностямъ; но важно уже и то, что при покупкѣ земли во всякой губерніи можно знать ея абсолютную цѣнность для періода весьма значительнаго, то-есть до свободнаго переселенія крестьянъ, разрѣшаемаго Положеніемъ съ 1870 г., когда мѣстныя условія болѣе или менѣе начнутъ измѣняться, или даже до свободной продажи выкупленныхъ уже крестьянами земель,

Digitized by Google

что возможно лишь съ погашеніемъ правительственныхъ ссудъ по выкупной операціи, разсрочиваемыхъ, какъ извѣстно, на 49 лѣтъ.

Кромѣ изложенныхъ выводовъ, авторъ также разрѣшаетъ въ своемъ изслѣдованіи практическій вопросъ настоящаго времени о томъ, выгодно ли, и гдѣ именно пріобрѣтать русскимъ помѣщикамъ земли въ западномъ краѣ, при пособіи правительства въ видѣ обѣщанныхъ имъ ссудъ? Не предполагая, чтобы великорусское земледѣльческое населеніе въ скоромъ времени было привлечено въ западный край, гдѣ оно встрѣтило бы многое несвойственное его привычкамъ и обычаямъ, авторъ ожидаетъ, что скорѣе направятся туда фабриканты и заводчики, потому что по дешевизнѣ лѣсовъ, особенно въ Минской губерніи, и продовольствія, производство имъ будетъ обходиться значительно дешевле, чѣмъ въ около московскихъ губерніяхъ.

Обѣщанныя правительствомъ ссуды — говоритъ авторъ — вездѣ равны полной, опредѣляемой авторомъ цѣнѣ земли, оставшейся за надѣломъ, почему, при 6% или $7\frac{1}{2}$% доходѣ съ этихъ земель будутъ покрываться нетолько проценты на ссуженый капиталъ, но и самый капиталъ, полученіе же вѣрныхъ 6% авторъ находитъ возможнымъ даже при заочномъ управленіи, а при личномъ управленіи и при оборотномъ капиталѣ возможно разсчитывать на доходъ вдвое больній. Лично управляющій хозяйствомъ и при оборотномъ капиталѣ покупатель безъ труда выручитъ 15%, такъ что 6% ему всегда останется какъ предпринимателю.

Изъ этого разсчета выходитъ, что землю въ западныхъ губерніяхъ можно купить только за ссуду отъ правительства, и получая доходъ, равный процентамъ за эту ссуду, и даже съ погасительнымъ, пріобрѣсти такимъ образомъ земли *даромъ*, безъ всякаго съ своей стороны пожертвованія.

Такое пріобрѣтеніе, конечно, весьма выгодно, но, къ несчастію всего православнаго люда, имѣющаго право на ссуду, авторъ не выяснилъ, подъ вліяніемъ какихъ принудительныхъ причинъ настоящіе землевладѣльцы будутъ продавать свои земли за тѣ цѣны, которыя признаетъ авторъ нормальными. Это обстоятельство онъ оставилъ безъ всякаго обсужденія. Еслибы даже и были причины, понуждающія нѣкоторыхъ помѣщиковъ оставить свои земли для другой дѣятельности, то при столь выгодномъ способѣ пріобрѣтенія земель русскими, неизбѣжна конкуренція между покупателями, слѣдовательно, самая возможность сдѣлаться такъ легко землевладѣльцемъ получитъ уже особую цѣнность для каждаго изъ конкурентовъ, смотря по средствамъ и личнымъ качествамъ всякаго изъ нихъ. А при этомъ естественномъ и неизбѣжномъ условіи, вопросъ о цѣнѣ на земли переходитъ уже за предѣлы нормальныхъ таблицъ и статистическихъ выводовъ, какъ бы ни были они основательны.

Впрочемъ, несмотря на это дѣлаемое нами замѣчаніе о недостаткѣ въ изслѣдованіи г. Дубенскаго, мы признаемъ принятый имъ методъ для оцѣнки земель удобопримѣнимымъ болѣе или

Digitized by Google

менѣе при всякомъ случаѣ, когда встрѣчается надобность, хотя въ приблизительномъ опредѣленіи цѣнности земель въ извѣстной мѣстности. А надобность эта можетъ встрѣтиться при возникающихъ въ настоящее время земельныхъ банкахъ, при земскихъ раскладкахъ, и даже при ожидаемой ипотечной системѣ, гдѣ оцѣнка земель будетъ камнемъ претыновенія при настоящей пертурбаціи экономическихъ условій и отсутствіи у насъ кадастра владѣльческихъ земель.

Слѣдуя за авторомъ, мы заключаемъ нашу замѣтку соображеніями его о томъ, куда направится заселеніе великоруссами заднѣпровскаго края, когда заселеніе это сдѣлается экономической потребностью.

Изъ всего Заднѣпровья — говоритъ онъ — будутъ заселяться великоруссами губерніи Кіевская, Подольская, и четыре южные уѣзда Волынской губерніи, по превосходной почвѣ ихъ, по превосходному, лучшему въ Россіи климату, по близости къ черноморскимъ портамъ, а Кіевская, сверхъ того, по исторической сторонѣ и по святынямъ, чтимымъ русскими; торговыя же и промышленныя выгоды должны привлекаться литовскими губерніями, какъ ближайшими къ балтійскимъ портамъ. По такому удобству мѣстоположенія къ заграничной торговлѣ при тамошнемъ, не очень рѣдкомъ, а скорѣе, можно сказать, умѣренномъ населеніи, земли, оставшіяся за надѣломъ, могутъ надежнѣе давать доходъ. Губерніи же Минская и Могилевская, при всей дешевизнѣ земель, по удаленности отъ черноморскихъ и балтійскихъ портовъ, сравнительно съ губерніями югозападными и литовскими, будутъ населяться великоруссами медленнѣе, чѣмъ поименованныя двѣ группы. По удаленному положенію своему отъ портовъ, земли бѣлорусскія, оставшіяся за надѣломъ, не могутъ поступить въ продажу даже по среднимъ цѣнамъ, а вѣроятнѣе пойдутъ только по низшимъ, отъ 88 к. до 10 руб.

Объ этихъ соображеніяхъ автора нельзя не замѣтить, что онъ нѣсколько односторонне смотритъ на ожидаемое имъ въ будущемъ разселеніе великорусскаго народа: онъ ничего не говоритъ о несомнѣнной возможности прогресивнаго увеличенія и передвиженія собственно заднѣпровскаго населенія, когда передвиженіе крестьянъ будетъ дозволено, на основаніи Положенія 19 февраля. Все это населеніе донынѣ привязано къ той землѣ, на которой оно отбывало панщину, и которую теперь оно выкупило; при свободѣ же передвиженія, благодатныя земли Украйны, то-есть губерніи Кіевская, Подольская и Волынская не могутъ не привлекать бѣлоруссовъ и литовцевъ, какъ скоро они оживятся подъ вліяніемъ новой для нихъ личной и экономической свободы, созданной развязкой отношеній къ помѣщикамъ. Во всякомъ случаѣ, на это передвиженіе на лучшія мѣстности изъ худшихъ скорѣе можно разсчитывать, чѣмъ на движеніе великорусскаго элемента на югъ и западъ Россіи.

Кому встрѣтится надобность въ разрѣшеніи какого либо теоре-

Digitized by Google

тическаго или практическаго вопроса, относительно доходности и цѣнности земель вообще, или только въ западномъ краѣ — совѣтуемъ обратиться къ разбираемой нами брошюрѣ, въ которой сгруппировано много данныхъ, относящихся къ этому предмету.

Списки населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи. Губернія Архангельская. — *Обработанъ* Е. Огородниковымъ. *Изданіе центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ.*

Матеріалы для географіи и статистики Россіи, *собранные офицерами генеральнаго штаба. Архангельская губернія. — Составилъ генеральнаго штаба* капитанъ Козловъ. *С.-Петербургъ. 1865 года.*

Центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ составляются и издаются, какъ извѣстно, съ 1861 года, такъ-называемые *Списки населенныхъ мѣстъ имперіи*, въ которыхъ, отдѣльно для каждой губерніи, помѣщаются свѣдѣнія какъ о всѣхъ городахъ губернскихъ, уѣздныхъ и заштатныхъ, такъ и о всѣхъ населенныхъ мѣстахъ сельскихъ по уѣздамъ. Списки эти въ табличной формѣ заключаютъ въ себѣ: названіе мѣста (какъ собственное его имя, такъ и нарицательное его значеніе), топографическое положеніе его и разстояніе (для городовъ—отъ обѣихъ столицъ, а для прочихъ населенныхъ мѣстъ — отъ уѣзднаго города), число жителей, домовъ, дворовъ, церквей и другихъ молитвенныхъ зданій, учебныхъ и благотворительныхъ заведеній, фабрикъ, заводовъ, ярмарокъ и пр. и пр.

Кромѣ азбучнаго указателя всѣхъ населенныхъ мѣстъ списка, присоединены еще карта губерніи и, въ видѣ предисловія, общія свѣдѣнія о губерніи, которыя содержатъ краткій топографическій очеркъ, а также историческія данныя о заселеніи края, и объ этнографическомъ составѣ населеній. Польза такого изданія очевидна: списки эти могутъ послужить пособіемъ при устройствѣ и разграниченіи сельскихъ волостей, избавятъ отъ необходимости при всякомъ административномъ и правительственномъ распоряженіи собирать свѣдѣнія о значеніи каждой мѣстности — достаточно будетъ повѣрять издаваемые списки по истеченіи извѣстнаго времени, чтобы имѣть постоянный очеркъ административно-хозяйственнаго строя каждой губерніи. Сверхъ того они представятъ немало данныхъ для географіи, топографіи и статистики, по которымъ могутъ быть исправлены и пополнены многія невѣрныя свѣдѣнія по этимъ отраслямъ знанія, въ отношеніи нашего необозримаго государства; они дадутъ возможность изслѣдовать и раскрыть самыя причины, по которымъ народъ тѣснѣе сгруппировался въ извѣстныхъ пунктахъ, и наконецъ эти списки, по мнѣнію центральнаго статистическаго комитета, составятъ географическую и топографическую канву, по которой на будущее время можетъ быть устроено сбираніе первоначаль-

Digitized by Google

ныхъ статистическихъ данныхъ и положено прочное начало административной статистикѣ Россіи.

Подобные списки изданы уже относительно немалаго числа губерній, но мы въ настоящее время остановимся преимущественно на спискѣ Архангельской губерніи, по той причинѣ, что на днях вышло и другое сочиненіе по части статистики въ отношеніи этой же самой губерніи, именно сочиненіе генеральнаго штаба капитана Козлова — описаніе Архангельской губерніи, составляющее 21-й томъ матеріаловъ для географіи и статистики Россіи, издаваемыхъ съ 1858 года главнымъ управленіемъ генеральнаго шаба. Матеріалы эти собираются и составляются по одной, заранѣе утвержденной програмѣ командируемыми съ 1857 года въ разныя губерніи офицерами генеральнаго штаба, и въ весьма непродолжительномъ времени представятъ собою обозрѣніе всѣхъ различныхъ губерній и областей нашей имперіи не только въ военно-статистическомъ отношеніи, непосредственно удовлетворяющемъ тѣмъ статистическимъ указаніямъ, въ которыхъ нуждается только военное управленіе, но также и въ отношеніи экономической статистики нашего государства вообще, потому что означенные матеріалы содержатъ въ себѣ весьма богатыя данныя всякаго рода, какъ, напримѣръ, свѣдѣнія о движеніи народонаселенія и распредѣленіи его по племенамъ, сословіямъ, о промышлености всякаго рода и торговли, объ образованіи, какъ религіозномъ такъ и умственномъ, о нравственности и т. д., а также весьма подробныя свѣдѣнія объ естественныхъ условіяхъ данной мѣстности, ея климатѣ, гидрографіи, произведеніяхъ всѣхъ трехъ царствъ, о путяхъ сообщенія, о свойствахъ почвы и т. д. Всѣ подобнаго рода свѣдѣнія собираются или по печатнымъ источникамъ, или по официальнымъ отчетамъ (изъ которыхъ важнѣйшими являются — отчеты губернаторовъ), или, наконецъ, по разнымъ извѣстіямъ и наблюденіямъ частныхъ лицъ или самихъ составителей. Свидѣтельствуя о томъ, что наши отечественные статистическіе матеріалы весьма обширны, разнообразны и нерѣдко крайне мелочны, означенныя описанія тѣмъ не менѣе указываютъ и на то, что научная обработка статистическихъ матеріаловъ представляетъ часто непреодолимыя затрудненія, и что пользоваться ими приходится съ большою осторожностію, потому что свѣдѣнія эти весьма часто противорѣчатъ другъ другу по такимъ вопросамъ, въ которыхъ едва-ли можетъ быть допущено разногласіе. Напримѣръ, сдѣлавъ краткій историческій обзоръ всему краю, составляющему нынѣ Архангельскую губернію, г. Козловъ говоритъ (стр. 9): «при раздѣленіи Россіи на губерніи въ *1707 году*, въ *Архангельскую* губернію, кромѣ г. Архангельска, влючены были слѣдующіе города (слѣдуютъ 19 названій) *. Въ послѣдніе годы царствованія Петра-Великаго

* Въ Энциклопедическомъ Словарѣ, составленномъ русскими учеными и литераторами (томъ V стр. 503) говорится, что Архангельскъ назначенъ главнымъ

Digitized by Google

Архангельскъ считался губернскимъ и провинціальнымъ городомъ. Въ 1780 году была уничтожена Архангельская губернія и Архангельскъ составилъ провинцію Вологодскаго намѣстничества, но въ слѣдующемъ же году (то-есть 1781 года), Архангельскъ былъ снова сдѣланъ губернскимъ городомъ; наконецъ въ *1802 году*, былъ изданъ штатъ Архангельской губерніи, на основаніи котораго губернія получила тотъ составъ, въ которомъ находится до настоящаго времени.

Изъ списка же, обработаннаго г. Огородниковымъ, узнаемъ, что въ *1708 году*, при раздѣленіи Россіи на *восемь* губерній, Архангельскъ назначенъ главнымъ городомъ Архангельской губерніи съ причисленіемъ къ нему 19 городовъ. Значительность пространства, которое тогда составляло Архангелогородскую губернію, очевидна изъ раздѣленія ея, въ 1719 году, на 4 провинціи: Двинскую (Холмогорскую), Устюжскую, Галицкую и Вологодскую. Архангелогородская губернія тогда заключала въ себѣ всю нынѣшнюю Архангельскую, Вологодскую, значительную часть Костромской и часть Олонецкой губерніи. Съ учрежденіемъ въ 1780 году намѣстничествъ изъ провинцій Двинской, Устюжской, Вологодской составилось намѣстничество Вологодское, съ раздѣленіемъ его на три области: Архангельскую, Вологодскую и Великоустюжскую; въ 1784 году, Архангельская область отдѣлена съ семью городами, изъ коихъ Архангельскъ назначенъ главнымъ городомъ; въ 1799 году къ Архангельскому намѣстничеству присоединена часть уничтоженнаго тогда Олонецкаго намѣстничества; въ *1801 году* олонецкіе города вновь отошли въ образовавшуюся въ этомъ году Олонецкую губернію и въ то же время намѣстничество Архангельское переименовано *губерніей*, составившейся изъ восьми уѣздовъ, и только въ 1858 году Кольскій уѣздъ присоединенъ къ Кемскому, а городъ Кола сдѣланъ заштатнымъ городомъ этого уѣзда.

Точно такія же свѣдѣнія встрѣчаемъ мы и въ V томѣ Энциклопедическаго Словаря (стр. 503, Архангельская губернія), составленнаго русскими учеными и литераторами, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, прямо и почерпнуты изъ списка г. Огородникова; тогда какъ въ «Географическо-статистическомъ словарѣ россійской имперіи», составленномъ по порученію императорскаго русскаго географическаго общества Семеновымъ, т. I, выпускъ I-й, стр. 138, статья: «Архангельская губернія», читаемъ слѣдующее: въ 1768 г. учреждена Архангелогородская губернія, въ составъ которой входили нынѣшнія губерніи Архангельская, Вологодская, бо́льшая часть Костромской и часть Олонецкой. Въ 1784 году учреждено Архангельское намѣстничество, соотвѣтствующее

городомъ Архангельской губерніи съ причисленіемъ къ нему *20* городовъ. На дѣлѣ же въ словарѣ поименованы девятнадцать городовъ, а двадцатый должны составлять, по мнѣнію словаря — *устюжскія волости*. Это недурно—нѣсколько *волостей* считать за *городъ*.

Digitized by Google

нынѣшней губерніи, а въ 1801 году оно переименовано въ губернію, которая съ тѣхъ поръ не подвергалась измѣненіямъ, только въ 1858 году бывшій Кольскій уѣздъ присоединенъ къ Кемскому.

Желая рѣшить вопросы, которые изъ означенныхъ сказаній наиболѣе вѣрны и согласны съ дѣйствительнымъ ходомъ образованія Архангельской губерніи, мы обратились къ Полному Собранію Законовъ—что, конечно, могли сдѣлать точно такъ же и вышеназванные авторы, вынудившіе насъ на такіе поиски, и узнали изъ него слѣдующее: въ 1708 году, именнымъ указомъ декабря 18-го, объявленнымъ изъ ближней канцеляріи (П. С. З. № 2218) объ учрежденіи губерній и о росписаніи къ нимъ городовъ, *для всенародной пользы* учреждены 8 губерній, въ томъ числѣ и Архангельская, въ которой находилось 20 городовъ. Указомъ 1719 года мая 29 именнымъ, состоявшимся въ сенатѣ (П. С. З. № 3,380), эта губернія раздѣлена (росписана на примѣръ) на 4 провинціи, которымъ надлежитъ каждой быть особо. Послѣ изданія въ 1775 г. ноября 7 (П. С. З. № 14,392) учрежденія для управленія губерній всероссійской имперіи, указомъ 1780 г. января 25, даннымъ сенату (П. С. З. № 14,973), предписано означенное учрежденіе ввести и въ Вологодской губерніи, составя сіе намѣстничество изъ *трехъ* областей или провинцій, то-есть Вологодской, Великоустюжской и Архангельской (а не Двинской), при чемъ Архангельская получила названіе *области*, какъ это видно изъ указа сенатскаго 1780 г. сентября 17 (П. С. З. № 15,065), объ открытіи Вологодскаго намѣстничества и областей Архангельской и Колыванской. Первая изъ нихъ и переименована указомъ именнымъ 1784 года марта 26-го (№ 15,968) въ намѣстничество, при чемъ въ губернскомъ городѣ *Архангельскомъ* учреждено намѣстническое правленіе, палаты, приказъ общественнаго призрѣнія и т. д., которые всѣ и открыты 10-го августа того же года (указъ сената августа 31-го-го № 16,049); на непредвидѣнныя надобности губерніи разрѣшено употреблять съ 1785 года ежегодно 2,000 р. (№ 16,081). Въ 1796 году, декабря 12-го, послѣдовалъ именной указъ (№ 17,634) о новомъ раздѣленіи государства на губерніи, при чемъ повелѣно бывшую Олонецкую губернію, сходственно мѣстному положенію, раздѣлить между Новгородскою и Архангельскою, такъ чтобы ближнія къ сѣверу части были приписаны къ Архангельской губерніи (которая уже и прежде существовала, какъ мы это показали выше, подъ названіемъ намѣстничества), что и приведено въ исполненіе причисленіемъ къ Архангельской губерніи уѣздовъ: Повѣнецкаго, Пудожскаго и Кемскаго (№ 18,035 іюля 15-го 1799 г., высочайше утвержденный докладъ сената), которые однако вскорѣ были опять отчислены отъ Архангельской губерніи при возстановленіи Олонецкой губерніи въ 1801 году, сентября 8-го (№ 2,0004 именной указъ сенату). Въ 1802 году указомъ іюня 31-го (№ 20,353) изданъ штатъ Архангельской губерніи, нѣсколько измѣненный въ томъ же году указомъ сенат-

Digitized by Google

сего октября 10-го (№ 20,455), по высочайше утвержденному докладу, на основаніи котораго городъ Кемь и его уѣздъ *по удобствамъ* присоединенъ изъ Олонецкой губерніи къ Архангельской. Затѣмъ дальнѣйшихъ измѣненій въ составѣ Архангельской губерніи не происходило; о никъ ничего не встрѣчаемъ по крайней-мѣрѣ въ Полномъ Собраніи Законовъ, кромѣ упраздненія въ 1858 году Кольскаго уѣзда.

Намъ, конечно, остается при этомъ пожалѣть, что авторы, не давъ себѣ столь простаго и нехитраго труда, какъ навести справки въ Полномъ Собраніи Законовъ, предпочли вводить публику въ заблужденія, сообщая ей въ сочиненіяхъ своихъ невѣрныя и неточныя свѣдѣнія по вопросамъ, о которыхъ разногласія быть не можетъ, какъ скоро въ основаніе свѣдѣній будутъ взяты положительные источники нашего законодательства. Дѣлая обзоръ главнѣйшихъ рѣкъ и озеръ Архангельской губерніи, г. Огородниковъ говоритъ, между прочимъ: «рѣка Печора входитъ въ мезенскій край изъ Чердынскаго уѣзда Пермской губерніи, и пройдя по Мезенскому уѣзду (а не *краю*, уже замѣтимъ мы) около *700* верстъ среди тундръ и тайболъ (тундръ, покрытыхъ лѣсомъ), вливается въ Ледовитое Море особою губою.» По свѣдѣніямъ двухъ выше названныхъ словарей оказывается, что рѣка Печора, пройдя по Мезенскому уѣзду *800* верстъ среди тундръ и тайболъ, вливается въ Ледовитое Море; г. Козловъ же говоритъ: вся длина теченія Печоры до 2,000 верстъ, въ предѣлахъ же Архангельской губерніи отъ д. Орлиской до Пустозерской губы—*630* вер. (стр. 57). Чтобы рѣшить, которая изъ трехъ цифръ вполнѣ согласна съ дѣйствительностію, читателю не остается другихъ средствъ, какъ самому предпринять измѣреніе Печоры; каждая изъ этихъ цифръ одинаково вѣроятна и возможна. Озеръ въ губерніи, по мнѣнію г. Огородникова и составителей словарей, *всего* насчитывается до 2,000; г. Козловъ же (стр. 62) говоритъ: что «Архангельская губернія имѣетъ множество озеръ; конечно, опредѣлить число ихъ *невозможно* (причину чего, однако, трудно понять); многія изъ нихъ не имѣютъ и названій; всѣхъ озеръ, большихъ и малыхъ, насчитываютъ до *3,000*.» При этомъ мы замѣтимъ, что нетолько *размѣры* озеръ приводимые г. Козловымъ, не сходятся съ размѣрами озеръ, сообщенными г. Огородниковымъ, но даже и *названія* озеръ весьма расходятся. Бѣрно одно и то же озеро имѣетъ нѣсколько различныхъ названій; но это нетрудно было бы оговорить. Но чѣмъ объяснить себѣ различіе въ размѣрахъ однихъ и тѣхъ же озеръ или хотя бы слѣдующее разногласіе. По свѣдѣніямъ г. Козлова, въ 1745 году найдено было въ Воицкомъ рудникѣ (Кемскаго уѣзда на границѣ Олонецкой губерніи) *самородное золото*, которое и разработывалось до 1770 года. Въ 1793 году были снова возобновлены работы (слѣдовательно, можно заключить, что съ 1770 года по 1793 годъ работъ таковыхъ не производилось); для откачиванія воды, приливъ которой, *говорятъ*,

Digitized by Google

былъ причиною прекращенія работъ въ первый разъ, была устроена большая машина, но, несмотря на это, въ слѣдующемъ же году (1794 г.) добываніе металла было опять прекращено и уже болѣе не возобновлялося (стр. 110). Въ словарѣ географическомъ Семенова стр. 138, читаемъ: золотая руда находится на границѣ Кемскаго уѣзда Олонецкой губерніи, гдѣ золото и добывалось съ 1742 по 1794 годъ въ Воицкомъ рудникѣ.» Читатель вправѣ заключить, что золото добывалось впродолженіе всѣхъ пятидесяти-двухъ лѣтъ безостановочно, но усумнится не въ правильности, а въ справедливости подобнаго заключенія, прочтя у г. Огородникова, на стр. X, слѣдующее: нѣсколько ранѣе (то-есть ранѣе 1757 года) существовала разработка золота на границѣ Кемскаго уѣзда и Олонецкой губерніи — на Воицкомъ рудникѣ, гдѣ первыя работы начаты съ 1742 года и продолжались *до* 1770 года, были потомъ ненадолго возобновлены (на одинъ годъ или болѣе, остается неизвѣстнымъ), но въ 1794 году рудникъ закрытъ совершенно. Никто же, однако, не рѣшится утверждать, что нѣтъ возможности правильно, точно и съ достовѣрностію опредѣлить годы, въ которые на заводѣ работы продолжались, или не производились.

Площадь этой губерніи во всѣхъ четырехъ поименованныхъ нами выше сочиненіяхъ опредѣляется одинаково въ 673,692 квад. верстъ или 13,923 квад. мили, не включая въ это число пространства, занимаемаго островами: Новая Земля и Вайгачъ, Междуморскимъ и Южнымъ. На основаніи же статистическихъ таблицъ россійской имперіи, изданныхъ Бушеномъ 1863 года, площадь этой губерніи составляетъ 673.742,2 квад. верстъ или 13.924,61 квад. миль. Со включеніемъ вышеназванныхъ острововъ пространство губерніи составляетъ 775,386 квад. верстъ или 16,025 квад. миль. На этой площади, исчисленной астрономомъ Швейцеромъ и превышающей втрое площадь Прусіи и болѣе чѣмъ вполтора раза площадь Франціи, обитаютъ, на основаніи свѣдѣній за 1859 годъ, помѣщенныхъ въ спискѣ г. Огородникова, 250,565 душъ обоего пола, въ томъ числѣ 120,351 д. м. п. при 2,544 населенныхъ мѣстностяхъ съ 46,363 дворами и городскими домами. На основаніи распредѣленія этихъ цифръ по уѣздамъ Архангельской губерніи, плотность ихъ населенія представляется весьма различною. Въ то время, какъ въ Архангельскомъ уѣздѣ приходится на квадрат. географ. милю 99,82 жителя обоего пола, въ Пинежскомъ ихъ приходится 27,80, въ Кемскомъ 9,09, а въ Мезенскомъ—только 4,29... При этомъ г. Огородниковъ составилъ и таблицу, показывающую подробное распредѣленіе всего населенія по городамъ, уѣздамъ и станамъ всей губерніи; но всѣ приводимыя имъ цифры не сходятся съ цифрами г. Козлова, который въ отдѣлѣ о народонаселеніи, стр. 112, приводитъ свѣдѣнія о населеніи губерніи съ 1852 года, при чемъ оказывается, что въ 1853 году было въ Архангельской губерніи почти то же самое населеніе, какое, по мнѣнію г. Огородникова, считалось въ

Digitized by Google

ней за 1859 годъ, то-есть 251,550 душъ обоего пола *. Въ 1859 же году считалось уже 271,946 д., а въ 1861 году — 278,798 душъ об. п., въ томъ числѣ 133,060 д. мужескаго пола. Они распредѣляются по уѣздамъ въ слѣдующемъ порядкѣ, весьма неравномѣрномъ:

	душъ обоего пола.	на 1 квад. милю приходится.
Въ Архангельскомъ уѣздѣ вообще.	52,249	94 челов.
— Холмогорскомъ	33,753	$104^1/_2$ «
— Шенкурскомъ	63,572	$143^1/_2$ «
— Пинежскомъ	22,554	$26^3/_4$ «
— Мезенскомъ	40,262	$5^1/_6$ «
— Онежскомъ	32,171	$73^1/_8$ «
— Кемскомъ вообще съ городомъ Колою	34,237	$9^3/_4$ «

При этомъ нельзя не замѣтить, что число жителей, показываемыхъ г. Козловымъ въ Архангельской губерніи въ *1861* году, на основаніи свѣдѣній губернскаго статистическаго комитета и всеподданнѣйшихъ отчетовъ гражданскихъ губернаторовъ, *менѣе* числа жителей, показываемыхъ въ этой же губерніи, но только за *1860* годъ географическимъ Словаремъ Семенова и энциклопедическимъ Словаремъ; они оба согласно показываютъ, что въ 1860 году жителей въ Архангельской губерніи было 282,180 д. об. пола, а по 10-й ревизіи (то-есть 1858 года) 244,600 д. об. п., тогда какъ по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ г. Козловымъ, оказывается, что въ 1858 году было въ Архангельской губерніи 268,453 жителя об. п., въ 1859 году—271,946, въ 1860—274,197, а въ 1861 году—278,798 г. Бушенъ опредѣляетъ населеніе всей Архангельской губерніи въ 274,951 душъ обоего пола. Опять, какъ видно, цифры не сходятся; излишне и говорить, что очень желательно разъяснить происхожденіе подобныхъ разногласій и указать ихъ истинную причину.

Взявъ въ основаніе цифры, приводимыя г. Козловымъ о народонаселеніи Архангельской губерніи, можно сказать, что болѣе $60^1/_6$ всей массы населенія губерніи составляютъ государственные крестьяне, около $20^0/_0$ приходится на долю крестьянъ удѣльнаго вѣдомства, и около $4^0/_0$ мѣщанъ всякаго рода; затѣмъ считается регулярныхъ войскъ 5,810 человѣкъ, отставныхъ нижнихъ чиновъ, солдатскихъ женъ, дочерей и сыновей около 10,000; самоѣдовъ разныхъ 5,075, духовенства бѣлаго 3,370 и монашествующаго 479 человѣкъ. Что же касается до этнографическаго населенія губерніи, то главная масса постояннаго населенія принадлежитъ великорусскому племени, которое укрѣпилось преиму-

* Мы хотимъ думать, что разница въ одну тысячу между означенными двумя цифрами является слѣдствіемъ простой типографской ошибки.

Digitized by Google

щественно въ мѣстахъ, ближайшихъ къ нему, въ уѣздахъ Шенкурскомъ, Онежскомъ, Холмогорскомъ и Архангельскомъ. Къ коренным обитателямъ сѣверо-западной части Кемскаго уѣзда, называемой русскою Лапландіею, принадлежатъ лопари числомъ 1,250 душъ муж. пола и 1,336 женскаго, которые и занимаются оленеводствомъ и рыболовствомъ. Въ томъ же уѣздѣ встрѣчаются и корелы (6,992 д. муж. пола и 7,718 д. жен. п.), по преимуществу въ юго-западной и срединѣ его частяхъ, въ болотистыхъ лѣсахъ, простирающихся до границъ Финляндіи. Въ Мезенскомъ уѣздѣ кочуютъ самоѣды, а также и въ Канинской землѣ, хотя встрѣчаются и въ уѣздахъ Архангельскомъ, Пинежскомъ и Холмогорскомъ, куда заходятъ большею частію для сбора подаяній. Ихъ всего насчитываютъ 2,607 д. м. п. и 2,468 д. жен. п. Зыряне, числомъ 6,042 души м. п. и 6,286 д. ж. п., живутъ среди русскихъ и самоѣдовъ въ Мезенскомъ уѣздѣ по рѣкѣ Мезени и зимнему тракту въ г. Мезень, а также по рѣкамъ Ижмѣ, Печорѣ и Цильмѣ. Заволоцкая чудь, одно изъ древнѣйшихъ туземныхъ племенъ Архангельской губерніи, извѣстное еще въ XI вѣкѣ норвежцамъ, какъ многочисленный и торговый народъ, по мнѣнію г. Огородникова, большею частію попадается въ смѣси съ русскимъ населеніемъ, по преимуществу въ уѣздахъ Архангельскомъ, Холмогорскомъ и Пинежскомъ; но данныхъ о количествѣ этого племени онъ не сообщаетъ. Свѣдѣній о численномъ составѣ этого племени нѣтъ никакихъ, по замѣчанію г. Козлова (стр. 114), что̀ приводитъ насъ невольно къ вопросу, почему же нельзя собрать числовыхъ данныхъ о чуди, какъ скоро таковыя собраны о самоѣдахъ и корелахъ; ибо какъ скоро замѣтили, что такіе-то и такіе-то жители принадлежатъ къ чуди, то нетрудно ихъ и сосчитать уже.

Сверхъ этого, г. Козловъ насчитываетъ въ Архангельской губерніи 65 душъ обоего пола цыганъ, и замѣчаетъ, что есть и *поляки*, которые состоятъ на государственной службѣ и живутъ большею частію въ губернскомъ городѣ. Главная масса народонаселенія губерніи исповѣдуетъ православную вѣру (271,292 д. обоего пола); затѣмъ 5,174 раскольниковъ, но эта цифра не вполнѣ точная, по мнѣнію г. Козлова, потому что многіе, выдавая себя за православныхъ, втайнѣ держатся раскола. Мы при этомъ замѣтимъ, что едва-ли позволительно дѣлать такія оговорки въ подрывъ приводимыхъ цифръ. Оговорка эта составляетъ лишь *одно предположеніе*, неосновательное при этомъ на такихъ положительныхъ данныхъ, по которымъ можно было бы кого либо считать отступникомъ отъ православнаго вѣроисповѣданія; еслибы существовали такія данныя, то лица эти были бы преданы суду, какъ отступники отъ православія, а не считались бы раскольниками или православными, *втайнѣ* (это отлично: тайна, которую знаютъ другія) принадлежащими къ расколу. Расколъ въ особенности распространенъ между поморами Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ, а также между крестьянами Мезенскаго уѣзда.

Digitized by Google

Между самоѣдами распространено шаманство, которое постепенно уменьшается, впрочемъ. Не останавливаясь на весьма любопытной главѣ, посвященной частной и общественной жизни зырянъ, вороловъ, лопарей и самоѣдовъ, а также религіи послѣднихъ, мы не можемъ не привести нѣкоторыя цифры экономической статистики этой губерніи, разсмотрѣнной весьма подробно и обстоятельно г. Козловымъ, что и составляетъ одно изъ главныхъ достоинствъ его сочиненія.

Припомнимъ, что изъ общаго числа 80,769,375 десятинъ земли въ этой губерніи, считается удобныхъ для земледѣлія только 298,871 десятинъ, и что средняя годовая температура Архангельска равняется + 0. При климатѣ столь же суровомъ, какъ и перемѣнчивомъ вообще, становится вполнѣ понятнымъ крайне незначительное хлѣбопашество губерніи, жители которой болѣе занимаются скотоводствомъ и особенно рыболовствомъ и звѣринымъ промыслами, которые и считаются главнѣйшими источниками благоденствія ея коренныхъ жителей. Авторъ, г. Козловъ дѣлаетъ весьма подробное и любопытное описаніе ловли трески, сельдей, наваги и т. д., и опредѣляетъ среднюю годичную цѣнность рыбнаго промысла за 6 лѣтъ въ 334,026 рублей, при чемъ можно замѣтить, что этотъ промыселъ все увеличивается; звѣроловство же, разумѣя подъ этимъ какъ ловлю морскихъ звѣрей, такъ и лѣсныхъ, составляетъ въ губерніи важнѣйшую отрасль промышлености послѣ рыбной. Морскихъ звѣрей ловится по десятилѣтней сложности на сумму 44,927 руб., а лѣсныхъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ бѣлка, до 26,694 руб., сверхъ того въ 1861 году убито на 42,172 рубля разныхъ птицъ, по преимуществу рябчиковъ, которые продаются на пинежской ярмаркѣ по 6 и 10 к. за пару. Въ губерніи считается также немало различныхъ фабрикъ и заводовъ, какъ-то кожевенныхъ, лѣсопильныхъ, салотопенныхъ и т. д.

Очевидно, что при недостаточномъ населеніи внутренняя торговля губерніи не можетъ быть значительною, но въ силу особыхъ условій мѣстности, развилась значительно торговля внѣшняя, какъ это видно изъ слѣдующихъ цифръ:

	привозъ.	отпускъ.	отпускъ превышаетъ привозъ на
въ 1841—1844.	358,059 р. с.	2,750,592 р. с.	2,392,545
— 1845—1848.	363,302 » »	4,794,165 » »	4,430,863
— 1851—1856.	1,477,958 » »	25,414,914 » »	23,939,956
— 1857—1862.	2,351,692 » »	30,305,323 » »	27,953,631

Главныя статьи отпуска составляютъ лѣсъ, по преимуществу въ доскахъ, смола жидкая и густая, сало вареное, соленое мясо, а также ленъ, льняное сѣмя и пакля, рожь, овесъ, ячмень, мука, которыя, собственно говоря, привозятся въ Архангельскъ изъ губерній: Вятской, Вологодской, Пермской и другихъ. При этомъ

Digitized by Google

можно замѣтить, что съ 1857 по 1862 годъ, поступило таможенныхъ доходовъ въ 1,151,582 руб., но едва-ли можно согласиться съ замѣчаніемъ г. Козлова, сдѣланнымъ имъ на основаніи официальныхъ свѣдѣній о пойманныхъ контрабандныхъ товарахъ съ 1857 по 1862 годъ, что контрабандная торговля тутъ незначительна. Всѣхъ такихъ контрабандныхъ товаровъ въ означенное время поймано на сумму 2,035 р. 63½ к., что, конечно, очень немного, если припомнить, что содержаніе таможеннаго округа, кромѣ ремонта зданій, обходится въ 38,269 руб. сереб. Дѣло въ томъ, что по количеству пойманной контрабанды нельзя никакъ судить о самой величинѣ этой торговли и ея размѣрахъ; таможенная стража можетъ ничего не поймать, слѣдовательно по отчетамъ и контрабанды нѣтъ, хотя всѣмъ и каждому извѣстно, что она существуетъ въ большихъ размѣрахъ.

Что касается до архангельской торговли, то самымъ блестящимъ періодомъ ея было начало настоящаго столѣтія; цѣнность отпуска въ одну навигацію доходила до 10 и даже 11 мильоновъ асигнаціями, чего уже не повторялось впослѣдствіи. Признавъ справедливымъ означенное замѣчаніе г. Козлова, нѣтъ возможности считать вѣрными цифры отпуска, имъ же выше приведенныя за періоды времени 1851—1856 и 1857—1862 годы. Раздѣливъ эти цифры на число головъ, то-есть на *шесть*, получимъ для отпуска въ первый періодъ — болѣе *четырехъ мильоновъ* рублей сереб., а во второй болѣе *пяти* мильоновъ рублей серебромъ въ годъ—цифры, которыя, безспорно, болѣе одиннадцати мильоновъ рублей асигнаціями. Не хотѣлъ ли авторъ указать на одинъ лишь 1817 годъ, въ который отпускъ изъ архангельскаго порта достигъ цифры 18,451,104 рублей асигнаціями, какъ это видно изъ очень подробно составленной г. Козловымъ таблицы о ходѣ иностранной торговли при архангельскомъ портѣ съ 1724 года по 1818 годъ. Но одинъ годъ еще ничего не доказываетъ, тогда какъ вся таблица ясно свидѣтельствуетъ объ увеличеніи торговли въ архангельскомъ портѣ. Неизвѣстно только, почему авторъ предпочелъ остановиться на 1818 году, и не довелъ любопытную таблицу до нашихъ дней? Вообще должно сказать, что книга г. Козлова составляетъ въ полномъ смыслѣ матеріалъ для статистики; цифръ собрано множество и всякаго рода, что и составляетъ одно изъ главныхъ достоинствъ сочиненія, сверхъ двухъ или трехъ главъ дѣйствительно занимательныхъ по изложенію и содержанію. Выводовъ г. Козловъ дѣлаетъ мало, и тѣ не совсѣмъ точны, какъ мы это и показали уже; въ заключеніе же нашей статьи, считаемъ нелишнимъ обратить вниманіе читателей на весьма любопытную главу VI — *управленіе*, въ которой изложены подробно всѣ денежные сборы губерніи, и ихъ расходованіе различными отраслями управленія. Въ этой главѣ, стр. 297, узнаемъ мы, что въ 1861 году считалось во всей Архангельской губерніи 33 врача и 4 ветеринаръ, именно:

. . . . . .

Digitized by Google

отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. . . .	13
отъ министерства государственныхъ имуществъ.	4
отъ министерства военнаго	15
въ удѣльномъ имѣніи	1
ветеринаръ	1
	35

Такимъ образомъ по числу жителей приходится одинъ врачъ на 8,448 душъ обоего пола, а не считая военныхъ врачей, состоящихъ при госпиталѣ и морскихъ командахъ въ одномъ только губернскомъ городѣ, придется по одному врачу на 15,487 душъ обоего пола. Отношеніе это хотя и очень недостаточно, но само по себѣ, взятое отдѣльно, не представляется до крайности ничтожнымъ и неудовлетворительнымъ, особенно если мы вспомнимъ, что и въ другихъ странахъ, значительно опередившихъ уже насъ въ развитіи всей экономической народной жизни, встрѣчаемъ мы близкія къ тому отношенія. Какъ, напримѣръ, изъ книги Rau-Grundsätze der Volkswirthschaftslehre, 1860 г. ч. 1-я стр. 127 узнаемъ, что въ Австріи въ округѣ Верхняго Енса приходится одинъ врачъ на 9,440 жителей, а въ Штиріи одинъ на 11,170, въ Познани одинъ на 5,200, Силезіи — на 3,010, въ Прусіи вообще одинъ на 2,787; въ Вестфаліи — на 2,630; рейнской Прусіи — на 2,583; въ Саксоніи — на 2,155, а въ провинціи Брандебургъ, въ которой находится и Берлинъ, приходится 1 докторъ на 1,827 жителей. Съ этими отношеніями мы и не думаемъ уже сравнивать отношеніе нашихъ врачей въ Архангельской губерніи къ народонаселенію ея; отношеніе это становится страшнымъ какъ по своей ничтожности, такъ и по проистекающей отъ этого полной безполезности врачей, если только вспомнимъ, что въ Архангельской губерніи одинъ врачъ приходится на 44,913 квадратныхъ верстъ, такъ что самый переѣздъ врача отъ одного больнаго къ другому потребуетъ, при всѣмъ извѣстномъ состояніи нашихъ дорогъ и средствъ сообщеній, неимовѣрно много времени, каждая минута котораго весьма важна при многихъ болѣзняхъ. Если вспомнить къ тому, что бо́льшая часть врачей министерства внутреннихъ дѣлъ состоятъ на службѣ при различныхъ судебныхъ мѣстахъ, находятся въ силу оной въ безпрестанныхъ командировкахъ по дѣламъ судебно-уголовнымъ и не имѣютъ поэтому ни времени ни возможности заниматься леченіемъ частныхъ лицъ, то можно смѣло сказать, что сельскіе обыватели Архангельской губерніи вообще лишены возможности имѣть какое либо пособіе отъ *врача*, какъ бы скудны ни были его медицинскія познанія. Мудрено ли, что за неимѣніемъ помощи отъ людей болѣе или менѣе свѣдущихъ въ медицинской части, народъ, по врожденному человѣчеству принципу самосохраненія, обращается съ просьбою о помощи, въ случаѣ болѣзни, къ различнымъ знахарямъ, колдунамъ, шаманамъ, шарлатанамъ, которые не останавливаются лечить русскій людъ сильными раство-

Digitized by Google

рами судебы, или до того смѣшными предположеніями, что человѣкъ, совершенно здоровый до предположенія, послѣ того чувствуетъ головокруженіе впродолженіе нѣсколькихъ дней отъ малокровія уже. Роль фельдшера въ этомъ случаѣ напоминаетъ кузнецъ-коновалъ, при чемъ особенною славою пользуются земскіе коновалы. Послѣ этого нѣтъ никакихъ причинъ удивляться, что втеченіе десятилѣтія 1852—1862 года умерло въ Архангельской губерніи 81,965 человѣкъ вообще или по 8,196 человѣкъ въ годъ, то-есть 3% всѣхъ живущихъ. При этомъ, замѣчаетъ г. Козловъ, въ теченіе означеннаго времени умерло дѣтей моложе одного года 28,260, дѣтей обоего пола и отъ 1 года до 5 лѣтъ 13,650, и итого 41,910 дѣтей обоего пола. Такая смертность составляетъ главную причину медленнаго увеличенія населенія, которое можетъ удвоиться при этомъ только въ 233 года, и невольно обращаетъ на себя особенное вниманіе. Мы считаемъ одною изъ самыхъ главныхъ, если только не самою главною обязанностію, предстоящихъ земскихъ учрежденій обратить все свое вниманіе на возможное улучшеніе надобнаго плачевнаго положенія медицинской части въ нашихъ уѣздахъ и деревняхъ; неизбѣжные же расходы по этому предмету самой настоятельной необходимости должны быть, очевидно, покрыты предпочтительно предъ всѣми другими расходами по земскимъ учрежденіямъ. За неимѣніемъ особыхъ средствъ, не должно останавливаться предъ уменьшеніемъ окладовъ жалованья, назначаемыхъ за отправленіе различныхъ служебныхъ обязанностей по земскимъ учрежденіямъ. Сбереженіе такое пойдетъ на общую пользу и спасеніе ближнихъ, и оправдывается знаменитымъ изреченіемъ римлянъ salus publica suprema lex esto. Тутъ же именно идетъ рѣчь о salus publica въ самомъ буквальномъ значеніи этихъ словъ.

Енисейскій округъ и его жизнь. *Сочиненіе* М. Ѳ. Кривошапкина. *Изданіе императорскаго русскаго географическаго общества, на иждивеніе В. А. Кокорева.* С.-Петербургъ. 1865 г. 2 тома въ одной книгѣ.

Енисейская губернія. *Списокъ населенныхъ мѣстъ, изданный центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ.* Обработанъ г. Разде. Списокъ LI. (51).

«Неоспоримо, что благосостояніе каждаго государства—говоритъ г. Кривошапкинъ—зависитъ отъ развитія промышленныхъ силъ (не однѣхъ, скажемъ мы, но и духовно-нравственныхъ), а для этого необходимо познать самихъ себя со всѣми нашими нуждами и со всѣми особенностями территоріи, на которой мы живемъ и которая должна направлять развитіе у насъ того или другаго (чего же? авторъ вѣрно хотѣлъ выразить, что территоріи обусловливаетъ развитіе промышленности и ея виды)... А до сихъ поръ, съ какой стороны ни взглянешь, все были мы ослѣплены: то громъ побѣдъ ослѣплялъ

насъ и мы вѣровали въ безусловную неприкосновенность физическихъ силъ нашихъ; то многосвѣтность блестокъ цивилизаціи ослѣпила насъ, и мы, въ простотѣ души, принимали плодъ за корень и не думая о развитіи себя истинными познаніями и глубокимъ изученіемъ основъ, считали внѣшность цивилизаціи за образованность и силились, безъ разсужденій, схватывать внѣшность и не зная, что значитъ трудъ, разсыпали хвастливо по Европѣ все, что добывалось нашими потомъ крѣпостными. Западная наука ослѣпляла насъ своими результатами, и мы съ рабской покорностію считали каждый выводъ ея за несомнѣнное, послѣднее слово, и повторяя какъ дитя все сказанное на Западѣ, забывали думать сами, забывали что каждый народъ долженъ класть свою ленту въ сопровождающую общаго хода впередъ—забывали, что не перенимать только, а примѣнять у себя нужно плоды западныхъ изслѣдованій, и что для того нужно глубже изучать со всѣхъ сторонъ свое отечество, о которомъ мы почти столько же знали, какъ о Китаѣ» (стр. 4).

Воодушевленный такими идеями, которымъ во многомъ дѣйствительно нельзя не сочувствовать, г. Кривошапкинъ принесъ истинно-полезную ленту къ изученію нашей обширной имперіи, подаривъ публикѣ въ высшей степени занимательное описаніе одной изъ самыхъ обширныхъ губерній нашего государства, именно Енисейской области, которая одна свободно умѣститъ въ своемъ пространствѣ сумму площадей слѣдующихъ европейскихъ государствъ: европейской Турціи, Австріи, Германіи, Пруссіи, Швеціи и Норвегіи, и несмотря на всю эту громадную величину, занимаетъ лишь второе мѣсто въ ряду губерній и областей нашей имперіи. По вычисленіямъ Швейцера, площадь Енисейской губерніи составляетъ 2,211,589 квад. верстъ или 45,708,^{10} кв. миль (Якутская область, которая одна обширнѣе ея, имѣетъ 71,420,^{60} кв. миль). Изъ этого числа приходится:

на долю Туруханскаго края 1,445,980 кв. вер. или 29,884,^{90} кв. м.
» » Енисейскаго округа 516,907 » » » 10,683,^{20} » »

Эти свѣдѣнія, нужно замѣтить, заимствованы у г. Рааде на стр V и VI общихъ свѣдѣній объ Енисейской губерніи (списокъ LI), г. же Кривошапкинъ, въ первой главѣ стр. 1 своего сочиненія, говоритъ: приведу цифры о пространствѣ, занимаемомъ однимъ краемъ Туруханскимъ. Въ немъ земли до 1,932,200 кв. верстъ. Слѣдовательно, вотъ уже цифры не сходятся; изъ сдѣланнаго же издателемъ при этомъ примѣчанія узнаемъ, что по картѣ восточной Сибири и *измѣренію Швейцера*, пространство Енисейскаго округа съ Туруханскимъ краемъ, составляетъ 40,568 кв. миль, или 1,962,887 кв. верстъ. Вотъ и третья цифра о площади губерніи, которая, конечно, можетъ быть точно измѣрена, различная отъ двухъ вышеприведенныхъ, при чемъ достойно вниманія, что два писателя, приводя разныя цифры, ссылаются на тѣ же самыя измѣренія Швейцера. А не мѣшало бы разъяснить и опредѣлить наконецъ съ точностью, хотя на основаніи сдѣлан-

Digitized by Google

ныхъ уже измѣреній, величину этихъ необъятныхъ пространствъ, которыя ясно указываютъ, что развѣ о чемъ-либо другомъ, но объ увеличеніи нашей территоріи, намъ хлопотать надобности не представляется.

Что же касается до народонаселенія этой страны, то г. Кривошапкинъ не сообщаетъ о немъ числовыхъ данныхъ, предполагая ихъ, неизвѣстно почему только, знакомыми читателямъ, а переходитъ прямо къ разсмотрѣнію состоянія Енисейскаго округа, описанію быта народовъ, промысловъ, вѣроисповѣданій и т. д. Предоставляя себѣ сказать объ описаніяхъ этихъ нѣсколько ниже, мы считаемъ нелишеннымъ интереса и цифры о народонаселеніи, приведенныя г. Рааде.

Енисейская губернія принадлежитъ къ числу самыхъ малолюднѣйшихъ въ имперіи; на одну квад. милю приходится только 6,69 человѣкъ или на одну квад. версту 0,13, то-есть гораздо менѣе одного человѣка. Плотность населенія въ округахъ губерніи находится въ обратномъ отношеніи съ ихъ пространствомъ (то-есть самые малые округа имѣютъ наибольшую плотность), и мы видимъ, что на одну квадратную версту приходится вообще въ Красноярскомъ округѣ 3,77 человѣка, а въ Туруханскомъ только 0,053.

Вообще же въ 1859 году въ Енисейской губерніи считалось:

		въ городахъ	въ округахъ	всего въ губ.
Населенныхъ мѣстъ		—	—	1,138
Домовъ		3,143	—	46,487
Дворовъ		—	43,344	
Жителей	мужескаго пола	11,543	146,031	298,914
	женскаго »	10,759	130,581	

Причисливъ къ этой цифрѣ народонаселенія бродячихъ инородцевъ Енисейскаго округа числомъ 7,197 д. об. п., получимъ общее населеніе губерніи въ 306,121 д. об. п.

Мы при этомъ замѣтимъ, что на основаніи статистическихъ таблицъ россійской имперіи, издаваемыхъ центральнымъ комитетомъ (выпускъ 2-й, наличное населеніе имперіи въ 1858 году), въ Енисейской губерніи считается 303,256 жителей, въ томъ числѣ мужчинъ 160,676 душъ, и женщинъ — 142,580 (стр. 178). Губернія эта можетъ назваться одною изъ самыхъ богатыхъ ссыльно-поселенцами, которые, составляя $^2/_3$ всего населенія, все увеличиваются и не мало способствуютъ возрастанію народонаселенія всей губерніи. По учрежденіи Енисейской губерніи въ 1823 году, въ ней было жителей 158,748 д. об. п.; въ 1835 году 205,841; въ 1851 — 253,627, а въ 1861 году 318,963 д. об. п., такъ что въ теченіе послѣднихъ 38 лѣтъ, народонаселеніе, несмотря на неблагопріятныя условія мѣстности губерніи, болѣе чѣмъ удвоилось. При этомъ надо замѣтить, что ссыльныхъ было всего въ 1823 году только 12,219 душъ об. п., а въ 1851 году уже 45,706 д. п. об.; бродячіе же инородцы замѣтно уменьшаются

Digitized by Google

съ каждымъ годомъ, что происходитъ отъ убійствъ звѣрей и въ особенности отъ эпидемическихъ болѣзней, преимущественно оспы, которыя опустошительно свирѣпствовали между тунгусами Туруханскаго края; цѣлыя общества ихъ вымерли.

Въ этнографическомъ отношеніи населеніе Енисейской губерніи представляетъ замѣчательное разнообразіе народностей. Главная масса населенія губерніи, именно 85%, принадлежитъ, впрочемъ, славянскому племени, именно, великороссіянъ считается до 250,000 душъ обоего пола, поляковъ до 2,000, большею частію ссыльно-поселенцевъ; евреевъ до 1,500 душъ; затѣмъ есть незначительное число ссыльныхъ изъ грузинъ, армянъ, цыганъ, латышей, мордвы и т. д. Игравшее важную роль въ исторіи Сибири монгольское племя имѣло калмыковъ своими представителями, которые однако въ XVIII столѣтіи ушли вмѣстѣ съ киргизами въ китайскія владѣнія и на Алтайскій хребетъ, такъ что въ настоящее время къ самымъ значительнымъ инородческимъ обитателямъ губерніи принадлежатъ татары и тунгусы. Первыхъ считается до 28,700 душъ обоего пола, и въ административномъ отношеніи они дѣлятся на роды, которые числомъ 11 управляются степными думами и инородческими управами. Тунгусы же составляютъ весьма многолюдное племя Восточной Сибири, разсѣянное по огромному пространству отъ береговъ Енисея до Восточнаго Океана и до Китая. По образу жизни они дѣлятся на осѣдлыхъ, конныхъ или кочевыхъ и оленныхъ, то-есть лѣсныхъ бродячихъ. Эти послѣдніе и встрѣчаются только въ Енисейской губерніи, числомъ 3,547 душъ обоего пола, дѣлятся на 25 родовъ отдѣльныхъ, бродятъ по лѣсамъ, занимаясь звѣроловствомъ, и служатъ типомъ охотническаго народа. Г. Кривошапкинъ посвятилъ почти весь второй томъ своего сочиненія исключительно описанію бытовой жизни тунгусовъ, ихъ звѣриному и рыбнымъ промысламъ, при чемъ описалъ ихъ одежду, приборъ ловцовъ и всѣ различные придуманные ими снаряды и приспособленія для ловли звѣрей. Сказавъ немало и о самой фаунѣ этой мѣстности, онъ пришелъ къ заключенію, что число звѣрей значительно уменьшается, какъ это и видно изъ нижеслѣдующей вѣдомости, что служитъ немалою причиною обѣдненія самаго края. Нисколько не отвергая вліянія и этого факта, мы думаемъ однако, что однимъ уменьшеніемъ звѣрей и рыбъ нельзя вполнѣ объяснить упадка края. Не есть ли это явленіе общее, встрѣчающееся у всѣхъ дикихъ народовъ, при первомъ ближайшемъ знакомствѣ и сношеніяхъ ихъ съ народами, стоящими въ отношеніи ихъ гораздо выше по своей цивилизаціи? особенно когда вводится не цивилизація, а нѣкоторыя лишь проявленія ея, какъ напримѣръ, употребленіе крѣпкихъ спиртныхъ напитковъ.

Пространная большею частію въ дремучихъ лѣсахъ, со скудною вообще растительностію, въ климатѣ суровомъ, въ мѣстахъ, гдѣ съ декабря до половины января день бываетъ только въ теченіе двухъ часовъ да и то въ родѣ преходящаго разсвѣта, гдѣ, несмо-

Digitized by Google

тра на лѣтній паръ, земля не растаиваетъ болѣе $1^1/_2$ аршина, а съ половины августа дѣлается холодь и показывается дождь либо снѣгъ, выпадающіе на глубину болѣе 4 аршинъ, гдѣ нѣтры, по преимуществу сѣверные, затемняютъ всякій свѣтъ, подымая облака снѣга (бураны), или сопровождая падающій снѣгъ (пурга)—въ такой природѣ, пугающей и суровой, весьма естественно было работать воображенію необразованныхъ и дикихъ тунгусовъ, что и развело между ними (равно и прочими народами восточной и сѣверной Азіи) уже въ тѣ времена, когда еще и буддизма не было, шаманство, то-есть боготвореніе видимыхъ явленій природы внѣшней, которая болѣе всего дѣйствуетъ на человѣка въ періодѣ его младенчества, его духовной спячки. Удивленный и испуганный такими явленіями природы, человѣкъ боготворитъ ихъ; создаетъ божества, съ появленіемъ которыхъ сынами неба (такими считаютъ себя монголы и тунгусы), какъ и всѣмъ народамъ понадобились люди какъ-бы въ посредники между ними и богами, какъ-бы учители для вновь прибывающихъ членовъ религіи. Плодомъ этого требованія выступили шаманы, появленіе которыхъ теряется въ отдаленной древности; впрочемъ они стали извѣстны съ VI вѣка по Р. Х. *. Онъ знаетъ волю боговъ, совершаетъ жертвоприношенія, знаетъ всѣ обряды и молитвы каждому изъ божествъ и ихъ идоловъ, наиболѣе пріятные могутъ привлекать ихъ благоволеніе и отвращать гнѣвъ, короче—становится жрецомъ, чудесникомъ и врачемъ, и какъ таковой, не мало поддерживаетъ свое значеніе и существованіе у инородцевъ, числящихся даже христіанами, потому что каковъ бы ни былъ человѣкъ, но если онъ только не въ умопомѣшательствѣ, жизнь ему дороже всего и о сохраненіи ея онъ всячески заботится. Власть шамановъ надъ толпой основывается также и на шарлатанствѣ, на искуствѣ фокусовъ, которые не хуже европейскихъ, и среди темныхъ, ничего незнающихъ людей глубокаго сѣвера находятъ себѣ широкое поприще. Коснувшись этой весьма интересной главы о шаманствѣ, мы не можемъ не упомянуть и о скопческой ереси, сколько потому, что то и другое составляютъ принадлежность описываемой авторомъ полосы (Туруханскаго края), столько же и по сходству нѣкоторыхъ обрядностей, хотя конечно, отвратительная сущность скопческой ереси ниже всякого шаманства, то-есть даже нынѣшняго, которое сдавлено и проявляется уже въ малой формѣ, доживая послѣднія минуты. Предоставляя читателямъ самимъ ближе познакомиться со всѣми подробностями, сообщенными Кривошапкинымъ объ этой мистико-пантеистической сектѣ, мы скажемъ, что въ Туруханскомъ краѣ въ 1860 году насчитывалось до 300 сектантовъ, которые большею частію были сосланы изъ *Петербургской* губерніи и принадлежатъ къ лютеранамъ-чухонцамъ. Чтобы положить конецъ или, по крайней-мѣрѣ, предѣлъ этой

* Къ сожалѣнію, г. Кривошапкинъ не указалъ при этомъ тѣхъ историческихъ документовъ, на основаніи которыхъ онъ говоритъ.

Digitized by Google

сектѣ, самой вредной, какую только производило безумное людское, авторъ предлагаетъ между прочимъ: 1) остановить всякое преслѣдованіе другихъ старовѣрческихъ сектъ, а основаніе считать преступленіемъ уголовнымъ; 2) заботиться о просвѣщеніи ихъ вѣрою въ духѣ любви христіанской, и имѣть въ селеніяхъ умныхъ, добрыхъ и образованныхъ пастырей православной церкви; 3) до обращенія сектантовъ въ православіе, не впускать ихъ *вовсе въ православные храмы*, потому что это дѣлается или только для насмѣшки и кощунства (стр. 347). Признавая вполнѣ основательными первыя двѣ мѣры, предлагаемыя авторомъ, мы не можемъ, однако, сказать то же самое о третьей. Что разумѣетъ онъ подъ словами до *обращенія въ православіе?* Кто будетъ рѣшать вопросъ о дѣйствительномъ обращеніи кого-либо въ православіе, и какія имѣются средства къ тому, чтобъ отличить дѣйствительное обращеніе отъ притворнаго, которымъ, конечно, не отстранятся еще насмѣшки и кощунства? Какъ наблюдать за исполненіемъ этого правила на дѣлѣ? и неужели такіе для входа въ церковь выдавать особые билеты? Полагая, что едвали кто либо изъ смертныхъ имѣетъ въ настоящее время какія бы то ни было средства, чтобы удостовѣриться на сколько религіозно-нравственныя убѣжденія другаго дѣйствительно искренни, или только притворны, мы полагаемъ лучше подобныхъ ограниченій, или запрещеній для посѣщенія храмовъ православной церкви не дѣлать, какъ вообще несогласныя съ духомъ и направленіемъ христіанской церкви, а предоставивъ каждому вполнѣ свободный входъ въ церковь, подвергать его отвѣтственности и наказанію лишь за нарушеніе правилъ церковнаго благочинія, и вообще за кощунство.

При этомъ мы считаемъ нелишнимъ замѣтить, что по словамъ Рааде (стр. XXXV), изъ раскольниковъ наиболѣе распространена въ этомъ краю секта *духоборцевъ*, извѣстная въ Сибири подъ именемъ молоканъ и субботниковъ. Общая цифра всѣхъ раскольниковъ, по свѣдѣніямъ 1861 года, простиралась до 1735 д. об. п. Число язычниковъ, то-есть шаманствующихъ опредѣлить весьма трудно, потому что многіе изъ инородцевъ, и крещеные, продолжаютъ придерживаться прежнихъ обрядовъ; всѣхъ шаманствующихъ въ 1861 году считалось 10,889 душъ обоего пола. Православные же вообще составляли $94^1/_2\%$ всего народонаселенія Енисейской губерніи.

Коснувшись однажды религіозной стороны обитателей края, нельзя не замѣтить, что изъ описанія бытовой стороны всѣхъ населенныхъ мѣстъ Енисейской области, сдѣланнаго очень обстоятельно г. Кривошапкинымъ, изъ всѣхъ различныхъ обрядовъ суевѣрій, обычаевъ и т. д. мѣстныхъ жителей, можно довольно легко придти къ тому заключенію, что языческія формы и божества наполняютъ и теперь обрядовую часть (то-есть всѣ внѣшнія дѣйствія, въ которыхъ проявляются религіозные, однако, взгляды) и тѣхъ жителей изъ инородцевъ, которые числятся православными христіанами.

Digitized by Google

Что же касается до порядка разсмотрѣнія края, то г. Кривошапкинъ избралъ для этого водную систему рѣки Енисея, прорѣзывающаго зигзагомъ среднину населенной части Енисейскаго округа, начиная отъ китайской границы до Ледовитаго океана. При этомъ онъ не упускаетъ, правда, случая коснуться вопроса о томъ, какую рѣку должно считать главною: Енисей или Ангару (Верхнюю-Тунзуску), впадающую въ первый въ Маклаковской волости, и хотя рѣшаетъ вопросъ этотъ въ пользу Енисея, но тѣмъ не менѣе позволилъ себѣ замѣтить, что едва-ли прилично заниматься разрѣшеніемъ подобныхъ вопросовъ здравомыслящему писателю. Пусть этимъ занимаются нѣмецкіе тупые книгоѣды, которые недавно подняли немалый гвалтъ въ такомъ же родѣ; вопросъ цвель — слѣдуетъ-ли Рейнъ называть Рейномъ или Аарой, сливающимся съ первымъ въ Швейцаріи. Какая же можетъ быть польза въ ученомъ или практическомъ отношеніи отъ рѣшенія подобнаго вопроса; не все ли равно, какъ зовутъ рѣку одну и ту же, тѣмъ или другимъ именемъ?

Оставивъ этотъ вопросъ совершенно съ нашей стороны въ покоѣ, прослѣдимъ нѣсколько самое описаніе г. Кривошапкина, чтобы вполнѣ показать занимательность онаго. Бросивъ общій взглядъ на поверхность, горы, воды, почву и климатъ Енисейскаго округа, авторъ останавливается на рѣкахъ: *Тубѣ*, впадающей въ Енисей съ правой стороны, верстахъ въ 37 ниже Минусинска, и замѣчательной въ особенности золотоносностью всей ея системы; на Питѣ и его притокахъ, знаменитыхъ въ исторіи нашей золотопромышленности, а также на Удерѣ, притокѣ Верхней Тунгузки, именемъ котораго обозначена вся южная пріисковая часть Енисейскаго округа. Все пространство между этими рѣками покрыто дремучими лѣсами и тайгой; природа пріисковыхъ мѣстъ представляетъ сѣть горокъ и холмиковъ, взаимно пересѣкающихся — настоящій лабиринтъ; съ этихъ возвышеній и берутъ начало множество рѣчекъ и ручейковъ, которые нерѣдко такъ малы, что не видно ихъ теченія. Поэтому и сырость въ воздухѣ невообразимая; а болотистая мѣстность еще болѣе оказываетъ крайне гибельное вліяніе на здоровье рабочихъ на золотыхъ промыслахъ, которые, несмотря на недавность своего существованія, произвели огромный переворотъ не только во всемъ народномъ хозяйствѣ Енисейской губерніи, но имѣли вліяніе и на сосѣднія губерніи, чему, по мнѣнію Рааде, доказательствомъ служитъ и то обстоятельство, что оборотъ ирбитской ярмарки, простиравшійся въ 1839 году, до открытія золотыхъ промысловъ, на 7,672,298 руб., въ 1848 году составлялъ 26,902,511 руб., а въ 1862 году — 51,204,000 рублей!

На пріискахъ этихъ работаетъ отъ 25—30, 100 человѣкъ различныхъ сословій, но главную массу составляютъ ссыльно-поселенцы, которые, не имѣя еще постоянной осѣдлости, легче другихъ рѣшаются на дальнія отлучки; преобладаніе этого сословія, которому золотопромышленность много обязана быстрымъ своимъ развитіемъ, было особенно значительно въ началѣ. Такъ въ 1847 г.

Digitized by Google

ссильно-поселенцы составляли 69% всѣхъ рабочихъ, а съ тѣхъ поръ число ихъ все уменьшается, и притомъ замѣтно, ибо въ 1852 году они составляли уже 51%; остальные рабочіе стекались нетолько изъ Енисейской области или другихъ сибирскихъ губерній, но также и изъ великороссійскихъ, особенно изъ Нижегородской. Бытовой сторонѣ золотыхъ пріисковъ, г. Кривошапкинъ посвятилъ цѣлую главу 7-ю, очень любопытную, въ которой яркими красками выставилъ все бѣдственное положеніе рабочаго въ тайгѣ, и весь буйный разгулъ по выходѣ его оттуда и полученіи отъ хозяина разсчета, а также заработанныхъ денегъ, съ помощью которыхъ рабочіе изъ оборванныхъ полушубковъ, съ жалкими подобіями шапокъ и сапогъ, переряжаются въ красныя рубахи, плисовые шаровары, въ кунгурскіе сапоги, въ бумазныя или шерстяныя шали, завязанныя за спиной, и т. д., и съ гармоникой въ рукахъ пускаются въ плясъ, выставляя толпѣ цѣлыя бочки зелена-вина, сами пьютъ шампанское и ромъ, и опьянѣвъ до невозможности ходятъ по улицамъ, разбрасывая по-грязи бумажныя деньги, на которыя и ступаютъ для того, видите ли, чтобы не замарать ногъ.»

Послѣдствія такого буйнаго кутежа не замедляли являться во всѣхъ горестныхъ и печальныхъ видахъ; такіе работники наполняютъ толпами больницы, голодные бродятъ по дорогамъ и лѣсамъ, предаются грабежамъ и разбоямъ, увеличиваютъ собою число преступниковъ и ссыльныхъ, или опять нанимаются на работу, конечно, на условіяхъ для нихъ далеко невыгодныхъ. Авторъ при этомъ пускается въ разсужденія о несостоятельности и несообразности договоровъ, заключаемыхъ золотопромышленниками и рабочими, крайне невыгодныхъ для послѣднихъ, и предлагаетъ разныя измѣненія и мѣры для устраненія подобныхъ ненормальныхъ отношеній (между прочимъ, учрежденіе артелей рабочихъ и круговой поруки цѣлой артели за каждаго). Полагая, что было бы излишнимъ входить здѣсь хотя бы то и въ поверхностный разборъ предлагаемыхъ г. Кривошапкинымъ мѣръ, мы скажемъ только, что учрежденіе артели на пріискахъ между лицами нетолько чуждыми другъ другу, но даже имѣющими невыгодное предубѣжденіе и нерасположеніе одни къ другимъ, едва-ли возможно.

Продолжая далѣе плаваніе по Енисею, авторъ говоритъ о городѣ того же имени, основанномъ еще въ 1618 году, стрѣлецкимъ сотникомъ Рулинымъ; онъ выстроилъ тутъ острогъ Енисейскій, который въ 1678 году переименованъ въ уѣздный городъ, особенно часто подверженный наводненіямъ; въ 60 лѣтъ было ихъ одиннадцать, изъ коихъ самое ужасное, покрывавшее весь городъ, было въ 1800 году; это происходитъ отъ глубокихъ снѣговъ, продолжительныхъ холодовъ, быстрыхъ оттепелей, совпаденія полой воды со снѣговою, а также одновременнаго вскрытія Енисея и Ангары. Мѣсто, значитъ, ясно удобное для города. Жители этого города, числомъ 5,117 душъ обоего пола, не имѣя никакихъ особенныхъ увеселеній, очень любятъ свободное время проводить за картами; удовольствіе это сильно и быстро развивается, что очень

Digitized by Google

хорошо видно изъ слѣдующихъ итоговъ: сумма вырученныхъ за продажу картъ: въ 1846 году 396 р., въ 1848 году—643 р. 80 к., а въ 1852 году—1,140 р. 40 к.

Въ прошломъ столѣтіи въ Енисейскѣ бывала, въ августѣ мѣсяцѣ, ярмарка, на которой сосредоточивались товары Китая, Россіи и частью западной Европы, въ числѣ которыхъ занимали первое мѣсто желѣзныя издѣлія Енисейска; онъ снабжалъ ими весь край Иркутскій, и возилъ укладъ (родъ стали) въ Томскъ, Кузнецкъ, колыванскій заводъ и Семипалатинскъ. Это продолжалось и до начала XIX столѣтія, ибо еще въ 1820 году въ одинъ иркутскій край вывезено 6,000 пудовъ различныхъ желѣзныхъ издѣлій. Съ 1830—40 г. производство это не уменьшалось; съ появленіемъ же въ 40-хъ годахъ золотопромышленности, разорившей и развратившей крестьянъ и мѣщанъ енисейскихъ, желѣзное производство стало очень быстро упадать, а съ 50-хъ годовъ — здѣшнія желѣзныя издѣлія уже никуда не отправляются. За то открыли минеральные желѣзные источники, которыми, конечно, немногіе будутъ пользоваться: разстоянія и климатъ не сдѣлаютъ источниками дохода и богатства страны эти воды, равно какъ найденныя вблизи рѣки Осляпки, въ большомъ количествѣ, залежи черной каменной плиты, годной для настилки половъ, а также точильную гору, доставляющую отличный матеріалъ для точилъ. За моремъ телушка — полушка, да провозъ рубль, гласитъ пословица, справедливая нетолько въ отношеніи этихъ благъ природы, но также и къ графиту, найденному въ 1859 году, въ огромномъ количествѣ, по берегамъ Нижней Тунгузки, одному изъ большихъ притоковъ Енисея. Немного далѣе отъ сліянія этихъ двухъ рѣкъ и находится г. Туруханскъ, имѣющій 192 жителя, главный пунктъ цѣлаго края, въ которомъ только и жизни, что по берегу Енисея; со стороны же, по рѣкамъ Таймуру, Турухану, Хатангѣ и пр., бродятъ лишь одни остяки, тунгузы и племена Самоѣди. Здѣсь главная резиденція различныхъ ссыльныхъ, острожныхъ и каторжныхъ, о внутренней жизни, нравахъ и обычаяхъ которыхъ г. Кривошапкинъ написалъ самую большую главу, весьма интересную и занимательную даже и послѣ извѣстнаго описанія того же предмета, г. Достоевскимъ: это новое сочиненіе о ссыльно-каторжныхъ во многомъ подтверждаетъ справедливость разсказовъ автора «Мертваго дома». Намъ остается только сожалѣть, что авторъ ограничился лишь однимъ повѣствованіемъ и не привелъ никакихъ статистическихъ данныхъ о подобнаго рода невольныхъ обитателяхъ этого грустнаго края; весьма интересно было бы имѣть свѣдѣнія о смертности между ссыльными, напримѣръ, или о дѣйствительномъ числѣ ихъ въ настоящее время и т. д.

Мы можемъ сказать только, что подобнаго рода свѣдѣнія служатъ къ разъясненію всего вопроса о ссыльныхъ въ гораздо большей степени, нежели всевозможныя описанія быта ссыльныхъ. Факты, если не краснорѣчивѣе, то по крайней-мѣрѣ нагляднѣе, а потому и убѣдительнѣе всякихъ повѣствованій.

Digitized by Google

Что же касается до прочихъ обитателей этого края, то-есть до кочевыхъ инородцевъ, различныхъ племенъ, то бродя по преимуществу въ самой пустынной и печальной мѣстности, какая только есть на земномъ шарѣ — въ тундрѣ и ея окрестностяхъ, они занимаются исключительно оленеводствомъ. Сѣверный олень составляетъ все богатство тунгузовъ, юраковъ и нѣкоторыхъ родовъ самоѣдскихъ, но убыль этого животнаго весьма замѣтна, хотя, несмотря на это, и до сего времени нѣкоторые юраки имѣютъ стада до 5000 штукъ. Сѣверный олень имѣетъ большое вліяніе нетолько на все хозяйство народовъ, но обусловливаетъ и бродячую ихъ жизнь; они вынуждены бываютъ безпрерывно мѣнять мѣста для отысканія новыхъ богатыхъ кормомъ пастбищъ, а кромѣ того должны скрываться зимою отъ холода въ лѣсахъ, а лѣто проводить въ тундрахъ, гдѣ меньше мошки. Пусть они тамъ себѣ и бродятъ; мы считаемъ самымъ удобнымъ на краю этой печальной картины покинуть весьма любопытное сочиненіе Кривощапкина. Не пускаясь въ разъясненіе разныхъ непонятныхъ для насъ законовъ или явленій міровой исторіи, въ силу которыхъ люди нашли нужнымъ удалиться въ столь непривлекательныя мѣста какъ тундры, и упорно пребываютъ тамъ, несмотря на то, что въ другихъ, болѣе удобныхъ для человѣческой жизни странахъ есть немалое количество свободныхъ земель, никѣмъ еще ненаселенныхъ — мы закончимъ тутъ нашъ нѣсколько длинный очеркъ, сказавъ, что описаніе Енисейскаго округа и его жизни служитъ вполнѣ полезнымъ и весьма занимательнымъ дополненіемъ къ Списку населенныхъ мѣстъ той же губерніи, изданному центральнымъ статистическимъ комитетомъ, и служащему лишь основаніемъ, контуромъ картинѣ, представленной намъ вполнѣ г. Кривощапкинымъ.

II. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Очерки исторіи искуства. *Соч.* Л. Вите(*).

Историкомъ и критикомъ искуствъ можетъ быть только тотъ, кто чувствуетъ и понимаетъ изящное. Одного знанія недостаточно тамъ, гдѣ прежде всего можно взять только чутьемъ красоты; а это чутье красоты присуще не всякому: оно не пріобрѣтается даже основательнымъ образованіемъ, но, вложенное самою природою, образованіемъ лишь можетъ развиться и правильно направиться. Вите, авторъ вышеозначенныхъ очерковъ изъ исторіи искуства, именно такое лицо, которое нетолько обладаетъ необходимыми свѣдѣніями, но и внутреннимъ пониманіемъ своего тонкаго дѣла.

(*) Etudes sur l'Histoire de l'Art, par *L. Vitet*, de l'Académie Française. Paris. 1865. 4 vols.

Digitized by Google

Вите, какъ критикъ исторіи искуства, впервые заявилъ себя въ тѣ времена, когда подналась въ наукѣ ожесточенная борьба между приверженцами класицизма и романтическою школою. Онъ еще тогда, за тридцать слишкомъ лѣтъ, былъ жаркимъ приверженцемъ и возстановителемъ средневѣковаго искуства. Въ 1831 году, этотъ авторъ сочиненій «La Ligue», «Les Etats de Blois», «les Barricades», объѣхалъ западные департаменты Франціи и составилъ отчетъ о тамошнихъ архитектурныхъ древностяхъ. Такимъ образомъ, онъ спасъ отъ совершеннаго исчезновенія въ памяти людской разные замѣчательные образцы искуства, которые зачастую уничтожаются безслѣдно сельскимъ населеніемъ. Въ 1845 году Вите отстаивалъ за средневѣковымъ зодчествомъ единство созданія; онъ боролся противъ знатока средневѣковой древности, Катрметра де-Кинси, видѣвшаго въ этого рода постройкахъ лишь прихотливое и безпорядочное накопленіе всякаго рода разнохарактерныхъ элементовъ. Вопросъ о происхожденіи стрѣльчатаго зодчества Вите разсматривалъ въ связи съ общими явленіями цивилизаціи среднихъ вѣковъ и видѣлъ въ готическомъ искуствѣ образное выраженіе пробуждавшагося самосознанія.

Для бо́льшаго оттѣненія взглядовъ Вите на средневѣковое искуство, здѣсь будетъ у мѣста упомянуть о его взглядѣ на античную скульптуру... Вите, безъ сомнѣнія, благоговѣетъ передъ нею; но однакоже не относится къ ней слѣпо. «Эти мраморы, славные своею красотою — безсердечны и бездушны». Со всѣмъ тѣмъ Вите представляетъ образчики весьма жизненнаго проникновенія тѣмъ же класическимъ искуствомъ. Такъ, напримѣръ, въ опытѣ «о Пиндарѣ и греческомъ искуствѣ», Вите справедливо замѣчаетъ, что Франція XVII вѣка, несмотря на свой энтузіазмъ къ класическому, не могла понять такъ полно суровыя красы и паѳосъ великихъ греческихъ поэтовъ, какъ понимаетъ ихъ Франція нашего времени. Для XVIII же вѣка, класическая художественная литература была мертвой буквой: Вольтеръ называлъ же Пиндара первой скрипкой царя Сицилія. Затѣмъ Вите выясняетъ связь между искуствомъ и поэзіею античной Греціи. Для примѣра онъ беретъ дорійскій орденъ — не тотъ дорійскій мѣщанскій орденъ, который проповѣдуется Витрувіемъ, но настоящій дорійскій орденъ — Пестума и Агригента — съ высоко-господствующею капителью, съ коническимъ стволомъ, низходящимъ въ почву безъ всякой базы и подпоры. Это могучее единство, это искуство, исполненное искренности, производитъ на насъ то же впечатлѣніе величавой суровости, какое производятъ на слухъ тѣ обрывистые и стремительные взмахи дорической поэзіи Пиндара, въ которыхъ крупныя черты исключаютъ всякія подробности и оттѣнки. Чрезвычайно замѣчателенъ историческій опытъ Вите о живописи въ первые вѣка христіанства. Вите первый съумѣлъ замѣтить признаки несомнѣннаго искуства въ украшеніяхъ римскихъ катакомбъ. Прежде на нихъ смотрѣли только

Digitized by Google

какъ на предметы, важные для археолога. Но, несмотря на неправильность и грубость исполненія дрожащею рукою, въ этихъ надгробныхъ изображеніяхъ есть свои важныя достоинства. Если тѣ типы, которые развивались, при полномъ солнечномъ блескѣ, надъ катакомбами, этими обширными пріютами смерти, дѣлались все болѣе и болѣе тяжелыми и матеріальными, за то художественныя произведенія христіанъ, скрытыя отъ взоровъ нечестія, являлись все болѣе и болѣе возвышенными и одушевленными свободой чувства. Въ этихъ рисункахъ могилъ жила сама класическая древность, оживленная новымъ христіанскимъ вліяніемъ.

Но развѣ ново-римское искуство, орошенное кровью первыхъ мучениковъ, перестало жить въ то время, когда христіанство восторжествовало? Неужели оно было только явленіемъ отрывочнымъ, метеоромъ, который только блеснулъ и тотчасъ померкъ? Неужели это тѣсное соединеніе евангельскаго духа и античныхъ формъ не имѣло никакой прочности? Неужели оно не заявило себя ничѣмъ въ то время, когда могло свободно выйти изъ могилъ на свѣтъ божій и занять свое мѣсто на стѣнахъ горделивыхъ храмовъ торжествующей религіи? Неужели эта связь духа и красоты, образовавшаяся въ минуту гоненія, нисколько не отсрочила временъ полнаго варварства? Эти любопытные вопросы Вите задалъ себѣ для разрѣшенія.

Вите говоритъ, что отвѣтъ на нихъ могутъ дать христіанскія мозаики Рима, конца IV вѣка. Въ нихъ—слѣды христіанско-класическаго искуства катакомбъ; мозаики же послѣдующихъ вѣковъ носятъ на себѣ уже совсѣмъ иной характеръ.

Краеугольный камень въ вопросѣ о продолжительности искуства, начавшагося въ катакомбахъ — это мозаическое украшеніе полукруга огромной церкви, святой Пуденціаны, находящейся вблизи святой Маріи Маіоре, между Виминаломъ и Эсквилиномъ. Мозаику эту относили къ VIII вѣку; но, по мнѣнію Вите, она, безспорно, IV вѣка: было бы грубой ошибкой относить ко времени варварства такое жизненное произведеніе—произведеніе, въ которомъ явно сказывается «античный стиль, проникнутый и обновленный христіанскою мыслію». Такимъ образомъ, въ этомъ полукругѣ почти неизвѣстной церкви, Вите признаетъ великолѣпный образчикъ ново-римскаго искуства, и именно того самаго времени, когда искуство это развивалось при солнечномъ блескѣ, подъ покровительствомъ христіанскихъ императоровъ. Затѣмъ, въ V вѣкѣ, быстрое паденіе; однако, мозаики святой Сабины, св. Маріи Маджіоре, древней базилики св. Павла, обнаруживаютъ еще нѣкоторое уваженіе къ прошедшему: образы, освященные преданіемъ, еще держатся; римская бѣлая одежда (galbanus) еще не обезображена; орнаментовка, въ своихъ главныхъ чертахъ, еще остается класическою. Но въ VI вѣку уже все измѣняется; тогда царитъ совершенное варварство!

Что же означаетъ это быстрое паденіе? Какъ объяснить себѣ это появленіе новыхъ типовъ? Сами ли греческіе мозаисты вы-

Digitized by Google

работали всѣ эти безобразные типы? Конечно, нѣтъ. На всѣ произведенія искуства VI и VII вѣка, странную печать наложили готы, гунны, герулы, эти попеременные владыки Рима. Дѣло не въ томъ, чтобы варвары сами рисовали образы, или прибирали мозаичные кусочки—нѣтъ, но мозаики съ VI вѣка исполнялись толпою рабскихъ бѣдныхъ римскихъ художниковъ, которымъ приходилось подлаживаться подъ вкусъ владыкъ и забыть даже то немногое, что было извѣстно въ области искуства ихъ времени. Надо признаться также — сама западная церковь была въ сообществѣ съ варварами. Она опасалась вліянія языческихъ формъ и потому, не тревожась объ исчезновеніи красоты, и не думала останавливать развитія варварскихъ вкусовъ. Все, вообще, казалось, сложилось такъ, чтобы гнать прекрасное: одни вдались въ аскетизмъ и экстазъ, и презирали тѣлесное, другіе едва выходили изъ животнаго состоянія.

Какъ же высвободилось искуство изъ-подъ гнета невѣжества? Какъ удалось ему выйти на путь новыхъ блужданій, послѣ этого періода забвенія формъ и пренебреженія естествомъ? Тутъ Вите подымаетъ новые вопросы, къ разрѣшенію которыхъ влечетъ своего читателя. Искуству нескоро удалось возвратиться къ прекрасному и свободѣ. Для того понадобились цѣлые двѣсти-пятьдесятъ лѣтъ. Въ этотъ промежутокъ мозаисты, казалось, спали сномъ Эпименида. Наконецъ, въ 1130 году, являются прекрасныя украшенія дуги большой внутренней арки и фасада Santa Maria in Transtevere, и указываютъ на пробужденіе вкуса. Въ нихъ гибкость, естественность и грація. Все это пришло изъ Византіи. Эллинскія преданія сберегліись въ потокѣ варварствъ чрезъ цѣлые вѣка — съ V до XI. Вспомните живопись Аѳонской горы, эти изображенія святыхъ «самаго возвышеннаго характера, самаго прекраснаго, такъ гордо, такъ просто поставленныхъ; изображеніяхъ истинно христіанскихъ, и въ то же время столько родственныхъ богамъ Партенона» — и вы склонитесь къ тому, чтобы признать въ мозаикахъ Santa Maria in Transtevere ново-греческое вліяніе, проникшее въ XI вѣкѣ въ Италію и тамъ породившее новое искуство.

Вите питаетъ полнѣйшее удивленіе къ имени Рафаэля д'Урбино. Имя этого великаго живописца не разъ появляется на страницахъ Etudes sur l'histoire de l'art. «Его небо, болѣе чѣмъ кого либо изъ людей, щедро надѣлило чувствомъ совершенной и нечеловѣческой красоты». По поводу спорнаго вопроса о томъ — Рафаэлю ли принадлежитъ фреска стараго монастыря св. Онуфрія, Вите передаетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ жизни этого художника: онъ разсказываетъ о первыхъ попыткахъ живописца ложь, пріобрѣсти себѣ извѣстность. Чрезвычайно живо и ярко выяснены у Вите отношенія Рафаэля къ умбрійской школѣ, кормилицѣ его таланта. Школа эта, подобно древней Весталкѣ, бдительно поддерживала среди своихъ горъ пламя хри-

Digitized by Google

стіанскаго спиритуализма въ то время, когда язычество возрожденія завоевывало себѣ Флоренцію и остальную Италію.

Отзывъ Вите о Микель-Анджело прямо противоположенъ отзыву о Рафаэлѣ. Отзывъ этотъ такъ оригиналенъ и прямодушенъ, что его нельзя не привести.

«У Микель-Анджело — говоритъ Вите — казалось, былъ гороскопъ его послѣдователей. Онъ сказалъ, что какъ разъ они пойдутъ по его слѣдамъ, то уже не остановятся ни передъ чѣмъ, хотя бы даже передъ самой нелѣпостью. Даже самъ на себѣ онъ уже показалъ справедливость своего пророчества: самъ на себѣ испытывалъ собственное вліяніе. Стоитъ сравнить его *Страшный судъ* съ сикстинскимъ куполомъ: что за послѣдовательность въ преувеличенной смѣлости, въ излишествахъ эфекта, въ ученомъ варварствѣ! Разъ уклонится духъ отъ простоты и правды — и все ненасытнѣе будетъ онъ стремиться къ всякимъ утонченностямъ и замысловатостямъ. Съ каждымъ разомъ ему надо все новаго, сверхъестественнаго, особенно смѣлаго. Это какъ-бы пряности въ гастрономіи, шумъ въ музыкѣ: отъ трубы переходятъ къ тромбону, отъ тромбона къ офиклеиду, отъ офиклеида къ там-таму, а далѣе и къ colpo di canone».

Между своими національными живописцами, Вите высоко ставитъ Лесюёра. Онъ посвящаетъ этому мягкому и возвышенному живописцу прекрасный этюдъ. Лесюёръ дурно былъ понимаемъ, и особенно своими современниками. Меланхолическій образъ его нѣжно очерченъ у Вите. Вите старается воскресить память объ этой художественной натурѣ, отличавшейся высокою простотою. Для противоположенія, ловко сопоставлены современный Лесюёру живописецъ битвъ Александра-Великаго и живописецъ картезіанцевъ, Лудовикъ XIV, искуство и его смиренный противникъ.

Вите со вниманіемъ слѣдитъ и за успѣхами новѣйшей французской живописи. Онъ дѣлаетъ отчетливыя и основательныя замѣтки о Давидѣ, Полѣ Деларошѣ, Евгеніи Делакруа, Фландренъ; съ ними можно не согласиться, но нельзя не отдать полной справедливости его искренности и выдержанности. Объ Энгрѣ (Ingres), человѣкѣ съ непоколебимыми убѣжденіями, Вите отзывается лишь съ однимъ уваженіемъ. Ари Шефферъ никогда еще не былъ такъ хорошо объясненъ, какъ онъ объясненъ у Вите. Талантъ у Ари Шеффера всегда приходилъ на усилія высоко-образованнаго ума. Образованіе брало верхъ надъ живописью; исполненіе никогда не достигало высоты мысли. Ари Шефферъ сильно сѣтовалъ на это. Его врожденная скромность преувеличивала то, что онъ считалъ въ себѣ безсиліемъ. Такая черта въ человѣкѣ европейской извѣстности говоритъ болѣе всякихъ словъ сама за себя. Ари Шефферъ, мыслитель съ кистью въ рукахъ, тонко понятъ Вите. Постоянныя усилія художника, выразить въ живописи сколь можно болѣе смысла, не могли не найти себѣ симпатическаго отголоска въ душѣ такого тонкаго критика, каковъ Вите. Вообще, книга его очень замѣчательна.

Digitized by Google

Магометъ и коранъ; *вмѣсто введенія разсужденіе о взаимныхъ обязанностяхъ философіи и религіи*, соч. Ж. Бартелеми Сент-Илера (*)

Религія, какъ выраженіе нашихъ нравственныхъ понятій о человѣкѣ и о его назначеніи, такъ присуща нашему уму, что стремленіе къ ея созданію составляетъ самостоятельное, коренное свойство нашего мышленія; поэтому религія всегда будетъ существовать въ человѣчествѣ; поэтому и каждая религія, въ каждомъ народѣ являлась въ свое время, какъ послѣднее и полнѣйшее выраженіе его нравственныхъ требованій. Съ этой точки зрѣнія изучаетъ магометанскую религію и ея основателя Бартелеми Сент-Илеръ.

Онъ признаетъ исламизмъ чистѣйшей изъ религій послѣ христіанства. Исламизмъ явился въ свое время, какъ замѣна идолопоклонства теизмомъ, и теизмъ этотъ есть «вѣра въ Бога единаго, милосердаго, благого, творца небесъ и земли, отца людей, отца попечительнаго, ниспосылающаго всякія блага, вознаграждающаго или же карающаго въ загробной жизни». Такою религіею были устранены въ свое время вѣрованія грубыя, варварскія, неосмысленныя. Правда, лучшіе изъ догматовъ исламизма заимствованы Магометомъ изъ ученій іудейскаго или христіанскаго; но аравійскій пророкъ, нисколько не выдавая себя за ихъ творца, умѣлъ удивительно пріурочить ихъ къ духу своего народа. Успѣхъ исламизма и его долговѣчность служатъ доказательствомъ того, какъ соотвѣтствовалъ онъ нравственнымъ требованіямъ. И въ наше время исламъ исповѣдуется *ста милліонами* людей, выдержавъ *тринадцативѣковую* пробу. Слѣдовательно, нельзя не признать за исламизмомъ великой нравственной услуги для огромной части человѣчества. Затѣмъ — творецъ исламизма является передъ нами не какъ жалкій отступникъ отъ истины, но какъ проповѣдникъ ея, глубоко убѣжденный въ своемъ призваніи. Цѣль его была вызвать къ жизни нравственно коснѣвшій народъ, оторвать его отъ низкаго идолопоклонства и вдохнуть въ него служеніе духу. Самые первые пріемы въ дѣятельности Магомета обнаруживаютъ въ немъ искренность, свойственную натурамъ творческимъ. Онъ впервые выражаетъ свое призваніе въ своемъ интимномъ, домашнемъ кругу: первые послѣдователи его ученія—его домашніе. Число этихъ послѣдователей ростетъ медленно; много лѣтъ проходитъ, прежде чѣмъ Магомету удается собрать вокругъ себя какую нибудь тысячу вѣрующихъ, и во всѣ эти годы въ немъ не обнаруживается честолюбивыхъ и властолюбивыхъ притязаній. Его одушевляетъ исключительно одно стремленіе побороть идолослуженіе и обуздать страсти своихъ соотечественниковъ. И онъ внушаетъ единобожіе, предписываетъ из-

(*) Mahomet et le Coran, précédé d'une introduction sur les devoirs mutuels de la philosophie et de la religion, par *J. Barthelemy St. Hilaire*. Paris. 1865.

Digitized by Google

бѣгать порока, служить добродѣтели, предписываетъ молитву, милостыню, воздержаніе, и самъ на себѣ показываетъ примѣръ прощенія обидъ, терпѣнія и кротости. Въ это время своей дѣятельности онъ обнаруживаетъ истинное душевное величіе, его нельзя упрекнуть даже въ малѣйшей слабости. Но аравитане раздѣлялись на независимыя племена и безпрестанно вели междоусобицы изъ самыхъ ничтожныхъ причинъ; они не были еще способны принять высокое ученіе: не могло произойти быстраго измѣненія въ ихъ привычкахъ къ варварству и насиліямъ. Магомету невольно пришлось сдѣлаться политикомъ, въ особенности же, когда по обстоятельствамъ онъ сталъ законодателемъ и полководцемъ. Вмѣсто пророка явился государственный человѣкъ. Слово оказалось недѣйствительнымъ; въ борьбѣ страстей, врожденныя наклонности человѣка получили свое полное выраженіе. Ошибки и излишества Магомета объясняются духомъ его времени, вліяніемъ на него той среды, въ которой онъ дѣйствовалъ; онъ былъ геній и, какъ геній, весь былъ преданъ своему призванію; но онъ былъ и сынъ своего времени, и своей народной среды. Таковъ взглядъ Бартелеми Сент-Илера на Магомета; глубоко понимая его творческую натуру, авторъ относится къ ней безпристрастно и вѣрно ее опредѣляетъ.

Объ отношеніи пищи людей къ ихъ полезной работѣ, *Л. Плейфера.* (On the Food of Man in relation to His Useful Work, *by Lyon Playfair*). 1865.

Въ этихъ лекціяхъ нѣтъ, разумѣется, ничего общаго съ извѣстнымъ сочиненіемъ Бриллья-Саварена, потому что профессоръ Плейферъ, не касаясь тонкостей повареннаго искуства, смотрѣлъ на пищу исключительно какъ на средство къ работѣ. Еще Декартъ сказалъ, что наука есть обращеніе качества въ количество. Но только въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ количество перестало довольствоваться крошками, падавшими съ трапезы качества. Теперь роли ихъ въ физіологіи значительно измѣнились, и эта перемѣна коснулась наконецъ вопроса о пищѣ, о которой человѣкъ какъ-то не торопится пріобрѣсть научныхъ знаній, хотя и обращаетъ, какъ извѣстно, свое на нее вниманіе прежде, нежели на другіе предметы. Сила, проявляемая нами во внѣшней дѣятельности, происходитъ отъ одной, или почти отъ одной пищи, потребляемой нами. Новѣйшая физіологія смотритъ на хлѣбъ и мясо не только какъ на матеріалы, необходимые для поддержанія жизненной силы, но и какъ на количество энергіи, которое, будучи введено въ тѣло, становится самой жизненной силою. Человѣческое тѣло сравниваютъ обыкновенно съ паровой машиною. Что въ ней дѣлаютъ дрова или каменный уголь, то въ тѣлѣ производитъ пища. Этого сравненія нельзя, конечно, довесть до мелкихъ подробностей и считать его положительно установившимся; но оно хорошо потому, что результаты его оказываются полезными. Въ машинѣ только двѣ силы: механическая и калорическая; въ

Digitized by Google

нашемъ тѣлѣ ихъ нѣсколько. Но дѣло въ томъ, что изученіе ихъ возможно только въ тѣхъ формахъ, какія принимаютъ онѣ при выходѣ изъ насъ, то-есть какъ тепло и движеніе. Онѣ или сокращаютъ мышцы, или возвышаютъ температуру нашего тѣла. Умственныхъ напряженій не можетъ измѣрить физіологъ — вѣсъ и мѣра неприложимы къ нимъ. Пожалуй, насъ могутъ занимать и opus mentale, то-есть работа головнаго мозга, и opus mechanicum internum, или работа внутреннихъ мышцъ, напримѣръ, сердца, легкихъ и т. д. Но всѣ онѣ исходятъ изъ тѣла, какъ два вида работы: opus mechanicum, то-есть количество фунто-футовъ, или сколько тяжести можетъ человѣкъ поднять въ день, и opus calorificum, то-есть количество льда, которое могъ бы онъ обратить въ воду теплотою своего тѣла впродолженіе того же времени.

Главное отличіе пищи отъ топлива заключается въ ея сложности. Топливомъ могутъ быть дрова, или почти чистый углеродъ, для пищи же необходимы вещества двухъ родовъ: вовервыхъ, тѣ, въ которыхъ находятся элементы для образованія тканей тѣла, какъ, напримѣръ, бѣлковина, и, вовторыхъ, вещества, способныя поддерживать его температуру — сахаръ, жиръ, крахмалъ. Вслѣдствіе этого первыя называются пластическими элементами, или мясо-образователями (fleshformers), а вторыя дыхательными элементами, или образователями тепла. Послѣднія производятъ opus calorificum, первыя же—всѣ другіе opera.

Професоръ Плейферъ старается доказать, что теорія эта вѣрна, пока количествомъ поддерживается ипотеза, основанная на качествѣ. Онъ утверждаетъ, что элементовъ силы, заключающихся въ ежедневной пищѣ человѣка, достаточно для пополненія дѣйствительной силы, которая тратится имъ на всѣ внѣшнія и внутреннія работы, не включая однакоже въ число послѣднихъ умственной дѣятельности, о которой не упоминаетъ онъ. По его теоріи выходитъ слѣдующее. Количество мясопроизводителей, ежедневно въ пищѣ потребляемыхъ человѣкомъ, непроизводящимъ ни мускульной, ни умственной работы — при чемъ, слѣдовательно, надо брать въ соображеніе только opus mechanicum internum и opus vitale — составляетъ среднимъ числомъ около двухъ унцій. Количество же ихъ, потребляемое трудящимся работникомъ, который къ двумъ помянутымъ работамъ прибавляетъ еще opus mechanicum externum, равняется почти $5^1/_2$ унціямъ. Стало быть, для дневной внѣшней механической работы достаточно $3^1/_2$ унцій мясо-образователей. Энергію бѣлковины, или способность ея производить эту работу должно искать въ количествѣ тепла, которое выдѣляется изъ тѣла при ея окисленіи или сгораніи внутри его. Тепло это можетъ быть переложено въ фунто-футы, или—слѣдуя десятичной системѣ автора — въ метро-килограммы. При настоящемъ состояніи физіологіи, вѣрное переложеніе невозможно еще, но предполагается, что $3^1/_2$ унціи мясо-образователей въ состояніи произвесть 172.125 метро-килограммовъ.

Digitized by Google

Дѣйствительное же количество полезной работы, которое можно принять за среднее число усиленной дневной работы, будетъ 109.496 метро-килограмовъ. Головной мозгъ, какъ физическій органъ проявленія умственной дѣятельности, долженъ, конечно, также окисляться или сгарать во время процеса мышленія; но такъ-какъ нѣтъ средствъ для опредѣленія умственной работы метро-килограмами, то и нельзя сказать, сколько работающій головою человѣкъ долженъ съѣдать ежедневно лишняго сверхъ двухъ унцій мясо-образователей. Общій выводъ, извлеченный изъ этихъ данныхъ, заключается въ томъ, что пища работниковъ должна содержать въ себѣ надлежащее количество пластическихъ элементовъ съ достаточной примѣсью сахара, крахмала и жиру. Г. Плейферъ думаетъ, что въ пищѣ, потребляемой ежедневно англійскимъ рабочимъ класомъ, находится нетолько достаточно, но даже слишкомъ много силы для производимой имъ полезной работы.

Надобно однакоже, при всемъ уваженіи къ авторитету професора Плейфера, замѣтить, что съ его взглядомъ и доказательствами согласны не всѣ физіологи. Напримѣръ, содержаніе въ бѣлковинѣ производительныхъ элементовъ силы опредѣляется весьма различно. Докторъ Карпентеръ, методъ котораго былъ одобренъ извѣстнѣйшими физіологами, пришелъ къ результатамъ діаметрально-противоположнымъ заключенію г. Плейфера. Онъ увѣряетъ, что ежедневно потребляемое рабочими количество мясо-образователей нисколько недостаточно для производства той силы, какую обнаруживаютъ они при работѣ. Докторъ Гаутонъ также поддерживаетъ это мнѣніе, убѣдясь въ его основательности послѣ продолжительныхъ опытовъ надъ самимъ собою. Впрочемъ, несмотря на это противорѣчіе, лекціи г. Плейфера вполнѣ заслуживаютъ вниманія серьёзныхъ практическихъ умовъ. Кормить надлежащей и притомъ сравнительно дешевой пищею солдатъ и вообще рабочій народъ — это весьма важный вопросъ нетолько въ экономическомъ, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ.

Міръ: безконечно-большіе и безконечно-малые. *Ф. А. Пуше.* (L'Univers: les infiniment grands et les infiniment petits, *par F. A. Pouchet*). 1865.

Со времени изобрѣтенія микроскопа, тайны физической природы съ каждымъ днемъ разоблачаются все болѣе и болѣе. Но такъ-какъ новыя открытія должны необходимо влечь за собою вопросы, требующіе дальнѣйшихъ открытій, то, слѣдовательно, прогресъ естественныхъ наукъ безконеченъ. Если же путь этого прогреса долженъ быть столь же продолжителенъ, какъ бытіе міра, какъ жизнь человѣчества, то, стало быть, люди, проработавши надъ изученіемъ природы еще нѣсколько вѣковъ, объяснятъ только каплю того необъятнаго моря тайны, посреди котораго живемъ мы. Нѣтъ сомнѣнія, что въ составъ этой капли войдутъ элементы, чрезвычайно-полезные для людей въ матеріаль-

Digitized by Google

номъ отношеніи, но все же это будетъ не болѣе, какъ капля міровой тайны. Г. Пушé въ первыхъ главахъ своей книги описываетъ тѣхъ крошекъ животнаго царства, изъ остатковъ или труповъ которыхъ сложились горы и значительныя части земной поверхности. Организація такихъ малютокъ бываетъ сложнѣе устройства большихъ животныхъ, и потому подробное ихъ изученіе особенно интересно для натуралистовъ. Увѣряютъ, что при помощи сильнаго микроскопа можно видѣть сквозь прозрачную оболочку даже процесъ пищеваренія, совершающійся въ желудкахъ такой крошки. Замѣтьте, какъ ни малы эти пигмейчики, но природа все-таки ухитрилась надѣлить каждаго изъ нихъ нѣсколькими желудками. Натуралисты нашли уже способъ измѣрять и взвѣшивать микроскопическихъ животныхъ; вѣроятно будетъ найдено средство препарировать ихъ, и тогда явится сравнительная анатомія микроскопическаго царства природы. Но вотъ вопросъ: можно ли вполнѣ вѣрить микроскопу? Нѣтъ ли тутъ оптическихъ илюзій? Въ самомъ дѣлѣ, опыты ведутъ иногда къ совершенно противоположнымъ заключеніямъ. Недавній споръ о произвольномъ зарожденіи доказываетъ это, какъ нельзя лучше. Пастёръ и Пуше оба владѣютъ микроскопомъ съ равнымъ искуствомъ, а между тѣмъ одинъ изъ нихъ находитъ зародышей даже въ воздухѣ, доведенномъ до чрезвычайно высокой температуры, тогда какъ другой совсѣмъ не замѣчаетъ ихъ. Одинъ утверждаетъ, что никогда жизнь не развивается въ атмосферѣ, лишенной этихъ зародышей; другой же увѣряетъ, что такой атмосферы, гдѣ бы не было ихъ, не существуетъ на землѣ. Кто правъ изъ нихъ?— это еще вопросъ. Но оставимъ произвольное зарожденіе, и взглянемъ на то, что опытъ положительно открылъ намъ. Тутъ является такая бездна удивительныхъ фактовъ, что остается только благоговѣть передъ совершенствомъ того ума, который устроилъ вселенную. О муравьяхъ и пчелахъ, живущихъ обществами, было говорено уже много *; но сколько другихъ насѣкомыхъ, неменѣе достойныхъ удивленія! Напримѣръ, муха sphex, личинки которой питаются живой добычею, кладетъ рядомъ съ яичками, изъ которыхъ должны вылупиться онѣ, гусеницу, ужаленную такъ разсчетливо, что она, продолжая жить, теряетъ свободу движенія. Многіе виды насѣкомыхъ надѣлены необыкновенной способностью къ домоустройству. Какія превосходныя помѣщенія дѣлаютъ они для себя въ незамѣтныхъ для простого глаза ямкахъ! Чисто, уютно, стѣны обтянуты бархатомъ собственнаго издѣлія, рядомъ кладовая для съѣстныхъ припасовъ. Архитектурныя способности нѣкоторыхъ птицъ тоже выше всякой похвалы. Иволга и пѣночъ-

* Г. Пуше разсказываетъ, между прочимъ, что если большой слизень заползетъ въ улей, то пчелы, умертвивши его своими жалами, сбираютъ смолистыя вещества съ цвѣтовъ и деревьевъ, и бальзамируютъ ими трупъ слизня, котораго не могутъ онѣ вытащить изъ улья. Такимъ образомъ, предохранивши его отъ тленія, онѣ спасаютъ самихъ себѣ отъ заразы.

Digitized by Google

ка устроивают очень хорошенькія и комфортабельныя жилища для своихъ малютокъ, а мегаподъ и австралійскій телегамъ окружаютъ снесенныя яйца травой и листьями, которыя, придя въ броженіе, производятъ тепло, достаточное для образованія и полнаго развитія зародыша. Наконецъ перелетъ птицъ и переселеніе нѣкоторыхъ животныхъ представляютъ факты, далеко еще несовсѣмъ объясненные. Отъ зоологіи г. Пуше переходитъ къ ботаникѣ, геологіи и кончаетъ взглядомъ на звѣздный міръ. Книга его, богатая очень любопытными подробностями, должна способствовать развитію вкуса въ обществѣ къ естественнымъ наукамъ, тѣмъ болѣе, что научному элементу дана въ ней легкая, общепонятная форма.

О единствѣ организма животныхъ и о спорѣ между Кювье и Жофруа Сент-Илеромъ. *Флурана* (De l'unité de composition et du débat entre Cuvier et Geoffroy Saint-Hilaire, *par Flourens*). 1865.

Авторъ этой книги зналъ лично обоихъ натуралистовъ, о которыхъ говоритъ онъ, часто работалъ подъ ихъ руководствомъ, и не разъ присутствовалъ при ихъ спорахъ — стало быть, ему хорошо извѣстны причины того антагонизма, вслѣдствіе котораго стали они представителями двухъ противоположныхъ школъ. Жофруа Сент-Илеръ обладалъ систематическимъ умомъ, синтезъ онъ любилъ больше анализа и стремился съ самаго начала своей ученой дѣятельности къ открытію законовъ мірозданія. Подробное изученіе позвоночныхъ животныхъ внушило ему мысль о единствѣ ихъ происхожденія, затемненномъ длиннымъ рядомъ видоизмѣненій. Какъ скоро установилась въ его сознаніи эта гипотеза, ея ничто уже не могло измѣнить. Всѣ изысканія Жофруа Сент-Илера были постоянно направлены къ тому, чтобы поддержать мысль о единствѣ типа, и онъ поясняль ее малѣйшимъ сходствомъ подробностей, не выходя однакоже изъ груды позвоночныхъ, которыми исключительно занимался онъ. Кювье, познанія котораго были разностороннѣе и взглядъ болѣе широкъ, допускалъ единство въ планѣ природы, но не въ составныхъ частяхъ ея, не въ организмахъ. Различія родовъ казались ему такъ велики, что онъ не могъ допустить мысли о происхожденіи всѣхъ животныхъ отъ одного родоначальнаго типа. Сверхъ того отличительные признаки видовъ, которые такъ настойчиво удерживаются позвоночными, препятствовали ему согласиться съ гипотезою о ихъ послѣдовательномъ преобразованіи, слѣдовъ котораго нигдѣ не находилъ онъ. Знаменитые труды Кювье по части сравнительной анатоміи давали ему значительное преимущество надъ противникомъ. Вслѣдствіе этого бо́льшая часть натуралистовъ раздѣляла его образъ мыслей. Къ числу ихъ принадлежитъ и г. Флуранъ, который счелъ нелишнимъ напомнить объ этихъ ученыхъ диспутахъ теперь, когда умы натуралистовъ заняты теоріею Дарвина. Онъ признаетъ ее развитіемъ мыслей Жофруа Сент-Илера.

Digitized by Google

Мемуары г-жи д'Эпине, 2-е изд., дополненное г. *Буато*. (Mémoires de madame d'Epinay. Edition nouvelle et complète, *par M. Paul Boiteau*). 1865.

У французовъ множество мемуаровъ, но ни одни изъ нихъ не даютъ такого полнаго понятія о литературѣ и общественной жизни Франціи XVIII вѣка, какъ мемуары г-жи д'Эпине, изданные въ первый разъ 45 лѣтъ назадъ тому и только въ прошломъ апрѣлѣ явившіеся вторымъ изданіемъ съ разными дополненіями и коментаріями г-на Буато. Отецъ писательницы, Жардьэнъ-д'Эсклавель, офицеръ французской арміи, былъ убитъ въ 1735 году. Послѣ его смерти она осталась малюткою и была помѣщена въ монастырь. Отсюда, когда кончилось ея образованіе, она переселилась въ замокъ тётки своей и вышла замужъ за сына ея, г. д'Эпине. Счастливая жизнь вдвоемъ была непродолжительна. Черезъ полгода послѣ свадьбы мужъ повелъ очень разсѣянную жизнь. Онъ или уѣзжалъ изъ замка, или кутилъ въ немъ съ удалыми товарищами. Послѣдовало объясненіе, которое повлекло за собою цѣлый рядъ непріятностей. Охлажденіе, антипатія, сперва затворничество, потомъ усиленные выѣзды въ свѣтъ и наконецъ любовная связь съ Франсёль — вотъ слѣдствія супружеской размолвки. Однакоже и этотъ умный и свѣтскій мужчина, другъ Вольтера, Руссо, Дюкло и Дидеро, также не могъ похвалиться постоянствомъ характера. Онъ скоро пересталъ пѣть дуэты съ г-жею д'Эпине и предпочелъ ей веселую компанію съ пріятелями, карты и любовь г-жи Версель, одной изъ знаменитѣйшихъ прелестницъ, которыми было такъ богато царствованіе Людовика XV. Эта измѣна произвела глубокое впечатлѣніе на г-жу д'Эпине. Долго не могла она утѣшиться; но время сдѣлало наконецъ свое, и она полюбила Гримма, воспитателя графа Шёнберга. Связь ихъ продолжалась двадцать-семь лѣтъ и прекратилась только съ жизнью г-жи д'Эпине. Ученый нѣмецъ познакомилъ ее со всѣми beaux esprits того времени, отъ Вольтера до аббата Галіани. Знакомство съ литературными, ученными и политическими знаменитостями внесло въ мемуары тотъ элементъ, который придаетъ имъ особенную цѣну, дѣлаетъ ихъ вѣрной картиною артистической, философской, финансовой и соціальной жизни тогдашняго Парижа. Къ числу короткихъ друзей г-жи д'Эпине принадлежали Дюкло и Жанъ-Жакъ Руссо. Трудно найдти другую пару столько же даровитыхъ людей, которые бы такъ скандально пользовались расположеніемъ къ нимъ доброй и умной женщины. Она нетолько одѣвала и кормила Руссо, но даже дала ему пристанище, потому что извѣстная ферма «La Chevrette» была ея собственностью. Однакоже, несмотря на всѣ благодѣянія, оказанныя ему г-жею д'Эпине, онъ поступалъ съ нею чрезвычайно неблагородно — онъ платилъ ей за одолженія плутовствомъ и гадкой интригою. Впрочемъ, Жанъ-Жакъ Руссо походилъ на дикаря во многихъ отношеніяхъ; его странный характеръ давно уже объясненъ. Другое дѣло — Дюкло. Это былъ

Digitized by Google

умный и тонкій свѣтскій человѣкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ злой, какъ демонъ. Будучи задушевнымъ другомъ г. Франсёль, онъ старался однакоже замѣнить его въ сердцѣ г-жи д'Эпине, задолго еще до знакомства ея съ Гриммомъ, и прикидывался страстно-влюбленнымъ.

Издатель этихъ мемуаровъ Буато повторяетъ о нихъ то же, что́ было сказано при первомъ изданіи. Они были начаты въ 1757 г. для Гримма, который жилъ тогда въ Вестфаліи. Рукопись была куплена парижскимъ книгопродавцемъ Брюне, уже по смерти Гримма, у секретаря его. Мемуары эти, при первомъ появленіи ихъ въ печати, имѣли огромный успѣхъ, который ожидаетъ, безъ сомнѣнія, и второе изданіе, дополненное очень интересными подробностями. Замѣтимъ кстати, что въ 10-й книгѣ «Исповѣдей» Руссо много говорится о г-жѣ д'Эпине и ея обществѣ, но все это нисколько не оправдываетъ его дурныхъ поступковъ. Также г-жа Дюдеванъ (Жоржъ-Зандъ) пишетъ въ своей «Histoire de ma vie», что Франсёль былъ ея дѣдомъ, и что ей по наслѣдству отъ него достался портретъ г-жи д'Эпине. Она увѣряетъ, что оригиналъ этого портрета былъ положительно дуренъ (positivement laide), но прибавляетъ, что г-жа д'Эпине была очень хорошо сложена (elle était fort bien faite).

Викарій Сэдбрукъ (The Curate of Sadbrooke. 3 vols.) 1865.

Авторъ этого романа изображаетъ стремленія и труды молодаго пастора, направленные противъ предразсудковъ простого народа. Безпорядки, къ которымъ повлекъ балль о реформѣ тридцать лѣтъ назадъ тому, дали автору случай ввести въ свой разсказъ описаніе мятежа и пожара. Впрочемъ, эти сцены вышли не такъ эфектны, какъ бы можно было ожидать. Послѣ пожара дѣйствіе начинаетъ согрѣваться. Наверхъ выплываютъ сердечная тайна молодой ирландки и любовь г. Сэдбрука, который, занимаясь своимъ дѣломъ, долго не замѣчалъ расположенія къ нему прекрасной леди. Влюбленные поняли, наконецъ, другъ друга. Вообще романъ этотъ написанъ хорошо, и въ немъ есть типичные характеры.

Двѣ женщины, изъ которыхъ одну я любилъ, а другая меня любила. (The Woman I loved, and the Woman who loved me). 1865.

Здѣсь разсказана исторія двухъ женщинъ. Одна изъ нихъ — вѣтреная, покорная минутнымъ увлеченіямъ эгоистка; тогда-какъ умъ и чувства другой опираются на твердую почву постоянства и убѣжденія. Первую любитъ герой романа и женится на ней; вторая любитъ его тайно, и старается возвратить спокойствіе въ разбитую несчастіемъ душу этого человѣка, послѣ того, какъ безчувственная Маріана погибла ужасной смертью. Мысль ненова. Въ одномъ изъ наиболѣе популярныхъ романовъ Дикенса, изображена глубокая и тайная привязанность дѣвушки, ставшей,

Digitized by Google

наконецъ, второй женою овдовѣвшаго героя. Невинная любовь до брака — такое обыкновенное приключеніе въ жизни всякой женщины, что эти факты давно уже стали общимъ мѣстомъ. Впрочемъ, въ этомъ романѣ изображена не мимолетная прихоть чувства, но прочная глубокая привязанность, и потому любительницъ сантиментальныхъ разсказовъ онъ можетъ очень заинтересовать.

Наслѣдница Блэкборнфута. Разсказъ изъ сельской жизни Шотландіи. (The Heiress of the Blackburnfoot: a Tale of Scottish rural Life) 1865.

Очень занимательный разсказъ. Блэкборнфутскіе Гамильтоны, бывшіе бѣдными людьми впродолженіе двухъ вѣковъ, находятъ каменный уголь въ участкѣ принадлежащей имъ земли, и единственная дочь ихъ Мери становится богатой наслѣдницею. Стонкрофтскій Гамильтонъ, двоюродный братъ ихъ, доказываетъ положительно права свои на эту землю. Сынъ его Джорджъ любитъ мисъ Мери, которая отвѣчаетъ ему взаимностью, но тётка ея Джэнь, злой духъ этой исторіи, разрушаетъ надежды влюбленныхъ. Мать Джорджа дѣйствуетъ въ томъ же духѣ. Вслѣдствіе этого онъ уѣзжаетъ въ Австралію. Однакоже разлука не измѣняетъ его чувствъ, и влюбленные соединяются, наконецъ, брачными узами.

НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

Въ послѣднее время вышли слѣдующія книги:

Causeries, par *Edmond About*. (Разсказы, *Эдм. Абу*).

La charité internationale sur les champs de bataille. 5-me édition. (Международное милосердіе на поляхъ сраженія. 5-е изданіе).

Chateaubriand, sa vie et ses œuvres, étude litteraire et morale, par *Ch. Benoit*. Ouvrage qui a obtenu le prix d'éloquence decerné par l'Académie française. (Шатобріанъ, его жизнь и произведенія, *Ш. Бенуа*. Книга, получившая академическую премію).

Contes à Ninon, par *M. Emile Zola*. (Разсказы Нинонѣ, *Эмиля Зола*).

Contes accelérés, par *Louis Dépret*. (Торопливые разсказы, *Луи Депре*).

Les Drames du Mariage, par *Benjamin Gastineau* (Брачныя драмы, *Бенжамена Гастино*).

Guide pratique des conférences agricoles, par *L. Gossin*. (Практическое руководство къ земледѣльческимъ совѣщаніямъ, *Л. Госсена*).

L'Italie militaire, par *A. Pommier*. (Италія съ военной точки зрѣнія, *А. Помье*).

Itinéraire général de la France, par *M. Adolphe Joanne*. 2-me partie. (Путеводитель по Франціи, *Ад. Жанъ*).

L'Histoire romaine et Napoléon III, étude critique sur l'Histoire de Jules-César, par *Jos. Hornung*. (Римская исторія и Наполеонъ III, *Іосифа Горнунга*).

Digitized by Google

La Médecine, histoire et doctrines, par *Ch. Daremberg*. (Медицина, ея исторія и теорія, *Ш. Даранберга*).

Le Moine, par l'abbé "". (Монахъ, аббата "").

Napoléon et son historien M. Thiers, par *J. Barni*. (Наполеонъ и его историкъ г. Тьеръ, *Ж. Барни*).

Du Plaisir et de la Douleur, par *Francisque Bouillier*. (Объ удовольствіи и горѣ, *Фр. Буилье*).

Le protestantisme libéral, par le pasteur *Tt. Bost*. (Либеральный протестантизмъ, пастора *Т. Боста*).

Allgemeine Formenlehre für Kunst und Gewerbe, von *J. Chr. Matthias*. (Общая теорія формъ для ремесла и искуства, *Хр. Матіаса*).

Fauna der Kieler Bucht, von *H. A. Meyer* und *K. Möbius*. (Фауна кильскаго залива, *Г. А. Мейера* и *К. Мёбіуса*).

Die fossile Flora der permischen Formation, von Dr. *R. Göppert*. (Ископаемая флора пермской формаціи, *Р. Гёперта*).

Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung, von Pr. *Rud. Ihering*. (Духъ римскаго права на различныхъ ступеняхъ его развитія, *Руд. Ихеринга*).

Die Gestaltung der mittleren Lebensdauer in Preussen seit 1816, von *Fr. Neumann*. (О среднемъ продолженіи жизни въ Прусіи съ 1816 г., *Фр. Неймана*).

Die Grundlagen des Rechnungswesens und ihre Anwendung auf industrielle Anstalten, von *C. G. Gottschalk*. (Основанія счетоводства и его примѣненіе къ промышленнымъ учрежденіямъ, *К. Г. Готшалька*).

Ideen zu einer philosophischen Wischenschaft des Geistes und der Natur, von Dr. *H. Delff*. (Мысли, относящіяся къ философской наукѣ о духѣ и природѣ, *Г. Дельфа*).

Lehrbuch der Agricultur-Chemie für landwirthschaftliche Schulen und für den praktischen Landwirth, von Pr. *I. I. Schibler*. (Руководство къ земледѣльческой химіи для земледѣльческихъ училищъ и для практическаго сельскаго хозяина, *І. Шиблера*).

Der Materialismus vom Standpunkte der atomistisch-mechanischen Naturforschung beleuchtet, von *O. Flügel*. (Матеріализмъ, разсматриваемый съ точки зрѣнія атомистико-механическаго изслѣдованія природы, *О. Флигеля*).

Die mittelalterlichen Baudenkmäler Niedersachsens. 9 и 10 Heft. (Средневѣковые памятники архитектуры нижней Саксоніи).

Naturgeschichte, von *Emil. Postel*. (Естественная исторія, *Эм. Постеля*).

Neue Essays über Kunst und Literatur, von *Herm. Grimm*. (Новые опыты объ искуствѣ и литературѣ, *Герм. Гримма*).

Das praktische Bedürfniss der Rechtsform gegenüber der historischen Schule, von Dr. *C. I. Seits*. (Практическая нужда въ формѣ права, несогласной со взглядомъ исторической школы, *К. І. Зейца*).

Das Pflanzleben der Erde, von Dr. *Wilh. Kabsch*. (Растительная жизнь земли, *В. Кабша*).

Ueber Künstler und Kunstwerke, von *Herm. Grimm*. (О художникахъ и художественныхъ произведеніяхъ, *Г Гримма*).

Wegweiser auf dem Gebiete der Münzkunde des Königreich Preussen

Digitized by Google

von *I. Seitzmann*. (Путеводитель по нумизматической области прусскаго королевства, *І. Зейцмана*).

Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft. 19 Abt. (Лѣтопись германскаго восточнаго общества).

Albec Forbes of Howglen. A Novel, by *George M'Donald*. (Албекъ Форбсъ гоуглендскій. Романъ, *Джорджа Мак-Дональда*).

Cape Cod, by *Henry D. Thoreau*. (Мысъ Кодъ, *Г. Д. Торо*).

An Examination of sir William Hamilton's Philosophy, and of the principal philosophical Questions discussed in his Writings, by *John Stuart Mill*. (Критика философіи сэра Уильяма Гамильтона и главныхъ философскихъ вопросовъ, вошедшихъ въ его сочиненія, *Джона-Стюарта Милля*).

Fairy Alice, by *Percy Fitzgerald*. (Фея Алиса, *П. Фицжеральда*).

History of my religious opinions, by *J. H. Newman*. (Исторія моихъ религіозныхъ убѣжденій, *Дж. Г. Ньюмана*).

Letters from Egypt, 1863 — 65, by lady *Duff Gordon*. (Письма изъ Египта, леди *Дофъ-Гордонъ*).

Miss Russel's Hobby, a Novel. (Конекъ миссъ Россель. Романъ).

The Natural History, ancient and modern, of precious stones and gems, and of the precious metals, by *C. W. King*. (Древняя и новая натуральная исторія драгоцѣнныхъ камней, жемчуга и благородныхъ металовъ, *Ч. В. Кинга*).

Our saddle horses, by Ker *B. Hamilton*. (Наши верховыя лошади, *Б. Гамильтона*).

Papinian: a Dialogue on state affairs between a constitutional lawyer and a country gentleman about to enter public life, by *George Atkinson*, serjeant-at-law. (Разговоръ о государственныхъ дѣлахъ между конституціоннымъ юристомъ и сельскимъ джентльменомъ, *Джорджа Аткинсона*).

Recent improvements in the steam-engine in its various applications. Being an introduction to «The Catechisme of the Steam-Engine», by *John Bourne*. (Новыя усовершенствованія паровой машины въ ея различныхъ примѣненіяхъ, *Джона Бурна*).

Report on the cheap wines from France, Austria, Greece and Hungary, by *Robert Druitt*. (Сообщеніе о дешевыхъ винахъ Франціи, Австріи, Греціи и Венгріи, *Роб. Друйта*).

Shooting simplified, a concise treatise on guns and Shooting, by *J. Dalziel Dougall*. (Упрощенная стрѣльба, краткій трактатъ объ артиллеріи и стрѣльбѣ, *Дэльзиля Дугала*).

Southern generals, who they are, and what they have done. (Южные генералы, кто они, и что они сдѣлали).

Wild Times; a Tale of the days of Queen Elizabeth, a novel. (Смутное время, романъ изъ царствованія Елизаветы).

A Winter in Algeria, by m-rs *G. Albert Rogers*. (Зима въ Алжиріи, г-жи *Роджерсъ*).

(Всѣ эти книги изданы въ 1865 г.).

Digitized by Google

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. БИТНЕРА,

на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви въ Санктпетербургѣ.

Новѣйшіе танцы для фортепьяно въ двѣ руки.

BRAUN, Ed.	Mazurka mélancolique	—	p.	60 к.
— —	Pfingst-Botschaft. Polka.	—	»	60 »
— —	Galop infernal	—	»	60 »
— —	Надежда. Полька	—	»	60 »
STRAUSS, Ed.	Candidaten-Walzer.	1	»	— »
— —	Sonette-Polka	—	»	60 »
— —	Mannschaft au Bord. Quadrille . .	—	»	75 »
— —	Flotte Bursche. Quadrille изъ оперетки Ф. Суппе	—	»	75 »
— —	Zehn Mädchen und kein Mann. Quadrille	—	»	75 »
— —	Gruss an St.-Petersburg. Polka . .	—	»	60 »
— —	Sturm-Polka	—	»	60 »
— —	La simplicité. Polka-Mazurka . . .	—	»	60 »
— —	Souvenir à Pawlovsk-Polka. . . .	—	»	60 »
— —	Mes adieux. Valses	—	»	— »
— —	Diaboline-Quadrille	—	»	75 »
— JOS.	Folichon-Quadrille, op. 115. . . .	—	»	75 »
— —	Lieb'und Wein. Polka-Mazurka, op. 120	—	»	60 »
— —	Amazonen-Quadrille, op. 121. . .	—	»	75 »
— —	Цалуй меня. Полька-мазурка, op. 122.	—	»	60 »
— —	Angelica-Polka, op. 123.	—	»	60 »
— —	Seraphinen-Polka, op. 125. . . .	—	»	60 »
— —	Freudengrüsse. Walzer, op. 128. .	1	»	— »
— —	Sophien-Quadrille, op. 137. . . .	—	»	75 »
— —	Souvenir-Polka	—	»	40 »
— —	Normen. Walzer	1	»	— »
— —	Schabernack-Polka	—	»	60 »
— —	Herold-Quadrille	—	»	75 »
— —	Dorf-Schwalben. Walzer	1	»	— »
— —	Schwätzerin. Polka-Mazurka . . .	—	»	60 »

Digitized by Google

STRAUSS, JOS. La belle Géorgienne-Quadrille .	—	р.	75 к.
— — Frauen-Herz. Polka-Mazurka . . .	—	»	60 »
— JOH. Прощаніе. Полька, op. 278 . . .	—	»	60 »
— — Saison-Quadrille, op. 279	—	»	75 »
— — Morgenblätter. Walzer, op. 279-bis.	1	»	— »
— — Juristen-Ball-Polka, op. 280 . . .	—	»	60 »
— — Train de plaisir. Polka, op. 281. .	—	»	60 »
— — La serieuse. Polka, op. 282 . . .	—	»	60 »
— — Военный маршъ, op. 284	—	»	60 »
— — Studenten-Lust. Walzer, op. 285. .	1	»	— »
— — Patronessen-Polka, op. 286 . . .	—	»	60 »
— — Verbruderungs-Marsch, op. 287 . .	—	»	60 »
— — Persischer Marsch, op. 288 . . .	—	»	60 »
— — Newa-Polka, op. 289	—	»	60 »
— — Kaiser Alexander-Marsch, op 290 .	—	»	60 »
— — Blondin-Quadrille, op. 291. . . .	—	»	75 »
— — Незабудка-Полька, op. 292 . . .	—	»	60 »
— — In den Bergen. Walzer, op. 293. .	1	»	— »
— — Process-Polka, op. 294.	—	»	60 »
— — Patrioten-Walzer, op. 295. . .	1	»	— »
— — Episode-Polka, op. 296.	—	»	60 »
— — Electrique-Polka, op. 297	—	»	60 »
— — Blätter und Blüthen. Walzer, op. 298.	1	»	— »
— — L'Africaine. Quadrille, op. 299. . .	—	»	75 »
JOS. UND ED. Trifolien-Walzer	1	»	15 »

Означенные танцы продаются также для полнаго оркестра, за умѣренную цѣну.

STRAUSS, JOH. Hommage au public russe. Попурри на самые любимые русскіе мотивы для фортепьяно въ 2 руки 1 р. 50 к.

НѢМОЕ ФОРТЕПЬЯНО. (Piano muette) въ 3 октавы, извѣстнаго мастера Плейэля въ Парижѣ; цѣна. . . . 30 р. сер.

Въ томъ же магазинѣ можно получать *всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы то ни было изданныя* или объявленныя въ какомъ либо каталогѣ. Выписывающіе нотъ на три руб. сер., получаютъ 20 процентовъ уступки; на пять руб. — 25 проц.; на десять руб. — 30 проц.; а на пятнадцать руб. сер. и болѣе, кромѣ того; не платятъ за пересылку. Требованія гг. иногородныхъ исполняются въ точности и съ первоотходящею почтою.

А. ВИТНЕРЪ.

Digitized by Google

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ
У М. БЕРНАРДА.

Въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, № 10.

ДЛЯ ПѢНІЯ.

ПѢСНИ РУССКАГО НАРОДА для одного голоса съ аккомпанементомъ фортепьяно, собранныя и арранжированныя *М. Бернардомъ*. Въ четырехъ отдѣленіяхъ 140 пѣсенъ. Новое, передѣланное и умноженное изданіе (съ красивымъ заглавнымъ листомъ) (6 руб.).

ВАСИЛЬКОВСКІЙ СОЛОВЕЙ КІЕВСКОЙ УКРАЙНЫ. Альбомъ для одного голоса съ аккомп. фортепьяно, составленный изъ 115 малороссійскихъ пѣсенъ, думъ и романсовъ, съ присовокупленіемъ малороссійскихъ и еврейскихъ танцевъ *Ст. Карпенко* (съ его портретомъ) (7 руб. съ пересылкою).

СОБРАНІЕ МАЛОРОССІЙСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, арранжированныхъ для одного голоса съ аккомп. фортепьяно *А. Эдмичкою*. 2 части, въ каждой по 50 избранныхъ пѣсенъ (съ красивымъ заглавнымъ листомъ) (каждая часть 4 руб.).

СОБРАНІЕ РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, арранжированныхъ на четыре голоса съ аккомп. фортепьяно *П. Воротниковымъ*. Партитура и голоса. 2 тетради (каждая 3 руб.).

СОБРАНІЕ ЧЕТЫРЕХГОЛОСНЫХЪ ПѢСЕНЪ *Дерфельдта, Зайцова* и *Контскаго*. № 1. Молитва (1 р.). № 2. Если жизнь тебя обманетъ (50 к.). № 3. Царь Ѳулесскій (50 к.). № 4. То не травушка засыхала (1 р.). № 5. Молитва (25 к.). № 6. Пиръ Петра-Перваго (50 к.). № 7. Плачъ плѣненныхъ Іудеевъ (50 к.). № 8. Розы разцвѣтаютъ (40 к.). № 9. Жилъ-былъ мужичокъ (50 к.). № 10. Пропадала головушка (50 к.).

БЕТГОВЕНЪ. Шесть духовныхъ пѣсней Геллерта для одного голоса съ аккомп. фортепьяно. Переводъ Н. И. Куликова (1 руб.).

Для одного фортепьяно:

СТО РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, арранжированныхъ *М. Бернардомъ*. Часть I. Новое, передѣланное и съ 25-ю цыганскими пѣснями, умноженное изданіе (3 руб.).

СТО РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, арранжированныхъ *М. Бернардомъ*. Часть II. Эта коллекція содержитъ избранныя великороссійскія и малороссійскія пѣсни (3 руб.).

СТО МАЛОРОССІЙСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, арранжированныхъ *М. Бернардомъ*. 2 части (каждая 2 р.).

АЛЬБОМЪ САМЫХЪ ЛЮБИМЫХЪ РУССКИХЪ РОМАНСОВЪ Алябьева, Варламова, Гр. Віельгорскаго, Булахова, *Глинки*, Гурилева, Даргомыжскаго, Дерфельдта, Контскаго, Кн. Кочубей, Пауфлера, Дюбюка, Титова, Яковлева и др., пере-

Digitized by Google

ложенныхъ *для одного фортепьяно М. Бернардомъ*. 8 тетрадей (въ каждой по 10 романсовъ) (каждая тетрадь 1 руб.).

BERNARD. Hommage à la jeunesse. Six romances russes paraphrasées: № 1. Скажите ей! (50 к.). № 2. Матушка голубушка (50 к.). № 3. Нѣтъ! онъ меня не любитъ (50 к.). № 4. Хочешь, что ли, моя радость (50 к.). № 5. Онъ меня разлюбилъ (60 к.). № 6. Ты не повѣришь (60 к.).

— Хуторокъ. Chanson de Klimofsky (75 к.). Крошка-Romance de Bulachoff (60 к.). Воспоминаніе о Малороссіи. Фантазія (75 коп.).

GORIA. Chants du Nord: № 1. Вотъ на пути село большое (1 р.). № 2. Трio изъ оперы Жизнь за Царя (1 р.). № 3. Отгадай моя родная (1 р.).

HERZBERG. Deux airs bohêmiens-russes transcrits: № 1. Не уѣзжай, голубчикъ мой (60 к.). № 2. Собирайтесь дѣвки красны (60 к.).

ШУБЕРТЪ. *Букетъ изъ русскихъ пѣсенъ и романсовъ*. Попурри исполненный оркестромъ г. Страусса. Для одного фортепьяно (1 р. 50 к.). Для фортепьяно въ 4 руки (2 р.).

КАРПЕНКО. Жаворонокъ Кіевскихъ полей. Южно-русское попурри изъ малороссійскихъ думъ, пѣсенъ и романсовъ (75 к.).

VOSS. Airs russes transcrits. op. 291. № 1. Какъ сладко съ тобою мнѣ быть (1 р.). № 2. Не брани меня, родная (85 к.). № 3. Ее ужь нѣтъ (1 р.). Airs russes op. 232. № 1. Арія изъ оперы «Жизнь за Царя». № 2. Шестнадцать лѣтъ № 3. Матушка голубушка. № 4. Пѣснь цыганки. № 5. Хуторокъ. № 6. Ахъ ты времячко (каждый 1 р.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер., получаютъ двадцать-пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер., пользуются означенною уступкою, и кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются тѣ, которые обратятся непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно отъ него выписывать всѣ музыкальныя сочиненія, кромѣ изданій придворной пѣвческой капеллы и дешевыхъ изданій классической музыки и оперъ, цѣны которыхъ крайнія, и за пересылку которыхъ слѣдуетъ прилагать особо.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го августа восьмая тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XXVI), содержащая въ себѣ новѣйшія сочиненія для фортепьяно *Эйгардта, Фейта, Бера, Круга, Бенделя, Гофмана* и др., всего 11 пьесъ и литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты (годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 р. 50 к.). Желающіе подписаться на «Нувеллистъ», получаютъ сполна всѣ тетради, вышедшія съ начала нынѣшняго года.

Вновь получены въ большомъ выборѣ: *роялы, роялино, скрипки, смычки, флейты, гармонифлейты, гитары, метрономы, канифоль*, и проч. по весьма умѣреннымъ цѣнамъ.

Депо лучшихъ итальянскихъ струнъ.

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція «Отечественныхъ Записокъ» получила отъ автора «Петербургскихъ Трущобъ» слѣдующее письмо, которое и доводитъ до свѣдѣнія своихъ читателей. Редакція можетъ прибавить къ письму В. В. Крестовскаго только то, что она употребитъ всѣ зависящія отъ нея средства, чтобы возобновить печатаніе романа въ возможной скорости, послѣ 1-го сентября 1865 г.

Вотъ это письмо:

«Мм. гг.

«Несмотря на ваши настойчивыя требованія о дальнѣйшемъ печатаніи моего романа «Петербургскія Трущобы»— требованія, основанныя на многократныхъ заявленіяхъ подписчиковъ, я нахожусь вынужденнымъ увѣдомить васъ, что обстоятельства, небезъизвѣстныя, между прочимъ, и вамъ самимъ, заставляютъ меня пріостановить печатаніе романа до времени.

«Примите и проч.

«Всеволодъ Крестовскій»

31-го іюля 1865 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРОИСШЕСТВІЯ, КОТОРЫМЪ МОЖНО И НЕ ВѢРИТЬ.

(Окончаніе).

VIII.

О ТОМЪ, КАКЪ ВДОВІЙ ПѢТУХЪ ПОДЪ АРЕСТЪ ПОПАЛЪ И НА СКОЛЬКО СПРАВЕДЛИВА ПРИМѢТА: ЕСЛИ НА СТОЛЪ ЛИШНІЙ ПРИБОРЪ ПРИНЕСЪ, ТАКЪ ГОТОВЬСЯ ГОСТЯ ПРИНЯТЬ.

Три дня прошло послѣ того, какъ капитанъ у Вивеи Папиловны кофе пилъ. Три раза капитанъ въ роту ходилъ и три раза по пути заглядывалъ въ заборную скважину. Три раза уходилъ онъ изъ роты домой и опять три раза прикладывался къ той же заборной скважинѣ. И во всѣ шесть разъ не видалъ въ саду ни пѣтуха, ни его хозяйки. А сѣрка, навѣрное забывъ о любви своей, какъ нарочно всѣ три дня сидѣла дома и не дезертировала на вдовій дворъ и въ садъ подъ смородину.

«Экой дурачина какой; куды-же это подѣвался онъ? Хотя на заборъ бы, что ли, вскочилъ, чтобы съ инвалиднаго двора видно было. А то, не видать цѣлыхъ трое сутокъ: показался, похвастался золотыми-то крыльями, да и кончено. Не дѣло, братецъ, не дѣло, не годится этакъ обманывать. Хм! Важно бы имѣть этого пѣтушка-то, важно бы; а нельзя, чужой онъ, не продастъ она. А что, къ примѣру, взять ежели? Нельзя, нехорошо, не годится; существо живое; въ карманъ да въ комодъ не запрячешь вѣдь. Экая дурашка; хотя посмотрѣть бы, что ли, еще разикъ-другой. А что ежели, къ примѣру, штуку смастерить: взять да и подпустить сѣрку-то въ садъ или на дворъ туда? А потомъ и придти за нею, и пѣтуха увидишь. Что, если сдѣлать такъ?

Digitized by Google

Нѣту, нехорошо будетъ: стыдно, не покапитански. Да, впрочемъ, приглашала она меня и безъ этого, безъ дѣла приходить къ ней, на часокъ? Стало быть, такъ себѣ, въ гости. Ну, положимъ, что такъ это все: можно придти. А и то сказать, зачѣмъ я приду? Прошлый разъ за дѣломъ пришелъ, случайно, затащила на кофей-то, а теперь я зачѣмъ приду? Человѣкъ посторонній я, незнакомый ей: приду, а за какимъ дѣломъ, за какою надобностью? А вѣдь приглашать, это ужь вѣжливость того требуетъ. И я тоже приглашалъ ее къ себѣ; а вотъ вѣдь не идетъ же она ко мнѣ? Отчего? Оттого, что приглашеніе тутъ ничего не значитъ. Вотъ, къ примѣру хотя, городничій нашъ, да и исправникъ каждый день почти приглашаютъ другъ друга въ гости къ себѣ; а что эти приглашенія — втунѣ остаются вѣдь? Не ходятъ же они другъ ко другу въ гости-то? А отчего не ходятъ? Оттого, что одинъ другого съѣсть готовы. И выходитъ, что всѣ эти приглашенія дѣлаются такъ себѣ, ради вѣжливости, да порядокъ, служебныя обязанности того требуютъ. Такъ и наше дѣло: приглашеніе это, можно сказать, ничего не значитъ. Хм... А что, ежели она приглашала меня по какому-нибудь другому случаю? Можетъ статься, желаетъ она съ нами знакомство водить? Вѣдь бываютъ же случаи? Что, ежели подпустить какъ-нибудь Ромашку, чтобы разузналъ хотя, стороною провѣдалъ бы? А пѣтухъ у ней важный. Ну, да и сама-то она... должно быть, хозяйка, какъ есть, настоящая. Н-да: какъ это все у ней прилажено хорошо, приспособлено. Сейчасъ видать, что въ помѣстьѣ жила; порядокъ вездѣ какой — просто заглядѣнье. Н-да, пріятная дама, очень пріятная. Ну, да и пѣтухъ же у ней: всѣмъ пѣтухамъ — пѣтухъ. Можно сказать, такая хозяйка, что... Эхъма... Что, ежели... завоевать бы себѣ въ жены такую...»

И точно испугавшись послѣднихъ мыслей, капитанъ вдругъ перемѣнилъ направленіе ихъ:

«Однако, что же это Ромашка обѣдать-то не сбираетъ мнѣ? Вѣдь двѣнадцать часовъ уже пробило; что онъ запропастѣлся тамъ?...»

Такъ думалъ Дій Дидимовичъ на четвертый день, когда въ восьмой разъ, заглянувъ въ заборную скважину, не удалось ему пѣтуха увидѣть.

Стоялъ онъ въ это время въ кухнѣ своей, у окна, и смотрѣлъ на дворъ. Кончивъ думу свою тѣмъ, что обѣдать пора, вышелъ онъ въ сѣни и на крыльцо потомъ, чтобы кликнуть Ромашку.

Digitized by Google

Только-что, какъ говорится, раскрылъ онъ ротъ — а Ромашка выходитъ изъ-за сарая и на рукахъ вдовьяго пѣтуха несетъ, а самъ во все горло хохочетъ. Ротъ капитана такъ и остался отверзшимся.

«Тфу-ты, прòпасть какая», подумалъ онъ, сильно удивленный такою неожиданностью: «полно, не *во снѣхъ* ли я? Кажись, что нѣтъ, потому, не обѣдалъ я еще, да опять же и ѣсть сильно хочется. Что за такая, за исторія?...»

— Вотъ онъ, вашскблагородіе, дезертиръ-то гдѣ! закричалъ подходившій Ромашка.— Завоевали-таки мы птицу-то, въ полòнъ взяли! Пущай-ко теперь вдовица-то приходитъ къ намъ, да съ хорошимъ-съ выкупомъ! Вотъ онъ гдѣ, пѣтушище-то! Да, прахъ его съѣшь — вѣдь какой тяжеленный!

— Вотъ-те разъ, проговорилъ Дій Дидимовичъ: — да ты, Ромашка... откудова же это ты взялъ его?

— Откудова? отвѣчалъ Ромашка:—а оттудова и взялъ: забрался онъ въ нашъ въ огородъ, да чуть-было пѣтуха нашего не убилъ: въ драку пустился съ нимъ. Да вѣдь этакого козыря и тремъ пѣтухамъ не побить, а нетолько что одному нашему. Въ арестантскую его, вашскблагородіе! Пущай себѣ вдова-то идетъ сюда съ выкупомъ!

— Тащи его въ избу, Ромашка! Тащи, тащи! сказалъ Дій Дидимовичъ, не умѣя справиться съ одолѣвшимъ его чувствомъ радости.

Принесли дезертира въ избу и арестовали его; заперли въ комнату, гдѣ послѣ обѣда отдыхалъ Дій Дидимовичъ.

— Что́ же станемъ мы теперь дѣлать съ нимъ? говорилъ Ромашка, заглядывая въ дверь на пѣтуха, осматривавшаго свою арестантскую. — Снести его, что-ли? Вдова-то, можетъ статься, ищетъ вѣдь.

— Постой-ка, давай-ка я самъ снесу, отвѣчалъ капитанъ, смекнувъ, что это самый удобный случай придти въ домъ Вивеи Папиловны и, можетъ быть, еще разъ съ нею побесѣдовать и угощаться «кофеемъ»: — давай-ка, самъ снесу; онъ у тебя, пожалуй, и вырвется, да уйдетъ куда ни на есть.

— А вамъ, вашскблагородіе, и совсѣмъ не донести его, возразилъ Ромашка.

— Отчего такъ?

— А оттого-съ, что, прахъ его съѣшь, блажной оченно-съ: пока тащилъ-то я его сюда, такъ онъ мнѣ почитай что всѣ глаза выхлесталъ: бѣдовый такой.

Digitized by Google

— Ничего, давай, самъ снесу, упрямился капитанъ.—Давай-ко мнѣ сюртукъ съ эполетами, потому, въ старомъ-то невѣжливо—день теперь. Давай-ко, давай сюртукъ.

– Да вы, вашсбблагородіе, хоша пообѣдайте, потому, снести-то еще успѣется-съ, отозвался Ромашка:—пущай себѣ посидитъ у насъ. Пообѣдайте пока; я сегодня картошки нажарилъ съ говядиной да съ свининой; вѣдь она пересохнетъ вся-съ.

Капитанъ нашелъ, что Ромашка дѣло говоритъ, что причина уважительная и согласился, тѣмъ болѣе, что еще и ѣсть хотѣлось ему.

— И то правда; валяй-же скорѣй, накрывай обѣдать.

— Конечно, что лучше такъ, потому, успѣемъ снести, не уйдетъ вѣдь отсюдова.

И Ромашка, привыкшій дѣлать все расторопно, по военному, принялся накрывать на столъ, а капитанъ просунулъ голову въ полуотворенныя двери и сталъ любоваться арестованнымъ пѣтухомъ, преспокойно гулявшимъ по комнатѣ, въ которую его заперли.

— Ну, кого-то Богъ гостемъ дастъ, замѣтилъ Ромашка, накрывъ на столъ: — садитесь, вашсбблагородіе, кушайте-съ.

— Что? Гости, говоришь ты? спросилъ капитанъ, затворивъ дверь комнаты, гдѣ пѣтухъ сидѣлъ и подходя къ столу.

— Кого-то, говорю я, Богъ гостемъ дастъ, повторилъ Ромашка: — значитъ, по ошибкѣ принесъ я два ножа, да и вилки-то тоже двѣ; а ужь у меня это зацримѣчено-съ; кто ни на есть да придетъ сегодня къ намъ-съ, примѣта такая ужь.

— Ой-ли?

— Вѣрно-съ.

— А пущай приходятъ; просимъ милости. Да, впрочемъ, это у тебя примѣта пустая, возразилъ капитанъ: — кому надобно, такъ придетъ и безъ этого.

— И это такъ, вашсбблагородіе, такъ точно-съ, продолжалъ Ромашка, поставивъ на столъ тарелку съ селедкою, приправленною масломъ, уксусомъ, перцомъ и зеленымъ лукомъ:—оно, собственно, военному человѣку и неслѣдъ хотя вѣровать-то бабьимъ сказкамъ-то, а всячески, насчетъ этого зацримѣтилъ я-съ; кто ни на есть да придетъ сегодня къ намъ.

— Ну, это все ладно; а, примѣрно, что ты варилъ сегодня: щи али супъ какой? спросилъ капитанъ, снявъ сюртукъ, повѣсивъ его на спинку стула и садясь за столъ.

Digitized by Google

Капитанъ имѣлъ привычку обѣдать, пить чай, ужинать и вообще ѣсть и пить безъ сюртука, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда приходилось бывать ему у кого нибудь изъ знакомыхъ; тогда, даже и воротникъ сюртука бывалъ у него застегнутъ наглухо. Это отступленіе отъ привычки было для него всегда тягостно. Эта привычка была также и одною изъ причинъ, по которымъ онъ не любилъ оставаться гдѣ нибудь на обѣдъ, на чай или ужинъ, а старался уйдти домой, что̀ ему, впрочемъ, не всегда удавалось: у купцовъ, какъ-то подмѣтившихъ въ капитанѣ эту слабость, доходило всегда до того, что его упрашивали растегнуть весь бортъ, а въ обществѣ болѣе чиновномъ, у уѣзднаго казначея, у городничаго или у исправника, уважавшихъ достоинства капитана, случалось и такъ, что кто нибудь самымъ любезнымъ образомъ не выдавалъ капитану фуражки его; тогда поневолѣ капитанъ оставался, раскаяваясь въ томъ, что не остался дома съ Ромашкою...

— Супъ я сварилъ сегодня съ картошкой, да съ шариками изъ вчерашней говядины, отвѣчалъ Ромашка на вопросъ капитана: «что̀ варилъ сегодня»:—потому, вашскблагородіе, что щито больно ужь того пріѣлись оченно-съ.

— Ну, супъ такъ супъ, согласился капитанъ: — тащи-ко его сюда, поскорѣе.

Ромашка отправился въ кухню за супомъ; а капитанъ всталъ, и къ буфетцу: выпить водочки, пока Ромашка супъ съ шариками принесетъ. Но на этотъ разъ судьба не допустила его справить это предъобѣденное обыкновеніе: водочки выпить не удалось ему. Только что отворилъ онъ буфетецъ свой, какъ на улицѣ подъ окномъ промелькнуло что-то красное. Капитанъ повернулъ голову и смотритъ: отворяется калитка воротъ и на дворъ входитъ Вивея Папиловна, въ сѣренькомъ капотѣ, въ такой же сѣренькой кофточкѣ, на шеѣ у ней черная ленточка съ бирюзовой запонкой, а на головѣ красная косыночка съ голубыми мушками. Капитанъ захлопнулъ буфетецъ, схватилъ сюртукъ и кое-какъ натянувъ его на себя, сталъ торопливо повязывать галстухъ.

Межь тѣмъ, Ромашка, наливавшій изъ горшка въ миску супъ, видя что примѣта его относительно лишнихъ вилки и ножа оправдалась, выскочилъ изъ кухни на крыльцо, куда въ это время подошла и гостья нежданная.

— Здравія желаю, сударыня, сказалъ Ромашка:—должно быть, изволили за пѣтушкомъ придти-съ?

Digitized by Google

— А неужели у васъ онъ? спросила Вивея Павиловна. — Я обыскала всѣхъ сосѣдей, да нѣтъ нигдѣ; такъ дай-ка, думаю, зайду: нѣтъ-ли здѣсь его. Неужели и въ самомъ дѣлѣ здѣся онъ?

— Какъ же-съ, у насъ, въ избѣ сидитъ, запертъ, значитъ, за дезертирство подъ арестъ попалъ-съ.

— Ахъ, негодный какой. Гдѣ же онъ у васъ?

— А здѣсь, въ избѣ-съ. Пожалуйте; тутъ онъ запертъ у насъ, въ бариновой комнатѣ-съ.

— А капитанъ-то дома вѣдь, обезпокою я его? замѣтила вдова, всходя на крыльцо.

— Какое тутъ безпокойствіе-съ, отвѣчалъ Ромашка, пропуская вдову впередъ:—они ради будутъ-съ.

Вивея Павиловна, осторожно, чтобы не задѣть чего нибудь, вошла въ сѣни, потомъ въ кухню, и въ дверяхъ слѣдующей комнаты наткнулась на самаго капитана, только что успѣвшаго застегнуть на сюртукѣ послѣднюю пуговицу.

— Милости просимъ, прошу покорно, говорилъ онъ, отступая въ комнату:—очень пріятно-съ, пожалуйте. А у насъ пѣтушокъ-то вашъ подъ арестомъ находится. Я, изволите видѣть, только-что къ вамъ собирался идти-съ. Дай, думаю, отобѣдаю, да и пойду сейчасъ. А вотъ вы и сами пожаловать изволили. Очень пріятно-съ, прошу покорно.

— Извините пожалуйста, говорила вдовушка, входя въ комнату, гдѣ былъ столъ накрытъ:— помѣшала я вамъ: кушать сѣли вы, кажется.

— Очень радъ-съ, я не садился еще, утѣшалъ капитанъ: — хорошіе гости завсегда къ обѣду приходятъ-съ.

— Помѣшала я вамъ; извините, пожалуйста.

— Полноте, сударыня, какое тутъ, помѣшали-съ. Напротивъ, оченно ради мы-съ; теперь, я имѣю честь всепокорнѣйше просить васъ не побрезговать обѣдомъ нашимъ солдатскимъ-съ; а потомъ и дезертира вамъ выдадимъ.

И не дожидаясь согласія гостьи на приглашеніе отобѣдать, Дій Дидимовичъ крикнулъ:

— Ромашка! Давай-ка, братецъ, еще приборъ сюда!

Ромашка, точно предвидя приказаніе барина, стоялъ уже у двери въ столовую, держа въ одной рукѣ, за дно, миску съ супомъ, а въ другой приборъ для Вивеи Павиловны. Поставивъ то и другое на столъ, снова отступилъ онъ къ двери и сказалъ

Digitized by Google

— Вотъ она, вашсблагородіе, примѣта-то у меня какая вѣрнѣющая; такъ и вышло-съ, какъ я вамъ докладывалъ.

— Извините, ради-бога; безпокойства-то сколько я вамъ надѣлала, извинялась Вивея Папиловна.

— Ничего, сударыня, ничего-съ; это, напротивъ, вы доставили очень пріятное удовольствіе мнѣ, упрашивалъ капитанъ: — милости просимъ, пожалуйте.

— Ахъ ты Господи, продолжала вдовушка:—извините. Какъ же это такъ; я вѣдь и дома обѣдъ готовила; да и одѣта-то я, такъ себѣ, запросто, вѣдь за дѣломъ шла я къ вамъ, капитанъ, а не на обѣдъ, не въ гости.

— Дѣло, сударыня, не въ одеждѣ-съ; опять же, ваше дѣло домашнее-съ.

— Да какъ же это такъ?

— Ничего, сударыня, ничего-съ.

— Нѣтъ, ужь вы увольте меня отъ этого, капитанъ.

— Насчетъ чего это-съ?

— Да меня Настасья будетъ обѣдать ждать; надо домой идти. Только что обезпокоила я васъ, извините пожалуйста.

— Насчетъ этого вы *меня* извините, сударыня, не ждалъ я васъ. А ждалъ еслибы... Да вы ужь сдѣлайте ваше одолженіе, не побрезгуйте отобѣдать съ нами. Потому собственно, я имѣлъ счастіе у васъ кофей пить-съ; а также вѣдь, можно сказать, ненарокомъ зашелъ-съ, а тоже по дѣлу-съ. И ежели теперь вы не изволите откушать съ нами, такъ это, сударыня, просто будетъ можно обидой назвать-съ: дескать, неугодно вамъ съ нами и знакомства водить-съ. Сдѣлайте ваше одолженіе, откушайте-съ.

— Право, капитанъ, мнѣ совѣстно.

— На этотъ счетъ, сударыня, не извольте и безпокоиться. А вотъ, если угодно взглянуть, и пѣтушокъ вашъ здѣсь.

Капитанъ отворилъ немного дверь смежной комнаты, заглянулъ туда и жестомъ предложилъ заглянуть вдовѣ.

— Ахъ ты, негодный ты этакой, говорила Вивея Папиловна, просунувъ голову въ дверь:—скажите на милость, ушелъ изъ дому. Ахъ ты негодный. Да онъ тутъ насоритъ у васъ.

— Это ничего-съ, исправимъ, замѣтилъ капитанъ, приподнимаясь на носки и смотря въ ту же комнату, чрезъ голову Вивеи Папиловны.

— Вашсблагородіе, супъ-то остынетъ вѣдь, доложилъ Ромаш-

Digitized by Google

ка, появившійся въ дверяхъ комнаты съ тарелками въ рукахъ: на одной изъ тарелокъ была соленая рыба, а на другой сушеная, та и другая, приготовленная домашними средствами.

Вивея Папиловна притворила дверь, а капитанъ сдѣлалъ два шага къ столу и повторилъ приглашеніе:

— Ежели, сударыня, съ нами не откушаете, значитъ, изволите брезгивать солдатскимъ обѣдомъ-съ и не желаете съ нами и знакомство водить-съ. Пожалуйте.

Какъ было отказаться отъ такихъ чувствительныхъ упрашиваній? Вдовушка скорѣе соглашалась обижать себя или считать обиженною; а обидѣть другихъ, и особенно капитана, съ которымъ желала она знакомство водить—этого сдѣлать она не хотѣла, да и не умѣла, а слѣдовательно и не могла. Согласилась. Сняла съ головы косынку, повѣсила ее на спинку стула, на который предполагала сѣсть, пригладила волосы, еще разъ пробормотала извиненіе, перекрестилась и сѣла. Дій Дидимовичъ тоже сѣлъ.

Началось подчиваніе. Ромашка засуетился: принесъ на трехъ тарелкахъ соленыхъ грибовъ своего соленья, студени, творогу со сметаной, холодной телятины и, словомъ, столько наставилъ на столъ тарелокъ, чашечекъ и блюдечекъ, что двѣ довольно крупныя мухи до тѣхъ поръ летали надъ столомъ, ища мѣста гдѣ бы сѣсть и полакомиться, что выбились изъ силъ и обѣ упали въ миску съ супомъ.

— Эки какія бестіи, замѣтилъ по этому поводу капитанъ; и сдѣлавъ небольшую гримаску, вытащилъ сварившихся утопленницъ ложкою и швырнулъ въ уголъ комнаты.

— Ужь этого теперь не избавимся: лѣто вѣдь, поддержала Вивея Папиловна.

— Такъ точно-съ; пожалуйте, добавилъ Дій Дидимовичъ.

Мало того, Ромашка не кончилъ еще: отворивъ буфетецъ, досталъ онъ оттуда, изъ дальняго уголка, бутылку съ хересомъ, стоявшую тамъ чуть-ли не полгода, и поставивъ ее вмѣстѣ съ рюмкою на столъ, улыбнулся какъ только могъ любезнѣе и сказалъ:

— Это, сударыня вашеблагородіе, у насъ для самыхъ единственныхъ гостей имѣется, собственно про случай: прйдутъ если-съ.

Сказавъ это, Ромашка отправился въ кухню.

— Хлопотъ-то сколько я вамъ, хлопотъ-то надѣлала, качая оловой, замѣтила Вивея Папиловна.

Digitized by Google

— Это, сударыня, Вивея Папиловна, не хлопоты-съ, а такъ-сказать удовольствіе, и самое пріятное-съ; потому-съ, гости ко мнѣ ходятъ рѣдко... Кажется, не ошибся я; вы изволите прозываться, Ромашка мнѣ сказывалъ, Вивеей Папиловной-съ, такъ-съ?

Капитанъ взялъ бутылку и налилъ изъ нея хересу въ рюмку, поставленную предъ вдовою.

— Такъ съ: Вивея, по отцѣ Папиловна, отвѣчала она, и двумя пальцами отодвинувъ отъ себя налитую рюмку, добавила: — ужь отъ этого-то вы меня избавьте, капитанъ; у меня сейчасъ голова закружится.

— Полноте, сударыня, хересъ вѣдь, возразилъ капитанъ, снова подвинувъ рюмку къ гостьѣ своей.—За обѣдомъ, это дѣло возможное-съ: нынче всѣ-съ, даже пьютъ и молоденькія барышни-съ.

— Нѣтъ-съ, избавьте ужь, голова закружится.

— Ничего-съ, вино это легкое-съ. Ужь вы удостойте пожалуйста, для перваго знакомства-то-съ; потому, какъ я честь имѣлъ у васъ быть, такъ, помнится, вы тоже изволили приневолить меня насчетъ этого-съ. А долгъ, какъ говорится, платежомъ красёнъ-съ: значитъ — неугодно ли выкушать, безотговорочно-съ; тогда мы съ вами и знакомы будемъ-съ, такъ-сказать, поквитаемся-съ.

Желая скрѣпить начатое знакомство, Вивея Папиловна уступила: точно боясь замараться, взяла она двумя пальцами рюмку, за ножку ея, и отхлебнувъ въ нѣсколько разъ одну половину вина, другую оставила.

— Ну, вотъ вамъ, сказала она:—насильно выпила.

— Что же не все выкушать-то изволили? спросилъ Дій Дидимовичъ.

— Благодарю покорно, отозвалась вдовушка, подставивъ рюмку съ недопитымъ виномъ къ капитану: — и то только, знакомства ради; а больше и не могу, право не могу-съ: голова закружится; и не приневоливайте.

— Ну, какъ угодно-съ, и просить не смѣю-съ. Покрайности, позвольте допить, желательно мнѣ мысли ваши узнать.

Вивея Папиловна улыбнулась. Капитанъ допилъ оставшееся вино, и поставивъ рюмку въ сторону, спросилъ:

— Что же это кушать-то вы мало изволите? Ужь не осудите, сударыня: чѣмъ богаты, тѣмъ и подчуемъ-съ. Жалованье получаемъ не генеральское-съ, такъ и живемъ, чѣмъ Богъ пошлетъ-съ. Не знаю, по вкусу ли только вамъ-съ.

Digitized by Google

— Помилуйте, да что это вы, возразила Вивея Панфиловна:— какъ, ничего не кушаю; да вѣдь всего-то у васъ и не перепробуешь: ишь сколько вы тутъ наставили. Хлопотъ только я вамъ надѣлала.

— А вотъ грибковъ-то отвѣдайте, говорилъ потомъ Дій Дидимовичъ, подвигая къ гостьѣ полныя тарелки:—сами и солили, и сбирали сами-съ, въ здѣшнемъ лѣсу. Вотъ, рыбки-то, рыбки-то-съ солененькой; а рѣдечки; а мяса что же не изволите; пожалуйста, ужь извините-съ: чѣмъ Богъ послалъ-съ; кабы знали мы съ Ромашкой, что этакіе гости будутъ у насъ, такъ не то бы и было-съ: и обѣдъ сочинили бы мы настоящій-съ. А впрочемъ, еще все это въ нашихъ рукахъ, не ушло-съ...

Вивея Панфиловна только отнѣкивалась, пробуя каждое подставляемое кушанье. Какъ опытная хозяйка, между прочимъ, замѣчала она, что въ супъ кореньевъ положено слишкомъ много, что недопрѣли они, что въ соленыхъ огурцахъ дубоваго листу нѣтъ, оттого и мягки они; что въ грибы перцу много посыпано и что мало положено листу лавроваго; то-то вотъ не такъ, это-то, и много кой-какихъ замѣчаній дѣлала она. Дій Дидимовичъ слушалъ только и иногда поддакивалъ, съ тѣмъ, чтобы принять эти замѣчанія къ свѣдѣнію и потомъ испытать ихъ на дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что и самъ капитанъ и Ромашка знали, что вдова «какъ есть, хозяйка: опытная, настоящая», а они еще только учатся.

Обѣдъ, приправленный разговорами, обоюднымъ подчиваньемъ, различными замѣчаніями и вѣжливостями, продолжался около часа и кончился тѣмъ, что Ромашка принесъ наскоро собранную имъ «клубницу» и кринку густѣйшихъ кипяченыхъ сливокъ.

Послѣ обѣда Вивея Панфиловна, по приглашенію капитана, осмотрѣла имѣвшееся у него хозяйство; опять же, какъ опытная хозяйка, сдѣлала по этому поводу кой-какія замѣчанія, указала, что̀ нужно бы измѣнить, что̀ перестроить, что̀ сломать совсѣмъ, и видимо осталась довольна тѣмъ, что пѣтухъ ея дезертировалъ въ общество капитанскихъ куръ.

Проговоривъ еще съ полчаса, все о томъ же домашнемъ хозяйствѣ и насказавъ другъ другу множество вѣжливостей (не комплиментовъ, а именно вѣжливостей), выкроенныхъ по собственной мѣркѣ, сосѣди разстались, уже какъ хорошіе знакомые; при чемъ Вивея Панфиловна взяла съ капитана слово, что на

Digitized by Google

завтра придетъ онъ къ ней «на чашку чая, подеревенски вечерокъ провести».

Пѣтухъ, съ капитанскаго дивана, гдѣ застали его когда пришли за нимъ, перешелъ на руки хозяйки и, само собою разумѣется, вмѣстѣ съ нею и домой отправился.

Дій Дидимовичъ, уважая послѣобѣденное обыкновеніе свое, прилегъ на часокъ-другой отдохнуть.

Ромашка сталъ убирать со стола, впрочемъ, не забывъ и водочки выпить, прикрываясь дверцею буфетца.

Отъ своей простоты душевной, Ромашка и не подозрѣвалъ, что обѣдъ этотъ можетъ повести за собою то, что между нимъ и его бариномъ можетъ стать еще какое-нибудь лицо, что семейство ихъ можетъ увеличиться, что — ни о чемъ подобномъ Ромашка не думалъ, оттого и угощалъ такъ усердно Вивею Папиловну. Да кромѣ того, если иногда и заговаривалъ капитанъ о томъ (очень рѣдко: разъ-два въ годъ), что «ежелибы-де къ примѣру, жениться мнѣ», такъ Ромашка всегда соглашался съ нимъ, надѣясь ужиться съ тѣмъ, кто возьметъ на себя обязанность жены его.

IX.

О томъ, что́ Вивея Папиловна послѣ обѣда думала и говорила, и какой послѣ обѣда Дій Дидимовичъ видѣлъ сонъ.

«А какой же, однако, прекрасный человѣкъ, этотъ капитанъ», думала Вивея Папиловна, проходя послѣ капитанскаго обѣда по безлюдовскимъ улицамъ, къ дому своему: «какъ же это прежде-то я не знала его, да съ нимъ не обзнакомилась? Какой прекраснѣйшій человѣкъ, скромникъ какой, и разговоры-то у него, всѣ на выборъ. А хозяйство-то, хозяйство-то какое держитъ онъ. Дивн бы еще женатымъ человѣкомъ былъ; а то, холостой вѣдь онъ, и этакой порядокъ во всемъ. Все это у него, какъ слѣдуетъ: и гуси-то есть, и утки, и куры-то, и вѣдь всякая-то всячина. Экономъ какой, поди-ка ты, даромъ холостымъ живетъ, съ однимъ деньщикомъ. А скромникъ-то, скромникъ какой: вѣдь не одного-то словечка не сказалъ вскользь, да вкривь: все это у него на чистую, на откровенность. А хозяинъ-то какой, хозяинъ-то. Ну, просто обворожилъ меня. Вотъ, можно сказать, мужемъ-то хорошимъ будетъ, если на комъ женится. И нестаръ вѣдь:

Digitized by Google

человѣкъ среднихъ лѣтъ; и не этакіе еще женятся, постарше, да и живутъ, и дѣтей имѣютъ. Отличный, прекраснѣйшій человѣкъ. Вотъ... за этакого бы, пожалуй, и я пошла. Что же, я, можно сказать, еще и очень могу понравиться: не старуха какая, слава тебѣ Господи. Да, за этого человѣка и я, да пойдетъ и всякая, кто даже и получше меня. Отчего же и не выдти мнѣ, еслибы да только онъ посватался? Отчего и не случиться этому? На бѣломъ свѣтѣ всякаго бываетъ, все случается. Вѣдь и я тоже не простая: первый мужъ у меня тоже офицеромъ былъ, по пожарной части... Да, славный человѣкъ. Завтра на чай придетъ: нужно хорошенько угостить его. Да и лицо у него какое пріятное, доброе. Вотъ, этакого бы мужа мнѣ; спокойно бы можно дожить до старости; а можетъ статься, и наслѣдниковъ бы послалъ намъ Богъ. Положимъ, что хотя за меня и майоръ сватался нѣхотный, по арміи, когда я жила у енеральши, у помѣщицы, да вѣдь это тоже знаю я: тотъ пронюхалъ, что у меня двѣ тысячи есть, оттого и посватался. Да вѣдь и я-то тоже не дура; знаю, какъ понять человѣка, да отличить его, дурного-то отъ хорошаго. Хотя этотъ и не майоръ, а капитанъ что ли, такъ за то человѣкъ хорошій, да и живетъ-то не скитальцемъ какимъ, а полнымъ хозяйствомъ, такъ что и взглянуть-то любо-дорого; да къ тому же и мѣсто у него спокойное, постоянное. Этотъ и не майоръ хотя, такъ за то можетъ быть настоящимъ мужемъ, а не вѣтренникомъ какимъ-нибудь. Надобно завтра хорошенько угостить его. Очень-очень хорошій человѣкъ: кажется, лучше его не найти здѣсь во всемъ городѣ. Да, за этакого человѣка и не вдова пойдетъ. Славный человѣкъ» ..

Придя домой, Вивея Паниловна объявила работницѣ, что обѣдать не станетъ, «потому что апетитъ испортила; а нельзя ли-же, вмѣсто обѣда, чтобы сонъ не клонилъ, покрѣпче кофейку сварить».

— Да гдѣ же это ты, матушка, кушать-то изволила? говорила Настасья:—а я было и на столъ собрала ужь.

— А ужь мнѣ и самой смѣшно, какъ это я незваная на обѣдъ попала, отвѣчала Вивея Паниловна.

— Да у кого же это была-то ты? спрашивала Настасья.

— А вотъ ужь не угадать-то тебѣ, Настасьюшка: угадай-ко, у кого я обѣдала?

— Да... не угадать мнѣ этого: можетъ статься, у городничина, али гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ?

Digitized by Google

— Нѣтъ, не у городничаго.

— Такъ у кого же?

— Знаешь, у кого...

— Ну-ко, ну?

— У капитана, у инвалиднаго!

— Неужли? Какъ же ты это такъ; не обувшись-то, не одѣвшись-то?

— Чего ужь тутъ, Настасьюшка, не одѣвшись; я пошла пѣтюшку искать, да и думаю: не залетѣлъ ли онъ какъ нибудь къ инвалидному, то-есть къ куницѣ-то капитанской, что у насъ ночевала-то; не залетѣлъ ли въ самомъ дѣлѣ, думаю—и зашла. А онъ только-что обѣдать приготовился, то-есть инвалидный-то; а пѣтюшка-то запертъ у него въ горницѣ. Какъ ни отбивалась я, какъ ни отговаривалась, такъ-таки насильно почти и заставилъ меня отобѣдать съ нимъ; иначе, говоритъ, и знакомы не будемъ.

— Ахти, грѣхъ какой, сожалѣла Настасья:—да ты и въ капотѣ-то въ старомъ вѣдь.

— Просто, матушка, такъ-таки и заставилъ, насильно, оправдывалась вдовушка.

— Эка-ты, матушка, въ самомъ дѣлѣ, грѣхъ какой.

— Завтра чай пить звала его.

— Ну, что жь дѣлать, если ужь случилось такъ; онъ, слыхала я, человѣкъ простой, скромный. Даромъ что холостой, а степѣнный, какъ какая дѣвка красная: ничего, небойсь, не охаетъ, не то что тѣ, что къ помѣщицѣ-то, къ енеральшѣ-то въ гости ѣздили; нѣту, онъ не изъ этакихъ...

— Про тѣхъ-то, Настасьюшка, и говорить нѣчего: помнишь, бывало, чуть платье загнулось у кого нибудь, или какъ нибудь платокъ съ плечъ упалъ, да «декольте» завидѣли — сейчасъ по всему городу разнесутъ: такая-то вотъ кокетничаетъ, нарочно платокъ съ плечъ спущаетъ, чтобы шею выказать. Помнишь?

Вмѣсто отвѣта, Настасья только махнула рукой.

— А этотъ, Настасьюшка, продолжала Вивея Папиловна: — такой прекрасный мужчина, такой, я тебѣ скажу, скромникъ, что... я, просто не знаю, какъ ужь и назвать его.

— Такъ на завтра, говоришь ты, чай звала пить его?

— Да, Настасьюшка: непремѣнно придетъ. Отговаривался сперва: стыдливый такой; да я съ него честное слово взяла—придетъ. Сливокъ хорошихъ приготовить надобно; да ты, Настасьюшка, булку бы сегодня растворила, мягкую.

Digitized by Google

— Ладно, хорошо. Такъ кофей, говоришь ты, варить теперь?

— Да, свари кофейку; что-то сонъ клонитъ меня: хересу я тамъ съ полрюмки выпила, да крѣпкій такой.

— Ладно; дай только вотъ мнѣ со стола прибрать. Значится, кушать-то ужь и не станешь ты?

— Что ты, матушка, два раза-то? Сыта я, по горло.

— Ну, и ладно: значится, завтра и варить не стану.

Настасья стала прибирать со стола приготовленный обѣдъ, а Вивея Пациловна, въ ожиданіи кофе, сѣла подъ окно и стала чулокъ вязать.

Скрѣпивъ будущее знакомство радушнымъ обѣдомъ, полрюмкою хереса и чистосердечнымъ пожатіемъ руки, капитанъ, какъ уже было сказано, отдохнуть прилегъ. Прилегъ и задумался: сперва о вдовушкѣ, о пѣтухѣ потомъ, о красивомъ гребнѣ и хвостѣ его; далѣе о своей сѣркѣ; о Ромашкѣ; о томъ, какъ Раскатаевъ купцу носъ разбилъ; о своей одинокой жизни и много кой-чего передумалъ онъ. Начнетъ о ротѣ своей, о порядкахъ служебныхъ— и непремѣнно сведетъ на Вивею Пациловну или на пѣтуха ея: такъ мысль эта сама въ головѣ и строится. Мало по малу мысли его стали мѣшаться, путаться: то вмѣстѣ со вдовою, его Ромашка обѣдаетъ; то у Раскатаева на кончикѣ тесака вдовій пѣтухъ сидитъ; то сѣрка и пѣтухъ у вдовы въ саду обираютъ черную смородину; разная чепуха пошла. Глаза Дія Дидимовича стали слипаться, жмуриться и, наконецъ, закрылись совсѣмъ—заснулъ онъ.

Заснулъ—и видитъ сонъ: сидитъ онъ будто у вдовы въ саду, въ бесѣдкѣ и чай пьетъ; а подлѣ него сидитъ и сама Вивея Пациловна, такъ и угощаетъ его, такъ и упрашиваетъ, подчуетъ; а на правомъ плечѣ ея и пѣтухъ сидитъ, спрятавъ въ перы голову. А на столѣ стоятъ разныя сласти, лакомства, да столько, что и пятерымъ не пріѣсть всего: варенья тутъ разныя, ягоды, булки, пирожки, печенья, хересу бутылка, селедка съ лукомъ, грибы соленые разнаго сорта, колбасы, сыръ, сливочное масло, огурцы свѣжепросольные и богъ-знаетъ чего только не хватаетъ тутъ, и не перепробуешь всего, и не перечтешь, и не пересмотришь. Какъ только на столѣ-то все это уставилось; а столъ небольшой, гораздо меньше того, что стоитъ въ инвалидной ротѣ въ канцеляріи. Вивея Пациловна такъ и угощаетъ, такъ и подчуетъ; а Дій Дидимовичъ только конфузится да отнѣкивается. Какъ-то неловко ему: и сюртукъ застегнутъ на всѣ пуговицы, и воротникъ наглухо, и галстухъ-то туго повязанъ; а разстегнуть-

Digitized by Google

ся нельзя—невѣжливо. «Что же будетъ изъ этого», думаетъ капитанъ, подвигаясь ближе ко вдовѣ: «если все я буду сидѣть дуракомъ такимъ? Что изъ этого выйдетъ? Ровно ничего. А что если я, такъ-сказать, бухну ей, значитъ, насчетъ предложенія? Что будетъ, если я, такъ-сказать, возьму ее приступомъ, какъ аршавскую крѣпость брали мы, то-есть завою? Вычиталъ я въ книгѣ въ одной, что бабы любятъ, когда мужчина беретъ молодецкимъ натискомъ, посуворовски. Сдѣлаю-ко и я этакимъ манеромъ: то-есть, тресну ее прямо въ лобъ, да въ мозгъ въ самый, стало быть въ сердечушко и забрался въ ейное. Виноватъ-де, сударыня; любиться желаю. Что, если пущусь я на это? Страшно, канальство, такъ что хуже чѣмъ на приступъ идти: тамъ, какъ залетаютъ около ушей самыхъ ядра эти, да пули непріятельскія, такъ тутъ тебѣ и чортъ не братъ, и страху нѣтъ, и таково даже весело, особенно если наигрываютъ въ музыку. А тутъ страшно: отчего-бы это? А была-не была, пропадай совсѣмъ: бухну прямо, а тамъ что будетъ, то будетъ!» Капитанъ расправляетъ усы, откашливается и приготовляется приступъ начать. «О чемъ это вы задумались, капитанъ?» спрашиваетъ въ эту минуту Вивея Папиловна. «Извините сударыня, ни о чемъ-съ, такъ себѣ», отвѣчаетъ Дій Дидимовичъ. «Нѣтъ, скажите», повторяетъ вдовушка: «вы думали и даже о чемъ-то очень интересномъ для меня и пріятномъ; не конфузьтесь, скажите пожалуйста». «Извините, сударыня, ей-богу боюсь-съ». «Да не бойтесь, скажите пожалуйста; вѣдь я знаю, о чемъ вы думаете; ну, не бойтесь-же; вѣдь воинъ вы». «Али ужь и въ самомъ дѣлѣ сказать», рѣшается Дій Дидимовичъ: «а, была не была, семь бѣдъ одинъ отвѣтъ, скажу-съ, вотъ что-съ: влюбленъ въ васъ!» «Ахъ!» вскрикиваетъ Вивея Папиловна и краснѣетъ, румянится, точно недозрѣвшая клюковка: «фу, какой-же бестыдникъ вы, какъ это вы испугали меня, оконфузили». «Извините, сударыня, у меня ужь карахтеръ простой такой; на семь бѣдъ все-жь одинъ отвѣтъ; порѣшите инвалидную участь мою; вѣчно буду за васъ Бога молить-съ!» «Право, стыдно мнѣ; очень ужь вы меня оконфузили.» «Что же вамъ, сударыня, конфузиться; теперь вы изволите быть пріятной дамой такою, хозяйство у васъ хорошее-съ, доброта въ васъ душевная, да и пѣтушокъ-то вашъ, сударыня, повѣрите-ль, сто рублей-бы далъ. Ну-съ всѣ мы, изволите видѣть, люди вѣдь, человѣки всѣ, а сердце не камень-съ; добро къ добру всегда липнетъ-съ. Человѣкъ я простой, прямодушный-съ, хозяйство у ме-

Digitized by Google

ня тоже есть, кура сѣрая и знаете, все такое-съ; а живешь себѣ, такъ-сказать, безо всякой безъ пріятности-съ. Хотя и есть у меня человѣкъ этакой, который любитъ меня: это я говорю про Ромашку-съ; такъ вѣдь съ нимъ, изволите видѣть, не станешь любиться, какъ слѣдно быть съ дамой какой; опять-же и пахнетъ отъ него, знаете, хлѣвомъ да коровами, да курами. А вы изволите вдовою быть, и, что еслибы, сударыня, намъ съ вами въ первый законный вступить-съ? Вѣчно буду за васъ Бога молить-съ! Такъ буду радъ, что... все равно, что генераломъ меня сдѣлаютъ?» «Право, какъ это все конфузно мнѣ», говоритъ Вивея Папиловна: «а впрочемъ, вотъ, пущай это дѣло бумага рѣшитъ». И дѣйствительно: подходитъ Раскатаевъ, подаетъ капитану запечатанный пакетъ, дѣлаетъ налѣво кругомъ и уходитъ. Дій Дидимовичъ смотритъ — на пакетѣ надпись: «самонужнѣйше-экстренное». Распечатываетъ и читаетъ: «Вслѣдствіе того, что у инвалиднаго начальника, капитан-поручика Дія Дидимова сына Дроздова есть сѣрая кура, а у вдовы офицера по пожарной части Вивеи Папиловой дочери Естифеевой, пѣтухъ имѣется, и такъ какъ Дроздовъ и Естифеева, одна любитъ курицу а другой пѣтуха, и чтобы вдова не теряла своего времени на поиски пѣтуха, а капитан-поручикъ не расходовалъ бы времени казеннаго, служебнаго, на смотрѣніе въ заборную скважину, имъ предписывается: немедленно вступить въ первый законный бракъ, относительно Дроздова и во второй, касательно Естифеевой; при семъ прилагаются и кольца для нихъ, съ вычетомъ за таковыя изъ жалованья Дроздова. Буде же приказаніе начальства не будетъ исполнено въ точности, оба они, какъ виновные въ этомъ, подвергнутся наистрожайшему взысканію».

Капитанъ достаетъ изъ пакета что-то завернутое въ бумажку и смотритъ: это два кольца золотыя, такъ и блещутъ, точно молнія. Капитанъ надѣваетъ одно кольцо на свой палецъ, а другое вдовѣ отдаетъ; та тоже надѣваетъ кольцо, цалуетъ капитана въ щеку и говоритъ: «Вотъ вамъ, капитанъ, поцалуй мой— первый и послѣдній». Дія Дидимовича даже въ жаръ бросило. «Фу», говоритъ онъ, «какъ вы цаловаться пріятно изволите; да такого удовольствія я во всю свою службу не испытывалъ. А, примѣрно, отчего-же это изволите говорить вы, что поцалуй этотъ «первый и послѣдній-съ?» «А потому», отвѣчаетъ Вивея Папиловна: «что такъ ужь это судьба назначила, такъ это и быть должно, такъ и будетъ; а ужь вы небойсь, и разохотились!

Digitized by Google

Ишь вы мужчины какіе...» Тутъ начинаетъ у капитана темнѣть въ глазахъ; онъ протираетъ ихъ, смотритъ, а ужь передъ нимъ совсѣмъ не то: нѣтъ подлѣ него ни вдовы, ни пѣтуха ея, ни стола, ни самовара, ни тарелокъ съ угощеньями; совсѣмъ не то: сидитъ онъ уже у своего дома, у воротъ, на дерновомъ диванчикѣ; а передъ нимъ Ромашка стоитъ и улыбается. . «Ну, говоритъ, капитанъ: давай-ка мы съ тобой, Романка, въ загадки играть». «Отчего-же, вашскблагородіе, это можно-съ», говоритъ Романка. «Ну, скажи-же ты мнѣ: отчего у человѣка сердце далеко спрятано? отчего оно, гдѣ ни на есть на локтѣ, или въ колѣнкѣ не прилажено? Отчего?» «А это, вашскблагородіе, на тотъ предметъ, чтобы оно, собственно, съ иной радости не выскочило-съ; а опричь того, ежели приладить его къ локтю, или къ колѣнкѣ, куды ни на есть, такъ будетъ оно оченно все чувствовать-съ, а это не по модному-съ, да и непоздоровится ему, сердцу-то, значитъ: потому, иной разъ и словомъ какимъ ни на есть можно все равно что кипяткомъ ошпарить, а тутъ, ежели на локтѣ-то будетъ оно, такъ иной разъ и зашибить его можно-съ, или занозить, оцарапать, потому вѣдь оно у насъ не деревянное-съ. Такъ это я сказалъ, али нѣтъ-съ?» «Такъ, замѣчаетъ капитанъ: ай-да Ромашка, молодчина ты. Ну, а скажи ты мнѣ, отчего у насъ земля не каменная и не деревянная, а земляная?» «А оттого, вашскблагородіе, чтобы больше грязи было-съ, ходить мягче, потому-съ, по камню ходить сильно подметки носятся, оттого самаго Раскатаевъ и просилъ пятиалтынника-съ.» «Ай-да Ромашка, молодчина ты, вижу я. Ну, а скажи ты мнѣ вотъ что: какая есть разница между огнемъ и Раскатаевымъ?» «А, думаете, не скажу-съ?» «А ну, ну, скажи.» «Эту побасенку-то, вашскблагородіе, всякій парнишка знаетъ; какъ только въ ученье поступитъ, такъ ее первую и выучитъ-съ.» «Ну, скажи-ка, скажи, посмотримъ: какая же разница?» «А вотъ какая, вашскблагородіе: огонь надобно сперва высѣчь, а потомъ на очагѣ-то и разложить его; а насчетъ Раскатаева-съ, такъ его надобно сперва разложить-съ, а потомъ уже, значитъ, и высѣчь его-съ, да такъ, чтобы не забывалъ онъ, что купцамъ носы разбивать нельзя-съ; такъ ли, вашскблагородіе?» «Ай-да Ромашка!» повторяетъ Дій Дидимовичъ: «молодецъ ты, какъ посмотрю я, на эти отвѣты-то: надо тебя за это въ унтер-офицеры представить, непремѣнно надо.» «Ради стараться, вашскблагородіе!» отвѣчаетъ Ромашка. «Ну, скажи же ты мнѣ опять вотъ что: я-те рифму дамъ.»

Digitized by Google

«Что прикажете?» «А вотъ что, скажи ты мнѣ слово: «буракъ», ну, тотъ самый, что съ ракитъ пущаютъ». «Извольте: «буракъ, тотъ самый что съ ракитъ пущаютъ», говоритъ Ромашка. «Нѣту, ты скажи только одно слово: «буракъ», а прочее ненужно». «И это можно-съ, извольте-съ: «буракъ». Капитанъ бьетъ въ ладоши, хохочетъ и потомъ шутя говоритъ: «а ты Ромашка дуракъ!» И снова хохочетъ. «Да это, вашескблагородіе, неправда-съ». «А за то, складно!» Капитанъ еще разъ хохочетъ. «А скажите-ка вы сами, такое самое слово «буракъ». «Да ужь, братъ, другой-то рѣмы не найти тебѣ!» «Нѣтъ, вы, вашескблагородіе, только скажите-то». «Ну, ну, ладно, изволь: буракъ, буракъ, буракъ! Вотъ тебѣ, цѣлыхъ три раза сказалъ — ну?» Ромашка плутовски улыбается, чешетъ затылокъ и говоритъ: «слыхалъ я, что у этой самой, у вдовицы-то, кромѣ всякаго хозяйства-то, и денюжки есть-съ!» «Ну, что такое сказалъ-то ты? Даже и нескладно!» «А за то, вашескблагородіе, правда вѣдь-съ», говоритъ Ромашка. Капитана, какъ говорится, смѣхъ береть, да такой, что даже до слезъ. Онъ хохочетъ, а изъ глазъ слезы текутъ. Онъ протираетъ носовымъ платкомъ глаза и смотритъ, а ужь Ромашки нѣтъ; да и самъ капитанъ сидитъ не у воротъ уже, а въ комнатѣ, на своемъ диванѣ; подлѣ его сидитъ опять Вивея Павловна и штопаетъ его носки. Одѣта она по домашнему: въ юбкѣ, въ кофтѣ и на ногахъ туфли; сидитъ себѣ, какъ-будто такъ и надобно, и нисколько не церемонится. Капитану кажется, что онъ уже и женатъ; такъ пріятно ему и на душѣ тепло, и на сердцѣ легко. «О чемъ это ты, Дійчикъ, такъ задумался?» спрашиваетъ Вивея Павловна. «Я, сударыня, ничего-съ; такъ себѣ-съ», отвѣчаетъ Дій Дидимовичъ. «Ахъ ты безстыдникъ ты этакій», говоритъ опять вдовушка: «какъ это ты называешь-то меня сударынней! Какая же я сударыня? Я жена твоя, а не сударыня. Ахъ ты безстыжій ты этакій, старикашка ты, инвалидная ты пуговица! Развѣ можно такъ называть меня, безъотвѣтная твоя головушка? Теперь вѣдь мы не чужіе ужь, а мужъ да жена. Ты ужь такой скромникъ, что даже и жену-то свою стыдишься назвать по имени! Ты называй меня не сударыней, понѣжнѣе какъ нибудь, напримѣръ, называй меня Вивушкой, или Вивочькой, или Вивонькой; а я стану называть тебя Дійчикомъ, или Діенькой. А то, на что это похоже, точно мы чужіе. Вѣдь я знаю, что ты во мнѣ и души не слышишь. За то и я люблю тебя такъ, что ни на какого мужа не промѣняю тебя, будь онъ самъ секретарь губерна-

Digitized by Google

торскій. Ты меня любишь и я тебя люблю; такъ и проживемъ, такъ доберемся и до старости, потому что мы сошлись характерами, а отъ этого и счастливы оба мы. Такихъ браковъ какъ нашъ съ тобой—одинъ изъ тысячи: поживемъ мы съ тобой, да полюбимся хорошенько, глядишь—и сынка богъ-дастъ или дочечку, вотъ и ладно будетъ. Все-то есть у насъ: и пѣтухи-то, и курыто, и чего-чего у насъ нѣтъ съ тобой, и деньжонки есть... А вотъ что хотѣла я спросить тебя: скажи ты мнѣ, отчего у тебя имя такое? Рѣдко этакія имена встрѣчаются; я еще ни разу не встрѣчала такого. Можетъ быть, ты вѣры какой нибудь иностранной? А?» «Нѣтъ-съ», отвѣчаетъ Дій Дидимовичъ: «я вѣры не иностранной, а это такъ ужь батюшкѣ было угодно мнѣ такое имя дать-съ». «Да что это ему такъ вздумалось?» спрашиваетъ Вивея Папиловна. «А это, изволите видѣть, потому-съ», продолжаетъ капитанъ: «что когда я родившись былъ, такъ батюшка съ матушкой и заспорили, какъ назвать меня. Спорили-спорили, да и порѣшили: выдти на улицу, да какой встрѣтится первый мужчина, такое мнѣ имя и дать. Вотъ, вышли какъ они на улицу и встрѣтили мужичка-съ, а имя его было «Дій», потому такое и мнѣ дали. Да и пришлось-то какъ хорошо: батюшку звали Дидимомъ, а именинникомъ онъ бывалъ въ первое число августа-съ. Какъ въ святцы посмотрѣли они, а въ это же самое число и по моему имени слѣдуетъ имянины справлять, такъ и вышло у насъ согласно да дружно-съ. Вотъ что-съ». «Да, это хорошо», замѣчаетъ вдовушка: «да, впрочемъ, что намъ до именъ до нашихъ, не въ имени дѣло; это ничего, что имя некрасивое, да незвучное, ничего, а будь оно имя честное. Такъ точно и у насъ съ тобою. А живемъ-то мы какъ, не на всякую долю посылаетъ Богъ такое тихое, да пріятное счастіе. Посмотри-ко въ окно, даже и птица-то наша... вишь какъ любится да нѣжится». Капитанъ смотритъ въ окно и видитъ: пѣтухъ вдовушки и курица его сѣрая, на самой серединѣ улицы, усѣлись на кучу лошадинаго мусора, другъ противъ друга, да и стукаются носиками. Такъ легко капитану, пріятно; сердце у него такъ и радуется... «Что это, Діенька, говоритъ Вивея Папиловна:—какъ-будто у меня кольцо узко стало: должно быть, на рукахъ мяса поприбавилось отъ покойной жизни». «Да и у меня также-съ; даже палецъ больно-съ», отвѣчаетъ Дій Дидимовичъ: «а можетъ статься, это не рука потолстѣла, а просто кольцо узко стало, съежилось». «Ну, вотъ ты, хоть разъ въ день, а непремѣнно хватишь какую-нибудь глупость»,

Digitized by Google

говоритъ вдовушка и беретъ капитана за палецъ: «дай-ка, попробую я снять у тебя кольцо-то». «Ой, сударыня... какъ это больно вы», кричитъ капитанъ: «ой! право больно-съ! Вивея Папиловна! Ой, ой! Вивушечька! Больно! Ой!» А вдовушка какъ-будто и не слышитъ его; тянетъ себѣ кольцо съ пальца, и кончено. Вдругъ, слышитъ капитанъ, кто-то зоветъ его по фамиліи: «Эй! Дроздовъ! Дроздовъ! Вставай, губернаторъ пріѣхалъ! Станетъ роту смотрѣть! Вставай, Дроздовъ! Птицъ купить!...»

Тутъ капитанъ и проснулся. А дроздъ сидитъ себѣ въ клѣткѣ, да заливается во весь птичій голосъ: «дррроздоооовъ! дррроздоооовъ! птиииицкупиииить!» Капитанъ всталъ, да кое-какъ вытащилъ и палецъ свой, завязшій какъ-то во время сна между деревянною спинкою дивана и его подушкою.

— Тьфу ты пропасть, какой сонъ приснился, сказалъ капитанъ, потягиваясь:—должно быть, оттого это, что очень ужь плотно пообѣдалъ сегодня я, да надумался. Идти помыться развѣ, да къ птицѣ сходить.

Помывшись, капитанъ надѣлъ старый сюртукъ, насыпалъ крупы въ задній карманъ и пошелъ куръ кормить; на этотъ разъ сѣрка была дома. Исполнивъ это обыкновеніе, вышелъ онъ посидѣть на улицѣ, на дерновомъ диванчикѣ. Тутъ, пастухъ съ пастьбы коровъ прогналъ; Ромашка имъ пойло далъ, потомъ, съ помощію капитана, сталъ загонять птицу на ночлегъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ идти ставить самоваръ, или, какъ всегда говорилъ онъ самъ, «ладить чай».

Во все это время, отъ обѣда и до вечера, Дій Дидимовичъ былъ въ отличномъ расположеніи духа, потому что, вопервыхъ, никто въ этотъ день не безпокоилъ его, никто не приходилъ къ нему съ жалобой, пѣтуха видѣлъ онъ, сѣрка его дома и вдова обѣдала у него, и приглашала его на завтра «чашку чая вы̀кушать», а главное, находился онъ подъ вліяніемъ соблазнительнаго сна.

Сонъ этотъ вдругъ измѣнилъ мысли капитана о его одинокой жизни, которою до сихъ поръ былъ онъ совершенно доволенъ, не желая измѣнять ее, не желая ничего лучшаго...

X.

Что̀ говорили за чаемъ гости станового пристава и о чемъ разсуждалъ Дій Дидимовичъ съ Ромашкою.

Вечеромъ того дня, когда Вивея Папиловна у капитана обѣдала, у станового прѝстава одного изъ ста̀новъ Безлюдовскаго уѣзда

Digitized by Google

собралась небольшая кучка гостей: иные въ карти играли, иные выпивали и закусывали, иные только на потолокъ смотрѣли и думали, а иные въ столовой за столомъ, около самовара, разговаривали — это были дамы все, тутъ же сидѣла и сама хозяйка, приставша.

— Слышали вы, инвалидный-то каковъ у насъ? говорила дама съ кривымъ глазомъ, обращаясь къ приставшѣ.

— Слышала, отвѣчала та: — да только, кажется мнѣ, онъ такой тихій человѣкъ, что...

— Чего, тихій, продолжала первая:—пословица говоритъ: въ тихомъ омутѣ-то черти-то завсегда и водятся.

— Это, мать моя, генеральша, такъ и есть, поддакивалъ единственный, втершійся тутъ мужчина, отставной асесоръ, относясь къ хозяйкѣ: — тихій самъ себѣ на умѣ; скорый тихаго отдуетъ, а тихій скораго надуетъ, завсегда надуетъ, такъ это и есть.

— Что тутъ за тихій, продолжала дама съ кривымъ глазомъ:— хорошъ тихій: въ пятомъ часу утра изъ гостей идетъ! Да еще откуда! Диви-бы, откуда ни на есть съ холостой пирушки? Вотъ-те и тихій!

— И тутъ, мать моя генеральша, опять-таки есть пословица, говорилъ отставной асесоръ:—тише ѣдешь дальше будешь, да и прибавить можно: скорѣй дѣло подберешь.

— Именно, Петъ Кондратьичъ, именно, продолжалъ кривой глазъ:—вотъ, этотъ помѣщикъ-то, кривошлыкій-то больно крутото повернулъ, такъ щелчка-то какого получилъ по носу. А этотъ, тихій-то, вишь ты, какъ ловко примазался, по утрамъ въ гости ходитъ.

— Да мнѣ говорили, помнится, что какая-то тутъ причина была, замѣтила приставша, разливая чай.

— Какая причина? спросила кривая.

— А тутъ, мать ты моя превосходительная, превосходная, подхватилъ асесоръ:—тутъ вся и причина, коли загоритъ лучина, такъ, значитъ, подожгли ее, а сама она загорѣться не можетъ. Извѣстно, что причина была: мужикъ да баба, другъ для друга и сдѣланы; сойдутся, да полюбятся — вотъ-те и причина вся.

— Да вѣдь у него, говорили, курица пропала, сказала хозяйка: — онъ ее и пошелъ искать по всѣмъ дворамъ, у вдовы и нашелъ ее.

— Курица! Что тутъ курица, начала кривая:—развѣ онъ не могъ за курой-то вовсе придти? Развѣ не могъ онъ дурака-то

Digitized by Google

своего послать? Ромашку-то, развѣ не могъ послать? Это не причина, а только такъ себѣ, штучки однѣ. Что̀ жь, глупенькій онъ, что ли, какой, будто ужь и не понимаетъ, что въ пятомъ часу утра ко вдовамъ за курами нельзя ходить. А еслибы и дѣйствительно кура пропала, такъ можно деньщика послать, а не самому шляться съ нею по городу—стыдно. Нѣтъ, матушка, это куру-то приплели такъ только, для приличія, а главное-то не кура тутъ, а ея хозяйка. Да и это-то все пустяки, кажется, что въ это же утро и пришелъ къ ней, да и ушелъ, нѣтъ, и это только глупый отводъ одинъ.

И нагнувшись къ уху приставши, кривая добавила что-то шопотомъ.

Видя, что дамы стали разговаривать шопотомъ, отставной ассесоръ всталъ и перешелъ въ другую комнату къ столу, гдѣ выпивали и закусывали.

— Да неужто ужь?

— Вѣрно, матушка; люди видѣли: его же солдатъ и разсказывалъ.

— Кажется, женщина она скромная, да и онъ-то тоже.

— Ну, да что̀ жь такое; вотъ они и сошлись, два-то скромника. А это что́ такое, значитъ: каждый божій день онъ въ заборъ-то въ щель-то заглядываетъ? А кофей-то пилъ у ней? А обѣдала-то у него она? Это по вашему тоже ничего не значитъ?

— Ну, да это потому, можетъ быть, замѣтила приставша:—что они, какъ знакомые, а не то, чтобы... что-нибудь особенное.

— Знакомые? Полноте вамъ, какое тутъ знакомство ужь! А когда утромъ-то онъ у ней въ саду-то былъ, какъ она была одѣта-то? Слышали?

— Нѣту, что̀ жь такое?

— Нѣту? То-то вотъ и есть, матушка; скромная она, да честная: посторонній человѣкъ у ней, а она стоитъ предъ нимъ — чуть-ли не въ рубашкѣ, мать моя. Вотъ тебѣ и честная. Въ юбченкѣ, да въ кофтѣ на распашку; вотъ тебѣ и честность вся. Не я это говорю, а люди видѣли...

— Слышь! Настасья Макарьевна, подлей-ко намъ еще водочки, да грибковъ прибавь! закричалъ изъ сосѣдней комнаты голосъ хозяина.

Приставша встала и пошла въ кухню; а барыня съ кривымъ глазомъ (это была одна изъ свахъ безлюдовскихъ) подсѣла къ

Digitized by Google

другимъ, находившимся тутъ мужикамъ, съ тѣмъ, чтобы и имъ разсказать то же самое.

Такой слухъ летѣлъ по Безлюдову, доносясь и до медальныхъ помѣщиковъ; такъ говорили, думали и разсказывали безлюдовскія барыни; на самомъ же дѣлѣ, какъ извѣстно ужь, было совсѣмъ не то.

Въ тотъ день, когда Вавея Павловна у капитана обѣдала, вечеромъ, послѣ загона птицы на ночлегъ, Ромашка «сладилъ чай», и когда баринъ сѣлъ за столъ, началъ онъ въ кухнѣ отъ сосноваго полѣна «лучину драть».

Дій Дидимовичъ все еще находился подъ вліяніемъ послѣдняго сна, и думалъ, какъ бы заговорить объ этомъ съ Ромашкою. Думалъ-думалъ, и наконецъ, за третьимъ стаканомъ, рѣшился и заговорилъ:

— А что, братъ Ромашка, какая мнѣ глупая мысль влѣзла въ голову, какъ ты думаешь?

— А ужь этого, вашескблагородіе, не могу я знать-съ, отвѣчалъ Ромашка.

— Что, еслибы, напримѣръ, продолжалъ капитанъ: — намъ бы съ тобою... просто, братъ, смѣшно мнѣ...

— Да насчетъ чего это-съ?

— Придетъ же охота вѣдь... просто, братъ, не знаю, какъ и сказать тебѣ.

— Н-да-съ, промычалъ Ромашка, больше потому, что не зналъ, о чемъ капитанъ хочетъ сказать ему, да и потому еще, что занятъ дѣломъ былъ.

— Просто, братъ, такая глупая мысль пришла... ей-богу, смѣшно мнѣ.

— А опять же, вашескблагородіе, не знаю я, насчетъ чего это-съ.

— А вотъ, братецъ ты мой, насчетъ чего.

Тутъ капитанъ помолчалъ съ минуту, поправилъ рубашку, прилипшую къ вспотѣвшей груди его, налилъ стаканъ чаю и потомъ сказалъ:

— Что еслибы, къ примѣру то-есть, жениться намъ? А?

— Жениться-съ, протянулъ Ромашка, послѣ небольшой паузы.

— Н-да, я говорю, къ примѣру, еслибы, повторилъ Дій Дидимовичъ.

— Намъ, жениться-съ, повторилъ Ромашка, точно не вѣря еще тому, что услышалъ.

— Ну да, еслибы говорю я, поясинилъ капитанъ.

Digitized by Google

Ромашка улыбнулся, почесалъ въ затылкѣ и отвѣтилъ:

— Что жь, это можно-съ: коли въ домѣ лишняго трапья нѣту-съ, да мало мусору, такъ пожалуй, можно-съ.

— Ты, братецъ, не то говоришь.

— Отчего не то-съ, оно такъ и будетъ.

— Нѣтъ, не то, надо такъ жениться, чтобы ни трапья, ни мусору въ домѣ не было, а чтобы было у насъ все попрежнему: исправно, да гладко, да чисто.

Промолчавъ минуты съ двѣ, Ромашка сказалъ:

— Будто, вашскблагородіе, безъ жени-то ужь и пробыть нельзя-съ? Какъ же жили мы прежде-то-съ? Тоже, не женаты были-съ.

— Оно, конечно, что такъ это; прожить можно, замѣтилъ капитанъ.

— Ну да-съ, продолжалъ Ромашка: — а на мой глазъ лучше этого и не требуется-съ; это, вашскблагородіе, наша самая лучшая жизнь, то-ись холостая, потому, какъ ежели одинъ живешь, такъ потратишь грошъ, да и сытъ будешь, а съ бабой и трехъ копеекъ нехватитъ-съ. Потому, жениться-съ всамдѣльски, это, вашскблагородіе, опять другая статья; говоритъ половица: мужъ женѣ пастырь, а жена мужу пластырь-съ. Значитъ, такая жена попадется, что только держись да поворачивайся. Жениться, вашскблагородіе, не то что рукавомъ повернуть, артикулъ откинуть-съ; къ бабѣ въ душу не влѣзешь; а и влѣзешь если, такъ тамъ-съ лобъ разшибешь, да и глазъ вытянешь-съ, а пока что разузнаешь да разнюхаешь, такъ о ту пору на носу-то батальонъ бородавокъ выростетъ. Вотъ что-съ.

— Да ужь ты, знаю я, балагуръ на эти штуки, разказчикъ, замѣтилъ капитанъ, засмѣявшись.

— Да оно такъ и будетъ-съ.

— Впрочемъ, съ одной стороны, это правда твоя, согласился капитанъ.

— Да, конечно, такъ-съ, досказалъ Ромашка: — на этотъ счетъ-съ, врать я не стану вамъ.

Ромашка замолчалъ. Капитанъ, тоже молча, выпилъ стаканъ чаю, на что употребилъ минуты три, и снова обратился къ Ромашкѣ:

— Слышь, Ромашка.

— Что-съ? отозвался Ромашка.

— А что, еслибы... Капитанъ остановился тутъ.

— Насчетъ чего это-съ?

Digitized by Google

— А вотъ насчетъ чего, что еслибы найдти-бы намъ этакую даму, чтобы она намъ обоимъ по нраву пришлась. Значитъ, чтобы была этакая... въ хозяйствѣ бы тамъ знала, да смирная?

— А нешто сами-то мы, вашескблагородіе, хозяйствомъ-то худо правимъ, что ли? Нѣту-съ. На этотъ счетъ-съ, ежели въ случаѣ, такъ можно намъ и награду дать-съ.

— Это, братецъ ты мой, такъ все.

— Такъ еще-то что же-съ?

— А въ случаѣ ежели, такъ при хорошей хозяйкѣ-то могли бы мы и отдохнуть съ тобой.

— Ну, это, вашескблагородіе, что ужь тутъ отдыхать намъ, коли насъ этому не выучили-съ. Да гдѣ тутъ этаку хозяйку найдешь, чтобы отпустила бы на отдыхъ насъ? Развѣ что работы прибавится-съ, да тряпья прибудетъ. Нѣту здѣсь этакихъ, не-найдти-съ.

— Хм, хм, произнесъ капитанъ, и точно не рѣшась еще высказать всѣхъ думъ своихъ, добавилъ: — ну, ежели... бери-ко, братъ, чай-то; я не стану больше.

Этимъ разговоръ и кончился. Убравъ куда слѣдуетъ нащипанную лучину, Ромашка напился чаю, осмотрѣлъ, все ли благополучно на дворѣ, накормилъ капитана ужиномъ и постлалъ постель ему на томъ же диванѣ, гдѣ ложился онъ отдыхать послѣ обѣда. Говорили еще о хозяйствѣ, о пригонкѣ амуниціи вновь вступившимъ въ инвалидную роту; о томъ, что надо бы перемѣнить въ диванѣ мочалу и тому подобное, а разговора о женитьбѣ больше не было.

Помолившись Богу, капитанъ раздѣлся и легъ. Тутъ опять начало капитана подмывать на разсужденіе о женитьбѣ. Пролежавъ молча минутъ съ пять, онъ снова обратился къ Ромашкѣ, несмотря на то, что огонь въ кухнѣ уже потушенъ былъ, что значило — Ромашка тоже легъ.

— Слышь, Ромашка, ты спишь?

— Нѣту-съ, отозвался Ромашка.

— А я думалъ, спишь.

— Нѣту-съ, а что вамъ?

— Вотъ что, братецъ ты мой... да можетъ, спать тебѣ хочется?

— Да вы извольте сказывать-то; коли нужно что, такъ встану-съ.

— Нѣту, ничего ненужно; ты лежи себѣ.

Digitized by Google

— Да вы скажите, вашеблагородіе, коли нужно что.

— Ничего ненужно. А все хочется мнѣ поговорить-то съ тобой... значитъ...

— Насчетъ чего это-съ?

— Да насчетъ того же все.

— Насчетъ амуниціи-то-съ?

— Нѣту, не то... получше будетъ.

Ромашка подумалъ немножко, и догадавшись, что капитану спать не даетъ, спросилъ:

— Насчетъ хозяйки-то-съ?

— Ну, хотя-бы объ этомъ.

— Такъ что же-съ!

— Ну да... Хм... А въ самомъ дѣлѣ!... вѣдь-не вотъ этакія мысли въ голову, глупыя.

— Бываетъ-съ...

— Ну да. Вотъ, къ примѣру, какъ она на твои глаза-то, ничего вѣдь?

— То-ись, это кто-съ?

— А къ примѣру, хотя эта самая, наша сегодняшняя гостья-то? рѣшился высказаться капитанъ.

— Собственно вдова-то-съ?

— Ну, хоша-бы и она? Какъ она на твой вкусъ? Кажется, ничего, хорошая дама?

И капитанъ съ тайнымъ трепетомъ сталъ дожидаться, что скажетъ Ромашка; при огнѣ или при дневномъ свѣтѣ, глазъ на глазъ съ Ромашкою, можетъ быть, долго не рѣшился бы онъ спросить этого; а теперь въ комнатѣ было темно, да кромѣ того, капитанъ и глаза закрылъ еще, отъ этого и рѣшился высказаться. А Ромашка, будто нарочно, помолчалъ минуты двѣ и потомъ уже рѣшился произнесть приговоръ свой.

— А, какъ вамъ сказать, вашеблагородіе, отвѣчалъ онъ: — на мой глазъ, баба она дѣльная, хозяйственная-съ. Да только, вашеблагородіе, значитъ — хороша каша, да не наша, тутъ и дѣло все-съ.

— А ужь и хозяйство же у ней, братецъ ты мой, замѣтилъ капитанъ, послѣ небольшой паузы:—почитай что получше будетъ, чѣмъ у насъ съ тобой.

— Такъ вѣдь она, вашеблагородіе, продолжалъ Ромашка:— она вѣдь въ помѣстьяхъ жила-съ. А такъ есть на чемъ присмотрѣться, да выучиться-съ. А мы съ вами вѣдь учились-то? На по-

Digitized by Google

ходахъ, въ стеклахъ, да самоучкой-то-съ? Ейное дѣло другое совсѣмъ-съ. У ней, слышно, не съ наше и капиталецъ-то. Сказываютъ, у ней, въ *лембартѣ-то* двѣ тысячи серебра лежитъ, а можетъ и больше-съ. Значитъ, съ этакой деньгой, можно и хозяйство завести, какъ хошь, какъ понравится. Ейное дѣло не наше-съ.

— А таки нѣчего сказать, дама важная, замѣтилъ капитанъ.

— Про это, вашскблагородіе, и словъ нѣту-съ, потому, хорошую хозяйку нескоро отроешь.

— Н-да, это правда.

— И я говорю-съ. Вона, здѣся ихъ столько, что хошь прудъ пруди; да все ужь не то будетъ-съ: плетутъ больно много, собственно, говорятъ, что надо, что и ненадо, про все болтаютъ.

— Да, это правда; вотъ оно мнѣ съ казначеевой хозяйкой, да съ городничевой, такъ вѣдь, братецъ ты мой, такія дурныя бабы, что...

— Да ужь, вашскблагородіе, и всѣ-то онѣ здѣсь одной хорошей не стоятъ-съ; бабы, такъ и есть бабы-съ.

Ромашка замолчалъ. Капитанъ, чувствуя, что еще не высказался, снова обратился къ нему съ фразою.

— Нѣтъ, Ромашка... Сонъ-то сегодня, какой я сонъ-то видалъ, просто, братецъ ты мой, меня смѣхъ беретъ.

И чтобы доказать слова свои, капитанъ засмѣялся. Однако, смѣхъ у него не вышелъ, а слышно было что-то такое, похожее на искуственный смѣхъ.

— Да вѣдь сонъ, вашскблагородіе, больше ничего, что сонъ и есть-съ: мало-ли приснится что.

— А вѣдь есть, братъ, и такіе сны, что иной и того, случается, какъ будто такъ и нужно.

— Конечно, что всякое бываетъ, да рѣдко-съ; все больше обманъ одинъ-съ; мало-ли что увидаешь иной разъ.

— Да вѣдь, братецъ, смѣшной какой: снилъ я будто въ гостяхъ у ней и чай пью; а она меня такъ и угощаетъ, такъ и умасливаетъ. А потомъ, смотрю—будто я ужь и женившись на ней; и кольцы будто у насъ на перстахъ надѣты... Да вотъ этотъ надувало-то нашъ, дроздъ-то, разбудилъ; такъ я и проснулся.

— Что жь, сонъ, вашскблагородіе, хорошій; а всячески, сонъ такъ сонъ и есть, а не другое что-съ.

Опять минутное молчаніе. Опять капитанъ началъ первый.

— А что, Ромашка, ежели-бы и всамдѣльски... завоевать-бы намъ съ тобой этаку хозяйку? Ай. Важно было-бы.

Digitized by Google

— Ну, вашскблагородіе, все это хорошо, значитъ, да пріятно, чего у насъ дома нѣтъ, да что забрать трудно-съ.

— А вѣдь она на завтра-то звала меня чаю пить.

— А что же, и съ богомъ-съ, станете знакомы.

— А знаешь ты, какая мнѣ въ голову штука пришла? Что, еслибы этакую ей пулю слить... А? Семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ.

— То-исъ, это что же-съ?

— Да вотъ что: просто, братецъ ты мой, къ примѣру, еслибы сваху къ нѣй заслать?

— Сваху-съ?

— Ну да. Значитъ, бухнулъ съ разу, да и все тутъ.

— Это-все, вашскблагородіе, можно-съ, сказалъ Ромашка, помолчавъ съ минуту. — А и то сказать, можетъ и нехорошо выдти-съ, потому, неровенъ часъ. А какъ если да она заломается, да какъ скажетъ: мы-де и безъ мужа проживемъ-съ? Вотъ и неладно-съ, потому, присватывался къ ней этакимъ манеромъ-то майоръ одинъ тоже нашъ армейскій, ну, и не пошла. И неладно будетъ; а по городу-то, само по себѣ, разговоры пойдутъ, да плетни разныя-съ.

— Ну, а къ примѣру, ты какъ бы сдѣлалъ-то? спросилъ капитанъ.

— Я-то-съ, какъ бы сдѣлалъ?

— Н-да, къ примѣру, повторилъ Дій Дидимовичъ.

— Да, по моему мнѣнію, вашскблагородіе, если ужь того, приступить, такъ самому-съ, не съѣстъ вѣдь, прямо, значитъ, ей на ухо-съ: а что если-де намъ съ вами, сударыня, въ законъ вступить?

— Ой-ли! Ты думаешь, такъ и бухнуть? самому?

— А что-жь: ладно такъ ладно-съ, а нѣтъ такъ... пребываемъ мы, сударыня, къ вамъ, съ почтеніемъ-молъ, да и прощайте-съ. Не съѣстъ вѣдь, вашскблагородіе, не укуситъ-съ. А между прочимъ, все дѣло-то останется дома-съ; а то, сваху если, такъ неровенъ часъ, разболтаетъ, баба вѣдь-съ, языкъ большой...

— Н-да, оно такъ и есть, это правда все, согласился капитанъ.

— Такъ и будетъ-съ, потому, вашскблагородіе, не вру вѣдь я-съ.

Замѣтно было, что Ромашкѣ, какъ человѣку, работавшему цѣлый день, уже и спать хочется; а капитанъ все еще старался поддерживать разговоръ.

— А хорошо-бы, говорилъ капитанъ:—хорошо-бы, канальство, завестись этакой хозяйкой, какъ эта вдова-то, къ примѣру; да вѣдь и пѣтухъ-то нашъ бы былъ.

Digitized by Google

— Что говорить, отвѣчалъ Ромашка:—нѣтъ объ этомъ и слова-съ; такую не всядѣ найдешь.

— А ты-бы, Ромашка, за Настасью бы за ейную присватался: тоже, баба ничего себѣ.

— Чего-съ?

— Я говорю, а ты, къ примѣру, на Настасьѣ женился бы.

— Я-то-съ?

— Ну да.

— Нѣту-съ.

— Ишь ты, какой вѣдь.

— Чего-съ?

— Чудакъ ты, Ромашка.

— Да лучше-съ.

Минута молчанія, и капитанъ еще разъ попробовалъ Ромашку задѣть.

— А славно бы, право... баба важная.

— Н-да-съ, лучше будетъ-съ, отвѣчалъ Ромашка, сквозь сонъ уже.

— Право, отлично бы.

— Н-да-съ, можно-съ.

— Хм... канальство.

— Н-да...

— И пѣтухъ-то нашъ бы былъ.

— Н-да-съ.

Минуту спустя, капитанъ еще разъ сказалъ: «славно бы, канальство»; Ромашка отвѣтилъ на это чѣмъ-то въ родѣ мычанія и тотчасъ всхрапнулъ.

Капитанъ съ часъ еще думалъ о томъ, что «хорошо бы, славно бы, канальство»; наконецъ захрапѣлъ и самъ.

XI.

Доказывающая непрочность человѣческихъ замысловъ, надеждъ и мечтаній, или что «все на свѣтѣ прахъ и тлѣнъ».

«И какъ это залѣзла мнѣ въ голову такая штука смѣшная? Хм... Жениться! Вотъ поди-ка ты: должно быть, судьба ужь тутъ. Стало-быть, судьба. Прежде совсѣмъ какъ-то объ этомъ и не думалось, а теперь и изъ головы вонъ не лѣзетъ. Нѣтъ, сонъ-то, сонъ-то какой вѣдь. Славно бы того. Что жь, можетъ статься, и

Digitized by Google

она вопречь отъ этой статьи? Вотъ вѣдь и чай опять звала меня пить. А небойсь, другихъ-то приглашаетъ не очень, стало-быть причина есть, не любитъ. Пріятная дама, очень пріятная. хозяйство-то какое вѣдь... а пѣтухъ-то, пѣтухъ-то! Важно бы, право, важно бы...»

Такъ думалъ Дій Дидимовичъ, когда на слѣдующій день, справивъ ежедневныя дѣлишки по хозяйству, отправился въ роту. Проходя мимо забора вдовы, точно по привычкѣ ужь, заглянулъ онъ въ щель: въ саду никого не было. Только что пройдя улицу, вошелъ онъ въ ворота на солдатскій дворъ, какъ натянулся на вышедшихъ изъ казармы, Настасью и инвалиднаго фельдшера. Они торопились. Глаза работницы были сильно наплаканы.

— Что̀ такое у васъ сдѣлалось тамъ? спросилъ капитанъ, обратясь къ Настасьѣ.

— Помощи требуютъ, вашскблагородіе! храбро отвѣчалъ фельдшеръ.

— Грѣхъ, батюшка, случился, добавила Настасья, вытирая глаза своимъ передникомъ.

— Ну! Что̀ же такое? повторилъ Дій Дидимовичъ.

— Да барыня моя сильно захворамши. Со вчерашняго съ вечера еще, да перемогалась все; а теперь ужь и очень плохо ей. Дохтуровъ-то здѣся ни одного нѣту; экой городъ какой; два ихъ здѣся, да оба, говорятъ, по уѣзду уѣхали; вотъ я ужь пришла за господиномъ *фельштеромъ*.

— Да что̀ же такое заболѣло у ней?

— Вся, батюшка, вся больнехонька: и тошнота у ней, и рвота, голову сильно ломитъ, и...

— Ну, ступайте, коли такъ, скорѣе, прервалъ ее капитанъ, и добавилъ, обратясь къ фельдшеру: — послѣ сообщитъ мнѣ, какая болѣсть тамъ.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ фельдшеръ, и вмѣстѣ съ Настасьею вышелъ за ворота.

«Значитъ, чай-то ужь сегодня не того, нельзя идти пить; эка жалко канальство; а еще я приказалъ Ромашкѣ эполеты новые пацѣпить, да кавалерію. Жалко. Ну, никто какъ Богъ; авось и поправится...»

Съ этими мыслями вышелъ капитанъ на средину двора, гдѣ выстроивъ инвалидовъ во фронтъ, фельдфебель ожидалъ только капитана, чтобы ученье начать, такъ-какъ день этотъ былъ среда.

По обыкновенію, поздоровавшись съ командою, капитанъ про-

Digitized by Google

смотрѣнь, какъ солдаты кинули тесаки, сдѣлали на-караулъ, на-плечо, потомъ прошелся по фронту, и только что хотѣлъ отдать приказаніе начать маршировку, какъ прибѣжавшій фельдшеръ доложилъ ему, что у Вивеи Папиловны сильная холера.

— Такъ зачѣмъ же ты ушелъ оттуда, дурачина ты этакая скверная? спросилъ капитанъ, съ оттѣнкомъ досады.

— За травой, вашеблагородіе, отвѣчалъ фельдшеръ:—да нужно микстурку дать... за ланцетомъ, кровь понадобится пустить-съ.

— Такъ, братецъ, поживѣе, холера не шутитъ вѣдь. Да смотри, постарайся.

— Слушаю, вашеблагородіе, крикнулъ фельдшеръ, убѣгая въ казарму.

Спустя минуту, онъ снова пробѣжалъ мимо капитана, держа въ рукахъ бумажный мѣшочекъ съ травою, ланцетъ и стклянку съ микстурою.

— Постарайся же! вдогонку ему крикнулъ капитанъ.

— Слушаюсь! отозвался фельдшеръ.

«Холера не станетъ шутить», думалъ капитанъ, какъ-то неохотно смотря, какъ маршировала рота его: «это такая болѣсть ужь, что съ разу сгонитъ человѣка въ гробъ. Пойти-ка развѣ самому взглянуть, что такое тамъ; можетъ статься, фельдшеръ-то и привралъ. И въ самомъ дѣлѣ, пойду-ка я самъ; не въ гости вѣдь; тутъ больному человѣку мало ли какая помощь нужна. Это дѣло такое. Ужь тутъ стыдиться не станетъ. Пойду-ка, спровѣдаю. Сперва у *кубарки* ейной спросить надо; можетъ статься... и полегче ей... почемъ знать»...

Рѣшивъ такимъ образомъ, капитанъ приказалъ кончить ученье, и на этотъ разъ, не заходя ни въ канцелярію, ни въ кухню, не заглянувъ даже и въ заборную скважину, прямо перешелъ улицу, вошелъ ко вдовѣ на дворъ, потомъ на крыльцо, въ сѣни и наконецъ въ кухню: на дворѣ ни души, на крыльцѣ пусто, въ сѣняхъ тоже; только въ кухнѣ нашелъ капитанъ, не Настасью, а раздувавшую на очагѣ огонь, знакомую ему старуху, сосѣдку, жену одного изъ подчиненныхъ ему инвалидовъ.

— Здорово, *бабушка*, тихо сказалъ капитанъ.

— Здравствуй, батюшко, ваше высокоблагородіе, отвѣчала старуха.

— Что, тутъ у васъ больная есть, спровѣдать зашелъ я... какъ она?

— Худо, батюшка, совсѣмъ худо; почитай что помираетъ со-

Digitized by Google

всѣмъ. Всю ночеиьку промаялась. Докторъ-то здѣшніе разбѣлились всѣ, прости Господи. И помощи нѣту никакой.

— А что, *бабушка*... можно войти-то туда?

— Отчего нельзя: человѣкъ, почитай, что у смерти.

Дій Дидимовичъ поправилъ галстухъ, обдернулъ сюртукъ и тихонько вошелъ въ прихожую, потомъ въ маленькое зальце. Двери въ сосѣднюю комнату, гдѣ была спальня Вивеи Папиловны, притворены были неплотно. Оттуда неслись стоны, похожіе на тѣ, какъ если изъ живого человѣка, уже потерявшаго способность кричать и нѣсколько привыкшаго къ страданію, тянутъ жилы.

Капитанъ вздрогнулъ, какъ человѣкъ, котораго по голымъ зубамъ мазнули полосою желѣза. Онъ приложилъ глазъ къ щели, образовавшейся между косякомъ и дверью—и отступилъ. Потомъ опять приложился и опять отступилъ, почувствовавъ, какъ по всему тѣлу его пробѣжала дрожь и во рту сдѣлалось холодно, точно вдохнулъ онъ въ этотъ моментъ морознаго воздуха.

«Что это.. Господи... Неужели ей и въ самомъ дѣлѣ смерть пришла? Страсть какая...» подумалъ онъ, и осторожно полуотворивъ дверь, вступилъ въ спальню.

— Ооооохъ! Здравствуйте! простонала вдовушка, уставивъ на него глаза свои.

Капитану страшно сдѣлалось.

А что за глаза были въ это время у Вивеи Папиловны! Зрачки горятъ, точно угли. Стекло глазъ покрылось кровяными жилками. Вѣки раскрылись широко, до послѣдней возможности. Глаза сдѣлались вдвое больше, и осѣли внутрь черепа. Страшные глаза. А лицо — такъ и отвернулся бы отъ него, не смотрѣлъ бы. Волоса смокли, прилипли къ черепу. Лобъ бѣлый, какъ мраморъ, и такой же холодный и гладкій, блестящій; потъ выступилъ на немъ, точно дождевыя капли. Подъ глазами черно. Щеки провалились, какъ у человѣка, неѣвшаго двѣ недѣли. Кончикъ носа и губы темно-синіе. Не узнать въ этомъ лицѣ вчерашнее лицо вдовушки. Она какъ-будто хотѣла подарить вошедшаго капитана улыбкою, но улыбка не вышла: посинѣлыя губы только растянулись широко, да между стиснутыхъ зубовъ появилась пѣна. Грудь раскрыта у ней: бѣлая, мокрая и блестящая... Тяжкая, грустная картина борьбы жизни съ смертью явилась глазамъ капитана.

Digitized by Google

— Матушка!... Вивея Паниловна!... что́-й-то вы? проговорилъ онъ, замѣтно дрожавшимъ голосомъ.

— Я... во снѣ видѣла... васъ, простонала больная, такъ что едва ее понять можно было:— да... ой-ой-ой!... дайте ручку...

Она еще разъ улыбнуться попробовала, еще разъ вмѣсто улыбки на лицѣ ея выразилась только мѣра мученій, да пѣны между зубами показалось больше.

Капитанъ взялъ руку больной и вздрогнулъ сильнѣе прежняго: рука, которую взялъ онъ, была сыроватая, холодная, точно у покойника; концы пальцевъ почернѣли, какъ уголь.

Бывшая тутъ Настасья, между тѣмъ, стала вынимать изъ-подъ одѣяла кувшины, лежавшіе у ногъ больной съ тѣмъ, чтобы перемѣнить въ нихъ горячую воду и опять приложить къ ногамъ. А фельдшеръ, стоявшій въ головахъ кровати, наклонился къ уху капитана, немного прикрылъ рукою ротъ свой и шепнулъ:

— Плоха, вашскблагородіе, промѣшкали бабы-то; теперь никакая помощь не возьметъ: забрало оченно сильно ужь; послѣдній прйступъ — не станетъ жить-съ.

Неизвѣстно, что́ думалъ въ это время Дій Дидимовичъ. Онъ только медленно закачалъ головою, да вѣки его сильно замигали; выкатились изъ-подъ вѣкъ его двѣ стеклянныя свѣтлыя капельки и поползли по щекѣ до усовъ, гдѣ и скрылись. Онъ все еще продолжалъ держать руку больной; а она, точно вслѣдствіе теплаго чувства какого-то, да и отъ мýки, терзавшей тѣло ея, часто крѣпко и судорожно сжимала холодные пальцы. Отъ этого пожатія по всему тѣлу капитана пробѣгала дрожь, какъ у человѣка, который не можетъ смотрѣть на мышь, и знаетъ, чувствуетъ, что именно мышь забралась къ нему за рубашку и ползаетъ тамъ, царапая кожу его своими лапками и лаская ее холодною шерстью. Это чувство и томило капитана, а между тѣмъ и руку-то вдовушки какъ-то не хотѣлось ему выпустить.

— Возьмите... на память, простонала больная, заскрипѣвъ зубами и глотая, мѣшавшую говорить ей, пѣну.

— Чего-съ? спросилъ капитанъ.

— Колечко... возьмите себѣ... А я... прощайте, добрый...

И не кончила бѣдная—еще крѣпче стиснувъ зубы свои.

Капитанъ, безсознательно почти, куда и стыдъ дѣлся, повинуясь, какъ послушный ребёнокъ, снялъ съ почернѣвшаго пальца ея кольцо отъ перваго брака, надѣлъ его на свой палецъ и снова взялъ руку ея.

Digitized by Google

— Матушка, Вивея Павиловна!... что это, въ самомъ дѣлѣ, неужли вы, произнесъ онъ сквозь слезы.

Вмѣсто отвѣта и улыбки, лицо больной подернулось судорогами; зубы заскрипѣли, разжались и пропустили большой кусокъ пѣны; холодные пальцы еще крѣпче сдавили руку, державшую ихъ; снова разжались зубы, опять пробрался между ними еще большій клубъ пѣны: больная силилась что-то выговорить.

Фельдшеръ взялъ висѣвшее у него на плечѣ полотенце, вытеръ эту пѣну, этотъ некрасивый остатокъ улетавшей жизни, махнулъ рукою и снова сталъ въ изголовьи.

— Ай!... Ай!... Господи!... Смерть бы... скорѣе! простонала Вивея Павиловна, бросивъ отчаянный взглядъ на капитана, на шкафъ съ платьями, на Настасью и остановивъ его на потолкѣ, тщательно оклеенномъ бѣлою бумагой.

— Вашскблагородіе, шепнулъ опять фельдшеръ:—вы напрасно колечко-то надѣть изволили: металъ-съ болѣсть сейчасъ передастъ; а рука у ней тоже сырая-съ, нѣтная—бросьте, опасно-съ; все равно, жить не станетъ-съ.

Капитанъ какъ-будто и не слыхалъ этихъ предостереженій, продолжая слезливымъ взоромъ смотрѣть на корчившееся лицо вдовушки, тѣмъ болѣе, что и сама она не выпускала руку его, все крѣпче и крѣпче сжимая пальцы свои, точно желая и его увести съ собою въ могилу, куда отжившее тѣло ея уже засѣло по самое сердце.

Между тѣмъ, Настасья уже и въ кухню сходила, принесла оттуда кувшины и стала прятать ихъ подъ одѣяло къ ногамъ больной. Видя это, фельдшеръ сперва махнулъ рукою, а потомъ подошелъ къ работницѣ и шепнулъ ей на ухо:

— Не надо больше—сейчасъ кончится; вчера бы позвать вамъ меня, какъ только болѣсть показалась; промѣшкали вы—а человѣкъ-то сгинулъ.

— Сама, батюшка, не приказывала, а то хотѣла я-было за тобой сходить—не приказывала, перемогалась все, точно такъ же шепотомъ отвѣчала Настасья.

Фельдшеръ сталъ на прежнее мѣсто въ изголовьи; Настасья осталась въ ногахъ, а капитанъ все продолжалъ держать зараженную руку—все стоялъ и смотрѣлъ, какъ мало по малу останавливался премудрый механизмъ жизни.

Въ маленькой комнаткѣ, гдѣ лежала больная, было такъ тихо, такъ глубоко-грустно—точно это была не комната въ домѣ,

Digitized by Google

а незаритая, свѣтлая могила. Часы, висѣвшіе на стѣнѣ противъ самой кровати, и тѣ даже не стучали — остановились незаведенные; Вивея Папиловна каждое утро, вставъ съ постели, сама заводила ихъ; въ это послѣднее утро ей, вѣрно, уже не до часовъ было. Только большая муха, бившаяся о стекло окна, нарушала тишину комнаты, гдѣ совершался послѣдній актъ жизни.

— А!... Пить... душно, прохрипѣла умиравшая.

Фельдшеръ налилъ изъ стакана въ столовую ложку какой-то жидкости, и кое-какъ, ложкою же, раздвинувъ сжатые зубы вдовушки, вылилъ жидкость ей въ ротъ, отеревъ потомъ губы ея полотенцемъ. Вдовушкѣ стало какъ-будто легче отъ этого; желая высказать свою благодарность, бросила она на фельдшера умиравшій взглядъ и вмѣсто улыбки, только сильнѣе искривила ротъ.

Еще минутъ десять стоялъ Дій Дидимовичъ, всматриваясь въ лицо, изуродованное болѣзнію, и держа руки ея. Уже лицо вдовы перестало подергиваться судорогами; глаза ея, хотя и были открыты, но уже не двигались—остановившись прямо на стѣнѣ, гдѣ часы висѣли; уже и пальцы ея перестали сжимать руку капитана—а онъ все стоялъ, да смотрѣлъ, изрѣдка покачивая головою.

— Кончилась, вашскблагородіе, отдала Богу душу-съ, проговорилъ фельдшеръ громко, уже не стѣсняясь.

А чтобы болѣе убѣдиться въ случившемся, заглянулъ онъ въ лицо Вивеи Папиловны, толкнулъ пальцемъ голову ея, помялъ грудь и вздернувъ одѣяло, покрылъ имъ лицо уже мертвое, отчего изъ-подъ другого конца одѣяла выставились оконечности почернѣвшихъ ногъ.

Капитанъ вздрогнулъ, и тихо, бережно опустилъ умершую руку на край тюфяка, гдѣ лежала уже не Вивея Папиловна, которую такъ радушно угощалъ онъ обѣдомъ вчера, а только трупъ ея, сырой, остывшій, покрытый синеватыми пятнами.

— Бабы, вашскблагородіе, виноваты, сказалъ потомъ фельдшеръ:—промѣшкали—человѣкъ и сгинулъ-съ; а послали бы вчера за мной, такъ помочь надлежащую подалъ бы—жить бы стала-съ. И обратясь къ рыдавшей Настасьѣ, добавилъ:—полно нынить-то, баба, не вернешь теперь — промѣшкали.

Капитанъ покачалъ только головою, и войдя въ зальце, отвернулся онъ къ окну, досталъ изъ кармана платокъ, съ эпизодомъ

Digitized by Google

изъ турецкой компаніи, и свернувъ его въ комъ, приложилъ къ глазамъ своимъ, чтобы осушить сильно выступавшія на нихъ слезы; потомъ взялъ фуражку и съ печалью на лицѣ и въ сердцѣ, тихо побрелъ домой, думая:

«Что же это такое, Господи! жизнь-то человѣческая, послѣ этого — что жь она такое? Одинъ прахъ и тлѣнъ—такъ это и есть. Вчера въ это время, живехонька была: и говорила-то, и смѣялась-то, а сегодня что, и на человѣка-то не походитъ вѣдь. А еще звала меня чаю выкушать; вотъ тебѣ и чай; вмѣсто чаю-то и придется на поминкахъ, на обѣдѣ быть. Э-эхъ, капитанъ, капитанъ, обидѣла тебя судьба твоя, сильно обидѣла. А за что? Ну, должно быть, ужь этому такъ случиться надобно: у всякаго на роду написано, когда помереть ему. Нечего дѣлать. Ужо подъ вечеръ схожу еще разикъ: посмотрѣть хотя. Да надобно сообщить *городничему*, насчетъ имущества чтобы присмотрѣлъ-съ, да распорядился бы насчетъ погребенія. Эка, Господи, жалко какъ; а дама-то какая была важная. Да, обидѣла же меня судьба, помѣялась, должно быть, надо мной она, посмѣялась. Да, оченно обидѣла — а за что, вотъ ужь этого не знаю я...»

XII.

Отчего капитанъ не попалъ на похороны и еще кое-что въ видѣ заключенія.

Сильно подшутила, посмѣялась судьба надъ инвалиднымъ начальникомъ. Возвратясь домой, онъ даже и водочки передъ обѣдомъ выпить не могъ, и къ буфетцу даже не подходилъ совсѣмъ, и обѣдалъ-то какъ-то безъ апетита, почти ничего не ѣлъ, а такъ, только «червячка заморилъ», того да другого попробовалъ, и то понемногу — такъ непріятно и сильно на натуру его подѣйствовала сцена, которую видѣлъ онъ въ спальнѣ вдовушки.

И на Ромашку тоже непріятно подѣйствовало извѣстіе о внезапной смерти Вивеи Папиловны, да кромѣ того, и барина-то ни разу не видѣлъ онъ печальнымъ такимъ и неразговорчивымъ.

— Просто, вашскблагородіе, мнѣ все это, точно какъ будто не вѣрится, ровно сонъ какой, говорилъ Ромашка, сбирая со стола обѣдъ: — да чтой-то вы, ничего не поѣли-то, какъ слѣдно быть.

Капитанъ махнулъ рукою и отвѣчалъ:

Digitized by Google

— Не хочется. Что-то у меня сегодня неловко какъ-то, подъ ложечкой.

— Ахъ ты Господи... да вѣдь, какъ это, больно скоро ужь: вчерась веселая такая была, а сегодня... Вотъ вѣдь жисть-то наша какая.

Капитанъ тихо покачалъ головою и замѣтилъ:

— А еще сонъ этотъ видѣлъ я... Эка, Господи, жалко какъ.

— Сонъ, вашеблагородіе, такъ сонъ и есть. И какая вѣдь здоровая была, бѣлая... Просто хоть что хошь, не вѣрится.

— А вотъ ужо пойдемъ вмѣстѣ, взглянь, какая теперь стала.

— Хм! Правду сказано, что жисть наша, все равно что свѣча горящая: сейчасъ жилъ, а вдругъ пнетъ тебя, дунулъ и потухши.

— Н-да. Пойду-ка я, отдохну маленько. Подъ ложечкой у меня что-то неловко такъ.

— Н-да-съ. Отдохните-съ. Авось полегчаетъ. Это, значитъ, отъ непріятности.

— Должно быть такъ, отдохну пойду.

— Съ богомъ-съ.

«Дрррроздоооовъ! дрррроздоооовъ!» раздалось въ это время въ другой комнатѣ, гдѣ диванъ стоялъ.

— Слышь, Ромашка, сказалъ капитанъ: — вынеси-ка птицу-то хотя въ кухню пока; а то она мнѣ опять отдохнуть не дастъ.

— А вотъ сейчасъ-съ.

Ромашка кончилъ уборку обѣда, вынесъ клѣтку съ дроздомъ въ кухню, выпилъ водки и сѣлъ обѣдать самъ, а капитанъ притворилъ двери въ кухню, чтобы не слышно было, какъ станетъ дроздъ кричать, и прилегъ на диванъ.

Всегда, какъ только ложился капитанъ, такъ и засыпалъ сейчасъ. А на этотъ разъ не спится ему. И лежать-то какъ-то неловко, и подъ ложечкой-то побаливаетъ, и — только-что закроетъ глаза, такъ вотъ и мерещится ему, что она у самаго дивана стоитъ, такъ и рисуется ему — страшное, съ посинѣлыми губами, съ остановившимся взоромъ, блѣдное лицо покойницы Вивеи Павловны. Даже страшно ему дѣлается, несмотря на то, что въ сраженіи насмотрѣлся онъ на лица умиравшихъ товарищей. Попробуетъ открыть глаза — и съ открытыми глазами тоже не заснешь. Закроетъ — опять то же: опять вдова стоитъ. Чувствуетъ капитанъ, что какъ будто и голова у него немножко начинаетъ побаливать. И на спину-то ляжетъ онъ, и на правый-то, и на лѣвый бокъ повернуться попробуетъ, и на животъ-то

Digitized by Google

лежетъ—все неловко какъ-то ему, не спится, и мерещится фигура вдовушки.

Полежавъ около часу, поднялся онъ, умылъ лицо, надѣлъ старый сюртукъ, всыпалъ въ задній карманъ крупы, и пошелъ на птичій дворъ куръ кормить.

И тутъ опять какъ-то нехорошо, неловко ему, ничего не нравится: и куры-то точно неласковы въ этотъ разъ, и скамья-то какъ будто жестка и узка немного. Просто, и смотрѣть ему ни на что не хочется. И въ огородъ не пошелъ, гдѣ овощь растетъ, а возвратясь въ комнату, снялъ сюртукъ, и снова попробовалъ на диванъ прилечь.

— Что, вашскблагородіе, сказалъ Ромашка, замѣтя, что у барина что-то все неладится: — должно, нездоровится, что ли, вамъ?

— Ничего, пройдетъ, отвѣчалъ Дій Дидимовичъ, ложась на диванъ.

— Да вы бы, вашскблагородіе, солененькаго чего ни на есть перехватили бы.

— Нѣту, братъ, не хочется.

— А это пользительно-съ: грибковъ я принесъ бы вамъ, али рыбки, что-ль?

— Ненадо, братъ... Я вотъ полежу маленько.

— Ну, какъ знаете.

Часа черезъ полтора, капитанъ почувствовалъ себя еще хуже: голова заболѣла сильнѣе, тошнить стало, животъ какъ-то непріятно подергиваетъ, во рту сохнетъ. Ромашка сталъ безпокоиться.

Подъ вечеръ, капитанъ попробовалъ встать, чтобы идти взглянуть на умершую, и не пошелъ, а снова на диванъ прилегъ. Ромашка поставилъ ему на шею и подъ ложечку большіе горчичники, приложилъ къ подошвамъ селедку, чтобы отъ головы оттянуло — а капитану все хуже, да хуже. Ромашка обѣгалъ за фельдшеромъ и потомъ поставилъ самоварчикъ, чтобы напоить заболѣвшаго сушеными травами, ромашкою, яко бы «простудился онъ, такъ вспотѣлъ бы-де отъ этого».

Фельдшеръ осмотрѣлъ, освидѣтельствовалъ своего начальника, и объявилъ тихонько Ромашкѣ, что къ капитану пристала холера, потому-де, «что неосторожно держалъ онъ зараженную руку вдовы, и ея колечко на свой палецъ надѣлъ»; а самому капитану, при спросѣ его «что же у меня за болѣзнь такая», изъ предосторожности, не сказалъ правды, чтобы не испугать его, а объяснилъ, что это такъ-себѣ, простуда одна.

Digitized by Google

Стали давать ему рвотные порошки, горячіе кувшины къ животу и къ ногамъ прикладывать, облѣпили всего горчичниками, разными микстурами пичкать стали. Ромашка и фельдшеръ хлопотали около капитана всю ночь напролетъ, и убѣдились, что подъ утро стало ему еще хуже. Ромашка сбѣгалъ-было за докторемъ, но не нашелъ его: сказали, что по уѣзду выѣхалъ и будетъ нескоро. Фельдшеръ сбѣгалъ въ роту, перенесъ въ квартиру капитана почти всю инвалидную аптеку свою, а у Дія Дидимовича, между тѣмъ, появились и судороги, и руки остывать стали, и губы потемнѣли слегка. Къ вечеру того же дня, капитанъ сталъ совсѣмъ плохъ, а Ромашка уже три раза принимался плакать навзрыдъ.

Между тѣмъ какъ хлопотали они около своего инвалиднаго начальника, городничій, секретарь его и полицейскій капралъ работали въ квартирѣ покойной Вивеи Папиловны. Описали недвижимое, составили опись движимому, а движущееся не описывали, потому собственно, чтобы не отвѣчать за него потомъ, такъ-какъ при безлюдовской полиціи не имѣлось такого помѣщенія, чтобы хранить живность, да и кормить ее на казенный счетъ средствъ не предвидѣлось. Кончивъ описи, сдѣлали распоряженіе о погребеніи тѣла вдовушки и написали рапортъ, куда слѣдуетъ, что скончалась-де скоропостижно, отъ болѣзни холеры, такая-то, по первому браку, вдова Вивея Папилова, а по мужѣ Естифеева; дѣтей послѣ нея и родственниковъ, проживающихъ въ Безлюдовѣ, не имѣется; что осталось по смерти ея, Естифеевой, то-то вотъ и то-то, на какой предметъ прилагаются при семъ и описи оставшемуся.

На третій день смерти, провожали вдовушку на просторное безлюдовское кладбище. И казначейша шла сзади гроба ея, и городничиха, и другія именитыя и простыя безлюдовскія барыни, между которыми на первомъ планѣ рисовалась и дама съ кривымъ глазомъ. Всѣ хвалили умершую, многія прикладывали платки къ глазамъ, а кривая дама и платка даже не вынимала, потому собственно, чтобы всѣ видѣли какъ изъ глазъ ея слезы текли, вызываемыя всегда, говорилъ кто-то, съ помощью двухъ-трехъ луковицъ.

Дій Дидимовичъ не провожалъ вдовушку; когда гробъ ея стоялъ еще сверхъ земли, въ деревянномъ храмѣ безлюдовскаго кладбища, капитанъ чувствовалъ то же самое, что чувствовала вдовушка, когда стоялъ онъ у кровати ея, съ тою только разницею,

Digitized by Google

что Романка, предупрежденный фельдшеромъ, не держалъ остывшую руку его, да некому было передать колечко, оставшееся на почернѣвшемъ пальцѣ его.

Романка съ горя даже и дѣлать ничего не могъ—такъ тяжко было ему разставаться со своимъ старшимъ другомъ-начальникомъ. И дроздъ остался некормленымъ, и куры, выпущенныя откомандированною фельдфебелемъ частію инвалидовъ, разбѣжались по огороду и по двору, и сѣрка ушла къ своему пріятелю, и теленокъ-то забрелъ въ огородъ, капусту да стручья ѣсть — ничего этого не видѣлъ Романка: онъ стоялъ у дивана, гдѣ умиралъ капитанъ его, и горько-горько рыдалъ, да просилъ фельдшера о помощи, а умиравшаго о томъ, чтобы онъ остался пожить еще.

— Все тебѣ будетъ отъ барина, все что только душа твоя вздумаетъ: какую хочешь награду тебѣ дадимъ, только выручи насъ, голубчикъ Микифоричъ, рыдалъ Романка, обращаясь къ фельдшеру.

— Ты, братецъ, Романъ... ну что же могу я тутъ, когда на это есть божья воля, говорилъ фельдшеръ.

— Да вѣдь есть же у тебя тутъ медикаменты какіе-нибудь, продолжалъ Романка: — перепробуй ты всѣ ихъ, авось, можетъ статься, который ни на есть и подѣйствуетъ. Сдѣлай же ты божескую милость, выручи. Смотри ты, вѣдь помираетъ совсѣмъ.

— Что могу, то сдѣлаю, отзывался фельдшеръ:—вѣдь какое лекарство къ чему идетъ, такъ въ томъ случаѣ его и давать надобно; а вѣдь гумозой (пластыремъ) колеру съ тѣла не выгонишь. Что дѣлать. Авось, богъ-дастъ, и полегче станетъ.

Капитанъ, какъ сквозь сонъ, вслушивался въ рыданія Романки, въ шепоты фельдшера и не понималъ ничего, а только стоналъ, да мучился.

— Вашеблагородіе, да неужто и въ самомъ дѣлѣ вы помирать изволите! говорилъ потомъ Романка, всхлипывая.

— Ой!... смерть пришла, отвѣчалъ Дій Дидимовичъ, едва внятно.

— Ничего, вашеблагородіе, потерпите, оправитесь, утѣшалъ фельдшеръ.

— Нѣту, братъ... нѣту... смерть пришла... продолжалъ капитанъ: — ты... Романка... себѣ возьми... деньги-то въ комодѣ лежатъ... возьми себѣ что хошь... все возьми... а остальное, въ роту... къ образу пожертвуй ты... Ой, ой, ой!...

Digitized by Google

— Помоги, сдѣлай милость, помоги Мавиѳорычъ, умолялъ Ромашка фельдшера.

— Да ладно ужь, отвѣчалъ тотъ: — что могу, то сдѣлаю.

— Пожалуйста, братъ, пожалуйста, сдѣлай милость!

— Авось, дастъ-богъ, такъ и оправится.

— Пожалуйста...

— Авось. Я и самъ бы радъ.

— Ну, конечно что. Лучше этого начальника и не найдти, братецъ, намъ съ тобой.

— Ничего, оправится.

Какъ ни утѣшалъ фельдшеръ себя и Ромашку, какъ ни старался онъ избавить начальника своего отъ смерти, но болѣзнь одолѣла. Новое утро уже не пришлось капитану встрѣтить на этомъ свѣтѣ; отстрадалъ свою долю онъ.

Вивея Паниловна, благодаря поздней помощи, умерла и сутокъ не вистрадавъ; а когда капитанъ захворалъ, такъ фельдшеръ пришелъ во время, помогъ ему; употребивъ все знаніе свое, какъ лечить отъ холеры, онъ хоть то сдѣлалъ, что доставилъ случай своему начальнику прожить лишнія сутки, простралать, промучиться цѣлый день и двѣ ночи и потомъ уже отправиться вслѣдъ за вдовушкой.

Уже капитана вымыли и на столъ положили, какъ возвратился изъ поѣздки врачъ безлюдовскій. Пришелъ онъ въ квартиру инвалиднаго начальника, приказалъ чѣмъ-нибудь ее выкурить, приложилъ руку свою къ сердцу умершаго, пощупалъ пульсъ его, пожалъ плечами и потребовалъ себѣ воды съ уксусомъ, чтобы руки умыть.

Зарыли, забросали землею обоихъ—и вдовушку, и инвалиднаго начальника, поставивъ на могилахъ ихъ деревянные кресты съ надлежащими надписями; а случай, подсмѣиваясь надъ умершими, устроилъ такъ, что обѣ ямы, въ которыя положили ихъ, вырыты были одна подлѣ другой, точно для того, что если-де живымъ имъ не пришлось жить вмѣстѣ, такъ пусть лежатъ рядомъ мертвые.

Имущество капитана, движимое и недвижимое, какъ водится, было описано; а живность его, вмѣстѣ съ принадлежавшею вдовушкѣ, чтобы, какъ сказано, не содержать ее на казенный счетъ, разсортирована была для пропорціи по рукамъ городскихъ властей, тоже впредь до распоряженія, котораго, между прочимъ, по слухамъ, и до настоящаго времени не воспослѣдовало; а говорили въ Безлюдовѣ, что скотина умершихъ навелась отъ но-

Digitized by Google

вальной болѣзни; куры наѣлись чего-то соленаго и тоже издохли всѣ; цыплятъ ястребъ растаскалъ, а гуси, утки и прочее, частію резлетѣлись и сдѣлались дикими, а частію, безъ всякой причины, сами по себѣ уничтожились; о пѣвчихъ птицахъ и говорить нечего, кромѣ дрозда, котораго, по словамъ Ромашки, въ день похоронъ капитана, чья-то кошка съѣла, неизвѣстно гдѣ разбросавъ его лапки, кости и перушки.

Иная участь постигла только пѣтуха вдовы и капитанскую курицу: Настасья нашла себѣ мѣсто гдѣ-то у помѣщика, и вмѣстѣ съ кой-какими пожитками взяла и пѣтуха съ собой, успѣвъ выпросить у Ромашки сѣрку капитанскую, въ знакъ памяти, а болѣе того ради, какъ говорила она, «что если-де господамъ не привелось любиться да пожить вмѣстѣ припѣваючи, такъ пущай-же хотя любимые ихъ пѣтухъ и курица вмѣстѣ живутъ, и потомство себѣ высиживаютъ».

Осиротѣлый Ромашка явился въ роту и сталъ исправлять обыкновенную службу инвалидовъ. Каждое воскресенье, а иногда и въ простые дни приходилъ онъ на кладбище въ церковь, гдѣ стоялъ обѣдню, ставилъ свѣчу, и потомъ садился горевать о прошломъ на могилу барина; видѣли его иногда въ это время и плачущимъ. Трудно было ему сперва жить въ ротѣ и отвыкать отъ привольной жизни, которую до сихъ поръ велъ онъ съ Діемъ Дидимовичемъ: въ ротѣ нельзя уже было распоряжаться по собственному своему усмотрѣнію; въ ротѣ воли своей не могло и быть у него; а съѣсть можно было только то, что̀ дадутъ, что̀ для всей роты сварено; да и водку-то уже покупать надобно было на свои денежки.

«Эхъ-ма», думалъ онъ иногда: «худо привыкать тому въ ротѣ жить, кто протянулъ въ деньщикахъ слишкомъ пятнадцать лѣтъ. Хорошо бы опять къ новому капитану въ деньщики попасть. Едва-ли найдется еще такой капитанъ Дроздовъ, добрякъ былъ, царство ему небесное. Ничего, что когда-то звали его бабушкой; побольше бы такихъ бабушекъ, собственно, для нашего брата-солдата. Да»...

Запустѣли, заглохли владѣнія вдовы и инвалиднаго начальника: на дворахъ и въ саду вдовы на дорожкахъ, трава выросла; въ огородахъ по грядамъ пошли дикія растенія; въ комнатѣ, по клѣтямъ и сараямъ пауки, мыши и птицы гнѣзды сдѣлали и дѣтей вывели; окна и ворота заколочены... Никто не входилъ въ осиротѣвшіе домики, и даже не заглядывалъ, боясь заразиться

Digitized by Google

болѣзнью бывшихъ хозяевъ ихъ. Даже и Ромашка самъ, привыкшій каждый день по нѣскольку минутъ просиживать у воротъ, на дерновомъ диванчикѣ, проходя при случаѣ мимо дома капитанскаго, махнувъ рукою, отворачивался, какъ-бы желая не напоминать себѣ ничѣмъ прошлую привольную жизнь свою.

Раскатаевъ, пользуясь временнымъ безначаліемъ, справилъ тризну по умершемъ начальникѣ, тѣмъ, что въ день похоронъ его, въ той же самой харчевнѣ, тому же самому, занимающемуся по мясной части, отставному унтеру, носъ разбилъ, а купцу, приходившему къ капитану съ жалобой, вырвалъ волосъ на большой паркъ, да подставилъ фонари подъ зрѣніемъ, за что (не такъ-какъ у Дія Дидимовича), въ тотъ же день фельдфебелемъ арестованъ былъ, а городничимъ, временно-принявшимъ начальство надъ ротою, за буйство въ губернскій городъ представленъ былъ, гдѣ и распорядились съ нимъ по усмотрѣнію, надлежащимъ образомъ.

— Н-да, братцы, говорилъ иногда Ромашка товарищамъ: — ежели-бы да не болѣсть эта, прахъ ее съѣшь, не холера бы поганая, такъ была, можетъ статься, и сватьба тутъ, потому что дѣло къ тому вело. Ужь это я вамъ, братцы, вѣрно сказалъ. Вотъ она, участь-то наша человѣческая: живъ человѣкъ, здоровехонекъ, и ѣстъ и пьетъ, и говоритъ и ходитъ, а потомъ, ни съ того ни съ сего, взялъ да и померъ, и ноги вытянулъ, какъ будто его и на свѣтѣ не было; такъ и жисть наша.

— Н-да, слѣдственно, такъ ужь всякому на роду, стало быть, написано, замѣтитъ кто-нибудь изъ товарищей.

И разойдутся, каждый по своей надобности, или замолчатъ, съ тѣмъ, чтобы при случаѣ снова заговорить объ этомъ же.

В. Корневъ.

1865 г.

Digitized by Google

ПРОРОЧИЦА РАСКОЛЬНИЧЬЯ,

УСТИНЬЯ НИКИФОРОВНА.

(ИЗЪ ОСТРОЖНЫХЪ).

ОЧЕРКЪ.

Усадьба Антона Лаврентьича Лупоярова, бывшаго нѣкогда становымъ приставомъ, была не изъ красивыхъ въ С...ой губерніи. Это было неуклюжее, просторное и безъ всякой архитектуры задуманное строеніе — какая-то масса темнаго тесу, съ темными стеклами въ большихъ окнахъ. По бокамъ дома, оканчивавшагося, по обыкновенію, неуклюжимъ мезониномъ, опиравшимся на четыре покосившіяся колонны, стояли въ три ряда густыя, высокія березы; изъ-за крыши виднѣлись бурыя вершины огромныхъ липъ: весь домъ словно заросъ кругомъ, какъ заросъ небритою уже четыре года бородою и самъ хозяинъ дома.... Вправо отъ усадьбы Лупоярова, по берегу заплеснѣвшаго пруда, торчало пять-шесть небольшихъ ветхихъ лачугъ, болѣе похожихъ на заброшенные шалаши пастуховъ, чѣмъ на жилище живыхъ людей... На соломенныхъ крышахъ этихъ лачугъ, кругомъ пробуравленныхъ воробьиными и галчиными гнѣздами, росъ зеленый мохъ; изъ сосновыхъ срубовъ, нѣкогда сплоченныхъ и прилаженныхъ, одинъ откинулся назадъ, другой покачнулся на бокъ, третій вросъ въ землю, четвертый расползался во всѣ четыре стороны, готовый скоро изобразить собою нѣчто въ родѣ пирога... Тутъ жили крестьяне, нѣкогда называвшіеся крѣпостными помѣщика Пузанова, а нынѣ свободные собственники *наисквернѣйшей* земли, которою, съ помощію пріятеля-землемѣра, постарался надѣлить ихъ Пузановъ... Десять дворовъ изъ сихъ крестьянъ убрались уже на новыя, пріисканныя ими въ другихъ уѣздахъ, земли, а шесть дворовъ застряли по бѣдности своей и не знали, куда главу преклонить... Антонъ Лаврентьичъ пріобрѣлъ настоящую усадьбицу двадцатилѣтнею своею *безпорочною службою*... на имя жены своей, немудрящей дворянки—засидѣвшейся въ свое время

Digitized by Google

въ дѣвкахъ до тридцатилѣтняго возраста и на двадцать-восьмомъ году своей жизни игравшей еще съ азартомъ въ свои козыри съ сѣнными дѣвками—я поселился въ усадьбѣ при отставкѣ въ 1859 году, когда судебные слѣдователи оттѣснили становыхъ съ *проторной дороги*..., чтобы въ мирѣ, спокойствіи и довольствѣ доживать остатокъ дней своихъ. Неожиданное освобожденіе крестьянъ лишило, однако, скоро Лупояровa восьми человѣкъ крѣпостныхъ даровыхъ слугъ, такъ-что миръ и спокойствіе остались при немъ, но восемь дворовыхъ людей отлетѣли безвозвратно... Впрочемъ, у Антона Лаврентьича, за надѣломъ своихъ осьми душъ крестьянъ, осталась еще тысяча десятинъ земли, и онъ могъ влачить остатокъ дней своихъ безъ нужды.

Лѣтомъ въ 1862 году мнѣ довелось проѣзжать мимо описанной усадьбы Антона Лаврентьича, и я рѣшился завернуть къ нему, чтобы послушать его разсказовъ про *былое время*... Изъ общей молвы я слышалъ объ немъ, что онъ большой краснобай, любитъ поговорить о быломъ, и радъ бываетъ, когда кто къ нему завернетъ, но несчастье его состояло въ томъ, что къ нему мало кто завертывалъ... Въ С...ой губерніи наперечетъ знали его прежнюю службу, какъ станового, и отзывались объ немъ съ полнымъ негодованіемъ... Господинъ Лупояровъ несъ, такимъ образомъ, на своихъ плечахъ *кару общественнаго мнѣнія*... Что же? Не мѣшаетъ, думаю, знакомиться съ разнаго рода типами, населяющими русскую землю; авось извлечешь и какую-нибудь назидательную пользу!...

И я рѣшился заѣхать къ Антону Лаврентьичу.

Въѣзжаю на пустой дворъ, заросшій лебедою: кругомъ пустынно и безлюдно. Вхожу въ домъ и осматриваюсь: внутренность дома тоже была невесела. Все въ немъ было мрачно и тускло, все казалось старѣе, чѣмъ оно было въ самомъ дѣлѣ. Босая баба провела меня въ гостиную, съ кожанымъ диваномъ и кожаными подушками на безобразнѣйшихъ старомодныхъ креслахъ. Хозяинъ не замедлилъ выдти изъ дѣтской въ гостиную и долгое время могъ привѣтствовать меня только знаками и тѣлодвиженіями, на которыя я, съ своей стороны, отвѣчалъ однѣми улыбками и поклонами, потому что двѣ лягавыя собаки и одна комнатная шавка, вбѣжавшія въ дверь гостиной съ хозяиномъ, подняли такой ужасный лай, что Антонъ Лаврентьичъ хлопаньемъ по воздуху пестрымъ носовымъ платкомъ и другими средствами едва, впродолженіе цѣлыхъ десяти минутъ, могъ успокоить разъярившуюся домовую свою стражу. Воспользовавшись возстановившеюся тишиною, я наконецъ назвался хозяину, который въ одинъ со мною голосъ объявилъ, что очень радъ новому знакомству. Сѣли. Антонъ Лаврентьичъ немного смущался и громко сморкался въ носовой платокъ. Онъ былъ подъ пятьдесятъ лѣтъ, высокій, полный, но осунувшійся мужчина и съ небритою, сѣдоватою бородою. Лицо его не выражало ничего особеннаго: черты тяжелыя, простыя, съ отпечаткомъ равнодушія,

Digitized by Google

лѣни и отчасти плутовства... Жену, по его словамъ, онъ схоронилъ назадъ тому шесть лѣтъ, дѣти его всѣ померли, такъ-что у него осталась одна только дочь, и то застарѣвшаяся дѣва, которая скоро и вышла къ намъ въ гостиную. Довольно высокая, худая, съ изношеннымъ лицомъ и накладкой красноватыхъ волосъ, дѣва эта кое-какъ завязала съ нами общій разговоръ, предлагая вопросы хотя незначительные, но способные поддержать бесѣду. Дѣло пошло наладъ. Лупояровъ сталъ развязнѣе, безъ смущенія сталъ сморкаться въ носовой платокъ, безпрестанно вынималъ берестовую табакерку и сталъ называть меня уже *милый человѣкъ*, *батенька*... Это, какъ видно, были его всегдашнія поговорки. Скоро смеркалось. Мы напились чаю, который подавала экономка—толстая, краснощокая баба, при входѣ которой въ гостиную послышался дѣтскій писк въ спальной. Экономка заторопилась:

— У васъ еще и маленькіе есть? замѣтилъ я.

— Нѣтъ, это вотъ у экономки... Я тутъ... она, знаете...

И Антонъ Лаврентьичъ замялся. Я сконфузился...

Послѣ чаю старая дѣва скрылась и выслала въ гостиную водочки съ закускою. Антонъ Лаврентьичъ выпилъ рюмочку и мнѣ предложилъ другую. Я отказался.

— Ужели не пьете совсѣмъ? спросилъ удивленно Лупояровъ.

— Не пью.

— Странно, какіе люди нынѣ стали водиться.

— Ничего, говорю, тутъ нѣтъ страннаго.

— Я не объ васъ собственно говорю, подхватилъ Лупояровъ:— а такъ вообще о новомъ времени... Чудно какъ это все идетъ нынѣ, куда ни посмотришь. Все какъ-то *иначе*. Прошло старое времячко совсѣмъ...

— Да, говорю, *прошло*...

Пауза.

— Вы бы разсказали мнѣ, говорю, Антонъ Лаврентьичъ, что нибудь про старое ваше время. Я охотникъ слушать про *былое*...

— Что же интереснаго вы найдете въ немъ? Люди только *дурили* тогда, доложу вамъ, а не жили... Вотъ нынче, говорятъ, совсѣмъ другое: всѣ поумнѣли, даже и *раскольники*, на что ужь дураки были, и тѣ *стали умнѣть*...

— А вы много, говорю, имѣли дѣлъ съ раскольниками?

Лупояровъ усмѣхнулся.

— Какъ же, батенька, не имѣть, когда я двадцать лѣтъ былъ становымъ, среди самыхъ закоренѣлыхъ раскольниковъ въ Н..мъ уѣздѣ. Да не хотите ли еще по рюмочкѣ?

— Кушайте, говорю, за меня: все равно — я приму это за угощеніе.

— Ну, хорошо.

И Лупояровъ выпилъ двѣ рюмки: за себя и за меня.

Я примѣтилъ, что Антона Лаврентьича начало манить къ разсказамъ о былом, какъ военнаго служаку къ повѣствованіямъ о

Digitized by Google

сраженіяхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ... Его круглое лицо съ большими карими глазами и засинѣвшими губами, покрылось легкой улыбкой, которая заиграла и на ямочкахъ щекъ. Вся фигура его заёрзгала какъ-то въ креслѣ.

— И любопытный, говорю, народъ эти раскольники?

— *Блаженій*, батенька, блаженій, а не любопытный: дураки неповитые.

Опять небольшая пауза.

— У васъ, говорю, я думаю, много анекдотовъ хранится въ памяти объ ихъ житьѣ-бытьѣ?

— Много, батенька, много. Да не хотите ли еще по рюмочкѣ?

— Сдѣлайте, говорю, милость: и за себя и за меня безъ церемоніи.

И Антонъ Лаврентьичъ выпилъ еще двѣ рюмки и началъ свой разсказъ, который мы и записали для читателей, раздѣливъ его на главы.

I.

Былъ молодцу не укоръ.

— Въ наше время, батенька, становые имѣли совсѣмъ другой *колеръ*, чѣмъ нынѣ, а исправникъ былъ то же въ уѣздѣ, что губернаторъ въ губерніи. Ну, оно служить было и *лестно*!... Ѣдешь, бывало, по селу раскольничьему — у меня весь Н...ій уѣздъ состоялъ изъ раскольничьяго населенія — всѣ мужики и бабы поклонъ до земли.

Ѣдетъ, говорятъ, боярин,
Ѣдетъ думный —
Дайте дорогу!...

— Эту пѣсню они изъ книгъ какихъ-то взяли, и всегда повторяли ее, когда я или исправникъ проѣзжали среди ихъ. Я доподлино зналъ, что они меня, исправника и *все начальство* вообще *ненавидятъ* на чемъ свѣтъ стоитъ, но пѣсню эту распѣваютъ однако, когда встрѣчаются съ начальствомъ, потому — боятся силы начальственной... Ну, да и то сказать, мы имъ шалить-то особенно ужь и не дозволяли: вѣдь въ нашихъ рукахъ живьемъ были! Чуть, бывало, особенно какъ заврутся, мы ихъ и въ острогъ... Не забывайся, значитъ—знай свое начальство!... Они, разумѣется, хорошо понимали нашу *силу*, потому что всѣ строгія высшія распоряженія сыплются, бывало, прямо къ намъ въ руки и мы должны ихъ приводить въ исполненіе... Нынѣ вотъ, говорятъ, иначе

Digitized by Google

это дѣло дѣлается, а въ наше время *строгости къ раскольникамъ сыпались каждую недѣлю*... въ равныхъ предписаніяхъ, такъ что едва, бывало, успѣваешь во входящую записывать... Только, скажу вамъ, строгость эта *усиливала лишь* въ этихъ раскольникахъ *упорство и ненависть* къ намъ... Я замѣтилъ, впродолженіе всей своей двадцатилѣтней службы, что какъ только, бывало, высшее начальство начнетъ усиливать предписанія свои строгостями къ раскольникамъ, такъ цѣлыя деревни почнутъ обращаться въ расколъ, чтобы въ страданіяхъ за гонимыхъ несчастныхъ соплеменниковъ своихъ получить скорѣе и вѣрнѣе вѣнецъ мученическій... Должно быть, говорятъ, вѣра раскольничья правая, когда претерпѣваетъ гоненія отъ *нечестиваго начальства*, какъ въ древности христіанская церковь подвергалась гоненіямъ отъ язычниковъ?!! Вотъ и толкуйте вы съ ними! Такой ужь глупый народъ... Я думаю, что все это отъ необразованности зависитъ, потому часто, бывало, и такъ дѣлаешь, жалѣючи дураковъ: возьмешь съ каждой сотни изъ новообращенныхъ въ расколъ по пятидесяти руб. сер., то-есть по полтиннику съ рыла, да и донесешь начальству, что всѣ мѣры строгости приняты были противъ размноженія раскола, и совратившихся вновь изъ православія не оказалось. А то согласитесь сами: вѣдь ихъ канальевъ затаскаютъ по острогамъ, а нашъ братъ изволь каждаго дурака допрашивать — тутъ, пожалуй, завяжется до тысячи новыхъ дѣлъ, изволь ихъ производить!... Вотъ бѣглымъ и вреднымъ людямъ я не потакалъ, потому они въ самомъ дѣлѣ, какъ хотите, вредны для государства: воруютъ постоянно, фальшивую монету дѣлаютъ, безпорядки производятъ, а этого, сами знаете, въ благоустроенномъ государствѣ допускать нельзя. Но изъ этихъ бѣглыхъ, скажу вамъ, есть совсѣмъ *безвредные*, которыхъ я, *жалѣючи ихъ дурость*, всегда *миловалъ*. У нихъ, видите ли, есть глупое такое ученіе, что надобно бѣжать въ лѣса отъ притѣсненія полиціи и правительства. И вотъ они открыли дороги изъ Москвы и Тулы во всѣ мѣста Россіи, и изъ этихъ двухъ городовъ, какъ отъ центровъ, по всему лицу русской земли до Чернигова, Костромы, Кавказа и Иркутска, расходятся *недовольные* искать въ лѣсахъ спасенія... Само собою разумѣется, какое же присутственное мѣсто дастъ паспортъ мужику на жительство *въ лѣсу* — этакого и закона нѣтъ; вотъ они и придумали свои паспорты, съ которыми и гуляютъ изъ лѣса въ лѣсъ, изъ губерніи въ губернію, живутъ у своихъ странноприимцевъ и воображаютъ,

Digitized by Google

что живутъ внѣ начальства. А какое внѣ начальства? что ни шагнетъ каждый — то въ рукахъ полиціи! У меня въ уѣздѣ каждый годъ такихъ недовольныхъ до тысячи человѣкъ проходило, и ни одинъ не прокрадывался мимо моихъ рукъ. Спросишь, бывало, молодца:

«— Паспортъ есть?

«— Есть, говоритъ.

«— Кажи.

— Онъ вынимаетъ листъ бумаги и подаетъ. Читаешь.

«— Что, молъ, братъ, это у тебя за галиматья? Откуда выданъ?

«— Смотри, говоритъ, и разумѣй...

«— Да разумѣть-то, молъ, нечего, ерунда какая-то! А настоящій паспортъ есть?

«— Нѣтъ,

«— Почему?

«— Не принимаю. Это печать правительства, знакъ Антихриста.

«— А въ острогъ, молъ, за это хочешь?

«— Готовъ, говоритъ, все претерпѣть, на это обреченъ есмь... Не страшатъ, говоритъ, меня муки лютыя, звѣри хищные, не боюсь слугъ Антихриста; и пойдетъ и пойдетъ...

— Ну, что, спрашиваю я васъ, батенька, обратился ко мнѣ Лупоаровъ:—вы сдѣлали бы на моемъ мѣстѣ съ этакимъ дуракомъ? Вѣдь его въ какой угодно острогъ сажайте, въ какую угодно Сибирь ссылайте— Восточную, или Западную—онъ все свое будетъ говорить, все будетъ переносить съ воловьимъ терпѣніемъ, а главное—въ полной увѣренности получить за это вѣнецъ мученическій, а сообразите: чрезъ эти его глупыя страданія за вѣру, еще *нѣсколько селъ пойдетъ въ расколъ*, синодикъ объ немъ напишутъ, моленья начнутъ совершать, и еще *тѣснѣе соединятся между собою*... Вотъ по этимъ-то причинамъ подумаешь-подумаешь, бывало, да и скажешь: а ну-ка, принеси мнѣ, братъ, изъ своихъ трудовъ праведныхъ пять руб. сер., да и убирайся пожалуйста изъ моего уѣзда поскорѣе въ другой, куда тебѣ путь лежитъ, а я тебѣ дѣлать зла не хочу!... И такимъ-то образомъ, скажу вамъ, вошло у меня въ обычай, что всякій проходящій по моему уѣзду «странникъ — бѣглый» долженъ былъ являться ко мнѣ непремѣнно, и заявлять добровольно свой паспортъ, при чемъ прилагать и пять руб. сер., чтобы, знаете, ужь потомъ онъ никакой придирки не боялся, пока посѣщаетъ своихъ братій...

Digitized by Google

Вотъ тутъ-то я насмотрѣлся на всѣ ихъ паспорты, которые оказывались весьма разнаго калибру, но я, однако, наконецъ, навострился въ этомъ дѣлѣ такъ, что по паспорту сталъ узнавать, что̀ за птица предъявитель его. Скопца, бывало, напримѣръ, спросишь:

«— Съ паспортомъ?

«— Съ паспортомъ, отвѣтитъ.

«— Давай.

«— Извольте.

«— Ты скопецъ? скажешь подателю.

«— Такъ точно.

«— Ну, вотъ, молъ, я по паспорту узналъ, что̀ ты за человѣкъ?

«— Наобыкли... говоритъ, много изъ нашихъ, значитъ, видали.

«— То-то же, молъ.

— Ну, и посмѣешься съ нимъ вмѣстѣ.

«— А отъ кого, спросишь, паспортъ этотъ выданъ?

«— Отъ великаго, говоритъ, Царя Спасителя, небу и земли Вседержителя.

«— А ты у него былъ?

«— Я?... Да!... Нѣтъ... это значитъ... Ну, и замнется, бывало, человѣкъ такъ, что совсѣмъ въ тупикъ станетъ...

«— Ну, а гдѣ, молъ, паспортъ прописанъ?

«— Въ полиціи, говоритъ, полной, еже имѣти разумъ духовный...

«— А гдѣ же эта полиція?

«— Она невидима...

«— Что̀ же, молъ, за разумъ у ней духовный? А развѣ въ нашей полиціи нѣтъ разума, развѣ она безголовая какая, развѣ я, напримѣръ, дуракъ, что̀ ли, по твоему?

«— Сіе, говоритъ, должно разумѣть инако...

«— А это вотъ что̀ въ паспортѣ твоемъ за слово: «кто вѣры ради тебя погонитъ, тотъ въ геенну себя готовитъ»?

«— Сіе разумѣй о *начальствѣ*, которое вѣру нашу *гонитъ*...

«— Такъ ты, братъ, думаешь, что я въ геенну-то такъ вотъ за тебя, дурака, и пойду, и начну тебя преслѣдовать? Ошибся, другъ любезный, я умнѣе тебя: вотъ возьму, да отпущу тебя, и геенны огненной избавлюсь. Понялъ?

«— Сіе, говоритъ, отъ воли человѣка зависитъ... Пути въ царствіе божіе всѣмъ открыты!...

Digitized by Google

«— Ну, такъ, молъ, давай-ка пять руб. сер., да и съ Богомъ, только поскорѣе убирайся изъ моего стана.» Разочтешься, знаете, такимъ образомъ, съ рабомъ божіимъ, да и съ рукъ его долой, и дѣла лишняго себѣ на шею не вяжешь... а то изволь его, дурака, напримѣръ, сажать въ кандалы, караулъ при немъ въ рабочую пору содержать, по острогамъ пересылать!... Такъ вѣдь что вы думаете? Сердятся, бывало, канальи: вѣра, говорятъ, наша *не очищается въ горнилѣ;* Бога, знать, прогнѣвали... Извольте вы тутъ понимать ихъ! Но неотвязчивѣе всѣхъ, скажу вамъ, были предъявители странническихъ паспортовъ. Подастъ, бывало, свой паспортъ, каналья, а самъ такъ и смотритъ въ глаза: какое, дескать, намѣреніе имѣю я въ отношеніи къ нему? Возьмешь паспортъ его и читаешь. Въ паспортѣ, по обыкновенію, написано:

«Паспортъ.

«Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой,
Кого ся убою,
Господь защититель живота моего,
Кого ся устрашу.
Аще ополчится на мя полкъ,
Не убоится сердце мое.

«По благоволенію великаго и пресильнаго всемірнаго царя, «которымъ сотворено небо и земля, по его владычному повелѣнію «данъ сей указъ душѣ моей грѣшной на прокормленіе, а тѣлу на «трудъ и озлобленіе. Отпустилъ мя раба своего, великій госпо«динъ, Богъ града вышняго и уѣзду, Пустынскаго стану, Черно«пенскаго села Будова, того господина всея твари едина. Имя ему «сый, санъ его благословеннаго. Азъ деревни Нечкина, а пропи«саны мнѣ лѣта—радость будущаго свѣта. А приложено множе«ство св. отецъ рубъ, еже боятися страшныхъ и вѣчныхъ мукъ, «а прописанъ въ полиціи полной, имѣть разумъ духовный, а за«номерелъ въ путь радости, чтобы не имѣть лѣности, идти пра«вымъ путемъ о Христѣ, чтобы не держали бѣсы раба божія ни«гдѣ, а кто страннаго пріять будетъ бояться, тотъ не хощетъ съ «господиномъ моимъ знаться; а кто мя вѣры ради погонитъ, тотъ «явѣ себя съ Антихристомъ въ геенну готовитъ. Упованіе намъ «Богъ, и прибѣжище наше Христосъ, и покровитель намъ Духъ «Святой, а еже сего не буду наблюдать, то много буду плакать «и рыдать. Все упованіе мое къ тебѣ возлагаю, Матерь Божія, со«храни мя въ своемъ покровѣ. Аминь!»

Digitized by Google

«— Твой? спросишь, по прочтеніи паспорта.

«— Мой.

«— Въ острогъ хочешь?

«— Радъ за вѣру страдать!...

«— А деньги, молъ, пять руб. принесъ съ собой?

«— Принесъ.

«— Давай?

«— Извольте!

— Ну, и прощай, молъ, любезный, да поскорѣе уходи изъ моего стана. Такимъ манеромъ срѣжешь, бывало, молодца, онъ и пойдетъ себѣ по добру по здорову... Паспорты эти отъ нихъ я не отбиралъ, потому, что толку въ такой галиматьѣ? Никому они вреда не причиняютъ, ничего въ нихъ кромѣ глупаго не содержится, да и интереснаго мало; но вотъ, когда попадались у нѣкоторыхъ изъ нихъ писанія разныя, которыя они разносятъ часто съ собою изъ губерніи въ губернію, то особенно занимательныя я оставлялъ у себя. Соберутся, бывало, когда засѣдатель, священникъ, ну — и носимѣемся вмѣстѣ... У одного, напримѣръ, я однажды отобралъ «газету Ада». Занимательная штука! Если любопытствуете, я сейчасъ принесу вамъ ее.

И Антонъ Лаврентьичъ вышелъ изъ гостиной въ кабинетъ. Я остался одинъ. Старая дѣва, дочь Лупоярова, сообразивъ, что гость оставленъ одинъ, вошла тотчасъ ко мнѣ въ гостиную изъ дѣтской.

— Не скучно вамъ? отнеслась она ко мнѣ.

— Помилуйте, говорю, можно ли скучать, когда Антонъ Лаврентьичъ разсказываетъ такіе любопытные анекдоты, что я готовъ слушать его цѣлую ночь.

— Ахъ, одно и то же! воскликнула дѣва. — Такъ ужь надоѣло всѣмъ, что и слушать не хочется.

— Для меня, говорю, все это новость, и новость, которую я ни отъ кого не могу услышать, кромѣ Антона Лаврентьича.

Дѣва замолчала. Пауза.

Наконецъ, Лупояровъ возвратился изъ поисковъ.

— Всѣ ли рѣдкости нашли? спросила его дочь.

— Мало что-то, матушка; больше было.

— Да я на выкройки много изрѣзала...

— Вотъ извольте тутъ, батенька, любопытное собирать, отнесся ко мнѣ Лупояровъ. — Вѣдь для пріятелей было-берегъ, почитать иногда гостю, а она вотъ на выкройки изрѣзала!?...

Digitized by Google

Дочь Лупоярова, обидѣвшись нѣсколько, вышла изъ гостиной. Антонъ Лаврентьичъ положилъ на столъ довольно толстую тетрадку засаленныхъ листовъ разнаго формата, сшитыхъ вмѣстѣ, и проговорилъ:

— Вотъ, не хотите ли послушать?

— Съ большимъ, говорю, любопытствомъ.

И Лупояровъ сталъ читать:

«Газета Ада.

«Вышла газета изъ ада, какая будетъ грѣшнымъ отъ сатаны «награда. И въ безконечные вѣки не будетъ душамъ ихъ отрады. «Въ нынѣшній вѣкъ зри всякъ человѣкъ. Грѣхъ скончился, истина «охрамѣла, любовь простудою больна. Честность и вѣрность въ «отставку вышла. Вѣра ушла въ пустыню. Совѣсть попрана но«гами, благодѣяніе таскается по міру. Терпѣніе скоро лопнетъ. «Ложь нынѣ присутствуетъ, безчиніе въ монастырях проживаетъ, «гордость съ монахами познакомилась. Тщеславіе игуменствуетъ. «Братоненавидѣніе инокомъ поставлено. Невѣжество старѣйше«ствуетъ. Сатана, предвидя кончину сихъ дней, приказалъ бѣсамъ «адъ наполнить разныхъ огней. Послалъ бѣсовъ размѣрять адскую «глубину, гдѣ бы можно грѣшныхъ посадить за вину. Потомъ са«тана всѣдъ на сѣдало, закричалъ на бѣсей весьма яро, что грѣш«ныхъ во адѣ мало? Бѣсъ подскочилъ и рекъ, что еще не скон«чался вѣкъ, а когда пріидетъ міру конецъ, тогда ты будешь мно«гимъ душамъ отецъ. Предстали предъ князя тьмы безпопечитель«ные чернецы; онъ смѣяся сказалъ: «вы зачѣмъ святіи отцы сюда «пришли, или въ царство небесное пути не нашли? Знать вы весь «вѣкъ богатства ради, а не прокормленія ману збирали; того «ради и путь въ царство небесное потеряли. Вы препровождали «жизнь въ монастырях, вамъ и должно быть въ райскихъ «краяхъ. Но, видно, вы въ небреженіи жили, что въ моей области «честь себѣ и жизнь заслужили. Бѣсъ подскочилъ безъ хвоста и «сказалъ, что они не наблюдаютъ поста. Лѣнивы были Богу мо«литься, надобно съ ними поскорѣе рѣшиться. А когда и помолят«ся и то внѣ ума, того ради Богъ на нихъ воснегодова. Предалъ «ихъ твоему разсужденію, чтобы доставить ихъ разному мученію. «Притащили бѣсы-ононцу во адъ, сатана сказалъ: «ахъ ты до чего «допилъ, что и душу свою погубилъ. Припасите про него адскую «темницу, вверзите его туда до страшнаго суда, а когда труба «вострубитъ, тогда и неволею его въ смолу горячую погрузить

Digitized by Google

«убѣдить. Явились на тотъ свѣтъ гордые господа. Вѣсъ кричитъ «изъ ада: честнѣйшіе господа, пожалуйте сюда! Я васъ отличнѣ «буду угощать, отнь сварящій и шумѣлъ вамъ возвѣщать. Я, мило- «стивые государи, повелю чай грѣть не въ самоварѣ, но для рос- «кошныхъ и жирныхъ здѣсь есть въ адѣ большой котелъ на кипя- «ры. Растоплю олово на мѣсто пуншу, чтобъ вамъ промочить «скаредную и жаждующую душу. Сатана сказалъ бѣсу: что стоя «рычишь, долго медлишь, багромъ ихъ не тащишь? Косой давно «уже тому радъ, облапя сихъ вельможъ и потащилъ во адъ. При- «вели бѣсы ростовщика во адъ, который процентами богатство «распространялъ, а излишнее неимущимъ не раздавалъ, напачче «въ себѣ присовокупилъ; онъ горько возопилъ и сказалъ: я «успѣлъ столько процентами денегъ наковить, что могъ бы весь «адъ твой откупить. Сатана въ насмѣшку сказалъ: видно, ты «здѣсь хочешь роскошно проживать, время тебѣ въ преисподнюю «побивать. Тамо узнаешь, какъ обижать бѣдныхъ, понеже тамо «и самъ будешь въ самыхъ послѣднихъ. А нищимъ сатана ска- «залъ: вы зачѣмъ сюда пришли, или въ царство небесное пути «не нашли, вы о грѣхахъ день и нощь болѣли и тѣмъ во адѣ «себѣ мѣсто заготовить повелѣли. Здѣсь мѣста всѣ заняли вель- «можи, ибо они и въ житіи своемъ были во всемъ мнѣ угожи. «Нищіе то слышавши, ухватили котели, въ царство небесное и «побрели».

— Какъ вамъ нравится? спросилъ Антонъ Лаврентьичъ.—Вѣдь галиматья тоже, хоть и занимательная галиматья... А вѣдь вотъ я слышалъ отъ исправника, что у насъ какое *значеніе* придаютъ этой газетѣ: *прячутъ* ее, при дѣлахъ слѣдственныхъ носятъ, въ *пріемахъ* разныхъ *стерегутъ*, какъ и богъ-знаетъ что такое, а въ самомъ-то дѣлѣ, какъ видите, это пустой каламбуръ на богатыхъ и на монаховъ... Да мало ли кто что пишетъ про монаховъ, про богатыхъ, про нищихъ—такъ всему и придавать *таинственное* значеніе?...

Я вполнѣ согласился съ Лупояровымъ.

— А то вотъ не хотите ли еще «рецептъ раскольничій» прочесть, обратился опять ко мнѣ Лупояровъ:—который я отобралъ тоже ради любопытства у одного «божьяго разнощика христовыхъ писаній». У нихъ, знаете ли, литература и газеты разносятся «разнощиками», какъ у насъ почтальонами.

— Съ большимъ, говорю, удовольствіемъ.

И Антонъ Лаврентьичъ указалъ мнѣ въ тетради своей весьма

Digitized by Google

потертый листъ на синей бумагѣ, который я и сталъ читать, а Лупояровъ слушать. На листѣ было написано слѣдующее:

«*Рецептъ духовнаго отца дѣтямъ духовнымъ*». «Послушайте Богомъ собранные сироты, богопослушныя прекрасныя дѣвицы и избранныя вдовицы и крылосныя дѣвицы и всѣ малыя отроковицы нашего наказанія и послѣдняго поученія, да избѣгнемъ вѣчнаго мученія; вечерныхъ, Бога бойтеся, заповѣди соблюдайте, вѣру яко зеницу ока сохраняйте. Страшный судъ помышляйте, смертный часъ вспоминайте. Отецъ духовныхъ почитайте, молитвенную округу не забывайте, правила церковнаго не отлучайтеся. Между собою любовь христову имѣйте и отъ того вси познаютъ, что вы сущіе христіане; аще случится кому отъ вражія навѣта оскудѣвшу разумнаго свѣта, споръ, или своръ, или досадительное слово и въ томъ ни мало косните, но прощеніе просите, да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ. Такъ да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ добрыя ваши дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ. Аще кто внидетъ въ нѣкое прегрѣшеніе, то есть на то разрѣшеніе: *духовная аптека* исцѣляетъ грѣхи всякаго человѣка: 1) возьми цвѣтъ чистоты, изотри въ горшкѣ безмолвія, 2) просѣй ситомъ разсужденія, 3) всыпли въ котелъ отъ добрыхъ дѣлъ, 4) положи дровъ послушанія, 5) подлей воды отъ слезъ молитвенныхъ, 6) подожги огнемъ божественныя любви, 7) перемѣшай весломъ братолюбія, 8) дай покипѣть усердіемъ къ Богу, 9) разливай цѣломудріемъ, 10) простужай милостынею, 11) вкушай ложицею страхомъ божіимъ, 12) послуги вольнымъ всемъ усердіемъ и будеши одаренъ божіимъ милосердіемъ и тако исцѣлѣеши, и аще кто станетъ на всякъ день принимать сего лекарства, недалече будетъ небеснаго царства, и аще станете на молитву, разумѣйте бѣсовскую ловитву: какъ онъ хитро подходитъ и умъ отъ молитвы отводитъ и всячески дѣлаетъ преграду многу, чтобы не шли молитвы къ Богу. Аминь».

— Ха-ха-ха! расхохотался Лупояровъ, когда я кончилъ чтеніе.

— Что вы такъ смѣетесь? спросилъ я.

— Да вотъ вспомнилъ кстати, какъ секретарь земскаго суда, засѣдатель и приходскій нашъ священникъ спорили со мною однажды цѣлую ночь, что и эта бумажонка есть замѣчательный документъ, который надобно *держать въ большой тайнѣ*, никому не показывать, или же сообщать одному только высшему начальству для того, чтобы оно сдѣлало распоряженіе всѣхъ, имѣющихъ та-

Digitized by Google

кіе рецепты *забирать съ острога и ссылать въ Сибирь*... Не чудаки ли, посудите сами?

Я опять вполнѣ согласился съ Антономъ Лаврентьичемъ.

— Люди *дурятъ*, продолжалъ Лупоровъ:—потому что *недовольны чѣмъ-то*... и даже *смѣшно* дурятъ, а они хотятъ ихъ въ острогахъ морить и *придавать значеніе* всякой галиматьѣ, которую напишетъ какая нибудь баба... Натурально, всякій раскольникъ, когда увидитъ, что за такія бабьи рѣсказни сажаютъ ихъ «*божіихъ разнощиковъ*» въ остроги, да въ Сибирь ссылаютъ, начнетъ съ *азартомъ* читать эту галиматью и приметъ, пожалуй, ее, по глупости своей, за что-то необыкновенное, съ неба свалившееся, разнощиковъ своихъ, страдающихъ за эту галиматью, начнетъ *ублажать*, поить, кормить, хо́лить, и отъ начальства всячески таить, и тогда что вы ни давайте ему прочесть получше этой галиматьи, онъ *читать не будетъ* на томъ основаніи, что предложенное вами для чтенія *не гіднтся* правительствомъ и, слѣдовательно, дескать, *не имѣетъ* особеннаго *значенія*... У меня былъ однажды такой случай. Одна баба-странница притащила съ собою стихи въ мой уѣздъ, и я прослышалъ, что всѣ раскольники начали списывать эти стихи *съ азартомъ*, такъ что бабу затаскали по дворамъ... Я позвалъ наконецъ «*разнощицу*» и потребовалъ у нея «*писаніе божіе*». Читаю. На клочкѣ бумаги написано:

На страстной было недѣлѣ
За Христомъ гнались Юдеи,
Они гнали, не догнали,
Въ глаза его видали —
И то его не узнали.
Со апостольской бесѣдки
Пошелъ Юда на базаръ;
Закупивши Юда хлѣба,
Сталъ онъ думать и гадать,
Какъ Христа-Бога продать.
Онъ кидался и метался
По архирейскимъ по домамъ:
«Вы духовные архиреи
Я хочу Христа продать,
Тридцать рублей злата взять!»
Архиреи говорятъ:
«Охъ, ты Юдушка Юдей,
Намъ такихъ надо людей!»
Юда деньги получилъ —
Во адъ душу заключилъ;
Заключивши Юда душу,
Не сталъ думать и гадать,

Digitized by Google

Пошелъ съ Христомъ воевать.
Какъ Юдушка идетъ,
За собой жидовъ ведетъ.
Жидамъ Юда говоритъ:
«Ой вы воины жиды
Стану Христа ласковать,
Потому—Христа признать!»
Какъ жиды догадались,
Позади Христа хватались *.

— Прочитавши эти стихи я, скажу вамъ, батенька, расхохотался. Баба вытаращила на меня глаза отъ изумленія. Она, видите ли, думала, что я стихи эти богъ-знаетъ за что приму и ее сейчасъ же жарить на сковородѣ начну...

«— Что̀ сдѣлать съ тобою за эти стихи? спросилъ я ее.

«— *Рѣжь*, говоритъ, *тѣло мое на куски*, я страдать *готова*...

«— Дура, говорю, ты, баба, и больше ничего! Ты думаешь, что если про архіереевъ говорится въ этихъ стихахъ, такъ это ужь и богъ-знаетъ какая невидаль? Мало ли что о комъ говорится, да не всякъ вѣритъ всему на слово. Хороши наши архіереи—такъ тебѣ никто ни въ чемъ не повѣритъ, и слушать тебя не станутъ, *нехороши*—такъ и безъ тебя имъ *цѣну дадутъ*... Ты-то тутъ что̀ такое?...

— Баба, скажу вамъ, совсѣмъ осовѣла...

«— Такъ ты, говоритъ, батюшка, меня *гнать* не будешь?

«— Съ дураками, молъ, я никогда не связываюсь!... Иди восвояси и болтай, гдѣ тебя будутъ принимать и слушать такіе же дураки, какъ ты...

— И пошла отъ меня баба, понуря голову!...

— Что̀ же вы думаете, батюшка? Какъ услышали раскольники, какой я разговоръ имѣлъ съ бабой, такъ сейчасъ же и *перестали* списывать ея стихи... Ты, говорятъ, баба-дура значитъ *пустяки* намъ принесла; принеси намъ *настоящихъ* писаній, *за которыя въ Сибирь ссылаютъ*... И пошла вѣдь баба, по добру по здорову, изъ моего уѣзда, раскольниками настояще *нечествованная!*...

Я разсмѣялся. Лупояровъ посмотрѣлъ на меня вопросительно.

— Вы, можетъ быть, не вѣрите мнѣ? спросилъ онъ меня.

— Почему же, говорю, не вѣрить, но я дивлюсь вашей *смѣтливости*, которая *лучше* всякихъ *кабинетныхъ и полицейскихъ мѣръ* исправляетъ дѣло раскола русскаго...

---

* Пѣсни съ извращеннымъ понятіемъ о вѣрѣ.

Digitized by Google

— А вѣдь вотъ представьте, продолжалъ Лупояровъ.—Когда я разсказалъ объ этомъ засѣдателю, то онъ выразился, что меня должно суду предать за такія потворства. *Недовольнымъ*, говоритъ, *разсуждать запрещается*... и голосъ свой возвышать не приказано... А по моему, говорю засѣдателю: если кто чѣмъ недоволенъ, то скажи лучше прямо: чѣмъ недоволенъ? Его выслушать можно и потомъ сообразить, вретъ ли онъ, или правду говоритъ: если вретъ, то ему можно растолковать, что онъ вретъ— человѣкъ же вѣдь не баранъ, понимать дѣло можетъ; если правъ онъ, то постараться общими силами *исправить зло* и *удовлетворить недовольнаго* — вотъ и дѣло кончится благополучно!... Въ моемъ же домѣ былъ однажды такой случай. Нашъ приходскій священникъ сидѣлъ у меня въ гостяхъ; ко мнѣ приходитъ въ это время-странникъ раскольническій заявлять «*паспортъ*» свой «*божественный*»... Странникъ этотъ былъ начотчикъ большой, значитъ пораскольничьи — ученый человѣкъ, котораго они считаютъ долгомъ слушать разиня ротъ и вѣрить ему на-слово во всемъ, что онъ ни скажетъ... Священникъ завязалъ съ нимъ разговоръ о томъ, о семъ: почему-де вы не признаете архіереевъ нашихъ, поповъ? и т. п.

«— Потому, говоритъ начотчикъ:—что *архіереи не всѣ живутъ* такъ, какъ *слѣдуетъ жить архіереямъ*, а изъ поповъ многіе *мало учены* и о должности своей *небрегутъ*...

«— Какъ, мало учены? спросилъ священникъ, обидѣвшись.

«— Да такъ! своего дѣла не дѣлаютъ *какъ слѣдуетъ*, и овецъ своихъ не учатъ ничему...

«— Ты не хочешь никого уважать, ты бунтовщикъ! горячился священникъ.

«— Никакъ нѣтъ, говоритъ! Я всѣхъ равно почитаю, какъ вельможу, такъ и нищаго: «и нищій, да Бога сыщетъ, а и вельможа, да въ дѣлахъ неугожихъ! У меня тотъ и генералъ, который дѣла божія не замаралъ; тотъ и архирей, который въ жизни своей не захирѣлъ; тотъ и патріархъ, который въ жизни разумомъ здравъ и благъ!»...

— И пошелъ и пошелъ у нихъ споръ... Договорились они до Никона, до Алексѣя Михайловича, до Петра I, до святѣйшаго синода, до консисторій нынѣшнихъ, до соборовъ московскихъ, и я вижу, что уставщикъ *сбивалъ* попа на каждомъ словѣ и въ годахъ, когда были соборы московскіе, и въ исторіи Преображенскаго кладбища, и въ перечисленіи раскольничьихъ сектъ, ихъ

Digitized by Google

ученій и характера я, наконецъ, даже въ толкованіи и характерѣ священнаго писанія и отцовъ церкви... Я вижу: священникъ выходитъ изъ себя, а дѣло отъ этого не выигриваетъ, потому я подошелъ къ «уставщику-страннику» и говорю:

«— Иди, молъ, братъ съ-богомъ во свояси; вижу, что ты несиленъ въ ученіи и не можешь съ успѣхомъ проповѣдывать настоящаго ученія народу.

«— Нѣтъ, говоритъ, не я не силенъ, а со мной не хотятъ говорить.

«— Ну, ладно, говорю, а ты пять-то рублей за предъявленіе мнѣ паспорта заплати. Ученье-то твое ученьемъ, а деньги деньгами, порядокъ того требуетъ!...

«— Въ этомъ, говоритъ, мы прекословить не будемъ, извольте!

— Досталъ онъ пять рублей серебромъ, подалъ мнѣ и ушелъ. Священникъ послѣ того долго сердился на меня за то, что я позволилъ такъ смѣло разсуждать съ нимъ бѣглому... Ему бы, говоритъ, нужно кандалы на шею, да въ острогъ, а вы только обираете такихъ людей, да пускаете на волю. Я, говоритъ, на васъ донесу за это начальству. Ну, такъ мы дѣло это и забыли потомъ!... Впрочемъ, вы не думайте, милый человѣкъ, сталъ оговариваться Лупояровъ:—чтобы я въ самомъ дѣлѣ потакалъ мошенникамъ, особливо бѣглымъ, которые обираютъ, напримѣръ, народъ, воруютъ, мошенничаютъ явно, или тому подобныя дѣла совершаютъ. Нѣтъ! сохрани меня Богъ! Я только *въ дѣла вери и совѣсти не вмѣшивался*, а когда дѣло касалось поимки мошенниковъ, то отъ меня не укрывался ни одинъ: всѣ получали должное возмездіе по законамъ... Я разскажу вамъ, для примѣра, дѣльце хоть вотъ объ одной пророчицѣ Устиньѣ Никифоровнѣ, которую вмѣстѣ и съ ея учениками я отправилъ благополучно въ Восточную Сибирь.

— Съ большимъ, говорю, удовольствіемъ послушаю.

— Вы спать еще не хотите?

— Какой, говорю, сонъ при такихъ интересныхъ разсказахъ вашихъ?

— Можетъ быть, ужинать не пора ли подавать?

— Ну и ужинать, говорю, еще не хочу. Поужинаемъ послѣ вашего разсказа о пророчицѣ.

— Ну, если такъ, то извольте. И Антонъ Лаврентьичъ, понюхавъ табаку и утеревшись пестрымъ фуляровымъ платкомъ, началъ свой разсказъ о пророчицѣ раскольничей.

Digitized by Google

II.

Пророчица.

— Въ 1854 году разнесся у меня по уѣзду слухъ, что ѣдетъ съ востока на западъ, отъ земли Иркутскія, нѣкая пророчица и наполняетъ землю чудесами всякаго рода... Слышу: раскольники въ моемъ станѣ засуетились не на шутку. Я принялъ свои мѣры и распорядился дать мнѣ знать тотчасъ же, какъ только появится въ моемъ станѣ пророчица. Пророчица не заставила себя ждать, и чрезъ недѣлю же мнѣ донесли, что явившаяся съ того свѣта нѣкая, Богомъ избранная, жена появилась уже въ селѣ «Каменкѣ» и творитъ чудеса. Я пообождалъ съ недѣльку, чтобы дать пророчицѣ время показать себя народу съ худой или хорошей стороны, а потомъ сажусь на лошадей и ѣду въ «Каменку». Пріѣзжаю туда ночью часу въ двѣнадцатомъ и прямо въ молельню, находящуюся на задахъ у мужика Елистрата Кожухова. Смутились нѣсколько раскольники при моемъ появленіи и хотѣли прятать пророчицу, но я ихъ успокоилъ, говоря, что пріѣхалъ только послушать проницаній вновь прибывшей пророчицы. Раскольники успокоились. Я осматриваюсь кругомъ. Вижу: молельня освѣщена восковыми свѣчами, ладону накурено такъ много, что въ комнатѣ носились какія-то густыя облака; поперегъ молельни сдѣлана ситцевая занавѣска на кольцахъ, а за занавѣскою устроена была особая комнатка, въ родѣ чулана, гдѣ пророчица молилась и принимала своихъ учениковъ; предъ занавѣскою стоялъ стулъ и столъ, на которомъ курилась ладонница. Я попросилъ пророчицу, въ моемъ присутствіи, поговорить съ народомъ, увѣряя всѣхъ, что худого ненамѣренъ никому дѣлать и что пріѣхалъ собственно изъ любопытства только... Раскольники знали мой *мирный характеръ* въ отношеніи къ нимъ, переговорили тихонько съ пророчицей въ ея комнатѣ и доложили мнѣ, что пророчица согласилась исполнить мое желаніе. Садимся мы всѣ и ждемъ. Наконецъ занавѣсъ откинулась и пророчица явилась къ намъ, одѣтая вся въ бѣломъ, подпоясанная розовою шелковою лентою и съ незаплетенными волосами, перевязанными назадъ голубою лентою. Сѣла она на стулъ предъ столомъ съ ладонницею и такъ начала свое пророчество:

«Взирай съ прилежаніемъ, тлѣнный человѣче,
Како вѣкъ твой проходитъ и смерть недалече!

Digitized by Google

Текутъ время и лѣта во мгновеніе ока:
Солнце скоро шествуетъ къ западу съ востока.
Готовися на всякъ часъ, рыдай со слезами,
Да не похититъ тя смерть съ твоими дѣлами.
Ангелъ же твой хранитель тебя извѣствуетъ,
Краткость жизни твоей перстомъ показуетъ.
Слышишь ли о, душе моя! паче всѣхъ, если грѣшна,
Уготована тебѣ мука безконечна! Аминь.

«— Это, говорю я Кожухову, совсѣмъ не пророчество. Что же тутъ пророческаго? нельзя ли ей что о будущемъ сказать?

— Кожуховъ подошелъ къ пророчицѣ и поговорилъ съ ней на ухо, потомъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: при начальствѣ она не можетъ говорить *иначе*...

«— Напрасно, говорю, она боится меня. Ты скажи ей, чтобы она меня совсѣмъ не считала за начальство... Вѣдь ты знаешь, чай, меня: гоню ли я васъ?...

— Кожуховъ опять подошелъ къ пророчицѣ и снова поговорилъ ей на ухо. Пророчица долго слушала его, потомъ мотнула головой и закрыла глаза. Кожуховъ сообщилъ мнѣ, что про царствіе божіе пророчица соглашается поговорить.

«— Вотъ и прекрасно, говорю!

— И мы стали ждать другаго пророчества. Пророчица помедлила немного и потомъ заговорила:

«— Приходитъ, людіе, послѣднее время. Небо и земля потрясется. Частыя звѣзды на землю скатятся. Сойдетъ Михаилъ Архангелъ и затрубитъ въ трубу живогласную: вставайте всѣ живые и мертвые на судъ къ Богу! По правой сторонушкѣ идутъ души праведныя, въ лицахъ всѣ свѣтлѣютъ, волосы яко ковыль-трава, ризы на нихъ нетлѣнныя. Идутъ они на судъ къ Богу радуются. Стрѣтаетъ ихъ Владычица Мать Божія пресвятая Богородица: «подите мои христолюбивые избранные, да похаенные, посрамленные! Вотъ вамъ царство уготованное! Принимаетъ ихъ самъ Господь Царь небесный». По лѣвой сторонушкѣ идутъ души грѣшныя, въ лицахъ темнѣютъ, одѣяніе страшное. Идутъ онѣ на свою муку и слезно плачутъ: «Господи Царь небесный! Почто ты насъ въ царствіе не впустишь? Мы всѣ люди христіане!» Глаголетъ Господь Царь небесный: «подите вы грѣшные, проклятые, во три пропасти земныя! Вы не въ мою вѣру вѣровали! Да провалятся всѣ грѣшные въ преисподнюю! Составитъ Господь всѣ муки въ одну муку, не взвидятъ грѣшные свѣту бѣлаго, не взвидятъ они солнца свѣтлаго, не вслышутъ они гласу ангельскаго! Во вѣки вѣковъ Аминь!»

Digitized by Google

«— А не можетъ ли она, спросилъ я Кожухова: — отгадывать вопрошающимъ ее? Я, говорю, слышалъ, что она все отгадываетъ и удивляетъ чудесами всѣхъ...

«— Вся *сокровенная человѣческая* знаетъ, отвѣтилъ мнѣ таинственно Кожуховъ...

«— Такъ нельзя ли, молъ, кому нибудь вопрошать ее, а я послушаю?

— Кожуховъ опять переговорилъ съ пророчицей на ухо. Та наклонила голову въ знакъ согласія. И стали къ ней подходить вопрошающіе. Подошла одна баба и спросила:

«— Скажи мнѣ, боголюбивая жена, кто у меня укралъ недавно холсты съ огорода?

«— Люди злые, отвѣтила пророчица:—которые схоронили ихъ на рѣкѣ, у плотины, подъ хворостомъ. Сходи завтра туда, и обрящешь ихъ, ангелъ божій невидимо укажетъ тебѣ путь!...

— Баба заторопѣла отъ радости и начала, въ порывѣ благодарности, даже *молиться* на пророчицу... Потомъ подошелъ раскольникъ съ рыжей бородою и вопросилъ пророчицу:

«— Повѣдай мнѣ, избранная божія, кто увелъ у меня сивую кобылу и гнѣдаго мерина?

«— Завистники злые, отвѣчала пророчица:—которые привязали ихъ къ сухой березѣ въ Татьяниномъ бору, за три версты отъ здѣшняго села. Поди завтра туда, отвяжи лошадей отъ березы и хвали Бога!...

— Мужикъ засіялъ отъ радости и, въ порывѣ благоговѣнія къ *святости* пророчицы, какъ пластъ растянулся передъ нею на полу... Подошла потомъ дѣвушка и спросила пророчицу:

«— Скажи мнѣ, *божинька*, кто у меня укралъ изъ коробьи, что стояла въ сѣняхъ, ситцевый сарафанъ и платокъ красный?

«— Близкій твой, отвѣчала пророчица:—который спряталъ украденное въ огородѣ твоемъ, подъ лебедою, въ канавѣ для своей невѣсты. Сходи завтра на зарѣ въ то мѣсто, окропись холодною водою, помолись на востокъ и получишь украденное!...

— Всѣ присутствующіе въ молельнѣ переглянулись между собою и начали глубоко вздыхать, обращая лицо къ небу и закативъ бѣлый глазъ подъ лобъ... Меня все это заняло, и я рѣшился самъ вопросить пророчицу:

«— А скажи, говорю, мнѣ пророчица: не случится ли что на этихъ дняхъ со мною худаго?

«— Съ тобою уже, говоритъ, случилось худое нынѣ...

Digitized by Google

— Я, знаете, немного оробѣлъ и спрашиваю:

«— А что же, молъ, такое?

«— Да у тебя, говоритъ, твою тройку лошадей увели враги твои.

— Вотъ тебѣ, думаю, разъ! какъ же это такъ? А самъ сейчасъ же выбѣгаю изъ молельни и на порогѣ сталкиваюсь съ своимъ кучеромъ, который, разиня ротъ, слушалъ въ молельнѣ пророчества...

«— Гдѣ, говорю, ты лошадей-то поставилъ?

«— Да вотъ тутъ на задахъ около гумна, отвѣчалъ испуганный кучеръ.

«— Какъ же, говорю, ты оставилъ ихъ не причемъ и самъ забрался сюда?... Развѣ можно лошадей кидать на произволъ судьбы?

«— Ко мнѣ, говоритъ, подошелъ мужикъ и, назвавъ себя хозяиномъ молельни, выпросился покараулить лошадей, а мнѣ посовѣтовалъ идти послушать немного пророчицу...

«— Ну-ка, говорю, пойдемъ, посмотримъ на лошадей.

— Посмотрѣли, и что же вы думаете? Тройки-то какъ не бывало, и постромки всѣ обрѣзаны... Скверно! тройка-то была собственная. И вѣдь я, скажу вамъ, никогда и не ѣздилъ на своихъ лошадяхъ по стану, всегда бывало на ямскихъ, но тутъ поѣхалъ на своихъ потому, что хотѣлось, видите-ли, все дѣло въ секретѣ сдѣлать, чтобы пріѣхать въ пророчицѣ незавѣдомо, а то, знаете, когда берешь этихъ ямскихъ, то шило, какъ говорится, въ мѣшкѣ никогда не утаишь, сейчасъ же разнесется слухъ, что ѣдетъ-де становой по такому-то направленію. Какъ бы то ни было, батенька, а лошади-то ухнули и я опять къ пророчицѣ съ вопросомъ:

«— А отыщутся ли, молъ, мои лошади?

«— Нѣтъ, говоритъ, не отыщутся, потому что враги твои злы зѣло и гонятъ твоихъ лошадей въ другую губернію...

— Вотъ штука-то, думаю! Часъ отъ часу не легче...

«— И неужели, говорю, нѣтъ никакихъ средствъ поправить какъ нибудь дѣло? Если, молъ, ты пророческимъ духомъ твоимъ знаешь, по какому направленію они гонятъ лошадей, то я пошлю погоню за ними.

«— Да, я, говоритъ, знаю дорогу, по которой они гонятъ лошадей твоихъ; вотъ и теперь я какъ будто гляжу на нихъ ясно — и пророчица при этомъ закрыла на минуту вѣки своихъ глазъ—

Digitized by Google

но гдѣ ты найдешь такихъ курьеровъ, которые бы могли догнать воровъ, когда они уже теперь за тридцать верстъ, а пока ты соберешься послать за ними погоню, то они будутъ уже за сто верстъ...

— Я пріунылъ... Пророчица замѣтила это и спросила меня:

«— А тебѣ, человѣкъ мірской, жалко лошадей?

«— Какъ же, молъ, не жалко? По полутораста рублей каждая лошадь дана...

«— Я, говоритъ, для тебя, зная твою доброту къ людямъ божіимъ — раскольникамъ, которыхъ ты не гонишь, яко сребролюбивые слуги антихриста чиновники, могу возвратить твою пропажу и напущу на похитителей твоихъ велію скорбь душевную, а очи ихъ ослѣплю мракомъ, такъ что они пригонятъ лошадей твоихъ назадъ въ «Каменку», разумѣвая; что гонятъ ихъ въ другую губернію...

«— Пожалуйста, молъ! Если это сбудется, то я самъ въ тебя увѣрую и готовъ обратиться самъ въ расколъ...

«— Хорошо, говоритъ! Я нынѣшнюю ночь сотворю молитву къ своему Христу и на зарѣ лошади твои будутъ возвращены тебѣ обратно...

— И пророчица сейчасъ же встала со стула. Раскольники засуетились, иные закрестились, другіе *замолились на пророчицу;* Кожуховъ подложилъ въ курильницу ладону, который запылалъ сильнымъ яркимъ огнемъ и освѣтилъ лица молящихся раскольниковъ; на дворѣ запѣли пѣтухи; вѣтеръ ударилъ въ ставни молельни; занавѣсь заколебалась и къ пророчицѣ вышли два ученика ея въ черныхъ кафтанахъ, подпоясанные бѣлыми полотенцами, съ которыми она и запѣла:

Ты воспой, воспой соловеюшко въ саду,
Не давай сердцу печали моему.
Ужь и такъ древа *завяли во саду*...
Пропали всѣ лазоревы цвѣты,
Пріуныли всѣ братцы и сестры.
А я съ *горя* со *кручины* со такой,
Я взойду ли на высокій теремокъ,
Я пролью слезы къ небесному Творцу
Къ государю сыну божьему Христу.
Государь ты мой батюшка родной!
Ты *полей* свои *садовы дерева*...
Приклони свои всевышни небеса
Изпусти свои пречисты словеса,
Ты вложи ихъ грѣшной плоти во сердца!
Ужь вы братцы духовные и сестры!

Digitized by Google

Мы пойдемъ въ зеленый садъ гулять,
Да не будемъ никогда мы *унывать*,
А всегда будемъ на Бога уповать,
Нашу Матушку Цариду прославлять!
Во вѣки вѣковъ. Аминь!

— Народъ попадалъ на полъ и, въ умиленіи прославлялъ Бога, пославшаго ему великую пророчицу. Занавѣсь задернулась, пророчица исчезла и ладонъ въ курильницѣ, вспыхнувъ послѣднимъ синимъ пламенемъ, вдругъ погасъ... Я, вмѣстѣ съ другими, вышелъ изъ молельни и, прибывъ на свою взъѣзжую квартиру, долго не уснулъ. Все видѣнное и слышанное мною *подъйствовало* на меня порядочно-таки, такъ что я, каюсь вамъ батенька, не зналъ, что̀ подумать объ этой пророчицѣ?... Ужь не въ самомъ ли дѣлѣ, думалось мнѣ, какая нибудь святая явилась на землѣ?... Вѣдь были же у насъ святые на землѣ и чудеса творили, будущее отгадывали, о чемъ цѣлыя «четіи-минеи» у насъ написаны... Однако, я рѣшился подождать слѣдующаго дня и если, думаю, сбудется все предсказанное пророчицею мнѣ и другимъ, то тогда попристальнѣе посоображу, что̀ подумать объ ней?...

III.

Чудеса.

— На другой день послѣ ночи, проведенной у пророчицы, я всталъ поздно, часу въ двѣнадцатомъ уже, и когда десятскій подалъ мнѣ самоваръ, то въ комнату вошло ко мнѣ нѣсколько мужиковъ раскольниковъ. Первымъ дѣломъ моимъ было тогда спросить ихъ:

«— Ну что, говорю, исполнились ли предсказанія пророчицы мнѣ и прочимъ лицамъ, вопрошавшимъ ее?

«— Какъ же, какъ же ваше высокоблагородіе! Все *упадала духомъ святымъ*, какъ перомъ написала, заголосили мужики... Точно по книгѣ прочла, таково̀ это все вѣрно сбылось!... Маланья Карнаухова холсты свои нашла цѣлехонькими у пруда подъ хворостомъ, даже въ лубочки завернуты были; Кузьма Завертяевъ какъ пришелъ въ Татьянинъ боръ, такъ и ахнулъ: гладитъ, а его лошадушки-то стоятъ смирнехонько привязанными къ березушкѣ и головами поматываютъ, точно дома въ конюшнѣ; а дѣвка Данькова свой сарафанъ и платокъ получила въ своемъ огородѣ невредимыми и завернутыми даже въ бумажку.

Digitized by Google

«— Ну, а моя тройка что? спрашиваю.

«— Цѣлехонька, ваше высокоблагородіе! отвѣчали съ самодовольствомъ мужики... Ѣдутъ этто нынѣ утромъ наши ребята мимо мельницы Васьки Овчинникова, глядь — а лошадки-то ваши стоятъ привязанными къ мельницѣ и таково *внушительно ржатъ*... Возвѣстите, дескать, люди добрые, хозяевамъ нашимъ, что ослѣпленными врагами ихъ мы благополучно возвращены обратно!... Тутъ же сказали ребята вашему кучеру объ этомъ: онъ пошелъ къ мельницѣ, отвязалъ лошадокъ вашихъ и привелъ ихъ съ миромъ вотъ сюда, на добрый путь и дорожку вамъ отъ насъ.

— Я взглянулъ въ окно и вижу: мои лошади стоятъ уже впряженными въ тарантасъ и кучеръ ходитъ около нихъ съ шиломъ въ рукѣ, кое-гдѣ доканчивая поправку обрѣзанныхъ постромокъ.

«— Ну что, нашлись лошади-то? вскричалъ я изъ окна кучеру.

«— Готовы-съ! отвѣчалъ не безъ удовольствія кучеръ... Пожалуйте!

«— Вотъ, ваше высокоблагородіе, съ оттѣнкомъ укоризны, заговорилъ Елистратъ Кожуховъ:—вы все говорите, что мы *дурни*, что мы народъ глупый, слѣпой и нестоющій вниманія, а вотъ Богъ-то насъ лучше цѣнитъ и святыхъ-то своихъ людей посылаетъ къ намъ.

«— Ваше, молъ, счастіе, что́ дѣлать? Вѣдь я васъ, говорю, однако, и не гналъ никогда, вы сами знаете...

«— Конечно, ваше высокоблагородіе, заговорили мужики:—отъ васъ намъ особенно-то и не обидно, а вотъ засѣдатель-то вашъ въ судѣ и исправникъ этотъ намъ и клички другой не даютъ, какъ *собаки*. Одно только и твердятъ, что насъ въ острогахъ нужно заморить... Пусть, говорятъ, переколѣютъ тамъ, какъ собаки...

— И мужики закачали головами, въ знакъ глубокой укоризны.

«— Что́ же, говорю, дѣлать? это ужь ихъ дѣло... Я имъ не судья!

«— Нехорошо, нехорошо...

— Въ это время къ взъѣзжему дому пріѣхали, телегахъ на пяти, мужики и бабы и стали вылѣзать на крыльцо взъѣзжей квартиры. Я велѣлъ Кожухову справиться о томъ, кто и зачѣмъ пріѣхалъ. Кожуховъ справился о пріѣзжихъ, переговорилъ съ ними и, вернувшись въ избу, заговорилъ:

«— Это—вотъ, ваше высокоблагородіе, изъ села «Краснаго яра» пріѣхали *выборные* къ матушкѣ-пророчицѣ вопросить ее о своихъ несчастныхъ дѣлахъ, объ истинной вѣрѣ и *пути*, который имъ *слѣдуетъ* избрать въ жизни сей *при ихъ несчастной доль*...

Digitized by Google

«— О какихъ же это, говорю, несчастныхъ дѣлахъ?

«— Да вотъ по тому дѣлу-то, что столкнули третьяго года въ рѣку управителя-то Шарыгина.

«— Знаю, говорю, знаю это дѣло; да оно ужь кончено и виновные сосланы нынѣшнимъ годомъ въ Сибирь.

«— Такъ-то такъ, отвѣчалъ Кожуховъ:—да они говорятъ, что это *обидно* для нихъ, что они *больше жить по такому порядку ненамѣрены*.

«— Что же они затѣваютъ тутъ?

«— Да вотъ не угодно ли самимъ вамъ съ ними поговорить.

«— Позови, говорю, ихъ сюда.

— Надобно вамъ сказать, батенька, милый человѣкъ, поннзивъ интонацію разсказчика, обратился ко мнѣ для разъясненія Лупояровъ:—что третьяго года въ помѣщичьемъ селѣ «Красномъ-яру», верстъ сорокъ отсюда, крестьяне, выведенные изъ терпѣнія управителемъ Шарыгинымъ—который, между нами правду надо сказать, былъ такой мошенникъ, тиранъ и вообще скверный человѣкъ, что я рѣдко въ жизни такихъ видывалъ—столкнули этого управителя въ рѣку... Помѣщикъ этого села Хабаровъ, видите ли, таскался каждое лѣто со всѣмъ семействомъ заграницу и проживалъ тамъ въ нѣсколько недѣль цѣлые десятки тысячъ; ну, извѣстно, чтобы наверстывать такіе расходы, нужно было съ крестьянъ выбивать деньгу... Вотъ и сѣкли это они крестьянъ несчастныхъ въ двое рукъ: когда помѣщикъ уѣдетъ заграницу играть въ карты на водахъ, управитель тутъ сѣчетъ ихъ и деретъ съ нихъ послѣднюю рубашку, чтобы и себѣ въ карманъ, знаете, заложить кое-что... а когда помѣщикъ пріѣдетъ да услышитъ жалобы ихъ, то съ своей стороны начнетъ драть ихъ не на животъ, а на смерть, чтобы не жаловались впредь на управителя... Колодокъ, бывало, на нихъ набьютъ, чтобы не бѣгали въ лѣса, морятъ ихъ въ погребахъ, на цѣпь въ кутузкѣ приковываютъ, бабъ раздѣтыхъ до нага стегаютъ предъ крыльцомъ во время чая вечерняго для пущаго аппетита, и, кажется, чуть собаками не травили ихъ на охотѣ... Съ жалобами пытались обращаться эти крестьяне то къ тому, то къ другому изъ высшихъ властей въ губерніи, ну, разумѣется, кто же не знаетъ, что въ тѣ времена *никогда не мѣняли* помѣщиковъ на мужиковъ и, протуренные въ зашей, жалобщики возвращались *ни съ чѣмъ*... Терпѣли-терпѣли такимъ образомъ, скажу вамъ, эти красноярскіе крестьяне, да однажды и выкинули такую штуку. Разъ пришелъ

Digitized by Google

на жниво къ нимъ въ поле этотъ Шарыгинъ и началъ придираться то къ мужикамъ, то къ бабамъ... На дворѣ жара страшная стояла, съ рабочихъ потъ градомъ льетъ, а онъ началъ браниться, что они мало сжали хлѣба, что высоко очень рѣжутъ колосья, что много очень отдыхаютъ, когда приподнимаются разогнуть спину и пр. Бабы, знаете, заголосили, что они и такъ-де животики надорвали, что многія изъ нихъ беременны, а двѣ бабы выкинули мертвыхъ дѣтей даже на загонѣ... Шарыгину этого только и надо было. «Какъ, говоритъ, вы смѣете со мной разговоривать? Розогъ, староста!» Принесли розогъ и онъ началъ тутъ же на загонѣ потѣшаться надъ бабами... Вой поднялся, говорятъ, на загонѣ страшный, мнѣ ужь опослѣ разсказывали это дѣло, и народъ, разъ что измучился отъ работы, другой — что двѣ бабы мертвыхъ дѣтей отъ изнуренія родили, да кромѣ того и другихъ беременныхъ женщинъ началъ сѣчь этотъ Шарыгинъ, озлился такъ на этого управителишку, что схватилъ его въ беремя, да и бросилъ въ рѣку, которая была рядомъ съ загономъ. Дѣло вышло, какъ видите, уголовное. Сейчасъ же временное отдѣленіе наше, по приказанію губернатора, большого пріятеля помѣщика Хабарова, нагрянуло производить слѣдствіе, и я тутъ же былъ командированъ въ числѣ другихъ. Производили мы шесть мѣсяцевъ это слѣдствіе, перебирая всѣхъ, и оказалось шестьдесятъ-восемь человѣкъ виновныхъ въ этомъ дѣлѣ, потому что, видите ли, дѣло было этакое общее, повальное случилось согласіе, и изъ виновныхъ кто оказался зачинщикомъ, кто пособникомъ, а кто подстрекателемъ, попустителемъ и укрывателемъ и т. п., такъ что по нашимъ законамъ меньше шестидесяти-восьми человѣкъ нельзя было и осудить!... Тутъ же притомъ каждую недѣлю сыпались предписанія за предписаніями изъ губерискаго города: поступить-де по всей строгости законовъ съ виновными. Мнѣ, признаюсь, жалконько даже было этихъ сердечныхъ крестьянъ, потому что, сами видите, *люди были выведены изъ терпѣнія*... и я, грѣшный человѣкъ, заикнулся-было объ этомъ исправнику, но тотъ такъ цыкнулъ на меня, что я не зналъ, гдѣ и мѣсто найти... «Развѣ, говоритъ, вы не знаете, *чему* вы служите, а еще становой!...?» Впрочемъ, когда по окончаніи слѣдствія стали раздѣлять пять тысячъ руб., полученные въ благодарность за труды отъ Хабарова, то исправникъ далъ и мнѣ восемьсотъ руб., хоть и прибавилъ при этомъ: нé за что бы!... Наконецъ вышло этимъ шестидесяти-восьми крестьянамъ окончательное рѣшеніе и изъ нихъ восемьнад-

Digitized by Google

цать человѣкъ наказаны кнутомъ на мѣстѣ преступленія, въ самомъ селѣ «Краснымъ-Яру», другихъ сослали въ каторжныя работы, а послѣднихъ въ Сибирь на поселеніе. Въ Содомъ и Гоморъ обратилось это село «Красный-Яръ». Стоны и вопли были невыносимые... Я, несмотря на то, что *становой*, а не могъ, признаюсь, выдержать этихъ сценъ безъ содроганія. Чрезъ это село у меня, скажу вамъ, недоставало духу и проѣзжать потомъ!...

— Такъ вотъ эти-то, батенька, красноярскіе крестьяне и пріѣхали тогда къ пророчицѣ, возвысивъ интонацію голоса, заговорилъ опять особымъ тономъ разскащикъ Лупояровъ, какъ-бы послѣ вводныхъ, пояснительныхъ предложеній.—Ввелъ ихъ Кожуховъ ко мнѣ въ комнату.

— Я спрашиваю ихъ:

«— Ну, что молъ вы, какъ и зачѣмъ пожаловали сюда?

«— Да вотъ, говорятъ, такъ и такъ наслышавшись, что явилась нѣкая святая женщина, насъ прислалъ міръ переговорить съ нею объ нашихъ дѣлахъ...

«— О какихъ же это, говорю?

«— Да такъ, объ нашихъ!... Какъ это, значитъ, теперь жить на землѣ?... что, стало-быть, нужно сдѣлать, чтобы *вальготнѣе было душенькѣ было*, и все такое...

— И выборные замялись.

«— Такъ что же? съ-богомъ, говорю. Я и самъ былъ вчера у ней. Только чтобы не было тутъ какого возмущенія противъ властей, али чего другого въ этомъ родѣ?

«— Какое, говорятъ, тутъ возмущеніе, что вы, ваше высокоблагородіе?!

— И выборные пошли отъ меня къ пророчицѣ.

— Чрезъ часъ этакъ, я, покончивши свои дѣла, собрался домой, сѣлъ въ тарантасъ и выѣхалъ-было уже за околицу, какъ вдругъ меня подстрекнуло любопытство побывать еще въ молельнѣ пророчицы и послушать: о чемъ будутъ вопрошать ее выборные красноярскіе и что она имъ будетъ отвѣчать? Велѣлъ я кучеру, отъ мельницъ уже, свернуть въ село къ молельнѣ раскольничьей и остановиться на задахъ ея. Подъѣхали. Я подошелъ задами къ молельнѣ и сторожъ засуетился-было докладывать обо мнѣ, но я успокоилъ его, говоря, что завернулъ сюда минутъ на десять и постою позади всѣхъ, чтобы меня не видѣли ни пророчица, ни мужики. Сторожъ успокоился. Я вошелъ въ молельню, накинувъ на плечи дорожный плащъ изъ толстаго мужицкаго сукна, кото-

Digitized by Google

рый возилъ всегда съ собою въ дорогѣ отъ дождя, и сталъ позади всѣхъ. Молельня была набита биткомъ. Нѣкоторые мужики, что̀ стояли позади всѣхъ у дверей, узнавъ меня въ лицо, тоже засуетились-было, подобно сторожу, но я ихъ успокоилъ, говоря, что завернулъ къ нимъ изъ любопытства только, минутъ на десять, не больше. Смотрю, пророчица попрежнему сидитъ на своемъ стулѣ и та же курильница съ дымящимся ладономъ стоитъ на столѣ. Свѣчъ восковыхъ въ молельнѣ зажжено не было. Выборные красноярскіе, по всей вѣроятности, уже наговорились съ ней до̀ сыта и разсказали вѣроятно ей всѣ свои несчастныя дѣла съ судомъ, потому что пророчица пророчила уже имъ о *новомъ пути жизни*, который они должны избрать для себя, а выборные, сидѣвшіе впереди всѣхъ передъ нею, слушали только и горько о чемъ-то плакали. Пророчица доканчивала свою рѣчь: «нѣтъ на землѣ никого, кто бы о рабахъ божіихъ *крестьянахъ думалъ*, всѣ-то *противъ нихъ* и нигдѣ имъ нѣтъ *ни защиты, ни покровительства;* туды пойдутъ—сѣкутъ и *въ зашей толкаютъ*, сюды пойдутъ—*деньги оббираютъ*... Какъ же тутъ жить рабамъ божіимъ? Не лучше ли, отложившись отъ міра такого нечестиваго, избрать себѣ *особый путь* и по немъ идти, по-крайней-мѣрѣ душу свою спасешь и не дашь ее загубить антихристу и слугамъ его...»

«— *Лучше, лучше!*... говорили депутаты.

«И растлѣна есть земля русская на седмь локтей въ глубину отъ слугъ антихриста во здравіе ихъ, а намъ въ разореніе, яже и въ священномъ писаніи написано объ нихъ: разорю житницы моя и реку душѣ моей: яждь, пій и почивай на многи лѣта. Того ради и посла меня Богъ на землю, да укажу народу его *новый путь* и исхищу его изъ когтей антихриста и слугъ его... И о семъ еще единожды вопрошаю вы: всѣ ли выборные и село ваше, которое васъ послало ко мнѣ, поступить готовы въ наше новое и избранное Богомъ стадо Христово, которое есть *убѣжище* отъ міра проклятаго?...»

«— Всѣ, всѣ! отвѣчали депутаты.

«Помолимся же о сихъ новопоступающихъ братіяхъ нашихъ, заговорила пророчица:—да пріобщатся они въ мирѣ и спокойствіи къ стаду избранниковъ Христовыхъ и да отрекутся безбоязненно и благополучно отъ антихриста и слугъ его!...»

— И пророчица встала. За нею встали депутаты и прочіе сидѣвшіе на скамьяхъ, и всѣ запѣли:

Digitized by Google

Ты свѣти, свѣти, свѣтъ свѣтелъ мѣсяцъ,
Обогрѣй ты насъ красно солнышко!
Обогрѣй наши сердца нутренни,
Не оставь ты насъ *на сырой земли!*
Дай намъ Господи, дай создатель теплоты,
Ниспосли живое слово
Здѣсь просящимъ всѣмъ сердцамъ!
Ты Христосъ, ты нашъ Спаситель,
Иного Бога нѣтъ у насъ.
Твоей силой укрѣпляясь
Мы *оставленные всѣми*...
За тобой во слѣдъ идемъ.
Прими *слезы* твоей твари
И поставь всѣхъ на пути!... и пр.

«— Что же это, спросилъ я стоявшаго рядомъ со мною мужика:—ужели *все село* «Красный-то-яръ» ухнуло въ расколъ?

«— *Ухнуло*, ваше высокоблагородіе, *ухнуло!*... отозвался раскольникъ и *замолился на пророчицу*...

— Вотъ ты тутъ и справляйся съ ними, подумалъ я, батенька, выходя изъ молельни. Въ остроги, говорятъ, ихъ сажай: вотъ извольте тутъ цѣлое село засадить, а завтра другое село ухнетъ, а тамъ третье. Этакъ придется, пожалуй, *вмѣсто* селъ-то *настроить на Руси одни остроги!*...

— Сѣлъ я въ тарантасъ свой и всю дорогу, знаете, объ этомъ продумалъ...

IV.

Пророческій ученикъ безъ пальцевъ.

— Пріѣзжаю я домой, батенька, и сказываю объ этомъ покойной женѣ своей. Такъ и такъ, молъ, невидѣнная на землѣ пророчица явилась, чудеса творитъ, вся сокровенная человѣческая знаетъ... Самъ, говорю, испытать ея предсказанія. И разсказалъ, знаете, при этомъ женѣ все по порядку объ этой пророчицѣ. Покойница, по женскому своему любопытству — не въ оскорбленіе ея памяти будь сказано — какъ только выслушала меня, такъ тотчасъ же на лошадей, чтобы ѣхать въ этой пророчицѣ. Я сталъ-было уговаривать ее, и урезонивать тѣмъ, что пророчица-то вѣдь, молъ, раскольничья, а не наша... Куда? Баба и слушать не хочетъ! Развѣ, говоритъ, пророки-то посылаются къ одному какому-нибудь Ивану или Петру? Они ко всему народу посылаются!... Да и какъ, говоритъ, это упустить такой случай, чтобы не видѣть въ лицо Богомъ посланную про-

Digitized by Google

рочицу? Вѣдь это въ тысячу лѣтъ одинъ такой случай бываетъ; а можетъ быть, она завтра же вознесется и на небо!... И пошла, и пошла, знаете!... Я уступилъ. Смотрю — жена моя и къ попадьѣ ужь сбѣгала, и ее подговорила съ собой ѣхать, и за засѣдательшей въ городъ по пути велѣла кучеру заѣхать. Ну, думаю: цѣлая свадьба женская составилась, что-то будетъ? Уѣхали онѣ, а я на другой же день отправился въ городъ — верстъ 12 всего отъ моего стана — и сказываю исправнику, судьѣ, засѣдателю, стряпчему и секретарю уѣзднаго суда, что такъ и такъ, молъ, пророчица явилась въ селѣ «Каменкѣ», идетъ отъ страны Иркутскія изъ Сибири, и творитъ чудеса... Какія, говорю, мѣры принять противъ этого? Случай небывалый!... Тутъ всѣ съ разспросами ко мнѣ: какъ и что, дескать, она дѣлаетъ? Я разсказалъ имъ все по порядку.

«— Мошенница какая-нибудь, сказалъ исправникъ, когда выслушалъ мой разсказъ.—Хитростями какими-нибудь надуваетъ людей! У этихъ раскольниковъ то пророки, то христы, то апостолы вѣчно бродятъ по землѣ русской и надуваютъ дураковъ...

«— Позвольте-позвольте! Отчего же непремѣнно мошенница? заспорилъ судья, большой пріятель отца-протопопа, и читавшій все божественныя книжки.—Развѣ не было на землѣ пророковъ, развѣ это небывальщина какая? А что если, въ самомъ дѣлѣ, это какая-нибудь святая женщина, а мы ее засадимъ въ острогъ?...

— Съ судьей согласился и засѣдатель, хоть и большой врагъ раскольниковъ, но противъ нихъ вооружились стряпчій и секретарь уѣзднаго суда, и пошли тутъ споры, да толки, такъ что до самаго вечера за этимъ дѣломъ провели...

«— Такъ какъ же, спрашиваю я, знаете: — арестовать, молъ, пророчицу-то, или нѣтъ?

«— Конечно, арестовать! закричалъ стряпчій:—и донести обо всемъ губернатору.

«— За что же арестовать? сказалъ судья.—Вѣдь она никакого преступленія не сдѣлала, никому никакого вреда не причинила, и пророчествуетъ себѣ у раскольниковъ, а не у православныхъ?

«— Вы вѣчно за раскольниковъ стоите, отвѣчалъ стряпчій.— Хорошо вамъ заступаться-то за нихъ, когда, *по милости ихъ*, вы два каменныхъ дома имѣете, да десять тысячъ десятинъ земли съ лѣсомъ и рыбными ловлями...

«— Да вѣдь и вы, кажется, *не безъ нихъ же* купили себѣ хуторъ-то съ пятьюстами десятинами земли? укололъ стряпчаго судья...

Digitized by Google

«— Но пятьсотъ десятинъ, однакоже, не пять тысячъ?

«— Еще бы! сказалъ судья.—По чину и мундиру!... Надо же, говорить, и честь знать. Я судья, а вы только стряпчій...

— И вышла тутъ, знаете, батенька, у нихъ маленькая стычка...

«— Не въ этомъ дѣло, господа, сказалъ засѣдатель:—кто больше отъ раскольниковъ нажилъ; всѣ мы ими живемъ, и я отъ нихъ домъ и мельницу имѣю, и *кто же вообще въ губерніи съ ними не беретъ?*... Лѣнивый только развѣ!... Но практично ли будетъ арестовывать пророчицу? Вѣдь временное-то отдѣленіе для производства слѣдствія изъ насъ же должно будетъ составиться, изволь-ка по деревнямъ и селамъ ѣздить съ полгода изъза пророчицы... Слуга покорный! Мнѣ эти слѣдствія-то и такъ ужь вотъ гдѣ, на шеѣ сидятъ..

— Съ засѣдателемъ согласился и секретарь уѣзднаго суда, объяснивъ, что ему и такъ приходится до четырехъ тысячъ дѣлъ въ годъ разбирать по однимъ воровствамъ, да убійствамъ...

«— Это ваша обязанность, возразилъ ему стряпчій.

«— Вамъ хорошо, сказалъ секретарь:—журналы-то только пропускать, да облупленное яичко въ рукахъ имѣть, а вы посидѣли бы на моемъ мѣстѣ, такъ спина-то захрустѣла бы и безъ этихъ раскольничьихъ каверзовъ... Ну ихъ къ чорту! Къ чему лишнюю обузу навязывать себѣ на шею? По моему мнѣнію—внушить этой пророчицѣ убираться далѣе въ слѣдующую губернію, если она вздумаетъ долго погостить, а если она и безъ этого торопится, то пусть съ-богомъ и проѣдетъ чрезъ нашъ уѣздъ... Вѣдь вотъ ѣхала же она изъ Иркутской губерніи, да никто ее не задерживалъ? Лишь бы не мошенничала, да преступленій уголовныхъ не дѣлала...

— Съ этимъ мнѣніемъ секретаря стали, знаете, и всѣ соглашаться.

«— Я бы этихъ *собакъ* раскольниковъ въ бараній рогъ согнулъ, сказалъ исправникъ:—и пророчицѣ бы этой спуску не далъ, но съ вами, говоритъ, соглашусь пожалуй, потому что съ нѣкотораго времени началъ получать такія предписанія на счетъ раскольниковъ, которыя совсѣмъ не одобряю... Дѣлаютъ исправниковъ, власть имъ ввѣряютъ, а потомъ предписываютъ, чтобы исправникъ сидѣлъ, да и не смѣлъ ничего дѣлать... Зачѣмъ же и исправниковъ тогда назначать?

«— Вотъ потому-то я и не хочу связываться съ этими «раскаліями», заговорилъ исправникъ.—Что тутъ экивоками-то дѣй-

Digitized by Google

ствовать? По моему или ужь дѣйствовать, и въ такомъ случаѣ, въ баранiй рогъ каналiй согнуть, или ужь если такiя предписанiя присылаются, то оставить ихъ и больше ничего. Не стоитъ, значитъ, и рукъ марать въ этомъ дѣлѣ!...

— Такимъ образомъ, знаете, единогласно и порѣшили на томъ, чтобы не трогать пророчицу.

«— Да, кромѣ того, господа, можетъ быть, она и въ самомъ дѣлѣ еще святая? прибавилъ все-таки еще, въ заключенiе, судья.— Это дѣло для насъ вѣдь темное...

«— Тѣмъ лучше! отвѣчали всѣ.

— Я, грѣшный человѣкъ, тоже поддакнулъ тутъ. Всѣ, молъ, доказательства *предъявленiя* есть... Самъ, говорю, испытать!...

— Только покончили мы эту бесѣду, какъ глядимъ: и наши жены вернулись отъ пророчицы. Засѣдательша пересказала ужь все исправницѣ, попадья протопопицѣ, а моя жена ударила въ городѣ по чиновницамъ, и пошла кутерьма такая, что Боже ты мой! Всѣ бабы въ городѣ вдругъ зазбирались къ пророчицѣ за прорицанiями... Засѣдательша вошла вдругъ въ зало съ исправницей и ну расписывать все по порядку про пророчицу. Исправница прерываетъ ее, и обращается къ мужу своему:

«— Вообрази, говоритъ, душа моя, Марья Ивановна спрашиваетъ пророчицу, счастлива ли она замужемъ? А та вдругъ ей отвѣчаетъ: счастлива, говоритъ, такъ, что нетолько мужемъ никогда не была биваема, но на масляницу и сама его прибила... Согласись, другъ мой, какъ же это она въ Иркутскѣ-то объ этомъ узнала?

«— Зачѣмъ же вы объ этомъ передаете? замѣтила засѣдательша: — я вамъ объ этомъ вѣдь по секрету сказала?...

«— Ну, какой же тутъ секретъ, вѣдь объ этомъ ужь и безъ того всѣ знаютъ!... Мало-ли что въ жизни бываетъ между женою и мужемъ?

— Засѣдатель сконфузился, потому что подобный казусъ съ нимъ дѣйствительно случился въ этотъ годъ.

«— Да еще какiя вещи разсказывала, тараторила исправница.

— И подошедши къ мужу, зашептала ему на ухо... Исправникъ вспыхнулъ даже, какъ маковъ цвѣтъ...

«— Вообрази, даже знаетъ и такiя вещи!...

«— Полноте, полноте, нельзя же всего сказывать мужчинамъ, стала ужь унимать засѣдательша исправницу.—Вѣдь я вамъ по секрету сообщила это...

Digitized by Google

— Исправница не унималась и начала по секрету росписывать другія пророчества.

— Среди такихъ удивленій пророчицѣ вошелъ вдругъ къ намъ сотскій изъ села «Лубяновъ», и принесъ завернутые въ тряпку четыре пальца, отрубленные отъ человѣческой руки. Всѣ присыпали къ сотскому, и начали разсматривать окровавленные пальцы. Подлетѣли-было сюда и наши дамы, но исправница, взглянувъ на мертвечину, вскрикнула: «ахъ!» и бацъ въ обморокъ... Ее увели въ свои комнаты.

«— Что это, братъ, такое? закричали всѣ, въ одинъ голосъ на сотскаго.

«— Да вотъ, говоритъ, Ермолай Зайцевъ отрубилъ нынѣшнюю ночь у вора, что полѣзъ къ нему въ окно въ чуланъ...

— Зайцевъ стоялъ тутъ же.

«— Какъ же это, братъ, ты ухитрился? стали всѣ спрашивать Зайцева.

«— Таково вотъ, отвѣчалъ Зайцевъ.—Легъ я въ эту ночь въ кладовой, али чуланѣ, что чрезъ сѣни у меня сдѣлано, и не могъ долго уснуть, все блохи, да тараканы кусали. Допрежде никто и не спалъ въ этомъ чуланѣ, а тутъ какъ-то пришлось. Вдругъ кто-то поднялъ окошко да и полѣзъ въ него. У меня отъ брата, что на побывку приходилъ, осталась сабля и лежала за сундукомъ, такъ заржавленная ужь — я схватилъ ее, да къ окну: воръ-то назадъ, и царапается-царапается по окну-то. Я саблей-то вишь какъ стукнулъ по рукѣ, оно пальцы-то и остались на подоконникѣ. Кажись бы заржавленная была, а вотъ отхватила!...

«— Ну, а вора ты не примѣтилъ и не знаешь, куда онъ скрылся? спрашивали Зайцева.

«— Не могъ признать; видѣлъ только, что онъ убѣжалъ черезъ заборъ.

— Исправникъ тотчасъ же мнѣ приказъ даетъ отрядить сыщиковъ во всѣ окрестныя мѣста и розыскать: у кого недостаетъ пальцевъ? Я беру, батинька, съ собой пальцы эти, сажусь на лошадей и ѣду немедленно же домой. Собираю всѣхъ сыщиковъ своихъ и даю имъ строгій приказъ: немедленно отыскать человѣка безъ пальцевъ... Переходить, говорю, непремѣнно всѣ кабаки, знахаровъ, ворожеекъ и мелочныхъ торговокъ, и вывѣдать отъ нихъ, не приходилъ ли кто за лекарствами, или кровь заговаривать и т. п. Разсыпались мои молодцы по всѣмъ таковымъ мѣстамъ и,

Digitized by Google

на другой же день доносятъ, что въ селѣ «Каменкѣ» у знахарки Аксиньи былъ человѣкъ, и спрашивалъ лекарства-присыпки отъ ранъ. Я на этотъ пунктъ сейчасъ же налегъ и знахарку за бока: кто, дескать, и когда былъ? Та указала на того, кто приходилъ къ ней, кто приходилъ указалъ на того, кто его послалъ, кто послалъ указалъ на того, кто поручилъ, кто поручилъ указалъ на того, кто его прислалъ и т. д., такъ что, наконецъ, добрались и до безпалаго и схватили его. Что же вы думаете? оказался безпалымъ-то одинъ ученикъ пророчицы. Забираютъ его со всѣмъ его имуществомъ и представляютъ ко мнѣ въ станъ. Смотрю! дѣйствительно одинъ изъ тѣхъ мужиковъ, который распѣвалъ въ моемъ присутствіи съ пророчицею, подпоясанный бѣлымъ полотенцемъ. Лицо такое черное, волосы темно-сѣрые, борода широкая, глаза такъ и прыгаютъ.

«— Не твои ли, молъ, братъ, это пальцы?

«— Не знаю, говоритъ.

«— А не знаешь, молъ, такъ мы приставимъ и посмотримъ.

— Приставляемъ отрубки, и они какъ разъ подошли къ его рукѣ.

«— Ну, теперь, говорю, увѣрился, что твои?

«— Мои, говоритъ, значитъ!...

«— Какъ же, молъ, ты ихъ потерялъ?

«— Богу ужь такъ, видно, угодно!...

— А самъ, смотрю, на пальцы-то свои все дуетъ. Вижу, руку-то у него разнесло отъ какихъ-то снадобьевъ, такъ-что оконечности оставшихся пальцевъ пошли ужь гноиться.

«— Ты кто же, говорю, у пророчицы-то?

«— Ученикъ, говоритъ.

«— А больненько, молъ, братъ, видно рукѣ-то?

«— Ничего, отвѣчаетъ:—Богъ подкрѣпитъ...

— А у самого, смотрю, лицо инда корчитъ отъ конвульсій. Роюсь я въ сумкѣ его и нахожу стихи. Читаю:

Вы братцы любезны
Удалйтесь бездны.
Царство покупайте,
Плотямъ не уступайте;
Старайтесь, какъ можно,
Богъ судитъ неложно.
Да неужели ужь, други,
Было не въ примѣту,
Какъ Богомъ-то свѣтомъ
Всегда говорится —

Digitized by Google

То и сотворится.
Да не надобно, други,
Суетой хвалиться,
А только намъ надо
Батюшкѣ молиться.
Батюшка родимый
Отъ насъ недалече,
Онъ пречистыми очами
Всѣхъ государь видитъ,
Да не хочетъ владыка
Никого обидѣть.
Вы братцы любезны
Садитесь *крѣпче*
Заедино вмѣстѣ...
Слушайте отъ Бога
Каки идутъ вѣсти:
Удаляйтесь, други,
Отъ негодной лести.
Кого плоть не искуситъ,
Того въ царство пустятъ,
А злыхъ-то злодѣевъ
До насъ не допустятъ.
Покроетъ Владыко
Насъ своимъ покровомъ,
Своимъ святымъ духомъ. Аминь.

«— Ну, это, молъ, что̀ за чепуха?

«— Божественное, говоритъ, писаніе...

«— И съ неба?

«— Оттуда...

«— Ты ходилъ туда, или пророчица принесла?

«— Пророчица принесла.

«— И это, молъ, раздаете народу?

«— Раздаемъ.

«— Ну, и читаютъ?

«— Во спасеніе и умудреніе наставляются.

«— Ты, говорю, грамотный?

«— Грамотный.

«— Значитъ, самъ писалъ стихи эти?

«— Самъ.

«— Какъ же самъ, когда говоришь, что они съ неба?

«— Я списывалъ съ тѣхъ...

— Пересматриваю дальше сумку молодца и нахожу еще стихи. Читаю и ихъ:

Ай, гулюшка голубокъ,
Куда разумъ твой глубокъ

Digitized by Google

Птица райскій горкунокъ!
Когда птицею гуркуешь
Все про царствіе толкуешь,
Ты про царство про небесно
И про рай про блаженный.
Повелѣньемъ все творишь,
Христосъ воскресъ! говоришь,
Лѣность творить не велишь,
Во страхѣ всѣмъ пребывать
Завсегда, сударь, велишь.
Всякой часъ, всяку минуту
Благодатью ты владаешь,
Всей вселенной управляешь,
Невидимо тамъ бываешь,
Гдѣ въ смиреньи пребываютъ
И гдѣ просьбы задаютъ,
Тамъ сошествіе творишь,
Ко избраннымъ говоришь.
Глаголъ тихій изливаешь
Все тайное открываешь,
Впередъ тайну прорекаешь,
Соколомъ туда летаешь.
Внутри дышетъ теплота,
Разрыдалась сирота,
Расплакалась вѣрная
Вѣрно-праведная душа.
Принесла Богу,
Пошла волей на страды
Во тѣ замки, во тюрьмы,
Просидѣла во затворѣ,
Не была долго въ соборѣ.
Протекало быстро время
Отъ божественной руки,
Орошала тамъ роса,
Появилася краса,
Если душа хороша.
А изъ рая, соколика,
Позвали душу въ долину,
Показали всѣ угоды,
Гдѣ ликуютъ праведны роды.
Обѣщали за труды
Вострубить во всѣ трубы.
Какъ восплакалась душа
Передъ Батюшкой Отцомъ:
«Слышу, вижу, государь!
Даришь, жалуешь вѣнцомъ,
Не оставь меня во вѣкъ!
Духъ святой меня прорекъ:
Хоть головушку сложить,
Да съ тобой свѣтомъ пожить,
Во блаженствахъ всегда быть
Грѣха злаго погубить.
Подъ покровомъ твоимъ стану
Прославлять тя не престану»...

Digitized by Google

«— И это, молъ, тоже съ неба?

«— Оттуда.

«— Больше ничего нѣтъ при тебѣ?

«— Нѣтъ!...

«— Ну, ладно. Теперь закуйте-ка его, говорю своимъ архангеламъ:—въ кандалы, да посадите въ арестантскую, потомъ заберите пророчицу, со всѣми ея учениками и въ станъ немедленно же представьте...

V.

Путешествіе по раю и аду.

— Исправникъ изъ земскаго суда прислалъ мнѣ предписаніе, на мое донесеніе о безпаломъ ученикѣ пророчицы, произвести строжайшее слѣдствіе, при депутатѣ съ духовной стороны и засѣдателѣ суда, надъ пророчицею и ея учениками, которые, какъ онъ выразился, вѣроятно, тѣмъ только и занимаются, что воруютъ, да подкидываютъ, а пророчица отгадываетъ. А въ концѣ предписанія приписалъ карандашомъ своею рукою: «*стыдно господину приставу рекомендовать за пророковъ надувалъ; кажется, служитъ не первый годъ*». Стыденько мнѣ стало, дѣйствительно, скажу вамъ, когда я получилъ такую бумажку; но вѣдь, согласитесь, случай такой *необыкновенный*, трудно было сообразить! Правда, меня брало раздумье, отчего это, молъ, пророчица-то отгадываетъ все одни воровства, да и замѣтилъ я, что съ прибытіемъ ея въ мой станъ, воровство вообще увеличилось, но какъ-то *боязно* было на этомъ только основаніи назвать пророчицу мошенницею. Все думалось: а что, если она въ самомъ дѣлѣ святая женщина? Но тутъ-то ужь, когда попался ученикъ ея въ воровствѣ, мнѣ стало ясно, что я немного опростоволосился. Показалъ я предписаньице земскаго суда своей покойницѣ и говорю:

«— Вотъ, молъ, что значитъ бабъ-то слушать, посмотри-ка, что приписалъ мнѣ исправникъ карандашомъ-то?

— И, разсказавъ ей исторію ученика пророчицы, показалъ предписаніе земскаго суда и приписочку г. исправника.

«— Вы, говоритъ, всѣ-то дураки; вы рады, пожалуй, всѣхъ мучениковъ-то святыхъ вновь перемучить, да въ острогахъ заморить, еслибы они сошли съ неба къ народу.

— И пошла, знаете, и пошла моя баба, не тѣмъ будь помянута,

Digitized by Google

такъ что я насилу унялъ ее... Слышу однако, что она къ попадьѣ побѣжала и ее опять всполошила, дьяконицу и пономарицу на ноги поставила и жену подвальнаго откупныхъ питей привела въ *умиленіе* и *сострадание* къ пророчицѣ, такъ что, когда пророчицу и семь ея учениковъ привезли закованными въ наше село и посадили въ кутузку при становой квартирѣ, то бабы половина села вся была за пророчицу, и во время допроса многія изъ нихъ выпросились побыть въ числѣ любопытныхъ. Допросъ этотъ мы рѣшились сдѣлать въ квартирѣ священника, потому что это съ одной стороны было приличнѣе для такой особы, какъ пророчица, а съ другой и самъ священникъ просилъ объ этомъ, чтобы доставить случай женѣ своей съ дьяконицею и прочимъ ея синклитомъ послушать показанія пророчицы. Я съ своей стороны не противорѣчилъ этому потому, что пророчица еще не была изобличена по суду въ томъ, что мошенница, и хоть улики противъ нея были, правда, самыя ясныя, но все-таки, почему же не оказать уваженія человѣку до его изобличенія по суду? Такимъ образомъ 6 іюня 1854 года назначили мы, получивъ кромѣ того предписаніе и губернатора, которому объ этомъ дѣлѣ донесъ особо исправникъ—снять первый допросъ съ пророчицы. Засѣдатель и депутатъ съ духовной стороны, мѣстный священникъ, были на лицо. Любопытныхъ набралось полное зало священника. Я приказалъ ввести пророчицу къ допросу. Вижу, народу набралось около священническаго дома множество. Раскольники наѣхали изъ сосѣднихъ селъ вслѣдъ за пророчицею и *ревутъ* на улицѣ *благимъ матомъ*; весь домъ окружили такъ, что я побаивался, какъ бы они не произвели какихъ безпорядковъ. Вошла наконецъ пророчица въ бѣломъ каленкоровомъ платьѣ и подпоясаная черною въ знакъ печали широкою лентою, волосы на головѣ перевязаны были назади, пучкомъ, тоже черною лентою. Члены комисіи усѣлись вокругъ стола, на которомъ положили Сводъ Законовъ, и объявили прежде всего пророчицѣ предписаніе земскаго суда и начальника губерніи; потомъ засѣдатель показалъ ей стихи, найденные при ней во время ея арестованія. Письмоводитель сталъ читать эти стихи.

Аще Господемъ пасуся,
Лишенія не убоюся.
Мысли злачны взвеселятъ,
Упокойныхъ питаютъ.
Душу мою обнялъ еси
Живый Боже на небеси.

Digitized by Google

Пребываешь ты въ чудесѣхъ,
Главу мою масломъ маслишь
И далъ еси чашу свою.
Я же дивно увоваю,
Радость въ сердцѣ содѣваю.
Я со ангелы ликую,
Въ винограднѣ *работаю*,
Тебя красно воспѣваю,
Церковь твою прославляю,
Благодатью утверждаю.
Богу слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

«— Твои это стихи? спросилъ засѣдатель.

«— Мои, отвѣчала пророчица.

«— Гдѣ же это ты со ангелами-то ликуешь, и въ какомъ винограднѣ работаешь?

«— Въ здѣшнемъ, говоритъ, гдѣ *водворилось запустѣніе* и все *заросло травою негодною*.

— Мы всѣ переглянулись между собою, а пророчица сказала, что если будутъ надъ ней смѣяться, и призвали ее для того только, чтобы шутить съ нею, то она откажется отъ дачи всякихъ отвѣтовъ, что̀ бы съ нею ни дѣлали. Мы приняли это къ свѣдѣнію.

«— Ну, а эти стихи тоже твои? спросилъ уже я пророчицу, показывая ей другіе стихи, найденные при ней?

— Я, говоритъ, наизусть не знаю, прочтите.

— Письмоводитель зачиталъ:

Пой дитятко во соборѣ,
Когда убранъ во уборѣ,
Убиралъ тебя Отецъ
Искупитель Богъ творецъ,
Подарилъ тебѣ ларецъ
Со своимъ со добромъ
И со златомъ, серебр̀омъ.
Будь богатъ, доброхотъ,
Когда пошелъ во походъ.
Ты гляди, назирай,
Гдѣ стоитъ блаженный рай:
Вотъ тебѣ моя исправа:
Суди судомъ божьимъ право.
На главу твою вѣнецъ
Самъ накладывалъ отецъ.
Наложивши государь,
Самъ изволилъ прорекать:
«Ужь ты дитятко не плачь!
Тамъ и нуженъ златой ткачъ.

Digitized by Google

Не убойся такой страсти,
Избавитъ Богъ отъ напасти.
Я пошлю тебя въ синодъ
Понавѣдать тамъ сиротъ.
Ты реки имъ, пророкай
Про мое про царство!

«— Это кто же тебѣ изрекалъ такія слова? спросили мы пророчицу.

«— Самъ, говоритъ, Богъ.

«— Такъ самъ онъ и писалъ тебѣ, и даже стихами?

«— Нѣтъ, я сама это писала.

«— Ты, значитъ, грамотная?

«— Хотя грамотная, но наукамъ неученая; когда вернулась съ того свѣта и духъ божій накатилъ на меня, то незримо и чудесно познала всякую премудрость.

«— Такъ ты была на томъ свѣтѣ? спросили мы всѣ въ одинъ голосъ и растопырили, знаете, отъ удивленія глаза.

«— Была, говоритъ.

«— Давно?

«— Прошлаго года.

«— Какъ же это случилось?

«— Вамъ, говоритъ, этого ненужно знать. Законъ этого не требуетъ.

«— Нѣтъ, и законъ требуетъ, сказалъ засѣдатель:—но ты можешь, конечно, скрыть это—въ чужую душу влѣзть нельзя, только скажу тебѣ, что если ты будешь откровенна предъ нами и скажешь всю правду безъ утайки, то и законъ тебя помилуетъ и мы напишемъ о тебѣ высшему начальству съ хорошей стороны, а можетъ быть, и сами увѣруемъ въ тебя и отпустимъ на свободу, въ противномъ же случаѣ, тебя мы можемъ сослать навѣчно въ каторжныя работы, въ рудники, знаешь ихъ?

«— Мнѣ, говоритъ, рудники нестрашны, но Христосъ не велѣлъ мнѣ скрывать свое имя и посланничество мое, а напротивъ, велѣлъ повѣдать міру все видѣнное, потому только я и могу открыть вамъ все видѣнное мною на небѣ.

«— Ну хоть и по этому только, сказали мы всѣ.

«— Пророчица окинула взоромъ собраніе, какъ-бы приглашая всѣхъ къ слушанію, и, желая во всѣхъ найти себѣ вѣру и уваженіе, заговорила:

«— Сослали меня съ батюшкой и матушкой въ Сибирь восточ-ю *за расколъ* и велѣли жить, да нетужить. Гнали насъ полгода

Digitized by Google

и ноженьки наши всѣ поотбилися, а домъ нашъ со всѣмъ имуществомъ разорили въ конецъ. Батюшка и матушка мои все плакали о такомъ разореніи, и я, наглядѣвшись на эту ихъ жизнь несчастную, сама загрустила, да такъ, что стала собираться идти въ какой нибудь скитъ, или пещеру; Богу начала молиться день и ночь, отъ взоровъ мужчинъ избѣгать; отъ суеты мірской сторониться. Стали на меня люди дивовать, что я такая молодая еще и къ Богу такъ сильно стремлюся, а на дѣла мірскія незазрюся. И приходили ко мнѣ люди наши съ плачемъ и слезами *о гоненіи своемъ отъ начальства* и жизнь свою *проклинали*... Мнѣ стало жалостно на все это глядѣть, и захотѣлось узнать, за что же, молъ, это насъ раскольниковъ гонятъ, и чья же въ самомъ дѣлѣ вѣра правѣе: наша или православная? Стала я слезно молить тутъ Бога о томъ, нельзя ли, молъ, рабѣ твоей невинной дѣвицѣ, узнать, чья вѣра на землѣ справедливѣе и кому на небѣ лучше бываетъ: раскольникамъ или православнымъ? Молилась я съ годъ объ этомъ, только вдругъ осенью простудилась, когда мыла на рѣкѣ и захворала, да такъ, что и память потеряла совсѣмъ. Слышу, что лежу на кровати, а сама все въ видѣніяхъ какихъ-то пребываю. Читала я передъ этою только болѣзнію житіе преподобной Ѳеодоры мученицы, и думала: вотъ, какъ бы, молъ, Богъ сподобилъ меня также увидѣть, что на небѣ дѣлается, да потомъ и спустилъ опять на землю, хорошо бы было, я всю истину людямъ разсказала бы!... Такъ я пролежала недѣли три въ разслабленномъ состояніи и наконецъ въ одну ночь, какъ разъ подъ Покровъ, вижу, что дверь въ нашу избу отворилась и вошла госпожа въ бѣломъ платьѣ, въ чепчикѣ съ цвѣтами и идетъ-идетъ прямо къ моей кровати. Я испугалась. «Не бойся, говоритъ, раба божія, меня, я за тобой пришла!» Да кто молъ, ты? «Я, говоритъ, мученица божія Ѳеодора, пойдемъ со мною на небо, ты молила Бога объ этомъ!» Я совсѣмъ проснулась отъ этого, сдѣлалась точно здоровою и подошла къ ней безбоязненно. Тутъ вдругъ потолокъ нашей избы разверзся и мы полетѣли сквозь него на небо; большія бѣлыя крылья вдругъ замахали у насъ обѣихъ за плечами. Съ день этакъ времени, мы все летѣли; смотрю, на землѣ ужь люди маленькіе такіе стали, точно дѣти. Я спросила мученицу: много ли, молъ, верстъ мы пролетѣли? «Верстъ, говоритъ, тысячу, раба божія». Чувствую я, однако, что мнѣ все жарче становится и солнышко дѣлается къ намъ все ближе и ближе. «Скинь, сказала мнѣ мученица, твою земную

Digitized by Google

одежду и облекись въ небесную!» И снявши съ себя верхнее кисейное платье, она одѣла меня имъ, а сама осталась въ другомъ платьѣ, еще бѣлѣе этого. «Брось, говоритъ, земную одежду свою на землю, да посмотри, нѣтъ ли въ карманѣ ключа, или еще чего тяжелаго, чтобы не убить кого?» Я осмотрѣла карманы своего сарафана, и когда не нашла въ нихъ ничего, то бросила его на землю. Смотрю—онъ завружился, точно птица вотъ иногда падаетъ, когда обожжетъ крылышки у солнца, залетѣвши высоко... Когда пролетѣли мы другой день, то я опять спросила мученицу: а теперь, молъ, много ли верстъ мы поднялись отъ земли? «Теперь ужь, говоритъ, двѣ тысячи верстъ». Я посмотрѣла опять на землю, а тамъ ужь однѣ трубы на домахъ виднѣются, а люди стали точно комары, такъ этакъ ползаютъ—ползаютъ по землѣ-то... На третій день мы подлетѣли ужь совсѣмъ къ солнышку, смотрю я—а оно *привѣшено какъ сито* къ потолку и не шелохнетъ, такъ это утверждено крѣпко!... Палитъ, вижу, это солнышко, какъ пламя въ печи, а мнѣ совсѣмъ не жарко, и вѣтерокъ небесный такъ и порхаетъ кругъ мѣня, да *продуваетъ*... «Теперь, раба божія, не жарко тебѣ?» спросила меня мученица. Нѣтъ, говорю, не жарко. «Въ небесной, говоритъ, одеждѣ не будетъ жарко». А много ли, молъ, теперь верстъ мы отлетѣли отъ земли? спросила я въ третій разъ мученицу. «Теперь ужь, говоритъ, мы поднялись на три тысячи верстъ и сейчасъ будемъ на небѣ». Я взглянула еще разъ на землю, анъ ужь одинъ только крестикъ отъ колокольни виднѣется и блеститъ на солнышкѣ, а село наше чуть-чуть только чернѣется. «Теперь, сказала мученица, конецъ путешествію нашему, вотъ и небо!» Пролетѣли мы тутъ вдругъ синюю стѣну въ сводѣ небесномъ и земля съ солнцемъ совсѣмъ пропала тогда у насъ изъ глазъ; мы очутились на небѣ. Смотрю я, небо раздѣлено пополамъ на двѣ половины: на правой сторонѣ стоитъ рай, а на лѣвой адъ. Мученица повела меня сначала въ адъ, гдѣ текла огненная большая рѣка, а чрезъ рѣку была перекинута желѣзная цѣпь. «Пойдемъ по этой цѣпи, сказала мнѣ мученица:—я покажу тебѣ всѣ мытарства ада». Да я упаду, отвѣчала я. «Не бойся, говоритъ, раба божія:—дай мнѣ руку и иди за мной!» Тутъ она меня взяла за руку и повела черезъ цѣпь. Вижу я, адъ раздѣленъ поперегъ на перегородки каменными стѣнами, точно комнаты въ домахъ, или вотъ какъ плотинами перепружаютъ рѣчку... Идемъ мы по цѣпи, а она такъ и жиблется, а у меня-то сердце такъ

Digitized by Google

и замираетъ-замираетъ!... Вижу я, грѣшныя души, голыя совсѣмъ, палятся въ огнѣ и карабкаются по стѣнѣ каменной, чтобы подняться изъ огня-то на стѣну. Вылѣзетъ это иная совсѣмъ изъ рѣки-то и сажня два-три пролѣзетъ по стѣнѣ, да потомъ, вдругъ такъ и чебурахнется, вотъ точно какъ тараканъ ползетъ, напримѣръ, по стѣнѣ, да потомъ вдругъ его бы столкнуть на полъ».

— И пророчица, подошедши, батенька, къ стѣнкѣ зала, начала на штукатуркѣ стѣны показывать пальцами, какъ это грѣшныя-то души ползаютъ по стѣнѣ каменной, а потомъ вдругъ и обрываются... Всѣ присутствовавшіе при допросѣ обратили любопытные взоры свои на стѣну.

«— А изъ какого камня стѣны-то сдѣланы? спросилъ пророчицу засѣдатель.

«— Не знаю я въ камняхъ толку-то, отвѣчала пророчица:—а только видѣла, что онѣ изжелта такъ...

«— Изъ гранита, должно быть?

«— Можетъ статься...

«— А можетъ быть, и изъ мрамора?

«— Можетъ быть, и изъ него; доподлинно не могу сказать...

«— А отроки тамъ лѣтъ въ пятнадцать, вотъ какъ мой покойный Васенька, мучатся тоже, или нѣтъ? закричала вдругъ попадья изъ передняго угла залы.

«— Тс!... При формальномъ допросѣ, матушка, нельзя никому давать вопросовъ подсудимому, кромѣ лицъ начальственныхъ, обратился къ попадьѣ засѣдатель и сказалъ внушительно...

— Та замолчала, а священникъ сконфузился такъ за нее...

«— Ну, продолжай, лебедка, продолжай, сказали мы потомъ пророчицѣ.—Мы мѣшать тебѣ не будемъ.

«— Вотъ я, продолжала пророчица:—и спросила тутъ мученицу: что же, молъ, это значитъ, что души-то грѣшныя, то вылѣзутъ изъ рѣки, то опять туда упадутъ?» Это говоритъ, значитъ, что о грѣшной душѣ, когда совершается на землѣ поминовеніе, или священникъ обѣдню служитъ по ней, или панихиду, или милостыня по ней раздается родными, то ей здѣсь дѣлается облегченіе и она вылазитъ вотъ на стѣну изъ пламя и простываетъ, а какъ кончается это поминовеніе, такъ она опять въ геенну падаетъ». А что же, молъ, значатъ эти перегородки въ рѣкѣ? спросила я мученицу. «Это, говоритъ, мытарства». А сколько, молъ, этихъ мытарствъ-то? «Двадцать, говоритъ, и вотъ это первое мытарство, въ ко-

Digitized by Google

торомъ истязуются грѣхи словъ праздныхъ, буихъ, скверныхъ, безчинныхъ, а наипаче срамословныхъ и смѣхотворныхъ, произносимыхъ въ пѣсняхъ и другихъ кощунствахъ». Потомъ мы перешли ко второй стѣнѣ и цѣпь желѣзная подъ нами зашаталась шибче... «Тутъ, сказала мученица:—второе мытарство, въ которомъ истязуется всякое слово ложное, а особенно клятвопреступленія, призываніе имени Господа всуе, лжесвидѣтельства и исповѣданіе грѣховъ не по истинѣ бывающее». Смотрю я: души грѣшныя плачутъ какъ дитя малое, и руки къ небу простираютъ. Цѣпь желѣзная подъ нами еще шибче зажиблилась и мы стали шататься. Я сказала мученицѣ, что боюсь упасть въ рѣку огненную. «Не бойся, говоритъ, раба божія, и держись за меня крѣпче; вотъ, говоритъ, мы приближаемся къ третьему мытарству, гдѣ истязуются тѣ, кои осуждаютъ ближнихъ и смѣются грѣхамъ ихъ, клевещутъ, безславятъ и хулятъ. Таковыхъ испытываютъ какъ антихристовъ, санъ Христосъ предвосхитѣвшихъ и сотворившихся судьями и губителями ближнимъ своимъ. Тутъ, говоритъ, огонь горитъ жарче, чѣмъ въ первыхъ мытарствахъ». Прошли мы и это мытарство и приблизились къ четвертому. «Смотри, сказала мнѣ мученица:—какъ тутъ черные духи встрѣчаютъ съ веселіемъ пьяницъ и износятъ на встрѣчу чашки, блюда съ пищею и посуду съ напитками и обличаютъ въ тайномъ, раннемъ, безъ крестнаго знаменія, прежде церковного правила, яденіи, также въ пресыщеніи за обѣдомъ и ужиномъ пищею и питіемъ, а особенно виномъ». Вижу я, что тутъ духи горные кишатъ кишма среди грѣшныхъ осужденныхъ душъ и подчуютъ чѣмъ-то, что̀ издали представляется, какъ гной смердящій... А цѣпь подъ нами, слышу, стала шибче и шибче жиблиться. Огонь, вижу, тутъ былъ жарче и все сильнѣе-сильнѣе... «А вотъ смотри, сказала мученица:—какъ въ пятомъ мытарствѣ истязаются люди, дни и часы въ праздности проведшіе, и наказываются тунеядцы, чужіе труды снѣдающіе, сами же дѣлать нехотящіе и работники берущіе плату, но какъ должно неработающіе, также нерадящіе о хвалѣ божіей, лѣнящіеся въ праздничные и воскресные дни идти на утреню и божественную литургію и иныя славословія божія и нерадящіе о душѣ своей». Вижу я, что тутъ чаще души грѣшныя взлѣзаютъ по стѣнѣ и остаются въ ней подолгу. Я спросила мученицу: почему, молъ, это тутъ больше на стѣнѣ укрываются отъ огня, чѣмъ въ другихъ мытарствахъ? «Это, говоритъ, значитъ, что когда осужденные-то въ церкви на землѣ были и мо-

Digitized by Google

лились, то на это время и имъ тутъ дается отдохновеніе отъ мученій, а какъ они выходили изъ церкви и опять принимались за свои грѣшныя дѣла, такъ они тутъ вотъ падаютъ опять въ огонь». Однако мы прошли далѣе шестое мытарство, гдѣ мучаются воры, потомъ седьмое, гдѣ мучаются сребролюбцы и скупые, потомъ осьмое, гдѣ истязуются отдающіе сребро свое въ лихву, и подошли къ девятому. «Здѣсь, сказала мнѣ мученица:—истязуются всѣ судіи неправедные, на мздѣ судящіе и оправдывающіе виновныхъ, невинныхъ же осуждающіе, также всѣ за удержаніе мзды наемникамъ и неправедную мѣру и вѣсъ». Смотрю я, а въ этомъ мытарствѣ все-то»...

— И пророчица замялась...

«— Говори, говори! сказали мы.—Что *все-то?*...

«— Да вамъ, говоритъ, не понравится, можетъ быть?

«— Ты не предъ нами вѣдь говоришь, а предъ закономъ, сказалъ засѣдатель:—потому намъ за что же сердиться на показанія подсудимыхъ?

«— Да все-таки...

«— Ну, ну?

«— Все-то губернаторы, исправники, засѣдатели, да становые мучаются, отвѣчала пророчица...

«— Ну, и пусть ихъ мучаются; вѣдь насъ ты тамъ не видала? сказали мы смѣшкомъ, знаете... А самимъ дѣйствительно было немного неловко...

«— Нѣтъ, говоритъ, не видѣла *еще*...

«— Ну, а до другихъ, говоримъ, дѣла нѣтъ.

«— Да все-то въ *мундирахъ* *всѣ*, въ звѣздахъ и крестахъ.. сказала боязливо такъ пророчица...

«— Какъ же, молъ, мундиры-то на нихъ не сгораютъ развѣ?

«— Не сгораютъ вишь; стало-быть для того, чтобы видѣли другія грѣшныя души, *за что* они мучаются...

«— Ну дальше, дальше, что видѣла ты въ слѣдующемъ мытарствѣ? сказалъ засѣдатель, желая прекратить дальнѣйшее разъясненіе пророчицы по этому предмету...

«— Вотъ, заговорила она:—прошли мы дальше десятое мытарство, гдѣ мучаются за зависть, нелюбовь, братоненавидѣніе, недруголюбіе и ненависть, и подошли къ одинадцатому. Слышу, подо мною цѣпь такъ ужь раскачалась, точно качели, такъ вотъ того и гляди, что упадешь въ геенну. Я сказала опять мученицѣ, что больно, молъ, боюсь, какъ бы не упасть туда. «Держись за

Digitized by Google

меня крѣпче, отвѣчала она мнѣ: — не упадешь!» Вижу я, что огонь тутъ пылалъ еще шибче всѣхъ прежнихъ. «Тутъ, сказала мнѣ мученица: — гордостно надмѣнніи души истязаются за тщеславіе, самомнѣніе, презорство, величаніе, взыскуются, если кто невоздавалъ должныя чести отцу и матери и прочія гордостныя дѣла и слова тщеславныя». Въ двѣнадцатомъ мытарствѣ я видѣла, какъ мучаются за гнѣвъ, въ тринадцатомъ истязуются держащіе въ сердцахъ своихъ злобу на ближняго и воздающіе зломъ за зло, въ четырнадцатомъ мучаются за разбойничество, за всякую рану и всякое удареніе чѣмъ либо и гдѣ либо по какой нибудь части тѣла, въ пятнадцатомъ нечистые духи, подобно скорпіонамъ и зміямъ, истязуютъ осужденныхъ за отравленіе и призываніе бѣсовъ. Тутъ я спросила мученицу: ужели, молъ, всѣ души проходятъ чрезъ эти мытарства и нельзя человѣку пройти безъ истязанія и мученій? «Нельзя, отвѣчала она: — другого пути нѣтъ, но не всѣ такъ истязаются, ибо если кто покается, тотъ проходитъ безбѣдно»... Прошли мы и это мытарство и подошли къ шестнадцатому. Мученица сказала мнѣ, «что въ немъ истязуется всякое любодѣяніе и грѣхи блуднаго мечтанія, скверныя осязанія и страстныя прикосновенія». Вижу я, что князь этого мытарства сидитъ на престолѣ своемъ, облеченный въ одежду скверную, смрадную и окропленный пѣною кровавою. Бѣсы, держа въ рукахъ написанныя блудныя дѣла, обличаютъ осужденныхъ, показываютъ лицъ, съ коими они грѣшили, дни, часы и мѣста, гдѣ это происходило... Пламя въ этомъ мытарствѣ было такъ сильно, что захватывало меня за ноги, однако я не чувствовала, чтобы оно меня жгло... Прошли мы потомъ семнадцатое мытарство, гдѣ мучаются за прелюбодѣяніе въ супружествѣ жившіе и нарушившіе супружескую вѣрность, а также чистоту свою обѣщавшіе соблюсти Христу, но обѣта несоблюдшіе, чрезъ восьмнадцатое—гдѣ истязуются за содомскій грѣхъ, чрезъ девятнадцатое—гдѣ наказуются за ересь и наконецъ двадцатое, гдѣ князь тьмы и духи яры истязуютъ души немилосердыхъ, и если кто совершилъ и многіе подвиги, посты и молитвы и чистоту соблюлъ несквернy и тѣло свое очистилъ воздержаніемъ, но былъ жестокосердъ и немилостивъ, то низвергается въ рѣку... «Теперь, сказала мнѣ мученица:—ты видѣла мытарства въ аду, пойдемъ же въ рай, и я покажу тебѣ блаженство праведныхъ». Смотрю я: вдругъ предъ нами стоитъ стѣна изъ чернаго облака и ничего въ ней не видно. Мы прошли чрезъ

Digitized by Google

эту стѣну и глазамъ моимъ открылся рай. Луга такіе зеленые вездѣ, рѣки молочныя и медовыя текутъ, а на бережку ихъ сидятъ праведныя, да *черпаютъ рукою* сыту медовую и *кушаютъ* кашку молочную... Ангели небесные и херувимы летаютъ надъ ними по воздуху взадъ и впередъ, точно вотъ надъ землею голуби, и крыльями своими вѣтерокъ производятъ... На деревахъ растутъ яблоки золотыя, а души праведныя гуляютъ по садикамъ да срываютъ яблочки и въ карманъ кладутъ, а другія кушаютъ. Я спросила мученицу: а кто, молъ, больше населяетъ рай сей? «Раскольники, отвѣчала она:—потому что они лучшую вѣру и жизнь содержатъ и *гоненію безвинно подвергаются* на землѣ, за что и милуются Богомъ, хоть иногда и грѣхи имѣютъ»... Я возрадовалась, услыша такія рѣчи, такъ что у меня на сердцѣ точно что отлегло... Прошли мы тутъ всѣ блаженства праведныхъ и подошли, наконецъ, къ престолу божьему, на которомъ сидѣлъ Христосъ и Божія Матерь. Я поклонилась до земли и Христосъ сказалъ мнѣ: иди, душа, на землю, и повѣдай людямъ все видѣнное, дабы шли они по правому пути! Тутъ я вдругъ испугалась такъ, что вся задрожала, и когда пришла въ память, то очутилась ужь на своей кровати и не видала и не помнила, какъ и кто меня съ неба спустилъ на землю, только почувствовала, что я будто все стала знать и яснѣе все стало у меня въ головѣ... Вотъ и все, судьи мои! Теперь судите меня какъ знаете!»

«— И ты съ того времени стала пророчествовать? спросили мы, батенька, пророчицу.

«— Съ того самого...

«— И писать стихи?

«— Да.

«— И по народу ихъ развозить?

«— Да.

«— Для чего же?

«— Для утѣшенія и укрѣпленія въ вѣрѣ ихъ *при перенесеніи гоненій отъ начальства*...

«— Вотъ что! сказалъ засѣдатель. — Такъ вотъ и эти стихи ты написала по вдохновенію свыше?

— И засѣдатель подалъ письмоводителю третьи стихи, отобранные при арестованіи пророчицы, для прочтенія. Письмоводитель зачиталъ:

Изъ-подъ той было крутой горы
Изъ колодезя глубокова,

Digitized by Google

Родника было господнева,
Протекала мати Втай-Рѣка.
Что по бѣлому по сахару
И по алому по бархату.
У ней донышко серебряное,
Круты бережки позолоченые,
А желты пески крупный жемчугъ
По бережку разсыпаются.
Долина-то у тоя рѣки
Отъ востока и до запада,
Ширина у ней — по всей землѣ.
Глубина-то у тоя рѣки —
Никому неисповѣдимая,
Опричь батюшки родимаго
Государя Сына Божія,
Да и матушки помощницы
Пресвятыя Богородицы.
Ужь спасибо тебѣ Втай-Рѣка,
Что ты Втай къ намъ прикатилася,
Во сердца наши вселилася,
И свѣщами засвѣтилася.
Мое сердце покорилося,
Головушка преклонилася,
Ко родимому ко батюшкѣ
Ко царю свѣту небесному
Государю Сыну Божьему,
Да и къ матушкѣ помощницѣ
Пресвятой Богородицѣ.
Послушайте, други милые,
Вы братья, сестры духовные,
Богомъ свѣтомъ полюбовные,
Сыномъ Божіимъ изобранные!
Не ходите жь вы на Шатъ-Рѣку,
А Шатъ-Рѣка шатоватая,
Шатоватая, вороватая.
И она непривѣтливая
И сшибаетъ съ ума съ разума,
Безъ великой дѣлаетъ памяти...
Еще кто у насъ на Шатъ пойдетъ,
И тотъ, други, зашатается,
Прочь отъ Бога отчается—
Въ томъ и жизнь его скончается.
И аминь! Царю небесному
Утѣшителю Сыну Божьему,
Еще матушкѣ помощницѣ
Пресвятой-свѣтъ Богородицѣ
И царицѣ небесной!...

«— Такъ эти стихи писаны тобою тоже по вдохновенію? повторилъ свой вопросъ засѣдатель.

«— Да.

«— О чемъ же тутъ говорится? Это просто галиматья, наборъ словъ...

Digitized by Google

— Пророчица осердилась за такія выраженія и не стала ничего отвѣчать...

«— Скажи же?

— Молчаніе...

«— Не хочешь говорить?

— Молчаніе...

«— Я *нѣма* и больше говорить не могу, проговорила пророчица..

«— Нѣма, а говоришь? сказали мы всѣ и захохотали...

— Молчаніе...

«— Прочтите послѣдній документъ, найденный при пророчицѣ, сказали мы письмоводителю, подавая четвертый полулистъ довольно измятой бумаги, найденный въ карманѣ пророчицы.

— Письмоводитель прочелъ:

Мы подумаемъ, братцы,
Погадаемъ, молодцы!
Какъ послѣднее время
Доживать намъ до конца:
До конца тѣла и души
Вѣчно какъ будемъ спасать!
Ужь мы станемъ, други, жить,
Богу искренно служить.
Въ небеси-то Богъ творитъ,
Духъ святой говоритъ:
«Ужь вы братья и сестры
Всѣ возлюбленны мои!
Ужь вы слушайте указъ,
Гдѣ бываетъ мой приказъ:
Вы суды *вкупѣ судите*,
А все *правду* разсудите...
Вы дѣла мои храните,
А ближнихъ не судите —
Всякой думай о себѣ
О послѣднемъ судѣ.
Вы другъ друга любите,
Свои дѣти не губите
Государя Святаго Духа
Во сердцахъ своихъ носите!...

«— Это тоже твое писаніе? спросилъ засѣдатель.

— Молчаніе...

«— Или съ неба съ собой захватила?

— Молчаніе...

«— Ты ненамѣрена больше отвѣчать намъ? спросили мы всѣ.

«— Нѣтъ.

«— Почему?

Digitized by Google

«— Что Богъ велѣлъ мнѣ повѣдать людямъ, то я сказала, больше я ничего не знаю и не вѣдаю...

«— Скажи по крайней-мѣрѣ, гдѣ ты родилась, въ какой губерніи начала пророчество свое?

— Молчаніе...

— Мы, знаете ли, батенька, тутъ встали изъ-за стола, посовѣтовались вмѣстѣ и рѣшились окончить допросъ съ пророчицы, потому съ одной стороны видимъ, что она заупрямилась, а съ другой чтобы народу не дать повода думать, что мы ихъ пророчицу истязуемъ какъ нибудь при допросахъ... Письмоводитель прочиталъ вслухъ, по нашему приказанію, записанное имъ показаніе пророчицы, мы всѣ подписались къ этому протоколу и попросили пророчицу руку приложить. Та подписалась. Ее повели обратно въ кутузку. Только, скажу вамъ, видимъ мы, что народъ встрѣтилъ ее на дорогѣ съ почестями такими, что *бросалъ ей одежду подъ ноги*, деньги *сыпалъ* на блюдо для ея, значитъ, *выкупленія*... и набравъ камни началъ швырять ими въ домъ священника, гдѣ мы допросъ чинили. Видимъ мы, что народъ, изъ окрестныхъ селъ раскольничьихъ, все прибавляется и *свирѣпѣетъ*... «Слуги антихриста!» кричатъ: «мало того, что *насъ мучатъ*, и святыхъ-то божіихъ по тюрьмамъ таскаютъ!» Сообразилъ я, что дѣло можетъ, пожалуй, плохо кончиться, и послалъ сейчасъ же съ донесеніемъ объ этомъ исправнику, проса у него и команды малотолику прислать въ село, а то, пишу, какъ бы чего дурного не случилось съ нами?!...

Ѳ. Ливановъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Digitized by Google

О ПРОСТЫХЪ ТѢЛАХЪ.

Статья первая.

Естественныя науки, или, лучше сказать, натуралисты, служители этихъ наукъ, очень любятъ хвалиться своею исключительною преданностію опыту, одному чистому, голому опыту. Они часто съ презрѣніемъ отвергаютъ всякія не-опытныя, апріорическія, абсолютныя истины, и видятъ въ нихъ только пустыя мечтанія и помѣху своимъ изслѣдованіямъ.

Безъ сомнѣнія, это—ошибка, непониманіе науки, непониманіе того метода, который составляетъ душу изслѣдованій природы. Но слишкомъ винить въ этомъ случаѣ натуралистовъ было бы несправедливо. Нѣтъ ничего мудренаго, что они, какъ люди очень занятые дѣломъ, не замѣчаютъ свойства и значенія тѣхъ пріемовъ, которые употребляютъ. Такъ-какъ они идутъ по твердой и ясной дорогѣ, то имъ не приходитъ въ голову задумываться о ея направленіи и цѣли, и можетъ показаться чѣмъ-то лишнимъ, почти вреднымъ — отвлекать ихъ вниманіе отъ работы соображеніями, отъ которыхъ работа повидимому нисколько не пойдетъ успѣшнѣе.

Бываютъ однакоже случаи, когда ошибка натуралистовъ становится чувствительною для нихъ самихъ, когда вслѣдствіе ея они приходятъ въ недоумѣніе, изъ котораго не знаютъ, какъ выйти. Прежде всего — натуралисты, разумѣется, только на словахъ не любятъ и порочатъ абсолютныя истины. Въ сущности и въ нихъ живетъ общее стремленіе человѣческаго ума къ такимъ истинамъ, которыя однѣ и заслуживаютъ названія истины. Поэтому они, чтобы примирить и то и другое изъ своихъ стремленій, обыкновенно начинаютъ питать мысль, что *опытъ даетъ абсолютныя истины* — мысль, невозможную по самой сущности опыта.

Такимъ образомъ безпрерывно встрѣчается у натуралистовъ, что какая-нибудь опытная, слѣдовательно относительная истина принимается за абсолютную. Отсюда рождается двоякое недоразумѣніе.

Вопервыхъ, является противорѣчіе понятію опыта. Опытъ ничего абсолютнаго доказать не можетъ: абсолютная истина при-

Digitized by Google

надлежитъ только апріорическому, только тому, что̀ можетъ быть доказано безъ опыта. Но опытные изслѣдователи часто думаютъ, что опытъ есть единственный источникъ истины, а потому есть источникъ *всякой* истины. Поэтому они иногда приходятъ къ смѣшной попыткѣ *доказывать опытомъ абсолютность какого-нибудь вывода*. Въ этомъ случаѣ, когда берутся подтвердить на опытѣ то, чего никакой опытъ дать не можетъ, очевидно забываются границы опыта, и ему приписывается значеніе, котораго онъ не имѣетъ.

Вовторыхъ, является противорѣчіе духу науки. Каждая наука стремится къ апріорическому познанію и не можетъ остановиться ни на чемъ, что̀ не носитъ на себѣ полнаго апріорическаго характера. Поэтому сколько бы ни признавали абсолютнымъ какой-нибудь опытный выводъ, она рано или поздно начнетъ обходить его. Въ такомъ случаѣ у опытныхъ изслѣдователей замѣчается нерѣдко *сопротивленіе науѣ*. Они начинаютъ игнорировать или отрицать даже факты и опыты, когда эти факты и опыты, какъ это иначе и быть не можетъ, начинаютъ совпадать съ апріорическими требованіями науки. Тогда происходитъ остановка вопросовъ, которая тянется цѣлыя десятилѣтія и уступаетъ только неизбѣжному развитію научной методы.

Всѣ эти недоразумѣнія очевидно проистекаютъ изъ одного источника — изъ всегдашняго стремленія человѣческаго мышленія достигнуть абсолютнаго познанія. Мышленіе торопится и облекаетъ своимъ любимымъ абсолютнымъ характеромъ первые предметы, сколько нибудь для этого годные; а когда наука срываетъ съ нихъ эту печать абсолютности, намъ жаль разстаться съ нашимъ мнимымъ абсолютнымъ, насъ какъ будто пугаетъ новый и далекій путь, въ который мы должны пуститься, и мы упорно отстаиваемъ наши старые идолы.

Для разрѣшенія подобныхъ недоразумѣній очевидно есть только одно средство — уяснить и привести въ сознаніе настоящій смыслъ опытнаго метода, указать его апріорическія начала и то значеніе, которое долженъ въ немъ имѣть голый опытъ. Впрочемъ и не ради однихъ недоразумѣній, а вообще дѣятельность сознательную всегда можно предпочитать дѣятельности безсознательной, а въ наукѣ, казалось бы, ясное сознаніе метода должно бы было способствовать болѣе быстрому движенію впередъ. Какъ бы то ни было, я разсмотрю здѣсь одинъ случай изъ области изслѣдованій природы, весьма любопытный въ томъ отношеніи, о которомъ я говорилъ, то-есть какъ столкновеніе между эмпиризмомъ, обыкновенно господствующимъ въ естественныхъ наукахъ, и раціонализмомъ, составляющимъ истинную душу каждой науки, а слѣдовательно и каждой отрасли естествознанія. Дѣло идетъ о такъ-называемыхъ *простыхъ тѣлахъ*, правильнѣе — о простыхъ *веществахъ*, объ элементахъ, изъ которыхъ состоятъ всѣ намъ извѣстныя вещества.

Digitized by Google

I.

Въ 1809 г. *Гэ-Люсакъ* и *Тенаръ* открыли *боръ*—послѣднее простое тѣло, доставшееся химикамъ съ нѣкоторою трудностію. Съ тѣхъ поръ успѣхи химіи въ разложеніи веществъ прекратились, то-есть тѣ вещества, которыя въ это время оставались неразложенными, остаются неразложенными и до сихъ поръ, и къ нимъ присоединяются только кой-какія новыя, открываемыя въ рѣдко встрѣчающихся минералахъ и составляющія только новые члены въ извѣстныхъ уже группахъ, напримѣръ, новые металлы. Попытки разложить нѣкоторыя изъ этихъ простыхъ тѣлъ не имѣли никакого успѣха. Въ силу своей давности и того упорства, съ которымъ они удерживали свое мѣсто, простыя тѣла, извѣстныя съ 1809 г., пріобрѣли значительный авторитетъ нетолько въ глазахъ непосвященныхъ, но и въ глазахъ самихъ химиковъ. Ихъ просто-на-просто считали дѣйствительными элементами природы, навсегда неразложимыми, отъ вѣка различными веществами. Такому мнѣнію о нихъ весьма способствовало, конечно, то обстоятельство, что этимъ мнѣніемъ разрушались два давнишніе и всѣмъ извѣстные авторитета, именно авторитетъ quasi-Аристотеля, то-есть Аристотеля среднихъ вѣковъ, признававшаго только четыре элемента: огонь, воздухъ, воду и землю, и авторитетъ алхимиковъ, принимавшихъ возможность превращать металлы одинъ въ другой, или вообще дѣлать золото. Оба авторитета были ниспровергнуты не раньше конца прошлаго столѣтія. Лавуазье еще долженъ былъ бороться съ ученіемъ Аристотеля. Вотъ что онъ говоритъ во введеніи къ своему «Элементарному трактату химіи»:

«Безъ сомнѣнія, читатели будутъ удивлены, не нашедши въ этомъ элементарномъ трактатѣ химіи главы *о составныхъ и элементарныхъ частяхъ* тѣлъ; но я замѣчу здѣсь, что это наше стремленіе непремѣнно принимать, что всѣ тѣла природы состоятъ только изъ трехъ или четырехъ элементовъ, зависитъ отъ предразсудка, доставшагося намъ первоначально отъ греческихъ философовъ.»

По ходу рѣчи ясно видно, что въ то время подъ *составными и элементарными частями тѣлъ* ничто другое и не могло разумѣться, кромѣ трехъ или четырехъ аристотелевскихъ элементовъ. Далѣе:

«Признаніе четырехъ элементовъ, составляющихъ въ различной пропорціи всѣ тѣла, какія намъ извѣстны, есть чистая ипотеза, придуманная задолго до появленія первыхъ понятій опытной физики и химіи. Еще не было фактовъ, а уже составлялись си-

Digitized by Google

стемы; и теперь, когда мы собрали факты, мы какъ будто усиливаемся оттолкнуть ихъ, какъ скоро они несогласны съ нашими предразсудками; такъ справедливо то, что *авторитетъ этихъ отцовъ человѣческой философіи еще имѣетъ весь и что онъ, безъ сомнѣнія, еще будетъ тяготѣть надъ грядущими поколѣніями.*»

Слѣдующія слова объясняютъ и положительную сторону дѣла:

«Весьма замѣчательно то, что, несмотря на признаніе ученія о четырехъ элементахъ, нѣтъ химика, котораго бы *сила фактовъ* не заставила допустить ихъ въ большемъ числѣ.»

Затѣмъ Лавуазье приводитъ примѣры и заключаетъ:

«Но всѣ эти химики увлеклись *духомъ своего вѣка*, который довольствовался *утвержденіями безъ доказательствъ*, или по крайней-мѣрѣ принималъ за доказательства весьма шаткія вѣроятности.

«Все, что можно сказать о числѣ и природѣ элементовъ, по моему мнѣнію, ограничивается *чисто-метафизическими соображеніями:* это то же, что рѣшать неопредѣленныя задачи, допускающія безконечное число рѣшеній, изъ которыхъ весьма вѣроятно ни одно въ частности не согласуется съ природою. И такъ я удовольствуюсь слѣдующимъ: если подъ именемъ элементовъ мы разумѣемъ простыя и недѣлимыя частицы, составляющія тѣла, то вѣроятно, мы ихъ не знаемъ; если же, напротивъ, мы съ именемъ элементовъ или вещественныхъ началъ соединаемъ понятіе о *послѣднемъ предѣлѣ, до котораго достигъ анализъ*, то всѣ вещества, которыхъ мы еще никакимъ средствомъ не могли разложить, суть для насъ элементы; не потому, чтобы мы могли утверждать, что эти тѣла, разсматриваемыя нами какъ простыя, не состоятъ сами изъ двухъ или даже болѣе началъ; но такъ-какъ эти начала никогда не раздѣляются, или лучше, такъ-какъ мы не имѣемъ никакого средства раздѣлить ихъ, то они дѣйствуютъ въ отношеніи къ намъ какъ простыя тѣла, и мы не должны признавать ихъ сложными, *пока опытъ и наблюденіе не докажутъ намъ этого*» *.

Изъ этихъ словъ Лавуазье какъ нельзя лучше видна положительная сторона дѣла. Новая система элементовъ соотвѣтствовала тому духу строгаго *наблюденія и опыта*, который все больше и больше проникалъ въ науку. Въ этой системѣ не было мѣста никакимъ *метафизическимъ соображеніямъ;* новые элементы были просто *послѣдніе опытные результаты* анализа, тотъ предѣлъ разложенія, на которомъ принуждала остановиться *сила фактовъ*. Въ этомъ заключалась великая выгода новой системы, сравнительно съ аристотелевскою или алхимическою; потому что у Ари-

* *Lavoisier*: Traité élémentaire de Chimie. Disc. Prel. XIV—XVIII.

Digitized by Google

стетеля и алхимиковъ сложеніе тѣла объяснялось при помощи множества *ипотезъ* и *шаткихъ вѣроятностей*, которыхъ не терпитъ строгая наука.

Своею новою системою элементовъ нашъ вѣкъ гордился не менѣе, чѣмъ другими великими подвигами науки. Преимущественно на этомъ основаніи алхимія, напримѣръ, считалась однимъ изъ позорнѣйшихъ заблужденій ума, наравнѣ съ астрологіею, магіею и другими подобными порожденіями темнаго времени въ исторіи человѣчества. Какъ забавный примѣръ мистическаго уваженія къ послѣднимъ выводамъ науки, особенно сильнаго у непосвященныхъ, приведу здѣсь знаменитаго романиста Александра Дюма. Въ одномъ изъ его романовъ, дѣйствіе происходитъ въ прошломъ вѣкѣ и на сцену выводится Каліостро. Этотъ шарлатанъ обманываетъ окружающихъ, выдавая себя за дѣлателя золота, но на самомъ дѣлѣ онъ не умѣетъ дѣлать золота. Но онъ сверхъ того еще магнетизёръ, и при помощи своей ясновидящей дѣйствительно дѣлаетъ большія чудеса. Въ одно изъ магнетизированій Каліостро вздумалъ разспрашивать ясновидящую о тайнахъ природы, о томъ, напримѣръ, можно ли дѣлать золото? И вотъ она сообщаетъ ему, въ видѣ глубочайшаго проврѣнія въ самую сущность вещей, что *золото есть простое тѣло* и потому его дѣлать нельзя. Къ этому она прибавляетъ еще другое откровеніе въ томъ же родѣ, именно, что можно дѣлать алмазы, такъ какъ они состоятъ *изъ того же вещества, какъ уголь*.

Очевидно, ясновидящая провидѣла только то, что нѣсколько лѣтъ спустя писалось въ учебникахъ химіи. Химія до сихъ поръ одинаково не умѣетъ дѣлать ни золота, ни алмазовъ. Если же дѣлать алмазы считалось легче, чѣмъ дѣлать золото, то это происходило только отъ полнаго убѣжденія въ элементарной природѣ золота, тогда какъ для дѣланія алмазовъ нѣтъ этого препятствія, *ничѣмъ* и *никогда* непреодолимаго.

У самихъ химиковъ, которые собственно всегда должны бы были видѣть въ своихъ элементахъ не болѣе, какъ *послѣдній предѣлъ, до котораго достигъ анализъ*, это понятіе часто совершенно сглаживалось и элементы принимались за дѣйствительно простыя вещества. Это доказывается тою ролью, которую играли въ наукѣ эти элементы. Имъ, очевидно, приписывалось больше значенія, больше вѣсу, чѣмъ сколько долженъ имѣть простой предѣлъ анализа, простая остановка въ разложеніи. Ихъ всегда ставили особо, никогда не разсматривали наряду съ другими тѣлами, тогда какъ, очевидно, этотъ *послѣдній* предѣлъ не долженъ бы былъ имѣть никакого особаго преимущества передъ *предпослѣднимъ* и всякимъ другимъ.

Digitized by Google

Наконецъ изъ этого стремленія принимать химическіе элементы за дѣйствительно простыя начала объясняется нежеланіе искать какой-нибудь связи, какого-нибудь отношенія между свойствами элементовъ, и то упорство, съ которымъ химики часто отвергали ту связь и тѣ отношенія, которыя иногда обнаруживались. Это была настоящая *остановка вопроса*, которая тянулась многіе десятки лѣтъ. Полагалось, что каждый элементъ совершенно независимо отъ другихъ отъ вѣчности, отъ начала обладаетъ своими свойствами. Если же такъ, если этихъ свойствъ ни откуда нельзя выводить, то, разумѣется, между ними можетъ не быть никакого правильнаго соотношенія. И дѣйствительно, долгое время химики думали, что для свойствъ элементовъ нѣтъ никакого правила, никакого закона, что искать такого закона значитъ пускаться въ область опасныхъ ипотезъ.

Въ послѣднее время, какъ я разскажу далѣе, химики возвратились ко взгляду, столь ясно выраженному Лавуазье. Но мысль о возможности разложенія привычныхъ имъ элементовъ принимается ими все еще не безъ трудностей. Вотъ, напримѣръ, что̀ писалъ химикъ Дюма въ 1859 г. *:

«Химія есть наука новая, химическія же явленія древни какъ міръ, и радикалы неорганической химіи, которые предстоитъ подвергнуть дальнѣйшему разложенію, извѣстны человѣку не со вчерашняго дня. Существованіе ихъ обнаруживается съ первыхъ исторпческихъ временъ, и съ тѣхъ поръ уже обнаруживается нѣкоторымъ образомъ ихъ неизмѣняемость. Лавуазье не открылъ ихъ: они уже существовали; онъ только поставилъ ихъ на надлежащее мѣсто. Онъ не открылъ реакцій, которыя обнаруживаютъ ихъ естественное сродство; искуства знали ихъ, лабораторіи пользовались ими; онъ только далъ ихъ объясненіе, теорію.

«Поэтому разложить радикалы минеральной химіи есть дѣло болѣе трудное, чѣмъ то, которое имѣлъ счастіе предпринять и исполнить Лавуазье. Потому что это значитъ нетолько открыть новыя и неизвѣстныя существа, но открыть даже *существа новой и неизвѣстной природы*, для которыхъ мы не имѣемъ никакой аналогіи и *которыхъ вида и свойства умъ нашъ и представить не можетъ*.

Трудно найти что-нибудь, чѣмъ бы оправдывались эти странныя слова. Давность, на которую ссылается Дюма, какъ извѣстно, въ наукѣ не имѣетъ никакого вѣса. Съ чистой и строгой химической точки зрѣнія, наши нынѣшнія простыя тѣла не болѣе, какъ послѣдній достигнутый предѣлъ разложенія. Слѣдовательно

* Mémoire sur les equivalents des corps simples, par M. J. Dumas. Ann. de Ch. et de Ph. 1859. Fevrier.

Digitized by Google

предполагать, что при слѣдующемъ предѣлѣ мы найдемъ какія-то вещества (или *существа*, какъ пишетъ Дюма, по обыкновенному французскому смѣшенію понятій) новой и неизвѣстной природы, которыхъ вида и свойства умъ нашъ и представить не можетъ, нѣтъ никакого основанія.

II.

И такъ химики готовы были принять свои опытные элементы за дѣйствительныя простыя вещества. Спрашивается, имѣли ли они на это право? Возьмемъ вопросъ общѣе. Положимъ, что всѣ или нѣкоторые изъ нынѣшнихъ элементовъ будутъ современемъ разложены, и опять наступитъ такая же остановка въ разложеніи, какая имѣетъ мѣсто теперь, начиная съ 1809 года. Спрашивается, при этой или при какой угодно дальнѣйшей остановкѣ, будутъ ли химики имѣть право считать свои опытныя простыя тѣла за дѣйствительные элементы вещества?

Очевидно — никогда, и ни въ какомъ случаѣ они не могутъ имѣть этого права. Для опыта простое тѣло есть не что иное, какъ тѣло *еще неразложенное*. Въ этомъ отношеніи нельзя согласиться съ словами Лавуазье, которыя мы привели выше. Увлеченный реакціею противъ Аристотеля, онъ говоритъ, что простыхъ тѣлъ, найденныхъ на опытѣ, мы *не должны признавать сложными* до тѣхъ поръ, пока опытъ и наблюденіе не докажутъ намъ ихъ сложности. Совершенно напротивъ: мы всегда имѣемъ право предполагать, что ихъ можно разложить, и никакъ не должны считать ихъ абсолютно-простыми.

Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы считать какое-нибудь вещество абсолютно-простымъ, нужно доказать, что его разложить *невозможно*. Но никакой опытъ не можетъ доказать какой бы то ни было *невозможности*. Для опыта все возможно. Положимъ, что при всѣхъ нашихъ усиліяхъ, какое-нибудь тѣло не разлагается; никакъ невозможно ручаться, что оно не разложится никогда, ни при какихъ другихъ опытахъ и обстоятельствахъ. Слѣдовательно, съ чисто-опытной точки зрѣнія доказать разложимость какого-нибудь тѣла возможно, а доказать его *неразложимость*—никакимъ образомъ нельзя.

Очевидно, мы здѣсь пришли къ *границамъ опыта*. Опытъ не даетъ абсолютныхъ положеній; между тѣмъ *невозможность*, которой мы ищемъ, есть абсолютное положеніе. Невозможность можетъ быть доказана только независимо отъ опыта, только изъ апріорическихъ понятій. Невозможно то, что̀ заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Невозможно то явленіе, которое, под-

Digitized by Google

ходя подъ извѣстное апріорическое понятіе, не вполнѣ его удовлетворяетъ. Напримѣръ, невозможенъ кругъ, у котораго бы были углы.

Такимъ образомъ, невозможность всегда опредѣляется тѣмъ, что нѣкоторое апріорическое понятіе не терпитъ своего нарушенія, абсолютно требуетъ своей полноты. Если мы не найдемъ для нашихъ явленій такого понятія, съ которымъ бы могли ихъ сравнивать, то о невозможности тѣхъ или другихъ изъ нихъ не можетъ быть и рѣчи. Тогда возможны всякія предположенія, и нѣтъ основанія утверждать, что мы чего-нибудь не встрѣтимъ на опытѣ.

Весьма любопытно въ этомъ случаѣ отношеніе къ дѣлу натуралистовъ. Еслибы они твердо держались голаго опыта, какъ они любятъ хвалиться, то ограничиваясь тѣмъ, что ими найдено въ дѣйствительности, они никогда не должны бы были пускаться въ разсужденія о возможномъ и невозможномъ. Но понятнымъ образомъ, для ума человѣческаго трудно отказаться отъ полнаго своего дѣйствія, и потому натуралисты нерѣдко попадаютъ въ эту заповѣдную апріорическую область сужденій. При этомъ нѣкоторые ни мало не смущаются. Именно, считая опытъ единственнымъ надежнымъ источникомъ познанія, они въ то же время, не задумываясь, полагаютъ, что опытъ можетъ быть судьею во всякомъ дѣлѣ, что онъ есть источникъ *всякаго* познанія, слѣдовательно можетъ рѣшать и вопросы о возможности и невозможности вещей. Отсюда происходятъ, напримѣръ, безпрерывно повторяющіеся толки о томъ, что опытъ будто бы доказалъ *невозможность произвольнаго зарожденія*. Строго держась начала опыта, и здѣсь слѣдуетъ сказать, что открыть произвольное зарожденіе возможно, доказать же опытомъ его невозможность нельзя. И здѣсь явленіе a priori ничѣмъ не опредѣляется. Мы ничего не понимаемъ ни въ обыкновенномъ зарожденіи, ни во всякомъ другомъ. Что же мы можемъ сказать? Сколько бы мы ни дѣлали опытовъ, всегда возможны безчисленные *другіе* опыты, за которые сдѣланные никакъ не ручаются.

То же самое случилось и съ простыми тѣлами. Ихъ простоту, ихъ элементарную природу тоже думали доказывать опытомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вопросъ этотъ былъ предметомъ спора въ парижской академіи наукъ. Именно, Дюма заявилъ тогда о нѣкоторыхъ признакахъ, указывающихъ на вѣроятную разложимость нынѣшнихъ химическихъ элементовъ. Противъ него вооружился физикъ *Депре*, дѣлавшій для этого особые опыты, изъ которыхъ, по его мнѣнію, можно вывести слѣдующія положенія *:

* Comptes rendus 1858. 15 Nov.

Digitized by Google

«1) каждый металъ состоитъ изъ *особеннаго элементарнаго вещества, неразрушимаго въ своей внутренней сущности*;

«2) кислородъ, азотъ и металы не состоятъ ни изъ водорода, ни изъ какого-нибудь болѣе легкаго газа, сгущеннаго въ различной степени;

«3) изъ нѣкоторыхъ опытовъ видно, что нельзя считать какіе-нибудь два метала за одно и то же вещество въ различныхъ молекулярныхъ состояніяхъ;

«4) число сдѣланныхъ опытовъ достаточно для того, чтобы распространить эти заключенія на всѣ тѣла металлическія и неметалическія (то-есть и на тѣ, которыя не подвергались опытамъ)».

Нерѣдко встрѣчаются въ наукахъ заключенія, превышающія посылки, выводы изъ опыта того, чего опытъ вовсе не даетъ. Но выводы Депре особенно любопытны потому, что опытъ не только ихъ не даетъ, но и *никогда дать не можетъ*. Рѣдки примѣры подобной грубости въ обращеніи съ опытомъ, подобной смѣлости рѣшать посредствомъ опыта какой угодно вопросъ. Парижскій академикъ говоритъ о *внутренней сущности* веществъ, которыя онъ подвергалъ опытамъ, съ такою же увѣренностію, съ какою говорилъ бы о вѣсѣ или объемѣ какого-нибудь куска мѣди или желѣза.

Для доказательства своихъ невозможныхъ тэмъ, Депре, очевидно, слѣдовало найдти *абсолютный* способъ разложенія, то-есть такой способъ, который бы навѣрное и внѣ всякаго сомнѣнія раздѣлялъ бы вещества на ихъ дѣйствительные элементы. Но Депре не приходитъ и въ голову, что онъ лицомъ къ лицу столкнулся съ абсолютнымъ.

Еслибы Депре изобрѣлъ, по крайней-мѣрѣ, *новый* способъ разложенія и подвергъ бы ему нынѣшніе химическіе элементы, то для науки все-таки получился бы результатъ, что они *и при этомъ* способѣ не разлагаются. Но Депре и этого не сдѣлалъ. Онъ просто взялъ *первые попавшіеся* опыты. Всего у него 17 опытовъ, и всѣ они въ слѣдующемъ родѣ: онъ бралъ мѣдный купоросъ, разлагалъ его помощію галваническаго тока, и собиралъ отдѣльно постепенные осадки мѣди, отлагавшейся на одномъ изъ полюсовъ. Еслибы въ растворѣ была не одна мѣдь, а и другіе металы, то при этомъ способѣ разложенія послѣдовательные осадки содержали бы ихъ въ различной пропорціи. Поэтому, еслибы и мѣдь была *смѣсью* металовъ, то ея осадки были бы различны между собою. Такъ разсуждалъ Депре. Полученные имъ осадки оказались однакоже совершенно одинаковы. Онъ превратилъ каждый изъ нихъ въ разныя мѣдныя соли: азотно-кислыя, уксусно-кислыя и пр. И соли вышли одинаковыя. Онъ кристали-

Digitized by Google

звалъ ихъ и пригласилъ для сравненія кристалловъ извѣстнаго минералога Делафосса; Делафоссъ нашелъ, что и кристаллы вышли одинаковые.

И такъ рѣшено. *Опытъ доказалъ, что медь есть тѣло простое.* Сдѣлавши такое открытіе, Депре естественнымъ образомъ распространяетъ его по аналогіи и на другія тѣла, которыхъ онъ не подвергалъ еще опытамъ.

«Распространеніе этого вывода — пишетъ онъ — на всѣ простыя тѣла не уклоняется отъ осторожности, требуемой опытными изслѣдованіями. Мы убѣждены, что еслибы былъ разложенъ хотя одинъ металъ, то легко было бы разложить и всѣ остальные. Исторія химіи представляетъ намъ замѣчательный примѣръ такого рода въ началѣ нашего столѣтія. Разложеніе одной щелочи повело тотчасъ къ разложенію другихъ щелочей и даже земель».

Все это весьма послѣдовательно съ извѣстной точки зрѣнія; но самая точка зрѣнія здѣсь уже не напоминаетъ мышленія человѣка, а вполнѣ совпадаетъ съ мышленіемъ животныхъ. Извѣстно, что животныя — чистые эмпирики, и въ этомъ смыслѣ очень послѣдовательны. Если съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ посмышлёнѣе случится на какомъ-нибудь мѣстѣ памятная бѣда, то животное ни за что не пойдетъ потомъ на это мѣсто, въ полной увѣренности, что и его и всякаго другого тамъ непремѣнно постигнетъ та же самая бѣда. Такъ и Депре. Не успѣвши разложить мѣди, онъ уже увѣренъ, что никто и никогда не разложитъ ни мѣди, ни какого-нибудь другого изъ нынѣшнихъ химическихъ элементовъ.

Дѣло въ томъ, что опытъ самъ по себѣ ничего не значитъ, не можетъ дать никакого заключенія. Если какое-нибудь тѣло при извѣстныхъ обстоятельствахъ разложилось, то мы уже a priori, не изъ опыта заключаемъ, что при *тѣхъ же* обстоятельствахъ оно всегда будетъ разлагаться, что даже *невозможно*, чтобы оно при точно этихъ же обстоятельствахъ не разлагалось. Если же тѣло, при данныхъ обстоятельствахъ, не разложилось, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы оно не разлагалось ни при какихъ обстоятельствахъ; напротивъ, всегда остается возможность предположить обстоятельства, при которыхъ оно разложится.

Опыты и разсужденія Депре были направлены противъ Дюма. Въ отвѣтъ на нихъ, Дюма не далъ никакихъ объясненій о главной точкѣ вопроса, и ограничился голословнымъ заявленіемъ, что *ничто не доказываетъ*, чтобы нынѣшнія простыя тѣла были дѣйствительные элементы, послѣдніе элементы тѣлъ, и что даже *нѣтъ никакого средства доказать* это» *.

* Comptes Rendus. 1859. 17 Janv.

Digitized by Google

Тогда Депре сталъ ссылаться на философію науки. «Это—возражалъ онъ * — одно голое утвержденіе, упорное отрицаніе, которое кажется намъ *антифилософскимъ*. Дюма не знаетъ средства разрѣшить вопросъ. Но развѣ нѣтъ возможности, чтобы другой физикъ или химикъ былъ болѣе счастливъ? Зачѣмъ останавливать усилія тѣхъ, которые рѣшились бы заняться этимъ предметомъ? Опыты, предпринятые въ какомъ-нибудь направленіи, всегда служатъ къ успѣху науки; они иногда приводятъ къ открытію важныхъ и неожиданныхъ фактовъ. Часто указываютъ на Брандта, который, ища философскаго камня, нашелъ фосфоръ. Легко было бы умножить ссылки такого рода: непредвидѣнное составляетъ значительную долю исторіи физическихъ наукъ.»

Нельзя не согласиться, что на той почвѣ, на которой стоятъ оба академика, Депре несравненно правѣе Дюма. Дюма сдѣлалъ абсолютное, апріорическое положеніе, что нѣтъ *никакого* средства опредѣлить элементарную природу вещества, и не умѣетъ ничего сказать въ его защиту. Депре инстинктивно чувствуетъ отступленіе отъ того чистаго эмпиризма, которымъ онъ вполнѣ проникнутъ, и довольно ясно уличаетъ Дюма въ измѣнѣ этому эмпиризму.

«Новыя науки — продолжаетъ онъ — въ особенности физика и химія, обязаны своими успѣхами тому основному ученію натуральной философіи, что *не должно принимать другого авторитета, кромѣ опыта*. Въ этомъ заключается истинный духъ значительнѣйшихъ мужей, замѣчательныхъ въ исторіи физическихъ наукъ, въ этомъ — жизненное начало изысканій физики и химіи. Мы стараемся не уклоняться отъ него.»

Конечно, начало опыта столь же любезно Дюма, какъ и Депре; но Дюма, очевидно, никакъ не могъ разсмотрѣть въ чемъ дѣло, и на всѣ эти улики отвѣчалъ только, ** что, «кажется, Депре не понялъ невозможности доказать опытомъ, что какое-нибудь тѣло никогда не будетъ разложено.» Въ чемъ загадка, почему одинъ понялъ, а другой не понялъ, такъ и осталось нерѣшеннымъ и необъясненнымъ.

Замѣчу, впрочемъ, что Дюма вообще не любитъ много говорить о такого рода скользкихъ предметахъ. Онъ чувствуетъ тутъ свое безсиліе и нерѣдко уходитъ отъ вопроса въ шутливый скептицизмъ. Въ мемуарѣ, на который мы ссылались, у него есть, напримѣръ, такая выходка:

«Химики послѣ Лавуазье вообще не говорили уже о дѣйствительныхъ элементахъ тѣлъ, будучи убѣждены вмѣстѣ съ совре-

---

* Comptes Rendus. 1859. 21 Fevr.

** Тамъ же 27 Fevr.

Digitized by Google

мениками Лавуазье и съ самимъ Лавуазье, что относительно *сущности* вещества и его элементовъ, по ихъ выраженію, извѣстно такъ мало, что, заговоривъ объ этомъ, всякій, что бы ни сказалъ, непремѣнно скажетъ лишнее, и самая разумная рѣчь о такомъ предметѣ та, которая всего короче.»

Этимъ остроуміемъ, къ сожалѣнію, невозможно утѣшиться. Въ самомъ дѣлѣ, если предметъ теменъ, то очевидно, нужно стараться опредѣлить со всею точностію, что въ немъ извѣстно и что неизвѣстно (напримѣръ, что называютъ химики *сущностію* вещества?), что можетъ быть рѣшено опытомъ, и чего опытъ рѣшить не можетъ? Такого рода разсужденіе, хотя бы оно было длинно, можно считать болѣе разумнымъ, чѣмъ самую коротенькую и колкую остроту.

III.

Изъ предъидущаго ясно, что вопросъ объ абсолютной простотѣ какого бы то ни было вещества не можетъ быть рѣшенъ опытомъ именно потому, что самый вопросъ имѣетъ абсолютный, апріорическій, неопытный характеръ. Это будетъ еще яснѣе, если мы покажемъ, что и рѣшенія для него не можетъ быть никакого другого, кромѣ апріорическаго. Рѣшеніе для него возможно, но только не въ той области, гдѣ его искали.

Въ самомъ дѣлѣ, для рѣшенія требуется не больше и не меньше, какъ составить апріорическое *понятіе простого тѣла*, то-есть такое понятіе, которое бы показывало, какія свойства *необходимо* и *исключительно* должны принадлежать веществу абсолютно-простому, дѣйствительно элементарному. Еслибы мы знали эти свойства, то нашедши ихъ въ какомъ-нибудь веществѣ, мы имѣли бы полное право считать его абсолютно-простымъ.

Замѣтимъ при этомъ, что нѣтъ никакой надобности искать этого понятія немедленно, и нѣтъ никакой возможности найдти его тотчасъ; къ нему и слѣдуетъ, и возможно приближаться постепенно, чисто-опытнымъ путемъ. Химики, все дальше и дальше разлагая вещества, должны наблюдать, чѣмъ отличаются вещества составныя отъ веществъ, ихъ составляющихъ. Должны быть признаки, по которымъ станетъ замѣтно, что мы приближаемся къ абсолютному предѣлу всякаго разложенія. Такимъ образомъ, если дѣйствительно вещественный міръ состоитъ изъ многихъ элементовъ, то это понемногу должно обнаруживаться. А когда найдены будутъ элементы, то изученіемъ ихъ можно будетъ убѣдиться, что въ ихъ свойствахъ дѣйствительно выражается элементарная природа, что они вполнѣ удовлетворяютъ понятію элемента вещественнаго міра.

Digitized by Google

Таково чисто-логическое требованіе; понятно, что оно не могло вполнѣ ускользнуть отъ химиковъ. Лавуазье, которому въ основѣ принадлежитъ нынѣшняя система элементовъ, вообще опредѣлилъ ихъ, какъ послѣдній достигнутый предѣлъ разложенія. Но онъ же уже дѣлалъ между ними различіе на основаніи ихъ бо́льшаго или меньшаго приближенія къ абсолютному предѣлу разложенія. Надъ пятью слѣдующими тѣлами:

Свѣтъ
Теплородъ
Кислородъ
Азотъ
Водородъ

онъ съ боку написалъ: *простыя вещества, которыя принадлежатъ тремъ царствамъ природы, и которыя можно разсматривать какъ элементы тѣлъ.* *

Лавуазье нигдѣ не развиваетъ и не поясняетъ этихъ словъ, высказанныхъ въ видѣ предположенія. Но очевидно, *почему-то* эти тѣла онъ находилъ болѣе подходящими подъ идею простого тѣла, чѣмъ остальныя. Не потому ли, напримѣръ, что два первыя изъ нихъ — невѣсомыя, а послѣднія три — газы, тогда какъ всѣ остальныя вещества его списка или жидкія или твердыя тѣла?

Точно такъ же относительно другой группы своихъ простыхъ тѣлъ онъ дѣлаетъ обратное предположеніе. Именно объ *извести*, *магнезіи*, *баритѣ*, *глиноземѣ* и *кремнеземѣ* онъ думаетъ, что они скоро перестанутъ считаться въ числѣ простыхъ тѣлъ. Это предположеніе онъ основываетъ на химическомъ признакѣ, именно на томъ, что названныя вещества не имѣютъ стремленія соединяться съ кислородомъ, слѣдовательно показываютъ, что они какъ будто уже насыщены имъ.

Предсказаніе Лавуазье совершенно оправдалось. И такъ могутъ и должны быть отыскиваемы признаки, по которымъ тѣла приближаются или уклоняются отъ идеи абсолютно-простого тѣла. По поводу мнѣній Лавуазье, Дюма дѣлаетъ слѣдующее маленькое разсужденіе о томъ, какія свойства должны имѣть дѣйствительные элементы:

«Химикъ, который внесъ бы въ списокъ неразлагаемыхъ тѣлъ вещество, сопротивляющееся дѣйствію, какъ силъ физическихъ, такъ и силъ химическихъ, былъ бы, безъ сомнѣнія, совершенно правъ. Но этого для него мало. Непремѣнно нужно еще, чтобы это вещество не было лишено способности соединяться съ другими неразлагаемыми веществами, однимъ словомъ, чтобы оно не дѣйствовало такъ, какъ будто бы сродство его уже насыщено.»

* Traité Élem. de Chimie, T. 1. p. 192.

Digitized by Google

«Итакъ, химики узнаютъ, что какое-нибудь вещество есть тѣло простое, или лучше, что оно есть неразлагаемый радикалъ по тремъ признакамъ:

1) оно противостоитъ физическимъ силамъ;

2) оно противостоитъ химическимъ силамъ;

3) оно способно соединяться, *не теряя въ весѣ* *, съ простыми тѣлами или радикалами, которые уже извѣстны.»

Эти указанія очень скудны. Къ сожалѣнію, химики послѣ Лавуазье вовсе не изучали своихъ элементовъ въ этомъ отношеніи. Элементы всѣ ставились въ одинъ рядъ, и между ними не полагалось никакого различія. Точно такъ же не было и вопроса о томъ, не замѣчается ли въ элементахъ какихъ-нибудь свойствъ, которыя отличали бы ихъ отъ сложныхъ тѣлъ. Химики довольствовались тѣмъ чисто-отрицательнымъ, и притомъ *временнымъ* признакомъ, что ихъ элементы суть тѣла, *до сихъ поръ* неразложимыя.

На этомъ единственномъ основаніи, элементы отдѣлялись отъ другихъ тѣлъ; но химики придавали этому основанію такъ много вѣса, они такъ сильно были расположены принять свои элементы за дѣйствительно простыя вещества, что всякія дальнѣйшія изслѣдованія считали излишними. Вопросъ казался рѣшеннымъ именно потому, что вовсе не былъ и поставленъ. Найденные элементы были въ глазахъ химиковъ нѣчто *данное*, ни изъ чего невыводимое, ничѣмъ необъясняемое, *послѣдній фактъ*, какъ иногда выражаются натуралисты. Надъ ними нечего было и задумываться, и слѣдовало не ихъ объяснять, а *изъ нихъ* объяснять все остальное.

IV.

Одна изъ самыхъ обыкновенныхъ ошибокъ человѣческаго ума заключается въ томъ, что для объясненія явленій берутся начала, въ которыхъ тайно уже заключается то самое, что̀ требуется объяснить. Такъ напримѣръ, чтобы объяснить *формы* кристалловъ, прежде принимали, что малѣйшія частицы каждаго кристализующагося тѣла уже имѣютъ извѣстную *форму*. Чтобы объяснить *расширеніе* тѣлъ отъ теплоты, предполагали, что между частицами нагрѣваемыхъ тѣлъ проникаетъ особое вещество, теплородъ, и своимъ *расширеніемъ* раздвигаетъ частицы.

Но всего обыкновеннѣе этого рода ошибка, когда дѣло идетъ объ объясненіи *разнообразія* вещей. Тутъ кажется нѣтъ ничего

---

* Совершенно излишняя оговорка. Такихъ тѣлъ, которыя, соединясь, теряли бы въ вѣсѣ, вовсе нѣтъ на свѣтѣ. Законъ сохраненія вѣса есть просто законъ *массы*, не химическій, а чисто-механическій и апріорическій.

Digitized by Google

проще и яснѣе, какъ принять нѣсколько отъ вѣчности *различныхъ* началъ и объяснять всѣ разницы ихъ неодинаковыми сочетаніями. Такой взглядъ имѣетъ въ себѣ увлекательную естественность и простоту, основывающуюся на томъ, что человѣкъ хочетъ поскорѣе видѣть передъ собою *вѣчный*, неизмѣнный, абсолютный порядокъ міра, и потому приписываетъ наблюдаемому разнообразію не временное и относительное, а безусловное значеніе.

Но этотъ взглядъ, какъ легко понять, совершенно несогласенъ съ научнымъ духомъ, и дѣло науки отчасти заключается въ томъ, что она постепенно разрушаетъ этотъ взглядъ во всѣхъ своихъ областяхъ. Планеты для насъ уже не отъ вѣка отдѣльныя, особо существующія тѣла; мы знаемъ теперь, что онѣ выдѣлились изъ *одной* общей массы, нѣкогда бывшей на мѣстѣ нашей солнечной системы. Виды животныхъ и растеній, которыя нѣкогда считались за абсолютно особыя, независимыя формы, какъ мы знаемъ теперь благодаря Дарвину, постепенно развивались одни изъ другихъ. Такимъ образомъ *цѣльность* міра, несмотря на его разнообразіе, доказывается все яснѣе и яснѣе.

И притомъ это не какое нибудь внезапное открытіе, не истина, обнаруженная опытомъ, а неизбѣжное требованіе самого духа науки, апріорическая посылка ума. Возьмемъ для примѣра простыя тѣла. Легко доказать, что абсолютное различіе какихъ нибудь простыхъ тѣлъ никогда не можетъ быть признано. При этомъ совершенно все равно, на какомъ бы мы предѣлѣ ни остановились, на нынѣшнихъ ли химическихъ элементахъ, или же на какихъ нибудь трехъ или четырехъ стихіяхъ, на тѣхъ непостижимыхъ *существахъ*, о которыхъ мечталъ Дюма.

Въ самомъ дѣлѣ положимъ, что нѣкоторыя вещества, напримѣръ, нынѣшніе шестьдесятъ слишкомъ элементовъ, суть вещества дѣйствительно простыя, то-есть что ихъ нетолько теперь, но и никогда, никакими средствами разложить невозможно. Если сдѣлаемъ такое предположеніе и хорошенько разсмотримъ его, то увидимъ, что мы тотчасъ же должны будемъ отъ него отказаться.

Первый пріемъ науки, который мы должны будемъ приложить ко взятымъ элементамъ—есть классификація. Мы должны будемъ разбить ихъ на группы и опредѣлить ихъ взаимное положеніе и соотношеніе. А что это значитъ? Это значитъ—опредѣлить бо́льшую и меньшую *близость природы* этихъ веществъ, отношенія ихъ *сродства* между собою. Это вовсе не одни отвлеченные термины, не одни условные пріемы ума—это вмѣстѣ и указаніе дѣйствительной связи. Передъ нами только что совершилось одно изъ этихъ странныхъ превращеній логическаго отвлеченія въ прямую

Digitized by Google

дѣйствительность. По теоріи Дарвина вышло же, что *сродство* организмовъ, которое защитники постоянства видовъ считали одною формою классификаціи, есть дѣйствительное *родство* растеній и животныхъ между собою, что такъ-называемыя *переходныя* формы, которыя такъ часто указывались систематиками, суть дѣйствительные *переходы* отъ одной формы къ другой, и т. д. Точно такъ же и относительно простыхъ тѣлъ нужно сказать, что алхимики были правы, предполагая, что золото всего легче сдѣлать изъ какого нибудь метала, чѣмъ изъ другого вещества. Тѣла близкія въ системѣ простыхъ тѣлъ, очевидно, должны быть близки по составу, по всей сущности.

Пойдемъ далѣе. Сдѣлавши классификацію простыхъ тѣлъ, мы должны будемъ, какъ слѣдуетъ во всякой наукѣ, искать причины разсматриваемыхъ явленій. Мы должны будемъ стараться найти отвѣты на слѣдующіе вопросы: отчего зависятъ свойства каждаго изъ этихъ тѣлъ, физическія, химическія и всякія другія? Въ чемъ заключается причина ихъ сходства и ихъ различія? Отчего ихъ столько, а не больше и не меньше? Отчего возможны только эти формы, а не какія другія? Словомъ, мы принуждены будемъ изслѣдовать ихъ точно такъ же, какъ и всякія другія тѣла, искать для нихъ причинъ и законовъ, по которымъ они являются намъ такъ, а не какъ нибудь иначе.

Куда же можетъ и необходимо должно привести насъ это изслѣдованіе?

Объяснять разнообразіе предметовъ—значитъ выводить его изъ нѣкотораго единства. Вопросъ собственно таковъ: какимъ образомъ предметы, представляющіе единство или тожество въ существенномъ, въ другихъ отношеніяхъ различны? Отвѣтъ возможенъ только одинъ: эти различія суть видоизмѣненія, допускаемыя одною и тою же сущностію. Такъ разницу между характерами людей, между свойствами цѣлыхъ народовъ мы объясняемъ себѣ, говоря: существенная основа у всѣхъ людей *одна и та же*, но они развиваются различно, подъ различными обстоятельствами, и оттого получаютъ различныя свойства. Такъ точно и здѣсь. Всѣ многоразличныя свойства тѣлъ вообще, ихъ вкусъ, цвѣтъ, кристализацію и пр. можно объяснить изъ ихъ химическаго состава, изъ свойствъ немногихъ простыхъ тѣлъ; а чѣмъ объяснить свойства самихъ простыхъ веществъ? Очевидно, всѣ ихъ мы считаемъ *однородными* между собою въ томъ смыслѣ, что всѣ они представляютъ вещество, то-есть нѣчто имѣющее извѣстную природу. Намъ именно и любопытно знать, почему же, при ихъ одинаковой вещественной природѣ, простыя тѣла имѣютъ различныя свойства? Слѣдовательно, умъ нашъ будетъ совершенно удовле-

Digitized by Google

творенъ только въ томъ случаѣ, если мы положимъ, что вещество всѣхъ тѣлъ, разложенныхъ и неразложенныхъ, *одно и то же*, и если успѣемъ, какимъ бы то ни было образомъ, изъ этого единаго вещества построить разнообразіе тѣлъ, въ томъ числѣ и нынѣшнихъ химическихъ элементовъ. Никакое другое рѣшеніе невозможно, а это рѣшеніе необходимо.

Между прочимъ отсюда слѣдуетъ, что попытки алхимиковъ вовсе не были какою-то нелѣпою дерзостію. Каковы бы ни были причины, вслѣдствіе которыхъ одно и то же вещество является въ различныхъ видахъ, мы, безъ сомнѣнія, современемъ овладѣемъ этими причинами и будемъ придавать веществу тотъ или другой видъ по произволу, слѣдовательно, по произволу будемъ превращать металы, будемъ дѣлать золото. Въ этомъ будетъ столь же мало удивительнаго или чудеснаго, какъ и въ томъ, что мы по произволу можемъ превращать воду въ ледъ и ледъ въ воду, или можемъ, какъ это дѣлается въ прекрасныхъ опытахъ Плато, придать массѣ масла видъ сфероида, тотъ видъ, который постепенно приняла земля, когда еще неслась въ пространствѣ жидкою расплавленною массою.

Вотъ ходъ науки, заранѣе опредѣляемый ея апріорическими началами и отъ котораго уклониться она никогда не можетъ. Въ концѣ концовъ мы должны прійти къ тому же ученію, которое проповѣдывалъ первый философъ, Ѳалесъ, то-есть что всѣ вещи суть видоизмѣненія одной и той же стихіи. И дѣйствительно наука, не безъ нѣкотораго сопротивленія, столь свойственнаго ея медленному и осторожному прогресу, понемногу вступила на свой неизбѣжный путь. Постараемся изложить въ главныхъ чертахъ это движеніе, особенно ясно обнаружившееся только очень недавно.

V.

Первыя попытки отыскать между элементами какія нибудь правильныя отношенія, появились рано, когда ученіе объ элементахъ и законахъ ихъ соединеній еще только складывалось, еще было въ броженіи, in statu nascente; но когда оно сложилось и окрѣпло въ извѣстной формѣ, эти попытки на время совершенно заглохли.

Дѣло началось съ такъ-называемыхъ *паевъ* простыхъ тѣлъ, т.-е. чиселъ, указывающихъ для каждаго простаго тѣла, въ какой пропорціи по вѣсу оно входитъ въ соединеніе съ другими тѣлами. Первая таблица этихъ чиселъ появилась въ 1808 году; черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1815 г.) англійскій химикъ Проутъ предложилъ относительно ихъ ипотезу, что всѣ они суть *крат-*

Digitized by Google

мая одного числа, именно самаго меньшаго изъ, изъ водорода. Выводъ изъ такого факта, еслибы онъ подтвердился, былъ ясенъ. Можно было бы предполагать, что всѣ простыя тѣла химиковъ состоятъ изъ водорода, что ихъ частицы, говоря языкомъ обыкновенной атомистической теоріи, состоятъ изъ соединенныхъ въ извѣстномъ числѣ атомовъ водорода. Какъ-бы испуганные такимъ широкимъ выводомъ, химики отнеслись къ ипотезѣ Проута весьма недовѣрчиво.

Какъ противникъ ея выступилъ одинъ изъ величайшихъ столповъ науки, Берцеліусъ; онъ имѣлъ для этой борьбы и наибольшую силу, потому что никто не могъ превзойдти его въ точности фактическаго опредѣленія паевъ. Такимъ образомъ онъ успѣлъ совершенно истребить эту *лихорадку кратности*, какъ онъ называлъ склонность нѣкоторыхъ химиковъ подводить паи подъ мысль Проута. До самой своей смерти (1847) онъ остался въ убѣжденіи, что числа, представляющія паи простыхъ тѣлъ, имѣютъ между собою только *случайныя* отношенія, которыя притомъ исчезаютъ при большей точности въ опредѣленіи. Слѣдовательно онъ признавалъ абсолютную независимость, полную ирраціональность этихъ чиселъ. И двадцать лѣтъ сряду числа, найденныя Берцеліусомъ, были считаемы химиками всего міра за неизмѣнныя величины. Выводъ и здѣсь ясенъ. Если какое нибудь сложное тѣло вступаетъ въ соединеніе, то его пай или пропорція въ соединеніи, зависитъ отъ паевъ тѣхъ простыхъ тѣлъ, изъ которыхъ оно состоитъ; если же простое тѣло вступаетъ въ соединеніе, то его пай, по Берцеліусу, не долженъ ни отъ чего зависѣть; такъ этого требуетъ самое понятіе простаго тѣла.

Такое ирраціональное положеніе тѣла, какъ долго оно ни продолжалось, должно было наконецъ измѣниться. Наука пошла не такимъ быстрымъ скачкомъ, какимъ была ипотеза Проута, но болѣе медленными, за то и болѣе правильными и вѣрными путями. Изучая свои элементы во всѣхъ отношеніяхъ, химики естественно учредили въ нихъ раздѣленія, разбили ихъ на группы. Въ этихъ группахъ взаимное отношеніе и связь членовъ необходимо обнаружились яснѣе, чѣмъ въ цѣломъ ряду простыхъ тѣлъ, разсматриваемыхъ заразъ.

Въ 1843 г., въ 4-мъ изданіи своего «Руководства къ химіи», Леопольдъ Гмелинъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «Есть *группы* элементовъ, представляющія сходство въ физическихъ и химическихъ свойствахъ. Паи такихъ элементовъ большею частію находятся въ *очень простыхъ отношеніяхъ*, иногда они почти равны, иногда кратные другъ друга, или же по крайней-мѣрѣ увеличиваются въ ариѳметической прогрессіи».

Digitized by Google

Такимъ образомъ мысль Берцеліуса объ отсутствіи всякихъ отношеній между паями—уже не признавалась.

Петтенкоферу принадлежитъ еще болѣе важное замѣчаніе, напечатанное имъ въ 1850 году *. Онъ замѣтилъ, что если сравнивать разности между паями нѣкоторыхъ простыхъ тѣлъ, образующихъ естественныя группы, то оказывается, что эти разности—числа, кратныя одного и того же числа. Напримѣръ *магній* имѣетъ пай — 12, *кальцій* — 20, *стронцій*—44, *барій*—68; разницы между паями здѣсь кратныя числа 8. Важно это потому, что такія же кратныя разности находятся между паями нѣкоторыхъ сложныхъ тѣлъ, также образующихъ естественныя группы; напримѣръ, вотъ паи одной группы сложныхъ тѣлъ: *метилъ*—15, *этилъ*—29, *бутирилъ*—57, *амилъ*—71; разности здѣсь кратныя числа 14.

И такъ еще одинъ шагъ; правильныя отношенія между паями простыхъ тѣлъ нетолько существуютъ, но совершенно похожи на отношенія между паями сложныхъ тѣлъ.

Эти замѣчанія были однакоже слишкомъ одиноки; несмотря на свою вѣрность научному духу и на явную фактическую истину, они не обращали всеобщаго вниманія. Это вниманіе вызвано было наконецъ мемуарами Дюма въ 1857 и 1859 годахъ **.

Результаты, къ которымъ пришелъ Дюма въ этихъ мемуарахъ, требуютъ еще дальнѣйшей разработки и не обнимаютъ еще всѣхъ химическихъ элементовъ, но нѣкоторые выводы уже имѣютъ полную твердость, такъ что на основаніи ихъ по крайней-мѣрѣ постановка вопроса совершенно выяснилась.

Вотъ группы, которыя указываетъ Дюма между простыми тѣлами:

Фторъ	19	Азотъ	14
Хлоръ	35,5	Фосфоръ	31
Бромъ	80	Мышьякъ	75
Іодъ	127	Сюрьма	122
Магній	12	Кислородъ	8
Кальцій	20	Сѣра	16
Стронцій	43,75	Селенъ	39,75
Барій	68,5	Теллуръ	64,5
Свинецъ	103,5	Осмій	99,5

* Münchene Gelehrte Anzeigen. B. XXX.

** Sur les equivalents des corps simples, par J. Dumas. Comptes Rendus. 1857. XLV. P. 708. Mémoire sur les equivalents des corps simples, par. J. Dumas. Ann. de Chim. et de Phys. 1859. Fevr.

Digitized by Google

Дюма проводитъ полную аналогію между этими группами и группами сложныхъ тѣлъ, называемыхъ въ органической химіи гомологами, напримѣръ:

Аммоній.	18	Метиль	15
Метиламмоній .	32	Этиль	29
Этиламмоній . .	46	Пропиль.	43
Пропиламмоній.	60	Бутиль.	57

Тѣ и другія группы представляютъ нетолько правильное отношеніе разностей между паями, но и *параллелизмъ*, то-есть если взять двѣ группы, напр. группы фтора и азота, или группы магнія и кислорода, то есть нѣкоторое соотвѣтствіе между членами, занимающими въ обѣихъ группахъ одинаковое мѣсто, напр. между фторомъ и азотомъ, между хлоромъ и фосфоромъ и т. д. Наконецъ вообще химическія и физическія свойства тѣлъ каждой группы, при переходѣ отъ одного простого тѣла къ слѣдующему по порядку, измѣняются такъ же правильно и въ томъ же направленіи, какъ и въ рядахъ органическихъ гомологовъ. «Переходя отъ древеснаго спирта къ алкоголю, отъ алкоголя къ высшимъ алкоголямъ — говоритъ Дюма — мы видимъ на самомъ дѣлѣ, что паи возрастаетъ, способность къ соединеніямъ и ихъ постоянство уменьшаются, точка кипѣнія возвышается. Точно такъ же, переходя отъ фтора къ хлору, къ брому, къ іоду, или отъ кислорода къ сюрьмѣ, къ селену, къ теллуру, или же отъ азота къ фосфору, къ мышьяку, къ сюрьмѣ, мы находимъ, что паи возрастаетъ, способность къ соединеніямъ чаще всего уменьшается, постоянство соединеній слабѣетъ и наконецъ точка кипѣнія поднимается.»

И такъ оказывается, что химическіе элементы во всѣхъ свойствахъ могутъ представлять такія же правильныя отношенія между собою, какія замѣчаются между сложными тѣлами. Но и правильныя разности паевъ, и параллелизмъ, и правильное измѣненіе физическихъ и химическихъ свойствъ, все это въ сложныхъ тѣлахъ зависитъ отъ правильнаго измѣненія ихъ *состава*. Отсюда слѣдуетъ, что и въ простыхъ тѣлахъ та же правильность должна быть отнесена къ подобной же причинѣ, то-есть къ ихъ элементарному строенію, слѣдовательно нетолько къ нѣкоторой сложности, но даже прямо къ сложности, подобной сложности гомологовъ.

Такимъ образомъ, химики достигли бо́льшаго, чѣмъ простое убѣжденіе въ сложности элементовъ; они могутъ предъугадывать ихъ частное, характеристическое для каждаго строеніе. Остается только распространить эти результаты, именно — отыскать группировку всѣхъ остальныхъ элементовъ, изслѣдовать точнѣе и точнѣе отношенія между ихъ свойствами, и такимъ образомъ посте-

Digitized by Google

пенно приближаться къ открытію законовъ и причинъ, отъ которыхъ зависитъ все ихъ разнообразіе.

Что касается до ипотезы Проута, то она также достигла въ настоящее время гораздо большей вѣроятности, чѣмъ прежде. Начиная съ 1840 года, понемногу была разрушена вѣра въ непогрѣшимость паевъ Берцеліуса. Появились новыя, болѣе точныя опредѣленія паевъ углерода, кислорода, азота, и оказалось, что они разительно совпадаютъ съ ипотезою Проута, то-есть суть кратные пая водорода. То же самое впослѣдствіи нашлось и для огромнаго большинства остальныхъ тѣлъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, впрочемъ, до сихъ по́ръ упорно не подчиняются этой кратности; но такъ-какъ другія и въ большемъ числѣ математически строго совпадаютъ съ нею, то у химиковъ образовалось убѣжденіе, что такъ или иначе, но между всѣми паями будетъ найдено правильное отношеніе, и что даже пай водорода непремѣнно будетъ играть роль въ опредѣленіи этого отношенія. Дюма, напримѣръ, высказалъ ипотезу, что, можетъ быть, всѣ паи составляютъ кратныя числа *четверти* пая водорода.

И такъ самымъ ходомъ науки химики приведены къ убѣжденію, что вѣроятно всѣ ихъ элементы состоятъ изъ видоизмѣненій *одного и того же* вещества: химики даже имѣютъ нѣкоторыя указанія на особенное, правильное устройство своихъ элементовъ. Мы пришли, слѣдовательно, къ ученію перваго философа. Ѳалесъ училъ, что всѣ вещи происходятъ изъ *воды*. Черезъ двѣ тысячи лѣтъ съ половиной мы опять пришли къ признанію одной стихіи для вещественнаго міра; но по новѣйшимъ изслѣдованіямъ эта стихія не вода, а всего вѣроятнѣе *водородъ*.

Н. Страховъ.

1865 г. 22 іюля.

Digitized by Google

ВОПРОСЪ ОБЪ ИСКУСТВѢ.

Статья пятая и послѣдняя.

Сочиненія Н. А. Добролюбова.

Освобожденіе отъ принциповъ или оправданіе дурныхъ средствъ возвышенными цѣлями.—Перегородки между поколѣніями; енніамъ, воскуренный дѣтямъ, и камни, брошенные въ отцовъ. О томъ, какъ у насъ затормозили поколѣніе молодое, и какъ заставили повернуть назадъ поколѣніе старое.—Плоды сближенія Свистка съ Искрой: сплетни вмѣсто гласности, отвычка отъ серьёзной рѣчи и уничтоженіе стихотворной поэзіи. — Заключеніе: искуство и утилитаризмъ.

До сихъ поръ, разбирая Добролюбова, мы касались преимущественно его сужденій о русскихъ писателяхъ; говорили, какъ онъ думаетъ объ Островскомъ, о Тургеневѣ, о Гончаровѣ, и какъ намъ представляются произведенія этихъ авторовъ. Сличеніемъ того, что было имъ сказано, съ тѣмъ, что по нашему разумѣнію слѣдовало бы сказать о нихъ, мы думали лучше всего обнаружить его критическую скудость. Оцѣнивши, такимъ образомъ, какой величины онъ былъ критикъ, мы посмотримъ, каковъ онъ былъ мыслитель. О множествѣ довольно хорошихъ общихъ мѣстъ, попадающихся въ статьяхъ Добролюбова о гг. Достоевскомъ, Марко-Вовчкѣ, Полежаевѣ и другихъ, мы говорить не будемъ: общія мѣста имѣютъ только значеніе минуты. Мы обратимъ лучше вниманіе на то, что было произнесено Добролюбовымъ невтунѣ, и что уже принесло своего рода горькій плодъ, вкушаемый теперь многими.

Къ числу статей, содержащихъ въ себѣ такія плодотворныя мѣста, принадлежитъ, между прочими, статья Добролюбова: «Литературныя мелочи прошлаго года». Разсуждая въ этой статьѣ о томъ, что люди прежняго времени ничего будто бы не сдѣлали, въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ самъ намѣренъ сдѣлать, Добролюбовъ старается это объяснить слишкомъ большою вѣрою прошлаго поколѣнія въ принципы. «Люди прежняго поколѣнія — говоритъ онъ — проникнуты были высокими, и нѣсколько отвлеченными стремленіями. Они стремились къ истинѣ, желали добра,

Digitized by Google

ихъ плѣняло все прекрасное; но выше всего былъ для нихъ принципъ... Страшной мукой сомнѣнья и отрицанья купили они свой принципъ, и никогда не могли освободиться отъ его давящаго, мертвящаго вліянія. Совсѣмъ не такъ отнеслось къ вопросамъ жизни молодое поколѣніе. Молодые люди, уже заявившіе себя на жизненномъ поприщѣ, принадлежатъ еще къ промежуточному времени. Ихъ еще смущаетъ принципъ, а между тѣмъ жизнь уже сильнѣе предъявляетъ надъ ними свои права, нежели надъ людьми прошлаго поколѣнія; оттого они часто и шатаются въ обѣ стороны и ничему не могутъ отдаться всей силой души. Но за ними и отчасти среди нихъ видиѣется уже другой общественный типъ, типъ людей реальныхъ, съ крѣпкими нервами и здоровымъ воображеніемъ... Люди новаго времени нетолько поняли, но и прочувствовали, что абсолютнаго въ мірѣ ничего нѣтъ, а все имѣетъ только относительное значеніе. Оттого для нихъ невозможно увлеченіе тенденціями, подобными, напримѣръ, слѣдующимъ: «лучше умереть, нежели солгать хоть разъ въ жизни»; «лучше убить свое сердце, чѣмъ измѣнить хоть однажды долгу супружскому, или гражданскому» и т. д.

При первомъ взглядѣ на это замѣчательное мѣсто, другой, пожалуй, подумаетъ, что въ немъ есть смыслъ; и тѣмъ болѣе, что всѣ разсужденія эти объ освобожденіи отъ принциповъ многими уже усвоиваются: Базаровъ, самый современный изъ снимковъ съ натуры, тоже вѣдь не признавалъ принциповъ. Но болѣе внимательный взглядъ на дѣло выставляетъ тутъ Добролюбова совсѣмъ въ другомъ видѣ. Добролюбовъ упрекалъ людей прежняго времени за то, что они простодушно вѣрили, что лучше умереть, чѣмъ солгать хоть разъ въ жизни; теперь — говоритъ онъ — этого не признаютъ такъ же, какъ не признаютъ возможности не измѣнить хоть однажды обязанностямъ супружескимъ, сыновнимъ или гражданскимъ. Значитъ — разъ солгать, разъ измѣнить теперь допускается; а если допускается разъ, то почему же нельзя солгать и два и три раза? И почему же, наконецъ, не обмануть хоть однажды тоже подъ какимъ-нибудь хорошимъ предлогомъ? Ложь, такимъ образомъ, вводится какъ-бы въ принципъ и становится почти на одну доску съ истиной; добродѣтель подвергается исключенію, а исполненіе ея значительно облегчается; потому что большая разница между поступкомъ человѣка, солгавшаго невольно, нечаянно, вопреки своимъ правиламъ — и поступкомъ человѣка, который лжетъ, думая, что одинъ или два раза въ жизни можно дѣйствительно солгать. Человѣкъ, ошибающійся, сознавши что ложь и измѣна недопустимы, послѣ ошибки досадуетъ на себя, раскаивается; человѣку же твердо вѣ-

Digitized by Google

рующему, что солгать или обмануть въ видѣ исключенія можно и даже должно, не объ чемъ тревожиться: его совѣсть всегда будетъ спокойна; ошибки и промахи, имъ сдѣланные, не нарушатъ его счастія, не возмутятъ его душевнаго міра.

Сравнивши эти два положенія, предоставляю читателю судить, на сколько Добролюбовъ былъ правъ, утверждая, что принципы могутъ связывать человѣка и имѣть даже мертвящее, давящее вліяніе. Что касается насъ, то мы думаемъ, что если людямъ прежняго времени недоставало практичности, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что увеличеніе практичности въ новыхъ людяхъ должно идти на счетъ отступленія отъ правилъ истины и чести: люди должны равно служить, какъ принципамъ истины, такъ и стремленію къ пользѣ, быть и поклонниками идеи и утилитаристами. Въ этомъ-то и крупная ошибка многихъ мыслителей, что они не вѣрятъ въ примиреніе принциповъ съ стремленіями, чистѣйшихъ и благороднѣйшихъ средствъ съ практичностію; практичность, достижимость цѣли понимается нѣкоторыми не иначе, какъ погнутіемъ принциповъ и убѣжденій.

Еслибы дѣйствительно было справедливо, что всѣ главные принципы выработаны до насъ, когда мы еще не родились, то наша обязанность должна состоять не въ томъ, чтобы погнуть ихъ или заподозрить, а, такъ-сказать, санкціонировать для практической жизни. Но въ томъ-то и бѣда, что принципы нетолько что не привиты къ жизни, но еще далеко не всѣ выработаны и осмыслены; а Добролюбовъ уже думалъ о томъ, какъ бы освободиться отъ нихъ. Принципы не такое абстрактное слово, какъ ему казалось: въ нихъ совмѣщаются идеи нравственнаго начала, идущія въ паралель съ требованіями права. Поступать безъ принциповъ— то же, что быть неразборчивымъ въ средствахъ — правило іезуитовъ; ими, какъ извѣстно, высказано и проведено въ жизнь самое вредное и самое безнравственное изъ всѣхъ правилъ, что цѣль оправдываетъ средства. Іезуиты исчезаютъ, но правила ихъ еще живутъ и усваиваются какъ консерваторами, такъ равно и прогресистами; самая даже борьба между тѣми и другими производится не иначе, какъ посредствомъ кривыхъ, а не прямыхъ орудій.

Но не цѣль оправдываетъ средства, а средства оправдываютъ цѣль. Если средства хороши, то и цѣль хороша; средства худы, и цѣль, должно полагать, такая же: будучи даже въ началѣ хорошею, цѣль при дурныхъ средствахъ теряется изъ виду; и человѣкъ, увлекшійся сначала благородными намѣреніями, мало по малу доходитъ до низкихъ и подлыхъ цѣлей. Дурныя средства, жизнь безъ принциповъ есть именно тотъ скользкій путь, по ко-

Digitized by Google

торому съѣзжаютъ и падаютъ люди съ самыми лучшими намѣреніями. Практическія цѣли не могутъ быть оправданы только логикой: жизнь не книга; средства есть первое и главнѣйшее оправданіе всѣхъ жизненныхъ цѣлей. Дѣло заключается не въ томъ только, чтобы построить, напримѣръ, домъ, пріобрѣсти имѣніе или воспитать дѣтей или общество, а еще и въ томъ — какъ построить, какъ пріобрѣсти, и какъ воспитать. Средства, употребленныя тутъ, бываютъ иногда такъ важны, что перевѣшиваютъ даже цѣль; и вотъ этотъ-то родъ умственной и нравственной дѣятельности называется служеніемъ идеи или принципу. Добролюбовъ жестоко ошибается, утверждая, что только люди прежняго времени одарены были способностію служить идеи. Это клевета на нынѣшнее время. Готовность служить идеи, жертвовать за свои убѣжденія здоровьемъ, жизнію — никогда не исчезнетъ въ людяхъ; и въ ней нельзя сомнѣваться послѣ тѣхъ подвиговъ самопожертвованія, которые виказали сотни ученыхъ и путешественниковъ, увлекаясь идеями. Изъ-за чего же, спрашивается, горячился Добролюбовъ, и горячатся до сихъ поръ многіе, стараясь доказать, что служеніе идеи и вѣра въ принципы вещь невозможная, и даже ненужная въ нынѣшнее время?

Мы потому такъ остановились надъ совѣтами и разсужденіями Добролюбова о скорѣйшемъ освобожденіи молодаго поколѣнія отъ принциповъ, что совѣты эти приняты уже многими, и даже проводятся въ бельлетристику, а потому, значитъ, и въ жизнь. Какъ на самый свѣжій примѣръ тому можно указать на повѣсть госпожи Елистратовой «Неугомонная» *. Героиня этой повѣсти — дѣвушка, занимающаяся воспитаніемъ дѣтей въ домѣ богатаго и стараго графа. Графъ этотъ вдовецъ и живетъ съ любовницей, которая, разумѣется, вредитъ и эксплуатируетъ его дѣтей. Гувернантка, будучи доброй и образованной особой, принимаетъ сторону послѣднихъ и рѣшается защитить ихъ интересы. Но какъ этого достигнуть молодой и красивой дѣвушкѣ, неимѣющей ни малѣйшаго вліянія въ домѣ? Кокетствомъ, мелькаетъ въ ея умѣ. И вотъ она, презирая въ душѣ развратнаго вдовца, принимается его ловко интриговать; содержанка тоже, конечно, не плошаетъ; завязывается борьба, сцены... Красота и молодость героини дѣйствуютъ на старика все болѣе и болѣе, а сила ея стремленія сдѣлать добро дѣтямъ доходитъ, наконецъ, до того, что она позволяетъ себя цаловать графу, и сама даже цалуетъ его. Содержанка послѣ такого пасажа изгоняется, и дѣти повидимому спасены отъ ея козней. Героиня же, считая свое дѣло окончен-

* «Современникъ». V № 1865.

Digitized by Google

нымъ, уѣзжаетъ вдругъ, оставивши графа обманутымъ въ своихъ разсчетахъ, и конечно, озлобленнымъ противъ всѣхъ.

Что повѣсть эта написана по рецепту Добролюбова—лучше всего доказываетъ слѣдующее мѣсто изъ нея, гдѣ героиня старается себя оправдать. «Нѣтъ, я хорошо сдѣлала, выпроводивши отсюда Бруно (имя содержанки); необходимо, чтобы дѣти росли въ другой средѣ. Что мнѣ до того, каковъ мой принципъ; я и сама не знаю: можетъ, его тутъ и вовсе нѣтъ; не всѣ же живутъ согласно съ извѣстными правилами, иначе слишкомъ узкая рамка была бы для жизни и людей». — Значитъ, широту жизни героиня предполагала въ отсутствіи правилъ нравственности; болѣе вреднаго выраженія мы уже давно не встрѣчали. И какъ мило, посмотрите, оправдываетъ эта госпожа свои поцалуи! — «Мужчина цалуетъ же женщину, не любя ее въ нравственномъ значеніи этого слова, а только отдаваясь необходимому требованію природы; отчего же его репутація не страдаетъ отъ этого».—Но вѣдь героиня наша, цалуя стараго графа, вовсе не исполняла требованія природы, а только хотѣла провести; поцалуи давали ей средства достигать извѣстной цѣли; и кто знаетъ, что жизнь современемъ не потребуетъ отъ нея для еще болѣе важныхъ цѣлей чего нибудь еще бо́льшаго, чѣмъ поцалуи? Гдѣ же ей остановиться тогда? Поскользнуться и упасть тому легче, кто покривилъ душой съ убѣжденіемъ въ своей правотѣ. И велика ли тутъ разница между содержанкой и гувернанткой? Содержанка исполняла извѣстныя обязанности въ отношеніи графа и обманывала дѣтей; гувернантка исполняла свои обязанности въ отношеніи дѣтей и обманывала графа. И, полно, защитила ли она бѣдныхъ дѣтей отъ дурного вліянія отца и содержанки, уговоривши отдать ихъ въ пансіонъ? Что можетъ защитить дѣтей отъ отца? Страшно обманутый въ своихъ низкихъ позывахъ на гувернантку, онъ пожалуй озлобится на дѣтей, воротитъ даже ихъ. Что же касается до содержанки, то она, конечно, должна воротиться, если судить по тому, на сколько она, по свидѣтельству автора, имѣла власти надъ графомъ и на сколько онъ, какъ видно изъ разсказа, былъ проведенъ въ своемъ довѣріи и разсчетахъ на молодую дѣвушку *.

---

* Вмѣстѣ съ облегченіемъ отъ давящаго вліянія принциповъ, въ повѣсти госпожи Елистратовой рекомендуется и освобожденіе отъ приличій, которыя мужчины и женщины принуждены еще соблюдать, благодаря особенностямъ своего пола. Гувернантка, оставивши графа, поселилась на время у пожилого холостяка-доктора, который былъ въ нее влюбленъ, но къ которому она питала только дружбу. Безъ поцалуевъ, впрочемъ, и тутъ не обошлось, хотя поцалуи были самые братскіе. Однажды, разойдясь по своимъ комнатамъ ночью, они долго не могли заснуть. «Огонь изъ кабинета былъ видѣнъ—продолжаетъ

Digitized by Google

Но выписанное нами изъ Добролюбова мѣсто о принципахъ, замѣчательно еще въ другомъ отношеніи. Стараясь доказать самыми утлыми доводами, что прежніе люди были люди принципа, а теперешніе — люди пользы, Добролюбовъ тѣмъ самымъ думаетъ и отгородить поколѣніе старое отъ поколѣнія молодаго; въ упомянутой нами статьѣ встрѣчаются длиннѣйшія разсужденія объ отличительныхъ качествахъ того и другого. Тутъ, между прочимъ, Добролюбовъ выкидываетъ такую фразу: «Юноши, доселѣ занимавшіеся вмѣстѣ съ зрѣлыми мудрецами пораженіемъ семидесятилѣтнихъ старцевъ, рѣшились теперь перенести свою критику на людей пятидесяти и даже сорока лѣтъ» (406 стр. II т.).—Не то же ли это самое, что сказать людямъ сорока лѣтъ—стой! Вы лишены права на дѣятельность. Мы не принадлежимъ къ числу сорокалѣтнихъ, но скажемъ все-таки, что всѣ эти умствованія по поводу поколѣній, вошедшія такъ въ моду, всѣ эти градаціи возрастовъ и старанія соразмѣрить права на дѣятельность съ числомъ лѣтъ кажутся намъ величайшею нелѣпостію; и думаемъ, что всѣ свѣжіе умы съ нами въ этомъ согласятся. Между деревьями въ лѣсу даже нельзя провести грани по возрастамъ, а у насъ проводятъ такую рѣзкую черту между людьми. Кто старше, кто моложе? Кто на сколько современнѣй? Куда, къ какой сторонѣ пристать? Говорятъ не столько о либерализмѣ или консерватизмѣ, сколько о молодости или старости разнаго рода идей и направленій. Примѣняютъ даже къ наукамъ возрасть: говорятъ, напримѣръ, о старой и новой политической экономіи и т. д. Но кто дѣйствительно молодъ, тотъ долженъ же наконецъ понять, до какой степени нелѣпо это чванство тѣмъ, что у насъ большее число лѣтъ впереди, чѣмъ у другихъ. Я васъ моложе, вы мнѣ не ровня! кричитъ теперь почти всякій подрастающій печатнымъ образомъ. Да и другіе-то отъ нихъ не отстаютъ. Прочтите, напримѣръ, адресъ одного изъ поклонниковъ самаго молодаго журнала «Русскаго Слова» къ «Современнику». Нападая на этотъ значительно старѣйшій журналъ, г. Алексан-

---

разсказница — отъ него узкая полоса свѣта проникала подъ двери спальни гувернантки. Желая узнать, что дѣлаетъ докторъ, она стала кашлять и вертѣться, какъ можно громче. Ей хотѣлось одѣться и идти къ нему Послышались шаги. «Соня, ты спишь?»—«Нѣтъ».—«Позволишь войти?» — «Я хочу сама одѣться и идти къ вамъ».—«Это лишнее; вѣдь я — докторъ, привыкъ видѣть своихъ паціентовъ въ ночномъ костюмѣ. Можно? переспросилъ онъ». — «Ну, можно, отвѣчала она, смѣясь». Вотъ та идеальная простота нравовъ, которую невинные люди выставляютъ за образецъ. Она какъ разъ совпадаетъ съ тѣмъ наивнымъ простодушіемъ, съ какимъ недавно было говорено въ «Заграничномъ Вѣстникѣ» о тайнахъ любви и разныхъ родахъ половаго сношенія у всѣхъ народовъ (см. объ этомъ возмутительную статью, подъ названіемъ Любовь и бракъ).

Digitized by Google

дровъ, чѣмъ бы вы думали тычетъ своихъ противниковъ? — молодостью: «Я, вмѣстѣ съ большинствомъ извѣстныхъ мнѣ молодыхъ людей, считаю долгомъ заявить печатно» и т. д. «Русское Слово», а не «Современникъ» стоитъ во главѣ нашей мыслящей молодежи. Къ нему относится мыслящая молодежь съ большей симпатіей». Точно авторитетъ какой-нибудь приводится въ доказательство, похваляясь молодостью *.

И что кромѣ вреда приносятъ всѣ эти перегородки, которыя наставилъ Добролюбовъ и другіе нетолько между направленіями, но и между возрастами? Только ссорятъ и производятъ вражду, озлобляютъ стариковъ и отрываютъ отъ дѣла молодыя, нетронутыя силы, уничтожая всякую солидарность и преемственность въ прогресѣ. Всѣ себя считаютъ доконченными, вполнѣ готовыми къ дѣятельности и потому, разумѣется, не развиваются и не двигаются впередъ. Поэтому тѣ, которые льстили и льстятъ еще молодости, въ нѣкоторомъ родѣ тормозятъ общество, поступаютъ въ высшей степени консервативно; не давая времени выработаться, надышаться трудомъ людямъ, вступающимъ въ жизнь, они лишаютъ ихъ возможности быть въ настоящемъ смыслѣ взрослыми дѣятелями. Въ лести этой есть, пожалуй, разсчетъ: то, что прочтется, что подѣйствуетъ изъ книги на человѣка взрослаго, пожившаго, уходитъ большею частію внутрь его и въ счастливомъ случаѣ отражается въ поступкахъ; то же, что дѣйствуетъ на человѣка не вполнѣ сформировавшагося, обыкновенно быстро отскакиваетъ — отсюда шумъ и говоръ о всемъ, имѣющемъ претензію молодить себя, свое направленіе и самое, наконецъ, общество. Люди черезъ это, конечно, не зрѣютъ, а какъ-то юнѣютъ, особенно тѣ, которые еще не имѣли времени и развиться: прытость въ сужденіяхъ удивительная, чванство молодостью, доходящее до нахальства... прочелъ пять-десять книжекъ, прослѣдилъ въ годъ за однимъ журналомъ—и считаетъ уже свой образъ мыслей готовымъ, установившимся и начинаетъ либо дѣйствовать въ жизни, либо отдыхать на лаврахъ. Къ идеалу дѣйствующихъ можно, конечно, причислить Рахметова, который чуть-

* Нелѣпая болтовня эта и споры о поколѣніяхъ проникла даже и въ общество. Недавно на станціи желѣзной дороги, мы слышали подобный споръ. Дѣло происходило между молоденькимъ воспитанникомъ какого-то учебнаго заведенія и его, немного пьяноватымъ, старикомъ родственникомъ. Молодое поколѣніе, пользуясь ненормальнымъ состояніемъ стараго, брало верхъ. Послѣднее согласилось даже, что вагоны изобрѣло молодое поколѣніе. Но рельсы, время, изобрѣли старики! Такой же споръ произошелъ и насчетъ телеграфовъ; точь въ точь, какъ у насъ въ литературѣ. Старикъ, наконецъ, опьянѣвши, заснулъ; а мальчикъ съ торжествомъ проговорилъ въ слухъ: «Вотъ вамъ старое поколѣніе!»

Digitized by Google

ли не въ восемьдесятъ-четыре часа окончилъ свое развитіе; а къ толпѣ юношей, отдыхающихъ на лаврахъ, слѣдуетъ отнести ту тьму господъ, которые воспитываютъ себя не упорнымъ чтеніемъ и знакомствомъ съ лекціями и професорами, а хожденіемъ по городу, сбираніемъ слуховъ и безполезными разговорами о разныхъ либеральныхъ предметахъ. Подобно польскимъ шляхтичамъ, хвалящимся своимъ дворянствомъ и незнающимъ никакого ремесла, эти шляющіеся и празднующіе юноши тоже чванятся своимъ званіемъ и ничего не дѣлаютъ. Если дѣйствительно справедливы жалобы, раздающіяся въ столицѣ со всѣхъ сторонъ на это ничего-недѣланье, то онѣ падутъ современемъ на голову тѣхъ, которые захвалили, затормозили все свѣжее, богатое силами и готовое на честные подвиги.

Выставивши такимъ образомъ отношенія Добролюбова и его партіи къ молодому поколѣнію, которое они всѣми средствами старались отгородить, мы посмотримъ теперь, какъ относился Добролюбовъ къ людямъ пожилымъ, взрослымъ, заявившимъ уже свою дѣятельность въ обществѣ. Здѣсь прежде всего обратимъ вниманіе на то, какъ думалъ вообще Добролюбовъ о нашихъ первоклассныхъ талантахъ; какъ онъ ихъ разбиралъ, мы уже говорили; мы теперь покажемъ только читателю, почему онъ не хотѣлъ разбирать ихъ иначе, почему не считалъ ихъ достойными настоящаго разбора, настоящей критики.,.

«Хорошо—говоритъ Добролюбовъ—если вамъ попадется произведеніе, приближающееся хоть сколько-нибудь къ идеальному требованію... Тогда можно и съ эстетической точки зрѣнія заняться имъ, и въ художественныя тонкости пуститься, и всѣ пятнышки на немъ прослѣдить. Это дѣлается тогда само собою, по тому же невольному чувству, по которому вы хлопочете, чтобы прекрасной картинѣ дано было хорошее освѣщеніе, невольно дѣлаете движеніе, чтобы согнать сѣвшую на нее муху. Но подымать вѣчные законы искуства, толковать о художественныхъ красотахъ по поводу современныхъ русскихъ повѣствователей—это такъ же смѣшно, какъ развивать теорію генерал-баса въ поощреніе тапёра, несбивающагося съ такта» (535 стр. III т.).

Говорилось все по поводу сочиненій г. Достоевскаго; почти то же было сказано въ другомъ мѣстѣ и о г. Тургеневѣ. Добролюбовъ, значитъ, вѣрилъ въ законы искуства, да только считалъ ихъ неприложимыми къ такимъ будто бы незначительнымъ писателямъ, какъ наши художники. Пусть остаются они въ тѣни,

Digitized by Google

пусть засиживаются мухами, а мы станемъ тебѣ, публика, читать по поводу ихъ нравоученія. Произведенія ихъ недостойны настоящей критики, думалъ себѣ Добролюбовъ. А дѣло-то было наоборотъ: критика была недостойна художественныхъ произведеній. И мы думаемъ, что еслибы Добролюбову подвернулся величайшій геній, то онъ не обошелся бы безъ публицистическихъ нотацій и полемическихъ красотъ. Оцѣнка достоинствъ и эстетическій разборъ одинаково необходимы какъ для геніальныхъ, такъ и для талантливыхъ произведеній; для послѣднихъ еще, быть можетъ, болѣе: ихъ скорѣе могутъ засидѣть мухи. Нравоучительныя надписи ни къ чему не послужатъ, если формы и краски картины будутъ покрыты пылью и сама она будетъ поставлена въ темный уголъ.

Въ другихъ литературахъ поэты и художники составляютъ обыкновенно предметъ уваженія и заботы критика: онъ ихъ столько же любитъ, сколько и тревожится за нихъ; ихъ достоинства находятъ въ немъ перваго цѣнителя, ихъ недостатки — первую поправку. Между художникомъ и критикомъ чрезъ это выходитъ самая тѣсная связь: критика является какъ-бы сознаніемъ публики, воспринимающей автора и развивающей его идеи. У насъ, по смерти Бѣлинскаго, все это дѣлалось наоборотъ: критики большею частію старались не расширить, не докончить такъ сказать идею художника, а заслонить его собою. Такъ дѣлалъ обыкновенно Добролюбовъ, и такъ поступаютъ теперь всѣ тѣ бездарности, которыя съ легкой руки его загораживаютъ собою художественныя и поэтическія произведенія и кричатъ всѣмъ: довольно!—«Довольно! сказалъ Тургеневъ не первый самъ себѣ, а это ему прежде сказали другіе, которые въ своемъ критическомъ высокомѣріи рѣшились съ обща афрапировать человѣка. Это не то что Бѣлинскій, который своимъ глубоко-гуманнымъ сочувствіемъ и желаніемъ успѣха оживлялъ и поднималъ все, что носило на себѣ хоть слѣдъ литературнаго таланта. Но за то какая пошлая теперь бездарностямъ за тою ширмою, которую поставилъ Добролюбовъ и другіе своими критиками. Благодаря открывшейся возможности презирать формой, помѣщеніе безобразныхъ произведеній считается теперь чѣмъ-то въ родѣ ника или либерализма *.

---

* Какъ примѣръ этихъ безобразій, мы приведемъ одно мѣсто изъ повѣсти г. Ѳедоровича, напечатанной въ одномъ журналѣ, издаваемомъ преимущественно для юношества (см. «Рус. Слово» V кн. 1865). «Молодые люди—говоритъ авторъ, описывая вечеръ—находились въ полномъ удовольствіи, не отходя ни выходили изъ границъ приличія; они могли поднимать ручки въ надрыи, обхватывать талію въ польку, прижимаясь другъ къ другу и чувствуя на щекахъ горячее дыханіе: словомъ, могли *раздражаться* до высочайшей степени, но

Digitized by Google

Но еще болѣе высокомѣрно чѣмъ къ художественнымъ талантамъ, относился Добролюбовъ къ прочимъ литературнымъ дѣятелямъ: въ Свисткѣ его безчисленное множество тому примѣровъ. Это въ своемъ родѣ замѣчательное литературное явленіе; мы надъ нимъ долго останавливались, и нашли въ немъ объясненіе даже тому, что̀ прежде намъ казалось совершенно необъяснимымъ. Мы, напримѣръ, никакъ не могли прежде взять себѣ въ толкъ—почему это у насъ такъ много даровитыхъ дѣятелей или не дотянуло, или свернуло съ дороги, или совсѣмъ поворотило назадъ? Свистокъ намъ это объяснилъ. Вся разгадка заключается въ стихотвореніи Добролюбова «Нашъ демонъ». Въ первыхъ строкахъ его, хоть и нескладно, но довольно ясно выражено слѣдующее. Въ то время, какъ въ Россіи все было возбуждено и оживлено—злоупотребленія обнаруживались, полезность наказаній заподозривалась, евреи возбуждали сочувствіе своимъ положеніемъ, мужиковъ освобождали, откупа были близки къ паденію и т. д. и т. д... —

Въ тѣ дни, исполненъ скептицизма,
Злой духъ какой-то намъ предсталъ
И новымъ именемъ трюизма
Святыню нашу запятналъ.
Не зналъ онъ ничего святаго:
Громекой не былъ увлеченъ,
Не оцѣнилъ комедій Львова,
Не вѣрилъ Кокореву онъ.
Не вѣрилъ онъ экономистамъ,
Проценты ростомъ называлъ,
И мефистофелевскимъ свистомъ
Статьи Вернадскаго встрѣчалъ.
Не вѣрилъ онъ, что нуженъ геній,
Чтобы разумный далъ отвѣтъ,
Среди серьёзныхъ нашихъ преній —
Нужна ли грамотность иль нѣтъ...
Онъ хохоталъ, какъ мы рѣшали,
Чтобъ мужика не баринъ сѣкъ
И какъ гуманно утверждали,
Что жидъ есть тоже человѣкъ.
Сонмъ благородныхъ протестантовъ
Онъ умиленно не почтилъ,
И даже братьевъ Милеантовъ
Своей насмѣшкой оскорбилъ.

отнюдь не выходитъ изъ пассивной роли, что̀, по мнѣнію ихъ матери, непремѣнно бы случилось, еслибы не ея бдящія очи. Къ одинадцати часамъ, говорится далѣе, молодёжь была *раздражена* до высочайшей степени; *но все обстояло благополучно*. Только впалыя щоки Сашеньки пылали, глаза ея разгорѣлись и т. д. въ этомъ родѣ, всѣ трепетали, волновались и высоко дышали; а ночью шестнадцатилѣтняя Таня спрашивала самое себя — «отчего у нея захватываетъ духъ, когда она посмотритъ въ глаза мужчинѣ?» Къ этимъ сальностямъ и реальностямъ, они вотъ не отнесутся съ негодованіемъ, какъ относились къ Писемскому, Майкову и другимъ; это имъ по вкусу, это въ ихъ направленіи.

Digitized by Google

Не оцѣнилъ онъ Розенгейма,
Растопчину онъ осмѣлъ,
На все возвышенное клейма
Какой-то пошлости онъ клалъ.
Весь нашъ прогрессъ, всю нашу гласность,
Громъ обличительныхъ статей,
И публицистовъ нашихъ страстность,
И самый даже Атеней,
Все жертвой грубаго глумленья
Содѣлалъ жолчный этотъ бѣсъ,
Бѣсъ отрицанья, бѣсъ сомнѣнья,
Бѣсъ, отвергающій прогрессъ.

Не знаю, догадывается ли читатель, въ чемъ тутъ дѣло; для насъ же это стихотвореніе чрезвычайно ясно. Было когда-то лицо, духъ или направленіе, которое взялъ себѣ за правило — не вѣрить ни въ одно изъ явленій нашей пробуждающейся жизни; хоть бы эти явленія были и самыя свѣтлыя, дающія надежду — не вѣрить, отрицать, класть на все клеймо пошлости. Не могши освободиться отъ мрачныхъ впечатлѣній того времени, въ которое народился этотъ духъ, онъ покрывалъ темнотой и все настоящее. Положимъ, что до небесъ восхищаться всѣмъ происходившимъ тогда въ общественной жизни и умственной сферѣ было смѣшно; но совершенно отрицать искренность многихъ пробуждавшихся умовъ, заподозрѣвать всякую неустановившуюся дѣятельность и не отдавать никому справедливости было положительно вреднымъ стремленіемъ. Оно запугивало, лишало увѣренности въ себѣ, и возбуждало горькую досаду въ людяхъ съ самыми благородными инстинктами. Мало по малу, эта вѣчная насмѣшка, вмѣсто сочувствія, озлобляла людей, и они или совсѣмъ сходили съ дороги, или переставали вѣрить въ прогрессъ, въ молодыя силы и дѣлались самыми узкими консерваторами. Представьте въ самомъ дѣлѣ положеніе людей, неутвердившихся еще въ своихъ начинаніяхъ, но уже полныхъ энергіи, свободы и желанія добра; и теперь вдругъ начинаютъ ихъ освистывать, осмѣивать и третировать, какъ мальчиковъ; понятно, что тѣ изъ нихъ, которые имѣли слабѣе характеръ — сробѣли, отступили, запуганные дерзостью, притворнымъ высокомѣріемъ и мнимымъ радикализмомъ. Но многіе за то и устояли, не сдѣлавшись ни узкими консерваторами, ни модными прогрессистами; а дали только время пронестись этому фантастическому вихрю.

Слѣдуя программѣ, изложенной въ этомъ стихотвореніи, Добролюбовъ тоже былъ неразборчивъ въ предметахъ, надъ которыми смѣялся; или, наоборотъ, онъ былъ чрезвычайно разборчивъ: потому что смѣялся большею частію надъ тѣмъ, надъ чѣмъ ни у кого недоставало духу даже улыбнуться. Такъ взволнованъ

Digitized by Google

былъ когда-то нашъ литературный міръ оскорбленіемъ, которое нанесъ одинъ фѣльетонистъ Иллюстраціи двумъ литераторамъ изъ евреевъ, Чацкину и Горвицу: объ нихъ сказали, что они подкуплены. Явились литературные протесты, въ которыхъ говорилось отъ имени множества писателей, «что они, проникнутые убѣжденіемъ высокаго и нравственнаго призванія литературы, считаютъ обязанностію самымъ положительнымъ образомъ протестовать противъ такихъ злоупотребленій печатнаго слова, изъ органа мысли и гласности низводящихъ его на степень презрѣннаго орудія личныхъ оскорбленій.» (368 стр. IV т.). Кажется, ясно, что этимъ протестомъ защищались нетолько личности литераторовъ, но и самые принципы литературной чести, а Добролюбовъ, потѣшаясь, называетъ все это жидовской исторіей. Въ нынѣшнее время, такой протестъ былъ бы, конечно, неумѣстенъ; теперь уже черезчуръ привыкли низводить гласность на степень презрѣннаго орудія личныхъ оскорбленій; но тогда, литературные нравы не достигали еще такого извращенія, въ какомъ они теперь пребываютъ; Добролюбовъ своимъ свистомъ на воззваніе сотни литераторовъ, немало, конечно, способствовалъ къ установленію литературныхъ обычаевъ, и къ произведенію той литературной свалки, которая теперь совершается. Протестовъ ждать неоткуда; все смотритъ съ изумленіемъ, выпучивши глаза на эту фантасмогорію.

Далѣе за исторіей протеста, замѣчателенъ также отзывъ Добролюбова объ исторіи г. Якушкина. Г. Якушкинъ, какъ извѣстно, былъ посаженъ въ псковскую полицію за его мужицкій нарядъ, въ который онъ одѣлся съ цѣлью изслѣдованія народнаго быта. За свое дерзкое отступленіе отъ принятыхъ благородными людьми обычаевъ, онъ претерпѣлъ, если вспомнить, не мало. Кажется, надъ чѣмъ бы было тутъ острить? Такъ нѣтъ же вотъ, Добролюбовъ и тутъ не даетъ спуску, и съ самымъ тоненькимъ свистомъ принимается восхищаться мастерскимъ изложеніемъ происшествія, а самый фактъ, несмотря на всю его возмутительность, оставляетъ въ сторонѣ: говоритъ о какомъ-то радостномъ трепетѣ, который долженъ объять всякаго при чтеніи разсказа Якушкина, подшучиваетъ надъ какою-то чисто-народною формою, которая будто бы придана простому полицейскому случаю, и т. д.

Далѣе слышится еще болѣе рѣзкій и продолжительный свистъ по поводу диспута между гг. Погодинымъ и Костомаровымъ. Произошло серьёзное противорѣчіе между двумя спеціалистами, коснувшимися вопроса о происхожденіи Руси. Дѣло было передъ концомъ тысячелѣтія Россіи. Въ какой странѣ, скажите, могли равнодушно отнестись къ этому предмету? Да въ Англіи изъ этого

Digitized by Google

вышли бы десятки митинговъ. И какую бы странную форму они ни приняли, никто бы не сталъ надъ ними потѣшаться. И у насъ выходило что-то въ родѣ митинга: въ публикѣ, какъ видно изъ статьи же Добролюбова, было такое одушевленіе, какого не было ни на одномъ гуляньѣ, ни на одномъ концертѣ. «Въ залѣ съ семи часовъ была давка страшная: стулья были нумерованные, но половина народа не нашла своихъ мѣстъ; многіе остались въ проходахъ между стульями, другіе забирали въ бокъ поближе къ насѣдамъ двухъ противниковъ, стоявшимъ одинъ противъ другого»... Мы не были свидѣтелемъ этого происшествія, но знаемъ, что слухъ о немъ даже и въ провинціи произвелъ хорошее впечатлѣніе. Чего бы, казалось, присвистывать, надъ чѣмъ потѣшаться, почему не дать развиться изъ этого обычаю чисто-русскихъ серьёзныхъ собраній? Такъ нѣтъ же вотъ, раздается свистъ, свистъ продолжительный, нелѣпый, ненмѣющій никакой цѣли.

Но самая большая несправедливость, сдѣланная Добролюбовымъ этимъ чисто-театральнымъ пріемомъ свистанья, была въ отношеніи Пирогова. Свистъ этотъ былъ неловокъ и необдуманъ: ошикали, обругали человѣка, извѣстнаго въ Европѣ своими спеціальными трудами, пользовавшагося уваженіемъ тысячи медиковъ — его учениковъ, и прославившагося своимъ здравымъ педагогическимъ смысломъ. Чего бы, казалось, лучше для выставки прогресивности? И что же вдругъ выходитъ? Человѣкъ этотъ правъ, свистали невпопадъ и молодое поколѣніе, которое заманивалъ къ себѣ Добролюбовъ, говоритъ вмѣстѣ съ стариками восторженныя рѣчи, и съ горячимъ сожалѣніемъ отзывается о выходѣ г. Пирогова изъ службы. Дѣло оказывалось для «Современника» очень серьёзно — быть или не быть представителемъ юныхъ силъ, или по крайней-мѣрѣ утратить хоть частичку этихъ силъ. Неудивительно нисколько, что Добролюбовъ хватился за умъ, и въ своей послѣдней статьѣ о г. Пироговѣ сталъ извиваться на всевозможнѣйшіе манеры, бросаться туда и сюда — лишь бы только выставить себя не порицателемъ г. Пирогова, котораго называлъ плантаторомъ и сравнивалъ съ семинаристомъ, а защитникомъ какого-то высокаго принципа. «Г. Пироговъ — говоритъ Добролюбовъ — оказался слабымъ передъ средою, и уступилъ не въ мелочи, а въ принципѣ, и уступилъ въ томъ, противъ чего рѣшительно и ясно заявилъ свое мнѣніе.» Видите, Добролюбовъ тутъ уже стоитъ и за непоколебимость принциповъ, что прежде отвергалъ. Но дѣло-то шло вовсе и не о нихъ. Г. Пироговъ имѣлъ дѣло не съ выробатываніемъ принциповъ и убѣжденій, а съ проведеніемъ ихъ въ жизнь, съ измѣненіемъ существующихъ постановленій. Принципы личности и уставы училищъ

Digitized by Google

не одно и то же. Г. Пироговъ не былъ неограниченный властелинъ въ своей средѣ; чѣмъ непоколебимѣе были его принципы, тѣмъ дороже они были для него, тѣмъ осторожнѣе и законнѣе онъ долженъ былъ проводить ихъ въ школу: поэтому-то, дѣйствуя противъ тѣлесныхъ наказаній, онъ и ввелъ въ управленіе колегіальное начало. «Мы боремся — говоритъ г. Пироговъ — да и не съ одними предубѣжденіями общества, а и самой школы, далеко неопередившей общество. Мы боремся, твердо зная, что нравы и ложные взгляды нельзя перемѣнить предписаніями и писанными правилами; потому мы возстаемъ противъ розги, и выводимъ ее изъ нашихъ школъ не на письмѣ, а на дѣлѣ. Она должна исчезнуть не по приказанію начальства, а по общему единогласному убѣжденію воспитателей, когда они найдутъ въ себѣ довольно воли и искуства замѣнить ее болѣе нравственнымъ суррогатомъ.» И дѣло, начатое г. Пироговымъ, имѣло успѣхъ; тѣлесныя наказанія быстро уменьшились, нравственное вліяніе колегіальнаго начала и уничтоженіе прежней жестокости и произвола было огромное. Не было только радикальнаго отмѣненія розги, на что г. Пироговъ не имѣлъ ни малѣйшаго права, и что Добролюбову было хорошо извѣстно: «Мы знаемъ — говоритъ онъ — что г. Пироговъ былъ связанъ въ своей дѣятельности существующимъ уставомъ, и не имѣлъ никакой практической возможности явиться реформаторомъ» (294 стр. I т.). «Я вѣрю, что въ его положеніи онъ ничего не могъ лучше сдѣлать того, что сдѣлалъ.» Такъ изъ-за чего же послѣ того поднялся свистъ, что возмутительнаго оказалось въ дѣятельности человѣка, въ твердость убѣжденія котораго вѣрилъ цѣлый край. Еслибы, наконецъ, Добролюбову и показалось въ дѣятельности его что нибудь ошибочное, то онъ долженъ бы былъ отнестись къ нему безъ свиста, хоть изъ уваженія къ общественному мнѣнію и къ той честной, открытой гласности, съ какою г. Пироговъ предавалъ на судъ общества свои распоряженія. Теперь уже ясно, что Добролюбовъ привязывался къ словамъ, а не къ дѣлу, и самъ даже сознавалъ свою ошибку, хотя и не имѣлъ достаточно прямоты, чтобы не увернуться. «Я — говоритъ онъ — указалъ на ошибку Пирогова, *положимъ, даже преувеличилъ ея значеніе* (зачѣмъ же это?); я надѣялся, что это выяснитъ дѣло и поможетъ торжеству разумныхъ началъ» (304 стр. I т.). Нѣтъ, это умышленное преувеличеніе подѣйствовало на общество совсѣмъ иначе: оно значительно обезсилило Пирогова. Гг. Судовщиковъ и Даргомановъ почему нибудь да писали, что Свистокъ и Всероссійскія Иллюзіи подѣйствовали дурно на легкомысленныхъ людей въ Кіевѣ: «Публика дошла до того, что заподозрила въ отсутствіи истиннаго

Digitized by Google

либерализма не Добролюбова, а Пирогова, и малодушно отъ него отвернулись даже тѣ, которые его уважали.» Такъ думали объ этомъ тогда въ Кіевѣ. Добролюбовъ увеличилъ такимъ образомъ партію противниковъ г. Пирогова; сильные и отсталые люди соединились съ либеральными крикунами; послѣдніе поддержали первыхъ, и г. Пироговъ не устоялъ. Чего хотѣлъ Добролюбовъ своимъ радикальничаньемъ—ужь трудно и объяснить. Одна только фраза, нехорошая фраза показываетъ, въ чемъ тутъ дѣло. «На торжественныхъ проводахъ — выражаетъ онъ — можно говорить что угодно, *особенно, если это пріятно Пирогову*» (307 стр. IV т.). Да развѣ это говорилось ради пріятности?... Развѣ Пироговъ былъ такой человѣкъ, чтобъ нуждаться въ лести? Особенно, если это пріятно — вѣдь это чуть ли уже не зависть? Да, это именно то самое нехорошее чувство, которое вообще свойственно всему ихъ контингенту, которое болѣе всего ихъ двигало впередъ и давало возможность не видѣть ни чьихъ достоинствъ, кромѣ своихъ собственныхъ. Этимъ чувствомъ *зависти мало одушевленія* и теперь еще проникнуты многіе.

Говорить о той потѣшной игрѣ литературными, ученими и даже политическими именами, которою занимался Добролюбовъ въ Свистѣ, мы долго не будемъ. Достаточно сказать, что тутъ смѣшивались личности ничѣмъ незапятнанныя съ особами самаго подозрительнаго качества; откупщики, професора, поэты, полководцы, публицисты и чиновники — все соединялось въ одну необъятную путаницу. И все это третировалось свысока, какъ дѣтей, какъ мальчишекъ. Особенное возбудила въ насъ изумленіе статья, гдѣ освистывается неизвѣстно съ какой стати итальянскій министръ. Мы не имѣемъ случая останавливаться здѣсь надъ политическою дѣятельностію Кавура; но только скажемъ, что всѣ статьи Добролюбова о немъ имѣли такой смыслъ. Что значитъ весь либерализмъ Кавура? Какой онъ можетъ быть прогрессистъ, когда онъ вѣрилъ даже въ конституцію?

Произвелъ ли наконецъ Добролюбовъ какое нибудь вліяніе на литературу своимъ Свисткомъ? Да, произвелъ — рѣзкіе звуки, губами-ли ихъ выдѣлывать и зубами или только перомъ, не остаются безъ впечатлѣнія на слухъ; но только какого рода было это впечатлѣніе, что собственно подбавилъ къ нашей печати Свистокъ? Добролюбовъ даетъ на это отвѣтъ самъ: «въ концѣ 1860 г.—говоритъ Добролюбовъ—«Современникъ» не выдержалъ и опять пустилъ къ себѣ Свистокъ; въ первой книжкѣ слѣдующаго года тоже былъ готовъ Свистокъ... Въ другихъ журналахъ мы ожидали попрежнему жесточайшихъ укоровъ... И вмѣсто того, что же—во всѣхъ журналахъ заведенъ Свистокъ... Во всѣхъ жур-

Digitized by Google

налахъ балаганный отдѣлъ! Смотримъ, читаемъ, сомнѣваемся, такъ-ли это? Да, ни малѣйшаго сомнѣнія». За этимъ слѣдуетъ подробный перечень всѣхъ отдѣловъ, которые появились въ другихъ журналахъ, появились тогда для обузданія свистуновъ. Журналамъ, конечно, трудно было въ то время разговаривать съ Современникомъ иначе, какъ языкомъ же Свистка; и тѣмъ болѣе, самому обществу эта дикая музыка сначала понравилась. Но отвѣтственность за инициативу и распространеніе лежитъ все-таки на Добролюбовѣ.

Отвѣтственность эта тѣмъ болѣе тяжела, что пріемы Свистка нетолько распространились на многіе журналы, но еще и специализировались въ Искрѣ. До появленія Свистка, листокъ этотъ еще держался болѣе или менѣе своей сатирической роли и зналъ хоть немного, что̀ такое безпристрастіе. Когда же раздался въ нашей журналистикѣ свистъ и ругня, то Искра такъ прельстилась этимъ новымъ литературнымъ родомъ, что совсѣмъ отдалась въ услуженіе къ изобрѣтателямъ его. Утративъ такимъ образомъ свободу, Искра мало-по-малу принялась, подобно всѣмъ прислуживающимъ, безчинствовать и даже грубить кому не слѣдуетъ. Съ той самой поры началась та потѣшная игра литературными и ученными именами, которая и теперь еще поддерживается Искрой и Будильникомъ *.

---

* Наше имя тоже не избѣжало этой общей участи всѣхъ, неюношескихъ по протоптанной дорожкѣ. Одинъ однофамилецъ нашъ напечаталъ въ «Журналѣ для родителей и наставниковъ» возмутительную статейку; въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» ее, какъ и слѣдовало, обругали. «Искра» же, пользуясь случаемъ, пускаетъ въ ходъ ей только свойственный пріемъ литературной сплетни и съ досужествомъ старой говоруньи передаетъ: «Мы полагаемъ, что это тотъ же самый Соловьевъ, который печатаетъ въ «Отеч. Запискахъ». Но «Искра» хорошо знаетъ, что это не тотъ Соловьевъ, не я, пишущій эти строки. Тотъ подписалъ одну фамилію; я подписываю все свое имя вмѣстѣ съ фамиліей. Честно ли поступаетъ «Искра»—предоставляю судить читателю.

Какъ на примѣръ смѣшенія литературныхъ именъ, можно указать тоже на параллель, которую старается проводить г. Посторонній Сатиринъ между гг. Катковымъ и Леонтьевымъ, съ одной стороны, и гг. Краевскимъ и Дудышкинымъ, съ другой стороны. Но параллели тутъ уже потому не можетъ быть, что г. Катковъ есть единственный, отвѣтственный редакторъ «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей»; тогда какъ г. Краевскій, редактируя нераздѣльно «Голосомъ», дѣлитъ свое отвѣтственное редакторство и издательство по «Отечественнымъ Запискамъ» съ другимъ: г. Дудышкинъ черезъ это является такимъ же редакторомъ, какъ и гг. Краевскій, Благосвѣтловъ и Пыпинъ. Сатирики «Современника», какъ и сатирики «Искры», знаютъ все это очень хорошо, и все-таки стараются всѣми зависящими отъ нихъ средствами смѣшать, какъ имена, такъ и изданія. Зачѣмъ же они это дѣлаютъ? А затѣмъ, чтобы имѣть возможность нападать на «Отечественныя Записки» нетолько по поводу того, что̀ въ нихъ говорится, но еще и по поводу того, что̀ говорится въ «Голосѣ». «Библіотека для Чтенія» тоже въ порывѣ своего какъ-будто благороднаго негодованія отнеслась съ клеветою не къ «Голосу», съ которымъ имѣла дѣло, но съ которымъ она, какъ журналъ, не соперничаетъ, а къ

Digitized by Google

Но посвистывающая и временами сражающаяся литература не ограничилась еще этимъ; она захотѣла быть орудіемъ гласности. Но что ни Добролюбовъ, ни г. Минаевъ, ни г. Курочкинъ не годились для исполненія такого важнаго дѣла, какъ гласность — теперь ясно всякому. Гласность есть своего рода общественный судъ или какъ-бы дополненіе къ суду юридическому; гласность вполнѣ достигаетъ своей цѣли и не обращается въ средство для оскорбленій только въ обществѣ, гдѣ чувство справедливости развито, и гдѣ глашатаи на столько добросовѣстны, что умѣютъ передавать факты неизвращенные или разукрашенные шутками и остротами. Если дѣло идетъ о справедливости, о судѣ обществомъ, то тутъ ужь не до шутокъ и остротъ; поэтому мы думаемъ, что простая передача происшествій и фактовъ обыденной жизни, какая дѣлается въ газетахъ, неизмѣримо выше того хихиканья, которому подвержены наши мнимо-сатирическіе писатели. Изъ газетныхъ извѣщеній, можно, по крайней-мѣрѣ, понять, въ чемъ дѣло: они говорятъ прямо и просто, что̀ случилось въ провинціи или въ столицѣ; у Искры же съ Будильникомъ и понять часто нельзя: по программѣ своего журнала они должны выдумывать еще и то, чего не случилось.

Ни Добролюбовъ, ни его послѣдователи не понимали, что сатира не можетъ быть орудіемъ гласности: гласность имѣетъ предметомъ факты частные, отдѣльные, во всей ихъ цѣлости, неизмѣненности; сатира же схватываетъ изъ жизни факты болѣе общіе, типичные и требуетъ извѣстной способности и даже художественной отдѣлки. Обличеніе есть право всякаго частнаго лица, сатира же — дѣло таланта. Намеки на личности унижаютъ только сатиру. Сатира собственно не должна имѣть направленія или она должна служить всѣмъ направленіямъ безпристрастно, нападая на все достойное осмѣянія; тогда только она можетъ имѣть вѣсъ въ литературѣ. Сатира есть самъ себя оправдывающій гнѣвъ таланта, который такъ же неожиданно вспыхиваетъ, какъ и проходитъ; слѣдуя часто за самою серьёзною рѣчью, талантливый сатирикъ не унизится до брани. Другое дѣло — разгнѣванная бездарность: когда бездарность разсердится, она прежде всего начинаетъ ругаться. Это уже не вспышка человѣка, взволновавшагося при видѣ зла, а умышленное, сосредоточенное чувство злости: имъ-то и проникнуты всѣ наши листки, которые даже странно

«Отечественнымъ Запискамъ», которыя съ ней и въ полемику никогда не вступали. Г. Посторонній Сатирикъ этимъ, конечно, не могъ не воспользоваться; такъ-какъ благородный пріемъ этотъ вообще въ крови всѣхъ нашихъ благородныхъ сатириковъ, сражающихся не съ идеями и фактами, а съ фамиліями и физіономіями.

Digitized by Google

какъ-то называть сатирическими. Они скорѣй принадлежатъ къ карательному роду литературы, къ пасквилю, что̀ они, впрочемъ, и сознаютъ, хоть и возстаютъ противъ тѣлесныхъ наказаній. Тѣлесныя наказанія дѣйствуютъ, производя боль и испугъ; а сатирическіе листки бьютъ тоже на внѣшнюю сторону человѣка и стараются задѣть его за живое, *руки только у нихъ коротки да зубовъ нѣтъ.*

Но послѣдствія отъ такого обращенія съ словомъ, какому Добролюбовъ показалъ примѣръ въ Свистѣ, еще не ограничиваются этимъ. Самое важное изъ этого, повидимому либеральнаго, свистанья — это отвычка отъ серьёзной рѣчи, такъ сильно теперь распространившаяся въ обществѣ. Попробуйте только сложить губы такъ, чтобы на лицѣ вашемъ не было усмѣшки при разговорѣ, или вздумайте направить такъ твердо перо свое, чтобы оно не выдѣлывало потѣшныхъ скачковъ—васъ никто не станетъ читать и слушать. Помельче, полегче, позабористѣй относитесь ко всему, если хотите успѣха. И сохрани васъ Боже останавливаться или уходить такъ-сказать въ глубь самаго предмета — васъ не поймутъ или назовутъ непрактическимъ человѣкомъ. Эта отвычка отъ серьёзной рѣчи повела, конечно, за собою и отвращеніе отъ мысли. Хотя теперь и все называется мыслящимъ— и пролетаріатъ, и молодёжь, но безмысліе во всемъ страшное. Какъ прежде люди слишкомъ останавливались на внутреннихъ субъективныхъ явленіяхъ и изъ нихъ строили бездну теорій, такъ теперь многіе увлекаются одними внѣшними явленіями; сознаніе, прежде сосредоточенное, черезчуръ разсѣялось. Какъ прежде разсудокъ дѣйствовалъ на счетъ памяти и человѣкъ забывалъ о мірѣ, объ окружающемъ, такъ теперь память дѣйствуетъ на счетъ разсудка и большинство отвыкаетъ отъ мысли. Этимъ щеголяніемъ нелѣпо поставленныхъ фактовъ можно даже объяснить тотъ временный успѣхъ, который имѣли многіе писатели, остерегавшіеся думать въ угоду большинства.

Послѣдній и неменѣе важный результатъ, произведенный свистомъ Добролюбова и другими дикими звуками, вслѣдъ за нимъ раздавшимися, это — временное уничтоженіе возможности писать на русскомъ языкѣ стихами. Многіе удивляются, почему у насъ нѣтъ хорошихъ стиховъ ни въ одномъ журналѣ. Значительнымъ усовершенствованіемъ прозы и умѣньемъ писать о самыхъ поэтическихъ предметахъ, не прибѣгая къ стиху, объяснить нельзя. Стихъ все-таки—средство могучее; имъ не брезгали даже и такіе сціентифическіе умы, какъ Гейне и Гёте; отрывочныя, вдругъ, внезапно вырвавшіяся ощущенія положительно ничѣмъ не могутъ быть лучше высказаны, какъ стихомъ. Главная причина, убившая

Digitized by Google

наповалъ нашу стихотворную поэзію, это—обычай Добролюбова, Курочкина, Минаева и другихъ—писать стихи нетолько безъ предварительнаго упражненія, но и безъ всякой природной способности выражаться въ стихахъ. Чтобы управлять риѳмой и ритмомъ нужно, такъ-сказать, умѣть владѣть музыкой и гармоніей словъ; и вотъ безъ этой-то особенной способности, подъ предлогомъ только принесенія пользы, у насъ вдругъ схватились за кропаніе стиховъ. Этотъ дикій литературный родъ былъ выраженіемъ крайняго безвкусія, поддерживаемаго отрицателями искуства. Добролюбовъ, конечно, сдѣлалъ далеко не первый шагъ на этомъ поприщѣ; еще до него существовали разнаго рода весельчаки, но онъ сильно поддержалъ ихъ въ качествѣ критика и всѣми возможными средствами старался придать имъ видъ серьёзной дѣятельности. Въ III т. онъ, напримѣръ, увѣщеваетъ Обличительнаго поэта, который неловко, по его мнѣнію, пародировалъ разныхъ писателей: «Пародіи—говоритъ Добролюбовъ—хороши только тогда, когда онѣ обращены на стихотворенія, имѣющія большую извѣстность, и вовторыхъ, когда само содержаніе пародіи забавно» (364 стр.). Напротивъ, пародія только и умѣстна, когда она относится къ ничтожнымъ писателямъ, выставляющимъ себя большими. За этимъ слѣдуютъ длинныя разсужденія о сущности и содержаніи пародіи и смѣхотворныхъ стиховъ. «По своему личному вкусу, мы—говоритъ онъ—наклонны къ тому мнѣнію, что если уже писать стихи, какими въ послѣдніе годы наполнялись всѣ наши журналы, то ужь лучше всего писать ихъ на смѣхъ, или по-крайней-мѣрѣ съ примѣсью ироніи.» Какого рода эта ирония—читатель можетъ судить хоть по этимъ строкамъ изъ Свистка:

Я видѣлъ даму въ кринолинѣ,
Ей вѣтеръ платье поддувалъ;
И вспомнилъ я о господинѣ,
Что̀ подсудимыхъ надувалъ.

А вотъ, если угодно, на выдержку и изъ нынѣшнихъ ироніковъ, пошедшихъ по стопамъ Добролюбова:

Коль въ любви ты несчастливъ,
Кушай, кушай черносливъ. (Изъ «Искры»).

Ужели эти строки были напечатаны? Были дѣйствительно; и это еще не худшее и не самое безобразное, что̀ было пущено въ направленіи, указанномъ отрицателями искуства. Сотрудники «Искры» дошли наконецъ до того, что стали переводить Байрона, черезъ что, разумѣется, и самъ Байронъ явился какъ-бы сотрудникомъ «Искры». Байронъ въ Дон-Жуанѣ выходитъ у нихъ какъ-будто любующимся на скандалы и соблазнительныя сцены. Той демонической

Digitized by Google

иронiи, которою звучитъ каждая строка Байрона и передъ которой ничто даже и гнѣвъ настоящей сатиры, нѣтъ и слѣда въ переводѣ. Ко всему этому добавьте еще положительное незнанiе языка, такъ ясно доказанное «Отечественными Записками» — и тогда поймете, въ какомъ неприглядномъ видѣ является передъ нашей публикой этотъ величайшiй въ мірѣ поэтъ. Да ужь не пародiя ли это, что̀ дѣлаютъ у насъ изъ Байрона! Если Байронъ таковъ, подумаетъ какой неопытный читатель, то стоитъ ли послѣ того читать нашихъ лириковъ. Такъ-то рука объ руку идутъ, взаимно поддерживая, всѣ дѣятели, которые въ своемъ увлеченiи пародируютъ и эксплуатируютъ искуство.

Смотря на это движенiе какъ на явленiе отходящее, мы по возможности старались обойти его кругомъ со всѣми его вѣтвями и горькими плодами, и обозрѣть съ начала до конца. Теперь уже ясно, что всѣ высшiя стремленiя изъ него давно испарились и осталось одно только баловство, задоръ, фразы и голые, неосмысленные факты. Направленiе это отжило свое время и не могло долго жить, такъ-какъ корни его въ прошедшемъ, въ тяготахъ жизни, которыя ужь болѣе или менѣе миновали. Желанiе положить всему конецъ разомъ—желанiе ребяческое, обнаруживающее самый мечтательный оптимизмъ. Стѣны лбомъ не расшибешь. Нетерпѣнiе въ прогресистѣ — дѣло естественное; но когда это нетерпѣнiе выражается только фразами, потѣхою надъ геніальностiю, неуваженiемъ спецiализма и ссорою поколѣнiй, то оно только тормозитъ общество. Да, какъ бы ни старались подновить движенiе, чѣмъ бы ни смазывали колеса того экипажа, на которомъ ѣхалъ до сихъ поръ прогресъ нашъ, онѣ скрипятъ нестерпимо, какъ десятки несмазанныхъ телегъ.

Заключенiе.

Смотря на движенiе, произведенное Добролюбовымъ и его предшественникомъ, какъ на явленiе отходящее, мы теперь въ заключенiе нашихъ статей постараемся опредѣлить источникъ, откуда вышло это движенiе. Источникъ этотъ—эвомомизмъ или утилитаризмъ; въ извращенномъ и преувеличенномъ пониманiи этого начала заключается вся причина того сухого, безжизненнаго и непроизводительнаго прогреса, который былъ до сихъ поръ въ модѣ. Это расширенiе утилитарнаго начала (на счетъ другихъ началъ и принциповъ) отразилось и не на одной нашей литературѣ; самое движенiе наукъ, повидимому, способствовало тому. Все равно какъ чрезвычайно быстрый успѣхъ естествовѣдѣнiя ограничилъ *на время* дѣятельность философiи, такъ и усиленное движе-

Digitized by Google

ніе экономическихъ и техническихъ наукъ съузило какъ-будто значеніе нравственной и эстетической дѣятельности: мысль, загруженная фактами, какъ-будто присмирѣла; чувство, подавленное соображеніемъ и разсчетами, точно заглохло.

Нашимъ мнимо-передовымъ людямъ было, разумѣется, это съ руки: немного памяти, немного умѣнья считать и соображать, капелька труда и огромная доза храбрости—и прогресистъ готовъ. И вотъ, подъ предлогомъ скорѣйшаго достиженія обѣтованной земли, искуство становится въ задній уголъ; дѣятельность чувства и воображенія объявляется за ненужную роскошь; всякому литературному таланту предлагаются утилитарныя тэмы; всѣ нестерпимо скучныя разглагольствованія о содержаніи и степени надобности художественныхъ произведеній выдвигаются на первый планъ. Самыя несладныя по слогу и безобразныя по содержанію статьи появляются подъ фирмою полезности, самыя невообразимыя и свѣженросоленныя глупости высказываются подъ предлогомъ преобразованія общества. И все это предлагается въ пищу бѣдному молодому поколѣнію. За всѣмъ этимъ читается еще ему наставленіе, что источникъ всѣхъ нравственныхъ движеній заключается не въ чувствѣ человѣчности, не въ любви и влеченіи къ людямъ, а въ эгоизмѣ *.

Изъ-за чего же, значитъ, для какой надобности отвергли у насъ искуство? Изъ чисто-хозяйственныхъ или экономическихъ разсчетовъ. Такъ-какъ всѣ разсужденія о полезности и практичности были у насъ заимствованы, то мы, чтобы не оставить за собой чего-нибудь болѣе сильнаго и опровергающаго, обратимся къ самому источнику этихъ разсужденій. Изъ него мы увидимъ нетолько сущность извращеннаго у насъ утилитаризма, но и главнѣйшіе упреки тѣмъ изъ поклонниковъ этой теоріи, которые оказали ей медвѣжью услугу, доведя ее до абсурда. Это ужь общая участь всѣхъ извѣстныхъ писателей, попавшихъ къ намъ изъ-за границы, что мы ихъ не переваріваемъ, смотримъ на нихъ въ увеличительное стекло и доводимъ ихъ ученіе до колосальныхъ нелѣпостей. Такова участь Бокля; то же, можно сказать, было и съ Миллемъ. Милля наши прогресисты хоть и критиковали когда-то, но все отъ него заимствовали; и главное заимствованіе тутъ заключалось въ извращеніи миллевскаго стремленія—примѣнить экономическія начала къ общественной философіи. Всѣ прочія начала, какъ-то начало чистаго разума, начало нравственности и красоты, оставлены были, за этимъ, въ сторонѣ. Всѣ только забыли, что Милль экономистъ, что нѣсколько преувеличенный взглядъ его на начало пользы, былъ въ немъ очень естественъ, что къ дѣлу искуства Милль даже не прикасался и что съ утилитарной

* См. статью нашу: «Теорію выгоды и пользы». «Эпоха». Ноябрь 1864.

Digitized by Google

точки зрѣнія нелѣпо было даже смотрѣть на такую самостоятельную сферу дѣятельности, какъ поэзія.

Всѣ фракціи ученыхъ пробовали смотрѣть съ своей точки зрѣнія на міръ—и философы, и историки, и юристы, и естествоиспытатели, и экономисты, всѣ заглядывали за предѣлы своей науки, не отступая отъ своихъ началъ. Политическая экономія по самой неопредѣленности своихъ границъ была особенно наклонна къ тому, чтобы выходить изъ своихъ сферъ. Ученіе объ утилитаризмѣ основано было, впрочемъ, не экономистомъ, а юристомъ; но Бентамъ, создавшій эту теорію, былъ знатокъ политической экономіи. Бентаму было естественно стремленіе ввести въ кругъ законовѣдѣнія и начало пользы: законодательство обнимаетъ собою нетолько юридическую, но и экономическую сферу. Послѣ Бентама воззрѣнія утилитаризма все болѣе и болѣе расширялись и независимо отъ него и какъ продолженіе его теоріи; успѣхи технологіи, механики и развитіе промышлености быстро тому способствовали. Принципъ пользы, наконецъ, захотѣлъ быть выше права, основой нравственности и даже цѣлью самой жизни; а философія политической экономіи—общественною философіею. Въ самомъ смягченномъ и разумномъ видѣ принципъ этотъ является у Милля въ его недавно переведенной статьѣ: утилитаризмъ. Но даже и тутъ требованія его такъ расширены, что мы не можемъ на нихъ не остановиться; самое желаніе сохранить и поставить на болѣе твердую почву высказанное нами убѣжденіе о значеніи нравственно-эстетическаго начала, побуждаетъ насъ къ тому.

Прежде всего посмотримъ, на какомъ основаніи Милль ставитъ начало права и справедливости ниже начала пользы и старается покорить первое второму? Въ принципѣ справедливости онъ, повидимому, не находитъ никакого разумнаго основанія, потому что идею права онъ выводитъ изъ идеи законнаго принужденія: «Идея законнаго принужденія—говоритъ онъ—составляетъ всегда первоначальную идею понятія справедливости» (356 стр.). «Въ чувство справедливости — продолжаетъ онъ — входятъ два существенныя ингредіента: вопервыхъ, желаніе наказать человѣка, причинившаго вредъ; вовторыхъ, сознаніе, что есть такое лицо, которому нанесенъ вредъ» (359 стр.). Такъ-какъ чувство возмездія или отомщенія есть одинъ изъ элементовъ чувства справедливости, то чувство это, говоритъ далѣе Милль, не заключаетъ въ себѣ самомъ ничего нравственнаго; нравственнымъ дѣлаетъ его только подчиненіе общественнымъ симпатіямъ (360 стр.).

Но справедливость вытекаетъ отнюдь не изъ чувства возмездія, а изъ требованій разума. Желаніе быть справедливымъ—то же, что желаніе быть разумнымъ въ столкновеніяхъ съ людьми. Вполнѣ

Digitized by Google

разумный человѣкъ логиченъ нетолько въ мысляхъ, но и въ поступкахъ, и эта логика поведенія есть справедливость. Быть несправедливымъ—то же, что быть непослѣдовательнымъ, нелогичнымъ, почти глупымъ—роль, не очень-то пріятная для разумнаго человѣка; она ему не по душѣ, она ему противна, потому что разумъ его жаждетъ справедливости, какъ жаждетъ и истины. Кантъ говорилъ: «Поступай такъ, чтобы правило твоего поведенія могло быть принято за законъ всѣми разумными существами». Милль не хочетъ понять этого выраженія иначе, какъ перефразируя его такъ: мы должны руководиться въ нашемъ поведеніи такимъ правиломъ, которое могло бы быть принято всѣми разумными существами съ выгодою для ихъ общихъ интересовъ» (361 стр.). Но Кантъ тутъ предполагалъ не общность, не гармонію интересовъ, а гармонію, согласіе умовъ. Онъ вѣрилъ, что только разумъ въ состояніи отгородить право одной личности отъ другой; что право собственно разграничиваетъ свободу лицъ, распредѣляетъ такъ-сказать свободу между людьми. Какъ имущества ничѣмъ лучше не разграничиваются какъ соблюденіемъ выгоды каждаго порознь и всѣхъ вообще, или принципомъ общественной пользы, такъ и свобода ничѣмъ лучше не распредѣляется, какъ исполненіемъ законовъ разума, изъ котораго вытекаетъ естественное право и начало справедливости.

Милль говоритъ, что въ понятіе справедливости входитъ нетолько разумный, но и животный элементъ — жажда мести. Но жажда мести есть не начало, а конецъ справедливости. Кто мститъ, тотъ уже, значитъ, отказывается призвать на помощь разумъ; когда же онъ призванъ, то начинается судъ. Судья судитъ, разсуждая, размышляя о поступкахъ, а не взвѣшивая выгоды общественной пользы. Если судъ оканчивается местью, наказаніемъ, то это опять вытекаетъ не изъ понятія о справедливости, основанной на логическомъ мышленіи; это скорѣе бываетъ въ видахъ пользы. Логическое мышленіе говоритъ, что если преступникъ нарушилъ чье либо право, то, значитъ, въ немъ не развита идея справедливоти, значитъ, его нужнѣе бы было развивать, чѣмъ наказывать. Изъ этого слѣдуетъ, что путемъ разума мы скорѣе доходимъ до истинной справедливости, чѣмъ взвѣшиваніемъ сложныхъ интересовъ частной и общественной выгоды. Самъ Милль говоритъ, что «только въ рѣдкихъ случаяхъ (1 на 1000) человѣкъ долженъ брать въ соображеніе общественную пользу, во всѣхъ же другихъ—частная польза, выгода или счастіе немногихъ извѣстныхъ лицъ—вотъ все, къ чему долженъ стремиться человѣкъ» (325 стр.). Значитъ, взвѣшиваніе выгодъ и интересовъ не очень-то легкій способъ для оцѣнки правоты.

Digitized by Google

«Бо́льшая часть хорошихъ поступковъ—говоритъ Милль, вызывается не желаніемъ міровой пользы, а только пользы индивидуальной, изъ которой и слагается міровое благо». Если Милль ставитъ въ такую зависимость личный интересъ съ достоинствомъ поступковъ, то какимъ же образомъ начало пользы можетъ быть источникомъ справедливости? Разсчетъ о вредѣ и пользѣ, конечно, можетъ быть вспомогательнымъ средствомъ при оцѣнкѣ фактовъ справедливыхъ или несправедливыхъ; но высшимъ критеріумомъ права справедливости, долга, обязанностей долженъ быть разумъ. Между законами природы и законами разума нѣтъ существенной разницы. Чувство долга, тревога совѣсти происходитъ тогда, когда эти законы, эти требованія природнаго или естественнаго права нарушаются.

Несравненно ближе къ истинѣ воззрѣнія Милля на нравственное начало. Отдѣляя понятіе долга отъ понятія нравственности въ тѣсномъ смыслѣ, онъ говоритъ, что онъ въ этомъ отношеніи согласенъ съ мнѣніями тѣхъ философовъ-юристовъ, которые говорили «о долгѣ обязательномъ и о долгѣ необязательномъ; долгомъ обязательнымъ выражалась справедливость, а необязательнымъ—другія нравственныя отношенія» (358 стр.). Далѣе, разсуждая о верховной санкціи принципа пользы, Милль говоритъ, что основаніе утилитарной нравственности заключается «въ чувствѣ общественности, присущемъ человѣку, въ желаніи быть заодно съ ближними—въ желаніи, которое составляетъ теперь *великое начало* человѣческой души» (339 стр.). «Въ этотъ сравнительно ранній періодъ человѣческаго развитія, человѣкъ не можетъ, конечно, чувствовать той полной симпатіи ко всѣмъ, которая бы лишала его возможности идти въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ ихъ жизни. Но и теперь ужь человѣкъ, въ которомъ развито чувство общественности, не можетъ смотрѣть на своихъ ближнихъ, какъ на соперниковъ» (341 стр.). Не явно-ли, что тутъ чувство симпатіи, чувство общественности, желаніе быть заодно съ ближнимъ, называемое Миллемъ великимъ началомъ, становится на первый планъ, а потому и можетъ санкціонировать принципъ пользы. Но если этотъ послѣдній принципъ на второмъ мѣстѣ, то онъ ужь болѣе не принципъ и не начало или, по крайней-мѣрѣ, принципъ второстепенный, менѣе важный, чѣмъ принципъ нравственнаго влеченія или симпатіи, на который онъ опирается. Но Милль дѣлаетъ еще бо́льшую уступку моралистамъ. «Предположивъ врожденность чувства долга, отчего же не предположить врожденность чувства симпатіи къ благу или страданію другихъ. *Если какой-нибудь принципъ нравственности отвлеченно обязателенъ, то, мнѣ кажется, именно этотъ.* Въ такомъ случаѣ

Digitized by Google

отрицательная школа этики сойдется съ утилитарной, между ними не будетъ болѣе споровъ» (337 стр.). Кромѣ того, онъ говоритъ, что въ утилитарную систему много вошло стоическихъ и христіанскихъ элементовъ (312 стр.). И наконецъ даже выражается, что утилитарная доктрина не отрицаетъ добродѣтели ради ея самой; «напротивъ, она нетолько утверждаетъ, что добродѣтель желательна, но говоритъ, что ее можно желать безкорыстно, ради ея самой (343 стр.). Можно ли требовать чего-нибудь большаго отъ утилитариста». Словомъ—обычайная логичность Милля заставляетъ вездѣ какъ-бы ослаблять силу проповѣдываемаго имъ принципа.

Если еще гдѣ проглядываетъ въ его сочиненіи экономическая мысли, то это въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ о самопожертвованіи. «Только при очень несовершенныхъ условіяхъ общественнаго быта — говоритъ онъ — можно способствовать лучше всего счастію другихъ безусловнымъ отреченіемъ отъ собственнаго счастія; однако до тѣхъ поръ, *пока* міръ будетъ находиться *въ этомъ несовершенномъ состояніи*, до тѣхъ поръ я вполнѣ признаю, что готовность къ самопожертвованіямъ есть одна изъ высочайшихъ добродѣтелей человѣка» (322 стр.). Явно, что Милль считаетъ самопожертвованіе признакомъ несовершеннаго состоянія человѣчества, и надѣется, что настанетъ когда-нибудь время, что люди не будутъ нуждаться въ немъ. Нѣтъ, самопожертвованіе не есть признакъ несовершенства человѣка, а условіе его существованія. Всѣ отношенія отцовъ и матерей къ дѣтямъ основаны на самопожертвованіи. Мать, жертвуя для своихъ дѣтей временемъ, здоровьемъ, имуществомъ, дѣйствуетъ безъ всякаго разсчета, безъ всякой мысли о вознагражденіи. И еслибы всѣ родители, воспитывая дѣтей, имѣли въ виду вознагражденіе, то они бы обезсилили, задавили все будущее поколѣніе. Всякое поколѣніе, прежде чѣмъ сдѣлаться самостоятельнымъ, живетъ нѣкоторое время насчетъ стараго поколѣнія; этимъ только и поддерживаются генераціи. Чувство самопожертвованія свойственно даже животнымъ; и самка остается иногда голодною, лишь бы только сыты были ея дѣти. Нелѣпо слышать тѣ проклятія, которыя молодое поколѣніе посылаетъ старому, но еще нелѣпѣе видѣть тѣ разсчеты, которые выказываютъ старики насчетъ молодости.

Такъ же преувеличенно выражается Милль и на счетъ необходимости воздаянія добра за добро. «Тотъ, кто принимаетъ услугу— говоритъ Милль — и отказывается заплатить тѣмъ же въ случаѣ нужды, наноситъ дѣйствительное оскорбленіе, потому что обманываетъ одно изъ самыхъ естественныхъ и разумныхъ ожиданій, которыя онъ поощрялъ, хотя безмолвно, потому что иначе услу-

Digitized by Google

га едва-ли была бы оказана» (370 ст.). Тутъ ясно проповѣдуется какая-то обязательность со стороны получившаго услугу и какое-то право со стороны оказавшаго ее; но ни того, ни другаго не должно существовать вслѣдствіе великой способности человѣка дѣлать добро безъ корысти, безъ разсчету, по одному влеченію нравственнаго чувства. Въ другомъ мѣстѣ Милль выставляетъ начало пользы какъ приманку къ добродѣтели и средство къ привычкѣ хорошо поступать (348). Но хорошіе поступки сами по себѣ—потребность человѣческой природы; какъ разумъ требуетъ справедливости, такъ и нравственное чувство ищетъ блага. Милль говоритъ, что вопросъ о нравственности считался впродолженіе тысячи лѣтъ задачею спекулятивной философіи, и потому не рѣшенъ, и, подобно Боклю, совершенно выпускаетъ изъ виду, что вопросы нравственности, явленія нравственнаго міра всегда входили и входятъ въ область прекраснаго, въ сферу поэзіи. Самое даже значеніе словъ «этика» и «эстетика» указываетъ отчасти на ту связь, которая существуетъ между идеями морали и идеями красоты; стремленіе къ красотѣ есть не что иное, какъ стремленіе къ совершенству. Милль отвергаетъ способность нравственнаго чувства различать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, что̀ дурно, что̀ хорошо, и говоритъ, что всѣ почти философы такъ же думаютъ. Философы могутъ это думать; но поэтъ, художникъ и критикъ могутъ этому не повѣрить. Нѣтъ, мы одарены способностію различать что̀ дурно, что̀ хорошо, точно такъ же какъ одарены свойствомъ соображать, что̀ вредно и что̀ полезно и разумѣть что̀ справедливо и что̀ несправедливо. Каждый органъ нашъ, кромѣ способности схватывать впечатлѣніе опыта, надѣленъ еще способностію воспринимать гармонію звуковъ, цвѣтовъ и формъ. И все наше внутреннее существо требуетъ такой гармоніи или согласія между идеей и формой, между убѣжденіями и поступками. И это послѣднее согласіе или гармонія между идеями и поступками составляетъ сущность нравственности.

Милль, впрочемъ, сознаетъ самъ, что преувеличенный и односторонній взглядъ нѣкоторыхъ утилитаристовъ можетъ довести людей до нелѣпости. «Схватившись за слово утилитаризмъ и понимая только одинъ звукъ его, нѣкоторые — говоритъ онъ — выражаютъ имъ отвращеніе или пренебреженіе къ удовольствіямъ, къ красотѣ, къ изящному, къ развлеченію... И въ такомъ-то извращенномъ смыслѣ учится понимать его молодое поколѣніе. Тѣ, которые ввели его первые въ употребленіе (самъ Милль), и которые давно уже *перестали придавать ему значеніе*, чувствуютъ себя призванными снова произнести его, надѣясь такимъ образомъ спасти его отъ того крайняго униженія, въ которое онъ

Digitized by Google

впалъ» (310 стр.). Изъ этихъ словъ Милля видно, что не у насъ только, но и за границей принципъ пользы не сохранился во всей его чистотѣ. Чтобы предотвратить отъ увлеченій, Милль дѣлаетъ изъ него какъ-бы исключеніе. «Люди — говоритъ онъ — хоть сколько-нибудь смыслящіе въ этомъ дѣлѣ, понимаютъ, что всѣ писатели, начиная отъ Эпикура и до Бентама, поддерживавшіе теорію пользы, разумѣли подъ пользою не что-нибудь противоположное удовольствію, а самое удовольствіе вмѣстѣ съ отсутствіемъ страданій; не противополагая полезнаго пріятному и изящному, они, напротивъ, всегда говорили, что полезное требуетъ, между прочимъ, пріятнаго и изящнаго... Эпикурейское воззрѣніе на жизнь придавало гораздо больше значенія удовольствіямъ умственнымъ и нравственнымъ, удовольствіямъ воображенія и чувства, чѣмъ наслажденіямъ просто чувственнымъ» (310—312 стр.). Но всѣми этими замѣчаніями Милля, принципъ пользы еще болѣе сокращается, и самый утилитаризмъ является какъ-бы эпикуреизмомъ. Милль говоритъ, что слово «польза» въ утилитарномъ смыслѣ нельзя понимать такъ, какъ понимается это слово въ обыкновенномъ значеніи, какъ нѣчто противоположное, отличающееся отъ удовольствія. Но польза дѣйствительно должна отличаться отъ удовольствія, хотя онѣ могутъ совмѣстно существовать. Мысль и фактъ — противоположны, однако, существуютъ и вмѣстѣ. Утилитаризмъ стремится какъ-бы совмѣстить всѣ блага въ понятіе пользы. Утверждая, что единственная цѣль жизни счастіе, онъ и на самую жизнь смотритъ какъ на выполненіе принципа пользы, или принципа величайшаго счастія, какъ выражался Бентамъ. Но счастіе опять нельзя смѣшивать съ полезностію; устраненіе, напримѣръ, болѣзни посредствомъ ножа или лекарства приноситъ человѣку пользу, но не дѣлаетъ его счастливымъ.

И какъ, наконецъ, повѣрить предположенію утилитаристовъ, что счастіе есть цѣль жизни? Милль, защищая это положеніе утилитаризма, говоритъ, «что величайшіе источники страданій—нищета, болѣзнь, подлость, злоба, и преждевременная потеря предметовъ привязанности, могутъ быть устранены только при очень рѣдкомъ счастіи, а при нынѣшнемъ положеніи вещей не могутъ быть устранены или смягчены даже и въ сколько нибудь значительной степени» (320 стр.). Но въ будущемъ—продолжаетъ онъ—страданія эти будутъ сведены наконецъ на очень узкія границы. Бѣдность можетъ быть совершенно уничтожена, болѣзнь доведена до безконечно малыхъ размѣровъ; внезапныя потери тоже будутъ уменьшены...—Не крайній ли это оптимизмъ, не мечты ли о золотомъ вѣкѣ? Да найдется ли въ природѣ мѣсто для такого

Digitized by Google

земного рая? Присмирѣетъ ли она когда-нибудь съ своими бурями, ураганами, наводненіями, землетрясеніями, моровыми язвами? Перестанутъ ли когда тонуть корабли, горѣть дома, и совершаться разные кризисы? Люди могутъ застраховать свое имущество, но никогда не застрахуютъ своей судьбы. А нравственныя страданія, куда отъ нихъ человѣкъ уйдетъ? Только наши утилитаристы застраховали себя отъ всѣхъ бѣдъ; и г. Страховъ очень вѣрно выразился, назвавши ихъ счастливыми людьми. Самъ Милль говоритъ, что человѣкъ на нисшей степени развитія легче удовлетворяетъ своимъ потребностямъ; «а человѣкъ, одаренный возвышенными потребностями, постоянно будетъ чувствовать, что какого бы счастія онъ ни искалъ — это счастіе при данномъ устройствѣ міра всегда несовершенно» (314 стр.). Значитъ, съ развитіемъ людей, съ увеличеніемъ потребностей будутъ являться и новыя неудобства. Въ силу безконечнаго существованія этихъ неудобствъ и несовершенствъ, и самъ человѣкъ будетъ вѣчно двигаться куда-то впередъ, и зачѣмъ-то на свѣтѣ жить. Куда, зачѣмъ—это ужь заключено въ умѣ природы.

Впрочемъ, еслибы человѣку удалось устранить отъ себя всѣ неудобства и бѣдствія, то и тогда бы онъ не сдѣлался счастливъ. Счастіе есть возбужденное состояніе организма, въ которомъ человѣкъ не просто живетъ, а наслаждается жизнью; оно условливается не устраненіемъ только вреда и принесеніемъ себѣ пользы, удобствъ, а полнымъ удовлетвореніемъ всѣхъ нравственныхъ и эстетическихъ влеченій. Если же предположить, какъ утверждаетъ Милль, что счастіе есть не возбужденное состояніе человѣка, а только существованіе съ рѣшительнымъ преобладаніемъ удобствъ и наслажденій, то такое счастіе легче всего добывается матеріальными средствами и богатствомъ. Милль даже опредѣляетъ, что быть богатымъ—значитъ имѣть большое количество полезныхъ вещей (см. его Полит. Экономію). Изъ этого слѣдуетъ, что если понятіе счастія соединять съ понятіемъ пользы, а полезное нельзя иначе добыть, какъ посредствомъ богатства, то тогда и самое счастіе соединяется съ мыслью о богатствѣ. И пришли мы такимъ образомъ къ основѣ политической экономіи, откуда исходитъ весь утилитаризмъ.

Нѣтъ, какъ бы ни старались утилизировать счастіе, оно всегда будетъ временнымъ, исключительнымъ положеніемъ. Счастіе является неожиданно, нечаянно, какъ случайность, и является даже посреди величайшихъ неудобствъ, нужды и бѣдности. Оно не можетъ быть цѣлью жизни, какъ утверждали эпикурейцы, сводившіе его на чувственность, и какъ утверждаютъ теперь утилитаристы, сближающіе его съ разсчетомъ. Цѣль жизни заключена

Digitized by Google

въ ней самой. Назначеніе всего живущаго и мыслящаго состоитъ въ исполненіи тѣхъ внутреннихъ потребностей и нравственныхъ влеченій, которыя влагаетъ въ насъ природа, и которымъ мы должны повиноваться, какъ своему призванію...

Счастіе, удовольствіе, наслажденіе есть не цѣль жизни, а только одна изъ потребностей. Каждый органъ нашихъ чувствъ, каждый нервъ нашего тѣла и самый мозгъ жаждетъ удовольствія. Удовольствіе уже потому необходимо, что имъ выполняется требованіе натуры. Но въ организмѣ нашемъ есть много другихъ позывовъ, какъ, напримѣръ, голодъ, половое влеченіе, и никто, однако, не думаетъ, чтобы въ нихъ заключалась цѣль жизни. Жажда счастія столь же неодолима, какъ и неутолима. Каждый органъ нашего чувства приспособленъ, подобно слуховому аппарату, ощущать гармонію, но ни одинъ органъ не можетъ доставить намъ полнаго удовлетворенія. *Жажда счастія не можетъ быть насыщена, утолена явленіями дѣйствительности...*

И вотъ человѣкъ создаетъ себѣ особенный міръ—поэзію, въ которой заключены всѣ его надежды и утѣшенія, радости и скорби. Въ простѣйшемъ видѣ эта потребность удовольствія и необходимость утѣшенія выражается пѣснью, которую и поетъ народъ, добывая въ потѣ лица хлѣбъ. Когда это выраженіе чувства бываетъ слѣдствіемъ болѣе глубокаго внутренняго движенія, то пѣсня или слово не пропадаютъ и является образецъ, произведенія искуства. Англійскіе экономисты, какъ замѣтилъ, кстати, еще авторъ «Эстетическихъ отношеній», не видѣли въ этихъ произведеніяхъ никакой другой цѣли, кромѣ удовольствія, и потому называли ихъ непроизводительными предметами. Но не все, совершающееся безъ цѣли, бываетъ безплодно: человѣкъ, наслаждаясь любовью, не думаетъ о томъ, чтобы произвести индивидуумъ; онъ происходитъ, когда природѣ это надобно, когда условія для того существуютъ. Требовать, чтобы вся безъ исключенія дѣятельность людей была цѣлесообразна—то же самое, что искать во всякомъ явленіи цѣлесообразности; крайне-утилитарный взглядъ на жизнь совпадаетъ поэтому съ телеологическимъ воззрѣніемъ на міръ и науку. Экономизмъ взялъ на себя слишкомъ много, задумавши рѣшить задачу человѣческаго счастія; еслибы счастіе могло быть достигнуто путемъ пользы, устраненіемъ вреда, пріобрѣтеніемъ удобствъ, то тогда бы, конечно, поэзія не имѣла значенія. Зачѣмъ были бы человѣку звуки пѣсни, смѣхъ комедіи, тревога драмы, еслибы его могли удовлетворить явленія обыденной жизни, обезпеченной экономизмомъ? Къ произведеніямъ искуства онъ потому обращается, что его не могутъ обезпечить, удовлетворить явленія дѣйствительности и произведенія

Digitized by Google

промышлености. Люди идутъ, не отдыхая, къ истинѣ, и не видятъ конца своей дороги, хотятъ стереть съ лица земли вредъ и зло и не предвидятъ конца своему труду—одинъ только конецъ жизни имъ ясно и хорошо видѣнъ. Въ порывахъ неудовлетвореннаго желанія геній человѣка производитъ поэзію; въ ней онъ находитъ удовлетвореніе своему стремленію — къ безконечности, въ ней чувствуетъ себя вполнѣ свободнымъ, нравственно улучшеннымъ, утѣшеннымъ и даже счастливымъ, и въ ней, наконецъ, слагаетъ всѣ свои завѣтныя думы и надежды. Поэзія—это какъ-бы вторая жизнь, въ которой явленія дѣйствительности представляются усовершенствованными, преобразившимися. Только поэзія даетъ намъ понятіе о томъ, что̀ такое высшее счастіе, а утилитаризму дай-богъ окружить человѣка хоть удобствами.

Николай Соловьевъ.

Digitized by Google

ПЕРЕДЪ ГРОЗОЙ.

РОМАНЪ ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ И НРАВОВЪ.

XVII.

Говорятъ, что крайности сходятся; такъ, въ тотъ самый день, когда Кутбертъ Бойнтонъ уѣхалъ изъ Упландса съ безнадежнымъ отчаяніемъ въ сердцѣ, Стивенъ Дангерфильдъ былъ офиціально объявленъ счастливымъ женихомъ Грэсъ Вернонъ. Стивенъ, наконецъ, рѣшился исполнить то, что онъ давно, какъ честный человѣкъ, былъ обязанъ сдѣлать: онъ признался Оливеру Вернону въ своемъ затруднительномъ положеніи и разсказалъ ему все, что зналъ о грозившемъ ему разореніи. Онъ не скрылъ отъ него, какъ давно уже собирался открыть свою тайну, но какъ всегда, останавливался въ нерѣшительности, боясь нарушить счастье, наполнявшее его душу при всякомъ свиданіи съ Грэсъ, которую онъ любилъ самой истинной и пламенной любовью.

— Что касается до денегъ, любезный Стивенъ, сказалъ Вернонъ очень серьёзнымъ тономъ:—то у Грэсъ будетъ довольно и на двоихъ; вообще это—послѣднее дѣло, при вопросѣ, отъ котораго зависитъ счастье цѣлой жизни. Но гораздо серьёзнѣе опасность, чтобъ великолѣпное помѣстье, носящее ваше имя и переходящее изъ рода въ родъ въ вашемъ семействѣ, было бы отъ васъ отнято. Можетъ быть, я буду въ состояніи выкупить его; не безпокойтесь, я это сдѣлаю не для васъ, прибавилъ Вернонъ съ улыбкой, замѣтивъ, что Стивенъ отрицательно покачалъ головой:—но для дѣтей Грэсъ. Какъ великъ долгъ, по словамъ мистера Дангерфильда? Въ какой суммѣ заложенъ домъ?

— Я не говорилъ еще объ этомъ съ моимъ отцомъ; все, что я знаю, то передано мнѣ Кэрквудомъ. По поведенію отца, послѣ моего разговора съ Кэрквудомъ, я убѣдился, что онъ, по всей вѣроятности, говорилъ правду. Вся сумма, по словамъ Кэрквуда, простирается до восьмидесяти тысячъ долларовъ.

Digitized by Google

— Видѣли вы самые документы, самую закладную?

— Нѣтъ, я не полагалъ даже это нужнымъ.

— Ну, любезнѣйшій, плохой же вы дѣловой человѣкъ послѣ этого. По крайней-мѣрѣ, вы знаете, что закладная совершена законнымъ образомъ?

Стивенъ принужденъ былъ сознаться, что онъ и этого не зналъ.

— Такимъ образомъ, воскликнулъ Вернонъ со смѣхомъ:—вы не имѣете рѣшительно никакихъ доказательствъ, что подобный документъ заключенъ, или что онъ вообще существуетъ, кромѣ сомнительнаго свидѣтельства мистера Джемса Кэрквуда. Я говорю — сомнительнаго свидѣтельства, потому что знаю этого человѣка уже многіе годы, и одинъ фактъ, что онъ замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ, совершенно достаточенъ для возбужденія всевозможныхъ подозрѣній.

— Я дѣйствительно былъ очень легкомысленъ и недогадливъ; но вѣдь вы знаете причину, которая хоть сколько нибудь извиняетъ меня, сказалъ съ замѣтнымъ смущеніемъ Стивенъ.

— Да, да. Я вполнѣ понимаю и извиняю васъ, отвѣчалъ Вернонъ:—но это такое дѣло. что его должно тотчасъ разъяснить.

— Я боюсь, что мы отъ подробнаго изслѣдованія дѣла не добьемся ничего утѣшительнаго. Правда, мой отецъ очень больной, слабый старикъ, но, конечно, онъ никогда не позволилъ бы, чтобъ я сдѣлался жертвой подобнаго низкаго обмана.

— Имѣлъ ли Кэрквудъ дѣла съ мистеромъ Дангерфильдомъ, прежде своего теперешняго посѣщенія — то-есть на сколько вамъ извѣстно?

— Я уже давно узналъ, что онъ получалъ впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ большія суммы денегъ отъ моего отца; но зачѣмъ и отчего—я рѣшительно не вѣдаю. Онъ въ послѣднее время постоянно находился въ отсутствіи.

— Теперь же онъ воротился, сдѣлалъ вашъ домъ своей главной квартирой и выдаетъ себя за человѣка, владѣющаго закладной на ваше помѣстье, на сумму, почти равняющуюся всей его цѣнности.

— Именно такъ.

— И вамъ при этомъ никогда не входило въ голову, что дѣло тутъ можетъ быть нечистое?

— Нѣтъ, входило; потому-то я и настоялъ на рѣшительномъ объясненіи всего дѣла, при чемъ и открылъ существованіе закладной.

Вернонъ серьёзно задумался. Онъ не вѣрилъ, чтобъ дангерфильдскій *Пріютъ* дѣйствительно и законнымъ образомъ былъ заложенъ, но никакъ не могъ понять причины, которая побуждала

Digitized by Google

Кэрквуда идти на прямой обманъ, а Мартина Дангерфильда потворствовать ему.

— Ясно; вамъ прежде всего слѣдуетъ, сказалъ онъ наконецъ:— справиться, засвидѣтельствованъ ли гдѣ слѣдуетъ подобный документъ; потомъ, что бы вы ни узнали, нужно прямо спросить у Кэрквуда оригиналъ, который долженъ храниться у него. Убѣдившись въ дѣйствительномъ существованіи закладной, вы уже приступите къ обсужденію тѣхъ мѣръ, которыя нужно будетъ принять.

На другое утро Стивенъ выѣхалъ, какъ обыкновенно, изъ Пріюта, но на этотъ разъ отправился не по дорогѣ въ Упландсъ, а въ ближайшій городъ, гдѣ были окружныя присутственныя мѣста. Очень скоро и безъ большого труда онъ убѣдился по официальнымъ книгамъ, что никогда не было совершено никакой закладной на дангерфильдскій пріютъ. Негодованіе молодого человѣка при этомъ открытіи не имѣло границъ; его особливо терзало то, что онъ самъ былъ виноватъ въ своей слѣпой вѣрѣ къ словамъ Кэрквуда, и онъ прямо отправился домой, чтобы тотчасъ объясниться съ хитрымъ интригантомъ, а если нужно—и съ своимъ отцомъ, и узнать наконецъ, въ какомъ дѣйствительно положеніи находились дѣла его отца. Это было для него теперь тѣмъ необходимѣе, что считалъ своимъ долгомъ въ отношеніи семейства, съ которымъ онъ долженъ былъ породниться, привести въ извѣстность то состояніе, на которое онъ могъ надѣяться и разсчитывать.

Былъ уже первый часъ, когда Стивенъ Дангерфильдъ возвратился въ Пріютъ и прямо прошелъ въ столовую, гдѣ его отецъ завтракалъ съ Кэрквудомъ. Послѣдній, увидавъ Стивена въ такой необычный для него часъ, понялъ тотчасъ, что дѣло должно быть неладно. Онъ уже давно ожидалъ, что Стивенъ откроетъ наконецъ его обманъ и потребуетъ рѣшительныхъ объясненій. Въ подобномъ случаѣ ему слѣдовало, конечно, пустить въ ходъ всю свою хитрость, обо отъ исхода этихъ объясненій зависѣлъ успѣхъ всѣхъ его плановъ, состоявшихъ именно въ томъ, чтобы различными путями довести старика Дангерфильда до подписи закладной на Пріютъ, которой еще онъ до сихъ поръ не могъ добиться. А эта закладная была ему необходима потому, что онъ могъ ее продать легко въ Нью-Йоркѣ и съ вырученными деньгами во всякое время, при первой необходимости, бѣжать въ Европу, такъ-какъ были обстоятельства, которыя могли его заставить вдругъ оставить Америку.

— Вы намъ рѣдко дѣлаете честь съ нами завтракать, мистеръ Стивенъ, сказалъ очень любезно Кэрквудъ:—потому мы съ осо-

Digitized by Google

бой радостью должны васъ привѣтствовать сегодня. Выпьете вы съ нами стаканъ вина? хересъ отличный!

Онъ налилъ стаканъ Стивену, и поднявъ свой къ свѣту, съ любовью посмотрѣлъ на его блестящій отливъ. Стивенъ оттолкнулъ стаканъ и отвѣчалъ, прямо приступая къ дѣлу:

— Я былъ въ окружномъ городѣ и просмотрѣлъ всѣ актовыя книги. Не будете ли вы добры, мистеръ Кэрквудъ, объяснить мнѣ, почему закладная на Пріютъ, которую вы имѣете, по вашимъ словамъ, не засвидѣтельствована законнымъ образомъ?

— Я бы могъ васъ избавить отъ труда ѣздить въ такую даль, отвѣчалъ Кэрквудъ, спокойно попивая вино:—еслибъ вы были со мной откровенны. Теперь же вамъ лучше бы обратиться съ вашимъ вопросомъ къ отцу.

Старикъ Дангерфильдъ устремилъ умоляющій взглядъ на своего мучителя и потомъ вопросительно посмотрѣлъ на сына.

— Ты вѣдь никогда меня не спрашивалъ объ этомъ дѣлѣ, произнесъ онъ очень смущеннымъ голосомъ:— а то бы я тебѣ сказалъ, что такъ-какъ никакой закладной еще не существуетъ, то, конечно, она не можетъ быть внесена въ актовыя книги.

— *Еще* нѣтъ! воскликнулъ Стивенъ:—еще не существуетъ? А вашъ другъ увѣрялъ меня, что она существуетъ уже нѣсколько лѣтъ.

— Нравственно, любезный мистеръ Стивенъ, нравственно, если не абсолютно, отвѣчалъ очень спокойно Кэрквудъ:—я не думалъ, чтобъ такой благородной человѣкъ, какъ вы, сталъ различать между нравственнымъ и формальнымъ обязательствомъ, тѣмъ болѣе, что ваше мнѣніе не можетъ ни въ чемъ измѣнить дѣло.

— Избавьте меня отъ вашихъ колкостей, сэръ. Долженъ я ожидать отъ васъ объясненія этой новой тайны, или моему отцу будетъ угодно переговорить лично со мною?

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ Кэрквудъ: — мнѣ рѣшительно все равно, ибо во всемъ, что я дѣлалъ, я руководствовался лишь одной мыслью поддержать честь и достоинство вашего рода. Теперешній глава его можетъ вамъ засвидѣтельствовать, что онъ обязался выдать мнѣ закладную, когда я захочу, и что я до сихъ поръ откладывалъ совершить этотъ документъ изъ одного желанія не нанести удара его кредиту и гордости. Но теперь, когда вы вступаете со мною въ борьбу и грозите лишить меня того, на что я имѣю законное право—я считаю себя обязаннымъ объявить во всеуслышаніе свои права и настоять на томъ, чтобъ они были тотчасъ удовлетворены.

— Я предпочитаю, сэръ, послѣ того, что произошло между нами, произнесъ съ гордымъ достоинствомъ Стивенъ: — получить

Digitized by Google

необходимыя для меня свѣдѣнія лично отъ моего отца. Не будете ли вы такъ добры, сэръ, прибавилъ онъ, обращаясь къ старику Дангерфильду: — сказать мнѣ, правду ли говоритъ этотъ господинъ?

Лицо Кэрквуда побагровѣло, и на немъ появились пятна, которыхъ очень боялись тѣ, кто зналъ его буйный, неудержимый нравъ; но Мартинъ Дангерфильдъ смотрѣлъ не на него, а на своего сына.

— Правда ли? повторилъ онъ слабымъ, дрожащимъ голосомъ: — правда ли? О, сынъ мой, какъ могу я... онъ широко раскрылъ глаза, какъ-бы ища помощи, но встрѣтивъ взглядъ Кэрквуда, поспѣшно прибавилъ:—мой... бѣдный Стивенъ... все это... все *это — правда.*

Произнеся эти слова съ невыразимымъ трудомъ, онъ налилъ дрожащей рукой себѣ вина, выпилъ залпомъ цѣлый стаканъ, и снова впалъ въ изнеможеніе.

Стивенъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ и ужасомъ.

— Батюшка! воскликнулъ онъ наконецъ:—тутъ есть что-то нехладное—какое-то насиліе—какая-то тайна, быть можетъ, страшная, которую вы отъ меня скрываете. Скажите мнѣ все, будьте откровенны, батюшка, съ вашимъ единственнымъ сыномъ, и мы посмотримъ, прибавилъ онъ, бросая вызывающій взглядъ на Кэрквуда:—кто посмѣетъ вамъ угрожать или приказывать!

— Тише, Стивенъ Дангерфильдъ, не думай меня застращать; это только обратится на вашу же голову, замѣтилъ хладнокровно Кэрквудъ: — я совершенно согласенъ съ вами, и предпочитаю всегда откровенность, потому — не моя вина, если вамъ не скажутъ всего. Говорите, мой старый другъ, и удовлетворите вполнѣ любопытству вашего недовѣрчиваго сына. Или хотите, я буду говорить за васъ, и разскажу ему про всѣ подробности вашей прошедшей жизни? Прикажете сказать ему, что вы...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! воскликнулъ старикъ: — ради-бога, не говорите. Я на все согласенъ — только не говорите. Ради-бога, кончимъ этотъ несчастный разговоръ! Чего вы требуете отъ меня?

— Ничего, кромѣ справедливости, отвѣчалъ Кэрквудъ мрачно:—если эта сцена вамъ непріятна, то не я ее вызвалъ. Вы согласны со мною въ справедливости моихъ требованій—такъ кончимъ дѣло сразу. Закладная уже написана; я ее сейчасъ принесу, и вы можете подписать, двое слугъ будутъ свидѣтелями. Вы согласны?

— Я... я... согласенъ.

— Нѣтъ, батюшка! воскликнулъ съ жаромъ Стивенъ.

— Будьте осторожны, сказалъ Кэрквудъ съ мрачной улыбкой,

Digitized by Google

и съ этимъ совѣтомъ, относившимся одинаково и къ сыну и къ отцу, онъ вышелъ изъ комнаты.

Когда дверь за нимъ затворилась, старикъ посмотрѣлъ на сына съ выраженіемъ неописанной грусти и безпокойства. Стивенъ подошелъ къ нему, взялъ за руку и нѣжно поцаловалъ въ лобъ.

— Не думайте обо мнѣ, батюшка, сказалъ онъ:—я перенесу наше разореніе, если этому суждено быть; но мнѣ страшно за васъ. Я рѣшительно не знаю, какая таинственная сила связываетъ васъ съ этимъ человѣкомъ; но если...

— Тише, тише, сынъ мой, дрожащимъ шопотомъ пропзнесъ старикъ: — ты не долженъ раздражать его. Видитъ Богъ, я бы желалъ все сдѣлать къ лучшему; но, право, не знаю, какъ поступить. Тяжело подумать, что ты совершенно невинно будешь страдать за проступки другихъ.

— Предоставьте все мнѣ, воскликнулъ Стивенъ: — я все съ нимъ устрою и обѣщаю вамъ вести себя очень осторожно и не выходить изъ себя. Я выговорю, кромѣ того, довольно времени, чтобъ посовѣтоваться съ людьми опытными, прежде чѣмъ на что-либо рѣшиться.

— Нѣтъ, нѣтъ, никто посторонній не долженъ знать объ этомъ дѣлѣ. Свидѣтели только необходимы при подписи. Но какъ могу я на это рѣшиться, прибавилъ старикъ отчаяннымъ голосомъ:— какъ могу я рѣшиться!

Слова его и тонъ почти явно говорили о совершенномъ упадкѣ умственныхъ способностей, такъ что Стивенъ пришелъ къ тому убѣжденію, что, можетъ быть, отецъ его ни въ чемъ невиноватъ, а только сдѣлался жертвою заблужденія, поддерживаемаго въ немъ хитростью и коварствомъ Кэрквуда.

— Вы нездоровы, батюшка, сказалъ онъ:—вы неспособны теперь заниматься дѣломъ. По крайней-мѣрѣ, отложите до завтра.

— Мы должны дѣлать то, что онъ хочетъ, отвѣчалъ старикъ:— мы должны его слушаться.

— Только не я, воскликнулъ Стивенъ съ негодованіемъ : — я убѣжденъ, что это ничего болѣе, какъ обманъ. Скажите мнѣ, по крайней-мѣрѣ, получили ли вы отъ него ту сумму денегъ, о которой онъ теперь говоритъ?

— Не спрашивай меня ни о чемъ... тише... онъ идетъ.

Дверь отворилась, и Кэрквудъ вошелъ въ комнату.

— Я принесъ закладную, сказалъ онъ:—и мы тотчасъ покончимъ это дѣло. Кучеръ и экономка будутъ свидѣтелями при подписи документа.

— Позвольте, сэръ, воскликнулъ Стивенъ: — отецъ мой очевидно нездоровъ, и какъ бы основательны ни были ваши требо-

Digitized by Google

ванія, онъ, конечно, не въ состояніи ихъ теперь, какъ слѣдуетъ, обсудить. Лучше отложимъ это дѣло на нѣсколько дней, то-есть до тѣхъ поръ, пока онъ сберется съ силами, необходимыми для такого важнаго рѣшенія.

— Нездоровъ, вздоръ! гнѣвно произнесъ Кэрквудъ, всегда выходившій изъ себя при малѣйшемъ противорѣчіи.—Ему только нужно подписать свое имя; это, кажется, не требуетъ большихъ физическихъ и умственныхъ усилій.

— Но вѣдь надо обсудить...

— Чортъ-возьми! Кажется, довольно ему было на это время—цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ.

— А законно ли еще составленъ документъ?...

— Я адвокатъ, практиковавшій въ нью-йоркскихъ судахъ, и потому если этотъ документъ удовлетворяетъ меня, то вамъ нечего безпокоиться. Вотъ перо и чернильница, Дангерфильдъ. Призвать, что ли, свидѣтелей?

Старикъ принялъ изъ его рукъ закладную и сталъ ее медленно проглядывать; потомъ онъ почти машинально взялъ перо и, не обмакивая его въ чернила, началъ водить имъ по бумагѣ, но вдругъ съ нимъ произошла какая-то неожиданная перемѣна: въ глазахъ его блеснулъ лучъ никогда невиданной въ немъ рѣшимости, и онъ воскликнулъ рѣзкимъ голосомъ:

— Джемсъ Кэрквудъ, вы часто грозили довести меня до крайности и теперь, кажется, рѣшились исполнить свою угрозу. Да будетъ по вашему; человѣкъ, который перенесъ столько сколько я, можетъ перенести и еще. Дѣлайте со мной все, что хотите. Только знайте одно, что я не подпишу этой закладной, не лишу сына его наслѣдства, которое переходило двѣсти лѣтъ изъ поколѣнія въ поколѣніе въ родѣ Дангерфильдовъ!

— Вы не хотите подписать? заревѣлъ Кэрквудъ какимъ-то хриплымъ, дикимъ голосомъ, внѣ себя отъ злобы:—вы не хотите? Клянусь небомъ, что вы подпишите! или, быть можетъ, вы думаете, что я откажусь отъ своей собственности, стоившей мнѣ стольнихъ трудовъ, и которой я жду вотъ ужь пятнадцать лѣтъ—откажусь только потому, что вы вздумали меня надуть? Подумайте, что станется съ благороднымъ именемъ Дангерфильдовъ, переходившимъ, по вашимъ словамъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе цѣлыхъ двѣсти лѣтъ, если я скажу только одно слово? Вы, пожалуй, льстите себя надеждой, что я соглашусь потерять все безъ боя? что я поддамся, вамъ—безмозглому, подлому старикашкѣ? Я...

Очень вѣроятно, что Кэрквудъ, выговоривъ эти слова, раскаялся внутренно въ своей горячности; но во всякомъ случаѣ, онъ

Digitized by Google

былъ наказанъ за нихъ самымъ неожиданнымъ и быстрымъ образомъ. Стивенъ схватилъ свой непочатый стаканъ вина и плеснулъ его прямо въ лицо дерзкаго нахала, такъ жестоко оскорбившаго его отца. Кэрквудъ заревѣлъ, какъ дикій звѣрь, и сунувъ руку за пазуху, бросился на своего врага; но сдѣлавъ шагъ впередъ, онъ опомнился и съ неимовѣрной силой воли, поборолъ себя. Черезъ минуту онъ преспокойно обтеръ лицо платкомъ и произнесъ тихо, медленно, хотя стиснувъ зубы:

— Я бы могъ выбросить васъ изъ окна, еслибъ захотѣлъ, но я этого не хочу. Я бы могъ, однимъ словомъ, заставить васъ ползать у моихъ ногъ, вымаливая прощенія — но я отлагаю это удовольствіе до другого раза. Помните, что я только откладываю свою месть. Что же касается до васъ, Мартинъ Дангерфильдъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ старику, который весь дрожалъ отъ страха и тревожныхъ опасеній: — вы видите, какъ я умѣю сдерживать себя, чтобъ оказать вамъ услугу. Кажется, вы мнѣ обязаны вѣчною благодарностью, хоть бы за то только, что я пожалѣлъ вашего дерзкаго щенка.

Стивенъ поблѣднѣлъ при этомъ новомъ оскорбленіи, глаза его засверкали гнѣвомъ, и онъ только что хотѣлъ броситься на Кэрквуда, какъ старикъ Дангерфильдъ быстро всталъ съ мѣста, и вытянувшись во весь ростъ, сказалъ яснымъ, рѣшительнымъ голосомъ:

— Стой, Стивенъ! стой! я прошу, я приказываю! Этотъ человѣкъ—мой гость, кто или что бы онъ тамъ ни былъ. Я не позволю болѣе никакихъ насилій. Дѣло, которое возбудило это несчастное столкновеніе, будетъ рѣшено наединѣ мною и мистеромъ Кэрквудомъ, какъ людьми, до которыхъ оно всего ближе касается. Я требую, чтобы ты, какъ сынъ, повиновался волѣ отца, и никогда болѣе не вмѣшивался въ это дѣло. Если же ты меня ослушаешься, то между нами неминуемо произойдетъ разрывъ. Вы хорошо сдѣлали, Кэрквудъ, что напомнили мнѣ о необходимости сохранить мое доброе имя; я вамъ за это благодаренъ, и вы будете вполнѣ удовлетворены во всѣхъ вашихъ требованіяхъ. Намъ нечего болѣе съ вами ссориться. Ты же, Стивенъ, не забывай моихъ словъ.

Сказавъ это, старикъ опустился въ кресла въ совершенномъ изнеможеніи.

— Хорошо, отвѣчалъ Стивенъ съ грустью:—да будетъ по вашему, батюшка; но я не останусь здѣсь, чтобъ быть свидѣтелемъ того, что я считаю несправедливымъ. Я на время уѣду отсюда, то-есть до той минуты, пока этотъ господинъ не покинетъ Пріюта. Что же касается до него лично, то я надѣюсь, что мы

Digitized by Google

съ нимъ еще встрѣтимся, когда мои руки не будутъ связаны священными для меня приказаніями отца.

Съ этими словами, Стивенъ бросилъ на Кэрквуда невыразимый взглядъ презрѣнія, и повернувшись, вышелъ изъ комнаты.

Черезъ недѣлю послѣ описанной нами сцены, счастливое общество, встрѣтившееся впервые на палубѣ *Ассирія* и снова соединившееся въ веселомъ Упландсѣ, окончательно разсѣялось во всѣ стороны. Кутбертъ Бойнтонъ отправился искать забвенія прошлаго, посреди книгъ, собакъ и негровъ, на своей отдаленной плантаціи; Эліотъ не поѣхалъ съ нимъ, но обѣщалъ его посѣтить зимою, желая прежде повидать снова Нью-Йоркъ во всей славѣ осенняго сезона, и главное—Ніагару. Ему въ спутники вызвался Стивенъ Дангерфильдъ, которому было все равно куда ни ѣхать, только бы избѣгнуть ненавистнаго Кэрквуда; въ Нью-Йоркъ онъ ѣхалъ тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, что туда же должны были прибыть и Вернопы къ открытію оперы; свадьба же его и Грэсъ была отложена на цѣлый годъ по желанію ея отца, который хотѣлъ подвергнуть этому испытанію любовь молодого человѣка, прежде чѣмъ вручить ему навсегда свою горячо любимую дочь. Какъ ни грустно было Грэсъ разставаться съ Стивеномъ, но ея горе было ничто въ сравненіи съ тѣмъ отчаяніемъ, которое терзало сердце бѣдной Элиноры. Она съ горечью теперь сознавала, что по злой волѣ судьбы, вѣроятно, во всю ея жизнь чувство долга будетъ заставлять ее идти противъ своего счастія и вѣчно терпѣть муки и разочарованіе. Большинство женщинъ на ея мѣстѣ, вѣроятно, схватились бы съ радостью за предложеніе Бойнтона, какъ за якорь спасенія, но она рѣшительно и твердо отказала, хотя и чувствовала, что никого на свѣтѣ не могла такъ горячо любить, какъ его; но она дѣйствовала въ этомъ случаѣ подъ внушеніемъ того могучаго голоса чистосердечнаго убѣжденія, который не вѣдаетъ ни противорѣчія, ни сдѣлокъ. Ея отчаяніе еще усиливалось тѣмъ, что приближалась та минута, когда она твердо рѣшилась пресѣчь узы дружбы и любви, служившія такъ долго ей единственнымъ утѣшеніемъ. Вернопы, какъ мы сказали, собирались вскорѣ ѣхать въ Нью-Йоркъ, гдѣ они должны были оставить Элинору погостить на короткое время у ея тётки, жившей въ одномъ изъ предмѣстій города. Никто не зналъ, кромѣ нея, что изъ этой поѣздки она никогда не вернется въ мирное лоно семьи, столь горячо ее любившей, а выступитъ одна-одинехонька на борьбу съ жизнью, и еще на одной изъ самыхъ бурныхъ, опасныхъ стезей.

XVIII.

Было первое представленіе итальянской оперы. Осенніе холода замѣнили знойные жары, продолжающіеся въ Нью-Йор-

Digitized by Google

нѣ отъ іюня до октября. Всѣ приморскіе города и дачи опустѣли. Городъ принялъ свой обычный оживленный видъ; на скверахъ снова показались толпы разряженныхъ дѣтей съ ихъ няньками и гувернантками; по главнымъ улицамъ снова понеслись великолѣпные экипажи съ титулованными гербами, доказывавшими если не высокое происхожденіе ихъ владѣльцевъ, то во всякомъ случаѣ ихъ смѣлость. Вмѣстѣ съ этимъ обычнымъ осеннимъ приливомъ, и двери Януса въ итальянской оперѣ открылись для новаго похода противъ кошельковъ и ушей любителей. По словамъ афишъ, никогда нью-іоркская публика, «отличающаяся тонкимъ, критическимъ талантомъ и изящнымъ вкусомъ», не видывала подобнаго собранія знаменитыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Кто сомнѣвался въ этомъ, тому только слѣдовало взглянуть на ихъ имена. Не былъ ли Фурини идоломъ въ Ласкала впродолженіе многихъ сезоновъ? Не носили ли восторженные римляне на рукахъ Лацарино? Не была ли Пикарини внучкой венеціанскаго дожа, и не подарилъ ли ей австрійскій императоръ бриліантовую тіару? Не соперничалъ ли Граціани съ Гарибальди въ любви неаполитанцевъ? Кто же могъ послѣ всего этого сомнѣваться въ блескѣ той плеяды, въ которой каждая звѣзда пользовалась такой знаменитостью? По всей вѣроятности никто, чье сужденіе заслуживало бы вниманіе и, безъ всякаго сомнѣнія, ни одинъ изъ пишущей братіи, получившей заранѣе отъ ловкаго импрессаріо даровые билеты.

Однако, несмотря на всѣ дивирамбы газетныхъ борзописцевъ, многіе, въ томъ числѣ и наши пріятели Вернонъ и Роберть Эліотъ, съ удивленіемъ услышали имена главнѣйшихъ пѣвцовъ Фурини и Граціани, которыхъ они дѣйствительно видали на италіанскихъ сценахъ, но въ самыхъ скромныхъ роляхъ геральдовъ, пажей и т. д. Конечно, это непріятное обстоятельство для импрессаріо должно быть отнесено къ необходимымъ невыгодамъ современнаго прогреса, ибо какъ бы ни былъ ловокъ и искусенъ импрессаріо, онъ не можетъ запретить своей публикѣ путешествовать и пользоваться тѣми же быстрыми путями сообщенія, благодаря которымъ онъ такъ живо получаетъ свой товаръ.

Во всякомъ случаѣ, несмотря на сильныя сомнѣнія нѣкоторыхъ зрителей насчетъ знаменитости пѣвцовъ и пѣвицъ, театръ былъ совершенно полонъ. Тутъ были представители всѣхъ слоевъ нью-іоркскаго общества: и аристократическія семьи Дедингстоновъ, Скайдонковъ и пр., и разбогатѣвшія выскочки, между которыми самое видно мѣсто занимало все семейство Ван-Донковъ. Слаймеръ и Спригъ возсѣдали въ ложѣ редактора *Глашатая*, а внизу въ партерѣ виднѣлись: Элайасъ Стагерсъ, любезно раскла-

Digitized by Google

нявшійся съ знакомыми, и самъ великій Лизандръ Коль, знаменитый демагогъ, который посвящалъ всю свою жизнь на общеполезное стремленіе перехитрить своихъ соперниковъ, и потворствуя народнымъ страстямъ ускорить водвореніе въ своемъ отечествѣ царства разъяренной черни, когда, конечно, главнѣйшая добыча, деспотическая власть, всегдашнее слѣдствіе анархіи, достанется въ его руки. Кромѣ этихъ знаменитостей, и еще многихъ другихъ, нами неупомянутыхъ, театръ былъ полонъ всякаго рода лицъ во всевозможныхъ нарядахъ, начиная отъ бальныхъ платьевъ свѣтскихъ красавицъ и франтовскихъ черныхъ фраковъ, до самыхъ разнообразныхъ пестрыхъ мантилій, сюртуковъ, жилетовъ и т. д. Тутъ же были, конечно, и наши пріятели Вернопы въ ложѣ, а въ партерѣ Эліотъ и Стивенъ Дангерфильдъ, послѣдній сгарая желаніемъ повидаться съ Грэсъ, которая еще только вчера вечеромъ пріѣхала въ Нью-Йоркъ.

Опера шла очень сносно, несмотря на всѣ опасенія людей, знавшихъ прежнее поприще главнѣйшихъ исполнителей. Впрочемъ, тотъ фактъ, что артистъ никогда прежде не пѣлъ своей роли, не говоритъ еще, что онъ долженъ спѣть ее дурно; амбиція, сознаніе важной отвѣтственности, лежащей на немъ и, наконецъ, восторженное состояніе, неизбѣжное при первомъ появленіи въ публикѣ—все это условія, поощряющія успѣхъ, и къ тому же, надо же когда нибудь начать.

Теноръ, оказалось, обладалъ очень нѣжнымъ и симпатичнымъ голосомъ, и въ любимой аріи оперы произвелъ совершенный фуроръ: арія эта была та самая, которую Элинора играла наканунѣ отъѣзда Кутберта Бойнтона, и она не могла не вспомнить, какъ онъ восхищался этой чувствительной музыкой. Мы до того всѣ эгоистичны, что часто примѣняемъ къ себѣ всю затаенную страсть и поэзію, заключающіяся въ хорошей музыкѣ. Поэтому очень можетъ быть, что слезы, выступившія на глазахъ Элиноры, были вызваны мыслію о томъ, кто ее такъ пламенно любилъ и кто былъ теперь такъ далеко отъ нея. Она была удивительно хороша въ этотъ вечеръ, и вполнѣ сознавая, что обращала на себя всеобщее вниманіе, была очень рада, что въ эту минуту глаза всѣхъ были устремлены на сцену, и ея волненіе прошло незамѣченнымъ. Черезъ нѣсколько минутъ занавѣсъ опустился и, пользуясь антрактомъ, Стивенъ Дангерфильдъ и Эліотъ вошли въ ложу Вернововъ. Вернонъ очень обрадовался молодымъ людямъ, но поздоровавшись съ ними, извинился и ушелъ въ фойе, чтобъ переговорить съ однимъ изъ своихъ пріятелей. Стивенъ подсѣлъ къ Грэсъ, которая такъ и сіяла счастьемъ, и началъ съ ней шептаться, а на долю Элиноры выпала обязан-

Digitized by Google

ность занимать англичанина. Впродолженіе нѣсколькихъ минутъ, они разговаривали объ исполненіи оперы, о музыкѣ и т. д., потомъ вдругъ умолкли, словно всѣ предметы разговора истощились. Эліотъ задумался, и черезъ секунду нагнувшись къ Элинорѣ, произнесъ вполголоса:

— Я скоро ѣду на Югъ, и какъ вы вѣроятно знаете, посѣщу Бойнтона. Могу ли я передать ему что нибудь отъ васъ или...

Онъ вдругъ остановился, замѣтивъ, что на глазахъ Элиноры выступили слезы и грудь ея тревожно волновалась.

— Боже мой! миссъ Грэзбрукъ! что я надѣлалъ, простите меня; не прикажете ли...

— Шт, тише, промолвила шопотомъ Элинора:—не обращайте на меня вниманія; это сейчасъ пройдетъ. Да, прибавила она, рѣшительно, но скороговоркой, словно дѣйствуя по какому-то неудержимому побужденію:—да, вы можете сказать ему, что я желаю, очень желаю ему счастья—и молю Бога, чтобъ онъ *сдѣлался достойнымъ* этого счастья.

Не успѣла она произнести этихъ словъ, какъ поняла, что сказала слишкомъ много и что ея слова могутъ быть превратно истолкованы; она бы дорого теперь дала, чтобъ ихъ возвратить, но было уже поздно.

— Я думалъ, произнесъ Эліотъ, очень удивленный тѣмъ, что̀ слышалъ: — я думалъ, что...

— Эліотъ, дай мнѣ, пожалуйста, на минутку бинокль, вдругъ сказалъ Стивенъ Дангерфильдъ, обращаясь къ нему:—мнѣ кажется, я вижу знакомое лицо, но хорошенько не могу разобрать, кто это.

Пока Стивенъ смотрѣлъ въ бинокль, Грэсъ обратилась къ Эліоту съ своими обычными веселыми шутками, и его разговоръ съ Элинорой былъ окончательно прерванъ.

— Я вижу, кто это, пробормоталъ почти вслухъ Стивенъ :—но признать ли мнѣ его или нѣтъ—это еще вопросъ.

Прямо противъ него въ партерѣ сидѣлъ Кэрквудъ, устремивъ на ложу Верноновъ свой мрачный, проническій взглядъ. Увидѣвъ, что Стивенъ замѣтилъ его, онъ всталъ и, пожавъ плечами, вышелъ въ корридоръ. Стивенъ въ ту же минуту поспѣшилъ также выйдти изъ ложи, сказавъ, что тотчасъ вернется.

— Я удивляюсь, зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Нью-Йоркъ; конечно, это не къ добру, думалъ Стивенъ, пробираясь въ густой толпѣ и едва отвѣчая на грустный поклонъ Госсамера Ван-Донка.

На противоположномъ концѣ коридора его встрѣтилъ Кэрквудъ, и произнесъ съ саркастической улыбкой:

— Я очень радъ видѣть, что хотя вы и добровольно изгнали себя изъ Пріюта, но здѣсь не лишаете себя удовольствій.

Digitized by Google

— Надѣюсь, что вы не имѣете ничего противъ этого? отвѣчалъ тѣмъ же тономъ Стивенъ: — что же касается до моего удаленія изъ Пріюта, то вы, вѣроятно, знаете, что продолжительность его зависитъ отъ васъ. Позвольте васъ спросить, окончилось ли ваше пребываніе въ домѣ моего отца?

— Я уѣхалъ оттуда только дня на два, отвѣчалъ Кэрквудъ очень любезно: — я нахожу, какъ и вы, очень полезнымъ иногда разсѣяться; но во всякомъ случаѣ, вы очень дурно дѣлаете, если дѣйствительно удалились изъ Пріюта по моей милости. Мы вѣдь прежде уживались съ вами очень хорошо.

— Я живу съ тѣми, съ кѣмъ мнѣ нравится, отвѣчалъ гордо Стивенъ: — и обыкновенно избираю своими товарищами только порядочныхъ людей.

Лицо Кэрквуда побагровѣло.

— Вы неблагоразумно дѣлаете, что оскорбляете меня, сказалъ онъ: — вамъ бы гораздо лучше имѣть меня другомъ, чѣмъ врагомъ.

— Это угроза, сэръ?

— Нѣтъ, только предостереженіе.

— Это безсмысленная игра словами, послѣ того, что произошло между нами.

— Вы впослѣдствіи увидите разницу между этими словами, но уже будетъ поздно. Впрочемъ, я не желаю никакого вреда сыну моего стараго пріятеля.

— Вы всегда говорите загадками, презрительно отвѣчалъ Стивенъ: — я не знаю тайны вашихъ несчастныхъ отношеній съ моимъ отцомъ, и я, согласно его просьбѣ, не могу даже стараться раскрыть эту тайну. Но во всякомъ случаѣ, надо мною вы не имѣете никакой власти, и примѣра отца достаточно, кажется, чтобы побудить меня не имѣть съ вами никакихъ личныхъ отношеній.

Странная улыбка показалась на лицѣ Кэрквуда, и въ глазахъ его сверкнуло даже что-то въ родѣ сожалѣнія.

— Мы не всегда можемъ управлять своей судьбой, сказалъ онъ, и послѣ минутнаго молчанія прибавилъ съ участіемъ, хотя и нелишеннымъ нѣкоторой иронія: — кстати, могу я васъ спросить, извѣстно ли Дангерфильду о намѣреніи его сына вступить въ бракъ?

— По какому праву вы у меня спрашиваете объ этомъ, и на кого вы намекаете?

— По праву дружескаго къ вамъ участія, а намекаю я на то, о чемъ всѣ говорятъ — на вашъ предстоящій бракъ съ мисъ Вернонъ.

Digitized by Google

— Право, это подлежитъ сомнѣнію, и намъ совершенно излишне толковать объ этомъ предметѣ; но что касается собственно до вашего вопроса, то я могу вамъ отвѣтить: нѣтъ, онъ ничего не знаетъ. Я прибавлю еще, что сцена, въ которой вы играли такую важную роль, и слѣдующій затѣмъ мой отъѣздъ, помѣшали мнѣ сказать ему то, что я не имѣю никакой причины отъ него скрывать. Что жь вы на это скажете?

— Да ничего, отвѣчалъ Кэрквудъ съ непріятной улыбкой:— только поздравляю васъ, и совѣтую наслаждаться, пока можете.

— Вашъ намекъ оскорбителенъ, сэръ. Никто не нуждается въ вашихъ поздравленіяхъ или совѣтахъ. Быть можетъ, вы желали бы, чтобъ я спросилъ вашего согласія прежде чѣмъ жениться?

— Придетъ минута, когда вы дѣйствительно попросите моего согласія и помощи, отвѣчалъ Кэрквудъ: — и тогда вы поймете, что я, предостерегая васъ, желалъ вамъ добра.

— До тѣхъ поръ, возразилъ Стивенъ: — не будемъ упоминать болѣе никогда объ этомъ предметѣ. Будьте увѣрены, что я въ этомъ дѣлѣ не потерплю никакого вмѣшательства и что никакія слова отца не свяжутъ мнѣ руки.

— Я бы не совѣтовалъ вамъ говорить такъ увѣренно, но довольно; я вамъ желаю всякаго добра, и стерпѣлъ отъ васъ больше, чѣмъ когда-нибудь сносилъ отъ другихъ людей. Вы вскорѣ узнаете многое, что заставитъ васъ быть благодарнымъ мнѣ за мое обращеніе съ вами.

Сказавъ это, онъ приподнялъ шляпу съ обычной ему учтивостью, и прошелъ далѣе.

Разставшись съ нимъ, Стивенъ серьёзно задумался. Подъ маской дружбы, принятой на себя Кэрквудомъ, скрывалась очевидно враждебная угроза. Люди, подобные ему, никогда не забываютъ и не прощаютъ оскорбленія, и потому онъ былъ увѣренъ, что Кэрквудъ имѣлъ важныя причины стараться поддержать хоть внѣшній видъ дружескихъ съ нимъ отношеній. Но въ чемъ состояли эти причины? Тутъ Стивенъ совершенно терялся, и единственный путь, представлявшійся ему, былъ тотъ, котораго держаться ему совѣтовалъ Вернонъ — именно пристально слѣдить за врагомъ и терпѣливо дожидаться будущаго.

Между тѣмъ, въ это самое время, Слаймеръ и Спригъ вошли въ ложу Ван-Донковъ. Оба они были очень нужные люди для Ван-Донковъ; первый, конечно, пользовался не совсѣмъ чистой репутаціей, но онъ всегда умѣлъ вселить во всѣхъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, какое-то уваженіе къ своей власти и къ своей *комильфотности*. Главной цѣлью своей жизни онъ поставилъ: втереться въ знакомство со всѣми знаменитостями, какого бы

Digitized by Google

онѣ рода ни были; конечно, при этомъ, онъ всегда старался предугадывать напередъ знаменитостей завтрашняго дня, и оказывалъ имъ всевозможныя услуги, чтобы такимъ образомъ заслужить ихъ благодарность. Кромѣ этого способа, онъ прибѣгалъ и къ другимъ, именно — писалъ всякаго рода письма къ различнымъ, знатнымъ и извѣстнымъ людямъ, разсчитывая на ихъ отвѣты, которые, какого бы они содержанія ни были, онъ подшивалъ въ книжку, служившую явнымъ доказательствомъ его обширныхъ связей. Такимъ образомъ, не было почти ни одного замѣчательнаго человѣка ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ, съ которымъ бы Слаймеръ не находился когда-нибудь въ личныхъ сношеніяхъ. Такъ-какъ главною цѣлью Слаймера при этомъ были не самыя связи, а уваженіе, которое черезъ это питали къ нему всѣ знавшіе его, то онъ иногда прибѣгалъ и еще къ новому способу — именно, пользуясь всякимъ политическимъ или литературнымъ явленіемъ, писалъ статьи въ газетахъ или особыя брошюры, и посвящалъ ихъ тѣмъ знаменитостямъ, съ которыми ему неудавалось другими путями войти въ сношеніе, и которыхъ, благодаря этой хитрости, онъ выдавалъ передъ свѣтомъ за своихъ закадычныхъ друзей. Кромѣ связей, Слаймеръ еще вселялъ къ себѣ уваженіе безпрестанными поѣздками въ Вашингтонъ, гдѣ ему въ сущности нечего было дѣлать, но онъ увѣрялъ всѣхъ, что занятъ самыми важными, таинственными дѣлами. Изъ всего сказаннаго очевидно, почему Ван-Донки очень дорожили его знакомствомъ; къ тому же, благодаря множеству покровительствуемыхъ имъ музыкантовъ, фотографщиковъ, и т. д., онъ былъ всегда въ состояніи, въ данную минуту, сдѣлать любого человѣка извѣстнымъ по всему городу. Стоило только ему сказать слово, и на другой же день вашъ портретъ былъ выставленъ во всѣхъ окошкахъ, а въ нотныхъ магазинахъ появлялись посвященныя вамъ польки и кадрили, что вмѣстѣ съ рекламами въ газетахъ, дѣлало васъ извѣстнымъ повсюду, въ одно мгновеніе.

Что касается до внѣшняго его вида, то Слаймеръ хотя не былъ молодъ и красивъ, но велъ себя всегда прилично, имѣлъ изящныя манеры, одѣвался по послѣдней модѣ, говорилъ обо всемъ очень краснорѣчиво и основательно, и вообще съ перваго взгляда всякій бы принялъ его за образованнаго и порядочнаго человѣка.

Спригъ былъ совершенно иного рода человѣкъ. Онъ отличался самыми грубыми, неприличными манерами, ходилъ всегда въ грязномъ платьѣ и часто даже немытый. Но всѣ эти недостатки поневолѣ забывались тѣми, кто въ немъ нуждался; а къ числу ихъ теперь принадлежали и Ван-Донки, въ ожиданіи предстоящей кандидатуры генерала на выборахъ.

Digitized by Google

Появленіе этихъ почтенныхъ господъ въ ложѣ Ван-Донковъ было встрѣчено всѣмъ семействомъ такъ радушно, какъ только позволяли приличія.

— Какъ ваше мнѣніе о новыхъ артистахъ, мистеръ Спригъ? спросила генеральша послѣ первыхъ привѣтствій.

— Они одержали нѣчто болѣе простаго succès d'estime, произнесъ торжественно Спригъ. — Надобно ихъ повидать еще въ другихъ роляхъ, прежде чѣмъ можно будетъ произнести окончательный приговоръ.

— Ахъ! Фурини просто прелесть! пропищала Церлина: — онъ восхитительно поетъ и такъ же хорошо играетъ!

— Рѣдко теноры заслуживаютъ такой похвалы, мисъ Ван-Донкъ, сказалъ Слаймеръ: — въ немногихъ артистахъ соединены эти оба качества. Дѣйствительно, насколько мнѣ извѣстно, одинъ только Маріо въ совершенствѣ и пѣлъ и игралъ, хотя въ послѣднее время онъ значительно спалъ съ голоса.

— А что вы думаете, мистеръ Спригъ, о рѣчи Гейденсокера? спросилъ генералъ, неожиданно выходя изъ оцѣпененія, въ которое его повергла, какъ онъ увѣрялъ, громкая музыка, а какъ была убѣждена генеральша — чрезмѣрное употребленіе крѣпкихъ напитковъ во время антрактовъ.

— О! я еще не имѣлъ времени и прочесть; но вѣроятно она очень остроумна. Джобъ умѣетъ всегда кстати вставить шутку. А какъ ваше мнѣніе о ней, генералъ?

— Ну, сэръ, я не вижу въ ней ничего смѣшнаго, и всѣ наши того же мнѣнія. Онъ всегда хлопочетъ о томъ, чтобъ болѣе выказаться, не думая вовсе о пользѣ своей партіи. Онъ полагаетъ, что этимъ путемъ получитъ бо́льшую популярность, но все это пустяки. Единственный путь для политическаго дѣятеля, это—держаться своей партіи, что́ бы она ни дѣлала и куда бы она ни стремилась. Вотъ мое мнѣніе.

— Чрезвычайно оригинальное и заслуживающее полнаго уваженія, отвѣчалъ Слаймеръ. — Кстати, генералъ, правда, что нашъ compagnon de voyage, мистеръ Вернонъ, намѣренъ соперничать съ вами на выборахъ?

— Кажется; и я надѣюсь, что это случится. Ихъ комитетъ еще не рѣшилъ, выставить ли кандидатомъ его или Амоса Тукера. Я бы лучше желалъ имѣть дѣло съ Верноном, а то Амосъ Тукеръ пользуется ужасной популярностью въ рабочемъ классѣ.

— Въ вашемъ округѣ, кажется, много ирландскихъ работниковъ? замѣтилъ Слаймеръ: — какъ вы думаете, не поднять ли крикъ въ *Глашатаѣ* и прочихъ газетахъ противъ Амоса Тукера

Digitized by Google

за его аболиціонистскія стремленія? Это вѣроятно побудило бы исключить его изъ числа кандидатовъ.

— Можетъ быть, возразилъ генералъ: — и во всякомъ случаѣ подобное движеніе принесло бы только пользу.—А какъ вы думаете, господа, не поужинать ли намъ вмѣстѣ. Пріѣзжайте къ намъ послѣ театра. У насъ будетъ и Стаггерсъ. Вы знаете Элайаса Стаггерса? Ахъ, да—конечно, онъ съ вами пріѣхалъ на *Ассиріи*.

Слаймеръ и Сирингъ съ благодарностью приняли приглашеніе, и разговоръ незамѣтно перешелъ на другихъ пассажировъ *Ассиріи*.

— Вонъ Верноны, сказала генеральша, указывая на нихъ ложу: — молодая дѣвушка въ бѣломъ, это—прелестная Грэсъ Вернонъ; другая же въ малиновомъ — Нелли Грэсбрукъ. Ея отецъ умеръ отъ пьянства, а мать бѣжала съ кѣмъ-то; но несмотря на это, она держитъ себя такъ гордо, словно она изъ рода Дедингстоновъ или другихъ аристократовъ. Это всегда бываетъ съ подобными низкими людьми.

— О, мама! воскликнула Віолета: — Нелли Грэсбрукъ нельзя назвать низкой: она такая умная, образованная, по крайней-мѣрѣ всѣ это говорятъ.

— Въ ней нѣтъ крови, милая, отвѣчала торжественно генеральша: — это и составляетъ различіе между нею и нѣкоторыми другими людьми. И подумать, что такая дѣвчонка забрала себѣ въ голову поймать въ свои сѣти молодаго Бойнтона!

— Неужели? спросилъ Слаймеръ съ любопытствомъ.

— Да, подтвердила генеральша: — и это причина, почему онъ такъ скоро уѣхалъ на югъ. Онъ намъ говорилъ, что намѣренъ остаться здѣсь до начала опернаго сезона — и конечно, онъ остался бы *по нѣкоторымъ причинамъ*, прибавила она, бросая значительный взглядъ на своихъ дочерей: — еслибъ не эта непріятная исторія, заставившая его поспѣшно покинуть Нью-Іоркъ. изъ боязни столкновеній съ Вернонами.

— Но вѣдь Верноны, въ высшей степени *comme il faut* и имѣютъ большое состояніе.

— Конечно, но вѣдь она имъ не родственница, а такъ въ родѣ приживалки. Вотъ дѣло другое Грэсъ: та—прелестное созданіе. Вы, можетъ быть, не знаете, что она во время путешествія ужасно полюбила Госси, но онъ, добрый мальчикъ, отказался отъ этого брака, по несогласію съ ея отцомъ въ политическихъ убѣжденіяхъ.

— Она, говорятъ, выходитъ замужъ за Стивена Дангерфильда.

— Неужели? а я думала, что скорѣе всего на ней женится

Digitized by Google

Эліотъ, молодой англичанинъ, котораго вы видали у насъ въ Нью-Портѣ. Отличный молодой человѣкъ, и вы не повѣрите, какъ онъ былъ доволенъ нашимъ обществомъ. Онъ говорилъ, что оно ни въ чемъ не уступаетъ обществу лордовъ и герцоговъ, съ которыми онъ зналси въ Лондонѣ. Вонъ онъ стоитъ позади Грэсъ. Я васъ увѣрю, онъ, кажется, за ней ухаживаетъ.

— О, нѣтъ! онъ негодится въ женихи, отвѣчалъ Слаймеръ:— онъ пріѣхалъ сюда, чтобъ изучить нашу страну и издать книжку. Я встрѣтился съ его родственниками у лорда С. въ Лондонѣ и обѣщалъ имъ оказать здѣсь ему всевозможное покровительство.

— Онъ очень-очень пріятный молодой человѣкъ. Вотъ Дангерфильда, такъ я не люблю. У него слишкомъ вольныя и рѣзкія манеры; и потомъ онъ какъ-то свысока смотритъ на всѣхъ, кто занимается торговлею. Я полагаю во всякомъ случаѣ, что отецъ Грэсъ съ большимъ удовольствіемъ отдалъ бы ее за англичанина, своего соотечественника, не правда ли?

— Вернонъ совершенный американецъ. Онъ ужъ такъ давно здѣсь живетъ, и у насъ же нажилъ свое состояніе; въ немъ одно только худо, что онъ радикалъ и аболиціонистъ. Но трудно найдти искреннѣе и пламеннѣе патріота, хотя онъ и возстаетъ противъ всего, что̀ считаетъ злоупотребленіемъ и несправедливостью.

Въ эту минуту генералъ предложилъ пойти въ буфетъ выпить чего нибудь, и не обращая никакого вниманія на знаки и подмигиванья своей жены, онъ вышелъ изъ ложи вмѣстѣ съ Слаймеромъ и Спригомъ.

— Я не люблю пить въ буфетахъ, замѣтилъ онъ по дорогѣ:— но общественный дѣятель въ моемъ положеніи не можетъ обойтись безъ этого.

Оба шедшіе съ нимъ пріятеля громко выразили свое сожалѣніе о всѣхъ жертвахъ, которыя генералъ долженъ былъ приносить общественнымъ требованіямъ. Въ корридорахъ они встрѣтили много политическихъ сторонниковъ генерала, которые, присоединяясь къ нимъ, составили наконецъ цѣлую толпу. Стивенъ Дангерфильдъ встрѣтилъ эту процесію у самыхъ дверей буфета, и раскланявшись съ двумя или тремя знакомыми, шедшими впереди, хотѣлъ-было повернуть въ сторону, какъ вдругъ его вниманіе было привлечено неожиданнымъ зрѣлищемъ. Посреди толпы, подъ-руку съ Элайасомъ Стагерсомъ, шелъ, громко смѣясь и разговаривая, мистеръ Керкудъ,.

XIX.

Робертъ Эліотъ былъ очень радъ снова очутиться въ водоворотѣ оригинальной, своеобразной, вѣчно дѣятельной жизни

Digitized by Google

коммерческой столицы новаго свѣта, ибо какъ пріятно онъ ни провелъ время въ Упландсѣ, но онъ чувствовалъ, что цѣль его путешествія не достигалась долгимъ пребываніемъ между сценами, которыя хотя и были очень привлекательны, но слишкомъ много напоминали ему домашнюю жизнь Англіи и не могли служить поучительнымъ предметомъ для изученія. Надо тутъ прибавить, что впослѣдствіи онъ нашелъ, что подобное замѣчаніе могло быть совершенно справедливо отнесено ко многому и во многихъ въ Америкѣ, чего онъ никакъ не ожидалъ, судя по словамъ большинства писателей и путешественниковъ. Это обстоятельство, впрочемъ, нельзя приписать вполнѣ безсовѣстности авторовъ сочиненій объ Америкѣ, хотя многіе изъ нихъ дѣйствительно отличались этимъ недостаткомъ въ высшей степени; но причина этого скорѣе кроется въ неслыханномъ доселѣ развитіи народонаселенія и богатства страны, прямымъ слѣдствіемъ котораго всегда бываетъ смягченіе грубыхъ рѣзкостей и провинціализмовъ.

Изучая нью-йоркскую жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, Эліотъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Стивеномъ Дангерфильдомъ посѣтили и тѣ зарѣчныя предмѣстья, грязныя и зловонныя, которыя такъ извѣстны подъ названіемъ «*наемныхъ кварталовъ*». Приближалось время какихъ-то муниципальныхъ выборовъ и стѣны всѣхъ домовъ были покрыты огромными, разноцвѣтными афишами съ именами и біографіями кандидатовъ. Въ одномъ углу гигантская надпись гласила «Вотируйте за Огорнля», въ другомъ торжественно заклинали: «Стойте за Шоннеси», здѣсь восхвалялись достоинства Густава Попенгеймера, тамъ въ неменѣе краснорѣчивыхъ выраженіяхъ трубили хвалы Адольфу Шварценбергену. Но трудно было въ громадномъ количествѣ всѣхъ этихъ именъ найдти хоть одно англо-саксонскаго происхожденія— такъ великъ былъ наплывъ нѣмцевъ и ирландцевъ. Наконецъ бросилось въ глаза молодымъ людямъ громадное, блестящее объявленіе, гласившее, что «Достопочтенный Лизандеръ Коль будетъ говорить рѣчь въ тотъ вечеръ въ Куперовомъ институтѣ». Даже и это исключеніе было объяснено не совершенно лестно Стивеномъ; Лизандеръ Коль, какъ мы уже говорили, очень ловкій, но безсовѣстный демагогъ, съумѣлъ такъ повести дѣло съ ирландцами, конечно потакая ихъ грубымъ предразсудкамъ и невѣжеству, что имѣлъ въ своемъ распоряженіи голоса почти всего ирландскаго народонаселенія. Этотъ человѣкъ былъ дѣйствительно первосвященникомъ партіи Максвиндля и вѣчно развивалъ въ краснорѣчивыхъ рѣчахъ великую теорію, основанную на одномъ главномъ принципѣ: «стой за демократическую партію и держи негровъ въ рабствѣ».

Digitized by Google

— И вотъ силы, управляющія этимъ громаднымъ городомъ, сказалъ Эліотъ.

Стивенъ пустился при этомъ въ длинное разсужденіе о страшномъ вредѣ, приносимомъ его отечеству этими грубыми, дикими, необразованными людьми, которые, имѣя право голоса, своимъ большинствомъ совершенно подавляютъ образованныхъ американцевъ. Особенно онъ настаивалъ на той ненависти, которую они питаютъ къ неграмъ, боясь, какъ имъ втолковали Лизандеры Коли, Максвинди и прочіе, что, въ случаѣ освобожденія, негры сдѣлаютъ наплывъ на сѣверные рынки и лишатъ ихъ куска хлѣба. Но посреди своей рѣчи онъ вдругъ остановился, воскликнувъ: «посмотрите, вотъ вамъ лучшее доказательство моихъ словъ.»

Въ эту минуту ихъ перегнали двое ирландцевъ, низенькаго роста, очень загорѣлые, и съ выдающеюся, какъ у гориллы, нижнею частью лица. Они разсуждали, какъ и слѣдовало ожидать, о политикѣ. Одинъ изъ нихъ, повидимому, давно жилъ въ Америкѣ, а другой только что пріѣхалъ. Послѣдній разспрашивалъ перваго о различіи главныхъ политическихъ партій, демократической и республиканской:

— Джеми, въ чемъ же разница между ними?

— Чортъ-возьми, отвѣчалъ глубокомысленный менторъ: — очень просто и коротко, одни хотятъ держать негровъ въ томъ положеніи, въ которомъ они теперь, а другіе хотятъ *поставить ихъ наравнѣ съ нами.*

Искреннее, краснорѣчивое проклятіе, послужившее единственнымъ отвѣтомъ на это любопытное, замѣчательное объясненіе, было самымъ достовѣрнымъ доказательствомъ того, съ какимъ ужасомъ этотъ народъ смотритъ на чудовищное и несправедливое въ его глазахъ равенство черныхъ и бѣлыхъ.

— Странно, промолвилъ Робертъ Эліотъ: — странно, чтобъ наслѣдники тѣхъ людей, которые наполнили всю Европу криками и воплями на переносимыя ими притѣсненія, стали такъ усердно преслѣдовать и угнетать цѣлую расу, не менѣе невинную, хотя, безъ сомнѣнія, болѣе безобидную, чѣмъ ирландцы.

Наши друзья тутъ прибавили шагу, ибо чѣмъ они дальше проникали въ этотъ кварталъ, тѣмъ болѣе и болѣе оскорблялось ихъ зрѣніе и обоняніе. Кучи всякаго рода нечистотъ, гнившихъ на солнцѣ, наполняли воздухъ самыми удушливыми испареніями, а грязный, неопрятный видъ обитателей этихъ трущобъ, шмыгавшихъ взадъ и впередъ по улицамъ, былъ, если можно, еще отвратительнѣе. Стивенъ сгаралъ отъ стыда, видя какое впечатлѣніе произвела на его товарища эта часть великой столицы, и былъ очень

Digitized by Google

счастливъ, когда имъ на встрѣчу попался громадный, грязный омнибусъ, который увезъ ихъ далеко отъ этой мрачной трущобы.

Не нужно пускаться въ глубокія философствованія, чтобы ясно доказать то соотвѣтствіе, которое неминуемо существуетъ между политическимъ и физическимъ развращеніемъ. Покажите каждому здравому мыслителю нѣсколько образцовъ того класса, который господствуетъ въ громадномъ и могущественномъ городѣ Нью-Йоркѣ, и онъ не потребуетъ никакихъ другихъ доказательствъ того, что большинство улицъ и переулковъ этого города такъ же грязно и зловонно, какъ низкая чернь, царящая въ нихъ. Эти люди нетолько не имѣютъ утонченнаго зрѣнія и обонянія, нетолько избираютъ въ офиціальныя должности лицъ, которыя воруютъ деньги, отпускаемыя на городскія нужды, но они положительно были бы несчастны, еслибъ лишились своей удушливой атмосферы. Невѣжество и преступленіе одинаково бѣгутъ отъ свѣта и чистоты; мракъ и грязь имѣютъ для нихъ какую-то непонятную прелесть. Поэтому они, стремясь къ наибольшему счастью наибольшаго числа, подвергаютъ городъ хроническому гнусному состоянію, такъ что въ немъ вездѣ и всюду царитъ мерзость запустѣнія. Дѣти ихъ непремѣнно бросили бы политическіе принципы своихъ отцовъ, еслибъ они, выростая, видѣли вокругъ себя нѣчто чистое, незапятнанное; поэтому подобное состояніе дѣлается политическою необходимостью.

Тѣ же самыя соціальныя условія, которыя поощряютъ разведеніе свиней въ хижинахъ и даже въ каютахъ судовъ, поощряютъ и накопленіе зловонныхъ кучъ и всякого рода нечистотъ на многолюдныхъ улицахъ. Невозможно ожидать, чтобы подобные вкусы измѣнились въ одинъ день. Вѣроятно, родственный имъ запахъ и грязь большихъ городовъ заставляетъ ихъ предпочитать пребываніе въ трущобахъ Нью-Йорка, чѣмъ въ свободныхъ, привольныхъ равнинахъ запада. Чѣмъ болѣе увеличивается число эмигрантовъ, тѣмъ болѣе усиливается и зло, ибо кто можетъ ожидать отъ этихъ почтенныхъ личностей, чтобы онѣ вотировали противъ того, что имъ нравится?

Нью-Йоркъ, построенный на островѣ между двумя широкими рѣками и омываемый морскимъ приливомъ; Нью-Йоркъ, имѣющій въ длину около двѣнадцати миль и въ ширину не менѣе двухъ; Нью-Йоркъ, обладающій такими средствами для дренажа и поддерживанія чистоты, какихъ не можетъ имѣть ни одна столица въ мірѣ—Нью-Йоркъ, несмотря на все это и благодаря единственно постыдному управленію и грабежу чиновниковъ, самый грязный городъ въ образованномъ мірѣ.

Къ чему пустыя слова, если мы не можемъ добиться сущности

Digitized by Google

дѣла? Развѣ мы свободные люди въ Нью-Іоркѣ, когда вѣчно сгибаемъ шею подъ гнетущимъ насъ ярмомъ необразованной, безчестной черни? Развѣ мы любимъ свое отечество, отдавая его на съѣденіе самымъ постыднымъ отверженцамъ всѣхъ націй, отцы которыхъ нетолько не преломили копья въ пользу нашей независимости, но никогда не съумѣли отвоевать свою собственную?

Отворяйте широко свои вороты, сыны Америки, угнетеннымъ, униженнымъ, несчастнымъ всѣхъ странъ и національностей, надѣлите ихъ щедрой рукой отъ вашего избытка. Дозвольте имъ населить ваши необозримыя равнины, обработать ваши поля, развесть скотъ на вашихъ лугахъ. Стройте имъ школы, и какъ можно болѣе, чтобъ ихъ дѣти могли учиться даромъ. Дайте имъ свободу строить свои церкви и синагоги, чтобы всякій могъ молиться какъ привыкъ. Даруйте имъ все это и много еще другого, но не дозволяйте имъ вырвать изъ вашихъ рукъ высшее управленіе страною, прославленное столькими подвигами, трудами и кровью вашихъ отцовъ—управленіе, которое вы обязаны сохранить чистымъ, благороднымъ, незапятнаннымъ. Не дозволяйте имъ похитить тѣ права, которыхъ они нисколько не заслужили и которыя въ ихъ рукахъ приносятъ вамъ только горе, а ихъ развращаютъ. Не дозволяйте этимъ новымъ, необразованнымъ, неопытнымъ дикарямъ, при самомъ выходѣ ихъ на берегъ, властвовать надъ вами, прежде чѣмъ они еще доказали свою способность властвовать надъ собою. Дайте имъ случай поучиться, подумать, пошлите ихъ на благословенный, плодоносный западъ, дайте имъ всѣмъ и каждому въ изобиліи и полей и луговъ, такъ чтобы они въ скорый, но благоразумный срокъ могли достигнуть высшаго развитія и стали бы тогда дѣйствительно достойными того, чтобы быть гражданами отечества свободныхъ людей.

Своей теперешней безумной системой вы нетолько распространяете зло въ настоящую минуту, но готовите еще ужаснѣйшую себѣ пагубу въ будущемъ. Политическое и физическое развращеніе, подобно всякому другому злу, рано или поздно, но неминуемо навлечетъ на себя жестокое возмездіе, котораго не отвратятъ всѣ ваши геніальныя способности, изобрѣтенія, энергія, богатства. Каждое изъ этихъ золъ имѣетъ свою грозную Немезиду; имя первой—Революція, второй—*Зараза* *.

---

* *Примѣчаніе автора.* Простая справедливость требуетъ сказать, что эта глава написана прежде вступленія въ должность теперешняго городского инспектора, который выказалъ удивительную энергію и произвелъ нѣсколько очень полезныхъ реформъ; вообще въ Нью-Іоркѣ произошла такая перемѣна къ лучшему, что мы можемъ смѣло надѣяться, что новая система будетъ такъ же долговѣчна, какъ она неожиданна и нова.

Digitized by Google

Черезъ нѣсколько дней послѣ описанной прогулки, Стивенъ и Эліотъ обѣдали у Вернововъ въ ихъ хорошенькомъ городскомъ домикѣ, и разговоръ коснулся того непріятнаго впечатлѣнія, которое произвели на молодаго англичанина нѣкоторыя части города.

— Вы не должны забывать, воскликнула Грэсъ:—что хотя Парижъ Франція, но Нью-Йоркъ—не Америка.

— Все же, замѣтилъ Эліотъ: — Нью-Йоркъ—столица вашей страны.

— Никогда, отвѣчалъ Вернонъ: — развѣ только въ одномъ извѣстномъ отношеніи, ибо пока Вашингтонъ политическая столица, а Бостонъ ученая и литературная—Нью-Йоркъ можно считать только комерческой столицей союза. И то лишь по большому количеству судовъ, доковъ и торговаго народонаселенія, въ чемъ ему уступаютъ другіе города, имѣющіе не менѣе его значенія.

— Безъ сомнѣнія, Нью-Йоркъ самый не американскій городъ во всей странѣ, воскликнулъ Стивенъ:—во всякомъ случаѣ онъ одинъ дозволяетъ исключительно управлять собою самымъ низкимъ и необразованнымъ иноземцамъ.

— Но, отвѣчалъ съ улыбкой Эліотъ: — развѣ вы не сами въ этомъ виноваты?

— Къ несчастію—да, отвѣчалъ Вернонъ очень серьёзно: — хотя, конечно, количество играетъ преобладающую роль, пока терпятъ общую подачу голосовъ. Главное зло нашей системы состоитъ въ томъ, что меньшинство не имѣетъ никакихъ правъ, которыя большинство было бы обязано уважать. Зло это достигаетъ своихъ крайнихъ предѣловъ, здѣсь, гдѣ въ такомъ избыткѣ живутъ переселенцы. Крупные собственники и землевладѣльцы составляютъ меньшинство, и потому всѣ ихъ права попираются большинствомъ. Они платятъ тяжелые налоги, которые расхищаютъ зловредные люди, назначаемые большинствомъ управлять страной. Образованные люди составляютъ меньшинство, и потому на ихъ права не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія, и, вмѣсто ихъ, отдаютъ предпочтеніе грубымъ и низкимъ представителямъ черни. Впрочемъ, зло это исправимое, отчаяваться нечего, и надо надѣяться, что внутри страны довольно наберется образованныхъ, благоразумныхъ людей, чтобъ перевѣсить развращенное вліяніе городовъ.

— Но вы такъ крѣпко держитесь своей системы, что вообще американцы, кажется, нимало не приготовляются измѣнить ее.

— Мы будемъ принуждены измѣнить ее очень скоро, въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Въ этомъ согласны всѣ умнѣйшіе и

Digitized by Google

дальновидные люди. Между тѣмъ, мы считаемъ, что она принесла много добра. Съ возвышенной, человѣчной точки зрѣнія, нація, точно такъ же какъ частный человѣкъ, не живетъ и не должна жить для себя одной. Нашъ примѣръ измѣненія и улучшенія въ положеніи массъ, мы увѣрены, имѣлъ полезное вліяніе на весь образованный міръ. Даже еслибъ мы зашли слишкомъ далеко, то и тогда необходимое отступленіе будетъ имѣть своего рода значеніе той же силой примѣра.

— Я не знаю, насколько благоразумна параллель между націями и частными людьми, если ее подвергнуть практическому испытанію; но вы знаете, что въ Англіи, которую нельзя упрекнуть въ неопытности, большинство принимаетъ правиломъ какъ для націй, такъ и для частныхъ людей, изрѣченіе *quieta non movere*. Ваша теорія, безъ сомнѣнія, очень великодушна, но не слишкомъ ли она пахнетъ оптимизмомъ?

— Всякій народъ, который руководствуется идеями и принципами, побуждающими его *вѣчно идти впередъ по пути истины и добра*, долженъ быть въ этомъ смыслѣ оптимистомъ. Исторія его должна состоять изъ быстрыхъ движеній впередъ и отступленій назадъ. Мы надѣемся всегда сдѣлать большее число первыхъ, чѣмъ послѣднихъ, такъ что въ общемъ итогѣ мы всегда будемъ стремиться къ лучшему и возвышенному. Мы предполагаемъ образовать всѣхъ, и такимъ образомъ добиться, чтобы постоянно возрастало число людей, которыхъ чувства и интересы будутъ побуждать ихъ къ добру и истинѣ.

— Подобная политика, какъ она ни благородна въ отвлеченномъ отношеніи, навряд-ли заслужитъ одобренія тѣхъ, чей интересъ и безопасность требуютъ сохраненіе существующаго порядка вещей. Она, конечно, не привлечетъ къ Америкѣ сочувствіе другихъ государствъ.

— То-есть правительствъ, это—правда, но за то ей будутъ сочувствовать всѣ народы вселенной, и если политика эта, какъ мы увѣрены, справедлива, то благодѣтельная цѣль будетъ достигнута, ибо хорошій народъ всегда въ концѣ концовъ выработаетъ себѣ хорошее правительство. Я не думаю, чтобы основатели республики считали ультра-демократію лучшимъ средствомъ удовлетворенія всѣхъ интересовъ ихъ соотечественниковъ; но, быть можетъ, ни они, ни все человѣчество, не успокоились бы прежде, чѣмъ опытъ былъ сдѣланъ, и теперь наша главная забота и желаніе—чтобъ этотъ опытъ не стоилъ намъ слишкомъ дорого.

Вскорѣ разговоръ принялъ болѣе легкій характеръ и маленькое общество разошлось на отдѣльныя группы. Оливеръ Вернонъ пус-

Digitized by Google

тился въ длинныя разсужденія съ Эліотомъ о предстоящемъ его путешествіи по внутренности Америки, а Стивенъ, отведя Грэсъ въ сторону, разсказалъ ей о своихъ подозрѣніяхъ на счетъ Кэрикуда, и о возможности потерять состояніе, что только возбудило удивленіе со стороны молодой дѣвушки, непонимавшей какъ можно убиваться о такихъ пустякахъ; кромѣ этого, они имѣли многое что сказать другъ другу, ибо Стивенъ рѣшился проводить Эліота на Ніагару, а быть можетъ и далѣе, слѣдовательно имъ предстояла довольно продолжительная разлука.

Позже вечеромъ занялись и музыкой. Элинора пѣла, и никто кромѣ нея не зналъ, что много пройдетъ времени, прежде чѣмъ опять ея голосъ раздастся въ средѣ этого счастливаго семейнаго кружка. Эліотъ помѣстился подлѣ фортепьянъ, чтобы переворачивать страницы, но въ сущности, съ тайной цѣлью выѣдать еще кое-что о состояніи чувствъ, питаемыхъ молодой дѣвушкой къ Кутберту Бойнтону, ибо сцена въ оперѣ почти совершенно его убѣдила, что она отвѣчаетъ взаимностью на пламенную любовь южанина, и что ихъ разлучала только какая-нибудь пустая ссора, что такъ часто случается между влюбленными. Если это было дѣйствительно такъ, то онъ рѣшился употребить всѣ свои старанія чтобъ примирить ихъ, но для этого ему нужно было добиться чего нибудь болѣе опредѣленнаго отъ Элиноры. Она же, казалось, поняла его тайное намѣреніе, краснѣла всякій разъ, когда онъ намекалъ о Кутбертѣ Бойнтонѣ, и старательно избѣгала дать ему случай возобновить разговоръ; она и то уже въ театрѣ слишкомъ откровенно выразилась и, по ея мнѣнію, слишкомъ далеко зашла. Однако, во время пѣнія, онъ улучилъ удобную минуту и вполголоса спросилъ:

— Вы не имѣете никакого другаго порученія, ничего?

— Ничего, кромѣ того, что я уже сказала, отвѣчала Элинора шопотомъ, и какъ бы ни въ чемъ не бывало, продолжала пѣть.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Муниципальные выборы во Франціи, значеніе всеобщей подачи голосовъ и участіе въ выборахъ рабочихъ классовъ.

Время и опытъ должны были убѣдить правительства и народы, что въ настоящее время задача управленія государствомъ заключается не столько въ умѣніи вести внѣшнюю политику, сколько въ умѣніи развивать внутреннія силы страны. Теперь приходятъ къ сознанію, что для блага народовъ недостаточно еще имѣть искусныхъ дипломатовъ, которые опутывали бы другъ друга, что постройка панцырныхъ судовъ, литье усовершенствованныхъ пушекъ и побѣды, купленныя кровопролитными сраженіями, не создаютъ вещественнаго довольства народовъ и не обезпечиваютъ ихъ нравственнаго и умственнаго прогреса. Теперь начинаютъ понимать, что задача правительствъ, имѣющихъ цѣлью не внѣшній блескъ, но существенную пользу, должна состоять въ томъ, чтобы содѣйствовать развитію тѣхъ средствъ, которыми можетъ располагать страна, усиленію кредита и расширенію гражданскихъ правъ націи. Такая политическая програма, поддерживая всеобщій миръ въ Европѣ, устраняетъ бѣдственныя для нея военныя столкновенія и дѣлаетъ народы соперниками не на бранномъ полѣ, гдѣ они ослабляютъ и истребляютъ другъ друга, но соперниками на поприщѣ торговли, промышлености и разныхъ общеполезныхъ предпріятій, гдѣ люди, безъ взаимной политической непріязни, поддерживаютъ другъ друга и укрѣпляютъ силы націи.

Нельзя не согласиться, что съ конца XVII столѣтія, французская политика принималась въ Европѣ за образецъ, достойный подражанія, и что въ случаѣ неудобства или невозможности подражать ей, она все-таки оказывала громадное вліяніе на образъ дѣйствій европейскихъ правительствъ какъ внутри, такъ и внѣ государства. Едва-ли, однако, подражаніе въ этихъ случаяхъ доходило когда-либо до такой степени, до какой доходитъ оно въ

Digitized by Google

настоящее время. Система дѣйствій императора Наполеона III болѣе или менѣе замѣтно усвоивается всѣми правительствами Западной Европы, преимущественно въ отношеніи внутреннихъ распорядковъ, такъ-какъ другія государства во многихъ случаяхъ не имѣютъ возможности слѣдовать внѣшней политики Франціи. Между тѣмъ политика императора Наполеона, составляя какъ-бы переходъ отъ прежнихъ порядковъ къ новымъ, представляетъ разительную двойственность. Императорское правительство, развивая военныя силы Франціи и употребляя ихъ въ дѣло, такъ какъ оно находитъ это нужнымъ, твердитъ о близкомъ всеобщемъ мирѣ; въ то же время заботясь о внутреннемъ строѣ имперіи, гораздо болѣе, нежели заботились объ этомъ всѣ предшествовавшія правительства Франціи, оно безразсчетливо тратитъ государственную казну. Оно очень хорошо понимаетъ, что для него главной точкой опоры должны быть не столько успѣхи внѣшней политики, сколько возможность располагать, по своему усмотрѣнію, внутренними силами государства. Конечно, въ виду всего этого, можетъ идти рѣчь о томъ, до какой степени полезна такая политика для самой Франціи и какое вліяніе оказываетъ она на политическій и соціальный бытъ Европы. Здѣсь можно также заговорить о принципахъ императорской политики вообще и объ ихъ примѣненіяхъ какъ къ Франціи, такъ и къ внѣшнимъ политическимъ обстоятельствамъ, но мы считаемъ излишнимъ останавливаться теперь на этихъ предметахъ и перейдемъ прямо къ происходившимъ во Франціи муниципальнымъ выборамъ, какъ къ событію, имѣющему значеніе нетолько для Франціи, но и вообще для началъ народнаго представительства въ Европѣ.

Муниципальные выборы во Франціи показали, что основы народнаго представительства лежатъ нетолько въ томъ участіи, которое могутъ принимать народные представители въ общихъ политическихъ вопросахъ, но и въ томъ, которое предоставлено имъ по дѣламъ общиннаго самоуправленія. Въ прежнее время на обстоятельство это обращали весьма мало вниманія. Французы стремились распоряжаться общими государственными дѣлами, забывая, что у нихъ на рукахъ есть другіе, ближайшіе къ нимъ интересы, и что пока не упрочены эти интересы и не ограждены отъ произвола правительственныхъ агентовъ, народное представительство не можетъ свободно и съ полною увѣренностію располагать наличными силами Франціи. Составляя опозицію противъ правительства, французы думали о томъ, чтобы составить ее въ Парижѣ, въ законодательномъ корпусѣ, упуская изъ виду, что депутаты въ центральномъ собраніи будутъ безсильны, если ихъ не будутъ поддерживать провинціи. Для успѣшнаго развитія центральной опозиціи необходимо было основать ее на опозиціи муниципальныхъ представительствъ, и до какой бы степени ни была слаба и ничтожна такая опозиція въ отдѣльныхъ пунктахъ, все же она въ общей своей совокупности должна была представлять силу, болѣе или менѣе про-

Digitized by Google

тиводѣйствующую во имя цѣлой націи. Мы полагаемъ, что при настоящихъ муниципальныхъ выборахъ, мысль эта высказалась довольно ясно и что, безъ всякаго сомнѣнія, результаты этихъ выборовъ отразятся чувствительно при предстоящихъ выборахъ въ депутаты законодательнаго корпуса. При нынѣшнемъ порядкѣ дѣлъ во Франціи, весьма было важно противодѣйствіе официальнымъ кандидатурамъ и предпочтеніе имъ опозиціонныхъ. Оказавъ такое противодѣйствіе при муниципальныхъ выборахъ, французы, по всей вѣроятности, попытаются сдѣлать то же самое и при выборѣ депутатовъ и тогда, конечно, законодательный корпусъ, усилившись значительнымъ числомъ опозиціонныхъ депутатовъ, получитъ большее значеніе, какъ собраніе народныхъ представителей.

Наполеонъ III, утвердивъ вторую имперію, подавилъ опозицію, достигнувшую во Франціи такого сильнаго развитія въ правленіе Луи-Филиппа. Когда, въ маѣ 1863 года, результатомъ общихъ выборовъ въ члены законодательнаго корпуса оказалось увеличеніе числа опозиціонныхъ депутатовъ съ пяти на тридцать-пять, тогда событіе это было принято, какъ фактъ, доказывавшій развитіе опозиціоннаго духа во Франціи. Поклонники народнаго представительства во Франціи пришли въ неописанный восторгъ, воображая, что немедленно за появленіемъ новыхъ тридцати опозиціонныхъ депутатовъ, прежія въ законодательномъ корпусѣ получатъ тотъ самостоятельный характеръ, который былъ отнятъ у нихъ при учрежденіи имперіи. Тогда въ средѣ недовольныхъ имперіею явилась надежда на парламентскую борьбу, которая, по ихъ мнѣнію, легко могла кончиться однимъ изъ политическихъ кризисовъ, испытанныхъ Франціею вслѣдствіе такой борьбы. Надежды эти не сбылись, однако: на сторонѣ правительства было болѣе 250 депутатовъ и, кромѣ того, опозиціонные депутаты не могли разсчитывать на поддержку въ провинціяхъ, такъ-какъ тамъ не оказывалось никакихъ опозиціонныхъ стремленій.

Между тѣмъ хотя усилившаяся въ законодательномъ корпусѣ опозиція не вызвала ни ожесточенной борьбы, ни кризиса, тѣмъ не менѣе, однако, она не прошла безслѣдно. Появленіе тридцати новыхъ опозиціонныхъ депутатовъ было чувствительно въ законодательномъ корпусѣ, который, будучи прежде собраніемъ послушнымъ и крайне сговорчивымъ съ правительствомъ, сталъ обнаруживать, при участіи новыхъ депутатовъ, нѣкоторую самостоятельность. Хвалебныя рѣчи правительству и безусловное одобреніе всѣхъ его мѣръ и дѣлаемыхъ имъ предположеній сдѣлались рѣже. Къ заговорившимъ смѣло опозиціоннымъ депутатамъ стали примыкать порою и правительственные депутаты, такъ что опозиція сдѣлала нѣкоторые успѣхи среди лицъ, прежде несочувствовавшихъ ей вовсе или, по крайней-мѣрѣ, непозволявшихъ себѣ выражать подобнаго сочувствія на словахъ. При такомъ положеніи дѣлъ въ законодательномъ корпусѣ, настало время муниципальныхъ выборовъ, то-есть избраніе членовъ муниципаль-

Digitized by Google

ныхъ совѣтовъ, завѣдывающихъ, какъ извѣстно, во всей Франціи, исключая Парижа и Ліона, мѣстными дѣлами большихъ и малыхъ городовъ. Мы уже имѣли случай говорить однажды о значеніи этихъ учрежденій. Замѣтимъ теперь, что до настоящаго времени личный составъ этихъ совѣтовъ былъ лишенъ вовсе оппозиціонныхъ стремленій, а въ силу ихъ организаціи бо́льшая часть постановляемыхъ ими рѣшеній зависѣла отъ прямаго или косвеннаго вмѣшательства префектовъ и меровъ. Кромѣ того, въ муниципальныхъ совѣтахъ засѣдали въ огромномъ большинствѣ члены, указанные избирателямъ отъ самаго правительства. При этомъ, кажется, нужно будетъ замѣтить существенную разницу между условіями народнаго избирательства въ Англіи и во Франціи. Мы уже видѣли, что на выборы членовъ въ нижнюю англійскую палату имѣютъ огромное вліяніе лорды и комонеры, то-есть члены этой палаты; они льстятъ избирателямъ и всякими неправдами пріобрѣтаютъ ихъ голоса или въ свою собственную пользу или въ пользу своихъ кліентовъ, между тѣмъ великобританское правительство держится въ этомъ случаѣ въ сторонѣ и не стремится вовсе получить какое-либо вліяніе на избирательные голоса. Во Франціи это дѣло выходитъ наоборотъ: такъ происки частныхъ лицъ при выборахъ какъ въ муниципальные совѣты, такъ и въ законодательный корпусъ не въ большомъ ходу, но за то правительство участвуетъ въ этомъ нисколько не стѣсняясь. Министръ внутреннихъ дѣлъ и префекты въ своихъ циркулярахъ прямо предлагаютъ избирателямъ такого кандидата, который, по ихъ мнѣнію, наиболѣе преданъ правительству, и своимъ офиціальнымъ участіемъ стараются отстранить отъ кандидатуры такихъ лицъ, которыя, какъ они полагаютъ, не совсѣмъ благопріятствуютъ существующему нынѣ во Франціи порядку. Такая система дѣйствій до сихъ поръ какъ нельзя болѣе удавалась императорскому правительству. Оппозиціонные кандидаты сами устранялись отъ выборовъ, предвидя, что имъ приходится бороться не столько съ избирателями, сколько съ офиціальнымъ вліяніемъ центральной и мѣстной власти. Они понимали если не опасность, то всю неловкость своего положенія, когда на нихъ, при усиліяхъ съ ихъ стороны сдѣлаться депутатами, будетъ указано правительствомъ какъ на людей неблагонадежныхъ, недоброжелательствующихъ имперіи и императорской династіи, а потому они предпочитали не являться въ качествѣ кандидатовъ.

Впрочемъ, такое вмѣшательство правительства въ выборы было не совсѣмъ удобно и для него самаго. Указываемый имъ кандидатъ являлся какъ-бы агентъ правительства, и если терпѣлъ неудачу на выборахъ, то такая неудача ближайшимъ образомъ относилась не къ нему лично, а къ правительству, которое съ своей стороны рекомендовало его избирателямъ, какъ человѣка достойнаго вступить въ ряды представителей великой націи. Извѣстно, что французы уважаютъ только то правительство, которое на каждомъ шагу обнаруживаетъ могущество, между тѣмъ

Digitized by Google

пораженіе правительственныхъ кандидатовъ на выборахъ убѣждало Францію, что правительство ея вовсе не до такой степени сильно, чтобы ему нельзя было противодѣйствовать въ извѣстныхъ случаяхъ. Оно же со своей стороны поняло щекотливость своего положенія при возраждающейся опозиціи въ законодательномъ корпусѣ, отразившейся и на муниципальныхъ выборахъ. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, нынѣшній министръ внутреннихъ дѣлъ, маркизъ Лавалетъ, принялъ, въ отношеніи муниципальныхъ выборовъ, систему, противоположную той, которой держался предшественникъ его, герцогъ Персиньи, чрезмѣрно хлопотавшій объ успѣхѣ правительственныхъ кандидатовъ. Маркизъ Лавалетъ передъ началомъ выборовъ заявилъ, что правительство предоставляетъ избирателямъ полную свободу съ тѣмъ только, чтобы при выборахъ не были возбуждаемы вопросы, имѣющіе политическое значеніе.

При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ нынѣ находится Франція, и при безотвѣтственности министровъ передъ націей, ихъ нельзя считать непосредственными распорядителями дѣлъ и нельзя думать, чтобъ они строго сообразовались съ общественнымъ мнѣніемъ, которое руководило бы образомъ ихъ дѣйствій. Тѣмъ не менѣе, однако, нельзя не согласиться, что общіе выборы 1863 г. и происходившіе затѣмъ частные выборы, доставившіе почти всюду, гдѣ только они производились, побѣду опозиціи, показывали ясно, что нельзя было ожидать отъ муниципальныхъ выборовъ прежнихъ благопріятныхъ для правительства результатовъ. Императоръ Наполеонъ и ближайшіе его сотрудники по управленію Франціей могли предвидѣть заранѣе, что опозиціонный элементъ значительно усилится при новомъ составѣ муниципальныхъ совѣтовъ, тѣмъ болѣе, что самъ императоръ въ своей тронной рѣчи, при началѣ нынѣшней законодательной сессіи, высказалъ одно обѣщаніе, которое въ значительной степени должно было возбудить энергію опозиціи и ея усиліе—увидѣть большинство своихъ членовъ въ муниципальныхъ совѣтахъ. Правительство могло предчувствовать, что въ эти совѣты, при новыхъ выборахъ, попадутъ такія лица, которыя за званіе муниципальнаго совѣтника не захотятъ платить безусловною покорностію въ исполненіи всѣхъ желаній высшей администраціи въ ущербъ интересамъ своихъ избирателей. Въ то же время было понятно, что усилившаяся въ провинціяхъ опозиція будетъ служить поддержкою опозиціи при выборѣ депутатовъ въ законодательный корпусъ и, слѣдовательно, что она болѣе или менѣе отразится въ центральномъ представительствѣ націи.

Французскія общины, подавленныя съ учрежденія второй имперіи, получили иное значеніе, нежели то, какое онѣ имѣли при Луи-Филиппѣ, когда онѣ были истинными представительницами мѣстныхъ интересовъ. Онѣ при императорѣ Наполеонѣ утратили принадлежавшее имъ право избирать меровъ, такъ-какъ министры внутреннихъ дѣлъ, вслѣдствіе разныхъ политическихъ соображе-

Digitized by Google

ній, стали назначать меровъ по собственному усмотрѣнію не изъ числа муниципальныхъ совѣтниковъ. Мы уже не говоримъ здѣсь объ управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ при генералѣ Эспинасѣ, поставившимъ гражданское управленіе Франціи на военную ногу. Образъ дѣйствій его преемниковъ въ сущности отличался весьма немногимъ отъ системы генерала Эспинаса, хотя и былъ прикрываемъ болѣе либеральными оттѣнками. Между тѣмъ понятно, что такой способъ назначенія лицъ, долженствующихъ завѣдывать дѣлами общинъ по праву избранія, не могъ быть пріятенъ общинамъ. Чиновники-меры, чуждые интересамъ управляемой ими мѣстности, не внушали къ себѣ ни довѣрія, ни сочувствія общинъ. Оппозиція поняла всю ненормальность такого порядка, и потому назначеніе меровъ изъ членовъ муниципальныхъ совѣтовъ сдѣлалось однимъ изъ постоянныхъ и настойчивыхъ ея требованій. Императоръ Наполеонъ нашелъ, что сохраненіе такого порядка, наперекоръ требованію оппозиціи, вовлечетъ его правительство въ борьбу съ нею, и въ виду этого онъ пообѣщалъ въ своей тронной рѣчи, что правительство будетъ преимущественно выбирать меровъ изъ муниципальныхъ совѣтовъ. Конечно, такое обѣщаніе не возстановляло еще правъ общинъ во всей ихъ полнотѣ, тѣмъ не менѣе оно показало готовность императора сдѣлать нѣкоторое снисхожденіе, и это обстоятельство должно было возбудить въ оппозиціи надежду достигнуть болѣе значительныхъ уступокъ.

Маркизъ Лавалетъ понялъ, что при этихъ условіяхъ нельзя держаться прежней системы выборовъ и волей-неволей долженъ былъ измѣнить ее. Онъ отстранилъ офиціальное вмѣшательство правительства въ муниципальные выборы, не желая видѣть пораженіе офиціальныхъ кандидатуръ, такъ-какъ подобное пораженіе могло значительно ослабить обаяніе господствующей надъ Франціей власти.

Обыкновенно случается, что когда высшее начальство вдругъ измѣняетъ обыкновенную систему своихъ дѣйствій, то подвѣдомственныя ему власти дѣлаются ревностными исполнителями новыхъ порядковъ и усердствуютъ чрезъ мѣру. Это самое случилось и во Франціи. Многіе префекты нетолько поняли буквально циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, но и постарались выказаться самыми ревностными исполнителями его предписанія. Свое прежнее усердіе по вмѣшательству въ выборы они перенесли на освобожденіе ихъ отъ всякаго правительственнаго вліянія и оставили въ сторонѣ тѣ происки, которыми сопровождалось прежде ихъ офиціальное вмѣшательство въ ходъ выборовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, нѣкоторые изъ нихъ прибѣгли къ средству, примиравшему достоинство правительства съ оппозиціоннымъ направленіемъ общинъ: въ списки правительственныхъ кандидатовъ были помѣщены тѣ же самыя лица, которыхъ поддерживала оппозиція, такъ что избиратели, подавая голосъ въ пользу оппозиціонныхъ кандидатовъ, въ то же время подавали ихъ и въ пользу кандидатовъ

Digitized by Google

офиціальныхъ. Такимъ образомъ обѣ стороны должны были остаться довольны выборами: правительство тѣмъ, что представленные имъ кандидаты не были отвергнуты; избиратели тѣмъ—что они помѣстили въ число членовъ муниципальныхъ совѣтовъ такихъ лицъ, которыя принадлежатъ къ опозиціи. Само собою, впрочемъ, разумѣется, что эта хитрость сдѣлалась извѣстна во Франціи, а обнародованіе поименныхъ списковъ избранныхъ лицъ покажетъ, къ какой сторонѣ принадлежатъ преимущественно представители общинъ: къ сторонѣ ли правительства, или къ сторонѣ опозиціи?

Не вникая въ сущность дѣла, французы могутъ удовольствоваться видимостію, тѣмъ болѣе, что для утѣшенія ихъ самолюбія, въ циркулярѣ маркиза Лавалета, по случаю окончанія выборовъ, явилась весьма громкая фраза, а именно, что на выборахъ «нѣтъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ.»

Въ циркулярѣ этомъ говорится, что правительство, вѣрное начертанному себѣ правилу, старалось повсюду соблюсти правильность и искренность подачи голосовъ, и что всякій разъ, когда возникали сомнительные вопросы, оно, не колеблясь, рѣшало ихъ въ смыслѣ самого широкого пользованія избирательнымъ правомъ, такъ что граждане имѣли полную возможность повсюду съ полной независимостью выставлять своихъ кандидатовъ, составлять свои избирательные списки, раздавать свои бюллетени; повсюду—добавляетъ циркуляръ—избирателямъ были предоставлены всѣ удобства, ненарушающія уваженія къ закону.

О ходѣ выборовъ министръ внутреннихъ дѣлъ отзывается самымъ благопріятнымъ образомъ. Франція, по словамъ маркиза Лавалета, своимъ поведеніемъ и своими избраніями оправдала законныя надежды правительства. Выборы происходили съ спокойствіемъ, достойнымъ удивленія, никакіе безпорядки не вызвали употребленія вооруженной силы для обезпеченія правъ закона, или для защиты мирнаго пользованія избирательнымъ правомъ. Далѣе г. Лавалетъ заявляетъ, что правительство имѣетъ полное право радоваться исходу выборовъ, и что оно съ законною гордостью можетъ провозглашать о томъ, что Франція живетъ и движется подъ защитою двухъ, всегда бывшихъ дорогихъ для нея принциповъ — порядка и свободы.

Личныя ощущенія императора по поводу выборовъ не забыты въ циркулярѣ министра. Тамъ сказано, что сердце императора глубоко тронуто тѣмъ обстоятельствомъ, что внѣшнее спокойствіе, которымъ ознаменовались выборы, было только наружнымъ выраженіемъ чувства соглашенія, бывшаго, если разсматривать выборы въ общей ихъ сложности, отличительнымъ характеромъ этого событія.

Министръ внутреннихъ дѣлъ выставляетъ въ своемъ циркулярѣ на видъ еще и то обстоятельство, что избирательная борьба не выходила изъ сферы муниципальныхъ интересовъ, и что, не-

Digitized by Google

смотря на нѣкоторыя частныя разногласія, избиратели сближались между собою, предлагали и дѣлали взаимныя уступки, вслѣдствіе которыхъ очень часто люди самыхъ противоположныхъ мнѣній останавливались на одномъ и томъ же спискѣ кандидатовъ. Съ замѣчаніемъ этимъ, конечно, нельзя не согласиться, если принять въ соображеніе упомянутый нами способъ составленія офиціальныхъ кандидатскихъ списковъ.

Какъ на благопріятные для правительства результаты выборовъ г. Лавалетъ указываетъ на то, что въ главныхъ городахъ департаментовъ забалотировали только 8 меровъ, въ главныхъ городахъ округовъ выбрано 233, а забалотировано только 23, въ главныхъ городахъ кантоновъ выбрано 1963 мера, и только 216 не могли собрать нужнаго числа голосовъ. Въ остальныхъ частяхъ имперіи, по словамъ министра, пропорція еще благопріятнѣе для правительства. Такимъ образомъ, замѣчаетъ циркуляръ, въ громадномъ большинствѣ общинъ избиратели, сохранивъ или введя меровъ въ число членовъ муниципальнаго совѣта, утвердили въ прошедшемъ и опередили въ будущемъ выборъ правительства.

Циркуляръ г. Лавалета оканчивается слѣдующими строками: примемъ съ одинаковымъ радушіемъ старыхъ и новыхъ избранниковъ: одни изъ нихъ принесутъ къ услугамъ общинныхъ интересовъ уже доказанную опытность; другіе, призванные нести отвѣтственность по дѣламъ общественнымъ, проникнутся обязанностію, которую налагаетъ на нихъ эта отвѣтственность, и консервативными принципами, которые она внушаетъ. Пусть мысль о примиреніи, одушевлявшая выборы, переживетъ ихъ и увѣковѣчится въ муниципальныхъ совѣтникахъ.

Въ заключеніе г. Лавалетъ предлагаетъ префектамъ, чтобъ они пригласили всѣхъ безъ исключенія соединиться для защиты интересовъ общины, представителями которой они дѣлаются отнынѣ, и исполнить, такимъ образомъ, свою обязанность предъ страною и императоромъ.

Выставляя въ такомъ отрадномъ свѣтѣ настоящіе выборы и дѣлая ихъ какимъ-то небывалымъ во Франціи событіемъ, циркуляръ г. Лавалета заставляетъ косвеннымъ образомъ французское правительство сознаться въ томъ, что предшествовавшіе выборы были лишены той свободы и той правильности, которыми они сопровождались нынѣ. Довольно страннымъ должно казаться еще и то обстоятельство, что министръ такъ усердно восхваляетъ невмѣшательство правительства въ выборы представителей общественныхъ интересовъ, какъ будто такое невмѣшательство составляетъ какую-то особенную добродѣтель, а не прямую обязанность каждаго конституціоннаго правительства.

Впрочемъ, не одинъ г. Лавалетъ относится такимъ образомъ къ окончившимся нынѣ во Франціи муниципальнымъ выборамъ. Газета «Constitutionnel» въ этомъ случаѣ идетъ далѣе министра. Она, исчисляя благопріятные результаты ихъ для правительства,

Digitized by Google

восклицаетъ, что никогда еще, ни въ одной странѣ міра не происходило столь свободныхъ выборовъ, какъ настоящіе муниципальные выборы во Франціи. Дни 23 и 24 іюля, продолжаетъ она, составляютъ самый важный и самый дѣйствительный опытъ муниципальной свободы, когда либо допущенной во Франціи.

Другія французскія газеты смотрятъ на выборы не съ такимъ увлеченіемъ. Такъ газета «France», не отвергая, что результаты ихъ были благопріятны для правительства, замѣчаетъ, что въ большей части общинъ были составлены согласительные списки на основаніи взаимныхъ уступокъ и сдѣлокъ между избирателями. Въ заключеніе своихъ замѣтокъ о выборахъ, газета «France» выражаетъ надежду, что отнынѣ правительство не будетъ назначать меровъ не изъ числа муниципальныхъ совѣтниковъ.

Газета «Presse», пользуясь отзывомъ г. Лавалета о ходѣ и результатѣ выборовъ, выводитъ изъ этого отзыва то заключеніе, что страна, въ которой, по сознанію самаго правительства, господствуетъ такой удивительный порядокъ, созрѣла для того, чтобъ пользоваться той свободой, которой она завидуетъ въ Англіи, Бельгіи, Голландіи, Италіи и Швейцаріи, гдѣ предоставлена свобода прессѣ, сходкамъ и ассоціаціямъ—этимъ тремъ необходимымъ условіямъ для пользованія свободою при подачѣ избирательныхъ голосовъ. Газета «Opinion Nationale» замѣчаетъ, что въ большемъ числѣ мѣстностей либеральный и демократическій элементы взяли перевѣсъ въ составѣ муниципальныхъ совѣтовъ надъ элементомъ, представлявшимъ исключительно консервативныя и ретроградныя начала. Правительство, однако, замѣчаетъ упомянутая газета, не испугалось такого дѣйствія; министръ радуется этому, видя въ этомъ духъ примиренія и сближенія партій во имя общей пользы. «Opinion Nationale» въ словахъ г. Лавалета «объ усиленіи новаго элемента въ муниципальныхъ совѣтахъ», видитъ признаніе со стороны министра того факта, что либеральныя стремленія одержали верхъ. «Gazette de France», поздравляя г. Лавалета съ тѣмъ, что послѣдній его циркуляръ достоинъ перваго, проситъ его распоряженія о томъ, чтобы были напечатаны подробныя свѣдѣнія о подачѣ голосовъ во всѣхъ общинахъ съ означеніемъ фамилій прежнихъ и новыхъ муниципальныхъ совѣтниковъ. Само собою разумѣется, что такія свѣдѣнія лучше всего опредѣлятъ степень успѣха выборовъ какъ для правительства, такъ и для оппозиціи. Газета «Patrie» замѣчаетъ, что послѣ полемики о выборахъ болѣе оживленной, нежели были оживлены сами выборы, необходимо узнать то впечатлѣніе, которое вынесло изъ этого дѣла правительство, и находитъ, что впечатлѣніе это чрезвычайно отрадно. Въ циркулярѣ г. Лавалета «Patrie» видитъ тѣ ручательства, которыхъ требуютъ всѣ образованные люди во Франціи для того, чтобъ доставить торжество свободѣ.

Отзывы французской прессы объ утѣшительномъ исходѣ муниципальныхъ выборовъ нашли отголосокъ въ нѣкоторыхъ нѣ-

Digitized by Google

мецкихъ и бельгійскихъ газетахъ. Онѣ признаютъ, что императорское правительство строго воздерживалось отъ вмѣшательства въ происходившіе выборы, не желая препятствовать свободной подачѣ голосовъ, долженствующей служить прямымъ выраженіемъ народной воли. Въ такомъ образѣ дѣйствій правительства онѣ видятъ отреченіе отъ той системы, которая съ 2-го декабря 1852 года господствовала исключительно во всей Франціи и тщательно предписывала центральной и мѣстнымъ властямъ слѣдить за ходомъ общественныхъ выборовъ. Англійскія газеты, а между ними и «Times», находятъ, что французское правительство при настоящихъ выборахъ дѣйствовало либерально, но онѣ сомнѣваются въ прочности такой системы, а «Times» спрашиваетъ, между прочимъ, намѣрено ли правительство поступить такимъ образомъ и при предстоящихъ выборахъ въ члены законодательнаго корпуса, или оно оказало свое невмѣшательство только въ отношеніи муниципальныхъ выборовъ, неимѣющихъ прямаго политическаго значенія? Побѣдный же кликъ правительства на счетъ выборовъ «Times» считаетъ уловкой, посредствомъ которой хотятъ озадачить Францію и Европу и отвлечь вниманіе французовъ отъ многочисленныхъ и знаменательныхъ успѣховъ, одержанныхъ оппозиціей.

Неизлишнимъ будетъ обратить вниманіе и на слѣдующее обстоятельство. Во многихъ департаментахъ заявляются теперь протесты противъ незаконности происходившихъ выборовъ. Такъ въ настоящее время сдѣлались извѣстны злоупотребленія, допущенныя въ городѣ Турѣ. Бывшій меръ этого города, съ ловкостью опытнаго фокусника, подмѣнивалъ билетиками, ловко спрятанными между пальцами, билетики, на коихъ были написаны имена лицъ, избираемыхъ оппозиціей. Подобный случай не былъ, впрочемъ, исключеніемъ. Особенно много жалобъ на дѣйствія правительственныхъ агентовъ слышится въ Эльзасѣ. Противозаконныя уловки правительственныхъ кандидатовъ были довольно разнообразны. Такъ меръ городка Сарлате въ Дордонскомъ департаментѣ запасся ящикомъ съ двойнымъ дномъ и, при помощи этой штуки, было заранѣе обезпечено его вторичное избраніе, такъ-что онъ могъ смѣяться изподтишка надъ враждебными заявленіями своихъ избирателей; но они какимъ-то образомъ узнали эту тайну, и теперь это дѣло передано на разсмотрѣніе императорскаго прокурора. Конечно, послѣ заявленій, сдѣланныхъ передъ выборами г. Лавалетомъ, въ подобныхъ продѣлкахъ нельзя прямо обвинить правительство, и какъ мы замѣтили, многіе префекты, понявъ буквально циркуляръ своего начальника, дѣйствительно предоставляли полную свободу избирателямъ. Здѣсь можно только замѣтить, что правительство виновато въ томъ, что въ прежнее время оно допускало мѣстныхъ администраторовъ дѣйствовать безнаказанно въ ущербъ свободной подачи голосовъ, такъ-что это вошло уже въ привычку его агентовъ, отъ которой имъ нелегко отстать.

Digitized by Google

Вообще надобно сказать, что при окончившихся выборахъ перевѣсъ въ большихъ городахъ оказался на сторонѣ опозиціи. На сельское населеніе оказало вліяніе сельское духовенство. Въ настоящемъ случаѣ повторилось то, чему встрѣчалось немало примѣровъ во французской исторіи, а именно, что эта часть духовенства, ища для себя поддержки въ либеральномъ правительствѣ противъ гнета со стороны епископовъ, оказалась на сторонѣ императора, несмотря на его политику въ отношеніи къ папскому престолу. Епископы по большей части легитимисты и ультрамонтаны, между тѣмъ, какъ сельское духовенство, держась стороны императора и принциповъ галиканской церкви, составляло, пользуясь выборами, своего рода опозицію противъ ближайшей къ нему духовной власти.

Мы уже замѣтили, что французская пресса отзывалась о выборѣ въ томъ тонѣ, въ какомъ выразилось на счетъ ихъ само правительство, но оно при этомъ воспользовалось случаемъ напомнить о томъ, что Франція достойна большей политической свободы, нежели та, которая ей предоставлена въ настоящую пору. Теперь изъ Парижа въ «National-Zeitung» сообщаютъ слухъ о томъ, что императоръ, по возвращеніи изъ Пломбьера, удивитъ Францію предоставленіемъ ей болѣе широкихъ политическихъ правъ и вольностей. Слухъ этотъ до такой степени распространился, что парижскія газеты сочли необходимымъ упомянуть о немъ, какъ о ложномъ, по ихъ мнѣнію, слухѣ. Между тѣмъ положительно говорятъ, что правительство намѣрено возстановить конституцію VIII года республики (1799 года). Тогдашняя палата была то, что нынѣ носитъ названіе законодательнаго корпуса. Она составляла переходъ отъ трибуната къ государственному совѣту. Сверхъ того въ главѣ палаты стоялъ охранительный сенатъ (sénat conservateur). Въ палатѣ находилось 300 членовъ, которые обсуживали законы и, не принимая участія въ преніяхъ, они только подавали голосъ за или противъ предлагаемаго закона. Въ трибунатѣ числилось 100 членовъ, служившихъ представителями либеральнаго и оповиціоннаго направленія. Члены трибуната обсуживали законы и разсуждали, слѣдуетъ ли проектъ того или другого закона внести на разсмотрѣніе палаты? Когда же проектъ вносился въ палату, то его поддерживали тамъ трое членовъ трибуната. Государственный совѣтъ исполнялъ въ то время тѣ же самыя обязанности, которыя онъ несетъ и нынѣ. Сенатъ, состоявшій изъ ста членовъ, наблюдалъ только за тѣмъ, чтобы всѣ дѣйствія трибуната и палаты были согласны съ конституціей. Основой тогдашней конституціи была всеобщая подача голосовъ — система, къ которой идетъ и нынѣшнее правительство Франціи. Несмотря, однако, на это, упомянутыя учрежденія не представляли много либеральныхъ началъ, такъ-что ничего нѣтъ мудренаго, что въ виду этого, императоръ Наполеонъ можетъ возвратиться къ конституціи первой французской республики. Безъ всякаго сомнѣнія, такой понятный шагъ

Digitized by Google

будетъ казаться для Франціи громаднымъ шагомъ къ «увѣнчанію зданія». Тогда преданія республики сольются съ системой имперіи, а между тѣмъ императорская власть въ сущности не потеряетъ ничего, такъ-что это будетъ для нея и эфектно и удобно.

Собственно весь либеральный прогресъ Франціи при настоящихъ выборахъ—о которомъ такъ усердно трубитъ французская официальная, а отчасти даже и независимая пресса—ограничивается только бо̀льшимъ участіемъ страны въ муниципальныхъ выборахъ, нежели прежде, когда только пятая доля избирателей подавала свои голоса. Со стороны же правительства едва-ли была сдѣлана существенная уступка для бо̀льшаго развитія политической свободы посредствомъ самостоятельности муниципальныхъ учрежденій. Нельзя сомнѣваться, что какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ Франціи преобладаетъ исключительно могучая воля одного человѣка, совершившаго четырнадцать лѣтъ тому назадъ коренной переворотъ въ судьбѣ французской націи. Для того, чтобъ императоръ сдѣлалъ націи существенныя уступки, необходима грозная для правительства опозиція, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нынѣшнее правительство не допуститъ, чтобъ во Франціи составилась подобная опозиція, и такъ или иначе постарается предотвратить ее. Дѣйствуя съ большою политическою проницательностію, оно допустило французовъ порадоваться опозиціи, составившейся въ муниципальныхъ совѣтахъ, но конечно при выборѣ депутатовъ въ законодательный корпусъ позаботится пресѣчь опозиціонныя стремленія.

Въ рукахъ императорскаго правительства есть одно весьма важное, пущенное имъ въ ходъ средство, которымъ оно, подъ прикрытіемъ либерализма и демократіи, можетъ очень хорошо располагать въ свою пользу. Мы говоримъ о всеобщей подачѣ голосовъ. Однимъ изъ отличительныхъ качествъ въ образѣ дѣйствій нынѣшняго французскаго правительства, должно признать загадочность многихъ предпринимаемыхъ имъ мѣръ; къ числу такихъ мѣръ относится и всеобщая подача голосовъ при выборахъ. Останавливаясь на этомъ предметѣ, газета «Times» говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: мы можемъ легко понять, что государь, на долю котораго выпало спасти Францію отъ столкновенія революціонныхъ страстей и возстановить силу власти и порядка, можетъ въ началѣ своего правленія и до тѣхъ поръ, пока власть его не упрочится окончательно, смотрѣть съ недовѣріемъ и нѣкоторымъ враждебнымъ чувствомъ на всѣ виды выраженія народной воли. Еще легче можемъ мы себѣ представить, что человѣкъ, столь близко знакомый съ исторіей, законами и учрежденіями разныхъ странъ, въ душѣ своей не довѣряетъ всеобщей подачѣ голосовъ и опасается ея, хотя онъ и обязанъ ей удержаніемъ полученной имъ власти. По замѣчанію газеты «Times», императоръ Наполеонъ первоначально вовсе не желалъ допустить всеобщую подачу голосовъ, онъ даже далъ-было свое

Digitized by Google

согласіе на ограниченіе избирательнаго права, и только необходимость употребить всѣ средства къ преодолѣнію его противниковъ, заставила его возвратиться къ этому невѣрному и опасному оружію.

Въ виду составившейся нынѣ въ муниципальныхъ совѣтахъ опозиціи, нельзя сказать, чтобъ эта система оказалась слишкомъ благопріятной для правительства, и если правительство хвалится тѣмъ, что всеобщая подача голосовъ совершилась такъ спокойно, то и опозиція, въ свою очередь, имѣетъ право хвалиться тѣмъ, что она взяла перевѣсъ надъ правительствомъ при всеобщей подачѣ голосовъ, увеличившей число избирателей до 8-ми мильоновъ. Опозиція, съ своей стороны, въ благопріятномъ для нея исходѣ выборовъ можетъ видѣть выраженіе воли французской націи.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, никто во Франціи не допускалъ возможности ввести всеобщую подачу голосовъ. Глубокомысленные французскіе политики того времени считали такую систему вотированія утопіей, и г. Гизо торжественно возглашалъ съ трибуны, что Франція никогда не достигнетъ этого. Произошла февральская революція. Среди всеобщаго замѣшательства, смѣлые теоретики предложили обратиться ко всеобщей подачѣ голосовъ, и этимъ способомъ было составлено учредительное собраніе 1848 года. При переходѣ верховной власти надъ Франціей въ руки президента республики Луи Бонапарте, онъ былъ расположенъ смотрѣть на этотъ способъ заявленія народной воли не какъ на упроченный порядокъ, но какъ на средство, которымъ можно воспользоваться въ извѣстномъ случаѣ. Понимая, что иногда нетрудно направить толпу къ желанной цѣли, онъ въ то же время сознавалъ, что иной разъ толпа можетъ оказать противодѣйствіе тому, кто хочетъ быть ея вожатаемъ. Наполеонъ предвидѣлъ, что имперія, съ ея обольстительными для французовъ воспоминаніями, придется по вкусу націи, и потому при вопросѣ о возстановленіи ея, допустилъ всеобщую подачу голосовъ. Въ послѣдующее время, онъ не желалъ обращаться къ этой мѣрѣ, держа ее какъ запасное средство, которымъ можно было, при удобномъ случаѣ, расшевелить народное самолюбіе французовъ, олицетворивъ въ всеобщей подачѣ голосовъ волю націи, свободно располагающей своими судьбами. Послѣ неудачъ, испытанныхъ французской политикой внѣ государства, и при отсутствіи такихъ событій, которыя привлекли бы къ себѣ вниманіе націи, наступила пора пустить въ ходъ это запасное средство, и всеобщая подача голосовъ была допущена при муниципальныхъ выборахъ, но надъ ней тяготѣла правительственная опека, и можно сказать, что она производилась исключительно въ пользу правительственныхъ кандидатовъ, такъ что Франція могла понять все ничтожество такой свободы, существовавшей только на словахъ и неимѣвшей практическаго приложенія. Только при послѣднихъ выборахъ система эта получила нѣкоторую самостоятельность.

Digitized by Google

По этому поводу французскія газеты, склоняющіяся на сторону правительства, запѣли хвалебный гимнъ всеобщей подачи голосовъ, необманувшей довѣрія императора къ націи. Такъ онѣ заявляютъ, что этотъ порядокъ съ каждыми выборами все глубже и глубже проникаетъ въ нравы французскаго народа, что всеобщая подача голосовъ, не заключая въ себѣ ничего враждебнаго правительству, дѣлаетъ націю независимой, что она даетъ возможность избирать людей, къ которымъ народъ имѣетъ сочувствіе, и отстранять тѣхъ, которые не приходятся ему по сердцу, и что все это совершается въ порядкѣ, въ спокойствіи, въ духѣ примиренія, такъ что такому ходу дѣлъ долженъ выразить уваженіе весь міръ, а вмѣстѣ съ нимъ и правительство и оппозиція.

Изъ всего этого газета «Opinion Nationale» дѣлаетъ два слѣдующихъ вывода:

Вопервыхъ — говоритъ она — если всеобщая подача голосовъ все глубже и глубже проникаетъ въ нравы народа, если эта система упрочилась и стремится дѣйствовать самостоятельно, то очевидно, что никто не долженъ уклоняться отъ всемогущаго ея дѣйствія, и что первая обязанность каждаго не льстить этой господствующей силѣ, но просвѣщать и направлять ее, оберегая ее отъ вліянія со стороны невѣжества и страстей. Нужно чтобъ просвѣщеніе проникло во всѣ умы, чтобъ образованіе сдѣлалось общею потребностію, чтобъ уровень его былъ поднятъ; нужно рѣшиться для этого на всѣ пожертвованія.

Вовторыхъ, нѣтъ никакихъ основаній не предоставить странѣ, гдѣ участвуютъ въ выборахъ отъ 8 до 10 милліоновъ избирателей, и гдѣ выборы происходятъ безъ малѣйшаго нарушенія порядка, тѣхъ либеральныхъ учрежденій, которыми пользуются народы, окружающіе Францію, располагающіе своей свободой съ меньшимъ спокойствіемъ и съ меньшею умѣренностію. Франція — говоритъ въ заключеніе «Opinion Nationale» — достигла той степени политической зрѣлости, которой нельзя не признать за нею; она наслаждается полнымъ спокойствіемъ, она хочетъ болѣе свободы, и при каждомъ случаѣ умѣетъ благоразумно пользоваться ею. Чего же еще ждать? Во имя какого интереса или какого принципа станутъ держать ее, относительно политической свободы, ниже, нежели сосѣдніе съ нею народы? Такое положеніе тягостно для ея самолюбія и, можно сказать, ничѣмъ не оправдывается въ настоящее время.

Вообще надобно замѣтить, что циркуляръ г. Лавалета о поведеніи Франціи во время выборовъ, происходившихъ посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, далъ поводъ независимой французской прессѣ напоминать о безотлагательномъ «увѣнчаніи зданія».

«Свобода, которой требуетъ Франція, и которой она ожидаетъ отъ правительства, не должна быть — говоритъ газета «Opinion Nationale» — наружной декораціей, удовольствіемъ соціальной

Digitized by Google

жизни, она составляетъ существенную потребность, ею обусловливается развитіе талантовъ и въ особенности нравовъ — этой великой силы, этого перваго богатства націи, этого живаго растенія, которое не прозябаетъ и не развивается, какъ только на открытомъ воздухѣ, на сильной почвѣ, и которое подъ гнетомъ непогодъ дѣлается въ состояніи бороться съ ними и презирать ихъ. Нынѣ Франція показала, что она нетолько хочетъ свободы, но и достойна ея. Она находится въ новомъ положеніи, и невозможно, чтобъ это положеніе ускользнуло отъ внимательнаго взгляда власти».

Что касается положенія рабочаго класса во Франціи, весьма многочисленнаго и принимавшаго поэтому, при всеобщей подачѣ голосовъ, значительную степень участія въ выборахъ, то о немъ, по поводу этого, можно замѣтить слѣдующее. Люди этого класса составляли теперь изъ себя избирательные комитеты и во многихъ городахъ ремесленники являлись кандидатами. Это напомнило прежній порядокъ, когда рабочіе классы принимали самое дѣятельное участіе въ муниципальныхъ учрежденіяхъ, изъ которыхъ они, по введеніи избирательнаго ценза, были вытѣснены богатой буржуазіей. Настоящему обороту дѣлъ способствовало, конечно, право всеобщей подачи голосовъ, и это явленіе было своего рода опозиціей противъ того класса населенія, которое главнымъ образомъ поддерживаетъ существующій нынѣ во Франціи порядокъ.

Нельзя думать, чтобы правительство благосклонно взглянуло на это. Такъ надобно думать, судя по тѣмъ успѣхамъ, которыя дѣлало оно съ цѣлью отдалить рабочіе классы отъ участія въ политикѣ. Доказательствомъ тому могутъ служить преслѣдованія правительствомъ такихъ журналовъ, которые хотѣли пробудить въ рабочихъ классахъ сознаніе политическихъ правъ. Такъ запрещенъ весьма скромный журналъ, издававшійся для ремесленниковъ подъ названіемъ «Tribune ouvrière», а между тѣмъ допускалось распространеніе среди этого класса самыхъ безнравственныхъ сочиненій, нетолько не подвергая ихъ преслѣдованію, но даже освобождая такія сочиненія отъ штемпельной пошлины.

При происходившихъ выборахъ, приверженцы правительственной системы пытались-было направить рабочіе классы противъ опозиціи. Такъ въ Марсели явилось воззваніе, въ которомъ говорилось, что програма дѣйствій опозиціонной партіи, упоминающая объ «экономіи», есть не что иное, какъ програма войны противъ рабочаго класса. Экономія, проповѣдываемая опозиціей— говорилось въ этомъ воззваніи—влечетъ за собою остановку работъ и задержку заработной платы, она вырываетъ хлѣбъ у рабочаго и его семейства, она грозитъ бѣдностью всѣмъ живущимъ трудами своихъ рукъ, и разрушеніемъ всѣхъ промысловъ, требующихъ работы.

Въ заключеніе воззванія, рабочіе классы Марселя приглашались противодѣйствовать «экономической» опозиціи, направленной про-

Digitized by Google

тивъ нихъ, ихъ семействъ, ихъ заработной платы, и ихъ насущнаго хлѣба.

На это дикое воззваніе, марсельскіе избиратели отвѣчали слѣдующимъ объявленіемъ:

«Слѣдуетъ избрать тридцать-шесть муниципальныхъ совѣтниковъ. Избрано двадцать оппозиціонныхъ кандидатовъ, и только восемь изъ лицъ, внесенныхъ въ муниципальный списокъ. Остается избрать восемь совѣтниковъ, и мы надѣемся, что Марсель при выборѣ ихъ докажетъ, что въ стѣнахъ его торжествуетъ свобода.»

Почти то же самое было и въ Тулузѣ. Тамъ также явилось воззваніе, въ которомъ, послѣ упоминанія объ упадкѣ промышленности и торговли, было сказано слѣдующее: предъ нами лежатъ два пути; подумаемъ, и подадимъ наши голоса сообразно съ нашими интересами. Съ одной стороны передъ нами правительство, съ другой — оппозиція.

Что̀ такое правительство?

Оно состоитъ изъ людей положительно честныхъ, высоко-поставленныхъ въ обществѣ; люди эти хотятъ порядка, а вмѣстѣ съ нимъ и развитія труда; они хотятъ немедленно проложенія большихъ улицъ, и это доставитъ 20,000,000 въ кассу рабочихъ, которые въ свою очередь обратятъ ихъ на торговыя и промышленныя предпріятія. Если правительство восторжествуетъ — что̀, впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, то завтра молотъ рабочаго отплатитъ клеветникамъ, разрушивъ и построивъ вновь великолѣпныя отели, которые увеличатъ блескъ Тулузы, и привлекутъ въ нее огромное число путешественниковъ, доставляющихъ поживу магазинамъ и конторамъ. Если же правительство не восторжествуетъ, то довольство замѣнится бѣдностію, и 20,000,000 уйдутъ въ пользу городовъ болѣе благоразумныхъ.

Обращаясь къ опредѣленію оппозиціи, объявленіе говоритъ, что и она состоитъ изъ людей честныхъ и благородныхъ, и большею частью благонамѣренныхъ, но что люди эти одушевлены дурными чувствами, истекающими изъ оскорбленнаго самолюбія, неудовлетвореннаго тщеславія и несбыточныхъ мечтаній. Люди эти, по словамъ воззванія, выражаютъ особенное желаніе препятствовать проложенію новыхъ улицъ, подъ болѣе или менѣе ничтожными предлогами, враждебными для рабочихъ.

Воззваніе это тоже не имѣло успѣха, и изъ общаго числа членовъ муниципальнаго совѣта только трое были избраны изъ муниципальныхъ списковъ, тогда какъ кандидаты оппозиціи получили огромное большинство голосовъ.

Digitized by Google

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ.

Мозгъ и мысль, г. Жане.—Объ отсутствіи оконечностей въ нервной системѣ, г. Биля.—Превращеніе темной теплоты въ свѣтлую, г. Тиндаля.—Обугливаніе дерева, употребляемаго на постройку французскихъ военныхъ судовъ.—Способъ изготовленія сухихъ цвѣтовъ. — Двухсаженный великанъ древняго міра.

Во 2-й іюльской книжкѣ «Revue des deux mondes» напечатано окончаніе статьи г. Жане «Мозгъ и мысль». Этотъ отдѣлъ ея интересенъ и полонъ самъ по себѣ, независимо отъ первой части, съ которою соединяется онъ только единствомъ главной мысли. Авторъ говоритъ въ немъ о сумасшествіи, о размѣщеніи въ головномъ мозгу органовъ проявленія души и о мозговомъ механизмѣ. Молешотъ сказалъ: «Нѣтъ мысли безъ фосфора». Эта ипотеза такъ пришлась по вкусу матеріалистамъ, что фосфоръ объявили они нетолько главнымъ агентомъ умственныхъ способностей, но даже отождествили его съ самой идеею души. Фейербахъ, опираясь на эту проблему, совѣтовалъ нѣмцамъ бросить картофель и замѣнить его гороховымъ пюре, потому что въ горохѣ гораздо больше фосфору. Этой перемѣною пищи надѣялся онъ возвысить духовныя силы своихъ соотечественниковъ, въ которыхъ замѣчалъ упадокъ. Едва-ли причиною заблужденія не былъ мемуаръ химика Курба. Онъ увѣрялъ, что мозгъ обыкновенныхъ людей содержитъ два съ половиною процента фосфора, тогда какъ у идіотовъ его вдвое меньше, а у сумасшедшихъ, напротивъ, вдвое болѣе».

Отсюда выводилось заключеніе, что какъ недостатокъ, такъ и избытокъ фосфора вредятъ той удивительной гармоніи мозговыхъ отправленій, которую спиритуалисты называютъ душею. Противники г. Курба ссылались на рыбъ, неотличающихся, конечно, особеннымъ глубокомысліемъ, тогда какъ мозгъ ихъ очень богатъ фосфоромъ. Впослѣдствіи Ласень и Фреми рѣшительно опровергли мнѣніе Курба, доказавъ несостоятельность его теоріи точнѣйшими опытами. Нѣтъ сомнѣнія, что химическій составъ головного мозга имѣетъ вліяніе на проявленіе умственныхъ силъ, но было бы очень неосновательно сливать понятія о душѣ съ его составными частями. Г. Эскироль, одинъ изъ величайшихъ авторитетовъ въ области изученія умственныхъ болѣзней и патологіи головнаго мозга, говоритъ, что всѣ органическія поврежденія, находимыя у лишенныхъ ума, находятся также и въ

Digitized by Google

трупахъ людей, умершихъ безъ малѣйшаго разстройства умственныхъ способностей. Мало того, мозгъ сумасшедшихъ не имѣетъ по большей части никакихъ видимыхъ слѣдовъ органическаго поврежденія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда постигшая ихъ болѣзнь была очень продолжительна. Наконецъ, какъ объяснить случаи внезапнаго выздоровленія, если предположить, что умопомѣшательство зависитъ отъ болѣзненнаго состоянія физическихъ органовъ, которое не можетъ, конечно, уничтожиться въ одну минуту? Лёре, посвятившій себя исключительно изученію умственныхъ недуговъ, доказываетъ положительно, на основаніи цѣлаго ряда опытовъ, что поврежденіе мозговыхъ органовъ встрѣчается у сумасшедшихъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣшательство ихъ было соединено съ разстройствомъ чувствованія и движенія. Если же, напротивъ, у паціента находился въ ненормальномъ состояніи только умъ, то мозгъ его не имѣетъ ни малѣйшихъ признаковъ поврежденія. Г. Ферю замѣтилъ ему, что нельзя заключать объ отсутствіи органическихъ поврежденій головного мозга потому только, что медики не находятъ ихъ. Поврежденія все-таки могутъ быть, хотя и не удалось еще до сихъ поръ подмѣтить ихъ. На это замѣчаніе Лёре отвѣчалъ очень основательно: «Конечно, я не долженъ отвергать возможности существованія поврежденій потому только, что они не открыты мною, однако же ничто не даетъ мнѣ права утверждать, что они существуютъ дѣйствительно, если я не нахожу ихъ. Когда мозгъ умалишеннаго кажется мнѣ здоровымъ органомъ, я не скажу заодно съ г. Ферю, что это больной мозгъ; во мнѣ останется сомнѣніе до тѣхъ поръ, пока не будетъ открыта истина». Но какими бы физическими признаками ни сопровождалось сумасшествіе, оно все-таки остается явленіемъ чисто-психологическимъ. Медики хорошо знаютъ это, потому что какъ скоро дойдетъ дѣло до характеристическаго опредѣленія помѣшательства, они обращаются къ психологіи. Докторъ Бальярже видитъ въ немъ «автоматизмъ ума». Каждый изъ насъ знаетъ по собственному опыту, что въ головѣ являются иногда бѣглыя, случайныя мысли, нарушающія послѣдовательность мышленія. Но мы однакоже можемъ не поддаваться имъ, удалить ихъ и продолжать прерванный актъ разумно-мыслящей дѣятельности, или по крайней-мѣрѣ, отдавшись на произволъ мечтательности, сознавать, что мы фантазируемъ. При сумасшествіи же, напротивъ, человѣкъ не въ состояніи ни прервать произвольнаго хода мыслей, которыя сами собою являются другъ за другомъ, ни сознавать своего увлеченія ими. Потому-то г. Бальярже говоритъ, что при умопомѣшательствѣ человѣкъ лишается силы, контролирующей дѣйствія его мыслящей способности, которая работаетъ автоматически, безъ участія его личнаго сознанія въ процессѣ мышленія. Нетолько опредѣленіе умопомѣшательства, но даже различныя класификаціи его медики основываютъ на психологіи. Грусть, меланхолія, восторгъ, мечтательность—словомъ, вся тер-

Digitized by Google

минологія, употребляемая въ нихъ сочиненіяхъ по этой части, не имѣетъ ничего общаго съ физіологіею — она чисто-психологическая. Но если при разстройствѣ умственныхъ способностей мозгъ остается невреднымъ, то стало быть, вопервыхъ, душа должна составлять по своей природѣ нѣчто совершенно отдѣльное отъ него, и, вовторыхъ, болѣзнь, извѣстная подъ именемъ сумасшествія, должна относиться исключительно къ душѣ. Матеріалисты, недопускающіе мысли объ отдѣленіи души отъ головного мозга, требовали, чтобы имъ было показано пальцемъ то мѣсто, гдѣ сидитъ душа. Но на подобный вопросъ можно отвѣтить дюжиною вопросовъ, не выходя изъ круга физической природы, и не получить на нихъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Мало ли чего не знаемъ мы, и на что не въ состояніи указать пальцемъ даже съ такой общей точностью, какъ магнитная стрѣлка. Какъ опредѣлить, напримѣръ, гдѣ оконéчности или предѣлы какого-нибудь нерва, если въ нервной системѣ дѣйствительно нѣтъ концовъ? Бывая больны, мы часто не можемъ указать съ точностью, гдѣ находится больное мѣсто. Наконецъ, такъ-какъ вдыханіе кислорода и выдыханіе углекислоты производятся нетолько легкими, но всей поверхностью нашего тѣла, то слѣдовательно мы не въ силахъ задержать ихъ ни на одно мгновеніе. Если же необходимо-соединенное съ этими процесами превращеніе нашего тѣла въ газъ не прекращается ни на одинъ мигъ, то, говоря строго, мы никогда не можемъ, стало быть, очертить съ математической вѣрностью пространства, которое занимаемъ въ окружающей насъ средѣ всѣмъ своимъ тѣломъ. Мы беремъ изъ атмосферы причину своего разложенія и въ то же время отдаемъ ей продуктъ его. Матеріальная связь между тѣломъ и окружающей его средою неразрывна. Гдѣ же мы, не душою, но всей массою своей физической природы?... Мы сами для себя загадка. Процесъ растительной жизни нашего собственнаго тѣла совершается нетолько не по нашей волѣ, но даже безъ участія нашего сознанія, по законамъ, которыхъ мы и понять-то хорошенько не можемъ. Очень многіе изъ вопросовъ: какъ? гдѣ?, относящіеся исключительно къ нашей физической природѣ, остаются безъ отвѣта. Что же мудренаго, если, зная очень плохо жизнь и природу своего тѣла, мы не очень-то много основательныхъ свѣдѣній имѣемъ и о своей душѣ? Нѣкоторые спиритуалисты, какъ, напримѣръ, Альбертъ Лемуань въ своемъ «Aliéné», поддерживаютъ ипотезу о физіологическомъ характерѣ помѣшательства, основываясь на томъ, что оно есть болѣзнь, а душа не можетъ быть больною. Но тутъ слово «болѣзнь» употребляется въ переносномъ смыслѣ, то-есть въ значеніи не физической боли души, но утраты ею своего нормальнаго состоянія. Безуміе есть положительное разстройство мыслящей способности. Назовите этотъ безпорядокъ какъ угодно, но если душа мыслитъ и чувствуетъ ненормально, то почему же не назвать ее больною, по аналогіи съ тѣломъ? Лемуань ссылается на физическія при-

Digitized by Google

чины помѣшательства: на сотрясеніе мозга при паденіи, на разврат, на пьянство и т. д. Но есть же и другія причины: домашнія огорченія, несчастная любовь, обманутое честолюбіе. Лемуань предвидѣлъ это возраженіе, и потому постарался заранѣе опровергнуть его. Нравственныя волненія начинаются — говоритъ онъ — дѣйствительно въ душѣ, но они тревожатъ тотчасъ же физическіе органы, возмущенное состояніе которыхъ и есть прямая причина сумасшествія. Очевидно, что нравственныя причины уподобляются здѣсь опьяненію, которое поражаетъ самосознаніе не прежде, какъ произведя вредное вліяніе на головной мозгъ. Жане не отвергаетъ хорошей стороны этой теоріи, но признаетъ ее очень сложною. «Я узнаю—говоритъ онъ—о смерти своего друга. Это извѣстіе производитъ анормальное сотрясеніе въ моемъ мозгу, вслѣдствіе котораго я чувствую горесть. Отсюда надобно было бы заключить, что чувство сожалѣнія, вызванное непріятной вѣстью, было въ дѣйствительности только результатомъ головной боли». Вообще онъ противъ гипотезъ, обращающихъ человѣка въ какую-то машину. Онъ говоритъ, что физіологическія условія сумасшествія извѣстны такъ же мало, какъ и всѣ вообще физическія условія мышленія, и что положительный опытъ доставилъ слишкомъ мало данныхъ для опредѣленія матеріальнымъ путемъ причинъ и законовъ умственной дѣятельности.

Приступая затѣмъ къ теоріи размѣщенія въ головномъ мозгу органовъ проявленія души, или къ органологіи Галля, авторъ замѣчаетъ, что по этой теоріи общая масса и вѣсъ мозга нисколько не рѣшаютъ вопроса объ умственномъ превосходствѣ людей другъ передъ другомъ, потому что сравнительный излишекъ мозга можетъ принадлежать сильнѣйшему развитію низшихъ по качеству органовъ мысли. Непонятно, какъ могъ Галль прибѣгать къ такимъ вздорнымъ средствамъ для рѣшенія этой чрезвычайно трудной задачи. Онъ приглашалъ къ себѣ рабочихъ и подпаивалъ ихъ для того, чтобы они обнаружили подъ пьяную руку свой настоящій характеръ. Послѣ этого онъ начиналъ ощупывать ихъ черепъ, находилъ на немъ бугорки, и заключалъ по этимъ даннымъ о расположеніи и характерѣ составныхъ частей мозга. Мало этого, онъ основывалъ свои заключенія на бюстахъ извѣстныхъ людей древней исторіи, какъ будто скульпторы обращали особенное вниманіе на неровности черепа. Наконецъ, Галль дошелъ до того, что призвалъ на помощь своей теоріи портреты, и притомъ фантастическіе, напримѣръ, онъ серьёзно разсуждаетъ о портретѣ Моисея. Противъ подробностей френологіи приведено множество положительныхъ доказательствъ, которыя уничтожили совершенно довѣренность къ опытамъ и заключеніямъ Галля. Напримѣръ, органы убійства и разрушенія найдены у овецъ, тогда-какъ напрасно искали ихъ на черепѣ разбойниковъ. Органъ музыки гораздо болѣе развитъ у осла, волка и барана, чѣмъ у соловья и жаворонка. Доказано также, что самая форма черепа не со-

Digitized by Google

отвѣтствуетъ выпуклостямъ мозга, которыя отпечатываются на внутренней, а не на внѣшней поверхности его, и то не всегда. Наконецъ, у барановъ, собакъ и лисицъ мозгъ почти одинаковъ, между тѣмъ, какъ формы черепа очень различны. Галль полагалъ, что органы способностей находятся на поверхности головного мозга, но опыты Флурана доказываютъ, что у животныхъ можно снять довольно толстый слой его сверху, съ боковъ, сзади, спереди, не причиняя никакого вреда ихъ способностямъ. Галль говорилъ, что органы животныхъ, чувственныхъ побужденій находятся въ задней части мозговой массы, тогда-какъ опыты Лёре доказываютъ, что у человѣка, чѣмъ ближе подходитъ онъ къ безсловеснымъ животнымъ, тѣмъ болѣе недостаетъ именно этихъ заднихъ частей. Мы чувствуемъ, конечно, что актъ мышленія совершается у насъ не въ затылкѣ. Но опыты противорѣчатъ и этому сознанію. Лелю находитъ, что передовыя части мозга такъ же развиты у идіотовъ, какъ и у здравомыслящихъ людей. Сверхъ того, многіе патологическіе случаи свидѣтельствуютъ объ однихъ и тѣхъ же послѣдствіяхъ, гдѣ бы ни былъ поврежденъ головной мозгъ, спереди, съ боковъ, или сзади. Френологи объясняютъ болѣзненное состояніе передового мозга при поврежденіи другихъ частей его сочувствіемъ. Но въ такомъ случаѣ, можно было бы заключить и наоборотъ, а г. Лонже доказываетъ, что подобныя ипотезы произведутъ страшную путаницу въ патологической анатоміи. Наконецъ, наука приводитъ въ примѣръ множество фактовъ здороваго состоянія умственныхъ способностей, при поврежденіи передовыхъ частей мозга. Мы сказали, что Флуранъ отнималъ значительную часть его у живыхъ птицъ и кроликовъ, не лишая ихъ при этомъ ни одной способности. Но какъ скоро отнятіе перейдетъ за ту границу, гдѣ бы должна повидимому уничтожиться одна только способность — всѣ онѣ уничтожаются разомъ. Если же операція производится такимъ образомъ, что допускаетъ возможность излеченія, въ такомъ случаѣ, при возстановленіи одной способности, всѣ онѣ возраждаются немедленно. И такъ, все пропадаетъ, и все является разомъ. Въ этомъ фактѣ Флуранъ видитъ физіологическое доказательство единства умственныхъ способностей.

Г. Жане говоритъ довольно подробно о френологіи Галля и объ ученыхъ изслѣдованіяхъ, къ которымъ повлекла его теорія, но довольно, кажется, и этихъ примѣровъ для доказательства, какъ неосновательны предрѣшенія вопроса о взаимной связи между мыслью и мозгомъ—предрѣшенія, хотя и опирающіяся на опытъ, однакоже постоянно опровергаемыя точнѣйшими опытами. Можно, пожалуй, называть съ досады полуидеалистами людей, которые, уважая небезусловно естественныя науки, не увлекаются ипотезами крайняго матеріализма; но серьёзно требовать отъ нихъ довѣренности къ тому, что безпрестанно уничтожаетъ само себя своими собственными противорѣчіями, было бы въ высшей степени несправедливо. Да и могутъ ли быть убѣждены въ вѣрности

Digitized by Google

своего взгляда самые поборники матеріализма, трактующіе о мозгѣ и о душѣ, когда нѣтъ у нихъ положительныхъ доказательствъ для подтвержденія своихъ мыслей, а есть только сомнѣніе въ противномъ и кое-какія данныя для ипотезъ? Ихъ убѣжденіе есть тоже вѣра, и притомъ довольно сложная, потому что они должны, во-первыхъ, вѣрить въ неопровержимость опыта, на которомъ основана ипотеза, и, во-вторыхъ, вѣрить въ неопровержимость самой ипотезы. Мы видимъ, что спеціалисты, производящіе опыты, безпрестанно ошибаются и противорѣчатъ другъ другу, а большинство матеріалистовъ вѣритъ имъ, безъ сомнѣнія, на слово, не умѣя, или не имѣя возможности нисколько поправить, но даже сколько-нибудь угадать ихъ ошибки. Что же касается ипотезъ о матеріальномъ характерѣ души, то могутъ ли онѣ быть проведены раціонально и послѣдовательно, когда всѣ безъ исключенія физіологи сознаются, что головной мозгъ—неразрѣшимая для нихъ загадка? Можетъ ли быть вѣрна мысль о дѣятельности органа, когда отправленія его совершенно неизвѣстны?

Но обратимся къ статьѣ г. Жане. До сихъ поръ шла рѣчь о трудахъ, направленныхъ къ объясненію внѣшней связи между мозгомъ и душою, которые, однакоже, ровно ничего не объясняютъ, потому что еслибы опыты и обнаружили эту связь, то все же мы видѣли бы только отношеніе физическаго органа къ проявляемой имъ способности нашего духа, не понимая, однакоже, какъ совершается самый переходъ отъ матеріальнаго къ нематеріальному, отъ мозга къ мысли. Настоящая наука должна бы, кромѣ анатомическихъ описаній мозга, заключать въ себѣ анализъ его дѣйствій и объяснить, какимъ образомъ достигаютъ эти дѣйствія конечнаго результата, то-есть какъ производятъ они мысль. Нечего и говорить, что такой науки не существуетъ; впрочемъ, это не значитъ, чтобы не было попытокъ создать ее. Особенно извѣстны въ этомъ отношеніи двѣ ипотезы: ипотеза животныхъ или жизненныхъ духовъ (esprits animaux) и ипотеза сотрясенія нервныхъ волоконъ. Первая досталась по наслѣдству отъ древняго міра и была развита Декартомъ и его школою; вторая—изобрѣтена докторомъ Бригсомъ, который училъ анатоміи Ньютона. Впослѣдствіи самъ Ньютонъ, Гартлей и Боне старались соединить обѣ ипотезы, замѣнивъ жизненныхъ духовъ эфиромъ. Это мнѣніе пользуется значительнымъ авторитетомъ въ современной наукѣ. Согласно съ ипотезою жизненныхъ духовъ, нервы признаются трубчатыми волокнами, внутреннія отверстія которыхъ наполнены паромъ, состоящимъ изъ самыхъ тонкихъ частей крови, выдѣляемыхъ мозгомъ. Эти крошечные паровики недоступны для нашихъ изслѣдованій, по причинѣ своихъ микроскопическихъ размѣровъ, и способны къ самымъ разнообразнымъ сочетаніямъ, вслѣдствіе своей чрезвычайной подвижности. Декартъ и Малебраншъ объясняли ими нетолько сокращеніе мышцъ, но память, воображеніе и страсти. Теперь замѣнены они нервной

Digitized by Google

жидкостью. Что касается теоріи сотрясенія, то возраженія противъ нея основывались на томъ, что мозговыя волокна, будучи влажны и мягки, неспособны къ движенію, какое приписывалъ имъ Бригсъ, думавшій, что они натянуты, какъ струны, и сотрясаются сообразно съ ихъ длиною и напряженіемъ. Но если допустить, что они раздѣлены на безконечно-малыя части, погруженныя въ очень тонкую эластическую среду, напримѣръ, въ эфиръ, то нельзя сказать, чтобы сотрясеніе, распространяемое эфиромъ, не могло сообщаться имъ. Впрочемъ, дѣло въ томъ, что опытъ не подтверждаетъ этихъ ипотезъ, отчего и можетъ вѣрить имъ только тотъ, кто способенъ считать положительной истиною всякое умное, нелишенное научнаго колорита предположеніе. Мы ничего, рѣшительно ничего не знаемъ о мозговыхъ отправленіяхъ, о томъ, какъ при помощи мозга дѣлаются мысли. Впрочемъ, допустимъ, что намъ хорошо извѣстна соотвѣтственность между ними и движеніемъ мозга, что же изъ этого? Мы будемъ знать только, что есть два рода взаимно-соединенныхъ явленій, которыя постоянно возбуждаютъ другъ друга, но, однакоже, явленій нисколько нетождественныхъ. Жане допускаетъ, что мысль соединяется съ движеніемъ, но онъ рѣшительно не понимаетъ смысла молешотовской формулы: «мысль есть движеніе». Ему кажется дикимъ смѣшеніе этихъ понятій. «Движеніе—говоритъ онъ—есть нѣчто объективное, внѣшнее, предполагающее физическое тѣло и перемѣну мѣста, занимаемаго имъ въ пространствѣ. Но я не могу представить мысль какимъ-то внѣшнимъ предметомъ, не могу сознать въ душѣ своей ни формы, ни движенія, и потому я не въ состояніи соединить ихъ съ понятіемъ о мысли. Движеніе бываетъ прямолинейное, круговое и т. д. Но мысль? Развѣ можетъ она быть прямолинейною? Она бываетъ ясной или темной, вѣрной или ложною. Но что такое ясное, или темное движеніе? Люди, усвоившіе формулу Молешота, подкрѣпляютъ ее двумя новѣйшими открытіями.— Мы видимъ—говорятъ они—что сотрясеніе эфира переходитъ въ свѣтъ, что теплота обращается въ движеніе, и движеніе—въ теплоту. Стало-быть, если предположить, что движенія головного мозга обращаются въ мысли—эта ипотеза не будетъ заключать въ себѣ противорѣчія.— Но допускающіе такія сравненія не замѣчаютъ, что они доказываютъ то же тѣмъ же (idem per idem). Софизмъ ихъ нетрудно обнаружить. Полагаютъ, что сотрясеніе эфира обращается въ свѣтъ и цвѣтъ, не будучи само по себѣ ни свѣтло, ни цвѣтно. Но при этомъ забывается мнѣніе послѣдователей Картезія, которые доказывали, что слово *свѣтъ* означаетъ двѣ совершенно разныя вещи: вопервыхъ, нѣчто внѣшнее, объективную причину свѣтовыхъ явленій, какова бы ни была она—причину, существованіе которой, независимое отъ нашихъ чувствъ, предшествуетъ имъ, длится во время ихъ и остается, когда исчезнутъ они; вовторыхъ, самое чувство или ощущеніе свѣта, которое существуетъ только въ чувствующемъ

Digitized by Google

предметѣ, и котораго нѣтъ внѣ насъ. Если же вѣрить физикамъ, то эта внѣшняя причина свѣтовыхъ явленій, это нѣчто, существующее при отсутствіи всякаго чувствующаго существа и всякаго дѣйствительнаго чувства, есть не что иное, какъ трепетаніе эластической среды, называемой эфиромъ. И такъ, говоря, что свѣтъ самъ по себѣ есть движеніе, физики поступаютъ основательно. Но самъ по себѣ онъ совсѣмъ не то, что̀ мы называемъ свѣтомъ. До встрѣчи съ зрительнымъ нервомъ чувствующаго предмета онъ—только движеніе. До сихъ поръ нѣтъ метаморфозы. Но вотъ трепетаніе эфира достигаетъ глаза, и при посредствѣ зрительнаго нерва производитъ неизвѣстное дѣйствіе, вслѣдствіе котораго является ощущеніе свѣта. Стало-быть, то, что̀ мы называемъ свѣтомъ, обусловливается необходимо встрѣчею предмета, доступнаго чувству, съ чувствующимъ предметомъ. До явленія въ мірѣ перваго существа, надѣленнаго зрѣніемъ, не было свѣта. Онъ явился только въ то время, когда явилось такое существо. Итакъ, чувственный свѣтъ есть явленіе чисто субъективное; онъ существуетъ только для предметовъ, обладающихъ зрѣніемъ, и только внутри ихъ. Онъ есть сознанное чувство, и потому въ нѣкоторой степени—идея. Понятно теперь, что почувствованный, ощущенный свѣтъ совсѣмъ не то, что̀ внѣшній. Первый находится въ насъ, второй — внѣ насъ; первый есть слѣдствіе нашего сознанія, второй — принадлежность матеріи.—«Но, скажутъ, ощущеніе свѣта есть, по крайней-мѣрѣ, нервный, мозговой фактъ». «Неужели, отвѣчу я, можно не понять, что въ этомъ-то собственно и заключается вопросъ? Безъ сомнѣнія, въ нервахъ и въ мозгу происходитъ нѣчто подобное внѣшнему трепетанію эфира. Однакоже, это движеніе, каково бы ни было оно, не есть еще свѣтъ; оно превратилось въ свѣтъ только въ то время, когда явилось въ мірѣ *я*, и вмѣстѣ съ нимъ сознаваемыя ощущенія. Намъ неизвѣстно, какъ совершается это превращеніе, для объясненія котораго слѣдовало бы опредѣлить положительно способъ метаморфозы матеріальнаго въ нематеріальное. Что касается ипотезы о тождествѣ мысли и движенія, то поводъ къ ней поданъ открытіемъ, доказывающимъ, что теплота переходитъ въ движеніе и наоборотъ. На основаніи этого факта заключали, что и движенія головного мозга должны превращаться въ мысли. Но внѣшняя причина, природа которой неизвѣстна человѣку и которая производитъ на его органы нѣкоторое дѣйствіе, называемое теплотою, только вслѣдствіе производимаго ею ощущенія названа также теплотою, а не потому, что она похожа на производимое ею чувствованіе. Огонь нагорячъ, и ледъ нехолоденъ сами по себѣ; имъ приписываются эти качества только какъ причинамъ, производящимъ такія противоположныя ощущенія. Эта внѣшняя, неизвѣстная намъ причина, называемая теплотою, можетъ при нѣкоторыхъ условіяхъ сдѣлаться недоступною для нашихъ чувствъ и произвести внѣ насъ движеніе. Однако же это нисколько не доказываетъ, чтобы сама она могла

Digitized by Google

превращаться въ нѣчто другое, нисколько несходное съ нею. И такъ, здѣсь нѣтъ ничего, что говорило бы въ пользу ипотезы о превращеніи движенія въ мысль. Сверхъ того, согласно съ наиболѣе распространеннымъ мнѣніемъ, теплота сама по себѣ есть не что иное, какъ движеніе, и физики видятъ въ ней, равно какъ и въ свѣтѣ, только колебаніе невѣсомой жидкости, эфира. Стало быть, теплота, взятая объективно, есть для насъ движеніе, которое становится ощущаемой теплотою только въ чувствующемъ тѣлѣ. Слѣдовательно, чувствуемая теплота, равно какъ и чувствуемый свѣтъ, есть явленіе чисто-внутреннее, субъективное, предполагающее присутствіе — хотя и неразумнаго, философскаго самосознанія, но все же присутствіе сознанія, пропорціональнаго самому ощущенію. Если же объективная теплота сама по себѣ есть уже движеніе, то чему же удивляться, что она производитъ движенія? Тутъ нѣтъ ни малѣйшихъ превращеній... Если же спиритуалисты, отдѣляя мысль отъ тѣла, должны объяснить, какимъ образомъ тѣло дѣйствуетъ на духъ, и духъ на тѣло, то и противникамъ ихъ предстоитъ рѣшить еще труднѣйшій вопросъ, именно: какимъ образомъ тѣло превращается въ духъ? Мысль, какъ бы ни объясняли ее, все же останется духовнымъ явленіемъ, котораго нельзя представить ни въ какой чувственной формѣ. Мыслящая матерія новѣйшихъ матеріалистовъ должна быть необходимо тѣломъ, превращающимся въ духъ. Мнѣ кажется, что люди, способные довольствоваться такой ипотезою, неслишкомъ требовательны.»—Теперь отъ заключеній французскаго мыслителя, обратимся къ новѣйшимъ опытнымъ изслѣдованіямъ англійскихъ ученыхъ авторитетовъ.

— Мы слышимъ безпрестанно, и сами говоримъ: «Нервная болѣзнь, нервы разстроены, какъ пріятно дѣйствуетъ это на нервы» и т. д. Судя по такой популярности нервъ, можно было бы, кажется, думать, что они извѣстны каждому изъ насъ, какъ свои пять пальцевъ, между тѣмъ, это... да это просто terra incognita. Не знаютъ даже положительно, есть ли внутри нервныхъ волоконъ отверстія. Мѣсяца два назадъ, былъ представленъ во французскую академію мемуаръ. Авторъ этого мемуара — фамилію его мы не припомнимъ теперь — описывалъ въ немъ способъ, посредствомъ котораго удалось убѣдиться ему, что нервы — полыя, пустыя внутри волокна. Однакоже, вопросъ этотъ, надъ которымъ трудились очень многіе, остается до сихъ поръ нерѣшеннымъ. Даже тѣ понятія о нервахъ, которыя считаются окончательно установившимися, колеблются нерѣдко въ самомъ основаніи своемъ или ученымъ умозрѣніемъ, или путемъ положительнаго изслѣдованія, опытомъ. Кто сомнѣвался, напримѣръ, что нервы, несмотря на чрезвычайно сложную систему ихъ, имѣютъ болѣе или менѣе развѣтвленныя оконечности, съ одной стороны — въ спинномъ и головномъ мозгу, а съ другой — въ разныхъ органахъ нашего тѣла, которые посредствомъ ихъ соединяются съ мозгомъ? Но вотъ, что говоритъ докторъ Биль, давно уже зани-

Digitized by Google

мающійся практическимъ изученіемъ нервной системы, и очень извѣстный своими трудами по этой части. «Еслибы могло быть доказано, что нервъ исходитъ изъ своего центра, и кончается свободными *окончностями*, или срастается съ мышечной тканью, то мы едва-ли усвоили бы общее мнѣніе, относительно способа дѣйствія нервныхъ центровъ на сокращающіяся ткани такъ же охотно, какъ въ томъ случаѣ, когда было бы доказано, что нервъ просто проходитъ между мускульными волокнами, даже не прикасаясь къ нимъ дѣйствительно, и возвращается къ нормальному центру случайно (eventually), соединяясь съ нимъ, но безъ разрыва общаго нервнаго круга въ какой-либо части его. Опыты повели насъ къ заключенію, что нервы неизмѣнно образуютъ круги, и что у нихъ совсѣмъ нѣтъ концовъ. Мы убѣждены, что нервный механизмъ составляетъ полную систему оборотовъ, и что характеръ его дѣятельности зависитъ скорѣе отъ перемѣнъ въ напряженности тока, проходящаго по нервамъ, нежели отъ ихъ внезапной прерванности и совершенной законченности.» Вотъ результатъ многолѣтнихъ трудовъ чрезвычайно опытнаго и даровитаго спеціалиста. Вѣренъ, или нѣтъ его взглядъ — это рѣшатъ дальнѣйшія изслѣдованія. Ясно только, что нельзя построить прочной науки о душѣ на такихъ шаткихъ подпоркахъ, которыя качаются изъ стороны въ сторону, и наконецъ падаютъ сами собою, не подвергаясь напору никакой посторонней силы. Подобныя фантастическія зданія могутъ существовать только при безусловной вѣрѣ въ прочность ихъ основанія, по крайней-мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока основаніе это выдерживаетъ свою собственную тяжесть. Но послушаемъ, что говоритъ, между прочимъ, объ отношеніи нервныхъ и мозговыхъ отправленій къ дѣятельности нашего духа—другой извѣстнѣйшій авторитетъ въ области естествознанія, г. Тиндаль.

— Современная наука убѣждаетъ насъ несомнѣнными доказательствами, что чувствуемый нами свѣтъ есть внѣ насъ происходящее движеніе. Но такъ-какъ мы не можемъ составить понятія о движеніи, безъ участія въ немъ движущаго тѣла, то г. Тиндаль въ лекціи, прочтенной имъ 16-го мая въ кэмбриджскомъ университетѣ, и теперь изданной, спрашиваетъ: «Что же это за тѣло, которое находится внѣ насъ, и движеніе котораго, сообщаясь нашему зрительному нерву, производитъ свѣтовыя впечатлѣнія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ касается едва-ли не важнѣйшаго изъ физическихъ понятій, которыя когда-либо стремился уяснить себѣ разумъ — понятія о веществѣ, наполняющемъ пространство и механически приспособленномъ къ передачѣ теплоты и свѣта, какъ воздухъ передаетъ звуки. Это вещество называется свѣтоносным эфиромъ. Каждый толчокъ каждаго атома раскаленныхъ тѣлъ производитъ въ немъ волну, которая пробѣгаетъ съ быстротою 186,000 миль въ секунду. Этотъ эфиръ не оканчивается на поверхности глаза. Промежутки, находящіеся между молекулами или микроскопическими частями разныхъ жидкостей, наполнены имъ, и потому

Digitized by Google

волны, произведенныя свѣтящимся тѣломъ, могутъ проникать сквозь влагу, и дѣйствовать на зрительный нервъ, помѣщенный въ задней сторонѣ глаза. Итакъ, ощущеніе свѣта приводится къ сообщенію движенія. До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ чистой механикою, но слѣдующая затѣмъ передача сотрясенія эфирныхъ волнъ сознанію человѣка, *недоступна ученому анализу*. Какъ весло, углубляясь въ воду, производитъ систему волнъ, которыя, расширяясь отъ центра возмущенія воды, колеблютъ, наконецъ, прибрежныя растенія, такъ и потрясенные атомы свѣтящихся тѣлъ производятъ въ окружающемъ ихъ эфирѣ волненія, которыя потрясаютъ наконецъ сѣтчатую оболочку глазного апарата. Сообщенное ей такимъ образомъ движеніе передается съ умѣренной быстротою головному мозгу, гдѣ посредствомъ процеса, котораго *наука не стремится даже объяснить* *, сотрясеніе нервной матеріи переходитъ въ сознаніе свѣтовыхъ впечатлѣній.» Химики говорятъ, что тѣла разлагаются на свои элементарныя части, называемыя атомами, и что эти атомы обладаютъ способностью взаимнаго притяженія, вслѣдствіе котораго они образуютъ, при извѣстныхъ условіяхъ, молекулы. Атомы имѣютъ форму маленькихъ шариковъ; молекулъ составляется изъ соединенія нѣкотораго числа ихъ въ одну групу. Теперь, какъ извѣстно, существуетъ мнѣніе, что теплота тѣлъ есть не что иное, какъ трепещущее движеніе ихъ молекулъ, или атомовъ. Еще Локъ, задолго до нашего времени, высказалъ мысль, что ощущаемая нами теплота тождественна съ движеніемъ въ нагрѣтомъ тѣлѣ. Но атомы или молекулы окружены эфиромъ, который при своемъ колебаніи должны приводить они въ волнообразное движеніе. Тѣла, производящія эти волны, называются *лучеиспускателями*, радіаторами, на томъ основаніи, что лучистая теплота есть въ строгомъ смыслѣ волнообразное движеніе. Волны, образуемыя лучеиспускателемъ, могутъ производить вліяніе на покойныя сравнительно молекулы другаго тѣла, и приводить ихъ въ сотрясеніе. Когда тѣло, получившее ударъ волнъ, усвоиваетъ ихъ движеніе, оно называется *поглотителемъ*, absorber. Если волны эфира, проникая въ тѣла, передаютъ ихъ молекуламъ все свое движеніе, то тѣла эти бываютъ совершенно тусклы, непрозрачны — процесъ поглощенія совершается въ нихъ въ полной мѣрѣ. Напротивъ, когда волнообразное движеніе эфира, проходя сквозь тѣло, не колеблетъ ни одной части его, тогда тѣло бываетъ совершенно прозрачно — тутъ нѣтъ совсѣмъ акта поглощенія. Степени прозрачности и тусклости зависятъ отъ способности физическихъ тѣлъ къ меньшему или большему поглощенію эфирныхъ волнъ. Но такъ-какъ послѣднія бываютъ разныхъ діаметровъ, то опытъ

* Очевидно, что Тиндаль не признаетъ наукою тѣхъ сочиненій, которыя направлены къ рѣшенію вопроса о характерѣ взаимной связи между мозгомъ и душою. Значитъ, онъ относитъ ихъ къ дидактическимъ произведеніямъ, то-есть къ одному изъ видовъ прежней лирической поэзіи.

Digitized by Google

доказываетъ, что иныя волны совершенно поглощаются тѣломъ, другія же, большія, свободно проходятъ сквозь него. Однѣ изъ нихъ могутъ, напримѣръ, возбудить чувство зрѣнія, другія же не въ состояніи сдѣлать этого. Впрочемъ, надобно замѣтить, что это возбужденіе не зависитъ исключительно отъ объема или абсолютнаго напряженія эфирной волны. Вслѣдствіе особеннаго устройства сѣтчатой оболочки глаза, зыбь можетъ произвесть то, чего не въ силахъ сдѣлать волна. «Зрительный нервъ — говоритъ Тиндаль — отвѣчаетъ, подобно музыкальной струнѣ, только созвучнымъ волнамъ, не поддаваясь возбужденію тѣхъ волнъ, періоды колебанія которыхъ не совпадаютъ съ его собственными періодами.» Во время Уильяма Гершеля, было отвергнуто мнѣніе о волнообразномъ распространеніи свѣта. Тогда полагали, что свѣтъ, исходя изъ солнца и другихъ блестящихъ тѣлъ, распространяется въ видѣ прямолинейныхъ радіусовъ. Въ 1800 г. Уильямъ Гершель открылъ, что солнце испускаетъ, кромѣ свѣтлыхъ, также темные лучи, или, другими словами, солнце вмѣстѣ съ волнами, раздражающими оптическій нервъ глазного аппарата, испускаетъ другія волны, неспособныя раздражать этого нерва. Г. Тиндаль приводитъ нѣсколько доказательствъ относительно одновременнаго существованія темныхъ и блестящихъ лучей. Когда нагрѣваютъ какое-нибудь тѣло, оно начинаетъ испускать лучи, прежде нежели раскалится до-бѣла. Впродолженіе періода нагрѣванія, процесъ темной радіаціи переходитъ послѣдовательно всѣ свойственныя ему степени, полное соединеніе которыхъ совершается въ окончательномъ истеченіи свѣта изъ раскаленнаго тѣла. Еслибы земля раскалилась до-бѣла, то темные лучи, испускаемые теперь ею, исходили бы изъ нея и въ то время. Едва-ли даже можно сомнѣваться, чтобы солнечные лучи не были подобны по своему качеству тѣмъ лучамъ, которые испускаетъ по ночамъ наша темная планета. Еслибы солнце изъ своего теперешняго состоянія перешло, напримѣръ, въ физической природѣ Нептуна, то процесъ его охлажденія сопровождался бы полнымъ исчезновеніемъ нѣкоторыхъ лучей и уменьшеніемъ напряженности остальныхъ. Темные лучи, которые испускало бы оно при постепенномъ ослабленіи его блеска, испускаются имъ и теперь, вмѣстѣ съ производящими свѣтъ лучами. Г. Тиндаль занимался преимущественно изслѣдованіемъ темныхъ лучей, и въ его лекціи описано дѣйствіе паровъ и газовъ на лучистую теплоту и ея вліяніе на земную температуру, изслѣдована углекислота, выдыхаемая человѣкомъ, и указаны способы опредѣлять ея количество посредствомъ производимаго ею дѣйствія на лучистую теплоту, изложенъ методъ процѣживанія или фильтраціи солнечныхъ лучей и электрическаго свѣта — методъ, посредствомъ котораго можно отдѣлять почти совершенно свѣтлые лучи отъ темныхъ. Замѣчательно, что всѣ элементарные металлоиды бываютъ при нѣкоторыхъ условіяхъ чрезвычайно прозрачны для темнаго истеченія теплоты, тогда какъ многіе изъ

Digitized by Google

нихъ въ высшей степени тусклы для свѣтлыхъ волнъ эфира. Это свойство принадлежитъ особенно іоду. Если пропустить лучи сквозь растворъ его, то всѣ производящія свѣтъ волны солнца или электричества сообщатъ движеніе молекуламъ этого раствора и, поглотясь ими, исчезнутъ, тогда какъ темныя волны пройдутъ между атомами іода почти такъ же свободно, какъ въ пустомъ пространствѣ. Сосредоточивая посредствомъ выпуклаго стекла или зеркала лучи солнца или электрическаго свѣта, мы получимъ въ фокусѣ чрезвычайно яркое изображеніе самого источника лучей. Но помѣстивъ между фокусомъ и источникомъ іодовый растворъ, мы совершенно пресѣчемъ свѣтлыя волны, тогда какъ невыносимый жаръ, чувствуемый рукою въ фокусѣ, будетъ доказывать, что незримыя тепловыя волны все еще пропускаются. Извѣстно, какъ ярко горятъ при сильномъ токѣ два заостренные угля, замыкающіе гальваническую цѣпь. Однакоже, при встрѣчѣ съ растворомъ іода, яркіе лучи этого огня совершенно уничтожаются, но темные, незримые, имѣющіе въ девять разъ болѣе тепловаго напряженія, остаются, и только особенное устройство сѣтчатой оболочки глаза не позволяетъ намъ видѣть ихъ. Эти лучи могутъ дѣйствовать на предметъ зимою, въ холодной комнатѣ, не согрѣвая воздуха, потому что онъ не поглощаетъ тепловыхъ лучей или волнъ, которыя, стало быть, распространяются только въ эфирѣ. Но какъ скоро помѣщается въ фокусѣ тѣло, способное поглощать эфирное движеніе, напримѣръ, пластинка платины или очищеннаго угля, то незримая теплота обращается мгновенно въ свѣтъ, и на пластинкѣ отражаются ярко-блестящія оконечности обоихъ углей. Теплоту этого незримаго фокуса можно довесть до такой высокой температуры, что она раскалитъ до-бѣла тѣло, подверженное ея дѣйствію. Итакъ, изъ глубочайшаго мрака можно извлекать всѣ цвѣта солнечнаго спектра. Посреди совершенно темной комнаты, на значительномъ разстояніи отъ источника тепла, можетъ находиться мѣсто, гдѣ воздухъ холоденъ какъ ледъ, но гдѣ однакоже нетолько бумага или дерево, но даже многіе металы могутъ горѣть яркимъ пламенемъ. Г. Ранкейнъ разсуждалъ о лучахъ солнца и другихъ неподвижныхъ звѣздъ, отражающихся въ пространствѣ и образующихъ столь напряженные фокусы, что планета, попавъ на одинъ изъ нихъ, должна бы улетучиться. Теперь надобно прибавить, что свѣтлые лучи не въ состояніи произвести такого дѣйствія. Фокусъ этотъ долженъ быть совершенно теменъ, пока планета, попавшая на него, не обратится въ ослѣпительно блестящее солнце.

— Поверхностное обугливаніе дерева, какъ предохранительное средство противъ гнилости, давно уже употребляется въ незначительныхъ размѣрахъ. Практическая польза заключается въ томъ, что на деревѣ образуется угольный слой, пропитанный эмпиревматическими маслами и креозотомъ, которые спасаютъ его отъ разрушенія. Около двухъ лѣтъ назадъ, г. Лапаранъ предлагалъ примѣнить обугливаніе къ брусьямъ, употребляемымъ на постройку

Digitized by Google

французскихъ кораблей. Опыты, произведенные для оцѣнки практичности этого способа, оказались въ пользу проекта, и теперь морское министерство предписало примѣнить обугливаніе къ французскимъ военнымъ судамъ. Г. Лапаранъ употребляетъ паяльную трубку, при помощи которой огонь дѣйствуетъ поочередно на всѣ части дерева съ большей или меньшей силою, смотря по тому, какъ будетъ надобно. Способъ этотъ приложимъ ко всѣмъ видамъ деревянныхъ издѣлій, и обугливаніе не уничтожаетъ сдѣланныхъ на нихъ украшеній.

— Съ недавняго времени въ лондонскихъ магазинахъ стали продавать сушеные цвѣты, сохранившіе очень хорошо форму и природный колоритъ свой. Въ «Journal of the Society of Arts» описанъ способъ изготовленія сухихъ цвѣтовъ. Согрѣваютъ въ желѣзномъ горшкѣ сухой песокъ, просѣянный сквозь сито и тщательно перемѣшанный съ стеариномъ, котораго должно быть въ немъ не болѣе двухсотой доли, то-есть не больше одного золотника стеарину на двѣсти золотниковъ песку. Потомъ берутъ открытый сверху и снизу глиняный горшокъ, накрываютъ сперва верхнее отверстіе довольно частой металлической сѣткою, а потомъ крышкою и, опрокинувши его вмѣстѣ съ ними, кладутъ осторожно сквозь нижнее отверстіе на металлическую сѣтку цвѣты. Вслѣдъ затѣмъ сыплютъ на нихъ неторопливо песокъ до тѣхъ поръ, пока будутъ они совершенно закрыты имъ. Предупредивъ такимъ образомъ соприкосновеніе лепестковъ другъ съ другомъ, горшокъ этотъ, съ пескомъ и съ цвѣтами, ставятъ на двое сутокъ въ теплое мѣсто, напримѣръ, на топленную кухонную печку. Когда розы, фіалки и т. д. высохнутъ, изъ-подъ сосуда, оставляя его опрокинутымъ, вынимаютъ крышку, и песокъ высыпается изъ него сквозь сѣтку, а цвѣты, сохранившіе свой природный видъ, остаются поверхъ ея.

— Въ «Abeille du Bugey» пишутъ, что въ Энскомъ департаментѣ найдены кости ископаемаго человѣка, бывшаго ростомъ почти въ 2 сажени (4 метра). Онѣ открыты землекопомъ. Медикъ и два пастора признали эти кости человѣческимъ остовомъ, который лежалъ въ землѣ вверхъ ногами. Г. Де-ла-Сосе, хорошій геологъ, отправился осматривать эту находку, и вѣроятно вскорѣ представитъ о ней мемуаръ во французскую академію.

ОБОЗРѢНІЕ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Изслѣдованія о причинахъ появленія холеры и тифа. — Извлекаемъ изъ «Архива Судебной Медицины и Гигіены» (№ 2) весьма интересныя свѣдѣнія по этому предмету. Мюнхенскій докторъ Петтенкоферъ въ своихъ изслѣдованіяхъ объ этіологіи холеры на-

Digitized by Google

палъ на мысль изслѣдовать воду подъ поверхностію земли. Приписывая эпидемію пониженію уровня подземной воды, изслѣдователь высказывалъ столь сильныя убѣжденія и приводилъ такія поразительныя доказательства, что съ того времени (1856 г.) въ Мюнхенѣ приступили къ постояннымъ измѣреніямъ подземной воды и ея уровня. Комитетъ для ученаго изслѣдованія холеры въ Баваріи, основываясь преимущественно на работахъ Петтенкофера, вывелъ слѣдующія заключенія:

а) всѣ мѣстности или ихъ части, эпидемически опустошаемыя холерою, расположены на пористой, легко проницаемой для воздуха и воды почвѣ; и сколько до сихъ поръ извѣстно, во всѣхъ ихъ можно достигнуть воды не на очень значительной глубинѣ. Такое свойство почвы, повидимому, безусловно необходимо для того, чтобы холерная эпидемія была возможна въ данной мѣстности;

б) въ мѣстностяхъ или частяхъ ихъ, расположенныхъ непосредственно на почвѣ плоской, каменистой, которая не пропитана водою, холерная эпидемія никогда не замѣчалась, а только весьма рѣдко болѣзнь являлась спорадически.

Эти же положенія, профессоръ Буль, авторъ приводимой нами статьи, примѣняетъ и къ тифу, признавая вліяніе на него подземной воды. Вопросъ этотъ онъ обставляетъ самыми положительными доказательствами, основанными на точныхъ наблюденіяхъ развитія эпидеміи и колебанія уровня подземной воды въ теченіе восьми лѣтъ. Сравненіе этихъ данныхъ показываетъ, что самое значительное пониженіе уровня подземныхъ водъ совпадало съ сильнѣйшею смертностью отъ тифа, и наоборотъ самое высокое стояніе водъ соотвѣтствовало самому слабому тифу, во все время наблюденій. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи оказалось, что тифъ находится собственно не въ соотношеніи къ данному уровню подземной воды, а только въ соотношеніи къ ея данному движенію. Какой бы ни былъ уровень подземной воды, но при всякомъ пониженіи его усиливается тифъ, а при поднятіи—ослабѣваетъ, хотя бы движеніе это ограничивалось только нѣсколькими дюймами.

Продолжительность и быстрота того или другаго движенія представляютъ мѣру напряженія и распространенія тифа. Чѣмъ глубже, быстрѣе и продолжительнѣе падаетъ подземная вода, тѣмъ сильнѣе, распространеннѣе и упорнѣе будетъ эпидемія тифозной горячки, и наоборотъ: чѣмъ быстрѣе и продолжительнѣе подымается вода, тѣмъ скорѣе ослабляется тифъ и даже можетъ совсѣмъ исчезнуть. Но при первомъ же рѣзкомъ пониженіи воды, онъ опять появится. Такимъ образомъ специфическая причина тифа, равно какъ и холеры, заключается въ почвѣ; она (причина) обнаруживается и дѣйствуетъ съ пониженіемъ уровня подземной воды, а съ поднятіемъ ея скрывается подъ водою и не можетъ дѣйствовать.

Ежели, по господствующему нынѣ взгляду, принимать тифъ за болѣзнь заразительную, полагая специфическую причину его въ

Digitized by Google

неизвѣстныхъ продуктахъ разложенія органическихъ веществъ и въ гніющихъ тѣлахъ, то именно эти-то безчисленныя органическія образованія и обнажаются при опаденіи воды, при чемъ продукты ихъ гніенія въ видѣ газовъ, или смѣшиваясь съ водяными парами, проникаютъ чрезъ пористый слой почвы и выступаютъ на ея поверхность. Чѣмъ быстрѣе, глубже и на большее время опадаетъ подземная вода, тѣмъ больше обнажается такихъ гніющихъ, органическихъ веществъ; чѣмъ быстрѣе, выше и продолжительнѣе вода поднимается, тѣмъ большее количество ихъ покрывается водою и дѣлается безвреднымъ.

Изъ этихъ заключеній видно также, что специфическій тифозный ядъ не есть заразительный ядъ, по-крайней-мѣрѣ въ обыкновенномъ смыслѣ. Для брюшного тифа нѣтъ ни одного достовѣрнаго случая настоящаго зараженія чрезъ прикосновеніе; напротивъ того, доводы, указывающіе на связь его съ движеніемъ подземныхъ водъ, такъ сильны, что тифъ должно причислить къ разряду болѣзней, къ которымъ принадлежитъ и перемежающаяся лихорадка, въ заразительность которой никто не вѣритъ.

Еще не рѣшено наукой, происходитъ ли тифозный ядъ самостоятельно, или же разсадникомъ его служатъ изверженія больного, въ особенности изъ кишечнаго канала, которыя попадаютъ чрезъ отхожія мѣста и помойныя ямы въ область подземныхъ водъ и такимъ образомъ могутъ быть разсматриваемы какъ непрямые переносчики заразы. Это послѣднее воззрѣніе признается правдоподобнымъ, хотя возможно и другое объясненіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, какъ напримѣръ, можно предполагать, что въ произведеніи тифа участвуетъ и вода, употребляемая для питья и содержащая въ себѣ всѣ примѣси, въ растворенномъ или размельченномъ видѣ, воды подземныхъ токовъ. Петтенкоферъ утверждаетъ, что, по его наблюденіямъ, въ холерной эпидеміи 1854 г. въ Мюнхенѣ вода не играла даже второстепенной роли. Къ этому професоръ Буль съ своей стороны прибавляетъ, что гнилыя вещества, находящіяся въ почвѣ и то обнажающіяся, то снова покрываемыя водою, должно разсматривать какъ массы, расположенныя въ слояхъ почвы по стѣнкамъ скважинъ, сначала растущія и размножающіяся, а потомъ бродящія и гніющія; воду же, стоящую надъ ними и подъ ними, слѣдуетъ признавать болѣе или менѣе чистою и свободною. Поэтому вода колодцевъ могла бы только тогда быть вредною, содержать тифозный ядъ, когда бы къ ней примѣшались гніющія вещества, вслѣдствіе того, что ее замутили, или отъ расположенія колодцевъ вблизи отхожаго мѣста или помойной ямы. Однако, въ этомъ случаѣ тифъ могъ бы проявиться спорадически на нѣсколькихъ субъектахъ; много, еслибъ онъ распространился на всѣхъ жителей одного дома, но никогда не могла бы возникнуть эпидемія, поражающая весь городъ. А потому авторъ соглашается съ мнѣніемъ Петтенкофера, что принимая даже самостоятельное развитіе тифа, нельзя винить въ его происхожденіи воду, даже и въ такомъ случаѣ, если вѣрить, что

Digitized by Google

тифозный ядъ можетъ проникнуть въ нашъ организмъ нетолько путемъ дыханія, но и чрезъ пищепріемный каналъ. Такимъ образомъ самою главною вспомогательною причиною сильнаго развитія тифа можно считать лишь подземную воду саму по себѣ, но никакъ не матеріалъ для питья; она образуетъ и содержитъ специфическую причину тифа, дѣлая ее свободной, или связывая ее.

По колебаніямъ подземной воды даже и не медикъ можетъ сдѣлать предсказаніе о предстоящей эпидеміи (посредствомъ наблюденія надъ колодцами взятой мѣстности), и при томъ гораздо ранѣе появленія болѣзни, ибо подземная вода начинаетъ постоянно понижаться за 4 — 5 мѣсяцевъ до наступленія эпидеміи, обыкновенно съ іюня. Первое рѣшительное повышеніе уже указываетъ на ослабленіе эпидеміи. Менѣе же продолжительныя колебанія подземной воды не придаютъ усиленію или ослабленію тифа настоящаго характера эпидеміи.

При настоящихъ наблюденіяхъ замѣченъ также одинъ знаменательный фактъ: когда уровень воды очень высокъ, появляется обыкновенно перемежающаяся лихорадка, подобно тому, какъ болѣзнь эта составляетъ принадлежность каждой болотистой почвы; по спаденіи же воды открывается тифъ.

Несмотря на всю трудность указать прямой способъ противодѣйствія усиливающемуся бичу человѣчества, г. Буль излагаетъ слѣдующія мнѣнія: «Въ Мюнхенѣ, повсюду гдѣ мы стоимъ и ходимъ, работаемъ и отдыхаемъ, мы находимся въ предѣлахъ, гдѣ движется подземное море, производитъ ядъ и выдыхаетъ его чрезъ почву. Ясно, что мы можемъ принесть радикальную помощь, только прямо дѣйствуя на почву и подземную воду. Такъ, напримѣръ, эпидемически господствовавшій въ Упсалѣ тифъ исчезъ совершенно послѣ осушенія въ ея окрестностяхъ болотъ и стоячихъ водъ. Точно такимъ же образомъ чрезъ пониженіе уровня подземной воды уничтоженъ лошадиный тифъ, свирѣпствовавшій на конномъ заводѣ въ Нейгофѣ. Для Мюнхена же въ этомъ отношеніи, быть можетъ, недостаточно бы было самаго изобрѣтательнаго ума и самыхъ щедрыхъ пособій.

«Въ настоящее время намъ остается искать помощи лишь *въ двухъ палліативныхъ средствахъ*: 1) чтобы той землѣ, на которой стоятъ наши жилища, и изъ которой мы получаемъ нашу воду, не передавать органическихъ тѣлъ, подвергающихся тлѣнію и гніенію (кухонные остатки, мочу, и проч.); при постоянно увеличивающемся населеніи города заботиться объ уменьшеніи количества разлагающихся въ почвѣ тѣлъ; и 2) въ возстановленіи чистаго воздуха. Полагая, что тифозный ядъ содержится въ парахъ, выходящихъ изъ почвы, конечно, уже одно сильное движеніе воздуха будетъ въ состояніи ихъ разсѣять, или по крайней-мѣрѣ, разрѣдить и сдѣлать безвредными.

«Безъ сомнѣнія, воздухъ болѣе всего спертъ и неподвиженъ въ нашихъ жилищахъ; зима особенно опасна, нетолько вслѣдствіе постояннаго пониженія подземной воды, но и потому, что

Digitized by Google

воздухъ въ жилыхъ и спальныхъ комнатахъ, благодаря закрытымъ окнамъ, еще болѣе спертъ и въ изобилія содержитъ испаренія, проявляющія при такихъ условіяхъ, съ большей силой, свое вредное дѣйствіе».

Тифъ свирѣпствуетъ уже болѣе года въ Петербургѣ; даже мѣстности, имѣющія счастливый климатъ, приносятъ страшныя жертвы этому истребителю человѣческаго рода; никакая власть, никакія матеріальныя пожертвованія и усилія общества не въ состояніи противодѣйствовать сильному врагу; одна только наука, въ лицѣ своихъ скромныхъ тружениковъ, въ состояніи указать на причины болѣзни и на средства для ея уничтоженія; но общество и даже спеціалисты вообще холодно встрѣчаютъ труды ученыхъ; между тѣмъ, усилія одного или двухъ лицъ, живущихъ на извѣстныхъ мѣстностяхъ, недостаточны для уясненія трудныхъ вопросовъ науки: нужны изысканія и эксперименты самые многочисленные, самые многосторонніе; только отъ соединенныхъ усилій люди вправѣ ждать реальныхъ послѣдствій. Желательно бы было, чтобы наши врачи, обитающіе преимущественно на сѣверѣ, взялись за наблюденія и изысканія, начатыя баварскими учеными. Всякое точное изслѣдованіе по этому предмету будетъ содѣйствовать разрѣшенію научныхъ вопросовъ, отъ которыхъ прямо зависитъ жизнь громаднаго количества человѣческихъ существъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Петербургѣ производятся всѣ наблюденія, вытекающія изъ настоящаго вопроса, потому что климатическія и геологическія условія Петербурга могутъ быть названы по преимуществу *тифозными*, и потому представляютъ для изслѣдованій самый обильный матеріалъ.

Ожидаемая холера и вѣчно-присутствующій въ Петербургѣ тифъ представляютъ, по нашему мнѣнію, достаточныя основанія, чтобы въ Петербургѣ образованъ былъ особый комитетъ для самыхъ разносторонніхъ изслѣдованій этихъ болѣзней, подобно тому, какъ нашелъ это необходимымъ Мюнхенъ, находящійся относительно Петербурга несравненно въ лучшихъ условіяхъ во всѣхъ случаяхъ. Что касается вообще гнилостныхъ болѣзней, то Петербургу слѣдовало бы стоять на первомъ планѣ въ ученыхъ изслѣдованіяхъ о нихъ, такъ-какъ онъ болѣе всѣхъ другихъ городовъ Европы приноситъ жертвъ зловреднымъ испареніямъ своихъ болотъ.

О порядкѣ отправленія рекрутской повинности.—«Военный Сборникъ» давно уже разработываетъ вопросъ объ уравнительномъ отбываніи рекрутской повинности. Кромѣ мѣръ, предпринятыхъ съ этой цѣлью правительствомъ въ послѣднее время, военный журналъ сообщалъ донесенія и указанія лицъ или поставленныхъ для наблюденія за наборами, или производившихъ самые наборы, которыя сообщили уже объ успѣхѣ тѣхъ или другихъ мѣръ, предписываемыхъ правительствомъ. Въ послѣднемъ выпускѣ журнала (№ 7), въ статьѣ «Рекрутскіе наборы въ 1863 г.», и въ

Digitized by Google

замѣтнѣ о послѣднемъ наборѣ въ 1865 г., содержатся данныя, свидѣтельствующія, что ни жеребьевая, ни очередная системы одинаково не удовлетворяютъ сословія, отбывающія рекрутскую повинность. Жеребьевая система, по своей сложности и по самому принципу, допускающему слѣпой *случай* въ такомъ дѣлѣ, гдѣ отбывающіе повинность хотѣли бы видѣть строгую *справедливость*, въ особенности не одобряется крестьянами; временно-обязанные крестьяне, которымъ предоставлено было право избрать систему отбыванія, почти вездѣ предпочли очередь; но и эта послѣдняя система, по замѣчанію начальника Тульской губерніи, влечетъ за собою канцелярское расчисленіе очередей, отдавая дѣло въ руки чиновниковъ, вопреки стремленій уйдти подальше отъ бюрократіи, почему и очередью не достигается та уравнительность, къ которой стремятся сами отбывающіе повинность. Палаты государственныхъ имуществъ и казенныя, утверждая назначенія лишь по имѣющимся передъ ними ревизскимъ сказкамъ и рекрутскимъ спискамъ и не имѣя возможности входить въ положеніе семей, назначенныхъ къ повинности, допускаютъ неправильныя назначенія; жалобы на это обращаются къ тѣмъ же палатамъ, которыя ихъ допустили. Вообще при такомъ порядкѣ необходимы самыя точныя и вмѣстѣ самыя сложныя указанія закона, чтобы чиновникъ, дѣйствующій вдали отъ живаго дѣла, былъ поставленъ въ самыя тѣсныя рамки закона, между тѣмъ никакой законъ, какъ бы ни былъ онъ подробенъ, не въ состояніи исчислить разныхъ семейныхъ обстоятельствъ, требующихъ исключенія изъ правила; это можетъ быть доступно только обществу, къ которому принадлежитъ семья, и притомъ семейныя обстоятельства не могутъ быть оцѣнены чиновникомъ или присутствіемъ, рѣдко способнымъ понимать значеніе всѣхъ условій, могущихъ служить къ избавленію семьи отъ рекрутства.

Весьма многія изъ лицъ, наблюдавшихъ или производившихъ наборы, сообщили свои предположенія о мѣрахъ къ лучшему устройству рекрутства, рѣзко раздѣляющіяся на два рода: одни предполагаютъ предоставить раскладку рекрутъ самимъ обществамъ; другія, указывая на злоупотребленія мірскихъ сходовъ, признаютъ необходимымъ точный и подробный рекрутскій уставъ и вмѣшательство власти, при чемъ высказываются въ пользу очередной системы.

Въ указанной нами статьѣ офиціальнаго журнала излагается слѣдующее мнѣніе, примиряющее эти противоположныя предположенія: «Въ нашемъ народѣ жизнь выработала, а правительство признало права міра или извѣстной общины, какъ юридической собирательной единицы, надъ отдѣльными ея членами. Рекрутская повинность лежитъ на этой собирательной единицѣ, обязанной отправить повинность сообразно съ числомъ входящихъ въ нее членовъ. Права общины надъ отдѣльными членами не могутъ быть безграничны: имъ долженъ быть положенъ предѣлъ, безъ чего деспотизмъ общины можетъ развиться въ ущербъ личностямъ,

Digitized by Google

преимущественно слабѣйшимъ; необходима, слѣдовательно, власть, которая являлась бы посредникомъ между міромъ и личностью. Власть эта должна, вонервыхъ, стоять близко къ той средѣ, въ которой ей приходится исполнять предназначенную ей посредническую обязанность; вовторыхъ, истекать изъ выборнаго начала, при участіи той же среды, и, втретьихъ, проявлять себя лишь при возникновеніи недоразумѣній, не стремясь отнюдь къ предупрежденію ихъ».

Хотя власть эта и не названа здѣсь по имени, но она легко угадывается въ лицѣ мироваго посредника. Такимъ образомъ раскладка рекрутской повинности въ обществахъ должна зависѣть отъ нихъ самихъ, а разрѣшеніе жалобъ предполагается предоставить мировой власти. Покуда еще трудно что нибудь сказать о томъ, найдутъ ли крестьяне свѣдущихъ и справедливыхъ судей по рекрутскимъ дѣламъ въ мировыхъ посредникахъ и мировыхъ съѣздахъ, если рѣшенія мировыхъ посредниковъ не будутъ безапелляціонны; но во всякомъ случаѣ мировую власть, еще новую и близко стоящую къ народу, слѣдуетъ предпочесть бюрократической процедурѣ, посредствомъ которой донынѣ вершатся рекрутскія дѣла.

Указываемъ на нѣкоторыя статьи спеціальныхъ журналовъ, болѣе или менѣе любопытныя по своему содержанію, но незаключающія въ себѣ общихъ интересовъ:

Сельское хозяйство въ ближайшей окрестности Петербурга. — Г. Арнольда. (Журн. Сельск. Хоз. и Лѣсов. № 4). Экономическія, климатическія и сельско-хозяйственныя условія столицы таковы, что, можно сказать, ни одна мѣстность въ Россіи не подходитъ къ этимъ условіямъ, почему изъ настоящей статьи сельскіе хозяева могутъ ознакомиться съ такими пріемами и разсчетами здѣшнихъ фермеровъ, какіе никому и во снѣ не снятся гдѣ нибудь подальше. Около столицы дорога и земля, и удобренія, и рабочіе, но дороги и продукты. Все это пріучаетъ къ искуству, по русской пословицѣ, *молотить рожь на обухъ*. Не было бы излишнимъ, еслибы это выгодное искуство распространилось, съ помощію сельско-хозяйственной литературы, изъ окрестностей Петербурга и въ отдаленныя мѣстности Россіи.

Эпизодъ изъ кавказской войны. — Генерал-адъютанта барона Николаи. (Воен. Сборн. № 7). Статья имѣетъ важное значеніе для исторіи кавказской войны; авторъ описываетъ подробности боя при аулѣ Истису, предшествовавшаго окончательному замиренію кавказскаго края; какъ главный руководитель этого дѣла, онъ сообщаетъ самый достовѣрный планъ и выполненіе самой битвы, указывая притомъ и на нравственное значеніе побѣды, одержанной здѣсь русскими войсками надъ Шамилемъ. Съ этой минуты имамъ упалъ нравственно, и войска его деморализиро-

Digitized by Google

вались; между тѣмъ до этой битвы, происходившей въ 1854 г., все мусульманское населеніе Кавказа, въ виду размолвки нашей съ Турціей, было до высшей степени возбуждено противъ русскихъ и угрожало страшнымъ взрывомъ. Ко всему этому прибавимъ, что статья г. Николаи не лишена и литературныхъ достоинствъ.

Изъ записокъ филлипдца, въ той же книжкѣ, помѣщено описаніе *бородинскаго боя*. Кромѣ подробностей, безспорно интересныхъ, потому что онѣ передаются очевидцемъ, читатель найдетъ въ этой статьѣ довольно рельефно-очерченные портреты Барклая и Кутузова, разумѣется по личнымъ впечатлѣніямъ автора, симпатизирующаго весьма горячо Барклаю.

Записки забайкальскаго миссіонера.—За 1864 г. Іером. Мелетій. (Правосл. Обозр. № 6). Это краткій отчетъ о дѣятельности забайкальской миссіи по обращенію въ христіанство бурятъ и другихъ инородцевъ. Въ теченіе года двумя миссіонерами, чрезъ частыя поѣздки въ улусы, обращено въ христіанство 200 инородцевъ, кромѣ крестившихся у приходскихъ священниковъ. Это самый важный фактъ въ статьѣ; остальное же въ ней — этнографическія, мало-интересныя путевыя замѣтки.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

До-историческія времена, изображенныя по указаніямъ ископаемыхъ остатковъ древности, равно какъ по образу жизни и обычаямъ новыхъ дикарей, *Джона Лёббока* *.

Г. Лёббокъ долго занимался изученіемъ и критической оцѣнкою палеонтологическихъ находокъ. Теперь, руководствуясь этими данными, которыя подчинены въ его книгѣ одной главной мысли, онъ ведетъ читателя съ порога преданія въ нѣмую, безжизненную даль, намекающую разбросанными въ ней, уцѣлѣвшими отъ разрушенія, остатками на цивилизацію, обычаи, умственныя и нравственныя способности небезслѣдно погибшаго человѣчества. Въ тѣ вѣка, о которыхъ дошли до насъ историческія извѣстія, люди употребляли на войнѣ желѣзное оружіе и въ мирныхъ занятіяхъ такіе же инструменты. Но древнѣйшіе

* Prehistoric Times, as illustrated by ancient remains and customs o modern savages, by *John Lubbock*. 1865.

Digitized by Google

гомерическіе писатели, Гомеръ и Гезіодъ, говорятъ о быломъ, далекомъ даже отъ ихъ времени, когда желѣзо не было еще извѣстно и когда замѣняла его бронза. Въ могилахъ римлянъ и галловъ археологи находятъ всегда желѣзное оружіе, только украшенія и домашняя утварь бывали въ то время бронзовыя. Даже на одномъ полѣ битвы въ Швейцаріи, куда не проникало римское вліяніе, найденные мечи, бердыши и т. д. выкованы изъ желѣза. Но когда разрываютъ курганы и другія древнѣйшія кладбища гдѣ бы то ни было, никогда не находятъ въ нихъ ни малѣйшаго слѣда желѣза — мечи, ножи, копья, сѣкиры, зарытые нѣкогда вмѣстѣ съ трупами, обыкновенно бронзовые. Есть сходныя съ этими, но принадлежащія къ другой категоріи могилы, въ которыхъ всѣ найденныя орудія сдѣланы изъ камня, и гдѣ нѣтъ ни желѣзныхъ, ни бронзовыхъ вещей. Наконецъ, такъ-какъ самые кремни отдѣланы не съ одинаковымъ искуствомъ, то слѣдовательно они должны принадлежать разнымъ періодамъ развитія человѣческой расы — болѣе и менѣе грубому *. На основаніи строго-изученныхъ ископаемыхъ остатковъ можно составить исторію былого времени, хотя далеко несовсѣмъ полную, однако же болѣе правдоподобную многихъ преданій. Напримѣръ, о друидахъ, жившихъ около 2,000 лѣтъ назадъ, написано много книгъ; но преданіе, переходя изъ рода въ родъ, дополнилось такими прибавленіями, что наконецъ трудно стало вѣрить ему. Потому-то есть люди, сомнѣвающіеся въ самомъ существованіи друидовъ. Напротивъ, отъ древнихъ жителей Даніи, населявшихъ эту страну за 8 или за 10,000 лѣтъ до нашего времени, остались такія данныя, по которымъ можно судить положительно о ихъ тѣлосложеніи и нѣкоторыхъ подробностяхъ ихъ быта. Мы знаемъ, что они были низкаго роста, принадлежали къ круглоголовой расѣ и дѣлали одежду себѣ изъ звѣриныхъ шкуръ, потому что употребляли скобели, шила и иглы, ни къ чему болѣе непригодные. Они строили плотины изъ раковинъ, питались преимущественно моллюсками и устрицами, хотя занимались также и охотою. Наконечники копій, ножи, топоры и т. д. дѣлали изъ камня. Собаки были у нихъ, но домашняго скота и птицы не было. Плодами и растительной пищею почти не питались они, но такъ-какъ въ употребленіи у нихъ была глиняная посуда, то, стало быть, они ѣли несырое мясо, и очень часто раскалывали кости, чтобы достать изъ нихъ мозгъ. Хотя родина ихъ была ненахожа на теперешнюю Данію, однако мы можемъ сказать кое-что объ отличительныхъ ея признакахъ. Море, омывавшее берега ихъ страны, было въ то время солонѣе, чѣмъ теперь, и въ немъ водились прекрасныя устрицы. Земля была покрыта сосновымъ

* Авторъ раздѣляетъ каменный вѣкъ на два періода: палеолитическій или древній, и неолитическій или позднѣйшій. Къ послѣднему относятся очень красивыя и прекрасно отшлифованныя каменныя орудія. Въ копенгагенскомъ музеѣ собрано ихъ нѣсколько тысячъ штукъ.

Digitized by Google

лѣсомъ. И такъ, мы знаемъ объ этой расѣ не менѣе того, что извѣстно намъ о нѣкоторыхъ существующихъ дикаряхъ, и даже наши познанія въ этомъ случаѣ вѣрнѣе, потому что они основаны не на отрывочныхъ наблюденіяхъ, относящихся исключительно къ извѣстному времени и мѣсту, но почерпнуты изъ данныхъ, опредѣляющихъ средній образъ жизни этихъ людей впродолженіе многихъ столѣтій. Далѣе намъ извѣстно, что во времена римлянъ буковые лѣса такъ же привольно росли въ Даніи, какъ растутъ они тамъ и въ настоящее время. Но въ предшествовавшій «бронзовый вѣкъ» ихъ тамъ не было, потому что въ торфяныхъ болотахъ находятся дубовыя деревья постоянно на той же глубинѣ, гдѣ лежатъ и бронзовыя орудія. Въ болѣе низкихъ слояхъ нѣтъ уже дуба. Тамъ находятся только сосновые пни и вмѣстѣ съ ними каменныя орудія. Вотъ доказательства двойной перемѣны растительнаго царства, которая не могла, безъ сомнѣнія, произойдти быстро, потому что историческій періодъ не представляетъ ни одного подобнаго факта. Можно полагать, что бронзовый вѣкъ кончился въ Европѣ около 4,000 лѣтъ назадъ тому. Гезіодъ, жившій почти за тридцать вѣковъ до нашего времени, говоритъ объ *отдаленной эпохѣ*, когда у людей и «оружіе, и дома, и плуги были мѣдные, а желѣза со всѣмъ не существовало». По множеству разбросанныхъ на широкомъ пространствѣ могилъ, въ которыхъ находятся только бронзовыя орудія, и по другимъ даннымъ должно заключать, что бронзовый вѣкъ тянулся очень долго и соотвѣтствовалъ продолжительности періода дубовыхъ лѣсовъ Даніи. Отсюда становится понятно, что отодвигаясь назадъ къ періоду сосновыхъ лѣсовъ и каменныхъ орудій, мы должны удалиться по крайней-мѣрѣ втрое глубже въ былое время, сравнительно съ продолжительностью такъ-называемаго историческаго періода, то-есть на 10 или 12 тысячъ лѣтъ.

Въ «Лекціяхъ о языкѣ» професора Миллера находятся любопытныя указанія на соотвѣтствующее этимъ періодамъ измѣненіе словъ. Древне-аріанскій корень, значившій сперва «сосна», сталъ выражать понятіе о «дубѣ», а греческое слово «дубъ» значитъ попатымъ «букъ», и производныя отъ него имѣютъ то же значеніе во всѣхъ германскихъ нарѣчіяхъ. Можетъ быть, этотъ параллелизмъ между словами и растеніями дѣйствительно указываетъ на ихъ взаимное соотношеніе, или, какъ выразился г. Миллеръ: «эта перемѣна значенія была какъ-бы тѣнью, брошенною на языкъ совершившимися событіями». Непосредственной причиною измѣненій европейской флоры былъ, вѣроятно, постепенно уменьшавшійся холодъ послѣ ледянаго періода. Климатъ нашего материка, возвышаясь постоянно, гналъ сосну, дубъ и букъ все далѣе на сѣверъ, заставляя ихъ смѣнять другъ друга въ одной и той же странѣ.

О жителяхъ пещеръ мы имѣемъ также довольно-вѣрное понятіе. Этотъ древній народъ существовалъ въ то время, когда климатъ южной Франціи былъ на нѣсколько градусовъ холоднѣй

Digitized by Google

теперешняго, когда рѣки замерзали тамъ, и въ числу животныхъ этой страны принадлежали пещерные львы и медвѣди, сѣверный олень, мамонтъ и косматый носорогъ. Мясомъ этихъ звѣрей питались троглодиты, у которыхъ не было, кажется, домашняго скота. Съ огнемъ были знакомы они, и даже очень старательно сжигали трупы умершихъ, оружіе дѣлали изъ кремней, но только чрезвычайно грубо. Въ двухъ главахъ о «Древности человѣка» очень хорошо описаны знаменитые слои гравія въ долинѣ рѣки Сомы и найденныя въ нихъ кремневыя орудія, которыя возбудили въ послѣднее время общее любопытство. «Наша увѣренность въ глубочайшей древности человѣческаго рода—говоритъ авторъ—основывается не на какомъ либо отдѣльномъ соображеніи, но на географическихъ, зоологическихъ и климатическихъ измѣненіяхъ, совершившихся въ Европѣ. Долины углубились, расширились и потомъ были отчасти завалены снова. Пещеры, сквозь которыя вытекали сперва подземныя рѣки, стали сухи, даже въ самыхъ очертаніяхъ материковъ произошла очень рѣзкая перемѣна, и Африка окончательно отдѣлилась отъ Европы». Три послѣднія главы заняты описаніемъ жизни нашихъ отдаленныхъ предковъ по тѣмъ даннымъ, которыя представляетъ намъ новѣйшихъ дикарей. Въ Австраліи и южной Америкѣ, когда были онѣ открыты европейцами, продолжался еще каменный вѣкъ, потому что жители этихъ странъ употребляли такія же кремневыя орудія, какія находятъ теперь въ европейскихъ пещерахъ, свайныхъ постройкахъ и торфяныхъ болотахъ. Г. Лёббокъ посвятилъ нѣсколько страницъ описанію умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ качествъ готентотовъ, австралійцевъ, эскимосовъ и другихъ дикарей, и на основаніи этихъ данныхъ составилъ отвлеченную картину до-исторической жизни человѣчества. Здѣсь представлены тѣ нужды и лишенія, которыя уподобляли людей безсловеснымъ животнымъ. Отсюда выводится заключеніе, что условія, способствующія прогресу цивилизаціи въ высшихъ расахъ человѣчества, должны постоянно вести ихъ вдаль по пути совершенствованія. Чѣмъ подробнѣе узнаемъ мы ту медленную и трудную дорогу, по которой выходили наши древніе предки изъ глубокой тьмы невѣжества, тѣмъ болѣе у насъ разумныхъ причинъ для надежды на свѣтлое и счастливое будущее. Вообще эта замѣчательная книга, богатая извѣстіями о тѣхъ открытіяхъ, которыя относятся къ ранней жизни человѣчества, и написанная легкимъ, популярнымъ языкомъ, можетъ занять умъ и воображеніе всякаго читателя и — слѣдовательно, доставитъ ему столько же пользы, сколько и удовольствія.

Разныя египтологическія статьи *Ф. Шаба*, *Гудвина*, доктора *Эдв. Гинкса* и док. *С. Бирча*. 2-й отдѣлъ *.

---

* Melanges égyptologiques. 2 série. Par *F. Chabas*. Comprenant des articles de MM. Goodwin, Dr. Edw. *Hincks* at Dr. S. *Birch*. 1865.

Digitized by Google

Въ этомъ сборникѣ, первый томъ котораго былъ изданъ два года назадъ тому, помѣщено 14 статей, и половина ихъ написана г-мъ Шаба. Онѣ по большей части слишкомъ спеціальны, но впрочемъ въ нихъ тронуты мѣстами вопросы, нелишенные общаго интереса. Напримѣръ, въ берлинскомъ музеѣ находится камень, вынутый изъ набережной, построенной для защиты Слоноваго острова отъ разлива рѣки. На немъ сохранилась іероглифическая надпись, послужившая основаніемъ для исчисленій французскаго астронома Біо, который доказывалъ, что одинъ изъ знаменитѣйшихъ вѣнценосцевъ Египта, Тотмесъ III, царствовалъ за 1444 г. до Р. Х. Этой надписи давали такой смыслъ, что храмъ, въ составъ котораго входилъ помянутый камень, былъ освященъ въ 28-й день мѣсяца эпифи подвижного египетскаго года, когда созвѣздіе Пса находилось противъ солнца, и такъ-какъ на другомъ, оттуда же вынутомъ камнѣ находится часть имени Тотмеса III, то отсюда было выведено заключеніе, что онъ построилъ и освятилъ этотъ храмъ. Теперь г. Шаба, вслѣдствіе возникшихъ недоразумѣній, подвергъ изслѣдованію переводъ надписей, на которыхъ основано все это лѣтосчисленіе, и говоритъ, что онѣ заключаютъ въ себѣ календарь, означающій дни, установленные для жертвоприношеній какимъ-то египетскимъ царемъ, въ *добавокъ* къ жертвоприношеніямъ, учрежденнымъ предшественникомъ его, Тотмесомъ III, и что одно изъ нихъ должно совершаться въ 28-й день мѣсяца эпифи. Самое же слово «созвѣздіе Пса» онъ относитъ къ процесіи въ честь этой звѣзды. О такихъ праздничныхъ процесіяхъ, во время которыхъ жрецы носили изображенія боговъ, въ египетскихъ календаряхъ упоминается часто. Чрезвычайно хотѣлось египтологамъ найдти іероглифное извѣстіе о солнечномъ или лунномъ затмѣніи. «Ни одно изъ другихъ открытій—писалъ Біо—не могло бы имѣть столь важныхъ слѣдствій, и стоитъ только настойчиво желать достигнуть этой цѣли, для того, чтобы дѣйствительно была она достигнута». Его предсказаніе было оправдано повидимому въ 1859 г. открытіемъ г. Бругша, который полагалъ, что ему удалось найдти извѣстіе о лунномъ затмѣніи въ одной изъ поврежденныхъ надписей въ Оивахъ, относящейся къ 22-й египетской династіи. Докторъ Гинксъ доказалъ съ своей стороны, что затмѣніе было дѣйствительно 4-го апрѣля 945 г. до Р. Х. Но потомъ возникли сомнѣнія относительно смысла этой надписи, и теперь г. Шаба увѣряетъ, что въ ней говорится не о затмѣніи, но о какомъ-то народномъ бѣдствіи. Хотя вопросъ не рѣшенъ еще окончательно, однако же эти безпрестанныя противорѣчія сильно колеблютъ общую довѣренность къ умѣнью египтологовъ разбирать іероглифы. Оно соединено безспорно съ огромными трудностями, потому что неточный переводъ одной маленькой частички ведетъ къ искаженію смысла всей надписи. Въ 5-й статьѣ авторъ рѣшаетъ вопросъ о городахъ Рамезесѣ и Пиѳомѣ, которые были будто бы построены евреями для Фараона. На

Digitized by Google

египетскихъ памятникахъ часто упоминается имя Рамезеса. Г. Шаба собралъ всѣ фразы, указывающія на мѣстоположеніе этого города. Оказывается, что онъ находился неподалеку отъ сѣверо-восточной границы Египта и имѣлъ водяное сообщеніе съ Средиземнымъ или Чернымъ моремъ, получая этимъ путемъ жизненные припасы изъ чужихъ странъ. Можно полагать почти съ полной увѣренностью, что это была столица области Гошенъ, которую семьдесятъ толковниковъ называютъ землею Рамезеса. Въ Лейденѣ хранится письменный памятникъ, напечатанный въ изданной теперь книгѣ fac-simile. Изъ нея видно, что какой-то чужеземный народъ, названный *аперіу*, былъ употребленъ на постройку города Рамезеса. Г. Шаба говоритъ, что это собственное имя соотвѣтствуетъ названію евреевъ, и почти всѣ ученые согласны съ нимъ. Главный интересъ изысканій заключается въ рѣшеніи вопроса: дѣйствительно ли царь Рамезесъ, основатель города Рамезеса, былъ знаменитымъ притѣснителемъ израильтянъ? Существуетъ школа хронологовъ, по мнѣнію которыхъ израильтяне вышли изъ Египта за нѣсколько сотъ лѣтъ до его царствованія. Г. Шаба говоритъ: «Мы желали объяснить, что гипотеза о существованіи города Рамезеса до восшествія на престолъ фараоновъ этой фамиліи рѣшительно ни на чемъ не основана. Вѣроятно ее составилъ писатель, совершенно незнакомый съ египетской археологіею. Мы могли бы, кажется, похвалиться, что нами представлено нѣсколько оригинальныхъ текстовъ, совершенно согласныхъ съ хронологіею св. писанія, однакоже не будемъ ссылаться на библію въ подтвержденіе нашихъ мнѣній, и ограничимся правомъ прямого ученаго изслѣдованія, не подвергая себя несправедливымъ порицаніямъ. Въ 7-й статьѣ находится подробный анализъ одного эпизода изъ египетскаго романа «Два брата», который до сихъ поръ не былъ еще объясненъ удовлетворительно. Г. Шаба, переложивъ іероглифы на коптскія буквы, показалъ степень сходства между древнимъ и новымъ языками Египта. Простота письменныхъ знаковъ самого текста весьма облегчила этотъ трудъ, но авторъ доказываетъ пользу такого переложенія во всѣхъ случаяхъ. «Исключительно одинъ только коптскій языкъ—говоритъ онъ—можетъ дать правильное понятіе о древнихъ формахъ языка египетскаго. Потому-то презирать этимъ средствомъ было бы такъ же безразсудно, какъ и отказаться отъ употребленія греческихъ буквъ для текста Гомера, или арабскихъ для корана».

Египетскіе памятники въ Мирамарѣ, *C. Reinisch* *.

Вотъ другая замѣчательная книга по тому же предмету. Этимъ великолѣпнымъ изданіемъ египтологія обязана мексиканскому императору, который, бывши еще эрцгерцогомъ, отчасти скупилъ во-

* Die Ägyptischen Denkmäler zu Miramar, von *S. Reinisch*. 1865.

Digitized by Google

шедшіе сюда оригиналы черезъ австрійскаго генеральнаго консула въ Египтѣ, отчасти самъ выбралъ ихъ при осмотрѣ каирскаго музея. Въ то время вице-король предложилъ въ подарокъ ему отличныхъ лошадей и дорогое оружіе, но эрцгерцогъ просилъ позволенія, вмѣсто коней и сабель, овладѣть нѣкоторыми памятниками, хранившимися въ музеѣ, на что и получилъ согласіе. Въ этой книгѣ помѣщенъ сдѣланный Рейншемъ переводъ цѣлой главы изъ «Книги мертвыхъ», пониманіе которой сопряжено съ такими трудностями, что г. Бунзенъ не вѣрилъ, чтобы въ числѣ его современниковъ могъ найдтись человѣкъ, способный перевести хотя одну ея страницу. Впрочемъ, это новое изданіе едва-ли не убѣдительнѣе всѣхъ прежнихъ переводовъ доказываетъ бѣдность мысли древнихъ египтянъ. Повсюду повтореніе однѣхъ и тѣхъ же фразъ! Напримѣръ, на гробовыхъ статуэткахъ повторяется надпись съ измѣненіемъ только собственныхъ именъ усопшихъ: «Льется свѣтъ изъ NN, обратившейся въ Озириса, вслѣдствіе полученнаго извѣстія, что тѣло египетскаго мудреца Гераискуса, когда было оно набальзамировано и покрыто ризою Озириса, вдругъ испустило изъ своихъ покрововъ яркій блескъ, въ знакъ соединенія съ богами отлетѣвшей души». На саркофагахъ и надгробныхъ памятникахъ писалось обыкновенно: «Просьба къ Себу, князю боговъ, о томъ, чтобы онъ благоволилъ принять заупокойную жертву, состоящую изъ тысячи кружекъ пива, вина, масла и молока, изъ тысячи быковъ, гусей, холстовъ, ладанныхъ зеренъ, изъ тысячи жертвенныхъ пироговъ и разныхъ хорошихъ, чистыхъ и сладкихъ вещей, которыми питаются боги. Жены праведнаго NN». Изрѣдка прибавляется къ этимъ обычнымъ фразамъ, что умершій былъ товарищъ вельможъ, другъ царя, къ которому всегда имѣлъ доступъ, или утѣшительныя слова, напримѣръ, что онъ плыветъ теперь на солнечной ладьѣ, или стоитъ на ступеняхъ престола господа вѣчности и т. д. О горѣ и слезахъ никогда не упоминается; лѣта умершаго также не обозначались. Хотя египтяне не обладали ни поэтическимъ языкомъ грековъ, ни лаконизмомъ римлянъ, но взоръ ихъ глубже проникалъ въ положительный смыслъ жизни. «Да будутъ на судѣ приняты въ соображеніе мои добрыя дѣла для города Өивъ», написано на одной изъ приложенныхъ къ книгѣ таблицъ. Такія же фразы: «Онъ кормилъ голодныхъ, одѣвалъ нагихъ, былъ добръ къ рабамъ своимъ, любилъ родственниковъ», встрѣчаются въ самыхъ древнихъ эпитафіяхъ Египта; тогда какъ слова «Amator Pauperum» явились въ первый разъ на гробовомъ памятникѣ одного римлянина уже при императорахъ. Къ домашней утвари вѣчныхъ жилищъ—такъ называли египтяне гробницы—принадлежали глиняныя и алебастровыя вазы, крышки которыхъ изображали головы людей и животныхъ. Сюда клались внутренности мумій, и въ каждую гробницу ставилось непремѣнно четыре такіе сосуда, посвященные четыремъ геніямъ, каждый изъ которыхъ охранялъ опредѣленныя части тѣ-

Digitized by Google

ла. Кабазануфъ—печень и желчь, Даумутуфъ — сердце и легкія, Амзатъ—желудокъ и т. д. «Въ большей части надписей—говоритъ г. Рейнишъ—положенныя въ вазы внутренности египтяне отождествляли съ охранявшими ихъ геніями, которые находились подъ защитою богинь Изиды, Нефтисы, Нейты и Сельки.» Для примѣра перевелъ онъ нѣсколько надписей, уцѣлѣвшихъ на вазахъ, находящихся въ тріэстскомъ музеѣ. Нейта говоритъ: «Я бодрствую рано и поздно, каждый день, заботясь о Даумутуфѣ (то-есть о сердцѣ и легкихъ) женщины Санагубы». «Я—восклицаетъ Изида—одолѣваю врага, и охраняю Амзатъ, во мнѣ находящійся. Я защитница женщины Санагубы». Такъ-какъ эти геніи ставились по четыремъ сторонамъ саркофага, то египтяне признавали ихъ также представителями четырехъ странъ свѣта. Ра приказываетъ Амзату: «Ступай на югъ и увѣдомь южныхъ боговъ», а генію Гуфи: «Ступай на сѣверъ» и т. д. Г. Рейнишъ говоритъ, подкрѣпляя свое мнѣніе цитатами, что египтяне смотрѣли на безсмертіе и вѣчное блаженство, какъ на конечную цѣль, которой достигаетъ душа человѣка послѣ многихъ переселеній. Стало быть, переселенія души признавали они только путемъ къ безсмертію, средствомъ, ведущимъ къ цѣли. Понятія о безсмертіи и переселеніяхъ души строго отдѣлялись другъ отъ друга въ ихъ религіозныхъ письменахъ. Безсмертіемъ признавали они то состояніе души, когда наслаждается она вмѣстѣ съ просвѣтлѣннымъ тѣломъ вѣчнымъ блаженствомъ въ сообществѣ боговъ, не чувствуя страданій и несчастій, свойственныхъ земному существу; тогда какъ переселенія души, долженствующія совершиться на землѣ, заключались, по ихъ понятіямъ, въ постоянныхъ переходахъ отъ смерти къ возрожденію въ новомъ тѣлѣ, вслѣдствіе чего душа должна вытерпѣть цѣлый рядъ мукъ, разставаясь нѣсколько разъ съ тѣломъ.

Къ этой книгѣ, богатой спеціальностями, о которыхъ мы умолчали здѣсь, приложено нѣсколько очень хорошихъ рисунковъ. Авторъ ея трудится теперь надъ текстомъ другого сочиненія, въ которомъ 200 страницъ будетъ занято изображеніями египетскихъ памятниковъ, находящихся въ Австрійской имперіи.

Изъ Святой Земли, *Кон. Тишендорфа* *.

Г. Тишендорфъ оказалъ очень важную услугу православной церкви. Онъ нашелъ для нея древнѣйшій и притомъ самый полный манускриптъ библіи, названный «Синайскимъ кодексомъ». Книга, въ которой описаны теперь подробности этого открытія, не можетъ, конечно, не интересовать русскихъ читателей. Но такъ-какъ авторъ ея принадлежитъ къ извѣстнѣйшимъ авторитетамъ современной науки, то мы начнемъ разсказъ свой краткой его біографіею. Г. Тишендорфъ родился въ 1815 г., въ одномъ изъ самыхъ промышленныхъ городовъ Саксоніи, Ленгенфельдѣ, кото-

* Aus dem heiligen Lande, von *Konstantin Tischendorf*. 1865.

Digitized by Google

рый замѣчателенъ тѣмъ еще, что жители его приняли ученіе Лютера при самомъ началѣ реформы, и до сихъ поръ строго держатся догматовъ лютеранизма, чуждаясь всякихъ новѣйшихъ взглядовъ на религіозные вопросы. Здѣсь, въ ленгенфельдской гимназіи, получилъ онъ первое образованіе, отсюда перешелъ сперва въ плауэнскій лицей и потомъ въ богословскій факультетъ лейпцигскаго университета, гдѣ обратилъ на себя особенное вниманіе професоровъ, какъ очень даровитый и прилежный студентъ. По окончаніи курса онъ сталъ поэтизировать и издалъ въ 1837 г. свои лирическія стихотворенія подъ заглавіемъ «Майскіе цвѣты», которые встрѣтили не совсѣмъ лестный пріемъ со стороны критики. Одни журналы хвалили ихъ, другіе отзывались слишкомъ строго. Впрочемъ, Мейерберъ писалъ автору, что онъ намѣренъ положить на музыку нѣкоторые изъ его стиховъ, а Мендельсонъ дѣйствительно сдѣлалъ это. Опредѣлясь репетиторомъ въ одно учебное заведеніе неподалеку отъ Лейпцига, г. Тишендорфъ написалъ здѣсь недосугѣ нѣчто въ родѣ романа, который назвалъ «Молодой мистикъ». Въ это же время онъ занимался переводами съ французскаго и разными учеными и литературными работами, впродолженіе которыхъ родилась и созрѣла въ его душѣ мысль, ставшая главной цѣлью всей дальнѣйшей жизни этого замѣчательнаго человѣка. Въ греческомъ текстѣ Новаго Завѣта, несмотря на труды Ричарда Бентлея и Карла Лахмана, ученые люди находили много еще невѣрностей. Ихъ то и рѣшился исправить г. Тишендорфъ посредствомъ сравненія древнѣйшихъ манускриптовъ библіи. Онъ былъ молодъ, не имѣлъ недостатка ни въ познаніяхъ, ни въ энергіи, но у него не было денегъ для путешествія—и какихъ трудовъ стоило ему выхлопотать самое ничтожное вспоможеніе! Наконецъ саксонское правительство выдало ему 200 талеровъ, и будущій знаменитый палеографъ пошелъ бродить по библіотекамъ Германіи. Какъ ни мала эта сумма, но у него по прошествіи двухъ лѣтъ все-таки осталось отъ нея 50 талеровъ. Можно судить, какую скромную жизнь велъ онъ. Впрочемъ, матеріальныя лишенія ни на минуту не ослабляли въ немъ энергіи и страстной любви къ труду. Въ 1841 г. вышло его первое критическое изданіе Новаго Завѣта, сильно заинтересовавшее нѣмецкихъ богослововъ и филологовъ. Г. Лахманъ еще въ 1830 г. нашелъ во французской публичной библіотекѣ древнія греческія рукописи и говорилъ, что тотъ филологъ, который съумѣетъ разобрать и переписать ихъ, пріобрѣтетъ громкую извѣстность во всемъ христіанскомъ мірѣ. Туда и направилъ свой путь г. Тишендорфъ. Многіе изъ нѣмецкихъ професоровъ, узнавъ о его намѣреніи, поручили ему сдѣлать въ Парижѣ разныя справки и назначили молодому путешественнику скромное вознагражденіе, разумѣется, изъ своего кошелька. Такимъ образомъ финансы Тишендорфа нѣсколько поправились. Начальникъ парижской библіотеки г. Газъ принялъ его очень ласково, и работа пошла быстро. Палимпсестъ Ефрема

Digitized by Google

Сирина, котораго самъ Лахманъ не могъ прочесть, былъ разобранъ, списанъ, и многія кодексы неизданныхъ рукописей наполнили портфёль Тишендорфа; къ этому времени относится напечатанный имъ въ Парижѣ Новый Завѣтъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ. Александръ Гумбольдтъ, получивъ эту книгу, писалъ ея издателю: «Я прочелъ вашъ новый трудъ съ радостью и удивленіемъ. Вы знаете, какъ изумительна для меня ваша дѣятельность». Папа Пій IX также прислалъ ему письмо, въ которомъ выразилъ удивленіе: «Quis posset immanem laborem tam satis admirari?» Послѣ этого начались поиски Тишендорфа по библіотекамъ Утрехта, Лондона, Оксфорда, Кэмбриджа, Берна и всѣхъ важнѣйшихъ городовъ Италіи. Въ Римъ пріѣхалъ онъ въ 1843 г.; но, несмотря на рекомендательныя письма саксонскаго принца Іоанна, г-на Гизо и парижскаго архіепископа, кардиналъ, завѣдывавшій ватиканской библіотекою, никакъ не хотѣлъ показать ему главнѣйшаго ея сокровища, драгоцѣннаго по своей глубокой древности манускрипта библіи. Только послѣ аудіенціи, данной Тишендорфу папою, получилъ онъ право взглянуть на эту рѣдкость. Перелистывая ватиканскій кодексъ впродолженіе трехъ часовъ, знаменитый и очень уже опытный эллинистъ успѣлъ прочесть тѣ мѣста, которыя особенно интересовали его, и переписать ихъ съ возможной точностью, чего никому не дозволили сдѣлать прежде него. Ознакомясь съ библіотеками западной Европы, Тишендорфъ рѣшился ѣхать на Востокъ и осмотрѣть всѣ монастыри отъ Каира до Синая. Саксонское правительство назначило ему пенсію, частные люди также поспѣшили на помощь къ нему съ своей лептою. Ихъ имена напечатаны авторомъ въ предисловіи изданной теперь книги. Въ апрѣлѣ 1844 г. Тишендорфъ отправился изъ Ливорно въ Египетъ и долго прожилъ въ Каирѣ. Здѣсь удалось ему открыть библіотеку, почти замурованную втеченіе многихъ лѣтъ, и найдти въ ней очень замѣчательные письменные памятники. Изъ Каира разъѣзжалъ онъ по коптскимъ монастырямъ, въ которыхъ собралъ тоже богатую жатву. Послѣ этого Тишендорфъ поѣхалъ въ Іерусалимъ, отсюда въ Назаретъ, потомъ на о. Патмосъ и наконецъ въ Константинополь. Много сокровищъ нашелъ онъ въ монастырахъ Святой земли, которыя удалось ему освободить отъ вѣковаго заточенія и переместь на живую почву критики. Подробности, сопровождавшія его открытія, онъ разсказалъ въ «Anecdota sacra et profana». Въ числѣ этихъ рукописей находились памятники среднихъ вѣковъ, византійской имперіи и манускрипты IV столѣтія, столь важнаго для греческой церкви. Эти находки потребовали новыхъ сравненій, возбудили новые вопросы, и Тишендорфъ опять отправился разъѣзжать по европейскимъ библіотекамъ. Послѣ этого, въ 1853 г., онъ въ другой разъ посѣтилъ Іерусалимъ.

Слухи о его открытіяхъ возбудили вниманіе въ Россіи, и русскій посланникъ при дрезденскомъ дворѣ предложилъ Тишендорфу съѣздить въ Палестину на счетъ русскаго правительства.

Digitized by Google

Предложеніе было принято, и знаменитый палеографъ отплылъ 11-го января 1859 г. изъ Тріеста въ Александрію. Прошло только 15 лѣтъ послѣ того, какъ побывалъ онъ въ первый разъ въ этомъ городѣ—и какъ все измѣнилось здѣсь! Тогда по александрійскимъ улицамъ раскаживали ослы и верблюды, на хребтахъ которыхъ возсѣдали правовѣрные и европейскіе путешественники. Теперь же катились по нимъ, гремя колесами, дрожки, коляски и кареты. Тогда на переѣздъ изъ Александріи въ Каиръ по Нилу надобно было потратить при попутномъ вѣтрѣ четверо сутокъ; даже въ 1853 г. онъ проплылъ тридцать часовъ на пароходѣ. Теперь же локомотивъ перенесъ его туда въ 5 или 6 часовъ. Но эта метаморфоза не заняла Тишендорфа. Самый Каиръ не остановилъ его. «Некогда было мнѣ—говоритъ онъ—любоваться городомъ и разъѣзжать по его окрестностямъ—я спѣшилъ увидѣть Синай. Какая-то непонятная, но могучая сила оторвала меня отъ мирныхъ домашнихъ занятій и заставила снова пуститься на Востокъ. Синай съ своимъ монастыремъ, гдѣ я былъ уже два раза, манилъ меня къ себѣ». Каиръ соединенъ съ Суэцомъ рельсами — этотъ путь недологъ; но отсюда до Синая тянется длинная и очень трудная дорога. По просьбѣ русскаго консула, суэцкій губернаторъ Селимъ-Паша вытребовалъ къ себѣ бедуина Назара и сказалъ ему, что если онъ не доставитъ съ Синая письма, въ которомъ Тишендорфъ похвалитъ его за услуги, то потеряетъ свою голову. Вслѣдствіе этого наставленія бедуинъ постарался отличиться, и путешественникъ черезъ пять дней, утромъ 31 января, увидѣлъ Святую гору. Караванъ, простоявши ночь на горной высотѣ, спустился на разсвѣтѣ въ долину и подошелъ къ самой живописной сторонѣ Синая. Посреди широкой равнины высилась остроконечной громадою гора Хоривъ. Направо, на краю песчанаго моря, зеленѣли, какъ два оазиса, монастырскіе сады. Налѣво, въ ущельи горы, виднѣлся монастырь св. Екатерины, построенный въ видѣ крѣпости. На зовъ пилигримовъ отворилась дверь въ одномъ изъ утесовъ, сажени на три отъ земли, и изъ нея спустили веревку съ привязанною къ ней скамьею, на которую прежде всего были положены письма, а потомъ начали поочередно становиться богомольцы, подымаемые вверхъ руками монастырской братіи. Только для Тишендорфа было сдѣлано исключеніе. На встрѣчу къ нему спустился монастырскій экономъ, исполнявшій въ то время должность настоятеля, и отворилъ потаенную дверь, въ которую и вошелъ палеографъ. Онъ увидѣлъ здѣсь старыхъ знакомыхъ. Уже два раза былъ онъ на Синаѣ, и однакоже все казалось ему новымъ—такъ сильно одушевляло его предчувствіе, что это посѣщеніе не останется безъ важныхъ послѣдствій. Г. Тишендорфъ сознается, что онъ находился въ ненормальномъ состояніи, которое дошло наконецъ до того, что обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, утомленный безплодными поисками, онъ отнесся съ мольбою о помощи къ какому-то *генію* Синая. Впрочемъ, рѣчь объ этомъ еще впереди. Съ какимъ пріятнымъ чувствомъ пошелъ онъ

Digitized by Google

осматривать обширный и поэтическій монастырь! Вотъ длинныя галереи, уединенныя кельи и храмы. Вотъ хоры, построенные въ шестомъ вѣкѣ. Надъ алтаремъ, освѣщеннымъ семью паникадилами, находится превосходная мозаика, изображающая преображеніе; по обѣимъ сторонамъ его стоятъ бюсты основателей монастыря: императора Юстиніана и императрицы Ѳеодоры. На Синаѣ магометанизмъ пріютился рядомъ съ іудейскими и христіанскими воспоминаніями. Къ юстиніановой базиликѣ примкнула мечеть, построенная — какъ говорятъ мусульмане — самимъ Магометомъ, и подлѣ креста блеститъ луна. На возвратномъ пути изъ Мекки, мусульманскіе пилигримы заходятъ обыкновенно сюда. Сверхъ того, васалы и фермеры монаховъ—преимущественно бедуины, бывшіе нѣкогда христіанами, но теперь снова обратившіеся къ исламу. Охраняя мечеть, они спасаютъ отъ набѣговъ пустынныхъ дикарей синайскій монастырь и своихъ мирныхъ повелителей. Но, разумѣется, Тишендорфа занимала преимущественно монастырская библіотека. Хотя надъ входомъ въ нее написано по-гречески: «Лекарство для души», однакоже монахи, пользуясь превосходнымъ физическимъ здоровьемъ и не чувствуя особенныхъ духовныхъ немощей, очень мало обращаютъ вниманія на это «лекарство». Лѣтъ двадцать назадъ, былъ здѣсь аѳонскій монахъ отецъ Кирилъ. Онъ разобралъ книги, составилъ каталогъ и привелъ синайскую библіотеку въ порядокъ. Тишендорфъ съ большимъ уваженіемъ относится объ этомъ историкѣ и поэтѣ Аѳона, который значительно облегчилъ его трудъ. Однакоже поиски, вопреки таинственнымъ предчувствіямъ, были неудачны, кладъ не давался въ руки, и г. Тишендорфъ, въ душѣ котораго не ослабла еще прежняя склонность къ мистицизму, задумалъ войдти на вершину Синая и просить покровительства у духа этой горы. Онъ совершилъ задуманный восходъ, и въ его описаніи Синая сошлись два взгляда—поэтическій и ученый. «Передо мною, когда взглянулъ я съ этой высоты—пишетъ онъ — развернулась такая грандіозная картина, какой нигдѣ нельзя видѣть. Изъ неизмѣримой для взора глубины высились повсюду гранитныя, мраморныя массы, изрѣзанныя пропастями. Не было видно ни рощей, ни луговъ, даже ни одна серебристая нить ручья не смягчала этой грозной природы. Всюду — суровость и величіе, подавляющія духъ человѣка. Никакихъ признаковъ возрожденія, никакого слѣда гибели не оставило здѣсь время. Оно какъ-будто остановилось на этихъ вершинахъ, какъ-будто прошедшее, рванувшись сюда, влилось въ настоящее съ неодолимой силою великихъ мировыхъ событій, и предстало здѣсь въ образѣ той строгой святости, передъ которою все уничтожается. Здѣсь, именно здѣсь, думается невольно, совершилось великое дѣло. Здѣсь, при раскатахъ грома, при блескѣ молніи, возвѣстилъ Господь законъ свой. На вершинахъ Синая христіане и мусульмане воздвигли два храма. Развалины послѣдняго видны еще. Но тутъ благочестіе не нуждается въ ихъ помощи—самая гора есть алтарь, безсмертное святилище,

Digitized by Google

воздвигнутое десницею Превѣчнаго... Необычайное событіе! Слова этого закона, съ ихъ страшными предупрежденіями и угрозами, были для всѣхъ произнесены—и всѣ поняли ихъ, для всѣхъ дороги они; тогда какъ небесная, радостная вѣсть обѣтованія, глаголъ свершившагося искупленія повели многихъ къ гибельному заблужденію и стали причиною раздѣленія народовъ.»

Спустясь съ вершинъ Синая, Тишендорфъ началъ снова поиски въ библіотекѣ монастыря св. Екатерины. Надобно замѣтить, что въ 1844 г. ему попалась здѣсь подъ руки корзина съ ветхими бумагами и полуистлѣвшимъ пергаментомъ. Разбирая эти клочья, онъ нашелъ между ними отрывки библейскаго манускрипта, которые и призналъ тотчасъ древнѣйшимъ памятникомъ христіанской литературы. Одинъ изъ нихъ тогда же пріобрѣлъ онъ, и теперь отрывокъ этотъ хранится въ лейпцигской библіотекѣ подъ именемъ кодекса саксонскаго короля Фридриха-Августа «Codex Friderico-Augustanus». Что же касается другихъ бумагъ, то, не имѣя времени разобрать и оцѣнить ихъ, Тишендорфъ принужденъ былъ оставить все это на попеченіе монаховъ до своего будущаго пріѣзда, при лучшихъ обстоятельствахъ. Черезъ девять лѣтъ онъ снова посѣтилъ монастырь Св. Екатерины, съ цѣлью заняться внимательнѣйшимъ изученіемъ найденныхъ тамъ бумагъ. Но—увы! ихъ уже не было. Тишендорфъ предполагалъ, что кто-нибудь изъ европейскихъ путешественниковъ овладѣлъ ими, и что онъ услышитъ о нихъ въ Пруссіи, или въ Англіи. Однакоже, никакихъ слуховъ, никакихъ извѣстій впродолженіе цѣлыхъ пяти лѣтъ не дошло до него. Надежда едва воскресла, и вотъ новые поиски, и новое разочарованіе. Онъ не могъ долѣе оставаться здѣсь. Къ берегамъ Палестины близилась русская эскадра, и Тишендорфъ долженъ былъ видѣться съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, который предпринялъ въ это время путешествіе въ Іерусалимъ. И такъ, бедуинамъ дано было приказаніе готовить верблюдовъ къ 7-му мая. За три дня до отъѣзда, послѣ прогулки на одну изъ вершинъ Синая, Тишендорфъ зашелъ въ келью монастырскаго эконома, который, во время разговора о греческихъ текстахъ библіи, сказалъ ему: «У меня тоже есть библія семидесяти толковниковъ», и съ этими словами вытащилъ изъ угла манускриптъ, завернутый въ черное сукно. Тишендорфъ снимаетъ эту покрышку, смотритъ — и узнаетъ драгоцѣнныя письмена, видѣнныя имъ въ 1844 г. въ корзинѣ, наполненной исписанными клочками. Трепещущей рукою развертываетъ онъ эту рукопись, впивается въ нее глазами — ба! Это уже не отрывки Ветхаго Завѣта. Вотъ начало и конецъ евангелій, вотъ посланіе Варнавы... Онъ проситъ позволенія взять манускриптъ въ свою келью, чтобы на досугѣ поразсмотрѣть его. Отчего же нѣтъ? Монахъ очень любезно соглашается исполнить его желаніе.

«Когда остался я одинъ въ своей комнатѣ — говоритъ авторъ— мной овладѣлъ неудержимый восторгъ, вызванный этимъ откры-

Digitized by Google

тіемъ. Я былъ увѣренъ, что Богъ вручилъ мнѣ это безцѣнное сокровище, эту драгоцѣннѣйшую для церкви и науки рукопись. Хотя дѣйствительность превосходила самыя смѣлыя надежды мои, однакоже — признаюсь — взволнованный глубокимъ движеніемъ, я подумалъ: «А что, еслибы вслѣдъ за посланіемъ Варнавы удалось мнѣ найдти здѣсь текстъ «Пастыря»? Но эта неблагодарность, это новое желаніе, когда уже такъ щедро былъ награжденъ я, заставили въ ту же минуту покраснѣть меня отъ стыда. Но вотъ глаза мои останавливаются на страницѣ почти совсѣмъ стертой. Начинаю вглядываться, разбираю заглавіе, и не могу пошевелиться отъ крайняго удивленія — передо мною слово «Пастырь». Какъ описать мою радость?... Послѣ этого я принялся разсматривать манускриптъ. Онъ состоитъ изъ 346 страницъ самаго большого формата. Будучи не въ состояніи заснуть, я принялся за переписку Варнавы. Я трепеталъ отъ радости при мысли, что мнѣ суждено принести въ даръ христіанству этотъ замѣчательный текстъ посланія, первая часть котораго была извѣстна до сихъ поръ только по плохому латинскому переводу, а вторая не внушала даже большого довѣрія къ своей подлинности, потому что ея не было ни въ одной древней греческой рукописи. Между тѣмъ, церковь II и III вѣковъ ставила посланіе Варнавы наряду съ посланіями Петра и Павла. Въ монастырѣ сдѣлалъ я также выписки изъ Пастыря. Это произведеніе Эрмы пользовалось большимъ уваженіемъ древней церкви».

Зная по опыту, что синайскіе монахи очень дорожатъ своими манускриптами, Тишендорфъ просилъ только позволенія списать весь текстъ этой библіи въ ближайшемъ къ Синаю городѣ. Съ этой цѣлью поспѣшилъ онъ отъѣздомъ въ Каиръ, гдѣ находился въ то время настоятель синайскаго монастыря, ѣхавшій въ Константинополь для избранія новаго патріарха. Дѣло было скоро улажено, и бедуинъ, исполнявшій обыкновенно монастырскія порученія, полетѣлъ на дромадерѣ за манускриптомъ. Съ невѣроятной быстротою пронесся онъ по степямъ Египта и Аравіи — черезъ девять дней синайскій кодексъ былъ уже въ рукахъ палеографа. Началась переписка. Два мѣсяца съ двумя сотрудниками просидѣлъ Тишендорфъ за этой работою въ каирской «гостиницѣ пирамидъ». Ему слышался безпрестанно внутренній голосъ: «Не утомляйся! Еще строчку, еще страницу! Христіанская наука требуетъ отъ тебя этого древнѣйшаго текста, въ которомъ заключается благая вѣсть». Авторъ спрашиваетъ: пойметъ ли читатель восторгъ его? Дѣйствительно, человѣку, несоставившему яснаго понятія о важности этой находки, чувства Тишендорфа могутъ быть не совсѣмъ понятны. Цѣль филологической критики въ отношеніи къ богословію состоитъ въ очищеніи священнаго текста отъ ошибокъ, неискусныхъ поправокъ, умышленныхъ, или случайныхъ вставокъ — словомъ, отъ всего, что человѣческая рука прибавила къ нему впродолженіе цѣлаго ряда столѣтій. До 1859 г. лучшими руководствами къ исправле-

Digitized by Google

нію священныхъ книгъ считались три греческіе манускрипта IV и V вѣковъ: ватиканскій, лондонскій, извѣстный подъ именемъ александрійскаго, и парижскій палимпсестъ Св. Ефрема. Но дѣло въ томъ, что всѣ они неполны. Въ парижскомъ находится только половина Новаго Завѣта, а въ лондонскомъ недостаетъ всего перваго евангелія, двухъ главъ четвертаго и почти всего втораго посланія апостола Павла къ коринѳянамъ. Что же касается ватиканскаго кодекса, древнѣйшаго изъ этихъ трехъ памятниковъ, то въ немъ нѣтъ четырехъ посланій Павла, послѣднихъ главъ посланія къ евреямъ и апокалипсиса. Послѣ этого легко понять значеніе синайскаго текста, равнаго по древности ватиканскому манускрипту и единственнаго по своей полнотѣ изъ всѣхъ списковъ библіи, уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія времени. Вотъ какимъ пріобрѣтеніемъ увѣнчалась посылка Тишендорфа въ Палестину со стороны Россіи! Русская эскадра войдетъ въ яфскую гавань, и въ ту минуту, когда великій князь ступитъ на берегъ Святой Земли, знаменитый отыскиватель древнихъ текстовъ священнаго писанія, посланный туда заранѣе, представитъ ему драгоцѣннѣйшій перлъ христіанскаго Востока, «Синайскій кодексъ». Римъ, Парижъ, Лондонъ владѣютъ каждый древними списками библіи; у Петербурга будетъ теперь свой, и самый драгоцѣнный изъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ!

10-го мая 1859 г. въ Яффѣ было замѣтно необыкновенное движеніе. Восточное духовенство, городскія власти и члены дипломатическаго корпуса спѣшили къ пристани. Около полудня показались въ морѣ два фрегата, плывшіе съ запада. На всѣхъ консульскихъ домахъ поднялись флаги. Великій князь былъ встрѣченъ викаріемъ іерусалимскаго патріарха, яфскимъ каймаканомъ и начальникомъ гарнизона. Раздалось торжественное церковное пѣніе, и высокіе пилигримы, окруженные почтительной толпою, направились въ греческій соборъ, откуда перешли въ монастырь, гдѣ были приготовлены для нихъ комнаты. Но въ то время, когда всякій спѣшилъ привѣтствовать его высочество съ благополучнымъ пріѣздомъ, г. Тишендорфъ, можетъ быть, болѣе всѣхъ желавшій видѣть его, былъ задержанъ въ яфскомъ карантинѣ, откуда, несмотря на всѣ просьбы и угрозы, расточаемыя имъ, не хотѣли его выпустить. Онъ получилъ только позволеніе увѣдомить великаго князя письменно о сокровищѣ, найденномъ на Синаѣ, и конечно, это коротенькое письмецо было для его высочества дороже и пріятнѣе всѣхъ оказанныхъ ему почестей. Авторъ описываетъ подробно путешествіе русскихъ пилигримовъ изъ Яффы въ Іерусалимъ, и пребываніе ихъ въ святомъ городѣ. Вообще описанія и разсказы г. Тишендорфа интересны и увлекательны въ высшей степени. Онъ прочелъ все, что было написано о Палестинѣ съ XII вѣка до позднѣйшаго времени; онъ самъ посѣтилъ нѣсколько разъ всѣ замѣчательныя мѣста этой страны; преданія евреевъ, арабовъ, христіанъ и турокъ хорошо извѣстны ему; въ душѣ его много теплоты, много поэзіи, не-

Digitized by Google

ромъ владѣетъ онъ превосходно — кто же послѣ этого могъ бы превзойдти его въ описаніи тѣхъ сценъ и картинъ, которыми такъ богата святая земля, и въ рѣшеніи тѣхъ историческихъ и ученыхъ вопросовъ, которые занимали извѣстнѣйшихъ путешественниковъ? Проживъ десять дней въ Іерусалимѣ, онъ снова отправился за отыскиваніемъ манускриптовъ въ Бейрутъ, Лаодикею, Смирну и на о—въ Патмосъ. Между тѣмъ отъ духовныхъ властей Востока было получено согласіе на перенесеніе древняго манускрипта съ Синая въ С.-Петербургъ.

Философія блаженнаго Августина, г. *Нурисона* *.

Въ языческій періодъ своей жизни блаженный Августинъ очень прилежно занимался философіею. Фенелонъ ставилъ его, какъ философа, выше Декарта. Хотя г. Нурисонъ далекъ отъ этой мысли, однако же онъ признаетъ философскія статьи Августина достойными спеціальнаго изученія. Онъ видитъ въ нихъ стремленіе ума отвѣтить на вопросы, рѣшенные впослѣдствіи христіанскимъ богословіемъ. Разныя обстоятельства, соединенныя съ нравственнымъ упадкомъ римлянъ того времени, невольно влекли пытливый умъ къ этимъ вопросамъ. Люди, которыхъ не удовлетворяла языческая религія, утративъ вѣру въ боговъ и не зная догматовъ христіанства, должны были необходимо обратить вниманіе на проблемы, чуждыя миѳологическому міросозерцанію. Августинъ, когда ему было еще не болѣе девятнадцати лѣтъ, увлекся «Гортензіемъ» Цицерона и страстно полюбилъ философію. Онъ переходилъ отъ одной теоріи къ другой, напрасно отыскивая въ нихъ отвѣта на сомнѣнія, возникшія въ умѣ его. Впрочемъ, эти безплодные поиски были небезполезны — они побудили Августина сдѣлаться христіаниномъ и сообщили ему тѣ свѣдѣнія, которыми впослѣдствіи удачно пользовался онъ при диспутахъ съ язычниками. Но напрасно стали бы мы искать въ его философскихъ произведеніяхъ строгой работы систематическаго ума. Въ нихъ отражается только безпокойная, подвижная мысль, установившаяся уже послѣ принятія Августиномъ христіанской вѣры. Его блужданія по всѣмъ школамъ древней философіи, въ доктринахъ которой искалъ онъ точки опоры для своихъ нравственныхъ и умственныхъ убѣжденій, служатъ яснымъ доказательствомъ, что умъ языческаго міра, недовольный настоящимъ и почти ничего неожидающій отъ будущаго, находился при началѣ христіанской проповѣди въ переходномъ состояніи. Августинъ былъ сперва грубымъ язычникомъ, потомъ пантеистомъ, послѣдователемъ Эпикура, ученикомъ новой академіи, платоникомъ и наконецъ сталъ уже христіаниномъ и учителемъ церковнымъ. Эти переходы отъ одного убѣжденія къ другому, вслѣдствіе несостоятельности са-

* La Philosophie de saint Augustin, par *Nourrisson*, couronné par l'Institut de France. 1865.

Digitized by Google

мыхъ доктринъ, придаютъ особый интересъ философскимъ дохристіанскимъ сочиненіямъ Августина. Такъ-какъ г. Нурисонъ смотрѣлъ на нихъ именно съ этой точки зрѣнія, то его книга, написанная прекраснымъ языкомъ и притомъ съ соблюденіемъ строгаго метода, вполнѣ заслуживаетъ той награды, которою почтилъ ее французскій институтъ.

Разсказъ о годовомъ путешествіи по средней и восточной Аравіи, *Уил. Дж. Пальгрэва* *.

Это—очень замѣчательная книга. Она должна произвесть порядочный переворотъ въ понятіяхъ европейцевъ объ Аравіи. Авторъ говоритъ въ предисловіи, что онъ находился въ сношеніи съ орденомъ іезуитовъ, и что деньги на его путевые расходы были ассигнованы императоромъ французовъ. Это извѣстіе должно необходимо подстрекнуть любопытство читателя. Луи-Наполеонъ, іезуиты и англійскій туристъ—что же могло соединить такія странныя противоположности? Но этотъ вопросъ оставленъ безъ отвѣта. Г. Пальгрэвъ предоставляетъ читателямъ полное право думать о цѣли его путешествія, что имъ угодно. Причиною географическихъ открытій была новая дорога, которую избралъ путешественникъ. Оставя въ сторонѣ проторенный караванами путь въ Мекку, онъ направился отъ Мертваго моря прямо въ средину аравійскаго полуострова и, противъ ожиданія, нашелъ здѣсь, вмѣсто голой степи, по которой разбросаны мѣстами кочующіе бедуины, страну, усѣянную городами и селами, торговлю, полицію, шейховъ, королей и даже довольно широкіе политическіе союзы. Это новость, и притомъ совершенно неожиданная. Въ Европѣ нѣтъ ландкарты, по которой можно было бы слѣдить за путешествіемъ г. Пальгрэва. Съ названіемъ мѣстъ, гдѣ былъ онъ, незнакомъ слухъ ни одного записного географа. Авторъ проситъ читателя оставить навсегда ложныя понятія о благородствѣ бедуиновъ, объ арабской культурѣ и мусульманскомъ благочестіи. Все это фантазіи. Относительно политической жизни аравитянъ, авторъ говоритъ, что они съ самыхъ древнѣйшихъ временъ раздѣлялись на племена или поколѣнія, сохраняющія традиціонный союзъ. Каждое изъ этихъ племенъ, вслѣдствіе географическихъ условій страны, раздѣляется обыкновенно на двѣ части, неравныя какъ по числу составныхъ единицъ, такъ и по своему значенію. Бо́льшая половина населенія состоитъ изъ городскихъ и сельскихъ жителей, занимающихся ремеслами и земледѣліемъ; меньшая же ведетъ пастушескую жизнь, для которой степи, захватившія почти треть аравійскаго полуострова, представляютъ много удобныхъ мѣстъ. Кочующіе арабы строго соблюдаютъ свои племенныя и семейныя подраздѣленія, нисколько несмягченныя вліяніемъ цивилизаціи и условіями общественнаго сліянія. Они составляютъ

* Narrative of a Year's, Journey through Central and Eastern Arabia 1862—63, by *William Gifford Palgrave*. 2 vols. 1865.

Digitized by Google

какъ-бы архивъ народныхъ преданій и служатъ мѣриломъ правъ цѣлой націи. Когда возникаютъ генеалогическіе вопросы о происхожденіи жителей какого-нибудь города или села — «живущіе въ кирпичахъ», то-есть горожане совѣтуются обыкновенно съ ближайшими бедуинами, которые и рѣшаютъ эти задачи безошибочно. Во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ — въ религіи, наукѣ, искуствѣ, жители пустыни скорѣе подались назадъ, нежели шагнули впередъ со времени своихъ праотцевъ. Да и могло ли быть иначе, когда учитель ихъ — степь, а школьные товарищи — лошади, верблюды и страусы. Итакъ, впродолженіе длиннаго періода, пока осѣдлые аравитяне къ доставшемуся имъ отъ предковъ наслѣдству по части науки и искуства прибавляли понемногу новыя знанія и улучшенія, повинуясь прогресивному закону природы, который никогда при благопріятныхъ обстоятельствахъ не утрачиваетъ своей силы, бедуины шагъ за шагомъ отступали къ крайнему предѣлу варварства, возможнаго между арабами, и наконецъ стали тѣмъ жалкимъ народомъ, какимъ мы видимъ ихъ въ настоящее время. Даже ихъ прославленное гостепріимство объясняетъ авторъ не дикой добродѣтелью, но ребяческимъ развитіемъ ума. Давать и брать, быть попрошайкою и грабителемъ — все это такъ перемѣшалось въ понятіяхъ бедуина, что онъ не можетъ понимать настоящаго характера своихъ поступковъ. Вообще онъ предлагаетъ путешественнику очень немногое, и часто, въ видахъ вознаградить себя за сдѣланное одолженіе, считаетъ нисколько небезчестнымъ подвигомъ ограбить его въ нѣсколькихъ верстахъ отъ палатки, гдѣ повидимому такъ добродушно пріютилъ его. Г. Пальгрэвъ страшно невзлюбилъ нетолько бедуиновъ, но даже ихъ верблюдовъ, ихъ ословъ и все, что̀ принадлежитъ имъ. Его ненависть къ верблюду неукротима, и этотъ «корабль пустыни» — какъ называютъ его поэты — вышелъ изъ-подъ пера англійскаго туриста въ очень незавидномъ видѣ. Открытіе новыхъ городовъ и деревень, съ народонаселеніемъ, о которомъ до сихъ поръ ученый міръ не имѣлъ никакого понятія, также описаніе аравійской пустыни и быта кочующихъ въ ней племенъ даютъ этому путешествію право на самое видное мѣсто въ ряду географическихъ книгъ. Г. Пальгрэвъ отправился изъ Маана въ среднюю Аравію и проѣхалъ черезъ Ріадъ къ Катифу сухимъ путемъ, потомъ отсюда до Маската — моремъ, заходя по дорогѣ въ Бѣдаа, Ормузъ, Согаръ и другіе прибрежные города. Приключенія въ степи и буря на морѣ, соединенныя съ личной опасностью путешественника, разнообразятъ этотъ разсказъ. Въ Европу возвратился онъ черезъ Багдадъ, Алеппо и сирійскимъ берегомъ. Надобно однако же замѣтить, что г. Пальгрэвъ небольшой мастеръ разсказывать. Онъ какъ будто подражаетъ восточнымъ сказочникамъ, которые занимаютъ праздныхъ мусульманъ въ кофейняхъ. Тѣ никогда не кончаютъ своихъ повѣстей, заманивая такимъ образомъ слушателей на слѣдующую лекцію. Г. Пальгрэвъ тоже не скупится на обѣщанія сообщить

Digitized by Google

нѣчто новое. Читатель все ожидаетъ, что онъ выскажетъ наконецъ главный секретъ свой — цѣль путешествія. Не тутъ-то было! Пославшіе его получили вѣроятно особыя донесенія; читатели же должны благодарить автора за сообщенныя имъ извѣстія, потому что въ его книгѣ много интереснаго.

Сэръ Феликсъ Фой, *Д. Кука* *.

Г. Кукъ задалъ себѣ довольно трудную задачу. Онъ сдѣлалъ героемъ своего романа пятидесяти-пятилѣтняго банкира, сухого, черствaго эгоиста, и притомъ человѣка съ особымъ оттѣнкомъ религіозныхъ убѣжденій. Бываютъ, конечно, и въ этомъ родѣ очень эфектные характеры, особенно когда въ нихъ тайные грѣшки прикрыты обманчивой вывѣской благородства, солидности и благочестія. Такіе Тартюфы нерѣдко встрѣчаются въ кругу дѣловыхъ людей. Былъ, напримѣръ, въ Англіи знаменитый членъ евангелической секты, жившій уединенно въ предмѣстіи. Онъ слылъ человѣкомъ чрезвычайно строгой нравственности и пользовался общимъ уваженіемъ. Но когда умеръ онъ, въ его библіотекѣ нашли собраніе самыхъ безнравственныхъ книгъ, плутовски вложенныхъ въ толстые фоліанты богословскихъ сочиненій. Не таковъ, однакожь, сэръ Феликсъ Фой, герой г. Кука. Это—холодный, самолюбивый человѣкъ, рѣдко поддающійся великодушнымъ влеченіямъ, рѣдко сочувствующій чужому горю, хотя и не совсѣмъ чуждый благородныхъ стремленій. Онъ постоянно несправедливъ къ другимъ; онъ строго держится понятой имъ буквы закона, духъ котораго рѣшительно недоступенъ его разумѣнію. Унижая, втаптывая въ грязь подвластныхъ ему людей, онъ воображаетъ, что даетъ имъ очень полезные уроки. Ему хотѣлось бы скрутить ихъ душу и выжать изъ нея волю и чувства, какъ воду изъ мокрой тряпки. Такимъ является сэръ Феликсъ и въ конторѣ своей, гдѣ всѣ глубоко ненавидятъ его, и въ семейномъ кругу, гдѣ готовъ онъ разбить въ дребезги чужіе интересы, какъ скоро не совпадаютъ они съ его видами. Совершенно другой человѣкъ пасторъ Эдвинъ Фой, меньшой братъ его. Онъ столько же добръ и слабъ, какъ жестокъ, грубъ и непреклоненъ сэръ Феликсъ. Пріятно и покойно живетъ онъ въ глуши, въ уединенномъ уголкѣ Англіи, совершенно довольный своей скромной участью. Одна изъ прихожанокъ, Адиса Пратъ, производитъ на него сильное впечатлѣніе. Онъ начинаетъ думать о женитьбѣ и спѣшитъ посовѣтоваться съ братомъ. Сэръ Феликсъ возстаетъ противъ этого намѣренія, употребляетъ всю изворотливость ума и всю ловкость своей діалектики, чтобъ отклонить пастора отъ задуманнаго брака, и беретъ съ него слово, что онъ броситъ эту пустую мысль. Сцены между братьями ведены превосходно. Исторія этой любви кончается тѣмъ, что Эдвинъ Фой, не сказавъ

* Sir Felix Foy A. Novel. By *Dutton Cook*. 1865.

Digitized by Google

Алисѣ ни слова о своей любви, узнаетъ, что она любитъ другого и уже помолвлена съ нимъ. Такую же роль принимаетъ на себя сэръ Феликсъ въ отношеніи къ двоюродному брату Ламберту, на долю котораго выпало несчастіе принадлежать къ числу его бѣдныхъ родственниковъ. Наконецъ самъ онъ, этотъ холодный человѣкъ, таетъ, согрѣтый красотою очаровательной вдовы Ламбертъ, дѣлаетъ ей предложеніе и—къ удивленію—получаетъ отказъ. Глубоко оскорбленный этой неожиданной неудачею, сэръ Феликсъ дѣлаетъ то, чего никто не ожидалъ отъ него—онъ женится на бѣдной молодой дѣвушкѣ простаго происхожденія. Характеръ Лидіи Финчъ развитъ очень хорошо. Единственный недостатокъ его заключается въ томъ, что эта особа слишкомъ напоминаетъ Бекки Шарпъ. Впрочемъ, автора нельзя обвинять въ рабскомъ подражаніи г. Текерею; онъ взялъ только оригиналъ изъ одного съ нимъ круга женщинъ. Хотя у Лидіи голова тоже развита насчетъ сердца, однакожь она не такъ безчувственна, какъ милая Бекки. Она справедливо говоритъ о себѣ: «Кажется, я способна къ такой глубокой и страстной любви, какъ только можетъ любить женщина». Многимъ могла бы она пожертвовать для того, кто вызвалъ бы въ ней сильное чувство, но такъ-какъ ей не случалось встрѣтиться съ такимъ человѣкомъ, то она и осталась холодна и разсчетлива. Недовольная своимъ скромнымъ положеніемъ въ обществѣ, она рѣшилась выйдти изъ него во что бы ни стало, и достигла своей цѣли. Одержавъ побѣду надъ сердцемъ сэра Феликса, она прерываетъ сношенія съ человѣкомъ, который любитъ ее — впрочемъ, не безъ сожалѣнія. Сцены, когда сообщаетъ она Ламберту и своей бабкѣ о предложеніи сэра Феликса, написаны съ большимъ тактомъ. За бракомъ слѣдуютъ картины, превосходно изображающія положеніе мужчины, который очень долго сдерживалъ порывы своихъ чувствъ и потомъ, слишкомъ поддавшись ихъ чарующему вліянію, сознаетъ, что они хлынули на него не во время, что весенняя пора жизни миновала безвозвратно. Разочарованіе леди Фой, достигшей того положенія, о которомъ такъ завистливо мечтала она, представлено тоже недурно. Вообще Кукъ пишетъ легко и пріятно; онъ шутитъ безъ принужденія и серьёзничаетъ безъ претензіи на педагогическій тонъ. Конечно, романъ его не такъ увлекателенъ, чтобъ отъ него трудно было оторваться. Въ немъ нѣтъ той таинственности, которая подстрекала бы любопытство, заманивая его въ неизвѣстную даль каждой новой главою. Все просто въ немъ. Дѣйствующія лица похожи на людей, съ какими каждому изъ насъ нерѣдко случалось встрѣчаться. Но эта простота вѣрна условіямъ обыкновенной жизни, и потому не лишена своего рода занимательности. Второстепенные характеры и эпизодическія сцены нарисованы тоже очень удачно, описанія и разсказы болѣе нежели хороши — словомъ, романъ этотъ производитъ впечатлѣніе, которымъ не можетъ остаться недоволенъ читатель.

Digitized by Google

Странные Сосѣди *.

Въ этихъ трехъ томахъ перепечатаны разсказы, помѣщенные въ «All the Year Round». Они очень интересны, умны и оригинальны. Особенно хорошъ одинъ изъ нихъ «Picking up a Pocket-Book», гдѣ превосходно описано путешествіе изъ Сан-Франциско въ Нью-Йоркъ. Вообще эти повѣсти несравненно выгоднѣе рекомендуютъ талантъ автора, нежели романъ его «Супруга лорда Линна».

Только Бугорокъ **.

Здѣсь нѣтъ ни убійцъ, ни записныхъ мошенниковъ, которыми наполнены прежнія произведенія миссъ Брадонъ, и хотя не всѣ характеры чисты, какъ голуби, однакоже, въ атмосферѣ этого романа читателю дышется несравненно свободнѣе. Нѣкоторыя сцены, напримѣръ, благотворительный базаръ орлеанскаго дома, написаны мастерской кистью. Франкъ Тредетлинъ — совершенно новое лицо въ репертуарѣ этой писательницы. Его характеръ такъ хорошо выдержанъ, что читатель слѣдитъ съ постояннымъ участіемъ за всѣми измѣненіями въ судьбѣ этого человѣка. Модъ Гилери также очень недурна, и ея окончательное примиреніе съ мужемъ доходитъ до благороднаго пафоса. Даже на правильность языка обращено въ этомъ романѣ сравнительно больше вниманія, словомъ—прогресъ во всѣхъ отношеніяхъ несомнѣнный. Два изданія этого романа раскуплены уже; скоро явится третье.

Мячъ счастія, историческій романъ г-жи *Огденъ Микеръ* ***.

Въ этихъ 4-хъ томахъ изображено царствованіе Елисаветы съ католической точки зрѣнія. Романъ начинается казнью герцога Норфолька, и кончается смертью въ тюрьмѣ графа Аронделя. На сценѣ дѣйствія толпятся Борлейфъ, Гэттонъ, Лейстеръ, сама королева и такое множество историческихъ лицъ, что читатель не въ состояніи сосредоточить на чемъ-нибудь исключительно своего вниманія. Этотъ недостатокъ и нечуждый пристрастія взглядъ на событія ослабляютъ занимательность романа. Католическая аристократія является здѣсь въ слишкомъ выгодномъ свѣтѣ. Елисавета совсѣмъ не была такой простой, грубой и нерѣшительной королевою, какою она здѣсь представлена. Что бы ни говорили о ней, но фактъ остается фактомъ. Въ наслѣдство ей досталась слабая держава, которую, несмотря на тайныя интриги и открытыя нападенія, сдѣлала она могущественнымъ государствомъ. Народъ любилъ ее, и до сихъ поръ Англія гордится ея царствованіемъ. Слѣдовательно, каковы бы ни были мнѣнія относительно разныхъ сторонъ этого характера, все же нельзя сказать, чтобы

---

* Odd Neighbours. 3 vols. 1865.

** Only a Clod. 1865.

*** Fortune's Football: a historical Tale. 4 vols. By *Mrs. Ogden Meeker*. 1865.

Digitized by Google

королева Елисавета и ея совѣтники были такъ себѣ, дюжинные люди.

Нежданный мужъ, *Эдмонда Абу* *.

Г. Абу возвратился къ прежнему роду своихъ романовъ, къ тому характеру ихъ, какой имѣютъ «Tolla» и «Maître Pierre». Этотъ возвратъ объясняется его женитьбою. Посвящая новый романъ свой г-жѣ Абу, онъ говоритъ, между прочимъ: «Для чего сталъ бы авторъ лишать себя удовольствія посвятить книгу той, которая своимъ совѣтомъ, одобреніемъ, и особенно своимъ присутствіемъ дѣлала трудъ его и легче, и пріятнѣе?» Завязка «Нежданнаго Мужа» очень проста; въ развитіи происшествій нѣтъ ни одного необыкновеннаго случая, и дѣйствующія лица — все люди порядочные. Валентина, очень богатая, но простаго происхожденія дѣвушка, помолвлена съ барономъ Сен-Жененомъ, родъ котораго такъ же древенъ, какъ пустъ его кошелекъ. Любви нѣтъ здѣсь — съ обѣихъ сторонъ разсчетъ. Стало быть, нисколько неудивительно, что невѣста влюбляется въ кузена своего жениха. Баронъ замѣчаетъ ихъ взаимную склонность, и отказывается отъ своихъ правъ на Валентину, вслѣдствіе чего она и выходитъ замужъ за г. Гонтрана. Итакъ, планъ очень простъ; однако же, несмотря на это, занимательность романа ростетъ съ каждой главою. Интересъ заключается не въ сложности обстоятельствъ, но въ характерахъ, положеніяхъ и обстановкѣ дѣйствующихъ лицъ. На жизнь провинціальныхъ капиталистовъ и на брачные обычаи, усвоенные французами, авторъ смотритъ съ сатирической точки зрѣнія, и эти картины очень хороши.

Двѣ ваатландскія повѣсти, *Юрбена Оливье*. Февальскіе холмы. Фіалка **.

Вторая изъ этихъ двухъ повѣстей уже выдержала два изданія. Она разошлась въ числѣ 11,000 экземпляровъ. Такой успѣхъ не можетъ не говорить въ пользу скромнаго автора, который сначала не выставилъ даже передъ нею своего имени. «Фіалка» и прибавленные къ ней теперь «Февальскіе холмы» принадлежатъ къ числу такъ-называемыхъ нравственныхъ повѣстей. Г. Оливье изображаетъ въ нихъ дурныя слѣдствія пьянства. Конечно, нравственная сторона бельлетристическихъ разсказовъ заключается не въ постановленіи судебныхъ приговоровъ и не въ раздачѣ наградъ и наказаній, но въ обязанности автора изображать хорошее — хорошимъ, и дурное — дурнымъ, не золотя гадостей и не описывая ихъ съ тѣми подробностями, которыя могли бы претить порядочнымъ людямъ. Но, вѣроятно, эта скромная форма бельле-

---

* La Vieille Roche: Le Mari imprévu, par *Edmond About*. 1865.

** Deux nouvelles vaudoises, par *Urbain Olivier*. Les collines de Feval. La Violette. 1865.

Digitized by Google

трической нравственности не соотвѣтствовала тенденціямъ автора. Кажется, онъ имѣлъ въ виду преимущественно тотъ кругъ читателей, на который особенно хотѣлось ему подѣйствовать своими разсказами. Вслѣдствіе этого, каждому изъ дѣйствующихъ лицъ онъ воздаетъ по дѣламъ его: добродѣтель награждаетъ, и порокъ казнитъ съ такимъ безпристрастіемъ, которое вполнѣ заслуживаетъ похвалы, если смотрѣть на него съ юридической точки зрѣнія. Хотя пріемъ этотъ, рѣдко подтверждаемый фактами дѣйствительной жизни, давно уже оставленъ бельлетристами, однако же нельзя сказать, чтобы г. Оливье ошибся, выбравъ его средствомъ для достиженія задуманной цѣли. Увѣряютъ, что многіе изъ простыхъ людей, прочитавши эти повѣсти, отказались отъ мелочной торговли крѣпкими напитками. Безъ сомнѣнія, цѣль была бы несравненно полнѣе достигнута, еслибы уменьшилось число не продавцовъ, но покупателей вина. Впрочемъ, недурно и то, чего удалось достигнуть г-ну Оливье.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

А. Кременицынъ, гр. Я. Ростовцовъ и В. Соколовскій.

Разсказъ графа Сологуба, напечатанный въ «Русскомъ Архивѣ» (1865 г. №№ 5—6), живо рисуя отношенія А. С. Пушкина къ той средѣ, въ которой ему пришлось вращаться въ послѣдніе годы его жизни, прекрасно очерчиваетъ и самое общество... Но если картина борьбы Пушкина съ интригами, кознями, всѣми пошлостями «большого свѣта»—борьбы, сгубившей нашего геніальнаго поэта, возмущаетъ насъ даже теперь, спустя тридцать лѣтъ послѣ безвременной кончины Пушкина, то съ другой стороны нельзя не умилиться при воспоминаніи о томъ глубокомъ, потрясающемъ до слезъ чувствѣ грусти и даже отчаянія, какое вызвала въ свое время смерть Пушкина со стороны всей мыслящей, лучшей части русскаго общества и со стороны тогдашняго молодаго поколѣнія... Кто не знаетъ описаніе кончины Пушкина, оставленное Жуковскимъ; у кого не сжималось сердце при чтеніи стиховъ Лермонтова на смерть Пушкина; кто не слыхалъ множество разсказовъ о томъ, какъ толпилась масса народа въ квартирѣ Пушкина, въ часы его предсмертной агоніи? Съ слезами на глазахъ ждали тѣ посѣтители вѣсти о здоровьѣ поэта... кому, наконецъ, неизвѣстно, съ какою глубокою скорбью отдала,

Digitized by Google

опять-таки лучшая часть тогдашняго общества, послѣдній долгъ останкамъ Пушкина... Каждая новая черта, напоминающая намъ объ отношеніяхъ современниковъ Пушкина къ личности геніальнаго поэта, должна быть намъ дорога; поэтому мы считаемъ нелишнимъ сообщить здѣсь стихотвореніе, написанное нѣсколько дней спустя послѣ смерти Пушкина, его землякомъ, хорошимъ знакомымъ и пылкимъ, восторженнымъ его поклонникомъ — Александромъ Николаевичемъ *Креницынымъ*.

Въ 1837 году Креницынъ былъ въ Петербургѣ; онъ былъ одинъ изъ тѣхъ многихъ, которые имѣли случай поклониться тѣлу Пушкина и оплакать его горькими слезами. Креницынъ былъ на панихидахъ по Пушкинѣ и проводахъ колесницы, увозившей останки поэта въ Святыя Горы, монастырь въ Опочецкомъ уѣздѣ, Псковской губерніи. Нѣсколько дней спустя послѣ смерти Пушкина, сестра Александра Николаевича — Н. Н. попросила у него стиховъ въ альбомъ. Вотъ что отвѣчалъ Креницынъ; приводимъ его стихотвореніе — впрочемъ не вполнѣ:

Нѣтъ! не до пѣсень мнѣ, сестра,
Когда поэтъ, кумиръ народный
Еще подъ лаврами *вчера*,
Увы! *сегодня* трупъ холодный!

Могу ль я слезы удержать
Пѣвца Полтавы вспоминая?..
И какъ не плакать, не рыдать,
Когда рыдаетъ Русь святая?

О! сколько сладостныхъ надеждъ,
И думъ завѣтныхъ, и видѣній,
На радость сильныхъ и невѣждъ,
Ты въ гробъ унесъ, могучій геній!

Во мракѣ ссылки былъ онъ твердъ,
На лонѣ счастья—благороденъ,
Съ временщикомъ и смѣлъ, и гордъ,
. . . . . .

Такъ, Пушкинъ! именемъ твоимъ
Гордиться русскій вѣчно будетъ!
Кого жь теперь мы слѣпо чтимъ
Потомство скоро позабудетъ.

И кто жь убійца твой? пришлецъ
Барона паникъ развращенный [1],
Порока жалкій первенецъ,
Французъ продажный и презрѣнный!

[1] Жоржъ Дантесъ, убійца Пушкина, былъ усыновленъ голландскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ, барономъ Геккерномъ.

Digitized by Google

Да будетъ проклятъ онъ французъ,
Да будетъ проклятъ мигъ кровавый,
Который насъ лишилъ и музъ,
И лучшей радости, и славы!

И нѣтъ его! въ могилѣ онъ!
Ужь нѣтъ народнаго кумира,
Поэта непробуденъ сонъ,
Замолкла пламенная лира.

10-го февраля 1837 г.

С.-Петербургъ.

Здѣсь, по поводу приведеннаго нами сильнаго и искренняго стихотворенія А. Н. Креницына—стихотворенія, написаннаго поэтомъ въ свое время не для печати, кстати вспомнить, какъ же *печать* того времени приняла вѣсть о смерти Пушкина? Первый журналъ, который помѣстилъ на своихъ страницахъ заявленіе своей грусти о великой потери, понесенной отечественною словесностью въ лицѣ Пушкина, была газета «Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду, на 1837 годъ».

Эта газета, издававшаяся in f° въ Спб., 52 нумера въ годъ, А. Плюшаромъ, для своего времени, была весьма умна и интересна. Въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» сотрудничали лучшіе, талантливѣйшіе русскіе писатели и ученые того времени: такъ мы здѣсь находимъ повѣсти и статьи В. И. Даля, И. И. Лажечникова, П. П. Каменскаго, Н. И. Надеждина, М. Г. Павлова, П. А. Плетнева, И. И. Панаева, С. П. Шевырева, стихи: Ѳ. Н. Глинки, В. Г. Бенедиктова, И. И. Панаева, Вл. И. Соколовскаго, Л. А. Якубовича, Е. П. Гребенки, Н. Тепловой, Э. И. Губера, И. И. Козлова и др.; первый нумеръ «Литер. Прибавл.» на 1837 годъ, вышедшій при жизни Пушкина, былъ украшенъ его стихотвореніемъ.

На страницахъ этой газеты, въ № 5, 30-го января (нумеръ одобренъ цензоромъ П. Корсаковымъ къ печати 29-го января 1837 г.), на 48-й страницѣ, надъ Смѣсью, въ траурной рамкѣ мелкимъ штрифтомъ напечатано слѣдующее заявленіе:

«Солнце нашей поэзіи закатилось! Пушкинъ скончался, скончался во цвѣтѣ лѣтъ, въ срединѣ своего великаго поприща!... Болѣе говорить о семъ не имѣемъ силы, да и не нужно; всякое русское сердце знаетъ всю цѣну этой невозвратной потери, и всякое русское сердце будетъ растерзано. Пушкинъ! нашъ поэтъ! наша радость, наша народная слава... Неужели въ самомъ дѣлѣ нѣтъ уже у насъ Пушкина?... Къ этой мысли нельзя привыкнуть!...

«29-го января, 2 часа 45 мин. пополудни.»

Эти восемь строкъ, дышащія пламенною любовью къ безвременно погибшему поэту, и полныя глубокаго отчаянія, были напи-

Digitized by Google

саны молодымъ стихотворцемъ того времени, Лукьяномъ А. Якубовичемъ [1].

Редакція «Литературныхъ Прибавленій» не ограничилась однако приведеннымъ нами заявленіемъ сочувствія своего къ общей горести о смерти Пушкина; въ № 21 этой газеты за 1837 годъ, помѣщено было «На смерть А. С. Пушкина», стихотвореніе Н. *Тепловой:*

Смиритеся отважныя мечтанья!
Здѣсь ничему свершиться не дано.
Великому—предначертанье,
Прекрасному—мгновеніе одно.

Еще твоихъ мы ждали нѣснопѣній...
Все кончено! твой грозный часъ пробилъ,
Нашъ вѣковой поэтъ и геній,
Исполненный могущественныхъ силъ!...

и т. д. (см. Л. Пр. стр. 202).

Но обращаюсь къ первому изъ приведенныхъ мною стихотвореній или, лучше сказать, къ автору его, А. Н. Креницыну, и такъ-какъ я намѣренъ привести еще двѣ-три выписки изъ его бумагъ, то здѣсь считаю нелишнимъ (съ позволенія глубокоуважаемаго Александра Николаевича) сказать нѣсколько предварительныхъ словъ.

Александръ Николаевичъ Креницынъ родился 5-го марта 1801 года [2]. Воспитывался онъ сначала въ первой гимназіи ветербург-

---

[1] Довольно много его стихотвореній помѣщено, между прочимъ, въ различныхъ нумерахъ «Литературныхъ Прибавленій на 1837 г.». Первыя стихотворенія написаны Якубовичемъ въ 1828 г.; съ тѣхъ поръ онъ печаталъ ихъ во всѣхъ лучшихъ изданіяхъ и альманахахъ того времени; въ 1837 г.—97 стихотвореній изданы имъ въ отдѣльной книгѣ: «Стихотворенія Лукьяна Якубовича. С.-пб. 8 д. 192 стр». Якубовичъ особенно удачно переводилъ пѣсни и баллады западныхъ славянъ.

[2] По женской линіи, Креницынъ имѣетъ въ числѣ предковъ своихъ — извѣстнаго Петра Спиридоновича *Сумарокова*, бывшаго въ 1724 г. камер-пажомъ имп. Екатерины I-й и потомъ адъютантомъ Ягужинскаго; послѣдній отправилъ П. С. Сумарокова въ 1730 г. въ Митаву, тайно предупредить Анну Ивановну о всѣхъ замыслахъ Верховнаго Совѣта. Сумароковъ успѣшно выполнилъ порученіе, за что и былъ схваченъ по приказанію верховниковъ, жестоко избитъ и скованный брошенъ въ темницу. Анна Ивановна, по принятіи самодержавія, его освободила. «Удивительно—говоритъ Вейдемейеръ (см. Обзоръ событій отъ смерти Петра I-го до вступл. на престолъ Елисаветы, ч. 1-я стр. 128—129)—что во все царствованіе Анны, Сумароковъ не былъ употребленъ на службу, и даже жилъ въ большой бѣдности». Это—ошибка. У А. Н. Креницына виситъ прекрасный, масляными красками рисованный большой портретъ Сумарокова, на обратной сторонѣ котораго есть современная надпись: «Императрицы всероссійской обер-шталмейстеръ, полный генералъ, дѣйствительный камергеръ,

Digitized by Google

ской [1], гдѣ товарищемъ у него былъ, между прочимъ, кн. А. М. Горчаковъ, а потомъ, въ сентябрѣ 1812 г., Креницынъ перешолъ въ Пажеской корпусъ. Здѣсь, между прочими его товарищами, были К. В. Чевкинъ, І. И. Ростовцовъ, Ев. А. Баратынскій, А. Л. Философовъ и др. Съ Ростовцовымъ и Баратынскимъ— А. Н. Креницынъ былъ связанъ узами тѣснѣйшей дружбы, которая не прекращалась до самой смерти того и другаго. Будучи пажомъ, Креницынъ сталъ писать стихи; сыновья извѣстнаго силача Лукина познакомили его съ А. А. Бестужевымъ, тогда юнкеромъ лейб-драгунскаго полка. Бестужевъ поощрялъ поэтическій талантъ Креницына [2]. Съ Баратынскимъ, сердечнымъ другомъ своимъ, Александръ Николаевичъ обмѣнивался посланіями. Въ «Сынѣ Отечества» за 1819 г. (ч. 55 стр. 181. № 6) напечатано посланіе Баратынскаго къ Александру Николаевичу Креницыну:

Къ Креницыну [3].

Товарищъ радостей младыхъ,
Которыя для насъ безвременно увяли:
Я свидѣлся съ тобой! Въ объятіяхъ твоихъ
Мнѣ дни минувшіе, какъ смутный сонъ предстали.
О, милый! я съ тобой когда-то счастливъ былъ!
Гдѣ время прежнее, гдѣ прежнія мечтанья?
И живость дѣтскихъ чувствъ и сладость упованья!
Все хладный опытъ истребилъ.
Узналъ ли друга ты?—болѣзни и печали
Его состарѣли во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ;
Ужь много слабостей тебѣ знакомыхъ нѣтъ
Ужь многія мечты ему чужими стали!

сенаторъ, государственной военной колегіи первѣйшій членъ, орденовъ святаго апостола Андрея, Александра-Невскаго и святыя Анны кавалеръ Петръ Спиридоновъ Сумароковъ». Сумароковъ изображенъ въ мантіи какого-то ордена, изъ-подъ нея видѣнъ богато-вышитый камзолъ и жгутъ эксельбанта. Лицо полное, багровое, безъ усовъ, брови и глаза черные, подбородокъ отвислый. Лицо суровое и надутое. П. С. Сумароковъ принесъ своей фамиліи большое состояніе. У г. Креницына есть и другой портретъ П. Сумарокова на слоновой кости, миніатюрный.

[1] Любопытно, что учителемъ французскаго языка въ гимназіи, гдѣ воспитывался А. Н. Креницынъ — былъ *Будри*, эмигрантъ, братъ извѣстнаго *Марата*.

[2] Нѣкоторые стихи г. Креницына были напечатаны: въ «Сын. Отеч.» 1819 г., одно—въ томъ же году—отдѣльною брошюрою; нѣсколько стихотвореній помѣщено Креницынымъ въ журн., издав. А. Воейковымъ подъ назв. «Славянинъ», а одно стихотв. «къ брату Б. Н. К.», въ «Рус. Инв.» 1828 г.

[3] Посланіе это не вошло въ «Стихотворенія Баратынскаго». М. 1835 г., 8 д., 2 ч.; между тѣмъ по искренности и задушевности своей оно весьма интересно. Притомъ посланіе это любопытно по отношенію къ нравственной личности поэта.

Digitized by Google

Разсудокъ творче и вѣрнѣй,
Поступки; разговоръ скромнѣе:
Онъ осторожнѣй сталъ, быть можетъ, сталъ умнѣе,
Но, вѣрно, счастіемъ теперь стократъ бѣднѣй.
Не подражай ему, иди своей тропою
Живи для радости, для Дружбы, для любви,
Цвѣтокъ нашелъ, скорѣй сорви [1];
Цвѣты прелестны лишь весною!
Когда разсѣянно, съ унынiемъ внимать
Я буду снамъ твоимъ о будущемъ, о счастьѣ,
Когда въ мечтахъ твоихъ не буду принимать,
Какъ прежде пылкое, сердечное участье,
Не сѣтуй на меня, о Другѣ пожалѣй.
Все можно возвратить!—мечтанья невозвратны!
Такъ! были нѣкогда и мнѣ онѣ пріятны,
Но быстро скрылись отъ очей.
Я легковѣренъ былъ: надежда, наслажденье
Меня съ улыбкою манили въ темну даль,
Найдти я радость мнилъ—нашелъ одну печаль
И сердцу милое исчезло заблужденье.
Но для чего грустить? — Мой Другъ еще со мной,
Я не всего лишенъ судьбой ожесточенной.
О, Дружба нѣжная! останься неизмѣнной.
Пусть будетъ прочее мечтой!

Евгеній Баратынскій [2].

(«С. От.» 1819. № XXX стр. 181—182).

Въ томъ же году означеннаго журнала (въ № XXXVI стр. 137 — 138) было напечатано нижеприведенное стихотвореніе А. Н. Креницына .. Но прежде чѣмъ его привести, надо сказать нѣсколько словъ: Креницынъ, въ бытность еще пажемъ, рано заявилъ свое поэтическое дарованіе; мы уже говорили, что одна изъ звѣздъ литературной критики, 1820-хъ годовъ, благородный и глубоко сочувствовавшій интересамъ родной литературы— А. А. Бестужевъ рано замѣтилъ талантъ Креницына и поощрялъ его. Нѣсколько стихотвореній поэта-пажа уже ходили по рукамъ, въ рукописныхъ спискахъ, но особенный говоръ возбудило (въ томъ кругѣ, гдѣ вращался Креницынъ) бойкое, юмористическое его стихотвореніе: «Панскій бульваръ», въ которомъ поэтъ зло и умно осмѣивалъ недостатки многихъ лицъ, изъ которыхъ нѣко-

[1] Стихъ этотъ въ печати, въ «С. От.» 1819, былъ опущенъ и замѣненъ точками; возстановленъ его по указанію А. Н. Креницына.

[2] Евгеній Абрамовичъ Баратынскій р. въ 1800, ум. 29-го іюня 1844 г.; обстоятельный списокъ его стихотвореній помѣщенъ нашимъ трудолюбивымъ библіографомъ М. Н. Лонгиновымъ въ «Рус. Арх.» 1864 г. стр. 110—118. Приведенное нами посланіе принадлежитъ къ числу первыхъ стихотвореній Баратынскаго, который сталъ печатать произведенія своей музы только въ 1819 г.

Digitized by Google

торые довольно высоко стояли на іерархической лѣстницѣ чиновъ... Противъ поэта поднялась гроза, хотѣли исключить изъ нажескаго корпуса, бранили, преслѣдовали — и молодой человѣкъ, выведенный изъ себя, отвѣчалъ сильнымъ и смѣлымъ стихотвореніемъ, которое, какъ мы уже сказали, и было напечатано въ томъ же, 1819 году; вотъ оно:

Къ врагамъ.

Враги ничтожные моей правдивой Музы!
Мой геній оковать не въ силахъ ваши узы;
Бичемъ я буду злыхъ, доколѣ злые есть;
Правдивымъ быть—велитъ, коль не разсудокъ честь!
Пусть гнусные льстецы вамъ похвалы сплетаютъ:
Пускай въ смиреніи святымъ уподобляютъ,
Пусть гимны вамъ поютъ!—но я, я не таковъ!
Косой взглядъ мудраго страшнѣе мнѣ враговъ;
При видѣ подлеца не сохраню молчанье,
Лесть—въ краску приведу, распутство—въ содроганье!
Долгъ благородныхъ душъ — порокъ изобличать,
Личину честности съ безчестнаго срывать;
Виновенъ ли я въ томъ, что злымъ кажусь невѣждѣ?
Что добродѣтель чту, не кланяясь одеждѣ;
Я прославлять съ пеленъ одно добро привыкъ;
Что сердце чувствуетъ, не скроетъ то языкъ!
Гоните же меня! гоните клеветами,
Глупцы! я тѣмъ горжусь, что ненавидимъ вами!

А. Креницынъ.

«Радости младыя» — для Баратынскаго и Креницына — «безвременно увяли»: въ 1817 году, за какой-то проступокъ, Баратынской уже былъ разжалованъ въ солдаты и находился тогда гдѣ-то въ Финляндіи [1]; вскорѣ послѣ того, а именно въ апрѣлѣ 1820 года, и нашъ молодой поэтъ Креницынъ также разжалованъ въ рядовые и опредѣленъ въ 18-й егерскій полкъ, въ 9-ю дивизію 3-го корпуса. Причина несчастія, постигшаго Креницына, заключалась въ вспыльчивости и горячности молодого человѣка; горячность его вовлекла въ тяжкое оскорбленіе

[1] Привожу эпиграму Баратынскаго, сообщенную А. Н. Креницынымъ. Однажды надъ Баратынскимъ, когда онъ служилъ еще унтер-офицеромъ, вздумалъ заносчиво величаться и глумиться какой-то знакомый. Баратынскій отвѣчалъ:

Я унтеръ, други! – точно такъ,
Но не люблю я бить баклуши,
Всегда исправенъ мой тесакъ,
Такъ берегите—уши!

Баратынскій прослужилъ нижнимъ чиномъ, кажется, около восьми лѣтъ.

Digitized by Google

одного изъ гувернеровъ, за что и пришлось ему поплатиться трехлѣтней службой въ нижнихъ чинахъ. Только въ 1823 году онъ произведенъ въ прапорщики, и затѣмъ только въ 1828 году Креницыну удалось выпроситься въ отставку. Онъ уволенъ подпоручикомъ арміи [1]. Поселясь въ деревнѣ, А. Н. Креницынъ весь отдался чтенію книгъ, да заграничнымъ путешествіямъ; изъ-за границы Александръ Николаевичъ всякій разъ привозилъ въ свое Мишневo большія коллекціи книгъ, гравюръ, эстамповъ, фотографій и различныхъ рѣдкостей. Только изрѣдка А. Н. Креницынъ сѣдлалъ своего Пегаса, но и то, чуждый авторскаго самолюбія, не мыслилъ печатать свои живыя и остроумныя посланія и эпиграмы, которыя однако быстро расходились въ спискахъ въ средѣ многочисленныхъ знакомыхъ и друзей уважаемаго «Мишневскаго пустынника» [2]. Между прочимъ, одно изъ посланій г. Креницына въ позднѣйшіе годы, именно въ 1853 году, къ Я. И. Ростовцову, вызвало со стороны послѣдняго весьма интересный отвѣтъ въ стихахъ [3]. Дѣло происходило такъ: у Креницына и Ростовцова былъ товарищъ по воспитанію, А. П. Т—въ, кото-

---

[1] Съ 1828 года по настоящее время А. Н. Креницынъ живетъ въ своемъ красивомъ сельцѣ Мишневѣ, близъ петербургской большой дороги, въ Великолуцкомъ уѣздѣ, Псковской губерніи. Очень и очень многіе знаютъ радушнаго и высокопросвѣщеннаго хозяина сельца Мишнева и его прекрасную, обширную библіотеку: въ ней «Мишневскій отшельникъ», какъ обыкновенно называютъ мѣстные жители А. Н. Креницына, собралъ множество книгъ и брошюръ на иностранныхъ языкахъ, главнымъ образомъ по исторіи вообще и исторіи Россіи и Франціи въ особенности. Нѣкоторыя изданія весьма рѣдки и дороги; довольно сказать, что есть изданія, выписка которыхъ обошлась г. Креницыну до 125 руб. сер! О величинѣ библіотеки можно судить изъ того, что г. Креницынъ съ 1829 г. ежегодно выписывалъ, и продолжаетъ донынѣ выписывать до 30 газетъ и журналовъ. Изъ рукописей, принадлежащихъ г. Креницыну, напечатаны въ «Отеч. Записк.» 1860 г. (№№ 5, 6 и 7): интересныя письма А. А. Бестужева къ его роднымъ.

[2] Не приводя здѣсь произведеній остроумнаго пера г Креницына, такъ какъ бо́льшая часть ихъ имѣютъ личный интересъ для него и тѣхъ, къ кому или насчетъ кого они писаны—назову только лучшія его стихотворенія: «Холмъ» — длинная и весьма забавная галерея всѣхъ курьёзныхъ личностей города Холма; «Парижъ и Холмъ, предводительская Іереміада», «Его нѣтъ дома», «А. А. Ивановскому, обѣщавшему поэту нѣсколько рукописей К. Ѳ. Р...», «Ай-да Луки! посвящ. П А. Каратыгину», «Человѣкъ и чинъ», эпиграма: «Лукъ Великихъ городничій», «Моя исповѣдь», «Отвѣтъ П. А. Каратыгину на его посланіе къ г. Креницыну», «Хоть за ваши прогрѣшенья и продѣлки по ночамъ»... «Мое возраженіе въ отвѣтъ на стихи П. А. Каратыгина», «Г-ну Ш.: за что́ меня ты такъ обидѣлъ?», «Мечты и дѣйствительность»—большое и остроумное стихотвореніе А Н. Креницына, тоже рукописное, посвященное Н. Н. Великопольскому, и многія другія.

[3] О литературной дѣятельности Я. И. Ростовцова — см. замѣтку въ 5-мъ примѣч. къ статьѣ «А. А. Бестужевъ» въ «Отеч. Запис.» 1860. № 5.

Digitized by Google

рый, вслѣдствіе какихъ-то непріятностей, долженъ былъ оставить службу, и живя безъ мѣста, находился въ весьма стѣсненномъ положеніи. А. Н. принялъ въ немъ участіе и, въ бытность свою въ Петербургѣ въ 1853 году, написалъ дружеское посланіе къ Якову Ивановичу, въ которомъ сказавъ нѣсколько сердечныхъ стиховъ о томъ уваженіи, какое снискалъ себѣ Яковъ Ивановичъ среди многихъ лицъ на Руси, Креницынъ продолжаетъ:

А этотъ чудный баснословъ,
Предъ кѣмъ самъ Пушкинъ преклонялся...
И онъ, нашъ дѣдушка Крыловъ,
Твоею дружбой не чуждался!

Но полонъ юности огня
И корпусной къ тебѣ пріязни,
Простишь ли грѣшнаго меня,
Что откровенно, безъ боязни,

Я упрекну тебя *въ одномъ*...
Какъ преданъ весь благотворенью,
Заботясь вѣчно *о чужомъ*,
Ты предалъ *своего* забвенью...

Кто жь *онъ*, средь избранныхъ сыновъ
Изъ всѣхъ, *одинъ* тобой забытый?
Нашъ однокашникъ, *нашъ* Титовъ
И горемъ, и нуждой убитый!

Собрата юношескихъ дней
Отторгнувъ отъ судьбы суровой
Его, жену и сыновей
Ты воскреси для жизни новой и т. д.

Я. И. Ростовцовъ немедленно отвѣчалъ Креницыну также посланіемъ въ стихахъ; стихи эти, какъ намъ кажется, весьма интересны относительно личности и характера покойнаго графа, почему мы и приводимъ ихъ здѣсь:

А. Н. Креницыну.

Благодарю тебя, другъ дѣтства,
За рѣчи добрыя твои;
Не изъ видовъ, не изъ кокетства
Мы говоримъ: «вѣдь мы свои»;
Нѣтъ, мы свои по чувству чести:
И твой, и мой языкъ чуждъ лести;
Ты честно жилъ въ тиши полей,
Жилъ честно я въ котлѣ страстей —
И *такъ* мы отжили полвѣка;
Я, ради риѳмы, не солгу:
Люблю въ тебѣ я человѣка
И чести честнаго слугу;

Digitized by Google

И шлю тебѣ желанья брата:
Чтобъ западъ дней твоихъ былъ тихъ;
. . . . . .
. . . . . .
Чтобъ не влачилъ ты крестной ноши
И подъ ярмомъ не упадалъ;
Не бился зайцемъ по порошѣ
И снова жить не зачиналъ;
Дай Богъ тебѣ: не знать собратій,
Не чуять петли изъ объятій,
Душой безплодно не отцвѣсть
И вѣрить вѣкъ въ людскую честь;
На берегъ выдти внѣ волненья,
Не встрѣтить въ жизни лишь борьбу;
И внѣ хвалы, внѣ оскорбленья
Благословить свою судьбу.

Насчетъ же добраго Титова
Я жду тебя, хоть на два слова.

I. Ростовцовъ [1].

10-го ноября 1853.

Скажу два-три слова о знакомствѣ А. Н. Креницына съ поэтомъ Соколовскимъ. Съ Владиміромъ Игнатьевичемъ Соколовскимъ (воспитыв. въ московскомъ университетѣ; вышелъ, кажется, въ 1831 или 1833 г.) Креницына познакомилъ П. П. Каменскій въ 1837 году, когда Соколовскій, оставя за собой Шлисельбургъ, готовился ѣхать въ Вологду. Соколовскій былъ именинникъ, и пригласилъ къ себѣ Креницына; тотъ пришелъ, и нашелъ хозяина мертвецки пьянымъ. Соколовскій сильно уже тогда пилъ, и это свело его въ преждевременную могилу. Это былъ молодой человѣкъ, безспорно одаренный большимъ поэтическимъ дарованіемъ; въ Шлисельбургѣ написалъ онъ свою поэму: «Альма», оставшуюся въ рукописи. Разсказываютъ, что Жуковскій, по прочтеніи ее, взялъ себя за голову и сказалъ: «вотъ поэтъ, который убьетъ всѣ наши дарованія». Соколовскій, дѣйствительно, въ то время много работалъ, и отъ его таланта многаго ждала и критика, и публика. Въ 1837 году помѣщено имъ было въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ «Рус. Инвалиду» нѣсколько стихотвореній: «Молодица (№ 21, стр. 203), Двѣ свадебныя пѣсни изъ большой романтической поэмы: Іоаннъ IV (№ 26, стр. 252); «Посланіе Александру Николаевичу Креницыну» (№ 33, стр. 322); приводимъ

[1] Стихотвореніе это буквально списано съ автографа Я. И. Ростовцова, хранящагося у А. Н. Креницына.

Digitized by Google

Это граціозное стихотвореніе, написанное Соколовскимъ Креницыну, при посылкѣ ему своего большого стихотворнаго труда: «Мірозданіе»:

Вотъ первый взлетъ въ далекій рай,
Вотъ первыхъ помысловъ кипѣнье:
Ты ихъ съ любовью прочитай,
И о пѣвцѣ, мнѣ въ утѣшенье,
Воспоминай, воспоминай!

Мы розно здѣсь проходимъ путь,
Но слиты сердцемъ, и порою—
Когда придетъ пора вздохнуть—
Тогда меня своей мечтою
Не позабудь, не позабудь!

Промчатся ль бѣдствія огни,
Придетъ ли вёдро за грозою—
Но о пѣвцѣ и въ эти дни
Ты съ умиленія слезою
Воспомяни, воспомяни!

И вѣрь ты мнѣ, что въ вихрѣ лѣтъ,
И въ день благóтъ, и въ ночь ненастья
Всегда подастъ тебѣ отвѣтъ—
Отвѣтъ, исполненный участья,
Любви поэтъ, любви поэтъ.

Креницынъ, на посвященіе Соколовскаго, отвѣчалъ 10-го октября 1837 году слѣдующимъ, отъ души вылившимся стихотвореніемъ:

Когда листокъ читалъ я твой,
Гдѣ вдохновенными стихами
Ты мнѣ откликнулся душой...
Я плакалъ сладкими слезами,
Я былъ не свой, я былъ не свой!

Да, вѣрь, что правду говорю:
Тебѣ, поэтъ, я цѣну знаю...
И весело впередъ смотрю,
И радостно къ тебѣ взываю:
Благодарю, благодарю!

О! что тебѣ ни суждено
На этомъ морѣ треволненій,
Всегда съ тобою заодно,
И въ часъ торжествъ, и въ часъ лишеній,
Я твой давно, я твой давно!

Надеждамъ ты не измѣни
Намъ, общей матери Россіи,
И чудной «Альмой», въ наши дни
Чудеснаго пѣвца Маріи
Намъ замѣни, намъ замѣни!

Digitized by Google

Ответъ этотъ уже не засталъ Соколовскаго въ живыхъ: горькая чаша, да постоянныя четырехлѣтнія бѣдствія свели его въ могилу. Осенью 1837 года, Соколовскій скончался въ Пятигорскѣ [1].

Кромѣ названныхъ стихотвореній, Владиміромъ Игнатьевичемъ Соколовскимъ были напечатаны, въ тѣхъ же «Литер. Приб.» 1837 года, еще слѣдующія произведенія: «Отрывки изъ воспоминаній о 1814 годѣ»; стих. въ № 36 стр. 351, посвящ. графу Ѳедору Петровичу Толстому (это четыре хоровыя пѣсни, написанныя по случаю празднества, бывшаго въ 1837 г.); «Отрывокъ изъ поэмы: Хеверь» (№ 43, стр. 421.) [2]... Въ № 46, на стр. 452 означенной газеты, мы находимъ слѣдующее стихотвореніе какой-то дѣвицы В... Д. М..вой. Приводимъ его въ доказательство, какъ сочувственно относились тогда къ нашему несчастному поэту:

къ В. И. С—му.

Да, не вѣчно насъ плѣняетъ
Счастье прелестью своей,
И не часто разцвѣтаетъ
Цвѣтъ отрадный для очей.
Какъ отъ бурь и непогоды
Вянутъ лучшіе цвѣты,
Такъ въ тяжелые намъ годы
Блекнутъ счастія мечты...
Но порою, тихимъ свѣтомъ
Въ мракѣ грозныхъ, темныхъ тучъ,
Какъ заря передъ разсвѣтомъ,
Дивно блещетъ счастья лучъ...
И твое пройдетъ ненастье,
Разцвѣтетъ твоя заря,
И тебя проводитъ счастье
По долинѣ бытія;
Ты подъ гулъ хвалы покойно
Путь свой жизненный пройдешь,
И такъ звучно лирой стройной
Славу божью воспоешь...

Соколовскій отвѣчалъ длиннымъ, нѣсколько вычурнымъ (какъ обыкновенно онъ писалъ), но не безъ искренности и вдохновенія

---

[1] Не разъ уже дивились у насъ какой-то непостижимой судьбѣ, грозно-висящей надъ нашими лучшими писателями, и какъ тяжкій молотъ, преждевременно разбивающій ихъ существованіе. Въ самомъ дѣлѣ, назовемъ только имена: Пушкина, Грибоѣдова, Лермонтова, А. Бестужева, Батюшкова, Полежаева, Кольцова, Баратынскаго, Веневитинова, Гоголя, Шевченко, да и многихъ другихъ — и предъ нами подымаются могилы, слишкомъ-слишкомъ рано поглотившія этихъ передовыхъ ратниковъ русской мысли!

[2] Это была драматическая поэма въ трехъ частяхъ и заключала въ себѣ слишкомъ 5,000 стиховъ. Современная критика надѣялась, что публика будетъ благодарна «за это новое, оригинальное, поэтическое произведеніе превосходнаго таланта г-на Соколовскаго».

Digitized by Google

написаннымъ — стихотвореніемъ. Отвѣтъ посланъ съ «торжища унылаго», изъ «скучнаго ледника» — изъ Вологды, и напечатанъ въ томъ же нумерѣ «Литер. Приб.»; едва ли это не послѣднее стихотвореніе Соколовскаго. Что же касается до лучшаго его произведенія: «Міроздапіе», то оно вышло въ 1837 году *вторымъ изданіемъ* (С.-пб., 32 д. 140 стр. «Міроздапіе. Стихотвореніе Владиміра Соколовскаго»). Современная критика называла «Міроздапіе» — «замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ» тогдашней словесности. «Какъ лирическій поэтъ — писали тогда въ Литер. Приб. (стр. 385) — г. Соколовскій немного имѣетъ соперниковъ въ нашей литературѣ», и въ доказательство рекомендовалось читателямъ прочесть его «Міроздапіе». «На «Библіи», какъ на краеугольномъ камнѣ, г. Соколовскій соорудилъ прекрасное зданіе. Однакожъ, муза его, заимствуя изъ «Библіи» основную мысль, распространяетъ ее, а не перелагаетъ буквально, какъ то дѣлали многіе изъ нашихъ поэтовъ. Философія, озаренная свѣтомъ Откровенія, идетъ рука объ-руку въ «Міроздапіи»... Рецензентъ этого стихотворенія находитъ въ немъ «красоты, достойныя Микель-Анджело» — и отказывается выписывать изъ него отрывки, такъ-какъ, говоритъ онъ: «выбирать изъ такого творенія, какъ «Міроздапіе», невозможно: всякое мѣсто въ немъ, всякій стихъ дышетъ высокою, святою поэзіею»... «Это драгоцѣнный перлъ нашей литературы» и проч. Все это, если мы теперь перечтемъ «Міроздапіе» Соколовскаго, окажется слишкомъ преувеличеннымъ, но въ то время подобные отзывы были вполнѣ искренни, и соотвѣтствовали тогдашнимъ понятіямъ о достоинствахъ лирическихъ произведеній [1]. Нельзя, между прочимъ, не упомянуть здѣсь, что второе изданіе своего стихотворенія, авторъ продалъ какому-то тогдашнему аферисту-книгопродавцу за 100 р. асигнаціи!

Во всякомъ случаѣ, жизнь и литературная дѣятельность такихъ писателей, какъ Баратынскій, А. Бестужевъ, Соколовскій, Полежаевъ, А. И. Одоевскій, Шишковъ 2-й, и нѣсколько другихъ *звѣздочекъ* второй или третьей величины во многомъ отношеніи интересны, и прежде всего интересны для исторіи нашего общества, въ разные моменты его существованія. Нельзя не пожалѣть,

[1] Чтобъ судить о тогдашнихъ воззрѣніяхъ большинства читающей публики на произведенія словесности вообще, достаточно вспомнить, напримѣръ, какъ восторженно принимались тогда публикой и осыпаемы были похвалами критиковъ сочиненія А. А. Бестужева (Марлинскаго), которыя нѣсколько лѣтъ спустя оказались столь несостоятельными предъ судомъ Бѣлинскаго. Восторженный отзывъ о соч. Марлинскаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, грустный вопль надъ его могилой вылился изъ-подъ пера П. П. Каменскаго, который едва-ли не былъ единственный писатель, печатно высказавшій тогда свою печаль о смерти А. А. Бестужева (см. Лит. Прибав. на 1837 г. № 32 стр. 315).

Digitized by Google

что о названныхъ нами лицахъ и имъ подобныхъ дѣятеляхъ, рѣдко гдѣ можно найдти у насъ нѣсколько страницъ или даже строкъ; между тѣмъ, эти люди, одаренные талантами, боролись со всѣми невзгодами житейскими, и ненадѣленные желѣзною волею и характеромъ, нерѣдко оказывались безсильными противостать тѣмъ невзгодамъ, которыя вогнали и этихъ дѣятелей въ могилу.

Для біографіи поэта Соколовскаго, приведемъ отрывки изъ его письма къ А. Н. Креницыну:

26-го іюля, 1837. вечеръ.

«Cher Alexandre!

«Если я поставилъ знакъ удивленія, такъ это вовсе не значитъ, чтобъ я чему-нибудь удивлялся — просто: между людьми необыкновенными, должно быть что нибудь удивительное.

«Вчера я былъ у графа Ѳедора Петровича [1]. Онъ продержалъ меня до трехъ часовъ.

«Одинъ какой-то разсмѣшилъ, сказавъ нѣмецкую пословицу. «Да! правду говоритъ нѣмецкая пословица, что счастье Glück, а несчастье Unglück».

«Одному пришлось разсказывать о расквашенномъ носѣ. Какъ слово: расквашенный — mauvais genre, такъ онъ сказалъ: раздраженный. Sic!

«Еще нѣсколько разныхъ шутокъ — и вечеръ кончился.

«Сегодня я написалъ финалъ для ораторіи Глинки. Твои стихи [2] пойдутъ входъ когда управлюсь съ Альмой, а съ Альмой едвали я не управлюсь на дняхъ. Одно небо знаетъ, сколько было у меня хлопотъ съ этой барышней, и всякій другой на моемъ мѣстѣ, если не лопнулъ, то вѣрно-бы по крайности треснулъ съ досады —

Но мудрецу быть надо стойку—
А какъ и я благимъ Творцомъ
Отчасти созданъ мудрецомъ,
То за напойкою напойку
Какъ-будто вкладъ, какъ-будто вносъ,
Препровождалъ я чинно въ носъ!

«Впрочемъ, я мало нюхаю табаку, и пишу это для риѳмы.

«Ну-съ! и такъ ты теперь въ Великихъ Лукахъ? Какъ бы я хотѣлъ взглянуть на тебя!... Я всѣ мысли мои

---

[1] Толстаго.

[2] Рѣчь идетъ о стихахъ А. Н. Креницына — на смерть Пушкина, которые мы привели выше; въ свое время, какъ мы уже сказали, они не были напечатаны.

Digitized by Google

Напрягъ, какъ напрягаютъ луки,—
И рвусь въ Великія-Луки,
И жадно простираю руки
Къ пожатіямъ твоей руки.

«Пожалуйста, отвѣчай мнѣ хоть нѣсколько строчекъ на эту гиль...

А я исправленъ, точно къ сватьбѣ,
Хоть мнѣ и нечево скрывать,
Что я бъ хотѣлъ попировать,
Съ тобою, другъ, въ твоей усадьбѣ;
Но, впрочемъ, говоря честно,
Я, отличась на удивленье,
Съумѣлъ, сударь, на днихъ умно
Перемѣнить все поведенье:
Я мало пью, и мало ѣмъ,
Бываю дома безотлучно,
И даже ночью, а затѣмъ
Все обстоитъ благополучно!

«Къ довершенію счастія, я сыскалъ доктора, который лечитъ отъ попоекъ.

«Прощай! Вообрази, какая досада: завтра бриться!... твой искренно преданный В. Соколовскій».

Заключимъ нашу замѣтку слѣдующимъ отзывомъ о Соколовскомъ одного изъ товарищей поэта, по тому несчастію, которое постигло ихъ въ 1834 году.

«Соколовскій, авторъ «Міроздания», «Хевери» и другихъ, довольно хорошихъ стихотвореній, имѣлъ отъ природы большой поэтическій талантъ, но не довольно дико-самобытный, чтобъ обойтись безъ развитія, и не довольно образованный, чтобъ развиться. Человѣкъ благородный, поэтъ въ жизни, онъ вовсе не былъ политическимъ человѣкомъ. Онъ былъ милъ, забавенъ, любезенъ, веселый товарищъ въ веселыя минуты, bon vivant, любившій покутить и поразвратничать, какъ мы всѣ, можетъ немного больше.

«Ему было (въ 1835 году) за тридцать лѣтъ. Сочиненія его тогда были въ модѣ, ему платили хорошія деньги, но онъ всегда былъ безъ гроша. Въ первыя сутки онъ проигрывалъ все полученное»...

М. И. С.

ДОСТОВѢРНЫЯ СВѢДѢНІЯ О ГОДѢ РОЖДЕНІЯ КАРАМЗИНА, 1 ДЕКАВРЯ 1766, А НЕ 1765.

Въ *Сѣверной Пчелѣ*, № 65, отъ 22 марта 1861, стр. 260, столб. 3, напечатана слѣдующая моя замѣтка. Я показывалъ ее князю Петру Андреевичу Вяземскому, и онъ подтвердилъ точность этой замѣтки. Сообщаю ее вновь въ *Отечественныя За-*

Digitized by Google

писки, для перепечатанія, съ тою цѣлію, чтобы *не повторялись* болѣе *невѣрныя* указанія о годѣ рожденія нашего знаменитаго писателя.

5 іюля 1865.

Вотъ эта замѣтка:

Нѣкоторые біографы ошибочно полагаютъ, что Карамзинъ родился 1 декабря 1765 года, то-есть въ тотъ самый годъ, въ который скончался Ломоносовъ.

Карамзинъ и самъ сдѣлалъ эту ошибку; но, впослѣдствіи, во второмъ изданіи своихъ *Сочиненій* (Москва, 1814, въ типогр. Селивановскаго); онъ ее поправилъ.

Въ *Письмахъ Русскаго Путешественника*, появившихся въ первый разъ въ *Московскомъ журналѣ*, Карамзинъ говоритъ:

«Женева, декабря 1-го, 1789. Нынѣ минуло мнѣ *двадцать четыре года!* Въ шесть часовъ утра вышелъ я на берегъ Женевскаго озера, и устремивъ глаза на голубую воду его, думалъ о жизни человѣческой!» (Московскій Журналъ, іюнь 1792. часть 6, стран. 338).

Если 1-го декабря 1789 года Карамзину минуло *24 года*, то онъ родился 1765.

То же повторено и въ 1797, 1802 и 1803 годахъ, а именно:

1) въ отдѣльномъ изданіи *Писемъ Русскаго Путешественника*. Москва, часть 3, 1797, стран. 298;

2) въ *Письмахъ Русскаго Путешественника*, помѣщенныхъ во второмъ изданіи *Московскаго Журнала*, часть 6, 1802, стр. 323;

3) и въ *Сочиненіяхъ Карамзина*. Москва. 1803, томъ 3, стр. 297.

Но Карамзинъ во второмъ изданіи своихъ *Сочиненій*, напечатанныхъ въ Москвѣ въ 1814 году, томъ 3, на стр. 256, сдѣлалъ слѣдующую поправку:

«Женева, декабря 1-го, 1789.

«Нынѣ минуло мнѣ *двадцать три года.*»

Это повторено и въ послѣдующихъ изданіяхъ *Сочиненій Карамзина*, изданіе 3-е, Москва, 1820, часть 3, стр. 195; изданіе 4-е, С.-Петербургъ, 1834 часть 3, стр. 175, и изданіе Смирдина, 1848, томъ 2, стр. 337.

Если принять въ соображеніе поправку, сдѣланную Карамзинымъ въ изданіи 1815 года, то ему было, когда онъ находился въ Женевѣ, *23 года* и, слѣдовательно, онъ родился 1 декабря 1766, а не 1765, какъ означаютъ ошибочно нѣкоторые біографы.

С. П—ій.

С.-Петербургъ.
19-го марта 1865.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google